ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

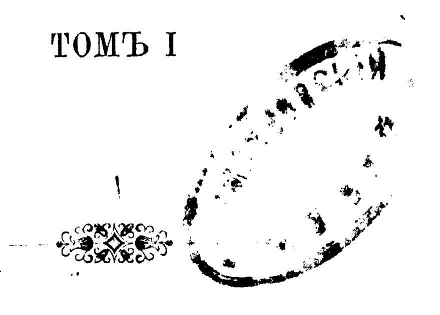
ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ

Фр. ГЕЛЬВАЛЬДА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Художника КЕЛЛЕРА-ЛЕЙЦИНГЕРА

ТОМЪ I



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1883

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ПЛЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ

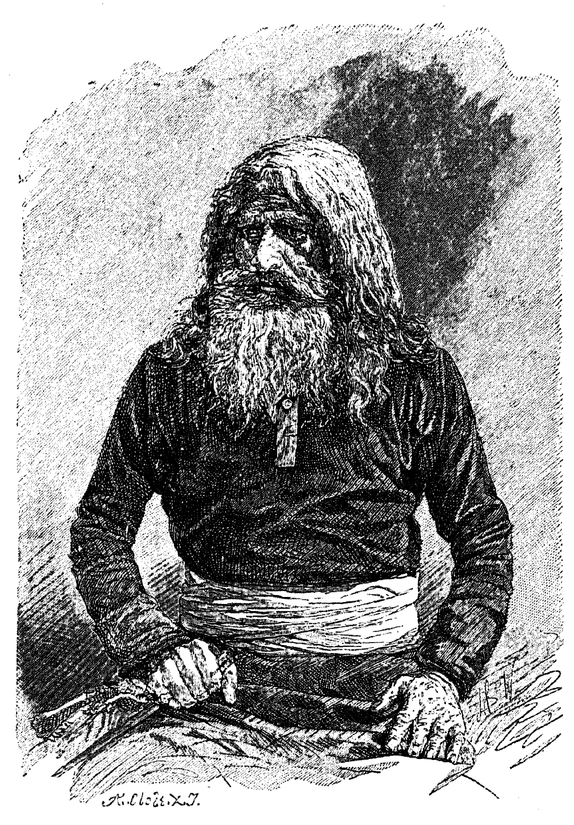
ТОМЪ I

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ увеличеніемъ нашихъ знаній въ землевѣденіи, должны были неизбѣжно расшириться и наши этнографическія свѣдѣнія. Еще не-

далеко то время, когда предполагали, что наша планета населена нѣсколькими единичными племенами, которыя обыкновенно соединяли въ большія группы подъ общими собирательными именами. Но съ открытіемъ новыхъ невѣдомыхъ странъ приходилось все болѣе и болѣе убѣждаться, что эти страны служатъ мѣстомъ жительства значительнаго множества народовъ, отличныхъ другъ отъ друга по физическимъ свойствамъ, языку, вѣрованіямъ и нравамъ.



Индѣйскій факиръ.

Введеніе порядка и ясности въ этомъ калейдоскопѣ составляетъ главную задачу народовѣдѣнія, или этнологіи, которая издавна выработалась въ отдѣльную и самостоятельную отрасль знанія; несмотря на сравнительную молодость этнологіи и всѣ тѣ затрудненія, съ которыми ей приходится бороться, ея важное значеніе всѣми признано въ настоящее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ около сорока лѣтъ тому назадъ англичанинъ Джемсъ Коулесъ Прихардъ издалъ свое знаменитое сочиненіе „Natural history of man“, составляющее эпоху въ исторіи изученія народовъ, такъ какъ здѣсь впервые наглядно объяснено, въ чемъ заключается сущность этнологіи. Само собою разумѣется, что въ послѣднія десятилѣтія этнологія не только обогати-

Даяки на охотѣ за черепами.

Крестьянка изъ Сеговіи.

лась фактическими данными, но обратила вниманіе и на тѣ стороны народной жизни, которыя прежде ускользали отъ ея наблюденій. Въ настоящее время она обладаетъ такой массой разнороднаго матеріала,

Сборъ финиковъ въ Аликанте.

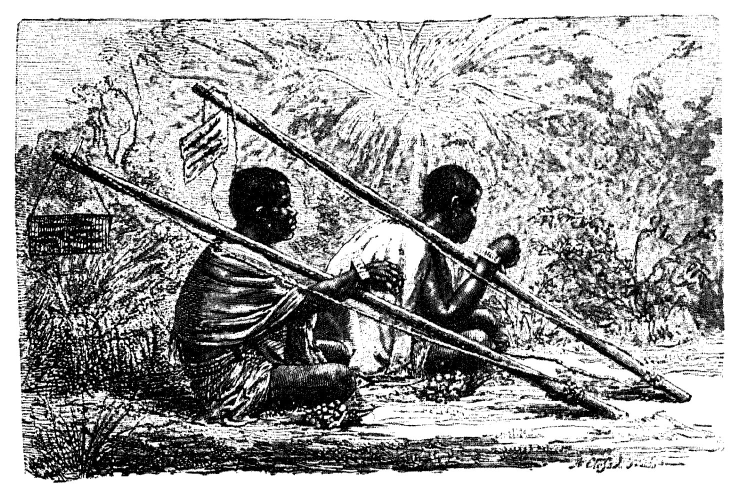
охватывающаго столько сторонъ повседневной жизни, что этнографическія свѣдѣнія сдѣлались необходимыми для всякаго образованнаго человѣка. Не зная этнологіи, мы не можемъ сдѣлать разумной оцѣнки политическихъ событій; безъ этнологіи не мыслимо пониманіе историческаго развитія націй и здравая историческая критика; одна этнологія даетъ намъ возможность понять особенности того или другого народа и уловить идеальныя стремленія въ исторіи человѣчества.

Этнологія находится еще въ первоначальномъ періодѣ своего раз-

витія, что и служитъ лучшимъ объясненіемъ, почему мы до сихъ поръ не имѣемъ вполнѣ установленной этнологической системы. При несовершенствѣ человѣческихъ знаній вообще, умъ нашъ часто оказывается безпомощнымъ передъ великой задачей классификаціи, съ

Дѣвушка изъ Озака.

какою бы областью естественныхъ явленій намъ не приходилось имѣть дѣло. Чѣмъ глубже погружаемся мы въ бездну науки, тѣмъ болѣе сглаживаются и исчезаютъ для насъ характерные признаки, которые при болѣе поверхностномъ знаніи, повидимому, отдѣляютъ прошлое отъ настоящаго и служатъ для наблюдателя отличіемъ одного объекта отъ другого. Всѣми признано, что въ необъятныхъ рамкахъ природы



Сіамскіе узники, сосланные въ колоніи.

вообще нѣтъ никакихъ рѣзкихъ границъ и что скорѣе по времени, нежели по пространству, существуютъ безконечные переходы отъ низшихъ формъ къ высшимъ и обратно. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ тѣ явленія, которыя признаются несомнѣнными въ органической природѣ, вполнѣ примѣнимы къ человѣку, хотя и самому благородному, но все-же созданію природы. Какъ между отдѣльными личностями, такъ и между народами и племенами, господствуютъ такія пестрыя разновидности и вмѣстѣ съ тѣмъ такое тѣсное сродство, что ни одна изъ попытокъ классификаціи, или, лучше сказать, научнаго раздѣленія, не могла имѣть прочнаго успѣха и достигнуть значенія общепринятой научной системы.

Рука знатнаго аннамита.

Японская знатная дама.

Знатная дама изъ Бопы и ея дочь.

Мы считали не лишнимъ познакомить заранѣе нашихъ читателей съ основными положеніями новаго сочиненія Фридриха Гельвальда, которое онъ, подобно книгѣ своего предшественника, англичанина Прихарда, назвалъ „Естественной исторіей племенъ и народовъ“. Здѣсь равнымъ образомъ человѣкъ является, какъ высшее и самое значительное созданіе природы въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Авторъ не считаетъ возможнымъ въ своемъ изложеніи придерживаться какого-либо особеннаго научно-этнологическаго построенія, при которомъ не остается другого выбора, какъ примкнуть къ одной изъ существующихъ теорій, или создать новую, настолько же неудобную и нецѣлесообразную. Но само собою разумѣется, что это ни въ какомъ случаѣ не должно служить препятствіемъ къ изученію въ высшей степени важныхъ отношеній сродства и связи на почвѣ существующихъ наблюденій, во главѣ которыхъ стоятъ такіе извѣстные изслѣдователи, какъ Фр. Миллеръ и Оскаръ Пешель. Послѣдній въ своей „Этнологіи“ провелъ во всей строгости ученіе о происхожденіи видовъ, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе усиливающееся значеніе въ естественныхъ наукахъ; на тѣхъ же основаніяхъ построена и „Общая Этнологія“ Фр. Миллера, такъ что мы въ правѣ ожидать не менѣе строгаго и послѣдовательнаго изложенія теоріи развитія видовъ у автора, который извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ новаго ученія. Книга Гельвальда „Естественная исторія племенъ и народовъ“ составитъ два большихъ тома, приблизительно пятьдесятъ печатныхъ листовъ. Авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на степень развитія культуры отдѣльныхъ народовъ и племенъ, начиная отъ низшихъ, до высшихъ и самыхъ развитыхъ. Желая при этомъ по возможности придать характеръ единства своей книгѣ, онъ придерживается географической группировки народовъ. Такимъ образомъ, онъ прежде всего описываетъ Австралію съ ея дикими обитателями, стоящими на самой низкой степени цивилизаціи, а Европа, съ ея богатой культурной жизнью высоко развитыхъ націй, составляетъ заключеніе книги. Авторъ последовательно ведетъ читателя изъ Австраліи черезъ океаническіе острова въ Америку, къ арктическимъ эскимосамъ, затѣмъ, черезъ Атлантическій океанъ къ негритянскимъ обитателямъ „черной части свѣта“ (Африки). Этнологія Азіи и Европы, которыя имѣютъ между собою наиболѣе тѣсную связь, занимаетъ собою вторую часть сочиненія. При этомъ авторъ поставилъ себѣ главной задачей примѣненіе сравнительнаго метода, такъ какъ всякое знаніе только тогда плодотворно, когда путемъ сравненія однородныхъ предметовъ получаются

Жница изъ Орловской губерніи.

Японская знатная дама.

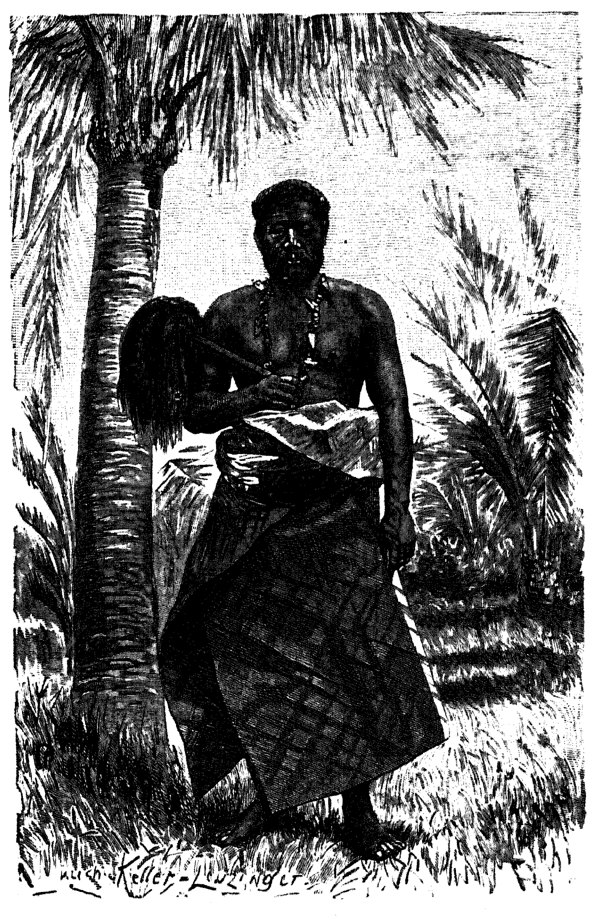
Арабскій нищій.

въ результатѣ извѣстные научные выводы. Въ заключеніи онъ дѣлаетъ общій историческій обзоръ изслѣдованій въ области этнологіи, благодаря которымъ наука эта доведена до ея современнаго состоянія.

Крестьянка изъ окрестностей Аликанте.

Книга Фр. Гельвальда написана съ свойственной ему ясностью изложенія. Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ ссылается здѣсь на источники, которыми ему приходилось пользоваться, что̀ значительно облегчаетъ трудъ дальнѣйшаго изученія этого любопытнаго матеріала для лицъ, интересующихся наукой. Считаемъ также нелишнимъ замѣтить, что авторъ въ продолженіи многихъ лѣтъ занимался тщательнымъ изученіемъ этнографіи; поэтому мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что въ его книгѣ описано бо̀льшее количество племенъ и народовъ, нежели въ любомъ изъ немногихъ

изданныхъ до сихъ поръ сочиненій этого рода. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вполнѣ законченномъ описаніи, что понятно всякому, кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе объ этнологіи.



Глава племени съ острововъ Самоа.

Талантливый авторъ нашелъ достойнаго иллюстратора для своей „Естественной исторіи племенъ и народовъ“ въ лицѣ художника Келлера-Лейцингера, который взялся сдѣлать рисунки, необходимые для нагляднаго объясненія этнологіи, и отсутствіе которыхъ составляетъ существенный недостатокъ большинства подобныхъ сочиненій. Г. Келлеръ-Лейцингеръ изобразилъ не только типы расъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ, преимущественно по фотографическимъ снимкамъ съ натуры, но и предметы домашней жизни, о которыхъ нельзя составить себѣ полнаго представленія безъ соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Погонщикъ быковъ изъ Сеговіи.

АВСТРАЛІЙСКІЕ ТУЗЕМЦЫ.

Общій обзоръ.

Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ изслѣдованія, начиная съ древнихъ временъ, не позволяютъ намъ сказать съ увѣренностью, гдѣ и когда произошолъ человѣкъ, высшее и самое законченное произведеніе природы; и мы должны ограничиться одними предположеніями. Одно кажется несомнѣннымъ, что онъ постепенно и мало по малу развивался изъ цѣлаго ряда ~~высшихъ~~ жизненныхъ формъ, такъ какъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ насъ масса найденныхъ фактическихъ указаній. Въ природѣ ничто не находится въ готовомъ и зрѣломъ состояніи; все, по видимому, развивается

въ ней медленно, изъ незначительныхъ зачатковъ; и человѣкъ, какъ всякій другой организмъ, всецѣло подчиняется господствующему и всѣми признанному закону прогрессивнаго развитія.

Не имѣя никакихъ точекъ опоры и данныхъ для сравненія, мы не можемъ составить себѣ вѣрной картины о первобытномъ состояніи человѣка. Даже самые грубые изъ нынѣ существующихъ дикарей достигли высшей степени культуры, нежели та, которую можно приписать первобытному человѣку, хотя и тогда онъ былъ наиболѣе развитымъ организмомъ среди окружающей природы. Однако и между нашими современниками мы можемъ считать наиболѣе близкими къ „первобытному человѣку" тѣхъ изъ нихъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ наименьшую сумму отличительныхъ признаковъ „культурнаго человѣка" и которые въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ всего больше подходятъ къ животному міру. Если-же при этомъ мы встрѣчаемъ подобныхъ людей въ какой-нибудь завѣдомо древней мѣстности земнаго шара, то это можетъ только утвердить насъ въ вышеупомянутомъ предположеніи.

На этомъ основаніи, Австралія, какъ издавна обособившійся материкъ, на которомъ до сихъ поръ сохранилась древнѣйшая фауна, по отношенію къ человѣку имѣетъ такое важное этнологическое значеніе, что можетъ служить наилучшей исходной точкой для естественной исторіи народовъ, которая не признаетъ человѣка за нѣчто отдѣльное отъ великаго цѣлаго природы и поставила себѣ задачей доказать всю несостоятельность попытокъ подобнаго обособленія. Древнѣйшій материкъ земли заключалъ въ себѣ и самыя древнія формы млекопитающихъ, и можно съ увѣренностью принять мнѣніе Пешеля, признающаго австралійцевъ самыми древними людьми. Представьте себѣ, говоритъ онъ, какого-нибудь субъекта, никогда не видавшаго розъ, который, встрѣтивъ группу кустарниковъ этого растенія въ позднемъ періодѣ произрастанія, находитъ, одновременно съ зрѣющими плодами, увядшіе цвѣты и цвѣты во всѣхъ стадіяхъ развитія, раскрывающіяся и еще закрытыя почки, побѣги съ утолщенными узлами и даже новые глазки въ пазухахъ листьевъ. Если онъ тщательно прослѣдитъ постепенность переходовъ, то передъ нимъ раскроется весь ходъ жизни растенія: прошлое, настоящее и будущее, которыя здѣсь не слѣдуютъ одно за другимъ, а встрѣчаются совмѣстно. Но, если въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду только послѣдовательную перемѣну формъ, то можемъ прямо сказать, какъ бы это ни казалось страннымъ, что плодъ моложе розы, а роза моложе почки, потому что плодъ образовался послѣ цвѣтка, а цвѣтамъ предшествовало листообразное распуханіе почекъ. Такъ, въ морфологическомъ смыслѣ мы могли бы во всякомъ случаѣ назвать мальчика, сравнительно съ старикомъ, болѣе раннимъ явленіемъ. Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и извѣстное изреченіе египетскаго жреца,

который возражаетъ Солону въ комедіи Платона*) „Тимей:“ Вы, эллины, все еще дѣти! потому что греки временъ Солона могли казаться строителямъ пирамидъ юнымъ народомъ, только что вышедшимъ изъ зачаточнаго состоянія. Мы надѣемся, говоритъ въ заключеніи Пешель, что, послѣ приведенныхъ здѣсь сравненій, нашимъ читателямъ будетъ вполнѣ понятно, на какомъ основаніи мы называемъ австралійцевъ самымъ древнимъ изъ извѣстныхъ намъ народовъ... Но, прежде чѣмъ мы займемся состояніемъ ихъ умственнаго развитія и общественными условіями жизни, считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на австралійцевъ, сравнительно съ ихъ сосѣдями.

Землевѣденіе не даетъ намъ никакого общаго имени, для обозначенія австралійскаго материка и множества острововъ, разбросанныхъ далеко на востокъ по Великому Океану и совершенно различныхъ по формѣ, протяженію и органической жизни. Равнымъ образомъ и люди, живущіе въ этомъ замѣчательномъ пунктѣ нашей планеты, не носятъ на себѣ отпечатка единства, а, напротивъ, по своимъ тѣлеснымъ признакамъ, языку и нравамъ, заставляютъ признать въ нихъ совершенно опредѣленныя группы, семейства и расы. Не менѣе поражаетъ насъ и то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ у нихъ чрезвычайно ясно выраженныя различія въ цвѣтѣ кожи. Обитательницы острововъ Таити, Маркизскихъ и нѣкоторыхъ другихъ частей Полинезіи или Океаніи—какъ обыкновенно называютъ область острововъ въ отличіе отъ Австраліи, континентальной и сплошной массы земли, не уступаютъ нашимъ европейскимъ красавицамъ въ бѣлизнѣ цвѣта кожи. Никому и въ голову не придетъ искать сродства между этими совершенными по формѣ людьми и темнокожими (цвѣтными), нерѣдко отталкивающими фигурами жителей внутренней Австраліи. Но даже между чернымъ населеніемъ материка и многихъ острововъ замѣтны ясныя различія. Прежде всего мы встрѣчаемъ курчавыхъ папуасовъ, преимущественно живущихъ на большомъ островѣ, Новой Гвинеѣ, плохо изслѣдованномъ, и только по однимъ окраинамъ. Ихъ область простирается приблизительно отъ Тимора и Флореса на западѣ, до острововъ Фиджи на востокѣ, особенно, если мы признаемъ за ихъ родичей нѣкоторыя племена на остъ-индскихъ остравахъ. Равнымъ образомъ, жители Новой Каледоніи и сосѣднихъ съ нею острововъ, какъ, напримѣръ, Лифу, Маре, Увеа, Кунай, по крайней мѣрѣ, по языку, должны быть причислены къ папуасамъ. Затѣмъ слѣдуютъ близкіе съ ними собственно австралійцы, образующіе, по мнѣнію большинства ученыхъ, особую группу. Они положительно не имѣютъ

*) Платонъ, греческій поэтъ, современникъ Аристофана, пріобрѣлъ извѣстность, благодаря своимъ изящнымъ драматическимъ произведеніямъ. Онъ жилъ около 440-хъ годовъ до Р. Х. Изъ написанныхъ имъ комедій уцѣлѣло нѣсколько отрывковъ. (Прим. перев.).

ничего общаго съ африканскими неграми; поэтому мы считаемъ за лучшее избѣгать общеупотребительнаго, но невѣрнаго названія „австралійскіе негры“. Меланезійцы, составляющіе по языку нѣчто среднее между свѣтлокожими полинезійцами и азіатскими малайцами, представляютъ собою помѣсь малайской и папуасской расъ. Они встрѣчаются совмѣстно съ жителями Новыхъ Гебридовъ и Соломоновыхъ острововъ, въ Микронезіи, т. е. на роѣ безчисленныхъ маленькихъ островковъ, оживляющихъ Океанъ къ сѣверу отъ экватора, между Новой Гвинеей и южнымъ берегомъ Японіи. Къ черному же типу принадлежали и вымершіе тасманцы, о происхожденіи которыхъ до сихъ поръ идутъ споры, такъ какъ одни причисляютъ ихъ къ папуасамъ Новой Гвинеи, другіе—къ австралійцамъ.

Что касается собственно австралійцевъ, то несомнѣнно, что они стоятъ на самой низкой степени человѣческой культуры. Они отличаются отъ своихъ ближайшихъ родичей, ново-гвинейскихъ папуасовъ, не только рѣзкими расовыми отличіями,—шелковистыми волосами, густой бородой и чертами лица, но и полнымъ незнакомствомъ съ главнымъ оружіемъ папуасовъ: стрѣлами и лукомъ, такъ что опытный глазъ легко различитъ австралійцевъ полуострова Іорка отъ геркулесовскихъ фигуръ единичныхъ выходцевъ Новой Гвинеи. Но еще отдаленнѣе ихъ сродство съ малайцами и полинезійцами, такъ что извѣстный естествоиспытатель и знатокъ австралійскаго міра, Альфредъ Россель Уоллэсъ, приходитъ къ заключенію, что австралійцы, подобно, явленіямъ растительнаго и животнаго царства ихъ родины представляютъ собою остатки доисторической и совершенно особой расы. Это кажется ему тѣмъ вѣроятнѣе, что въ ихъ дикомъ быту замѣчается отсутствіе поразительнаго множества самыхъ необходимыхъ предметовъ. Сообразно съ этимъ, Уоллэсъ считаетъ австралійцевъ за первобытную расу, которая была уничтожена въ другихъ странахъ различными, слѣдовавшими одна за другой волнами сравнительно болѣе культурныхъ племенъ, выступившихъ изъ ихъ первоначальнаго мѣста жительства. Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ за ихъ ближайшихъ родичей дикіе горные народы центральной Индіи, съ которыми они схожи по наружному виду, а также до извѣстной степени и по языку. Подобно большинству англійскихъ этнологовъ, онъ не видитъ смысла въ дѣленіи нынѣшнихъ австралійцевъ на двѣ расы. Того-же мнѣнія придерживаются Пешель и Фридрихъ Миллеръ. Послѣдній считаетъ вѣроятнымъ, что многочисленныя племена, на которыя распадается австралійская раса, составляютъ только одно семейство, такъ какъ, несмотря на значительныя отклоненія въ нравахъ и языкѣ, ясно выступаетъ полнѣйшее соотвѣтствіе различныхъ племенъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Тѣмъ не менѣе, французскіе ученые защищаютъ и, я думаю, не безъ основанія, присутствіе различныхъ расъ на австралійской почвѣ. Такъ, А. Катрфажъ полагаетъ, что Австралія по-

лучила многіе элементы своего населенія изъ Новой Гвинеи. Другой солидный ученый П. Топинаръ, послѣ тщательнаго и всесторонняго изученія вопроса, приходитъ къ убѣжденію, что въ Австраліи собственно двѣ расы; одна первоначальная, низкой организаціи, низкаго роста, чернокожая, рунообразная, съ непропорціональными частями тѣла, которая раньше владѣла страной; затѣмъ другая—рослая съ мѣднымъ цвѣтомъ кожи, пропорціонально сложенная, съ гладкими волосами, пришедшая съ сѣвера, которая вытѣснила первую или смѣшалась съ нею, такъ что австралійцы представляютъ собой помѣсь двухъ расъ. Одна изъ нихъ, меланезійская, встрѣчается на ближайшихъ островахъ, другая же гладковолосая раса. (Revue d'Anthropologie, 1872, p. 313). Не во всѣхъ пунктахъ, но въ главномъ, Топинару удалось убѣдить своего противника, англичанина Стенилендъ Уэка, въ справедливости высказаннаго имъ мнѣнія, а именно, что въ настоящее время въ Австраліи дѣйствительно существуютъ совмѣстно два совершенно различные расовые типа. Что-же касается передвиженія австралійскихъ расъ, то, разумѣется, здѣсь нельзя прійдти ни къ какимъ положительнымъ даннымъ; но тѣмъ не менѣе, въ чемъ соглашается и Ф. Миллеръ, „мы можемъ смѣло сказать, что населеніе материка подвигалось съ сѣвера на югъ и что племена, проникшія всего далѣе на югъ, должны быть признаны древнѣйшими, т. е. стоящими на самой первобытной степени культуры.“ (Allgem. Ethnographie. 2. Aufl. Wien, 1879, s. 203). Тотъ же взглядъ проводитъ и Пешель: „Если даже жители Австраліи—говоритъ онъ—и принадлежатъ къ одному людскому роду, то, сравнивая описанія разныхъ племенъ, вы тотчасъ видите, что материкъ былъ занятъ двумя различными народностями, и должно было произойти двойное переселеніе, а именно болѣе раннее и позднѣйшее. Благодаря изысканіямъ Миллера по лингвистическому матеріалу, доставленному Новарской экспедиціей, мы приходимъ къ убѣжденію, что всѣ языки западной, южной и восточной Австраліи, по строенію и богатству словъ, имѣютъ общія родовыя черты и что различія менѣе значительны, нежели можно было ожидать при разбросанности населенія на значительномъ пространствѣ и бродячемъ образѣ жизни племенъ. По ихъ южному мѣсту жительства, обитатели новаго и южнаго Валлиса, Викторіи, южной и западной Австраліи должны считаться первыми пришельцами, и они до извѣстной степени стоятъ также на болѣе низкомъ уровнѣ развитія, нежели туземцы сѣвернаго Квинсленда. Наконецъ, у нихъ не найдено, какъ у племенъ полуострова Карпентарія, бумеранга, оружія съ своеобразнымъ серпомъ, или наугольникомъ; и вообще они менѣе воинственны, нежели сѣверные австралійцы, которые до сихъ поръ противятся попыткамъ путешественниковъ проникнуть въ ихъ землю. Но въ то время, какъ южные австралійцы или покрайней мѣрѣ обитатели водной области были знакомы съ плаваніемъ, западные австра-

лійцы у рѣки Лебяжьей, по свидѣтельству Роберта Брауна, не строили никакихъ судовъ и не умѣли плавать, такъ что для рыбной ловли должны были пользоваться мелководіемъ и лужами, образующимися послѣ морского отлива. Такимъ образомъ, западные австралійцы, по степени своего развитія, всего ближе подходятъ къ зачаточному состоянію человѣческой образованности, и ихъ опять-таки можно считать самыми старыми изъ австралійскихъ племенъ.“ (Ausland. 1867, s. 1012—1013).

По сдѣланнымъ исчисленіямъ, коренное населеніе Австраліи во времена перваго переселенія европейцевъ не превышало 150,000 чел. Съ тѣхъ поръ число это значительно уменьшилось; но тѣмъ не менѣе, гдѣ бы европеецъ ни вступалъ на австралійскую почву, онъ всюду встрѣчаетъ туземцевъ или слѣды ихъ пребыванія. Предполагаютъ, что ихъ общая численность все еще доходитъ до 70,000—80,000, а по другимъ даннымъ едва ли до 50,000; но Уоллэсъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что австралійскій дикарь, отчасти благодаря дурнымъ условіямъ его страны, неблагопріятнымъ для поселенія пришельцевъ, переживетъ островитянъ Маори и Таити, хотя эти послѣднія стоятъ на несравненно высшей степени культуры.

Вообще, въ Австраліи и на прилежащихъ къ ней островахъ изслѣдователю представляется безчисленное множество любопытныхъ и поучительныхъ примѣровъ переселенія высшихъ расъ и ихъ попытокъ къ колонизаціи. Въ сосѣднемъ Малайскомъ архипелагѣ первыми поселенцами были португальцы и испанцы; за ними непосредственно слѣдовали голландцы и англичане. Въ послѣднее время французы водворились въ южномъ океанѣ, на островахъ Новой Каледоніи и Таити. Австралія и Новая Зеландія могутъ служить примѣрами въ высшей степени удавшейся колонизаціи, и сдѣланные ею успѣхи въ достиженіи матеріальнаго благосостоянія на столько-же поражаютъ насъ, какъ и одновременное съ этимъ развитіе Соединенныхъ Штатовъ на западѣ. Наконецъ, мы видимъ здѣсь наплывъ тѣсно сплоченнаго китайскаго населенія. На всѣхъ большихъ и малыхъ островахъ Малайскаго архипелага китайцы издавна составляютъ значительную часть пришлаго населенія, а со времени открытія австралійскихъ золотыхъ розсыпей, они заняли своими поселенія различныя мѣстности пятой части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ южномъ океанѣ встрѣчаются слѣды недавняго распространенія малайцевъ и ихъ языка, къ ущербу менѣе образованныхъ племенъ.

Тѣлосложеніе.

Съ давнихъ поръ жалкія фигуры туземцевъ у пролива Короля Георга и на югозападномъ углу материка принимаются за образцы австралійскихъ людей, которыхъ мы привыкли представлять себѣ ху-

дощавыми, на подобіе скелетовъ, съ узкимъ тазомъ и, даже женщинъ, съ тонкими и слабыми членами тѣла и припухшей нижней частью живота. Между тѣмъ, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, этотъ типъ улучшается внутри материка. Макъ Кинлей нашелъ въ приморской области сѣверо-восточной границы южной Австраліи самыя красивыя племена, которыя онъ когда либо видѣлъ на материкѣ. Лендсборо встрѣтилъ, въ апрѣлѣ 1862 года, подъ 23° ю. ш. (на далекомъ разстояніи отъ берега у рѣки Томсонъ), а Стюартъ—на сѣверѣ, туземцевъ, которыхъ они оба изображаютъ почти одинаковыми словами, какъ стройныхъ людей, одаренныхъ первобытной силой. Равнымъ образомъ племена на берегу Квинсленда, по описанію мѣстныхъ поселенцевъ, отличаются красивымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ (Peschel, Völkerkunde. Leipzig, 1874, s. 348). Изъ этого мы видимъ, что между австралійскими туземцами встрѣчаются настоящія красавцы, которые „могли бы служить моделью для статуи Аполлона“, и сильные, хорошо сложенные атлеты, что составляетъ рѣзкое противорѣчіе съ описаніями другихъ путешественниковъ.

Мы обязаны первыми свѣдѣніями объ австралійцахъ британскому моряку Вилльяму Дампьеру, который высадился, 4-го января 1688 года, у Новой Голландіи (какъ вообще называли прежде австралійскій материкъ), подъ 16°50′ ю. ш., а именно у сѣверо-западнаго берега. Онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ туземцевъ на своемъ безъискусственномъ языкѣ: „У нихъ большое, длинное и гибкое туловище и члены тѣла, толстая голова, круглый лобъ и густыя брови. Вѣки ихъ постоянно полузакрыты изъ-за мухъ, чтобы они не залѣзли въ глаза, потому что здѣсь онѣ до того невыносимы, что ихъ нельзя отогнать никакимъ вѣеромъ, и, если не защищать лицо обѣими руками, то мухи влѣзли бы въ ноздри и даже въ ротъ, если вы не закрыли губъ. Въ этомъ заключается причина, почему эти люди, которыхъ съ дѣтства мучатъ гады, не открываютъ глазъ, какъ другіе люди, и не могутъ иначе смотрѣть въ даль, какъ поднявъ голову, такъ что кажется, будто бы они хотятъ увидѣть то, что надъ ними. У нихъ большой носъ, толстыя губы и огромный ротъ. Я не знаю, намѣренно-ли выдернуты у нихъ два передніе зуба верхней челюсти, но вѣрно то, что у всѣхъ недостаетъ этихъ зубовъ: у мужчинъ, женщинъ, стариковъ и молодыхъ. Они не имѣютъ бородъ; лица ихъ длинныя и очень некрасивыя съ виду, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которая могла бы кому нибудь понравиться. Волоса у нихъ черные, короткіе и курчавые, подобно маврамъ, но не длинные и гладкіе, какъ вообще у индѣйцевъ Ихъ лица и другія части тѣла совершенно черны, какъ у гвинейскихъ мавровъ“. (Neue Beise um die Welt. Переведено съ англійскаго на французскій и даже на сѣверо-германскій языкъ. Leipzig, 1708, s. 853—844.

Почти не подлежитъ сомнѣнію, что австралійскій типъ далеко не такъ однообразенъ, какъ обыкновенно предполагаютъ, и въ этомъ главнымъ образомъ заключается причина тѣхъ рѣзкихъ разногласій, какія встрѣчаются въ описаніяхъ путешественниковъ. Племена, преимущественно отличающіяся другъ отъ друга физическими свойствами, зачастую не болѣе сходны между собой, какъ фризы съ аллеманнами и фламандцы съ провансальцами. По свидѣтельству большинства изслѣ-

дователей, западныя племена, занимающія, какъ сказано выше, низшую ступень цивилизаціи и, слѣдовательно, „самыя старыя“, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются въ физическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже южныхъ и юговосточныхъ племенъ, которыхъ въ свою очередь превышаютъ жители Квинсленда. Такимъ образомъ, мы здѣсь впервые приходимъ къ выводу, что умственное и тѣлесное развитіе идутъ рука объ руку, и найдемъ подтвержденіе этого въ многочисленныхъ доказательствахъ, которыя намъ прійдется привести при дальнѣйшемъ изложеніи нашихъ наблюденій. Чтобы убѣдиться, насколько это положеніе примѣнимо къ австралійцамъ, мы должны сдѣлать подробную характеристику ихъ внѣшнихъ признаковъ, хотя вполнѣ сознаемъ, что при настоящемъ, крайне скудномъ положеніи нашихъ знаній едва ли мыслимо физическое описаніе, которое одинаково подходило бы ко всѣмъ австралійцамъ. Такого рода попытку уже сдѣлалъ Гале, лингвистъ американской экспедиціи, капитанъ командора Вилька. Помимо затронутаго нами вопроса, принадлежатъ ли австралійцы одной или многимъ расамъ,—несомнѣнно слѣдуетъ принять во вниманіе указанное Топинаромъ существованіе двухъ совершенно различныхъ типовъ. При этомъ мы прежде всего приведемъ слова Гале, такъ какъ его авторитетъ признанъ нѣмецкими этнографами. По свидѣтельству американскаго ученаго, „австралійцы—средняго роста, рѣдко выше 1,83 м. и ниже 1,52 м., съ тонкимъ туловищемъ, длинными руками и ногами; нѣкоторыя племена хорошо упитаны и недурны собою, но большинство чрезвычайно худощаво и съ выдающимся впередъ животомъ. Форма ихъ лица представляетъ нѣчто среднее между неграми и малайцами. Лобъ узкій, иногда подавшійся назадъ, но чаще высокій и выпуклый; глаза маленькіе, черные, глубоко сидящіе въ глазныхъ впадинахъ; носъ сверху приплюснутый, снизу широкій и орлинообразный; кости скулъ и челюстей выдающіяся впередъ и съ отступающимъ подбородкомъ; ротъ большой, съ толстыми губами и крѣпкими хорошими зубами. Черепъ вытянутый въ длину, необыкновенно толстый и сидящій на короткой шеѣ. Волоса длинные, тонкіе, но разнообразные и бо̀льшею частью всклоченные, вслѣдствіе небрежнаго ухода, и при этомъ—нерѣдко блестящаго чернаго цвѣта, но еще чаще темнокоричневые. Все тѣло обильно покрыто волосами; борода густая. Преобладающій цвѣтъ темношоколадный съ красноватымъ оттѣнкомъ, а также черный и свѣтлѣе“. (Gerland bei Waitz. Anthropologie der Naturvölker, Leipzig, 1872. VI Bd. s. 708). Почти или даже отчасти совершенно тождествены съ этимъ общія описанія австралійцевъ у Пешеля и Миллера, но послѣдній добавляетъ, что все это главнымъ образомъ относится къ жителямъ южнаго побережья, гдѣ туземцы были совершенно изолированы и не имѣли никакихъ сношеній съ другими народами. По его словамъ, на сѣверѣ и западѣ материка должны встрѣчаться типы, которые во многихъ отношеніяхъ

отличаются отъ вышеописанныхъ, что можно объяснить рано обнаружившимся здѣсь вліяніемъ малайцевъ. „Если у полуострова Кобурга (въ сѣверной Австраліи)—говоритъ Пешель — также встрѣчаются у туземцевъ прямые волосы и косо-лежащіе глаза, то эти признаки можно приписать помѣси съ малайцами, которые являются сюда для ловли трепанговъ. Многіе туземцы говорятъ по макассарски, и, кромѣ того, присутствіе малайцевъ доказываютъ надписи на скалахъ съ бугинейскими или макассарскими буквами“. (Völkerkunde, s. 339). Почти то-же говоритъ Миллеръ, который приписываетъ физическій ростъ и развитіе мускуловъ у австралійцевъ главнымъ образомъ употребляемой ими пищѣ (что положительно отвергаетъ Топинаръ). Онъ видитъ въ этомъ причину, почему на берегу моря и у рѣкъ, гдѣ у туземца подъ рукой источники лучшаго питанія, встрѣчаются болѣе рослые и сильные индивидуумы, нежели въ сухихъ и песчаныхъ мѣстностяхъ внутренней Австраліи, хотя этотъ взглядъ только отчасти подтверждается наблюденіями путешественниковъ.

Самые малорослые австралійцы, видѣнные Кукомъ, жили на восточномъ берегу, а самыми жалкими изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ оказываются повидимому тѣ изъ нихъ, которыхъ капитанъ Стуртъ встрѣтилъ у Гудсъ-Крика, въ Центральной Азіи. Всѣ орды обитателей пустыни, видѣнныя Стуртомъ, за исключеніемъ туземцевъ Куперсъ-Крика, въ матеріальномъ отношеніи стояли ниже горныхъ племенъ, отъ которыхъ они не особенно отличались физически. Г. Стюартъ встрѣчалъ малорослыхъ и жалкихъ людей внутри материка и также въ сѣверной Австраліи. Лессонъ опредѣляетъ ростъ двухъ племенъ на восточномъ берегу (у Портъ-Джаксона) въ 1.575 м., а Ольдфильдъ видѣлъ еще болѣе мелкое племя, ростъ котораго доходилъ только до 1,440 м. Между тѣмъ, изъ сопоставленія добросовѣстныхъ изысканій Топинара выходитъ наоборотъ, что другія племена отличаются несравненно болѣе значительнымъ и даже колоссальнымъ ростомъ. Туземцы Куперсъ-Крика выше и лучше сложены, чѣмъ обитатели южныхъ округовъ, и многіе изъ нихъ достигаютъ 1,83 м. высоты (Globus, Bd. XVI, s. 15). Макъ Кинлей встрѣтилъ у озера Ватти-Видуло (въ Центральной Австраліи) много чернокожихъ большаго роста. Эйръ и Гаймардъ встрѣчали на южномъ берегу туземцевъ, ростъ которыхъ доходилъ до 1,600 и 1,670 м., Станбриджъ въ Викторіи также видѣлъ ростъ въ 1,670, Р. Давсонъ на восточномъ берегу—до 1,713, а Юмъ внутри материка—до 1,727 м. Грегори встрѣтилъ даже туземцевъ въ 1,877 и 1,904 м., Флиндерсъ — въ 1,900, на островѣ Бентинкѣ на сѣверѣ. Стюартъ, во время своего путешествія черезъ Австралійскій материкъ, видѣлъ однажды ростъ въ 2,130 м., Стоксъ, Станбриджъ, Баррингтонъ — въ 1,828 м. (Revue d'Anthrop., 1876, p. 70—71). Равнымъ образомъ Альфредъ Лортшъ видѣлъ у рѣки Кларенсъ женщину слишкомъ въ 7 англ. футовъ, слѣдовательно въ 2.13 м. (Ausland., 1866, s. 697). Если мы примемъ во вниманіе, что самые рослые изъ бѣлокожихъ, а именно англичане, шотландцы, ирландцы, шведы и нѣмцы мужскаго пола, въ возрастѣ между 21 и 35 годами, достигаютъ среднимъ числомъ всего отъ 1,697 до 1,718 м. (Revue d'Anthrop., 1876, p. 40), то окажется, что часть австралійцевъ сравнительно далеко ниже этой нормы; другая же, наиболѣе многочисленная часть, въ весьма значительной степени превосходитъ ее. Благодаря изслѣдованіямъ Топинара, окончательно опровергнуто распространенное мнѣніе, что всѣ австралійцы низки ростомъ, такъ какъ въ

дѣйствительности оказываются два типа: одинъ положительно малорослый, напоминающій такъ-называемыхъ „народовъ карликовъ“ нѣкоторыхъ странъ, другой высокаго роста, который представляетъ собою атлетическую породу людей въ полномъ смыслѣ этого слова. По исчисленію французскаго ученаго, ихъ средняя высота доходитъ до 1,71 м.

Туземецъ племени Бунуренгъ.

Наружность тѣхъ племенъ, которыя не утратили своей первобытности отъ соприкосновенія съ европейцами, не можетъ быть названа безобразною. Они большею частью стройны и высоки ростомъ, при этомъ отличаются пропорціональнымъ сложеніемъ и гордой осанкой. Выраженіе ихъ лицъ обыкновенно серіозное и угрюмое, у женщинъ же болѣе улыбающееся и веселое. Нѣкоторые находятъ, что черты лица австралійцевъ напоминаютъ восточные народы и что между ними преобладаетъ сходство съ евреями, вслѣдствіе чего многіе благочестивые миссіонеры, но плохіе этнологи, считаютъ этихъ туземцевъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими племенами, за потомковъ десяти исчезнувшихъ колѣнъ израилевыхъ. Само собою разумѣется, что это предположеніе не подтверждается наблюденіями изслѣдователей.

Джемсъ Броунъ говоритъ о Ван-е-вар'ѣ, первомъ австралійскомъ туземцѣ, котораго онъ видѣлъ: „Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на насъ усмѣ-

хающійся дикарь, съ его чернымъ какъ уголь цвѣтомъ лица, зоркими блестящими глазами и рядомъ зубовъ, которые несоразмѣрно выдавались изъ большого открытаго рта, было то, что онъ скорѣе показался намъ павіаномъ или другою неизвѣстною тварью новаго свѣта, нежели человѣческимъ существомъ".

Туземецъ племени Гульбурнъ.

Въ противоположность этому описанію, другіе миссіонеры изображаютъ туземцевъ „идеалами человѣческой красоты, которые могли бы служить превосходной моделью для ваятеля. При изяществѣ формъ, у нихъ были блестящіе и живые глаза и зубы, бѣлые какъ снѣгъ..." (Ausland., 1860, s. 341). Одинъ швейцарскій ремесленникъ, въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ исторіи своего 19-лѣтняго пребыванія въ Австраліи, также говоритъ о хорошо сложенныхъ, стройныхъ фигурахъ, часто необыкновенно высокаго роста (T. Müller, Neunzehn Jahre in Australien. Aarau, 1877, s. 86). Но вообще австраліецъ значительно уступаетъ бѣлому въ развитіи мускуловъ. Члены его тѣла тонки и необыкновенно худощавы; руки и ноги длинныя и узкія; ступни ногъ большія и неуклюжія, съ вогнутыми внутрь указательными пальцами;

при этомъ не видно и слѣда икръ; строеніе костей тонкое и даже красивое, но животъ, наоборотъ, часто достигаетъ большихъ размѣровъ, вслѣдствіе худой и неправильно употребляемой пищи. Рядомъ съ этимъ встрѣчается другой типъ, съ маленькими узкими ногами и хорошо развитыми икрами. Австралійскія женщины обыкновенно достигаютъ средней величины бѣлой женщины, но рѣдко бываютъ большого роста, и въ этомъ случаѣ считаются необыкновенно красивыми; въ ранней молодости онѣ довольно миловидны; періодъ ихъ полнаго разцвѣта продолжается между 10 и 14 годами. (Ausland, 1861, s. 346). Д-ръ Мюке, который долго жилъ въ Танундѣ (южной Австраліи), восторженно описываетъ роскошную округленность формъ тѣла 15-лѣтней дѣвушки, „имѣвшихъ рѣдкую пропорціональность. Ея блестящая кожа была нѣжна какъ бархатъ, а изъ ея пунцовыхъ, немного полныхъ губъ виднѣлся рядъ жемчужныхъ, прекрасной формы и бѣлыхъ какъ слоновая кость зубовъ“. (Natur. 1866, s. 53). Р. Оберлендеръ упоминаетъ о шестнадцатилѣтней дочери короля Бонди изъ племени Гульбурнъ, прозванной мѣстными землекопами „Прекрасной принцессой Кэтлинъ“, которая возбуждала общее удивленіе. (Globus, Bd. IV, s. 278). Но подобныя исключенія болѣе чѣмъ рѣдкость. Женщины скоро старѣются и подъ конецъ доходятъ до ужасающаго безобразія. Къ 30 годамъ они совершенно отцвѣтаютъ; тѣло становится дряхлымъ; лицо покрывается морщинами. Джемсъ Браунъ называетъ ихъ „чудищами безобразія“. Можно разглядѣть каждую кость въ членахъ, лишенныхъ мускуловъ, такъ что эти печальные скелеты представляютъ самую жалостную картину. Даже самая походка измѣняется, которой вообще славятся австралійцы и которая, судя по описаніямъ, „прямая, величественная, нѣсколько гордая, легкая и естественная“.

Черепъ, не изуродованный какимъ либо искусственнымъ образомъ (что случается довольно часто), вообще нѣсколько красивѣе у мужчинъ, нежели у женщинъ; форма его большею частью узкая и продолговатая. Австралійцы по строенію своего черепа принадлежатъ къ рѣзко выраженнымъ длинноголовымъ, или долихокефаламъ *).

Указатель ширины ихъ черепа, согласно изслѣдованіямъ великаго парижскаго антрополога П. Брока, достигаетъ 71,49 и 71,6; по У. Флауеру, при этомъ долихокефалія обыкновенно яснѣе выражена на женскихъ черепахъ. По замѣ-

---

*) Долихокефаліемъ или длинноголовіемъ называется такая форма черепа, гдѣ продольный поперечникъ (отъ основанія носа къ затылочному бугорку) значительно превышаетъ поперечный діаметръ головы, въ противоположность брахикефаліи или короткоголовію, при которомъ первый діаметръ только незначительно превышаетъ послѣдній. Чтобы найти это отношеніе, обыкновенно принимаютъ вертикальный поперечникъ=100 и выражаютъ криволинейный или поперечный размѣръ въ процентахъ данной единицы. Процентное отношеніе само по себѣ называется „указателемъ ширины или горизонтальнымъ указателемъ черепа“. Такимъ образомъ, если ширина= тремъ четвертямъ длины, то говорятъ: указатель ширины есть 75. Указатель ширины человѣческихъ череповъ, включая сюда крайніе случаи, колеблется между 59 и 98. Въ среднихъ же цифрахъ колебаніе гораздо незначительнѣе и только отъ 67 до 85. Подъ это измѣреніе, съ 19 подраздѣленіями, подходятъ всѣ средніе размѣры ширины человѣческихъ череповъ. По Вельнеру, указатель ширины у половины человѣческихъ череповъ достигаетъ приблизительно 74 и 78, что побудило П. Брока признать еще мезатикефалію или мезокефалію, т. е. среднеголовую форму черепа. Согласно этому подраздѣленію Брока, всѣ черепа, которыхъ указатель достигаетъ цифры отъ 78 до 79, принадлежатъ къ среднеголовымъ. Не только отдѣльные индивидуумы, но даже цѣлые расы могутъ быть характеризованы какъ долихо-брахи или мезатикефалы.

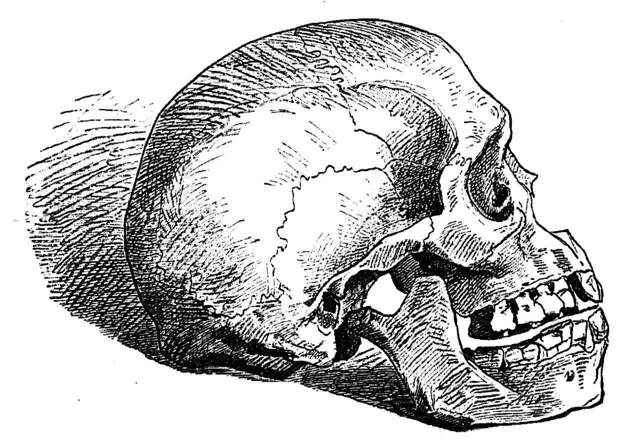
чанію Топинара, брахикефалія не составляетъ между австралійцами единичнаго явленія (Rev. d'Anthrop., 1872, s. 307). Указатель высоты черепа *) опредѣляется въ 73, такъ что сообразно съ этимъ, австралійцы могутъ быть причислены къ высоко и узкоголовымъ. Но и эта цифра колеблется у черепов, изслѣдованныхъ проф. Флауеромъ, между 72 (у мужчинъ), до 71.1 (у женщинъ) и 74. Хотя гр. Стржелецкій, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ изслѣдователей Австраліи, утверждаетъ, что черепа туземцевъ, взятые въ отдѣльности, по своему строенію вовсе не представляютъ никакихъ явныхъ уклоненій отъ европейскихъ, но мы считаемъ это грубымъ заблужденіемъ, потому что черепъ австралійца представляетъ совершенно особенные и разительные признаки. Несомнѣнно, что самый важный изъ нихъ—чрезвычайно незначительная емкость черепа—наименьшая, которая до сихъ поръ наблюдалась на людяхъ. Вмѣстимость черепной полости, выполненная при жизни мозгомъ и его оболочками, среднимъ числомъ достигаетъ у австралійцевъ немногимъ болѣе 1200 куб. сант.: даже извѣстны черепа, имѣющіе всего 1093 куб. сант.; самые большіе изъ нихъ не достигаютъ средней величины черепной полости итальянскихъ крестьянъ. По исчисленіямъ много разъ упомянутаго нами анатома Флауера, средняя емкость **) 109 изслѣдованныхъ имъ австралійскихъ череповъ достигаетъ 1234 куб. сент., между тѣмъ какъ пять европейскихъ череповъ дали въ среднемъ выводѣ 1574 куб. сент. Наименьшій австралійскій женскій черепъ имѣлъ 1030 куб. сент. Въ послѣднее время д-ръ Г. де-Бонъ указалъ на своеобразный законъ, по которому различіе между самыми большими и наименьшими черепами возрастаетъ у каждой расы соразмѣрно тому, чѣмъ выше ея образованность и чѣмъ больше она представляетъ задатковъ для дальнѣйшаго развитія. У низшихъ расъ оно едва достигаетъ половины цифры, до которой доходитъ у культурныхъ людей. У нынѣшнихъ германцевъ, напримѣръ, разница эта между maximum и minimum выражается 715 куб. сент., у австралійцевъ только 307, а у гориллы, самой сильной изъ человѣкообразныхъ обезьянъ, 199 куб. сент. (Rev. d'Anthrop. 1879, s. 75). Тотъ же остроумный изслѣдователь доказалъ, что, принимая емкость черепа отъ 1200 до 1300 куб. сент. (считая круглымъ числомъ) у нынѣшнихъ парижанъ за 0.0, у австралійцевъ выразится 45.0 процентами этого числа, и въ то время, какъ у послѣднихъ, при возрастающей емкости черепа, процентное отношеніе быстро падаетъ; у парижанъ оно напротивъ постоянно возвышается до извѣстной величины (даже при сравнительно болѣе значительныхъ черепныхъ отверстіяхъ и меньшемъ разстояніи между двумя темянными буграми) слѣдующимъ образомъ:

Вмѣстимость черепа:	у австралійцевъ	у парижанъ
1300—1400	25.0	10.4
1400—1500	20.0	14.3
1500—1600	10.0	47.6
1600—1700	0.0	16.9
1700—1800	0.0	6.5
1800—1900	0.0	5.2

*) Отношеніе высоты черепа къ его длинѣ называется также вертикальнымъ указателемъ.

**) Для опредѣленія емкости черепа обыкновенно употребляютъ самый простой способъ, а именно: черезъ большое затылочное отверстіе вполнѣ развитого черепа (въ которомъ предварительно затыкаютъ надлежащимъ образомъ всѣ другія отверстія) насыпаютъ горохъ, просо и т. п., или мелкую дробь, пока все пустое простран-

Эти цифры довольно краснорѣчиво показываютъ, что между низшими и высшими расами существуетъ ничѣмъ не наполнимая пропасть (A. a. O. s. 71). Но, если при этомъ объемъ черепа *) у австралійцевъ почти тотъ же, что, напримѣръ, у итальянцевъ, то это зависитъ отъ особенной крѣпости костей, которые въ черепахъ жителей Новаго и Южнаго Валлиса имѣютъ почти двойную толщину противъ европейскаго черепа. Это въ высшей степени массивное сложеніе черепа и крѣпкое строеніе костей собственно и представляетъ различіе, которое отдѣляетъ австралійцевъ отъ другихъ расъ, сходныхъ съ ними на первый взглядъ, какъ напримѣръ, негритосовъ Филиппинскихъ острововъ. Всего же болѣе выступаетъ это различіе у австралійцевъ въ глазной области, благодаря сильной выпуклости лобныхъ бугровъ, напоминающихъ первобытныхъ жителей долины Неандра, съ ихъ обезьянообразнымъ строеніемъ надбровныхъ дугъ. (Virchow in den Verhandl. der Berl. Gesellsch. f. Anthrop., 1873, s. 66). По мнѣнію проф. Вирхова, между нынѣшними европейскими народами только



Южно-австралійскій черепъ (сбоку).

болгарскій черепъ подходитъ къ низшимъ формамъ австралійскаго (A. a. O. 1877, s. 73). Глазницы продолговаты, или, лучше сказать, прямоугольны и коротки (считая сверху внизъ), хотя форма эта крайне измѣнчива; ихъ указатель (Orbital-Index) большею частью очень низкій, около 80, а по изслѣдованіямъ Брока—82,3, чѣмъ доказывается принадлежность австралійцевъ къ категоріи микроземовъ **) или малоглазыхъ. Глаза лежатъ глубоко и некрасиво; они большею частью съ черной радужной оболочкой, по нѣкоторымъ указаніямъ красноватой, и бѣлкомъ грязно-желтоватаго цвѣта, и притомъ настолько

ство черепа не наполнено до краевъ затылочнаго отверстія. Затѣмъ черепъ опоражниваютъ отъ зеренъ или дроби, которая тщательно взвѣшивается. Полученный вѣсъ въ кубическихъ сентиметрахъ показываетъ емкость черепной полости.

*) Для этого измѣренія употребляется тесьма, протянутая въ горизонтальной плоскости отъ нижней части лба черезъ нижнюю часть обѣихъ темянныхъ костей къ самой выдающейся точкѣ затылочной области.

**) Брока отличаетъ, сообразно величинѣ глазницъ или глазничнаго указателя: мегаземовъ (великоглазыхъ), т. е. такихъ, которыхъ глазничный указатель достигаетъ 89 или даже превышаетъ его; мезоземовъ (среднеглазыхъ), которыхъ указатель колеблется между 83—88, и микроземовъ, съ указателемъ не болѣе 83.

тусклы и невыразительны, что напоминаютъ глаза нѣкоторыхъ звѣрей. Между тѣмъ Оберлендеръ, который пробылъ четырнадцать лѣтъ въ Австраліи и имѣлъ полную возможность познакомиться съ ея обитателями, даетъ совершенно иной отзывъ и говоритъ, что у нихъ большіе, блестящіе и выразительные глаза, а д-ръ Мюке называетъ ихъ „огненными". Вмѣстѣ съ тѣмъ австралійцы прогнаты, т. е. съ выступающими челюстями и выдающеюся впередъ частью лица, положеніе которой объясняется лицевымъ угломъ Кампера *). Чѣмъ сильнѣе прогнатизмъ череповъ, тѣмъ болѣе этотъ уголъ разнится отъ прямого или отъ 90°. Чѣмъ менѣе уклоняется лицевой уголъ отъ этой цифры, тѣмъ благороднѣе раса, и наоборотъ; поэтому, если мы видимъ, что лицевой уголъ австралійцевъ достигаетъ 64°, то изъ этого мы опять-таки можемъ заключить о низкой степени его развитія. Если привести черепъ въ такое положеніе, чтобы взглядъ наблюдателя приходился сверху отвѣсно на середину большой оси (norma verticalis), то глазъ можетъ безошибочно рѣшить, выдаются ли скуловыя

Южно-австралійскій черепъ (въ прямомъ положеніи).

дуги въ видѣ ручекъ изъ контуровъ черепной чаши (phanerozyg, по Буску phenozyg), или они какъ бы прикрыты ею (черепа kryptozyge); при этомъ въ первомъ случаѣ челюсти сильно выдаются наружу. На этомъ основаніи, австралійцы—фанероциги; скулы у нихъ высоки; нижняя часть лба, какъ упомянуто выше, выступаетъ впередъ около бровей, верхняя же часть, наоборотъ, сильно отклонена назадъ. Этотъ отклоненный или, какъ его называютъ антропологи, „скошенный" лобъ составляетъ характерный признакъ австралійскаго черепа. Носъ узокъ въ основаніи, вслѣдствіе чего и глаза являются сдвинутыми; онъ сильно расширяется книзу; имѣетъ большія ноздри, слегка приплюснутъ, но не загибается, какъ у сосѣднихъ папуасовъ. Носовой указатель, дающій отношеніе ширины носа къ его длинѣ, достигаетъ среднимъ числомъ 56,5, вслѣдствіе чего австралійцевъ причисляютъ къ platyrrhinen, или широко-

---

*) Онъ опредѣляется двумя линіями: одной, горизонтальной, которую Камперъ проводилъ, руководствуясь главнымъ образомъ слуховымъ отверстіемъ и нижнимъ краемъ ноздрей, и другой, называемой лицевой линіей, касательной къ двумъ самымъ выдающимся точкамъ лица вверху и внизу: къ надпереносью или лбу, съ одной стороны, и къ переднимъ рѣзцамъ—съ другой.

носымъ *). У европейцевъ на десять череповъ встрѣчается одинъ случай Metopismus, т. е. гдѣ лобный шовъ, вслѣдствіе отсутствія окостенѣнія, остается на всю жизнь; у австралійцевъ же, а равно и у другихъ низшихъ расъ и обезьянъ, подобные случаи никогда не встрѣчались. Уши у австралійцевъ немного изогнуты впередъ, ротъ великъ, открытъ и безъ опредѣленной формы зубы же, напротивъ того, красивые, сильные и бѣлые. Третій верхній коренной зубъ имѣетъ неизмѣнно три корня — явленіе, которое считается рѣдкостью у европейцевъ. Верхніе зубы обыкновенно прикрываютъ нижніе зубы, равно какъ и верхняя губа-нижнюю. Губы пунцовыя и выпуклыя, сильно вздернутыя; челюсти сжатыя съ боковъ; подбородокъ у нихъ небольшой и отступаетъ назадъ. Задняя часть головы поразительно мала и сплющена.

Австралійцы отличаются обиліемъ волосъ не только на головѣ, но и на тѣлѣ. У мужчинъ подбородокъ и щеки густо покрыты волосами; по словамъ Оберлендера, многіе изъ нихъ имѣютъ длинныя, лоснящіяся и вьющіяся бороды, которыя могли бы возбудить зависть любого европейца. Одинъ только А. Лортшъ называетъ бороды австралійцевъ жалкими и утверждаетъ, будто волосы ростутъ у нихъ на одномъ подбородкѣ (Ausland, 1866. S. 697). Надъ глазами у нихъ висятъ густыя черныя брови. Волосы на головѣ, по общему отзыву, въ большинствѣ случаевъ блестящіе и черные, какъ смоль, но не разнообразные, какъ у негровъ. Поэтому Гале, видимо, заблуждается, приписывая австралійцамъ въ вышеупомянутой характеристикѣ длинные, тонкіе, руннообразные волосы. Его соотечественникъ, Ч. Пикерингъ, говоритъ самымъ опредѣленнымъ образомъ: „Австралійца можно легко принять за негра по наружному виду, съ тою только разницею, что у него на головѣ волосы, а не шерсть". (The races of Man. London, 1849, s. 137). Геккель и Фр. Миллеръ, у которыхъ свойства волосъ служатъ основой ихъ антропологической системы, причисляютъ австралійцевъ къ гладковолосымъ людямъ (Lissotriches), изъ рода прямоволосыхъ (Euthycomi).

Повидимому, волосы у австралійцевъ, какъ и всѣ другіе признаки ихъ тѣлосложенія, крайне разнообразны. Топинаръ хотѣлъ даже приписать своей первобытной расѣ руннообразные волосы; но Стенплендъ Уэкъ энергически возсталъ противъ подобнаго положенія. По словамъ этого почтеннаго антрополога, западные австралійцы не имѣютъ курчавыхъ волосъ, и даже у тѣхъ туземцевъ, которыхъ Топинаръ причисляетъ къ наиболѣе низкому типу, обыкновенно прямые, а не курчавые волосы. Хотя Дампіеръ и Фрейцинетъ встрѣчали чернокожихъ съ руннообразными волосами на западномъ берегу, Стокесъ на сѣверѣ, около Портъ-Эссингтона, на полуостровѣ Кобургѣ; маіоръ Кэмпбэль—на островѣ Мельвиллѣ и, наконецъ, сэръ Томасъ Митчель—у рѣки Богань,—но всѣ эти туземцы принадлежали къ рослой и сильной австралійской породѣ, а не къ слабой малорослой, которую Топинаръ признаетъ за первобытную. Исключеніе составляютъ только тѣ австралійцы, которыхъ Ольдфильдъ видѣлъ къ сѣверу отъ Мурчисонскаго залива. Изъ этого слѣдуетъ, что въ

*) Брока называетъ leptorrhine, т. е. тонко- или узконосыми тѣ черепа, которыхъ носовой указатель ниже 48; mesorrhine, т. е. средненосыми,—гдѣ указатель отъ 48—52, и platyrrhine, или широконосыми—черепа, гдѣ онъ выше 52.

дѣйствительности между прямоволосыми встрѣчаются, какъ малорослыя и жалкія, такъ и высокія и сильныя племена; по мнѣнію Уэка, ихъ даже скорѣе можно признать за первобытный туземный элементъ, нежели руноволосыхъ, такъ какъ послѣднія вѣроятно представляютъ собою помѣсь съ переселившимися къ нимъ папуасами. (Rev. d'Anthrop. 1873, s. 85—88). Впрочемъ, почти всѣми признано, что длинные волосы австралійцевъ большею частью слегка вьются; одни описываютъ ихъ спутанными въ большія кольца, другія—какъ бы завитыми въ локоны. Герландъ говоритъ: „Волосы у туземцевъ въ большинствѣ случаевъ темнокоричневые, то гладкіе и прямые, то вьющіеся и очень курчавые или всклокоченные, всего чаще жесткіе, но иногда „мягкіе какъ шелкъ",—чѣмъ достаточно характеризуются всѣ существующія различія волосъ между австралійцами. Волосы въ поперечномъ разрѣзѣ представляются рѣзко эллиптическими и образуютъ родъ торчащей вверхъ косматой короны (хотя не въ такой степени, какъ у папуасовъ), т. е. волосы располагаются у нихъ лучеобразно во всѣхъ направленіяхъ, въ 17—18 сант. длины, вслѣдствіе чего голова кажется значительно больше. Волоса ихъ легко путаются и нерѣдко представляютъ подобіе войлока. Распространившійся одно время слухъ между европейскими поселенцами, что внутренность материка обитаема совершенно безволосой породой людей, разумѣется, оказался басней". (Ausland, 862, s. 1032).

Цвѣтъ кожи австралійцевъ настолько теменъ, что и ихъ, не безъ основанія, причисляютъ къ чернокожимъ, хотя между ними встрѣчаются самые разнообразные оттѣнки. Ихъ кожа почти никогда не бываетъ совсѣмъ черная, но большею частью кофейно-коричневая, свѣтлѣе или темнѣе, и даже нерѣдко мѣднаго цвѣта; у нѣкоторыхъ индивидуумовъ кожа не темнѣе, нежели у жителей острова Вити. (George French Angas, Savage life and scenes in Australia and New Zealand. London, 1847. 1 Bd. p. 79). Цвѣтъ кожи австралійцевъ кажется еще темнѣе и бываетъ грязно-чернаго цвѣта, благодаря ихъ обычаю натирать все тѣло жиромъ различныхъ большихъ рыбъ, въ соединеніи съ древеснымъ углемъ и охрою, для предохраненія себя отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать, что свойственный имъ отвратительный запахъ становится еще невыносимѣе для обонянія цивилизованнаго человѣка. Здѣсь будетъ кстати упомянуть о расовомъ отличіи, замѣченномъ Ричардомъ Эндри, на которое обыкновенно мало обращали вниманія, а именно, что всѣ расы имѣютъ, въ большей или меньшей степени, свой специфическій запахъ. Этотъ своеобразный, характерный запахъ народовъ не исчезаетъ ни при какихъ обстоятельствахъ; величайшая опрятность и самое заботливое омываніе тѣла не могутъ удалить его. (Correspondenzblatt der Anthrop. Gesellech. 1876, Nr. 5, s. 33). По вѣрному замѣчанію Карла Фогта (Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863, Bd. I, s. 157), этотъ запахъ у народовъ принадлежитъ къ тому же разряду, какъ запахъ у мускуснаго быка. Кожа австралійцевъ пахнетъ всего сильнѣе, когда она смочена дождемъ. (Ausland, 1862, s. 249).

Австралійцы ростутъ необыкновенно скоро; въ десять или двѣнадцать лѣтъ они достигаютъ полнаго роста. Продолжительность ихъ

жизни составляетъ среднимъ числомъ 50 лѣтъ; глубокая старость принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ исключеній, хотя извѣстно нѣсколько такихъ примѣровъ. Эпидемическія болѣзни между ними совершенно не извѣстны, и ревматизмъ былъ единственный видъ заболѣванія, который наблюдалъ у нихъ англійскій матросъ, Джемсъ Мориллъ, во время своего семнадцатилѣтняго пребыванія въ Австраліи. Томасъ М'Комби, наоборотъ, видѣлъ очень мало здоровыхъ субъектовъ между чернокожими; по его словамъ, между ними преобладаютъ накожныя болѣзни, лихорадки и легочныя страданія (Arabin; or adventures of a colonist in New South Wales, with an essay on the aboriginals of Australia. London 1845, p. 257). Тѣ изъ нихъ, которые цивилизуются, принимаютъ и пороки бѣлокожихъ и не рѣдко гибнутъ жертвами пьянства и разныхъ европейскихъ болѣзней. Influenza (гриппъ) убиваетъ ежегодно массу туземцевъ, а венерическими заболѣваніями они страдаютъ почти поголовно. Кромѣ того, здѣсь встрѣчается своеобразная мѣстная болѣзнь, при которой атрофируются мышицы подъ кожей, на рукахъ и ногахъ; пораженная часть имѣетъ видъ скелета, обтянутаго гутаперчей. Полагаютъ, что эта болѣзнь, какъ и Elefantiasis (слоновое перерожденіе), происходитъ отъ лежанія на сырой землѣ.

Австралитянка у пролива короля Георга.

Характеръ и умственныя способности.

Мнѣнія различныхъ путешественниковъ и наблюдателей объ умственныхъ дарованіяхъ и нравственныхъ свойствахъ австралійцевъ на столько же противорѣчивы, какъ всѣ извѣстія объ ихъ тѣлосложеніи. Если мы будемъ сравнивать туземцевъ Австраліи съ животными высшей организаціи, то ихъ развитіе покажется намъ довольно значительнымъ, и, наоборотъ, мы найдемъ ихъ способности очень ограниченными, когда поставимъ ихъ въ параллель съ умственными дарованіями высшихъ расъ. Всѣ тѣ, которые не хотятъ допустить, что австралійцы, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, стоятъ на низшей степени развитія, чѣмъ все остальное человѣчество, ставятъ ихъ, безъ всякихъ объясненій, или какихъ либо научныхъ данныхъ, во главѣ міра животныхъ, такъ какъ при этомъ нетрудно доказать разительную высоту культуры австралійцевъ. Въ настоящее время, насколько извѣстно, нѣтъ ни одного народа, который оставался бы до сихъ поръ въ своемъ первобытномъ, естественномъ состояніи и могъ быть названъ безусловно дикимъ, безъ малѣйшей духовной жизни и сознанія добра и красоты; такой народъ не могъ бы имѣть никакого притязанія на названіе „людей". Австралійцы же, во всякомъ случаѣ, люди, но только стоящіе на самой низкой степени цивилизаціи. Всѣ тѣ, которые отвергаютъ этотъ фактъ, не берутъ на себя труда указать, какой народъ, по ихъ мнѣнію, стоитъ ниже австралійцевъ. Можно смѣло утверждать, что умственныя способности послѣднихъ стоятъ неизмѣримо выше ихъ нравственныхъ качествъ, и собственно это обстоятельство всего больше показываетъ ихъ связь съ животнымъ миромъ, высшіе представители котораго отличаются несоразмѣрнымъ превосходствомъ разума надъ присущими имъ до извѣстной степени нравственными побужденіями.

Характеръ аборигеновъ—Black fellows, какъ ихъ называютъ въ Австраліи, или Blackmen (черныхъ людей), какъ они сами всего чаще величаютъ себя, представляетъ рядъ противорѣчій. Вообще, въ спокойномъ состояніи они добродушны, безкорыстны, миролюбивы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какимъ-то не объяснимымъ образомъ оказываются настолько-же сварливыми, скрытными и лукавыми. Если на сцену выступаютъ эти свойства характера, то австраліецъ, не задумываясь, убиваетъ своего хозяина, благодѣтеля или друга. Въ подобныхъ случаяхъ ихъ только сдерживаетъ страхъ, который внушаетъ имъ превосходство европейца. Скваттеры (колонисты-скотоводы), проникающіе вглубь страны для устройства своихъ „стоянокъ" (скотныхъ дворовъ), должны быть заранѣе готовы на непре-

рывную войну съ чернокожими. Послѣдніе, пока они въ дикомъ состояніи, обладаютъ извѣстною храбростью, и до тѣхъ поръ не обращаются въ бѣгство, пока не узнаютъ на опытѣ смертоноснаго дѣйствія огнестрѣльнаго оружія. Самыя дикія и воинственныя племена живутъ на берегу Карпентарскаго залива; на югѣ туземцы менѣе воинственны и жестоки, нежели другіе дикари, которые считаются далеко цивилизованнѣе ихъ. Но вообще австралійцы въ исключительныхъ случаяхъ совершаютъ ужасающія жестокости, и у нихъ въ обычаѣ дѣтоубійство и отцеубійство, совмѣстно съ людоѣдствомъ. Дѣтей и стариковъ они убиваютъ безъ злобы, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и смотрятъ на это, какъ на естественный и обыденный фактъ; и сами жертвы безропотно покоряются своей участи. Корыстолюбіе рѣдко служитъ поводомъ къ совершенію убійства, хотя нельзя отрицать въ австралійцахъ склонности къ воровству. Чѣмъ они ближе къ первобытному состоянію, тѣмъ они выше въ нравственномъ отношеніи и, за исключеніемъ тупоумія и прожорливости, отличаются многими хорошими качествами, которыя располагаютъ въ ихъ пользу европейца. Если имъ оказываютъ какое нибудь благодѣяніе, то они стараются отплатить небольшими услугами. Они совѣстливы, большею частью кроткаго характера, всегда веселы и относятся къ европейцамъ съ дѣтскою довѣрчивостью. Д-ръ Г. Неймайеръ хвалитъ ихъ честность, послушаніе, услужливость и воздержаніе. Дурное обращеніе тотчасъ же ожесточаетъ ихъ и дѣлаетъ коварными и мстительными, и только черезъ извѣстный промежутокъ времени они становятся болѣе выносливыми. Но они чувствуютъ недовѣріе къ человѣку, который оскорбилъ ихъ, и зачастую лучше бѣлокожихъ, цивилизованныхъ людей умѣютъ скрывать свои ощущенія. Особенно поразительно ихъ добросердечіе относительно своихъ соплеменниковъ, съ которыми они дѣлятся послѣднимъ кускомъ, что, впрочемъ, слѣдуетъ также приписать до извѣстной степени господствующему у нихъ коммунизму.

„Въ виду того, замѣчаетъ д-ръ Дюбокъ,—всѣ попытки пріобрѣсти власть надъ туземцами, divide et impera, посредствомъ отличій однихъ передъ другими, оказываются тщетными. Вы подарите, напримѣръ, наиболѣе прилежному изъ нихъ штаны, въ надеждѣ возбудить въ немъ эгоизмъ и отличить отъ другихъ. Но не пройдетъ дня, какъ эти самые штаны перебываютъ на ногахъ различныхъ субъектовъ, не имѣющихъ на нихъ никакого права, и ими, быть можетъ, станетъ щеголять именно тотъ, котораго вы хотѣли устранить. Или, дайте одному изъ нихъ муки (предметъ, который высоко цѣнится туземцами), и вы очень ошибетесь, если воображаете, что возбудите зависть въ его товарищахъ. Въ тотъ же вечеръ они разведутъ огонь, наготовятъ жареныхъ лепешекъ и, безъ различія „моего и твоего", сядутъ цѣлымъ обществомъ за столъ и съѣдятъ все до послѣдней крошки. Всѣ разсчеты европейцевъ разбиваются объ эту племенную общину, и въ данномъ случаѣ не помогутъ никакія запрещенія, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „естественнымъ закономъ". (Ausland, 1862, s. 594). Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что коммунизмъ есть первобытная форма общественнаго устройства,.

изъ которой цивилизація вывела людей, а не форма, къ которой она должна привести ихъ. Она указываетъ на низшій, а не на высшій уровень человѣческой образованности.

Само собою разумѣется, что населеніе такой обширной области, какъ Австралія, представляетъ много оттѣнковъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Но въ общемъ, многія черты, сообщаемыя знаменитымъ геологомъ Брауъ Смитомъ (The Aborigenes of Victoria with notes relating to the Habits of the Natives of other Parts of Australia and Tasmania. London, 1878, 2 Bd.), доказываютъ справедливость мнѣнія, что степень интеллигенціи австралійцевъ выше той, какую имъ обыкновенно приписывали до сихъ поръ.

Рѣчь, произнесенная вождемъ Іаганомъ, въ 1843 г., передъ генералъ-адвокатомъ Западной Австраліи. Г. Ф. Муромъ, можетъ служить доказательствомъ не только здраваго смысла этого дикаря, но даже извѣстной логики въ сознаніи своихъ правъ. Іаганъ началъ слѣдующимъ образомъ свою рѣчь: „Зачѣмъ вы, бѣлые люди, пріѣзжаете на корабляхъ въ нашу землю и убиваете бѣдныхъ чернокожихъ, которые не понимаютъ, чего вы хотите отъ нихъ? Выслушайте меня! Мои дикіе черные товарищи не знаютъ и не понимаютъ вашихъ законовъ; всякій звѣрь, бѣгающій по землѣ, каждый корень, который ростетъ на нашей почвѣ, составляютъ общее достояніе. Черный человѣкъ считаетъ своей личной собственностью только свою одежду, оружіе и имя, которое онъ носитъ. Дѣти не испытываютъ никакого принужденія; маленькій мальчикъ, какъ только чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, бьетъ свою мать, и она не запрещаетъ ему этого. Какъ только онъ въ состояніи носить копье, онъ бросаетъ его въ перваго звѣря, который попадется ему на пути; а съ достиженіемъ зрѣлаго возраста, охота дѣлается его главнымъ занятіемъ. Онъ не можетъ понять, почему одинъ человѣкъ имѣетъ больше правъ на звѣрей и растенія, нежели другой. Между прочимъ, голодная и истощенная толпа туземцевъ сходитъ съ горъ и встрѣчаетъ незнакомыхъ ей звѣрей, которыхъ вы называете овцами. Само собою разумѣется, тотчасъ же летитъ копье, и устраивается пиршество. Тогда являетесь вы, бѣлые люди, и стрѣляете въ чернокожихъ. Но за всякаго чернаго человѣка, котораго убьютъ бѣлые люди, я убью одного бѣлаго. Приходятъ, напримѣръ, въ картофельное поле наши бѣдныя, голодныя женщины, которыя привыкли выкапывать изъ земли всякій съѣдобный корень; имъ, разумѣется, нуженъ wanna (ямовый корень изъ рода dioscorea), и онѣ выдергиваютъ картофель и прячутъ въ свой мѣшокъ. Тогда приходятъ бѣлые люди и убиваютъ черныхъ женщинъ; и я буду брать у нихъ жизнь за жизнь...“

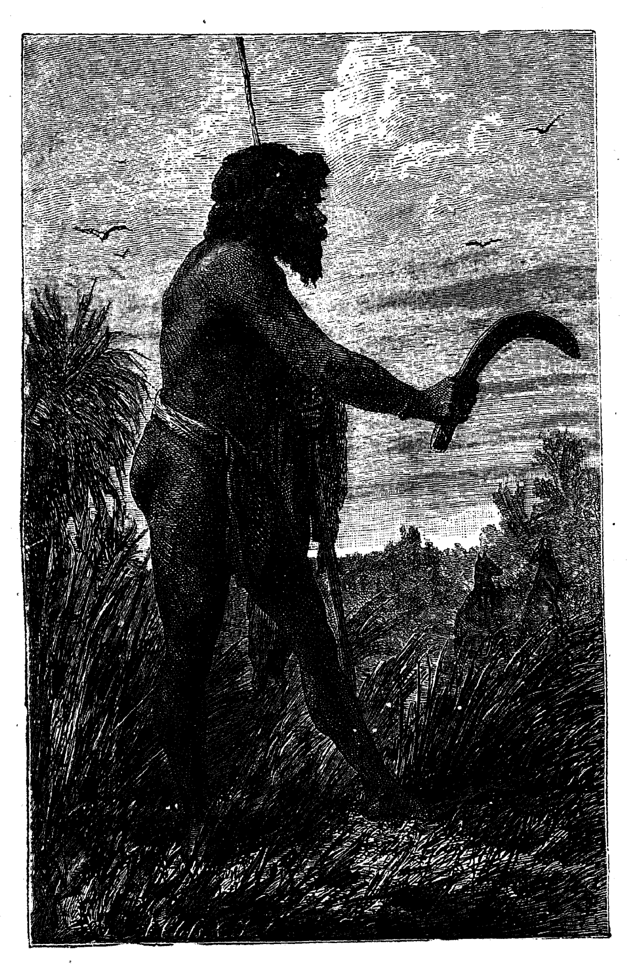
Обладая весьма значительнымъ талантомъ къ подражанію и чрезвычайно тонкимъ слухомъ, австралійцы легко выучиваются иностраннымъ языкамъ, особенно англійскому, на которомъ они говорятъ лучше многихъ нѣмцевъ, жившихъ нѣсколько лѣтъ въ Австраліи; проявляютъ также способности къ живописи и музыкѣ. Швейцарецъ, д-ръ Гигаксъ, видѣлъ въ графствѣ Филиппъ пещеры, гдѣ на стѣнкахъ можно было различить слѣды грубыхъ зачатковъ пластическаго искусства. На стѣнахъ были слѣпки рукъ взрослыхъ людей и дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ были по одиночкѣ, другіе сгруппированы. Повидимому, только чернокожіе изъ самыхъ отдаленныхъ округовъ знаютъ о существованіи

подобныхъ пещеръ. Общепринятое мнѣніе, будто австралійцы настолько тупоумны, что не различаютъ изображеній окружающихъ предметовъ, какъ кенгуру, эму, или камедныхъ (гумминосныхъ) деревьевъ, оказывается ложнымъ, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ племенъ, такъ какъ у нихъ найдены несовершенные рисунки кенгуру и эму; и между туземцами встрѣчаются даже очень хорошіе рисовальщики. Г. Креффтъ скопировалъ со скалъ рисунки туземцевъ, изображающіе большею частью рыбъ, китовъ, птицъ, а иногда и людей, которые, по его словамъ, были менѣе удачны, чѣмъ вырѣзанныя ими изображенія на вычерненной древесной корѣ. Браугъ Смитъ представилъ точный снимокъ одного рисунка, который изображаетъ встрѣчу австралійскаго мальчика и нѣсколькихъ скваттеровъ; фигуры и выраженіе лицъ переданы очень характерно; не подлежитъ сомнѣнію, что художникъ былъ тонкій наблюдатель, пототу что схвачена юмористическая сторона событія. У д-ра Нейермайера хранится совершенно вѣрный планъ одной дороги, нарисованный однимъ австралійцемъ. Этотъ чернокожій пробылъ четыре года въ учебномъ заведеніи, затѣмъ вернулся къ своимъ и, по меньшей мѣрѣ, десять лѣтъ не упражнялся въ рисованіи; однако, несмотря на это, былъ въ состояніи набросить вполнѣ удовлетворительный планъ длинной дороги. Д-ръ Мюке приводитъ случаи, когда чернокожіе узнавали его послѣ десятилѣтняго отсутствія, что служитъ доказательствомъ ихъ замѣчательной памяти. Въ особенности они обладаютъ большимъ талантомъ мимики и быстро схватываютъ все комическое. Никакая странность въ обращеніи не избѣгнетъ ихъ критики, и они тотчасъ изображаютъ въ каррикатурѣ то, что имъ покажется смѣшнымъ: голосъ ли, манера держать себя, походка, извѣстная неловкость и пр. Эти сыновья пустыни во многомъ превосходятъ европейцевъ; они сознаютъ это, и притупленныя чувства бѣлокожихъ служатъ имъ предметомъ для юмора. Они представляютъ въ каррикатурѣ китайцевъ, съ неподражаемымъ искусствомъ; въ данномъ случаѣ они поднимаютъ на смѣхъ утрированную живость и болтливость этого народа, которыя представляютъ полный контрастъ съ ихъ сдержанными манерами. Благодаря необычайной памяти и способности усваивать внѣшнимъ образомъ массу новыхъ свѣденій, дѣти туземцевъ иногда превосходятъ въ ученіи своихъ бѣлокожихъ товарищей. Испанскій бенедиктинскій монахъ, Донъ Рудезиндо Сальвадо, который сопутствовалъ католической миссіи, посѣтившей западную Австралію въ 1845 году, приводитъ поразительные примѣры умственныхъ способностей чернокожихъ неофитовъ. (Revue d'Antrop. 1879, p. 150). Но вообще воспитаніе чернокожихъ дѣтей плохо вознаграждается, и, если оно бываетъ удачно до нѣкоторой степени, то только тамъ, гдѣ есть возможность совершенно удалить ихъ отъ всякихъ сношеній съ ихъ соплеменниками. Но и въ этихъ случаяхъ воспитаніе почти всегда оказывалось въ высшей

степени недостаточнымъ. Хотя они необычайно скоро выучивались читать и писать, но не было никакой возможности внушить кому-либо изъ нихъ какое нибудь нравственное правило. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ Квинслендѣ, Викторіи, и въ южной Австраліи, употреблены были всѣ усилія, чтобы распространить между туземцами практическія знанія и религіозныя понятія, но безъ всякихъ существенныхъ результатовъ. Никакая европейская культура не доступна имъ: рано или поздно, проявляется ихъ прирожденная дикость, въ неудержимомъ стремленіи къ лѣсной жизни ихъ предковъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые съ дѣтства были воспитаны въ городахъ, на европейскій ладъ, и посѣщали школы, не могутъ устоять отъ искушенія и время отъ времени сбрасываютъ свое платье и удаляются въ лѣсъ, чтобы жить тамъ дикарями. Если ихъ удерживаютъ насильно, то они все-таки находятъ средства къ побѣгу и въ большинствѣ случаевъ никогда не возращаются назадъ, изъ боязни наказанія. Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки пріучить ихъ къ правильной жизни, ремесламъ, постоянному жилищу и платью оказывались неудачными. Они охотнѣе остаются въ пустыни, чтобы быть свободными и независимыми и вести съ своими соплеменниками ту жизнь, которая представляется намъ такой жалкой, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что наша восхваленная цивилизація далеко не одинаково цѣнится по своему достоинству и не кажется такой высокой всѣмъ людямъ. Наша нравственность для нихъ мертвая буква; они не понимаютъ пользы, цѣли и духовнаго значенія какого либо нравственнаго поступка, и всѣ жизненныя отношенія принимаютъ съ чисто внѣшней стороны. На этомъ основаніи, австраліецъ выказываетъ необыкновенную ловкость во всѣхъ дѣлахъ, касающихся повседневной жизни. Его охотничьи снаряды и оружіе, хотя въ высшей степени первобытные, тѣмъ не менѣе, вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли, и онъ очень остроумно примѣняетъ ихъ противъ звѣрей. Никто не можетъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ, съ какимъ онъ умѣетъ выслѣдить звѣря. Особенно поразителенъ способъ, какимъ онъ преслѣдуетъ опоссума (видъ летучей бѣлки) на высочайшихъ деревьяхъ, безъ всякихъ приспособленій, кромѣ каменнаго топора и какого нибудь вьющагося растенія. Поэтому австралійца можно употреблять съ пользою на всѣ механическія занятія; онъ отличный охотникъ и пастухъ.

Скотоводы держатъ очень много чернокожихъ рабочихъ, и они вообще охотно и хорошо исполняютъ порученное имъ дѣло; особенно нравится имъ загонять скотъ и объѣзжать дикихъ лошадей, такъ какъ эти два занятія наиболѣе удовлетворяютъ ихъ дикимъ вкусамъ. Благодаря превосходному знанію мѣстности, они не могутъ заблудиться даже въ самомъ дикомъ лѣсу, что даетъ имъ значительное преимущество надъ бѣлыми людьми. Чернокожій пастухъ среди стада въ нѣсколько тысячъ головъ, знаетъ каждую скотину по одиначкѣ и безъ труда находитъ ее. Но для полевыхъ работъ туземцы оказываются со-

вершенно негодными. Кромѣ должности пастуховъ и погонщиковъ скота, они одно время считались очень полезными въ качествѣ членовъ такъ называемой „черной полиціи“. Это была своего рода милиція, организованная правительствомъ колоніи; она была хорошо вооружена и снабжена порядочными ло-



Австраліецъ, бросающій бумерангъ.

шадьми; ее употребляли бо̀льшею частью для преслѣдованія преступниковъ, въ чемъ туземцы выказывали большую ловкость, въ силу своей способности находить слѣды и не упускать ихъ изъ виду ни при какихъ обстоятельствахъ. Оберлендеръ былъ два года предводителемъ черной полиціи и имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ томъ, что туземцы и въ этомъ дѣлѣ оказались ненадежными. Главное зло въ томъ, что ихъ нельзя было заставить престу-

нить границу владѣній ихъ племени: и черезъ это не рѣдко терялся „наилучшій“ слѣдъ. Благодаря этой и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, черная полиція была наконецъ распущена. (Oberlander. Australien. Geschichte der Entdeckung und Kolonisation. Leipzig. 1880, s. 316),

Однако, несмотря на несомнѣнную хитрость и ловкость австралійцевъ, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ выводить изъ этого заключеніе, что они легко поддаются культурѣ. Всѣ способности, требующія самостоятельной работы ума, у нихъ незначительны: дѣятельность мозга вызывается у нихъ только голодомъ и половыми побужденіями. Кругъ ихъ интеллектуальнаго развитія такъ ограниченъ, что у насъ подростокъ на столько-же развитъ умственно, какъ самый старый человѣкъ между туземцами. Имъ не достаетъ всѣхъ рефлективныхъ свойствъ: у нихъ нѣтъ ни послѣдовательности, ни непрерывной связи въ мысляхъ: и въ этомъ заключается главное препятствіе къ ихъ цивилизаціи, потому что этотъ недостатокъ у нихъ прирожденный (Globus, Bd. I, s. 270).

Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, чернокожіе вообще не имѣютъ никакого понятія о высшихъ числахъ; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя племена могутъ считать только до 3-хъ или 4-хъ, что свыше этихъ цифръ, называется у нихъ „множествомъ“. Только въ окрестностяхъ Уиклейффа, въ западной Викторіи, у туземцевъ существуютъ слова для обозначенія 1, 2, 3, 5 и 6; но вообще у нихъ вся ариѳметика, повидимому, ограничивается двумя первыми цифрами; что свыше этого, то складывается вмѣстѣ и почти никогда не превышаетъ цифры десяти. Типическимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій способъ счисленія, существующій у туземцевъ близъ озера Гиппмарча: (1) ke-yap, (2) pullet, (3) pullet-ke-yap, т. е. (2+1), (4) pullet-pullet (2+2), (5) pullet-pullet-ke-yap (2+2+1) и т. п. Оба берлинскіе ученые, лингвистъ Штейнталь и антропологъ Вирховъ, сходятся во мнѣніяхъ относительно того, что недостатокъ слова для обозначенія числа самъ по себѣ не служитъ доказательствомъ, что люди не имѣютъ понятія объ этомъ числѣ. Равнымъ образомъ Пешель говоритъ, что „если многія австралійскія нарѣчія бѣдны выраженіями для обозначенія чиселъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что туземцы не могутъ обнять въ умѣ большихъ чиселъ, потому что у нихъ существуетъ восемнадцать различныхъ словъ, которыми они обозначаютъ дѣтей, называя ихъ по одиночкѣ отъ перваго до девятаго родившагося мальчика, или отъ первой до девятой дочери“. (Völkerkunde, s. 341).

Многіе изъ прежнихъ путешественниковъ не разъ утверждали, что тотъ или другой народъ настолько дикъ и некультуренъ, что у него не существуетъ счета свыше пяти. Уже знаменитый лингвистъ Поттъ ослабилъ вѣру въ эти разсказы, указавъ, что, въ подобныхъ случаяхъ, хотя у туземцевъ было всего пять словъ для обозначенія чиселъ, но рядомъ съ этимъ у нихъ примѣнялась система дѣлимости на пять. Въ новѣйшее время анти-дарвинистъ Штейнталь многократно протестовалъ противъ мнѣнія, будто степень интеллигенціи народа главнымъ образомъ выражается въ количествѣ чиселъ. Что касается австралійцевъ, говоритъ Штейнталь, то здѣсь, во всякомъ случаѣ, дѣло заключается въ томъ, что, судя по ихъ собственнымъ словамъ, у нихъ несложныхъ числительныхъ всего три первыхъ цифры; 4 выражается составными числами; для 5 существуетъ особое слово, означающее „много“, а затѣмъ, начиная съ шести, слѣдуютъ сложныя числительныя. Въ случаѣ необходимости они могутъ кое-

какъ досчитать до 10; но обыкновенно туземецъ останавливается на 5, потому что счетъ становится для него слишкомъ затруднительнымъ. Между тѣмъ человѣкъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія, какъ напримѣръ, Ридлей, изображаетъ это въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Согласно его объясненію, туземцы считаютъ слѣдующимъ образомъ: „Первые три числа выражаются у нихъ отдѣльными словами; цифра 4—посредствомъ 2+2; 5 означаетъ „много“, а 6 они опять-таки составляютъ посредствомъ 5+1 и т. д. Такъ считаютъ они до 19, а 20 выражаютъ словами: „столько, сколько на обѣихъ рукахъ и ногахъ“. Это уже высшія цифры, и весьма возможно, что, при случаѣ, они считаютъ и дальше, потому что они могутъ поступать такъ, какъ туземцы въ Африкѣ, которые число 20 обозначаютъ словомъ „человѣкъ“, подразумѣвая подъ этимъ количество пальцевъ на рукахъ и ногахъ; вмѣсто 100—они говорятъ 5 человѣкъ. Я не знаю, добавляетъ Ридлей,—прибѣгаютъ ли австралійцы къ этому способу; весьма возможно, что они весьма мало считаютъ, но, тѣмъ не менѣе, вы видите, что счетъ все-таки существуетъ у нихъ“. (Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop. 1879, s. 27). Д-ръ Мюке встрѣтилъ близъ Муррея двухъ дикарей, которые въ дѣтствѣ посѣщали школу и умѣли считать до 25; донъ Сальвадо Рудезиндо утверждаетъ, что его воспитанники, австралійцы, въ нѣсколько недѣль выучивались ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Г-нъ Томасъ, директоръ туземныхъ школъ въ Викторіи, разсказываетъ объ одномъ мальчикѣ въ Сиднеѣ, который дважды получилъ награду за успѣхи по географіи, но ровно ничего не могъ понять въ ариѳметикѣ.

Извѣстныя особенности, которыя у другихъ народовъ свойственны только дѣтямъ, не исчезаютъ у чернокожихъ австралійцевъ даже въ зрѣломъ возрастѣ. Склонность къ ребяческимъ шалостямъ, играмъ и всевозможнымъ шуткамъ, несомнѣнно, происходитъ отъ ихъ безграничной безпечности; они живутъ настоящимъ моментомъ, безъ малѣйшей заботы о томъ, что внѣ его. Прошедшее и будущее составляютъ два понятія, которыя не доступны уму австралійца, потому что они не существуютъ для него. Жизнь его проходитъ между ѣдой и сномъ, голодомъ и охотой; забота о завтрашнемъ днѣ совершенно незнакома ему.

Одежда и жилище.

„Индѣйцы въ Австраліи, несомнѣнно, самый жалкій народъ изъ всѣхъ, живущихъ на землѣ. Готтентоты Мономатапы, при всей своей нищенской бѣдности, въ сравненіи съ ними, могутъ считаться богатыми людьми; они все-таки имѣютъ дома, одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, овецъ, птицъ, овощи, страусовыя яица и пр. Ничего подобнаго вы не встрѣчаете у австралійскихъ индѣйцевъ, и, за исключеніемъ человѣческаго образа, ихъ трудно отличить отъ безсловесныхъ животныхъ“. Этими далеко не лестными выраженіями начинаетъ старый морякъ Дампіеръ свое описаніе австралійскихъ туземцевъ, которое въ главныхъ чертахъ подходитъ къ нимъ и въ настоящее время.

Что касается одежды, то австраліецъ не особенно разборчивъ въ выборѣ нарядовъ, потому что оба пола, слѣдуя туземной модѣ, бу-

квально ходятъ нагіе, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе теплыхъ частяхъ страны, какъ, напримѣръ, у Куперсъ-Крика. Нѣкоторые наблюдатели упоминаютъ о кушакѣ изъ древесной коры, къ которому прикрѣпленъ пучокъ длинной травы или три четыре вѣтки съ листьями, что составляетъ самый простой нарядъ, который только можно встрѣтить на землѣ. При переходѣ между колючими кустами, они употребляютъ для защиты отъ шиповъ передники изъ древесной коры или звѣриныхъ шкуръ, но это никогда не дѣлается ради приличія. Сравнительно болѣе суровый климатъ южной Австраліи вынуждаетъ туземцевъ защищать себя отъ холода; съ этою цѣлью они намазываютъ жиромъ все тѣло и одѣваютъ родъ шубы, собранной изъ мѣховъ кенгуру и опоссума. Такая шуба состоитъ изъ 70—80 шкуръ, необыкновенно мягка и тепла, сѣровато-бѣлаго или красновато-желтаго цвѣта, и, по красотѣ и практичности, вошла даже въ употребленіе между скваттерами (европейскими колонистами, занимающимися разведеніемъ скота). Совершенно нагого австралійца она покрываетъ только отчасти, но онъ считаетъ лишнимъ или даже, быть можетъ, неприличнымъ прикрытіе всевозможныхъ голыхъ частей тѣла. Изъ этого выведено было заключеніе, что австралійцы отличаются полнымъ отсутствіемъ чувства стыдливости, тѣмъ болѣе, что это предложеніе, повидимому, подтверждается разнообразными и многочисленными наблюденіями. Между тѣмъ, родъ одежды самъ по себѣ не можетъ служить мѣриломъ въ данномъ случаѣ, и чѣмъ мы ближе знакомимся съ нравами чужихъ народовъ, при посредствѣ основательныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ справедливости ученія Пешеля, что „нагота тѣла ни въ какомъ случаѣ не служитъ доказательствомъ безнравственности и что чувство стыдливости у разныхъ народовъ побуждаетъ ихъ покрывать то одну, то другую часть тѣла“. (Peschel, Völkerkunde, s. 176). Люди, интересующіеся этнографіей, должны прежде всего отрѣшиться отъ робости передъ многими вещами, которыя, сообразно нашимъ общепринятымъ понятіямъ, кажутся намъ неприличными, но болѣе глубокое изученіе которыхъ почти всегда убѣждаетъ насъ, что это только продуктъ нашего собственнаго, очень высокаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень ограниченнаго кругозора. Задача этнографіи главнымъ образомъ заключается въ томъ, чтобы въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, проложить себѣ новый путь, гдѣ наши европейскіе взгляды, ощущенія, обычаи, нравственныя правила и умственное направленіе не принимались бы за норму для всего человѣчества.

Почти повсемѣстно, гдѣ только существуютъ европейскія колоніи и водворяются предвозвѣстники какого нибудь христіанскаго вѣроисповѣданія, нагота туземцевъ составляетъ бѣльмо на глазу для новыхъ властителей, и миссіонеры считаютъ нужнымъ начать свою цивилизаторскую дѣятельность съ попытокъ нарядить въ платье чернокожихъ. Изъ европейцевъ всего терпимѣе въ этомъ

отношеніи романскіе народы, съ своимъ католическимъ духовенствомъ, и всего строже—представители германскаго племени: британцы и проповѣдники разныхъ протестантскихъ сектъ. Англійское правительство въ Австраліи объявило, что ни одинъ чернокожій не смѣетъ входить въ европейское поселеніе въ своемъ естественномъ видѣ; но тѣмъ не менѣе, очень трудно принудить къ приличной одеждѣ чернокожихъ, проживающихъ на „стоянкахъ“ (скотные дворы колонистовъ), въ качествѣ работниковъ. Что же касается туземцевъ, служащихъ въ войскѣ, то, являясь въ лагерь, они тотчасъ сбрасываютъ съ себя всякую одежду, и противъ этого не помогаютъ никакія принудительныя мѣры. Впрочемъ, и при извѣстной цивилизаціи, у нихъ вошло въ обычай одѣваться только отчасти. Женщины работницы носятъ пестрыя мужскія рубашки, и это единственный костюмъ, котораго они придерживаются до извѣстной степени. Мужчины большею частью довольствуются какой нибудь частью одежды, случайно полученной ими въ подарокъ. Старики колонисты помнятъ еще „короля черныхъ“, Бангари, который довольно часто являлся на улицахъ Сиднея въ своей одеждѣ, состоящей только изъ шляпы съ полями, генеральскаго или полковничьяго мундира и старой рубашки. При этомъ онъ никогда не носилъ панталонъ, башмаковъ или чулокъ. Въ округахъ, особенно богатыхъ колоніями, туземцы очень охотно наряжаются въ различныя, попадающія имъ подъ руку принадлежности европейскаго туалета, не стѣсняясь способомъ ихъ употребленія, вслѣдствіе чего происходятъ самые смѣшные маскарады. Ихъ вкусъ въ одѣваніи платья существенно разнится отъ нашего; такъ, напримѣръ, они находятъ совершенно въ порядкѣ вещей одѣть навыворотъ жилетъ и застегнуть его на спинѣ. Фракъ, безъ всякихъ другихъ добавленій, кажется имъ совершенно достаточнымъ для успокоенія щепетильности бѣлыхъ людей. Къ Альфреду Лортшу явился однажды чернокожій въ пантолонахъ, состоящихъ изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ; въ другой разъ онъ встрѣтилъ черную красавицу, вся одежда которой состояла изъ сѣтчатаго кринолина. Нѣкоторыя женщины носятъ на спинѣ родъ рогожи, но не видятъ необходимости прикрывать другія части тѣла. Обыкновенно не достаетъ одежды въ томъ мѣстѣ, гдѣ она всего нужнѣе. Абсолютная нагота еще менѣе оскорбляетъ европейскій глазъ, нежели эта полуодежда, которая противорѣчитъ его обычнымъ понятіямъ о нравственности. Но во многихъ случаяхъ, принудительное одѣваніе дикарей, по требованію европейскихъ моралистовъ, оказалось въ высшей степени гибельнымъ для нихъ, вслѣдствіе климатическихъ условій, и было одной изъ причинъ быстраго вымиранія этихъ дѣтей природы подъ вліяніемъ нашей культуры. Ежегодно, въ день рожденія англійской королевы, въ главныхъ центрахъ населенія каждаго округа раздаютъ всѣмъ находящимся на лицо туземцамъ „Blankets“ (полушерстяныя одѣяла); при этомъ имъ строжайшимъ образомъ запрещено сбывать кому либо этотъ подарокъ, и всякій европеецъ, купившій такое одѣяло, подвергается большому штрафу.

Пешель считаетъ совершенно ошибочнымъ общепринятое мнѣніе, будто чувство стыдливости сильнѣе у женщинъ, нежели у мужчинъ, потому что число племенъ, у которыхъ одни мужчины имѣютъ одежды, довольно значительно. Между австралійцами также встрѣчаются субъекты, которые щеголяютъ въ плащахъ изъ звѣриныхъ шкуръ; изъ нихъ большинство мужчины, которые вообще усерднѣе женщинъ занимаются нарядами и украшеніями.

Они особенно старательно убираютъ голову; волосы въ большинствѣ случаевъ украшены зубами звѣрей, рыбьими костями, птичьими перьями и проч. У нихъ,

Вождь индѣйцевъ Липана.

также очень распространенъ обычай носить на головѣ или надо лбомъ хвостъ динго (туземной собаки) или связывать волосы стеблями травы такимъ образомъ, что высокій пучекъ волосъ украшаетъ верхушку черепа; при этой прическѣ обыкновенно оставляется локонъ волосъ, въ палецъ ширины, падающій на лобъ. Другіе дѣлятъ волосы на маленькіе пучки и смазываютъ ихъ смолою камедныхъ деревьевъ. Они также вплетаютъ въ свои волосы искусно свитые шнуры изъ человѣческихъ волосъ, а къ бородамъ часто привязываютъ звѣриные хвосты. Борода у австралійца служитъ предметомъ его гордости и заботливости въ продолженіи цѣлой жизни; нѣжность, съ которой онъ обходится съ нею, показываетъ, какое удовольствіе доставляетъ ему это косматое украшеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ для него не только внѣшнее украшеніе, но съ нею связаны извѣстныя права, имѣющія не послѣднее значеніе, а именно: ни одинъ австраліецъ не можетъ жениться, или убить эму, пока у него не выростетъ борода.

Украшенія принадлежатъ къ числу немногихъ признаковъ, гдѣ наиболѣе рѣзкимъ образомъ проявляется разница между человѣкомъ и звѣремъ, и можно съ увѣренностью сказать, что они древнѣе платья, такъ какъ совершенно нагой дикарь навьючиваетъ на себя разныя украшенія или раскрашиваетъ свое тѣло съ головы до ногъ. Но прежде, чѣмъ человѣкъ одѣнетъ платье или привяжетъ самый незатѣйливый передникъ на свои бедра, и, вѣроятно, даже прежде, нежелъ украситъ себя вѣнками, листьями, раковинами и костями, онъ придумываетъ разные способы, для украшенія своей собственной кожи. Это самый грубый родъ украшенія, гдѣ всего очевиднѣе выступаетъ стремленіе восполнить недостатокъ, и потому мы считаемъ не лишнимъ обратить на него особенное вниманіе. Австралійцы болѣе другихъ народовъ любятъ расписывать свое тѣло и употребляютъ для этого три легко добываемыя краски: охру, известь и уголь. Этотъ обычай разрисовывать кожу ставитъ австралійца на одинъ уровень съ доисторическимъ европейцемъ, потому что въ нѣкогда обитаемыхъ пещерахъ Дордони находились куски красной охры, которые могли служить только для расписыванія тѣла. Самое употребительное украшеніе этого рода въ Сѣверной Австраліи состоитъ изъ бѣлой полосы, въ два пальца шириной, которая проведена отъ одного уха къ другому, черезъ обѣ щеки и носъ. У пролива Короля Георга, туземцы красятъ себѣ лицо и волосы красной краской. Австралійцы около Ботани-Бея красили себя красной краской въ широкую клѣтку, бѣлую употребляли на полосы, а живопись на лицѣ большею частью состояла изъ маленькихъ точекъ, съ ободкомъ вокругъ каждаго глаза. Въ исключительныхъ случаяхъ они также расписывали себѣ все тѣло. Вообще, всѣ четыре употребляемыя ими краски, а именно: бѣлая, черная, красная и желтая, имѣютъ опредѣленное значеніе. Красная краска обыкновенно считается священной: это цвѣтъ смерти и праздничнаго торжества; бѣлый цвѣтъ означаетъ войну и печаль. Другой замѣной одежды служитъ употребительное у австралійцевъ татуированіе,

но фигуры состоятъ изъ нѣсколькихъ штриховъ и точекъ, не отличающихся особеннымъ вкусомъ. Подобное расцарапываніе кожи составляетъ обычай, распространенный во всей Австраліи.

Татуированіе не можетъ быть иначе произведено, какъ съ сильнѣйшей болью. Въ Австраліи для этой операціи служитъ инструментомъ острая кость или раковина, которыми, съ наступленіемъ совершеннолѣтія субъекта и при извѣстныхъ церемоніяхъ, расцарапываютъ кожу на груди, верхнихъ суставахъ рукъ, на плечахъ и, всего рѣже, на бедрахъ; при этомъ раны поддерживаются до тѣхъ поръ, пока не явится опухоль, въ палецъ толщины. Само собою разумѣется, что это истязаніе совершается постепенно, такъ какъ тѣло не было бы въ состояніи вынести сразу всей процедуры. Паціентъ во время операціи называется у нихъ „Nqulta“; когда раны начинаютъ гноиться — „Jellam bombatta“; послѣ ихъ заживленія—„Tarkanje“; по обозначеніи шрамовъ — „Mangkawitja“ и, наконецъ, „Bartanna“, когда шрамы настолько образовались, что могутъ служить украшеніемъ взрослаго человѣка. Миссіонеръ К. В. Шюрманнъ описываетъ болѣе подроднымъ образомъ церемонію превращенія юноши въ „Wilyalkinys“, на которой онъ присутствовалъ въ качествѣ зрителя. Юношамъ завязываютъ глаза; затѣмъ они должны броситься ничкомъ на колѣна и руки, такъ что ихъ спины находятся въ горизонтальномъ положеніи. Сперва спину смазываютъ кровью; затѣмъ на кровяныхъ пятнахъ проводятъ штрихи и дѣлаютъ на нихъ надрѣзы острымъ камнемъ: одинъ на срединѣ шеи, а два ряда, которыхъ линіи расходятся на 8—9 милим., насѣкаются отъ обоихъ плечъ къ бедрамъ. Церемонія эта сопровождается пѣніемъ; женщины не смѣютъ присутствовать при ней, за любопытство ихъ наказываютъ смертью. Женщины не подвергаютъ себя такимъ мученіямъ и ограничиваются короткими надрѣзами на верхней части груди и на спинѣ, такъ что мужчины и относительно татуированія оказываются наиболѣе разукрашенными. Весьма распространенное мнѣніе, что расписываніе тѣла и татуировка у австралійцевъ, какъ и у африканскихъ негровъ, служитъ отличительнымъ признакомъ различныхъ племенъ, или такъ называемымъ племеннымъ признакомъ, опровергается другими изслѣдователями.

Оружіе австралійцевъ.

Вмѣстѣ съ обычаемъ татуированія и расписыванія кожи, у австралійскихъ племенъ въ большомъ ходу обрѣзываніе, а также изувѣченіе отдѣльныхъ суставовъ пальцевъ и зубовъ. При торжествѣ возмужалости, одинъ изъ главныхъ актовъ церемоніи заключается въ выбиваніи или вырываніи двухъ верхнихъ рѣзцовъ или одного изъ нихъ. У дѣвочекъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня рожденія, отрѣзываютъ два послѣднихъ сустава на маленькомъ пальцѣ лѣвой руки. Даже черепа нерѣдко уродуются искусственнымъ образомъ, и у новорожденныхъ обѣихъ половъ вдавливаютъ, или, вѣрнѣе сказать, сплющиваютъ носы. Равнымъ образомъ, довольно распространенъ обычай просвѣрливанія носовой перегородки; въ хрящъ подъ ноздрями вбиваютъ небольшую, заостренную кость кенгуру, накаленную почти до красна, и оставляютъ тамъ до заживленія раны. Если туземецъ обладаетъ короткой глиняной трубкой, то она большею частью оказывается у него въ носу. Обычай этотъ кажется намъ безсмысленнымъ, потому что онъ мѣшаетъ дышать носомъ, но австралійцы, ради красоты, охотно выносятъ это неудобство. По мнѣнію Фр. Миллера, это вовсе не коренной австралійскій обычай, а, повидимому, перенятый у папуасовъ; если онъ и можетъ быть названъ преобладающимъ, то во всякомъ случаѣ не представляетъ исключительнаго явленія, такъ какъ Джемсъ Броунъ встрѣтилъ его также у племенъ южнаго побережья, на сѣверѣ материка. У Торресова пролива употребляются, сверхъ того, маленькія раковины и зубы для украшенія шеи и рукъ. Много лѣтъ тому назадъ берлинскому антропологическому обществу былъ присланъ изъ Центральной Австраліи подарокъ, состоящій изъ ожерелья, сдѣланнаго изъ когтей птицы лиры, или австралійскаго фазана (Menura superba), „Bulla-Bulla" туземцевъ, а также украшеніе, состоящее изъ кончиковъ хвостовъ язвицы (Perameles). Въ заключеніе, мы должны упомянуть объ одномъ общеизвѣстномъ еврейскомъ обрядѣ, который встрѣчается у многихъ народовъ земного шара и, равнымъ образомъ, у большинства австралійскихъ племенъ, въ особенности на сѣверѣ и на югѣ материка. Настолько же распространено еще болѣе своеобразное и болѣзненное изувѣченіе, а именно операція „Mika" или „Kulpi" (см. Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop. 1879, s. 225, и 1880, s. 85—86). Она встрѣчается не только въ Южной и Центральной Австраліи, но и у туземцевъ Портъ-Дарвина.

Изъ всѣхъ существующихъ человѣческихъ племенъ, нѣтъ ни одного, у котораго бы жилище, по способу постройки, удобствамъ и прочности, стояло ниже австралійскаго. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя, подобно востоку, преимущественно богаты природными пещерами, находятъ настоящихъ троглодитовъ, по крайней мѣрѣ, судя по многочисленнымъ остаткамъ пищи, находимымъ въ пещерахъ. Здѣсь опять само собою представляется полное ихъ соотвѣтствіе съ пещернымъ человѣкомъ европейскаго періода, который въ Южной Франціи, въ Бельгіи,

Англіи и Германіи, проводилъ жизнь подъ открытымъ небомъ. Отдѣльныя австралійскія семьи по-просту устраиваютъ себѣ логовище въ кустахъ и дуплахъ деревьевъ. Вообще можно сказать, что австралійцы нигдѣ не имѣютъ осѣдлости и постоянно ведутъ кочевую жизнь. У нихъ нѣтъ также опредѣленныхъ мѣстъ для кочевокъ, но они выбираютъ ихъ, сообразно потребности данной минуты, большею частью около рѣкъ, въ горныхъ лощинахъ и въ чащѣ кустовъ (scrubs), которые встрѣчаются на сѣверѣ, среди безлѣсныхъ луговыхъ равнинъ и нерѣдко тянутся на нѣсколько часовъ разстоянія. Въ Новой Англіи, гдѣ климатъ болѣе чѣмъ въ какой либо другой австралійской мѣстности требуетъ защиты отъ холода и дождей, д-ръ Дюбокъ не нашелъ нигдѣ и слѣда хижинъ. Чернокожіе спятъ на голой землѣ, подъ покровомъ своихъ шубъ и деревьевъ, образуя собой полукругъ около огня; обыкновенно это какой нибудь медленно горящій стволъ дерева, сваленный на землю и зажженный съ одного конца. Въ этихъ случаяхъ всегда поддерживаютъ, кромѣ того, еще нѣсколько небольшихъ костровъ. Видъ подобнаго лагеря чернокожихъ—„camp“, какъ его большею частью называютъ поселенцы, представляетъ одно изъ немногихъ живописныхъ зрѣлищъ въ Австраліи (Ausland 1863, s. 593). Но даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ построены хижины, онѣ отличаются крайне грубымъ устройствомъ и вполнѣ соотвѣтствуютъ первобытному культурному состоянію австралійцевъ.

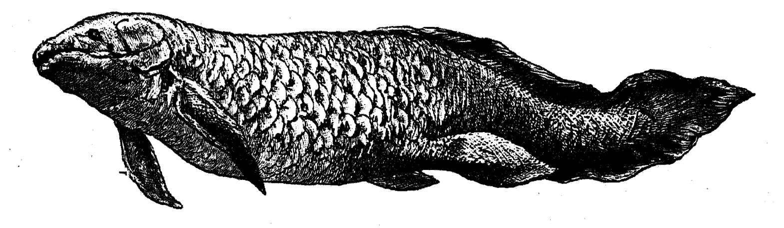
Лѣтомъ, навѣсъ изъ вѣтокъ, покрытыхъ листьями, служитъ имъ защитой отъ вѣтра, а на зиму они устраиваютъ себѣ хижину изъ древесной коры, дерна, или травы. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ хижина состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ коры краснаго дерева, въ 1,6 м. высоты, и столько же ширины, которые кладутся въ наклонномъ положеніи и подпираются двумя палками, приложенными съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, она только отчасти предохраняетъ отъ вѣтра и нисколько не защищаетъ отъ дождя, потому что три стороны совершенно открыты, и въ цѣломъ она представляетъ родъ полукрыши, или наклонной стѣны. Иногда куски коры складываются вмѣстѣ, снизу ихъ вколачиваютъ въ землю, а сверху прикрѣпляютъ другъ къ другу, такъ что черезъ это образуется хижина, похожая на карточный домъ. Эти безъискусственные виды крова называются у туземцевъ „Miam“, „Wurly“ или „Wirlie“ и „Gunjah“. Въ большинствѣ случаевъ подобныя жилища очень тѣсны и низки и едва могутъ служить убѣжищемъ отдѣльнымъ семьямъ; но иногда попадаются длинныя хижины, въ которыхъ спятъ вмѣстѣ отъ пяти до десяти семействъ. Лучшія изъ нихъ тѣ, въ которыхъ живутъ вожди племени съ своими женами; онѣ строятся изъ высокихъ кольевъ, въ 1,60 м., которые складываютъ вмѣстѣ въ наклонномъ положеніи и вбиваютъ въ землю; ихъ покрываютъ вѣтками, а затѣмъ слоемъ древесной коры. Эти „Gunjah“ бываютъ около 1,3—1,4 м. высоты, 3—3,5 м. длины и 1,3 ширины; съ лицевой стороны оставляется отверстіе, черезъ которое вползаютъ внутрь хижины, гдѣ земля устлана сухими листьями. Фасадъ всегда обращенъ на юго-востокъ, такъ какъ съ этой стороны всего рѣже дождь и гроза. Въ мѣстахъ, гдѣ туземцы сравнительно остаются болѣе обыкновеннаго, благодаря временному обилію извѣстныхъ средствъ къ пропитанію, строятся также хижины, которыя нѣсколько мѣсяцевъ въ году обитаемы, а въ остальное время года стоятъ пустыя. Число ихъ особенно зна-

чительно въ средней Австраліи, что, вмѣстѣ съ множествомъ проложенныхъ тропинокъ, придаетъ странѣ болѣе населенный видъ, нежели это оказывается въ дѣйствительности. Нѣкоторые путешественники, какъ напримѣръ Стюартъ, около Дарлинга видѣли подобныя покинутыя деревни, состоящія изъ семидесяти хижинъ, хотя обыкновенно послѣднихъ бываетъ не болѣе десяти, или двадцати. Форма хижинъ не совсѣмъ одинакова; въ восточной и средней Австраліи онѣ имѣютъ видъ остроконечной крыши, доходящей до земли около 4 м. длины, 2 м. ширины, очень низкой, сплетенной изъ вѣтвей, покрытыхъ корой евкалиптоваго дерева, и съ боковымъ отверстіемъ. Передъ послѣднимъ горитъ огонь, если хижина обитаема. Въ западной Австраліи „wirlies“ снабжены дугообразнымъ отверстіемъ, около 1 м. высоты; но внутри эти хижины настолько тѣсны, что человѣкъ не можетъ лежа растянуться въ нихъ. Тѣмъ не менѣе, онѣ вмѣщаютъ отъ двухъ до трехъ человѣческихъ существъ, которыя сидятъ тамъ, скорчившись. Бываютъ и другія формы жилищъ; на сѣверномъ берегу они нѣсколько красивѣе и лучше построены. Здѣсь можно встрѣтить болѣе значительныя хижины и деревни; при каждомъ жильѣ особое помѣщеніе для спальни; въ этой же мѣстности находили искусственные колодцы и мосты. Но весь вопросъ заключается въ томъ, сами ли австралійцы дошли до этого, болѣе утонченнаго и осѣдлаго образа жизни, или его нужно приписать чужеземному вліянію.

Передъ каждой хижной горитъ небольшой костеръ, который поддерживается, хотя бы въ тлѣющемъ видѣ, все время, пока племя остается на мѣстѣ. Если оно переселяется куда нибудь по близости, то женщины забираютъ всѣ пожитки, не исключая и матеріала, изъ котораго построены хижины, и взваливаютъ себѣ на спины, вмѣстѣ съ грудными младенцами. Нагруженныя такимъ образомъ, онѣ ведутъ за руку маленькихъ дѣтей, слѣдуя за своими мужьями, которые шествуютъ впереди гуськомъ, безъ всякой ноши, кромѣ легкаго оружія. Если они идутъ куда нибудь вдаль, то хижины оставляются, и, по прибытіи на мѣсто назначенія, строятся новыя.

Пища.

Австралійскій туземецъ не разборчивъ въ пищѣ и можетъ быть названъ всеяднымъ и всепожирающимъ, потому что онъ глотаетъ все, что только можетъ быть съѣдомо и не ядовито. Мы не находимъ особеннаго различія между способомъ питанія восточно-африканскихъ



Баррамуда.

обезьянъ, павіановъ, описаннымъ Отто Керштеномъ, и той пищей, которую, по словамъ Альфреда Лортша, употребляютъ австралійцы. Она состоитъ изъ всевозможныхъ мѣстныхъ продуктовъ, начиная отъ большой сизой двуутробки, до крысовиднаго кенгуру, и отъ коршуна стервятника и всѣхъ плавающихъ птицъ, до маленькаго красно и голубогрудаго мѣстнаго воробья. Кромѣ того, употребляются въ пищу угри, рыбы всякаго рода и между ними „Баррамуда" (Barramuda), т. е. замѣчательный Ceratodus Forsteri, съ которымъ впервые познакомились европейцы въ 1870 году и который составляетъ одно изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ; а также опоссумы, лѣнивцы, дикія кошки и утконосы, летучіе псы, летучія мыши и бѣлки, лягушки, ящерицы, змѣи, черви и т. п. Австралійцу совершенно непонятно то отвращеніе, какое испытываетъ цивилизованный человѣкъ относительно нѣкоторыхъ яствъ.

Такъ, напримѣръ, одно изъ его любимыхъ блюдъ составляютъ бѣлые, въ футъ длиною черви (личинки), которые водятся въ корѣ деревьевъ; онъ глотаетъ ихъ съ неменьшею жадностью, какъ итальянецъ макароны. Встрѣчаемыя здѣсь во множествѣ бѣлые муравьи пожираются живыми, равно и лягушки, во всѣхъ стадіяхъ развитія, даже въ видѣ головастиковъ. У змѣй однѣ головы считаются несъѣдобными. Туземцы особенно цѣнятъ змѣиныя яица, которыя они, какъ и всякое мясо, нерѣдко потребляютъ на половину протухшими. Другой наблюдатель, д-ръ Юнгъ, утверждаетъ наоборотъ, что австраліецъ чувствуетъ величайшее отвращеніе къ мясу, которое хотя до извѣстной степени имѣетъ haut goût. Но выброшенный на берегъ китъ представляетъ для нихъ лакомый кусокъ, и они любятъ его жиръ во всѣхъ видахъ.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ Австраліи нѣтъ вовсе ручныхъ звѣрей и очень мало лѣсной дичи. Равнымъ образомъ, въ странѣ нѣтъ такихъ растеній, которыя, по своей питательности, могли бы сравниться съ нашими хлѣбными злаками, или американскимъ маисомъ. Растительное царство, благодаря недостатку съѣдобныхъ плодовъ, доставляетъ мало средствъ для пропитанія, и къ услугамъ туземцевъ всего нѣсколько сортовъ ягодъ и кореньевъ, которыя они только и находятъ въ своихъ лѣсахъ.

Изъ съѣдобныхъ австралійскихъ растеній мы назовемъ коренья дикаго арроруга, который ростетъ въ огромномъ количествѣ около рѣкъ и очень похожъ на культурный, но только отличается болѣе терпкимъ и горькимъ вкусомъ; австралійцы растираютъ этотъ корень между двумя плоскими каменьями. То же дѣлаютъ они съ такъ называемыми сѣменами „нарду", тайнобрачнаго растенія, ростущаго въ водѣ, а именно Marsilea quadrifida, которое собственно не имѣетъ плодовъ въ видѣ сѣмянъ, а только овальныя съѣдобныя споры; смоченныя въ водѣ, онѣ становятся слизистыми; ихъ растираютъ, и при этомъ получается родъ муки, изъ которой можно печь хлѣбъ. Кромѣ того, въ Австраліи встрѣчается въ дикомъ видѣ ямовый корень, который считается несъѣдобнымъ европейцами и по наружному виду напоминаетъ козелецъ. Пищей служатъ также: дикія фиги, 5—6 видовъ крайне плохихъ лѣсныхъ ягодъ, зерна Acaciae sophoroae и многія другія бобовыя растенія, смолистый сокъ различныхъ видовъ акацій, мясистые листья Mesembryanthemum, нѣкоторыя травы, какъ Nasturtium, Cardamine и Chenopodium, нѣкоторые грибы и манна

съ листьевъ Eucalyptus mannifera, большіе бобы „падлу", похожіе вкусомъ на нашъ картофель, только сладковатые и, наконецъ, орѣхи одной пальмы, ядовитые въ свѣжемъ видѣ, но которые становятся безвредными, когда полежатъ въ землѣ и подвергнутся процессу броженія. Не менѣе важнымъ средствомъ для пропитанія можно считать Typha latifolia, видъ ситника; коренья его выкапываются чернокожими женщинами, которыя поджариваютъ ихъ, толкутъ и приготовляютъ изъ нихъ маленькія лепешки. Австралійцы также поджариваютъ иногда кору и верхніе покровы древесныхъ корней. Они никогда не ѣдятъ соли или какихъ либо пряностей, но всѣ сладости очень нравятся имъ. Лѣтомъ, медъ дикихъ пчелъ питаетъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; дикари безъ труда находятъ его, потому что, поймавъ пчелу, они приклеиваютъ къ ней маленькое бѣлое перо и идутъ вслѣдъ за полетомъ насѣкомаго до самаго улья. Въ теплую погоду и при мелководьи, они занимаются рыбной ловлей, и уловъ обыкновенно далеко превосходитъ ихъ потребности.

Споры „Нарду".

Менѣе безвредною оказывается наклонность австралійцевъ къ человѣческому мясу. Несмотря на отзывы Пешеля, что „если австралійцевъ нельзя считать совершенно безгрѣшными въ этомъ отношеніи, то они во всякомъ случаѣ не принадлежатъ къ людоѣдамъ въ полномъ значеніи этого слова", новѣйшія изслѣдованія тѣмъ не менѣе убѣждаютъ насъ, что антропофагія болѣе распространена, нежели это предполагали до сихъ поръ. Браугъ Смитъ говоритъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, что людоѣдство въ его время было распространено во всей Австраліи. Туземцы убивали маленькихъ дѣтей и пожирали ихъ, равно и трупы воиновъ, убитыхъ въ сраженіи... Какъ ни грустно сознаться въ этомъ, но можно привести множество вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ людоѣдства.

Обычай этотъ, повидимому, очень распространенъ у племенъ внутренней Австраліи. В. Э. Стенбриджъ, который прожилъ цѣлыхъ 18 лѣтъ среди туземцевъ и, благодаря близкимъ сношеніямъ съ ними, подробно изучилъ ихъ нравы, разсказываетъ то же самое о племенахъ, живущихъ на югѣ центральной Австраліи, и изображаетъ ихъ людоѣдами самаго низшаго разряда. Путешественникъ Форрестъ нашелъ однажды поджаренный и обгрызенный человѣческій черепъ. Этимъ опровергаются увѣренія Донъ Сальвадоса, будто бы людоѣдство уменьшилось съ 1848 года, и что въ настоящее время ничего не слышно о немъ. К. Дейзенгаммеръ говоритъ въ своихъ заслуживающихъ довѣрія „Skizzen aus Australien": „Относительно людоѣдства можно было бы раздѣлить всѣхъ чернокожихъ дикарей на два класса, а именно: на абсолютныхъ людоѣдовъ и полулюдоѣдовъ. Первымъ присуща ненасытная жажда человѣческой крови, и они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы добыть ее, между тѣмъ какъ вторые обыкновенно питаются растеніями и животными, и только въ исключительныхъ случаяхъ набрасываются на человѣческое мясо". (Wiener Abendpost, vom 22 September, 1877). То же самое утверждаетъ и К. Э. Юнгъ, который пробылъ много лѣтъ въ южной Австраліи: „Цѣлыя племена извѣстны своимъ людоѣдствомъ, и даже австралійцы, живущіе на прилежащихъ сѣверныхъ островахъ, пользуются въ этомъ отношеніи дурной славой". (Australien und Neuseeland. Leipzig, 1879, s. 17). У Купперсъ-Крика людоѣдство представляетъ несомнѣнный

фактъ; тамъ мать съѣдаетъ съ улыбающимся лицомъ своего собственнаго ребенка. Чернокожіе не брезгаютъ также никакимъ покойникомъ, если на немъ осталось хотя что нибудь съѣдобное. Въ Квинслендѣ, по словамъ швейцарца Марсе, всюду существуетъ людоѣдство, какъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ уже поселились бѣлокожіе, такъ и въ отдаленныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Это подтверждаетъ и Оберлендеръ относительно чернокожихъ въ сѣверной и южной частяхъ материка и добавляетъ, что они вовсе не дѣлаютъ тайны изъ своего людоѣдства и, даже не стѣсняясь, разсказываютъ о способѣ приготовленія такого обѣда. Между тѣмъ какъ Лортшъ (у котораго мы не находимъ никакихъ указаній на то, къ какой именно области Австраліи относятся сообщаемыя имъ свѣдѣнія) говоритъ наоборотъ, что людоѣдство настолько рѣдко и такъ тщательно скрывается, что только при особенныхъ обстоятельствахъ европеецъ могъ сдѣлаться очевидцемъ.

Голодъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ понудительной причиной къ людоѣдству; основаніемъ его скорѣе служатъ суевѣрныя представленія, или крайне своеобразно направленное благочестіе, а также вкусъ къ человѣческому мясу. Послѣднее, по весьма вѣроятному предположенію Юнга, нравится австралійцамъ, такъ что обжорство можетъ быть самымъ главнымъ поводомъ къ людоѣдству, что наглядно подтверждается многими разсказами.

Лютеранскій миссіонеръ Купперсъ-Крикъ спросилъ однажды у одного туземца, будутъ ли они есть трупъ незадолго умершаго передъ тѣмъ старшины ихъ племени, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: „нѣтъ, парень былъ слишкомъ худъ; онъ совсѣмъ безъ жиру“. (Globus, XVI. s. 15). Вышеупомянутый Марсе узналъ однажды, что по сосѣдству съ его хижиной въ небольшой промежутокъ времени съѣдены были два ребенка; двое спрошенныхъ имъ туземцевъ сознались, что принимали въ этомъ участіе. „Я спросилъ на ихъ языкѣ, разсказываетъ Марсе: „Picaninny budgerri patta? т. е. вкусно ли дѣтское мясо? Они не задумываясь отвѣтили, прищелкнувъ языкомъ отъ пріятнаго воспоминанія: „Ioai cobong budgerri!“—да, очень вкусно! Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы разспросить у этихъ дикарей нѣкоторыя подробности, и они сообщили мнѣ, что не все мясо съѣдается, а только мягкія части отъ бедра до колѣна—всего вкуснѣе рука—остальное бросается собакамъ. Человѣческое мясо вообще, по ихъ словамъ, гораздо вкуснѣе полусырое, нежели жареное. На мой вопросъ, кого у нихъ преимущественно выбираютъ въ жертвы для съѣденія, они отвѣтили, что выборъ всего чаще падаетъ на дѣтей подростковъ, у которыхъ отецъ европеецъ, а мать австралійка. Ребенку даютъ подрости, а когда наступитъ время, его собственная мать убиваетъ его дубиной и съѣдаетъ первый кусокъ“. (Globus, Bd. III, s. 271).

Въ европейскихъ книгахъ часто встрѣчается разсказъ о томъ, что чернокожіе съ особенной жадностью ѣдятъ почки и почечный жиръ. Тѣмъ не менѣе, д-ръ Мюке хочетъ убѣдить насъ, что это извѣстіе невѣрно и что поводомъ къ такимъ разсказамъ служитъ слѣдующее: между дикарями сильно распространено вѣрованіе, что если больной хвораетъ продолжительной болѣзнью безъ всякой видимой причины и ему не помогаютъ никакія цѣлительныя средства, то это означаетъ, что демонъ вынулъ у него почки во время сна и что отъ недостатка ихъ онъ долженъ умереть медленною смертью. Это одно, по словамъ почтеннаго защитника чернокожихъ, могло послужить основаніемъ для распространившейся молвы, но никогда, добавляетъ онъ, дикарю и въ голову не приходило посягать на почки бѣлаго человѣка (Die Natur, 1866, s. 309). Между тѣмъ, если существуетъ такое вѣрованіе, то естественно могло

явиться и другое, что легко замѣнить оказавшійся недостатокъ ѣдой чужихъ почекъ. Самъ д-ръ Юнгъ разсказываетъ далѣе, что туземцы ѣдятъ жиръ и внутренности прославленныхъ воиновъ и сильныхъ бѣлыхъ людей, въ томъ убѣжденіи, что сила, которой тѣ обладали, перейдетъ къ нимъ. Макъ-Дональдъ, владѣлецъ помѣстья у рѣки Верхней Мэри, видѣлъ собственными глазами старуху, которая натирала себѣ тѣло жиромъ внутренностей одного изъ своихъ умершихъ соплеменниковъ. Этого рода представленіями, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, можно объяснить антропофагскія привычки весьма многихъ некультурныхъ народовъ. Въ южной Австраліи старшій сынъ, по совѣту родителей, убиваетъ младшаго брата и съѣдаетъ его, въ увѣренности, что онъ черезъ это присвоитъ себѣ его силу и ловкость.

Достойно замѣчанія, что первобытные обитатели Австраліи ничего не употребляютъ въ пищу въ совершенно сыромъ видѣ, а все предварительно поджариваютъ на огнѣ, хотя это дѣлается такимъ образомъ, что пища все-таки съѣдается почти сырая. Вообще поварское искусство у чернокожихъ стоитъ на невообразимо низкой степени. Изготовленіе птицъ не занимаетъ у нихъ много времени, потому что у всякой убитой птицы они выдергиваютъ самыя большія перья, затѣмъ разбиваютъ ей спину въ длину бумерангомъ, вынимаютъ внутренности, выворачиваютъ внутреннюю сторону вверхъ, такъ что перья оказываются внутри, и безъ дальнѣйшей очистки бросаютъ изуродованную птицу на раскаленныя уголья. Если она мѣстами пригорѣла, то ее считаютъ готовой и снимаютъ съ огня. Рыбы и мясо звѣрей также жарятся на огнѣ или на угольяхъ и съѣдаются полусырыми или едва согрѣтыми. Лучшій способъ изготовленія мяса встрѣчается только на сѣверномъ берегу, гдѣ австралійцы употребляютъ способъ жаренья на горячихъ камняхъ, поливаемыхъ водой, извѣстный во всей Полинезіи, но дѣлаютъ это въ небольшихъ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ. То же сообщаетъ Оберлендеръ о туземцахъ Викторіи. (См. Globus, Bd. IV, s. 241). Это высшее развитіе поварского искусства у австралійцевъ однако не привело ихъ къ изобрѣтенію глиняныхъ сосудовъ въ родѣ тѣхъ, какіе умѣлъ приготовлять первобытный человѣкъ въ Европѣ, и поэтому имъ совершенно неизвѣстно употребленіе кипяченной воды для кулинарныхъ цѣлей. Трудность добыванія огня посредствомъ тренія легко воспламеняющихся кусковъ дерева побуждаетъ туземцевъ постоянно поддерживать его. Даже во время странствованія, они носятъ съ собой горящія головни и тщательно заботятся о томъ, чтобы онѣ не потухли.

Для добыванія огня австралійцу нужно особенное тѣлесное напряженіе, котораго онъ всегда старается избѣжать, по мѣрѣ возможности. Подобно всѣмъ другимъ первобытнымъ народамъ, онъ добываетъ огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ сухого дерева; изъ нихъ мягкій кусокъ дерева служитъ подстилкой, а сверху маленькая заостренная палка изъ твердаго дерева, которую онъ беретъ двумя ладонями, нажимая острымъ концомъ на подстилку, и вертитъ на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не воспламенится образовавшаяся древесная пыль. Тогда онъ быстро бросаетъ на нее сухія листья, раздуваетъ ихъ, и, благодаря этому, появляется яркое пламя. Что же касается того, что

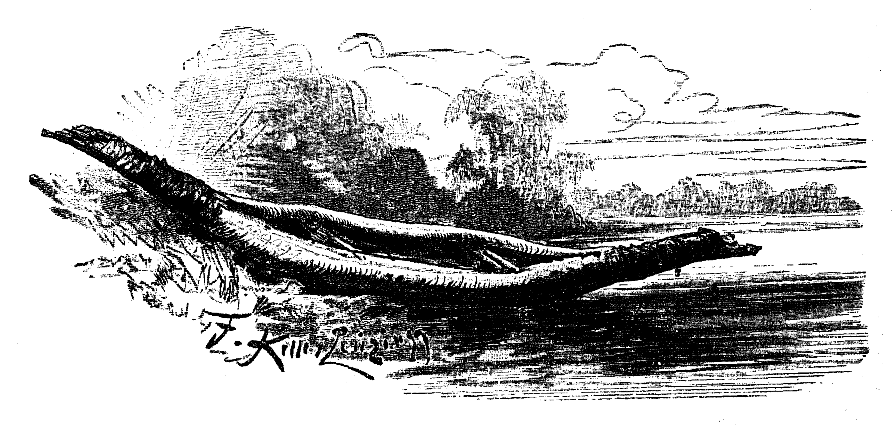
въ Австраліи будто бы существуютъ племена, не имѣющія никакого понятія объ огнѣ, то это не болѣе какъ сказка, ничѣмъ не доказанная, и которая врядъ-ли когда нибудь подтвердится.

Крайне оригиналенъ способъ, какимъ австралійцы утоляютъ свою жажду. Когда они возвращаются утомленные съ охоты, послѣ того, какъ ихъ караванъ (что случается нерѣдко) прошелъ большія безводныя пространства, и имъ при этомъ попадется по дорогѣ вода, то они ложатся въ нее, чтобы восполнить испарившуюся влагу, какъ внѣшнимъ образомъ, такъ и питьемъ для утоленія жажды. Впрочемъ, австраліецъ можетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ жить въ такой мѣстности, гдѣ европеецъ погибъ бы отъ неудовлетворенной жажды; при этомъ онъ обладаетъ рѣдкимъ искусствомъ отыскивать воду. Онъ не только знаетъ каждый источникъ и каждую разсѣлину скалы въ своемъ округѣ, но часто добываетъ воду въ самомъ сухомъ пескѣ, отрывая ее на глубинѣ 3—4 м. Гдѣ это оказывается невозможнымъ, онъ поддерживаетъ въ себѣ жизнь растительнымъ сокомъ корней извѣстныхъ деревьевъ и кустовъ. Онъ выслѣживаетъ ихъ въ песчаной почвѣ, нерѣдко на разстояніи 6—10 м., выкапываетъ ихъ, ломаетъ на маленькіе куски и высасываетъ изъ нихъ достаточное количество влаги для утоленія своей жажды; въ другихъ случаяхъ, для этого служитъ ему роса, накопившаяся на высокой травѣ. Объ охмѣляющихъ напиткахъ первобытный австраліецъ, подобно звѣрямъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Въ этомъ также проявляется крайне низкая степень его культуры, потому что домашніе спиртные напитки того или другого рода встрѣчаются у всѣхъ народовъ, перешедшихъ низшую стадію цивилизаціи. Само собою разумѣется, что эта связь съ остальнымъ человѣчествомъ проявляется сильнѣйшею страстью къ спиртнымъ напиткамъ, какъ только онъ познакомится съ ними и испытаетъ на себѣ ихъ дѣйствіе, что наблюдается почти повсемѣстно у приморскихъ жителей. Одинъ изъ бѣлокожихъ друзей уже разъ упомянутаго нами Бангари, „короля черныхъ“, говоритъ о немъ: „Что касается употребляемыхъ имъ напитковъ, то онъ былъ вовсе не разборчивъ. Единственная жидкость, къ которой онъ имѣлъ нѣкоторое отвращеніе, была вода. Ромъ, джинъ, водка, вино, пиво, чилійскій уксусъ, шампиньонный супъ, такъ называемый „Bull“ (низкій сортъ жженаго сахара, распущенный въ водѣ, который дѣйствуетъ на туземцевъ какъ алкоголь),—все это онъ пилъ очень охотно и въ какомъ угодно количествѣ, если только находился человѣкъ, у котораго онъ могъ выпросить такое угощеніе. Кстати замѣтимъ, что желаніе напиться вовсе не „скотская“, а спеціально человѣческая слабость.

Утварь и оружіе.

Во всемъ, что касается механическаго искусства, мы видимъ величайшую разницу между жителями материка и меньшими группами австралійскихъ островов, какъ относительно утвари, такъ и оружія. Послѣднее настолько грубо и первобытно у австралійцевъ, сравнительно съ ихъ сосѣдями, что едва заслуживаетъ описанія. Ихъ утварь и оружіе вообще очень просты, но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ все-таки проявляется большая умѣлость, нежели въ ихъ жилищахъ, пищѣ и способахъ ея изготовленія. Ихъ утварь состоитъ изъ немногихъ грубо сдѣланныхъ предметовъ для рубки дровъ, раскапыванія земли, разрыванія мяса, или сбереженія скудныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ видѣ сѣмянъ и лепешекъ. Для этого служатъ корзины или мѣшки, сдѣланные изъ стеблей ситника, а также изъ листьевъ и древесной коры, потому что у австралійцевъ, какъ упомянуто выше, нѣтъ никакихъ глиняныхъ сосудовъ. Для питья и храненія воды въ южной Австраліи употребляютъ выдолбленныя черепа убитыхъ враговъ и преимущественно близкихъ родныхъ, напримѣръ, родителей; и это, быть можетъ, единственный случай, гдѣ въ наше время часть человѣческаго скелета употребляется въ видѣ посуды. Въ древности дѣйствительно мы знаемъ о скиѳскихъ Исседонахъ, о которыхъ Помпоній Мела разсказываетъ между прочимъ, что они употребляли черепа своихъ предковъ въ видѣ сосудовъ для питья, обычай, который, по наблюденіямъ великаго венеціанскаго путешественника среднихъ вѣковъ, Марко Поло, былъ также господствующимъ у обитателей Тибета.

Для этой цѣли черепа приготовляются особеннымъ способомъ. Нижнюю челюсть и лицевыя кости удаляютъ, а мозгъ выполаскивается; затѣмъ выламываютъ орбитальныя пластинки, рѣшетчатую кость и тѣло клиновидной кости



Австралійскій челнокъ, сдѣланный изъ древесной коры.

и продѣваютъ въ черепъ шнурокъ у затылочнаго отверстія, для ношенія. Воду вливаютъ въ затылочное отверстіе, а пьютъ изъ искусственно сдѣланнаго отверстія въ передней части базіона (основаніе черепа). Швы залѣпляются воскомъ и растительнымъ гумми, а сверху прикрѣпляютъ кусочки устричныхъ раковинъ. (Virchow, in den Verhandl. der Berl. Gesellsch. f. Anthrop., 1877, s. 132—133). Въ былыя времена каждая женщина имѣла такой сосудъ для питья, ею самой приготовленный и выдолбленный. Фр. Миллеръ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ этомъ обычаѣ выражается актъ набожнаго почитанія къ покойнику, которому принадлежалъ черепъ, и что здѣсь нѣтъ ничего общаго съ людоѣдствомъ.

Что касается уровня ихъ общественнаго развитія, то оно замѣтно понижается съ сѣвера на югъ, а также съ востока на западъ, т. е. отъ Іоркскаго полуострова, гдѣ сравнительно всего больше поддерживалась связь съ Старымъ Свѣтомъ. Начиная отъ этого пункта, образъ жизни туземцевъ становится все первобытнѣе. Даже прежде, чѣмъ вошли въ употребленіе папуасскія пироги, у племенъ Карпентарскаго полуострова уже были свои лодки, хотя лучшіе образцы ихъ едва могутъ сравниться съ челноками изъ древесной коры, какіе встрѣчаются у сѣверо-американскихъ краснокожихъ. Большая часть австралійскихъ челноковъ представляютъ собой ничто иное, какъ цѣльный кусокъ древесной коры, около 4—5 м. длины, концы котораго связаны вмѣстѣ, а средина искусственно расширена, съ помощью вставленныхъ въ нее кусковъ дерева. Браугъ Смитъ доказалъ въ послѣднее время, что эти челноки представляютъ неотъемлемое изобрѣтеніе австралійскихъ туземцевъ, но они не годятся для плаванія по морю, потому что не выдерживаютъ напора волнъ. Однако въ Квинслендѣ, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ съ борта корабля Геу, къ югу отъ Рокингемъ-бея (18°5′ ю. ш.), не видно даже было этихъ челноковъ. Въ Ботани-беѣ, Кукъ встрѣчалъ у туземцевъ только куски коры, которые служили имъ вмѣсто лодокъ; не лучше были снабжены въ этомъ отношеніи, по словамъ Ангаса, племена близь Муррея. Жители окрестностностей Портъ-Эссингтона употребляли только плоты самаго грубаго устройства. Равнымъ образомъ ботаникъ Фр. Миллеръ, который, вмѣстѣ съ Ав. Грегори, въ 1856 году, открылъ съ сѣвернаго берега рѣку Викторію и Стуртсъ-Крикъ, видѣлъ у племенъ внутри материка только плоты, состоящіе изъ двухъ или трехъ древесныхъ стволовъ, на которыхъ они переѣзжали водою, изъ боязни аллигаторовъ. Въ 1861 году, по словамъ Грегори, корабль Дельфинъ, стоявшій на якорѣ за островами Дампіеръ, удостоился посѣщенія туземцевъ, которые подъѣхали къ нему на невыдолбленныхъ древесныхъ стволахъ. У южнаго берега никто не встрѣчалъ австралійцевъ на морѣ, а въ западной Австраліи, у Лебяжьей рѣки, какъ увѣряетъ Джемсъ Броунъ, они не только не употребляютъ никакихъ лодокъ, но даже не умѣютъ плавать (Peschel, Volkerkunde, s. 348—349). Только на Іоркскомъ полуостровѣ, такъ называемые „canoe“, сдѣланные изъ дре-

весныхъ стволовъ, могутъ до извѣстной степени сравниться съ красивыми лодками, встрѣчаемыми по ту сторону Торресова пролива, что слѣдуетъ приписать малайскому вліянію, или даже, что весьма вѣроятно, эти „canoe“ прямо покупаются у малайцевъ. Такимъ образомъ. быть можетъ, наибольшая изобрѣтательность австралійцевъ проявляется только въ изготовленіи рыболовныхъ сѣтей, употребляемыхъ племенами рѣчныхъ и морскихъ береговъ. Они плетутъ ихъ изъ коры крапивнаго дерева (Urtica sp.), которую раскалачиваютъ между двумя камнями, а затѣмъ прядутъ изъ нея нити. Ихъ плетеныя корзины изъ шерсти опоссума также довольно красивы. Шнуры изготовляются туземцами слѣдующимъ образомъ: они берутъ шерсть, разщипываютъ ее въ длинныя пряди, затѣмъ кладутъ себѣ на колѣна и скатываютъ ладонью руки, пока прядь не достаточно скручена; тогда берутъ другую и та же процедура начинается заново. Они дошли въ этомъ до такого искусства, что скрученныя пряди оказываются совершенно одинаковыми. Г-жа Бингманнъ, жена одного доктора изъ Франкфурта-на-Майнѣ, долгое время жившая въ Австраліи, увидѣла у нихъ однажды, къ своему величайшему удивленію, родъ первобытнаго веретена, съ помощью котораго они изготовляли грубыя нити изъ шерсти опоссума. Веретено у туземцевъ представляетъ собою обыкновенный гладкій кусокъ дерева, который они, сидя на полу, искусно придерживаютъ большимъ пальцемъ ноги во время пряжи. (Ausland, 1861, s. 347).

Всѣ эти работы падаютъ на долю женщинъ; мужчины занимаются изготовленіемъ оружія, которое исключительно дѣлается изъ дерева, камня и костей. Австралійскіе туземцы не были знакомы съ металлами и слѣдовательно не могли выдѣлывать ихъ; если въ настоящее время мы видимъ въ ихъ рукахъ желѣзныя орудія, то это все издѣлія бѣлокожихъ, которыя перешли къ нимъ путемъ торговли. Во время открытія Австраліи у нихъ только что начался „каменный вѣкъ“ и даже теперь они не далеко отстали отъ него, если мы примемъ это названіе для обозначенія періода, который было бы правильнѣе назвать „дометаллическимъ вѣкомъ“. Что касается собственно каменныхъ орудій, то у австралійцевъ встрѣчается только: наконечникъ копья, молотокъ и такъ называемые топоры.

Томагаукъ, или молотокъ, есть ни что иное, какъ грубый, безформенный кусокъ камня, прикрѣпленный по срединѣ къ тонкой деревянной рукояткѣ посредствомъ смолистаго сока (гумми) травянистаго дерева. Это орудіе преимущественно употребляется для нарубки гладкаго древеснаго ствола при взлѣзаніи; въ новѣйшее время оно замѣняется обыкновеннымъ европейскимъ топоромъ. Въ западной Австраліи встрѣчаются также бердыши, „Mogos“, изъ смолы ксанторреи, которая такимъ образомъ облѣпляетъ кусокъ гранита, что выдающіяся изъ смолы острыя части камня образуютъ двойной молотокъ. Рукоятка впущена въ смолистую массу. Въ этнографическомъ отдѣлѣ Брауншвейгскаго городского музея хранятся двѣ западно-австралійскія аллебарды

„Galengar", въ 12 сант. длины, сдѣланныя изъ діорита съ полированнымъ остріемъ. У одной изъ нихъ въ желобкѣ ксанторреевой смолы, которая необыкновенно тверда, заключается прикрѣпленная, т. е. облѣпленная ею, двойная рукоятка, связанная шнуркомъ. Тамъ же находятся два ножа изъ западной Австраліи: одинъ въ 14 куб. сант., изъ сіенита (?), другой, 15 куб. сан. изъ базальта, съ рукояткой, обернутой мягкой шерстью. (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop., 1875, s. 147).

Что касается австралійскаго оружія (см. Globus, Bd. IV, s. 279), то оно все изъ дерева, простого и первобытнаго устройства, и разнится только по роду и способу употребленія, смотря по тому, для какой цѣли оно изготовляется, а также сообразно мѣстнымъ условіямъ страны. Лукъ и стрѣлы неизвѣстны въ Австраліи, и тамъ, гдѣ они встрѣчаются, какъ, напримѣръ, у жителей сѣвернаго побережья, они вѣроятно перенесены отъ сосѣднихъ малайцевъ. Изъ различныхъ видовъ туземнаго оружія, употребляемаго для нападенія на непріятеля, преимущественно встрѣчаются: копье, дротикъ или общеизвѣстный „бумерангъ" и дубина; а для защиты имъ служитъ щитъ. Но вообще туземцы, несмотря на крайне простое устройство своего оружія, могутъ наносить смертельныя раны избранной ими жертвѣ, такъ какъ на ихъ копьяхъ часто насажены острыя раковины или куски кварца, приклеенные древесной смолой, или привязанные звѣриными жилами; сверхъ того, дикари обладаютъ чрезвычайною ловкостью въ умѣньи владѣть своимъ оружіемъ.

Копье, главное наступательное оружіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ частяхъ материка, бываетъ двухъ родовъ: одно, съ метательнымъ древкомъ, другое они бросаютъ отъ руки. Каждое изъ нихъ представляетъ четыре видоизмѣненныя формы. Копья съ метательнымъ древкомъ различаются слѣдующимъ образомъ: a) „Kiko", или тростниковое копье, съ остріемъ изъ твердаго дерева; b) „Kiero" — копье изъ твердаго дерева, съ остріемъ въ 60—55 сант., которое сдѣлано изъ длинной цвѣтовой оси травяного дерева и прикрѣплено на одномъ концѣ; c) сходное съ нимъ оружіе, съ остріемъ изъ твердаго дерева, на которомъ вырѣзаны 5—6 зубцовъ, и d) легкое копье, употребляемое въ Портъ-Линкольнѣ и на восточномъ берегу, изъ твердаго дерева, на концѣ котораго простой крючокъ, привязанный жилами эму или кенгуру. Всѣ эти копья среднимъ числомъ отъ 1,60 до 2 м. длины. Ихъ можно легко бросить на 30—100 шаговъ, смотря по способу ихъ изготовленія, или большей или меньшей силѣ, съ какой они брошены. Большія копья бываютъ слѣдующихъ видовъ: „Karkuroo" (Каркуру), простое и тяжелое копье изъ камеднаго дерева; такое же оружіе, съ крючкомъ изъ кварца или съ кусочками кремня; затѣмъ копье съ 5—6 зарубками на одной сторонѣ острія, наконецъ, подобное этому копье, съ тѣмъ же числомъ зарубинъ на обѣихъ сторонахъ острія. Каждое такое копье имѣетъ 4—4,50 м. длины. Ихъ бросаютъ съ большимъ усиліемъ на разстояніе 10—14 м.; они почти всегда попадаютъ въ цѣль и безусловно смертельны.

Метательное древко, „Nga-wa-onk", чаще называемое „Wamera" (Воммара, воммала), обыкновенно бываетъ длиною отъ 1/2—1/3 м.; оно состоитъ изъ плоскаго куска твердаго дерева, нѣсколько расширеннаго въ срединѣ (приблизительно въ 10 сант.), и иногда слегка выдолбленнаго внутри. Къ обѣимъ концамъ оно постепенно съуживается и переходитъ въ остріе: на одномъ концѣ находится крючокъ, къ другому прикрѣпляется кусокъ камеди или пучекъ

Оружіе австралійцевъ: среднее, большое копье и копье съ тремя зубьями, употребляемое для рыбной ловли.

шерсти опоссума, что дѣлается съ тою цѣлью, чтобы „Wamera" не могла выпасть изъ рукъ при метаньи копья. Крючокъ—обыкновенно зубъ кенгуру—вложенъ въ отверстіе, находящееся на нижнемъ концѣ копья, а метательное древко и копье придерживаются пальцами правой руки. Если копье поднято до высоты глаза, то оно можетъ быть брошено, и метательное древко, дающее направленіе копью, значительно увеличиваетъ силу удара, дѣйствуя въ настоящемъ случаѣ въ видѣ рычага. Это оружіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно нигдѣ больше не встрѣчается на землѣ. Туземцы съ удивительною ловкостью владѣютъ имъ, и на разстояніи 50—60 шаговъ почти всегда попадаютъ въ цѣль. „Wamera" вырѣзывается изъ очень твердаго дерева, а именно изъ одного вида чернаго анакарда, съ крѣпкими волокнами, которое при употребленіи очень скоро получаетъ превосходную полировку. Иногда на этомъ оружіи дѣлаются разныя украшенія; нѣкоторыя изъ нихъ пробуравлены на каждомъ концѣ, и на нихъ вырѣзано грубое подобіе человѣческихъ фигуръ; другія выкрашены красной охрой, съ проведенными по ней желтыми линіями. Въ западной Австраліи употребляются тѣ же виды этого оружія, какіе намъ извѣстны съ давнихъ поръ въ южной и восточной Австраліи. Здѣшній дикарь никогда не выпускаетъ изъ рукъ своихъ „Wamera", и, когда всѣ его копья брошены, онъ употребляетъ ее въ рукопашномъ бою, въ видѣ меча или молотка. Ея острыя твердыя края наносятъ не менѣе глубокія раны головамъ сражающихся, чѣмъ тяжелая солдатская сабля.

Но изъ всего австралійскаго оружія наиболѣе заслуживаетъ вниманія „Wagn" или „Wangno", на югѣ Австраліи, „Kiley" или „Kilie", на западѣ, и „Bommeran", или бумерангъ, у восточныхъ австралійцевъ. Несмотря на крайнюю простоту этого оружія, оно становится весьма опаснымъ въ рукахъ туземца, и распространено у всѣхъ племенъ, кромѣ жителей Карпентарскаго полуострова, и у нѣкоторыхъ ордъ нижняго Муррея. Бумерангъ состоитъ изъ тонкаго, плоскаго куска дерева, согнутаго въ видѣ полумѣсяца; длина его отъ одного конца до другого доходитъ до 40 сант., а ширина почти до 5 сант. Австралійцы изготовляютъ его изъ сучьевъ или вѣтвей Acacia pendula или изъ

какого нибудь другого вида того же семейства, потому что его естественный изгибъ долженъ быть подъ угломъ отъ 100 до 130°/₀. Если бросить бумерангъ острымъ концомъ противъ вѣтра, то онъ летитъ, описывая вокругъ себя круги, и, пролетѣвъ впередъ извѣстное пространство, возвращается обратно къ мѣсту, откуда онъ былъ брошенъ. Само собою разумѣется, что этого не бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ мѣтко брошенъ въ извѣстную цѣль, потому что онъ тогда падаетъ на землю. Человѣкъ, умѣющій владѣть бумерангомъ, можетъ дать ему какое угодно направленіе; для усиленія удара, его бросаютъ плашмя на землю, отъ которой онъ отскакиваетъ и подымается на значительную высоту. Туземцы убиваютъ имъ птицъ и небольшихъ млекопитающихъ на довольно значительномъ разстояніи, приблизительно на 200 шагахъ. На войнѣ это оружіе особенно опасно въ томъ отношеніи, что въ моментъ, когда оно летитъ по воздуху, почти невозможно разсчитать, какое направленіе оно приметъ и гдѣ упадетъ. Замѣчено, что нынѣшнія туземцы далеко не такъ ловко

Австраліецъ съ копьемъ и дротикомъ.

владѣютъ этимъ своеобразнымъ оружіемъ, какъ прежде, и что это искусство все болѣе и болѣе падаетъ у нихъ. Бумерангъ представляетъ несомнѣнное сходство съ южно-индѣйскимъ дротикомъ и желѣзнымъ метательнымъ оружіемъ африканскаго негра, „трумбатшемъ“, въ основѣ которыхъ тотъ же принципъ, хотя, конечно, изъ этого нельзя было выводить заключенія о широкомъ распространеніи австралійской расы. Третье орудіе—дубинка (Nulla-Nulla), выдѣлывается изъ миртоваго дерева; утолщенная часть ея обыкновенно съ зубцами, а при случаѣ снабжена и гвоздями.

Въ большей или меньшей степени, употребляется еще слѣдующее оружіе: „Katta-Twirris“, родъ обоюдоостраго меча, съ насаженными на немъ кусками кварца и раковинъ, которые разрываютъ края раны; употребляется почти исключительно чернокожими къ сѣверу отъ Аделаиды и только на войнѣ. Сравнительно въ большемъ употребленіи „Kalta“—круглая палка съ утолщеннымъ булавовиднымъ концемъ—особенно при поединкахъ; „Bwirri“, или „Paddimil-

lastock", есть ни что иное, какъ короткая палка изъ твердаго дерева, съ яйцеобразнымъ набалдашникомъ, котораго поверхность обуглена, съ цѣлью придать ему бóльшую жесткость. Это своего рода смертоносное и въ большинствѣ случаевъ метательное оружіе, требующее большой точности при бросаніи; оно преимущественно употребляется на охотѣ за padimilla—видъ маленькаго кенгуру. Въ заключеніе мы упомянемъ еще „Waddy", большую дубинообразную палку, изъ твердаго дерева, отъ 60 сант. до 1 м. длины.

Щитъ „Tar-ram" изготовляется изъ коры камеднаго (гумминоснаго) дерева, бываетъ различной формы и устройства, и большею частью довольно узокъ. Самая употребительная форма овальная или съуживающаяся отъ средины къ обоимъ концамъ, въ 60—75 сант. длины, отъ 20—45 ширины и 2,5—4 сант. толщины. Въ срединѣ этого крайне легкаго и эластическаго щита находятся два отверстія, къ которымъ прикрѣпленъ кусокъ дерева въ видѣ ручки. Во время войны щиты раскрашены преимущественно, съ внѣшней стороны красными или черными полосами; сверхъ этого часто чертится красный крестъ.

Быстрота зрѣнія и ловкость, съ какой австралійскій дикарь умѣетъ избѣгать ударовъ различнаго оружія, дѣйствительно поразительны. Это особенно можно сказать о копьяхъ, такъ какъ здѣсь искусство дикарей доходитъ до такой степени, что рѣдкій изъ нихъ бываетъ раненъ, если только онъ ожидалъ нападенія. Можно бросить въ туземца, съ возможной быстротой, одно за другимъ пять или шесть копій, и онъ, не двигаясь съ мѣста, избѣгнетъ ихъ легкимъ поворотомъ тѣла. Съ дѣтскаго возраста упражненіе въ метаніи копья и бумеранга составляетъ главное занятіе австралійцевъ, и вы часто видите дѣтей, которые цѣлые часы забавляются тѣмъ, что бросаютъ другъ въ друга свое маленькое оружіе.

Образъ жизни и занятія.

Изъ всѣхъ занятій, которымъ австраліецъ предается съ наибóльшею охотою и любовью, первое мѣсто занимаютъ сонъ, возможное наполненіе желудка всякой пищей и опять-таки сонъ. Но подобная животная жизнь, напоминающая бразильскаго лѣнивца, не всегда возможна, и поэтому война и охота составляютъ дальнѣйшее занятіе мужчинъ, между тѣмъ какъ на обязанности женщинъ лежитъ доставка растительной пищи и ея изготовленіе. Они имѣютъ особенное пристрастіе къ собакамъ, которые дѣлаются ихъ постоянными спутниками, и преимущественно европейскаго происхожденія, потому что „динго", или туземная собака, переселившаяся, по мнѣнію Вирхова, одновременно съ австралійцами, не легко дѣлается ручнымъ. (Verh. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop., 1877, s. 89).

Тѣмъ не менѣе, динго, судя по описаніямъ Вилькинсона и другихъ путешественниковъ, найденъ ручнымъ у туземцевъ, которые пользовались имъ для охоты за кенгуру и эму, или австралійскимъ казауромъ. Здѣсь довольно часто наблюдается помѣсь дикаго и ручного динго, а также ублюдки отъ ручного динго и европейской домашней собаки. Послѣдніе представляютъ сход-

ство съ овчарками германскихъ странъ. Нѣкоторые утверждаютъ, будто динго становится наиболѣе ручнымъ, если онъ съ рожденія вскормленъ грудью австралійской женщины, и что вообще не только у дикихъ, но и у образованныхъ народовъ, подобные опыты, произведенные надъ молодыми звѣрями, взятыми изъ дикаго состоянія, какъ напр. свиньями, обезьянами и сумчатыми, дали блестящіе результаты (см. Archiv f. Anthrop. Bd. V, s. 219—220). Но собака, тѣмъ не менѣе, остается наиболѣе любимымъ пріемышемъ у многихъ народовъ и въ томъ числѣ у австралійцевъ. Въ колоніи Викторіи—говоритъ Оберлендеръ—не увидишь ни одной „Gin" (туземное слово, означающее женщину, жену и мать), которая бы не кормила грудью, совмѣстно съ собственнымъ ребенкомъ, 5—6 пятнистыхъ, грязныхъ и тощихъ щенятъ (Globus, Bd. IV, s. 278). При этомъ, женщины нерѣдко носятъ собакъ въ шерстяныхъ одѣялахъ и даже наряжаютъ ихъ въ различныя принадлежности своего незатѣйливаго туалета. Однако, несмотря на такую нѣжную заботливость, эти собаки все-таки являются самыми некрасивыми и жалкими тварями въ мірѣ, дикими, лѣнивыми и вѣчно голодными. Но австраліецъ цѣнитъ ихъ дороже всего имущества, друзей и дѣтей и считаетъ величайшимъ для себя оскорбленіемъ, если бѣлокожій убьетъ у него собаку. Въ подобныхъ случаяхъ у туземцевъ даже существуетъ кровавая месть. Собаки, которыхъ бываетъ до дюжины въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ лагерѣ, повидимому сознаютъ то значеніе, какое онѣ имѣютъ для своихъ господъ, и безусловно дѣлятъ съ ними горе и радость. Онѣ настолько привязаны къ нимъ, что несмотря на всѣ лишенія, еще не было примѣра, чтобы онѣ остались у европейца при лучшемъ уходѣ и содержаніи и, какъ извѣстно, всегда возвращаются на прежнее мѣсто жительства.

На охотѣ австраліецъ проявляетъ рѣдкую ловкость, выдержку и проницательность. Онъ легко узнаетъ всякій слѣдъ. Ему ничего не стоитъ выслѣдить дичь, преслѣдовать ее безъ шума, подкрасться змѣиными изгибами, мѣтко бросить въ нее оружіе и положить на мѣстѣ. Нерѣдко туземцы устраиваютъ сообща большія облавы, спугиваютъ дичь изъ вѣрнаго убѣжища посредствомъ зажиганія сухой травы, а затѣмъ гонятъ ее къ силкамъ, или засѣкѣ изъ кустарника, гдѣ охотники поджидаютъ ее съ копьями и дубинами. Кенгуру они убиваютъ большею частью метательнымъ копьемъ, или ловятъ посредствомъ силковъ и западней; вомбата (небольщое сумчатое животное изъ сем. opossum) и другихъ звѣрей выкапываютъ изъ норъ; птицъ убиваютъ бумерангомъ и ловятъ сѣтями и петлями (см. объ охотѣ, у Оберлендера, въ Globus, Bd. IV, s. 241). Нерѣдко черезъ воду, отъ дерева до дерева, бываютъ протянуты длинныя сѣти, и въ нихъ заманиваютъ дикихъ утокъ: одинъ изъ туземцевъ, спрятанный въ деревѣ, подражаетъ крику ястреба и этимъ вынуждаетъ птицъ опуститься на воду. Ихъ также ловятъ посредствомъ петель, искусно прикрѣпленныхъ къ тростнику. Австралійцы, живущіе у озеръ и рѣкъ, охотно занимаются рыбной ловлей. Иногда большимъ неводомъ вытягиваютъ они на берегъ богатый запасъ маленькаго озерка: у нѣкоторыхъ племенъ рыбакъ ловитъ свою добычу удочкой, сдѣланной изъ когтей птицы или изъ острой кости; болѣе затруднительнымъ оказывается убиваніе острогой большихъ рыбъ, что производится всегда съ челнока, при свѣтѣ факела. Но всего удивительнѣе способъ, какимъ австралійцы

овладѣваютъ опоссумомъ, звѣремъ, живущимъ на высочайшихъ гумминосныхъ деревьяхъ.

Туземцы взлѣзаютъ на деревья крайне своеобразнымъ способомъ. Австралійскій дикарь употребляетъ для этого родъ каната изъ лозы дикаго винограда, или изъ какихъ-либо другихъ цѣпкихъ вѣтвей, отъ 3—4 м. длины. Онъ накидываетъ этотъ канатъ вокругъ ствола, крѣпко держитъ концы его въ рукахъ и, упираясь въ дерево, взлѣзаетъ на него маленькими шагами, если стволъ достаточно крѣпокъ и на немъ есть зарубины послѣ прежняго лазанія. Если этихъ зарубинъ не оказывается, то дикарь самъ дѣлаетъ ихъ; онъ опускаетъ конецъ каната, снабженный съ этой цѣлью кольцомъ, и вкладываетъ въ петлю большой палецъ ноги, а свободной рукой беретъ топоръ, который виситъ у него за поясомъ и зарубаетъ имъ ступеньки въ полтора сантиметра глубины, на такой высотѣ, какой онъ только можетъ достигнуть. Можно положительно сказать, что для этого способа взлѣзанія на деревья нужна необыкновенная ловкость и сила мускуловъ, потому что въ продолженіи минутъ вся тяжесть тѣла опирается на большой палецъ, вложенный въ узкую ступень. Лортшъ справедливо замѣчаетъ, что сравнительно съ этой гимнастикой знаменитое взлѣзаніе на кокосовыя пальмы, которымъ прославились островитяне южнаго океана и другіе народы, оказывается не болѣе какъ ребячествомъ. Что же касается искусства плаванія, то жители рѣчнаго бассейна Муррея почти повсемѣстно превосходные пловцы, за исключеніемъ туземцевъ юго-западнаго берега. Даже маленькіе дѣти чувствуютъ себя совершенно свободно въ водѣ, и промышленники, занимающіеся ловлей жемчуга у сѣверо-западнаго берега материка, нигдѣ не находили лучшихъ водолазовъ, какъ между австралійскими туземцами.

Племена, живущія по сосѣдству, иногда сходятся вмѣстѣ и устраиваютъ сообща какое нибудь увеселеніе, какъ, напр., охоту за кенгуру и т. п. Такія сходки устраиваются обыкновенно по близости небольшой рѣки или озера и, во всякомъ случаѣ, въ мѣстности, богатой дичью или рыбой. Охота или рыбная ловля производятся сообща; затѣмъ всѣ возвращаются въ лагерь, ѣдятъ, танцуютъ и пьютъ, пока голодъ не понудитъ ихъ вновь отправиться на охоту. Все это дѣлается тихо и дружелюбно, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе какой нибудь несчастной случайности, эти веселыя сборища очень часто кончаются самымъ печальнымъ образомъ: то нужно разрѣшить старый споръ между двумя племенами, или кому либо изъ присутствующихъ приходитъ въ голову давнишняя, ничѣмъ не заглаженная обида; отъ словъ переходятъ къ дѣйствію, и начинается общее побоище, въ которомъ участвуютъ не только мужчины, но и женщины. Послѣднія обоюдными насмѣшками доводятъ себя до такого раздраженнаго состоянія, что, наконецъ, бросаются другъ на друга и дерутся палками и дубинами. Но эти побоища, какъ и тѣ, которыя происходятъ между одними мужчинами, рѣдко имѣютъ такой исходъ, чтобы кто нибудь былъ убитъ. Повидимому, даже, во всѣхъ подобныхъ непріязненныхъ стычкахъ никогда не имѣется въ виду нанесенія тяжелыхъ ранъ. Если одинъ изъ присутствующихъ убитъ или доведенъ до такого состоянія, что не въ состояніи долѣе участвовать въ битвѣ, то она тотчасъ-же кончается. Тутъ вся сущность заключается въ невѣроятномъ шумѣ, который про-

Динго, оберегающій лагерь чернокожихъ.

изводится въ этихъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ населенныхъ мѣстностяхъ можно встрѣтить субъектовъ, получившихъ въ подобныхъ схваткахъ раны на головѣ, рукахъ и ногахъ. Но побоища обыкновенно происходятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ европейцевъ. Они всегда начинаются за часъ до заката солнца и кончаются съ наступленіемъ темноты.

К. Дейзенгаммеръ, описывая побоища чернокожихъ, придаетъ имъ нѣсколько иную окраску. „Въ своихъ битвахъ—говоритъ онъ—туземцы проявляютъ крайнюю дикость и жестокость; женщины смотрятъ на это зрѣлище на извѣстномъ разстояніи и подстрекаютъ сражающихся своими возгласами, а если побоище продолжается довольно долго, то онѣ принимаютъ въ немъ дѣятельное участіе. Битва начинается большею частью съ утреннимъ разсвѣтомъ. Изъ каждаго лагеря выступаетъ воинъ и начинаетъ бранить вождя племени, къ которому принадлежитъ его противникъ; оба придумываютъ самыя дѣтскія и нелѣпыя обвиненія, пока истощается терпѣніе одной изъ сторонъ, и она подаетъ знакъ къ атакѣ. Сначала идетъ въ ходъ бумерангъ и, когда запасъ этого оружія истощится, переходятъ къ копьямъ; если и они всѣ переломаны, то наступаетъ очередь Nulla-Nulla, а затѣмъ всѣ берутся за топоры и ножи. При этомъ соблюдается правило щадить тѣ части тѣла, гдѣ представляется опасность для жизни, и наносить возможно большія раны на мясистыхъ частяхъ; остающіяся послѣ нихъ шрамы признаются почетными и достойными уваженія. Побѣда празднуется танцами и пиршествомъ, въ которомъ главную роль играетъ мясо убитыхъ враговъ“. Побудительной причиной для этихъ стычекъ служитъ большею частью споръ о землѣ, похищеніе дѣвушекъ, или собакъ, а также нанесенное кому-нибудь оскорбленіе, или споръ изъ-за лужи воды. Если племя хочетъ вести переговоры съ своими сосѣдями объ особенно важномъ дѣлѣ, или послать ему заявленіе о мирѣ и желаніи быть съ ними за одно, то для этого всегда избирается посломъ 13—15-лѣтній мальчикъ, но, передъ выполненіемъ возложеннаго на него порученія, онъ долженъ подвергнуться операціи просверливанія носа. Пока рана не заживетъ, его особа считается какъ бы священной; всюду, куда бы онъ ни пришелъ, съ нимъ обходятся съ величайшей дружбой и уваженіемъ. Чернокожіе обыкновенно обладаютъ врожденнымъ даромъ краснорѣчія. Когда у нихъ устраивается болѣе или менѣе многочисленное сборище, то одинъ изъ присутствующихъ говоритъ длинную, плавную рѣчь, а всѣ остальные молча и спокойно слушаютъ его

Австраліецъ, взлѣзающій на дерево.

Главныя увеселенія австралійцевъ состоятъ въ метаніи копья, танцахъ и пѣніи; въ послѣднемъ они проявляютъ даже извѣстную даровитость. Танцы у нихъ различнаго рода: одни состоятъ изъ тѣлодвиженій, изображающихъ обычаи и охоту за нѣкоторыми звѣрями; другіе, болѣе чѣмъ неприличнаго свойства и отчасти напоминаютъ такъ называемыя празднества „Kaaro“ (см. Müller, Allg. Ethnographie, s. 213); третьи принадлежатъ къ категоріи хороводовъ; между ними самый извѣстный „Corroborri“.

Мужчины наканунѣ праздника цѣлый день скрываются въ кустахъ, чтобы приготовиться достойнымъ образомъ къ танцу, т. е. заставляютъ своихъ женъ натирать ихъ жиромъ и расписывать красками. Когда наступаютъ сумерки, „lubra“ (такъ вообще называютъ туземцы женщинъ) разводятъ большой костеръ, садятся отъ него на нѣкоторомъ отдаленіи на землю и начинаютъ барабанить самымъ однообразнымъ образомъ по шкурѣ опоссума, растянутой на ихъ колѣняхъ, подъ монотонный припѣвъ пѣсни и безошибочно выбиваютъ тактъ бумерангомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, появляются танцоры съ копьями и факелами, т. е. горящими головнями, въ рукахъ; суставы ихъ пальцевъ обернуты пучками листьевъ гумминоснаго дерева. Съ страшными кривляніями начинаютъ они танецъ, который наконецъ переходитъ въ дикую бѣготню, круженіе и гоньбу въ различныхъ направленіяхъ взадъ и впередъ; при этомъ при-

нимаются самыя фантастическія позы. Время отъ времени, они испускаютъ дикій вой, шумно ударяютъ копьями и бьютъ головнями о землю, такъ что искры разлетаются во всѣ стороны. Увѣряли, будто бы этотъ танецъ, существующій у всѣхъ австралійскихъ племенъ, происходитъ только во время полнолунія, но это не составляетъ неизмѣннаго правила. Одно несомнѣнно, что онъ бываетъ только по ночамъ. Настоящее значеніе этого танца, исполняемаго со всевозможными варіаціями, еще невполнѣ выяснено. Въ большинствѣ случаевъ несложные сюжеты дикихъ танцевъ и пѣсенъ заимствованы изъ животной жизни. Наиболѣе любимый и распространенный „Corrobori" представляетъ собою мимическое воспроизведеніе образа жизни и привычекъ птицы пеликана, которые при этомъ воспѣваются въ пѣснѣ, сопровождающей танецъ. Подобнымъ же образомъ воспѣваются: эму, какаду, собаки, а по близости европейскихъ „стоянокъ" и разные случаи изъ жизни бѣлокожихъ. Слова для пѣнія сочиняются которымъ-либо изъ чернокожихъ; остальные заучиваютъ ихъ наизусть, хотя это ничто иное, какъ безконечное повтореніе отдѣльныхъ фразъ. („Corrobori" подробно описанъ Р. Оберлендеромъ: Globus, Bd. IV, s. 241—242; другой танецъ „Kuri" изображенъ живописцемъ Г. Ангасомъ въ его книгѣ: Savage life and scenes in Australia and New Sealand, Bd. I, p. 101—108).

Общественныя условія.

Въ общественныхъ отношеніяхъ австралійцевъ, даже при ихъ низкой степени цивилизаціи, встрѣчаются уже разныя стѣснительныя правила. Несмотря на отсутствіе земледѣлія и настоящей охотничьей жизни, нѣкоторыя племена, тѣмъ не менѣе, заявляютъ притязаніе на дичь и растенія извѣстнаго пространства земли, какъ на свою собственность и всякое посягательство на нихъ посторонняго человѣка считается нарушеніемъ правъ собственности и отражается вооруженной силой. Только принадлежащіе къ племени люди могутъ свободно пользоваться охотой, рыбной ловлей, и собирать плоды на принадлежащемъ имъ районѣ. Однако, въ исключительныхъ случаяхъ на это дается разрѣшеніе людямъ иного племени. Даже при переходахъ по землѣ, принадлежащей какому нибудь другому племени, нужно испросить позволеніе, въ противномъ случаѣ нужно быть готовымъ къ вооруженному сопротивленію со стороны мнимыхъ собственниковъ. Австралійцы вообще признаютъ только коллективную собственность, т. е. низшую форму собственности, въ основаніи которой лежитъ коммунизмъ. Такъ, на австралійскомъ языкѣ не существуетъ выраженія, которое обозначало бы вождя; и въ дѣйствительности, хотя они раздѣлены на племена и семейства, но обыкновенно у нихъ нѣтъ ничего похожаго на опредѣленную форму правленія, нѣтъ также и главы племени, или какого нибудь уполномоченнаго представителя, который бы руководилъ ими, или давалъ совѣты.

Впрочемъ, можно иногда услышать отъ нихъ о какой-нибудь выдающейся личности, которая, по ихъ описанію, занимаетъ высокое и вліятельное положеніе среди племени. Но при болѣе точномъ изслѣдованіи, всегда оказывается,

что этотъ великій человѣкъ обязанъ своимъ вліяніемъ тому обстоятельству, что онъ прославился искусствомъ и опытностью въ метаніи копья, или что онъ кровожаднѣе и властолюбивѣе его окружающихъ, или же немилосердно перебилъ всѣхъ, кто навлекъ на себя его гнѣвъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ его остальные соплеменники подчиняются ему изъ страха, а не потому, что онъ имѣетъ опредѣленное право господствовать и отдавать приказанія. Это подтверждается, по крайней мѣрѣ, относительно большинства племенъ южнаго побережья, и, если вамъ говорятъ вообще о начальникахъ, то подъ этимъ подразумѣваютъ большею частью старшаго въ родѣ, который пользуется такимъ вліяніемъ, что его можно считать главою племени. Тѣмъ не менѣе, на югѣ и востокѣ встрѣчаются настоящіе главы племени, съ наслѣдственною властью, которымъ подчинены старшины отдѣльныхъ семействъ. Старшій сынъ почти всегда наслѣдуетъ послѣ отца, но, если нѣтъ прямаго потомства, то въ предводители выбираютъ самаго сильнаго и храбраго изъ племени. Но и эти начальники не пользуются безграничной властью, потому что за исключеніемъ войны каждый дикарь, въ большинствѣ случаевъ, наслаждается полнѣйшей свободой. Въ Квинслендѣ высшая власть предоставлена самой старой женщинѣ изъ всего племени; по словамъ швейцарца Э. Марсè, она распоряжается жизнью и смертью своихъ соплеменниковъ и отдаетъ приказанія воинамъ, выступающимъ на войну (Globus, Bd. III, s. 272). По принятому правилу, вся власть находится обыкновенно въ рукахъ родовыхъ старшинъ.

Австраліецъ проводитъ почти всю жизнь въ кругу домашнихъ, и его семейныя отношенія на столько же первобытны, какъ общее состояніе развитія расы. Само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ принципѣ моногаміи у этихъ людей, стоящихъ такъ близко къ первобытному состоянію (древнихъ временъ). Характеристической чертой послѣдняго, по весьма вѣроятному предположенію вышеупомянутаго изслѣдователя, является самый широкій коммунизмъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ привычекъ животнаго міра. Отъ брака сообща (гетеризма), примитивной формы половыхъ сношеній, до полигаміи, связанной съ извѣстными нравственными правилами, какъ у австралійцевъ, мы видимъ несомнѣнный шагъ впередъ. По свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, многоженство существуетъ во всей Австраліи, но только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно особенно развито. Обыкновенно они имѣютъ не болѣе трехъ женъ, сообразно имѣющимся у него запасамъ опоссума и кенгуру. Лортшъ замѣчаетъ, что хотя австралійскія женщины также заботятся о содержаніи семьи, но рѣдко случается, чтобы туземецъ имѣлъ болѣе одной и въ крайнемъ случаѣ трехъ женъ; послѣднее встрѣчается только у начальниковъ. Главная причина этого заключается, по мнѣнію Лортша, въ приблизительно одинаковой численности обоихъ половъ и рѣдкости случаевъ безбрачнаго состоянія. Согласно другимъ наблюдателямъ, женскій полъ, наоборотъ, распредѣленъ крайне неравномѣрно, что весьма вѣроятно, при существующемъ обычаѣ убивать дѣвушекъ. Нѣкоторые туземцы имѣютъ нѣсколько женъ: Морилль зналъ одного дикаря, у котораго было девять женъ, тогда какъ у другихъ не оказывалось ни одной. То же подтверждаетъ и Ольдфильдъ; по его словамъ, въ каждомъ пле-

мени много неженатыхъ мужчинъ. Способъ, какимъ австралійцы пріобрѣтаютъ себѣ женъ, весьма различенъ, такъ какъ это дѣлается частью посредствомъ купли и похищенія, но при этомъ они строго придерживаются правила, по которому никто не можетъ жениться на женщинѣ, которая носитъ одинаковую съ нимъ фамилію. Извѣстныя фамильныя прозвища, подобно Шульцамъ и Миллерамъ въ Германіи, встрѣчаются повсемѣстно на материкѣ, и тѣ, которые носятъ эту фамилію, считаются родней; имъ запрещено вступать другъ съ другомъ въ бракъ, хотя бы между обѣими сторонами, по нашимъ понятіямъ, не было ни малѣйшаго родства. Повидимому, австралійскія семьи дѣлятся на двѣ группы, а именно: на патриціевъ (свободныхъ) и плебеевъ (подвластныхъ). Въ точности не выяснено, связаны ли съ патриціатомъ нѣкоторыя права. Каждая группа имѣетъ опять два подраздѣленія, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ мужчины и женщины, носящихъ особыя названія.

На югѣ они слѣдующія:

	Мужчина.	Женщина.
I. Патриціи:	Ippai	Ippata.
	Kumbo	Buta.
II. Плебеи:	Murri	Mata.
	Kubbi	Kubbota.

Сообразно существующимъ у нихъ постановленіямъ о бракѣ, извѣстный человѣкъ можетъ жениться не иначе, какъ на такой-то женщинѣ и, вдобавокъ, изъ опредѣленной касты. Дѣти, происходящіе отъ такого брака, также считаются принадлежащими къ извѣстной кастѣ. Через это, отдѣльныя семьи, съ ихъ членами на различныхъ степеняхъ родства, сохраняютъ за собою званіе патриціевъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ примѣровъ.

Ippai	женится	на	Kubbota.	Дѣти будутъ	Murri и Mata.
Murri	„	„	Buta.	„ „	Ippai и Ippata.
Kubbi	„	„	Ippata.	„ „	Kumbo и Buta.
Kumbo	„	„	Mata.	„ „	Kubbi и Kubbota.

Изъ этого видно, что дѣти наслѣдуютъ званіе патриціевъ, или плебеевъ, по матери, но перечисляются къ другой фамиліи, чѣмъ та, къ которой принадлежитъ мать. (Müller, Ethnographie, s. 216).

Между прочимъ, дѣвушекъ обручаютъ въ дѣтствѣ и нерѣдко съ людьми, которые старше ихъ отцевъ. Мужъ покупаетъ себѣ жену отъ ея ближайшихъ родственниковъ посредствомъ подарковъ; при подобномъ сватовствѣ имѣетъ рѣшающее значеніе богатство жениха и уваженіе, которымъ онъ пользуется, что зависитъ отъ его физической силы и совершенныхъ имъ подвиговъ. Поэтому нерѣдко случается, что болѣе пожилые мужчины приводятъ къ себѣ въ домъ самыхъ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ, а юноши должны довольствоваться болѣе пожилой женщиной. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что и австралійское сердце способно испытывать, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, нѣжное и поэтическое чувство, которое мы называемъ любовью. Объ единичныхъ случаяхъ разсказываетъ г. Томасъ (Ausland, 1860, s. 64) и д-ръ Мюке, который самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ, гдѣ на сценѣ была „подобная дикая любовь". (Die Natur, 1866, s. 30 ff.). По свидѣтельству Р. Оберлендера, любовныя исторіи въ Викторіи похожи на наши европейскія, но одно несомнѣнно, что австралійцы не имѣютъ понятія о поцѣлуяхъ. Оберлендеръ слышалъ отъ одного почтеннаго чернокожаго вдовца правдивый раз-

сказъ о томъ, какъ устраиваются любовныя дѣла у чернокожихъ; мы передадимъ его, насколько возможно, подлинными словами разсказчика: Сидитъ молодой человѣкъ, очень красивый молодой человѣкъ, и видитъ „lubra", очень красивую молодую „lubra". Она видитъ его и говоритъ: красивый молодой человѣкъ! Онъ видитъ ее и говоритъ: красивая молодая „lubra". Онъ говоритъ съ нею, она съ нимъ, потомъ много говорятъ одинъ день, нѣсколько дней. Тогда онъ скажетъ: ты моя „lubra"! она скажетъ: ты мой мужъ! Онъ спроситъ: ты пойдешь со мной, когда у меня все будетъ готово? она отвѣтитъ: я пойду съ тобой, когда у тебя все будетъ готово. Потомъ она скажетъ все другой „lubra", своей подругѣ. Та спроситъ ее: пойдешь ли ты съ нимъ въ его лагерь? Въ одинъ день молодой человѣкъ пройдетъ много дальнихъ дорогъ. Двѣ „lubra" обойдутъ кругомъ много дальнихъ дорогъ. Тогда прекрасныя молодыя „lubra" возьмутъ руку молодаго человѣка и бѣгутъ рука объ руку съ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ сильно разсердился отецъ молодой „lubra". Племя приходитъ къ племени молодого человѣка, съ копьями и бумерангами. Такъ получаетъ черный человѣкъ свою „lubra". (Globus, Bd. IV, s. 279). При сватовствѣ не бываетъ никакихъ церемоній (Thomas M'Combie, Arabin, p. 254); когда обѣ стороны сговорились между собой, то женихъ уводитъ къ себѣ невѣсту, и они становятся мужъ и жена. Но не всегда дѣло кончается такъ просто; часто отецъ насильно передаетъ будущему мужу дѣвушку, которая, опустивъ голову, воетъ и кричитъ. Если она сопротивляется, отецъ наноситъ ей ударъ; если она закричитъ, то мать вторитъ ей своимъ воплемъ. Затѣмъ слѣдуетъ другой ударъ, и мужъ тащитъ дѣвушку въ свою „Gunjah". Если она возвратится къ родителямъ, то отецъ силой приводитъ ее обратно къ мужу и колетъ ей ногу копьемъ, чтобы помѣшать ея побѣгу. У большинства племенъ невѣсту пріобрѣтаютъ посредствомъ похищенія, особенно если она изъ чужого племени. По словамъ Ольдфильда, это совершается слѣдующимъ образомъ: если при подобномъ набѣгѣ австралійцу попадетъ въ руки беззащитная женщина, то онъ обходится съ ней не особенно нѣжно. Нерѣдко онъ ошеломляетъ ее такимъ сильнымъ ударомъ томагаука, что кровь брызнетъ у ней ручьемъ; затѣмъ онъ тащитъ ее за волосы въ ближайшій кустарникъ и ждетъ, чтобы она пришла въ себя. Когда она очнется отъ обморока, то должна слѣдовать за похитителемъ, который уводитъ добычу къ своимъ соплеменникамъ, въ безопасное мѣсто. Послѣ того происходитъ сцена, отъ которой цивилизованный человѣкъ могъ бы придти въ ужасъ и которую мы считаемъ неудобнымъ описать. Родственники невѣсты не мстятъ за такое нарушеніе своихъ правъ и удовлетворяются тѣмъ, что, при первомъ удобномъ случаѣ, продѣлываютъ то же самое. Подобныя происшествія составляютъ такое обыденное явленіе, что, по словамъ Коллинса, дѣти изъ подражанія въ своихъ играхъ упражняются въ похищеніи невѣстъ. Во многихъ мѣстностяхъ Австраліи похищеніе женщинъ не болѣе, какъ церемонія, но даже при этомъ условіи австралійскіе свадебные обычаи не пришлись бы по вкусу европейскихъ дамъ. Женихъ врывается ночью въ „Gunjah", въ которой спитъ его возлюбленная, и угощаетъ ее отъ всего сердца палочными ударами, а равно и ея родителей, а затѣмъ похищаетъ невѣсту, которая лежитъ въ обморокѣ. Когда она приходитъ въ себя, то становится его женой и при этомъ самой вѣрной и преданной. Мужчина съ своей стороны выноситъ не мало бѣдъ, потому что онъ долженъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое право на обладаніе женщиной отъ всей неженатой молодежи его племени; при этомъ происходитъ не мало дикихъ и свирѣпыхъ сценъ. (Globus, Bd. III, s. 272). Что касается женщины, то она, кромѣ того, подвергается мучительной операціи: которая-нибудь изъ старухъ откусываетъ у ней два сустава маленькаго пальца лѣвой руки, послѣ чего она удостаивается чести быть принятой въ число замужнихъ женщинъ.

Если обращеніе съ дѣвушкой въ семьѣ, сравнительно съ мальчикомъ, далеко не дружелюбное, то въ супружествѣ съ нею обходятся еще хуже. Съ выхода замужъ, начинается для нея рабская жизнь и тиранство мужа. На жену взваливаютъ самыя тяжелыя и грязныя работы; при малѣйшемъ промахѣ съ ея стороны, грозный мучитель обходится съ ней сурово и бьетъ ее; если она подастъ малѣйшій поводъ къ гнѣву, то мужъ наказываетъ ее копьемъ. Сидя на почтительномъ отдаленіи, она молча получаетъ, за одно съ собаками, остатки ѣды, которая нерѣдко большею частью собрана ея руками. На ней лежитъ исполненіе всѣхъ домашнихъ работъ; во время странствованія, на нее навьючиваютъ весь домашній скарбъ, вмѣстѣ съ дѣтьми. Когда она старѣется и становится безпомощной, то умираетъ, всѣми покинутая, отъ голодной смерти, если только кто нибудь изъ родственниковъ, изъ сожалѣнія, не положитъ конецъ ея бѣдственному существованію ударомъ дубины. Но и въ этихъ случаяхъ къ ней относятся съ тѣмъ-же пренебреженіемъ: тѣло ея бросаютъ въ дупло дерева или перетаскиваютъ въ сосѣдній кустарникъ, въ добычу дикимъ собакамъ и хищнымъ птицамъ.

Повидимому, у нихъ даже самое супружество довольно шатко и произвольно. У чернокожихъ Новой Англіи мужчина выбираетъ для себя „lubra" на неопредѣленное время и въ продолженіе этого срока сожительства, какъ сообщаетъ Дюбокъ, заботится о ней и выказываетъ извѣстнаго рода привязанность. Г-жа Бингманъ съ похвалой отзывается о чернокожихъ Мелангуля и говоритъ, что тамъ жена почти равноправна съ мужемъ и что съ нею большею частью хорошо обходятся. Но во всякомъ случаѣ подобные примѣры можно считать рѣдкимъ исключеніемъ, потому что преобладающее большинство имѣющихся подъ рукой источниковъ прямо показываетъ, что весь ходъ семейной жизни туземцевъ есть ничто иное, какъ нескончаемая цѣпь жестокостей относительно бѣдныхъ женщинъ, которыя поставлены въ положеніе рабынь и вьючныхъ животныхъ. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ такого жестокаго обращенія является ревность, которая повидимому въ высшей степени развита у австралійцевъ разныхъ племенъ. Джиномъ исключительно пользуется мужъ, такъ какъ это одинъ изъ пунктовъ, гдѣ кончается безграничный коммунизмъ туземцевъ. Невѣрность жены наказывается смертью; относительно-же нарушителя супружеской вѣрности примѣняютъ кровавую месть. Но не всѣ австралійцы одинаково строго смотрятъ на этотъ вопросъ чести. Джонъ Эйеръ утверждаетъ, что австралійцы, съ которыми ему приходилось знакомиться, не придавали никакого значенія вѣрности своихъ женъ. Хотя Пешель (Völkerkunde, s. 238) и приписываетъ это тому обстоятельству, что извѣстія, сообщаемыя Эйеромъ, относятся къ племенамъ Муррея, нравственно испорченнымъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ европейскими поселенцами, но подобное объясненіе кажется намъ несостоятельнымъ. Такъ, напримѣръ, д-ръ Шомбургкъ изъ Аделаиды еще очень недавно описывалъ жалкое состояніе нравственности у племенъ, живущихъ внутри Южной Австраліи, около рѣки Пикъ и въ окрестностяхъ (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1879, s. 236). Изъ этого получается поучительный выводъ, что общественное зло, противъ котораго мы ведемъ напрасную борьбу, ни въ какомъ случаѣ не составляетъ продукта нашей утонченной цивилизаціи, но встрѣчается и на самыхъ низкихъ степеняхъ культурной жизни. Само собою разумѣется, что при этихъ

условіяхъ, несмотря на жестокія наказанія, супружеская вѣрность не можетъ быть включена въ число добродѣтелей австралійскихъ женъ. Отъ дѣвушекъ и вдовъ не требуется соблюденія цѣломудрія, и Топинаръ, извѣстный своею добросовѣстностью, прямо говоритъ, что понятія австралійцевъ объ этой добродѣтели ровняются нулю (Rev. d'Anthrop. 1872, p. 315). Равнымъ образомъ M'Combie находитъ, что ихъ половыя сношенія почти сводятся къ повальному совокупленію безъ всякаго разбора (Arabin, p. 254). Полный недостатокъ, или вѣрнѣе сказать, доходящее до наивности отсутствіе всякой стыдливости, логически приводитъ къ такимъ отвратительнымъ явленіямъ, что европейскій наблюдатель подчасъ едва рѣшается довѣрять собственнымъ глазамъ и, несмотря на извѣстную поговорку „naturalia non sunt turpia“, мы считаемъ неудобнымъ входить относительно этого въ дальнѣйшія подробности. Фр. Миллеръ указываетъ на странный фактъ, напоминающій животное состояніе, что браки большею честью совершаются въ жаркое время года, когда пища, доставляемая природой, наиболѣе обильна.

Браки вообще не плодовиты; многія женщины вовсе не имѣютъ дѣтей, и рѣдко имъ удается выростить больше двухъ; если родятся двойни, то одного изъ нихъ убиваютъ, потому что мать не въ состояніи выкормить двоихъ. Равнымъ образомъ, они убиваютъ, тотчасъ же послѣ рожденія, всѣхъ слабыхъ и уродливыхъ дѣтей и значительное число дѣвочекъ; третью дочь во всякомъ случаѣ, и даже нерѣдко вторую. Близь Муррея, Оберлендеру показывали одну женщину („lubra“) изъ племени Нуллабойда, которая убила десять или одиннадцать собственныхъ дѣтей. (Globus, Bd. IV, s. 279). Женщины ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени въ какомъ нибудь отдаленномъ мѣстѣ отъ лагеря, среди кустовъ; ни одинъ мужчина не можетъ слѣдовать за ней, а только однѣ женщины. Тѣмъ не менѣе, Томасу Ллойду удалось подсмотрѣть, какъ происходятъ такого рода дѣла, и онъ добросовѣстно описалъ пріемы повивальныхъ бабокъ и способъ обращенія съ новорожденнымъ. (Thirty-three years in Tasmania and Victoria. London, 1847, p. 464—465). При такой изолированности можно, повидимому, вполнѣ допустить, что отъ воли матери зависитъ сохранить „Picaninny“ (ребенка) или нѣтъ. Если женщина стара или лѣнива, то она тотчасъ-же избавляется отъ него. Австралійскія женщины смотрятъ на актъ такого убійства съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, но по возможности скрываютъ это отъ бѣлокожихъ. Съ дѣтьми, которыя оставляются въ живыхъ, онѣ обходятся съ большою нѣжностью и заботливостью, носятъ ихъ на спинѣ до третьяго года, пока они сами не начинаютъ ходить и бѣгать, и кормятъ ихъ почти столько-же времени, совмѣстно со щенятами, находящимися въ домѣ. Но эта материнская нѣжность проявляется во время ранняго дѣтства; затѣмъ прекращается всякая семейная связь, и всѣ отношенія сводятся къ продолжающейся племенной связи. Послѣднее доходитъ у нѣкоторыхъ племенъ до такой степени, что родители и дѣти положительно забываютъ свою взаимную связь, и въ этомъ отношеніи не возвышаются надъ положеніемъ животныхъ.

Если у знатнаго человѣка родится мальчикъ, то устраивается воинственный танецъ въ большихъ размѣрахъ; ребенка натираютъ жиромъ Эму, или какого нибудь другого животнаго, и натираютъ красной охрой, тогда какъ ребенка несвободнаго человѣка чернятъ послѣ рожденія пылью древеснаго угля. Когда мальчики въ состояніи бѣгать, ихъ учатъ владѣть оружіемъ, берутъ съ собой на охоту и знакомятъ со всѣмъ, что ему необходимо для дальнѣйшаго существованія. Въ возрастѣ отъ восьми до девяти лѣтъ, они должны быть совершенно самостоятельны, и съ этого времени они совершенно предоставлены самимъ себѣ. Въ Викторіи мальчики этого возраста называются „Wankum" и должны подвергнуться операціи выбиванія зубовъ; многіе виды пищи запрещены имъ въ этомъ періодѣ жизни. На шестнадцатомъ году юношей производятъ въ „Dschibbon", что сопровождается различными церемоніями; участвующіе въ нихъ маршируютъ, выдѣлывая при этомъ разныя фигуры, испускаютъ радостные крики и бьютъ о землю вѣтками. „Dschibbon" до 20 или 24 лѣтъ не смѣетъ вкушать извѣстныхъ кушаньевъ, но послѣ этого срока онъ можетъ ѣсть все, безъ разбора (Ausland, 1860, s. 63). По другимъ извѣстіямъ, не существуетъ опредѣленнаго возраста для упомянутыхъ актовъ, но, вѣроятно, это дѣлается различно, смотря по мѣстности. За исключеніемъ западной Австраліи и мѣстности около Муррея, гдѣ предварительно производится обрѣзаніе на 14 году, съ помощью остраго кремня (Verhandl. der Berl. Gesellsch. für Anthrop., 1879, s. 235), во всей остальной Австраліи, на сѣверѣ и на югѣ, періодъ возмужалости окруженъ особенною торжественностью. Въ это время чернокожіе юноши не должны приближаться къ женщинамъ. Они выбираютъ тогда самые далекіе и невообразимые окольные пути, чтобы избѣжать женщинъ, и такъ подозрительно смотрятъ на нихъ, какъ будто опасаются колдовства. Торжество совершается въ глубокой тайнѣ отъ европейцевъ; около этого-же времени дѣлаютъ первые надрѣзы на кожѣ и обыкновенно происходитъ выбиваніе переднихъ зубовъ. Ангасъ посвятилъ особое описаніе церемоніи „возмужалости" у племенъ Парнкалла и Наyo у Портъ-Линкольна и на западѣ отъ залива Спенсера (Savage Life and Scenes in Australia and Nev Sealand, Bd. I, p. 113—116). У племенъ при Мурримбиджи, достигшій возмужалости можетъ избавиться отъ испытанія его мужества въ видѣ выбиванія зубовъ посредствомъ одного постыднаго акта, который неудобно описать; поэтому ничѣмъ нельзя такъ раздражить чернокожаго, какъ напомнить ему о способѣ, какимъ онъ сохранилъ свои зубы. Отмѣченный такимъ образомъ австраліецъ не лишается права свататься къ женщинѣ, но тѣмъ не менѣе онъ обыкновенно предпочитаетъ остаться еще нѣсколько лѣтъ холостымъ. Чернокожіе у рѣки Пикъ обходятся самымъ отвратительнымъ и жестокимъ способомъ съ дѣвушками, достигшими зрѣлости. (Verhandl. d. Berl. Gesellschaft f. Ethnol. 1879, s. 235—236).

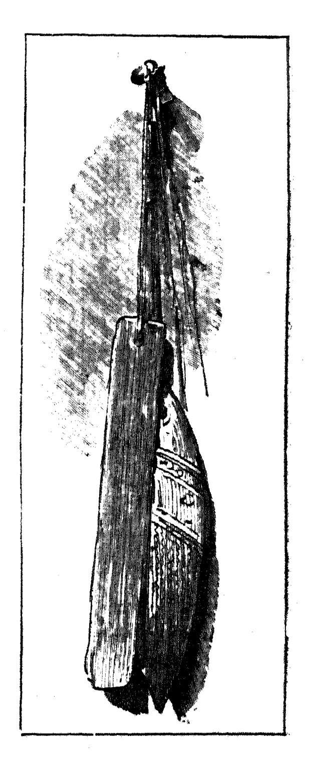
Заболѣваніе и смертные случаи, въ особенности съ молодыми, сильными субъектами, приписываются чарамъ непріятеля. Если совершено убійство, то родные обязаны, по нѣкоторымъ случайнымъ признакамъ, въ видѣ полета насѣкомаго и пр., выслѣдить преступника и убить его. Черезъ это между семьями бываютъ многолѣтнія ссоры, которыя кончаются только съ ихъ истребленіемъ. Если австралійцы узнаютъ, что заболѣлъ который нибудь изъ ихъ соплеменниковъ, то они выказываютъ большое участіе, посѣщаютъ больного, носятъ ему маленькіе подарки, и смерть его всегда производитъ общую печаль.

Покойниковъ хоронятъ въ темныхъ рощахъ, большею частью по близости воды. Для этой цѣли выкапываютъ яму около 1½ м. глубины и, выложивъ кусками коры, сажаютъ въ нее покойника въ скорченномъ положеніи. Затѣмъ могилу закидываютъ землей и вѣтками кустарника, чтобы предохранить трупъ отъ изувѣченій, которыя можетъ ему нанести динго. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай класть покойника надъ землей, на высокихъ деревянныхъ подмосткахъ и покрывать его вѣтками кустарника. Большею частью нѣсколько могилъ находятся въ одномъ мѣстѣ, окруженныя заборомъ изъ коры, которая перевязывается веревкой, сдѣланной изъ евкалиптовыхъ волоконъ. Въ другихъ мѣстахъ покойниковъ сжигаютъ, особенно стариковъ. Если умретъ женщина, которая кормитъ грудью ребенка, то его кладутъ ей на руки живого и погребаютъ вмѣстѣ съ нею. При погребеніи посредствомъ сожженія устраиваютъ костеръ въ метръ вышины и кладутъ покойника, съ лицомъ, обращеннымъ къ солнцу, и окруженнаго его любимой домашней утварью. Когда тѣло сожжено, останки его собираются и хранятся въ мѣшкѣ. По свидѣтельству Оберлендера, никто не долженъ произносить имени покойника и, если кто нибудь носитъ то же имя, что носилъ покойникъ, то онъ долженъ перемѣнить его на другое (Müller, Allg. Ethnographie, s. 215).

Могила на деревянныхъ подмосткахъ (въ Австраліи).

Довольно странный обычай существуетъ у нѣкоторыхъ племенъ въ Квинслендѣ: они сдираютъ кожу съ покойниковъ и сохраняютъ ее на подобіе талисмана. Макъ-Дональдъ видѣлъ всю эту процедуру и описываетъ ее. Кожу слупливаютъ ногтями, въ видѣ небольшихъ лоскутковъ, съ подогрѣтаго на огнѣ тѣла, которое вслѣдъ затѣмъ обращаютъ въ скелетъ, т. е. отдираютъ мясо отъ костей подобно тому, какъ это дѣлалось, по предположенію доктора Гостмана, со скелетами, которые были находимы въ могилахъ каменнаго или, какъ мы называемъ его, до-металлическаго періода Германіи. Кожа тщательно сберегается соплеменниками покойника; они всюду носятъ ее съ собой, въ теченіи года, а затѣмъ зарываютъ въ землю, или вѣшаютъ въ дуплѣ дерева (Globus, Bd. XXIII s. 153—155).

До сихъ поръ напрасно отыскивали, по крайней мѣрѣ между западными племенами, подобіе того, что, при сильной натяжкѣ, можно было бы назвать жреческимъ сословіемъ. Между тѣмъ, въ Новомъ Южномъ Валиссѣ и въ Квинслендѣ, слѣдовательно въ наиболѣе культурныхъ полосахъ Австраліи, мы, напротивъ того, встрѣчаемъ „Koradschi" и „Karradais", которые настолько преодолѣли въ себѣ боязнь мрака, прирожденную всякому народу, что проводятъ цѣлыя ночи на могилахъ покойниковъ, выказывая этимъ свое могущество надъ порожденіями напуганнаго воображенія. Они употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ особеннаго рода деревянныя пластинки, которыми производятъ рѣзкій шумъ. Эти-же люди утѣшаютъ и успокоиваютъ больныхъ своими „шаманскими" фокусами; говорятъ даже, будто имъ извѣстны первобытныя медицинскія средства и, между прочимъ, пусканіе крови. Оберлендеръ разсказываетъ о чрезвычайно-странномъ способѣ леченія одной женщины, страдавшей лихорадкой, который тѣмъ не менѣе помогъ ей (Globus, Bd. IV s. 281). Вообще, чернокожіе большею частью очень суевѣрны и настолько боятся ночной темноты, что въ это время тѣснятся другъ около друга, и ихъ ничѣмъ нельзя заставить предпринять что либо или сдвинуться съ мѣста. Они убѣждены, что въ ночное время вокругъ нихъ бродитъ „Pedall", злой коварный духъ, чтобы причинить имъ вредъ. Подобно Янусу, изображавшему у древнихъ миръ и войну, Педалль у чернокожихъ, злой и коварный по ночамъ, становится днемъ добрымъ духомъ, которому они обязаны всевозможными благодѣяніями. Согласно ихъ вѣрованіямъ, онъ, много-много лѣтъ тому назадъ, сварилъ австралійскій материкъ изъ ила и, обративъ его въ твердую землю, снабдилъ растеніями и животными всякаго рода, а затѣмъ подарилъ чернокожему человѣку для жительства. Совершивъ это, онъ перенесся за море, чтобы сдѣлать тоже и въ другихъ мѣстахъ. Гроза приводитъ туземцевъ въ сильный страхъ, потому что въ этомъ выражается гнѣвъ Педалля. Всякія объясненія относительно благодѣтельнаго вліянія молніи и грома они выслушиваютъ съ недовѣрчивымъ покачиваніемъ головою и возражаютъ, что объ этомъ чернокожій будетъ думать по своему. Они не имѣютъ ни-



Различныя деревянныя дощечки, связанныя вмѣстѣ, которыя производятъ протяжный глухой звукъ и служатъ для изгнанія злыхъ духовъ.

какого представленія о высшемъ существѣ, властвующемъ надъ всей природой, и о безсмертіи души и допускаютъ для себя возможность общей участи съ звѣрями, а въ случаѣ, если они будутъ хорошо жить, то послѣ смерти Педалль пошлетъ ихъ опять на землю, но уже въ видѣ бѣлыхъ людей. Когда имъ разсказываютъ о божественномъ всемогуществѣ, мудрости и благости, то они неизмѣнно даютъ такой отвѣтъ: „что Богъ для бѣлаго человѣка, то Педалль для чернокожаго.“ (Deisenhammer, in der Wiener Abendpost, vom 27 september 1877). Нѣкоторые изъ туземцевъ утверждаютъ, что они видѣли это таинственное существо, которое главнымъ образомъ производитъ свои проказы ночью, въ темныхъ частяхъ лѣса, и что на видъ онъ гигантскаго роста, похожъ на человѣка и съ огненными глазами. Туземцы избѣгаютъ того мѣста, гдѣ онъ появится, и ихъ нельзя уговорить ступить на него. Тѣмъ не менѣе, Педалль не оказываетъ никакого вліянія на ихъ образъ дѣйствій, потому ихъ религіозныя понятія можно, по справедливости, поставить на самую низкую степень развитія. Нѣсколько болѣе развитыя понятія, повидимому, господствуютъ въ Квинслендѣ и Викторіи, гдѣ, по свидѣтельству Макъ Дональда и Браугъ Смита, туземцы мечтаютъ о существованіи послѣ смерти, хотя ихъ представленія о божествѣ и вселенной большею частью крайне грубы и матеріальны. Такъ напр., они говорятъ, что „Bun-jil“ создалъ все, кромѣ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ жену, по имени „Boi-Boi“, сына „Bin-Beal“ и брата „Pal-ly-yan“ и хотя онъ создалъ все существующее, но сынъ и братъ помогали ему. Онъ всегда носитъ съ собой большой ножъ и, создавая землю, вырѣзалъ имъ горы, пропасти, равнины и рѣки. Таковы понятія о твореніи міра, по крайней мѣрѣ у племени Бунуренгъ, на берегу Викторіи. Зато вѣрованія племени Барвенъ такъ схожи съ христіянскими, что представляютъ собою какъ бы безсознательный сколокъ съ послѣднихъ. Ихъ „Baiames“—творецъ міра; онъ создалъ землю, воду, небо, животныхъ и человѣка; онъ ниспосылаетъ дождь и даетъ произрастаніе травѣ; онъ же избавилъ ихъ праотцевъ отъ злыхъ духовъ и призываетъ добрыхъ на млечный путь неба, въ рай мира и изобилія. Не менѣе замѣчательно вышеупомянутое представленіе, распространенное у многихъ племенъ, преимущественно въ Викторіи, что чернокожій послѣ своей смерти опять возвратится на землю, въ видѣ бѣлаго человѣка. Это вѣрованіе существовало у нихъ еще до прибытія европейцевъ въ ихъ страну. Впрочемъ, суевѣрныя или такъ называемыя религіозныя представленія имѣютъ свои особенности у каждаго племени, такъ что сопоставленіе ихъ заставило бы насъ слишкомъ отклониться отъ главной задачи нашей книги. Вѣрованія западныхъ австралійцевъ, по описанію А. Ольдфильда, довольно схожи между собою. (Transactions of the Ethnological Society of London Bd. III 1865, s. 215—298).

Австралійскія нарѣчія.

Австралійскія нарѣчія очень многочисленны, что легко объясняется раздробленіемъ ея жителей на множество мелкихъ племенъ. Послѣднія настолько разнородны, что мѣстное названіе рѣчной области, или горной цѣпи, совершенно непонятно для племени, живущаго въ ближайшемъ сосѣдствѣ (Ausland, 1847, s. 831). Чѣмъ болѣе отдалены другъ отъ друга племена, тѣмъ больше отличій представляютъ ихъ нарѣчія, такъ что подъ конецъ языкъ принимаетъ какъ-бы совершенно иной характеръ. Однако, при болѣе точномъ анализѣ, оказывается, что между всѣми австралійскими нарѣчіями существуетъ сродство, хотя и очень отдаленное. На востокѣ и западѣ материка встрѣчаются слова, которыя выговариваются одинаково, но только рѣдко имѣютъ равное значеніе. Между многими аргументами, которые приводятся въ пользу того предположенія, что всѣ австралійскіе языки исходятъ изъ одного общаго источника, наиболѣе важнымъ представляется тотъ, что всѣ они почти не имѣютъ числительныхъ именъ. Достойно замѣчанія повсемѣстное преобладаніе одного слова для обозначенія цифры 2: pullet, bullat, pulla, bulla, bolita, palaïl и пр., которое распространено въ различныхъ діалектахъ южнаго и восточнаго побережья, а также внутри материка, преимущественно въ Квинслендѣ и Новомъ южномъ Валиссѣ.

Это объясняется двумя способами: одни предполагаютъ, что болѣе развитое племя изобрѣло цыфру 2 и сообщило ее сосѣдямъ; другіе — что эта цифра была изобрѣтена до разселенія австралійцевъ по материку. Въ первомъ случаѣ не было бы никакихъ данныхъ, доказывающихъ первобытное единство расы, въ послѣднемъ—мы должны были бы допустить, что послѣ разселенія одно только племя поднялось выше этой, крайне низкой стадіи развитія, что кажется невѣроятнымъ, если мы примемъ во вниманіе огромный промежутокъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ момента разселенія племенъ. Доказательствомъ этого служатъ необычайныя скопленія остатковъ ѣды и множество находимыхъ каменныхъ орудій, которыя отчасти соотвѣтствуютъ неолитическому или даже палеолитическому періоду. Топоры, обломки томагауковъ и куски чернаго базальта, встрѣчаются въ цѣпяхъ низкихъ силурійскихъ холмовъ, около рѣкъ и почти повсемѣстно въ Викторіи. Гдѣ только плугъ взрываетъ землю, тамъ тотчасъ же находятъ древніе томагауки, доказывающіе, какой невѣроятно длинный періодъ времени живутъ люди на этой полосѣ земли. Нѣкоторыя скопленія остатковъ ѣды, или „кухонныхъ остатковъ“, какъ ихъ называютъ англичане (свидѣтельствующіе даже о слишкомъ значительной степени цивилизаціи), покрываютъ иногда болѣе чѣмъ акръ земли. Поблизости мыса Отвай, встрѣчаются скопленія остатковъ черепокожихъ животныхъ: наибольшая изъ этихъ грудъ имѣетъ 100 м. длины, отъ 13—16 м. ширины и 5 м. толщины. Должны были пройти вѣка, пока приморскіе жители, питающіеся рыбой, могли съѣсть такую массу черепокожихъ, чтобы образовались подобныя скопленія. Поэтому кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы въ такой промежутокъ времени они не развились выше пониманія цыфры двухъ. Все это показываетъ, что первая изъ приведенныхъ нами гипотезъ представляетъ наиболѣе вѣроятія.

Звуки австралійскаго языка, благодаря тому, что ударенія дѣлаются почти всегда на предпослѣднемъ слогѣ, не кажутся непріятными для европейскаго слуха, а частое употребленіе гласныхъ дѣлаетъ его почти мелодичнымъ; изъ остальныхъ буквъ всего больше встрѣчаются плавныя, особенно „ч". Всѣ австралійцы говорятъ очень скоро и выразительно, но они рѣдко имѣютъ сколько нибудь сносный органъ голоса, а большею частью хриплый и беззвучный. Во всемъ остальномъ, австралійскія нарѣчія не представляютъ связи ни съ однимъ изъ существующихъ языковъ, но являются совершенно изолированными. Впрочемъ, Р. Г. Латанъ не согласенъ съ этимъ, потому что значительное число чисто австралійскихъ, тасманскихъ и папуасскихъ словъ встрѣчается и въ малайскихъ словаряхъ. (J. Beete Jukes, Narrative of the surveying voyage of H M. S. Fly. London 1847 Bd. II p. 316—1318). Однако, этотъ взглядъ не подтвердился позднѣйшими изслѣдованіями. Строеніе австралійскихъ словъ до сихъ поръ мало извѣстно; они многосложны; слоги обыкновенно составляются съ помощью согласныхъ, и всегда простымъ способомъ сложенія и кончаются на гласную или плавную согласную. Слова образуются изъ корней посредствомъ суффиксовъ. Все, что вообще извѣстно объ этихъ языкахъ, указываетъ на извѣстное совершенство грамматическихъ формъ, котораго едва можно было ожидать отъ нихъ. „Если богатство формъ для выраженія отношеній—говоритъ Пешель—указываетъ на степень развитія языка, то длинноногія человѣческія существа у залива короля Георга, представляющія собой подобіе тѣней, могутъ внушить зависть германцамъ и всѣмъ другимъ народамъ западной Европы. Ихъ языкъ имѣетъ не только одинаковое съ ними количество падежныхъ окончаній, но еще четырьмя флексіями больше, нежели латинскій языкъ, и, кромѣ множественнаго и единственнаго, здѣсь встрѣчается еще двойственное число. Глаголы настолько-же богаты временами, какъ и латинскіе, имѣютъ также особыя окончанія для двойственнаго числа, три формы для обозначенія рода третьяго лица и не только дѣлятся на дѣйствительные и средніе, но даже совмѣстно съ этимъ здѣсь существуютъ формы для выраженія возвратнаго, взаимнаго, опредѣленнаго и продолжительнаго дѣйствій. Что касается собственно образованія языка, то передъ изобрѣтательностью австралійцевъ должны преклониться сравнительно болѣе образованные полинезійцы и такой древнѣйшій культурный народъ, какъ китайцы.

Тѣмъ не менѣе, изъ этого мы еще не можемъ выводить заключенія, что австралійцы превосходятъ другіе народы въ умственномъ отношеніи, потому что это было бы величайшимъ заблужденіемъ. Фр. Миллеръ оказалъ несомнѣнную услугу своимъ изслѣдованіемъ, изъ котораго выяснилось, что эти высоко развитыя нарѣчія въ грамматическомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуютъ ограниченнымъ умственнымъ потребностямъ австралійца, котораго кругъ мышленія вращается только

около предметовъ обыденной жизни. При внѣшней стройности туземныхъ нарѣчій въ смыслѣ благозвучія и обилія грамматическихъ формъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ очень богаты выраженіями для чувственныхъ представленій и живописной передачи ихъ. Такъ напримѣръ, у этихъ дѣтей природы для точнаго обозначенія каждаго предмета существуетъ особое слово; нѣтъ ни одного дерева, или травы, которыя не имѣли бы опредѣленныхъ названій. Но рядомъ съ этимъ у нихъ вовсе нѣтъ словъ для выраженія какихъ либо понятій, потому что ихъ умъ совершенно не способенъ къ отвлеченному мышленію.

У тѣхъ чернокожихъ, которые болѣе или менѣе имѣютъ сношенія съ бѣлыми и заимствуютъ у нихъ нѣкоторыя понятія, образуется особаго рода жаргонъ. Для большаго упрощенія отбрасываются всѣ флексіи, и глаголъ употребляется въ неокончательномъ наклоненіи; мѣстоименіе перваго лица замѣнено „me“ (мнѣ), второе „you“ (вы), а вмѣсто третьяго лица употребляютъ имя особы, о которой идетъ рѣчь. Отдѣльныя слова употребляются также для обозначенія сходныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, словомъ „gras“ австраліецъ называетъ обыкновенно настоящую траву; если онъ при этомъ указываетъ на голову, то „gras“ означаетъ у него волосы, а при случаѣ и бороду. Съ англійскимъ словомъ „flourbag“ соединено у него ближайшее представленіе о мѣшкѣ муки, но онъ называетъ „flourbag“ бѣлый цвѣтъ, сѣдого старика и преимущественно бѣлую лошадь, что онъ считаетъ вполнѣ удобопонятнымъ.

Сообразно низкой степени ихъ культуры, поэтическія произведенія народной фантазіи совершенно незначительны, хотя въ нихъ встрѣчаются выраженія, которыя не употребляются на обыденномъ языкѣ. Это не болѣе, какъ короткія отрывочныя мысли, не имѣющія между собой болѣе глубокой связи, кромѣ той, какая можетъ явиться подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія. У нихъ также не существуетъ ничего похожаго на басни, сказки и сатирическія пѣсни, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются во множествѣ у негровъ и готентотовъ.

Бѣлокожіе и чернокожіе.

Со времени переселенія европейцевъ въ Австралію, встрѣчаются помѣси съ туземцами, и дѣти бѣлыхъ отцовъ и черныхъ матерей называются „Half Castes“. Они недурны собой, съ великолѣпными вьющимися волосами, красивыми глазами и зубами: кожа у нихъ почти бѣлая, или красноватая. Чертами лица они схожи съ европейцами и одарены изящнымъ и граціознымъ тѣлосложеніемъ и эластичностью движеній. На сѣверѣ колоніи Викторіи, гдѣ всего чаще встрѣчается эта помѣсь, они отличаются силой и интеллигенціей и, вступая въ бракъ съ бѣлыми и туземцами, даютъ богатый приплодъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ ко второму и третьему поколѣніямъ, и, по словамъ Топинара, австралійскіе метисы многочисленны въ городахъ даже въ хорошихъ семьяхъ, особенно внутри материка.

(Rev. d'Anthrop, 1875, s. 247). По другимъ извѣстіямъ, хотя и встрѣчаются довольно часто помѣси обѣихъ расъ, но сравнительно ихъ немного, и между взрослыми метисами преобладаетъ женскій элементъ, потому что большинство мальчиковъ убивается тотчасъ послѣ рожденія ради цвѣта кожи. У рѣки Маннингъ, гдѣ сношенія чернокожихъ женщинъ съ европейцами довольно часты, сами матери берутъ на себя эту обязанность. Одна мать прямо объясняла причину убійства ребенка тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ полубѣлый (Ausland, 1847, s. 715). Если даже ревнивый чернокожій отецъ не тотчасъ убьетъ новорожденныхъ побочныхъ дѣтей мужескаго пола, то племя никогда не допуститъ, чтобы они достигли возмужалости. Метисы выростаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ отцы, европейцы, настолько принимаютъ въ нихъ участіе, что отдѣляютъ ихъ отъ прочихъ дикарей и держатъ подъ своимъ надзоромъ. Тѣмъ не менѣе, участь этихъ дѣтей бываетъ обыкновенно крайне печальная. Ихъ отцы, благодаря бродячей жизни въ лѣсахъ, на которую осуждена значительная часть европейскихъ поселенцевъ, не могутъ долго заботиться о нихъ, и они черезъ извѣстный промежутокъ времени всетаки попадаютъ во власть племени, съ которымъ мать снова вступаетъ въ сношенія. Если они даже воспитываются среди бѣлыхъ людей, то и тогда имъ постоянно грозитъ опасность отъ чернокожихъ. Послѣдніе похищаютъ подрастающихъ дѣвушекъ и при первой возможности убиваютъ мальчиковъ, потому что австралійцы инстинктивно боятся, чтобы метисы не вытѣснили ихъ, вслѣдствіе превосходства своей интеллигенціи. Когда Оберлендеръ началъ разспрашивать одну чернокожую женщину о причинѣ избіенія метисовъ, то получилъ такой отвѣтъ: „No good, all the same warigal" (Отъ нихъ нечего ждать добра, это тѣ-же дикія собаки). Другой туземецъ возразилъ съ такою же откровенностью: „Blackfellow kill' em plentv while piccaninny" (Черный человѣкъ избиваетъ ихъ во множествѣ, пока они малы). См. (Glodus, Bd. IV, s. 279). Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ бѣлый человѣкъ является самымъ жестокимъ врагомъ чернокожаго.

Во всѣхъ частяхъ Австраліи, гдѣ только поселились бѣлокожіе, туземная раса приближается гигантскими шагами къ своей гибели. Причины, содѣйствующія этому, весьма различны; между прочимъ, не мало способствовали вымиранію туземцевъ водка и болѣзни, занесенныя европейцами, какъ оспа и сифилисъ. Не менѣе замѣчателенъ и тотъ фактъ, что послѣдняя болѣзнь, сильно распространяющаяся въ Австраліи, какъ и между другими нецивилизованными расами, совпадаетъ съ прибытіемъ европейскихъ женщинъ на материкъ. (Ausland, 1848, s. 641). Но всѣ эти причины едва-ли могутъ сдѣлать болѣе опустошеній между дикими сынами Австраліи, чѣмъ они въ свое время причинили американскимъ индѣйцамъ. Въ дѣйствительности, причину быстраго исчезновенія туземной расы слѣдуетъ приписать совершенно другому

обстоятельству, а именно, что колоніи пастуховъ присвоиваютъ себѣ слишкомъ большія пространства земли для своихъ стадъ, и черезъ это цѣлыя племена сразу лишаются своихъ „округовъ", гдѣ они охотились за опоссумомъ и кенгуру. Это случается и теперь; такъ бывало и прежде; подобное насильственное вторженіе служитъ постоянно поводомъ къ новымъ столкновеніямъ, которыя кончаются только съ вымираніемъ туземцевъ.

Въ высшей степени любопытны обличенія Оберлендера, относительно обхожденія съ туземцами англичанъ, которые такъ кичатся своей высокой цивилизаціей и гуманностью. Способъ захвата новыхъ пастбищъ, говоритъ онъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ возбудить симпатіи туземцевъ къ европейцамъ. Земля пріобрѣтается не въ видѣ наслѣдства, или купли, а постепеннымъ вытѣсненіемъ туземцевъ. По мѣрѣ умноженія стадъ и увеличенія бѣлокожаго населенія, требуется соотвѣтственно и большее пространство земли, на которое заявляется притязаніе, а настоящіе владѣльцы земли, безъ всякихъ договоровъ, торгу и даже вознагражденія, вытѣсняются, и ихъ заставляютъ удаляться вглубь материка. Какъ только случайно открыто новое пастбище, или найдено посланными съ этою цѣлью скотоводами, бѣлокожіе немедленно занимаютъ его своими стадами, чтобы захватить въ собственность. Правительство снабжаетъ ихъ письменными свидѣтельствами, въ силу которыхъ имъ разрѣшается занятіе новыхъ полосъ земли; пользуясь этимъ, они строятъ на новой землѣ свои „стоянки" (скотные дворы) и выгоняютъ туземцевъ, живущихъ пососѣдству. Бѣлокожіе стрѣляютъ лѣсную дичь, выгнанную собаками, и уничтожаютъ ее. Европеецъ равнодушно попираетъ ногами могилы предковъ изгнаннаго племени, хотя туземцы настолько же привязаны къ землѣ которую они называютъ своей родиной, какъ и всякій другой народъ. Но дѣло не ограничивается однимъ изгнаніемъ дикарей. Благодаря тому, что племя сгоняется съ мѣста своей охоты, оно вступаетъ въ непріязненныя отношенія съ другими племенами, въ область которыхъ оно принуждено вторгнуться по неволѣ, и вслѣдствіе этого между различными племенами туземцевъ начинается истребительная война; ворвавшееся племя должно вести борьбу не только за средства къ существованію, но и за самую жизнь.

Послѣ всего этого можно ли удивляться, что туземцы, съ которыми такъ дурно обходятся, стараются принести вредъ овцамъ и рогатому скоту своихъ притѣснителей. Они нападаютъ на стада и уводятъ съ собой возможное количество головъ. Какъ только обнаружится пропажа, собираются надсмотрщики и сосѣдніе скотоводы и преслѣдуютъ грабителей; часть ихъ убиваютъ выстрѣлами, а другихъ разгоняютъ и доставляютъ себѣ этимъ временный отдыхъ отъ ихъ нападеній. Нерѣдко случается, что какой нибудь пастухъ, или сторожъ при хижинахъ, который вовсе не участвовалъ въ расправѣ, падаетъ жертвой набѣга, предпринимаемаго туземцами, съ цѣлью отомстить врагамъ. Чернокожіе сжигаютъ его хижину и убиваютъ его самого. Лошади и рогатый скотъ разгоняются, чѣмъ возбуждается гнѣвъ собственниковъ. Тогда выступаютъ въ походъ скотоводы различныхъ округовъ, подъ предводительствомъ какого нибудь чернокожаго, который враждебно относится къ преслѣдуемому племени. Они уничтожаютъ все, что имъ попадется на пути. Здѣсь, такъ же какъ и въ Тасманіи, „истребленіе" служитъ лозунгомъ, а противъ преимуществъ европейскаго оружія чернокожіе варвары не въ состояніи защищаться и при другихъ условіяхъ. Австралійскія газеты не разъ сообщали ужасающія подробности объ этихъ хладнокровно совершаемыхъ убійствахъ, но правительство большею частью не обращало на нихъ никакого вниманія, а нѣкоторые директора полиціи и почтенные переселенцы прямо отрицали существо-

ваніе такихъ фактовъ, если только преступленіе не получало слишкомъ большой огласки. Время отъ времени, въ лѣсахъ между чернокожими проносилась молва, что ихъ товарищей угостили „сильной дозой“, и дѣйствительно, многіе чернокожіе погибали вслѣдствіи того, что на ихъ дорогѣ раскладывали хлѣбы, отравленные мышьякомъ. Послѣдніе даже были найдены, изслѣдованы, и въ нихъ открытъ ядъ; затѣмъ начались розыски, но они ни къ чему не привели, за неимѣніемъ бѣлокожихъ свидѣтелей, а чернокожіе по закону не допускаются въ свидѣтели.

Весьма возможно, что подобныя безобразія прекратились въ послѣдніе годы, но они теперь болѣе не нужны, потому что вымираніе чернокожихъ идетъ достаточно быстро, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ (Oberländer, Australien, s. 317—318).

Безпощадное наступательное движеніе бѣлокожихъ вглубь Австраліи произвело существенную перемѣну въ образѣ жизни чернокожихъ, которая, по мнѣнію Топинара, и составляетъ главную причину ихъ вымиранія. Эта перемѣна, въ связи съ возрастающею трудностью добывать пищу, сообразную ихъ привычкамъ и вѣковымъ преданіямъ, возбуждаетъ въ нихъ тоску по родинѣ, соединяющуюся съ гнетущимъ сознаніемъ превосходства бѣлокожихъ въ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Подтвержденіемъ этого взгляда служитъ тотъ фактъ, что подавленное нравственное состояніе чернокожихъ женщинъ способствуетъ ихъ безплодности и побуждаетъ убивать единственныхъ дѣтей, или уничтожать ихъ до рожденія. Во многихъ мѣстностяхъ чернокожіе прямо заявляютъ, что они больше не имѣютъ земли, и поэтому не хотятъ оставлять въ живыхъ своихъ дѣтей (Ausland, 1847, s. 715). Этотъ примѣръ вовсе не единичный въ исторіи. Точно такимъ же образомъ, по прибытіи европейцевъ, Антиллены, или индѣйцы Антилльскихъ острововъ, производили родъ преднамѣреннаго расоваго убійства (Peschel, Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen. Stuttgart, 1877, s. 431); оно же незамѣтно, но вѣрно уничтожаетъ чернокожаго человѣка въ Австраліи. До сихъ поръ остается не рѣшеннымъ, насколько вѣренъ законъ, открытый графомъ Стржелецкимъ, по которому женщины, родившія послѣ связи съ европейцами, становятся безплодными и не могутъ имѣть дѣтей отъ мужчинъ своей расы. Хотя скромный швейцарскій ремесленникъ, г. Миллеръ, и высказываетъ мнѣніе, что между всѣми варварскими народами, австраліецъ, быть можетъ, наиболѣе способенъ къ прочному и основательному воспріятію цивилизаціи, но этотъ взглядъ не раздѣляютъ другіе изслѣдователи. Напротивъ, большинство добросовѣстныхъ наблюдателей пришло къ убѣжденію, что, повидимому, австраліецъ болѣе, чѣмъ какой либо другой дикарь, не доступенъ европейской цивилизаціи, и дѣйствительно, до сихъ поръ она почти вовсе не повліяла на него. Поэтому Эмиль Монтегю правъ, говоря, что напрасно стараются отыскать у австралійцевъ какія либо качества, которыя бы заставили пожалѣть объ ихъ исчезновеніи, и что скорѣе можно считать это благодѣяніемъ для колоній (L'Angleterre et ses

colonies australes. Paris, 1880, s. 30 и 33). Съ другой стороны, весьма ошибаются тѣ, которые представляютъ себѣ австралійца жалкимъ и безпомощнымъ существомъ. Несмотря на свою бѣдственную жизнь, возбуждающую наши сожалѣнія, онъ счастливъ по-своему и не теряетъ присутствія духа и веселости при всевозможныхъ лишеніяхъ: это настоящій философъ, для котораго личная свобода и независимость въ томъ видѣ, какъ ихъ никогда не можетъ дать наша цивилизація, составляютъ первую потребность, для которой онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Австраліецъ всегда былъ человѣкомъ природы, въ полномъ значеніи этого слова; таковъ онъ и теперь, и останется такимъ до тѣхъ поръ, пока живетъ на землѣ.

Переселенцы.

Масса переселенцевъ, которымъ въ настоящее время принадлежитъ политическое господство надъ Австраліей, состоитъ изъ уроженцевъ Великобританскаго королевства и Ирландіи. Въ предъидущей главѣ мы описали обхожденіе съ чернокожими туземцами этихъ сыновъ Альбіона, ловкихъ и счастливыхъ колонизаторовъ. Довольно значительную часть пришлаго населенія между людьми, говорящими англійскимъ языкомъ, образуютъ нѣмцы, которые отличаются такой же страстью къ переселеніямъ, какъ и британцы, и встрѣчаются совмѣстно съ послѣдними, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, не исключая и Австраліи. Здѣсь также наблюдается у нихъ чрезвычайно малая степень національной устойчивости, которая представляетъ собой характеристическую черту германскаго элемента, гдѣ онъ встрѣчается въ англо-саксонской средѣ. Ничего подобнаго не наблюдается въ нѣмцахъ, живущихъ между романскими народами, или славянами, или по крайней мѣрѣ превращеніе совершается не такъ быстро. Но тамъ, гдѣ нѣмецъ живетъ среди своихъ единоплеменниковъ, англо-саксовъ, онъ обыкновенно въ короткое время отрѣшается отъ своей національности и уже въ ближайшемъ поколѣніи, какъ по языку, такъ и нравамъ и привычкамъ. сливается, бо́льшею частью, съ окружающимъ его англійскимъ элементомъ.

Этотъ этнологическій фактъ былъ недавно подтвержденъ наблюдательнымъ корреспондентомъ Кельнской газеты, который, въ 1879 году, объѣхалъ Австралію. Нигдѣ, въ Викторіи и въ Новомъ-Южномъ-Валиссѣ, говоритъ онъ, нельзя разсчитывать на прочное существованіе германскаго элемента и, быть можетъ, въ Южной Австраліи онъ займетъ со временемъ то же положеніе, что кельтское населеніе въ Валисѣ. Число нѣмецкихъ переселенцевъ въ половинѣ 1879 года доходило до 6,623 чел. Наибольшую часть ихъ составляли земледѣльцы, винодѣлы и простые рабочіе, которые почти забыли свой родной языкъ. Между этими нѣмцами пользуются достаткомъ только нѣкоторые земледѣльцы и ви-

подѣлы, но никого изъ нихъ нельзя назвать богатымъ. Они не привозятъ съ собой съ родины настолько значительныхъ капиталовъ, чтобы заняться рискованнымъ, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, крайне выгоднымъ овцеводствомъ на громадныхъ участкахъ земли, арендуемыхъ у правительства. Нѣмцы рѣдко поступаютъ въ овчары, или берутся за такое скучное занятіе, какъ стрижка овецъ, и потому имъ остаются только вышеупомянутые способы пропитанія. Правда, въ Новомъ-Южномъ-Валисѣ существуютъ двѣ-три преимущественно нѣмецкія деревни, но вообще нѣмцы въ этой мѣстности нигдѣ не живутъ сплоченными массами и обыкновенно поглощаются англійскимъ элементомъ. Нѣчто иное представляетъ собою нѣмецкое населеніе въ городахъ; въ Сиднеѣ ихъ, вѣроятно, нѣсколько сотенъ. Опредѣлить ихъ въ точности очень трудно, потому что нѣтъ ни одной нѣмецкой семьи, въ которой бы не было сильной помѣси англійской крови. Мужчины въ семьѣ преимущественно нѣмцы; жены, по крайней мѣрѣ на половину, англичанки; сыновья, въ виду дѣловыхъ интересовъ, еще изучаютъ языкъ своихъ отцовъ, но съ дочерьми, воспитанными въ англійскихъ школахъ и перенявшими англійскіе обычаи и нравы, было бы крайне затруднительно объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Однако, принимая во вниманіе ихъ малочисленность и общественное положеніе, мы едва ли въ правѣ ставить имъ въ упрекъ ихъ сліяніе съ англійскимъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнный фактъ, что германскій элементъ, по крайней мѣрѣ въ Новомъ-Южномъ-Валиссѣ, уже во второмъ поколѣніи клонится къ упадку, или даже совсѣмъ исчезаетъ среди огромной массы говорящихъ на англійскомъ языкѣ австралійцевъ. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ нѣмцы живутъ болѣе тѣсными группами, этотъ процессъ совершается нѣсколько медленнѣе. Между тѣмъ, въ виду трудностей, которыя приходится преодолѣть большинству нѣмецкихъ переселенцевъ въ Австраліи, слѣдуетъ признать, что они сравнительно пользуются между англичанами большимъ почетомъ. Они не являются здѣсь исключительно въ видѣ крупныхъ торговцевъ, или высокообразованныхъ художниковъ, какъ это мы видимъ въ Южной Америкѣ, Испаніи и Италіи. Нѣмецкое населеніе австралійскихъ городовъ, или, по крайней мѣрѣ девять десятыхъ его, составляется изъ высшихъ ремесленниковъ. Многіе промыслы, какъ напр., часовщика, оптика и особенно содержателя гостинницы, почти исключительно въ рукахъ нѣмцевъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ и Новой Зеландіи, такъ и въ другихъ странахъ. Переселясь изъ Европы безъ капитала, или съ весьма незначительнымъ капиталомъ, они пріобрѣтаютъ, если не богатство, то извѣстный достатокъ, и пользуются почтеннымъ общественнымъ положеніемъ, сохраняютъ свои нѣмецкіе обычаи, пьютъ пиво и болтаютъ о своей далекой родинѣ, что вполнѣ удовлетворяетъ ихъ. Въ Австраліи встрѣчаются также нѣмецкіе купцы, художники, юристы и инженеры, но они составляютъ рѣдкое исключеніе, и на нихъ нельзя смотрѣть какъ на людей, дающихъ тонъ всей массѣ нѣмецко-австралійскаго населенія. Случаи возвращенія на родину изъ Австраліи не такъ часты, какъ изъ Америки. Здѣсь нѣмцы пускаютъ слишкомъ глубокіе корни и, при этомъ, легко пріобрѣтаютъ состоянія, но не настолько, чтобы проводить остатокъ своихъ дней на покоѣ, безъ дальнѣйшей работы. Кто задастся этой цѣлью, тотъ повторяетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ живетъ въ Австраліи только для того, чтобы скопить денегъ. Но капиталы, повидимому, составляются здѣсь медленнѣе, нежели въ Америкѣ.

Несравненно большее значеніе имѣетъ для Австраліи переселеніе другого народнаго элемента, который мы также встрѣчаемъ на австралійской почвѣ. Это отличающіеся своими косами, сыны небесной имперіи, китайцы, которые сначала устремились цѣлой толпой въ пятую часть свѣта. На Карпентарскомъ полуостровѣ, вдающемся въ морѣ у

сѣвернаго берега колоніи Квинсленда, поселилось не менѣе 25,000 китайцевъ, между тѣмъ какъ населеніе Квинсленда (котораго Карпентарскій полуостровъ составляетъ только шестую часть) простирается всего до 200,000 человѣкъ. Въ 1859 году, китайское населеніе Викторіи доходило до 46,000 душъ. Съ тѣхъ поръ оно значительно уменьшилось, а теперь ихъ не болѣе 13,000. Вообще, фактъ доказанный, что китайское переселеніе съ давняго времени начало уменьшаться и уже нѣсколько лѣтъ совершенно прекратилось. Общая цифра китайцевъ въ австралійскихъ колоніяхъ, насколько извѣстно, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Квинслендѣ 14,524, Викторіи 13,000, Новомъ-Южномъ-Валисѣ 9,500, Новой Зеландіи 4,433, въ Южной Австраліи и Портъ-Дарвинѣ 2,000, въ Тасманіи 750, что составляетъ 44,207 душъ. Китайское населеніе Мельбурна доходитъ до 500 человѣкъ, а въ предмѣстьяхъ до 380. Изъ нихъ только 66 занимаются плотничествомъ и конкурируютъ съ европейскими рабочими; остальные—садовники и мелкіе торговцы, или прокармливаютъ себя такого рода работой, за которую не взялся бы ни одинъ европеецъ. Но что особенно отличаетъ этотъ народъ отъ всѣхъ остальныхъ и въ чемъ они составляютъ рѣзкую противоположность съ нѣмцами—это упорство, съ которымъ они придерживаются старыхъ обычаевъ и ихъ замкнутость среди представителей самыхъ разнообразныхъ расъ. Китаецъ никогда не привязывается къ странѣ, въ которую онъ переселяется; у него одно желаніе—пріобрѣсти столько денегъ, чтобы быть въ состояніи скромно прожить остатокъ дней въ Китаѣ, куда онъ возвращается при малѣйшей возможности. Тоска по родинѣ настолько сильна въ немъ, что она не кончается даже съ его жизнью; по общепринятому обычаю, всякій, кто имѣетъ на это средства, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы по крайней мѣрѣ его трупъ былъ перевезенъ въ дорогое отечество. Эта обособленность китайцевъ на чужбинѣ, вмѣстѣ съ заботливо-заплетенной косой, способствуетъ до извѣстной степени неприкосновенности ихъ языка и національной одежды и, взятая вмѣстѣ съ ихъ стремленіемъ рано или поздно вернуться на родину, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, почему мѣстное населеніе относится недоброжелательно къ китайскимъ колонистамъ и смотритъ на нихъ, какъ на бродягъ, искателей приключеній и даже отчасти кровопійцъ, болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ для общаго благосостоянія.

Но самымъ важнымъ представляется вопросъ о конкурренціи на европейскую работу, которая возникала здѣсь, благодаря китайцамъ. Большею частью, крайне умѣренные и привыкшіе къ скудному образу жизни, они довольствуются очень низкой задѣльной платой, которая недостаточна для европейскаго работника, при его разнообразныхъ потребностяхъ. При этомъ, разумѣется, и работа ихъ менѣе доброкачественна, такъ что для всякаго дѣла, гдѣ требуется из-

вѣстная смѣтливость, предпочитаютъ европейскихъ работниковъ, несмотря на то, что имъ приходится иногда давать тройную плату противъ той, которой довольствуются китайцы.

Всѣмъ извѣстно, что на берегахъ Тихаго океана господствуетъ покровительственная система мѣстной промышленности и что тутъ китайскіе переселенцы встрѣчали, по своемъ прибытіи, всевозможныя препятствія и встрѣчаютъ ихъ до сихъ поръ. Но едва ли многимъ изъ нашихъ читателей извѣстно, что и въ Австраліи одно время также происходило антикитайское движеніе, которое прекратилось не вслѣдствіе прогресса идей, а скорѣе въ силу измѣнившагося положенія дѣлъ. Гоненіе на китайцевъ началось въ 1854 году, когда золотопромышленность въ Австраліи достигла высшей степени своего развитія и когда китайское переселеніе сразу хлынуло на материкъ, такъ что въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ 10,000 монголовъ высадилось въ Мельбурнѣ и на четырехъ корабляхъ прибыло 1400 эмигрантовъ. Это послужило поводомъ къ устройству митинговъ, подачѣ петицій и произнесенію великодушныхъ рѣчей въ защиту мѣстнаго населенія, и принято было рѣшеніе, чтобы корабли, на каждыя десять тоннъ, могли привозить не болѣе одного китайца, въ случаѣ же несоблюденія этого правила, хозяинъ корабля платилъ штрафъ въ 10 фунт. стерл. Когда вслѣдъ затѣмъ бѣдные Джонни (англичане называютъ всякаго китайца „Джонъ“ или „Джонни“) вмѣсто Мельбурна стали высаживаться въ Сиднеѣ, чтобы оттуда пробраться сухимъ путемъ до розсыпей, на нихъ наложили поголовный штрафъ въ 4 ф. стерл. Несправедливость этой мѣры была очевидна; кромѣ того, австралійское населеніе должно было убѣдиться въ самомъ непродолжительномъ времени, что въ странѣ, гдѣ былъ большой недостатокъ рабочихъ рукъ, и китаецъ можетъ принести пользу. Такимъ образомъ, мало по малу запретительныя мѣры потеряли свою силу, и монгольская раса, наравнѣ съ другими, была допущена въ Австралію.

Въ настоящее время китайцы являются исключительно въ видѣ рудокоповъ, садовниковъ, или земледѣльцевъ и поддерживаютъ въ Австраліи славу китайской обработки земли. Ихъ продукты неоспоримо превосходятъ выращенные европейцами и, вслѣдствіе этого, дороже оплачиваются. Китаецъ, при этомъ, всегда принимаетъ мѣры для сбыта своего товара. Но онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ говоритъ по англійски, поэтому покупатель обыкновенно пишетъ свою цѣну въ записной книжкѣ, которую китаецъ всегда носитъ при себѣ; послѣдній, въ этихъ случаяхъ, внимательно разсматриваетъ цифры, хотя большею частью не понимаетъ ихъ. Разсчеты производятся въ извѣстные сроки; при этомъ чрезвычайно рѣдко доходитъ дѣло до спора. Также не мало китайцевъ, посвятившихъ себя торговлѣ, особенно въ Мельбурнѣ; между ними нѣкоторые пріобрѣли довольно значительное состояніе. Въ этихъ случаяхъ они не употребляютъ своего имени для обозначенія фирмы, но большею частью выбираютъ какое-нибудь другое названіе, въ высшей степени фантастическое, какъ напримѣръ: „Kong Meng & Co“, что означаетъ: „Общество блистательнаго свѣта“ и пр. Эти купцы, единственные изъ китайцевъ, которые до извѣстной степени походятъ на европейцевъ, придерживаются въ образѣ жизни англійскихъ обычаевъ и женятся на европейскихъ женщинахъ. Благодаря этому, они нерѣдко пользуются прочнымъ кредитомъ среди мѣстныхъ жителей и даже извѣстнаго рода вліяніемъ. Но все-таки подобные примѣры составляютъ исключеніе; большая часть китайскаго населенія въ колоніяхъ занимается добываніемъ руды, такъ какъ это наиболѣе подходящій для нихъ промыселъ. Въ Зандгёрстѣ и Белларетѣ встрѣчаются большія розсыпи, которыя исключительно разрабатываются китайцами. Большинство производитъ промывку золота на собственный счетъ; при этомъ бѣдный „Джонъ“ часто довольствуется добычей на мѣстахъ, покинутыхъ европейцами.

Вслѣдствіе своего отчужденія отъ европейцевъ, китайцы почти повсемѣстно образовали свои особые населенные центры, вокругъ которыхъ группируются ихъ соплеменники, не имѣющіе осѣдлости. Такъ, въ Мельбурнѣ одна изъ боковыхъ улицъ города, такъ называемая „Bourke Street East“, почти исключительно населена китайцами; здѣсь у нихъ свои банки, клубы, игорные дома и т. п. Но если вы хотите составить себѣ понятіе о настоящемъ китайскомъ городѣ, хотя въ маленькомъ видѣ, то отправляйтесь въ Беллареть. Здѣсь живетъ около 6000 китайцевъ въ такъ называемомъ „Chinese Camp“ (китайскій лагерь). Чтобы познакомиться вполнѣ съ этимъ своеобразнымъ миніатюрнымъ кантономъ, нужно посѣтить его ночью, потому что днемъ жители на работѣ и разсѣяны по окрестностямъ. По словамъ итальянца Джіованни Бранки, который объѣхалъ острова Фиджи и Австраліи (Tre mesi alle isole dei Cannibali nell' arcipelago delle Figi. Firenze, 1878), въ этихъ случаяхъ не мѣшаетъ заручиться помощью полиціи, чтобы имѣть всюду свободный доступъ, потому что китаецъ чувствуетъ необыкновенное уваженіе къ полисмену; послѣдній можетъ проникнуть въ самые затаенные углы; передъ нимъ открываются всѣ двери, и онъ буквально пользуется здѣсь неограниченною властью.

Тѣмъ не менѣе, есть одно учрежденіе, гдѣ кончается власть англійской полиціи, и она оказывается безсильной. Это своего рода тайный союзъ, который китайцы образовали между собою и, въ силу котораго, они не только сами выбираютъ начальственныхъ лицъ, но издаютъ законы и наказываютъ за неисполненіе ихъ, втайнѣ отъ оффиціально установленныхъ властей. Впрочемъ, эта организація касается только отношеній китайцевъ между собой, а не тѣхъ случаевъ, когда замѣшаны европейцы. Такимъ образомъ, можно смѣло предположить, что, если китаецъ совершитъ покражу у другого китайца, преступника отыскиваютъ и наказываютъ собственные соотечественники даже прежде, чѣмъ онъ попадетъ въ руки англійской полиціи. Достойно замѣчанія, что наказанный этимъ способомъ китаецъ никогда не прибѣгаетъ къ защитѣ англійскихъ властей, и вообще нѣтъ никакой возможности собрать какія-либо свѣдѣнія о томъ, гдѣ и кѣмъ совершается эта скорая расправа. Она примѣняется также къ должникамъ, такъ что изъ сотни бѣглецовъ, которые, не исполнивъ своихъ долговыхъ обязательствъ, стремятся въ Китай, девять десятыхъ арестуются прежде, чѣмъ они успѣютъ сѣсть на корабль.

ТАСМАНЦЫ.

Ванъ-Дименова земля, или, какъ мы ее называемъ теперь, Тасманія, отдѣленная Бассовымъ проливомъ отъ южной, выдающейся части Австраліи, была весьма скудно населена въ первое время англійской колонизаціи, въ 1803 году. На пространствѣ земли, равномъ Ирландіи, жило всего отъ 6,000—7,000 туземцевъ, которыхъ трудно было подвести подъ какую бы то ни было классификацію. Одно несомнѣнно, что они отличались отъ австралійцевъ по языку и физическимъ признакамъ, изъ которыхъ мы считаемъ наиболѣе важнымъ руннообразные волосы тасманцевъ, въ чемъ они были схожи съ неграми, или по крайней мѣрѣ, съ папуасами. Всѣ наблюдатели, какъ напримѣръ, Кукъ, Девисъ, Бретонъ, и естествоиспытатель Перронъ, сходятся въ

своихъ показаніяхъ относительно рунообразнаго вида короткихъ, черныхъ, или темнокоричневыхъ волосъ тасманцевъ, ростущихъ пучками, или на подобіе спиральныхъ свертковъ (Rev. d'Anthrop., 1872, p. 739), плоскихъ, если ихъ разсматривать въ микроскопъ, и съ элиптическимъ поперечнымъ разрѣзомъ. Вообще, у тасманцевъ были густые волосы на всемъ тѣлѣ и такого же свойства, что и на головѣ. Въ остальномъ также выказывалось довольно значительное отличіе тасманскаго типа отъ австралійскаго.

Мы знакомы съ тасманцами по описаніямъ первыхъ мореплавателей, посѣтившихъ эту страну. По словамъ Кука, кожа ихъ была чернаго цвѣта, во-

Лалла Рукъ, послѣдняя тасманка.

лосы рунообразные, но губы не толстыя, носъ не приплюснутый, черты лица недурныя, только у большинства волосы на головѣ и борода были вымазаны красной краской. Между тѣмъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, у нихъ носъ широкій у основанія и приплюснутый сверху; ихъ подносовой прогнатизмъ придавалъ ихъ большому, добродушному рту звѣрообразно выдающійся видъ (Revue d'Anthrop., 1876, p. 673). Судя по свѣдѣніямъ, тщательно собраннымъ Браугъ Смитомъ, они имѣли болѣе темный цвѣтъ кожи, нежели жители австралійскаго материка, и вообще были коренастѣе ихъ, шире въ плечахъ, ниже ростомъ и еще менѣе привлекательной наружности. Средняя величина ихъ роста, по наблюденіямъ англійскаго антрополога Дж. Б. Девиса, составляетъ 1,618 м. для 23 мужчинъ и 1,503 м. для 29 женщинъ. Но большинство путешественниковъ приводятъ болѣе значительныя цифры, до 1,80 м. Изслѣдованіе сравнительно

незначительнаго количества череповъ показало, что тасманцы не представляются такими ясно выраженными длинноголовыми, какъ австралійцы. Топинаръ относитъ ихъ къ разряду подъ-длинноголовыхъ (Revue d'Anthrop., 1873, p. 105), такъ какъ указатель ширины ихъ черепа представляетъ колебанія между 72 и 80, въ среднемъ выводѣ 76 (Revue d'Anthrop., 1879, p. 728). Флоцеръ, при измѣреніи 34 череповъ, встрѣтилъ два случая метопизма. Указатель высоты (72,8),—и въ этомъ они, наоборотъ, очень близки къ австралійцамъ, а также относительно зубовъ; но вообще они менѣе прогнатичны, нежели австралійцы, и болѣе подходятъ къ микроземамъ (глазничный указатель 76,3); носовой указатель достигаетъ 56,8 (a. a. O), между тѣмъ какъ емкость ихъ черепа превышаетъ австралійскій на 1330 куб. сент. (a. a. O, 1873, p. 104). Что касается наружности тасманцевъ, то Перонъ очень благосклонно отзывается объ одной

Вилльямъ Ланней, послѣдній тасманецъ.

шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, по имени Ура-Ура; равнымъ образомъ, другіе наблюдатели сообщаютъ о видѣнныхъ ими красавицахъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ нѣсколькихъ дѣвушекъ въ самомъ юномъ возрастѣ, что подтверждаетъ и Ллойдъ (Thirty-three years in Tasmania and Victoria, p. 44), женщины вообще были крайне безобразны и даже хуже своихъ мужей, съ худощавымъ дряблымъ тѣломъ и лицами, вымазанными порошкомъ древеснаго угля.

Съ другой стороны Фр. Миллеръ и Браугъ Смитъ высказываютъ мнѣніе, что въ языкѣ и нѣкоторыхъ этнологическихъ признакахъ все-

таки существовала, повидимому, тѣсная связь между обоими типами: тасманскимъ и австралійскимъ. Справедливость этого подтверждается тѣмъ фактомъ, что отдѣльныхъ представителей тасманскихъ племенъ едва можно отличить отъ австралійцевъ. Еще сильнѣе, нежели во внѣшнихъ признакахъ, выступаетъ это различіе и сходство въ другихъ особенностяхъ. У тасманцевъ, несмотря на близкое сосѣдство съ Австраліей, не было никакихъ домашнихъ животныхъ, ни даже туземной собаки; они не имѣли также ни малѣйшаго понятія о характерномъ австралійскомъ оружіи, бумерангѣ и дротикѣ („Wamera"), и не носили щитовъ. Тасманцы никогда не были людоѣдами, и обычай обрѣзанія не былъ имъ извѣстенъ. Но у нѣкоторыхъ племенъ было принято вырывать два или четыре верхнихъ рѣзца, подобно австралійцамъ, и Кукъ наблюдалъ у нихъ то же искусственное украшеніе тѣла симметрическими шрамами. Всѣ эти точки соприкосновенія и отступленія объясняются удовлетворительнымъ образомъ только въ томъ случаѣ, если мы примемъ гипотезу прежняго смѣшенія съ какой нибудь курчавоволосой темнокожей разновидностью. Пешель хотѣлъ было сначала причислить тасманцевъ, и разумѣется безъ достаточныхъ данныхъ, къ папуасамъ Новой Гвинеи (Ausland, 1870, s. 145); впослѣдствіи онъ также недостаточно ясно высказываетъ свое мнѣніе объ ихъ этнологическомъ положеніи (Völkerkunde, s. 340). Фр. Миллеръ, безъ всякихъ колебаній, призналъ тасманцевъ смѣшаннымъ типомъ, происшедшимъ отъ помѣси прямоволосаго австралійца съ курчавоволосымъ папуасомъ, при весьма значительномъ преобладаніи перваго изъ нихъ. Браугъ Смитъ вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе вѣнскаго ученаго, съ тою только разницей, что онъ признаетъ перевѣсъ папуасской крови. Онъ высказываетъ предположеніе, что смѣшеніе могло произойдти въ Новой Каледоніи, гдѣ еще до малайско-полинезійскаго переселенія папуасы являются первобытными жителями, и разстояніе отъ Тасманіи не такъ велико, какъ между группой острововъ Самоа и Новой Зеландіей, или Сандвичевыми и материкомъ. До послѣдняго времени казалось загадкой, какимъ способомъ могли перейдти тасманцы на свой островъ, такъ какъ, по общепринятому мнѣнію, они не имѣли лодокъ. Между тѣмъ, у нихъ оказались челноки на подобіе плотовъ, а переселеніе изъ Австраліи черезъ Бассовъ проливъ, при его богатствѣ острововъ, ни въ какомъ случаѣ не требуетъ какихъ либо особенныхъ приспособленій искусства мореплаванія.

Насколько извѣстно, тасманцы стояли на несравненно низшей степени цивилизаціи, чѣмъ обитатели швейцарскихъ свайныхъ построекъ, до-металлическаго періода, которые жили въ хижинахъ, занимались скотоводствомъ и изготовляли ткани. По описанію Кука, у тасманцевъ оба пола ходили нагіе; только изрѣдка попадались женщины съ шкурой кенгуру на плечахъ, въ которой они несли своихъ дѣтей. Въ тѣ времена они, подобно австралійцамъ, довольствовались лѣтомъ первобытнымъ кровомъ, въ родѣ бесѣдокъ, сдѣланныхъ изъ согнутыхъ древесныхъ вѣтвей. При этомъ у нихъ не было и слѣда земле-

дѣлія и скотоводства. Всѣ ихъ издѣлія и работы заключались въ изготовленіи оружія мужчинами, сѣтей и корзинъ женщинами. Волокна и лубъ „Corrijong'a или такъ называемаго новозеландскаго льна (Phormium tenax), служили имъ для изготовленія нитокъ, которыя они скручивали на колѣняхъ, самымъ первобытнымъ способомъ, ладонью руки. Корзины плелись изъ листьевъ Dianella, которые предварительно размягчались на огнѣ и становились гибкими. Тонкія кости задней ноги кенгуру замѣняли тасманцамъ иглу и шило. Оружіе ихъ дѣлалось изъ дерева, которое они обжигали на огнѣ, чтобы придать ему бóльшую твердость, и состояло изъ дубины „Waddy“ и копья. На послѣднее они никогда не насаживали осколковъ кварца или рыбьихъ костей. Молотки изъ кварца, грюнштейна, или кремня, изготовлялись ими безъ всякаго затрудненія; они такъ же, какъ и австралійцы, вкладывали, при этомъ, камень въ расщепленную деревянную рукоятку, или прикрѣпляли его къ ней съ помощью смолы ксанторрей и древесныхъ волоконъ. Здѣсь также найдены были на скалахъ и деревьяхъ грубые рисунки животныхъ, птицъ и людей, въ родѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются на австралійскомъ материкѣ. Искусство рисованія древеснымъ углемъ, повидимому, составляло любимое препровожденіе времени. „Способности тасманцевъ“—говоритъ Джемсъ Бонвикъ въ своей любопытной книгѣ (Daily Life and origin of the Tasmanians. London, 1870), изъ которой я привожу нѣкоторыя подробности,—„были скорѣе подражательныя, нежели самобытныя; но тамъ, гдѣ дѣло касалось ограниченныхъ условій ихъ простаго существованія, они оказывались вполнѣ удовлетворительными“... Въ физическомъ, а подъ часъ и въ нравственномъ, отношеніи, чернокожіе тасманскіе мальчики и дѣвочки, воспитывавшіеся въ сиротскомъ домѣ Гобартъ-Тауна, нерѣдко превосходили дѣтей европейскихъ родителей. Нѣкоторые ученики достигали даже извѣстнаго умственнаго развитія; такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, который умѣлъ писать, издавалъ газету для своихъ соплеменниковъ. Тасманцы никогда не отличались жестокостью, или кровожадностью; сначала они были робки и сдержанны съ посѣщавшими ихъ европейцами, затѣмъ относились къ нимъ дѣтски довѣрчиво и ласково, пока тѣ не раздражили ихъ и не возбудили жажды мести. Вообще, Бонвикъ называетъ ихъ самыми миролюбивыми существами въ мірѣ. Что касается половыхъ отношеній тасманцевъ, то о нихъ также нельзя сказать ничего особенно дурного. Многоженство повсемѣстно господствовало на островѣ до такой степени, что почти у каждаго было отъ двухъ до трехъ женъ (Lloyd, Thirty-three years in Tasmania and Victoria, p. 45), но обращеніе съ ними было несравненно мягче, нежели у австралійцевъ. Первые мореплаватели называютъ тасманскихъ женщинъ вполнѣ цѣломудренными; если онѣ впослѣдствіи измѣнились въ этомъ отношеніи, то причину нужно искать въ наступившей порчѣ нравовъ. Привязанность къ семьѣ была также сильно развита у нихъ, какъ это доказываетъ одинъ совершенно своеобразный обычай, связанный съ почитаніемъ умершихъ. Они носили въ память покойника его кость въ мѣшечкѣ, висѣвшемъ на шеѣ. Также они никогда не употребляли, подобно австралійцамъ, человѣческіе черепа, въ видѣ чашъ для питья. Они сжигали своихъ покойниковъ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, имѣли нѣкоторое представленіе о будущей жизни. Языкъ ихъ, раздѣленный на нѣсколько нарѣчій, нельзя назвать грубымъ или недостаточнымъ; въ немъ были даже своего рода грамматическія красоты и правильность флексій, только понятіе о числѣ и числительныхъ именахъ было такъ же недостаточно развито, какъ и у австралійцевъ и многихъ другихъ расъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи (Globus, Bd. XVII, s. 378—379). Такимъ образомъ, съ помощью вышеприведенныхъ свѣденій, мы сдѣлали попытку обрисовать въ лицѣ тасманца типъ первобытнаго человѣка, въ настоящее время уже вымершаго.

Вездѣ, гдѣ только образованный европеецъ приходилъ въ столкновеніе съ народами, стоящими на низшей степени культуры, прямымъ слѣдствіемъ этого было болѣе или менѣе быстрое вымираніе темнокожаго человѣка. Такъ было до сихъ поръ въ сѣверной Азіи, южной Африкѣ, сѣверной Америкѣ, на вестъ-индскихъ островахъ, Южномъ океанѣ, а также, какъ мы уже говорили, въ Австраліи. Но для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, исторія Тасманіи представляетъ наиболѣе удобный примѣръ, чтобы прослѣдить весь ходъ подобнаго вымиранія расы во всѣхъ патологическихъ частностяхъ. Пособіемъ для этого можетъ служить объемистое сочиненіе Джемса Бонвика (The last of the Tasmanians. London, 1870), который не только собралъ все, что только можно было найти въ архивахъ Австраліи и Тасманіи, но и безчисленныя извѣстія, сообщаемыя очевидцами. „Жестокости, совершаемыя испанцами въ Новомъ Свѣтѣ", замѣчаетъ Пешель, „служили издавна любимой темой нравственно-историческихъ литературныхъ упражненій. Бонвикъ настолько честенъ, чтобы признать, что англичане имѣютъ весьма побудительныя причины молчать объ этомъ предметѣ. Дѣйствительно, можно придти въ ужасъ отъ всѣхъ европейскихъ культурныхъ народовъ, когда они вступаютъ въ соприкосновеніе съ людьми, имѣющими другой цвѣтъ кожи. Голландцы въ Капской землѣ и ихъ потомки, боэры, доказываютъ на опытѣ, что и германскія народности принадлежатъ къ кровожаднымъ представителямъ человѣческаго рода. Одни только французы, хотя и не вполнѣ безгрѣшные въ этомъ отношеніи, могутъ похвалиться, что они вообще обходились болѣе гуманно и по христіански съ цвѣтнокожими дѣтьми природы, нежели другіе представители европейской цивилизаціи. Мы не можемъ успокоивать себя тѣмъ, что виновниками всѣхъ ужасовъ, которые совершались въ Тасманіи, были каторжники, потому, что не только многіе „джентльмены" участвовали въ нихъ, но мы знаемъ, со словъ обоихъ Форстеровъ, какимъ способомъ хозяйничали матросы капитана Кука на островахъ Тихаго Океана. Но еслибы даже въ самомъ дѣлѣ одни каторжники были виновны въ совершенныхъ преступленіяхъ, то и это не могло бы служить оправданіемъ для англійскаго общества, водворившаго эту язву человѣческаго рода въ странахъ, уже заселенныхъ людьми. Само собою разумѣется, что чернокожіе не оставались въ долгу у переселенцевъ, и за преступленія, совершенныя каторжниками, должны были расплачиваться ни въ чемъ не повинные мирные жители. Впрочемъ, и ихъ нельзя считать совершенно непричастными къ этому дѣлу, такъ какъ европеецъ, пользуясь правомъ сильнаго, отнимаетъ земли у туземцевъ на далекомъ пространствѣ". (Ausland, 1870 s. 148).

Перечень кровавыхъ злодѣяній, учиненныхъ надъ тасманцами, слишкомъ длиненъ для того, чтобы быть здѣсь приведеннымъ, но мы думаемъ, что достаточно будетъ упомянуть о нѣкоторыхъ подроб-

ностяхъ, чтобы познакомить нашихъ читателей съ этой междурасной войной. Въ былыя времена можно было часто слышать общеупотребительное выраженіе: „уничтожено столько-то черныхъ вороновъ." Многіе сами сознавались въ томъ, что у нихъ было въ обычаѣ охотиться на чернокожихъ, чтобы добыть кормъ своимъ собакамъ; также не рѣдко угощали туземцевъ отравленной водкой. Капитанъ Гольманъ былъ самъ очевидцемъ, какъ одинъ англичанинъ додумался до слѣдующей безобразной выходки. Онъ взялъ два пистолета, изъ которыхъ только одинъ былъ заряженъ, подозвалъ къ себѣ чернокожаго и, приложивъ къ своему уху незаряженный пистолетъ, показалъ ему, въ видѣ забавы, какъ спускаютъ курокъ, и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока дикарь не пожелалъ самъ произвести такой-же опытъ. Англичанинъ подалъ ему заряженный пистолетъ, и чернокожій всадилъ себѣ пулю въ мозгъ. (Bonwick, The last of the Tasmanians, p. 67). Съ такимъ же звѣрствомъ обращались съ туземными женщинами. Что касается маленькихъ чернокожихъ, то ихъ крали при всякомъ удобномъ случаѣ и продавали сельскимъ хозяевамъ, которые употребляли ихъ на разныя домашнія работы. Такимъ образомъ, въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія обоюдное убійство было возведено въ правило между живущими въ лѣсахъ туземцами и крайними аванпостами европейскихъ переселенцевъ. Въ это время англичане впервые замѣтили, что число тасманскихъ дѣтей быстро уменьшается, что̀ служитъ вѣрнымъ признакомъ наступающаго вымиранія расы. Между тѣмъ, нравственная деморализація принимала все большіе размѣры. Бѣлымъ людямъ, благодаря подкупу, удалось, безъ особеннаго труда, соблазнить большинство тасманскихъ женщинъ, которыя, вступивъ съ ними въ сношенія хотя бы на короткое время, начинали относиться съ презрѣніемъ къ мужчинамъ своего племени, подобно тому, какъ это было съ женами индѣйцевъ въ Америкѣ, во время испанскаго завоеванія. Метисы, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивалось, также стояли на сторонѣ европейцевъ.

Когда, наконецъ, чуть ли не всѣ чернокожіе были искоренены и удалось переловить остальныхъ, явилась возможность приступить „къ дѣлу цивилизаціи", т. е. къ новому способу уничтоженія, которымъ медленно закончилась исполненная ужасовъ драма. Примѣръ этотъ весьма поучителенъ въ антропологическомъ отношеніи, потому что онъ служитъ новымъ доказательствомъ вреднаго вліянія дѣйствительной, или воображаемой филантропіи, когда она хочетъ идти противъ законовъ природы и воображаетъ, что можно передѣлать какую угодно расу по европейскому образцу. Миссіонеры и „друзья человѣчества" въ значительной степени способствовали гибели тасманцевъ своей цивилизаторской дѣятельностью. Племя, привыкшее къ наготѣ, принуждено было сразу отвыкнуть отъ намазыванія кожи и надѣть на себя платье; народъ, всегда дышавшій чистымъ воздухомъ, подъ тѣнью

деревъ, былъ запертъ въ тѣсныя хижины; охотникъ, который до сихъ поръ питался мясомъ, яицами и устрицами, долженъ былъ почти исключительно довольствоваться растительной пищей. Дикари, которые постоянно чувствовали себя бодрыми и здоровыми, благодаря движенію на чистомъ воздухѣ, принуждены были взрослыми людьми отправляться въ школу, учить азбуку и читать по англійски, т. е. учиться выговаривать слова не такъ, какъ они написаны, потому что англійскій языкъ уже дошелъ отчасти до положенія іероглифовъ. Для достиженія этой цѣли, пойманныхъ тасманцевъ перевозили на небольшой островъ Бруни, на югъ отъ Гобартъ-Тауна. Между тѣмъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣсколько тасманцевъ все еще бродятъ на свободѣ; тогда благочестивый лицемѣръ Дж. Авг. Робинзонъ, исполнявшій должность суперъ-интенданта, постарался заманить ихъ миролюбивымъ способомъ, и 28 декабря 1834 года были пойманы послѣдніе свободные тасманцы, въ числѣ восьми человѣкъ. За три года передъ тѣмъ, а именно въ 1831 году, поселеніе на Бруни признано было неудобнымъ, и тасманцамъ отвели въ Бассовомъ проливѣ большой островъ, который поочередно носилъ разныя названія: Фурно, Большой островъ и Флиндеровъ островъ. Здѣсь вымираніе туземцевъ продолжалось по прежнему и при этомъ на столько быстро, что при переписи 14 сентября 1838 года оставалось всего 59 мужчинъ и 36 женщинъ. Наконецъ, въ октябрѣ 1847 года, послѣдніе остатки тасманцевъ, 12 мужчинъ 22 женщины и 10 дѣтей, были освобождены изъ заточенія на Флин-

Остатки могилы древнихъ тасманцевъ, устроенной изъ кольевъ и кусковъ коры.

деровомъ островѣ и отвезены обратно на свою родину, въ Ойстеръ-Ковъ, по близости Гобартъ-Тауна. Но дѣтей засадили, при этомъ, въ сиротскій домъ, гдѣ ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени постигла ранняя смерть. Вилльямъ Ланней, обыкновенно называемый „королемъ Билли“, былъ послѣднимъ представителемъ послѣдней семьи, которая добровольно подчинилась притѣснителямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ тасманцемъ. Его рѣдко видали трезвымъ; онъ умеръ 3 марта 1869 года, отъ холеры, въ Гобартъ-Таунѣ. Въ это время еще была жива одна женщина, Лалла Рукъ, называемая также Труганина, но и эта послѣдняя представительница тасманскаго племени была погребена, въ іюнѣ 1876 года.

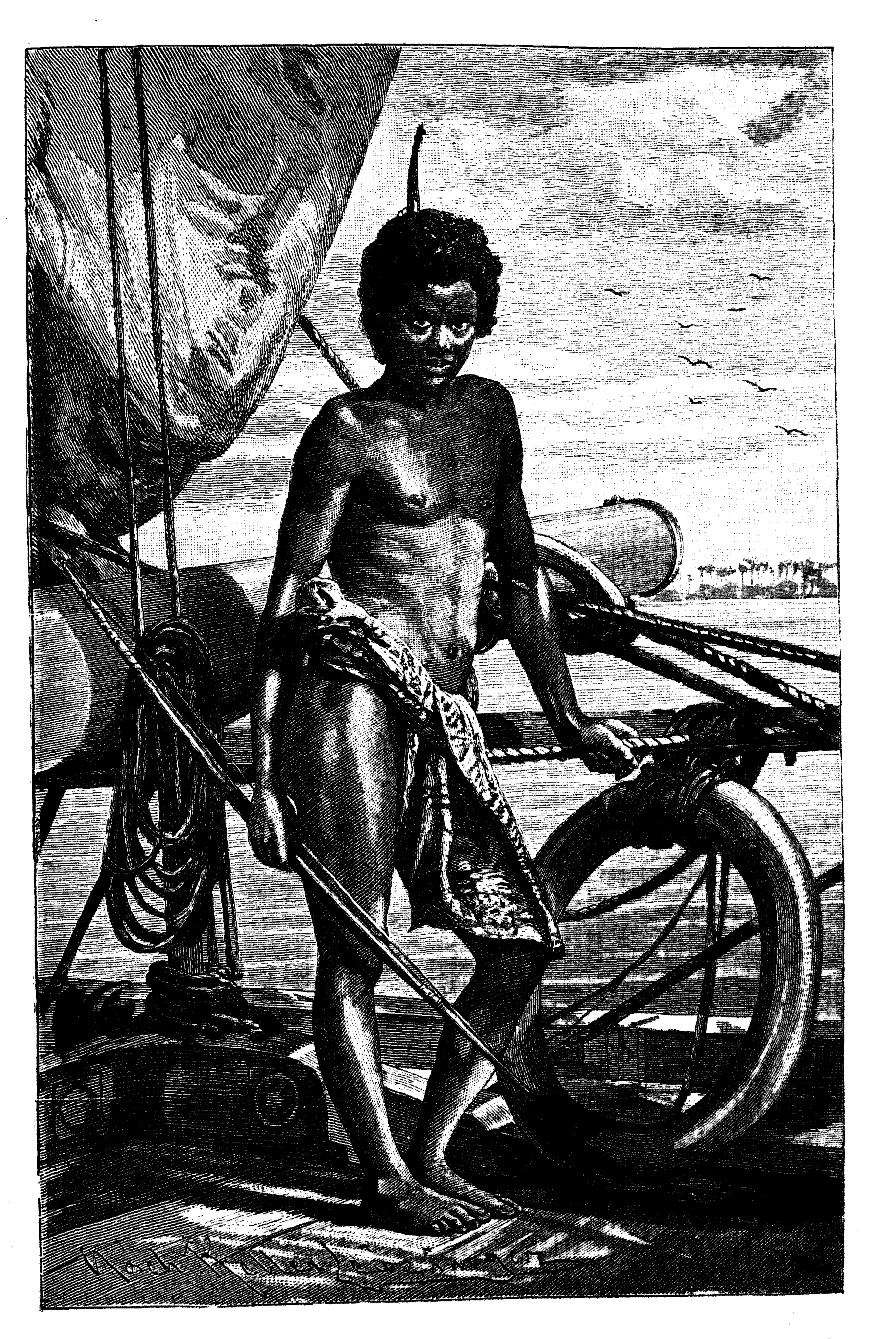
Тасманцы вымерли въ настоящее время, но въ нѣкоторыхъ метисахъ течетъ ихъ кровь. Это потомки европейцевъ, промышлявшихъ ловлей китовъ и тюленей, которые жили небольшими партіями на островахъ Бассова пролива и прибрежныхъ островахъ юго-восточной Австраліи и обыкновенно покупали и похищали себѣ женъ въ Тасманіи. На этихъ островахъ образовалось, такимъ образомъ, многочисленное племя метисовъ, и, по свидѣтельству Робинзона, каждая женщина тасманка произвела на свѣтъ не менѣе 13 дѣтей отъ своего бѣлокожаго супруга. Но въ самой Тасманіи не могло быть ничего подобнаго. Проживающія въ лѣсахъ шайки дикарей неблагосклонно относились къ побочнымъ дѣтямъ другой расы, и матери старались или преждевременно избавиться отъ плода, или же убивали дѣтей тотчасъ послѣ рожденія.

Въ заключеніе мы приведемъ, по поводу выше приведеннаго истребленія расы, слова Пешеля: На вымираніе тасманцевъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на неизбѣжный геологическій и палеонтологическій фактъ: болѣе сильная порода всегда вытѣсняетъ слабѣйшую. Это вымираніе народа представляетъ само по себѣ печальное явленіе, но еще печальнѣе должно казаться намъ сознаніе, что на этомъ свѣтѣ естественный порядокъ вещей всегда беретъ верхъ надъ нравственнымъ, при всякомъ ихъ столкновеніи“ (Ausland, 1870, s. 189).

ОСТРОВИТЯНЕ ВЕЛИКАГО ОКЕАНА.

Общій обзоръ.

Къ сѣверо-западу отъ Австраліи выдѣляется среди морскихъ волнъ богатая, по своему разнообразію, картина архипелага, который обыкновенно причисляютъ къ Азіи, хотя его восточная часть, по свидѣтельству Уоллэса, фактически принадлежитъ Австраліи, какъ въ географическомъ, такъ и зоологическомъ отношеніяхъ. Равнымъ образомъ, населеніе архипелага распадается на двѣ рѣзко отличающихся между собою расы: малайцевъ и папуасовъ, такъ что общеупотребительное выраженіе „Малайскій Архипелагъ“ оказывается совершенно неточнымъ. Нѣсколько восточнѣе линіи, разъединяющей двѣ зоологическія области, тянется граница, которая дѣлитъ въ ихъ главной массѣ оба расовые типа. Впослѣдствіи мы опишемъ малайцевъ болѣе подробнымъ образомъ, а теперь будемъ говорить о нихъ, насколько это необходимо, чтобы выяснить ихъ отношеніе къ народамъ Южнаго океана. Этнологи до сихъ поръ расходятся въ мнѣніяхъ по этому вопросу. Начиная съ изслѣдованій Вильгельма Гумбольдта, бросившихъ новый свѣтъ на строеніе языка „кави“, а также наблюденіями Бушмана окончательно подтвердился фактъ существованія племенного малайо-полинезійскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большинство ученыхъ признало близкое сродство малайцевъ съ свѣтлокожими обитателями крайнихъ восточныхъ острововъ Тихаго океана, такъ что это соотношеніе вполнѣ выражено названіемъ „малайо—полинезійцевъ, которое, если не ошибаюсь, было впервые предложено и введено англичаниномъ Притчардомъ. Чарльсъ Пиккерингъ считаетъ дѣломъ рѣшеннымъ, что островитяне восточной части Южнаго Океана ничто иное, какъ полинезійскіе малайцы (The Races of Man., p. 52—53). Изъ нѣмецкихъ этнографовъ, Пешель и Фр. Миллеръ признаютъ полинезійцевъ восточными малайцами; Миллеръ дѣлитъ малайо-полинезійцевъ на три подраздѣленія: полинезійцевъ, меланезійцевъ и собственно малайцевъ; Пешель различаетъ только азіатскихъ и полинезійскихъ малайцевъ. Къ послѣднимъ причисляютъ обыкновенно жителей острововъ: Самоа, Тонга, Таити, Раратонга, Тупаи, Мангарева, Паумоту и Маркизскихъ, а также и обитателей другихъ небольшихъ острововъ Полинезіи и, наконецъ, канаковъ Гаваи и маори Новой Зеландіи. Въ позднѣйшее время, благодаря превосходнымъ изслѣдованіямъ и измѣреніямъ д-ра Р. Краузе, доказано самымъ несомнѣннымъ образомъ и краніологическое сродство брахикефаловъ-полинезійцевъ съ азіатскими малайцами (I. D. E. Schmeltz und Dr. R. Krause).



Туземецъ изъ Коррора (одного изъ Паланскихъ островов) на палубѣ европейскаго корабля.

Этографическо-антропологическій отдѣлъ музея Годеффруа въ Гамбургѣ. (Hamburg, 1881, s. 545—580).

Въ силу этого сродства, мы, равнымъ образомъ, должны искать колыбель полинезійцевъ въ южной Азіи и признать ихъ за позднѣйшихъ переселенцевъ, вступившихъ въ полинезійскую область острововъ. Это предположеніе, высказанное впервые Фр. Миллеромъ, встрѣтило въ новѣйшее время полное одобреніе со стороны Р. Краузе. Миллеръ полагаетъ, что малайская раса перешла сначала, изъ своего первоначальнаго мѣста жительства въ Азіи, на острова Остъ-Индскаго архипелага до Буру, одного изъ Молукскихъ острововъ, и уже оттуда двинулась къ группѣ острововъ Самоа и Тонга, а затѣмъ изъ этого центра населила полинезійскіе острова. (Allg. Ethnographie, s. 316—321). Этотъ же ученый относитъ приблизительно время раздѣленія и обособленія малайскихъ народовъ на два отдѣла, малайцевъ и полинезійцевъ, къ 1000 году до Р. Х. Если мы станемъ разсматривать нынѣшнее географическое распространеніе полинезійцевъ, то увидимъ ихъ, какъ сказано выше, на крайнемъ востокѣ Южнаго океана, гдѣ можно ясно прослѣдить ихъ по преобладающему направленію пассата, на западо-сѣверо-западъ. Параллельно съ такъ называемыми меланезійскими группами острововъ и отчасти въ непосредственной близости съ ними, лежитъ рядъ маленькихъ острововъ, почти исключительно занятыхъ полинезійцами. Отъ Самоа эта, такъ сказать, полинезійская полоса идетъ черезъ Ротума къ Ануда, Тукопіа, Томако и Сикаяна и направляется къ Новой Ирландіи и Новому Ганноверу, и даже до Новой Гвинеи и острововъ съ малайскимъ населеніемъ. Вторая полинезійская полоса идетъ почти параллельно съ первой, но на болѣе далекомъ разстояніи отъ меланезійскихъ острововъ, черезъ острова: Маршальскіе, Эллисъ, Гильбертскіе до Каролинскихъ, слѣдовательно уже въ области, которую обыкновенно называютъ Микронезіей. Преимущественно благодаря лингвистическимъ изысканіямъ, удалось прослѣдить полинезійскую кровь и на группѣ Каролинскихъ острововъ. Эти полинезійскія полосы, указывающія на самыя главныя мѣста жительства малайцевъ, могли бы во всякомъ случаѣ быть признаны за путь, избранный полинезійцами при ихъ переселеніи на востокъ. Но, допуская эту гипотезу, мы встрѣчаемъ два препятствія со стороны моря, а именно: неблагопріятный для подобнаго переселенія пассатный вѣтеръ и большія западныя океаническія теченія. При этомъ условіи необходимо допустить, что переселенія были сопряжены съ борьбой противъ вѣтра и волнъ. Пешель, соглашаясь съ изслѣдованіями А. Катрфажа относительно переселеній полинезійцевъ, допустилъ сначала существованіе этихъ препятствій (Ausland, 1864, s. 362), но впослѣдствіи высказалъ такое мнѣніе, что господство восточныхъ пассатовъ и западное направленіе морскихъ теченій не могутъ считаться непреодолимыми препятствіями къ распространенію полинезійцевъ съ

запада на востокъ, потому что бываетъ также не мало случайныхъ измѣненій вѣтра и обратныхъ морскихъ теченій (Volkerkunde, s. 371). Между тѣмъ, баронъ фонъ-Шлейницъ, капитанъ нѣмецкаго военнаго „Gакорабляzelle", посѣтившій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Южный океанъ, находитъ, что ученые слишкомъ легко относятся къ упомянутымъ препятствіямъ. Европейскимъ кораблямъ до сихъ поръ еще никогда не удавалось крейсировать противъ пассата, или пассатнаго теченія, на сколько нибудь значительномъ пространствѣ (Zeitschr, d. Berl. Gesellsch. f. Erdk., 1877, s. 262). Само собою разумѣется, что тѣмъ менѣе могло это удаться предкамъ полинезійцевъ, и также не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ можно скорѣе довѣрять сужденію практика-моряка, нежели этнографу, кабинетному ученому по профессіи. Чтобы разрѣшить этотъ затруднительный вопросъ, фонъ-Шлейницъ, со словъ миссіонера Вилльяма Эллисъ, допускаетъ возможность обратнаго переселенія народовъ, къ западу, и за одно съ Эллисомъ возводитъ полинезійцевъ въ сыновъ Америки, которые сбились съ своего пути на западѣ Южнаго океана. Съ другой стороны, лингвистическія изслѣдованія показываютъ, что малайо-полинезійскія нарѣчія раздѣлились при передвиженіи съ востока на западъ, и что съ каждымъ градусомъ восточной долготы все болѣе и болѣе утрачиваются согласныя. Изъ этого можно съ математическою точностью вывести заключеніе, что по крайней мѣрѣ языки слѣдовали восточному направленію, т. е. противъ морскихъ теченій и пассатовъ. Такимъ образомъ, мы находимся передъ дилеммой, которую наука еще не успѣла разрѣшить въ настоящее время.

Впрочемъ, чтобы не впасть въ преувеличеніе относительно значенія уцѣлѣвшихъ остатковъ, доказывающихъ единство языка, мы должны добавить, что Джонъ Крауфурдъ между 5254 новозеландскими словами нашелъ только 85 малайскихъ, а на Маркизскихъ и Сандвичевыхъ островахъ оказалось всего 74 малайо-яванскихъ слова на 6123 туземныхъ, что и побудило этого почтеннаго ученаго отвергать сродство между малайцами и полинезійцами. Равнымъ образомъ, во всей наружности выступаетъ превосходство рослаго, хорошо сложеннаго и красиваго полинезійца, съ его увѣренною и спокойною поступью, передъ маленькимъ, плутоватымъ и некрасивымъ малайцемъ, такъ что первый производитъ несравненно болѣе впечатлѣніе первобытной расы, нежели второй. Недавно въ этнологическомъ добавленіи къ отдѣлу „Австралійская Азія", обработанному А. Р. Уоллэсомъ, въ англійскомъ изданіи моей книги „Земля и ея народы", англійскій этнологъ А. К. Кинъ также возсталъ противъ предполагаемаго сродства между малайцами и полинезійцами. Разсматривая ихъ отношеніе къ Ново-Зеландскимъ маори, находящимся въ такомъ значительномъ отдаленіи отъ своихъ соплеменниковъ, онъ высказываетъ мнѣніе, что малайская раса скорѣе представляетъ видоизмѣненіе маорисской, нежели наобо-

ротъ. Племя маори, по его словамъ, самое чистое, какое только существуетъ на землѣ, между тѣмъ какъ малайское представляетъ собой смѣшанный типъ. При этомъ, Кинъ признаетъ маори и другихъ полинезійцевъ за особую расу, отдѣленную отъ своихъ мнимыхъ родичей, малайцевъ, обширнымъ пространствомъ земли, исключительно населеннымъ темнокожими народами, и вслѣдствіе этого отвергаетъ названіе „малайо-полинезійцы,“ считая его въ высшей степени неудачнымъ (Wallace, Austral-Asia. London, 1879, s. 611). Всѣ эти области въ географическихъ учебникахъ обозначаются названіями „Меланезіи“ и „Микронезіи“.

Полную противоположность съ короткоголовыми полинезійцами, по цвѣту кожи, строенію черепа, равно и географическому положенію, представляютъ чернокожіе, рунообразноволосые и длинноголовые папуасы, которыхъ главное мѣсто жительства на большомъ островѣ Новой Гвинеи; но они распространены также на прилежащихъ западныхъ островахъ и преимущественно на юго-западѣ Тихаго Океана. Хотя они всего ближе подходятъ къ австралійцамъ, живущимъ на материкѣ, но ни въ какомъ случаѣ не тождественны съ ними и представляютъ собой, какъ это впервые доказалъ Уоллэсъ, особую расу, совершенно отличную отъ малайцевъ и полинезійцевъ. Типъ этотъ встрѣчается не только на всѣхъ значительныхъ островахъ остъ-индскаго архипелага и на различныхъ пунктахъ южнаго-океана, но и на далекомъ пространствѣ во всей Полинезіи и Микронезіи находятъ слѣды пребыванія темнокожей расы. Повсемѣстно въ Полинезіи попадаются субъекты, которые, по своему темному, даже черному цвѣту кожи, курчавымъ или рунообразнымъ волосамъ, очень близко подходятъ къ папуасамъ. Герландъ, оказавшій большую услугу обработкой шестой части превосходнаго сочиненія Вайтца „Anthropologie der Naturvölker,“ хочетъ во что бы то ни стало объяснить эти явленія, признавъ особенную разновидность въ полинезійцахъ, между тѣмъ какъ К. Э. Мейнике видитъ подобную-же разновидность въ темнокожихъ обитателяхъ Меланезіи, между которыми встрѣчаются свѣтлокожіе люди. Само собою разумѣется, что при такомъ произвольномъ обращеніи съ гипотезами открывается широкое поле для фантазіи, и можно многое доказать. Впрочемъ, для того, чтобы составить себѣ какое нибудь опредѣленное мнѣніе объ этомъ вопросѣ, необходимо сопоставить крайности и изслѣдовать, насколько схожи другъ съ другомъ чернокожіе индивидуумы, живущіе на самомъ крайнемъ востокѣ Полинезіи, съ жителями индійскаго запада.

Тамъ, равнымъ образомъ, живутъ чернокожіе туземцы, которые на Филиппинскихъ островахъ извѣстны были у тамошнихъ испанцевъ подъ названіемъ „негритосовъ“, т. е. маленькихъ негровъ. Впрочемъ, ихъ называютъ также Ita или Aeta, выраженіе, которое на тагалійскомъ языкѣ (одно изъ малайскихъ нарѣчій) означаетъ „черный“, и,

соотвѣтствуя малайскому hêtam, совершенно тождественно по смыслу съ названіемъ „негритосъ“. Эти Аеta почти несомнѣнно принадлежатъ къ папуасской расѣ, хотя многіе ученые, какъ, напримѣръ, итальянецъ Енрико Джильоли, отвергаютъ это. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Вирховъ также считалъ нужнымъ оспоривать такое сродство, такъ какъ предполагалось большое различіе между черепомъ негритоса и новогвинейца, а именно: сильное развитіе жевательныхъ мускуловъ и зубной дуги, величина зубовъ, у папуасовъ представляютъ полную противоположность съ изящными зубами негритосовъ. Послѣдніе представляютъ собой ясно выраженныхъ брахикефаловъ (короткоголовыхъ), папуасы-же принадлежатъ къ длинноголовымъ. Однако, въ настоящее время это краніологическое различіе признано не существующимъ, потому что, по наблюденіямъ знаменитаго русскаго путешественника и естествоиспытателя, Николая Миклухи Маклая, не всѣ новогвинейскіе папуасы длинноголовые. Этотъ же ученый указалъ на близкую связь негритосовъ и папуасовъ, и его взглядъ раздѣляютъ: д-ръ А. Б. Мейеръ, К. Земперъ и Фр. Миллеръ. Въ лингвистическомъ отношеніи не существуетъ ни малѣйшаго родства между запасомъ словъ въ языкѣ негритосскихъ и папуасскихъ народовъ. Но такъ какъ вообще мы находимъ въ каждой расѣ племена, говорящія на различныхъ языкахъ, то разнообразіе языковъ у папуасовъ и темнокожихъ обитателей островов не говоритъ противъ единства расы, хотя и не подтверждаетъ его. Берлинскій профессоръ Штейнталь находитъ только одну лингвистическую черту въ этихъ языкахъ, которая настолько же служитъ доказательствомъ ихъ взаимной связи, какъ и отличія отъ малайскихъ племенъ—это удареніе. Въ языкѣ малайо-полинезійскихъ племенъ оно ставится на предпослѣднемъ слогѣ, а въ негритосскихъ нарѣчіяхъ и у племенъ Палауэнскихъ островов на послѣднемъ. Такой признакъ нельзя считать маловажнымъ въ языкахъ съ постоянныхъ удареніемъ. Здѣсь всякое перемѣщеніе ударенія служитъ доказательствомъ и другого племени. Само собою разумѣется, что этимъ еще не доказывается лингвистическая связь между негритосами и папуасами, но, съ другой стороны, внѣшнее сходство наружности и образа жизни настолько поразительны, что если бы оба племени были отдѣлены другъ отъ друга сравнительно меньшимъ разстояніемъ, то гипотеза ихъ сродства казалась бы намъ несомнѣнною. Подобная же разновидность, какъ негритосы, встрѣчается, повидимому, внутри Суматры, Борнео, Целебеса и Гальмагера. Сюда-же можно причислить племя замангъ въ горахъ Кедаха и на полуостровѣ Малаккѣ. Наконецъ, точно также существуетъ несомнѣнное расовое сродство съ негритосами и папуасами у минкописовъ, или жителей Андаманскихъ островов. Негритосскій черепъ, составляющій собственность Берлинскаго Антропологическаго Общества, представляетъ величайшее сходство съ черепомъ минкописа, пріобрѣтеннымъ г-номъ Ягоръ. На-

ибольшее внѣшнее отличіе между обоими племенами составляетъ крышевидный лобъ, который встрѣчается у многихъ негритосовъ, а также въ болѣе сильномъ прогнатизмѣ. Пешель называетъ всѣ эти племена „азіатскими папуасами", въ отличіе отъ „австралійскихъ папуасовъ," которые распространены отъ Новой Гвинеи и Новой Каледоніи до острововъ Фиджи.

Если мы разсмотримъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, географическое распространеніе папуасской расы, то увидимъ, что она распредѣляется, вмѣстѣ съ сродными ей типами, съ запада на востокъ: на Андаманскихъ островахъ, полуостровѣ Малаккѣ, Филиппинскихъ, на островѣ Формоза, внутри Суматры, Борнео, Целебеса и Гальмагера, а также на австралійскихъ островахъ: Новой Гвинеѣ, Луизіадѣ и Новой Каледоніи, въ Новой Британіи и на островахъ Соломоновыхъ и королевы Шарлоты, Новогебридскихъ и островахъ Низменнаго архипелага и Фиджи. Въ Церамѣ, а именно, въ восточной части и на Тиморѣ, живутъ племена, которыя, по мнѣнію Уоллэса, всего больше подходятъ къ папуасскому типу; то же утверждаетъ онъ и объ альфурахъ Сагора, Галела и на сѣверномъ полуостровѣ Гальмагера, которыхъ Миллеръ, однако, причисляетъ къ малайцамъ.

До сихъ поръ еще не рѣшено окончательно, составляютъ ли папуасы и ихъ длинноголовые родичи чернокожее населеніе безчисленныхъ острововъ, разсѣянныхъ по Великому океану; но въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ Крауза, это представляется весьма вѣроятнымъ. Темнокожими, курчавоволосыми и долихокефалами оказываются также и свѣтлокожіе индивидуумы, встрѣчающіеся между жителями Меланезіи, и папуасская кровь около полинезійской замѣтна даже въ Микронезіи. Само собою разумѣется, что нельзя придавать этнологическаго значенія этимъ двумъ названіямъ, которыя могутъ быть оспариваемы и въ географическомъ отношеніи. Герландъ хотѣлъ было создать особую, несмѣшанную и своеобразную расу, „меланезійцевъ", для западной части Тихаго океана, а именно, для всего ряда острововъ Новой Каледоніи и Кунайна включительно, до новой Гвинеи, Сальватти, Баланти, Гебе и для мелкихъ острововъ вокругъ Новой Гвинеи, а равно и острововъ Фиджи. Но Фр. Миллеръ доказалъ нагляднымъ образомъ, что темнокожіе меланезійцы антропологически принадлежатъ къ папуасамъ, а этнологически — къ полинезійцамъ; наблюденія ученыхъ, бывшихъ на кораблѣ „Gazelle", вполнѣ подтвердили этотъ взглядъ, потому что въ тѣхъ частяхъ Меланезіи, которыя они посѣщали, вездѣ встрѣчался настоящій папуасскій типъ, какъ по тѣлосложенію, такъ и характеру, который выражался все яснѣе, по мѣрѣ приближенія къ югу. Такимъ образомъ, и въ этнологическомъ отношеніи можно также причислить къ папуасамъ многихъ меланезійцевъ. Уклоненія, которыя встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ, должны быть отнесены къ болѣе или менѣе сильнымъ по-

мѣсямъ съ полинезійцами. Слѣдовательно, меланезійцы тѣ-же папуасы, отчасти съ примѣсью малайской національности, и по, языку, представляютъ нѣчто среднее между полинезійцами и малайцами. Къ нимъ-же нужно причислить, вмѣстѣ съ жителями Новогебридскихъ и Соломоновыхъ острововъ, и „микронезійцевъ", которые также составляютъ помѣсь полинезійцевъ съ папуассами, хотя съ преобладаніемъ полинезійскаго типа. По мнѣнію д-ра Краузе, нѣтъ никакого антропологическаго основанія признавать микронезійцевъ за особую группу, а обозначеніе этого смѣшаннаго населенія какимъ либо собственнымъ именемъ можетъ только привести къ лишнимъ затрудненіямъ. Превосходныя изслѣдованія гг. Шмельца и Краузе ясно показываютъ, что у нѣкоторыхъ племенъ оружіе, утварь и обычаи тѣ-же, что у папуассовъ; у другихъ исключительно полинезійскіе, а тамъ, гдѣ наблюдается совмѣстное вліяніе полинезійцевъ и папуасовъ, можно встрѣтить оружіе и утварь обѣихъ расъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по наблюденіямъ путешественниковъ и на основаніи изслѣдованій надъ черепами, среди полинезійскаго населенія проявляется папуасское вліяніе, тамъ опять таки встрѣчаются обычаи и предметы, исключительно свойственные папуасамъ. Поэтому путешественникъ, д-ръ Максъ Бюхнеръ, совершенно правъ, говоря, что, „быть можетъ, совершенно прійдется отказаться отъ такихъ выраженій, какъ: полинезіецъ, меланезіецъ и микронезіецъ, такъ какъ они этимологически крайне неудачны, и удержать только названія: малаецъ и папуасъ, съ различными промежуточными и смѣшанными формами" (Reise durch den Stillen Ocean. Breslau, 1878, s. 227). Этотъ взглядъ раздѣляетъ теперь большинство изслѣдователей. Равнымъ образомъ, французъ д-ръ Лессонъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, признаетъ на южномъ океанѣ только двѣ расы: свѣтлокожую, которую онъ, вопреки мнѣнію, высказанному Киномъ, выводитъ изъ Новой Зеландіи, затѣмъ другую, темнокожую, которую онъ называетъ меланезійской и подъ которой онъ разумѣетъ и папуасовъ (Dr. A. Lesson. Les Polynésiens, leur origine, leurs migrations, leur langage. Ouvrage redigé d'après le manuscrit de l'auteur par Ludovic Martinet. Paris 1880, V. I, p. 6). Въ этомъ Лессонъ сходится съ результатами краніологическихъ изслѣдованій доктора Краузе.

Не менѣе оригинальный взглядъ высказываетъ фонъ-Шлейницъ, который признаетъ весьма возможнымъ, что первоначальное населеніе Меланезіи было полинезійское, и что значительная часть его была вытѣснена темнокожей расой, которая, тѣмъ не менѣе, переняла многое изъ культуры и нравовъ полинезійцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что у туземцевъ на меланезійскихъ островахъ, болѣе чѣмъ на полинезійскихъ, встрѣчаются въ языкѣ гласныя буквы, которыхъ нѣтъ у папуасовъ, полинезійцевъ и малай-

цевъ, такъ что здѣсь, быть можетъ, существуетъ еще третья, чрезвычайно чернокожая, курчавоволосая раса, безъ примѣси другихъ племенъ, которая преимущественно живетъ внутри острововъ, въ гористыхъ, почти нигдѣ не изслѣдованныхъ мѣстахъ.

Въ дополненіе къ вышесказанному, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ европейскомъ мыслящемъ обществѣ господствовало крайне своеобразное настроеніе. Лучшими умами Германіи, Англіи и Франціи овладѣло своего рода отвращеніе отъ цивилизаціи, недовольство жизнью и безотчетная тоска, которая гнала ихъ изъ міра дѣйствительности въ область идеаловъ, созданныхъ болѣзненной фантазіей. Это своеобразное, нездоровое настроеніе особенно ясно отражается въ сочиненіяхъ Жанъ-Жака-Руссо; оно проявилось отчасти въ политическомъ движеніи, при освобожденіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и въ кровавыхъ сценахъ французской революціи, и положило свой особый отпечатокъ на произведенія Фр. Шиллера. Но Гёте дѣлаетъ попытку освободиться изъ общаго сентиментальнаго круговорота и отбросить отъ себя господствующій болѣзненный элементъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Leiden des jungen Werthers“. Однако никто не былъ зараженъ въ большей степени этимъ умопомѣшательствомъ, какъ почтенный Георгъ Форстеръ, самъ великій Кукъ и его спутники. Они всѣ готовы были принести клятву, что „дикари лучше европейцевъ“. Утонченность европейскихъ нравовъ казалась имъ испорченностью; вездѣ они видѣли прегрѣшенія противъ природы, смѣсь лжи и порока, и дѣти Стараго Свѣта казались имъ отжившими и никуда негодными. Такія убѣжденія высказывались не только нѣсколькими безумцами, но и людьми, которые давали направленіе взглядамъ того времени и были его лучшимъ украшеніемъ. Въ обитателяхъ Южнаго океана, не зараженныхъ цивилизаціей, они находили типы идеальнаго золотого вѣка. Они восхваляли откровенность, умѣренность и неиспорченность дикарей, которые, подобно дѣтямъ, не различали добра и зла и были безконечно счастливы, такъ что оставалось только завидовать имъ. Подобныя мечтанія не мыслимы въ настоящее время. Полинезійцы и меланезійцы описаны такъ подробно, и всѣ описанія настолько согласны между собою, что едва-ли дальнѣйшимъ наблюдателямъ удастся сообщить много новаго. Теперь всѣми признано, что не существуетъ совершенно дикихъ народовъ. Повсемѣстно встрѣчается у нихъ болѣе или менѣе развитое общественное устройство, извѣстное представленіе о божествѣ, хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ, извѣстныя искусства, даже предметы роскоши, и нетронутое богатство поэтическихъ произведеній. Точныя сравнительныя изслѣдованія показали, что такъ называемое дитя цивилизаціи обладаетъ бо̀льшею физическою крѣпостью и здоровьемъ и больше наслаждается свободой, нежели невоспитанный

и, повидимому, не знающій никакого принужденія дикарь. Что же касается нравственнаго сходства, то мы невольно придемъ въ ужасъ, если, въ силу ученія объ единствѣ человѣческаго рода, признаемъ нашими братьями и потомками общихъ прародителей какого нибудь новокаледонца или обитателя острововъ Фиджи. Благочестивые люди не даромъ возмутились противъ выводовъ ученія Чарльса Дарвина о происхожденіи видовъ, которое доводитъ наше родословное дерево до производителей, давшихъ жизнь извѣстнымъ четверорукимъ экваторіальной Африки, или океаническихъ острововъ. Назвавъ папуасовъ своими братьями, мы можемъ уже безъ особеннаго усилія признать наше родство съ шимпанзе. Папуасы, которыхъ такъ идиллически описываетъ Георгъ Форстеръ, ни что иное, какъ тѣ же животныя, правда, въ высшей степени хорошо одаренныя, интеллигентныя, способныя на нѣкоторыя произведенія искусства, но все-таки животныя.

Изъ этого вообще можно вывести слѣдующее важное заключеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что не одинъ умъ отличаетъ человѣка отъ звѣря, потому что умомъ одарены также многія животныя: собаки, лошади, слоны, лисицы и т. п., и разница въ интеллигенціи человѣка и звѣря, разумѣется, очень велика, но не существенная. Одно, что ставитъ насъ выше животныхъ — это нравственныя побужденія, которыя, при замѣчательномъ развитіи умственныхъ способностей, совершенно отсутствуютъ у папуасовъ и многихъ другихъ такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ. Такимъ образомъ, получается дальнѣйшій выводъ, что нравственныя побужденія ни въ какомъ случаѣ не составляютъ общаго достоянія человѣка, даннаго ему природой; это скорѣе пріобрѣтенная съ трудомъ частная собственность извѣстныхъ культурныхъ кружковъ, или, другими словами, продуктъ культуры.

АВСТРАЛІЙСКІЕ ПАПУАСЫ.

Общій обзоръ.

Названіе папуасъ, „papua“ *) произошло изъ малайскаго слова papuwah, т. е. „курчаволосый“, которымъ малайцы обозначаютъ темнокожее населеніе прилежащихъ острововъ. Въ Новой Гвинеѣ, глав-

*) По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, нужно выговаривать „papūa“; только миссіонеръ Гассельтъ считаетъ pāpuă, правильнѣе и употребительнѣе (Verhandl. d. Berl. Geselsch. f. Anthrop. 1876, s. 67).

номъ мѣстѣ жительства папуасовъ, это названіе совершенно неизвѣстно и употребляется только малайскими торговцами. Жители не обозначаютъ никакимъ собственнымъ именемъ ни самихъ себя, ни свою землю, но каждое племя и округъ имѣютъ у нихъ свое названіе.

Папуасы, по строенію своего тѣла, очертанію черепа и внѣшнему виду, поразительно схожи съ неграми, такъ что даже такой тонкій наблюдатель, какъ А. Р. Уоллэсъ сознается, что сходство обоихъ народовъ въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ нерѣдко приводило его въ изумленіе. Между тѣмъ, папуасъ, какъ упомянуто выше, представляетъ полную противоположность съ полинезійцемъ, не только въ антропологическомъ отношеніи, но также и въ этнологическомъ. Полинезійцы татуируютъ себя уколами иглы, папуасы — надрѣзами кожи съ послѣдующимъ образованіемъ шрамовъ. Полинезійцы приготовляютъ опьяняющій напитокъ „кава", неизвѣстный у папуасовъ;—послѣдніе жуютъ „бетель" (родъ перца, листья котораго приготовляются съ другимъ растеніемъ, бетель или areca, и известью), что не въ употребленіи у полинезійцевъ. „Табу" (taboo—родъ религіознаго запрещенія), примѣнялся первоначально одними полинезійцами, но въ послѣднее время этотъ обычай вошелъ въ употребленіе на нѣкоторыхъ островахъ Меланезіи, населенныхъ папуасами. Лукъ и стрѣлы служатъ оружіемъ папуасовъ, между тѣмъ какъ полинезійцы употребляютъ только копья, дубины и метательное оружіе (Schmeltz und Krause. Die ethnogr. anthrop. Abtheil. d. Museum Gortffray, s. 568).

Тѣлосложеніе.

Внутренность Новой Гвинеи еще не достаточно изслѣдована, и потому всѣ наши свѣдѣнія о папуасахъ ограничиваются береговыми племенами, преимущественно на сѣверѣ и западѣ, а также на нѣкоторыхъ прилежащихъ островахъ. Благодаря превосходнымъ изслѣдованіямъ Гассельта (Zeitschr. f. Ethnologie, Berlin, 1879, s. 134—139 и 169—202) А. Р. Уоллэса, А. Б. Мейера, Розенберга и др., мы всего больше знакомы съ мафорезами (названія: Mefvor, Noefoor или Nvefoor, по мнѣнію д-ра А. Б. Мейера, менѣе правильны; см. Mittheil. d. Gesellsch. für Erdk. zu Dresden, 1875, s. 23—24), или мафорскимъ племенемъ, которое въ настоящее время всего многочисленнѣе у бухты Дореха *) и всегда принимается за общій типъ папуасовъ при всѣхъ описаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, между различными племенами встрѣчаются разныя уклоненія; но въ особенности поражаетъ проти-

*) А. Б. Мейеръ считаетъ названіе Doreh наиболѣе правильнымъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Розенберга, слѣдуетъ выговаривать Dorei или Derej.

воположность между прибрежными жителями и племенами внутри острововъ. А. Б. Мейеръ доказалъ, напримѣръ, на арфакахъ (которыхъ хотѣли возвести въ особую расу, что эти жители горъ того-же имени принадлежатъ къ папуасскому племени, подобно обитателямъ побережья. Хотя Розенбергъ и находитъ у арфаковъ большую разницу въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, но замѣчаетъ, что по внѣшнему виду они мало или вовсе не отличаются отъ мафорезовъ и другихъ прибрежныхъ жителей Джильвинксъ-бай. Слѣдовательно, по свидѣтельству Мейера, существующія различія не касаются тѣлосложенія, какъ думаетъ Уоллэсъ, а вызваны только разницей обычаевъ и неравными естественными условіями, среди которыхъ живутъ эти племена. (Antrhop. Mittheil. über d. Papua v. Neuhuinea, s. 8). Съ этимъ соглашается и русскій естествоиспытатель Миклуха-Маклай, который, послѣ долголѣтнихъ добросовѣстныхъ изслѣдованій въ Новой Гвинеѣ и на многихъ другихъ островахъ Южнаго океана и Остъ-индскаго архипелага, приходитъ къ заключенію, что „папуасское племя, по своему тѣлосложенію, распадается на многія отличающіяся между собою разновидности, которыя, однако, вовсе не рѣзко отдѣлены другъ отъ друга“.

Что касается тѣлосложенія папуасовъ (Jules Girard. Les connaissances actuelles sur le Nouvelle-Guinée, въ Bulletin de la Societé de géographie de Paris, 1872, Bd. II, p. 465—469), то величина ихъ роста представляетъ значительныя колебанія; по Мейеру—между 1,314—1,773 м. у мужчинъ и 1,419 до 1,550 м. у женщинъ, что даетъ въ среднемъ выводѣ 1,537 и 1,509 м. У залива Астролябіи, самый высокій изъ папуасовъ, измѣренныхъ Миклуха-Маклаемъ, имѣлъ 1,74 м., самый малорослый 1,42 м. Д'Альбертисъ находитъ, что величина роста у людей на юговосточномъ берегу (которые, впрочемъ, не принадлежатъ къ папуасамъ) достигаетъ 1,72 м.; а по наблюденіямъ лейтенанта Коннора—1,67 м.; д-ръ Комри считаетъ ростъ жителей сѣверовосточнаго берега въ 1,57 м. У арфаковъ средняя высота взрослаго человѣка достигаетъ 1,64 м., но при этомъ субъекты въ 1,72 м. не составляютъ рѣдкости. Слѣдовательно, папуасы въ этомъ отношеніи не отличаются существенно отъ малайцевъ, и вообще между всѣми этими народностями никогда не встрѣчаются такіе рослые люди, какъ между европейцами. По описанію Е. Б. Розенберга, жители Дореха еще ниже; на югозападномъ берегу они средняго роста; женщины обыкновенно немного ниже мужчинъ (H. v. Rosenberg. Der malayische Archipel. Leipzig, 1878, s. 430). Туземцы на берегу Маріанскаго пролива вообще средняго роста и не крѣпкаго тѣлосложенія. Такимъ образомъ, помимо нѣкоторыхъ колебаній, сообразно различнымъ мѣстностямъ, папуасы принадлежатъ къ народамъ средняго роста и, во всякомъ случаѣ, не къ высокимъ, какъ ихъ изображали въ своихъ описаніяхъ многіе путешественники. Фигуры жителей Дореха отличаются преобладаніемъ мяса надъ мускулами; они большею частью съ хорошо сложеннымъ торсомъ и конечностями, но у нихъ довольно часто встрѣчаются, даже у женщинъ, несоразмѣрно тонкія, худощавыя ноги, при совершенно пропорціональномъ тѣлѣ. Представленная въ берлинское Антропологическое Общество 15—16-ти-лѣтняя папуасская дѣвушка, по имени Кандаце, также имѣла красивыя руки и ноги, съ бѣлыми ногтями. Нога Кандаце отличалась такою гибкостью, что, несмотря на долгое ношеніе обуви, она еще сохранила способность употреблять ее вмѣсто руки, и большимъ пальцемъ ноги могла брать

предметы и подавать ихъ, такъ какъ въ этомъ ея соплеменники не уступаютъ обезьянамъ. Подвижность пальцевъ ноги, особенно четвертаго и пятаго, наблюдалъ также Миклуха-Маклай у меланезійскихъ папуасовъ. Вообще, нужно замѣтить, что папуасы, несмотря на всю неправильность ихъ способа питанія— довольно хорошо упитаны, потому что д-ръ Мейеръ не встрѣчалъ особенно худощавыхъ субъектовъ; но онъ также не видалъ и жирныхъ между ними. Только дѣвушки и холостые мужчины, которые больше берегутъ свое тѣло, обладаютъ достаточнымъ запасомъ жира и, слѣдовательно, болѣе округленными формами. Если такіе заслуженные естествоиспытатели и знаменитые путешественники, какъ Соломонъ Миллеръ, а за нимъ и Пешель (Völkerkunde, s. 495), нашли склонность къ жирообразованію, или такъ называемой стеатопигіи, въ женщинахъ у рѣки Утаната и на южномъ берегу Новой Гвинеи, то это былъ только оптическій обманъ, какъ доказываетъ А. Б. Мейеръ, что весьма вѣроятно (Mittheil. d. anthrop. Gesellsch. in Wien, Bd. IV, s. 96). По словамъ того же Мейера, развитіе грудей у женщинъ нормальное; но дѣти большею частью, вслѣдствіе кишечныхъ глистовъ, отличаются толстыми животами, что, въ соединеніи съ непомѣрною длиною рукъ, придаетъ имъ видъ орангутановъ. У папуасовъ цвѣтъ кожи темнокоричневый, болѣе или менѣе съ сѣровато-чернымъ отливомъ, но, повидимому, встрѣчаются также самые разнообразные оттѣнки. По свидѣтельству Уоллэса (The Malay archipelago. London, 1869, Bd. II, p. 178, 445), цвѣтъ кожи на тѣлѣ у папуасовъ чернокоричневый или черный, но никогда не достигаетъ цвѣта древеснаго угля, какъ у нѣкоторыхъ негритянскихъ народовъ, хотя иногда и приближается къ нему. А. Б. Мейеръ и Миклуха-Маклай (Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclayküste in Neuguinea. Batavia, 1873), напротивъ того, утверждаютъ, что существуетъ большое разнообразіе въ окраскѣ кожи, представляющей всѣ переходы тоновъ, отъ свѣтлокожихъ малайцевъ до совершенно черныхъ негровъ. Но вообще кожа у нихъ нѣсколько темнѣе, нежели у малайцевъ, если только возможно признать это за фактъ. У папуасовъ въ Арфакскихъ горахъ цвѣтъ кожи довольно темный, кофейнокоричневый, съ желтовато-сѣрымъ отливомъ, и только у новорожденныхъ дѣтей имѣетъ болѣе свѣтлый оттѣнокъ, но очень скоро темнѣетъ. Д-ръ Мейеръ встрѣтилъ у нихъ однажды крайне рѣзкій примѣръ альбинизма. По словамъ Миклухи-Маклая, большинство папуасовъ, живущихъ у залива Астролябіи (слѣдовательно, почти на востокѣ сѣвернаго берега), имѣетъ свѣтлый шоколадно-коричневый цвѣтъ кожи; у иныхъ онъ былъ не темнѣе, чѣмъ у самыхъ свѣтлокожихъ островитянъ Самоа; у другихъ, наоборотъ, на столько-же темный, какъ у новозеландцевъ и жителей Дореха. Но такъ какъ, по отзыву большинства путешественниковъ, жители болѣе восточныхъ острововъ Южнаго океана отличаются очень темнымъ цвѣтомъ кожи, то мы считаемъ себя въ правѣ признать вообще папуасовъ темнокожей расой. У дѣтей и у молодыхъ субъектовъ кожа мягкая и почти настолько же нѣжна, какъ бархатъ, что, конечно, утрачивается съ годами; тѣмъ не менѣе, Миклуха-Маклай не замѣтилъ особенной грубости кожи, на которую нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, какъ на отличительный признакъ папуасовъ. Ладони и подошвы у нихъ такъ-же жестки и нечувствительны, какъ и у европейскихъ рабочихъ классовъ. Различныя накожныя болѣзни, свирѣпствующія у папуасовъ: Ichtyosis, Psoriasis и др., въ сильнѣйшей степени обезображиваютъ ихъ кожу, равно и втиранія раздражающими маслами, крашеніе тѣла землей и т. п. По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, волоса у папуасовъ курчавые. Что же касается мнѣнія, принятаго Уоллэсомъ, будто они ростутъ небольшими пучками или свертками, которые въ молодости очень коротки и плотно прилегаютъ другъ къ другу, а впослѣдствіи достигаютъ значительной длины (Malay archipelago A. a. O), то д-ръ Мейеръ оспариваетъ это, равно и Миклуха-Маклай. По ихъ словамъ, папуасскіе волосы по своему

строенію ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ; первый предполагаетъ, что они сами по себѣ не могутъ завиваться въ правильные, длинные свертки; второй — что „всклокоченность“ составляетъ природное свойство ихъ волосъ. Поэтому Мейеръ считаетъ вполнѣ правильнымъ, что нѣкоторые путешественники называютъ волоса папуасовъ „всклокоченными“. Миклуха-Маклай видѣлъ только четырехъ плѣшивыхъ туземцевъ, у залива Астролябіи, но рѣдкіе волосы въ болѣе пожиломъ возрастѣ встрѣчаются довольно часто. Они большею частью чернаго цвѣта, иногда съ рыжеватымъ отливомъ на концахъ; въ старости они

Папуасъ изъ внутренней Новой Гвинеи.

сѣдѣютъ и представляютъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ цвѣтомъ кожи. Согласно изслѣдованіямъ Розенберга, длина волосъ достигаетъ 45 сент. длины, и каждый отдѣльный волосъ до самаго конца свертывается въ спираль и помѣщается перпендикулярно къ кожѣ. Впрочемъ, въ видѣ исключенія или особенной игры природы, встрѣчаются иногда индивидуумы съ висящими внизъ волосами. Мужчины и женщины одинаково отращиваютъ волосы во всю длину и чешутъ ихъ постоянно снизу вверхъ, такъ что голова черезъ это получаетъ видъ огромной шарообразной щетки. Относительно волосъ на тѣлѣ существуютъ не менѣе противорѣчивыя показанія. „Лицо украшено такой-же кур-

чавой бородой, какъ и волосы на головѣ", говоритъ Уоллесъ. „Папуасы не любятъ бородъ и рѣдко носятъ ихъ",—пишетъ Мейеръ. Руки, ноги и грудь болѣе или менѣе покрыты такими-же курчавыми волосами; количество ихъ также, какъ и у насъ, бываетъ различно, смотря по субъекту. Такъ называемый „типъ" папуаса, какъ его обыкновенно описываютъ, встрѣчается въ отдѣльныхъ случаяхъ, но и здѣсь, замѣчаетъ Мейеръ, наблюдаются настолько разнообразныя физіономіи, что врядъ ли возможно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ общую характеристику, на подобіе тѣхъ, какія мы встрѣчаемъ у многихъ изслѣдователей. Розенбергъ, изображая наружность арфаковъ, рисуетъ крайне непривлекательную картину. „Представьте себѣ несоразмѣрно толстую голову на тонкой шеѣ, говоритъ онъ, точно такія-же руки и ноги, и при этомъ выдающійся впередъ животъ, и вы получите полное понятіе объ арфакѣ. Особенно безобразенъ въ зрѣломъ возрастѣ такъ называемый прекрасный полъ. Черные курчавые волосы, торчащіе во всѣ стороны и свернутые въ спираль, но менѣе длинные, чѣмъ у мафорезовъ, придаютъ головѣ еще большую толщину, нежели та, какая есть въ дѣйствительности. Глаза у нихъ довольно велики, взглядъ открытый, носъ болѣе или менѣе приплюснутый, съ широкими ноздрями, ротъ большой и выдающійся впередъ, хотя въ меньшей степени, нежели у негровъ; губы толстыя, зубы ослѣпительной бѣлизны; уши обыкновенной формы, но подбородокъ маленькій и уходящій назадъ". (Rosenberg. Reistochten naar de Geelvinkbaai op. Nieuw-Guinea in de jaren 1869 en 1870. Haag, 1875, s. 87—88). Тотъ же наблюдатель говоритъ о жителяхъ Дореха, что у нихъ круглое лицо, носъ большею частью маленькій и съ широкими ноздрями. Вообще, папуасамъ особенно часто приписываютъ большой носъ; можетъ быть, онъ и составляетъ отличительный признакъ отдѣльныхъ племенъ, но Миклуха-Маклай встрѣтилъ у залива Астролябіи большіе носы, въ видѣ исключенія, у двухъ или трехъ индивидуумовъ. На юго-западномъ берегу носы довольно выдающіеся, слегка приплюснутые и съ широкими ноздрями. Вирховъ считаетъ совершенно неосновательнымъ снабжать вообще папуасовъ широкими, тупыми и вздернутыми носами; скорѣе можно приписать имъ длинный, узкій, загнутый носъ, который докторъ Мейеръ считаетъ признакомъ „еврейской" разновидности и который, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ преобладающую особенность лица папуасовъ, въ чемъ послѣднее представляетъ наибольшій контрастъ съ австралійскимъ лицомъ. (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 177). Равнымъ образомъ, сильно выраженный прогнатизмъ повидимому свойственен всѣмъ папуасамъ. У нихъ вообще большой ротъ, губы толстыя и болѣе или менѣе отвороченныя (за исключеніемъ жителей на югѣ-западѣ); подбородокъ узкій, маленькій, уходящій назадъ; зубы хорошей формы и бѣлые какъ жемчугъ; лобъ большею частью высокій и узкій, съ густымъ бровями; глаза темные, живые и открытые. Въ моментъ аффекта въ нихъ проявляется непріятный блескъ. Если папуасъ долженъ сдѣлать что-либо по чужой иниціативѣ, то въ его глазахъ отражается безпокойство и неувѣренность, или же самое напряженное любопытство и удивленіе, если онъ старается понять то, что ему говорятъ. Черты лица его нерѣдко носятъ на себѣ поразительный отпечатокъ еврейскаго типа, что замѣчено было всѣми путешественниками и наблюдается, равнымъ образомъ, на всѣхъ островахъ южнаго океана, занятыхъ папуасами. (Peschel, Völkerkunde, s. 359). Между папуасами встрѣчаются очень красивыя лица, особенно между юношами и мальчиками, а также иногда между молодыми женщинами; но рядомъ съ этимъ, крайне безобразныя физіономіи составляютъ здѣсь обыденное явленіе, какъ, напримѣръ, у Маріанова пролива, гдѣ нерѣдко можно видѣть абсолютно уродливыя, грубыя и скотоподобныя лица, которыя производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Лицевой уголъ достигаетъ въ среднемъ выводѣ 66°, у арфановъ иногда 67 — 70°. Вообще папуасскій черепъ (см. Rev. d'anthrop.,

1880, s. 119) можетъ быть отнесенъ къ категоріи, которую Бернардъ Девисъ причисляетъ къ „гипсистенокефаламъ“ (съ возвышеннымъ черепомъ). Д-ръ Мейеръ собралъ на островахъ Джильвинксъ-бая, а именно на Мизорѣ и Іоби, и въ Новой Гвинеѣ 150, а Миклуха-Маклай, у залива Астролябіи, 10 туземныхъ череповъ. Послѣдніе долихокефалы (средній указатель ширины 77), высокіе (вертикальный указатель 72) и съ очень выпуклымъ теменемъ, если смотрѣть сбоку. Спереди и сзади папуасскій черепъ имѣетъ вообще крышеобразную форму; посрединѣ его замѣтный гребень, начинающійся за темянной точкой и доходящій до средины лба. Лобъ очень сдавленъ съ боковъ и скулы сильно выдаются съ обѣихъ сторонъ. Затылокъ широкій, но плоскій; у самыхъ маленькихъ дѣтей черепъ выступаетъ назадъ остріемъ. Подобно тому, какъ въ тѣлосложеніи, цвѣтѣ кожи и физіономіи, такъ и въ строеніи черепа встрѣчаются самыя различныя уклоненія. Два превосходные черепа, изслѣдованные Вирховымъ у залива Астролябіи, въ мартѣ 1873, представляли уже значительную разницу: одинъ былъ необыкновенно длиненъ и узокъ (указатель ширины 72,7; вертикальный указатель 72,4), другой же приближался къ брахикефаламъ, потому что его указатель ширины доходилъ до 78,8, при вертикальномъ указателѣ въ 78,2. Емкость его доходила до 1,400 и 1,460 куб. сент. и, слѣдовательно, значительно превышала емкость австралійскихъ череповъ. Особенно поразительнымъ представлялось у одного изъ нихъ сильное развитіе жевательныхъ мускуловъ и зубной дуги; размѣры зубныхъ впадинъ постепенно увеличивались, такъ что ячейки послѣднихъ коренныхъ зубовъ были необыкновенно глубоки и широки. Не менѣе своеобразно было устройство нижне челюстнаго сустава, которое, способствуя жевательному движенію челюсти, обусловливало и ея несравненно большее описываніе дуги, нежели у плотоядныхъ людей, что вполнѣ соотвѣтствуетъ способу питанія папуасовъ. (Verhand. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, s. 70—72). Позже Вирховъ производилъ въ Лондонѣ измѣренія еще 8-ми папуасскихъ череповъ, присланныхъ съ острова Дарнлей, въ Торресовомъ проливѣ, и нашелъ, что ихъ средній указатель ширины—73, а высоты—75. По общему типу, они опять-таки принадлежали къ долихокефаламъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и приближались къ брахикефаламъ. (A. a. O., s. 176). Вслѣдъ за тѣмъ, Миклуха-Маклай сдѣлалъ открытіе, что между папуасами сѣвернаго берега Новой Гвинеи встрѣчаются какъ коротко головые, такъ и длинноголовые индивидуумы, и длинноголовіе (долихокефалія) ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться характеристическимъ признакомъ новогвинейскаго папуаса. (A. a. O. 1874, s. 177). При этомъ считаемъ не лишнимъ упомянуть, что изъ 211 череповъ новогвинейскихъ папуасовъ, преимущественно съ островов Джильвинксъ-бая, составляющихъ собственность „Флорентинскаго національнаго музея антропологіи и этнографіи“, 9, слѣдовательно 4,3 процента, носятъ на себѣ отпечатокъ метопизма. Этторе Регаліа, который подробно описалъ ихъ, признаетъ несомнѣннымъ фактомъ, что метопизмъ наблюдается только у слабоумныхъ и тупоумныхъ субъектовъ. (Su nove crani metopici di razza papua. Osservazioni intorno all' influenza del metopismo sui caratteri di razza del crano. Флоренція, 1877). Тѣмъ не менѣе, мы можемъ сказать, со словъ Вирхова, что въ краніологіи папуасовъ нѣтъ ничего такого, что оправдывало бы предположеніе о той низкой степени культуры, какую еще недавно приписывали имъ.

Характеръ и умственныя способности.

Несмотря на то, что много разъ описывали папуасовъ, мы почти не встрѣчаемъ ихъ характеристики въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Всего подробнѣе говоритъ объ этомъ А. Р. Уоллэсъ, ко-

торый сопоставляетъ папуасовъ съ азіатскими малайцами. Оба народа, по его мнѣнію, настолько же отличаются другъ отъ друга по образу жизни, какъ и по своимъ физическимъ свойствамъ. Папуасъ сангвиническаго темперамента, предпріимчивъ и откровененъ въ разговорѣ и въ поступкахъ. Волненіе и порывы страсти выражаются у него крикомъ, смѣхомъ, воплями и дикими прыжками. Женщины и дѣти принимаютъ участіе въ каждомъ разговорѣ и, повидимому, не особенно смущаются присутствіемъ посторонняго человѣка, или европейца (The Malay Archipelago. Bd. II, p. 446). Другіе-же путешественники, наоборотъ, распространяются о застѣнчивости папуасовъ въ присутствіи чужихъ людей, ихъ хитрости, предательствѣ, кровожадности и жестокости, а также храбрости и воинственности, и изображаютъ такимъ образомъ папуаса дикимъ, лукавымъ и недовѣрчивымъ. По отзывамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, папуасы добродушны, гостепріимны и честны; д-ръ Мейеръ восхваляетъ ихъ воспріимчивость въ дѣлахъ чести; при малѣйшемъ поводѣ, они чувствуютъ себя оскорбленными, такъ что даже „нѣмецкій студентъ не могъ бы скорѣе ихъ найти причину считать свою честь затронутою“ (Ausland. 1873, s. 964). Розенбергъ говоритъ въ своемъ описаніи арфаковъ: „они вообще добродушны по природѣ, пока ихъ страсти не возбуждены. Эта черта характера проявляется у большинства совмѣстно съ крайнимъ суевѣріемъ, дѣтскою пугливостью и невѣроятною лѣнью; послѣднее свойство проявляется только у мужчинъ, потому что женщины трудятся, какъ настоящія вьючныя животныя, и не только исполняютъ всѣ домашнія обязанности, но также большею частью работаютъ въ полѣ и въ саду. (Rosenberg, Reistochten near de Geelvinkbaai, s. 88). Кромѣ того, папуасы славятся своимъ цѣломудріемъ, нравственностью, почтеніемъ къ родителямъ и братскою любовью.

Что касается умственныхъ способностей папуасовъ, на которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ указывали, какъ на людей, стоящихъ на самой низкой степени культуры, то Вирховъ справедливо замѣчаетъ, что тамъ, гдѣ встрѣчаются такіе большіе черепа, какъ у нихъ, можно прямо предположить богатое и благопріятное развитіе мозга. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на свѣдѣнія, сообщаемыя различными писателями, то увидимъ, что папуасы вовсе не стоятъ на низкой степени цивилизаціи и, сравнительно съ чернокожими расами, обладаютъ даже высокимъ развитіемъ, а между обитателями Южнаго океана ихъ можно считать наиболѣе облагороженными. Тѣмъ не менѣе, ихъ понятія о числахъ, повидимому, настолько же ограничены, какъ и у австралійцевъ. Папуасы у залива Астролябіи могутъ считать только до шести, а въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ деревняхъ только до трехъ. По свидѣтельству д-ра Мейера, арфаки считаютъ безошибочно до пяти; для чиселъ отъ единицы до пяти у нихъ существуютъ опредѣленныя названія; отъ пяти до десяти они уже начинаютъ оши-

баться, но съ помощью пальцевъ преодолѣваютъ эту трудность, а число двадцать выражаютъ тѣмъ, что указываютъ на пальцы рукъ и ногъ; далѣе этого не простираются ихъ понятія о числахъ. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать неинтеллигентными; Мейеръ не безъ основанія считаетъ ихъ способными на болѣе высокое умственное развитіе, при извѣстномъ вліяніи на нихъ, начиная съ дѣтскаго возраста. Въ смышленности и нѣкоторыхъ дарованіяхъ также нельзя отказать папуасамъ. Уоллэсъ совершенно правъ, придавая большое значеніе произведеніямъ искусства, которыя встрѣчаются у нихъ, несмотря на жалкій образъ жизни. Такъ, напримѣръ, жители у Гумбольдтова залива правильно срисовывали рыбъ и птицъ, когда голландскіе мореплаватели дали имъ карандашъ и бумагу, хотя они, по всѣмъ вѣроятіямъ, видѣли въ первый разъ эти предметы. Въ особенности-же папуасы выказываютъ необыкновенное дарованіе въ орнаментаціи; по словамъ Уоллэса, они украшаютъ превосходной рѣзьбой предметы изъ дерева, которые находятся у нихъ въ постоянномъ употребленіи,

Носъ папуасскаго военнаго челнока, украшенный рѣзьбой и пучкомъ человѣческихъ волосъ.

какъ напр., носы челноковъ, рукоятки орудій и проч. Это обстоятельство представляетъ тѣмъ большій этнопсихологическій интересъ, что древніе доисторическіе обитатели пещеръ въ Бельгіи, Франціи и Швейцаріи, оставили послѣ себя подобныя-же произведенія искусства, отличавшіяся такимъ совершенствомъ, что они возбудили сильнѣйшія сомнѣнія относительно ихъ подлинности. Папуасы не уступаютъ въ искусствѣ троглодитамъ Дордоньи и Лессе и, по образу жизни и нравамъ, оказываются такими же первобытными, какими вѣроятно были и тѣ въ свое время. Принимая во вниманіе ихъ умственную воспріимчивость и смышленность, мы въ правѣ удивляться, что они остались при первыхъ зачаткахъ культуры; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они до сихъ поръ не имѣли никакого сообщенія съ остальнымъ міромъ. Что же касается образа жизни и привычекъ, то мы застаемъ папуасовъ на самыхъ различныхъ степеняхъ развитія; рядомъ съ мафорезами, уже сравнительно образованными, встрѣчаются въ сѣверо-западной Новой Гвинеѣ людоѣды, которые, въ свою очередь, представляютъ различныя степени. Въ то время, какъ обычай людоѣдства исчезъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, и остатки его можно видѣть только въ исключительныхъ случаяхъ, у другихъ племенъ человѣческое мясо въ такомъ употребленіи, что даже съѣдаются родственники, умершіе естественною смертью. Послѣднее съ достовѣрностью разсказываетъ д-ръ Мейеръ о племени „карунгаре", на восточномъ берегу Джильвинксъ-бая, которое несомнѣнно изъ всѣхъ папуасовъ стоитъ на самой низкой степени развитія. По словамъ этого ученаго, „карунгаре" ходятъ совершенно нагіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не имѣютъ жилищъ и ведутъ бродячую жизнь небольшими шайками, пожираютъ своихъ покойниковъ, нападаютъ на всякаго, кто имъ попадется подъ руку, не исключая и сосѣднихъ папуасовъ (Mittheil. d. k. u. k. geograph. Gesellschaft zu Wien, 1873, s. 541). Подобные же людоѣды живутъ въ горахъ маленькаго острова Іоби (въ Джильвинксъ-баѣ) и на южномъ берегу Новой Гвинеи. „Одинъ очевидецъ,—пишетъ д-ръ Мейеръ— въ правдивости котораго я не имѣю никакого основанія сомнѣваться, разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ, не болѣе какъ восемь лѣтъ тому назадъ, присутствовалъ на пирѣ, гдѣ лежали грудами куски разложившагося человѣческаго мяса, притащенные сюда издалека въ качествѣ побѣдныхъ трофеевъ. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ соблюдался военный обычай, который представляетъ остатокъ прежняго общераспространеннаго людоѣдства. До сихъ поръ еще въ Новой Гвинеѣ (включая и большіе острова на сѣверѣ Джильвинксъ-бая), справляются дикія оргіи, если удастся добыть извѣстное количество человѣческихъ головъ, что составляетъ завѣтную мечту папуаса и цѣль, къ которой онъ постоянно стремится; поэтому въ этихъ случаяхъ вполнѣ понятно повтореніе прежнихъ жестокостей, которыя

уже потеряли значенiе постояннаго обычая. Тѣмъ не менѣе, эта безпрерывная рѣзня, которая до сихъ поръ повсемѣстно продолжается въ Новой Гвинеѣ, въ видѣ утоленiя голода въ честь вождя, или по какому либо другому поводу,—составляетъ одну изъ причинъ слабаго населенiя обширной страны и того печальнаго факта, что число ея

Папуасскiй вождь въ праздничномъ нарядѣ.

жителей все болѣе и болѣе уменьшается. Съ другой стороны, еще болѣе способствуетъ этому война, которая приноситъ здѣсь по крайней мѣрѣ ту пользу, что выводитъ туземцевъ изъ умственнаго бездѣйствiя и не даетъ имъ погрузиться въ состоянiе полной апатiи и тупоумiя“ (Ausland, 1873, s. 988—989).

Состояніе культуры.

У папуасовъ, несмотря на сравнительно бо̀льшую степень ихъ культуры, нѣтъ ничего похожаго на одежду, что наблюдается чуть ли не у всѣхъ народовъ, неправильно величаемыхъ первобытными. На сѣверѣ и на югѣ мужчины и женщины ходятъ совершенно нагіе, за исключеніемъ перевязки, образующей родъ узкаго передника, или такъ называемаго „Maar". Это ничто иное, какъ „Маго", или „Мало", который въ большомъ употребленіи и на прочихъ островахъ Южнаго океана, и состоитъ у мужчинъ изъ кусковъ древесной коры, собственно луба (Hibiscus tiliaceus) въ 2 м. длины и въ ладонь ширины, которыя прикрѣпляются къ шнурку, опоясывающему бедра такимъ образомъ, что спереди и сзади висятъ длинныя полосы. Женщины обвиваютъ вокругъ туловища кусокъ голубой или бѣлой бумажной матеріи („Srie"), начиная отъ средины живота, до самыхъ колѣнъ, концы которой сшиваются вмѣстѣ. Одни только вожди одѣваются, по прибытіи чужихъ гостей, въ легкое платье, изъ бумажной матеріи, тидорейскаго покроя.

Несмотря на недостаточность подобнаго одѣянія въ европейскомъ смыслѣ, оно кажется лишнею роскошью многимъ папуасскимъ племенамъ, которые, повидимому, находятъ, что можно обойдтись и безъ него, по крайней мѣрѣ отчасти. У арфаковъ дѣти обоего пола ходятъ до двѣнадцатилѣтняго возраста совершенно нагіе; другіе, какъ, напр., на югѣ (у залива Этна) или внутри острововъ, довольствуются небольшими бамбуковыми влагалищами, которыя привязываются шнуркомъ къ бедрамъ, или же свернутымъ листомъ для прикрытія половыхъ органовъ и даже раковинами (Bulla ovum), какъ у Торресова пролива. (Peschel, Völkerkunde, s. 364). Послѣдній способъ прикрытія наготы въ употребленіи на меланезійскихъ островахъ, населенныхъ папуасами, и стыдливость не позволяетъ туземцамъ появляться гдѣ-либо безъ этой принадлежности ихъ туалета. (Miklucha-Maclay in den Verhandl. d. Berl. anthrop. Gesellsch. 1880, s. 113). Полная нагота составляетъ рѣдкость, но тѣмъ не менѣе встрѣчается иногда, какъ напр., по свидѣтельству Ванъ-деръ-Крабса, на островахъ Гумбольдтова залива (Robidé van der Aa. Reizen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea, ondernomen op. last der regeering van Nederlandsch-Indie in de jaren 1871, 1872, 1875—1876. Haag, 1879, s. 114). То же говорятъ Лангевельдтъ ванъ-Гемертъ и капитанъ-лейтенантъ П. Сваанъ о тамошнихъ молодыхъ дѣвушкахъ: даже тѣ изъ нихъ, которыя достигли полной зрѣлости, не имѣли и слѣда какой-либо одежды; только замужнія женщины носили родъ короткаго „sarong" изъ древесной коры, которымъ были прикрыты ихъ бедра. (A. a. O., s. 270). Женщины вездѣ имѣютъ наилучшую одежду; на западѣ онѣ нерѣдко носятъ малайскій „sarong" изъ бумажной матеріи; южнѣе — родъ передника изъ древесной коры; на островахъ залива Этна — длинный передникъ, въ 45 сент., изъ волоконъ листьевъ или казуаровыхъ перьевъ, а на юговосточномъ берегу и въ Луизіадскомъ архипелагѣ даже короткую юбку, сплетенную изъ листьевъ. У рѣки Амберно, или Рохуссенъ, одежда дамъ такая же первобытная, какъ и у мужчинъ, и состоитъ изъ широкой полосы древеснаго луба въ два пальца ширины, которой прикрываютъ бедра и продѣваютъ между ногъ. (A. a. O., s. 195—196). На сѣверѣ, мужчины, женщины и дѣти, чтобы предо-

хранить себя отъ дождя, носятъ рогожи изъ пандановыхъ листьевъ, перегнутыя на срединѣ и сшитыя на узкомъ концѣ съ краями, украшенныя кругомъ пестрыми арабесками и плетенной каймой à jour. Такая рогожа, одѣтая на голову, покрываетъ сзади все тѣло, такъ что нарядившійся въ нее человѣкъ, на нѣкоторомъ разстояніи, имѣетъ видъ двигающейся будки.

Стремленіе украшать тѣло всевозможными способами въ высшей степени свойственно, какъ жителямъ сѣверо-западнаго, такъ и южнаго побережья. Матерьялъ для украшеній отчасти пріобрѣтается покупкой, а частью составляетъ предметъ мѣстной промышленности. Туземцы покупаютъ только стеклянныя бусы для ожерельевъ на шею и перевязки на плечахъ, мѣдную проволоку для

Папуасъ въ военномъ нарядѣ.

браслетовъ, мѣдныя пуговица и кольца. Изъ мѣстныхъ продуктовъ для этой же цѣли служатъ сѣмена arbus paecatorius и adenanthera pavonina; затѣмъ „ротангъ", мелкія раковины и стержни казуаровыхъ перьевъ. Также въ большомъ употребленіи браслеты изъ шлифованныхъ раковинъ и клыковъ дикаго кабана. Папуасы носятъ браслеты отчасти на предплечьи, частью у кисти руки; въ первомъ случаѣ они такъ плотно прилегаютъ къ тѣлу, что не могутъ соскользнуть. Многіе мужчины носятъ также на икрахъ тесьмы, унизанныя бѣлыми раковинами. Длинныя узкія тесьмы ротанга набрасываются на плечи такимъ образомъ, что концы ихъ скрещены на груди и спинѣ; на войнѣ, въ видѣ украшенія, одѣвается на плечи повязка изъ казуаровыхъ перьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины очень любятъ украшать себя сережками, состоящими изъ черепаховыхъ колецъ, изъ цѣпочекъ, но всего чаще онѣ носятъ въ ушахъ стеклянные трехъ-угольники, сплавленные изъ бусъ, обыкно-

венно свѣтлоголубого цвѣта, а на юго-западѣ—серьги, сдѣланныя изъ серебряныхъ колецъ, мѣдной проволоки и чешуи ящера (manis). Иногда отверстіе въ ушахъ такъ велико, что можно воткнуть палецъ, и туземцы, пользуясь этимъ, употребляютъ всевозможныя вещи, въ видѣ серегъ. Обычай просверливать носовую перегородку (Septum narium) и носить въ ней украшенія неизвѣстенъ въ Дорехѣ и окрестностяхъ, но въ большомъ употребленіи у туземцевъ Лакахіи и у залива Аргуни. Въ другихъ мѣстахъ носовой хрящъ достигаетъ величины 15 сент. и оттягиваетъ носовую перегородку, просверленную въ 5-ти или 6-тилѣтнемъ возрастѣ до верхней утолщенной губы. У туземцевъ можно также видѣть на шеѣ обдѣланныя кости казуара, такъ какъ суще-

Прическа папуаски.

ствуетъ повѣріе, что такая кость придаетъ при бѣганіи легкость птицы. Наконецъ, почти всѣ мужчины носятъ на шеѣ привѣшанный къ шнурку кусокъ дерева, на верхнемъ концѣ котораго вырѣзывается человѣческая фигура („Korambo“), но это скорѣе талисманъ, нежели украшеніе. Мужчины и женщины опоясываютъ бедра расщипанными волокнами ротанга, окрашенными въ красную краску („Wagin“).

Волоса часто связываются на затылкѣ въ толстый пучокъ; иногда они коротко острижены, преимущественно у горныхъ жителей и женщинъ, которыя менѣе заботятся о своей наружности, нежели ихъ тщеславные мужья. Волоса украшаются перьями, листьями и цвѣтами, обыкновенно Hibicus rosasinensis. Что касается прически папуасовъ, то о ней можно написать цѣ-

ную книгу, такъ какъ здѣсь встрѣчаются самыя странныя куафюры. Многіе туземцы красятъ себѣ волосы желтой и коричневой краской; какъ дѣти, такъ и родители гордятся этимъ украшеніемъ; въ зрѣломъ возрастѣ волоса отращиваются, и тогда образуются причудливыя башни волосъ, которыя долгое время ошибочно считались главнымъ характеристическимъ признакомъ папуасовъ. Приложенные здѣсь рисунки могутъ дать нашимъ читателямъ нѣкоторое понятіе объ этихъ своеобразныхъ головныхъ уборахъ. Главнымъ украшеніемъ у мужчинъ служитъ бамбуковый гребень („Assis") съ четырьмя длинными лучеобразнорасходящимися зубцами и длиннымъ тонкимъ остріемъ на верхнемъ концѣ, который украшается тряпочкой, или маховымъ перомъ изъ крыла бѣлаго какаду. Папуасы никогда не разстаются съ этимъ гребнемъ, втыкаютъ его въ волоса горизонтально надъ лбомъ, съ правой стороны, такъ что перо стоитъ торчмя и служитъ также для безпрестаннаго приглаживанія волосъ. Эта прическа не возобновляется годами; ночью, чтобы не смять ея, папуасъ подкладываетъ себѣ для сна подъ затылокъ узкую деревянную подставку,—обычай, распространенный до островов Фиджи и даже въ Японіи. Чтобы уничтожить паразитовъ, которые легко заводятся въ этихъ объемистыхъ прическахъ, папуасы часто поливаютъ ихъ зловонными острыми маслами, невыносимыми для нашего обонянія, такъ что вы чувствуете близость папуаса прежде, нежели увидите его. Масло стекаетъ грязными полосками по спинѣ, что также составляетъ одно изъ праздничныхъ украшеній. Папуасы никогда не моются; рѣдко или вовсе не купаются и для сохраненія прекрасной прически ныряютъ только по принужденію.

Къ числу украшеній принадлежатъ отдѣльныя татуировки на верхней части тѣла, которыя, впрочемъ, не имѣютъ никакого символическаго значенія. Татуированіе въ употребленіи у всѣхъ племенъ, исключая арфаковъ, и производится различными способами, преимущественно посредствомъ царапинъ на лицѣ и верхней части тѣла, натираемыхъ голубой краской, и глубокихъ надрѣзовъ на груди, въ видѣ правильныхъ рисунковъ. Подобные шрамы, служащіе для украшенія, бываютъ величиною съ талеръ и возвышаются иногда отъ 12 — 13 мм. надъ поверхностью кожи. У всѣхъ почти папуасовъ щеки преимущественно татуированы всевозможными рисунками, но только въ молодости, потому что съ годами шрамы настолько сглаживаются, что едва бываютъ замѣтны. Туземцы Кауперсъ-бая, отличающіеся своей дикой наружностью, большею частью татуированы; сверхъ того, у нихъ на каждой щекѣ четыре пятна, что придаетъ имъ издали еще болѣе страшный видъ (Van der Aa. Reisen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea, s. 175). На югѣ-западѣ, туземцы особенно усердно украшаютъ лобъ и переносье; у нихъ также въ большомъ ходу раскрашиваніе лица красками и древеснымъ углемъ и выжиганіе неправильныхъ фигуръ на лицѣ, груди, животѣ и на рукахъ. Послѣднее дѣлается не для украшенія, а въ память совершенныхъ морскихъ путешествій. Вообще, они не уродуютъ своихъ бѣлыхъ какъ жемчугъ зубовъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Гвинеи существуетъ обычай спиливать ихъ съ обѣихъ сторонъ въ формѣ трехъугольника, какъ напримѣръ, на южномъ берегу, у папуасовъ Ута и ихъ соплеменниковъ. Но это, по словамъ Фр. Миллера (Allg. Ethnographie, s. 131), ни въ какомъ случаѣ не составляетъ характеристической особенности папуасовъ, а скорѣе исключительный случай. Равнымъ образомъ, въ Новой Гвинеѣ, повидимому, не въ употребленіи искусственные способы уродованія черепа, или обезображиванія лица. Между тѣмъ, и то и другое, какъ мы увидимъ ниже, въ обычаѣ у папуасовъ на другихъ островахъ. Обрѣзаніе также встрѣчается во многихъ мѣстахъ, напр., у залива Астролябіи, но не повсемѣстно въ Новой Гвинеѣ.

Большія прибрежныя хижины папуасовъ.

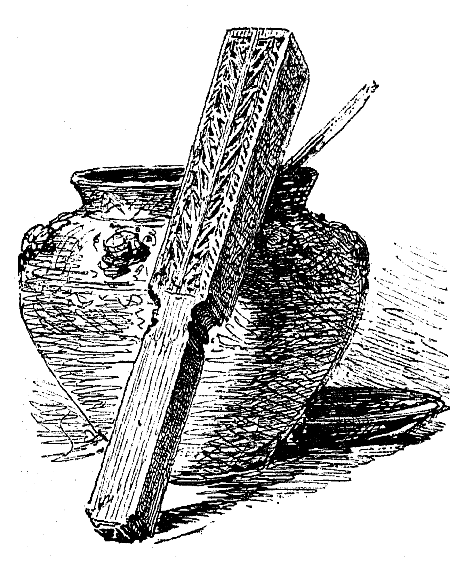
Всѣ деревни, лежащія на юго-западномъ берегу, носятъ на себѣ печать упадка. Онѣ состоятъ, какъ видно на приложенномъ выше рисункѣ, изъ свайныхъ жилищъ, стоящихъ среди мелководнаго моря и соединенныхъ съ берегомъ первобытнымъ мостомъ. Благодаря этому, онѣ представляютъ полнѣйшее сходство съ доисторическими свайными постройками, которыя во множествѣ найдены около озеръ средней Европы. (См. F. v. Hellwald, der vorgeschicgtliche Menseh. Leipzig. 1880, s. 554—610).

Но мы не должны воображать себѣ „сваи" папуасскихъ жилищъ въ видѣ толстыхъ бревенъ, какъ мы обыкновенно привыкли представлять ихъ. Это ничто иное, какъ тонкіе, необдѣланные древесные стволы, которые своею численностью замѣняютъ недостатокъ устойчивости. Всѣ хижины обращены своей длинной осью къ морю, имѣютъ одинаковую форму и очень походятъ на опрокинутыя суда. Крыша на два склона, которые спускаются на обѣ стороны почти до линіи пола; верхушка образуетъ плоскую дугу, покатую къ морю, и кончается длиннымъ, выдающимся остріемъ. Сами папуасы сравниваютъ эти своеобразныя крыши съ опрокинутымъ челнокомъ и спиною черепахи. Со стороны суши, выступающая немного впередъ крыша круто срѣзана и образуетъ родъ навѣса надъ небольшой площадкой, гдѣ въ хорошую погоду собираются женщины. Мужчины большею частью сидятъ на другой сторонѣ, обращенной къ морю, гдѣ устроена такая-же крытая платформа. Хижины бываютъ различной величины; обыкновенно длина ихъ доходитъ отъ 20—24 м., ширина 6—8, а высота 4—5 м. Стѣны дѣлаются изъ кусковъ коры и жесткихъ листьевъ; крыша—изъ пальмовыхъ листьевъ; полъ, который во время прилива очень мало возвышается надъ поверхностью воды, состоитъ изъ мелкихъ древесныхъ стволовъ, жердей и вѣтокъ, ничѣмъ не скрѣпленныхъ между собой и положенныхъ поперекъ на неотесанныхъ балкахъ, которыя поддерживаются сваями, вбитыми въ песчаный морской грунтъ. Нужна привычка и

осторожность, чтобы ходить по этому подвижному полу, подъ которымъ въ большія щели виднѣется море. Каждая хижина раздѣлена въ длину проходомъ, въ 3 м. ширины, на двѣ половины, изъ которыхъ каждая перегорожена плетенными стѣнами на нѣсколько тѣсныхъ коморокъ, сообразно числу семействъ, живущихъ въ хижинѣ. Эти коморки служатъ спальнями и кухнями и совершенно покрыты копотью отъ постояннаго дыма, который только отчасти можетъ выдѣляться сквозь небольшія скважины и щели въ стѣнѣ. Большею частью по близости этихъ жилищъ у моста находится еще маленькая хижина, гдѣ живутъ вдовы, которыя при жизни мужей помѣщались вмѣстѣ съ ними въ большомъ домѣ. Хижины, которыя встрѣчаются на плантаціяхъ въ лѣсу, очень малы и возвышаются на 6—8 м. надъ землей. Туземцы влѣзаютъ на эти шатающіяся во всѣ стороны голубятни съ помощью длиннаго бамбука, на которомъ сдѣланы зарубки.

Жилища арфаковъ рѣзко отличаются отъ хижинъ мафорезовъ и другихъ береговыхъ жителей Джильвинксъ-бая; они рѣдко встрѣчаются группами и болѣе трехъ въ одномъ мѣстѣ, и разбросаны на всемъ пространствѣ горъ и равнинъ. По наружному виду, они представляютъ продолговатый четырехъугольникъ отъ 6—15 м. длины и 5—10 м. ширины, и построены на высокихъ сваяхъ въ 5—6 м. Впрочемъ, эти хижины бываютъ различны, сообразно той, или другой части острова.

Дикія племена у Маріанскаго пролива строятъ себѣ жалкія хижины, состоящія изъ четырехъ вколоченныхъ свай, съ крышей изъ древесной коры, которыя настолько низки, что человѣкъ не иначе можетъ сидѣть въ нихъ, какъ въ согнутомъ положеніи. Жилища эти, по своему устройству, живо напоминаютъ несчастныя хижины на австралійскомъ материкѣ.



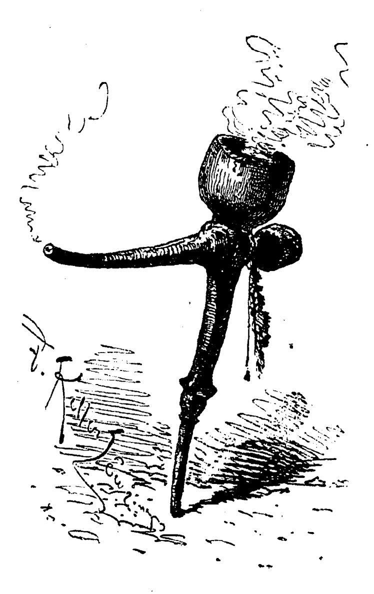
Глиняный сосудъ изъ Новой Гвинеи.

Домашняя утварь жителей Дореха состоитъ: изъ сосудовъ для питья (изъ плодника Nautilus pompilius, а также изъ тыквъ), маленькихъ ящиковъ и коробочекъ, сдѣланныхъ изъ бамбука, или сплетенныхъ изъ листьевъ, бамбуковыхъ колчановъ для храненія табака, сумокъ, выдолбленныхъ кокосовыхъ орѣховъ, корзинокъ изъ бамбуковаго тростника, рогожъ для сидѣнья и спанья, и красивыхъ, рѣзныхъ „Assia", употребляемыхъ и на юго-западномъ берегу, на которыхъ покоится затылокъ во время сна. Послѣдніе имѣютъ около 16 сент. ширины и 12 сент. высоты; сверху дѣлается полукруглый вырѣзъ для головы на подставкѣ, изящно украшенной разными фигурами. Изъ кухонной посуды употребляются: желѣзныя сковороды, глиняные горшки мѣстнаго издѣлія (которыхъ нѣтъ у полинезійцевъ, несмотря на ихъ высшее развитіе), кухонныя деревянные ложки, столовыя ложки, чашки изъ кокосовой скорлупы, корзины и маленькіе ножи. Многія изъ этихъ вещей весьма тщательно сдѣланы и украшены красивой рѣзьбой. Желѣзная посуда привозная. Но на западѣ Новой Гвинеи туземцы познакомились съ желѣзной рудой

Священникъ и неофиты на Маріанскомъ островѣ Гуамъ.

и выплавливаютъ ее съ помощью маленькихъ раздувальныхъ мѣховъ. Прочія орудія папуасы изготовляютъ изъ несверленныхъ камней.

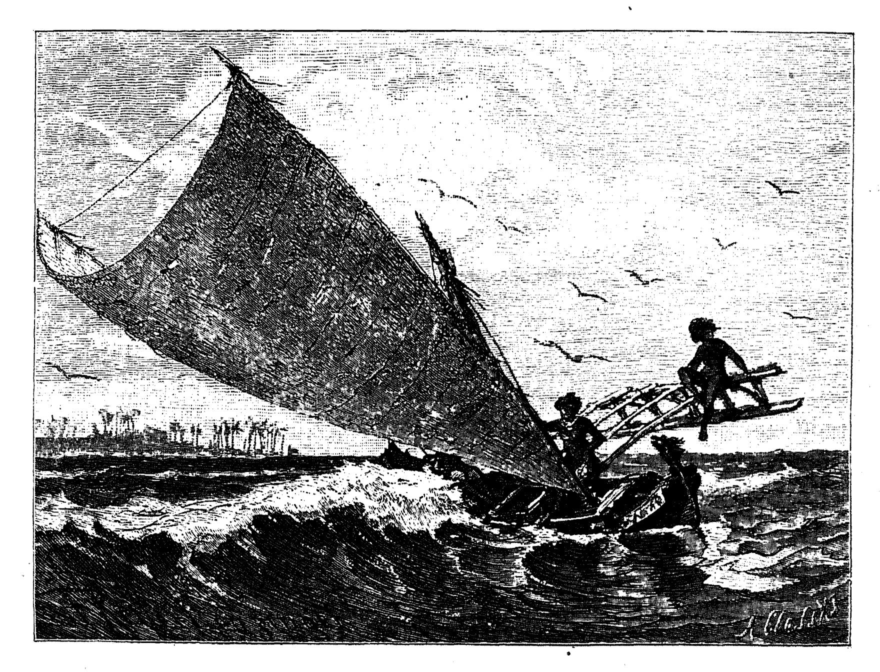
Жители Дореха изъ лѣни не изготовляютъ сами оружія, а пріобрѣтаютъ его у сосѣдей посредствомъ мѣны. Поэтому у нихъ въ употребленіи то же оружіе, которое наиболѣе распространено на юго-западномъ берегу, за исключеніемъ дубины, а именно: лукъ и стрѣлы, пики и кирки. Лукъ „Marija" (сдѣланный изъ пальмоваго дерева наз. „Marija-frah", изъ бамбука „Marija-amin") бываетъ 2 м. длины и больше; сравнительно короткія стрѣлы „Ikoh", украшенныя у рукоятки перьями, изготовляются изъ твердаго, но легкаго стебля одного вида тростника (canna). Жители Дореха оказались хорошими стрѣлками изъ лука на одномъ состязаніи въ стрѣльбѣ, на которомъ случайно присутствовалъ Розенбергъ. Арфаки часто намазываютъ концы стрѣлъ растительнымъ ядомъ, наз. „umla", способъ изготовленія котораго они тщательно скрываютъ. Кромѣ того, они употребляютъ копье и топоръ. Пики у Джильвинксъ-бая называются „Maiol" и „Misnaf", смотря по тому, сдѣлано ли остріе изъ кости, или изъ бамбука. Кирка и мечъ встрѣчаются рѣдко, равно и кинжалообразные ножи. Для защиты противъ непріятеля служатъ маленькіе деревянные щиты, украшенные грубой рѣзной работой и живописью, и плоскія перламутровыя раковины, которыми прикрываютъ лѣвое бедро. На южномъ берегу Кукъ видѣлъ издали трубу, изъ которой туземцы какъ бы прицѣливались и потомъ внезапно выдували изъ нея облако тонкой пыли, вѣроятно, съ цѣлью подать вдаль сигналъ по направленію облака.



Папуасская трубка.

Главной пищей большинства папуасовъ служатъ рыбы и саго, преимущественно послѣднее. Саго варится у нихъ въ видѣ густой каши, на подобіе клейстера, употребляемаго при переплетеніи книгъ, а вмѣсто соли, которая имъ совершенно неизвѣстна, они прибавляютъ небольшое количество морской воды. Рыбъ ѣдятъ сырыми, вяленными на солнцѣ, или поджаренными на угольяхъ. Папуасъ ѣстъ также всевозможныхъ звѣрей, которые попадаются ему подъ руку случайно, или на охотѣ; но вслѣдствіе бѣдности ново-гвинейской фауны, онъ все-таки преимущественно осужденъ на растительную пищу и долженъ довольствоваться плодами, ростущими на землѣ и на деревьяхъ: маисомъ, дынями, картофелемъ, бананами, сахарнымъ тростникомъ и кокосовыми орѣхами, которые разводятся на сѣверѣ и юго-западѣ въ небольшихъ лѣсныхъ просѣкахъ. Новѣйшие изслѣдователи сообщаютъ объ обычаѣ геофагіи, или земляѣденія, распространенномъ у жителей Гумбольдтова залива, что прямо объясняется извѣстнымъ вкусомъ къ подобной пищѣ. (Van der Aa. Reizen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea, S. 269). Огонь добывается посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева или бамбука. Джонъ Е. Гальтонъ сообщаетъ почти невѣроятный фактъ объ одномъ племени у залива Астролябіи, которое будто бы не имѣетъ никакого понятія о добываніи огня, и, когда послѣдній потухнетъ, то эти дикари нерѣдко бываютъ вынуждены ходить за нимъ въ другія деревни. (Nature, Bd. XIV, S. 136). Обычнымъ напиткомъ служитъ вода и ко-

косовое молоко, но тамъ, гдѣ коснулось чужеземное вліяніе, охотно употребляются спиртные напитки, которые особенно въ ходу между вождями; на сѣверномъ берегу туземцами изобрѣтенъ способъ изготовленія опьяняющаго напитка изъ растительнаго сока пальмовыхъ деревъ, особенно изъ цвѣточныхъ ножекъ кокосовыхъ пальмъ, а также изъ сахарнаго тростника. Жеванье „Sirih" равнымъ образомъ распространено преимущественно между вождями, которые переняли эту привычку отъ тидорезовъ. Что же касается куренія табаку, то оно вошло въ общее употребленіе; при этомъ табакъ обыкновенно завертывается въ кусокъ бананового листа. Мѣстный табакъ недурного качества; туземцы сами воздѣлываютъ его и, при упаковкѣ, сворачиваютъ листья остріемъ съ обоихъ концовъ. Внутри Новой Гвинеи папуасы курятъ табакъ изъ деревянныхъ трубокъ; береговые жители—въ видѣ сигаръ. „Вообще, они



Оснащенная папуасская лодка.

курятъ очень мало въ одинъ пріемъ, пишетъ Мейеръ, но черезъ короткій промежутокъ времени зажигаютъ новую сигару. Радушные во всѣхъ отношеніяхъ, относительно своихъ друзей, они охотно дѣлятся съ ними небольшими щепотками табаку, который составляетъ для нихъ жизненную потребность, какъ ѣда и питье. При этомъ,—добавляетъ Мейеръ,—я замѣтилъ еще одну особенность папуасовъ при куреніи: выпустивъ дымъ носомъ и ртомъ, они съ шумомъ втягиваютъ въ себя воздухъ, складывая для этого ротъ въ трубочку, такъ что я всегда могъ слышать, когда папуасъ курилъ въ моемъ сосѣдствѣ". (Ausland. 1873, S. 963).

Прибрежные жители и островитяне могутъ быть названы моряками въ полномъ значеніи этого слова. Они рѣдко плаваютъ вдоль береговъ и умѣютъ вполнѣ пользоваться своими челноками, такъ какъ съ ранняго возраста научаются владѣть весломъ, плавать и нырять. Въ этихъ упражненіяхъ трудно

превзойти ихъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Челноки оснащены надлежащимъ образомъ и весьма различны по величинѣ, нерѣдко отъ 16—20 метровъ длины, и очень узкіе. Остовъ вырубается изъ крѣпкаго древеснаго ствола. поперечныя брусья и снасти изъ легкаго дерева, или бамбука; послѣднія привязываются къ челноку и ихъ легко снять. На носу у болѣе значительныхъ судовъ („Tapabehri") обыкновенно придѣлывается, въ видѣ украшенія, искусно вырѣзанная доска, иногда пестро разрисованная и убранная перьями и волокнами „гумуту"; по срединѣ устроенъ небольшой навѣсъ. Мачта можетъ быть легко опущена; паруса дѣлаются изъ рогожъ; канаты изъ плетенныхъ древесныхъ волоконъ, или „ротанга".

Само собою разумѣется, что охота составляетъ любимое занятіе папуасовъ: для этого они употребляютъ лукъ и стрѣлы; большихъ звѣрей они ловятъ сѣтями и западнями. Рыбъ они стрѣляютъ особаго рода стрѣлами и ловятъ вершами. Во время полнолунія они отравляютъ лиманы, образуемые коралловыми рифами, толченымъ корнемъ „milletia", который бросаютъ въ воду въ мѣшечкахъ; наркотическія свойства этого корня снабжаются водѣ и дѣйствуютъ на рыбу, которая въ этихъ случаяхъ ловится очень легко. При разведеніи плантацій, дѣло производится одинаково первобытнымъ и поверхностнымъ способомъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Поземельная собственность не существуетъ; всякій по произволу присвоиваетъ себѣ полосу земли, и пока обрабатываетъ ее, признается собственникомъ этой земли. Папуасы Амбербакена считаются однимъ изъ немногихъ племенъ, которыя дѣйствительно занимаются земледѣліемъ и никогда не промышляютъ грабежемъ (Robidé van der Aa. Reizen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea, S. 63). Къ числу воздѣлываемыхъ растеній принадлежитъ изъ хлѣбныхъ злаковъ маисъ, который встрѣчается въ незначительномъ количествѣ на западѣ; затѣмъ разводятся повсемѣстно: извѣстные виды кореньевъ и бобовыхъ растеній, огурцы, овощи, сахарный тростникъ, бананы, немного плодовые деревья, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на западѣ—хлопчатникъ, и въ небольшомъ количествѣ табакъ.

Изъ домашнихъ животныхъ встрѣчается особенный видъ свиней (Sus papuensis), собаки, а на западѣ также куры. (Meinicke, die Inseln des Stillen Oceans, Bd. I S. 122).

Война у нихъ, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ, заключается въ грабежѣ и убійствахъ. Если на кого нибудь въ деревнѣ нападетъ житель другой деревни, ранитъ или убьетъ, то всѣ его сожители вооружаются сообща, чтобы отомстить за него. Если они считаютъ себя недостаточно сильными, то приглашаютъ къ себѣ на помощь жителей сосѣдней деревни, съ которой находятся въ дружескихъ отношеніяхъ, и почти никогда не получаютъ отказа.

Когда окажется извѣстное число противниковъ, то всѣ они пробираются тайкомъ къ деревнѣ, гдѣ живетъ обидчикъ, ложатся по близости ея въ засаду и ждутъ, пока представится возможность убить кого нибудь измѣнническимъ способомъ, мужчину, женщину, или ребенка, и отрѣзать при этомъ голову. Если непріятель узналъ во-время о засадѣ и не выходитъ изъ своихъ жилищъ, то нападающіе никогда не рѣшаются ворваться въ деревню и удаляются ни съ чѣмъ, но не отказываясь отъ мести на будущее время. Иногда сраженіе происходитъ въ открытомъ полѣ,—если встрѣтятся двѣ враждебныя партіи. Когда подобное столкновеніе бываетъ на морѣ, то сторона, которая лучше вооружена и имѣетъ больше людей, идетъ на абордажъ. Папуасъ, готовясь къ грабительскому набѣгу, чернитъ лицо и старается придать себѣ страшный видъ разными атрибутами. Къ числу ихъ принадлежитъ головной уборъ изъ перьевъ какаду, съ повязкой изъ древесной коры, выкрашенной въ красный цвѣтъ, на которой насажены большія бѣлыя раковины. Всякому, кто носитъ такой уборъ, дозволяется прикрѣплять столько перьевъ, сколько онъ совершилъ убійствъ. Одинаковое значеніе имѣютъ перья, прикрѣпленныя къ

острому концу гребня. Тотъ, кто носитъ большее количество ихъ, пользуется особеннымъ уваженіемъ. Рѣдко можно встрѣтить пожилого человѣка, который не могъ бы украсить себя нѣсколькими перьями. Этотъ почетный знакъ служитъ предметомъ взаимной зависти, и потому строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы каждый носилъ такое количество перьевъ, на которое онъ дѣйствительно имѣетъ право. Въ мирное время ихъ втыкаютъ прямо въ волосы и носятъ при всякомъ удобномъ случаѣ (Rosenberg. Der malayische Archipel, S 447—450). Папуасы ярые охотники до череповъ („Koppesneller", какъ ихъ называютъ голландцы), и при этомъ само собою разумѣется, что они берегутъ ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ склады. Каждый хранитъ эти трофеи у себя въ домѣ: они лежатъ завернутые въ рогожи въ углу жилого помѣщенія, или привѣшиваются къ жердямъ потолка.

Папуасы значительно превосходятъ въ своемъ развитіи сосѣднихъ австралійцевъ, такъ какъ занимаются торговлей. Хотя въ Новой Гвинеѣ она ограничивается немногими сырыми продуктами, которые они сбываютъ малайскимъ купцамъ, тѣмъ не менѣе, благодаря ей, у папуасовъ явились извѣстныя жизненныя потребности, поднявшія уровень ихъ цивилизаціи. Даже у дикихъ арфаковъ существуютъ слабые зачатки мѣнового торга: они пріобрѣтаютъ у сосѣднихъ племенъ желѣзную утварь, глиняные сосуды, браслеты, сдѣланные изъ мѣди или раковинъ, и другія бездѣлушки, вымѣнивая ихъ большей частью на табакъ.

Общественныя условія.

Общественныя условія весьма разнообразны у отдѣльныхъ племенъ, смотря по степени ихъ цивилизаціи; такъ что, говоря объ арфакахъ, мы едва можемъ примѣнить къ нимъ слово „общество". Обыкновенно каждый поступаетъ по собственному усмотрѣнію и слушаетъ вождя, насколько находитъ для себя удобнымъ, вслѣдствіе чего начальники не пользуются особеннымъ авторитетомъ. Арфаки отчасти свободные люди и частью рабы. Свободнымъ считаетъ себя всякій родившійся отъ родителей арфаковъ, а къ рабамъ они причисляютъ людей изъ другихъ мѣстъ, купленныхъ ими, или захваченныхъ во время набѣга, и ихъ дѣтей. Число рабовъ очень незначительно, потому что арфакъ слишкомъ бѣденъ для покупки и слишкомъ труслив̆ъ для набѣга. Рабы составляютъ безусловную собственность своего господина, который можетъ дѣлать съ ними, что ему вздумается. То-же право надъ жизнью и смертью рабовъ предоставлено господину у другихъ папуасскихъ племенъ. Хотя между этими племенами цѣломудріе въ обычаѣ и нарушеніе супружеской вѣрности наказывается смертью, но взятыя въ плѣнъ женщины и дѣвушки служатъ наложницами и съ ихъ дѣтьми обходятся почти такъ же, какъ съ тѣми, которыя родятся отъ брака (Mittheil. d. k. k. geograph. Gesellsch. zu Wien, 1873, S. 538).

У папуасовъ Джильвинксъ-бая во главѣ деревенской общины

находится вождь („Korano“), котораго назначаетъ султанъ Тидора и при этомъ даетъ ему титулъ Radjah, маіора, капитана и „Djudjau“. Посвященіе происходитъ всегда въ Тидорѣ; султанъ во время церемоніи передаетъ вновь поставленному вождю рубашку изъ бумажной ткани и головной платокъ. Всякій вождь обязанъ за это представить султану ежегодную дань, собираемую съ мѣстнаго населенія. Въ настоящее время дань эта почти прекратилась, съ тѣхъ поръ, какъ хищническіе набѣги („Hongi“) тидорезовъ запрещены голландскимъ правительствомъ, и папуасы не чувствуютъ прежняго страха къ своимъ побѣдителямъ. Но и сами вожди не пользуются большимъ почетомъ и въ обыденной жизни ничѣмъ не отличаются отъ бѣднѣйшаго жителя деревни.

Мужъ считается главой семьи; его приказанія исполняются въ точности. Дѣла, касающіяся всей деревни, обсуждаются въ общемъ собраніи. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что власть семьи и сельской общины настолько слаба, что всякій пользуется почти безграничной личной свободой. Женщина не имѣетъ никакого общественнаго значенія: она не болѣе, какъ вьючное животное своего мужа и, помимо домашнихъ занятій, должна помогать ему въ рыбной ловлѣ и полевыхъ работахъ. Вслѣдствіе этого, женщины, чтобы избавиться отъ лишнихъ материнскихъ заботъ, имѣя двухъ дѣтей, считаютъ это совершенно достаточнымъ и противодѣйствуютъ дальнѣйшему размноженію семьи. Кромѣ того, существуетъ обычай сгибатъ голову родившимся дѣтямъ, преимущественно женскаго пола, и этимъ способомъ ломать имъ затылокъ, послѣ чего изувѣченныхъ субъектовъ тотчасъже убиваютъ. Въ этомъ поступкѣ они не видятъ ничего дурного и не считаютъ нужнымъ скрывать его. Между тѣмъ, подобные обычаи достаточно объясняютъ незначительное увеличеніе мѣстнаго населенія.

Если въ деревнѣ совершено преступленіе, то старѣйшіе присуждаютъ соотвѣтствующую пеню, или наказаніе, по установленному обычаю. Убійство наказывается смертью виновнаго; приговоръ приводится въ исполненіе ближайшимъ родственникомъ убитаго. Осужденный можетъ откупиться отъ смертной казни, въ случаѣ согласія пострадавшей стороны. Всѣ другія преступленія, за исключеніемъ нарушенія супружеской вѣрности, наказываются денежными пенями, или, выражаясь точнѣе, съ виновнаго взимается извѣстная доля имущества, которое здѣсь замѣняетъ деньги. Если кого нибудь поймаютъ въ намѣренномъ поджигательствѣ, то онъ становится рабомъ пострадавшаго лица.

Изнасилованіе и лишеніе невинности дѣвушки не наказываются вовсе, и виновнаго даже не принуждаютъ взять свою жертву въ жены. Молодые люди публично хвастаются подобными подвигами, тѣмъ болѣе, что это нисколько не вредитъ репутаціи дѣвушки. Но если совершено

похищеніе, то это служитъ поводомъ къ сильнѣйшему раздору между заинтересованными семьями, пока дѣло не кончится полюбовно бракомъ, или виновный не заплатитъ выкупа родителямъ похищенной дѣвушки.

Сношенія между молодыми людьми обоихъ половъ совершенно свободны, и юноша, при первой возможности, беретъ себѣ жену для сожительства и помощи въ работѣ. Сдѣлавъ выборъ и получивъ согласіе дѣвушки, онъ заявляетъ объ этомъ родителямъ невѣсты и вступаетъ съ ними въ переговоры относительно выкупа. Если выкупъ внесенъ сполна или отчасти, то женихъ и невѣста сходятся и садятся передъ домашнимъ идоломъ „Korwar“; женихъ угощаетъ невѣсту „Sirih“; она подноситъ ему табакъ. Исполнивъ эту церемонію въ присутствіи обоихъ семействъ, они подаютъ другъ другу правую руку, и бракъ считается заключеннымъ на всю жизнь, такъ что только смерть одного изъ супруговъ можетъ расторгнуть его. Нерѣдко двѣ семьи сговариваются относительно брака сына и дочери, когда тѣ еще въ дѣтскомъ возрастѣ; при этомъ опредѣляется величина выкупа; извѣстная часть его вносится тотчасъ-же, а остальная по заключеніи брака. Если дѣло считается поконченнымъ, то прекращаются всякія сношенія между обѣими семьями до такой степени, что они не могутъ говорить другъ съ другомъ, а обрученные не только не видятся, но даже не смѣютъ произносить имена одинъ другого. Когда бракъ заключенъ, то молодая остается еще на короткое время въ своей семьѣ; послѣ этого ее везутъ къ мужу и почти всегда черезъ озеро. Она сидитъ въ одной лодкѣ, ея родные въ другой и гребутъ такимъ образомъ, что описываютъ круги на водѣ, и молодая остается на срединѣ круга. Хотя многоженство дозволено, но большинство мужчинъ придерживается моногаміи, а на Мисулѣ даже въ обычаѣ имѣть одну жену. У арфаковъ мужчина можетъ имѣть столько женъ, сколько онъ хочетъ, или, вѣрнѣе сказать, сообразно тому, сколько онъ въ состояніи заплатить за нихъ. Но такъ какъ вообще это бѣдный народъ, то они большею частью довольствуются одной женой, за которую мужъ вноситъ ея родителямъ извѣстную сумму мѣновымъ товаромъ, не свыше 24 марокъ. Если жена ему наскучила и подала поводъ къ неудовольствію, то онъ можетъ во всякое время отослать ее къ родителямъ. Арфаки также тяготятся большимъ количествомъ дѣтей и избавляютъ себя отъ этого неудобства искусственными средствами.

Женщины большею частью рожаютъ очень легко. Во время разрѣшенія, родильницу навѣщаютъ женщины ея деревни и оказываютъ ей помощь тѣмъ, что колотятъ ее въ грудь кулаками и обливаютъ водой. По окончаніи родовъ, пуповину отрѣзаютъ заостреннымъ кускомъ бамбуковаго тростника, послѣ чего женщина остается двадцать дней одна въ хижинѣ, въ полномъ отчужденіи отъ своихъ родныхъ и сосѣдей. По прошествіи этого срока, отецъ даетъ новорожденному имя, которое онъ мѣняетъ впослѣдствіи. Когда принято новое имя, то о немъ сообщаютъ жителямъ деревни, и съ этого момента считается оскорбленіемъ назвать кого-нибудь прежнимъ именемъ. При отсутствіи собственныхъ именъ въ папуасскихъ нарѣчіяхъ, ребенку большей частью даютъ названіе какого-нибудь дерева: кокосоваго орѣха, банана и пр. Когда ребенокъ вскормленъ грудью и въ состояніи бѣгать, ему предоставляютъ полную свободу и очень рѣдко наказываютъ.

Мальчикъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, сопровождаетъ отца на охоту, учится у него владѣть оружіемъ и изготовлять различные снаряды и утварь. Дѣвочка выростаетъ дома, подъ надзоромъ матери, которая пріучаетъ ее къ домашнимъ работамъ.

Обращеніе съ покойниками въ Дорехѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, какъ обходятся съ ними на юго-западномъ берегу. Ихъ укладываютъ въ могилу

отъ 1—1,6 м. глубины и болѣе не раскапываютъ ея, чтобы собрать кости. Когда умираетъ вождь, то жители деревни сходятся въ его хижину, моютъ тѣло и, завернувъ въ бѣлую бумажную матерію, несутъ къ могилѣ. Прійдя на мѣсто, они осыпаютъ „Korwar'a" всевозможными упреками, что онъ допустилъ смерть вождя, а затѣмъ уже опускаютъ покойника въ землю и подъ ухо подкладываютъ ему фарфоровую тарелку, или чашку. Вмѣстѣ съ тѣломъ зарываютъ также нѣкоторое оружіе и украшенія, могилу закрываютъ крышей и на ней ставятъ „Korwar'a". По окончаніи погребенія, тѣ, которые несли тѣло, собираются на поминки въ домъ умершаго; при этомъ, каждый участвующій долженъ внести свою долю съѣстныхъ запасовъ. Похороны менѣе важныхъ

Могила папуасскаго вождя.

особъ совершаются гораздо проще. Въ первые дни послѣ погребенія всегда ставятъ кушанье на могилу; если умираетъ грудной младенецъ, то съ нимъ вмѣстѣ зарываютъ въ могилу выдолбленную тыкву, наполненную молокомъ матери. Трупы рабовъ бросаютъ въ море и куда попало, безъ погребенія. Признакомъ траура служитъ шнурокъ, который ближайшіе родственники умершаго носятъ на шеѣ, а дальніе — на предплечьи. Черезъ извѣстный промежутокъ времени приступаютъ къ изготовленію Korwar'a, т. е. деревянной рѣзной статуи, изображающей покойника въ уменьшенномъ видѣ, а именно,—около 30—50 сант., въ которую долженъ вселиться его духъ, блуждающій въ пространствѣ.

Не менѣе своеобразны погребальные обычаи у арфаковъ. На покойника одѣваютъ его будничное убранство и кладутъ на земляной полъ такимъ образомъ, чтобы его ноги были зарыты въ пепелъ домашняго очага. Вокругъ него садятся женщины, живущія въ домѣ, и своими криками и воплями производятъ невообразимый шумъ, не проливая, впрочемъ, ни одной слезинки. Въ знакъ траура,

ближайшіе родственники обрѣзаютъ себѣ коротко волосы и оставляютъ только надъ лбомъ прядь волосъ, связанную шнуркомъ, обмотаннымъ вокругъ лѣваго уха, (Rosenberg, Reistochten naar de Geelvinkbaai, S. 92). У залива Астролябіи покойника натираютъ маслянистымъ древеснымъ сокомъ, кладутъ въ душистыя травы, затѣмъ на нѣсколько недѣль вѣшаютъ въ хижинѣ, гдѣ и погребаютъ. Нѣкоторое время спустя, трупъ вырываютъ изъ могилы, берутъ нижнюю челюсть, чтобы хранить ее въ домѣ, въ видѣ святыни, а остальныя кости и черепъ выбрасываютъ, какъ ненужный соръ.

Имущество, оставшееся послѣ покойника, переходитъ къ его дѣтямъ и ближайшимъ родственникамъ по крови. Вдовцамъ и вдовамъ дозволяется вступать въ бракъ; послѣднія обыкновенно остаются въ семьѣ покойнаго мужа, которая и получаетъ за нихъ выкупъ, въ случаѣ вторичнаго брака. Вдова носитъ въ знакъ траура, кромѣ вышеупомянутаго шнурка, коротенькую юбку, доходящую до колѣнъ; если она снимаетъ ее, то это означаетъ, что она желаетъ опять выйдти замужъ.

Самыми обычными болѣзнями туземцевъ можно считать перемежающуюся лихорадку, катарральныя страданія, желудочныя и накожныя болѣзни и нарывы. При этомъ едва ли не треть населенія заражена „Pascado“, т. е. Ichthiosis (бѣлая чешуевидная сыпь), вслѣдствіе крайней неопрятности. У дѣтей довольно часто встрѣчается накожная сыпь „Babonto“, но противъ этого не принимаютъ никакихъ мѣръ, несмотря на множество смертныхъ случаевъ. Сифилисъ пока еще неизвѣстенъ здѣсь, но, по словамъ Розенберга, уже довольно распространенъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Джильвинксъ-бая (Van der Aa. Reizen naar Nederlandsch Nieuw-Guinea, S. 75). Оспа, завезенная въ 1863 году однимъ торговымъ судномъ изъ Тернаты, сдѣлала страшныя опустошенія между береговымъ населеніемъ, хотя не проникла къ арфакамъ, которыхъ также не тронула холера и другія эпидемическія болѣзни. Употребляемыя здѣсь первобытныя средства состоятъ изъ декоктовъ, приготовляемыхъ изъ различныхъ листьевъ и древесной коры. Больныхъ лихорадкой во время пароксизма выносятъ подъ палящіе лучи солнца, или кладутъ на подмостки, устроенные надъ очагомъ, и, кромѣ того, прибѣгаютъ къ поливанію холодной водой, въ надеждѣ облегчить жаръ. Если эти средства не помогаютъ, то болѣзнь приписываютъ вліянію злого духа (Manoën) и обращаются за совѣтомъ къ старымъ, опытнымъ людямъ. Когда и ихъ помощь оказывается безсильною, то больного предоставляютъ его судьбѣ.

Какъ нравы и обычаи вообще, такъ и праздничныя сборища, носятъ на себѣ характерный отпечатокъ. Празднества бываютъ довольно часто, и многія событія жизни служатъ поводомъ для нихъ, какъ напр., рожденіе ребенка, чья либо смерть, бракъ, перемѣна имени, первая стрижка волосъ у дѣтей, изготовленіе „Korwar'а“ и т. п.

Праздникъ по поводу изготовленія новаго идола существуетъ до сихъ поръ въ Дорехѣ, хотя здѣсь господствуютъ болѣе утонченные нравы, и, благодаря торговлѣ, можно встрѣтить разныя европейскія и иностранныя произведенія, тѣмъ болѣе, что народъ до нѣкоторой степени вышелъ изъ своего первобытнаго состоянія. Праздникъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: нака-

нунѣ дня, назначеннаго для изготовленія идола, танцы и пѣсни происходятъ на открытомъ воздухѣ; на слѣдующее утро толпа молодыхъ людей съ заряженными ружьями идетъ въ лѣсъ, чтобы добыть подходящій обрубокъ дерева. Если таковой найденъ, то они разряжаютъ ружья и несутъ домой свою находку, гдѣ семья покойника, для которой дѣлаютъ статую, угощаетъ ихъ щепоткой табаку. Принесенный обрубокъ передается рѣзчику, который садится въ тѣни ближайшаго дерева и начинаетъ свою работу, окруженный жителями деревни, которые исполняютъ танецъ, сопровождаемый пѣніемъ, извѣстный подъ названіемъ „Kojop". Мы приведемъ здѣсь отрывокъ подобной погребальной пѣсни, чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о мѣстномъ языкѣ.

Ei wuo, pombesso randisa	Вы, мертвые, идите на море,
rip o kwiri	Поднимаются тучи,—
marinbo kora	Разсѣйте ихъ,
ei wu je	И я отчалю.
rip o kwiri	Поднимаются тучи,—
pombesso randisa	Идите на море,
marinbo kora...	Разсѣйте ихъ...

Пѣніе и танцы продолжаются до тѣхъ поръ, пока не оконченъ идолъ; затѣмъ праздникъ кончается. Если при этомъ бываетъ пирушка, то присутствующіе садятся на землю, поджавъ ноги; болѣе знатныя особы ѣдятъ на обыкновенныхъ китайскихъ тарелкахъ, а остальные на листьяхъ пизанго. Самый значительный праздникъ, въ которомъ всѣ принимаютъ участіе, устраивается по возвращеніи изъ благополучно оконченнаго похода, или хищническаго набѣга, предпринятаго съ цѣлью отомстить за убійство одного изъ жителей деревни. Почти такой же праздникъ происходитъ по поводу возвращенія лодокъ, отвозящихъ ежегодную дань ленному властелину Тидора.

Миклуха-Маклай повѣствуетъ слѣдующимъ образомъ о нравахъ папуасовъ у залива Астролябіи: у нихъ никогда не бываетъ семейныхъ вечеровъ, а только общественныя празднества, которыя устраиваются по случаю какого нибудь важнаго событія и сопровождаются въ грандіозныхъ размѣрахъ музыкой, пѣніемъ, играми и танцами. На свадьбахъ и похоронахъ также бываютъ сборища, но послѣднія не имѣютъ увеселительнаго характера. Общественныя празднества, въ которыхъ принимаютъ участіе жители многихъ деревень, обыкновенно происходятъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и преимущественно около декабря мѣсяца, потому что въ это время оконченъ сборъ всѣхъ плодовъ и имѣется подъ рукой большой запасъ ѣды. Подобный праздникъ длится нѣсколько недѣль, начиная съ вечера, до утра слѣдующаго дня. Крайне своеобразное впечатлѣніе производитъ шествіе изъ 5—600 человѣкъ, которые идутъ къ деревнѣ съ разными запасами и орудіями, вооруженные и разряженные въ самыя пестрыя перья, висящія вокругъ нагого тѣла, или воткнутыя въ курчавые волосы; на рукахъ у нихъ плетенные браслеты, а на шеѣ ожерелья изъ раковинъ. Даже старики обязаны присутствовать и принимать дѣятельное участіе въ танцахъ и пѣніи. Для такого праздника выбирается открытое мѣсто; по срединѣ его разводится большой костеръ, вокругъ котораго располагаются дикіе. Все это въ темную ночь имѣетъ дикій романтическій видъ. Праздникъ начинается танцами. У огня образуется кругъ мужчинъ, изъ которыхъ каждый держитъ въ рукахъ какой нибудь инструментъ; за нимъ становится второй кругъ мужчинъ, съ самымъ разнообразнымъ оружіемъ; третій кругъ составляется изъ однѣхъ женщинъ, четвертый—изъ дѣтей. Съ первыми звуками музыки, всѣ эти круги одновременно приходятъ въ движеніе. Танецъ состоитъ изъ кругообразнаго вертѣнія, при которомъ быстро двигаются руки, ноги и все тѣло. Мужчины при этомъ дѣлаютъ еще небольшіе ловкіе прыжки. Пляска часто продолжается нѣсколько часовъ сряду, безъ

малѣйшаго отдыха, и прекращается только тогда, когда большинство окончательно выбилось изъ силъ. Тогда всѣ садятся у огня, пируютъ и ведутъ между собой самую оживленную бесѣду. Черезъ извѣстный промежутокъ времени повторяются тѣ-же танцы, прерываемые пѣніемъ, которое подчасъ бываетъ чрезвычайно благозвучно. Праздникъ продолжается до утра. На слѣдующій вечеръ всѣ собираются опять въ той же деревнѣ, или въ сосѣдней, смотря по договору.

Нѣсколько иначе происходитъ военный танецъ, который Розенбергъ имѣлъ случай наблюдать на Манзинамскомъ берегу и въ которомъ принимали участіе мужчины, женщины и дѣти. Мужчины появились вооруженные, съ волосами, убранными перьями и цвѣтами; у многихъ лица были выкрашены черной и бѣлой краской. У женатыхъ на правомъ плечѣ были большіе желтые листья, свѣсившіеся на руку. Танцоры встали въ два ряда; впереди нихъ красовался пожилой мужчина, въ качествѣ распорядителя; на немъ былъ богатый головной уборъ; украшенный бѣлыми перьями какаду. Затѣмъ слѣдовали попарно шесть музыкантовъ, съ бубнами въ рукахъ, и длинная вереница остальныхъ мужчинъ, между которыми кое-гдѣ виднѣлись дѣти; женщины также двигались парами и замыкали собою шествіе. Танцоры, сдѣлавъ поворотъ на право, образовали кругъ, и каждый взялъ правой рукой, не выпуская оружія, протянутую къ нему руку сосѣда и, нагнувъ немного впередъ верхнюю часть тѣла, сталъ быстро поднимать и опускать ноги, въ подражаніе скорому бѣгу но не двигаясь съ мѣста, между тѣмъ какъ распорядитель танцевъ и двое другихъ мужчинъ, стоявшихъ внутри круга, размахивая оружіемъ, выдѣлывали всевозможные прыжки Кромѣ монотоннаго постукиванья барабановъ, балетъ сопровождался еще довольно однообразнымъ крикомъ, который часто смѣнялся шипѣніемъ, похожимъ на змѣиное.

Музыкальные инструменты здѣсь очень разнообразны. Встрѣчаются малые и большіе барабаны, которые должны нести нѣсколько человѣкъ; ихъ бьютъ рукой, и они при этомъ издаютъ звукъ, слышный на далекомъ пространствѣ, особенно въ тихую погоду. Сверхъ того, у нихъ въ употребленіи духовые инструменты, дудки, особеннаго рода гармоника, сдѣланная изъ маленькихъ бамбуковыхъ палочекъ, составленныхъ вмѣстѣ, и рожокъ изъ большихъ раковинъ. Но при совмѣстной игрѣ, эти инструменты нельзя назвать благозвучными. Во время танцевъ употребляется часто небольшой круглый щитъ („Kab“), сдѣланный изъ дерева, украшенный рѣзьбой и расписанный съ внѣшней стороны. По срединѣ сдѣлано круглое отверстіе, въ которое протыкается стрѣла, съ помощью которой щитъ можетъ быть приведенъ въ вращательное движеніе.

Когда кончатся праздники, жители отдѣльныхъ деревень ведутъ тихую, спокойную жизнь; если ихъ посѣтитъ гость, то они ласково принимаютъ его и при прощаніи снабжаютъ всѣмъ необходимымъ.

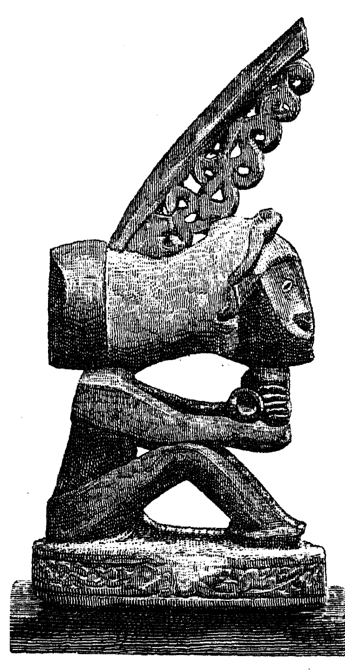
Религія.

Хотя мы имѣемъ очень мало свѣдѣній объ обычаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ, но тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что папуасы имѣютъ извѣстное понятіе о высшемъ существѣ, такъ какъ это понятіе встрѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ, хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ. Тотъ фактъ, что до сихъ поръ не найдено ни одного племени безъ какой либо

религіи, даетъ намъ полное право говорить о „религіи дикихъ“. Только единичные христіанскіе миссіонеры, и преимущественно сэръ Джонъ Лёббокъ, по справедливости пользующійся славой знаменитаго изслѣдователя, держатся противоположнаго мнѣнія и насчитываютъ цѣлый рядъ первобытныхъ народовъ, въ которыхъ не находятъ ни малѣйшаго слѣда религіи. Въ послѣднее время Густавъ Роскофъ доказалъ самымъ основательнымъ образомъ ошибочность этого мнѣнія, оспариваемаго наиболѣе извѣстными этнографами (Das Religionswesen der rohesten Natur völker Leipzig 1880). Признавая теорію прогрессивнаго развитія, мы должны неизбѣжно прослѣдить ее до нисшихъ ступеней и представить себѣ человѣка въ самомъ дикомъ его состояніи, когда физическая сторона настолько сильна въ немъ, что онъ повидимому стоитъ на одномъ уровнѣ съ животными. Слѣдовательно можно предположить, что въ это время человѣкъ былъ существомъ безсознательнымъ, безсловеснымъ и не имѣющимъ никакого понятія о религіи. Но всѣ нынѣшніе дикари, безъ исключенія, давно перешли эту отдаленную стадію развитія, и теперь не существуетъ народа, у котораго не было бы своего языка и своей религіи. Такимъ образомъ, несмотря на низкую ступень развитія австралійцевъ, близко подходящую къ состоянію звѣрей, мы сочли своимъ долгомъ упомянуть объ ихъ несомнѣнныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. При этомъ, разумѣется, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что представленія, которыя кажутся намъ суевѣрными, составляютъ религію для дикаго первобытнаго народа, настолько же удовлетворяющую его потребностямъ и имѣющую для него такое-же значеніе, какъ для насъ христіанская религія. Вообще, очень трудно провести границу между вѣрой и суевѣріемъ. То и другое коренится въ одной почвѣ: у обоихъ одна и та-же основная черта—стремленіе къ сверхъестественному. По мнѣнію Роскофа, остроумнаго вѣнскаго богослова, который не находитъ ничего оскорбительнаго въ теоріи естественнаго подбора и происхожденіи человѣка отъ животнаго, религіозное чувство вовсе не прирожденное въ людяхъ и религія не сообщена извнѣ людямъ посредствомъ откровенія. Онъ полагаетъ, что причину возникновенія религіи скорѣе слѣдуетъ искать въ законахъ и условіяхъ развитія человѣческой природы. Это мнѣніе вполнѣ подтверждается словами Целлера: „Самъ человѣкъ долженъ былъ дойти до религіозныхъ истинъ, сдѣлавшихся его достояніемъ, и создать религіозную жизнь; всѣ существующія заблужденія и предразсудки опять-таки внесены въ религію самимъ человѣкомъ. То и другое не представляетъ собой случайнаго явленія и, какъ все созданное человѣкомъ, могло только постепенно выработаться изъ грубыхъ жалкихъ зачатковъ и принять благородную очищенную форму“...

Докторъ Е. Шмидтъ (Die Philosophie der Mythologie und Max Müller. Berlin 1880 S. 1—11) видитъ въ непосредственномъ обоготво-

реніи природы первые грубые зачатки богопознанія и разсматриваетъ божество, какъ явленіе природы. Сравнительно болѣе высокой степенью развитія можно считать вѣрованіе въ сверхъестественныхъ злыхъ духовъ, въ связи съ вѣрой въ колдовство; и этой все-таки первобытной религіи придерживаются папуасы. У мафорезовъ распространено вѣрованіе въ высшія враждебныя людямъ существа („Manoën"), которыя живутъ въ различныхъ мѣстахъ и бываютъ причиной всѣхъ неудачъ и золъ на землѣ. Эти духи никогда не изображаются въ видѣ идоловъ. Деревянныя фигуры „Korwar'a", „Karwar", или „Karowar", называемаго на островѣ Мисулѣ „Karawari", о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали выше, есть ничто иное, какъ изображеніе умершихъ; къ ихъ заступничеству слѣдуетъ обращаться съ помощью молитвъ и принесенныхъ жертвъ, чтобы отвратить отъ себя всякія бѣдствія.



«Korwar», или идолъ папуасовъ.

„Korwar", о типѣ котораго можно составить себѣ понятіе изъ приложеннаго здѣсь рисунка, имѣетъ 40 сант. высоты и изображаетъ безъ малѣйшаго соблюденія пропорцій женщину въ сидячемъ положеніи. Голова отличается несообразной величиной; лицо съ прямымъ, выдающимся носомъ и большимъ ртомъ, снабженнымъ достаточнымъ количествомъ зубовъ; вмѣсто глазъ вставлены зеленыя или голубыя стеклянныя бусы; выдолбленное отверстіе, наполненное черной массой, изображаетъ глазную впадину. Мужскія фигуры, б. ч. съ рѣзко выраженными половыми отличіями, держатъ въ лѣвой рукѣ длинный щитъ, а въ правой поднятый мечъ. Женскія фигуры обхватываютъ обѣими руками завившуюся змѣю, стоящую на свернутомъ хвостѣ. Другой видъ „Korwar'a" изображаетъ мужскую фигуру, которая передъ собой держитъ обѣими руками сквозной щитъ, стоящій на подставкѣ. Когда идолу вставлены глаза, то его встряхиваютъ и обращаются къ нему съ рѣчью въ томъ предположеніи, что черезъ это въ него вселяется душа изображаемаго имъ покойника. Мужскія фигуры съ щитомъ, а также женскія изображенія, ставятся на могилахъ, идолы-же съ поднятымъ щитомъ помѣщаются въ домахъ. Если кто-нибудь хочетъ обратиться за помощью къ Korwar'у или спросить у него совѣта, то садится передъ нимъ, скорчившись, и кладетъ на землю принесенную жертву: табакъ, лоскутокъ бумажной матеріи, стеклянныя бусы и т. п., а затѣмъ объясняетъ причину прихода и сообщаетъ свое желаніе. Если во время этой церемоніи проситель чихнетъ, съ нимъ сдѣлается дрожь и т. п., то это служитъ дурнымъ предзнаменованіемъ, и дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, считается проиграннымъ.

Суевѣріе и колдовство вообще играютъ важную роль въ жизни папуаса. Поводъ къ этому онъ находитъ чуть ли не на каждомъ шагу. Онъ глубоко убѣжденъ, что чужой человѣкъ въ состояніи испортить огонь, въ его хижинѣ и что тогда кто нибудь изъ его домашнихъ долженъ умереть; для этого чужому человѣку стоитъ только бросить кусочекъ дерева въ огонь, съ нашептываньемъ извѣстныхъ словъ. Равнымъ образомъ, онъ чувствуетвуетъ сильную боязнь передъ привидѣніями убитыхъ людей, потому что ихъ трупы лежатъ безъ погребенія на мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе. Если въ деревнѣ случилось убійство, то зрители сходятся нѣсколько вечеровъ сряду и поднимаютъ страшный крикъ, чтобы отогнать душу покойника, если она намѣревается вернуться обратно въ деревню. Для душъ людей умершихъ отъ болѣзни, или вслѣдствіе какого нибудь несчастнаго случая, вырубаются чурбаны изъ дерева, напоминающіе своей формой хижины, и вѣшаются на деревьяхъ въ лѣсу, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ томъ убѣжденіи, что души охотно поселяются въ нихъ. Кусочки дерева, завернутые въ тряпки, которые мужчины носятъ вокругъ шеи, имѣютъ силу предохранить жизнь во время опасности. Чтобы удостовѣриться въ успѣхѣ какого нибудь предпріятія, прибѣгаютъ къ различнымъ гаданіямъ. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что плюютъ на ладонь; когда слюна разлетится, то это служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Если на кого нибудь падаетъ подозрѣніе, что онъ совершилъ преступленіе, то его подвергаютъ такъ называемому „божьему суду". Онъ долженъ, напримѣръ, достать какую нибудь мелкую вещь изъ горшка, наполненнаго кипяткомъ, или ему кладутъ горячій уголь на руку и т. п. Если онъ остается невредимымъ послѣ испытанія, то это считается доказательствомъ его невинности. У арфаковъ, чтобы отыскать злоумышленника, обыкновенно прибѣгаютъ къ очистительной клятвѣ, которая произносится надъ какимъ нибудь оружіемъ. Когда обваливается хижина, то это производитъ большой переполохъ въ деревнѣ, потому что подобное событіе считается проявленіемъ гнѣва мѣстнаго Korwar'а, который напустилъ на деревню злыхъ духовъ „Manën". Если часть деревенскихъ жителей отправилась въ какое нибудь продолжительное путешествіе, то оставшіеся приносятъ длинный кусокъ ротанга въ 16 м. длины и болѣе и дѣлятся на двѣ партіи, возможно равныя по физической силѣ: одна изображаетъ ушедшихъ, другая— присутствующихъ. Каждая партія берется за одинъ изъ концовъ ротанга и тянетъ его къ себѣ изо всей силы; если ротангъ ломается, или партія, изображающая оставшихся, выпуститъ свой конецъ, то это служитъ ручательствомъ благополучнаго путешествія. Въ послѣднюю ночь передъ уходомъ изъ деревни соблюдается возможная тишина, чтобы уловить малѣйшій слышный извнѣ звукъ, такъ какъ всякій подозрительный шумъ, въ видѣ сломанной вѣтки, крика какаду и т. п., служитъ неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. При вышеописанной рыбной ловлѣ посредствомъ отравленія воды, оставшіеся на берегу должны соблюдать мертвую тишину и не спускать глазъ съ своихъ товарищей, сидящихъ въ лодкахъ. Ни одна беременная женщина не можетъ присутствовать при этомъ и глядѣть на воду, потому что одуряющее средство тотчасъ теряетъ свою силу и рыба не засыпаетъ. (Ausführliches см. у A. B. Meyer, Notizen über Glauben und Sitten der Papuas des Mafoor'schen Stammes auf Neuguinea, in den Mittheil. d. Gesellsch. für Erdk. zu Dresden. Bd. XII, 1875, S. 23—37). Арфаки не поклоняются идоламъ, вслѣдствіе чего у нихъ нѣтъ „Korwar'a", какъ у мафорезовъ; но и они погружены въ мракъ глубочайшаго, а подчасъ комическаго суевѣрія, которое связывается у нихъ почти со всѣми событіями будничной жизни. Повсемѣстно распространено вѣрованіе въ злыхъ духовъ, къ которымъ причисляютъ души умершихъ. Они блуждаютъ по лѣсу и внушаютъ такой страхъ, что ни одинъ арфакъ не имѣетъ достаточно мужества, чтобы войти въ лѣсъ ночью.

Папуасы имѣютъ смутное понятіе о загробной жизни; послѣдняя, по ихъ мнѣнію, должна быть подъ землей и при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и на этомъ свѣтѣ. У нихъ нѣтъ жрецовъ, а только колдуны, („Kokinsor“), которые производятъ заклинанія, занимаются ворожбой и исцѣляютъ больныхъ, получая за это скудную плату мѣновымъ товаромъ или съѣстными припасами.)

Съ 1855 года, въ Дорехѣ, Музинамѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Джильвинксъ-бая, поселились европейскіе миссіонеры, посылаемые сначала Госснерскимъ обществомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ Утрехтскимъ миссіонерскимъ союзомъ. Но водвореніе этихъ миссіонеровъ до сихъ поръ не принесло результатовъ, хотя ихъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ рвенія, или желанія принести пользу. Ихъ обычное занятіе состоитъ въ школьномъ обученіи, въ бесѣдахъ со взрослыми туземцами въ опредѣленные дни недѣли и въ воскресной церковной службѣ. Нѣкоторые папуасы довольно регулярно посѣщаютъ миссіонера. Они благоговѣйно слушаютъ его проповѣдь, задаютъ, между прочимъ, вопросы по поводу того, что преподаютъ имъ, но почти нѣтъ примѣровъ ихъ обращенія въ христіанство, или, по крайней мѣрѣ, это случается очень рѣдко. Папуасъ слишкомъ не развитъ, чтобы чувствовать потребность въ болѣе высокой религіи; исламъ также мало привился бы къ нему, какъ и христіанская религія, еслибы сдѣлана была попытка распространить его въ Новой Гвинеѣ. (Van der Aa. Reizen naar Nederlandsch Nieuwguinea, S. 66—67 и 71). Тѣмъ не менѣе магометанство уже проникло въ нѣкоторыя мѣстности, а именно на западные острова, какъ, напримѣръ, въ Мисулъ, хотя туземцы принимаютъ его болѣе внѣшнимъ образомъ.

(Несмотря на низкую степень своего развитія, папуасы различаютъ главныя созвѣздія и имѣютъ свое лѣтосчисленіе. О существенныхъ отличіяхъ солнца („Ori“) и мѣсяца („Paik“) они не имѣютъ, конечно, ни малѣйшаго представленія. Изъ звѣздъ они знаютъ Венеру, какъ утреннюю и вечернюю звѣзду, затѣмъ Юпитера и Оріона. Они дѣлятъ годъ на двѣнадцать частей, принимая въ основаніе своего счисленія фазисы луны отъ полнолунія до полнолунія. Части года называются у нихъ по звѣздамъ, проходящимъ въ это время черезъ меридіанъ, или сообразно общему состоянію погоды.)

Папуасскій языкъ считается весьма благозвучнымъ и богатымъ. Для одного и того-же предмета есть нѣсколько названій; такъ, напримѣръ, существуетъ восемь словъ для обозначенія кокосоваго орѣха, каждая часть котораго, въ свою очередь, имѣетъ особое названіе. Но при этомъ, разумѣется, для многихъ предметовъ: бутылокъ, гвоздей и т. п., нѣтъ вовсе словъ въ ихъ языкѣ, такъ что папуасы у залива Астролябіи приняли русскія названія, сообщенныя имъ Миклухой-Маклаемъ,—фактъ, на который должны обратить вниманіе будущіе этнографы. Особенныхъ собственныхъ именъ также нѣтъ въ языкѣ

папуасовъ. Въ ихъ діалектахъ существуютъ односложные и многосложные корни; для болѣе точнаго обозначенія смысла употребляются приставки и суффиксы, первоначальное значеніе которыхъ большею частью утрачено. Изслѣдованія Габеленца могли бы, повидимому, привести къ заключенію, что папуасскія нарѣчія островитянъ имѣютъ столько общаго съ полинезійскими, что это сходство не могло произойти отъ простаго заимствованія. Но въ сущности только точное изученіе папуасскихъ нарѣчій Новой Гвинеи можетъ пролить достаточный свѣтъ на это лингвистическое сродство, между тѣмъ какъ до сихъ поръ только языкъ мафорезовъ извѣстенъ болѣе подробнымъ образомъ. (См. объ этомъ Fried. Müller. Einleitung in die Sprachwissenschaft. Wien 1876. Bd. I, 2. Abthlg., S. 30—47). Судя по этому послѣднему, папуасскія нарѣчія существенно отличаются отъ малайо-полинезійскихъ (включая сюда меланезійскія съ значительной примѣсью чуждаго, т. е. папуасскаго элемента); вслѣдствіи чего Миллеръ и съ лингвистической точки зрѣнія находитъ различіе между папуасомъ и меланезійцами. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній, сравнительное изслѣдованіе несмѣшанныхъ папуасскихъ нарѣчій во всякомъ случаѣ будетъ въ высшей степени неудовлетворительнымъ, хотя можно признать почти несомнѣннымъ, что различные діалекты Новой Гвинеи имѣютъ между собою довольно тѣсное соотношеніе (Müller, Allg. Ethnographie, S. 138).

СМѢШАННОЕ НАСЕЛЕНІЕ МЕЛАНЕЗІИ.

Общій обзоръ.

Обширный архипелагъ, населенный чернокожими людьми и извѣстный подъ именемъ Меланезіи, до сихъ поръ носитъ это названіе, за неимѣніемъ другого, болѣе точнаго. Меланезія обнимаетъ собой всѣ отдѣльные острова и группы острововъ Новой Гвинеи на западѣ, до архипелага Фиджи на востокѣ. Врядъ ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что малочисленные обитатели острововъ, непосредственно окружающихъ Новую Гвинею, принадлежатъ къ папуасскому племени, тѣмъ не менѣе „папуасскими островами“ называютъ только группы, лежащія на сѣверъ отъ Новой Гвинеи. Эти группы острововъ образуютъ эллипсъ, наибольшій поперечникъ котораго простирается съ востока на западъ и заключаетъ въ себѣ острова: Новый Ганноверъ, Новую Ирландію и Новую Британію. Но и за предѣлами этого простран-

ства, на остальныхъ меланезійскихъ островахъ, господствуетъ папуасскій типъ, на которомъ въ большей или меньшей степени отразилось вліяніе полинезійской народности. Этнографическая граница ни въ какомъ случаѣ не совпадаетъ съ географической, которую хотятъ провести географы относительно Меланезіи, потому что папуасскій элементъ переходитъ за линію широкаго пролива, отдѣляющаго Микронезію, какъ и собственно Полинезію, отъ Меланезіи. Такимъ образомъ, значительная группа острововъ Фиджи, по своему естественному положенію, справедливо причисляется къ Полинезіи большинствомъ географовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Клоденъ, между тѣмъ какъ теперь едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что обитатели этихъ острововъ принадлежатъ къ папуасамъ. Съ другой стороны, изслѣдованія Миклухи-Маклая показываютъ наоборотъ, что жители архипелага Ниниго (лежащаго на крайнемъ западѣ острововъ Шикье, или Шахматныхъ, какъ они показаны на картахъ) не папуасы, а микронезійцы (Verhand. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1878 S. 108). Вообще, можно замѣтить, что чистота папуасскаго типа соотвѣтственно естестественнымъ условіямъ уменьшается, по мѣрѣ приближенія къ востоку и, наоборотъ, чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ слабѣе полинезійское вліяніе въ языкѣ и нравахъ. Но къ сожалѣнію, еще довольно значительная часть этихъ острововъ очень мало или вовсе не изслѣдована, и только немногія новѣйшія путешествія сообщаютъ намъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Довольно важными открытіями мы обязаны крейсировкѣ англійскаго военнаго корабля „Rosario“, находившагося подъ командой Альберта Гастингса Маркгама (см. книгу Markham'a: The Cruise of the Rosario among the New Hebrides and Santa Cruz Islands. London 1873), и, преимущественно, кругосвѣтному плаванію нѣмецкаго военнаго корвета „Gazelle“, подъ командой капитана ф. Шлейница. Корвету поручено было высадить нѣмецкихъ ученыхъ на уединенный островъ Кергуэленъ, гдѣ они намѣревались наблюдать прохожденіе Венеры. Онъ направилъ свой путь черезъ архипелагъ Новой Британіи, Соломоновы острова и Новогебридскіе къ Новой Зеландіи, слѣдовательно черезъ самыя любопытныя части Меланезіи, съ которыми англійская экспедиція Челленжера познакомилась весьма поверхностнымъ образомъ. Результаты этихъ изслѣдованій, насколько они касаются этнологіи, будутъ сгруппированы мною въ возможно сжатомъ видѣ.

Новыя этнологическія открытія на Новой Гвинеѣ.

Согласно показаніямъ всѣхъ изслѣдователей, папуасская раса сохранилась въ наибольшей чистотѣ на малоизслѣдованномъ островѣ Новой Гвинеи, хотя и здѣсь, а именно въ западной половинѣ его, произошло въ послѣднее время скрещиваніе туземцевъ съ азіатскими

малайцами (Peschel, Volkerkunde, S. 358). Послѣдній фактъ во всякомъ случаѣ опровергается самымъ положительнымъ образомъ д-ромъ А. Бернгардтомъ Мейеромъ, однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей сѣверо-запада Новой Гвинеи, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ частей острова, которыя онъ посѣтилъ лично и гдѣ, по его словамъ, не существуетъ и никогда не существовало малайскихъ поселеній (Anthropologische Mitteillungen über die Papuas von Neuguinea. Wien, 1874. S. 7). Равнымъ образомъ, по свидѣтельству этого ученаго, на западѣ нѣтъ никакого типичнаго различія между береговыми жителями и горцами, и всего менѣе можно говорить объ особой расѣ, будтобы открытой здѣсь французскими путешественниками въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Между тѣмъ, офицеры нѣмецкаго военнаго корабля „Gaselle“ встрѣтили у Мацелуэрова залива (который съ запада глубоко врѣзывается въ южный берегъ западной Новой Гвинеи) два совершенно различные типа въ мѣстномъ населеніи, а именно: жителей внутренней части острова, собственно папуасовъ, съ темнокоричневымъ цвѣтомъ кожи, и другую, менѣе рослую, красновато-коричневую породу людей, которая, повидимому, произошла отъ скрещиванія первыхъ съ малайцами, ведущими съ ними торговлю (Zeitsch. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berlin, 1877, S. 232). На крайнемъ юго-востокѣ туземцы имѣютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи,—фактъ, допускаемый Мейеромъ и окончательно подтвержденный новѣйшими изслѣдованіями, хотя между учеными до сихъ поръ идетъ споръ объ этнологическомъ положеніи этого племени.

Итальянскій ученый Лунджи Марія д'Альбертисъ прямо подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Уоллесомъ и другими учеными о существованіи двухъ расъ въ Новой Гвинеѣ, изъ которыхъ одна, превосходившая другую въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, вытѣснила ее въ глубь страны. Она отличается болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, выше ростомъ и съ менѣе длиннымъ подбородкомъ. Д'Альбертисъ вообще держится того мнѣнія, что на западѣ живутъ природные папуасы, а востокъ обитаемъ высшей расой. Этотъ ученый сопровождалъ въ 1875 и 1876 гг. англійскаго миссіонера С. Макъ Ферлана въ его экспедиціяхъ на малоизвѣстную рѣку Флай, которая впадается въ море черезъ большой Папуасскій заливъ на южномъ берегу. Слѣдуя по этому водному пути, онъ проникъ на 675 км. въ глубь страны (до Змѣинаго мыса). Ему удалось собрать до 40 череповъ обоего пола и различнаго возраста, которые почти всѣ оказались долихокефалами. Туземцы были вездѣ очень многочисленны, но съ ними нельзя было войдти ни въ какія дружелюбныя отношенія. Нѣкоторые изъ нихъ отличались необыкновенно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и, повидимому, безспорно принадлежали къ восточной новогвинейской расѣ, хотя и скрещенной съ чернокожими обитателями сѣверозападной части острова, но тѣмъ не менѣе сохранившей всѣ свои обычаи въ одеждѣ, утвари, жилищахъ и т. п. Въ ихъ нравахъ можно было замѣтить извѣстную степень цивилизаціи. Они жили рыбной ловлей и охотой, разводили бананы, таро, (Arum) и табакъ; жемчужныя раковины служили имъ въ видѣ украшеній. Спутникъ д'Альбертиса, Макъ Ферланъ, сообщаетъ, что жители Керепуну и Гула, а также Гудъ-бая на юговосточномъ берегу, самые красивые изъ туземцевъ, видѣнныхъ имъ на этомъ островѣ, и въ тоже время наиболѣе тру-

долюбивые изъ всѣхъ дикарей, какихъ ему приходилось встрѣчать на Южномъ Океанѣ. Деревни ихъ были необыкновенно красивы и опрятны; дома и лодки хорошо выстроены, а плантаціи напоминали хорошо содержимые европейскіе сады. Макъ Ферланъ видѣлъ ихъ полевыя работы въ различныхъ стадіяхъ. Они по своему вспахивали землю: мужчины становились длиннымъ рядомъ, держа въ рукахъ заостренныя палки, которыя они одновременно втыкали въ землю и, употребляя ихъ въ видѣ рычага, выворачивали цѣлыя глыбы. Разрыхленная этимъ способомъ земля вслѣдъ затѣмъ выравнивалась женщинами, которыя сажали въ ней бананы, сахарный тростникъ, ямъ и т. п. на длинныхъ грядахъ, прямыхъ какъ стрѣла. Макъ Ферланъ видѣлъ много квадратныхъ километровъ этихъ плантацій; всѣ онѣ были обнесены изгородью и тщательно выполоты отъ сорной травы. При работѣ соблюдалась равномѣрность и ее дѣлили поровну. Два дня посвящены были работѣ, третій—отдыху. Въ то время, какъ часть жителей деревни занималась земледѣліемъ, другіе ловили рыбу.

Еще далѣе на востокъ, или, вѣрнѣе сказать, на юго-востокъ, проникъ капитанъ Джонъ Моресби, командиръ корабля „Basilisk", въ 1872—1873 году, познакомился съ страной и людьми на Новой Гвинеѣ, а также на сосѣднихъ, открытыхъ имъ островахъ. Прибрежные жители, которыхъ онъ, противъ обыкновенія большинства путешественниковъ, описываетъ миролюбивыми и гостепріимными, принадлежатъ, по его словамъ, къ малайской расѣ (Journal of the R. geograph. Society 1875, p. 163, and Rev. d'Anthrop. 1878, p. 335—337). Они существенно отличаются отъ рослыхъ, мускулистыхъ и мрачныхъ на видъ дикарей Торресова пролива. По описанію Моресби, это маленькіе, слабо сложенные люди, мѣднокраснаго цвѣта, съ выдающимися скулами, слегка загнутымъ носомъ и съ пріятнымъ, нерѣдко даже чрезвычайно красивымъ выраженіемъ лица. Ихъ дома большею частью построены на сваяхъ; при этомъ трудолюбивые туземцы отлично изготовляютъ глиняную посуду. Желѣзо почти неизвѣстно у нихъ; ихъ инструменты сдѣланы изъ зеленаго камня. Они презрительно отказались отъ предложенія обмѣнять ихъ каменный топоръ на желѣзный заступъ, но вслѣдъ затѣмъ съ радостью отдали свой топоръ за нѣсколько пестрыхъ стеклянныхъ бусъ. Ихъ оружіе состоитъ изъ копья, дубины, аркана и каменнаго „томагаука". У нихъ нѣтъ лука и стрѣлъ, и они до этого никогда не слыхали о какомъ либо огнестрѣльномъ оружіи. Видъ корабля возбудилъ ихъ удивленіе, потому что имъ еще не приходилось видѣть бѣлыхъ людей, а женщины съ испугомъ отскакивали назадъ отъ своего изображенія въ зеркалѣ, что Моресби находитъ весьма естественнымъ. Между собой они предаются до нѣкоторой степени людоѣдству, но никогда не проявляли этой склонности относительно европейцевъ. Мужчины хорошо обходятся со своими женами, а тѣ, въ благодарность, бьютъ ихъ подчасъ веслами. Туземцы сначала очень боязливо относились къ европейцамъ, но мало по малу сдѣлались довѣрчивѣе. Самаго смѣлаго изъ нихъ удалось, наконецъ, уговорить войдти на палубу. Въ первую минуту онъ съ крайнимъ удивленіемъ и испугомъ осматривался кругомъ; затѣмъ самымъ усерднымъ образомъ принялся теребить себѣ носъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, а другой рукой ощупывалъ себѣ среднюю часть тѣла. Европейцы догадались по продолжительности и усердію, съ какимъ производилась эта процедура, что она должна имѣть какое нибудь особое значеніе, и всѣ находящіеся на кораблѣ принялись подражать тѣлодвиженіямъ дикаря, который былъ видимо обрадованъ этимъ и сдѣлался крайне довѣрчивымъ. Подобнымъ же способомъ была пріобрѣтена дружба всей шайки; вообще, соблюденіе этого этикета въ Новой Гвинеѣ въ другихъ случаяхъ оказалось въ высшей степени полезнымъ (См. Moresby: Discoveries and Surveys in New-Gwinea and the d'Entrecasteaux Islands. London 1876).

Менѣе утѣшительную картину рисуетъ намъ Эндру Гольди о туземцахъ, живущихъ въ окрестностяхъ Порта Моресби, въ близкомъ сосѣдствѣ съ предъидущими. По его словамъ, они по природѣ величайшіе попрошайки и неисправимые воры. Ловкое, никѣмъ не замѣченное воровство считается особенною добродѣтелью; если же воръ пойманъ, то его строго наказываютъ за неумѣлость. Большая нью-фаундлендская собака, которую Гольди привезъ съ собой, наводила на нихъ невообразимый ужасъ, и они не знали, какъ обходиться съ животнымъ. Когда европейцы встрѣчали партію туземцевъ, собравшихся на охоту за кенгуру, то послѣдніе поспѣшно разбѣгались, не столько изъ боязни къ бѣлокожимъ иноземцамъ, сколько изъ страха къ собакѣ. Они отличались вообще необычайной силой и могли, не отдыхая, переносить на себѣ большія тяжести на разстояніе 8—10 км. и, вдобавокъ, съ такой быстротой, что европеецъ, идущій безъ всякой тяжести, не могъ поспѣть за ними. Отдѣльныя племена живутъ въ сильной враждѣ между собой, вслѣдствіе чего ни одинъ туземецъ не смѣетъ переступить границы своихъ владѣній.

Эти наблюденія довольно ясно показываютъ несостоятельность убѣжденія въ расовомъ единствѣ всѣхъ жителей Новой Гвинеи, какъ его понимаетъ А. Б. Мейеръ. Если мы согласимся съ его мнѣніемъ и г-на Мейнике (Die Inseln des Stillen Oceans. Leipzig 1875. Bd. I S. 115), то мы не можемъ безъ натяжки объяснить, своеобразною разновидностью, во внѣшнихъ признакахъ всѣхъ тѣхъ различій, какія встрѣчаются между меланезійцами, къ которымъ Мейнике причисляетъ и папуасовъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ почтенный ученый держится ложнаго убѣжденія, будто бы различные типы не отдѣлены другъ отъ друга своимъ географическимъ положеніемъ (a. a. O.), тогда какъ подобная граница дѣйствительно существуетъ въ Новой Гвинеѣ между свѣтлой и темнокожей породой людей. По свидѣтельству англійскаго миссіонера, В. Джилля, который трижды посѣтилъ южный берегъ Новой Гвинеи въ 1872 году, всѣ прибрежные жители, на западъ отъ р. Флай, чернокожіе, между тѣмъ какъ туземцы у Редскарбая имѣютъ свѣтло-коричневый цвѣтъ кожи съ мѣднымъ отливомъ. Его товарищъ по профессіи, А. В. Муррай, опредѣлилъ еще точнѣе и рѣзче границу между двумя существенно различными народными племенами, которыя обозначаются англійскими путешественниками, какъ папуасская и малайская раса,—а именно, немного западнѣе отъ рѣки Манумапу, или Towtau на картахъ англійскаго адмиралтейства (Journal of the R. geograph. Society 1874, p. 29 und Petermanns Geograph. Mitteil. 1874. S. 115). „Преобладающій цвѣтъ кожи жителей Манунану—говоритъ Джилль—тотъ же, что у островитянъ Самоа и Раратонга; съ послѣдними они, очевидно, состоятъ въ лингвистическомъ сродствѣ, судя по имѣющимся образчикамъ языка“. Миссіонеръ В. Дж. Лауесъ, жившій въ портѣ Моресби, пишетъ о нихъ слѣдующее: „Мнѣ кажется, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что здѣшній народъ—малайскаго происхожденія: ихъ языкъ достаточно доказываетъ это. Они живутъ исключительно на берегу. Бушмены, живущіе внутри страны, изъ которыхъ я видѣлъ нѣсколько

человѣкъ, имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи, красивѣе сложены и говорятъ совершенно различнымъ языкомъ; они, несомнѣнно, коренные жители страны (Petermanns Geograph. Mitteil. 1876, S. 196). Туземцы Манумапу далеко уступаютъ имъ въ физическомъ развитіи; они большею частью ниже средняго роста и подчасъ имѣютъ видъ карликовъ. Равнымъ образомъ, Октавій Е. Стонъ, проживщій октябрь 1875 г. въ портѣ Моресби и его окрестностяхъ, самымъ положительнымъ образомъ подтверждаетъ физическое различіе между восточными и западными жителями Новой Гвинеи (Journal of the R. geograph. Society 1876, p. 39). Будущее должно уяснить, дѣйствительно ли существуетъ здѣсь различіе расъ, потому что въ настоящее время для рѣшенія этого вопроса намъ недостаетъ самыхъ необходимыхъ лингвистическихъ данныхъ. Миклуха-Маклай, которому недавно удалось видѣть въ Сиднеѣ двухъ представителей этой такъ называемой „желтокожей расы", пришелъ къ заключенію, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей примѣси малайской крови (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1880, S. 90), хотя это, разумѣется, еще не можетъ служить доказательствомъ ихъ сродства съ папуасами.

Анахоретовы острова.

Мы уже упоминали выше, что самая крайняя западная группа меланезійскихъ островомъ, а именно архипелагъ Ниниго, населенъ микронезійцами, и потому считаемъ наиболѣе удобнымъ начать нашъ обзоръ Меланезіи съ трехъ тѣсно лежащихъ другъ возлѣ друга Анахоретовыхъ острововъ. По словамъ капитана, Г. Штрауса, экипажъ корабля „Gazelle" встрѣтилъ тамъ не особенно темнокожую, краснокоричневую, или, вѣрнѣе, сказать свѣтло-каштановую смѣшанную расу, довольно мускулистую, средняго роста,—нѣкоторые едва достигали 1,69 м. высоты; при этомъ они были довольно красиво сложены и только отчасти походили лицомъ на папуасовъ. Несмотря на низкую степень культуры, это былъ вполнѣ миролюбивый народъ. Немногія женщины, которыхъ имъ приходилось видѣть, были довольно маленькаго роста, съ болѣе широкимъ носомъ, нежели мущины, и хорошо упитанныя.

Вообще, у этихъ островитянъ загнутый, но не широкій носъ; губы не вытянутыя впередъ и не толстыя; у нихъ курчавые густые волоса, не ростущіе пучками, и довольно длинные (Zeitsch. f. Ethnologie, Berlin 1877 S. 35). Они носятъ большею частью короткіе волосы; если же послѣдніе достигаютъ извѣстной длины, то ихъ связываютъ сзади или завиваютъ въ два свертка, лежащіе наискось на макушкѣ головы. Борода бываетъ у нихъ различной формы; у иныхъ она украшаетъ щеки и подбородокъ; у другихъ достигаетъ до 30 сант. длины. Мужчины носятъ повязку изъ мѣстной ткани, сдѣланной изъ древесной коры; женщины прикрываютъ себя широкимъ торчащимъ впередъ передникомъ изъ пальмовыхъ листьевъ, въ 65 сант. длины, который просто

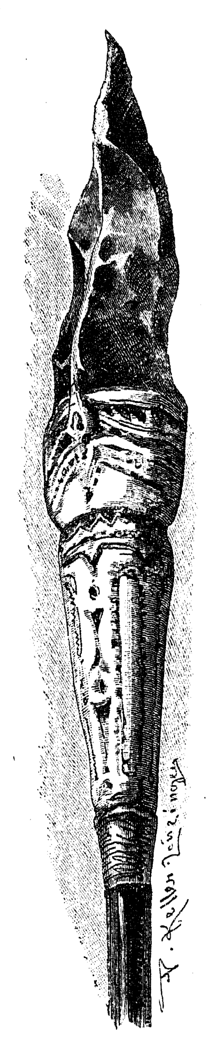
привязывается мочалкой или прикрѣпляется къ плетеному поясу, въ 25 сант. ширины. Татуировка у нихъ не въ обычаѣ, но у женщинъ страннымъ образомъ изувѣчены ушныя мочки: онѣ протыкаютъ въ нихъ деревянныя кольца, которыя мало по малу такъ вытягиваютъ уши, что тѣ, наконецъ, доходятъ до плечъ. Украшеніемъ служатъ цѣпочки изъ красныхъ плодовыхъ косточекъ и „раковинныхъ бусъ", употребляемыхъ въ видѣ ожерелья; но ихъ навѣшиваютъ на себя одни мужчины. Неопрятныя хижины не имѣютъ боковыхъ стѣнъ и состоятъ только изъ полукруглой крыши, крытой пальмовыми листьями въ 5—10 м. длины. Единственнымъ оружіемъ служитъ копье различной длины изъ коричневаго твердаго дерева, снабженное крючками на верхнемъ концѣ. Огнестрѣльное оружіе внушаетъ большой страхъ туземцамъ; употребленіе желѣза и другихъ металловъ неизвѣстно имъ. Но у нихъ, между прочимъ, встрѣчаются довольно большія лодки съ парусами изъ рогожъ, которыя хранятся въ особо построенныхъ для этого домахъ, тогда какъ на группѣ Ново-Британскихъ острововъ, лежащихъ отсюда на недалекомъ разстояніи, встрѣчаются только маленькіе жалкіе челноки изъ выдолбленнаго древеснаго ствола, снабженные рулемъ. Штраухъ хвалитъ, какъ образецъ ихъ искусства, видѣнный имъ бюстъ, изящно вырѣзанный изъ мягкаго дерева, изображавшій мужчину съ бородой. Что касается нравственности обитателей Анахоретовыхъ острововъ, то онъ вывелъ о ней далеко не лестное мнѣніе изъ наблюденій, какія онъ могъ сдѣлать въ продолженіе немногихъ проведенныхъ здѣсь часовъ (A. a. O., S. 35—39, und Zeitsch. d. Gesellsch. f. Erdk. zu Berlin 1877, S. 239).

Архипелагъ Адмиралтейства.

На юго-востокъ отъ Анахоретовыхъ острововъ расположенъ архипелагъ изъ 25 острововъ, который въ сущности принадлежитъ къ малоизслѣдованной группѣ Новой Британіи и извѣстенъ подъ названіемъ острововъ Адмиралтейства. Миклуха-Маклай, воспользовавшись высадкой англійской экспедиціи Чалленджера на островѣ Уильдѣ, посѣтилъ, съ антропологическою цѣлью, главный островъ Адмиралтейскаго архипелага, Таци. Русскій ученый нашелъ, что туземный типъ очень мало разнится отъ папуасовъ Новой Гвинеи,—только цвѣтъ кожи не много свѣтлѣе, и что островитяне, по своему наружному виду, имѣютъ нѣкоторое сходство съ европейцами.

По измѣреніямъ Миклухи-Маклая, ростъ этихъ островитянъ колеблется между 1470—1780 мм. у мужчинъ и отъ 1460—1670 мм. у женщинъ; но ему случилось видѣть и болѣе рослыхъ субъектовъ. Старухи отличались б. ч. непомѣрной худобой и, благодаря своимъ бритымъ головамъ съ глубокими морщинами, отсутствію грудей и сухощавымъ ногамъ, представляли большое сходство съ пожилыми мужчинами. Изъ 106 измѣреній головы получился средній указатель ширины, для мужчинъ отъ $73,_2$—$84,_5$, для дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ отъ $75,_8$—$79,_8$, для женщинъ отъ $70,_5$—$78,_6$. Волосы на головѣ у нихъ совершенно такіе-же, какъ у папуасовъ; мужчины носятъ ихъ длинными и расчесываютъ въ самыя разнообразныя прически, но при этомъ выдергиваютъ себѣ всѣ волосы на лицѣ, не исключая бровей, или выбриваютъ осколкомъ агата, который также служитъ имъ для татуировки (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1878, S. 110—111). Изъ наиболѣе выдающихся анатомическихъ особенностей слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на необыкно-

венную величину зубовъ: изъ нихъ нѣкоторые передніе зубы (dentes incisivi) имѣли, при измѣреніи, коронку въ 22 мм. длины, а другіе—въ 19 мм. ширины; у иныхъ толщина ея доходила до 11 мм. Зубная эмаль была покрыта какъ бы черной политурой, вслѣдствіе постояннаго жеванья бетеля и пинанга. У нѣкоторыхъ субъектовъ зубы выступали изо рта даже при закрытыхъ губахъ. Миклуха-Маклай впервые сдѣлалъ это наблюденіе на Тауи и на сосѣднемъ съ нимъ островѣ Агомесъ, или Большомъ Пустынникѣ (a. a. O. 1876, S. 291), но полагаетъ, что это не составляетъ исключительной принадлежности двухъ названныхъ здѣсь острововъ и свойственно всему меланезійскому племени. Это явленіе могло произойти отъ чрезвычайно малой части зуба, выполняющей ячейку, Bulla ovum, у туземцевъ О-вовъ Тауи и Агомесъ, какъ показали сдѣланныя наблюденія, что кажется намъ тѣмъ болѣе поразительнымъ, что именно у негровъ, представляющихъ съ готтентотами и кафрами наибольшее сродство, съ меланезійцами наблюдается другая крайность (a. a. O. 1878 S. 113—115). Вторая особенность туземцевъ заключается въ томъ, что большой палецъ ноги, вмѣсто того чтобы превосходить длинною остальные пальцы, короче второго на 5 — 14 мм.; при этомъ нерѣдко случается, что пальцы выворочены въ сторону, и преимущественно четвертый и пятый. Необыкновенное развитіе мускуловъ въ пальцахъ ноги у отдѣльныхъ субъектовъ ясно показываетъ, что нѣкогда нога служила людямъ для хватанія, какъ у обезьянъ. Въ покойномъ состояніи туземцы могли также легко и быстро наложить три первыхъ пальца ноги одинъ на другой, какъ пальцы руки.


Копье съ наконечникомъ изъ обсидіана.

По описанію ученыхъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи Челленджера, жители Адмиралтейскихъ острововъ имѣютъ темно-коричневый цвѣтъ кожи, но вовсе не похожи на негровъ; ихъ носы очень красивой формы. Всѣ мужчины были хорошо сложены и мускулисты; женщины далеко уступали имъ въ этомъ отношеніи, а постоянное употребленіе бетеля придавало имъ крайне отталкивающій видъ. Они всѣ были болѣе или менѣе татуированы и съ выжженными полукругами на тѣлѣ. Туземцы острова Уильда въ Наресъ-Гарбёрѣ встрѣтили европейцевъ не только довѣрчивымъ, но и навязчивымъ образомъ, дозволили имъ входить въ свои хижины и, въ знакъ миролюбиваго настроенія, сложили съ себя копья и ножи. Однако, несмотря на этотъ дружелюбный пріемъ, ихъ пристрастіе къ человѣческому мясу почти не подлежало никакому сомнѣнію. Въ ихъ хижинахъ лежали всюду человѣческія кости, и, вдобавокъ, они довольно откровенно объяснили съ помощью знаковъ, что такъ же охотно съѣли бы другъ друга, какъ и посѣтившихъ ихъ англичанъ. Нигдѣ не видно было никакого слѣда могилъ или какого либо другого способа погребенія, такъ что у европейцевъ невольно явилось подозрѣніе, что они пожираютъ своихъ покойниковъ. Туземцы, видимо, привыкли къ посѣщенію чужестранцевъ, потому что у нихъ были наготовѣ запасы перламутра и черепахи для мѣновой торговли. Ихъ лодки рѣзко отличались отъ папуасскихъ; онѣ были вдвое больше и вмѣщали отъ

Праздничный головной уборъ туземца Адмиралтейскихъ острововъ, вырѣзанный изъ легкаго дерева и раскрашенный бѣлой, красной и черной красками.

10—16 человѣкъ. То же различіе замѣтно было и въ оружіи: у нихъ не было лука и стрѣлъ, а только легкія копья отъ 1,80—2,10 м. съ тяжелыми наконечниками изъ обсидіана (вулканическое стекло) въ родѣ того, какое изображено на вышеприведенномъ рисункѣ. При метаніи, туземецъ беретъ копье почти у самого наконечника и затѣмъ бросаетъ его съ большой силой и мѣткостью. Изъ остального оружія всего болѣе заслуживаетъ вниманія кривой топоръ, сдѣланный изъ раковины.

Очевидно, туземцы не имѣютъ никакихъ сношеній съ Новой Гвинеи. Что касается экспедиціи Чалленджера, то они не мѣшали европейцамъ пристать къ своему берегу, но вначалѣ старались удалить ихъ отъ своихъ хижинъ, хотя довольно скоро отступили и отъ этой предосторожности. Мѣновая торговля велась самымъ дружелюбнымъ образомъ: ихъ особенно прельщали желѣзныя кольца, пестрые платки и топоры; взамѣнъ ихъ они предлагали перламутръ, черепаху и оружіе. Нѣкоторые изъ туземцевъ, уступая настоятельному приглашенію, рѣшились войдти на палубу корабля, но съ замѣтною робостью, и дѣлали такое впечатлѣніе, какъ будто имъ приходилось прежде расплачиваться за подобную неосторожность. (W. J. J. Spry, Die Expedition des Challenger. Deutsch von H. v. Wobeser. Leipzig 1877. S. 244—247). Въ ихъ образѣ жизни не видно ни малѣйшаго слѣда цивилизаціи, но, несмотря на это, имъ нельзя отказать въ извѣстной степени умственнаго развитія и художественнаго вкуса, такъ какъ ихъ лодки, дома, оружіе и почти вся домашняя утварь украшены тщательно сдѣланной рѣзьбой и рисунками. Наконецъ, у нихъ встрѣчается музыкальный инструментъ, напоминающій флейту.

Архипелагъ Новой Британіи.

Болѣе точныя свѣдѣнія объ архипелагѣ Новой Британіи собраны только въ послѣднее время. Къ самымъ новымъ извѣстіямъ принадлежатъ тѣ, которыя получены отъ англійскаго миссіонера Дж. Брауна

(Rev. d'Anthrop. 1880, p. 141—144), а также отъ корабля „Gazelle", стоявшаго довольно долгое время осенью 1875 года у главнѣйшаго изъ западныхъ островокъ, Новаго Ганновера, а затѣмъ около Новой Ирландіи и собственно такъ называемой Новой Британіи *). Члены экспедиціи вступали въ сношенія съ туземнымъ населеніемъ всѣхъ трехъ островокъ и, такимъ образомъ, имѣли не мало случаевъ познакомиться съ характерными чертами жизни и нравовъ этихъ первобытныхъ дѣтей природы. По наблюденіямъ проф. Т. Штудера изъ Берна, сопровождавшаго „Gazelle" въ качествѣ естествоиспытателя, туземцы тѣ же меланезійцы, т. е. папуасы; но между ними встрѣчаются рѣзкія внѣшнія различія. Ново-ганноверцы средняго роста, отчасти мускулистые и хорошо сложенные, съ красноватымъ цвѣтомъ кожи, сильно скошеннымъ лбомъ, широкимъ толстымъ носомъ, довольно большимъ ртомъ, поразительно длинными оконечностями и курчавыми, бо̀льшею частью коротко остриженными волосами, ростущими въ видѣ пучковъ. Въ Новой Ирландіи туземцы вообще уступаютъ въ тѣлосложеніи ново-ганноверцамъ; на сѣверѣ острова они имѣютъ болѣе жалкій и слабый видъ, между тѣмъ какъ на югѣ они положительно крѣпче и мускулистѣе, а у Портъ-Сульфура цвѣтъ ихъ кожи нѣсколько свѣтлѣе. Что же касается новобританцевъ, то ихъ кожа далеко не такъ темна, какъ у жителей вышеназванныхъ острововъ; волоса у нихъ длиннѣе и не особенно курчавы; они, большею частью, крѣпкаго и хорошаго тѣлосложенія, хотя д-ръ Бенда и называетъ ихъ слабыми, непропорціонально сложенными и съ мало развитыми мускулами. Высота роста достигаетъ 150 — 170 сант. (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1880. S. 112). Они имѣютъ узкій возвышенный черепъ (гипсистенокефалы); емкость его среднимъ числомъ представляетъ 1232 к. сант. съ колебаніемъ между 1530—990 к. сант. Относительно характера жителей всего архипелага можно только сказать, что они, по общему отзыву изслѣдователей, умѣренны, довольно добродушны, миролюбивы и веселаго нрава. Но, въ частности, ново-ганноверцы отличаются, при этомъ, положительною склонностью къ воровству; жители Новой Ирландіи робки и крайне корыстолюбивы, и только ново-британцы производятъ лучшее впечатлѣніе. Послѣдніе уже не разъ имѣли случай познакомиться съ цивилизованными людьми и въ ихъ обращеній незамѣтно обычной боязливости. (Schmeltz und Krause. Die ethnogr.-anthrop. Abteilung des Mus. Godeffroy. S. 555). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Брауномъ, на островахъ, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, живетъ племя съ замѣчательнымъ хвостообразнымъ придаткомъ (Verhandl. d. Berl. Ges. f. Anthrop.

*) Въ нѣкоторыхъ руководствахъ по географіи, вмѣсто Новой Британіи и Новой Ирландіи, встрѣчаются названія Бирара и Томбара. Но, по изслѣдованіямъ „Gazelle", можно положительно сказать, что эти названія совершенно неизвѣстны туземцамъ.

1876, S. 289, и Rev. d'Anthrop. 1877, S. 376); но это извѣстіе во всякомъ случаѣ должно быть подтверждено болѣе точными изслѣдованіями.

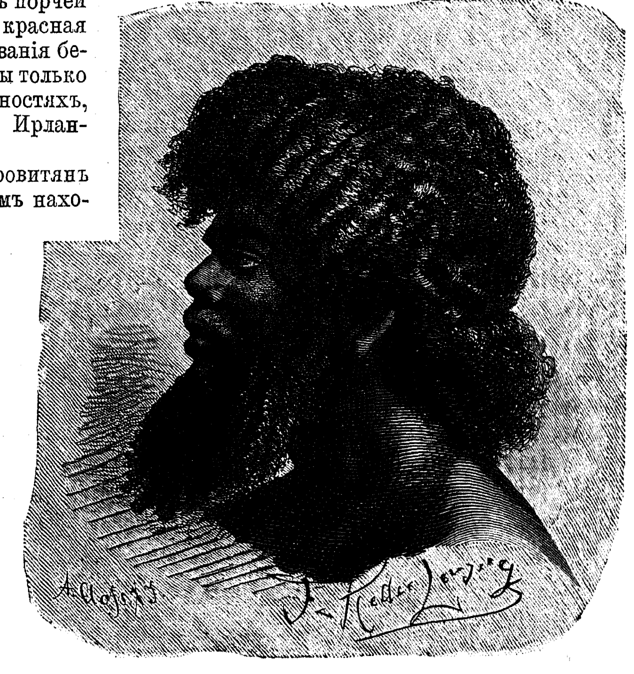
Штудеръ рисуетъ намъ слѣдующую картину нравовъ этихъ островитянъ: „Они имѣютъ постоянныя жилища, занимаются земледѣліемъ и рыбной ловлей; искусны въ работахъ изъ дерева, воинственны и въ то же время коварны и признанные людоѣды; только женщинамъ они не даютъ человѣческаго мяса, по крайней мѣрѣ въ Новой Британіи. Мужчины красятъ свои густые курчавые волосы желтой глиной и выстригаютъ ихъ въ видѣ лѣстницъ. Они оттягиваютъ себѣ уши до плечъ тяжелыми серьгами, пробуравливаютъ носовую перегородку и носятъ браслеты изъ улитокъ. Изъ европейскихъ мѣновыхъ товаровъ они всего болѣе цѣнятъ пустыя бутылки и красное сукно, за послѣднее даже готовы отдать свое оружіе, состоящее изъ лука, стрѣлъ и метательнаго копья. При первой высадкѣ „Gazelle" на западной сторонѣ Новаго Ганновера, выяснилось полное незнакомство туземцевъ съ желѣзомъ. У нихъ были только каменные топоры и раковинное долото; въ ихъ хижинахъ находились также орудія изъ раковинъ для обработки дерева. При второй высадкѣ, далѣе къ востоку встрѣчалось желѣзо. Въ Новой Ирландіи члены нѣмецкой экспедиціи вошли на плоскую возвышенность, гдѣ стоялъ храмъ съ деревянными масками самой превосходной работы. Языкъ туземцевъ благозвучный и совершенно иной, нежели въ Новой Ирландіи; въ Новой Ирландіи одинъ вождь говорилъ немного по-англійски. Новая Британія, лежащая всего ближе къ материку Новой Гвинеи, положительно самая цивилизованная часть этой группы острововъ; по крайней мѣрѣ, это можно сказать относительно береговаго, быть можетъ, пришлаго населенія, которое находится въ постоянной враждѣ съ жителями внутреннихъ частей острова. Однако и здѣсь все еще господствуетъ людоѣдство.

Оба западныхъ острова, Новый Ганноверъ и Новая Ирландія, образуютъ собою какъ бы особую этнографическую группу, Новая Британія — другую. По крайней мѣрѣ при переѣздѣ изъ Новой Ирландіи въ Новую Британію, полное различіе мѣстныхъ условій кажется особенно поразительнымъ. По наружному виду, вся разница между туземцами ограничивается только болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и болѣе длинными, не въ такой степени курчавыми волосами. Но во всемъ остальномъ едва ли можно найти какую-либо вещь, которая, по работѣ, украшеніямъ и даже матеріалу, не представляла бы полнаго контраста съ тѣми, какія встрѣчаются на двухъ западныхъ островахъ. Такимъ образомъ, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что, несмотря на близкое разстояніе, нѣтъ никакой связи между Новой Ирландіей и двумя другими островами, и что она находилась при особыхъ условіяхъ, совершенно независимыхъ отъ посторонняго вліянія. Этотъ

фактъ подтверждается нагляднымъ образомъ изслѣдованіями капитанъ-лейтенанта Штрауха, который записалъ самымъ тщательнымъ образомъ свои замѣтки объ этомъ архипелагѣ и преимущественно о Новомъ Ганноверѣ.

Жители всего архипелага почти не носятъ никакой одежды. Такъ, напримѣръ, въ Новой Британіи она совершенно отсутствуетъ; даже у женщинъ не видно было ни малѣйшей попытки прикрыть свою наготу. Въ Новомъ Ганноверѣ и въ Новой Ирландіи только мужчины щеголяютъ одеждой Адама, потому что кусокъ ткани изъ древесной коры, повязанный на голову, у нѣкоторыхъ субъектовъ служилъ скорѣе для украшенія, нежели прикрытіемъ; но женщины носятъ фартухи изъ желтыхъ и красныхъ шнурковъ, или-же, взамѣнъ этого, пучки красныхъ и желтыхъ волоконъ. Въ Новой Ирландіи, хотя очень рѣдко, можно встрѣтить подобіе плаща изъ рогожи. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти островитяне предпочитаютъ украшенія одеждѣ, и здѣсь также наблюдается тотъ фактъ, что мужчины выказываютъ къ нимъ гораздо больше пристрастія, нежели женщины. Уборы бываютъ весьма разнообразны; они преимущественно состоятъ изъ ожерелій, браслетовъ и украшеній для лба, головы, волосъ и носа. Матеріаломъ служатъ раковины, большія круглыя пластинки (вѣроятно изъ Tridacna gigas), которыя они носятъ на груди, или же кольца (изъ Trochus niloticus) въ видѣ браслетовъ, преимущественно для предплечія лѣвой руки; затѣмъ ожерелья изъ раковинъ и бусъ, плетенныя кольца изъ древесной коры, которыми мужчины и мальчики обвиваютъ себѣ бедра, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—икры, и, наконецъ, цѣпочки изъ сѣмянныхъ коробочекъ, употребляемыя также женщинами для подвязыванія передниковъ. Собственно обрѣзаніе не въ ходу у туземцевъ; но въ Новой Ирландіи нѣсколько разъ наблюдались случаи разрыва praeputium'a. Изъ искусственныхъ увѣчій встрѣчается протыканіе и оттягиваніе ушей у обоего пола, а также пробуравливаніе носовой перегородки, которое гораздо меньше распространено въ Новомъ Ганноверѣ. Въ ушахъ, изуродованныхъ большею частью самымъ отвратительнымъ образомъ, они носятъ мочалки или маленькія черепаховыя кольца, къ которымъ привѣшаны короткія нитки бусъ; въ Новой Ирландіи въ употребленіи камышевыя кольца или черепаховыя съ зазубринами. Въ видѣ украшенія носа,—за исключеніемъ Новой Ирландіи, гдѣ оно не встрѣчается,—мужчины и женщины втыкаютъ въ носовую перегородку палочки изъ полированныхъ раковинъ. Въ Новой Британіи это украшеніе считается недостаточнымъ, или не довольно пышнымъ, потому что, при своемъ пристрастіи ко всякому убранству, они обращаютъ особенное вниманіе на ноздри и втыкаютъ въ нихъ иногда птичью лапу такимъ образомъ, что одинъ коготь торчитъ кверху, а другой обращенъ внизъ. Въ волосахъ на задней части головы носятъ разныя украшенія изъ перьевъ, но они, во всякомъ случаѣ, не служатъ знакомъ какого либо отличія. Равнымъ образомъ, въ Портъ-Сульфурѣ (Новая Ирландія) въ большомъ ходу перламутръ, также употребляемый повсемѣстно въ Новой Британіи для украшенія; его носятъ въ волосахъ въ видѣ маленькихъ, круглыхъ и овальныхъ пластинокъ. Особенно замѣчательны употребляемыя при танцахъ и во время празднествъ маски различной величины, которыя одѣваютъ на голову, между тѣмъ какъ лицо прикрыто кускомъ ткани изъ древесныхъ волоконъ, прикрѣпленнымъ къ маскѣ. Другія маски меньшей величины, изъ мягкаго бѣлаго дерева, съ прорѣзами для глазъ, придерживаютъ на лицѣ рукой. Изготовленіе этихъ масокъ въ высшей степени оригинально и замѣчательно, по тщательности отдѣлки; но всего болѣе поражаетъ въ нихъ выдающійся носъ, уродливыя отверстія въ ушахъ и попытка изобразить различныя прически. Одна изъ такихъ масокъ была привезена кораблемъ „Gaselle"

изъ Новаго Ганновера. До сихъ поръ не найдено никакого признака татуировки въ Новомъ Ганноверѣ и Новой Ирландiя; но вмѣсто этого въ обычаѣ окраска, или, вѣрнѣе сказать, пачканiе лица (по преимуществу), а также груди и спины, известью и краснымъ красильнымъ веществомъ (tannú). Искусственное уродованiе съ неизбѣжной при этомъ порчей зубовъ, равно и красная окраска губъ отъ жеванiя бетеля, распространены только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ Новой Ирландiи.



Туземецъ Новой Британiи.

Способность островитянъ къ ручнымъ работамъ находится сравнительно на высокой степени, но она больше обращена на художественныя вещи, чѣмъ на предметы обыденной жизни. Она главнымъ образомъ выражается въ изготовленiи вышеупомянутыхъ масокъ и другихъ болѣе значительныхъ рѣзныхъ работъ, замѣчательныхъ по своей сложности. Что касается технической стороны, то она должна тѣмъ болѣе возбуждать удивленiе, что туземцы выполняютъ свои работы съ помощью первобытныхъ инструментовъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вся рѣзьба и окраска, при изображенiи человѣческихъ фигуръ и животныхъ, носитъ на себѣ каррикатурный характеръ. Къ числу такихъ произведенiй принадлежатъ фантастически украшенныя и трудно объяснимыя изображенiя птицъ въ Новой Ирландiи. Но во всякомъ случаѣ ихъ рѣзныя работы далеко превосходятъ папуасскаго Korwar'a.

Сдѣланныя наблюденiя приводятъ насъ къ выводу, что у всѣхъ дикихъ первобытныхъ народовъ способность къ ручнымъ работамъ далеко превосходитъ ихъ знанiя. На этомъ основанiи, мы не должны удивляться, если произведенiя нагихъ дикарей оказываются иногда неизмѣримо выше древнѣйшихъ, вырѣзанныхъ изъ дерева греческихъ боговъ, или, выражаясь точнѣе, идоловъ (Хоапа). Историческая аксiома, что богатство способствуетъ процвѣтанiю искусства, примѣнима и въ настоящемъ случаѣ: почти всѣ первобытные народы богаты въ извѣстномъ смыслѣ, потому что забота о завтрашнемъ днѣ такъ мало угне-

таетъ человѣка, что онъ можетъ посвятить большую часть своего времени украшеніямъ и веселью. Само собою разумѣется, что прежде всего пробуждается стремленіе построить себѣ жилище, вызванное матеріальною необходимостью; затѣмъ слѣдуютъ повсемѣстно первые зачатки ваянія или пластики, между тѣмъ какъ живопись обыкновенно развивается гораздо позже. Въ Новой Британіи замѣтны первые проблески и этого искусства, потому что туземцы умѣютъ украшать свои работы посредствомъ окрашиванія въ бѣлую, черную, голубую и красную краски. Замѣчательно, что они обозначаютъ однимъ словомъ черный и голубой цвѣтъ, хотя можно встрѣтить на одной и той же вещи совершенно черную краску и свѣтло-голубую. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что, на основаніи ограниченнаго числа словъ для обозначенія красокъ у первобытныхъ народовъ, выводили заключеніе, что у нихъ соотвѣтственно съ этимъ недостаточно развита способность различать краски. Благодаря этому, надѣялись прослѣдить на существующемъ человѣчествѣ историческое развитіе такого драгоцѣннаго физіологическаго свойства, какъ умѣнье различать краски. Между тѣмъ, оказывается, что у вышеназванныхъ островитянъ, несмотря на недостатокъ словесныхъ выраженій для различія красокъ, не замѣчено ни одного случая „цвѣтовой“ слѣпоты, и всѣ новѣйшія изслѣдованія надъ другими первобытными народами, равнымъ образомъ, показали всю несостоятельность этого предположенія. Въ сущности оно было совершенно неправдоподобно, даже помимо этихъ фантастическихъ данныхъ, потому что жизнь въ естественномъ состояніи изощряетъ наши чувства, тогда какъ усиливающаяся цивилизація обыкновенно притупляетъ ихъ. Развѣ въ мірѣ животныхъ мы не встрѣчаемъ болѣе тонкихъ чувствъ, нежели у людей! Не подлежитъ сомнѣнію, что недостатокъ словъ для обозначенія различныхъ красокъ указываетъ на недостаточное развитіе, но только въ лингвистическомъ и умственномъ, а не физіологическомъ отношеніи. Изъ этого мы можемъ ясно видѣть, насколько неосновательно выводить соотвѣтствующія заключенія изъ какихъ-либо лингвистическихъ условій; отсутствіе словеснаго выраженія ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ отсутствія понятія. Слѣдовательно, бѣдность числительныхъ именъ не имѣетъ того значенія, какое ему придаютъ многіе ученые.

Что касается утвари и орудій островитянъ, то всѣ они отличаются грубой и небрежной выдѣлкой. Хотя разнообразіе формы и богатство украшеній въ видѣ рѣзьбы, окраски, убранства перьями и пластинками изъ раковинъ возбуждаетъ наше удивленіе, но техника очевидно стоитъ на самой низкой степени. Камни и раковины служатъ главнѣйшимъ матеріаломъ. Каменный топоръ съ изогнутой рукояткой несомнѣнно самое важное орудіе въ Новомъ Ганноверѣ и Новой Ирландіи; иногда встрѣчается также сходный съ нимъ инструментъ съ желѣзнымъ лезвеемъ, неизвѣстно, какимъ образомъ проникнувшій на острова, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не мѣстнаго производства. Европейскія орудія почти вовсе не попадаются здѣсь, хотя туземцы очень дорожатъ желѣзными вещами и знаютъ имъ цѣну. Не менѣе

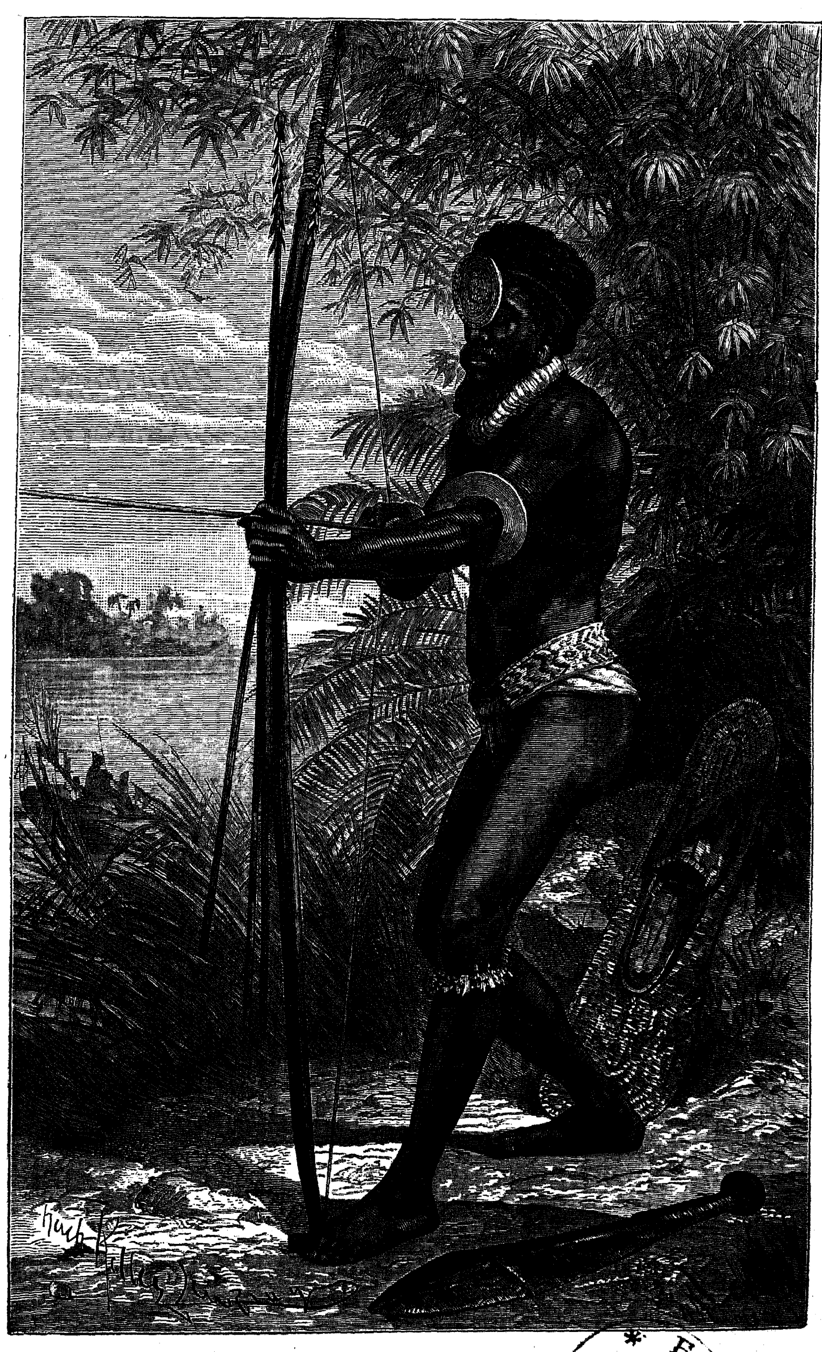
любопытенъ тотъ фактъ, что, несмотря на дѣятельныя, чуть ли не восьмилѣтнія сношенія съ европейцами, они ограничиваются деревяннымъ топоромъ, который выдѣлываютъ по образцу желѣзнаго, и подчасъ доходятъ въ своемъ подражаніи до такой степени, что поддѣлываютъ клеймо фабрики (Schmeltz und Krause. Die etnogr.-anthrop. Abtheil. des Museums Godeffroy. S. XXIX). Изъ прочей утвари, употребляемой въ Новой Британіи, слѣдуетъ еще упомянуть: вылуженные сосуды изъ кокосоваго орѣха съ такой-же крышкой, выдолбленныя тыквы и плетенныя корзины. Замѣчательно, что на архипелагѣ существуютъ три различные музыкальныхъ инструмента, а именно: свирѣли разнообразной величины и съ различнымъ числомъ отверстій,—трубы изъ бамбука и барабаны изъ того-же матеріала. У островитянъ нѣтъ никакого оборонительнаго оружія, а употребляются только копья и дубины; лукъ и стрѣлы имъ не извѣстны, кромѣ одной мѣстности; а въ Новой Британіи и у Портъ-Сульфура, въ Новой Ирландіи, встрѣчаются пращи. Въ Новомъ Ганноверѣ туземцы, по разсказу одного очевидца, упражнялись въ бросаніи камней, которые они подымали на берегу, и выказывали при этомъ такую ловкость, что есть основаніе думать объ употребленіи камней въ видѣ оружія при сраженіяхъ. Копья ихъ состоятъ большею частью изъ украшеннаго бамбуковаго древка съ воткнутымъ въ него наконечникомъ, прикрѣпленнымъ древесной корой; они бываютъ двоякіе по величинѣ и служатъ для метанія. Кромѣ того, употребляются настоящія пики съ длиннымъ древкомъ двухъ сортовъ, различныхъ по достоинству, и копье, выкрашенное красной, бѣлой и черной красками, снабженное костью вмѣсто наконечника. Въ Новой Ирландіи встрѣчаются чаще, нежели въ Новомъ Ганноверѣ, коричневыя полированныя копья, украшенныя рѣзьбой, и, повидимому, имѣютъ здѣсь особенное значеніе; а въ Портъ-Сульфурѣ туземцы употребляютъ копья, схожія съ новобританскими, убранныя перьями, которыя на послѣднемъ островѣ украшаются еще человѣческими костями. Дубины бываютъ круглыя изъ чернаго тяжелаго дерева, полированныя и съ рѣзными украшеніями на утолщенномъ концѣ, или плоскія, изъ темножелтаго тяжелаго дерева, и по своей формѣ напоминаютъ ручку европейской ложки. Новобританцы всего чаще употребляютъ дубину, состоящую изъ круглой палки, на которую насаженъ кругловатый пробуравленный камень; рѣже встрѣчается дубина изъ тяжелаго дерева, съ трехъ-угольнымъ острымъ концомъ. Пращи дѣлаются здѣсь изъ кокосоваго листа и шнурковъ, скрученныхъ изъ кокосовыхъ волоконъ. Но при этомъ туземцы не имѣютъ никакихъ охотничьихъ снарядовъ, вслѣдствіе отсутствія звѣрей, годныхъ для добычи. Рыбу закалываютъ копьями или ловятъ сѣтями, которыя бываютъ двухъ родовъ: простыя продолговатыя и четырехъ-угольныя съ шнурами, или-же длинныя, довольно узкія, съ придѣланными къ нимъ камнями и деревянными поплавками. Ново-британцы употребляютъ также ручныя верши, которыя держатъ у лодки, опустивъ одинъ конецъ въ воду. На всѣхъ трехъ главнѣйшихъ островахъ встрѣчаются различныя лодки. Ново-ирландскія, напр., совершенно отличаются отъ ново-ганноверскихъ: онѣ менѣе длинны и дѣлаются изъ одного древеснаго ствола съ прямыми наклонными краями, такъ что лодка остается открытою. Челнокъ новобританца дѣлается большею частью изъ древеснаго ствола, съ придѣланными къ обоимъ бортамъ низкими планками, и по величинѣ превосходитъ ново-ирландскую лодку. При этомъ онъ украшенъ своеобразными высокими и тонкими концами въ видѣ клювовъ.

Число домашнихъ животныхъ незначительно и почти ограничивается курами и собаками. Въ Новой Ирладіи и Новой Британіи разводятъ свиней. Туземецъ хотя и добываетъ себѣ пищу изъ моря, но все-таки преимущественно кормится ростительными продуктами. Таро, ямъ, бананы и, прежде всего, кокосовый орѣхъ служатъ для него главными средствами пропитанія; онъ употребляетъ ихъ отчасти въ сыромъ видѣ, а частью въ копченномъ или жа-

реномъ. Всѣ эти употребляемыя въ пищу растенія подвергаются обработкѣ, за исключеніемъ сахарнаго тростника, очень любимаго туземцами, который прямо рѣжутъ на куски и высасываютъ. Пока извѣстенъ только единичный случай, но онъ даетъ намъ право предположить о существованіи обычая земленяденія (геофагіи) между туземцами. Они также охотно предаются людоѣдству, хотя ново-британцы объяснили миссіонеру Брауну, что они придерживаются этого обычая не отъ желанія полакомиться человѣческимъ мясомъ, а изъ необходимости напугать непріятеля (Revue d'Anthrop. 1877 p. 376). Вода и кокосовое молоко составляютъ ихъ единственные напитки; сосудами для питья служатъ кокосовые орѣхи съ просверленнымъ отверстіемъ, въ которое вставляютъ свернутый въ трубочку древесный листъ. Изъ наркотическихъ веществъ—и то не на всемъ архипелагѣ—жуютъ бетель, смѣшанный съ известью, который хранятъ въ маленькихъ сумкахъ изъ древесной коры. Табакъ здѣсь неизвѣстенъ.

Жилища островитянъ представляютъ собою настоящіе дома или хижины, построенные изъ дерева, съ остроконечной крышей, состоящей изъ бамбуковыхъ стропилъ, съ настилкой изъ пальмовыхъ листьевъ. Въ Новомъ Ганноверѣ дома образуютъ въ своемъ основаніи правильный четырехъ-угольникъ; они различной величины и имѣютъ среднимъ числомъ около 4 м. ширины и 7—10 м. длины. У ново-ирландцевъ немного выпуклая крыша устраивается такимъ образомъ, что надъ боковыми стѣнами оставляются выступы, которые подпираютъ подпорками, и черезъ это образуется открытая веранда. Хижины новобританцевъ рѣзко отличаются отъ нихъ по формѣ и способу постройки; онѣ продолговатыя въ основаніи, съ овальными боковыми выступами; крыша сдѣлана изъ пальмовыхъ листьевъ; по обѣимъ сторонамъ ея устроено подобіе башенокъ, съ пучками тростника на вершинѣ. Внутренность хижины слабо освѣщена свѣтомъ, падающимъ изъ дверей, и почти не содержитъ никакой утвари. Жилища отличаются опрятностью въ Новой Британіи, но они довольно грязны и закопчены въ Новомъ Ганноверѣ, хотя и здѣсь, а въ особенности въ Новой Ирландіи, внѣшній видъ опрятныхъ деревень, состоящихъ изъ 5—10 хижинъ, производитъ крайне пріятное впечатлѣніе. Въ Новомъ Ганноверѣ не встрѣчались домовъ, которые отличались бы отъ другихъ жилищъ и служили бы храмами, мѣстомъ совѣщаній или вообще были бы предназначены для какой либо особенной цѣли.

(До сихъ поръ не собрано почти никакихъ свѣдѣній о религіи и вѣрованіяхъ островитянъ, потому что нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя могли бы привести къ какимъ-либо заключеніямъ. Только въ Новой Ирландіи нашли нѣчто напоминающее культъ, а именно строеніе, имѣвшее видъ храма, гдѣ на полу были разставлены своеобразныя рѣзныя вещи и маски. Равнымъ образомъ, въ Блэнчъ-баѣ (въ Новой Британіи), на маленькомъ островѣ Гендерсонѣ, находится зданіе, которое, повидимому, назначено для религіозной цѣли, но въ дѣйствительности можетъ быть ничто иное, какъ родъ ратуши, гдѣ мѣстные жители собираются для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Но объ этомъ не удалось собрать болѣе точныхъ свѣдѣній. Считаемъ также не лишнимъ упомянуть о словѣ „Salik", которое въ Новомъ Ганноверѣ имѣетъ, повидимому, такое же значеніе религіознаго интердикта, какъ „Tabu" у полинезійцевъ.) Что касается общественной жизни островитянъ, то мы такъ же мало знаемъ о ней, какъ и объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Въ Новомъ Ганноверѣ и въ Новой Ирландіи положительно существуетъ родъ брака, повидимому, моногамія; при этомъ женщинѣ предоставлена извѣстная самостоятельность, хотя ея положеніе въ Новой Ирландіи гораздо хуже, чѣмъ на сѣверѣ, благодаря большему количеству лежащихъ на ней работъ. Ново-ирландцы у Портъ-Сульфура имѣютъ, смотря по состоянію, одну или двѣ жены, которыхъ пріобрѣтаютъ посредствомъ купли; онѣ большею частью остаются въ хижинахъ,



Обитатель Саломоновыхъ острововъ.

между тѣмъ какъ въ Новой Британіи женщины, не стѣсняясь, расхаживаютъ всюду. Здѣсь болѣе достаточные изъ туземцевъ запираютъ своихъ дочерей въ священные дома за нѣсколько дней передъ достиженіемъ дѣвическаго возраста. Съ дѣтьми обходятся хорошо; но о нравственности вообще мы не можемъ произнести опредѣленнаго сужденія. Въ Новой Британіи есть высшіе и низшіе начальники, пользующіеся извѣстнымъ авторитетомъ; однако европейцамъ не приходилось встрѣчать ихъ на двухъ другихъ островахъ (H. Strauch, in der Zeitsch. f. Ethnologie. Berlin 1877, S. 39—63 u. 81—102).

Жители Соломоновыхъ острововъ.

На юго-востокъ отъ Новой Британіи мы встрѣчаемъ группу Соломоновыхъ острововъ, жители которыхъ слывутъ за самыхъ коварныхъ и вѣроломныхъ дикарей между всѣми островитянами Меланезіи. Еще недавно (осенью 1880 г.) капитанъ и шесть человѣкъ съ англійскаго военнаго корабля „Sandfly“ были убиты ими. Большая часть островитянъ несомнѣнно папуасы, даже съ очень темнымъ, почти чернымъ цвѣтомъ кожи, съ густыми курчавыми, рунообразными и торчащими врозь волосами. Но и здѣсь, а именно между жителями сѣверныхъ острововъ и болѣе южнаго острова Изабеллы, существуютъ рѣзкія внѣшнія отличія и встрѣчаются единичные субъекты съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, что, во всякомъ случаѣ, указываетъ на полинезійскую помѣсь. „Gazelle“ посѣтила одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ острововъ Соломонова архипелага, а именно сѣверный островъ Боугенвилль, гдѣ вовсе не оказалось свѣтлокожихъ людей, и г. Шлейницъ положительно утверждаетъ, что, по мѣрѣ удаленія отъ Новаго Ганновера къ югу, особенности папуасскаго типа выступаютъ рѣзче и сравнительно становятся общими. Равнымъ образомъ, тѣлосложеніе красивѣе и крѣпче на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. Сдержанныя манеры, хитрые блестящіе глаза и вся физіономія этихъ дикарей не возбуждаютъ довѣрія. Однако, несмотря на общее, крайне невыгодное мнѣніе о характерѣ островитянъ (въ которыхъ изслѣдователи, бывшіе на кораблѣ „Gazelle“, встрѣтили настоящій папуасскій типъ, болѣе чистый, нежели въ Новомъ Ганноверѣ),—всѣ въ одинъ голосъ признаютъ ихъ храбрость и воинственность. Благодаря своей подвижности и воспріимчивости, они очень охотно занимаются торговлей, хотя при этомъ, по нѣкоторымъ отзывамъ, выказываютъ склонность къ обману, между тѣмъ какъ другіе восхваляютъ ихъ честность въ торговыхъ дѣлахъ. Состояніе ихъ культуры менѣе первобытно, нежели у новобританцевъ, хотя все-таки разница между ними не такъ велика. Но по своему уму они занимаютъ видное положеніе между меланезійцами.

Пища жителей Соломоновыхъ острововъ преимущественно растительная, но они вовсе не чувствуютъ отвращенія къ мясу. Они не только ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ ракообразныхъ, рыбу, черепахъ, но и немногихъ,

животныхъ, встрѣчаемыхъ на ихъ островахъ, а именно: свиней, куръ и крысъ. Однако, человѣческое мясо всего болѣе возбуждаетъ ихъ аппетитъ. Они повсемѣстно со страстью предаются людоѣдству и пожираютъ, какъ чужестранцевъ, такъ и своихъ военноплѣнныхъ. По словамъ Шлейница, у нихъ принято за общее правило, что „всякій иноземецъ, который вступаетъ на ихъ землю, долженъ быть какъ можно скорѣе убитъ ими и съѣденъ“ (Zeitschr. d. Berl. Gesellschaft f. Erdk. 1877. S. 257). Объ одеждѣ ихъ едва ли даже стоитъ упоминать здѣсь. Оба пола почти совершенно обходятся безъ нея, потому что нельзя принимать въ разсчетъ пояса, который они носятъ вокругъ тѣла. Помимо этого, мужчины на нѣкоторыхъ островахъ употребляютъ для прикрытія древесный листъ; на другихъ они только обвиваютъ praeputium ниткой, что составляетъ довольно распространенный обычай въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Женщины нерѣдко носятъ родъ короткаго передника, но и то подчасъ только замужнія, а не дѣвушки, какъ, напр., на островѣ Баро. Шлейницъ нашелъ, что на островѣ Боуганвиль туземцы сравнительно болѣе прикрываютъ себя одеждой, нежели въ Новой Британіи. Хотя вообще жители Соломоновыхъ острововъ не могутъ быть названы красивой породой людей, но они еще болѣе уродуютъ себя средствами, которыя употребляютъ для украшенія своей наружности. Они завиваютъ волосы на головѣ въ самыя своеобразныя прически и красятъ ихъ въ бѣлый, красный или желтый цвѣта, а волосы на всемъ тѣлѣ тщательно выдергиваютъ. Затѣмъ они чернятъ зубы орѣхомъ бетеля и расписываютъ себѣ лицо бѣлыми и красными полосами, что придаетъ имъ видъ какихъ-то чудовищъ. Татуировка, преимущественно спины, встрѣчается на южныхъ островахъ, а также на Боуганвиллѣ; выжиганіе шрамовъ, изображающихъ фигуры, въ обычаѣ на островѣ Изабеллы. Въ проткнутыхъ и непомѣрно увеличенныхъ ушныхъ мочкахъ, а также въ ноздряхъ, красуются всевозможныя украшенія; изъ послѣднихъ особенно цѣнится браслетъ изъ большой бѣлой раковины, но его, повидимому, носятъ только знатные. Украшенія изъ окаменѣлыхъ раковинъ, скорлупы и плетенныя вещи доказываютъ ихъ замѣчательную талантливость къ подобнымъ работамъ. Ихъ оружіе далеко превосходитъ всѣ вещи этого рода, выдѣлываемыя на Тихомъ Океанѣ, такъ какъ оно представляетъ большею частью мастерское произведеніе искусства, исполненное самыми жалкими инструментами. Лукъ и стрѣлы доведены у папуасовъ до высшей степени совершенства и цѣлесообразности; при этомъ стрѣлы, по крайней мѣрѣ на Боуганвиллѣ, обыкновенно намазаны ядомъ. Дубины, нерѣдко похожія видомъ на мечи, копья, съ ихъ разнообразной формой наконечниковъ, единственныя въ Тихомъ Океанѣ, могутъ служить образцами тщательной работы. Наконечники, насаживаемые на извѣстнаго рода копья, очень искусно вырѣзываются изъ костей человѣческой руки. Равнымъ образомъ, только на Соломоновомъ архипелагѣ извѣстенъ способъ, какимъ изготовляются разнообразныя копья и другія орудія изъ раковинъ, подобранныхъ въ видѣ радужныхъ цвѣтовъ, съ помощью мастики, на которую накладываются отдѣльные куски. Изъ ситника плетутся легкіе щиты, настолько плотные, что нетолько стрѣлы, но даже копья не могутъ пробить ихъ; щиты эти также употребляются въ видѣ зонтиковъ для защиты отъ дождя и солнца. Челноки, построенные изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева и украшенные рѣзьбой, представляютъ собою иногда мастерскія произведенія. Съ обѣихъ сторонъ устроены высокіе носы, которые служатъ не только для защиты, но и для украшенія. Рядомъ съ этимъ, употребляются, взамѣнъ лодокъ, маленькіе деревянные плоты.

Четырехъ-угольные дома или хижины островитянъ построены довольно искусно изъ столбовъ, съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ, или травы, выведенной на подобіе палатки, хотя вообще въ устройствѣ жилищъ не видно особенной домовитости. Несравненно тщательнѣе построены украшенныя человѣческими черепами, живописью и рѣзьбой хижины начальниковъ, но еще

красивѣе—общественные дома въ большихъ деревняхъ, служащіе мѣстомъ сборищъ и храмами. Деревни съ населеніемъ отъ 1500—2000 человѣкъ расположены внутри острова, а также на горахъ и на морскомъ берегу; онѣ нерѣдко бываютъ укрѣплены. Земледѣліе, т. е. воздѣлываніе яма (Dioscorea alata), кокосовыхъ пальмъ и банановъ (Musa sapientum. L.), производится на нѣкоторыхъ островахъ въ большихъ размѣрахъ и съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ; на другихъ же въ очень незначительной степени. Но главнымъ занятіемъ островитянъ все-таки остается рыбная ловля; при этомъ употребляются большія хорошо сдѣланныя сѣти, веревки и крючки изъ черепахи и перламутра; иногда рыбу лучатъ копьями при свѣтѣ факеловъ.

Вообще, островитяне Соломонова архипелага въ умственномъ отношеніи значительно превосходятъ другія папуасскія племена. Они очень способны отъ природы, необыкновенно легко научаются европейскимъ языкамъ и, при физической ловкости и быстротѣ движеній, обладаютъ отличнымъ зрѣніемъ и слухомъ. Къ музыкѣ они также замѣчательно воспріимчивы, хотя изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ встрѣчаются только барабанъ и труба, сдѣданные изъ раковинъ. Изъ смолы „Такамака“ (calophyllum) они изготовяютъ свѣчи, которыя горятъ свѣтлѣе восковыхъ и распространяютъ при горѣніи пріятный запахъ. Кромѣ того, туземцы изобрѣли родъ денегъ изъ раковинъ, которыя употребляются повсемѣстно на югѣ архипелага. Они выдѣлываютъ желѣзо, имѣютъ глиняную посуду, знакомы съ употребленіемъ табака и трубокъ,—явленіе, встрѣчаемое только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ туземцы имѣютъ сношенія съ европейцами. Объ ихъ религіи мы имѣемъ такъ же мало свѣдѣній, какъ и объ ихъ политическихъ учрежденіяхъ. Относительно послѣднихъ мы знаемъ только, что островитяне раздѣлены на множество небольшихъ независимыхъ племенъ, находящихся подъ неограниченной и повидимому наслѣдственной властью вождей, которые пользуются здѣсь большимъ уваженіемъ. Война,—т. е. нападенія и хищническіе набѣги съ цѣлью умерщвленія людей для ѣды и пріобрѣтенія череповъ въ видѣ украшенія своихъ домовъ—составляетъ, такъ сказать, нормальмое явленіе среди этихъ людей. Что касается семейной жизни, то мущина имѣетъ обыкновенно двухъ женъ, которыя вообще отличаются скромностью и цѣломудріемъ, несмотря на жестокое и деспотическое обращеніе съ ними. Дѣвушекъ обручаютъ въ раннемъ дѣтствѣ, послѣ чего онѣ остаются въ домѣ жениха до наступленія періода зрѣлости. Если кто умираетъ, то покойника кладутъ на подмостки и подъ ними роютъ яму, въ которую падаютъ куски разложившагося тѣла. Затѣмъ скелетъ окончательно зарываютъ въ могилу и надъ ней дѣлаютъ крышу. О религіозныхъ понятіяхъ островитянъ мы знаемъ только, что на о. Баро признается глухое и нѣмое божество „Yona“ и затѣмъ „Ataro“, или души извѣстныхъ покойниковъ. Своихъ боговъ они изображаютъ въ видѣ идоловъ, которые не

Разрѣзъ лодки, употребляемой на Соломоновыхъ островахъ, съ двойнымъ такелажемъ.

пользуются особеннымъ почетномъ; для нихъ не строятъ отдѣльныхъ храмовъ—ихъ замѣняютъ вышеупомянутые общественные дома. Жрецы, по видимому, существуютъ повсемѣстно. Полинезійскій „tabu“ извѣстенъ на южныхъ островахъ Соломоновой группы и примѣняется въ извѣстныхъ случаяхъ. Къ культу принадлежатъ жертвы богамъ, бросаемыя въ море, и празднества. Католическіе миссіонеры проповѣдывали здѣсь христіанство, но до сихъ поръ безъ малѣйшаго успѣха; теперь этимъ дѣломъ занимаются протестантскіе проповѣдники на южныхъ островахъ.)

Острова Санта-Круцъ и Новогебридскіе.

На востокъ отъ южной оконечности Соломоновыхъ острововъ находится небольшой архипелагъ королевы Шарлотты, или острова Санта-Круцъ (Св. Креста), между которыми наиболѣе извѣстенъ островъ Ваникаро (наз. также Лаперузъ, Питтъ или Решершъ). А. Г. Маркгамъ съ кораблемъ „Rosario“ пробылъ довольно долго у этой группы острововъ и собиралъ свѣдѣнія о туземцахъ, которые относятся чрезвычайно непріязненно къ чужестранцамъ и вообще отличаются вѣроломствомъ и кровожадностью, и, между прочимъ, отравляютъ свои стрѣлы (Berl. Zeitsch. f. Ethnol. 1877, S. 103). Они не уступаютъ въ людоѣдствѣ островитянамъ Соломонова архипелага и во многомъ схожи съ ними, а равно и съ жителями Новогебридскихъ острововъ (См. книгу Маркгама: The Cruise of the Rosario; затѣмъ Proceed. R. geograph. soc. 1872, S. 393, и Revue d'Anthrop. 1874, S. 363—364). Они самые темнокожіе изъ всѣхъ папуасовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, у нихъ также произошла помѣсь съ полинезійцами сосѣднихъ острововъ. Отсюда, быть можетъ, произошло странное образованіе черепа у жителей о. Ваникаро, съ необычайно длиннымъ лицомъ, скошеннымъ лбомъ и приплюснутымъ носомъ.

Но изъ всѣхъ островитянъ наиболѣе типичными по разнообразному строенію своего тѣла являются жители Новогебридскаго архипелага, лежащаго на юго-востокъ отъ острововъ С. Круцъ, который состоитъ изъ 40—50 извѣстныхъ острововъ. Изъ нихъ самые значительные: Св. Духа, Малликоло, Амбримъ, Апи, Батé (Сандвичъ), Ерроманго, Танна и Аннатомъ (Анаитіумъ). Въ настоящее время общая цифра населенія на архипелагѣ доходитъ до 70,000 человѣкъ, изъ которыхъ большинство носитъ на себѣ отпечатокъ папуасской расы. Темнокоричневый, почти черный цвѣтъ кожи, густые волоса на головѣ, возвышенный и узкій черепъ, съ густыми бровями, мясистыя губы, ширина носа, не много загнутаго внизъ и придающаго лицу выраженіе, напоминающее еврейскій типъ, небольшой ростъ съ сравнительно худощавыми ногами, множество господствующихъ діалектовъ, или, вѣрнѣе сказать, языковъ,—все это мы находимъ здѣсь, хотя съ постороннею примѣсью и не въ такомъ чистомъ видѣ, какъ въ Новой Гвинеѣ. Предпріимчивые ма-

лайцы оставили повсемѣстно и на Гебридахъ слѣды своихъ попытокъ къ вытѣсненію темнокожаго населенія. На Гебридахъ произошла упорная война расъ; малайцы должны были удалиться, и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удержались болѣе прочно. Достойно замѣчанія, что, несмотря на рѣзкія этнологическія особенности, раздѣляющія ихъ на нѣкоторыхъ островахъ, взаимная связь между ними тѣмъ не менѣе проявляется нерѣдко самымъ поразительнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, Батé населенъ папуасами, тогда какъ на двухъ небольшихъ островахъ, лежащихъ въ непосредственной близости съ нимъ, Меле и Фила, живутъ малайцы. На ряду съ этимъ фактомъ мы видимъ, что жители о. Анивасъ, хотя и папуасы, но говорятъ полинезійскимъ діалектомъ, схожимъ съ нарѣчіемъ Раратонга, и въ то же время понимаютъ языкъ своихъ сосѣдей у порта Рѣшенія (Resolužion) на о. Танна. Туземцы южныхъ острововъ во всѣхъ отношеніяхъ оказываются болѣе развитыми, нежели на сѣверѣ. Въ Таннѣ они красивѣе, смѣлѣе и честнѣе, чѣмъ гдѣ либо; островитяне Ерроманго и Аннатома меньше ростомъ; на Апи худощавы и некрасивы, похожи на обезьянъ и очень большого роста, а на о. Малликоло — съ плоскимъ скошеннымъ назадъ лбомъ (который насильственно сплющиваютъ у дѣтей), выступающими скулами, приплюснутымъ широкимъ носомъ, вздернутыми губами, большой бородой и густыми, курчавыми, но не разнообразными волосами и тѣломъ, густо покрытымъ волосами. Туземцы о. Лаконы менѣе безобразны по своей наружности, но по своимъ манерамъ представляютъ поразительное сходство съ обезьянами, особенно женщины, которыя большею частью крадутся въ кустахъ, сгорбившись и наклонивъ впередъ тѣло. Жители о. С. Духа, напротивъ того, отличаются хорошимъ тѣлосложеніемъ и живостью характера; но вполнѣ красивые субъекты встрѣчаются на о. Батé, а также на островахъ Анива и Футуна.

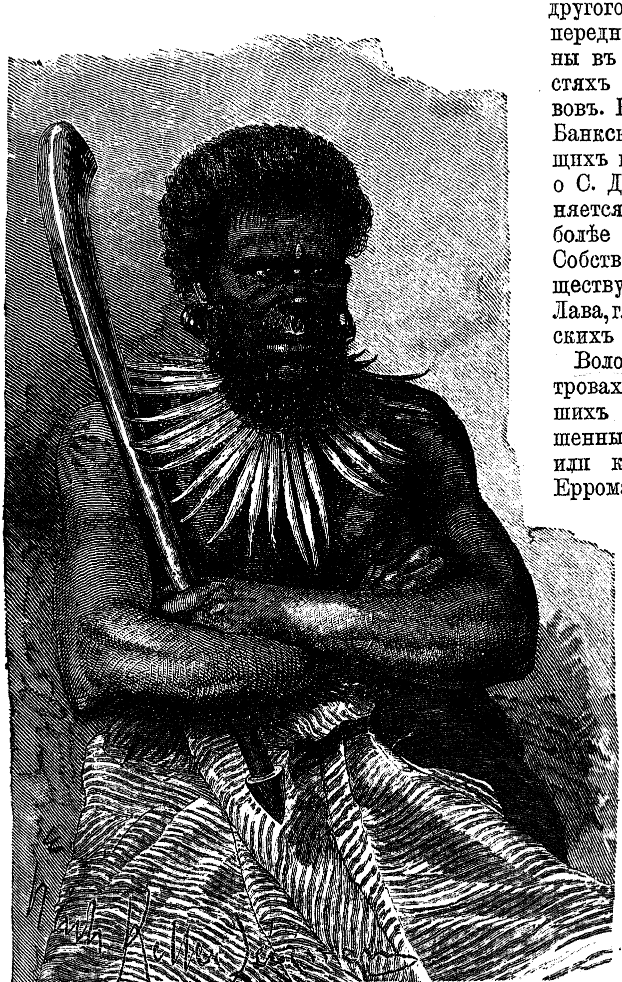
По исчисленіямъ д-ра Гами, средній ростъ Новогебридскихъ островитянъ доходитъ до 1,598 м., хотя эта цыфра требуетъ еще провѣрки (Rev. d. Anthrop. 1877, p. 721.). Черепа туземцевъ изъ Маликолло носятъ на себѣ болѣе или менѣе ясные слѣды искусственнаго уродованія, извѣстнаго подъ названіемъ „макрокефаліи", которое скорѣе указываетъ на внѣшнюю форму, нежели на сущность явленія. Обычай этотъ несомнѣнно введенъ полинезійцами, потому что мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго между папуасами сосѣднихъ острововъ. Однако, несмотря на искаженіе, можно ясно видѣть, что черепа эти принадлежатъ къ чистому папуасскому типу. Емкость черепа достигаетъ въ среднемъ выводѣ 1274, съ maximum въ 1460 и minimum въ 1080 к. сант. (Schmeltz und Krause, Die ethnogr.-anthrop. Abtheil. des Museum Godeffroy, S. 553). Альбиносы обоего пола, большею частью съ болѣзненными красными глазами, довольно часто встрѣчаются на отдѣльныхъ островахъ.

Въ смыслѣ языка едва ли на всемъ земномъ шарѣ найдется другая область, которая, по своему богатству, могла бы даже приблизительно сравниться съ Новогебридами. На главныхъ островахъ извѣстно до двадцати различныхъ нарѣчій. Въ Таннѣ ихъ насчитываютъ не менѣе трехъ; на крошечномъ островѣ Май (или Три-Холма) у каждаго изъ трехъ мѣстныхъ враждующихъ между собою племенъ свой особый языкъ, хотя жители южной части о. Сандвича и Мая, а равно и острововъ между Апи и Сандвичемъ, могутъ понимать другъ друга. Языкъ туземцевъ на сѣверѣ отъ Апи опять-таки совершенно иной, нежели на югѣ (при этомъ оба племени также рѣзко различаются по своему тѣлосложенію); на восточномъ берегу, повидимому, существуетъ еще третій языкъ, но мы не имѣемъ объ этомъ точныхъ свѣдѣній. То же повторяется и на Малликоло: южные жители не понимаютъ языка племенъ, обитающихъ на западной части острова.

М. Экгардтъ представилъ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, самую точную и подробную картину Новогебридскихъ острововъ и ихъ обитателей, изъ которой мы приведемъ здѣсь наиболѣе любопытныя свѣдѣнія (Verhandl. d. Vereins f. naturwiss. Unterhaltung in Hamburg, Bd. IV, Oktober, 1879). Пища островитянъ преимущественно растительная, какъ и въ другихъ описанныхъ нами мѣстностяхъ; особымъ лакомствомъ считается у нихъ толстый древесный червь, котораго они большею частью съѣдаютъ въ сыромъ видѣ, между тѣмъ какъ почти всѣ остальные запасы приготовляются на огнѣ самымъ тщательнымъ образомъ. Для питья служитъ кокосовое молоко и вода, а на нѣкоторыхъ островахъ (именно въ Таннѣ) употребляется въ торжественныхъ случаяхъ и полинезійскій напитокъ „kawa“ (пригот. изъ Macropiper methysticum). Людоѣдство совершенно вывелось на островѣ Аннатомѣ; (въ 1853 году былъ съѣденъ послѣдній человѣкъ); то-же видимъ мы и по берегамъ острововъ, имѣющихъ болѣе частыя сношенія съ европейцами, или на тѣхъ, которые были особенно усердно посѣщаемы миссіонерами и проповѣдниками. Но внутри острововъ убитый непріятель, по прежнему, попадаетъ въ дымъ, или на огонь; его мясо, въ копченомъ или жареномъ видѣ, приправленное ямомъ, служитъ для пирушки, устраиваемой по этому поводу; кусочки лакомаго блюда разсылаются на домъ родственникамъ и знакомымъ. Мясо бѣлыхъ людей цѣнится не такъ высоко, потому что, по мнѣнію туземцевъ, оно солонѣе и тверже, нежели мясо чернокожаго. Самыми свирѣпыми и страшными людоѣдами считаются обитатели непроходимыхъ лѣсовъ, покрывающихъ горы внутри острова Танны; если въ портѣ Рѣшенія заговорятъ объ „Ermama Kararei“ (т. е. о лѣсныхъ жителяхъ) въ присутствіи туземца, то онъ не можетъ скрыть своего ужаса и выражаетъ его какимъ нибудь жестомъ. Жители острова С. Духа высказывали, не стѣсняясь, свое пристрастіе къ человѣческому мясу офицерамъ корабля „Rosario“, стоявшаго на якорѣ у ихъ береговъ (въ 1871); одинъ изъ дикарей подошелъ къ хорошо упитанному лейтенанту и, ощупавъ его руки и ноги, объявилъ, что его мясо годилось бы для ѣды: „He very good Kai-kai!“ Другой туземецъ добродушно осклабился на вопросъ доктора Наумана, бывшаго на кораблѣ „Gazelle“, и отвѣтилъ, что они не ѣдятъ бѣлыхъ людей, а только тѣхъ, которые живутъ въ лѣсахъ: „men in bush kai kait us, me kai kai men in bush“. (Verhandl. d. Berl. Ges. f. Anthrop 1876, S. 69).

Мужчины на большинствѣ острововъ ходятъ почти нагіе, но съ шестилѣтняго возраста начинаютъ носить кусокъ ткани изъ древесной коры или украшеніе изъ раковинъ, прикрѣпленное къ веревкѣ, сплетенной изъ древес-

ныхъ волоконъ, которымъ они опоясываютъ бедра, и на нѣкоторыхъ сѣверныхъ островахъ привязываютъ такъ туго, что животъ выпячивается впередъ. Въ мѣстностяхъ, которыя больше посѣщаются европейцами, въ большомъ употребленіи бѣлые и желтые платки. Дѣвушки до десятилѣтняго возраста ходятъ нагія, а затѣмъ носятъ пучокъ листьевъ, привязанный къ тальѣ шнуркомъ, а послѣ замужества передникъ сдѣланъ изъ волоконъ кокоса или какого нибудь другого дерева. Подобный передникъ носятъ и мужчины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центральныхъ острововъ. На небольшой группѣ Банкскихъ острововъ, лежащихъ на сѣверо-востокъ отъ о С. Духа, передникъ замѣняется широкой лентой, не болѣе 2—5 сант. ширины. Собственно татуировка существуетъ только на Вануа-Лава, главнѣйшемъ изъ Банкскихъ острововъ.



Житель Новогебридскихъ острововъ.

Волоса на сѣверныхъ островахъ носятъвъ видѣ большихъ пучковъ, часто окрашенныхъ известью, охрой или куркумой; на Таннѣ, Ерроманго, Аннатомѣ и Анива, въ большомъ употребленіи колоссальныя папуасскія прически, а на первомъ изъ этихъ острововъ густая борода туземцевъ нерѣдко расчесана такимъ образомъ, какъ будто древніе ассирійцы служили для нихъ образцами. Голову часто украшаютъ перьями, кусочками сандальнаго дерева, цвѣтами, когтями птицъ и т. п., а на Апи д-ръ Виллемоэсъ-Сумъ видѣлъ родъ скребницы въ грязныхъ курчавыхъ волосахъ одного туземца, переполненныхъ насѣкомыми. Но всѣ эти головные уборы носятъ одни мужчины: у женщинъ волосы большею частью коротко обстрижены. Украшеніемъ носа служитъ продѣтый черезъ носовой хрящъ кусокъ чернаго дерева, къ концамъ котораго привѣшаны раковины или небольшой кусокъ тростника, съ насаженными на концахъ пунцовыми ягодами. Уши украшаются такимъ же способомъ. На шеѣ,

а иногда на лбу, виситъ раковина или человѣческая кость на цѣпочкѣ изъ мочалокъ или волосъ, а также изъ нанизанныхъ кашалотовыхъ и человѣческихъ зубовъ и свиныхъ клыковъ. Но вообще, мы не встрѣчаемъ здѣсь того разнообразія въ украшеніяхъ, какъ на Соломоновомъ архипелагѣ. Въ Гебридахъ существуетъ также обычай, господствующій въ Австраліи, а именно выколачиваніе двухъ переднихъ зубовъ верхней челюсти у обрученныхъ или замужнихъ женщинъ; къ зубамъ приставляютъ палки и вслѣдъ затѣмъ наносятъ сильный ударъ камнемъ.

Туземецъ никогда не разстается съ своимъ оружіемъ (за исключеніемъ жителей о. Св. Варѳоломея, которые часто бываютъ безъ оружія). На плечѣ у него лукъ изъ казуароваго дерева, около 2 м. длины, съ тетивой изъ жилы; 5—6 тростниковыхъ стрѣлъ, длиною въ 0,60—1,5 м., спрятаны въ свернутомъ пальмовомъ листѣ, замѣняющемъ колчанъ. Нерѣдко эти стрѣлы украшены человѣческими костями и снабжены на верхнемъ концѣ длиннымъ остріемъ изъ твердаго дерева или кости, вымазаннымъ растительнымъ ядомъ, всего чаще сокомъ вьющагося растенія Derris uliginosa, которое отличается яркой зеленью своихъ листьевъ. Для охоты служатъ простыя заостренныя стрѣлы изъ тростника, съ перьями; выстрѣлы, при разстояніи въ 30—40 м., всегда попадаютъ въ цѣль. Длинныя, нерѣдко уродливо украшенныя копья съ крючками, зубцы которыхъ обращены въ разныя стороны, служатъ метательнымъ оружіемъ; ихъ бросаютъ съ помощью веревки, привязанной къ мизинцу правой руки. Равнымъ образомъ, при странствованіяхъ, у туземцевъ виситъ всегда на готовѣ вмѣстѣ съ пращей дубина изъ казуароваго дерева, привязанная къ предплечью, а также употребляемая исключительно на Гебридскихъ островахъ „лицевая дубина“. Кромѣ того, почти повсемѣстно встрѣчаются мушкеты и каменные топоры; но послѣдніе менѣе распространены. Для рыбной ловли служатъ копья, снабженныя тремя или четырьмя зубцами; а также хорошія сѣти, плетенныя изъ кокосовыхъ волоконъ. Лодки, на которыхъ туземцы смѣло выѣзжаютъ въ открытое море, дѣлаются изъ хлѣбнаго дерева и самымъ первобытнымъ способомъ; на сѣверѣ онѣ настолько широки и велики, что вмѣщаютъ 50—60 человѣкъ; на Апи челнокъ изъ выжженнаго древеснаго ствола служитъ обыкновенно для 4—5 особъ. Лодки съ тупымъ носомъ обыкновенно оснащиваются къ остроконечнымъ придѣлываютъ одни весла. Короткія лопатки, опускаемыя въ воду, замѣняютъ руль. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ново-Гебридскіе островитяне, въ изготовленіи утвари и снарядовъ, проявляютъ несравненно менѣе трудолюбія, искусства и художественнаго вкуса, нежели жители Соломонова архипелага.

То-же явленіе повторяется и въ ихъ домашней жизни, такъ какъ постройка хижинъ находится на самой низкой степени. Большей частью онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ свай и крыши, крытой пальмовыми листьями; боковыя стѣны закладываютъ древесными вѣтками, листьями и т. п.; между тѣмъ какъ лицевая сторона у входа прикрыта досками, выкрашенными красной и бѣлой краской. Тѣмъ не менѣе, на о. Аннатомѣ довольно часто попадаются деревянные дома, равно какъ и на о. Св. Духа, гдѣ жители повидимому обладаютъ въ значительной степени способностью къ ручнымъ работамъ, такъ какъ они между прочимъ единственные изъ островитянъ, которые выдѣлываютъ глинянные горшки, окрашенные въ черную и бѣлую краски. На о. Бануа-Лава подпорки хижинъ у входа имѣютъ часто форму человѣческихъ фигуръ, иногда даже съ руками, сложенными на груди, и съ сіяніемъ вокругъ головы. То-же встрѣчаемъ мы и на Малликоло. Дома, служащіе мѣстомъ сборищъ, и жилища вождей имѣютъ среднимъ числомъ 30—32 м. длины, 9 ширины и почти повсемѣстно обнесены „Waruwar'омъ“, т. е. заборомъ. Внутри ихъ висятъ съ потолка кости, черепа и проч., между тѣмъ какъ въ жилищахъ остальныхъ островитянъ нѣтъ этихъ украшеній, и главною вещью въ

домѣ считается хорошая постель, набитая листьями папоротника и покрытая циновкой. Приблизительно 100 домовъ образуютъ деревню; въ недалекомъ разстояніи отъ нея находится такъ называемое укрѣпленіе („Malavaran“, Marum“). Это ровное пространство въ 70 м. длины и 36 ширины, обсаженное на одномъ концѣ старыми казуаровыми деревьями или бананами; оно служитъ мѣстомъ танцевъ и главнымъ сборнымъ пунктомъ для жителей деревни; посрединѣ его стоятъ нѣсколько выдолбленныхъ заостренныхъ и украшенныхъ деревьевъ, исполняющихъ роль барабановъ.

Вождь пользуется весьма незначительнымъ вліяніемъ между подвластными ему дикарями; въ торжественныхъ случаяхъ знакомъ отличія служитъ для него подобіе скипетра, который, въ случаѣ надобности, замѣняетъ ему дубину. Болѣе значительные острова имѣютъ, кромѣ того, главнаго начальника. Мужчины занимаются охотой, войной и рыбной ловлей. Женщины, кромѣ изготовленія пищи, должны еще воздѣлывать землю; только при сборѣ яма всѣ принимаютъ участіе. Положеніе женщины почти рабское; въ былыя времена ее покупали и продавали и при обмѣнѣ получали за нее три свиньи; не далѣе какъ въ 1876 году, одинъ туземецъ охотно отдалъ свою молодую жену за 250 ч. табаку. По словамъ Моресби, на одномъ только о. Маѣ женщина занимаетъ положеніе, соотвѣтствующее ея физическимъ силамъ. Однако, несмотря на это, семья живетъ въ величайшемъ согласіи; каждый доволенъ своей судьбой; только между женами вождей (у которыхъ обыкновенно нѣсколько женъ, тогда какъ простые люди довольствуются одной) происходятъ иногда ссоры, но мужъ тотчасъ-же водворяетъ тишину насильственными мѣрами. Дѣтей любятъ до баловства и никогда не наказываютъ. На нѣкоторыхъ островахъ, напр., на Таннѣ, между 7—10 годами совершается обрѣзаніе, которое впрочемъ состоитъ только въ надрѣзываніи Praeputium'a.

Если юноша расположилъ къ себѣ сердце красавицы, то свадьба, а именно на Таннѣ, празднуется съ большимъ великолѣпіемъ и происходитъ на „Marum'ѣ“. Въ обыкновенное время женщинамъ и дѣтямъ запрещено вступать на это священное мѣсто, хотя мужчины ежедневно собираются сюда послѣ заката солнца, чтобы выпить чашу „Kawa“. Но во время свадьбы все стремится въ „Marum“, чтобы насладиться любимымъ „Kawa“ въ открытой на всѣ четыре стороны распивочной. При громкихъ возваніяхъ къ богамъ и пѣніи всѣхъ присутствующихъ, мальчики жуютъ коренья „Kawa“ и выплевываютъ въ чашу, куда наливаютъ воды, и затѣмъ процѣживаютъ сквозь рогожу. При этомъ закалываютъ свинью и жарятъ на огнѣ, а если случайно былъ сдѣланъ счастливый набѣгъ и убитъ непріятель, то его мясо варятъ съ ямомъ, и вождю во время угощенія подаютъ, въ видѣ самыхъ лакомыхъ кусковъ, дѣтородныя части. Музыка состоитъ изъ свирѣлей и стоящихъ вокругъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ въ 6 м. высоты, въ которые ударяютъ палками. Заключеніемъ празднества служитъ обыкновенно ночной танецъ, сопровождаемый монотоннымъ пѣніемъ.

Если заболѣваетъ островитянинъ, то по лѣсу раздаются звуки раковинной трубы, чтобы умиротворить виновника болѣзни и упросить его, чтобы онъ не сжигалъ „Nahak'a“. Они вѣрятъ, что „колдуны, производящіе болѣзнь“ (роль которыхъ обыкновенно исполняютъ бродяги, пользующіеся невѣжествомъ своихъ соплеменниковъ), находятся въ сношеніяхъ съ злыми духами и могутъ посредствомъ сожженія кушанья, къ которому прикоснулся больной, причинить смерть послѣднему. Друзья больного, смотря по степени его недуга, должны дуть сильнѣе или слабѣе въ раковину, дѣлать подарки колдуну, пока онъ не смягчится и не сниметъ „Nahak“ съ огня, или же сдѣлаетъ кровопусканіе изъ рукъ, груди и ногъ больного и изготовитъ для него цѣлительный напитокъ изъ травъ. Если больной, несмотря на это, умираетъ, то смерть приписываютъ тому, что подарки были недостаточны. Покойника кладутъ въ

покровъ изъ коры банана, а лицо вымазываютъ красной краской и оставляютъ открытымъ. На слѣдующій день его сажаютъ при жалобныхъ вопляхъ въ могилу 1.5—2 м. глубины, съ соотвѣтствующимъ отверстіемъ, находящимся съ одной стороны. На островѣ Аннатомѣ, до введенія въ немъ христіанства, господствовалъ, какъ теперь въ Таннѣ, обычай вѣшать женъ умершаго вождя, чтобы онѣ могли прислуживать ему на томъ свѣтѣ. Постоянно сами вдовы стремятся умереть этимъ способомъ и даже нерѣдко родственники покойнаго убиваютъ себя. На Таннѣ и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ погребаютъ за живо слабыхъ, физически безпомощныхъ стариковъ. Ихъ сажаютъ въ могилу, накрываютъ циновкой и закидываютъ землей. Если покойникъ велъ праведный образъ жизни, то онъ переселяется въ прекрасную страну на западѣ, гдѣ онъ будетъ только курить табакъ и наслаждаться „kawa", ямомъ и плодами хлѣбнаго дерева; если же онъ былъ скряга и убивалъ людей, то онъ идетъ въ другое мѣсто, гдѣ будетъ голодать, и его станутъ волочить по острымъ камнямъ. Кромѣ солнца и луны, которая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изображается изъ камня, туземцы почитаютъ еще много другихъ божествъ. Къ числу ихъ принадлежатъ особые боги-покровители, какъ, напримѣръ, рыбной ловли, защиты плантацій, рѣкъ и источниковъ, временъ года и даже изготовленія нѣкоторыхъ кушаній. „Tabu", пользующійся большимъ уваженіемъ у полинезійцевъ, имѣетъ здѣсь такое же значеніе. Если жрецъ (или вождь) налагаетъ „tabu", то вещь становится неприкосновенною.)

Сначала только незначительная часть жителей Новогебридскихъ острововъ была обращена въ христіанство; но съ каждымъ годомъ число адептовъ евангелическихъ миссіонеровъ ростетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Одному миссіонеру удалось распространить евангеліе съ постоянно увеличивающимся успѣхомъ; многіе сотни туземцевъ научились у него читать и писать; но и онъ былъ убитъ съ своей молодой женой въ концѣ 1876 года, подобно своему предшественнику. Основныя черты характера туземцевъ, объ умѣ которыхъ и способности къ развитію Отто Мартинъ даетъ довольно благопріятный отзывъ (Verhandl. d. Berl Gesel. f. Anthrop. 1874, S. 207), вообще не такъ дурны, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ, и, если совершаются жестокости, то нерѣдко сами европейцы вызываютъ ихъ своимъ поведеніемъ. Опытные люди тѣмъ не мемѣе считаютъ нужнымъ быть настороже, если къ нимъ приближаются дикари безъ женъ и дѣтей и размахиваютъ пальмовымъ листомъ въ знакъ своихъ миролюбивыхъ намѣреній.

НИЗМЕННЫЙ АРХИПЕЛАГЪ.

Острова Лояльти и Новой Каледоніи.

Ближайшіе къ Гебридамъ острова Лояльти, находящіеся подъ французскимъ владычествомъ, имѣютъ отъ 10,000—15,000 чернокожихъ обитателей, принадлежащихъ къ папуасскому племени, но, повидимому, съ значительною примѣсью полинезійской крови. По отзыву ботаника Б. Баланза (Bulletin de la Societé de geograph. de

Paris 1873, Vol. I, p. 521 до 534), относительно внѣшности, нравовъ и состоянія культуры они представляютъ большое сходство съ новокаледонцами, съ которыми уже давно находятся въ сношеніяхъ, не подвергаясь никакой опасности отъ ихъ людоѣдства. Они искусные мореплаватели, замѣчательно смѣтливы въ торговыхъ дѣлахъ, большею частью говорятъ по англійски и охотно поступаютъ матросами на англійскіе суда. Христіанство привилось къ нимъ въ довольно значительной степени, благодаря протестантскимъ проповѣдникамъ, которые, послѣ учрежденія постоянной миссіи въ 1864 году, распространяли евангелическую вѣру съ помощью туземцевъ и, повидимому, съ большимъ успѣхомъ. Французы, овладѣвъ островами, основали свою католическую миссію, и съ этихъ поръ представители двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій дали собою туземцамъ далеко не назидательное зрѣлище непримиримой вражды, такъ что еще въ 1874 г. протестантскіе миссіонеры горько жаловались на претерпѣваемыя ими притѣсненія.

Съ меньшимъ успѣхомъ дѣйствовали христіанскіе проповѣдники на значительномъ и сравнительно гораздо менѣе населенномъ островѣ Новой Каледоніи, также принадлежащемъ Франціи, къ жителямъ котораго довольно часто, хотя совершенно ошибочно, примѣняютъ полинезійское названіе „канаки“, т. е. люди. Новокаледонцы, населяющіе и сосѣдній Сосновый островъ (Ile des Pins), о которыхъ мы имѣемъ самыя точныя свѣдѣнія, благодаря изслѣдованіямъ вполнѣ добросовѣстнаго миссіонера П. Монрузье, затѣмъ д-ра Віелльара, Жюля Гарнье и Ж. Патуллье, несомнѣнно принадлежатъ по языку къ папуасскому племени, какъ показываютъ новѣйшія изысканія Фр. Миллера. Но въ этнологическомъ отношеніи они, во всякомъ случаѣ, представляютъ помѣсь съ полинезійскимъ элементомъ, и Жюль Гарнье, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Новой Каледоніи, старается прослѣдить вліяніе полинезійскихъ поселеній и на лингвистической почвѣ, въ пользу чего говоритъ и болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи туземцевъ (Bulletin de la societé de geogr. de Paris. 1870, Vol. I, p. 435—468). Новокаледонцы вообще имѣютъ шоколадный или очень темный мѣднокоричневый цвѣтъ кожи, переходящій въ сажисто-черный, коричневые, но не рунообразные волосы, толстыя губы, большой ротъ и живые выразительные глаза.

Туземцы очень гордятся своимъ широкимъ, приплюснутымъ носомъ, которому отчасти придаютъ эту форму искуственнымъ образомъ, такъ какъ, по свидѣтельству Монрузье, новорожденнымъ дѣтямъ вдавливаютъ переносье. Д-ръ Бургарель упоминаетъ о нѣсколькихъ исключительныхъ случаяхъ видѣнныхъ имъ орлиныхъ носовъ, свойственныхъ папуасамъ. У туземцевъ большею частью выдающіяся скулы, прогнатичные передніе зубы, высокій, узкій и выпуклый лобъ, между тѣмъ какъ черепъ, изученіемъ котораго спеціально занимались гг. Бургарель и Бертилльонъ, представляетъ въ высшей степени характерныя

и на первый разъ какъ бы противорѣчивыя особенности. Самый черепъ узкій и очень возвышенный, лицо же, и преимущественно средняя его часть, имѣетъ при этомъ значительную ширину, такъ что черепъ въ поперечникѣ является какъ бы приплющеннымъ, а именно въ вискахъ. Многіе объясняли это явленіе искуственнымъ уродованіемъ, но Бертилльонъ доказываетъ противное. Онъ, напротивъ того, придаетъ значеніе сильному развитію челюсти у островитянъ и указываетъ на ея полное соотвѣтствіе съ височными мускулами. При этомъ онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что слишкомъ сильное и усердное жеванье способствуетъ сплющенію черепа съ боковъ и, препятствуя развитію мозговой массы въ этомъ направленіи, вытѣсняетъ ее въ высоту и длину. Бертилльонъ приходитъ также къ далеко не утѣшительному выводу для такъ наз. вегетаріанцевъ; по его мнѣнію, растительная пища, состоящая изъ вещей, требующихъ продолжительнаго и труднаго пережевыванія, ведетъ къ стиранію коренныхъ зубовъ и сплющенію мысщелковъ и, по меньшей мѣрѣ, можетъ считаться одной изъ причинъ акрокефаліи новокаледонца. Мы не знаемъ, имѣетъ ли какое-либо вліяніе на умственныя способности это преобразованіе черепа, происходящее само собою въ періодъ перехода отъ дѣтскаго возраста къ возмужалости; во всякомъ случаѣ, замѣчательно то, что, по достовѣрнымъ наблюденіямъ, у молодыхъ дикарей, какъ и у обезьянъ, съ приближеніемъ періода возмужалости проявляется ослабленіе умственной дѣятельности. Равнымъ образомъ, слѣдуетъ признать, что важныя анатомическія измѣненія антропоморфнаго черепа имѣютъ извѣстную аналогію съ тѣми, какимъ подвергается новокаледонскій черепъ. Бертилльонъ находилъ у дѣтей отъ 8—12 лѣтъ емкость черепа въ 1312 к. сант., которую можно считать совершенно достадочною, но при этомъ не было многихъ отличительныхъ признаковъ, характеризующихъ черепа взрослыхъ людей (Bertillon, Forme et grandëur des divers grouppes de crânes néo-calédoniens d'après une collection inédite du Musée de Caen comparés aux crânes parisiens, lapons et cafres. Rev. d'Anthrop. 1872, p. 250—288). По словамъ Патуллье, новокаледонецъ, особенно при жарѣ, выдѣляетъ своеобразный запахъ въ родѣ того, какой распространяется отъ большихъ хищныхъ звѣрей, отъ котораго послѣдній не можетъ избавиться даже при величайшей опрятности (Trois ans en Nouvelle Calédonie. Paris, 1873, p. 70).

Мейнике не знатокъ въ антропологіи и ничего не сообщаетъ о наружности новокаледонцевъ, о которой существуютъ различныя мнѣнія. Въ то время какъ иные называютъ ихъ самой безобразной породой людей на Тихомъ Океанѣ, капитанъ Тарди находитъ, что они вовсе не такъ дурны собою; нѣкоторые имѣютъ даже правильныя черты лица, а именно на восточномъ берегу, гдѣ, вѣроятно, была полинезійская помѣсь. Но во всякомъ случаѣ старѣющія женщины въ высшей степени некрасивы; онѣ ниже мужчинъ, которые вообще

ростомъ равняются европейцамъ (Patouillet, a. a. O., p. 67). Онѣ родятъ мало дѣтей; но и помимо того замѣчается быстрое уменьшеніе населенія отъ различныхъ причинъ. Тѣмъ не менѣе, Патуллье насчитываетъ ихъ до 70,000 (A. a. O., p. 66). Кукъ описываетъ туземцевъ дружелюбными и кроткими, между тѣмъ какъ, по словамъ всѣхъ французскихъ наблюдателей, они отличаются суровымъ характеромъ, хотя со временъ Кука ихъ нравы очень мало или даже вовсе не измѣнились. По свидѣтельству Лека (Léques), пробывшаго пятнадцать лѣтъ между туземцами, они рѣдко смѣются, не лгутъ и не воруютъ, ведутъ умѣренный и приличный образъ жизни (L'Explorateur, Vol. III, p. 409; 27 avril. 1876). Равнымъ образомъ, другіе изслѣдователи восхваляютъ ихъ мужество, храбрость и гостепріимство, и особенно высоко ставятъ ихъ умственныя способности.

Ново-каледонская хижина.

Если мужчины въ Каледоніи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ французскій путешественникъ, и ходятъ нагіе, то все-таки у нихъ видѣнъ большой прогрессъ въ смыслѣ приличія, потому что тѣ части тѣла, которыя прикрываются въ другихъ мѣстностяхъ, у нихъ украшены листомъ или кускомъ (наз. „mne“, или nny. См. D-r. Victor de Rochas. La nouvelle Calédonie et ses habitants. Paris. 1862, p. 148). Обычай обрѣзанія существуетъ повсемѣстно и совершается съ большой торжественностью. Ново-каледонцы, какъ всѣ папуасы, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ волосъ, которые они завиваютъ самыми различными способами, посыпаютъ известью и красной землей и совершенно обстригаютъ волосы только въ тѣхъ случаяхъ, когда изобиліе насѣкомыхъ черезчуръ безпокоитъ ихъ. Что же касается бороды, то мода не стѣсняетъ фантазіи отдѣльныхъ личностей, и всякій расчесываетъ ее, какъ ему вздумается.

Татуировка сильно распространена здѣсь, особенно между женщинами. Послѣднія одѣты очень прилично, такъ какъ онѣ прикрываютъ себя поясомъ въ 18—22 сант. ширины, съ длиннѣйшей бахромой, который онѣ обвиваютъ вокругъ бедеръ. Кромѣ того, онѣ носятъ сзади маленькій передникъ. Дѣвушки довольствуются болѣе узкимъ поясомъ, совершенно не соотвѣтствующимъ своей цѣли на островахъ Лояльти. Ушныя мочки проколоты, какъ и въ другихъ мѣстахъ, а послѣ смерти вождя, ихъ окончательно прорываютъ, въ знакъ печали. Женщины стригутъ себѣ волосы до корня или оставляютъ нѣсколько пучковъ, которые напудриваютъ известью, какъ бы въ подражаніе дамамъ временъ рококо, и потому легко можно себѣ представить, какими комическими кажутся онѣ европейцу, когда онъ застаетъ ихъ передъ нюренбергскимъ зеркаломъ, въ созерцаніи своего туалета. Тѣ изъ нихъ, которыя не могли пріобрѣсти этой драгоцѣнной утвари, пользуются изобрѣтеніемъ своихъ предковъ. По близости деревень можно видѣть вырѣзанныя въ стволахъ кокосовыхъ пальмъ небольшія корытца, которыя прежнія путешественники считали резервуарами для воды, между тѣмъ какъ они служатъ только въ качествѣ зеркалъ.

Ново-каледонцы вообще отличаются непомѣрнымъ чванствомъ. Если у него на готовѣ запасъ банановъ, то онъ смотритъ свысока на весь міръ. Но апетитъ его почти исключительно удовлетворяется растительной пищей, потому что онъ держитъ свиней и домашнюю птицу только для промѣна съ европейскими судами. Слѣдовательно, если ново-каледонцы до сихъ поръ устраиваютъ пирушки изъ человѣческаго мяса, то причина этого не недостатокъ въ мясной пищѣ и не голодъ, а одна прожорливость. Этого рода пирушки бываютъ у нихъ преимущественно во время празднества банановъ, когда оконченъ сборъ плодовъ и ихъ кладовыя переполнены запасами. Говорятъ, въ послѣдніе годы свиное мясо стало считаться у туземцевъ еще болѣе лакомымъ, нежели человѣческое, и не одинъ плѣнникъ избавился отъ опасности быть съѣденымъ, представивъ за себя выкупъ въ видѣ свиньи (Wiener Abendpost отъ 4 сентября 1878, S. 810). Б. Баланза утверждаетъ даже, что въ настоящее время людоѣдство совершенно вывелось на островахъ (Bull. Soc. géograp. Paris. 1873, Vol. I, p. 129); но все это не болѣе какъ прикрашенныя розсказни, которыя опровергаются самымъ положительнымъ образомъ тѣми ужасами, какіе описываетъ добросовѣстный Жюль Гарнье. Онъ наблюдалъ различныя празднества, сопровождаемыя людоѣдствомъ и, между прочимъ, на одномъ изъ нихъ видѣлъ старика съ сѣдыми волосами, который держалъ черепъ въ одной рукѣ, а другой вынималъ изъ него мозгъ острой палкой. При изготовленіи человѣческаго мяса, его завертываютъ предварительно въ банановыя листья и затѣмъ жарятъ между раскаленными камнями. Вожди выбираютъ себѣ лучшіе куски, а остальное дѣлятъ между присутствующими, смотря по ихъ званію и степени своей начальнической милости; женщины ничего не получаютъ, хотя иногда случается видѣть, что онѣ украдкой обгладываютъ кость. Даже въ южныхъ частяхъ острова людоѣдство прекратилось только у тѣхъ племенъ, которыя находятся въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ французами. Хотя Лекъ и утверждаетъ, что онъ не встрѣчалъ болѣе миролюбиваго народа, нежели ново-каледонцы, но, судя по описанію д-ра Роша, они храбры и неустрашимы и до страсти любятъ войну единственная цѣль которой большею частью заключается въ томъ, чтобы добыть покойниковъ для пиршества. Они мужественно идутъ на встрѣчу смерти; ихъ военное искусство основано главнымъ образомъ на военныхъ хитростяхъ, внезапныхъ нападеніяхъ и нерѣдко на низкой измѣнѣ. Воюющія стороны рѣдко встрѣчаются въ открытомъ полѣ и вступаютъ въ правильную битву. Если воинъ убитъ, то его товарищи спѣшатъ унести тѣло въ безопасное мѣсто; при третьей или четвертой жертвѣ, всѣ обращаются въ бѣгство не изъ трусости или страха, а съ тѣмъ, чтобы по возможности сохранить мертвыя

тѣла для пиршества. Въ битвахъ съ французами они бросались съ невѣроятною быстротою на землю при каждомъ выстрѣлѣ изъ ружья. Какъ только они слышали, что пуля просвистѣла, то опять вскакивали на ноги, и повторяли безконечное число разъ этотъ постыдный маневръ, который, по выраженію Пешеля, возбудилъ бы презрѣніе къ нимъ всѣхъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ солдатъ цѣлаго міра. Для битвъ на далекомъ разстояніи служитъ праща, сдѣланная изъ свитыхъ кокосовыхъ волоконъ, съ помощью котораго они бросаютъ остроконечныя стрѣлы на 200 м. Тотъ фактъ, что они на основаній опыта убѣдились въ преимуществѣ острыхъ стрѣлъ, дѣлаетъ немалую честь ихъ наблюдательности. Кромѣ того, они употребляютъ для отдаленныхъ битвъ тонкое неотравленное копье изъ твердаго дерева, заостренное съ обоихъ концовъ, которое бросаютъ на 40—50 шаговъ посредствомъ петли, прикрѣпленной къ центру тяжести; при метаніи въ эту петлю продѣваютъ указательный палецъ. Національнымъ оружіемъ для рукопашнаго боя служила прежде дубина изъ змѣевика, съ полированной поверхностью, гладкой какъ зеркало; но въ настоящее время ее носятъ только богатые вожди въ видѣ украшенія, такъ какъ она повсемѣстно вытѣснена европейскимъ топоромъ, которымъ туземцы владѣютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ

Ново-каледонцы какъ и всѣ папуасы сравнительно, съ полинезійцами, плохіе моряки; выѣзжая въ море на своихъ двойныхъ пирогахъ,—служащихъ для военнъіхъ цѣлей и представляющихъ собою въ сущности простыя оснащенныя суда,— они никогда не теряютъ изъ виду земли. Колья, пригнутые крестообразно къ землѣ и обнесенные плетнемъ, образуютъ стѣны ихъ домовъ. Круглая хижина, крытая соломой, тѣмъ болѣе походитъ на улей,что всего оставляется одно отверстіе, въ 60—75 сант. вышины и около 40—50 сант. ширины, которое служитъ одновременно дверью, окномъ и дымовой трубой. Въ хижинѣ постоянно поддерживается огонь. Жилища вождей украшены своеобразной рѣзьбой; передъ ними, въ видѣ отличія, воткнуты шесты, на которыхъ надѣты черепа убитыхъ и съѣденныхъ непріятелей. Женщины и дѣвушки имѣютъ свои особые дома четырехъ угольной формы; они гораздо ниже остальныхъ хижинъ. Деревни, которыя далеко не величественны, судя по описанію Патуллье (Trois ans en Nouvelle Calédonie, p. 74), состоятъ большею частью изъ подобныхъ хижинъ, разсѣянныхъ среди плантацій. Промышленность весьма незначительна у ново-каледонцевъ; они изготовляютъ и красятъ нѣкоторыя ткани далеко не высокаго достоинства; но ихъ глинянная муравленная посуда имѣетъ довольно красивую форму, и имъ вообще нельзя отказать въ художественномъ вкусѣ. Флейта составляетъ единственный музыкальный инструментъ туземцевъ; это дугообразный тростникъ, въ метрѣ длиною, съ двумя отверстіями на обоихъ концахъ; въ одно изъ нихъ виртуозъ дуетъ, смотря по желанію, ртомъ или ноздрями, между тѣмъ какъ другое онъ нажимаетъ большимъ пальцемъ. Само собою разумѣется, что на этой флейтѣ нельзя выполнить никакихъ сложныхъ или замысловатыхъ мотивовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ здѣсь вошелъ въ употребленіе европейскій рожокъ, музыкальное развитіе сдѣлало большіе успѣхи, особенно между женщинами. Ново-каледонцы имѣютъ свою устную „литературу“, состоящую изъ разсказовъ о волшебницахъ, привидѣніяхъ и богатыряхъ. Лучшіе ново-каледонскіе поэты всегда кончаютъ благополучно свои исторіи, такъ какъ этого, повидимому, требуетъ мѣстный вкусъ. Что касается ариѳметическихъ способностей, то туземцы гораздо менѣе одарены ими, хотя между ними встрѣчаются и такіе субъекты, которые въ состояніи сосчитать до 100. Въ употребленіи простыхъ медицинскихъ средствъ они даже выказываютъ извѣстную опытность. Какъ у всѣхъ неразвитыхъ народовъ, врачи выдаютъ себя за чародѣевъ, и съ помощью фокусовъ умѣютъ извлечь изъ тѣла больного какой нибудь посторонній предметъ, обыкновенно камень, который считаютъ геніемъ болѣзни. Повивальное искусство находится

у нихъ въ дикомъ состояніи и, между различными звѣрскими средствами въ большомъ употребленіи одинъ способъ леченія, называемый „банановымъ". Онъ состоитъ въ томъ, что паціентку заставляютъ глотать прямо съ огня вареные незрѣлые бананы. Эти плоды сами по себѣ безвредны; но къ нимъ примѣшивается другое снадобье, до сихъ поръ не открытое, которое служитъ для умерщвленія плода. Довольно часто можно услышать отъ туземцевъ такое выраженіе: „вотъ она также принимала бананы". Къ этому средству прибѣгаютъ не только дѣвушки, но и женщины, чтобы избавить себя отъ труда кормленія и сохранить долѣе красоту своего тѣла.

Женщина не болѣе какъ раба и наложница своего мужа, который даже не выноситъ ея присутствія во время обѣда. Число женъ обыкновенно не бываетъ болѣе 3—4-хъ и только у самыхъ могущественныхъ вождей оно доходитъ до 13-ти. У ново-каледонцевъ, какъ и у всѣхъ народовъ, у которыхъ господствуетъ полигамія, родится больше женщинъ, нежели мужчинъ. Кромѣ того, война значительно уменьшаетъ цифру послѣднихъ. „Старыя дѣвы" нигдѣ не встрѣчаются при многоженствѣ; но въ Новой Каледоніи очень много женщинъ осуждено на безбрачіе, а именно тѣ, которыя въ юности были обручены съ вождями; если послѣдніе отказались отъ нихъ, то никто не отваживается взять ихъ себѣ въ жены.

Что касается дальнѣйшихъ, трудно поддающихся описанію, но тѣмъ не менѣе этнографически весьма важныхъ общественныхъ отношеній, то мы считаемъ наилучшимъ привести здѣсь слова ученѣйшаго изъ нѣмецкихъ этнографовъ, О. Пешеля. Онъ замѣчаетъ по поводу вышеупомянутыхъ отвергнутыхъ невѣстъ, что, такъ какъ онѣ не представляютъ собой весталокъ, то предаются распутству, послѣдствія котораго приходится устранять съ помощью бананового леченія. [Впрочемъ, полигамія обусловливается и суевѣрными обычаями. На женщину наложенъ „tabu", т. е. она становится неприкосновенною для мужчины во время менструаціи, беременности и кормленія, хотя послѣднее продолжается по меньшей мѣрѣ около трехъ лѣтъ. Этимъ объясняется также незначительное количество дѣтей и частые случаи искусственныхъ выкидышей. Брачная жизнь продолжается короткое время; она начинается для женщины, достигающей зрѣлости въ 12—13 лѣтъ, только въ 16—17-ти лѣтнемъ возрастѣ и кончается къ 25 годамъ. Причина, почему дѣвушки такъ долго сохраняютъ свое цѣломудріе, заключается въ суевѣрномъ представленіи, что преждевременное наслажденіе неизбѣжно влечетъ за собою смерть. Дѣвушки, вступая въ бракъ, со страхомъ и содраганіемъ позволяютъ прикоснуться къ себѣ; и поэтому долженъ быть призванъ жрецъ, который, съ помощью своеобразнаго крещенія „цѣломудренной водой", отвлекаетъ послѣдствія первыхъ половыхъ сношеній; тогда страсти проявляются во всей силѣ, и Мессалины, по словамъ д-ра Роша и вопреки увѣреніямъ Баланза, не составляютъ рѣдкости, несмотря на то, что нарушеніе супружеской вѣрности наказывается смертью. Мужчины предаются разврату въ болѣе юномъ возрастѣ и удовлетворяютъ свои страсти противоестественными способами. То, что обыкновенно признается извращеніемъ цивилизаціи и составляетъ у насъ исключеніе, процвѣтаетъ во всей силѣ въ такъ называемомъ блаженномъ и невинномъ состояніи первобытныхъ человѣческихъ расъ. Разводъ также въ обычаѣ, но само собою разумѣется, что только одинъ мужчина можетъ отвергнуть жену. Невѣста не вноситъ въ домъ никакого приданаго; равнымъ образомъ, за нее не платятъ выкупа; но мужъ въ особенныхъ случаяхъ дѣлаетъ подарки родителямъ своей жены. Ново-каледонцы боязливо избѣгаютъ въ бракахъ всѣ близкія степени родства съ отцовской, но не съ материнской стороны, и при этомъ каждый обязанъ жениться на вдовѣ своего брата. Они такъ опасаются кровосмѣшенія между братьями и сестрами, что сестра никогда не смѣетъ подойти къ своему брату, хотя повидимому родственная связь очень сильна между ними. (Ausland, 1862, S. 1092).

Нѣжность родителей къ дѣтямъ очень пылкая, но остываетъ очень скоро. Жизнь отца и старшаго брата остается всегда неприкосновенною для дѣтей и братьевъ. Отецъ—начальникъ семьи; вожди считаются отцами деревенской общины, но надъ ними поставленъ, въ качествѣ монарха и родоначальника, глава племени, который, если не всегда бываетъ самый богатый, то во всякомъ случаѣ изъ значительнѣйшихъ людей. Его политическое могущество ограничено своего рода сенатомъ, который составляется изъ вождей отдѣльныхъ деревень и старѣйшихъ людей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пользуется даровымъ трудомъ, и всѣ работаютъ для него съ величайшею готовностью. Народъ преклоняется предъ нимъ до обожанія и не ропщетъ, если онъ убьетъ котораго нибудь изъ своихъ подданныхъ на жаркое для праздника, потому что въ этомъ поступкѣ проявляется величіе властелина. Ново-каледонцы вообще не сообщительны и даже между родственными племенами поддерживаются слабыя сношенія. Каждое племя живетъ особнякомъ, такъ какъ посѣщенія, изъ боязни быть убитымъ или съѣденнымъ, дѣлаются только по приглашенію на „Pilupilu", т. е. празднество жатвы, сопровождаемое танцами, которое подробно описано Гарнье (Globus, Bd. XV, S. 163) и Патуллье (Trois ans en Nouvelle Caledonie, p. 177—186). При этомъ гости для большей предосторожности собираются многочисленными и вооруженными полчищами. Весьма немногіе народы ведутъ такую замкнутую жизнь, чуждую всякихъ перемѣнъ, какъ ново-каледонцы, которые родятся и умираютъ въ узкомъ районѣ своего племени, чѣмъ и объясняется различіе ихъ нарѣчій, доходящее до такой степени, что даже сосѣднія племена не понимаютъ другъ друга. Но рядомъ съ этимъ, другія явленія ихъ жизни представляютъ странный и неожиданный контрастъ съ ихъ несомнѣнною дикостью. Прежде всего можно сказать это объ ихъ способѣ воздѣлыванія земли. Топоромъ и огнемъ превращаютъ они густые лѣса и кустарники (jungles) въ обработанную землю и заботятся объ искусственномъ орошеніи полей. О животномъ удобреніи, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, при отсутствіи домашняго скота. Поэтому ново-каледонцы унавоживаютъ свои поля торфомъ, остатками растеній, обращенныхъ въ золу, и даже черепками раковинъ, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ безплодная глинистая почва, содержащая желѣзо, требуетъ мергельнаго удобренія.

Такимъ образомъ, мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ умственныхъ способностяхъ ново-каледонцевъ, хотя въ то-же время не только людоѣдство, но и другіе существующіе у нихъ обычаи ясно показываютъ, что они не уступаютъ въ свирѣпости хищнымъ звѣрямъ. Если заболѣваетъ пожилой мужчина или женщина, а иногда и помимо этого, то имъ грозитъ опасность быть отправленными на тотъ свѣтъ ихъ наслѣдниками. Подобныя дѣянія они величаютъ съ наглой ироніей „праздникомъ стариковъ". Большею частью глава семьи объявляетъ, что наступила пора для такого праздника его отца или матери, такъ какъ онъ находитъ, что они достаточно пожили и годятся для погребенія. Говорятъ, бывали случаи, что сами старики предлагали своимъ дѣтямъ позаботиться объ ихъ вѣчномъ успокоеніи. За три или четыре года до исполненія такого приговора, каждый старается оказать какое нибудь благодѣяніе обреченной жертвѣ и исполнить всѣ ея желанія, если даже они противорѣчатъ постановленіямъ „tabu". Въ назначенный день осужденный, съ полнымъ присутствіемъ духа, садится въ могилу и скоро погибатъ отъ рукъ своихъ могильщиковъ. Впрочемъ, ново-каледонцы рѣдко достигаютъ глубокой старости: Патуллье не случалось видѣть мужщинъ или женщинъ старше 60 лѣтъ; обыкновенно они умираютъ въ 40-лѣтнемъ возрастѣ, преимущественно отъ легочныхъ страданій, которыя, впрочемъ, появились у нихъ съ прибытіемъ бѣлыхъ людей. Изъ другихъ разрушительныхъ болѣзней, которымъ Роша посвящаетъ особую главу (La Nouvelle Calédonie, p. 126—138), всего болѣе распространены: сифилисъ, золотуха и слоновое перерожденіе.

О религіи туземцевъ мы имѣемъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія. Баланза утверждаетъ положительнымъ образомъ, что они не имѣютъ никакого понятія о божествѣ (Bull. soc. géograph. Paris. 1873, Vol. I p. 127), между тѣмъ какъ, по словамъ Лека, они вѣрятъ въ божество и въ будущую жизнь (Explorateur, Vol. III, p. 410). Но во всякомъ случаѣ ихъ религія не достигла высокаго развитія. Въ каждомъ племени есть нѣсколько человѣкъ „tagata", впадающихъ въ изступленіе, которые, находясь въ этомъ состояніи, вступаютъ въ общеніе съ душами умершихъ. Туземцы представляютъ себѣ загробную жизнь довольно схожею съ земною, съ тою разницей, что на томъ свѣтѣ господствуетъ изобиліе кореньевъ яма, которые имѣютъ такую цѣну для живыхъ людей. Добрые люди будутъ награждены послѣ смерти, а злые наказаны. Въ царствѣ тѣней нѣтъ великаго вождя, а только гигантскіе злые духи, которые живутъ тамъ же, гдѣ и умершіе злые люди. Такъ повѣствуютъ духовидцы ново-каледонцамъ, которые охотно слушаютъ подобные разсказы, служащіе для нихъ основой нравственности и религіи. Ихъ степень развитія чрезвычайно поучительна въ настоящее время, когда стараются уловить связь между восходящими фазисами человѣческой жизни.

Жители острововъ Фиджи, или Вити.

Архипелагъ Фиджи *) считается обыкновенно послѣдней группой острововъ, принадлежащихъ къ Меланезіи, и представляетъ собою болѣе сотни острововъ различной величины, изъ которыхъ едва ли половина населена жителями. Общее пространство занимаемой ими площади почти равняется Греческому королевству, между тѣмъ какъ населеніе острововъ, перешедшихъ во власть Англіи 10 октября 1874 года, не достигаетъ, по весьма сомнительнымъ вычисленіямъ, 100—150,000 чел. и сверхъ того постоянно уменьшается въ числѣ. Но и до этого времени островитяне имѣли столько сношеній съ бѣлыми людьми, что на двухъ главныхъ островахъ, Вити-Леву и Вана-Леву, первобытность нравовъ давно утрачена. Вліяніе англичанъ настолько отразилось на старомъ чернокожемъ „королѣ" людоѣдовъ, Такомбау (Thakombau), что въ ноябрѣ 1871 г. въ его столицѣ, Левука на Овалау, мѣстный парламентъ открылъ свое первое засѣданіе (Beilage zur Algemeine Zeitung, Nr. 41 vom 10 Febr. 1872, S. 616), послѣ многихъ предварительныхъ переговоровъ съ британскимъ правительствомъ (см. Edinburg Review, October. 1872, p. 429—461).

*) Общепринятое названіе Фиджи, англ. Fiji, неправильно, потому что туземцы называютъ себя Kai—Viti (Kai-человѣкъ) съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, какъ во всѣхъ полинезійскихъ словахъ.

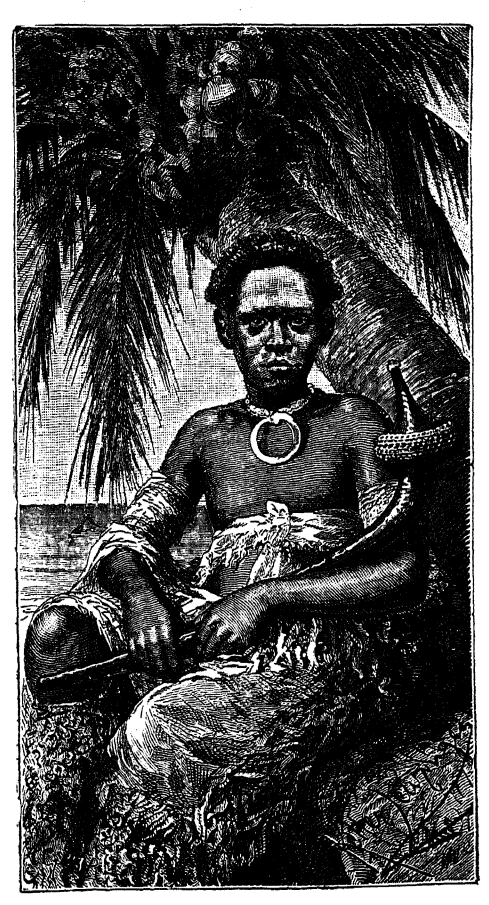
Благодаря этому, архипелагъ Фиджи въ своемъ настоящемъ видѣ крайне интересенъ въ этнографическомъ и культурно-историческомъ отношеніи по переходному состоянію жителей. На здѣшнихъ туземцахъ, еще совершенно дикихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, можно прослѣдить самымъ нагляднымъ образомъ вліяніе Европы и христіанства, принятаго большинствомъ народа.

Между систематиками до сихъ поръ существуетъ сильное разногласіе относительно того мѣста, какое должны занимать островитяне при классификаціи человѣческаго рода. Между тѣмъ, можно почти съ увѣренностью считать ихъ смѣшаннымъ племенемъ съ преобладающимъ въ антропологическомъ отношеніи папуасскимъ типомъ. Чистокровный островитянинъ носитъ на себѣ всѣ признаки папуасской расы. Тѣмъ не менѣе, въ строеніи черепа довольно сильно проявляется полинезійское вліяніе. По изслѣдованіямъ Т. Клейншмидта, а именно на главномъ островѣ Вити-Леву, хотя и сохранилось очень много своеобразного, но еще замѣтнѣе слѣды полинезійской національности. Краснорѣчивымъ доказательствомъ справедливости этого предположенія служитъ языкъ, а равно и многія легенды, напр., о прекрасномъ Рорардини (см. у W. T. Pritchard, Polynesian Reminiscences, or life in the south pacific Islands. London, 1866, p. 334—387).

По словамъ д-ра Макса Бюхнера, который пробылъ довольно долгое время на о. Кандаву и внимательно изучалъ мѣстное населеніе, островитяне красивые, стройные и мускулистые люди; въ среднемъ выводѣ они выше и сильнѣе европейцевъ и отличаются болѣе равномѣрнымъ ростомъ и развитіемъ тѣла безъ тѣхъ крайностей, какія встрѣчаются у насъ въ видѣ великановъ, карликовъ, толстяковъ и совершенныхъ скелетовъ. Черты ихъ лица большею частью пріятныя и облагороженныя и только въ рѣдкихъ случаяхъ настолько суровыя и грубыя, какъ этого можно ожидать отъ потомковъ самыхъ ужасныхъ людоѣдовъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія человѣчества. У нихъ широкій носъ, ноздри, какъ у всѣхъ полинезійцевъ, слишкомъ открыты; скулы умѣренныя и мало выдающіяся. Ротъ не дуренъ, хотя съ полными чувственными губами. Глаза съ горизонтальнымъ разрѣзомъ, темноголубаго цвѣта, волоса черные, но большею частью окрашенные въ красную краску; кожа коричневая, шоколадная, съ красноватымъ отливомъ, то̀ свѣтлая, то болѣе темная (Buchner, Reise durch den Stillen Ocean. Breslau. 1878, p. 227—228). Бюхнеру не приходилось встрѣчать голубоватого оттѣнка кожи, который приписываютъ туземцамъ гг. Герландъ и Пешель. Волоса у нихъ курчавые и въ настоящее время очень коротко обстриженные, такъ что Бюхнеръ видѣлъ всего одинъ разъ у пятилѣтней дѣвочки волоса, похожіе на шерсть пуделя, которые Уоллесъ признаетъ характернымъ признакомъ папуасовъ. Борода у островитянъ, преимущественно у знатныхъ, довольно густая. У стариковъ бѣлые волосы и бѣлыя бороды. Между молодыми женщинами—продолжаетъ Бюхнеръ—встрѣчаются красивыя, привлекательныя личности, съ пріятными чертами лица. Формы тѣла бываютъ иногда вполнѣ роскошныя. Но вообще, здѣшнія женщины, перейдя пору первой молодости, окончательно утрачиваютъ женскую грацію, которой отличаются европейскія женщины, и по типу становятся похожими на мужчинъ, чему способствуютъ и коротко остриженные волосы. Онѣ вообще очень скоро увядаютъ и старѣютъ. Груди у нихъ, даже у дѣ-

вушекъ, едва достигшихъ зрѣлости, отличаются сильно выдающимися и какъ бы срѣзанными сосками, что придаетъ имъ грушевидную форму.

Что касается образованія черепа, то, по самымъ точнымъ измѣреніямъ д-ра Рудольфа Краузе, пользовавшагося матеріаломъ Гамбургскаго музея Годеффруа, островитяне имѣютъ возвышенный узкій гипси-стенокефалическій черепъ, при чрезмѣрной долихокефаліи. Емкость 74 измѣренныхъ череповъ достигаетъ въ общемъ выводѣ 1359,2 сант., съ колебаніемъ 1680—1040 сант., среднимъ числомъ для мужчинъ 1368, для женщинъ 1269,4 сант. и слѣдовательно превосходитъ емкость череповъ жителей Новогебридскихъ острововъ и архипелага Новой Британіи. Этотъ выводъ стараются обыкновенно согласить съ извѣстіями путешественниковъ, вслѣдствіе чего описываютъ ихъ сравнительно очень развитымъ народомъ, занимающимъ первое мѣсто между жителями Меланезіи. По мѣрѣ передвиженія съ запада на востокъ, увеличивается продольный указатель ширины и высоты, между тѣмъ какъ поперечно вертикальный указатель уменьшается, что служитъ доказательствомъ увеличенія ширины черепа и уменьшенія высоты по отношенію къ длинѣ. Это явленіе объяснимо только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ постороннее вліяніе на мѣстное населеніе, и д-ръ Краузе справедливо приписываетъ его помѣси съ короткоголовыми жителями Тонга, такъ какъ доказано, что послѣдніе находятся въ близкихъ сношеніяхъ съ лежащими на востокъ островами Фиджи (Schmeltz und Krause. Die ethnographisch-ethnologische Abtheilung des Museum Godeffroy, S. 549—552).



Мальчикъ съ острововъ Фиджи.

Частыми сношеніями жителей трехъ сосѣднихъ группъ острововъ Фиджи, Тонга и Самоа, объясняется тождество многихъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, питье „kawa“, смертная казнь за нарушеніе супружеской вѣрности, срѣзываніе суставовъ на пальцахъ руки въ знакъ траура по умершемъ, татуировка и обрѣзаніе, предпочтеніе брата сыну при наслѣдованіи, преемничество званія отъ матери къ дѣтямъ, право наслѣдства, предоставленное племянникамъ (сыновьямъ сестры).

Языкъ островитянъ, представляющій видоизмѣненіе полинезійскаго, по свидѣтельству Бюхнера, отличается еще большимъ благозвучіемъ, нежели говоръ Маори въ Новой Зеландіи. При этомъ произношеніе отличается замѣчательною внятностью. На островахъ Фиджи стоитъ только разъ услышать какое-нибудь слово, чтобы потомъ тотчасъ узнать его при повтореніи.

Островитяне Фиджи выговариваютъ совершенно чисто язычную букву р, между тѣмъ какъ у жителей Гаваьи, говоръ которыхъ также изучалъ Бюхнеръ, преобладаетъ гортанный звукъ р. Одни только островитяне Фиджи и Самоа имѣютъ букву s, которой нѣтъ у другихъ полинезійцевъ. Но у нихъ вовсе не встрѣчается придыхательнаго s, подобнаго нѣмецкому sch, которое большею частью замѣняется въ ихъ языкѣ, какъ и у арабовъ, грековъ, испанцевъ и англичанъ, своеобразнымъ theta (острымъ англ. th). Бюхнеръ никогда не слыхалъ, чтобы туземцы выговаривали „Schilling", а всегда только „Thilling". Другая особенность ихъ языка, напоминающая западно-африканскихъ негровъ, заключается въ томъ, что передъ буквами d, g, k и m всегда ставятъ n, а также m передъ b въ видѣ приставокъ. Поэтому миссіонеры, бывшіе первыми грамматиками на островахъ Фиджи, ввели правописаніе, по которому пишутъ: kadavu, bega, bau, thakobau, buke, dalo, malatta, galoa, между тѣмъ какъ эти слова выговариваются: kandavu, mbenga, mbau, thakombau, mbuke, ndalo, nmalatta или namalatta, ngaloa или angaloa. Между тѣмъ это повело только къ ненужному усложненію и поставило въ зависимость отъ знанія вышеупомянутаго правила вѣрное произношеніе словъ и существующихъ исключеній. Для передачи звука th (англ. мягкое th) въ языкѣ островитянъ Фиджи многіе употребляютъ букву с, вслѣдствіи чего пишутъ также cakobau.

На островахъ Фиджи существуетъ еще множество діалектовъ, которые почти равняются числу отдѣльныхъ острововъ, если мы примемъ во вниманіе разныя лингвистическія тонкости.

На островахъ Фиджи мы встрѣчаемъ въ первый разъ набивку на своеобразной мѣстной ткани изъ древесной коры, наз. „masi" и служащей для одежды, которая встрѣчается также на оо. Тонга, Самоа и Футуна. Эта набивка представляетъ собою какъ бы начало письменности, потому что изображаемые знаки имѣютъ особое значеніе у отдѣльныхъ племенъ и даже семействъ.

Формы, употребляемыя для набивки, повидимому, достигли значительной степени совершенства; по крайней мѣрѣ формы и катки, употребляемыя для набивки линій на ткани, видѣнныя Клейншмидтомъ на островахъ Фиджи, не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Но при этомъ здѣсь не имѣютъ никакого понятія объ идолахъ, вырѣзанныхъ изъ дерева.

Парики встрѣчаются только на однихъ островахъ Фиджи; изъ украшеній особенно замѣчательны грудныя бляхи изъ моржеваго зуба, иногда перемѣшаннаго съ перламутромъ, которыя могутъ служить замѣчательнымъ образчикомъ вкуса и трудолюбія туземцевъ. Употребленіе раковинъ въ видѣ украшеній далеко не такъ распространено здѣсь, какъ на другихъ папуасскихъ островахъ, такъ какъ ихъ замѣняетъ моржевый зубъ. Равнымъ образомъ, серьги почти не встрѣчаются; единственнымъ украшеніемъ ушей служитъ воткнутый въ отверстіе ушной мочки кусокъ бамбука или кольцо изъ моржеваго зуба. Между тѣмъ, мы находимъ у Бюхнера слѣдующее описаніе украшеній, употребляемыхъ на о. Кандаву: „Темнокожіе туземцы были увѣшаны всевозмож-

ными украшеніями. Браслеты изъ точеныхъ раковинъ обвивали суставы рукъ; къ шеѣ привязаны были крестообразно кривые клыки бабируса (индѣйская кривозубая свинья), привезенные изъ отдаленныхъ западныхъ островомъ въ числѣ другихъ товаровъ, а также множество нитокъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ съ большимъ вкусомъ разнообразными узорами и связанныхъ на подобіе галстуха съ двумя концами. У многихъ лобъ былъ завязанъ платкомъ въ видѣ чалмы, служившей также для храненія денегъ при полномъ отсутствіи одежды. Но табакъ былъ привѣшенъ къ проткнутому уху, какъ у новозеландскихъ маори. Не видя ихъ, трудно было бы себѣ представить, до какихъ размѣровъ можетъ быть доведена эта часть человѣческаго тѣла. У нѣкоторыхъ отверстія въ ушахъ, вслѣдствіе постепеннаго растяженія, превратились въ настоящія петли, которыя висѣли до плечъ и были настолько велики, что въ нихъ можно было продѣть пять пальцевъ руки на 3 сант. Къ ушамъ были привѣшены кусочки свинцу, металлическія пуговицы, проволока и тому подобныя попавшіяся подъ руку вещи, а одинъ прицѣпилъ даже къ нимъ ключикъ отъ часовъ съ черной ниткой“ (Reise durch den Stillen Ocean, S. 200—201). Равнымъ образомъ, относительно украшеній кожи, наблюденія, сдѣланныя Бюхнеромъ въ Кандаву, рознятся отъ общей характеристики архипелага, представленной Шмидтомъ. По словамъ послѣдняго, здѣсь впервые встрѣчается полинезійскій обычай татуировки посредствомъ накалыванія иглой, хотя одновременно съ этимъ сохранились слѣды папуасскаго способа въ украшеніи груди и рукъ шрамами (Die ethnogr.-anthrop. Abtheil. des Museums Godeffroy, S. 29). Бюхнеръ прямо говоритъ: „Татуировка никогда не употреблялась на островахъ Фиджи. Только жены знатнѣйшихъ вождей заставляли татуировать себѣ по обѣимъ сторонамъ рта круглыя голубыя пятна, величиною въ марку, что еще можно встрѣтить иногда на пожилыхъ особахъ, между тѣмъ, какъ прославленные воины часто вымазывали себѣ лицо красной, бѣлой и черной красками, въ видѣ правильныхъ прямыхъ линій, но всегда такимъ способомъ, чтобы казаться насколько возможно страшнѣе“ (Reise durch den Stillen Ocean, S. 225). І. Шмидтъ, напротивъ того, распространяется о накожныхъ шрамахъ, часто встрѣчаемыхъ у лицъ различнаго возраста и обоего пола, какъ объ особенности, тотчасъ же бросающейся въ глаза. По его словамъ, всѣ эти симметрически выведенные на спинѣ шрамы, величиною съ бобъ, не много продолговатой округленной формы, могли произойти только отъ болѣе или менѣе продолжительнаго растравленія небольшихъ ранъ (A. a. O. S. 201—203). Мейнике такъ же, какъ и Бюхнеръ, пришелъ къ тому убѣжденію, что татуировка встрѣчается только между женщинами, а у мужчинъ составляетъ величайшую рѣдкость (Die Inseln des Stillen Ozeans, Bd. II, S. 32). Миссіонеръ Томасъ Уилльямсъ высказываетъ предположеніе, что она потому незамѣтна у женщинъ, что узоры выведены на тѣхъ частяхъ тѣла, которыя покрыты длинной юбкой „liku“ (Fiji and the Figians. London 1858. Bd. I S. 160). Что касается туземного оружія, то употребляются копья изъ цѣльнаго куска дерева, но безъ двойнаго крючка, и такія, которыя составляются изъ четырехъ остроконечныхъ палокъ, привязанныхъ плетеными кокосовыми волокнами; затѣмъ метательныя дубины („Ulo“), звѣздообразныя и похожія на ружья палицы. Образцомъ для послѣднихъ, вѣроятно, послужили мушкеты испанцевъ, посѣтившихъ Тихій Океанъ въ шестнадцатомъ столѣтіи. Кромѣ того, употребляются лукъ и стрѣлы съ простымъ остріемъ или съ четырьмя расходящимися лучами, на случай охоты за крыланами (летучій песъ, Pferopus). Изготовленіе глинянной посуды отличается такимъ искусствомъ и тщательной отдѣлкой, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни на одной изъ группъ Меланезійскихъ острововъ.

Дубины и копья островитянъ Фиджи; сахарный тростникъ и вѣтви хлѣбнаго дерева (Artocarpus incisa).

Притчардъ совершенно неосновательно ставитъ умственное развитіе островитянъ Фиджи выше туземцевъ Тонга; но они во всякомъ случаѣ искуснѣе своихъ полинезійскихъ сосѣдей въ изготовленіи домашней утвари, превосходятъ ихъ въ нравственномъ отношеніи и несравненно добродушнѣе. Бюхнеръ находитъ, что „со стороны интеллектуальной они не многимъ стоятъ ниже нѣмецкихъ крестьянъ, которые далеко уступаютъ имъ въ обходительности и внѣшнихъ пріемахъ. Ихъ добродушіе, привѣтливость и веселость должны подкупать всякаго, кто стоитъ выше предразсудковъ, связанныхъ съ цвѣтомъ кожи...“ Вообще, нагіе островитяне сдѣлали на Бюхнера впечатлѣніе самыхъ счастливыхъ людей въ мірѣ. Миссіонеры еще не успѣли лишить ихъ свойственной имъ дѣтской веселости; христіанство также мало отразилось на ихъ первобытной одеждѣ, что весьма утѣшительно, потому что европейское платье только изнѣжило бы ихъ, тѣмъ болѣе, что они не знаютъ какъ употреблять его. Они, вѣроятно, одѣвали бы его только днемъ, чтобы пощеголять во время солнечной жары, а на ночь, въ виду сбереженія драгоцѣнныхъ вещей, заботливо прятали бы ихъ и ложились бы нагими на свои старыя рогожи, какъ это не разъ приходилось наблюдать Бюхнеру.

До принятія христіанства, мужчины, по способу, принятому у папуасовъ,

носили свои длинные и курчавые волосы въ видѣ громадныхъ париковъ, взбитыхъ вверхъ и въ ширину, съ цѣлью нѣкоторой защиты отъ ударовъ дубины. До десяти лѣтъ, а иногда и долѣе, дѣти обоего пола ходили совершенно нагіе. Около этого времени совершалось обрѣзаніе, потому что мальчики раньше установленнаго срока считались нечистыми. Затѣмъ, черезъ извѣстный промежутокъ времени, они обвивали вокругъ бедеръ узкій кусокъ рогожи, которая въ настоящее время замѣнена набивной тканью „Malo", усиливающееся производство которой подробно описано Уилльямсомъ (Fiji and the Fijians, Bd. I, p. 65—66). Женщины и въ тѣ времена стригли себѣ коротко волосы и носили „Liku", т. е. юбку въ 50—80 сант. длины изъ узкихъ камышевыхъ листьевъ, прикрѣпленныхъ къ веревкѣ изъ кокосовыхъ волоконъ. Эта одежда, напоминающая до христіанскую эпоху, повидимому, существуетъ еще на Вити-Леву у немногихъ племенъ, сохранившихъ свою независимость. Вездѣ, гдѣ властвуютъ миссіонеры, лица обоего пола коротко обстригаютъ себѣ волосы и носятъ „Sulu", кусокъ шерстяной матеріи, въ 2 метра длины, которой обвиваютъ бедра. Женщинамъ, кромѣ того, миссіонеры навязали коротенькую рубашку („Pinnefore"), доходящую до средины живота, но въ которой онѣ обыкновенно щеголяютъ только въ церкви. Онѣ, повидимому, не особенно дорожатъ ею и не понимаютъ ея нравственнаго значенія въ смыслѣ прикрытія наготы, потому что внѣ церкви носятъ ее съ снятыми рукавами и закинутою за плечи. Для рыбной ловли женщины все еще надѣваютъ старомодный „Liku", потому что въ водѣ онъ удобнѣе, нежели пристающій къ тѣлу „Sulu". Хотя островитяне Фиджи ходятъ почти нагіе, но они все таки имѣютъ нѣкоторое чувство стыдливости, потому что, по словамъ Чарльса Уилька, считаютъ крайне неприличнымъ показывать все тѣло (Ausland 1848, S. 346). За малыми исключеніями полной первобытной наготы, д-ръ Бюхнеръ могъ прослѣдить различныя степени примѣненія европейской одежды до самой высшей, т. е. до ношенія шляпы и панталонъ.

Жилища островитянъ очень разнообразны по своей формѣ; но большею частью это низкія продолговатыя хижины четырехугольной формы, изъ листвы, пальмовыхъ листьевъ и тростника, которыя привязываются въ видѣ разнообразныхъ узоровъ къ крѣпкому частоколу, образующему стѣны. Уилльямсъ подтверждаетъ мнѣніе д-ра Пиккеринга (The Races of man, p. 152), что, изъ всѣхъ такъ называемыхъ дикихъ народовъ, островитяне Фиджи отличаются наибольшимъ художественнымъ вкусомъ и что ихъ строительное искусство достигло значительнаго развитія (Figi and the Fijians, Bd. I, p. 85). Чрезвычайно характерны, въ смыслѣ первобытной древней архитектуры, стропила изъ обугленныхъ и конически утолщенныхъ стволовъ древовиднаго папортника, выступающія на 1 м. по обѣимъ сторонамъ кровли. Двери настолько низки, что приходится входить въ хижину ползкомъ; онѣ обыкновенно огорожены низкимъ частоколомъ для защиты отъ свиней, которыя свободно разгуливаютъ по деревнѣ. Полъ внутри покрытъ рогожами, подъ которыми сдѣлана настилка изъ папоротника, такъ что очень мягко лежать на немъ. Онъ содержится въ величайшей чистотѣ. Плевать на полъ считается въ высшей степени неприличнымъ; нужно приподнять рогожу и плюнуть на папоротниковую настилку. Само собою разумѣется, что это соблюдаютъ только знатные люди; бѣдные не такъ взыскательны относительно чистоты. У островитянина нѣтъ постели: онъ спитъ на мягкомъ рогожномъ полу; около него, у стѣны, горитъ небольшой огонь, который онъ время отъ времени раздуваетъ опахаломъ; подушкой служитъ ему, по полинезійскому обычаю, впервые встрѣчаемая здѣсь бамбуковая подставка различной формы съ двумя ножками, которая въ единичныхъ случаяхъ употребляется на Ново-Гебридскихъ и Соломоновыхъ островахъ. Онъ, большею частью, лежитъ голый, безъ одѣяла и развѣ только приподниметъ подъ собой жесткую рогожу на и половину завернется въ нее,

часто отрываясь отъ сна, чтобы поправить огонь. Ночи бываютъ иногда очень прохладны, и тогда голые дикари кашляютъ, не переставая. У бѣдныхъ въ углу хижины устроенъ очагъ для варки кушанья. Тутъ стоятъ два большихъ и тяжелыхъ горшка, похожихъ по формѣ на пчелиное гнѣздо въ увеличительномъ видѣ, имѣющее въ діаметрѣ до 1/2 м. Въ эти горшки складываютъ и вливаютъ все, что предназначается для варки, и затѣмъ затыкаютъ узкое отверстіе пробкой изъ связанныхъ вмѣстѣ листьевъ булавницы. Въ каждой хижинѣ висятъ на стѣнѣ пустые кокосовые орѣхи, служащіе сосудами для питья. Въ одномъ изъ отверстій, на тупомъ концѣ орѣха, защемленъ шнурокъ деревяннымъ колышкомъ; этимъ способомъ къ каждому шнуру прикрѣплено два орѣха, такъ что пару ихъ очень удобно повѣсить на спину, что и дѣлаютъ женщины, когда ходятъ за водой къ ближайшему ручью. Два другихъ небольшихъ отверстія затыкаются клиньями изъ свернутыхъ листьевъ. Пить изъ этихъ сосудовъ не особенно удобно. Принято держать ихъ во время питья на извѣстномъ разстояніи и лить воду въ ротъ, потому что прикладывать губы къ отверстію считается крайне неприличнымъ. Вообще, обстановка хижины островитянина Фиджи отличается классической простотой. Рогожи съ подстилкой изъ папоротника, нѣсколько бамбуковыхъ подставокъ, служащихъ подушками, одинъ или два первобытныхъ очага, нѣсколько опахалъ, два горшка для варки кушанья, пять или шесть паръ кокосовыхъ орѣховъ—вполнѣ удовлетворяютъ домашнимъ потребностямъ туземной семьи и ея понятіямъ о благоденствіи. „Bure-Bure“ составляетъ спеціальное учрежденіе островитянъ Фиджи, но все болѣе и болѣе выводится изъ употребленія. Собственно этимъ именемъ назывался прежде старинный храмъ туземцевъ, до ихъ перехода въ христіанство. Въ настоящее время „Bure-Bure“, или „Bure ni sa“, означаетъ довольно просторную хижину, построенную на общій счетъ жителей деревни, которая служитъ убѣжищемъ для путешественниковъ и гостей, а также клубомъ и мѣстомъ сна для мужскаго населенія.

Пища островитянъ преимущественно растительная. Таро, коренья яма, кумала, бананы и плоды хлѣбнаго дерева служатъ главными съѣстными припасами. Въ кокосовыхъ орѣхахъ нѣтъ недостатка, но на нихъ наложено запрещенія, „tambu“, миссіонерами; почти у каждой рощи кокосовыхъ пальмъ вбиты въ землю три или четыре длинныхъ шеста съ привязанными на концѣ пучками соломы, что служитъ знакомъ „tambu“, которое соотвѣтствуетъ полинезійскому „tabu“. Такимъ образомъ, христіанскіе проповѣдники не считаютъ предосудительнымъ для себя пользоваться языческимъ духовнымъ интердиктомъ. Причина этого заключается въ томъ, что туземцы платятъ десятину миссіонерамъ и подать англійскому правительству кокосовыми орѣхами. Ботаникъ Бертольдъ Симаннъ, который въ 1860 и 1861 году объѣхалъ острова Фиджи по оффиціальному порученію и написалъ о нихъ крайне любопытную книгу (Viti: or an account of a government mission to the Vitian or Fijian Jslands in the years 1860—1861. London, 1862), говоритъ, что ямъ составляетъ главную пищу туземцевъ; между тѣмъ на о. Кандаву преимущественно воздѣлывается таро, плоды хлѣбнаго дерева, ямъ, кумала и ѣдятъ вареными. Свиней и куръ можно встрѣтить въ каждой деревнѣ, но ихъ употребляютъ въ пищу только въ особенно торжественныхъ случаяхъ и въ чрезмѣрномъ количествѣ. Море доставляетъ имъ рыбъ ежедневно, но черепахи попадаются довольно рѣдко. Туземцы, повидимому, не имѣютъ опредѣленнаго времени для ѣды. Рыбу, наловленную у рифовъ, приносятъ домой въ корзинахъ или тотчасъ-же съѣдаютъ на мѣстѣ ловли. Мальчики, которые всегда сопровождаютъ ихъ въ этихъ случаяхъ, держатъ въ рукахъ горящія головни и время отъ времени кружатъ ими по воздуху чтобы поддержать горѣніе. Если поймана маленькая рыба, то ее держатъ живую надъ огнемъ, поджариваютъ слегка одну сторону, потомъ другую и тотчасъ-же съѣдаютъ. У берега, передъ каждой деревней,

воткнуты крестообразно на извѣстной глубинѣ, очень близко одна отъ другой, связанныя веревками палки, которыя образуютъ родъ клѣтокъ, гдѣ держатъ черепахъ, пока не вздумаютъ убить ихъ. Многочисленные попугаи и голуби не попадаютъ на кухню островитянъ, которые, на счастье орнитологовъ, не умѣютъ пользоваться своимы ружьями для охоты за зайцами. Тарелки, ножи и вилки вообще не въ употребленіи—ѣдятъ пальцами; кушанья подаются очень опрятно на листьяхъ. Въ былыя времена для человѣческаго мяса служили особыя деревянныя вилки, которыя считались священными.

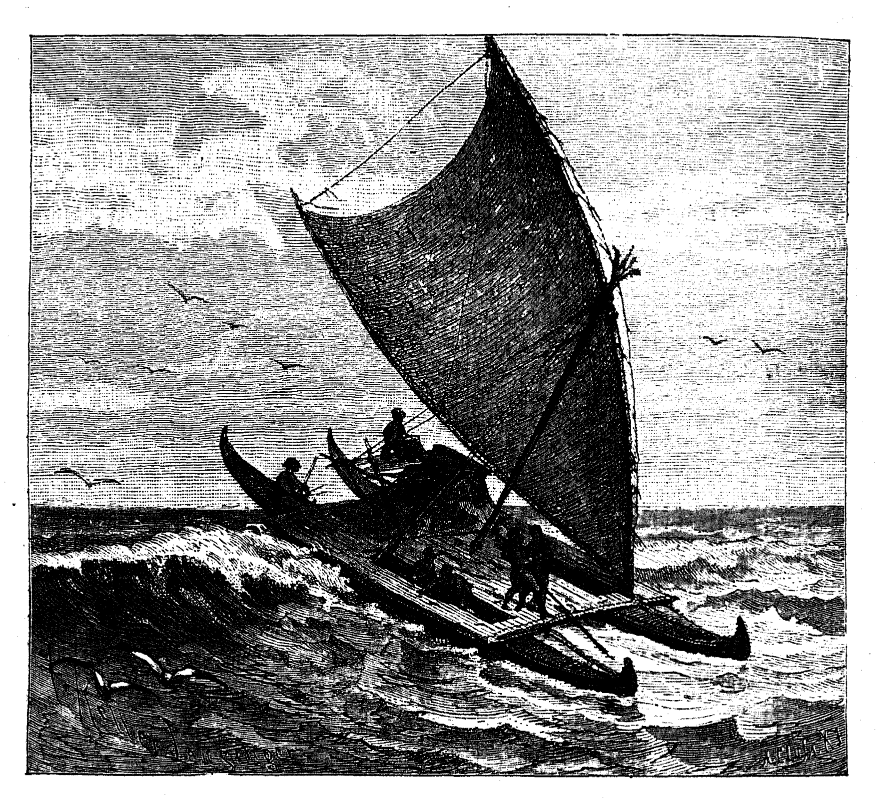
Благородные и знатные люди острововъ Фиджи были нѣкогда самыми отчаянными людоѣдами. „Хотя, по моему мнѣнію—говоритъ Бюхнеръ,—нельзя вѣрить всему тому, что разсказываютъ объ этомъ миссіонеры, потому что имъ выгодно представить язычниковъ въ самомъ черномъ свѣтѣ, чтобы придать возможно большій блескъ славѣ ихъ обращенія въ христіанство. Я не въ состояніи отворачиваться съ ужасомъ, когда мнѣ приходится говорить о людоѣдствѣ дикарей, какъ дѣлаютъ многіе, потому что въ этихъ случаяхъ мнѣ приходитъ на память обычное право нашихъ честныхъ предковъ, германцевъ. Тѣмъ не менѣе, никто не станетъ отрицать, что порядки, господствовавшіе на островахъ Фиджи въ до-христіанскую эпоху, были далеко не привлекательные. Разсказываютъ за достовѣрное, что одинъ мужъ, живя въ согласіи съ женой, сунулъ ее однажды въ печь, поджарилъ и съѣлъ, съ единственною цѣлью заслужить славу страшнаго и жестокаго человѣка....“. О послѣднемъ фактѣ сообщаетъ Уилльямсъ, который рисуетъ ужасающую картину прежняго людоѣдства островитянъ (Fiji and the Fijians, Bd. I, p. 210). Еще въ 1851 году въ Наменѣ зажарено было разомъ не менѣе пятидесяти труповъ или „Bakolo“. Впрочемъ, островитянинъ не былъ особенно разборчивъ: старый или молодой человѣкъ, мужчина или женщина, все было для него „Bakolo“; но особенно лакомыми кусками считались ляшки, предплечье и сердце. Даже могилы не были въ безопасности отъ прожорливости туземцевъ и, чтобы дать полное понятіе о совершавшихся ужасахъ, мы должны добавить, что къ людоѣдству иногда примѣшивалась пытка, потому что у живыхъ людей отрубали руки и ноги, а затѣмъ жарили и ѣли, въ ихъ присутствіи. Говорятъ, что вообще человѣческое мясо трудно переваривается, такъ что даже самые здоровые желудки послѣ этого чувствуютъ отягощеніе въ продолженіи трехъ дней, вслѣдствіе чего мясо приправляютъ тремя сортами зелени, чтобы усилить дѣятельность желудочнаго сока. Между тѣмъ В. Т. Притчардъ увѣряетъ, будто жители Вецатасъ, прежней столицы острововъ Фиджи, чувствуютъ отвращеніе отъ людоѣдства и ѣдятъ человѣческое мясо только изъ страха тяжелаго наказанія и по приказанію вождей. Равнымъ образомъ, этотъ же наблюдатель, желая представить въ болѣе розовомъ свѣтѣ антропофагію островитянъ, видитъ въ ней не столько проявленіе прожорливости, какъ насыщеніе местью и стремленіе внушить къ себѣ страхъ и уваженіе (Polynesian Reminiscences, p. 371). Въ настоящее время людоѣдство уже не существуетъ на островахъ Фиджи. Тѣмъ не менѣе, итальянскій путешественникъ Джіованни Бранки (The mesi alle isole dei Cannibali nell' arcipelago delle Fiji. Florenze, 1880) встрѣтилъ на о. Вити-Леву, у береговъ красивой рѣки Рева, полудикія племена, которыхъ не коснулось ни прежнее туземное господство, ни власть англичанъ или вліяніе миссіонеровъ и которые, вслѣдствіи этого придерживались старыхъ воинственныхъ и антропофагскихъ привычекъ. За неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить, какое именно пространство занимаютъ эти племена и приблизительную цифру ихъ численности. Одни насчитываютъ до 20,000 чел., другіе только до 2,500, что кажется намъ болѣе правдоподобнымъ.

Чаша для питья „Kawa“ играетъ такую видную роль въ жизни островитянъ, что вы встрѣтите ее у каждаго вождя, знатнаго человѣка и даже бѣлаго переселенца. „Kawa“ представляетъ собою мѣстный напитокъ, распро-

страненный во всей Полинезіи до Маори, откуда онъ перешелъ на острова Фиджи. Его изготовляютъ посредствомъ жеванія и выплевыванія корня одного вида перца—Piper methysticum. Намъ часто приходилось читать, что въ изготовленіи „Kawa" особенно важенъ происходящій при этомъ процесъ броженія. Но это невѣрно. Для броженія требуется извѣстный промежутокъ времени, а „Kawa" пьютъ тотчасъ-же послѣ изготовленія. Островитяне примѣняютъ къ этому напитку терминъ „Yankona". Попойки, при которыхъ обыкновенно господствуетъ полное равенство, бываютъ только у знатныхъ людей и большею частью по вечерамъ. На островахъ Фиджи обязанность жеванья возлагается всегда на мальчиковъ и на молодыхъ людей. Прожеванные куски опускаютъ въ большую чашу первымъ и указательнымъ пальцами, а не выплевываютъ ихъ, какъ описываютъ многіе путешественники. Затѣмъ на нихъ наливаютъ воду и процѣживаютъ съ помощью рогожъ, чтобы удалить древесные остатки. Полученная жидкость имѣетъ видъ мутнаго чая съ молокомъ, а вкусомъ походитъ на мыльную воду съ примѣсью небольшого количества танина; ее переливаютъ въ кокосовый орѣхъ, раздѣленный на двѣ половины. До сихъ поръ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ наблюденій надъ дѣйствіемъ „Kawa", и разсказы о томъ, будто-бы отъ частаго употребленія его дѣлаются воспаленія глазъ, накожныя болѣзни и увѣчья,—принадлежатъ къ числу многихъ другихъ этнографическихъ басенъ. „Kawa" не имѣетъ никакихъ охмѣляющихъ или одуряющихъ свойствъ и представляетъ собой такую-же настойку, какъ нашъ чай, можетъ быть, только съ тою разницей, что незначительное количество крахмала, заключающееся въ корнѣ, вѣроятно, превращается въ сахаръ посредствомъ слюны. Бѣлые переселенцы также охотно и часто пьютъ „Kawa", который приготовляется для нихъ цвѣтной прислугой тѣмъ-же не апетитнымъ, по понятіямъ европейца, способомъ. Бранки не безъ основанія говоритъ о „Kawa", что этотъ напитокъ возбуждаетъ удивленіе и отвращеніе всѣхъ путешественниковъ, которые большею частью говорятъ о немъ далеко не лестнымъ образомъ; но европейскіе переселенцы, повидимому, не раздѣляютъ мнѣнія путешественниковъ. Табакъ также очень любимъ островитянами; имъ наслаждаются, какъ дѣти, такъ и взрослые. Мѣстныя правила общежитія требуютъ, чтобы куреніе табака сопровождалось „utile dulci", т. е. взаимнымъ исканіемъ насѣкомыхъ.

Въ былыя времена соплеменники сговаривались между собой относительно браковъ и заключали ихъ безъ всякаго участія священника. Всѣ взрослые мужчины спятъ вмѣстѣ въ „Bure"; мальчикамъ отведена для ночи другая „Bure". Женщины и дѣвушки живутъ въ отдѣльныхъ хижинахъ; при этомъ считается въ высшей степени безнравственнымъ, если мужчина переночуетъ подъ однимъ кровомъ съ своей семьей. Только утромъ мужъ посѣщаетъ свою жену и дѣтей (Seeman, Viti, p. 110). Другого рода встрѣчи происходятъ всегда тайкомъ, въ лѣсу: этого требуетъ древній обычай островов Фиджи, который въ настоящее время, послѣ введенія христіанства, соблюдается только между старинною знатью. Впродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ послѣ рожденія ребенка, мужчина и женщина находятся въ полномъ отчужденіи другъ отъ друга, чтобы мать въ это время могла докормить своего ребенка, — обычай, встрѣчаемый также у однаго изъ отдаленныхъ кавказскихъ племенъ (у Хевсуровъ). Какъ тамъ, такъ и здѣсь, если родится другое дитя ранѣе положеннаго срока, то это считается большимъ соблазномъ. Подобное воздержаніе въ значительной степени оправдываетъ существующее на островахъ многоженство, и миссіонеры положительно грѣшатъ противъ здраваго смысла, стараясь вывести полигамію прежде, чѣмъ имъ удалось пріучить туземцевъ къ иного рода супружескимъ отношеніямъ (Ausland, 1863, S. 173). Такъ, напримѣръ, принцесса Елеонора, племянница короля островов Фиджи, откровенно призналась Симанну, что „она была-бы самаго невысокаго

мнѣнія о своемъ супругѣ, если-бы онъ довольствовался одной женой“. Однако, случаи формальнаго развода встрѣчались очень рѣдко и, по свидѣтельству Симанна, нарушеніе супружеской вѣрности наказывалось смертью. Между тѣмъ, Уилльямсъ разсказываетъ, что супруги постоянно измѣняли другъ другу и нерѣдко вожди предоставляли женщинъ извѣстной мѣстности своимъ воинамъ или дорогимъ гостямъ, не встрѣчая никакого протеста со стороны населенія. Многоженство, какъ и вездѣ, принадлежало здѣсь къ преимуществамъ, которыми пользовались одни вожди и могущественные люди. Умерщвленіе плода, по словамъ Уилльямса, встрѣчалось очень часто, и было очень мало женщинъ, которыя не совершили дѣтоубійства въ какомъ нибудь видѣ, преимущественно



Двойная пирога островитянъ Фиджи.

надъ новорожденными женскаго пола. Во времена Симанна, между островитянами процвѣтали самые разнообразные виды разврата, доказывающіе, что это зло нельзя считать послѣдствіемъ утонченной цивилизаціи, какъ обыкновенно дѣлается у насъ. Если, несмотря на такіе отзывы, Бюхнеръ говоритъ, что въ настоящее время жители островов Фиджи, въ противоположность развратнымъ полинезійцамъ, славятся своимъ цѣломудріемъ, то изъ этого можно вывести заключеніе, что условія жизни въ Кандаву совершенно иныя, нежели въ другихъ мѣстахъ, или что нравы островитянъ значительно улучшились въ послѣднее десятилѣтіе. Ихъ ночной танецъ, который Бранки называетъ дикимъ и непріятнымъ, по словамъ нѣмецкаго путешественника, не заключаетъ

въ себѣ ничего циническаго, какъ большинство танцевъ другихъ южныхъ островитянъ, и въ немъ выражается неподдѣльное веселье, какъ въ ритмическомъ движеніи, такъ и въ сопровождающемъ его пѣніи. „Двойными рядами— разсказываетъ Бюхнеръ—танцовали вокругъ огня дѣвушки и юноши, совершенно нагіе, даже безъ платка на бедрахъ, украшенные гирляндами изъ цвѣтовъ и листьевъ; ихъ гибкіе бронзовыя фигуры, вымазанныя масломъ, двигались направо и налѣво, затѣмъ въ противоположномъ направленіи, проходили другъ около друга, снова отступали и били въ ладоши. Въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ сидѣлъ юноша, передъ которымъ мальчикъ держалъ кусокъ бамбука; онъ барабанилъ двумя палочками, выбивая тактъ подъ аккомпанементъ пѣнія всѣхъ присутствующихъ, какъ танцоровъ, такъ и зрителей. Пѣніе, состоящее всего изъ нѣсколькихъ подымающихся и понижающихся нотъ, было во всякомъ случаѣ мелодичнѣе того, которое мнѣ приходилось слышать у маори въ Новой Зеландіи. Постоянно повторяющійся однообразный ритмъ внезапно прерывался короткимъ рѣзкимъ тономъ, которымъ заканчивалась строфа пѣсни и вмѣстѣ съ тѣмъ танцовальная фигура. Одинъ изъ пляшущихъ, повидимому, игралъ роль распорядителя и время отъ времени выкрикивалъ фистулой нѣчто похожее на звукъ „Tirürü“, послѣ чего немедленно слѣдовала другая фигура въ танцѣ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть что-либо болѣе привлекательное, какъ та естественная грація, которая проглядывала въ свободныхъ, непринужденныхъ движеніяхъ нѣкоторыхъ дѣвушекъ въ этомъ Меке-Меке. Въ нихъ не было и тѣни нескромнаго или двусмысленнаго намека. Только одинъ эпизодъ поразилъ меня по контрасту съ тою сдержанностью, съ какою вело себя остальное общество. Нѣсколько мальчиковъ встали около танцующихъ другъ противъ друга и, обнявшись, выдѣлывали самыя циническія тѣлодвиженія, смыслъ которыхъ былъ слишкомъ ясенъ. Старшіе, а именно женщины, громко хохотали и вскрикивали отъ радости при всякой удавшейся шуткѣ малолѣтнихъ подростковъ“ (Reise durch den Stillen Ozean, S. 273). Считаемъ также нелишнимъ упомянуть здѣсь объ одномъ забавномъ обычаѣ, называемомъ „Bale Mari“. Островитяне Фиджи, какъ всѣ дикари, слѣпо слѣдуютъ предписаніямъ этикета, который между прочимъ требуетъ, что, если мѣстный начальникъ, спотыкнувшись, упадетъ, то всѣ присутствующіе при этомъ плебеи, чтобы избавить его отъ смущенія, должны тотчасъ-же броситься на землю, т. е. выполнить „Bale Mari“ (Fenton Aylmer. A cruise in the Pacific. London, 1880. I Bd., p. 240). Такимъ образомъ, и къ дикарямъ острововъ Фиджи можетъ быть примѣнено мудрое изрѣченіе Горація: Quidquid delirant reges plectuntur Achivi. Не менѣе своеобразны права, связанныя съ обычаемъ „Wasu“ (этимъ именемъ называютъ сыновей сестры вождя). Они не только имѣютъ право на наслѣдство, какъ племянники, но еще при жизни дяди пользуются всѣмъ его движимымъ имуществомъ и даже распоряжаются подвластной ему общиной или государствомъ.

Островитянамъ Фиджи нельзя отказать въ способности къ ручнымъ работамъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ фабрикація туземной ткани изъ древесной коры, такъ наз. „Masi“. Кромѣ того, женщины изготовляютъ превосходныя циновки, которыя играютъ важную роль въ народномъ хозяйствѣ. Но особенно изящно плетутъ онѣ опахала и корзины, и въ этомъ, а равно въ изготовленіи глиняной посуды, выказываютъ замѣчательный художественный вкусъ и пониманіе того, что можетъ годиться въ данномъ случаѣ. Они муравятъ посуду смолой сосны „kauri“, которой они натираютъ горшки, пока они еще не успѣли остыть. Суда островитянъ Фиджи представляютъ собою двойные

челноки, управляемые съ помощью паруса и руля. Взамѣнъ палубы, сдѣлана переборка изъ досокъ, выступающихъ за бортъ. Въ ней сдѣланы люки и поставлена крытая будка для капитана.

Бранки сдѣлалъ чрезвычайно любопытныя наблюденія надъ употребительнымъ до сихъ поръ способомъ мѣновой торговли. Въ то время какъ онъ посѣтилъ эти страны, туземцы, живущіе внутри острововъ, находились на переходной стадіи отъ мѣновой торговли къ настоящей куплѣ и продажѣ. Слухи о преимуществахъ денежныхъ знаковъ проникли къ нимъ, и, какъ только они убѣдились въ справедливости ихъ, то стали предпочитать деньги всѣмъ другимъ мѣновымъ товарамъ; но еще не умѣли различать монеты и, чтобы узнать стоимость, раскладывали ихъ одна около другой и сравнивали по величинѣ. „Такимъ образомъ—говоритъ Бранки—какъ только я покупалъ какую нибудь вещь, то продавецъ прежде всего сравнивалъ предлагаемую ему серебряную монету съ тѣми, которыя получили его товарищи. Если она была одинаковой величины, то онъ считалъ плату удовлетворительной, упуская совершенно изъ виду стоимость проданнаго имъ товара; въ противномъ случаѣ, торгъ не могъ состояться. Этотъ пріемъ, съ которымъ я познакомился изъ прежнихъ примѣровъ, вынудилъ меня между прочимъ къ недобросовѣстной расплатѣ съ тѣми торговцами, которые продавали цѣнныя вещи. Я охотно далъ бы имъ настоящую цѣну, но съ этого момента мнѣ не уступили бы ни одной даже самой незначительной вещи за меньшую цѣну. Вслѣдствіе этого, я долженъ былъ поневолѣ придерживаться извѣстнаго тарифа для всѣхъ пріобрѣтаемыхъ мною вещей. Между тѣмъ количество мелкихъ монетъ, розданныхъ мною этимъ способомъ, возбудило величайшее удивленіе добродушныхъ островитянъ, у которыхъ составилось преувеличенное представленіе о моемъ богатствѣ. Это было вполнѣ естественно, потому что до моего прибытія въ цѣлой деревнѣ не было ни одной серебряной монеты, кромѣ шиллинга, принадлежащаго миссіонеру, который показалъ мнѣ его съ вопросомъ, признаю ли я этотъ шиллингъ за настоящій. Вслѣдъ затѣмъ, присутствующіе дикари заявили желаніе узнать, сколько у меня такихъ монетъ. Сначала я находился въ нерѣшимости, и, наконецъ, попросилъ окружавшихъ меня островитянъ отойдти на извѣстное разстояніе и высыпалъ всѣ деньги изъ моего кошелька, чуть ли не 20—25 шиллинговъ. Никогда не забуду я тѣхъ возгласовъ восторга и удивленія которые мнѣ пришлось услышать тогда отъ этихъ простодушныхъ дѣтей природы, при видѣ такихъ громадныхъ сокровищъ.

Въ прежнія времена, если какой нибудь туземецъ острововъ Фиджи становился старымъ и немощнымъ, то его близкіе, какъ и въ Новой Каледоніи, старались спровадить его со свѣта. При этомъ будущаго покойника чествовали варварскимъ обычаемъ „Loloku“, т. е. приносили ему въ жертву его женъ и друзей. Ихъ тѣла называли „подстилкой“ для его могилы. Равнымъ образомъ, по свидѣтельству Бензуана, близкіе родные считали своей обязанностью задушить всякаго страдающаго медленной болѣзнью, не разбирая возраста и пола. (Journal of. the R. geograph. Soc. London, 1862, p. 46). Съ распространеніемъ христіанства, „Lotu“, какъ его называютъ туземцы, исчезаютъ, конечно, и эти старые языческіе обычаи.

Деревни болѣе или менѣе схожи между собой. Вездѣ встрѣчаются тѣ-же косматыя хижины, разбросанныя въ безпорядкѣ на далекомъ разстояніи и на половину закрытыя кустарникомъ. Центральный пунктъ составляетъ христіанская церковь, наз. „Hale ni loma“ (домъ вѣры), построенная тщательнѣе другихъ жилищъ и на болѣе высокомъ мѣстѣ. Она почти всегда вымазана бѣлой извѣстью и виднѣется издалека, отличаясь отъ другихъ деревенскихъ хижинъ. Когда вы подходите ближе, то вамъ тотчасъ-же бросается въ глаза другая особенность. Оба коническіе конца стропилъ, выступающіе на метръ изъ конь-

ковъ кровли, сообразно характерной архитектурѣ островитянъ, украшены раковинами бѣлаго Ovulum Ovum, которыя или прямо привязаны къ балкамъ, или-же висятъ гирляндами, нанизанными на шнурки. Эти гирлянды считались нѣкогда отличительнымъ признакомъ вождей, а теперь служатъ выраженіемъ высшихъ правъ церкви. Передъ каждой деревенской церковью на островахъ Фиджи поставлены у входа два колокола, или барабана, „Lali", т. е. два короткихъ выдолбленныхъ древесныхъ ствола, похожихъ на кадки для квашни. Одинъ изъ нихъ болѣе значительныхъ размѣровъ и съ болѣе глубокимъ тономъ; въ края ихъ одновременно бьютъ палками, что служитъ призывомъ общины къ божественной службѣ или къ совѣщательному собранію.

Весліанскіе миссіонеры, самые могущественные на Южномъ океанѣ, организовали свою власть лучше всѣхъ другихъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Почти нѣтъ ни одной деревни, гдѣ-бы не было у нихъ своего священника изъ туземцевъ, также называемаго „Lotu"; онъ ежедневно отправляетъ божественную службу, разъ или два въ день, а по воскресеньямъ отъ двухъ до трехъ разъ. Только въ поселеніи Ричмондъ у западной стороны бухты Намалаттъ находится англійскій главный священникъ. Во всѣхъ деревняхъ, куда вступалъ Бранки, какъ только раздавался обычный крикъ туземцевъ: „Kai Papalang" (Европеецъ), первымъ являлся къ нему „Lotu", сообщалъ свое имя и предлагалъ услуги. Не разъ случалось, что Бранки, не выходя изъ лодки, долженъ былъ обмѣниваться громкимъ „Sayandra" (доброе утро, въ буквальномъ переводѣ—„ты бодрствуешь") съ людьми, стоявшими на берегу, которые старались объяснить ему всевозможными тѣлодвиженіями, что они миссіонеры. Впрочемъ, мѣстные священники отличаются и по одеждѣ: они носятъ болѣе длинную „Sulu", и она вдобавокъ бѣлая, а не цвѣтная, какъ у другихъ туземцевъ. Нерѣдко случается, что эти мелкіе апостолы, оставшись наединѣ съ своими соплеменниками, особенно во времена дороговизны, сбрасываютъ съ себя единственную недорогую одежду и возвращаются къ прежней блаженной простотѣ. Особенно забавенъ былъ „Lotu", котораго Бранки засталъ врасплохъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ намѣревался купаться въ рѣкѣ. Онъ тотчасъ измѣнилъ свое намѣреніе, когда увидѣлъ европейца въ лодкѣ, и только хлопоталъ о томъ, чтобы увѣдомить его о своемъ священномъ званіи, бѣжалъ вдоль рѣки, крича изо всѣхъ силъ, что онъ миссіонеръ деревни, и совершенно забылъ въ попыхахъ покрыть свою наготу. Само собою разумѣется, что, если христіанская религія пользуется подобными представителями для распространенія своего возвышеннаго ученія, то едва-ли можно удивляться, что обращеніе въ христіанство болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Въ данномъ случаѣ можно считать подозрительнымъ значительное число неофитовъ. Бранки полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ относительно острововъ Фиджи, благодѣтельное вліяніе миссіонеровъ слишкомъ преувеличено: если здѣсь встрѣчается извѣстнаго рода цивилизація, то ее слѣдуетъ единственно приписать сношеніямъ туземцевъ съ бѣлыми людьми, какъ миссіонерами, такъ и купцами. Сверхъ того, при обращеніи въ христіанство, политическія соображенія играютъ бо́льшую роль, нежели религіозная потребность. Такъ, напримѣръ, послѣднее возстаніе противъ власти Такомбауса у р. Рева началось избіеніемъ туземныхъ проповѣдниковъ и кончилось возвращеніемъ къ людоѣдству, быть можетъ, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что человѣческое мясо было запрещено новымъ правительствомъ. По словамъ Берт. Симанна, христіанство у островитянъ Южнаго Океана сводится на денежный вопросъ и соотвѣтствуетъ количеству фунтовъ стерлинговъ, потраченныхъ на обращеніе язычниковъ. Вдобавокъ и здѣсь протестантскіе и католическіе проповѣдники находятся въ постоянной враждѣ и даже ведутъ между собой открытую борьбу.

Кромѣ миссіонера, въ каждой деревнѣ есть начальникъ, или вождь, „Tui"; всѣ подобные вожди подчинены главному начальнику, который оффиціально

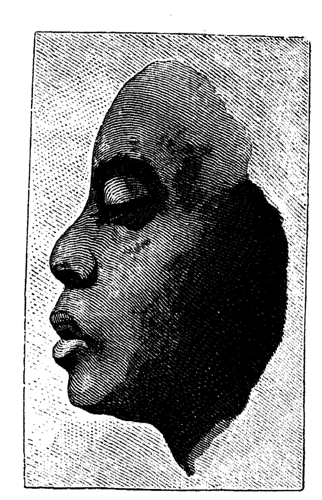
назначается англійскимъ губернаторомъ въ Левука и получаетъ отъ него ежегодное жалованье. Во времена независимости, порядокъ наслѣдственности званія вождя часто нарушался; по существующему обычаю, братъ имѣлъ больше правъ, нежели сынъ, но сила постоянно брала перевѣсъ надъ правомъ. Между отдѣльными вождями господствовали безпрерывные раздоры, но надъ своими подчиненными они имѣли почти неограниченную власть. Землевладѣльцевъ, въ смыслѣ личной собственности, у нихъ не существуетъ, такъ какъ земля принадлежитъ племенамъ и цѣлымъ семьямъ. Каждая полоса и клочекъ земли имѣютъ особое названіе; границы владѣній въ точности извѣстны и рѣзко обозначены.

Само собою разумѣется, что нѣтъ недостатка въ извѣстіяхъ о значительныхъ успѣхахъ въ цивилизаціи, какіе сдѣланы туземцами при новомъ британскомъ правленіи. Такъ, наприм., мы узнаемъ изъ мѣстныхъ газетъ, что разные предметы культуры, какъ тонкое бѣлье, благовонные товары и дорогія лакомства, находятъ хорошій сбытъ между высокопоставленными туземцами, которые въ этомъ отношеніи слѣдуютъ примѣру англичанъ. Они дѣйствительно могли бы далеко уйдти на этомъ пути, еслибы цивилизація не оказывала на нихъ вреднаго вліянія и не уменьшала ихъ численности въ такой степени, что можно опасаться полнаго вымиранія расы. Повидимому, жители островов Фиджи введены были въ ряды цивилизованныхъ націй при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ. Корь была занесена на острова англійскимъ военнымъ кораблемъ „Dido". Болѣзнь проявилась внезапно, со всѣми признаками эпидеміи, сопровождаемая дисентеріей, и дѣйствовала такъ же разрушительно, какъ чума. Всѣ старанія остановить ея распространеніе были напрасны. По какой-то странной случайности, туземные вожди сдѣлались первыми жертвами болѣзни. Они погибли одинъ за другимъ въ нѣмой покорности судьбѣ. Въ это время уничтожена была треть населенія. Показаны различныя цифры: по однимъ исчисленіямъ, туземное населеніе до начала эпидеміи доходило до 150,000 чел., изъ которыхъ осталось всего 100,000; другіе находятъ эти цифры преувеличенными. Только лѣтомъ эпидемія сдѣлалась слабѣе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, появился тифъ и произвелъ новыя опустошенія на островахъ. Такимъ образомъ, и здѣсь населеніе Южнаго океана не избѣгло своей обычной участи: гдѣ только его коснутся блага европейской цивилизаціи, оно безнадежно обречено на смерть.

СМѢШАННОЕ НАСЕЛЕНІЕ МИКРОНЕЗІИ.

Общій обзоръ и тѣлосложеніе туземцевъ.

Микронезія, говоритъ Мейнике, состоитъ изъ трехъ архипелаговъ. Восточный, или Мульгревовъ архипелагъ, распадается опять-таки на двѣ части, называемыя: Жильбертовы, или Кингсмиллевы, острова и Маршальскіе; послѣдніе, признаваемые туземцами за нѣчто цѣльное, дѣлятся на двѣ особенно извѣстныя цѣпи островов: Ратакъ на востокѣ и Раликъ на западѣ. Затѣмъ слѣдуетъ на западъ большой архипелагъ Каролинскихъ островов; на сѣверъ отъ него лежатъ Ладроновые, или Маріанскіе, къ которымъ причисляется еще нѣсколько находящихся на сѣверѣ небольшихъ отдѣльныхъ островов и группъ. Изъ нихъ самая значительная группа Бониновыхъ островов, захваченныхъ японцами въ 1876 году, которые обозначены на многихъ картахъ подъ именемъ Магеллановыхъ, или Анзонова архипелага. По изслѣдованіямъ Герланда, жители этихъ островов распадаются на два значительныхъ племени: восточное, обнимающее собою Каролинскіе, Маршальскіе и Жильбертовы острова, и западное—на Маріанскихъ островахъ. Послѣднее отличается бо̀льшимъ развитіемъ, нежели первое, чему, быть можетъ, способствовали, помимо естественныхъ свойствъ занимаемой имъ почвы и близости Филиппинскихъ островов, и позднѣйшія переселенія. Съ этимъ согласуются и результаты, полученные д-ромъ Краузе краніометрическимъ путемъ. Оба племени совершенно схожи по обычаямъ и вѣрованіямъ и всего больше подходятъ къ полинезійцамъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія считать микронезійцевъ за особый народъ, какъ это часто дѣлается, такъ какъ и здѣсь мы встрѣчаемъ смѣшанное населеніе, состоящее изъ полинезійцевъ и папуасовъ, причемъ, однако, полинезійская кровь имѣетъ перевѣсъ.


Чистокровный типъ микронезійца.

Только на Жильбертовыхъ и Каролинскихъ островахъ встрѣчается достаточно матеріала, чтобы вывести изъ него цѣнные краніометри-

ческія данные. Емкость черепа, по измѣреніямъ д-ра Краузе, достигаетъ:

	Средняя величина куб. сант.	Мужчины куб. сант.	Женщины куб. сант.
Жильбертовы острова . .	1320 (1520—1070) . .	1352,5 . .	1236,6
Каролинскіе.	1304,9 (1480—1080) . .	1312,8 . .	1261

Внѣшніе признаки, по исчисленіямъ Краузе:

	Продол. указ. ширины	Продол. указ. высоты	Поперечно-вертик. указ.
Жильбертовы острова . . .	73,8	77,7	104,5
Каролинскіе	75,3	78,2	103,8

На Жильбертовыхъ островахъ часто замѣчается уклоненіе отъ папуасской формы головы и лица, а на чисто папуасскомъ населеніи проявляется вторженіе папуасскаго типа и выступаетъ все яснѣе. Съ востока на западъ увеличивается продольный указатель ширины и все болѣе становится замѣтнымъ вліяніе короткоголоваго населенія, занимающаго юго-восточную Азію. Сходное съ этимъ явленіемъ мы встрѣчаемъ на островахъ Фиджи, только здѣсь оно имѣетъ обратное дѣйствіе: наиболѣе длинноголовыми оказываются жители Панапе, одного изъ островов Каролинскаго архипелага, лежащаго всего далѣе на востокъ. На группѣ Рукъ (Hogolen) нѣтъ болѣе долихокефаловъ, и населеніе принадлежитъ къ мезокефаламъ. На крайнихъ западныхъ оттровахъ, Япъ и Пелау, встрѣчается уже ясно выраженное коротко-головое населеніе, или брахикефалы (Schmeltz und Krause, Die ethnogr. Abtheil d. Mus. Godeffroy, S. 557—559). На Япѣ, по свидѣтельству Миклухи-Маклая, величина указателя ширины колеблется у мужчинъ между 74,3—81,7, у женщинъ между 73,7—84,4 (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1878. S. 103). Этимъ цифрамъ соотвѣтствуютъ и другія этнографическія данныя. Такъ, напр., на восточныхъ Жилбертовыхъ островахъ, при ихъ относительной близости къ папуасскимъ островамъ, во многихъ проявляется извѣстная степень художественнаго смысла, свойственнаго папуасамъ, между тѣмъ какъ на Каролинскихъ — самымъ очевиднымъ образомъ выражается малайское вліяніе въ оружіи, утвари и одеждѣ.

Между жителями Микронезіи, каморро (Chamorro), какъ называли испанцы прежнихъ туземцевъ Ладроновыхъ, или Маріанскихъ островов, особенно мужчины, и при этомъ только знатные, отличались высокимъ ростомъ, полнотой, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, длинными, прямыми и черными волосами и выразительными чертами лица, немного косолежащими глазами, умѣреннымъ выпуклымъ носомъ и нѣсколько толстыми губами. Цвѣтъ кожи былъ у нихъ свѣтлокоричневый или оливковый, подобно каролинцамъ, и во многихъ отношеніяхъ сроднымъ съ ними тагаламъ о. Люзона. Все это измѣнилось теперь. Испанское правительство, въ виду необычайно быстраго вымиранія каморро, отдало въ 1741 году приказъ заселить Маріанскіе острова тагалами, которые до такой степени смѣшались съ туземцами, что теперь ихъ едва можно отличить отъ нихъ. Въ Рота туземцы сохранились въ наиболѣе чистомъ видѣ, со

всѣми ихъ особенностями; нынѣшнее смѣшанное населеніе довольно низкаго роста; мужчины недурны собой, но нижнія конечности немного коротки сравнительно съ остальнымъ тѣломъ, между тѣмъ какъ женщинъ можно положительно назвать красивыми. Цвѣтъ кожи темный, но глаза меньше, нежели у полинезійцевъ, и, кромѣ того, они отличаются болѣе широкимъ ртомъ и сильнѣе выдающимися скулами.

Строеніе тѣла каролинцевъ довольно красиво. Они почти поголовно хорошо и сильно сложены, хотя ростъ у нихъ не выше средняго. На Понапé, а равно и на всѣхъ другихъ низменныхъ островахъ, д-ръ Финчъ наблюдалъ поразительную мягкость и вялость мускуловъ, что, вѣроятно, происходитъ отъ преобладанія растительной пищи и общей лѣни. Туземцевъ Понапé онъ называетъ скорѣе некрасивыми, хотя встрѣчаются счастливыя исключенія, особенно между дѣвушками и женщинами. У нихъ большіе черные красивые глаза, съ веселымъ и чувственнымъ выраженіемъ, оттѣненные длинными тонкими рѣсницами, которыя получаютъ особенную прелесть отъ черныхъ, густыхъ, изящно очерченныхъ бровей. Цвѣтъ кожи туземцевъ темный, желтоватый, съ мѣдно-коричневымъ оттѣнкомъ; на западныхъ островахъ онъ еще темнѣе. Волоса постоянно черные, длинные, прямые, нерѣдко также слегка курчавые и вьющіеся; борода обыкновенно рѣдкая. Пріятные черты лица выражаютъ умъ и доброту; черные, живые глаза имѣютъ нерѣдко косое направленіе, хотя въ незначительной степени; лобъ высокій и нерѣдко узкій, носъ слегка приплюснутый, немного выдающіяся скулы, ротъ большой и не съ особенно толстыми губами, члены тѣла симметричные, только ноги слишкомъ коротки. Такъ описываетъ ихъ Мейнике. Однако, по наблюденіямъ Миклухи-Маклая, на о. Япъ, или Гуапъ, одномъ изъ самыхъ западныхъ острововъ восточной группы описываемаго нами архипелага, который, быть можетъ, изслѣдованъ наиболѣе точнымъ образомъ,—ростъ мужчинъ колеблется между 1500—1690, а женщинъ между 1360—1485 мм., волоса рѣдко прямые и большею частью волнистые, хотя въ различной степени. У единичныхъ индивидуумовъ мужскаго пола растительность волосъ на кожѣ очень значительна, такъ что нерѣдко весь лобъ покрытъ ими; подобные-же обросшіе лбы русскій изслѣдователь видѣлъ и у трехъ дѣвушекъ. У дѣвушекъ 15—20 лѣтъ наблюдалъ онъ странную форму груди со стянутой ареолярной частью, которую онъ, равнымъ образомъ, встрѣчалъ у папуасскихъ дѣвушекъ въ Новой Гвинеѣ и у молодыхъ полинезіанокъ на о. Самоа. Младенцамъ въ первый-же мѣсяцъ послѣ рожденія вдавливаютъ носъ; эта операція называется у нихъ „Andowek“ (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1878. S. 103—105). По словамъ Миклухи-Маклая, жители о. Япа ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собой нѣчто изолированное и не должны быть отдѣляемы отъ западной группы каролиновъ, или такъ называемыхъ островов Пелау (англ. Pelew), а равно и отъ западныхъ микронезійцевъ. По свидѣтельству проф. К. Земпера, въ чертахъ лица мѣднотемныхъ туземцевъ острововъ Пелау ясно видѣнъ отпечатокъ папуасскаго типа. На óстровѣ Пелеліу онъ встрѣтилъ, между прочимъ, человѣка низкаго роста, съ типичными чертами еврейской національности въ лицѣ, что, по описаніямъ всѣхъ путешественниковъ, возможно только у чистокровныхъ папуасовъ и никогда не наблюдалось у племенъ малайскаго происхожденія. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что у туземцевъ острововъ Пелау течетъ въ жилахъ не только папуасская, но и малайская кровь, такъ какъ доказательствомъ этого служитъ широкое, почти четырехъ-угольное лицо съ сильно выступающими скулами и крошечными глазами (K. Semper, Die Palau-Jnseln im Stillen Ozean, Reiseerlebnisse. Leipzig. 1873. S. 32—34). Указатель ширины черепа колеблется между 71,4—85,5 у мужчинъ, и 75—81,6 у женщинъ; величина роста достигаетъ у мужчинъ отъ 1520 до 1770, а у женщинъ отъ 1450 до 1590 мм. Волоса и здѣсь преимущественно волнистые; носъ приплюснутъ

до такой степени, что нерѣдко на его широкой поверхности образуются продольныя складки.

Туземцы Мульгревова архипелага, по своему тѣлосложенію, представляютъ наибольшее сходство съ жителями восточныхъ Каролинскихъ острововъ, только ихъ мѣднокоричневый цвѣтъ кожи имѣетъ болѣе темный оттѣнокъ, нежели у этихъ послѣднихъ. Но, по мѣрѣ приближенія къ Полинезіи, типъ измѣняется и даже между жителями отдѣльныхъ острововъ замѣчаются рѣзкія отличія. На Маршальскихъ остравахъ прежніе туземцы, повидимому, представляли собою болѣе рослую и сильную породу людей, нежели теперь, и остались такими только на сѣверныхъ островахъ, менѣе посѣщаемыхъ иностранцами и гдѣ почва доставляетъ бóльшее количество пищи. Туземные вожди и короли, по словамъ Франца Гернсгейма (Beitrag zur Sprache der Marshallinseln. Leipzig. 1880. S. 34), до сихъ поръ отличаются высокимъ ростомъ и красивымъ тѣлосложеніемъ; у нихъ интеллигентныя и пріятныя черты лица, высокій, хотя сильно скошенный и сжатый у висковъ лобъ, хорошей формы, не особенно приплюснутый носъ, пропорціональный, иногда даже красиво очерченный, ротъ и необыкновенно бѣлые зубы. Тѣмъ не менѣе, большинство туземцевъ малорослые, тщедушные, слабые и скоро старѣющіе люди; женщины хотя съ болѣе округленными лицами, но ростомъ еще меньше мужчинъ и сутуловатѣе, съ тонкими худощавыми руками и увядаютъ прежде, чѣмъ успѣютъ достигнуть полнаго расцвѣтанія. Кожа у нихъ грязно-коричневаго цвѣта, съ видоизмѣненіями отъ желтаго до чернокоричневаго; волоса черные, жесткіе, гладкіе или немного курчавые; прежде туземцы большею частью носили ихъ длинными и завязывали въ узелъ на маковкѣ головы, пока миссіонеры не вытѣснили этой языческой прически изъ подвластныхъ имъ мѣстностей, такъ что она сохранилась только на болѣе сѣверныхъ островахъ. Волоса на бородѣ вообще рѣдки и почти вовсе не ростутъ на щекахъ. Съ этимъ описаніемъ согласуется въ главныхъ чертахъ и та характеристика туземцевъ Маршальскаго острова Ялуита, которую представилъ д-ръ Бенда (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1880. S. 111). Туземцы Жильбертовыхъ острововъ средняго роста, худощавы, довольно благообразны; женщины сравнительно еще меньше, но съ болѣе пріятными очертаніями лица и изящнымъ тѣлосложеніемъ. Мейнике слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ наружность: „Онѣ стройны и красивы, съ длинными, черными, часто вьющимися волосами, съ правильными чертами лица, въ которыхъ выражается умъ и природная веселость, съ хорошо развитымъ лбомъ, живыми темными глазами, немного выдающимися скулами, слегка приплюснутымъ носомъ и бѣлыми зубами, нерѣдко испорченными жеваніемъ плодовъ пандана...“ (Die Jnseln des Stillen Ozeans, Bd. II, S. 333).

На всемъ Южномъ океанѣ, къ великой досадѣ демократовъ и проповѣдниковъ равенства, аристократы отличаются, по внѣшности, отъ плебеевъ болѣе высокимъ ростомъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ и въ большинствѣ случаевъ превосходятъ ихъ въ умственномъ развитіи. Они, повидимому, строго придерживаются правила „Noblesse oblige“ и стараются превзойдти простой народъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще, они всѣ отличаются такими красивыми чертами лица, что прежніе путешественники хотѣли признать ихъ за особую расу (Seemann, Viti, p. 79). Но, съ другой стороны, не совсѣмъ пріятной придачей ко всему этому служитъ своеобразный запахъ, свойственный всѣмъ микронезійцамъ, который происходитъ отчасти отъ прогорклаго масла, которымъ они натираютъ себѣ тѣло и волосы на головѣ, а частью отъ испа-

рины кожи (Zeitsch. f. Ethnol., 1880, S. 35). Это обстоятельство, вѣроятно, послужило поводомъ къ господствующему на всемъ Южномъ океанѣ у народовъ, какъ папуасскаго, такъ и полинезійскаго племени, а равно и въ другихъ мѣстахъ, странному обычаю привѣтствовать другъ друга треніемъ носовъ, въ которомъ можно, по справедливости, видѣть остатки первобытнаго полузвѣринаго состоянія человѣка. Въ

Молодой воинъ Маріанскихъ острововъ.

настоящее время положительно извѣстно, что этотъ обычай вовсе не представляетъ собою одну только церемонію, какъ думаютъ многіе, потому что привѣтствіе собственно и состоитъ въ томъ, что два встрѣтившихся субъекта обнюхиваютъ другъ друга какъ обезьяны. Равнымъ образомъ, слово, которое произносятъ въ этихъ случаяхъ, означаетъ въ переводѣ „нюхать", или „чуять", и въ томъ же смыслѣ упо-

требляется у всѣхъ первобытныхъ народовъ, какъ сообщаетъ Вильгельмъ Гумбольдтъ въ своемъ сочиненіи „Ueber die Kavisprache“ („О языкѣ кави“).

Въ былыя времена, насколько извѣстно, болѣзни составляли рѣдкость у жителей Микронезіи, но въ настоящее время мы видимъ обратное явленіе. На Ладроновыхъ островахъ необыкновенно распространены различныя виды проказы; на каролинскихъ—дисентерія, ревматизмъ и лихорадка, кромѣ того, здѣсь господствуетъ встрѣчаемое также на островахъ Фиджи „слоновое перерожденіе“ кожи и такъ называемая чешуйчатая проказа, которая, по объясненію Симанна, развивается только въ низкихъ и сырыхъ долинахъ. При послѣднемъ заболѣваніи, для европейца единственнымъ радикальнымъ средствомъ служитъ удаленіе въ болѣе холодный климатъ. Болѣзнь, отъ шеи, плечъ и рукъ, распространяется иногда, въ большей или меньшей степени, по всему тѣлу; при этомъ зараженное мѣсто рѣзко обозначается измѣненіемъ цвѣта кожи. Чешуйчатая проказа и такъ называемый „кольчатый червь“, по наблюденіямъ д-ра Финча, встрѣчаются несравненно чаще у мужчинъ, нежели у женщинъ. Сношенія съ европейцами способствовали распространенію и другихъ болѣзней между островитянами, преимущественно гриппа, кори, оспы, занесенной въ 1779 году, которая, отъ времени до времени, производитъ здѣсь страшныя опустошенія, и, наконецъ, сифилиса, хотя въ менѣе значительной степени. Замѣтимъ кстати, что для этихъ явленій мы не имѣемъ иного объясненія, кромѣ того, что жители извѣстныхъ странъ, благодаря естественнымъ мѣрамъ предосторожности, ограждены отъ господствующихъ у нихъ эпидемическихъ болѣзней, между тѣмъ какъ иноземцы, которые не успѣли освоиться съ ними, тотчасъ же погибаютъ. Равнымъ образомъ, только этимъ можемъ мы уяснить себѣ, почему стоянки европейскихъ кораблей, съ совершенно здоровымъ, повидимому, экипажемъ, не разъ способствовали распространенію у первобытныхъ народовъ неизвѣстныхъ имъ инфекціонныхъ болѣзней.

Характеръ и степень цивилизаціи.

О характерѣ смѣшаннаго насеелленія Микронезіи существуютъ вообще благопріятные, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ высшей степени лестные отзывы, какъ, напр., о жителяхъ Каролинскихъ острововъ; они, по справедливости, могутъ быть названы однимъ изъ самыхъ добродушныхъ и миролюбивыхъ океаническихъ племенъ. Не уступая полинезійцамъ въ привѣтливости и услужливости, они даже превосходятъ ихъ благонравіемъ и кротостью, хотя, разумѣется, не всѣ островитяне отличаются одинаковыми свойствами. Такъ, Уилькесъ

описываетъ жителей Жильбертовой группы острововъ, какъ опасныхъ и коварныхъ людей, а Вудъ находитъ, что они стоятъ ниже всѣхъ микронезійцевъ по своей дикости, такъ какъ многіе чужестранцы были убиты имъ. Не далѣе какъ въ 1878 году, на Апамамѣ, одномъ изъ экваторіальныхъ острововъ Жильбертова архипелага, по приказанію вождя, произведена была общая рѣзня всѣхъ находившихся тамъ европейцевъ (Allgem. Zeitg. vom 13 october и 27 November 1878). Однако, несмотря на то, что микронезійцы вообще мужественны и храбры, ихъ нельзя назвать особенно воинственными, за исключеніемъ развѣ безпокойныхъ обитателей Жильбертовой группы и возвышенныхъ острововъ. Но и здѣсь война рѣдко принимаетъ характеръ безчеловѣчной рѣзни, и собственно туземцевъ нельзя упрекнуть въ людоѣдствѣ: если дикарь Жильбертовыхъ острововъ и съѣстъ подчасъ кусокъ мяса убитаго врага, то это дѣлается скорѣе изъ чувства мести. Хотя жителямъ Пелау и приписываютъ въ сильной степени антропофагскіе вкусы, но Карлъ Земперъ умалчиваетъ объ этомъ пунктѣ и до сихъ поръ никто еще не могъ привести примѣровъ людоѣдства въ Микронезіи (Richard Andree, Die Verbreitung der Antropophagie. Leipzig, 1874. S. 61). Веселый беззаботный нравъ, а равно и лѣнь, принадлежатъ также къ числу характерныхъ свойствъ этихъ людей, у которыхъ, впрочемъ, нѣтъ недостатка въ хитрости, связанной съ значительной степенью ловкости и развитіемъ умственныхъ способностей. Они никогда не обманываютъ другъ друга, но не считаютъ нужнымъ соблюдать честность въ сношеніяхъ съ европейцами. Ладроновые острова получили даже кличку Разбойничьихъ острововъ, вслѣдствіе тѣхъ случаевъ воровства со стороны туземцевъ, какіе приходилось испытать на себѣ первымъ мореплавателямъ и о которыхъ подробно разсказываетъ спутникъ Магеллана, венеціанскій патрицій Антоніо Пигафетта. (Lord Stanley of Alderley. The first voyage round the world by Magellan. London, 1874, p. 68). Тою же склонностью къ воровству отличаются жители Мульгревовыхъ острововъ, такъ что въ общихъ чертахъ оправдывается основанное на опытѣ изрѣченіе стараго капитана Кука, что „всѣ свѣтлокожіе островитяне Южнаго океана отличаются страстью къ воровству, которой нѣтъ у чернокожихъ туземцевъ". Счастливое исключеніе изъ этого правила представляютъ собой каролинцы, у которыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ высокихъ острововъ, нѣтъ обычной распущенности нравовъ, такъ что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ они даже съ боязливою заботливостью охраняютъ женщинъ отъ иностранцевъ. Что касается Жильбертовыхъ острововъ, то отсутствіемъ стыдливости отличаются только туземцы нѣкоторыхъ острововъ, между тѣмъ какъ на Ладроновыхъ — безнравственность достигла поражающихъ размѣровъ. Мы не беремся рѣшить, слѣдуетъ ли приписать это обстоятельство вліянію европейцевъ, какъ полагаетъ Мейнике, который также считаетъ несомнѣннымъ, что жи-

тели Микронезіи въ былыя времена стояли на несравненно высшей степени цивилизаціи, нежели теперь. Въ сущности, въ пользу этого предположенія говорятъ многіе факты, какъ, напр., загадочныя развалины, найденныя на Каролинскомъ островѣ Понапе и на островѣ Тиніанѣ, принадлежащемъ Ладроновой группѣ. Эти развалины напоминаютъ по стилю циклопическія постройки древнихъ кельтовъ; онѣ сооружены изъ вулканическаго матеріала, большею частью изъ базалтовыхъ колоннъ и кусковъ лавы. По словамъ Карла Замцера, на островахъ Пелау, равнымъ образомъ, нельзя найдти въ настоящее время никакихъ слѣдовъ того художественнаго вкуса, который проявлялся прежде такимъ разнообразнымъ образомъ (Die Palauinseln, S. 354—355). Подобному упадку могло способствовать до извѣстной степени уменьшеніе населенія, а еще болѣе поразительное и, повидимому, вполнѣ достовѣрное ухудшеніе типа въ Микронезіи. Относительно вышеупомянутыхъ развалинъ мы должны замѣтить, что помимо ихъ извѣстны еще многія, совершенно схожія съ ними, какъ въ Меланезіи, такъ и въ Полинезіи; д-ръ Краузе высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, что творцами этихъ памятниковъ слѣдуетъ считать предковъ нынѣшнихъ жителей Полинезіи (Die ethnogr.-anthrop. Abtheil. d. Mus. Godeffroy, S. 579—580).

Матеріальныя условія жизни.

Если мы бросимъ взглядъ на матеріальныя условія жизни микронезійскихъ островитянъ, то увидимъ, что они осуждены не только на жалкую, но и на недостаточную пищу. Сообразно мѣстнымъ условіямъ, она преимущественно растительная, какъ напримѣръ: кокосовые орѣхи, плоды пандана, хлѣбнаго дерева (Artocarpus incisa, L.), рисъ, мука изъ клубней таро (Arum esculentum, L.), стрѣльная трава, изъ корневища которой добываютъ арро-рутъ; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бананы, сахарный тростникъ и рыба. Животная пища состоитъ изъ раковинъ, черепахъ, раковидныхъ, морскихъ птицъ, и только изрѣдка изъ домашнихъ куръ, которыхъ ѣдятъ только въ случаѣ крайней необходимости на Мульгревовомъ архипелагѣ, равно какъ и крысъ. Каролинцы ѣдятъ также свиней и козъ, и особенно охотно собакъ; на восточныхъ и центральныхъ островахъ употребляются въ пищу всякаго рода гады. Соль неизвѣстна здѣсь, и туземецъ замѣняетъ ее морскою водой. Кушанье въ старину вездѣ готовилось на угольяхъ и въ горячей золѣ, а теперь въ горшкахъ и на огнѣ, который всѣ умѣютъ добывать посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева. Вообще, туземцы очень опрятны, какъ въ способѣ изготовленія пищи, такъ и въ ѣдѣ. Вода и кокосовое молоко служатъ обычнымъ питьемъ; кромѣ

того, почти во всей Микронезіи умѣютъ выжимать масло изъ кокосоваго орѣха. Спиртные напитки были прежде неизвѣстны, но теперь уже давно введены европейцами, которые, между прочимъ, превратили въ спиртуозный напитокъ „карака", или сиропъ, добываемый изъ кокосовой пальмы на Жильбертовыхъ островахъ. На Каролинахъ въ большомъ ходу пальмовое вино и вывариваемый изъ него сиропъ; „kawa" въ употребленіи только на Понапѐ и Кузаіе; на Маріанскихъ, или Ладроновыхъ островахъ испанцы научили туземцевъ изготовленію вина, водки и уксуса изъ кокосоваго сока, а также водки изъ маиса. Табакъ распространился тѣмъ же способомъ и въ общемъ употребленіи у туземцевъ, которые чувствуютъ къ нему большое пристрастіе. На Маршальскихъ островахъ мужчины и женщины курятъ цѣлый день, начиная съ 5 и 6 лѣтъ, и даже ночью, при пробужденіи. Послѣ нѣсколькихъ затягиваній, маленькая глиняная трубка вручается сидящему рядомъ сосѣду, который, въ свою очередь, затягивается нѣсколько разъ и затѣмъ возвращаетъ ее или передаетъ дальше. Бетель жуютъ только на Япѣ, на Пелау и окружающихъ ихъ островахъ.

Во многихъ мѣстахъ вошла въ употребленіе европейская одежда; впрочемъ, въ высшей степени простая, состоящая, главнымъ образомъ, изъ много разъ упомянутой нами юбки, плетенной изъ волоконъ древесной коры; у женщинъ она дѣлается изъ болѣе длинной рогожи. Тѣмъ не менѣе, мужчины нерѣдко ходятъ совершенно нагіе, какъ, напримѣръ, на Каролинскихъ островахъ, а именно на остр. Рукъ, на сѣверныхъ Пелау, Жильбертовыхъ и Ладроновыхъ, гдѣ они едва прикрываютъ себя кушакомъ и только по случаю праздниковъ наряжаются въ испанскій костюмъ. На Понапѐ женщины довольствуются пестрымъ платкомъ, живописно накинутымъ вокругъ тальи, и „въ сущности—замѣчаетъ Финчъ—туземцы въ своемъ національномъ нарядѣ, если можно такъ выразиться, производятъ несравненно болѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели питомцы миссіонеровъ, одѣтые на треть или на половину по-европейски. Это особенно примѣнимо къ женскому полу. Насколько привлекательны хорошо-сложенныя дѣвушки съ красивыми формами, украшенныя цвѣтами, въ ихъ пестрыхъ яркихъ платкахъ, наружность которыхъ ничѣмъ не оскорбляетъ чувства изящества и приличія, настолько же уродливыми и безпомощными кажутся крещеныя островитянки, въ своихъ длинныхъ, широкихъ платьяхъ" (Zeitsch. f. Ethnol. 1880, S. 315). Дѣти ходятъ повсемѣстно нагіе. Въ украшеніяхъ нѣтъ недостатка. Мужчины и женщины носятъ своеобразную прическу, которая нигдѣ не встрѣчается на Южномъ океанѣ. Длинные волоса ихъ спущены или заплетены на головѣ въ косу; они мажутъ ихъ маслами и украшаютъ всевозможными вещами, перьями, цвѣтами, зубами животныхъ и т. п. Туземцы Мульгревова архипелага не стригутъ бородъ, а на Каролинскихъ островахъ тщательно выщипываютъ ихъ. Ушныя мочки почти вездѣ укра-

шаются, или, вѣрнѣе сказать, уродуются вышеупомянутымъ способомъ, и сравнительно всего менѣе на Ладроновыхъ островахъ. Равнымъ образомъ, въ употребленіи ожерелья, браслеты, иногда даже повязки на ногахъ, а на нѣкоторыхъ изъ Каролинскихъ острововъ ноздри украшаются цвѣтами. Обычай татуировки распространенъ на Мульгревовомъ и Каролинскомъ архипелагахъ, но, повидомому, никогда не существовалъ на Ладроновыхъ островахъ. Лица татуируются въ рѣдкихъ случаяхъ, у женщинъ меньше, нежели у мужчинъ, дѣти въ очень незначительной степени, а мужчины, смотря по званію, начиная съ верхней части бедра, по всему тѣлу. Это искусство достигаетъ наибольшихъ размѣровъ у островитянъ Мульгревова архипелага и доведено у нихъ до такого совершенства, что они въ этомъ отношеніи не уступаютъ ново-зеландцамъ и жителямъ Маркизскихъ острововъ. На островѣ Понапѐ, или Вознесенія, татуировка отличается совершенно оригинальнымъ характеромъ, не имѣющимъ ничего общаго съ употребляемой на Маршальскихъ и Жильбертовыхъ островахъ. Д-ръ Отто Финчъ, новѣйшій ученый изслѣдователь Южнаго океана, утверждаетъ, вопреки всѣмъ прежнимъ наблюдателямъ, что татуировка не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ званію, положенію и религіи, а также къ возрасту и полу. При этомъ татуировка не сопровождается никакими особенными церемоніями или празднествами (Zeitsch. f. Ethnol. 1880, S. 308—315). Но въ то же время д-ръ Финчъ сообщаетъ о странномъ видѣнномъ имъ изувѣченіи на Ниуатабутабу (одномъ изъ остр. Дружбы), съ помощью котораго стараются, по мѣрѣ возможности, придать orchitis'у нагнутое впередъ положеніе; у женщинъ принятъ готтентотскій способъ изувѣченія (A. a. O., S. 316).

Жилища на Маршальскихъ островахъ состоятъ изъ жалкихъ хижинъ, если можно назвать такимъ образомъ крышу изъ пандановыхъ листьевъ, подъ которую входятъ ползкомъ. Вожди имѣютъ лучшія помѣщенія, но устроенныя по той же системѣ; вокругъ главнаго строенія расположены маленькія хижины, въ которыхъ живутъ женщины. Несравненно красивѣе жилища на Каролинскихъ островахъ, вообще схожія съ полинезійскими, но на отдѣльныхъ островахъ отличающіяся рѣзкими особенностями, такъ что трудно опредѣлить ихъ норму. Но у всѣхъ принята четырехъ-угольная форма. Дома древнихъ Каморро на Ладроновыхъ островахъ было такъ искусно построены, что не имѣли себѣ подобныхъ на всемъ океанѣ; но теперь они вышли изъ употребленія. Нынѣшнія жилища туземцевъ походятъ на европейскія. Это ничто иное какъ четырехъ-угольныя хижины на низкихъ деревянныхъ столбахъ, крытыя пальмовыми листьями; кухня постоянно отдѣлена, что также наблюдается и на Маршальскихъ островахъ. Дома образуютъ собою деревни большихъ или меньшихъ размѣровъ, только на Маршальскихъ островахъ они часто разбросаны на извѣстномъ пространствѣ.

Во всей Микронезіи туземцы занимаются воздѣлываніемъ земли, но въ весьма различной степени. Особеннымъ стараніемъ отличаются въ этомъ отношеніи только жители Мульгревова архипелага, а между Каролинами—жители Япа; на всѣхъ же остальныхъ островахъ, особенно на Ладроновыхъ, земледѣліе въ большомъ пренебреженіи. Но, съ другой стороны, благодаря европейцамъ, здѣсь введено скотоводство и охота, которыя вообще неизвѣстны въ Микронезіи. Въ настоящее

Прическа на Маріанскихъ островахъ.

время туземцы Ладроновыхъ острововъ уже не занимаются болѣе въ такихъ значительныхъ размѣрахъ рыбной ловлей, въ которой всѣ микронезійцы выказываютъ большую опытность и искусство. Для ловли рыбы употребляютъ сѣти, крючки, удочки и, повидимому, всего чаще копья, которыми лучатъ рыбу ночью, при свѣтѣ факеловъ. Въ подобныхъ случаяхъ туземцамъ служатъ небольшіе обыкновенные челноки; но при этомъ имѣются большія лодки для торговыхъ сношеній, особенно такъ называемыя „летучія проасъ“ (Proas) древнихъ Каморро, возбудившія удивленіе европейцевъ.

О нихъ сообщаетъ М. Ричардъ Вальтернъ, капелланъ адмирала Ансона, совершившій кругосвѣтное плаваніе въ 1740—1744 годахъ, который слѣдующимъ образомъ описываетъ жителей Ладроновыхъ острововъ: „Эти индѣйцы смѣлый народъ и съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Судя по нѣкоторымъ предметамъ ихъ изготовленія, можно прійдти къ заключенію, что у нихъ нѣтъ недостатка въ умѣ. Въ особенности ихъ летучія „proen", которыя въ былыя времена были единственными употреблявшимися у нихъ судами, представляютъ собою такое удивительное и необычайное изобрѣтеніе, что оно сдѣлало-бы честь самой искусной и остроумной націи. Если мы примемъ во вниманіе, что „proen" вполнѣ приспособлены къ своеобразному плаванію у этихъ острововъ, лежащихъ на меридіанѣ, въ чертѣ пассатныхъ вѣтровъ, которое требуетъ особеннаго устройства парусныхъ судовъ, и если при этомъ будемъ имѣть въ виду безъискусственный и первобытный способъ постройки, простоту конструкціи и необыкновенную быстроту хода, то найдемъ, что эти туземныя суда во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ наше удивленіе и могутъ занять мѣсто между механическими произведеніями самыхъ цивилизованныхъ народовъ, достигшихъ цвѣтущаго состоянія искусствъ и наукъ" (Des Herrn Admirals Lord Ansons Reise um die Welt. Aus dem Englischen in das Deutsche übersetzt. Leipzig und Göttingen. 1749. S. 312). Почтенный капелланъ даетъ также подробное описаніе этихъ судовъ. Они дѣлаются изъ выдолбленнаго древеснаго ствола; боковыя планки изъ дерева Artokarpus; онѣ связаны между собою и съ законопаченными пазами; носъ и корма высокіе и совершенно одинаковые, такъ что нѣтъ надобности поворачивать судно; нерѣдко одинъ бокъ отвѣсный, другой выпуклый, хотя теперь довольно часто „proen" строятся выпуклые съ обѣихъ сторонъ. На одномъ концѣ прикрѣпляются снасти, на другомъ устроена платформа съ будкой для товаровъ и съѣстныхъ запасовъ; нижняя часть судна выкрашена въ черную краску, а верхняя въ красную; вся столярная работа украшена рѣзьбой и раковинами. Мачты привязныя и съ большимъ трехъугольнымъ парусомъ; помимо короткаго весла, имѣется также родъ руля. Якорей не бываетъ. Если судно не въ употребленіи, то его вытаскиваютъ на землю и хранятъ подъ навѣсами (Meinike, Die Jnseln des Stillen Ozeans, Bd. II, S. 373).

Древнее искусство судостроенія почти вывелось на Ладроновыхъ островахъ, такъ какъ въ настоящее время здѣсь большею частью строятся только неуклюжія весельныя лодки грубой работы; но въ остальной Микронезіи, въ общемъ употребленіи вышеописанныя суда, жители-же Маршальскихъ острововъ и западныхъ Каролинскихъ несомнѣнно первые мореплаватели во всей Океаніи и въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ чистыхъ полинезійцевъ. Съ ихъ ненадежными лодками, требующими постояннаго выкачиванія, они предпринимаютъ далекія путешествія; прежде туземцы часто ѣздили на Маршальскую и Каролинскую группу и не только посѣщали всѣ острова своего обширнаго архипелага, но открыли путь къ Ладронамъ, куда они ежегодно отправляются большими флотиліями, безъ компаса, руководствуясь положеніемъ звѣздъ. Жители Маршальскихъ острововъ изобрѣли даже родъ морскихъ картъ изъ палочекъ и камней, связанныхъ маленькими веревками, показывающими направленіе и длину путей. Въ новѣйшія времена они ѣздятъ рѣдко и неохотно на своихъ лодкахъ, предпочитая заплатить за проѣздъ на европейскихъ корабляхъ.

Искусная постройка судовъ у микронезійцевъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что они обходятся безъ моделей и рисунковъ и не употребляютъ при этомъ другихъ инструментовъ, кромѣ каменнаго или круглаго топора. Туземныхъ орудій очень мало и всѣ они да-

леко незамысловаты. Островитяне давно узнали цѣну желѣза, но стали пріобрѣтать желѣзныя вещи только при усилившихся сношеніяхъ съ бѣлыми людьми. Европейскіе инструменты совершенно вытѣснили старыя туземныя орудія на Ладроновыхъ островахъ, а на Каролинскихъ—въ общемъ употребленіи испанскіе желѣзные ножи. Женщины искусно и съ большимъ вкусомъ плетутъ рогожи изъ кокосовыхъ и пандановыхъ листьевъ и другого матеріала; мужчины изготовляютъ веревки изъ кокосовыхъ волоконъ и на всѣхъ островахъ ткутъ ткань преимущественно изъ волоконъ банана. Здѣсь встрѣчаются также различнаго рода сосуды изъ шелухи кокосоваго орѣха, раковинъ и дерева, корзины, плетенныя изъ травы и листьевъ, а на островахъ Пелау—даже обожженные, но не муравленные глиняные горшки, которые въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣняются желѣзной посудой. Постели замѣнены здѣсь рогожами, подушки—камнемъ, тарелки—листьями.

Туземное микронезійское оружіе, главнымъ образомъ, заключается въ копьяхъ, частью простыхъ заостренныхъ, или же снабженныхъ крючками и зубцами акулы. На Маршальскихъ островахъ копья плохого достоинства, на Жильбертовыхъ и Каролинскихъ — они длинныя и крѣпкія, и, кромѣ того, здѣсь встрѣчаются болѣе легкія метательныя копья съ насаженными на нихъ иглами ската (zool. raja). На Япѣ ихъ бросаютъ такъ называемымъ австралійскимъ способомъ, съ помощью желобообразнаго куска бамбука. На Мульгревовомъ и Каролинскомъ архипелагахъ употребляются дубины и пращи изъ кокосовыхъ волоконъ, а на Жильбертовыхъ островахъ—родъ деревяннаго копья, усаженнаго съ обѣихъ сторонъ зубами акулы, которое представляетъ собою одно изъ самыхъ смертоносныхъ оружій. На послѣднихъ изъ названныхъ здѣсь острововъ для вооруженія служитъ еще панцырь, или грудные латы, на подобіе юбки, сплетенныя изъ крѣпкихъ кокосовыхъ веревокъ, и шлемъ изъ рыбьей кожи. Особенность подобнаго панцырьнаго одѣянія заключается въ томъ, что оно образуетъ сзади удлиненіе, прикрывающее голову. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобъ защитить затылокъ сражающихся впереди мужчинъ отъ камней, бросаемыхъ женщинами и дѣтьми, которыя также участвуютъ въ битвахъ и находятся въ заднихъ рядахъ (Schmeltz und Krause, Ethnogr.-anthrop. Abtheil. d. Mus. Godeffroy, S. 226).

Общественныя и племенныя отношенія.

Для европейца не можетъ быть болѣе поразительнаго явленія, какъ встрѣтить крайне сложную общественную организацію между людьми, стоящими, по его понятіямъ, на низкой степени цивилизаціи. Такую именно организацію мы находимъ у туземцевъ Микронезіи и при

этомъ не одинаковую на разныхъ островахъ, но постоянно соблюдаемую съ величайшею строгостью. Мы еще далеко не изучили общественныхъ отношеній всѣхъ племенъ, населяющихъ Микронезію, но то, что мы знаемъ о нѣкоторыхъ группахъ острововъ, совершенно достаточно, чтобы причислить существующій здѣсь порядокъ вещей къ самымъ любопытнымъ явленіямъ этнологіи. Всего лучше изслѣдованы въ этомъ отношеніи острова: Пелау, гдѣ профессоръ Земперъ провелъ десять мѣсяцевъ, Каролинскіе и между ними Мортлокъ, принадлежащій къ центральной части, затѣмъ группа Эбонъ, благодаря польскому натуралисту Я. Кубарю, и наконецъ Маршальскіе, о которыхъ Францъ Гернсгеймъ сообщилъ чрезвычайно подробныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ дѣлать общихъ выводовъ на основаніи данныхъ, полученныхъ этими изслѣдованіями, и поэтому будемъ разсматривать упомянутыя группы острововъ одна за другою. Общественныя условія всего проще на Маршальскихъ островахъ, гдѣ особенно бросаются въ глаза рѣзко выраженныя сословныя различія, которыя ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собой своеобразной особенности европейскихъ культурныхъ націй.

На Маршальскихъ островахъ различаютъ четыре сословія: 1) „Armidwon“ или „Kajür“, простой человѣкъ, не имѣющій никакой собственности. Затѣмъ слѣдуютъ: 2) „Leadagedag“, которому многочисленный первый классъ обязанъ доставлять пропитаніе и вообще оказывать повиновеніе; ему дозволено имѣть собственность; 3) такъ наз. „Budag“, классъ, составляемый братьями и сыновьями королей. Въ заключеніе 4) „Irod“ или король, стоящій выше остальныхъ трехъ классовъ и отъ котораго Leadagedag непосредственно получаетъ приказанія.

„Kajur“ можетъ имѣть только одну жену; такого ограниченія не существуетъ для людей высшихъ сословій, у которыхъ обыкновенно двѣ или три жены. „Irod'y“ предоставлено право отнять жену у представителя низшихъ сословій. Между тѣмъ, „Leadagedag“ не смѣетъ ни говорить съ женой Irod'a, ни посѣтить ея. Если послѣдній уѣзжаетъ куда нибудь и оставляетъ жену, то всѣ „Leadagedag“ и „Budag“, за исключеніемъ сыновей короля, должны покинуть островъ. Если женщина, принадлежащая къ высшему сословію, отвергнута своимъ мужемъ,—что случается чуть ли не ежедневно, пока нѣтъ дѣтей— то человѣкъ низшаго сословія не можетъ вступить съ нею въ бракъ, хотя ему дозволено жениться на дочери болѣе знатнаго человѣка, и онъ черезъ это причисляется къ тому сословію, къ которому она принадлежитъ по рожденію. Наслѣдникомъ короля считается не сынъ, а его меньшой братъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ жениться на всѣхъ женахъ, какія останутся послѣ покойнаго короля. Половыя отношенія представляютъ мало утѣшительнаго. Мальчики и дѣвочки сходятся гораздо ранѣе, нежели достигнутъ періода зрѣлости. Отъ дѣвушекъ вовсе не ожидаютъ и не требуютъ соблюденія цѣломудрія до замужества; противоестественные пороки также процвѣтаютъ во всей силѣ. Молодыя женщины совсѣмъ не имѣютъ дѣтей или въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и, только когда начинаютъ старѣть и дурнѣть, исполняютъ свое природное назначеніе, такъ какъ бездѣтныя жены часто подвергаются изгнанію. Нарушеніе супружеской вѣрности строго наказывается, а на сосѣднихъ Жильбертовыхъ островахъ, гдѣ женщины живутъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, наказаніе слѣдуетъ даже въ томъ случаѣ, если мужчина войдетъ въ

хижину. Только жены простыхъ людей предаются разврату; знатныя женщины, напротивъ того, очень скромны и цѣломудренны, хотя во время дѣвичества пользуются полнѣйшей свободой. На всемъ Мульгревовомъ архипелагѣ съ женщинами обращаются почтительно; ихъ вліяніе подчасъ бываетъ очень велико, такъ что онѣ ни въ какомъ случаѣ не находятся въ угнетенномъ положеніи; на нихъ лежитъ хозяйство и домашнія дѣла. На островѣ Ротакѣ убиваютъ новорожденныхъ дѣтей, и вообще, за исключеніемъ знати, ни одна женщина не имѣетъ права воспитывать болѣе троихъ дѣтей, вслѣдствіе чего на Жильбертовыхъ островахъ прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ. Островитяне Понапе, по словамъ І. Кубаря, отличаются чрезмѣрною чувственностью и звѣрствомъ. Такимъ образомъ, при завѣдомой грубости этихъ людей, нельзя ожидать отъ нихъ проявленій любви и чести въ европейскомъ смыслѣ. Чувство и взаимная склонность вовсе не принимаются въ разсчетъ и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о честности отношеній и стыдливости. Тѣмъ не менѣе, ошибутся тѣ, которые изъ этого выведутъ заключеніе, что здѣшнимъ туземцамъ присущи только противоположныя свойства и что чувство стыдливости вовсе незнакомо имъ; мы, наоборотъ, не видимъ въ ихъ пріемахъ ничего неблагопристойнаго, и въ своемъ поведеніи они не переходятъ границъ приличія, что нерѣдко вводило въ заблужденіе и побуждало принимать эту кажущуюся нравственность за дѣйствительную. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдней въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, вовсе не существуетъ у этихъ народовъ, и потому д-ръ Финчъ считаетъ нужнымъ опровергнуть мнѣніе, повторяемое въ стольких книгахъ, будто бы разныя добродѣтели туземцевъ, мало по малу, исчезли съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ сношенія съ бѣлыми людьми.

На всѣхъ островахъ Маршальской и Каролинской группъ, за исключеніемъ одного остр. Япъ, мы встрѣчаемъ ту же исходную точку соціальныхъ учрежденій, а именно, что обособленіе пламени обусловлено единствомъ крови по женской линіи. На островѣ Япъ мать не принимается въ разсчетъ, и сынъ наслѣдуетъ отцу, хотя ясно видны слѣды первоначальнаго племенного устройства, основаннаго на сродствѣ по женской линіи. То же самое устройство было нѣкогда въ Полинезіи, гдѣ потомству по женской линіи отдавалось предпочтеніе и, напр., титулъ вождя и званіе переходили не къ сыну, а къ брату отца. Это племенное устройство, повидимому, всего лучше сохранилось на Каролинскихъ островахъ и на Мортлокѣ. Каждое отдѣльное племя имѣло достаточно простора для независимаго существованія. Смѣшеніе племенъ съ цѣлью государственнаго объединенія выражается менѣе ясно, нежели на островахъ Пелау и Понапе, или, быть можетъ, они были менѣе подчинены произволу отдѣльныхъ племенъ и ихъ вождей, какъ это мы видимъ на Маршальской группѣ.

Житель острова Мортлока называетъ брата или сестру „Pui (puim, puin и т. д.) и считаетъ своимъ братомъ, „puin“, каждаго человѣка, котораго мать была одной крови съ его матерью. Словомъ „Puipui“ онъ обозначаетъ родство вообще и всѣхъ родственниковъ съ материнской стороны. Родныхъ съ отцовской сторонъ онъ не считаетъ „Puipui“. Такимъ образомъ, „Puipui“ соотвѣтствуетъ понятію о племени и служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ явленій государственной жизни. Къ одному племени принадлежатъ субъекты обоего пола, которые, согласно преданію, могутъ вывести свой родъ отъ одной и той-же

женщины. Мужчина и женщина, будучи членами одного племени, считаются братомъ и сестрой, не могутъ вступать въ бракъ или наносить другъ другу вредъ физическій или нравственный. Узы племенного сродства не имѣютъ никакого отношенія къ разстоянію и географическому раздѣленію. Такимъ образомъ, государства сражаются только съ чуждыми имъ племенами. Если на островѣ находятся племена a и b и другой островъ населенъ тѣми же племенами, то a одного острова должно сражаться съ b другого, и равнымъ образомъ, b перваго острова съ племенемъ a послѣдняго. Кромѣ этого племенного дѣленія, на Каролинскихъ островахъ не существуетъ никакого другого, какъ, напр., дѣленія на сословія, классы, тайныя братства и т. п. Обыкновенно каждое племя владѣетъ извѣстной полосой земли, которую онъ, въ качествѣ собственности, защищаетъ отъ нападеній другихъ племенъ и образуетъ собой государство, какъ бы оно ни было незначительно. Если племя владѣетъ большимъ пространствомъ земли на другомъ островѣ, то возникаетъ другое государство, независимое отъ перваго, но которое не можетъ отречься отъ сродства съ нимъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Племя, находящееся при этихъ условіяхъ, не долговѣчно, потому что мужчины и женщины обоихъ государствъ не могутъ вступать между собой въ бракъ. Для своего дальнѣйшаго существованія оно должно вступить въ сношенія съ постороннимъ племенемъ, чтобы имѣть возможность разсчитывать на потомство. Чѣмъ большее количество женщинъ принадлежитъ къ племени, тѣмъ больше браковъ и потомства и тѣмъ больше шансовъ на вѣрное существованіе. Отсюда происходитъ выдающееся положеніе женщины, которое выражается тѣмъ, что старѣйшую женщину племени признаютъ его главой въ соціальномъ отношеніи и что всѣ относятся къ ней съ особеннымъ уваженіемъ.

Вліяніе и значеніе женщины въ племени не одинаковы на разныхъ Каролинскихъ островахъ. Большая или меньшая степень уваженія зависитъ отъ условій, при которыхъ соединились племена, чтобы образовать отдѣльное государство. Старѣйшая женщина племени называется повсемѣстно, какъ и политическій глава племени мужского пола,—„вождемъ“. На островахъ Пелау, при старѣйшей женщинѣ, „королевѣ женщинъ“, состоитъ извѣстное число вождей женскаго пола, образующихъ „Rupak el dil“ и пользующихся большимъ вліяніемъ въ обществѣ (Journal des Museum Godeffroy, Heft IV, S. 39 (215). То же самое видимъ мы и у „Tips“ (племенъ) на островѣ Понапè.

Политическій глава племени есть старѣйшій человѣкъ изъ старѣйшей семьи племени. Всѣ называютъ его своимъ главой, „Somol“. Вождь называетъ каждаго принадлежащаго къ его племени “Pui“, т. е. братомъ и сестрою, безъ различія возраста. Если умираетъ вождь, то ему наслѣдуетъ братъ, а если послѣдняго не оказывается, то его ближайшій родственникъ мужскаго пола. Если вымираетъ старѣйшая семья, то за ней слѣдуетъ ближайшая по старшинству, такъ что самый незнатный человѣкъ племени можетъ сдѣлаться его вождемъ, если до него дойдетъ очередь. Каждая деревня образуетъ собой небольшое племя или семью, изъ которой исключается потомство по мужской линіи и соблюдается только по женской. Если нѣсколько деревень связаны между собой племеннымъ родствомъ, то одна изъ нихъ, въ которой живетъ старѣйшая семья, доставившая вождя для племени, признается главной. Каждая изъ этихъ деревень, значеніе которыхъ опредѣляется въ постепенномъ порядкѣ, можетъ сдѣлаться главной деревней племени, если вымерли старѣйшія семьи въ стоявшихъ на очереди деревняхъ. Люди, принадлежащіе къ одному племени, владѣютъ извѣстнымъ пространствомъ земли, которое дѣлится между

маленькими общинами; изъ послѣднихъ каждая составляетъ особую колонію. Такое поселеніе называется „Кеу", а вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ землями „bеу". Такимъ образомъ, племя раздѣлено на округи, „bеу", изъ которыхъ каждый имѣетъ своего вождя мужскаго пола, „Somol", старѣйшаго человѣка общины, который является его представителемъ для внѣшнихъ сношеній. „Bеу" бываютъ различныхъ размѣровъ; во главѣ ихъ находится главная деревня, „Кеу Somol", гдѣ живетъ глава племени. Внутреннее устройство поселенія „kеу" служитъ очевиднымъ доказательствомъ общепринятаго правила, что оба пола въ племени должны смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ и сестеръ. Въ каждомъ „kеу" встрѣтается большой домъ „Le fel", служащій ночлегомъ для вождя и мужскаго населенія; вокругъ расположены маленькія хижины, въ которыхъ живутъ женщины, однѣ или съ своими мужьями (не принадлежащими къ племени). „Кеу" не есть собственно деревня въ обыкновенномъ смыслѣ, гдѣ въ домахъ уютно располагаются семьи; здѣсь, наоборотъ, мужчины и женщины строго отдѣлены другъ отъ друга; всѣ традиціонныя постановленія, перешедшія въ нравы и обычаи, направлены къ тому, чтобы сдѣлать невозможными сношенія между мужчинами и женщинами одного племени. Такимъ образомъ, братъ и сестра никогда не спятъ въ одномъ домѣ; сынъ ночуетъ съ отцомъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, наз. „Fel"; дочь съ матерью въ „Im". Жена вождя извѣстнаго „bеу" (округа) не смѣетъ входить въ Fel, а равно и женщина того-же племени изъ какого либо иного „bеу"; между тѣмъ какъ по закону входъ не запрещенъ женщинамъ другого племени. Это стремленіе удержать хотя въ удаленіи другъ отъ друга лицъ разнаго пола, принадлежащихъ къ одному племени, имѣло различныя послѣдствія. Прежде всего оно вызвало рядъ обычаевъ и запрещеній, умаляющихъ значеніе женщины въ племени и ставящихъ ее на болѣ низкую ступень общественнаго положенія, нежели мужчину. Такъ, напримѣръ, женщина въ присутствіи мужчины не смѣетъ стоять около своего родного брата или прикоснуться къ нему рукой. Если она, идя по берегу, видитъ его сидящимъ, то она должна попросить его отойдти; если онъ остается на мѣстѣ и ей приходится пройдти мимо него, то она должна сдѣлать это согнувшись. Одинъ изъ позднѣйшихъ путешественниковъ спросилъ островитянина Мортлока о значеніи этого обычая; тотъ отвѣтилъ, что женщина не равна мужчинѣ и, если его сестра по племени, проходя мимо, остановится и будетъ стоять надъ нимъ, то ему не избѣжать смерти. Но этотъ обычай, повидимому, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ строгаго разграниченія половъ, потому что не примѣняется относительно женщинъ, принадлежащихъ къ другому племени. Запрещеніе женщинамъ приближаться къ мужчинѣ особенно строго соблюдается относительно вождя. Женщинѣ не дозволяется входить въ домъ вождя даже во время его отсутствія. Половое сближеніе между лицами одного племени считается вопіющимъ кровосмѣшеніемъ и возбуждаетъ жажду мести во всѣхъ соплеменникахъ, такъ какъ можетъ быть искуплено только смертью.

Подобное племенное устройстройство имѣетъ еще то послѣдствіе, что мужчины должны отыскивать себѣ женъ и женское общество внѣ своего племени и поэтому всегда находятся въ отсутствіи. Болѣе пожилые мужчины, женившись на женщинѣ другого племени, должны оставаться при ней и обработывать принадлежащую ей землю. При этомъ они имѣютъ еще собственную землю въ своемъ племени, т. е. на своей родинѣ, и всѣ собранные на ней продукты большею частью отдаютъ семейству жены. Молодые люди, отыскивающіе себѣ женъ, освобождаются отъ всѣхъ обязанностей; они бродятъ безъ дѣла по чужимъ деревнямъ, наряжаются, чтобы произвести возможно лучшее впечатлѣніе на дочерей страны, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ восхода мѣсяца, такъ какъ обыкновенно въ той или другой деревнѣ устраивается въ это время „Urur", т. е. собранія на морскомъ берегу, гдѣ молодежь обоихъ половъ про-

водитъ иногда цѣлыя ночи въ пѣніи и танцахъ. Здѣсь, осыпая дѣвушекъ подарками, мортлокскіе Донъ-Жуаны пожинаютъ лавры и выбираютъ невѣстъ. У племени Сопунъ дѣвушку считаютъ добродѣтельной, пока она не вошла въ сношенія съ человѣкомъ своего племени, такъ какъ до замужества она пользуется полной свободой и можетъ безъпрепятственно сноситься съ мужчинами, принадлежащими къ другому племени. Однако, несмотря на это, внѣшнія приличія соблюдаются до такой степени, что въ присутствіи женщины и при ея соплеменникѣ не дозволено вести никакихъ вольныхъ разговоровъ, ни даже произносить такія слова, какъ, напр., пупъ, животъ, „kinsak" (поясъ), или „aroar" (повязка покрывающая бедра). Если двѣ послѣднія принадлежности женскаго туалета не надѣты ею, а лежатъ на землѣ, то дозволяется назвать ихъ, и это не считается прегрешеніемъ противъ приличій. О женщинѣ можно только давать хорошіе отзывы въ присутствіи ея соплеменника, такъ какъ всякій язвительный намекъ на нее считается смертельной обидой. Если отецъ находитъ свою дочь безнравственной, то онъ не смѣетъ дѣлать никакихъ замѣчаній матери, потому что мать и дочь принадлежатъ къ одному племени. Мать никогда не прибѣгаетъ къ авторитету отца противъ дочери, сестра ни въ какомъ случаѣ не выдастъ тайны сестры. Что касается нравственности, то мортлокская островитянка далеко превосходитъ женщинъ другихъ островов. Замужнія женщины въ Мортлокѣ отличаются супружескою вѣрностью и преданностью, нѣжно заботятся о мужѣ и дѣтяхъ и крайне застѣнчивы въ своемъ обращеніи съ посторонними.

Каждый мужчина самъ исполняетъ лежащія на немъ работы; даже вождь собственноручно обрабатываетъ свои поля таро, что считается особеннымъ искусствомъ, которымъ обладаютъ немногіе. Вождь облеченъ безграничной властью относительно земли, принадлежащей племени. Земля, большею частью, раздѣлена между различными „key"; незаселенныя пространства земли принадлежатъ главному „key" и составляютъ какъ бы непосредственную собственность вождя. Земля, принадлежащая каждому отдѣльному „key", находится въ вѣдѣніи старѣйшаго представителя „bey" (см. выше), пока онъ вѣрно исполняетъ свои обязанности, относительно главнаго вождя. Въ случаѣ, если онъ утаитъ отъ послѣдняго первые плоды земли или выкажетъ непослушаніе, то этотъ имѣетъ право замѣнить его другимъ, изъ того же „bey". Вождь распоряжается произвольно только землей собственнаго „bey" и въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ на это согласіе своихъ соплеменниковъ. Онъ дѣлитъ землю между женщинами „bey" и даетъ каждому изъ своихъ дѣтей по клочку земли. Подобное дѣленіе неизбѣжно привело бы къ утратѣ земли для племени, такъ какъ дѣти вождя принадлежатъ къ тому племени, изъ котораго избранъ ихъ отецъ; но эта кажущаяся потеря восполняется тѣмъ, что вождь съ своей стороны даритъ извѣстное пространство земли членамъ подвластнаго ему племени. Къ тому же, дѣти вождя всегда берутъ себѣ женъ изъ того племени, которымъ правилъ ихъ отецъ, и, слѣдовательно, ихъ потомки причисляются къ тому же племени, такъ что земля въ дѣйствительности не выходитъ изъ владѣнія племени. Равнымъ образомъ, старѣйшины каждаго отдѣльнаго „bey" могутъ надѣлять своихъ дѣтей землями „bey", но не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія главнаго вождя (Ioh. Kubary in den Mitheil. der geograph. Gesellsch. in Hamburg 1878—1879, S. 247—253).

У нѣкоторыхъ путешественниковъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, будто бы у однихъ только полинезійскихъ народовъ существуетъ обычай подвергать „tabu", или запрещенію, налагаемому главнымъ жрецомъ, людей, звѣрей и другіе предметы, съ цѣлью огражденія ихъ отъ всякаго произвола или прикосновенія. Но это совершенно ошибочно. Мы

уже познакомились съ подобнымъ обычаемъ на Гебридскихъ островахъ и Фиджи, гдѣ его обозначаютъ словомъ „tambu". Этотъ обычай господствуетъ также на Каролинскихъ островахъ и Пелау, только подъ другимъ названіемъ, какъ, напримѣръ, „blul" на Пелау. По словамъ Карла Земпера, такое же обыкновеніе существуетъ у многихъ малайскихъ племенъ, хотя и не въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, какъ у полинезійцевъ. Аналогичный этому обычай существуетъ и на Каролинскихъ и Мортлокскихъ островахъ.

Помимо формальной власти вождя надъ землей, принадлежащей племени, вождь имѣетъ еще право наложить на нее временное запрещеніе „puauu", въ силу котораго никто не смѣетъ пользоваться ея продуктами. Эта мѣра можетъ быть вызвана многими причинами и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ слѣпого выраженія воли вождя. Обыкновенно запрещеніе касается только кокосовыхъ пальмъ, за исключеніемъ ростущихъ около частныхъ жилищъ. Такое „puauu" налагается ежегодно, во время сбора плодовъ хлѣбнаго дерева, но это только политико-экономическая мѣра, въ виду заботливости о племени: безъ этого запрещенія, жители, имѣя достаточный запасъ плодовъ хлѣбнаго дерева для пищи, употребляли бы также спѣлые кокосовые орѣхи, вслѣдствіе чего имъ пришлось бы голодать въ періодъ сѣверныхъ вѣтровъ. Благодаря этому, впродолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, пока длится запрещеніе, набирается такое количество орѣховъ, что оно оказывается достаточнымъ для прокормленія населенія въ голодное время. Другимъ поводомъ къ наложенію запрещенія служитъ смерть соплеменника или какого нибудь лица, почему либо близкаго для племени. Этотъ траурный „puauu" можетъ быть наложенъ на большій или меньшій срокъ, на цѣлый островъ или только на извѣстную его часть. При этомъ „puauu" называется по имени умершаго, и орѣхи, собранные въ это время, отдаютъ его родственникамъ, въ видѣ траурнаго подарка. Если оказывается нѣсколько покойниковъ, по которымъ нужно справлять трауръ, то слѣдуетъ рядъ запрещеній, смотря по степени уваженія, съ какимъ племя относится къ покойнику. „Puauu" соотвѣтствуетъ европейскому придворному, или, лучше сказать, государственному трауру и представляетъ собою родъ культа умершему, духъ котораго успокаивается и увеличиваетъ собою число добрыхъ божествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это служитъ средствомъ для сосѣднихъ племенъ выразить степень своей дружбы трауромъ, предписаннымъ политикой. Если умретъ вождь у племени Ue или Sor, то племя Sopun налагаетъ на себя глубокій трауръ, посылаетъ своимъ сосѣдямъ собранные орѣхи и за оказанное уваженіе получаетъ отъ нихъ соотвѣтствующій подарокъ. Посмертный „puauu" налагается также на поземельную собственность умершаго, которая остается неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока вождь самъ не сниметъ запрещенія. Самый строгій „puauu" назначается послѣ смерти вождя. Въ этомъ случаѣ все племя отрѣшается отъ какихъ либо внѣшнихъ сношеній; выставленные на границѣ знаки воспрещаютъ входъ всякому чужестранцу, подъ страхомъ смертной казни.

Хотя вождь имѣетъ достаточно средствъ для личнаго содержанія изъ своего собственнаго „bey", гдѣ жены его заботятся о доставленіи ему необходимаго продовольствія, но при этомъ само собою разумѣется, что все племя или всѣ „bey" доставляютъ ему извѣстную матеріальную помощь. Объ ежедневной поставкѣ не можетъ быть и рѣчи, въ виду скудныхъ продуктовъ земли, и поэтому вносится опредѣленная подать въ извѣстныя времена года. Всѣ относятся съ глубочайшимъ уваженіемъ къ главному вождю, который считается первымъ лицемъ въ племени, но у него нѣтъ никакого внѣшняго

знака его достоинства и ему не оказываютъ также никакихъ особенныхъ внѣшнихъ почестей. Что касается женщинъ, то ихъ отношенія къ вождю тѣ же, что и къ другимъ соплеменникамъ. Теоретически, племенное устройство даетъ вождю значеніе первой важности и неограниченную власть надъ племенемъ; но онъ не можетъ распоряжаться жизнью и смертью, такъ какъ никто не имѣетъ права покуситься на жизнь своего соплеменника. Смертная казнь можетъ быть назначена только въ тѣхъ случаяхъ, если кто, по своему поведенію, окажется недостойнымъ принадлежать къ племени. Вождь имѣетъ право назначать тѣлесное наказаніе и примѣняетъ его stante pede, въ случаяхъ накрытія кражи на мѣстѣ преступленія и другихъ злоупотребленій молодежи.

Вождь всего болѣе обязанъ своимъ вліяніемъ въ племени религіозному культу. Духи предковъ представляютъ собою божества „Ani" у мортлоковъ, и поэтому естесвенно, что божества главнаго „bey", или духи предковъ вождя, считаются главными богами племени. Они охраняютъ вождя и мстятъ за каждый совершенный противъ него проступокъ. Этого вѣрованія вполнѣ достаточно, чтобы поддержать авторитетъ вождя у первобытнаго народа, пребывающаго въ значительной стадіи своего существованія, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго примѣра. Островитянинъ Мортлока, въ случаѣ заболѣванія, прежде всего обращается къ собственнымъ божествамъ и призываетъ души своихъ предковъ; если вслѣдъ затѣмъ не наступаетъ облегченія, то его ближайшіе родственники совѣтуются между собою и употребляютъ старанія, чтобы отыскать причину болѣзни. Если же окажется, что больной присвоилъ себѣ большую рыбу или втайнѣ нарушилъ „puaun", сорвавъ нѣсколько орѣховъ, то ничего не остается, какъ призвать боговъ вождя. Послѣднее дѣлается только съ разрѣшенія вождя, и, чтобы получить таковое, ему дѣлаютъ подарки, исповѣдаются въ совершенномъ преступленіи и просятъ у него прощенія. Вождь призываетъ тогда своихъ боговъ и сообщаетъ ихъ волю роднымъ больного (Ioh. Kubary, A. a. O., S., 254—257).

Не менѣе своеобразны государственныя и общественныя учрежденія въ восточныхъ Каролинахъ, на такъ называемыхъ островахъ Пелау. Здѣсь мы впервые знакомимся съ значеніемъ слова „mugul", въ противоположность съ словомъ „tokoi", которыя чрезвычайно часто употребляются въ разговорѣ мѣстныхъ жителей. Первое означаетъ „дурной", второе—„хорошій" обычай. Такимъ образомъ, слово „mugul" служитъ выраженіемъ чего-то несовмѣстимаго съ условнымъ нравственнымъ кодексомъ островитянъ, потому что, несмотря на распущенность нравовъ, у нихъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ твердо установленный этикетъ, благодаря государственному строю, который можетъ быть назанъ строго аристократическимъ. При крайне недостаточномъ и неясномъ пониманіи этическаго значенія законовъ, привычка и обычай только и могутъ служить мѣриломъ поступковъ для единичныхъ личностей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Острова Пелау, равнымъ образомъ, распадаются на множество мелкихъ государствъ, иногда по нѣсколько на одномъ и томъ-же островѣ. По свидѣтельству Земпера, въ государствѣ Айбукитѣ, на Батетаубѣ, господствуютъ два короля, „Mad" и „Krei". Оба они въ юности имѣли другія имена, но перемѣнили ихъ при вступленіи въ должность на неизмѣнные титулы, связанные съ королевскимъ саномъ. Одинаковыми правами съ ними пользуются одни „rupack", князья, которые образуютъ собой первое сословіе въ государ-

ствѣ. „Mad“ и есть собственно король, потому что онъ предсѣдательствуетъ въ княжескомъ совѣтѣ, назначаетъ и устраиваетъ религіозныя празднества; на его обязанности лежитъ все, что касается культа предковъ. Второй сановникъ государства, „Krei“ — воинъ и предводитель; онъ распоряжается общественными работами и исполняетъ какъ-бы должность мажор-дома. Въ княжескомъ совѣтѣ оба короля сидятъ другъ противъ друга, окруженные своими свитами, состоящими изъ мелкихъ князьковъ, которые неразлучны съ ними и въ частной жизни. Каждый изъ королей является не только главою князей, но и представителемъ своей свиты, съ которой онъ сообща занимаетъ большой домъ, называемый здѣсь „bai“ (=fel на о. Мортлокѣ), гдѣ члены этого страннаго союза, или клуба, „clöbbergöll'a“, проводятъ ночи и большую часть дня. Во второмъ сословіи, такъ называемыхъ мелкихъ князей („Kikerirupack“), или свободныхъ людей, а равно и въ третьемъ, къ которому принадлежатъ рабы („Armeau“), существуютъ подобные-же, но несравненно болѣе многочисленные „clöbbergöll“, которые всего болѣе напоминаютъ собой устройство нашихъ европейскихъ полковъ. Въ сущности здѣсь введена общая воинская повинность, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и такъ глубоко охватывающая всѣ соціальныя отношенія, что мы съ трудомъ можемъ составить себѣ объ этомъ ясное представленіе. Все мужское населеніе принадлежитъ къ которому нибудь изъ „clöbbergöll“ и подъ страхомъ большого денежнаго штрафа обязано безпрекословно исполнять извѣстныя общественныя обязанности, а именно: 1) службу на сушѣ и водѣ во время войны; 2) всѣ необходимыя работы по случаю приготовленій къ какимъ-бы то ни было общественнымъ празднествамъ; 3) постройку домовъ для помѣщенія „clöbbergöll“; 4) шитье парусовъ для военныхъ лодокъ; 5) ловлю извѣстныхъ рыбъ. Всѣ эти работы на службѣ „clöbbergöll'a“, или государства, обозначаются словомъ „makesang“, которое нельзя перевести ни на какой другой языкъ. Мальчики, начиная съ пяти или шестилѣтняго возраста, должны непремѣнно вступить въ „clöbbergöll“. Въ послѣднемъ свободные люди и рабы не строго отдѣлены другъ отъ друга, хотя первые все-таки пользуются извѣстными преимуществами, не только въ качествѣ свободныхъ людей, но и потому, что изъ ихъ среды избираются князья, отчасти по наслѣдственному праву и частью по свободному выбору. Такимъ образомъ, многіе только до извѣстнаго возраста принадлежатъ къ одному изъ многочисленныхъ „clöbbergöll“ низшаго разряда, а затѣмъ въ качествѣ „rupack“ вступаютъ въ княжескій совѣтъ, тогда какъ мужчины изъ зависимаго сословія „Armeau“ до конца жизни остаются во второстепенныхъ „clöbbergöll“. Если они выходятъ изъ нихъ, то вслѣдствіе того, что въ каждомъ отдѣльномъ „clöbbergöll“, число членовъ котораго доходитъ отъ 35 до 40 человѣкъ, допускаются только мальчики или мужчины одинаковаго возраста, такъ что всякій въ продолженіи своей жизни (при нормальной долговѣчности) перебываетъ по крайней мѣрѣ въ трехъ или четырехъ подобныхъ общинахъ (Semper, Palauinseln, S. 35—37). Каждый „clöbbergöll“ имѣетъ свое особое названіе.

Женщины совершенно такимъ-же образомъ составляютъ свои товарищества и имѣютъ своихъ начальствующихъ лицъ. Онѣ наравнѣ съ мужчинами пользуются признанными правами корпораціи, хотя при этомъ не обязаны принимать участія въ публичныхъ работахъ и на войнѣ, ни жить въ общественныхъ домахъ. Каждая хозяйка отдѣльно справляетъ работы по дому и въ полѣ; если женщинамъ приходится прибѣгать къ взаимной помощи, то развѣ только по случаю частныхъ празднествъ, которыя устраиваются въ честь чужеземцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что повидимому потребность извѣстнаго представительства въ государствѣ со стороны женщинъ, признанная мужскимъ населеніемъ, вызвала женскія „clöbbergöll“ и побудила дать имъ разныя привиллегія, которыми они несомнѣнно пользуются (A. a. O. S. 72—73). Не только

отдѣльные индивидуумы имѣютъ своего закадычнаго друга, „sakalik“ (что означаетъ въ буквальномъ переводѣ „мой другъ“), но каждый „clöbbergöll“ можетъ избрать себѣ одного или нѣсколькихъ такихъ „sakalik“, и даже разомъ цѣлый „clöbbergöll“. Положеніе „sakalik'a“ крайне выгодное: всѣ его желанія исполняются; но онъ, съ своей стороны, обязанъ безусловно посвятить себя возложенной на него роли. Такъ, напримѣръ, въ мѣста сборищъ женскаго „clöbbergöll'a“ не имѣетъ права войдти ни одинъ мужчина, кромѣ избраннаго или избранныхъ „sakalik“. Само собою разумѣется, что, если мы примемъ мѣриломъ нашего сужденія европейскія понятія, то найдемъ, что на островахъ Пелау господствуютъ крайне легкомысленные нравы во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Островитяне считаютъ „mugul“ (неприличнымъ), когда мужчина ночуетъ въ домѣ, гдѣ живетъ его полигамическая семья; поэтому онъ проводитъ ночь въ „bai“ своего „clöbbergöll'a“. Мужъ и жена видятся только днемъ въ своемъ домѣ; на улицѣ они дѣлаютъ видъ, что незнакомы другъ съ другомъ. Если жена разсердится на мужа, то она спасается бѣгствомъ въ ближайшій „bai“; тогда мужъ не иначе можетъ помириться съ нею, какъ выкупивъ ее отъ „clöbbergöll'a“, которому принадлежитъ „bai“. Въ противномъ случаѣ, онъ лишается всякихъ правъ на нее и она остается у мужчинъ этого „clöbbergöll'a“ до тѣхъ поръ, пока ея не выкупитъ какой нибудь другой человѣкъ, болѣе могущественный, нежели ея прежній мужъ. Замѣтимъ кстати, что на островахъ Пелау общепринятый обычай, чтобы жены убѣгали этимъ способомъ отъ своихъ мужей. Сверхъ того, въ мужскихъ „bai“ всегда находятся въ услуженіи незамужнія дѣвушки, „armungul“; имъ очень нравится вольная и независимая жизнь, какую онѣ ведутъ здѣсь, и въ особенности тѣ услуги, которыми онѣ пользуются со стороны замужнихъ женщинъ. Послѣднія обязаны ежедневно приносить пищу въ „bai“ для „armungul“, потому что законная жена не должна выказывать передъ свѣтомъ, что она находится въ близкихъ сношеніяхъ съ мужемъ, иначе мужчинамъ приходилось-бы обходиться безъ прислуги. „Armungul“ обыкновенно остаются въ „bai“ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, научаются здѣсь служить мужчинамъ и повиноваться имъ, а затѣмъ, возвращаясь домой, приносятъ родителямъ хорошія деньги. Женщины на островахъ Пелау въ восхищеніи отъ этого обычая и находятъ его вполнѣ цѣлесообразнымъ. Случилось разъ, что цѣлый женскій „clöbbergöll“, въ полномъ своемъ составѣ, убѣжалъ ночью въ мужской „clöbbergöll“, находящійся на другомъ островѣ. Д-ръ Земперъ, разговаривая объ этомъ съ одной своей пріятельницей-островитянкой, сталъ доказывать ей неприличіе такого поступка и спросилъ, почему ея соотечественницы не уѣхали днемъ. На это онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ, вполнѣ характеризующій образъ мыслей этихъ первобытныхъ людей: „Нѣтъ, докторъ, этого никакъ нельзя было сдѣлать; если-бы мужчины нашей деревни увидѣли ихъ, то произошла-бы жестокая битва. Они собственно не должны были дозволить дѣвушкамъ уѣхать съ острова; поэтому бѣгство и устроено было ночью, втайнѣ отъ нихъ, чтобы не началась ссора. Было-бы очень жаль, если-бы тутъ погибло нѣсколько нашихъ мужчинъ безъ всякой пользы: когда дѣвушки подростутъ, онѣ все равно должны отправиться въ „bai“: это нашъ „Makesang“. Женскій „clöbbergöll“, достигнувъ извѣстнаго возраста, во всякомъ случаѣ обязанъ поступить куда нибудь. Ни одна дѣвушка не смѣетъ остаться на мѣстѣ; если она это сдѣлаетъ, то получитъ выговоръ отъ родителей и не скоро найдетъ себѣ мужа, потому что прослыветъ во всемъ государствѣ за неловкую и глупую дѣвушку, и никто не захочетъ взять ее въ жены. А тѣ изъ нихъ, которыя поживутъ въ „bai“ и послѣ этого вернутся домой, тотчасъ-же выходятъ замужъ“ (A. a. O., S. 324). Профессоръ Земперъ предполагаетъ, что „bai“ съ рѣзко выраженной раздѣльной жизнью обоихъ половъ—папуасскаго происхожденія, и приводитъ въ подтвержденіе этого нѣсколько доводовъ, изъ которыхъ выводитъ заключеніе, что нѣкогда подоб-

ныя учрежденія существовали во всей Полинезіи, но на островахъ Пелау обозначались всего рѣзче и проще, въ видѣ „clöbbergöll“. Въ Микронезіи мы находимъ слѣды тѣхъ-же учрежденій. Такъ, напримѣръ, у Chamorro, на Ладронахъ, существовали „ulitao“, общества, которыя въ отдѣльныхъ деревняхъ имѣли особые дома, гдѣ они справляли оргіи, доходившія до кровосмѣшенія, и не только не считалось постыднымъ, если дѣвушки посѣщали ихъ, но это даже вмѣнялось имъ въ честь (Wailz-Gerland, Anthropologie der Naturvölker, Bd. V, Abtheil. 2, S. 148—149). Судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ, „ulitao“ ничѣмъ не отличались отъ „clöbbergöll“ острововъ Пелау.

Несмотря на свободу, предоставленную женщинамъ, бракъ на Каролинахъ признается священнымъ и замужнюю женщину охраняютъ самымъ заботливымъ и ревнивымъ образомъ. Хотя за каждое нарушеніе супружеской вѣрности наложенъ штрафъ, размѣръ котораго строго опредѣленъ, сообразно стоимости денегъ, употребляемыхъ въ странѣ (осколки пестраго стекла или ручки старыхъ горшковъ), но, тѣмъ не менѣе, мужъ на островахъ Пелау можетъ моментально наказать своего соперника смертью, если застанетъ его in flagranti, и отказатися отъ предлагаемой ему денежной платы. Кромѣ того, здѣсь распространенъ обычай принимать въ домъ чужихъ дѣтей, а именно мальчиковъ, съ которыми обращаются какъ съ собственными дѣтьми, такъ что впослѣдствіи, достигнувъ извѣстнаго возраста, они нерѣдко совершенно забываютъ, что принадлежатъ къ другой семьѣ.

На островахъ Пелау престолъ передается по наслѣдству въ женской линіи, но только сыновья сестры короля имѣютъ право наслѣдовать ему. Въ сущности каждая деревня сама по себѣ образуетъ отдѣльное государство, гдѣ для соотвѣтствующихъ должностей существуютъ особыя названія, которыя никогда не бываютъ одинаковы съ тѣми, какія приняты въ сосѣднемъ государствѣ. Крайне своеобразенъ такъ наз. „Klilt“, родъ настоящаго кавалерскаго ордена, который издавна употребляется здѣсь. Это ничто иное какъ первый шейный позвонокъ индѣйской морской коровы (Halicore dujong); одинъ король имѣетъ право жаловать имъ, и только онъ можетъ вновь отнять его у человѣка, заслужившаго немилость. Надѣваніе и снятіе ордена сопряжено съ мучительной процедурой: руку втискиваютъ силой въ узкое отверстіе позвонка; при этомъ нерѣдко ломаютъ который либо изъ пальцевъ, а кожа всякій разъ неизбѣжно сдирается. Этотъ знакъ отличія жалуется только князьямъ и свободнымъ людямъ. Мужчины, принадлежащіе къ сословію „Armeau“, равно и женщины, никогда не получаютъ его. На Маршальскихъ островахъ короли и вожди пользовались большимъ могуществомъ и почетомъ до прибытія англійскихъ миссіонеровъ; но съ тѣхъ поръ они потеряли свое значеніе. Въ былыя времена между многочисленными живущими здѣсь народами довольно обыкновеннымъ явленіемъ были войны; въ настоящее время онѣ случаются рѣже и не сопровождаются большимъ кровопролитіемъ.

Войны на Маршальскихъ осторахъ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что одна партія сожигаетъ у другой хижины и портитъ возможно большее количество кокосовыхъ пальмъ. Но дѣло почти никогда не кончается битвой. Одна изъ партій, обыкновенно слабѣйшая, укрѣпляетъ свою позицію съ по-

мощью толстой стѣны, сложенной изъ каменьевъ, съ двумя узкими выходами, у которыхъ поставлены старыя, безвредныя пушки. Внутри стѣнъ стоятъ построенныя въ рядъ хижины, въ которыхъ скрываются семьи и сложено имущество. Воины съ головы до ногъ натерты масломъ, волосы убраны перьями и полосками, вырѣзанными изъ бумаги; на шеѣ и рукахъ одѣты вѣнки и украшенія изъ раковинъ. Въ такомъ видѣ они гордо прогуливаются взадъ и впередъ между хижинами. Вмѣсто прежняго копья, они вооружены ружьями, винтовками, а подчасъ и хорошими карабинами. Если осажденные дѣлаютъ вылазки противъ осаждающихъ, то сжигается значительное количество пороху, хотя безъ особеннаго кровопролитія. Число убитыхъ въ мѣсяцъ едва доходитъ до трехъ или четырехъ человѣкъ. Въ концѣ концовъ осаждающіе утомляются и уходятъ, не окончивъ дѣла; но если на ихъ сторонѣ существенный перевѣсъ численности, благодаря перебѣжчикамъ или союзникамъ съ сосѣдняго острова, которые присоединились къ нимъ, то война длится болѣе продолжительное время, и осажденная партія, вынужденная голодомъ, сдается. Въ этомъ случаѣ убиваютъ предводителя, а иногда и нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, и война кончается; но вся страна и деревья приведены въ такой несчастный видъ, что въ слѣдующіе 6—8 мѣсяцевъ свирѣпствуетъ величайшій голодъ, который на островахъ Ротакъ нерѣдко достигаетъ такихъ размѣровъ, что туземцы ѣдятъ крысъ.

Всѣ островитяне Микронезіи чувствуютъ особенное пристрастіе къ танцамъ и пѣнію. Пляска состоитъ въ мѣрныхъ движеніяхъ подъ тактъ монотоннаго пѣнія; при этомъ всего болѣе приводится въ движеніе туловище, между тѣмъ какъ ноги остаются сравнительно въ спокойномъ положеніи. Въ былыя времена нерѣдко исполнялись непристойные танцы, но съ тѣхъ поръ, какъ на островахъ поселились европейцы и миссіонеры, они происходятъ большею частью келейнымъ образомъ, вдали отъ постороннихъ глазъ. Острова Пелау особенно богаты разнообразными танцами; есть даже отдѣльные танцы для мужчинъ и женщинъ. Одинъ изъ послѣднихъ подробно описанъ профессоромъ Земперомъ (Die Palauinseln, S. 250—251). Онъ также знакомитъ насъ съ крайне непристойнымъ „луннымъ танцемъ“, который исполняется женщинами (A. a. O., S. 294), а также съ такъ называемой „крысьей“ пляской мальчиковъ (A. a. O., S. 293) и священными танцами „Ruck“ (A. a. O., S. 305, 311—312). Танцы островитянъ Пелау, равно и ихъ саги, въ значительной степени заимствованы у островитянъ Япъ, съ которыми они издавна находились въ близкихъ сношеніяхъ.

Религія.

Религіозныя воззрѣнія жителей всей Микронезіи представляютъ большое сходство съ полинезійскими; все различіе между ними заключается въ томъ, что здѣсь мы не встрѣчаемъ такого поразительнаго и безпощаднаго пренебреженія къ человѣческой жизни. Они вѣрятъ въ высшія, общія, а равно и въ низшія божества; но дѣй-

ствительнымъ почитаніемъ пользуются только послѣднія, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ обоготворенію умершихъ праотцевъ, такъ что религія микронезійцевъ состоитъ главнымъ образомъ въ культѣ предковъ. Такъ было у chamorro, то-же видимъ мы и теперь на Мульгревовомъ архипелагѣ и на Каролинахъ. Но само собою разумѣется, что эти божества всюду имѣютъ различныя названія. На островахъ Пелау большую роль играютъ „kalid". По мнѣнію Земпера, эти „kalid" совершенно тождественны съ „Totem" американцевъ; „kalid" на языкѣ островитянъ Пелау означаетъ: святой, священный предметъ и священникъ. Каждый островитянинъ имѣетъ своего „kalid", большею частью перешедшаго къ нему по наслѣдству отъ предковъ, и этотъ обычай, не сомнѣнно, представляетъ связь съ вѣрой въ загробную жизнь. Одинъ островитянинъ далъ слѣдующее объясненіе: мы называемъ „kalid" все, что живетъ въ морѣ и въ прѣсныхъ водахъ, равно и всѣхъ звѣрей, которые внушаютъ намъ страхъ; мы вѣримъ, что наши предки живутъ въ нихъ. Поэтому каждый изъ насъ имѣетъ своего отдѣльнаго „kalid" (Semper, die Palauinseln, S. 193). „Kalid" нѣкогда жили на землѣ, но уже давно переселились на небо, откуда они иногда спускаются къ людямъ и живутъ среди ихъ для сохраненія старыхъ хорошихъ обычаевъ (A. a. O., S. 284). Почти нигдѣ нѣтъ изображеній боговъ и храмовъ; культъ на Мульгревовомъ и Каролинскомъ архипелагахъ состоитъ въ жертвоприношеніи съѣстными припасами и цвѣточными вѣнками, совмѣстно съ молитвами и большими празднествами. Здѣсь также распространена вѣра въ колдовство, въ „tabu", которое имѣетъ такое-же дѣйствіе, какъ и въ полинезіи, а равно и въ будущую жизнь на другомъ свѣтѣ. Способы погребенія умершихъ разнообразны. На Жильбертовыхъ островахъ тѣло моютъ, одѣваютъ, натираютъ масломъ и на нѣкоторое время выставляютъ на показъ, пока не разложатся мускулы; затѣмъ кости очищаютъ и зарываютъ въ землю, или сохраняютъ какимъ либо другимъ способомъ. На Маршальскихъ островахъ, по словамъ Гернсгейма, покойника, черезъ два тня послѣ смерти, завертываютъ въ рогожу и бросаютъ въ море. На Каролинахъ примѣняютъ къ богатымъ первый изъ этихъ двухъ способовъ погребенія, а къ бѣднымъ второй способъ, съ той разницей, что покойниковъ не прямо бросаютъ въ море, а кладутъ на доски или спускаютъ на воду въ маленькихъ лодкахъ. Что-же касается погребальныхъ обычаевъ, то они вездѣ сопровождаются громкимъ плачемъ, особенно со стороны женщинъ, а на Маршальскихъ островахъ сверхъ того танцами. Ближайшимъ родственникамъ умершаго, и прежде всего его брату, подносятъ подарки, которые они, въ свою очередь, должны отдаривать. На нѣкоторыхъ Каролинскихъ островахъ расхищаютъ имущество покойнаго.

Жрецы встрѣчаются повсемѣстно, какъ на Каролинахъ, гдѣ они

пользуются большимъ вліяніемъ и играютъ роль заклинателей и оракуловъ, такъ и на Жильбертовыхъ и Маршальскихъ островахъ. Поэтому Мейнике совершенно отрицаетъ существованіе жрецовъ на послѣдней группѣ (Die Inseln des Stillen Ozeans, Bd. II S. 338). Гернсгеймъ говоритъ положительнымъ образомъ, что тамъ жрецы („Dri-kanan") до сихъ поръ образуютъ родъ цеха и занимаются предсказаніями.

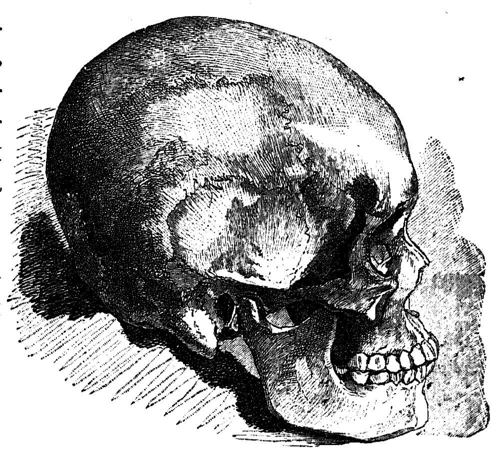
Богъ („Anith") является жрецамъ и открываетъ будущее. Во время подобныхъ посѣщеній, которыя обыкновенно продолжаются два три дня, они не принимаютъ никакой пищи. Сверхъ того, они никогда не пьюъ и не ѣдятъ изъ посуды, бывшей когда либо въ употребленіи, и, напившись изъ чаши, ломаютъ ее. Жрецовъ спрашиваютъ о перемѣнахъ вѣтра, погодѣ, побѣдѣ и жатвѣ, и призываютъ къ больному, но только для того, чтобы узнать изъ ихъ предсказаній, будетъ ли онъ жить или умретъ? Что-же касается цѣлительныхъ средствъ, то они были такъже мало извѣстны прежде, какъ и въ настоящее время. Теплая вода, нѣкоторыя листья, особенно втираніе, которымъ занимаются старухи съ извѣстными заговорами, составляютъ ихъ единственные медикаменты. При этомъ было въ обычаѣ, чтобъ друзья приходили къ больному съ сухими пандановыми листьями и складывали ихъ въ куски; если послѣдній сложенный кусокъ одинаковой длины съ остальными, то это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ въ смыслѣ скораго выздоровленія. Въ противномъ случаѣ, больного перевозили въ болѣе или менѣе отдаленное мѣсто, сообразно величинѣ послѣдняго изъ сложенныхъ кусковъ листа. Этотъ и многіе другіе обычаи отчасти уже совершенно исчезли, а частью вымираютъ мало по малу.

Нынѣшніе жители Ладроновыхъ островов уже два столѣтія какъ приняли католическую вѣру; на прочихъ архипелагахъ Микронезіи также поселились въ различныхъ пунктахъ христіанскіе миссіонеры. На Маршальскихъ островахъ, а именно въ тѣхъ округахъ, гдѣ учреждены стоянки англійской миссіи, почти десятая часть туземцевъ приняла христіанство, хотя, по словамъ Гернсгейма, это обращеніе большею частью только внѣшнее. Неофиты носятъ вообще короткіе волосы; на мужчинахъ одѣты рубашки и соломенныя шляпы; на женщинахъ кофты или даже полное верхнее платье. Кромѣ того, они выражаютъ свое обращеніе въ христіанство пѣніемъ благочестивыхъ пѣсенъ и посѣщеніемъ церкви, хотя большинство давно отстало отъ этого обычая. Тѣмъ не менѣе, нельзя оспаривать, что мѣстное населеніе кое-чему научилось у миссіонеровъ и что преимущественно бѣлокожіе миссіонеры, живущіе въ Эбонѣ, употребили, сообразно своимъ понятіямъ, всѣ старанія, чтобы цивилизовать туземцевъ. Многіе изъ ихъ учениковъ читаютъ; иные даже пишутъ и знаютъ немного счетъ; они также имѣютъ нѣкоторое понятіе о деньгахъ, и, такъ какъ они слышали отъ миссіонеровъ, что работникъ въ Соединенныхъ Штатахъ получаетъ отъ 2 — 3 долларовъ въ день, то въ послѣднее время они также стали требовать себѣ такой-же поденной платы, хотя, разумѣется, пять человѣкъ туземцевъ не могутъ замѣнить одного европейца.

ПОЛИНЕЗІЙЦЫ.

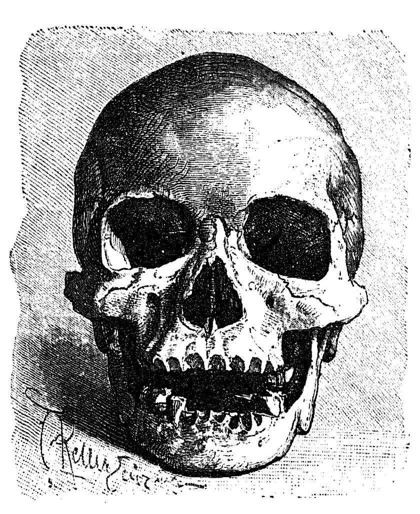
Общій обзоръ.

Весь востокъ Тихаго океана, съ множествомъ разбросанныхъ на немъ острововъ, населенъ свѣтлокожими малайскими полинезійцами, съ которыми, какъ мы говорили выше, островитяне Микронезіи состоятъ въ наиболѣе близкомъ сродствѣ. Такимъ образомъ, помимо болѣе мелкихъ острововъ, къ Полинезіи принадлежатъ: группы острововъ Самоа (Рыбачьи, или Мореходцевъ), Тонга (острова Дружбы (Friendly islands), Эллиса (Лагуновые острова), Токелау (группа Соединенія), Раратонга (Куковы острова, или Гервея), Тупай (Австралійскіе острова), Таити (острова Товарищества, Society islands), Манигики, Помоту, или Туапомоту (Опасные, или Низменные острова), Мангаревы (Гамбиринскіе острова) и Маркизовы (Вашингтоновы острова, или Менданасскій архипелагъ). Къ населенію всѣхъ этихъ группъ могутъ быть также причислены жители отдѣльныхъ острововъ, лежащихъ по одиночкѣ въ Тихомъ океанѣ, какъ, напр., Вайгу, или Пасхи, самаго восточнаго изъ острововъ, обитаемыхъ полинезійцами, и затѣмъ двухъ болѣе значительныхъ и совершенно отдѣльныхъ группъ, а именно: архипелага Гавайи, или Сандвичевыхъ острововъ, на сѣверѣ, и Новой-Зеландіи на югѣ. Этимъ двумъ послѣднимъ группамъ будутъ посвящены отдѣльныя главы, между тѣмъ, какъ полинезійцевъ остальныхъ острововъ я предполагаю подвести подъ одно общее описаніе.



Черепъ мальчика съ острововъ Гавайи.

По свидѣтельству большинства наблюдателей, полинезійцы, по красотѣ своего тѣлосложенія, могутъ быть причислены къ высшимъ человѣческимъ племенамъ. Кукъ и его спутники, а именно оба Форстера, съ восторгомъ описываютъ наружность островитянъ. Равнымъ образомъ, и болѣе хладнокровные люди единогласно говорятъ, что полинезійцы красивы собой, съ хорошимъ тѣлосложеніемъ, сильны и мускулисты, почти такого-же большого роста, какъ европейцы, если даже не выше; ихъ можно даже назвать дородными, хотя далеко не всѣхъ и преимущественно знатныхъ. Кромѣ того, полинезійцы, не только по красотѣ, но и по цивилизаціи, далеко превосходятъ папуасовъ, что выражается физически въ значительно большей емкости черепа, а именно 1481 куб. сент., сравнительно съ 1283 куб. сент., найденными у папуасовъ. Такимъ образомъ, они представляютъ собой новое доказательство въ пользу поразительнаго, но тѣмъ не менѣе пока еще необъясненнаго факта, что, повидимому, способность къ культурѣ вообще увеличивается, соразмѣрно съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и красотой тѣлосложенія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы имѣемъ полное право называть бѣлыя, хорошосложенныя расы высшими и болѣе облагороженными, въ противоположность съ темнокожимъ, къ которымъ хотя отчасти и принадлежатъ хорошо развитыя и даже атлетическія человѣческія племена, но вмѣсѣ съ тѣмъ между ними встрѣчаются и наименѣе одаренные экземпляры людей. Мы знаемъ изъ изслѣдованій д-ра Краузе, что полинезійская раса,



Черепъ двадцатилѣтней папуаски изъ Новой Гвинеи.

судя по относительнымъ размѣрамъ ея черепа, сохранилась до настоящаго времени во всей чистотѣ и безъ посторонней примѣси на островахъ Тонга, а также, быть можетъ, на сосѣднихъ архипелагахъ, Эллиса и Гервей. Это безусловно короткоголовая порода людей; по внѣшнему виду, она составляетъ полную противоположность съ длинноголовой папуасской расой, и ея представители несравненно рѣже встрѣчаются въ Южномъ океанѣ. Мы прилагаемъ здѣсь для сравненія долихокефальный папуасскій черепъ рядомъ съ брахикефальнымъ полинезійскимъ; при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что послѣдній—съ острова Гавайи и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ самымъ чистымъ представителямъ полинезійскаго типа. Но, во всякомъ случаѣ, различіе между ними достаточно разительно. По мнѣнію Фр. Миллера, группы Тонга и Самоа представляютъ центръ, изъ котораго распространялось короткоголовое племя и заняло собой большинство полинезійскихъ острововъ, первоначально населенныхъ длинноголовыми темнокожими людьми. І. Д. Е. Шмельтцъ приводитъ въ подтвержденіе этого взгляда аналогичный примѣръ и указываетъ на любопытное явленіе, которое уже отчасти совершилось и продолжается до сихъ поръ, а именно на то, что бѣлая, европейская раса, лѣтъ тридцать тому назадъ, принявъ за исходную точку острова Самоа, стала распространяться шагъ за шагомъ и распространяется до настоящаго времени, между тѣмъ какъ черная и желтая расы быстро исчезаютъ, съ ея водвореніемъ. Совершенно подобными-же причинами объясняются краніологическія особенности жителей собственно полинезійскихъ острововъ, на архипелагахъ: Гервей, Товарищества, Маркизовомъ Австралійскомъ и Помоту. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ тотъ-же фактъ, что съ удаленіемъ отъ острововъ Тонга, которые можно считать настоящимъ мѣсторожденіемъ короткоголоваго типа, уменьшается въ прямой пропорціи продольно-поперечный указатель черепа. Громадное вліяніе чуждыхъ западныхъ племенъ на темнокожихъ людей, съ которыми они приходили въ столкновеніе, не можетъ имѣть другой причины, кромѣ той, что они, подобно нынѣшнимъ европейцамъ, далеко превосходили послѣднихъ въ цивилизаціи. Вездѣ, гдѣ они появлялись, въ качествѣ ли побѣдителей, или для торговыхъ сношеній, они оставляли на мѣстныхъ жителяхъ отпечатокъ своей духовной жизни въ обычаяхъ, языкѣ и религіи. На многихъ островахъ, разумѣется, малайскіе полинезійцы поселились въ незначительномъ числѣ; изъ нихъ образовались только господствующіе классы и знатныя семьи, такъ что ихъ смѣшеніе съ первобытнымъ населеніемъ не могло быть особенно сильно и первобытный типъ измѣнился въ очень незначительной степени.

Полинезійскіе языки (см. Fried. Müller, Zinguistischer Theil der Novarareise S. 296—316) образуютъ, совмѣстно съ малайскими, независимую отрасль, не имѣющую никакой связи съ какимъ либо изъ

существующихъ языковъ. Полинезійскія нарѣчія представляютъ собой отпрыски первобытнаго, нынѣ уже не существующаго языка, который раздѣлился на три-четыре вѣтви въ такое время, когда ихъ строеніе еще не было окончательно выработано. По мнѣнію Миллера, эта выработка въ грамматическомъ отношеніи ограничилась измѣненіемъ корней. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вообще всѣ малайо-полинезійскіе языки одинаковы въ тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя мы находимъ и въ первобытномъ языкѣ, какъ, напримѣръ, звуковая система, общая форма коренныхъ словъ, наличное число первоначальныхъ формъ и правила грамматическаго образованія. Что-же касается ихъ развитія, то они представляютъ собой какъ бы рядъ постепенныхъ ступеней, изъ которыхъ самую послѣднюю занимаютъ полинезійскія нарѣчія. Нѣкоторые находятъ ихъ благозвучными; по мнѣнію другихъ, они монотонны и непріятны, благодаря изобилію гласныхъ звуковъ. Въ заключеніе, считаю не лишнимъ замѣтить, что азбука островитянъ Самоа состоитъ всего изъ 14 буквъ; что выговариваютъ Са̀моа, а не Само̀а; что, по старому обычаю, часто пишутъ „Toga“, а выговариваютъ Tonga (такъ какъ здѣсь n — чисто носовая буква) и что для различныхъ предметовъ существуютъ отдѣльныя числительныя имена; такъ, напримѣръ, говоря о двухъ людяхъ, употребляютъ другое „два“, нежели для обозначенія двухъ деревьевъ. Равнымъ образомъ, многія формы языка совершенно различны, когда говорятъ о знатномъ человѣкѣ или простолюдинѣ. Въ настоящее время особенно поражаетъ насъ обиліе словъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка, что, впрочемъ, объясняется прежней замкнутостью народа, такъ что почти треть языка должна была образоваться заново. Помимо библейскихъ выраженій, полинезійцы никогда не слыхали о многихъ звѣряхъ и массѣ всевозможныхъ культурныхъ потребностей. По всѣмъ вѣроятіямъ, между первыми піонерами цивилизаціи, которые явились на острова, въ качествѣ матросовъ, купцовъ или миссіонеровъ, было очень много нѣмцевъ. Такимъ образомъ, всѣ названія звѣрей: левъ, коза, медвѣдь и т. п., преимущественно нѣмецкаго происхожденія. Еще недавно Веберъ, занимавшій до послѣдняго времени должность нѣмецкаго консула въ Ania, ввелъ въ языкъ Самоа новое слово „kaisa“, дла обозначенія представителя высшей власти.

Изъ жителей трехъ большихъ архипелаговъ Южнаго океана, Меланезіи, Микронезіи и Полинезіи, населеніе послѣдней, а именно полинезійская народность, несомнѣнно самая красивая и интеллигентная изъ всѣхъ, но при этомъ всего болѣе подвержена вымиранію. Быстрое уменьшеніе населенія началось только съ прибытіемъ европейцевъ и съ введеніемъ христіанства, слѣдовательно—не больше 50—100 лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ, меланезійскіе острова, гдѣ христіанство еще не имѣло доступа и гдѣ людоѣдство господствуетъ въ полномъ разгарѣ, повидимому, самые населенные изъ всего Южнаго океана.

Въ настоящее время почти все населеніе Полинезіи обращено въ христіанство, и, еслибы кто вздумалъ изобразить туземцевъ въ видѣ дикаго „первобытнаго народа“, то подобное описаніе было бы не совсѣмъ согласно съ дѣйствительностью. Здѣсь нерѣдко можно встрѣтить дикаря, говорящаго по англійски, и видѣть другіе проблески цивилизаціи, хотя въ крайне своеобразномъ примѣненіи. Тѣмъ не менѣе, полинезійцы сохранили свои національныя особенности лучше многихъ другихъ первобытныхъ народовъ. Гуго Цöллеръ совершенно правъ, говоря, что напрасно такъ часто ссылаются на описанія Южнаго океана временъ Кука, такъ какъ они совершенно не подходятъ къ условіямъ нынѣшняго времени. Въ Южномъ океанѣ можно встрѣтить теперь до пятидесяти туземныхъ государствъ, которыя большею частью представляютъ сколокъ съ европейскихъ по своимъ формамъ правленія и парламентскому устройству, съ отвѣтственными министрами. При этомъ, чуть ли не на каждой изъ многочисленныхъ группъ острововъ живутъ англійскіе, нѣмецкіе и американскіе купцы; и въ то время, какъ Апіа и другіе городки Южнаго океана съ успѣхомъ могутъ выдержать сравненіе съ лучшими мѣстечками минеральныхъ водъ въ Германіи, людоѣдство все еще процвѣтаетъ на нѣкоторыхъ изъ полинезійскихъ острововъ. Между тѣмъ, это безконечное разнообразіе въ развитіи туземцевъ совершенно упускается изъ виду наблюдателями. Едва ли не такое-же общее невѣдѣніе встрѣчаемъ мы и относительно вліянія и распространенія господства различныхъ европейскихъ государствъ... (Rund um die Erde. Köln, 1881, Bd. I, S. 100—101). Въ виду этого, я постараюсь при дальнѣйшемъ изложеніи выяснить нагляднымъ образомъ условія и относительное положеніе нынѣшнихъ жителей Южнаго океана и буду упоминать о прошломъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется необходимымъ для пониманія настоящаго.

Тѣлосложеніе.

Полинезійцы средняго роста, но, тѣмъ не менѣе, они выше, нежели всѣ другіе народы малайскаго происхожденія; у нихъ мускулистые руки и ноги, хотя послѣднія немного коротки; оконечности сравнительно малы. Въ большинствѣ случаевъ, сильное, пропорціальное тѣлосложеніе мужчинъ можетъ быть названо атлетическимъ. Такъ, напримѣръ, Фентонъ Эйлмеръ, описывая жителей Таити, называетъ ихъ рослой породой людей съ оливковымъ цвѣтомъ лица и съ прекрасными глазами, зубами и волосами (Aylmer. A cruise in the Pacific, Bd. I, p. 202); Дарвинъ, съ своей стороны, говоритъ, что они очень высоки ростомъ, широкоплечи и съ атлетическимъ пропорціональнымъ

тѣлосложеніемъ. Жители Помоту отличаются отъ таитянъ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи; при этомъ они ниже ростомъ и приземистѣе. Тонгане—высокіе, стройные люди съ красивыми и умными лицами.

Что-же касается прославленной красоты полинезійцевъ, то она вообще встрѣчается только у мужчинъ. Эйлмеръ восхваляетъ безукоризненное тѣлосложеніе женщинъ и дѣвушекъ на о. Нука-Гивѣ и особенно красивую форму ногъ и ладыжекъ, между тѣмъ, какъ Чарльсъ Дарвинъ и большинство добросовѣстныхъ наблюдателей прямо говорятъ, что они были сильно разочарованы относительно наружности женщинъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступаютъ мужчинымъ (Reise eines Naturforschers um die Welt. Deutsch von J. Victor Carus. Stuttgart, 1875. S. 464). Цёллеръ, корреспондентъ Kölnischen Zeitung, пишетъ о жителяхъ Самоа: „Они гораздо красивѣе китайцевъ; но тѣмъ не менѣе ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сопоставить съ бѣлой расой. Первая красавица на островахъ Самоа не могла-бы выдержать сравненія съ хорошенькой крестьянской дѣвушкой въ Германіи. Черты лица островитянокъ не могутъ быть особенно тонки, потому что носъ слишкомъ широкъ и скулы черезчуръ выдаются впередъ. Красивыя женщины у нихъ большая рѣдкость, но хорошенькія встрѣчаются довольно часто, хотя только до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды“ (Rund um die Erde, Bd. I, S. 112). То же утверждаетъ Ламонтъ объ островитянкахъ Пенрина; по его словамъ, дѣвушки и женщины до двадцатилѣтняго возраста—чрезвычайно привлекательныя существа; но съ возрастомъ онѣ все болѣе становятся похожими на вѣдьмъ. Вообще нужно замѣтить, что полинезіанки немного приземисты и неуклюжи, но съ крѣпкими, рѣдко обвисшими, и заостренными грудями; послѣднее составляетъ характерную особенность женщинъ малайскаго типа. Тѣмъ не менѣе, островитянки Самоа въ высшей степени обезображены вытягиваніемъ грудей въ форму кошелька. Но, такъ какъ это случается только послѣ замужества и наступленія материнства, то причина можетъ отчасти заключаться въ томъ, что матери, кормя дѣтей до двухъ лѣтъ, перебрасываютъ груди черезъ плечи, и дѣти сосутъ ихъ, повиснувъ на спинѣ матери (Pritchard, Polynesian Reminiscences, S. 141—142).

Черепъ полинезійцевъ отличается шириной и высотой. По исчисленіямъ д-ра Краузе, указатель ширины черепа жителей Тонга достигаетъ 83,5, указатель высоты—82,2; а поперечно-вертикальный указатель 100,9. У нихъ вообще высокій и широкій лобъ, плоскій и прямой, скошенный книзу затылокъ, выступающія къ обѣимъ сторонамъ Tubera parietalia, широкое лицо, большіе глаза и незначительный прогнатизмъ. Анатомическія неправильности встрѣчаются сравнительно рѣдко. Но, во всякомъ случаѣ, это описаніе относится только къ настоящимъ полинезійцамъ и, преимущественно, къ тонганамъ. Затѣмъ отношенія нѣсколько измѣняются. Безусловное коротcоголовіе уступаетъ мѣсто мезокефаліи въ различныхъ измѣняющихся степеняхъ. Къ сожаленію, д-ру Краузе удалось собрать въ остальныхъ архипелагахъ только нѣсколько единичныхъ череповъ и въ небольшомъ количествѣ; но, тѣмъ не менѣе, сдѣланныя имъ измѣренія подтверждаютъ въ общемъ результаты, полученные Вельнеромъ. На островахъ Эллиса и Гервей господствуетъ еще настоящій короткоголовый типъ, между тѣмъ какъ мы встрѣчаемъ мезокефаловъ на Самоа, Мар-

кизовыхъ (указатель ширины 74), Таити (указатель ширины 75, по Краузе—77,5), на островахъ Помоту (указатель ширины 76,1), на островѣ Чатамѣ (указатель ширины 76). Но что главнымъ образомъ поражаетъ во всѣхъ этихъ полинезійскихъ черепахъ, какъ ихъ отличительный признакъ,—это необыкновенно значительная ёмкость. Восемь экземпляровъ тонганскихъ череповъ дали въ среднемъ выводѣ 1538,2 куб. сент., съ колебаніемъ отъ 1720—1425; слѣдовательно они имѣли бо̀льшую вмѣстимость мозга, нежели та, какую обыкновенно находятъ въ нѣмецкихъ черепахъ. Это вполнѣ согласуется съ изслѣдованіями, произведенными въ другихъ мѣстахъ, по которымъ короткоголовые черепа имѣютъ среднимъ числомъ большую ёмкость нежели длинноголовые, хотя и полинезійскіе мезокефалы представляютъ весьма значительную ёмкость черепа, а именно на о. Помоту 1440, на Маркизовыхъ и Таити 1465 и 1510 куб. сент.

Въ виду общей характеристики полинезійской группы, мы можемъ сказать съ д-ромъ Краузе, что у ея представителей „широкая голова, плоское широкое лицо, и что они ортогнаты, съ немного выдающимися скулами, широкимъ, короткимъ носомъ, желтокоричневой кожей различныхъ оттѣнковъ, съ толстыми прямыми волосами и рѣдкой бородой“ (Die ethnogr.-anthrop. Abtheil des Museum Godeffroy, S. 567, 568). Фр. Миллеръ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „черепъ высокъ (указатель ширины 76, 30 по Брока), съ крѣпкими костями, большими раздвинутыми теменными буграми и узкимъ сводомъ; скулы немного выступаютъ впередъ; носовыя кости нѣсколько сплющены и не велики, надбровныя дуги плоскія и сближенныя. Если смотрѣть на черепъ сверху, то онъ представляетъ къ затылку широкую клиновидную форму; носъ довольно большой и выдающійся, такъ что во многихъ случаяхъ его можно назвать почти орлинымъ (какъ у папуасовъ). Цвѣтъ кожи у нихъ нѣсколько темнѣе, нежели у другихъ островитянъ, и не такъ подъ экваторомъ, какъ этого можно было ожидать (гдѣ, наоборотъ, цвѣтъ кожи всего свѣтлѣе), какъ на обѣихъ окраинахъ: на сѣверѣ и югѣ (въ Новой Зеландіи и на Сандвичевыхъ островахъ). Глаза маленькіе черные, въ рѣдкихъ случаяхъ каріе и необыкновенно живые. Волоса прямые, толстые, слегка курчавые, чернаго цвѣта, съ легкимъ синеватымъ оттѣнкомъ, рѣже красноватые или льняного цвѣта, вѣроятно, вслѣдствіе натиранія коралловой известью. Борода гуще, нежели у малайцевъ, и также немного курчавая, что можно объяснить примѣсью папуасской крови“ (Allg. Ethnographie, S. 334). Цвѣтъ кожи представляетъ, разумѣется, различные оттѣнки. Въ противоположность кофейно-коричневымъ туземцамъ Сандвичевыхъ острововъ и новозеландскимъ маори, жители Самоа и Тонга имѣютъ совершенно свѣтлый цвѣтъ кожи, болѣе желтоватый, нежели китайцы, но темнѣе на два или на три легкихъ оттѣнка, и при этомъ коричнево или рыжевато бѣлокурые волосы, которые у насъ называются золотистыми. Жители Маркизовыхъ острововъ имѣютъ мѣдный цвѣтъ лица, между тѣмъ какъ ихъ женщины почти бѣлокожія, что слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать тому обычаю, что онѣ употребляютъ въ видѣ косметическаго средства сокъ дыннаго дерева (Carica papaya), которымъ натираются съ самаго ранняго возраста. У островитянъ Футуна коричневый цвѣтъ кожи.

Вообще, полинезійцы пользуются хорошимъ здоровьемъ, хотя у нихъ распространены сыпи и злополучный elefantiasis, сопровождаемый на островахъ Самоа сильной лихорадкой, которая хотя и не является періодически, но по своимъ симптомамъ имѣетъ перемежающійся характеръ; нерѣдко также встрѣ-

чается особый родъ лишаевъ (ichthyosis), при которыхъ кожа на всемъ тѣлѣ сходитъ струпьями. Этотъ родъ сыпи, захватившій уже большія пространства, распространяется все дальше и господствуетъ почти на всѣхъ низменныхъ островахъ; глазныя болѣзни также не составляютъ рѣдкости; но всего хуже и разрушительнѣе дѣйствуютъ легочныя страданія и золотуха, которыя еще больше увеличиваются, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ жилищъ и одежды. Кромѣ того, вслѣдствіе сношеній съ европейцами, введены многія другія опасныя болѣзни, каковы influenza, корь, оспа, холера и т. п.

Нравственныя свойства и умственныя способности.

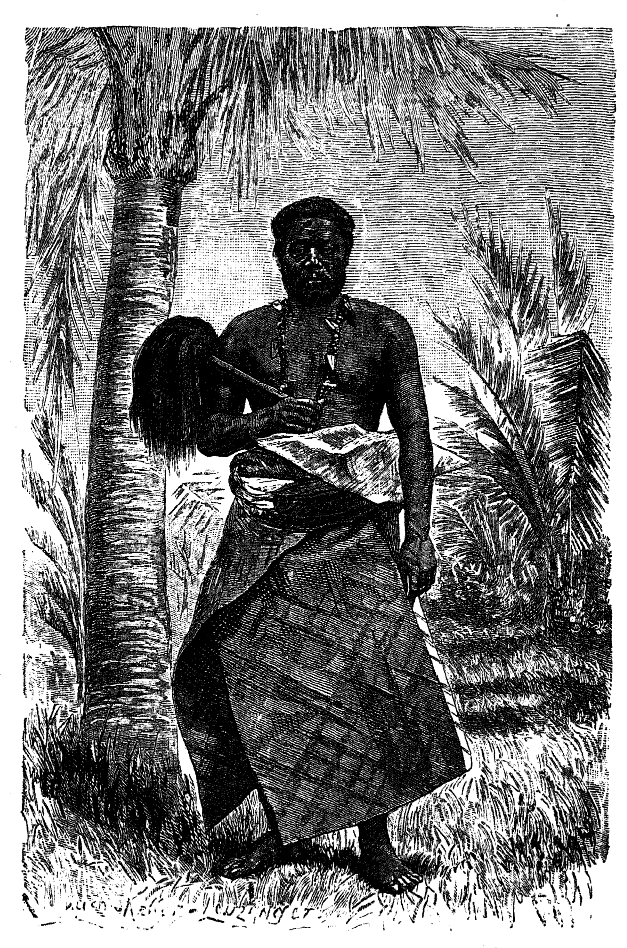
Полинезіецъ, по своему характеру и умственнымъ дарованіямъ, представляетъ вообще какъ бы противуположность папуасу. Онъ сдержанъ въ своемъ обращеніи, вѣжливъ, церемоненъ, флегматическаго темперамента и далеко не такъ сообщителенъ, какъ послѣдній, спокоенъ, миролюбивъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ способенъ на коварство и величайшія жестокости. Что-же касается людоѣдства (которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать признакомъ низшихъ расъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ мы видимъ совершенно обратное), то статные свѣтлокожіе полинезійцы предавались ему въ такихъ-же размѣрахъ и съ такою же страстью, какъ и папуасскія племена, и даже едвали не превосходили ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ настоящее время исчезаетъ мало по малу прославленное первобытное состояніе, которое было здѣсь господствующимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось людоѣдство и связанныя съ нимъ войны, вызванныя необходимостью доставить мѣстному населенію прокормленіе или по крайней мѣрѣ разнообразіе въ растительной пищѣ, на которую оно было почти исключительно осуждено. Въ Ганававѣ, на о. Нука-Гивѣ, въ 1878 году, офицерамъ корабля „Ariadne“ указывали мѣсто, на которомъ шесть лѣтъ тому назадъ была съѣдена послѣдняя жертва людоѣдства. На островахъ Товарищества людоѣдства давно уже не существуетъ; говорятъ, что на Маркизовыхъ островахъ еще отъ времени до времени встрѣчаются такіе случаи, а именно на островѣ Доминикѣ (Allg. Zeit. vom 17 März 1877). Жители Футуна, которые нѣкогда пожирали не только военноплѣнныхъ, но даже съ этою цѣлью крали дѣтей у своихъ соотечественницъ, теперь совсѣмъ отстали отъ человѣческаго мяса. На островахъ Таити людоѣдство почти прекратилось въ эпоху первыхъ открытій. На Самоа и Тонга его также не существуетъ больше, хотя нѣтъ никакого основанія предполагать, что его никогда не существовало, какъ предполагаютъ нѣкоторые (Rich. Andree, Die Verbreitung der Anthropophagie. Leipzig, 1874, S. 56—59).

На ряду съ антропофагіей, въ оправданіе которой едвали возможно допустить религіозную основу, существуетъ обычай дѣтоубійства, который также выводится въ настоящее время. Въ этой жестокости проглядываетъ чувственно-страстный элементъ, представляющій весьма важное психологическое явленіе, которое такъ часто встрѣчается въ жизни цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ, что его можно считать какъ-бы неизмѣннымъ. Въ настоящее время

нѣтъ ни одной расы, которая по чувственности могла бы быть поставлена наравнѣ съ полинезійцами, а жители Таити, при своей блаженной первобытности, едва ли не превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣ другіе народы.

По словамъ Кука, здѣсь не было и тѣни стыдливости въ рѣчахъ или поступкахъ; а кроткіе жители Тамии при своей необузданности совершали дѣтоубійства ужасающимъ способомъ, вели внутреннія войны, сопровождаемыя ве-



Вождь съ островов Самоа.

личайшими жестокостями, и нѣкогда обагряли алтарь бога войны кровью человѣческихъ жертвъ. Эта своеобразная черта, которую въ такой рѣзкой формѣ мы впервые встрѣчаемъ у полинезійцевъ, представляетъ одно изъ самыхъ крѣпкихъ звеньевъ, связывающихъ нынѣшнихъ представителей человѣчества съ ихъ звѣрообразными прародителями. Въ подтвержденіе этого, слѣдуетъ только

указать на поразительное сходство между извѣстнаго рода поступками у людей и такими же проявленіями у обезьянъ. Извѣстно, что послѣднія предаются безъ удержа своимъ желаніямъ, болѣе даже, нежели который либо изъ другихъ звѣрей; вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ величайшій восторгъ, если могутъ помучить другое существо, съ единственною цѣлью насладиться его мученіями, и мы вообще мало знаемъ, насколько каждой обезьянѣ въ отдѣльности удается удовлетворить этой потребности (См. Nature, Vol. XI, p. 149).

Весьма характерно для нравственнаго чувства полинезійцевъ, что воровство и ложь не считаются у нихъ преступленіемъ, когда онѣ совершены надъ чужеземцами. Вообще, нужно замѣтить, что нигдѣ склонность къ воровству не развита въ такой степени, какъ здѣсь, и ловкость туземцевъ въ этомъ отношеніи почти достойна удивленія. Профессоръ Герландъ рисуетъ слѣдующую картину наиболѣе выдающихся характерныхъ чертъ полинезійцевъ: „Этотъ народъ, за исключеніемъ немногихъ богато одаренныхъ личностей, находится всецѣло подъ господствомъ существующихъ понятій. Они жадны, склонны къ воровству, ненасытны въ наслажденіяхъ и вѣроломны; при этомъ щедры, гостепріимны, мстительны, не всегда храбры, но неизмѣнно дики и жестоки, холодны и большею частью безпощадны къ ближнему. У нихъ рѣдко проявляются великодушныя и благородныя черты характера; они горды, хвастливы и тщеславны, крайне впечатлительны какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, что располагаетъ ихъ къ грусти, тѣмъ болѣе, что они по характеру склонны къ меланхоліи. Ихъ можно было бы назвать умѣренными, если-бы они были менѣе преданы сладострастію; религіозное чувство и болѣе тонкія ощущенія, въ видѣ угрызеній совѣсти, совершенно недоступны имъ. Вообще, они отличаются меланхолико-холерическимъ темпераментомъ, который ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать сангвиническимъ, хотя онъ можетъ легко показаться такимъ съ перваго взгляда (Gerland-Waitz, Anthropologie der Naturvölker, VI. Bd. S. 117—118).

Если кто хочетъ познакомиться съ настоящимъ полинезійскимъ типомъ, безъ посторонней примѣси, тотъ долженъ отыскивать его на отдаленныхъ островахъ, а не на большихъ группахъ. Такъ, напримѣръ, когда вы разговариваете съ жителемъ Нука-Гивы, то его черные глаза оживляются и становятся блестящими; при смѣхѣ, онъ показываетъ рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, которые составляютъ наслѣдственную красоту всѣхъ первобытныхъ народовъ. Онъ гостепріименъ и при первомъ знакомствѣ производитъ хорошее впечатлѣніе своимъ привѣтливымъ, кроткимъ обращеніемъ и веселостью; онъ умѣетъ скрыть свое коварство и хитрость подъ маской добродушія; но вы никогда не гарантированы отъ вспышки его гнѣва, такъ что никогда не слѣдуетъ довѣрять ему вполнѣ. Полинезійцы настолько молчаливы, что они могутъ часами просидѣть вдвоемъ другъ противъ друга, не выговоривъ ни одного слова. У нихъ нѣтъ недостатка въ смѣтливости и въ тонкомъ пониманіи справедливости и неправды, но эти способности остаются въ зачаточномъ состояніи, благодаря природной лѣни и чувственности. Они отличаются гордостью, подобно большинству первобытныхъ народовъ, и долго помнятъ нанесенныя имъ

обиды; но при этомъ храбры и предпріимчивы. Тонгане, между прочимъ, играютъ роль норманновъ въ Южномъ океанѣ, хотя вообще полинезійцы настолько же лѣнивы и нерадивы, какъ гостепріимны и вѣжливы. Они желали бы нажиться, какъ можно больше, при маломъ трудѣ, и, такъ какъ природа надѣляетъ ихъ своими дарами, то фактически имъ приходится употребить очень мало труда для удовлетворенія жизненныхъ потребностей.

Несмотря на бѣдность фантазіи и отсутствіе художественныхъ порывовъ, свойственныхъ папуасамъ, полинезійцы стоятъ довольно высоко въ интеллектуальномъ отношеніи и несравненно болѣе одарены умственными способностями, нежели всѣ остальные первобытные народы, живущіе на землѣ. „Въ выраженіи ихъ лица—говоритъ Ч. Дарвинъ—видна кротость, несовмѣстимая съ понятіемъ о дикомъ человѣкѣ, и проглядываетъ умъ, ясно показывающій, что они преуспѣваютъ на пути цивилизаціи“ (Reise eines Naturforschers, S. 463). „Если они фактически не достигли высокой стрепени культуры,—объясняетъ Фридрихъ Миллеръ,—то, съ одной стороны, слѣдуетъ принять въ разсчетъ незначительное число домашнихъ животныхъ и полезныхъ растеній, которыя они перенесли на острова изъ своей первобытной родины, а съ другой стороны—не упускать изъ виду ихъ изолированнаго положенія (Allgem. Ethnographie, S. 347).

Матеріальныя условія и культура.

Матеріальныя условія и культура полинезійцевъ, благодаря ихъ географическому положенію, далеко не представляютъ такихъ сильныхъ уклоненій отъ папуасовъ и смѣшаннаго населенія, какъ этого можно было ожидать при существующемъ различіи расъ. Острова, обитаемые полинезійцами, лежатъ подъ тѣми же градусами и находятся почти при тѣхъ же естественныхъ условіяхъ, что и другіе океаническіе острова; они имѣютъ одинаковый климатъ, одинаковый міръ животныхъ и растеній. Достойно замѣчанія, что жители атолловъ, или низменныхъ островахъ, въ физическомъ и умственномъ отношеніи несравненно менѣе развиты, нежели обитатели высокихъ острововъ. Вѣроятно на то и другое неблагопріятно дѣйствуетъ и самое однообразіе пищи: кокосовые орѣхи и рыба. Добываніе послѣдней способствуетъ развитію рыбной ловли. Кромѣ того, теплота воздуха на атоллахъ и перемѣны года и дня подвержены очень незначительнымъ колебаніямъ, тогда какъ на высокихъ островахъ по ночамъ падаетъ роса, и вѣтры, дующіе съ горъ, производятъ пониженіе температуры, что непосредственно заставляетъ жителей заботиться о болѣе надежномъ кровѣ. Но вообще полинезійцы, относительно одежды, пищи и жилищъ, находятся приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ, со всѣми другими островитянами Южнаго океана.

Что касается туалета, то полинезійцы, повидимому, принадлежатъ къ обществу умѣренности, такъ какъ почти повсемѣстно оба пола обыкновенно ходятъ совершенно нагіе, пока не достигнутъ совершеннолѣтія. Взрослые одѣваютъ на бедра поясъ изъ травы или изъ плетенныхъ пальмовыхъ волоконъ, который чрезвычайно узокъ у мужчинъ, а у женщинъ опускается до колѣнъ. Этотъ поясъ, служащій будничной одеждой для обоихъ половъ, извѣстенъ подъ самыми разнообразными названіями. Жители Самоа называютъ его „titi"; островитяне Пенрина „tïtsché" (у женщинъ); но самое распространенное названіе „maro". Только по случаю большихъ празднествъ туземцы Самоа носятъ одежду, называемую „siapo", которая изготовляется изъ „tapa", родъ набивной матеріи, выдѣлываемой изъ папируса. Тѣмъ не менѣе, наилучшимъ нарядомъ считаются рогожи съ бахрамой изъ перьевъ, которыя такъ дорого цѣнятся, что имѣютъ свою генеалогическую таблицу и добросовѣстно передаются изъ рода въ родъ (W. T. Pritchard, Polynesian Reminiscences, p. 131).

Но съ распространеніемъ христіанства, этотъ простой нарядъ уступилъ мѣсто болѣе сложной и дорогой одеждѣ. На островахъ Помоту, жители которыхъ принадлежатъ къ наименѣе цивилизованнымъ полинезійцамъ, женщины носятъ, по свидѣтельству Анни Брассей, какъ на о. Хао, такъ и на Маттеа, длинное широкое и пестрое одѣяніе „съ проймами на плечахъ, которое опускалось свободными складками и покрывало фигуру съ головы до ногъ. Эти одежды, вѣроятно, привозятся изъ Англіи или Америки, такъ какъ онѣ сшиты на машинѣ и сдѣланы изъ набивной бумажной матеріи, съ чрезвычайно вычурными рисунками. Повидимому, особеннымъ предпочтеніемъ пользуются вишнево-красныя матеріи съ бѣлыми, а также синія съ бѣлыми или желтыми полосами; затѣмъ красныя съ желтыми крапинами и голубыя съ желтыми крестами" (Brassey, Eine Segelfahrt um die Welt. Deutsch von A. Helms. Leipzig 1879. S. 196). На островахъ Тонга, или Дружбы, Таити, или Товарищества, была нѣкогда въ большомъ употребленіи подобная же одежда, состоящая изъ короткой верхней юбки и нижней „parehu". Покрой крайне простъ и не требуетъ портняжнаго искусства, тѣмъ болѣе, что „parehu" носится безразлично, представителями обоихъ половъ. Берутъ кусокъ „tapa" около 2 м. ширины и 2,5 м. длины, складываютъ такимъ образомъ, чтобы матерія приходилась вдвойнѣ надѣваютъ на бедра и, стянувъ оба конца, связываютъ ихъ спереди. Нижняя часть „parehu" прикрываетъ до половины ноги, иногда доходитъ до ладыжекъ, между тѣмъ, какъ верхняя можетъ быть приподнята на плечи, что обыкновенно дѣлается ночью, а часто и днемъ, при сильномъ вѣтрѣ или дождѣ. Ирландецъ Е. Г. Ламонтъ на Маркизовомъ островѣ Гиваоа видѣлъ въ свитѣ „короля" (посѣтившаго его корабль въ передникѣ и съ ярко краснымъ шерстянымъ одѣяломъ на плечахъ) довольно значительное число женщинъ, изъ которыхъ многія, вѣроятно, вслѣдствіе забывчивости, оставили свою одежду на берегу. „Вслѣдъ затѣмъ,—продолжаетъ Ламонтъ—эти дамы, отчасти напоминавшія собой медицейскихъ Венеръ, занялись своимъ туалетомъ, т. е. натираніемъ тѣла. Но, благодаря этой операціи, онѣ потеряли всякую прелесть для европейцевъ, потому что мазь, которой онѣ натираются, хотя и приготовлена изъ душистыхъ цвѣтовъ и другихъ благовонныхъ веществъ, но запахъ прибавленнаго къ ней кокосоваго масла дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ на цивилизованные нервы (Lamont, Wild life among the Pacific islanders. London 1867, S. 24—25). Между тѣмъ, королева острововъ Таити, знаменитая Помаре, приняла ирландцевъ въ широкомъ платьѣ туземнаго покроя, сдѣланномъ изъ черного атласа, но на ней не было ни башмаковъ, ни чулокъ. Ея супругъ, таитскій король, былъ наряженъ въ фантастическій мундиръ изъ кобальто-голубого бархата, обшитаго серебрянымъ галуномъ, и не иначе появлялся въ публикѣ, какъ съ треуголкой на головѣ. Въ былыя времена, островитянки Таити подражали европейскимъ модамъ; но теперь, къ счастью, опять вернулись къ своимъ ста-

риннымъ живописнымъ нарядамъ, о которыхъ Брассей отзывается съ большой похвалой, такъ какъ они очень идутъ къ туземнымъ женщинамъ. Въ настоящее время прежняя ткань изъ волоконъ древесной коры („tapa“) замѣнена бумажной матеріей, большей частью окрашенной въ розовую или голубую краску. Обычай украшать заднюю часть головы и ушныя мочки бѣлымъ или яркокраснымъ цвѣткомъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Ламонтъ засталъ короля о. Гуагине въ бѣлой рубашкѣ и ярко красномъ плащѣ; равнымъ образомъ, туземцы на Манкè, одномъ изъ острововъ Кука и Гервей, были совершенно прилично одѣты. То же разсказываютъ путешественники объ о. Риматара, на юго-западъ отъ Таити, принадлежащемъ къ группѣ Табуаи, обитатели котораго, повидимому, совершенно переняли европейскіе нравы. Тѣмъ не менѣе, судя по извѣстіямъ, сообщаемымъ Целлеромъ, европейская цивилизація привилась здѣсь болѣе внѣшнимъ способомъ: „На островахъ Товарищества, гдѣ своеобразная мѣстная культура сдѣлала уже довольно значительные успѣхи, вошли въ общее употребленіе рубашки, панталоны, плащи изъ бумажныхъ матерій у женщинъ и другія европейскія одежды, такъ что по крайней мѣрѣ половина туземцевъ носитъ платье. Совсѣмъ иное видимъ мы на островахъ Самоа. Даже на главномъ островѣ Уполу и въ Апіи туземцы носятъ платье только въ видѣ украшенія, какъ, напримѣръ, въ воскресенье, отправляясь къ обѣднѣ, и чувствуютъ себя при этомъ совершенно несчастными. Вожди въ торжественныхъ случаяхъ являются одѣтыми, но дома ходятъ нагіе, какъ и ихъ жены. Даже принцессы носятъ здѣсь только родъ пояса или панталоны, на подобіе тѣхъ, какія употребляются въ Европѣ для морского купанья. Онѣ никогда не снимаютъ ихъ, хотя бы одѣвали другое платье или „talar“ (плащъ) съ широкими складками, который накидываютъ сверху, согласно общепринятому обычаю, начиная отъ о. Гавайи, до Новой Зеландіи. Но, впрочемъ, эти панталоны, употребляемыя въ Полинезіи лицами обоего пола, вошли въ моду въ послѣднее время, такъ какъ (и даже теперь на многихъ островахъ) туземцы большею частью носили коротккую юбочку изъ листьевъ и древесныхъ волоконъ“ (Rund um die Erde, Bd. I, S. 114).

У мужчинъ длинные волоса завязаны въ одинъ узелъ или обрѣзаны такимъ образомъ, что оставленъ большой локонъ; у женщинъ они всегда коротко острижены. Но вообще туземцы обращаютъ большое вниманіе на волосы, мажутъ ихъ и заплетаютъ нѣсколько разъ въ день. Нерѣдко всѣ волосы или отчасти натираются коралловой известью, вслѣдствіе чего пріобрѣтаютъ красноватый или льняной оттѣнокъ. Дарвинъ сообщаетъ о крайне безобразной модѣ принятой на о. Таити, сообразно которой волосы выбриваютъ крестообразно на темени, такъ что по краямъ остается только кружокъ волосъ. Миссіонеры не разъ пытались убѣдить туземцевъ, чтобы они отстали отъ этого обыкновенія, но имъ объясняли, что „это въ модѣ“, а на подобный отвѣтъ такъ же трудно возражать на Таити, какъ и въ Парижѣ.

Между тѣмъ, главнымъ украшеніемъ полинезійцевъ служитъ татуировка, о которой можно составить себѣ понятіе по прилагаемому рисунку. Здѣсь изображена островитянка Таити, которой мы придали татуировку сосѣдняго острова Маркизова, чтобы познакомить нашихъ читателей съ этимъ своеобразнымъ украшеніемъ полинезійцевъ. Оно обыкновенно примѣняется къ взрослымъ юношамъ по достиженіи періода возмужалости и состоитъ въ накалываніи извѣстныхъ линій и фигуръ на кожѣ, которыя вслѣдъ затѣмъ, для большей прочности, густо натираются красильнымъ веществомъ, распущеннымъ въ жирѣ. Накалываніе тонкихъ точекъ производится гребнеобразнымъ орудіемъ, которымъ растравляютъ кожу съ помощью маленькаго молотка. Нѣмецкій ученый Г. Х. Лангсдорфъ наблюдалъ эту операцію на островахъ Маркизовыхъ и подробно описалъ ее (см. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den

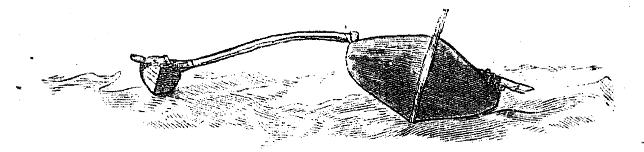
Идеальный типъ полинезійской женщины.— Татуировка на Маркизовомъ архипелагѣ.

Jahren 1803—1807. Frankfurt à M. 1813. Bd. I, S. 155—165). По его словамъ, она не только мучительна, но и сопряжена съ большими расходами, потому что художники, занимающіеся этого рода украшеніями, получаютъ высокую плату. Подобно тому, какъ у насъ нѣсколько разъ прививаютъ оспу, такъ и здѣсь пожилые мужчины возобновляютъ татуировку, чтобы краски получили прежній блескъ. Если все тѣло сплошь и надлежащимъ образомъ татуировано, какъ это дѣлается на многихъ островахъ, и въ наибольшемъ совершенствѣ на Маркизовыхъ, то оно имѣетъ такой видъ, какъ будто на него надѣто плотно прилегающее трико, такъ что непріятное впечатлѣніе, производимое наготой, совершенно утрачивается для насъ. Эта татуировка, производимая съ большимъ вкусомъ, бываетъ обыкновенно темноголубая на Маркизовыхъ и черная для обоихъ половъ на Помоту. По свидѣтельству Эйлмера, прежняя татуировка на Таити уже вышла изъ употребленія, но во времена Дарвина (въ 1835 году) большинство туземцевъ было татуировано и эти украшенія были такъ граціозно выведены вдоль изогнутыхъ линій тѣла, что производили вполнѣ гармоничное впечатлѣніе. Наиболѣе распространенный рисунокъ, хотя видоизмѣняющійся въ дета-

ляхъ, представляетъ подобіе верхушки пальмоваго дерева. Онъ начинается посреди спины и граціозно охватываетъ обѣ стороны тѣла. Сравненіе, которое мнѣ пришло тогда на умъ, — продолжаетъ Дарвинъ — можетъ показаться фантастическимъ, но я нашелъ, что туловище человѣка, разу-

Оснащенная лодка островитянъ Маркизова архипелага.

крашеннаго этимъ способомъ, похоже на стволъ благороднаго пальмоваго дерева, обвитый нѣжнымъ ползучимъ растеніемъ. У многихъ пожилыхъ мужчинъ ноги были покрыты мелкими фигурами, размѣщенными такимъ образомъ, что ихъ можно было принять за вязанные носки. Теперь эта мода уже



Видъ туземнаго судна съ килевой части.

отчасти прошла и замѣнилась другими. Хотя въ татуировкѣ мода вообще не отличается постоянствомъ, но каждый субъектъ долженъ довольствоваться той, которая господствовала въ его молодости. Такимъ образомъ, старикъ носитъ всегда на своемъ тѣлѣ отпечатокъ своего времени и не можетъ принять видъ молодого денди. Женщины точно также татуированы, какъ и мужчины, но у нихъ при этомъ очень часто разрисованы пальцы (Darwin, Reise eines

Naturforschers um die Welt, S. 463—464). Фр. Миллеръ вполнѣ согласенъ съ профессоромъ Герландомъ, что происхожденiе татуировки въ томъ своеобразномъ видѣ и размѣрахъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ ее у полинезiйцевъ, можетъ быть объяснено религiозными мотивами, равно какъ и распространенный между полинезiйцами обычай обрѣзанiя (относительно послѣдняго см. G. H. von Sangsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, Bd. I, S. 213—214). Этотъ-же новѣйшiй путешественникъ имѣлъ случай наблюдать на одномъ изъ острововъ Тонга тотъ-же родъ увѣчья, о которомъ я упоминалъ выше, говоря о микронезiйцахъ. Что касается меня лично, то я болѣе согласенъ съ мнѣнiемъ путешественника Отто Финча, который полагаетъ, что татуировка не имѣетъ никакого отношенiя къ религiи или званiю и зависитъ отъ личнаго произвола (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop, 1880, S. 151).

Жилищемъ для полинезiйцевъ служатъ большею частью просторныя хижины; средина ихъ достигаетъ до 10 м. высоты, а по сторонамъ всего на 1,30 м. Стѣны выведены изъ кольевъ, крыша покрыта листьями. Благодаря этому легкому способу постройки, хижины полинезiйцевъ очень прохладны и не защищены отъ вѣтра. Внутри онѣ обыкновенно состоятъ изъ одной комнаты, которая только въ рѣдкихъ случаяхъ раздѣлена на нѣсколько частей плетенной перегородкой или рогожами. На Маркизовыхъ островахъ полъ приподнятъ внутри хижинъ надъ уровнемъ почвы, для защиты отъ наводненiй во время перiодическихъ дождей. Длинная поперечная балка дѣлитъ комнату на двѣ половины; изъ нихъ одна покрыта душистыми травами и циновками и снабжена другой поперечной балкой, въ качествѣ изголовья. Это общая спальня всѣхъ домочадцевъ, безъ различiя возраста и пола. Дверей и оконъ не существуетъ въ полинезiйскихъ хижинахъ; но на о. Самоа и Футуна онѣ имѣютъ овальную форму съ шляпообразнымъ навѣсомъ. Настилка крыши состоитъ изъ листьевъ сахарнаго тростника, положенныхъ рядами на стебли, въ видѣ кирпичей, которые прикрѣпляются къ стропиламъ кокосовыми волокнами. На Нукуфелау, по свидѣтельству д-ра Греффе, хижины туземцевъ построены рядами въ открытомъ полѣ; при этомъ всѣ безъ исключенiя малы, имѣютъ видъ четырехъ-угольника и нерѣдко двухъ-этажные. Послѣднее встрѣчается также на о. Наномеа. Постройка домовъ производится особымъ цехомъ ремесленниковъ, за опредѣленную плату. Женщины помогаютъ только въ доставкѣ матерiала и обдѣлкѣ составныхъ частей дома.

Пища полинезiйцевъ, подобно тому, какъ и у папуасовъ, соотвѣтствуетъ естественнымъ условiямъ ихъ родины и преимущественно растительная. Она почти исключительно состоитъ изъ плодовъ хлѣбнаго дерева, кокосовыхъ орѣховъ и бататовъ (сладкаго картофеля). Что касается животной пищи, то здѣсь употребляются рыбы, черепахи, черепокожiя животныя, куры, собаки и свиньи. Мясо послѣднихъ, вѣроятно, вслѣдствiе исключительно растительнаго корма, походитъ на телятину; туземцы очень рѣдко ѣдятъ свинину и обыкновенно только по случаю какого нибудь празднества. Кушанье жарится въ ямахъ, на раскаленныхъ камняхъ, или въ горячей золѣ; мясо предварительно обливается морской водой, такъ какъ употребленiе соли неизвѣстно. Полинезiйцы добываютъ огонь вышеописаннымъ способомъ, посредствомъ тренiя тупозаостренной палки объ углубленiе, сдѣланное въ другой палкѣ, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока не воспламенится отдѣлившаяся древесная пыль. Дарвинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ изготовленiе ужина на островахъ Таити: „Туземцы развели небольшой огонь изъ деревянныхъ палокъ и положили въ него двадцать каменьевъ, величиной въ крокетные шары. Не прошло и десяти минутъ, какъ дерево сгорѣло и камни накалились. Передъ этимъ они завернули въ листья куски мяса, рыбы, зрѣлые и недозрѣвшiе бананы и початки дикаго Arum. Затѣмъ эти зеленые свертки были тщательно разложены между двумя рядами горячихъ каменьевъ и плотно покрыты зем-

Сборъ хлопчатой бумаги на Самоа.

лей, такъ что не осталось и слѣда чада или дыма. Черезъ полчаса кушанье было изготовлено наилучшимъ образомъ. Вкусные зеленые свертки были выложены на скатерть изъ банановыхъ листьевъ; мы пили холодную ключевую воду изъ скорлупы кокосоваго орѣха и наслаждались нашимъ сельскимъ пиромъ (Reise eines Naturforschers um die Welt, S. 470). Дарвинъ утверждаетъ, что онъ никогда не видалъ людей, которые хотя-бы приблизительно такъ много ѣли, какъ островитяне Таити, и предполагаетъ, что причина такого невѣроятнаго объема желудковъ заключается въ томъ, что ихъ пища главнымъ образомъ состоитъ изъ плодовъ и овощей и въ сущности содержитъ въ себѣ только незначительное количество дѣйствительно питательныхъ веществъ. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что эскимосы, которые почти исключительно питаются сырымъ мясомъ, поглощаютъ еще большую массу пищи. На о. Нука-Гивѣ туземцы, при всякомъ рыбномъ уловѣ, наѣдаются до пресыщенія сырой рыбой, а остатки смѣшиваютъ на слѣдующій день съ „poï", „poroï", т. е. тѣстомъ, приготовленнымъ изъ плодовъ хлѣбнаго дерева. Е. Г. Ламонтъ познакомился здѣсь съ кушаньемъ, называемымъ „poey-poey", которое, по наружному виду, похоже на сбитые сливки. Оно изготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ плодъ хлѣбнаго дерева, поджариваютъ на огнѣ и отдѣляютъ оболочку, что придаетъ ему сходство съ бѣлымъ хлѣбомъ, съ котораго снята корка. Затѣмъ мясистую часть плода толкутъ мелко въ ступѣ и примѣшиваютъ небольшое количество другаго хлѣбнаго плода, который лежалъ зарытымъ въ землѣ и пришелъ въ броженіе, что служитъ замѣной дрожжей и придаетъ „poey" рыхлость и пріятный кисловатый вкусъ. Изготовленную такимъ образомъ массу

Оружіе и утварь островитянъ Южнаго океана.

обливаютъ кокосовымъ молокомъ и варятъ на огнѣ. Туземцы ѣдятъ эту кашу, обмакивая въ нее палецъ, который облизываютъ. Ламонтъ возстаетъ противъ подобнаго способа ѣды, но, тѣмъ не менѣе, находитъ это кушанье чрезвычайно вкуснымъ (Wild Life among the Pacific Islanders, p. 30—31). Равнымъ образомъ, многіе путешественники очень хвалятъ любимый напитокъ полинезійцевъ, а именно, сокъ незрѣлыхъ кокосовыхъ орѣховъ. Дарвинъ утверждаетъ, что ему никогда не приходилось встрѣчать болѣе вкуснаго питья. Праздничнымъ напиткомъ служитъ пуншъ „kawa", приготовленный изъ жеванныхъ корней Piper methysticum, который всегда пьютъ до обѣда и только знатные люди, а не женщины и простой народъ. Дѣйствіе этого напитка выражается не только похмѣльемъ, вызывающимъ сладострастныя картины, но и накожной болѣзнью, похожей на проказу, послѣ которой остаются большіе шрамы.. Но послѣдніе, во всякомъ случаѣ, считаются почетными знаками, такъ какъ показываютъ знатное происхожденіе субъекта, имѣющаго ихъ. На Таити употребленіе „kawa" было запрещено въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но послѣ введенія водки пьянство чрезвычайно распространилось. Съ тѣхъ поръ миссіонерамъ удалось основать здѣсь общество умѣренности, хотя на другихъ островахъ, какъ, напримѣръ, на Маркизовыхъ, пристрастіе къ „namu" (водкѣ) все еще доходитъ до крайнихъ размѣровъ.

Изъ домашняго скарба полинезійцевъ особенно заслуживаютъ вниманія красивыя одѣяла, которыя въ праздники служатъ плащами, а ночью одѣялами,—изящныя корзины и опахала и художественно вырѣзанныя чаши изъ кокосовой скорлупы. Сѣти ручной работы, изготовляемыя женщинами изъ растительныхъ волоконъ, отличаются прочностью. Туземныя лодки бываютъ двухъ родовъ: однѣ меньшихъ размѣровъ, простыя, большей частью узкія, чрезвычайно длинныя и, вслѣдствіе этого, снабженныя балансомъ; другія—двойные челноки болѣе значительной ширины, съ высокимъ носомъ, богато украшеннымъ рѣзьбой. Инструменты и оружіе полинезійцевъ изготовляются изъ твердаго дерева и рыбьихъ костей. Главнымъ оружіемъ считается дубина, большею частью украшенная красивой рѣзьбой и усаженная зубами акулы, затѣмъ копье отъ 2—2,5 м. длины съ наконечникомъ изъ острой рыбьей кости. Въ былыя времена также повсемѣстно употреблялись пращи, которыми бросали камни величиной съ куриное яйцо. При этомъ островитяне никогда не пользуются лукомъ и стрѣлами на войнѣ, а только на охотѣ за птицами. Впрочемъ, теперь во многихъ мѣстахъ туземное оружіе изготовляется только по заказу любителей этнографическихъ рѣдкостей. Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ трофеи, составленные изъ туземнаго оружія и утвари; сверху представлены вещи полинезійскаго происхожденія, нижняя часть—меланезійскаго, такъ что можно съ перваго взгляда видѣть рѣзкую существующую между ними разницу.

При незначительномъ количествѣ домашнихъ животныхъ, земледѣліе и рыболовство составляютъ главное занятіе полинезійцевъ. Они прилагаютъ большое стараніе къ воздѣлыванію корнеплодныхъ растеній, разрыхляютъ почву и удабриваютъ ее, сжигая сорную траву. На о. Нука-Гивѣ рыбная ловля составляетъ единственное занятіе мужчинъ, которые въ этомъ проявляютъ большое искусство и, между прочимъ, посредствомъ отравленія воды умѣютъ привести рыбу въ состояніе хлороформированія. Они также отличаются рѣдкимъ мужествомъ при ловлѣ акулъ.

Полинезійцы вообще очень опрятны, что можно приписать теплому климату, легкой одеждѣ и обилію воды. Они обыкновенно купаются, по крайней мѣрѣ разъ въ день, вслѣдствіе чего жиръ, которымъ они натираютъ себѣ тѣло, и потъ не могутъ накопляться на кожѣ. Всѣ полинезійцы обладаютъ ловкостью амфибій въ водѣ и плаваютъ не хуже рыбъ. Въ жаркій полуденный часъ прохладные пруды подъ тѣнистыми деревьями составляютъ любимое

мѣсто сборищъ молодежи женскаго пола; веселый смѣхъ издали даетъ знать объ ихъ присутствіи. Миссіонеры вначалѣ дѣлали попытки искоренить этотъ первобытный обычай, но убѣдились, что, запрещая невинную забаву, они возбуждали только соблазнъ, и съ тѣхъ поръ предоставили полную свободу туземцамъ.

Состояніе нравственности и супружескія отношенія.

На какой бы степени цивилизаціи ни находились люди, она никогда не въ состояніи окончательно заглушить ихъ животныхъ инстинктовъ. Если это не удается людямъ, достигшимъ высшей культуры, то тѣмъ менѣ можетъ быть доступно дѣтямъ природы на отдаленныхъ островахъ Южнаго океана, которые, при всѣхъ своихъ умственныхъ дарованіяхъ, не перешли, по нашимъ понятіямъ, низшихъ стадій цивилизаціи. Имъ чуждо и не рѣдко даже едва понятно все то, что мы называемъ нравственностью и что составляетъ краеугольный камень нашего общественнаго порядка. Такимъ образомъ, они совершенно невинно и въ душевной простотѣ совершаютъ поступки, одно названіе которыхъ возбуждаетъ въ насъ отвращеніе. Наша собственная цивилизація есть ничто иное, какъ приручѳніе человѣка, т. е. млекопитающаго человѣка, какъ я уже доказывалъ это въ моей другой книгѣ (Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwiklung, Bd. II, S. 17). Это прирученіе, какъ и всякая дрессировка, развиваетъ извѣстныя свойства и одновременно съ этимъ подавляетъ другія; цивилизація способствуетъ умственному развитію и съ каждымъ шагомъ, гдѣ только возможно, ведетъ къ ограниченію нашей физики и ея потребностей. Въ виду этого, мы въ правѣ понимать цивилизацію въ смыслѣ обуздыванія чувственныхъ желаній, которыя мы считаемъ темными сторонами нашей человѣческой природы, какъ все, что напоминаетъ скотскія проявленія нашего существа. Этнологія не должна останавливаться передъ подобными преградами, такъ какъ, говоря словами одного римскаго писателя, „ничто человѣческое не должно оставаться ей чуждымъ“ (nihil humani a me alienum esse puto); въ противномъ случаѣ, ея содержаніе очень скоро исчерпывается. Это представляетъ для насъ своего рода выгоды, потому что даетъ возможность пройдти молчаніемъ пороки нашей европейской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что у некультурныхъ народовъ обуздываніе естественныхъ побужденій не перешло въ нравственный законъ, хотя и у нихъ существуетъ свой кодексъ приличій. Нигдѣ такъ называемая распущенность нравовъ не доходитъ до такой степени, какъ на Южномъ океанѣ, въ чемъ наши читатели могли убѣдиться изъ приведенныхъ выше примѣровъ; но и на Южномъ океанѣ сравнительно болѣе образованные полинезійцы превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ островитянъ. Не

подлежитъ сомнѣнію, что нравы значительно измѣнились къ лучшему въ продолженіи послѣднихъ ста лѣтъ, и Дарвинъ, вѣроятно, не безъ основанія опровергаетъ слишкомъ строгія порицанія, которымъ подвергались полинезійцы по поводу сценъ, описанныхъ Кукомъ и Банкомъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются бабушки и прабабушки нынѣшняго поколѣнія островитянъ. Но и то, что мы видимъ въ настоящее время, несмотря на почтенныя, хотя часто крайне неудачныя, старанія христіанскихъ миссіонеровъ, достаточно краснорѣчиво доказываетъ справедливость высказаннаго нами мнѣнія.

Лишь только туземцы увидятъ на морѣ корабль во время прилива, они приходятъ въ сильное волненіе, и новость съ быстротою молніи распространяется по всему острову. Затѣмъ пестрая масса людей бросается въ море и плыветъ на встрѣчу кораблю. Г. Х. Лангсдорфъ, который сопровождалъ Крузенштерна при его кругосвѣтномъ плаваніи, въ 1803—1807 гг., слѣдующимъ образомъ описываетъ оказанный имъ пріемъ на островѣ Маркизова архипелага Нука-Гивѣ: „Сначала мы могли только различить на большомъ разстояніи множество черноволосыхъ головъ, торчащихъ изъ воды; но вскорѣ послѣ того нашимъ глазамъ представилось любопытное зрѣлище. Мы увидѣли нѣсколько сотъ нагихъ мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, плавающихъ вокругъ корабля; большинство захватило съ собой для продажи кокосовые орѣхи, бананы и плоды хлѣбнаго дерева. Крики, смѣхъ и невообразимый гамъ, производимый этими вѣчно веселыми дѣтьми природы, дѣйствовали на насъ страннымъ образомъ. Шумъ продолжался безпрерывно и превосходилъ тотъ, какой бываетъ на нашихъ многолюднѣйшихъ ярмаркахъ, такъ что за обѣдомъ мы едва могли разслышать другъ друга. Молодыя дѣвушки и женщины, которыя явились совершенно нагія, какъ и мужчины, и въ такомъ же количествѣ, были необыкновенно шумливы и разговорчивы и, вдобавокъ, безстыдны по европейскимъ понятіямъ. Каждое наше движеніе вызывало съ ихъ стороны громкій и веселый взрывъ хохота, и, такъ какъ мы ни слова не понимали изъ тѣхъ прекрасныхъ рѣчей, съ которыми онѣ обращались къ намъ, то онѣ, не стѣсняясь, объяснили намъ самымъ безнравственнымъ и неприличнымъ способомъ, съ помощью пантомимъ, что предлагаютъ воспользоваться ихъ особами. Мужчины, приплывшіе вмѣстѣ съ ними, не выказывали при этомъ ни малѣйшей ревности, и даже мужья, повидимому, расхваливали своихъ женъ, братья сестеръ, отцы дочерей, любовники своихъ возлюбленныхъ“ (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, I. Bd., S. 123—125). Это описаніе и до сихъ поръ вполнѣ подходитъ къ восточнымъ островамъ, гдѣ въ нравахъ не произошло никакого измѣненія. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ на нѣмецкомъ корветѣ „Ariadne“,—который посѣтилъ Южный океанъ въ 1878 году, подъ командой капитана Вернера,— мужья до сихъ поръ даютъ порученія своимъ женамъ, чтб онѣ должны украсть для нихъ съ корабля или потребовать въ видѣ платы за извѣстныя услуги. Женщины, чтобы не смочить своего набедреннаго пояса во время плаванія, держатъ его надъ водой, привязаннымъ къ палкѣ. Затѣмъ, каждая старается попасть изъ первыхъ на палубу, потому что, какъ только экипажъ корабля сдѣлалъ достаточный запасъ красавицъ, всѣмъ лишнимъ дамамъ отказываютъ въ пріемѣ, и онѣ должны плыть обратно, сопровождаемыя насмѣшливымъ хохотомъ своихъ подругъ. Если нѣсколько судовъ стоитъ на рейдѣ и число дамъ оказывается недостаточнымъ, то посылаютъ за ними въ болѣе отдаленные пункты. Въ этихъ случаяхъ, на корабляхъ обыкновенно происходятъ отвратительныя сцены грубаго разврата. Впрочемъ, здѣсь корыстолюбіе служитъ единственнымъ стимуломъ къ проституціи. Это можно замѣтить изъ того, что по

линезійскія нереиды, приплывающія къ кораблямъ, всегда однѣ и тѣ же личности, между тѣмъ, какъ болѣе почтенныя женщины сохраняютъ чувство собственнаго достоинства и не доступны соблазнамъ.

Въ супружеской жизни полинезійцевъ господствовала прежде полигамія; при этомъ число женъ соотвѣтствовало состоянію и общественному положенію мужа. Бѣдняки довольствовались одной женой; вожди имѣли ихъ отъ пяти до шести; но, повидимому, двоеженство составляло общую норму. Въ мѣстностяхъ, гдѣ миссіонеры достигли большаго господства, тамъ полигамія была, разумѣется, запрещена, что, по свидѣтельству д-ра Эдуарда Греффе, повело къ разстройству семейныхъ отношеній, такъ какъ многоженство у нецивилизованныхъ народовъ имѣетъ весьма основательныя причины для своего существованія. Въ семьяхъ, живущихъ патріархальнымъ образомъ, гдѣ нѣтъ ни рабовъ, ни слугъ,—жена была бы слишкомъ обременена работой при моногаміи. Она должна заботиться о дѣтяхъ, ходить на рыбную ловлю, варить кушанье, плести циновки и т. п., что иногда оказывается невозможнымъ въ періодъ беременности. Въ былыя времена, въ этихъ случаяхъ, брала на себя домашнюю работу старѣйшая жена. Другая причина полигаміи заключается въ раннемъ развитіи и скоромъ отцвѣтаніи женскаго пола, на островахъ Южнаго океана, между тѣмъ, какъ мужчины несравненно долѣе сохраняютъ свои силы. Но, благодаря насильственному разрыву существующихъ полигамическихъ отношеній, жены, признанныя незаконными, осуждались на нравственную гибель (Ausland. 1867, S. 1186). Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ миссіонеровъ, полигамія вообще прекратилась въ Полинезіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число разводовъ, а это, равно и то обстоятельство, что многія женщины временно лишились средствъ къ пропитанію, было главною причиною быстраго уменьшенія населенія.

Браки совершаются у полинезійцевъ безъ всякихъ затрудненій. Островитяне Самоа считаютъ бракъ заключеннымъ, какъ только мужчина принялъ женщину къ себѣ въ домъ, и не заботятся о послѣдствіяхъ. При заключеніи законныхъ супружескихъ союзовъ, размѣръ приданаго опредѣляется по договору. Со стороны мужа оно состоитъ изъ съѣстныхъ припасовъ, домашнихъ животныхъ, оружія, домашней утвари и лодокъ; со стороны невѣсты—изъ матеріи для платьевъ и красивыхъ циновокъ. На Маркизовыхъ островахъ браки совершаются съ согласія родителей и по свободному выбору желающихъ вступить въ супружество, но безъ всякаго торжества, и только иногда по этому случаю закалываютъ свинью. Если родители не даютъ своего согласія, то влюбленные обращаются въ бѣгство. Бракъ длится до той поры, пока онъ пріятенъ обѣимъ сторонамъ, и прекращается по взаимному согласію. Во время супружества, женщина должна вести цѣломудренный и уединенный образъ жизни, что обыкновенно строго соблюдается. Нарушеніе супружеской вѣрности подвергается строгой карѣ на многихъ островахъ; если измѣна произошла только со стороны жены, то мужъ наказываетъ ее, а иногда дѣло доходитъ даже до поединка между соперниками. Кровосмѣшеніе повсемѣстно возбуждаетъ отвращеніе, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, допускае-

мыхъ въ королевской семьѣ. Ирландецъ Ламонтъ, выброшенный во время кораблекрушенія на Пенринскіе острова, разсказываетъ, что онъ не могъ вступить въ законный бракъ на о. Сараракѣ потому, что, въ качествѣ пріемыша, считался братомъ всему мѣстному населенію, а здѣсь относятся съ крайнимъ предубѣжденіемъ ко всякаго рода сношеніямъ съ родственниками. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ, незамужнимъ дѣвушкамъ предоставлена полная свобода въ сношеніяхъ съ мужчинами. „Atapeïus", или вожди женскаго пола, на Нука-Гивѣ часто живутъ одновременно съ нѣсколькими мужьями. Беременная дѣвушка, кто бы ни былъ ея любовникъ, тотчасъ же находитъ до двадцати жениховъ, особенно между жрецами и вождями. Но беременность вообще сдѣлалась рѣдкимъ явленіемъ, потому что, при распутствѣ, которое нерѣдко начинается съ двѣнадцати лѣтъ, плодородіе какъ бы умышленно уничтожается. Между тѣмъ, полинезійцы должны во чтобы то ни стало имѣть дѣтей, потому что послѣдніе не только служатъ опорой старости, но и необходимы для выполненія предписанныхъ погребальныхъ пиршествъ, безъ которыхъ душа умершаго обречена на окончательную гибель. Впрочемъ, вышеупомянутая распущенность дѣвушекъ не представляетъ повсемѣстнаго явленія. По свидѣтельству Ламонта, дѣвушки на Пенринскихъ островахъ и до замужества могутъ считаться образцами цѣломудрія, равно какъ и на островахъ Самоа, гдѣ цѣломудріе дочерей составляетъ высшую гордость вождей и славу племени. Въ виду этого, придворныя дамы зорко стерегутъ молодыхъ принцессъ. Свадебный пиръ до послѣдняго времени былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и днемъ испытанія. Если невѣста оказывалась не дѣвственницей, то отецъ собственноручно убивалъ ее дубиной; въ противномъ случаѣ, всѣ участники пира громко выражали свой восторгъ, и принцесса, возвращаясь домой, должна была пройдти среди народа. Совмѣстная супружеская жизнь начиналась только на третій день. Но всѣ эти обычаи давно вышли изъ употребленія, и островитяне Самоа настолько цивилизовались, что стараются заслужить расположеніе своихъ возлюбленныхъ съ помощью любовныхъ писемъ.

Весьма естественно, что, при чувственномъ и страстномъ темпераментѣ полинезійцевъ, бываютъ примѣры искренней любви и привязанности; и дѣти обыкновенно еще болѣе скрѣпляютъ супружескій союзъ; случается также, что ревность доводитъ до убійства не только мужчинъ, но и женщинъ. Но всего любопытнѣе и поразительнѣе, что здѣсь мы встрѣчаемъ то-же явленіе, которое почти постоянно повторяется въ исторіи всѣхъ европейскихъ поселеній между цвѣтными народами, а именно, что туземныя женщины, изъ привязанности къ своимъ бѣлокожимъ возлюбленнымъ, вступаютъ въ заговоръ противъ людей своего племени. Такъ, напримѣръ, на Маркизовыхъ островахъ полинезійскія любовницы французскихъ офицеровъ окончательно перешли на сторону своихъ возлюбленныхъ и оказывали имъ важныя услуги, въ качествѣ лазутчицъ. Повсемѣстно въ Полинезіи наплывъ европейцевъ привелъ, въ большей или меньшей степени, къ такъ называемому самоанскаму браку, который состоитъ въ томъ, что въ послѣднее время европейцы, вступая въ сожительство съ островитянками Самоа, заключаютъ съ ними родъ молчаливаго соглашенія. „Миссіонеры проповѣдуютъ святость и необходимость брака; островитянкѣ Самоа, особенно изъ знатнаго сословія, было бы очень трудно сдѣлаться женой европейца, безъ наружнаго брака, хотя ей хорошо извѣстно, что она не связана законнымъ союзомъ. При этомъ происходитъ родъ соглашенія, что бракъ продолжается по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока бѣлокожій супругъ остается въ странѣ. Эти-же браки заключаются на всю жизнь у людей, поставленныхъ въ болѣе простыя условія жизни, какъ, напр., у многочисленныхъ купеческихъ агентовъ, бывшихъ матросовъ и другихъ лицъ, случайно заброшенныхъ судьбой на который либо изъ мелкихъ островобъ. Совсѣмъ иное видимъ мы въ

Апіа и въ болѣе значительныхъ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ много купцовъ, которые впослѣдствіи возвращаются въ Европу. Впрочемъ, бываютъ также примѣры совершенно правильныхъ браковъ, но большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда жены происходятъ отъ отца европейца и матери полинезіанки. Изъ нихъ нѣкоторыя королевскаго рода, бывали въ Лондонѣ или въ Парижѣ, и съ честью исполняютъ роль хозяйки дома, такъ что мужья могутъ, не стѣсняясь, привезти ихъ на свою родину. Самоанскій бракъ, при самобытномъ и довѣрчивомъ характерѣ туземцевъ, прежде всего ведетъ къ тому, что всѣ соплеменники жены считаютъ себя какъ бы принадлежащими къ семьѣ. Если кофры и сундуки не заперты надлежащимъ образомъ, то нагіе родственники и братья украдутъ изъ нихъ все до послѣдней вещи, нестолько изъ склонности къ воровству, сколько изъ смутнаго понятія о собственности. Если вашъ тесть, хотя бы онъ былъ великій вождь, вытащитъ изъ вашего кармана носовой платокъ, который все болѣе входитъ въ употребленіе, то онъ дѣлаетъ это вовсе не съ намѣреніемъ произвести кражу. По его понятіямъ, платокъ все-таки остается въ семьѣ; можетъ даже случиться, что онъ возвратитъ вамъ его обратно послѣ восьмидневнаго употребленія. Онъ былъ бы вовсе не въ претензіи на васъ, еслибы вы поступили съ нимъ такимъ-же образомъ (Zoller, Rund um die Erde, Bd. I, S. 113). По свидѣтельству Притчарда, изъ десяти островитянокъ, которыя сожительствовали съ европейцами и были брошены ими, девять послѣ этого высказываютъ положительное отвращеніе къ замужству съ своими соотечественниками и предпочитаютъ проституцію. Къ этому побуждаютъ ихъ, кромѣ того, многія обстоятельства, проистекающія изъ соціальныхъ условій жизни полинезійцевъ. Такъ, напр., въ каждой деревнѣ на о. Тамоа находится „fale-telle“, или гостинница для путешественниковъ. Къ домашнему персоналу этихъ учрежденій принадлежатъ извѣстнаго рода женщины, которыя всегда къ услугамъ путешественниковъ. Это большею частью разводныя жены вождей. Пока послѣдніе не достигли званія вождей, они вступаютъ въ бракъ съ дѣвушками низшаго сословія, которыхъ они, рано или поздно, отсылаютъ отъ себя. Сватовство обыкновенно происходитъ черезъ посредниковъ; нѣкоторые изъ нихъ всегда находятся въ свитѣ вождя во время путешествія и обыкновенно сманиваютъ двухъ трехъ дѣвушекъ, если вождь остается болѣе продолжительное время въ деревнѣ. Если ихъ не отошлютъ заблаговременно, то онѣ все-таки должны оставить домъ вождя, въ случаѣ брака, соотвѣтствующаго его положенію. Но онѣ никогда не могутъ выйдти вторично замужъ, потому что вождь счелъ бы это за смертельную обиду. Если бы другой вождь принялъ къ себѣ разводную жену, то послѣдствіемъ этого была-бы непримиримая вражда, между тѣмъ какъ незнатнаго человѣка попросту убиваютъ люди оскорбленнаго вождя. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, женщина признается свободной и можетъ вступить въ третій бракъ (Pritchard, Polynasian Reminiscences, p. 133—135). Вопреки этимъ обычаямъ, или, скорѣе, вслѣдствіе ихъ, возникло много скрытыхъ и противоестественныхъ пороковъ (См. F. Muller, Allgem. Ethnogr., S. 341). Супружеская жизнь полинезійцевъ представляетъ двѣ особенности, которыя, по европейскимъ понятіямъ, набрасываютъ неизгладимое пятно на ихъ нравственность. Во первыхъ, такъ называемая кровная дружба, или братство, по которому двое мужчинъ, заключивъ дружескій союзъ, основанный на взаимной защитѣ и помощи, принимаютъ на себя обязательство имѣть общее имущество, что простирается даже на жену каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, бывали примѣры, что, если европеецъ, сдѣлавшись названнымъ братомъ („Ikoa“) полинезійца, не пользуется своими правами, то туземецъ огорчается и принимаетъ это за обиду. Много разъ упоминаемый нами Ламонтъ имѣлъ случай убѣдиться, что, по крайней мѣрѣ на Маркизовыхъ островахъ, господствуетъ обычай, по которому хозяйка дома предоставляется въ распоряженіе гостя. Впрочемъ, считаю долгомъ замѣтить, что этотъ обычай еще не даетъ намъ права со-

ставлять слишкомъ низкое мнѣніе о туземцахъ, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству Адольфа Эрмана, въ Камчаткѣ гостя чествуютъ тѣмъ-же способомъ. Другую темную сторону полинезійскихъ нравовъ представляетъ дѣтоубійство, которое нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не производится въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Полинезіи, и съ безстыдствомъ, которое болѣе оскорбляло бы нравственное чувство приличія. Различіе общественнаго положенія, какъ мы видѣли выше, ни въ какомъ случаѣ не служитъ препятствіемъ къ заключенію браковъ; но дѣти, происшедшія отъ супружества знатнаго человѣка съ простолюдинкой, всегда убиваются, тотчасъ-же послѣ рожденія. По мнѣнію Мейнике, это главный источникъ дѣтоубійства, хотя нельзя отвергать, что въ послѣднее время оно производилось не только съ цѣлью сохранить чистоту крови высшихъ сословій, но ради удовольствія и нежеланія заняться воспитаніемъ дѣтей (Meinicke, Die Inseln des Stillen Ozeans, Bd. I, S. 50).

Воспитаніе дѣтей, если можно говорить о немъ въ Полинезіи, заключается въ томъ, что дѣтей знакомятъ со способами, какими они должны добывать себѣ средства для дальнѣйшаго существованія, затѣмъ съ семейными и племенными сагами, а равно и съ обычаями и преданіями, которыя предписываются кодексомъ приличій. Но вообще дѣтямъ прощаютъ всѣ ихъ шалости и никогда серьозно не наказываютъ, какъ бы изъ боязни ослабить ихъ стремленіе къ свободѣ и самостоятельности. Не только за мальчиками, но и за дѣвочками нѣтъ никакого присмотра, и они очень рано посвящаются въ тайны половой жизни изъ разговоровъ, какіе имъ приходится слышать въ родительской хижинѣ. Впрочемъ, полинезійскія дѣти отличаются своеобразнымъ характеромъ. Никогда вы не увидите, чтобы они ссорились или дрались между собою; они также никогда не плачутъ, не производятъ особеннаго шума.

Главное увеселеніе полинезійцевъ составляетъ пляска. Танцоры обоего пола входятъ въ кругъ зрителей и, въ ожиданіи своей очереди, вторятъ такту, который выбивается на деревянномъ ящикѣ, замѣняющемъ барабанъ. Неприличныя тѣлодвиженія, своеобразное выворачиваніе рукъ и ногъ, выгибаніе назадъ туловища представляютъ главные моменты этой сладострастной мимики, гдѣ мужчины и женщины встрѣчаются крестъ на крестъ, кружатся, близко сходятся другъ съ другомъ и, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, падаютъ въ изнеможеніи, уступая мѣсто другимъ „артистамъ“. Эти танцы называются „hupahupa“ на островахъ Помоту, между тѣмъ какъ на Маркизовыхъ устраиваются народныя празднества, „koika“, на которыхъ пиршества и танцы происходятъ одновременно.

Одинъ французъ, въ качествѣ очевидца, слѣдующимъ образомъ описываетъ „koika“: мужчины явились на праздникъ въ своемъ національномъ нарядѣ, т. е. съ темнымъ пучкомъ перьевъ на головѣ, который былъ выше медвѣжьей шапки французскихъ гренадеровъ. Празднество началось съ жертвоприношенія. Присутствовало около 1,500 человѣкъ, которымъ одновременно былъ поданъ обѣдъ. Въ опредѣленный часъ появилась процессія, состоящая по крайней мѣрѣ изъ сотни туземцевъ, которые принесли цѣликомъ жареныхъ свиней, плоды и пироги съ начинкой изъ „popoi“ (каши, сваренной изъ

плодовъ хлѣбнаго дерева). При раздачѣ кушанья, не произошло ни малѣйшаго безпорядка, такъ что, по всему вѣроятію, мѣсто и порція каждаго изъ гостей была опредѣлена заранѣе, сообразно издавна установленному порядку. Около четырехъ часовъ по полудни, подулъ свѣжій вѣтерокъ, и танцы возобновились. Они были открыты шестью женщинами-вдовами, которыя выполнили танецъ въ честь своихъ покойныхъ мужей. Онѣ сняли съ себя все платье и старались выразить пантомимами свою душевную тоску, что до извѣстной степени удалось имъ, такъ какъ со стороны зрителей не было недостатка въ выраженіяхъ сочувствія къ печальнымъ баядеркамъ, когда онѣ сошли со сцены. Затѣмъ былъ выполненъ знаменитый „Comumu Puaca“, или свиной гимнъ. Къ несчастью, неизвѣстно, кто былъ композиторомъ этого балета, вся оригинальность котораго заключается въ томъ, что танцы женщинъ сопровождаются всеобщимъ хоромъ, состоящимъ въ подражаніи свиному хрюканью. Нигдѣ творческая фантазія не рѣшалась касаться этого грязнаго животнаго, но жители Нука-Гивы приходятъ въ восторженное изступленіе при исполненіи этого національнаго пѣнія. Послѣ заката солнца устроилась факельная процессія къ „Tiki“ (идоламъ). Когда французы явились на третій день на „koika“, то народный праздникъ былъ почти оконченъ и представлялъ не только печальный, но и въ высшей степени отталкивающій видъ. Всѣ въ большей или меньшей степени испытывали послѣдствія непомѣрнаго употребленія „kawa“ и „namu“, лежали въ изнеможеніи на землѣ, съ трудомъ открывая свои мутные глаза. Дамы, которыя такъ гордились своими прическами во время празднества, не обращали теперь никакого вниманія на то, что ихъ нарядъ превратился въ грязную ветошку и что всѣ цвѣты на ихъ головѣ осыпались. Надъ собраніемъ парилъ удушливый жаръ; вездѣ подъ ногами были скользкіе остатки пищи; кислый запахъ непріятно дѣйствовалъ на нервы; тучи москитовъ наполняли зараженную атмосферу. Такъ кончается всякій „koika“ (Ausland, 1861, S. 103). Жители Пенринскихъ острововъ предаются съ особеннымъ удовольствіемъ „pehu“, церемоніи, гдѣ пѣніе сопровождается добровольнымъ расцарапываніемъ кожи.

На Таити танцы, составлявшіе прежде главное увеселеніе жителей, запрещены чопорной французской полиціей за ихъ непристойность, и допускаются только во время большихъ празднествъ. Вслѣдствіе этого, туземцы предались карточной игрѣ, и, такимъ образомъ, одинъ порокъ замѣнился другимъ.

Государственныя и общественныя учрежденія.

Въ настоящее время очень мало острововъ на Южномъ океанѣ, въ которыхъ не живутъ европейцы, хотя бы въ одиночку, и этому обстоятельству слѣдуетъ приписать существенныя перемѣны, которыя произошли въ вѣрованіяхъ, нравахъ, а равно и въ политическихъ учрежденіяхъ туземцевъ. Равнымъ образомъ, многіе изъ полинезійскихъ острововъ въ извѣстномъ отношеніи не уступаютъ теперь европейскимъ государствамъ. Не далѣе какъ 15 сентября 1880 года, въ „Journal officiel“ напечатано было извѣстіе о присоединеніи къ Франціи острововъ Товарищества (Таити), Дружбы (Тонга) и острова Ги-

ваоа въ Маркизовомъ архипелагѣ *). Что же касается острововъ Таити, то они и прежде состояли подъ французскимъ протекторатомъ, который былъ равносиленъ настоящему владѣнію и распространялся также на острова Помоту, или Низменные. Такимъ образомъ, здѣшніе полудикіе островитяне, преданные людоѣдству, давно уже пользуются конституціонными льготами, посылаютъ своихъ выборныхъ депутатовъ въ „Assemblée nationale“ на Таити, гдѣ блестятъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ какъ они, подобно всѣмъ жителямъ Океаніи, отличаются развязностью языка. Фактически всѣ полинезійскія государства находятся, повидимому, на одинаковой степени разложенія, которое началось задолго до прибытія европейцевъ на эти острова и до сихъ поръ проявляется различнымъ образомъ. Европейцы своимъ вмѣшательствомъ еще болѣе усилили этотъ процессъ, такъ что только на отдаленныхъ островахъ, и то съ трудомъ и въ самыхъ общихъ чертахъ, можно составить себѣ понятіе о прежнемъ положеніи страны.

По мнѣнію Фр. Миллера, котораго я буду исключительно придерживаться относительно даннаго вопроса, политическія учрежденія полинезійцевъ проистекаютъ изъ старомалайскаго племенного устройства, которое, въ свою очередь, было только расширеніемъ родового. Поэтому общины, а именно, родственныя семьи, которыхъ хижины и поля большею частью соединились въ деревни,—были первоначально независимы однѣ отъ другихъ. Въ былыя времена, когда островитяне Южнаго океана находились сравнительно еще въ болѣе дикомъ состояніи, деревни были расположены въ горахъ; но теперь туземцы все ближе и ближе селятся къ берегу. Во главѣ каждой такой независимой деревни стоитъ глава, или вождь, который пользуется извѣстнымъ авторитетомъ въ военное и мирное время, но не отличается никакими внѣшними знаками отъ другихъ членовъ общины. Почетъ, связанный съ этимъ званіемъ, проявляется въ способѣ, съ какимъ обращаются къ вождю въ разговорѣ, такъ какъ при этомъ употребляются извѣстныя фразы и опредѣленный титулъ, что составляетъ своеобразную черту малайской расы. Иногда нѣсколько независимыхъ общинъ соединяются подъ властью главнаго вождя, когда къ этому вынуждаютъ внѣшнія обстоятельства или вождь съ своимъ племенемъ достигъ верховной власти. Такъ было, напримѣръ, на островахъ Тонга, Таити и Гавайи, гдѣ скипетръ находится въ рукахъ настоящихъ королей, или по крайней мѣрѣ находился до послѣдняго времени, между тѣмъ какъ на островахъ Самоа стремленіе вождей къ верховной власти вызвало войну и раздоръ партій. Эти верховные вожди въ мирное время дѣлаютъ постановленія, сообразно стариннымъ обычаямъ, въ дѣлахъ, касающихся различныхъ проступковъ. Въ особенно важныхъ случаяхъ общины собираются на большой площадкѣ, обсаженной хлѣбными деревьями. Это такъ наз. „Мага“, который представляетъ на Пенринскихъ островахъ неприкосновенную святыню, обнесенную большими каменными плитами, иногда до 2 м. величины. „Мага“ тождественъ съ „morai“ на Маркизовыхъ о-вахъ, и на него также наложенъ „tabu“ для женщинъ, т. е. женщинамъ не дозволено вступать въ это священ-

*) Таковы были по крайней мѣрѣ первыя сообщенія газетъ. Во всѣхъ позднѣйшихъ извѣстіяхъ больше не упоминается объ островахъ Тонга, такъ что присоединеніе, вѣроятно, ограничилось о-ми Таити и Гиваоа.

ное мѣсто. Въ происходящихъ здѣсь собраніяхъ главы семействъ образуютъ собой парламентъ, между тѣмъ, какъ находящійся на лицо вождь, главный начальникъ или король молча слушаетъ дебаты. Такое собраніе продолжается иногда цѣлые сутки, такъ какъ много времени тратится на исполненіе установленныхъ при этомъ формальностей. Такъ, напримѣръ, въ обычаѣ, что, если кто нибудь изъявляетъ желаніе говорить, то всѣ члены собранія, имѣющіе право голоса, выражаютъ одинаковое желаніе и, въ заключеніе, изъ вѣжливости другъ къ другу, отказываются поочередно и предоставляютъ слово первому заявившему. Онъ начинаетъ свою рѣчь, держа въ рукахъ метелку, которую вынимаетъ изъ головы, чтобы отгонять мухъ, и опираясь на палку или копье, и никогда не обращается ко всему собранію вообще, но отдѣльно къ каждому изъ присутствующихъ, не забывая упоминать ихъ титулы и званіе. Предложенія не произносятся, какъ у насъ, съ пониженіемъ голоса въ концѣ ихъ, а, напротивъ, съ повышеніемъ и послѣднія слова выговариваются съ особенной силой (F. Müllèr, Allgem. Ethnogr.; S. 342—343). Такимъ образомъ, старомалайскія собранія заключаютъ въ себѣ въ главныхъ чертахъ зародыши парламентаризма, который несвѣдущіе люди хотятъ выдать за арійскій, или даже за спеціально германскій продуктъ. Что касается меня лично, то я твердо убѣжденъ, что, если парламентская форма правленія по новому образцу и могла такъ быстро привиться на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи, то только на основаніи старой, издавна существующей формы.

Жители почти всѣхъ острововъ дѣлятся на три сословія: дворянство, народъ и рабы. Послѣдніе исключительно военноплѣнные; но они такъ немногочисленны, что въ сущности не должны приниматься въ разсчетъ. На Маркизовыхъ островахъ, по свидѣтельству французовъ, туземцы дѣлятся на два сословія: первое представляетъ какъ бы дворянство, въ смыслѣ знатнаго происхожденія, богатства и интеллигенціи, если къ свѣтскимъ вождямъ („Akaiki") причислить и жрецовъ („Tahua"). Другой классъ, „kikino", обнимаетъ собой остальной народъ. Дворянство, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлится на высшее и низшее (земледѣльцевъ, которые состоятъ въ нѣкотораго рода зависимости отъ высшаго дворянства), въ сущности пользуется всѣми политическими правами и возможнымъ могуществомъ. Власть маркизскаго вождя находится въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, и, сообразно съ этимъ, она достигаетъ большихъ или меньшихъ размѣровъ. Вождю предоставлена десятая часть жатвы плебеевъ; но его высшее право заключается въ томъ, что онъ можетъ налагать „tabu" на вещи, т. е. дѣлать ихъ неприкосновенными, а также наказывать за нарушеніе „tabu". Но простой народъ вездѣ находится въ зависимости отъ дворянства. Знаменателенъ, въ смыслѣ характеристики отношеній простонародья къ дворянству, а именно, къ вождямъ, тотъ фактъ, что нѣкогда на Тонга женщины низшаго класса должны были безпрекословно удовлетворять извѣстнымъ желаніямъ знатныхъ людей. Жизнь простого человѣка не имѣла вообще никакой цѣны; онъ былъ осужденъ на низшій родъ ручнаго труда, какъ, напримѣръ, земледѣліе, изготовленіе пищи, т. е. на тѣ занятія, которыя обыкновенно лежатъ у островитянъ на обязанности женщинъ. Хотя простолюдины пользуются личной свободой, но они не имѣютъ никакой поземельной собственности, живутъ на землѣ дворянъ и находятся въ нѣкотораго рода ленной зависимости отъ нихъ, что повело въ послѣднее время къ разнымъ непріятнымъ недоразумѣніямъ, при сношеніяхъ съ иностранцами. Европейцы покупали землю, между тѣмъ какъ туземцы смотрѣли на эту покупку, какъ на родъ леннаго договора, и хотѣли впослѣдствіи отнять отъ первыхъ ихъ земельные участки въ улучшенномъ видѣ, считая ихъ своей законной собственностью. Равнымъ образомъ, вожди продавали земли подвластныхъ имъ людей, не имѣя на это права. Понятія полинезійцевъ о правѣ никогда не доходили до полнаго признанія личной собственности.

Старомалайскія учрежденія сохранились въ самомъ чистомъ и первобытномъ видѣ на Самоа и Тонга, между тѣмъ какъ на остальныхъ полинезійскихъ островахъ произошли существенныя измѣненія. Въ то время, какъ съ одной стороны Таити, Раратонга и Гавайя стремятся къ централизаціи королевской власти; съ другой—въ Новой Зеландіи, на островахъ Помоту и Маркизовыхъ мы видимъ возрастающее стремленіе къ обособленію.

Самоа и Тонга — эти главнѣйшія изъ независимыхъ государствъ Полинезіи, по своей торговлѣ съ европейцами—приняли теперь во многихъ отношеніяхъ вполнѣ европейскій видъ. На Тонга старый, болѣе чѣмъ 80-ти лѣтній король, Георгъ Тубау, признанъ властелиномъ всѣхъ островов архипелага. Онъ считается надежнымъ союзникомъ Германіи, которая заключила съ нимъ дружественный договоръ 1 ноября 1877 года, и, благодаря этому, пріобрѣла каменноугольную станцію на о. Вавао. Миссіонеры весліянской церкви, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, ввели христіанство въ государствѣ Тонга, которое представляетъ собой родъ политической идиліи среди броженія народовъ на Южномъ океанѣ.

На пространствѣ почти равномъ княжеству Вальдекъ (1,046 кв. м.), численность жителей доходитъ, по показаніямъ миссіонеровъ,—до 23,000 душъ, а по оффиціальнымъ нѣмецкимъ донесеніямъ—до 30,000. Хотя это населеніе представляетъ собою одно изъ самыхъ интеллигентныхъ, но и наименѣе трудолюбивыхъ племенъ, тѣмъ не менѣе маленькое государство пользуется замѣчательнымъ благосостояніемъ. Послѣднее слѣдуетъ почти исключительно приписывать стараніямъ туземнаго короля, Георга Тубау, котораго, судя даже по наименѣе благосклоннымъ отзывамъ европейцамъ, слѣдуетъ признать за человѣка спокойнаго, съ чувствомъ собственнаго достоинства и болѣе основательнаго, нежели блестящаго ума. Этотъ властелинъ, во время своей продолжительной жизни, вывелъ государство изъ его запутанныхъ условій, и, положивъ конецъ отчасти еще существовавшему тогда раздвоенію королевской власти, сходному съ японскимъ (съ Муа, въ видѣ резиденціи духовнаго владыки), водворилъ порядокъ и благоустройство въ своихъ владѣніяхъ. Въ этомъ поддерживала его весліянская миссія, которая, въ лицѣ своего представителя Бакера, стремилась преобразовать страну на подобіе протестанскаго Парагвая. Бакеръ, исполнявшій много лѣтъ роль перваго совѣтника короля, имѣлъ прежде всего въ виду народное благосостояніи, что подтверждается купцами, этими обычными и непримиримыми врагами всѣхъ миссіонеровъ. Трое европейцевъ, нѣмецъ, англичанинъ и американецъ, сформировали королю Тонга небольшую постоянную армію въ 500 человѣкъ (гвардіи и артиллеристовъ), которая не разъ возбуждала удивленіе нѣмецкихъ морскихъ офицеровъ. По отзывамъ послѣднихъ, эти полинезійцы представляютъ собой превосходный матеріалъ для военной выправки, не только по своему крѣпкому тѣлосложенію, но и тонкому пониманію тактики и мѣрнымъ движеніямъ. Они маршируютъ превосходно, такъ что парадъ въ Сиднеѣ, на который они явились въ бѣлыхъ шлемахъ, красныхъ и отчасти голубыхъ мундирахъ, оказался вполнѣ удачнымъ. Но для полноты картины мы должны добавить, что усиленныя военныя эволюціи въ данномъ случаѣ были бы невозможны, еслибы солдатамъ не предоставили права держать при этомъ свои сапоги въ рукахъ. Обмундировка вообще представляетъ здѣсь извѣстнаго рода затрудненія, потому что большая часть рекрутовъ до этого никогда не носила европейскаго платья. Размѣръ постояннаго войска опредѣляется королемъ и камерой его приближенныхъ.

Затѣмъ неженатые люди вынимаютъ жребій, и тѣ, на кого онъ падетъ, должны прослужить семь лѣтъ подъ знаменемъ (оно красное съ бѣлымъ). Такимъ образомъ составляется войско изъ 500 человѣкъ, изъ которыхъ 200 находятся въ Тонгатабу, остальные распредѣлены на группахъ острововъ трехъ архипелаговъ, принадлежащихъ государству. Во время войны всякій мужчина, способный носить оружіе, обязанъ присоединиться къ миллиціи, т. е. къ общему народному ополченію (разумѣется, безъ мундировъ), которое составляетъ резервъ постояннаго войска. Вооруженіе этой маленькой арміи à l'europėene, а равно и одѣтыхъ въ голубые мундиры полицейскихъ (чуть ли не треть или четвертая часть арміи величаетъ себя полицейскими, которые, однако, въ очень рѣдкихъ случаяхъ осмѣливаются заявлять какія-либо притязанія европейцамъ), состоитъ, подобно большинству островитянъ Самоа, изъ огнестрѣльнаго оружія старой системы. Послѣднее въ большомъ количествѣ сбывается купцами разнымъ племенамъ Южнаго океана, не исключая самыхъ дикихъ. Въ случаѣ войны, часть милиціи, разумѣется, все еще прибѣгаетъ къ стариннымъ привычнымъ дубинамъ и другому туземному оружію. На Тонга шесть бронзовыхъ и двѣ желѣзныхъ пушки, которыя употребляются изрѣдка и, преимущественно, для сигнальныхъ и салютныхъ выстрѣловъ. Парадный мундиръ главнокомандующаго арміи, т. е. короля, представляетъ сходство съ форменнымъ платьемъ англійскаго адмирала: голубой или красный сюртукъ, съ золотымъ шнуромъ на плечѣ и кругомъ рукъ, и шелковый шарфъ на груди. Королевская корона (золотая, безъ драгоцѣнныхъ камней), сдѣлана въ Сиднеѣ и стоитъ 5000 марокъ. Гербъ государства представляетъ на полѣ, раздѣленномъ на четыре части: корону, голубя, три звѣзды и три меча; послѣднія двѣ эмблемы изображаютъ три архипелага. Внизу девизъ: „Koe otua mo toga ko noku tofia", что означаетъ приблизительно: „Тонга для тонганъ" (Zoller, Rund um die Erde, Bd. I S. 135—141). При этомъ миніатюрное образцовое государство Южнаго океана имѣетъ, разумѣется, свой собственный національный флагъ. Каждый взрослый человѣкъ долженъ платить ежегодную подать, состоящую изъ 7 долларовъ. На островѣ не продаютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, такъ какъ на каждый галонъ вина наложена пошлина въ размѣрѣ 1 доллара, на галонъ спиртныхъ напитковъ—2 доллара, на бутылку пива—1 шиллингъ, и пошлина въ 100 долларовъ за право продажи, что равносильно запрещенію. Законъ, по которому каждый матросъ долженъ находиться въ 8 часовъ на своемъ мѣстѣ, также не мало способствуетъ поддержанію трезвости на островахъ.

На архипелагѣ Самоа, или Рыбацкихъ островахъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду существуютъ двѣ враждебныя партіи: одна начальника Маліетоа, который былъ признанъ королемъ на островахъ Савайи, Манона и отчасти Уполу, и партіи стараго правленія Мало, или парламента, составленнаго изъ „Taimua" и „Faipule". Чужеземныя правительства признали этотъ парламентъ, а германская имперія заключила съ нимъ дружественный договоръ, 24 января 1879 года. Переговоры съ ихъ превосходительствами, господами „Taimua", представителями правительства острововъ Самоа, продолжались довольно долго, хотя титулъ превосходительство признается за ними только въ оффиціальныхъ бумагахъ, и каждый матросъ европейскаго корабля считаетъ себя въ правѣ выказать имъ свое презрѣніе. „Taimua" представляетъ собраніе вождей и, по своимъ полномочіямъ, можетъ быть сопоставлено съ сенатомъ ганзейскихъ городовъ. Рядомъ съ

этимъ, существуетъ „Faipule“, родъ Нижней палаты, составленной изъ буржуазіи. Многолѣтнимъ войнамъ былъ положенъ конецъ 23 декабря 1879 года, когда представители восьми провинцій государства (по два вождя изъ каждой провинціи), собрались въ Апіа, самой значительной торговой гавани въ странѣ, и послѣ совѣщанія, на которомъ были просмотрѣны и постановлены вновь поземельныя права острововъ Самоа, избрали пожизненно королемъ Маліетоа. Когда этотъ умеръ, 8 ноября 1880 года, на островѣ Савайи, 65-ти лѣтъ отъ роду, ему наслѣдовалъ безпрепятственно его племянникъ, Лаупепа, подъ именемъ Маліетоа II. Такимъ образомъ, правленіе является здѣсь конституціоннымъ, съ Верхней и Нижней палатами; во время прекращенія сессій, выборные отъ парламента должны помогать королю въ исполненіи его правительственныхъ обязанностей. Гавань и окрестности Апіа (на о. Уполу), гдѣ всего больше иностранцевъ, считаются нейтральной почвой, и высшая судебная власть предоставлена трибуналу, состоящему изъ консуловъ: германскаго, сѣверо-американскаго и англійскаго. Америка выговорила себѣ отъ мѣстнаго правительства гавань Пангопанго, а Германія—лежащую по близости Апіа гавань Салуафата, для устройства каменноугольныхъ станцій. Германской торговлѣ, нѣкогда столь значительной въ этихъ мѣстахъ, нанесенъ былъ чувствительный ударъ гамбургскимъ торговымъ домомъ „І. Ц. Годеффруа и сынъ“, которые, благодаря своей предпріимчивости, завели конторы и факторіи на Тонга, Фиджи (Вити), Каролинахъ и Маршальскихъ островахъ, въ Новой Ирландіи и даже въ негостепріимной Новой Гвинеѣ; короче сказать, на всемъ Южномъ океанѣ, и, подъ именемъ „Societé commercial de l'Oceanie“, распространили свое вліяніе даже на французскіе острова Таити.

Полинезійцы уже совсѣмъ освоились съ употребленіемъ денегъ, хотя во многихъ мѣстахъ серебряные піастры—единственная употребительная монета, на которую они набрасываются съ жадностью, потому что давно прошли идиллическія времена, когда пристававшіе къ берегу мореплаватели за нѣсколько кашалотовыхъ зубовъ получали въ обмѣнъ грузъ сандальнаго дерева. Серебро, оружіе, боевые припасы и матеріи, особенно шерстяныя, служатъ единственными мѣновыми товарами; туземцы же, съ своей стороны, запрашиваютъ далеко не скромныя цѣны.

На Самоа и Тонга, какъ было упомянуто выше, встрѣчаются еще язычники, хотя христіанство въ общей массѣ имѣетъ большей частью чисто внѣшній характеръ, особенно на менѣе цивилизованныхъ островахъ. Такъ, напр., на о. Нука-Гивѣ вниманіе Ламонта было привлечено двумя дѣвушками, которыя цѣломудренно опускали свои длинныя шелковистыя рѣсницы и не сводили глазъ съ распятія и молитвенниковъ, почерпая изъ нихъ благочестивыя назиданія. Но въ послѣдствіи, въ минуту откровенности, онѣ сознались Ламонту, что

молились только для виду и сдѣлались „миссіонерскими“ изъ страха къ „wi-wi“ (французамъ). На Таити принятіе христіанства выражается полуязычествомъ (Allg. Zeit. vom 17 März 1877). На Раратонга, гдѣ проповѣдникомъ христіанства былъ знаменитый полинезійскій апостолъ, Уилльямсъ, населеніе обратилось опять къ язычеству, пока, наконецъ, миссіонерской партіи не удалось подавить его, съ помощью междоусобной войны. Равнымъ образомъ, католическіе и протестантскіе миссіонеры поучали жителей Помоту и снабдили ихъ капеллами. Однако, сравнительно съ этими почтенными людьми, гораздо бо̀льшій успѣхъ имѣлъ одинъ мормонскій проповѣдникъ, полигамическое ученіе котораго пришлось гораздо больше по вкусу жителямъ Океаніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а именно, на островѣ св. Августина, или Нано-Меа (на архипелагѣ Эллиса, къ сѣверо-западу отъ Самоа), туземцы остались при своихъ старыхъ языческихъ обычаяхъ, между тѣмъ, какъ на сосѣднемъ островѣ Ваитуту они отреклись отъ своихъ идоловъ и перешли въ христіанство.

Весленяе представляютъ собою господствующую духовную власть на большинствѣ островныхъ группъ Полинезіи. Они занимаются торговлей, разведеніемъ плантацій, располагаютъ значительными денежными средствами, и во многихъ отношеніяхъ могли бы быть названы „іезуитами Южнаго океана“. На Самоа господствуютъ американскіе индепенденты и представители англиканской церкви, а на Тутуила до послѣдняго времени находилась мормонская миссія, которая кончила свое существованіе, вслѣдствіе полной неудачи. Всѣ живущіе здѣсь миссіонеры пользуются большимъ, иногда даже излишнимъ вліяніемъ, которымъ они нерѣдко злоупотребляютъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ гавани нѣтъ иностраннаго военнаго корабля или когда капитанъ послѣдняго оказывается мягкимъ и уступчивымъ человѣкомъ. (Allgem. Zeit. vom 8 Dezember 1877). Король Самоанскихъ острововъ, Малиетоа I, былъ воспитанъ миссіонерами и избранъ въ короли, благодаря вліянію благочестивыхъ отцовъ, которые и здѣсь раздули огонь междоусобной войны въ пользу своего любимца (R. Parkinson. Aus der Sudsee, im Ausland 1878, S. 91 — 92). Эти ревностные апостолы ввели повсемѣстно строгое соблюденіе воскреснаго дня, во время котораго лѣнивому и безпечному полинезійцу запрещено заниматься какой-либо работой. Кромѣ того, вездѣ, гдѣ оказалось возможнымъ, заведена своего рода полиція; она слѣдитъ за проступками противъ нравовъ и законовъ и налагаетъ на виновныхъ извѣстный штрафъ, который взимается въ видѣ съѣстныхъ запасовъ и вещей, какъ, напримѣръ, кокосоваго масла, свиней, циновокъ и т. п. Г-нъ Ламонтъ, на Мангайѣ, одномъ изъ Гервейскихъ острововъ, попался въ руки такого „riko“, или туземнаго полицейскаго служителя, который представлялъ собой образецъ строгаго блюстителя нравственности. Эти полицейскіе все женатые люди; они обязаны слѣдить за ночными свиданіями молодежи; поэтому имъ предоставлено право являться по ночамъ въ любой изъ домовъ. Если юноша окажется въ отсутствіи и его застанутъ въ чужомъ домѣ наединѣ съ дѣвушкой или женщиной, то за этотъ проступокъ его призываютъ къ суду. По̀казанія „riko“ (полицейскаго) считаются непреложной истиной, и аппеляція противъ приговора можетъ быть подана только миссіонерамъ, рѣшеніе которыхъ считается окончательнымъ. На виновнаго налагаютъ большой денежный штрафъ, который идетъ въ пользу riko, короля, судьи и миссіонера (въ случаѣ аппеляціи)

и дѣлится между ними. Эти штрафы служатъ богатымъ источникомъ дохода, потому что прекрасный полъ на Мангайа такъ же мало отличается стойкостью, какъ во времена первой высадки на острова проповѣдниковъ христіанства. Обыкновенно миссіонеры ведутъ еще, кромѣ того, выгодную монопольную торговлю, скупаютъ у туземцевъ мѣстные продукты и мѣняютъ на европейскіе товары, которые сбываютъ своей же паствѣ. При этомъ, пользуясь своимъ исключительнымъ правомъ вести торговлю, они берутъ, напримѣръ, 1 марку за локоть матеріи, стоившей имъ не болѣе 12 пфенниговъ, и, такимъ образомъ, заставляютъ платить себѣ въ четверо больше настоящей стоимости. Но, рядомъ съ этимъ, они заботятся о томъ, чтобы не было ввоза водки, и, подъ страхомъ большого штрафа, запрещаютъ по воскресеньямъ куреніе и покупку табаку, сбытъ котораго также составляетъ присвоенную ими монополію (Lamont, Wild life among the pacific Islanders, S. 83—86).

Католичество не безъ успѣха стремится составить конкурренцію протестантизму на островахъ Тонга и Самоа. Наплывъ французскихъ миссіонеровъ на Южномъ океанѣ происходитъ съ двухъ сторонъ: одни, изъ Ауклэнда, селятся на западѣ и въ средней Полинезіи; другіе, изъ Таити,— въ восточной Полинезіи. Однако, несмотря на то, что французскіе миссіонеры буквально наводнили собой послѣдній изъ названныхъ нами острововъ, туземцы болѣе склоняются на сторону протестантскихъ проповѣдниковъ изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, которые водворились здѣсь съ своими семьями. Въ Апіа живутъ католическія миссіонерши; въ Леони, на о. Тутуила—священническая миссія, и предполагается устроить такую же на о. Пангопанго. Итальянцы, въ лицѣ двухъ епископовъ и пятерыхъ миссіонеровъ, также дѣлали попытки распространенія христіанства на Южномъ океанѣ; но проповѣдники были убиты на островѣ Санъ-Христобалѣ и, вѣроятно, съѣдены, послѣ чего итальянцы, повидимому, охладѣли къ этому дѣлу (Zoller, Rund um die Erde, Bd. I S. 116—117). Католическіе миссіонеры, при безбрачіи, ведутъ здѣсь вообще незавидную жизнь и должны переносить разныя лишенія, между тѣмъ какъ женатые англійскіе миссіонеры устроились очень комфортабельно и лучше многихъ другихъ колонистовъ. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ, напр., на Футуна (на западъ отъ Самоа), они также составляютъ собой родъ духовнаго правительства, которое регулируетъ законы и нравственность и даже наказываетъ штрафами непокорныхъ. „Повидимому,—замѣчаетъ д-ръ Эдуардъ Греффе,—такой порядокъ вещей способствуетъ въ довольно значительной степени процвѣтанію маленькаго народа; но, во всякомъ случаѣ, туземцы несравненно лучше чувствуютъ себя подъ властью веселаго католическаго духовенства, нежели при серьезномъ пуританизмѣ многихъ англійскихъ миссіонеровъ, преслѣдующихъ всякія увеселенія“ (Ausland. 1867, S. 1142). Въ виду этого, можно ли удивляться, что всѣ путешественники различныхъ вѣроисповѣданій единогласно хвалятъ католическихъ миссіонеровъ, которые будто бы „бѣдняками пріѣзжаютъ сюда и такими же возвращаются на родину и никогда напрасно не мучатъ туземцевъ, а, напротивъ того, стараются исправить и возвысить ихъ“.

Между тѣмъ, вездѣ видны несомнѣнные признаки исчезновенія полинезійской расы, и нужно замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ европейская цивилизація приходила въ соприкосновеніе съ полуразвитыми народами, она всегда приносила имъ вѣрную смерть. Безплодіе женщинъ, извѣстное недовольство настоящимъ и стремленія къ загробной жизни представляютъ въ послѣднее время всюду повторяющіеся симптомы одного и того-же процесса, напоминающаго геоло-

гическій ходъ событій. При такихъ условіяхъ, нельзя расточать похвалъ стремленіямъ миссіонеровъ. Своимъ ученіемъ они вносятъ христіанскую цивилизацію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуютъ вымиранію расъ, и, благодаря ихъ дѣятельности, природа еще быстрѣе скудѣетъ разновидностями человѣческаго рода. Если вы сравните здоровыя, мускулистыя фигуры жителей дикихъ острововъ, полныя жизненныхъ силъ и веселости, съ большинствомъ островитянъ, находящихся подъ вліяніемъ миссіонеровъ и принимающихъ участіе въ мировой торговлѣ, то вы, подобно д-ру Греффе, невольно выразите желаніе, чтобы они какъ можно долѣе были избавлены отъ такъ называемой цивилизаціи.

Миѳологія и религіозные обычаи.

Въ настоящей главѣ, мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ религіозными воззрѣніями нынѣшнихъ полинезійцевъ, такъ какъ на нихъ почти повсемѣстно, въ большей или меньшей степени, отразилось вліяніе успѣшно распространяемаго христіанства, постоянно захватывающаго новыя мѣстности. Послѣднее, въ свою очередь, опирается на власть миссіонеровъ, которая является здѣсь регуляторомъ соціальныхъ отношеній. Но такъ какъ нынѣшнее христіанство въ Полинезіи имѣетъ большей частью чисто внѣшній характеръ, то мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать о прежней вѣрѣ полинезійскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что кругъ ихъ понятій въ той области, послѣ буддійскаго, или даже на ряду съ нимъ, самый обширный, какой только существуетъ на землѣ. Онъ представляетъ поразительное однообразіе во всю длину и ширину Тихаго океана, и, если мы возьмемъ Океанію въ ея полномъ составѣ, то должны будемъ включить сюда Микронезію и Меланезію и пойдти даже нѣсколько далѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что одинаковый строй мысли господствуетъ чуть-ли не на четверти земного шара, распространяясь на 120 градусовъ долготы и 70 широты. „Но, къ сожалѣнію,—замѣчаетъ проф. Адольфъ Бастіанъ—намъ почти ничего неизвѣстно изъ этой области могущественнаго творчества мысли, потому что въ древнемъ мірѣ, какъ и въ Полинезіи, каста жрецовъ особенно ревностно хранила тайны религіи, и путешественникъ не иначе, какъ въ исключительныхъ случахъ, проникалъ въ ея мистеріи. Такимъ образомъ, въ сущности до насъ дошли только произвольно разрозненные миѳы, безразлично собранные на разныхъ архипелагахъ. Къ этой категоріи принадлежатъ даже новѣйшія, хотя весьма почтенныя изслѣдованія, какъ, напр., Гюбнера о церемоніи „Duk-Duk“, въ Новой Британіи (См. Schmeltz und Krause, Ethnogr. anthrop., Abtheil. des Museum Go-

deffroy, S. 17—18). Болѣе глубокій смыслъ миѳовъ оставался недоступнымъ для насъ. Этому способствовало и то обстоятельство, что прежнія идеи все болѣе и болѣе приходятъ въ забвеніе. Только отживающее поколѣніе еще твердо придерживается вѣрованій и обычаевъ праотцевъ, между тѣмъ, какъ молодое уже сильно заражено духомъ сомнѣнія и насмѣхается надъ прежними суевѣріями и религіознымъ благоговѣніемъ приверженцевъ старой вѣры. Такимъ образомъ, мало по малу, вымираютъ эти послѣдніе представители старинныхъ неподдѣльныхъ традицій; поэтому, прежде нежели они окончательно сошли со сцены, Уилльямъ Упаттъ Джилль сдѣлалъ попытку спасти немногіе уцѣлѣвшіе остатки прежнихъ вѣрованій (Myths and Songsfrom the South Pacific. London 1877). По примѣру англійскаго ученаго, въ новѣйшее время нѣмецкій изслѣдователь Бастіанъ собралъ отъ самихъ туземцевъ свѣдѣнія объ ихъ религіи на двухъ важныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, въ Новой Зеландіи и на о. Гавайи, такъ что мы можемъ составить себѣ довольно обстоятельное понятіе о религіозныхъ представленіяхъ народовъ Южнаго океана. Сообразно изслѣдованіямъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, старинная религія полинезійцевъ состоитъ въ почитаніи опредѣленныхъ божествъ, частью общаго, частью мѣстнаго характера. Число ихъ очень значительно, что съ раннихъ временъ привело къ образованію мѣстнаго цикла сагъ, которыя, по силѣ и глубинѣ поэтическаго творчества, могутъ быть смѣло сопоставлены съ сагами многихъ культурныхъ народовъ.

Творцомъ міра у полинезійцевъ считается „Tangaro“, „Taaroa“ или „Kanaloa“. Онъ является въ далеко распространенномъ культѣ подъ разными видами. На о. Раіатеа его творческая сила пребываетъ въ раковинѣ; въ другихъ мѣстахъ, она принимаетъ форму черепахи и обновляется сбрасываніемъ щита, или же заключается въ лицѣ, гонимомъ вѣтромъ. Строители судовъ въ Тонга, считавшіе его своимъ богомъ, покровителемъ при совершаемыхъ ими морскихъ поѣздкахъ, перенесли его культъ на другіе острова; въ Новой Зеландіи онъ расхаживаетъ по волнамъ въ видѣ привидѣнія. Его творческая дѣятельность изображена въ слѣдующей пѣснѣ, недавно открытой на Маркизовыхъ островахъ:

„Въ началѣ міра пространство,
Пространство въ небесной высотѣ
Наполнялъ Танаоа, властвуя на небѣ,
И надъ нимъ извивался Мутугеи.
Тогда еще не было ни голоса, ни звука,
Ничто живущее не двигалось.
Еще не было дня, еще не было свѣта,—
Была мрачная, темно-черная ночь:
То былъ Танаоа, властитель тьмы;
Танаоа далъ начало Атеа (свѣту).
Полный жизни, могущественный, сильный
Былъ Атеа, властитель дня“ и т. д.

Во всей Полинезіи космогонія начинается съ понятія о первоначальной тьмѣ „Ро“, связанной съ пространствомъ и временемъ. Изъ этихъ первобытныхъ ночей выступаютъ міры и боги „Atua fauna po“, т. е. боги, порожденные ночью, въ противоположность съ болѣе молодыми низшими богами, которые, олицетворяясь въ герояхъ, переходятъ въ людей. Боги и міръ духовъ въ Полинезіи (Atua) распадаются, такимъ образомъ, на три главныя группы: боги, которымъ приписываютъ сотвореніе міра, низшія божества и демоны стихій и, наконецъ, обоготворяемые люди. Первоначальная ночь „Ро“, подъ которой подразумѣвается также время и пространство, обнимаетъ собой вселенную и заключаетъ въ себѣ зародыши и необходимыя предварительныя условія для дальнѣйшаго творчества. Это causa absoluta prima Спинозы (A. Bastian, Die heilige Sage der Polinesier. Kosmogonie und Theogonie. Leipzig 1881. S. 12—15). На многихъ полинезійскихъ островахъ встрѣчаются идолы, вырѣзанные изъ дерева, съ подобіемъ человѣческихъ физіономій. Эти идолы называются „tiki“. Боги и духи („Atua“), которыхъ они изображаютъ, настолько различны, что ко многимъ идоламъ туземцы относятся крайне небрежно.

Картины загробной жизни служатъ любимымъ предметомъ размышленій полинезійцевъ, этихъ избалованныхъ дѣтей роскошнаго пояса земли, съ его великолѣпной и богатой природой. Тѣмъ не менѣе, по стариннымъ полинезійскимъ понятіямъ, одни знатные люди могутъ пользоваться будущей жизью, такъ какъ только они имѣютъ индивидуальную душу, между тѣмъ какъ простой народъ въ этомъ отношеніи почти не отличается отъ звѣрей. Только впослѣдствіи загробное существованіе признано было общимъ достояніемъ, и душу стали считать эөирнымъ элементомъ тѣла. За добро и зло людей не ожидаютъ ни наказаніе, ни награда. Небо и адъ представляютъ собой только различныя мѣста большаго и меньшаго блаженства.

Небо населено полинезійскимъ Олимпомъ de la haute volée, богами высшаго происхожденія, женщинами, умершими въ родахъ, самоубійцами и бывшими вождями. За table d'hote'омъ этого рая подаютъ въ изобиліи „popoi“ (каша изъ плодовъ хлѣбнаго дерева), свинину и рыбу, и присутствуютъ такія красивыя женщины, какихъ только можно видѣть во снѣ. Въ адъ поступаютъ плебеи, и здѣсь жизнь гораздо умѣреннѣе. Впрочемъ, умершіе могутъ изъ подземнаго міра по временамъ посѣщать землю; днемъ они принимаютъ на себя образъ звѣрей, а ночью являются въ видѣ различныхъ привидѣній и оказываютъ большое вліяніе на судьбу людей. Поэтому полинезійцы, какъ всѣ дикіе и полудикіе народы, чувствуютъ въ темнотѣ дѣтскую боязнь къ привидѣніямъ. Предполагаемое мѣстопребываніе умершихъ душъ въ подземномъ мірѣ было сначала отдѣлено отъ жилища боговъ, которыхъ полинезійцы представляли себѣ живущими на землѣ; только впослѣдствіи начали мало по малу смѣшивать не только мѣстопребываніе тѣхъ и другихъ, но и соединять эти два отдѣльныхъ міра (Otto Henne-Am-Rhyn. Das Ienseits. Kulturgeschichtliche Darstellung der Ansichten über Schöpfung und Welt-Untergang, die andere Welt und das Geisterreich. Leipzig. 1881. S. 40—44).

Смерть для полинезійца служитъ, такимъ образомъ, средствомъ перемѣнить земную жизнь на лучшую, и только горе разлуки съ близкими людьми можетъ омрачить его послѣднія минуты. Окружающіе утѣшаютъ страдальца увѣреніями, что онъ скоро умретъ, и пе-

редъ его глазами ему изготовляютъ гробъ. Умирающій, съ своей стороны, хладнокровно дѣлаетъ послѣднія распоряженія и назначаетъ лицъ, которыя должны взять на себя трудную обязанность приготовленія его тѣла къ погребенію. Когда начинается послѣдняя агонія, одинъ изъ присутствующихъ оказываетъ умирающему дружескую услугу, зажимая ему ротъ и носъ, чтобы его душа не могла преждевременно выскользнуть изъ тѣла. Благодаря этому, задушеніе составляетъ почти всегда обычный родъ смерти людей, умирающихъ „естественнымъ образомъ".

Покойника оплакиваютъ родственники и друзья; но вообще мѣриломъ ихъ горести служитъ положеніе, которое онъ занималъ въ свѣтѣ. Печаль послѣ королей бываетъ общая и большихъ размѣровъ. Покойниковъ натираютъ масломъ и завертываютъ въ платки; иногда даже бальзамируютъ ихъ съ непонятнымъ для насъ и возмутительнымъ самопожертвованіемъ. Бѣдныхъ людей просто зарываютъ въ землю; богатыхъ предварительно кладутъ въ челнокообразный гробъ или въ старую лодку и погребаютъ по близости его бывшаго жилища, съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. На могилу накладываютъ камни, и, въ большинствѣ случаевъ, сажаютъ кругомъ нѣсколько деревьевъ. Особенно печальна судьба тѣхъ, которые погибли отъ дубины противника, или чью отрубленную голову побѣдитель носилъ съ собой, въ видѣ трофея. Тѣни этихъ непогребенныхъ людей преслѣдуютъ пережившихъ ихъ родственниковъ, и, при каждомъ трескѣ вѣтки или порывѣ вѣтра, послѣднимъ чудится, что они слышатъ стоны несчастнаго и слова: „я озябъ! мнѣ холодно!" Если въ какомъ-либо жилищѣ на островахъ Самоа происходитъ смертный случай, то всѣ домочадцы постятся днемъ, а ночью ѣдятъ и пьютъ внѣ дома. Всѣ избѣгаютъ дотрогиваться до покойника, потому что, въ противномъ случаѣ, нужно подвергнуть себя пятидневному очищенію лица и рукъ горячей водой. Тѣ же, которые прикоснулись къ мертвецу, не могутъ сами ѣсть, и ихъ кормятъ, изъ боязни, что у нихъ выпадутъ волосы и зубы, если они дотронутся до кушанья (F. Müller, Allgem. Ethnogr., S. 345)

„Tabu", или „tapu", представляетъ собой продуктъ религіозныхъ вѣрованій полинезійцевъ и можетъ считаться однимъ изъ самыхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій на Южномъ океанѣ; если когда нибудь исчезнетъ связанное съ нимъ очарованіе, то оно не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ. „Tabu", неосязаемый объектъ, признается какъ бы временнымъ вмѣстилищемъ божества и, сообразно съ этимъ, пользуется благоговѣйнымъ почитаніемъ. По свидѣтельству Маринера и Мейнике, „tabu" значитъ „святой"; по Фр. Миллеру,— „примѣта", „знакъ", такъ какъ этимъ словомъ называютъ извѣстный предметъ, который одержимъ и охраняемъ „Atua". Запрещеніе примѣняется къ ѣдѣ, питью, деревьямъ, къ этой или другой мѣстности къ храму, лицамъ, животнымъ и извѣстнымъ положеніямъ. „Tabu" признается во всей Полинезіи и Микронезіи; но въ послѣдней съ меньшей строгостью. У полинезійцевъ „tabu" имѣетъ характеръ религіознаго запрещенія; кто нарушаетъ его, того наказываютъ смертью, безъ различія званія, какъ послѣдняго бѣдняка, „kakini". Туземцы убѣждены, что, если нарушеніе „tabu" осталось неизвѣстнымъ, то боги

накажутъ тайнаго преступника смертью или болѣзнью. Небрежное отношеніе европейцевъ къ сложнымъ постановленіямъ „tabu“ не разъ служило для нихъ источникомъ большихъ несчастій, и, между прочимъ, убійства великаго Кука, такъ какъ оно было вызвано местью за такое-же преступленіе.

Божественная сила „tabu“ выражается въ томъ, что вещи, на которыя оно простирается, изъяты изъ употребленія простыхъ смертныхъ, вслѣдствіе чего все существующее на землѣ дѣлится на два разряда, обозначаемые на разныхъ полинезійскихъ языкахъ словами „moa“—священное, и „noa“—общее. Къ первому принадлежитъ все, что считается запрещеннымъ само по себѣ, какъ собственность боговъ и привиллегированныхъ людей, или что во всѣ времена было предоставлено имъ въ исключительное пользованіе; ко второму разряду относятся предметы, свободные отъ „tabu“ и отданные въ общее пользованіе. На послѣдніе также налагается иногда запрещеніе, но съ извѣстными церемоніями, и оно можетъ быть вновь снято. Но такъ какъ за привиллегированными сословіями признана божественная сила, то естественно, что „tabu“, какъ всякое другое человѣческое учрежденіе, можетъ быть злоупотребляемо высшимъ сословіемъ для эксплоатаціи народа. Все, на что король налагаетъ „tabu“, считается его собственностью. Если онъ, напримѣръ, входитъ въ какой-нибудь домъ, то этимъ налагаетъ на него запрещеніе, и владѣлецъ не можетъ долѣе жить въ немъ. Но во многихъ случаяхъ запрещеніе бываетъ очень кстати для человѣка низшаго сословія, потому что нерѣдко сами плебеи налагаютъ его съ цѣлью охраны ихъ имущества. „Tabu“ узнаютъ по особымъ примѣтамъ, понятнымъ для каждаго. Такъ, напримѣръ, если кто-нибудь желаетъ обезпечить свое хлѣбное дерево отъ воровъ, то онъ вѣшаетъ на него кокосовый листъ, которому придаетъ форму акулы. Это служитъ символическимъ выраженіемъ заклятія: „пусть тотъ, кто своруетъ плодъ съ моего хлѣбнаго дерева, будетъ съѣденъ акулой, какъ только пойдетъ ловить рыбу“ (Roskoff, Das Religionswesen der rohesten Naturvolker, S. 164—165). „Tabu“ можетъ быть наложено не только на внѣшніе предметы, но и на тѣла людей и на отдѣльныя части тѣла. Г. Х. Лaмонтъ составилъ довольно подробный перечень предметовъ, подлежащихъ запрещенію на Нука-Гивѣ (См. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, Bd. I, S. 178—188).

Неприкосновеннымъ, т. е. „tabu“, прежде всего, разумѣется, признаютъ туземнаго языческаго жреца, его домъ и все его имущество. Тѣ изъ жрецовъ, которые, по своему праву налагать „tabu“, внушали къ себѣ особенную боязнь, существовали по всей Полинезіи и до сихъ поръ не окончательно исчезли. Между ними различаютъ „Tahua“, совершающихъ религіозные обряды и мнимыя исцѣленія, и „Tahuna“, родъ прислуживающихъ жрецовъ низшаго разряда, которые бьютъ въ „tamtam“ и помогаютъ главнымъ жрецамъ во время жертвоприношеній.

Маори.

Туземцы двухъ острововъ Новой Зеландіи, обыкновенно называемые „маори“ (что означаетъ на ихъ нарѣчій „туземецъ“), по языку и нравамъ, несомнѣнно полинезійскаго происхожденія; они пересели-

лись на свое нынѣшнее мѣсто жительства съ другихъ острововъ и даже, всего вѣроятнѣе, съ сѣвера. Память объ этомъ событіи еще живо сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ (См. Ed. Shortland, Traditions and superstitions of [the New Zealanders with illustrations of their manners and customs. London, 1856). Мно-

Маорійскій вождь.

гія обстоятельства говорятъ въ пользу того, что, еще до переселенія маори, въ Новой Зеландіи были другіе первобытные жители, которые, быть можетъ, были уничтожены ими. Въ то время, какъ А. К. Кинъ признаетъ маори чистымъ типомъ, они производятъ на многихъ другихъ наблюдателей впечатлѣніе крайне смѣшанной расы, и, между прочимъ, на Шортлэнда. Ферд. Гохштеттера и А. Р. Уоллэса. Изъ

100 индивидуумовъ,—говоритъ Гохштеттеръ,—не болѣе 87 имѣютъ коричневый цвѣтъ кожи и черные прямые волоса. Эти представляютъ собою наиболѣе чистый полинезійскій типъ. Затѣмъ, изъ названнаго числа, приблизительно у десятерыхъ болѣе красноватокоричневый цвѣтъ кожи и короткіе завитые или длинные прямые волосы, но съ грязнымъ, темножелтымъ или краснокоричневымъ, оттѣнкомъ, и, нако-

Маорійская женщина.

нецъ, три процента имѣютъ черноватый цвѣтъ кожи съ курчавыми, но не рунообразными волосами. Всего яснѣе проявляется помѣсь съ малайской и меланезійской расами. Вожди обыкновенно принадлежатъ къ чисто полинезійскому типу. Но всего поразительнѣе разнообразіе физіономій и еврейскій типъ лица, которые встрѣчаются между жителями въ мѣстностяхъ Роторуа и Таравера, принадлежащихъ племени Нгативгакамъ (F. v. Hochstetter, Neuseeland. Stuttgart 1863 S. 467).

Отзывы путешественниковъ о наружности маори иногда довольно противорѣчивы. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что они, по своему тѣлосложенію, представляютъ одно изъ наиболѣе развитыхъ и сильныхъ дикихъ племенъ, какія только извѣстны намъ. Д-ръ Артуръ Саундерсъ Томсонъ нашелъ въ Ауклэндѣ, что туземцы среднимъ числомъ не болѣе, какъ на 4 мм. ниже ростомъ стоявшихъ тамъ англійскихъ солдатъ; по вѣсу тѣла, они почти равны съ послѣдними; средняя ширина груди такая-же, но въ тѣлесной силѣ они значительно уступаютъ англичанамъ (Journal of the R. geograph. Soc. 1853, S. 87—93). По размѣрамъ черепа, маори, повидимому, мезокефалы съ продольно-поперечнымъ указателемъ отъ 76—77 и емкостью черепа отъ 1440—1420 куб. сант.

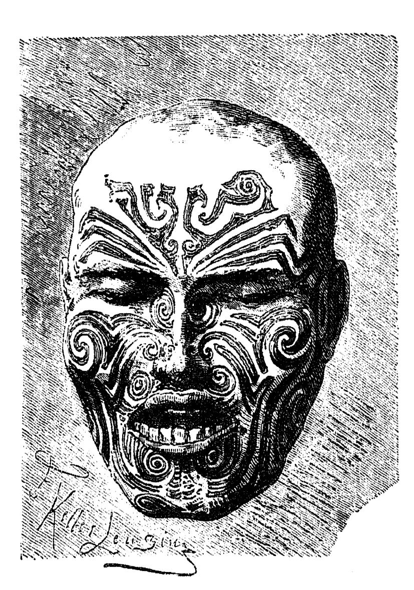
По мнѣнію Ч. Дарвина, сравненіе между маори и остальными полинезійцами весьма невыгодно для послѣднихъ; равнымъ образомъ, спеціальный корреспондентъ „Кельнской Газеты", Целлеръ, находитъ, что видѣнные имъ туземцы, по своему тѣлосложенію, ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ къ лучшимъ типамъ человѣческаго рода. „Мужчины и женщины, повидимому, отличаются силой и храбры на войнѣ; но они неуклюжаго тѣлосложенія, и ихъ наружность ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать привлекательной. Темнокожіе, черноволосые, они вообще, подобно менѣе неуклюжимъ туземцамъ Сандвичевыхъ острововъ, не могутъ сравниться съ рослыми, нерѣдко даже красивыми жителями Тонга и Самоа, съ ихъ свѣтло-желтыми, коричневыми или бѣлокурыми волосами. Мнѣ приходилось встрѣчать красивыхъ субъектовъ только между людьми смѣшанной крови въ одномъ изъ предмѣстьевъ Ауклэнда" (Zöller, Rund um die Erde, Bd. I, S. 94). Всѣ островитяне Южнаго океана, видѣнные Целлеромъ, были, среднимъ числомъ, также сильны и высоки ростомъ, какъ нѣмцы, но члены тѣла у маори показались ему гораздо неуклюжѣе. Нижеприведенный рисунокъ даетъ наглядное понятіе о замѣчательной татуировкѣ маори, которая производится ими съ особеннымъ искусствомъ „Не подлежитъ сомнѣнію—пишетъ Дарвинъ,—что необыкновенный родъ и способъ татуировки придаетъ ихъ лицамъ непріятное выраженіе. Сложныя, но симметрическія фигуры, которыя покрываютъ все лицо здѣшняго туземца, смущаютъ и приводятъ въ заблужденіе непривычнаго наблюдателя. При этомъ, весьма вѣроятно, дѣлаются глубокіе надрѣзы, нарушающіе игру мускуловъ что придаетъ видъ неподвижности ихъ лицу. Вдобавокъ, взглядъ ихъ глазъ ничего не выражаетъ, кромѣ хитрости и дикости. Фигуры ихъ велики и массивны, но со стороны наружнаго изящества они далеко уступаютъ рабочимъ классамъ Таити" (Reise eines Naturforschers um die Welt, S. 483). Почти то же говоритъ о нихъ, 40 лѣтъ спустя, д-ръ Максъ Бюхнеръ. „При встрѣчѣ съ туземцами, васъ всего болѣе поражаетъ искусная татуировка, въ видѣ высоко художественныхъ арабесокъ, вырѣзанныхъ на кожѣ, которыя сплошь покрываютъ ихъ лицо, вслѣдствіе чего оно кажется издали совсѣмъ голубымъ, что придаетъ ихъ жесткимъ и крупнымъ чертамъ лица крайне дикое выраженіе. Нѣкоторые имѣли нѣчто гордое и повелительное въ осанкѣ и носили на себѣ отпечатокъ первобытной, богатоодаренной и благородной расы, но теперь все болѣе и болѣе клонящейся къ упадку" (Reise durch den Stillen Ozean, S. 91). Что касается языка маори, то онъ въ высшей степени благозвученъ. Разговаривая другъ съ другомъ, они сопровождаютъ свою рѣчь весьма оживленной мимикой и тѣлодвиженіями, подобно всѣмъ нервнымъ и раздражительнымъ людямъ. Ихъ внезапные порывы гнѣва вошли въ пословицу у колонистовъ,

которые говорятъ о вспыльчивомъ человѣкѣ, что у него „темпераментъ маори“. Они вообще мстительны, склонны къ ссорамъ, воинственны, и много разъ вели кровавыя войны съ европейцами. Не далѣе, какъ въ началѣ 1880 года, въ провинціи Таранаки едва не вспыхнуло новое маорійское возстаніе. Впрочемъ, въ Кингѣ и Вайкато,—слѣдовательно, почти въ центрѣ сѣвернаго острова, на пространствѣ около 4050 кв. м., живутъ до 10,000 маори, совершенно независимыхъ отъ англійскаго владычества, подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей, что, насколько намъ извѣстно, не обозначено ни на одной изъ существующихъ картъ. Никто изъ европейцевъ не рѣшался до сихъ поръ перейдти границу этой области, и еще недавно попытки провести здѣсь желѣзную дорогу не удались, вслѣдствіе сопротивленія туземцевъ.

Ново-зеландскій способъ татуировки.

Во времена Тасмана и Кука, маори представляли собой первобытныхъ, но богато одаренныхъ дикарей, и стояли на довольно значительной степени культуры, которую трудно предположить у такъ называемыхъ „дикихъ“ народовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Новой Зеландіей овладѣли англичане и превратили ее въ одну изъ своихъ лучшихъ и богатѣйшихъ колоній, маори настолько цивилизовались, что почти совершенно вышли изъ своего первобытнаго состоянія, хотя, съ другой стороны, по мнѣнію Гохштеттера, они не способны подняться на высоту европейскаго образованія и культуры. Если кто изъ нашихъ читателей желаетъ познакомиться съ прошлой исторіей Новой Зеландіи, тому мы посовѣтовали бы прочитать любопытную книгу маори Пакеха, которая вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ вторымъ изда-

ніемъ (Old New Zealand, a tale of the good old times; anda history of the war in the North against the Chief Heke in the year 1845, told by an old Chief of the Nyapuhi Tribe. By a Pakeha Maori. With an introduction by the Earl of Pembroke. London 1876). Книга эта представляетъ наглядную картину несуществующаго народа и исчезнувшихъ общественныхъ условій. Маори настоящаго времени, которыхъ я только и буду имѣть въ виду при моемъ дальнѣйшемъ описаніи, представляютъ собою смѣсь цивилизаціи и безнадежной дикости. Большинство умѣетъ читать и писать и нерѣдко выказываетъ поразительныя свѣдѣнія въ географіи и исторіи. Въ 1879 году, при сравнительномъ экзаменѣ, произведенномъ въ Отаго между пятью лучшими учениками маори изъ школы для туземцевъ и такимъ-же числомъ бѣлокожихъ дѣтей изъ англійской школы, послѣдніе одержали верхъ въ диктовкѣ, но въ ариѳметикѣ (въ простомъ и десятичномъ счисленіи) маори рѣшили правильно 22 задачи изъ 30-ти, между тѣмъ, какъ англійскія дѣти рѣшили только 14 задачъ. Успѣхи въ географіи были почти равные, но перевѣсъ былъ все-таки на сторонѣ маори. Они-же одержали верхъ въ письменныхъ работахъ (Schwäb. Merkur vom 12 september 1879).



Татуированная и препарированная голова Ново-Зеландца.

Военный маорійскій челнокъ.

Помимо земледѣлія и скотоводства, которыя составляютъ главное занятіе туземцевъ, они также знакомы съ ремеслами и промыслами, а именно, береговое судоходство почти исключительно въ рукахъ маори, которые пользуются далеко распространившейся славой ловкихъ

и неустрашимыхъ мореплавателей. Многіе имѣютъ большое состояніе и живутъ по европейски. Кавалькады изъ темнокожихъ кавалеровъ и дамъ принадлежатъ къ самымъ обыденнымъ явленіямъ. Мужчины бóльшею частью превосходные наѣздники и нерѣдко отличаются красивою и мужественною наружностью. Что же касается женщинъ, то, несмотря на длинную изящную амазонку, цилиндрическую шляпу съ развѣвающимся вуалемъ, перчатки и красивую позу руки съ хлыстомъ,—имъ все-таки недостаетъ той легкости и граціи, которыя

Татуированная островитянка изъ Новой Зеландіи.

придаютъ такую привлекательность англичанкамъ Гайдъ-парка. Ихъ лица мужественны и грубы; массивная шапка черныхъ волосъ причесана слишкомъ небрежно; всѣ движенія настолько неуклюжи и угловаты, что ихъ важничанье кажется крайне комичнымъ или даже пошлымъ. „Между ними,— говоритъ Бюхнеръ, которому мы обязаны вышеприведенными подробностями,—можно встрѣтить иногда красивыхъ, хорошо сложенныхъ женщинъ, но въ нихъ еще яснѣе высказывается ихъ маорійское происхожденіе, нежели въ мужчинахъ. Взъерошенные нечесанные волосы покрываютъ имъ лобъ; одежда ихъ бóльшею частью отличается яркими цвѣтами и неопрятностью; европейское платье также не къ лицу имъ, какъ и ко всѣмъ другимъ предста-

вительницамъ дикихъ племенъ. Нерѣдко шатаются онѣ по улицамъ, въ пьяномъ видѣ. Женщины болѣе знатнаго происхожденія отличаются отъ простыхъ татуированными голубыми украшеніями на подбородкѣ и губахъ.

Вышеупомянутый спеціальный корреспондентъ Кельнской газеты, Целлеръ, рисуетъ живыми красками слѣдующую забавную картину своей встрѣчи съ маорійскими вождями. „Случилось, что два bigchiefs, важныхъ вождя изъ Рота-Роа и Рота-Магана, пріѣхали съ своими женами, чтобы осмотрѣть нашъ корабль, и, такъ какъ въ числѣ пассажировъ было нѣсколько туземцевъ изъ Тонга, Самоа и островов Фиджи, то это въ значительной мѣрѣ способствовало нашему сближенію съ этими знатными особами. Оба вождя, помимо темнаго цвѣта кожи и татуировки, походили на зажиточныхъ нѣмецкихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ городъ въ лѣтнемъ платьѣ, купленномъ на рынкѣ, въ грубыхъ башмакахъ, чистомъ бѣльѣ съ булавкой на груди и всевозможными тяжеловѣсными золотыми украшеніями на цѣпочкѣ. Что же касается женъ обоихъ вождей, то одна была въ яркожелтомъ платьѣ, другая въ травянисто-зеленомъ; при этомъ ноги ихъ были еще большихъ размѣровъ, нежели у ихъ мужей, и поражали своей невѣроятной величиной. Такимъ образомъ, эти женщины, которыя среди своего племени казались королевами, представляли бы по нашимъ понятіямъ полнѣйшее сходство съ нѣсколько драгунообразными нѣмецкими кухарками, еслибы рты ихъ были менѣе изуродованы. У одной ротъ былъ украшенъ настоящей бородой à la Henri quatre; другая превратила свой пищепріемный органъ въ подобіе черной печной отдушины. Группа эта въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, спокойно расхаживала по кораблю, съ такой же важностью и чувствомъ собственнаго достоинства, съ какимъ держалибы себя шварцвальдскіе крестьяне, пріѣхавшіе въ Баденъ-Баденъ. „Good morning gentlemen,“—сказалъ одинъ изъ королей, очутившись среди европейцевъ; но затѣмъ уже не обращалъ никакого вниманія на толпу любопытныхъ, которая собралась вокругъ него (Zöller, Rund um die Erde, Bd. I S. 95). Одежда маори такая-же, какъ у европейскихъ колонистовъ; разнообразіе заключается только въ большей или меньшей степени неряшливости. Между ними встрѣчаются также настоящіе джентльмены; трое изъ нихъ засѣдаютъ въ парламентѣ, и, судя по ихъ фотографическимъ карточкамъ, имѣютъ вполнѣ респектабельный видъ, несмотря на татуировку, которая составляетъ неизбѣжную принадлежность пожилыхъ маорійскихъ аристократовъ. Наши читатели могутъ составить себѣ наглядное понятіе о значительныхъ успѣхахъ маори во внѣшней культурѣ, сравнивъ описаніе Целлера съ наружностью ново-зеландца прошлыхъ временъ, который изображенъ на нижеприведенномъ рисункѣ.

Въ настоящее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ престарѣлыхъ вождей, всѣ маори обращены въ христіанство, которое въ значительной степени способствовало смягченію нравовъ, хотя неофиты пока еще очень мало прониклись его болѣе глубокимъ нравственнымъ и духовнымъ смысломъ. По наружному виду, маори дѣлаютъ впечатлѣніе самыхъ набожныхъ, ревностныхъ христіанъ. Въ извѣстные часы неизмѣнно раздается въ ихъ деревняхъ звонъ небольшого колокола, сзывающаго вѣрующихъ къ утренней и вечерней молитвѣ, а въ строгомъ соблюденіи воскресныхъ дней они даже превосходятъ англичанъ,—при этомъ нѣкоторые выказываютъ замѣчательное знаніе Библіи. Между тѣмъ, многіе приняли крещеніе вслѣдствіе матеріальныхъ

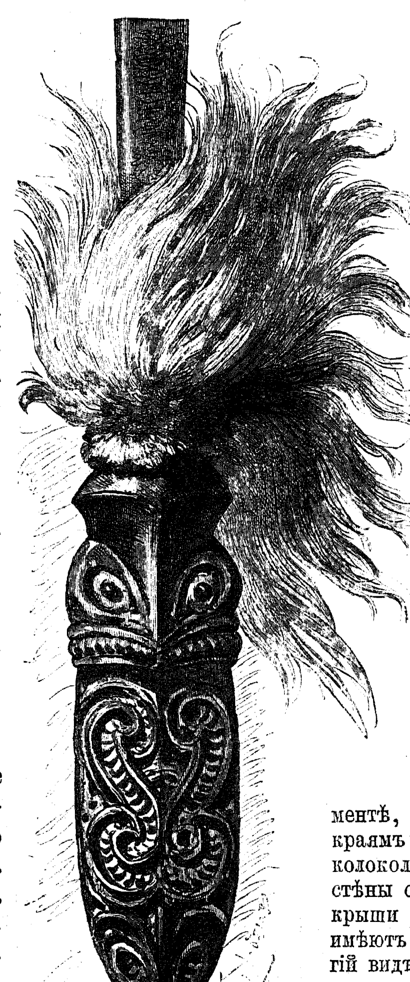
выгодъ, такъ что, въ сущности, только старые языческіе обычаи и церемоніи замѣнились христіанскими, и довольно часто представляютъ смѣсь тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ, въ началѣ послѣдней борьбы туземцевъ съ европейцами образовалось особое ученіе, такъ наз. „Pai Marire“, и составило родъ демаркаціонной линіи ненависти между тѣми и другими. Это ничто иное, какъ невѣроятное смѣшеніе христіанства, спиритуализма и маорійскихъ суевѣрій. Литургія, которая уже выработалась здѣсь въ извѣстную форму, представляетъ наборъ фразъ изъ церковныхъ пѣсенъ, служебника и таблицы умноженія. Богослуженіе состоитъ изъ магическихъ изреченій и формулъ, такъ какъ маори въ своемъ религіозномъ развитіи еще не дошли до настоящей молитвы. Обычаи этой религіи не менѣе своеобразны, какъ и литургія. Они допускаютъ полигамію, „tabu“ и людоѣдство во время войны. Повидимому, послѣднее физически опротивѣло маори, и даже между „Hau-hau“, какъ называютъ приверженцевъ „Pai Marire“, совершенно вышло изъ употребленія. Насколько извѣстно исторически, послѣдній случай людоѣдства въ Новой Зеландіи произошелъ въ 1843 году. Еще живы люди, которые во времена своей юности ѣли человѣческое мясо; но теперешнему поколѣнію этого рода воспоминанія кажутся сказочными. Также нигдѣ больше не находятъ слѣдовъ полигаміи, и семьи ведутъ простой, патріархальный образъ жизни. Институція брака ограждена денежной пеней, въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности. Но здѣсь особенно распространенъ „tabu“, по которому признается святость и неприкосновенность собственности. Во многихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Ваироа, близь знаменитыхъ горныхъ террасъ Рото Магана, туземцы опять вернулись къ своимъ прежнимъ суевѣріямъ. Анонимный авторъ, описавшій свои приключенія у озера Таупо, гдѣ онъ прожилъ цѣлую недѣлю (Cornhill Magazine, 1876, vol I, p. 67) присутствовалъ, между прочимъ, на одномъ погребальномъ пиршествѣ, которое продолжалось нѣсколько дней. „Къ празднику сдѣланы были большія приготовленія. Нагромождены были цѣлыя пирамиды „kumora“ (сладкаго картофеля); гостямъ подавали копченную рыбу, и всякаго новаго посѣтителя угощали плохимъ ромомъ и водкой. Туземцы съѣзжались съ разныхъ сторонъ, переплывая озеро въ многочисленныхъ крошечныхъ челнокахъ, такъ что въ продолженіи двухъ дней собралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Покойникъ, одѣтый въ платье яркихъ цвѣтовъ, былъ выставленъ на носилкахъ передъ кладовой, гдѣ были сложены запасы; нѣсколько женщинъ старательно отгоняли вѣерами мухъ съ его лица. Какъ хижина, такъ и мертвецъ были неприкосновенны, т. е. „tabu“. На открытомъ мѣстѣ передъ хижиной образовался многочисленный кружокъ плакальщиковъ, которые поднимали безпрерывный жалобный вой. Кромѣ того, передъ покойникомъ былъ выполненъ комическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени отвратительный танецъ. Гости,

приглашенные на погребенiе, какъ мужчины, такъ и женщины, лежали пьяные гдѣ попало, на травѣ. Это была одна изъ самыхъ возмутительныхъ сценъ, какiя мнѣ когда либо приходилось видѣть..." Тотъ-же неизвѣстный авторъ описываетъ одинъ „haka", или нацiо-

Первобытный новозеландецъ съ копьемъ и дубиной.

нальный танецъ. Всѣ танцующiе были мужескаго пола; они выстроились рядами, и только одинъ изъ нихъ, стоявшiй на флангѣ, выступилъ немного впередъ. Они кричали, размахивали руками крайне непривлекательнымъ образомъ; но всѣхъ превзошелъ въ этомъ отно-

шенiи одинъ мальчикъ, который невообразимо кривлялся и выкидывалъ всевозможныя штуки. Цѣль танца, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы возбудить страсти зрителей и довести ихъ до всякихъ излишествъ. Воинская пляска, описанная въ старинныхъ этнографiяхъ, бываетъ не болѣе раза въ году, становится все искусственнѣе и театральнѣе и, благодаря этому, не производитъ прежняго потрясающаго впечатлѣнiя представляя слабое подражанiе кроваваго ремесла. Въ настоящее время „Muru“ исполняется только внутри острововъ. Впрочемъ, даже въ Огинемуту, которое такъ часто посѣщается изъ за его горячихъ источниковъ, маори еще въ значительной степени сохранили свои старые обычаи.


Ручка „hani“, или скипетра прежняго Ново-Зеландскаго вождя, украшенная богатой рѣзьбой.

Здѣшнее маорiйское поселенiе состоитъ изъ неправильно разбросанныхъ, неогороженныхъ хижинъ, между которыми извиваются узкiя тропинки. Надъ ними господствуетъ построенное на возвышенiи зданiе, назначенное для общественныхъ собранiй. Это длинная деревянная постройка, крыша которой съ обѣихъ сторонъ почти касается земли; съ фасада, подъ выступающимъ фронтономъ, находится входъ и два большихъ окна. Снаружи и внутри все украшено прекрасной деревянной рѣзьбой опредѣленнаго стиля, которая преимущественно примѣняется къ украшенiю челноковъ и разной утвари. На орнаментѣ, придѣланномъ къ краямъ крыши, повѣшенъ колоколъ. Хижины низки; стѣны сдѣланы изъ плетня; крыши крыты соломой и имѣютъ безформенный убогiй видъ, по крайней мѣрѣ у жилыхъ домовъ. Запасные магазины, которые бываютъ въ каждомъ селенiи, построены изъ дерева и красивѣе остальныхъ хижинъ; основанiемъ ихъ служатъ три столба въ метръ высоты. Эти зданiя, по своимъ плоскимъ крышамъ, похожи на большiя голубятни въ швейцарскомъ вкусѣ. Рѣзная фигура украшаетъ фронтонъ крыши; края ея покрыты рѣзьбой. Двери заперты висячимъ европейскимъ замкомъ, что составляетъ извѣстнаго рода анахронизмъ. Внутреннее убранство жилыхъ хижинъ отличается крайней

простотой, и также первобытно и неприглядно, какъ и наружный видъ ихъ. Въ стѣнахъ, выложенныхъ соломой, воткнута пара зубныхъ щетокъ, гребень, зеркало, топоръ, ружье и различные прочіе предметы, но большею частью въ сломаномъ и безпорядочномъ видѣ. Нѣкоторые наиболѣе характерныя вещи изображены на слѣдующемъ рисункѣ. Подъ крышей висятъ „pagei“ (короткія ложкообразныя весла) и придѣлано нѣсколько досокъ, на которыхъ разставлены горшки, почернѣвшіе отъ копоти. Поломъ служитъ голая земля, на которой, въ углахъ, непосредственно постланы постели, огороженныя деревянной рамкой и состоящія изъ подушекъ, набитыхъ упругой травой папоротника, и шерстяныхъ одѣялъ. У болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить бѣлье, простыни и подушки изъ перьевъ. У нихъ всѣ вещи гораздо опрятнѣе, и шерстяныя одѣяла отличаются болѣе яркими красками и пестрымъ рисункомъ. Посреди хижины горитъ огонь, который главнымъ образомъ служитъ для тепла, такъ какъ для варки кушанья у туземцевъ подъ рукой горячіе источники, что несравненно удобнѣе. Ихъ кулинарное искусство находится еще въ первобытномъ состояніи. Въ землѣ вырываютъ яму, наполняютъ сухимъ деревомъ и, когда оно все охвачено пламенемъ, кладутъ сверху два камня, которые падаютъ на дно ямы, какъ только обгорятъ дрова. Затѣмъ, въ образовавшееся отверстіе выливаютъ лохань воды и наполняютъ рыбой, картофелемъ и плодами, похожими на дыню. Впрочемъ, по отзыву путешественниковъ, этотъ своеобразный и не совсѣмъ опрятно приготовленный рагу чрезвычайно вкусенъ. Подобно тому, какъ въ Италіи отправляются на прогулку послѣ заката солнца, такъ въ Огинемуту всѣ идутъ купаться въ теплой водѣ, и, проплывъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, садятся въ теплый мягкій илъ сыроватыхъ мѣстъ, такъ что одна голова выглядываетъ изъ воды, и болтаютъ часъ-другой въ обществѣ темнокожихъ дамъ и кавалеровъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой либо одеждѣ; но женщины и дѣвушки, входя и выходя изъ воды, стараются какъ можно болѣе скрыть свою наготу. „Меня особенно поразило—говоритъ Бюхнеръ,—что во время купанья я ни разу не замѣтилъ ни малѣйшей погрѣшности противъ приличій, со стороны обоихъ половъ, или какихъ либо эротическихъ выходокъ. Но вообще нужно замѣтить, что взгляды маори очень либеральны въ этомъ отношеніи, и присутствіе такого множества одинокихъ дѣвушекъ въ Огинемуту можетъ быть объяснено только извѣстнымъ доходомъ, который онѣ получаютъ отъ космополитическихъ сношеній съ иностранцами“ (Reise durch den Stillen Ozean, S. 129).

Оружіе и утварь новозеландцевъ; 1) „Patu“, дубина и копье; 2) „Hani“ или скипетръ вождя; 3) „Merai“ (дубина) изъ нефрита; 4) „Merai“ (дубина) изъ китовой кости.

Маори, подобно многимъ другимъ менѣе интеллигентнымъ первобытнымъ народамъ, не избѣжали трагической судьбы, которая обре-

каетъ ихъ на гибель отъ соприкосновенія съ нашей цивилизаціей. Еще въ 1840 году ихъ насчитывалось до 100,000 человѣкъ; въ 1856 ихъ было 65,000, а по мартовской переписи 1878 число ихъ простиралось только до 42,819, а именно 23,533 мужчинъ и 19,286 женщинъ (Allg. Zeit. vom 11 August 1879), такъ что, если вымираніе будетъ продолжаться въ той-же пропорціи, то въ 150 лѣтъ они должны совершенно исчезнуть съ лица земли. Въ округѣ Баригака еще недавно (въ началѣ 1880 г.) господствовала большая смертность между туземцами, вслѣдствіе лихорадокъ. Ферд. Гохштеттеръ совершенно правъ, говоря, что успѣхи цивилизаціи только тогда приносятъ положительную пользу и представляютъ собой дѣйствительный прогрессъ, когда черезъ это увеличивается живучесть народа и когда вліяніе цивилизаціи способствуетъ развитію его нравственныхъ и физическихъ силъ. Между тѣмъ, на маори вообще цивилизація производитъ обратное дѣйствіе, и, къ сожалѣнію, слишкомъ легко привести доказательства въ подтвержденіе этого. Прежде на каждомъ полѣ работало отъ 20 до 30 человѣкъ; теперь дѣйствуетъ плугъ, и эти 20—30 человѣкъ сидятъ безъ дѣла вокругъ поля, шутятъ, смѣются, ѣдятъ, курятъ и думаютъ. Этимъ они обязаны европейцамъ, которые выдумали паровые плуги, чтобы избавить себя отъ необходимости работать. Первобытная одежда маори состояла изъ плащей (наз. „kakasu"—у мужчинъ, и „koroai"—у женщинъ), различной формы и величины, искусно изготовленныхъ изъ новозеландскаго льна (Phormiumtenax) или сшитыхъ изъ собачьихъ шкуръ. Помимо прочности, эти плащи доставляли превосходную защиту отъ дождя и холода. Какого же рода одежда замѣнила ихъ? Чтобы составить себѣ объ этомъ понятіе, стоитъ взглянуть на туземцевъ, когда они у себя дома, въ своихъ „pa" (укрѣпленныхъ поселеніяхъ). Здѣсь шерстяное одѣяло, „blanket", служитъ для нихъ единственнымъ одѣяніемъ. Въ обмѣнъ за эту тряпку они отдаютъ картофель и свиней, отказались отъ своихъ несравненно боѣе цѣлесообразныхъ льняныхъ и мѣховыхъ плащей и сидятъ теперь передъ своими хижинами, укутанные въ грязныя, изодранныя одѣяла. Такимъ образомъ, благодаря „blankets", туземцы мало по малу обратились въ пролетаріевъ, не только по внѣшнему виду, но и въ дѣйствительности. Въ этомъ же недостаточномъ и плохомъ одѣяніи слѣдуетъ видѣть главную причину множества грудныхъ болѣзней и ревматическихъ страданій, которымъ подверглись маори въ послѣднее время. Съ другой стороны, картофель не менѣе способствуетъ физическому вырожденію расы, такъ какъ онъ составляетъ теперь почти исключительную пищу туземцевъ и оказываетъ на нихъ такое-же вредное вліяніе, какъ на бѣдныхъ горныхъ жителей въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Въ былыя времена хвалили гостепріимство маори, передавали разныя черты ихъ благородства и великодушія, но въ настоящее время мы не слышимъ ничего подобнаго. Новѣйшее

поколѣніе, „молодая маорійская школа“, ничему не придаетъ значенія, кромѣ денегъ „Pakeha“ (европейца). Печальнымъ примѣромъ порчи нравовъ и характера туземцевъ, вслѣдствіе сношеній съ европейцами, служитъ своеобразный классъ, такъ наз. „городскихъ маори“, встрѣчаемый въ большинствѣ городовъ. Они слишкомъ горды или лѣнивы, чтобы исполнять должность прислуги у европейцевъ или зарабатывать себѣ хлѣбъ правильнымъ трудомъ, и поэтому шатаются безъ цѣли по улицамъ и гостинницамъ, въ видѣ физическихъ и нравственныхъ пролетаріевъ, составляя обузу для европейцевъ и предметъ отвращеніе для своихъ соотечественниковъ (Hochstetter. Neuseeland, S. 476—479). Но сами маори относятся съ философической покорностью къ ожидающей ихъ участи и выражаются по поводу этого слѣдующимъ образомъ: „Клеверъ погубилъ папоротникъ, европейская собака маорійскую, и маорійская крыса была уничтожена европейской;—такъ и нашъ народъ мало по малу будетъ вытѣсненъ и уничтоженъ европейцами.

Жители Гавайи.

Жители Сандвичевыхъ острововъ, которые въ послѣднее время всего чаще обозначаются ихъ туземнымъ названіемъ острововъ Гавайи, представляютъ собою тѣхъ-же полинезійцевъ, какъ и ново-зеландскіе маори. Они сами величаютъ себя „kanaka“ (т. е. просто людьми),—прозвище, которое также примѣняется ко всѣмъ другимъ полинезійцамъ, хотя оно совершенно неправильно относительно меланезійцевъ. „Hawaiinei“ составляетъ не менѣе употребительное названіе, которымъ величаютъ другъ друга жители Сандвичевыхъ острововъ. Они, подобно маори, вовсе не составляютъ чистокровной расы, и д-ръ Д. Бехтингеръ положительно говоритъ, что въ нихъ видна несомнѣнная помѣсь съ другими племенами (Ein Jahr auf den Sandwichinseln. Wien. 1869, S. 96). По внѣшнему виду, ихъ едва можно отличить отъ ново-зеландскихъ туземцевъ; вся разница заключается въ томъ, что они среднимъ числомъ нѣсколько ниже ростомъ и съ менѣе толстыми костями, нежели послѣдніе, и имѣютъ большую склонность къ ожирѣнію. Цвѣтъ кожи у тѣхъ и другихъ коричневый, различныхъ оттѣнковъ; по свидѣтельству Бюхнера, она всего темнѣе у островитянъ Фиджи, и имѣетъ наиболѣе свѣтлый и желтоватый оттѣнокъ у тонганъ. Волосы ихъ большею частью прямые, иногда слегка курчавые, но въ такой-же степени, какъ мы это встрѣчаемъ у европейцевъ. Татуировка, которая на лицахъ старыхъ маори достигаетъ замѣчательнаго искусства, не была собственно никогда въ большой модѣ у канаковъ. Только изрѣдка можно видѣть у пожилыхъ женщинъ татуированныя кольца вокругъ пальцевъ.

Прежде всего постараемся опредѣлить общія характеристическія черты канаковъ: ростъ ихъ немного выше средняго; только короли и вожди отличаются атлетическимъ ростомъ; затылочная кость, слегка округленная, у иныхъ необыкновенно плоска даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она не была задержана въ своемъ раннемъ развитіи перевязками (плоскій затылокъ до сихъ поръ считается красотой у островитянъ). Лобъ у нихъ, за малыми исключеніями, низкій; скулы и челюсть не особенно выдающіяся. Оттѣнки кожи бываютъ очень разнообразны, начиная отъ коричневаго, темножелтаго, красновато-коричневаго, до бронзовато-оливковаго цвѣта. Преобладающій цвѣтъ коричневый и бронзоватооливковый, и только изрѣдка встрѣчаются субъекты съ опредѣленнымъ темнокоричневымъ цвѣтомъ кожи. Черный какъ смоль негритянскій оттѣнокъ никогда не встрѣчается здѣсь. Кожа содержится въ замѣчательной опрятности, благодаря ежедневнымъ неоднократнымъ купаніямъ. Многіе, кромѣ того, натираютъ ее кокосовымъ масломъ, чтобы придать нѣжность и блескъ и предохранить тѣло отъ вреднаго вліянія холода и нечистоты. Волосы у канаковъ прямые, длинные, черные, не особенно густые, у весьма немногихъ курчавые, но не короткіе; борода рѣдкая и на нее мало обращаютъ вниманія; глаза большіе, слегка выпуклые и съ густыми рѣсницами, а у людей смѣшанной расы прекрасной миндалевидной формы и чрезвычайно выразительные. Радужная оболочка черная; соединительная перепонка глаза (conjuctiva) плотно прилегаетъ къ ней; у большинства она сильна налита кровью, что до извѣстной степени придаетъ ихъ взгляду звѣрское выраженіе. Губы едва замѣтно и красиво вздернуты, что можетъ служить доказательствомъ ихъ чувственности; при этомъ у всѣхъ туземцевъ великолѣпные зубы. Носъ немного расширенъ у ноздрей и никогда не имѣетъ срединной дольки на концѣ, ясно отдѣленной отъ крыльевъ. Руки и ноги красивы, хорошо сложены, и у большинства необыкновенно малыхъ размѣровъ. Грудная кость превосходно развита; какъ отдѣльные члены, такъ и все тѣло, пропорціональны и красивы. Жены вождей, подобно своимъ мужьямъ, отличаются атлетическимъ тѣлосложеніемъ и тучностью, что, сообразно туземными понятіями о физической красотѣ, еще болѣе увеличиваетъ ее (Bechtinger, A. a. O., S. 100—101). По мнѣнію другого наблюдателя, типъ женщинъ на островахъ Гавайи вообще можетъ быть названъ привлекательнымъ; онѣ хорошо сложены и до тридцатилѣтняго возраста сохраняютъ юношескую красоту формъ; затѣмъ онѣ быстро старѣютъ. Въ работѣ онѣ не уступаютъ мужчинамъ и выказываютъ большія способности къ верховой ѣздѣ. Волосы у всѣхъ здѣшнихъ островитянокъ длинные, густые, черные и жесткіе; онѣ очень заботятся о нихъ, причесываютъ самымъ разнообразнымъ образомъ и украшаютъ померанцевыми цвѣтами и вѣнками (Globus, Bd. XXV S. 71).

Вообще, канаки не особенно подвержены болѣзнямъ; всего чаще встрѣчаются накожныя болѣзни, къ которымъ принадлежитъ родъ чесотки; затѣмъ офтальмія (глазныя воспаленія), ревматизмъ и гриппъ. Сифилисъ доставляетъ значительный контингентъ больныхъ. По свидѣтельству д-ра Бехтингера, послѣдній принялъ здѣсь характеръ азіатской проказы (lepra), абсолютно неизлѣчимой, но которая прежде была неизвѣстна здѣсь, потому что Кукъ и Ванкуверъ совершенно умалчиваютъ о ней. Канаки утверждаютъ, что проказа была завезена къ нимъ китайцами, и называютъ ее „Mai-paké“, т. е. китайская болѣзнь. Вначалѣ она появилась въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ, но потомъ внезапно распространилась въ большихъ размѣрахъ, при первой оспенной эпидеміи, занесенной однимъ китоловомъ. Не только доктора, но миссіонеры и служащіе тотчасъ же напустились на туземцевъ, чтобы всѣмъ и каждому прививать оспу, при этомъ не были приняты необходимыя предосторожности, и, такимъ образомъ, многимъ привитъ былъ ядъ прокаженныхъ. Послѣдніе были затѣмъ собраны полиціей и отправлены на вѣчную ссылку, въ коло-

нію Калаупака, замкнутую и неприступную долину на островѣ Молокай, что, само по себѣ, было крайне жестокой, но очень благоразумной мѣрой.

Языкъ гавайи, несмотря на свою отдаленность, имѣетъ столько общаго съ ново-зеландскимъ, что маори и канаки до сихъ поръ могутъ понимать другъ друга. На гавайскомъ языкѣ не достаетъ звуковъ, которые составлялись бы съ буквою „s“ или „f“. Въ то время, какъ говоръ островитянъ Фиджи и маори въ высшей степени благозвученъ и напоминаетъ итальянскій, языкъ гавайи, въ сравненіи съ нимъ, кажется грубымъ и варварскимъ. Слоги, очень часто состоящіе изъ одной гласной буквы, выпускаются въ разговорѣ, взаимно вытѣсняютъ другъ друга, такъ что происходитъ родъ кудахтанья. Такъ, напримѣръ, существуетъ даже мѣстность, которая называется Maalaca (или „пять слоговъ“). Часто повторяемые cha, ka, твердое е съ придыханіемъ, похожимъ на г, въ родѣ швейцарскаго удвоеннаго l, и, наконецъ, своеобразное произношеніе буквъ съ помощью нёба и ноздрей придаютъ языку нѣчто непріятное и тяжеловатое. Характеристическую особенность гавайскаго говора, какъ и всѣхъ другихъ полинезійскихъ языковъ, составляетъ бѣдность согласныхъ звуковъ и недостатокъ словъ для выраженія отвлеченныхъ и общихъ понятій. Скопленіе однозвучныхъ слоговъ въ одномъ словѣ и повтореніе гласныхъ дѣлаютъ языкъ крайне монотоннымъ, между тѣмъ, какъ бѣдность выраженій побуждаетъ обозначать однимъ и тѣмъ-же словомъ различныя понятія. Примѣромъ этого можетъ служить своеобразное привѣтствіе, употребляемое здѣсь при встрѣчѣ, а именно „Aloha oё“ т. е. „я люблю тебя“.

Канаки отличаются добродушнымъ характеромъ, услужливы и гостепріимны; при этомъ, разумѣется, до извѣстной степени лѣнивы и неповоротливы, и настолько безпечны, что серьозное настроеніе бѣлыхъ людей совершенно непонятно для нихъ. Одна островитянка даже выразила по этому поводу свое удивленіе автору одной чрезвычайно занимательной книги (Isabella Bird. Six months in the Sandwich-Islands. London, 1875). Передразнивъ манеры и способъ, какимъ европейцы любуются видами природы, она замѣтила: „что касается насъ, то мы всегда счастливы; никогда не плачемъ и не огорчаемся на долгое время. Если кто нибудь умретъ, то наше сердце надрывается нѣсколько дней, а затѣмъ намъ снова хорошо живется. Мы счастливы цѣлый день, съ утра до ночи, не такъ какъ бѣлые, которые счастливы одну минуту, а въ слѣдующую опять становятся пасмурными. У насъ нѣтъ никакихъ заботъ, и день кажется намъ слишкомъ короткимъ. Почему-же бѣлые люди всегда чувствуютъ себя несчастными?“

Канаки, при ихъ современной степени культуры, представляютъ странную смѣсь прежняго варварства и новѣйшей цивилизаціи. Побуждаемые чувствомъ тщеславія, они оставляютъ образъ жизни своихъ

предковъ и стараются во всемъ подражать европейцамъ. Такъ, напр., въ праздничные дни и по близости селеній, островитяне, зная, что на нихъ обращено вниманіе, украшаютъ себя всевозможными бездѣлушками и европейскимъ платьемъ, а при королевскомъ дворѣ встрѣчаются великолѣпные мундиры съ золотыми эполетами и широкой орденской лентой большаго креста „kamehameha“. Въ Гонолулу можно видѣть настоящіе придворные балы. Жены вождей и тѣ, которыя замужемъ за европейцами, затягиваются въ платья, сшитыя по европейской модѣ; остальныя носятъ длинные широкіе талары, „talare“, пестрыхъ цвѣтовъ, которые надѣваются на голое тѣло, а самыя бѣдныя, особенно въ своихъ хижинахъ, все еще щеголяютъ въ своихъ „kihei“, т. е. плащахъ изъ коры папируса. Даже знатныя дамы, вернувшись домой, моментально сбрасываютъ съ себя всѣ принадлежности европейскаго туалета и, обнаживъ тѣло для большаго удобства, отдыхаютъ отъ вынесеннаго ими стѣсненія. Въ болѣе значительныхъ городахъ дома туземцевъ построены по европейски, и только въ деревняхъ и отдаленныхъ фермахъ они живутъ стариннымъ способомъ, въ простыхъ убогихъ хижинахъ, крытыхъ соломой, которыя освѣщаются факелами и маслянистыми орѣхами кукуи (Aleuzites triloba). Позади заборовъ, окаймляющихъ улицы столичнаго города Гонолулу, устроены иногда небольшія открытыя сверху перегородки, и въ жаркое послѣобѣденное время здѣсь часто можно увидѣть гавайцевъ обоего пола въ костюмѣ прародителей, съ кожаннымъ мѣхомъ въ рукахъ, изъ котораго они поливаютъ себѣ тѣло водой. Заборъ прикрываетъ ихъ наготу, между тѣмъ, какъ они беззаботно глазѣютъ по сторонамъ и болтаютъ съ проходящими по улицѣ. Что касается пищи, то въ ней не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ со временъ Кука. Главную роль играетъ „poi“, кисловатая каша изъ муки таро; затѣмъ, по прежнему, сырая и сушеная рыба и собачье мясо все еще составляютъ любимое кушанье туземцевъ, хотя въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ мясо другихъ животныхъ и хлѣбъ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Гавайцы обыкновенно сидятъ на землѣ, и, несмотря на то, что болѣе зажиточные и знатные изъ нихъ имѣютъ прекраснѣйшіе столы и стулья, они, тѣмъ не менѣе, предпочитаютъ обѣдать около нихъ на циновкѣ. Усладой жизни, какъ вездѣ въ Полинезіи, служитъ питье „kawa“, съ тою разницей, что здѣсь оно называется „awa“. Людоѣдство въ Гавайѣ, повидимому, никогда не было распространено въ такой степени, какъ въ Новой Зеландіи или островахъ Фиджи, и уже во времена Кука начало приходить въ упадокъ. Теперь оно ни въ какомъ случаѣ больше не существуетъ, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ старый вождь признался священнику на смертномъ одрѣ, что желалъ бы еще разъ съѣсть какого нибудь молодого миссіонера, несмотря на то, что это совершенно противорѣчитъ его теперешнимъ

Сдѣланный изъ перьевъ шлемъ прежняго вождя Сандвичевыхъ острововъ (Гавайи), копье и кокосовыя пальмы.

вѣрованіямъ (Allg. Zeit. vom 4 Juni 1876). Въ настоящее время канаки давно обратились въ протестантство, хотя д-ръ Бехтингеръ почти положительно утверждаетъ, что большинство, и въ особенности пожилые островитяне, приняло христіанство только pro forma и, при своемъ суевѣріи, до сихъ поръ предано язычеству душой и тѣломъ. Что же касается старыхъ храмовъ „Heiaus“, этихъ жертвенниковъ, гдѣ языческіе жрецы убивали людей и затѣмъ съѣдали, освященныхъ „Morai“, съ ихъ капеллами, и не менѣе священныхъ „Pahonua“, служившихъ мѣстомъ убѣжища, то отъ нихъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ на различныхъ островахъ Гавайи. Но, съ другой стороны, чужестранца приводитъ въ изумленіе огромное количество встрѣчаемыхъ здѣсь христіанскихъ капеллъ и церквей, которыя мысленно переносятъ его въ улицы Рима или горы Тироля. Большинство этихъ зданій въ упадкѣ и заброшено; канаки не заботятся о нихъ, такъ какъ ихъ сердца глубоко проникнуты суевѣріемъ. Туземцы все еще придерживаются своихъ мѣстныхъ докторовъ (kahuna), которые

вмѣщаютъ въ своемъ лицѣ жрецовъ и знахарей. Несмотря на библію, которую можно встрѣтить въ каждой хижинѣ, и номинальное обращеніе въ христіанство, „kahuna“ до сихъ поръ играетъ здѣсь первую роль. Онъ поетъ свои языческія пѣсни у постели больного, продѣлываетъ всевозможные фокусы, убиваетъ куръ и собакъ, и даже, при случаѣ, прибѣгаетъ къ леченію различными манипуляціями; при этомъ, молодыя дѣвушки топчутъ босыми ногами спину больного. Равнымъ образомъ, едва ли найдется хотя одинъ чистокровный канакъ, который не воздавалъ бы божескихъ почестей ящерицамъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что въ этихъ животныхъ вмѣщается нѣчто божественное, поэтому никто не смѣетъ ни безпокоить ихъ, ни прикасаться къ нимъ. Они считаются „tabu“, понятіе, которое играетъ такую же роль въ жизни туземцевъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, когда Кукъ палъ жертвою незнанія мѣстныхъ обычаевъ.

Считаемъ не лишнимъ разсказать здѣсь объ убійствѣ Джемса Кука, которое доставило печальную извѣстность островамъ Гавайи, открытымъ этимъ-же мореплавателемъ. Исторія злодѣянія была изслѣдована на мѣстѣ Фентономъ Эйлмеромъ. Теперь, когда мы ближе познакомились съ нравами и понятіями полинезійцевъ, событіе само по себѣ получаетъ совершенно иную окраску, чѣмъ прежде, и мы, по справедливости, должны защитить канаковъ отъ напраснаго нареканія. Кукъ, при первомъ своемъ появленіи, былъ принятъ туземцами за бога и, вдобавокъ, наиболѣе популярнаго, „Lono“. Увидя въ рукахъ чужестранца громъ и молнію, они вообразили, что высшее божество—богъ огня, т. е. могущественныхъ вулкановъ, „Pele“, сосредоточенныхъ въ этой мѣстности, удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Жрецы и несвободные люди обязаны были прислуживать ему; вездѣ, гдѣ онъ показывался, народъ падалъ ницъ передъ нимъ; все, что онъ требовалъ, дарили ему добровольно, потому что острова со всѣмъ, что находилось на нихъ, были отданы въ его распоряженіи. При этихъ условіяхъ, можно себѣ легко представить, какъ злоупотребляли матросы заблужденіемъ народа. Тѣмъ не менѣе, канаки до послѣдней минуты все выносили терпѣливо или, какъ разсказывали прежде европейцы, „съ мнимымъ дружелюбіемъ“. Но когда экипажъ корабля, не обращая вниманіе на сдѣланное ему предостереженіе, вырубилъ подъ дрова одну рощу, на которую былъ наложенъ „tabu“, и такимъ образомъ, грубо нарушилъ важнѣйшій законъ страны, то ненависть и ярость канаковъ дошли до крайнихъ предѣловъ; они бросились на матросовъ, прогнали ихъ къ берегу и убили Кука. Благодаря этому дѣянію, жители островов Гавайи сдѣлались любимымъ сюжетомъ англійскихъ народныхъ разсказовъ, и всѣ лондонскіе книгопродавцы выставили тогда въ окнахъ грубо искаженные картины, изображающія сцену убійства, такъ что втеченіи полстолѣтія на канаковъ смотрѣли какъ на извергов и самыхъ жестокихъ людоѣдовъ (Fenton Aylmer, A cruise in the Pacific, Bd. I p. 274—278). Само собою разумѣется, что нельзя не пожалѣть, что именно Кукъ долженъ былъ искупить жизнью преступленіе своихъ матросовъ; но не слѣдуетъ забывать, что матросы его корабля, пользуясь превосходствомъ европейскаго оружія, позволяли себѣ самыя грубыя злоупотребленія относительно простодушныхъ полинезійцевъ, и что, во всякомъ случаѣ, отвѣтственность должна была пасть на ихъ начальника. Д-ръ Винсловъ, прожившій много лѣтъ на островахъ Гавайи, передаетъ слѣдующія подробности о томъ, какъ вели себя туземцы послѣ смерти великаго мореплавателя: „Они сами были удивлены и крайне опечалены своею собственною жестокостью и обошлись

съ тѣломъ съ такимъ же почетомъ, какъ будто Кукъ былъ ихъ главный вождь или даже богъ. Они вырѣзали большія кости рукъ и ногъ, въ знакъ величайшаго уваженія, какъ они дѣлаютъ это съ трупами наиболѣе любимыхъ соотечественниковъ. Смертные останки Кука были выставлены въ храмѣ, передъ большими идолами, и въ память его принесены въ жертву свиньи и собаки, съ цѣлью умилостивить боговъ за его грѣхи и свои собственные. Внутренности убитаго мореплавателя были тщательно сложены въ тыквенный сосудъ и поставлены на сохраненіе, чтобы сжечь ихъ во время которой либо изъ предстоящихъ церемоній. Одинъ туземецъ, пожилой и неглупый человѣкъ, которому было въ 1845 году отъ 75—80 лѣтъ, самъ разсказывалъ д-ру Винслову, какъ онъ, будучи еще мальчикомъ, увидя внутренности, спрятанныя въ тыквѣ, вообразилъ, что они вынуты изъ кабана, отрѣзалъ отъ нихъ кусокъ, сжарилъ и съѣлъ. Офицеры корабля старались потомъ добыть тѣло Кука, и, узнавъ, что остались только одни кости, предположили, что мясо было съѣдено дикими Благодаря этому обстоятельству, поднялись крики негодованія не только среди британскаго народа, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ, и составилось убѣжденіе, что островитяне Гавайи людоѣды. Между тѣмъ на дѣлѣ не было ничего подобнаго. Вышеприведенныя подробности о смерти Кука и о томъ, какъ обошлись съ его тѣломъ, были сообщены д-ру Винслову старымъ почтеннымъ туземцемъ Кеха, живущимъ на островѣ Мауи, который до сихъ поръ сохранилъ ясность ума; вдобавокъ, это одинъ изъ членовъ семьи, которая пользовалась наслѣдственнымъ правомъ быть придворнымъ историкомъ королей и вождей. По его словамъ, туземцы постоянно выражали сожалѣніе о смерти Кука (Nature, Bd. VIII, S. 211).

Изъ всѣхъ полинезійцевъ, жители Гавайи вымираютъ всего быстрѣе. По сдѣланному исчисленію, 27 декабря 1878 года, народонаселеніе всего королевства доходило до 57,985 душъ; изъ нихъ 44,088 канаковъ, на 5000 менѣе, нежели шесть лѣтъ тому назадъ, и на 142,000—сравнительно съ 1823 годомъ. Бюхнеръ, въ качествѣ врача, видитъ отчасти причину подобной убыли въ страсти женщинъ къ верховой ѣздѣ, которой онѣ предаются безъ всякой удержи, сидя на сѣдлѣ по мужски, и, преимущественно, въ господствующей распущенности нравовъ, которая проявляется въ крайней безцеремонности прекраснаго пола въ повседневной жизни. Всюду, по близости береговъ вы видите зрѣлище, составляющее неизбѣжную принадлежность острововъ Южнаго океана, а именно купающихся нимфъ, которыя щеголяютъ передъ прохожими своимъ поразительнымъ искусствомъ въ плаваніи, приводя въ восхищеніе не только европейскихъ посѣтителей, но и дамъ, какъ, напр., Анну Брассей (Eine Segelfahrt um die Welt, S. 247). По словамъ Бюхнера, у котораго мы встрѣчаемъ удачный разсказъ объ этомъ не совсѣмъ приличномъ удовольствіи, бронзовыя афродиты нисколько не стѣсняются тѣмъ, что выставляютъ напоказъ свою наготу (Reise durch den Stillen Ozean, S. 352—354). Всякаго рода безнравственность встрѣчается повсемѣстно въ Полинезіи; но на островахъ развратъ повидимому доходитъ до высшей степени. Эротъ играетъ большую роль въ жизни прекрасныхъ островитянокъ, а въ Гонолулу почти открыто процвѣтаетъ проституція. Въ этомъ отношеніи миссіонеры оказываются здѣсь безсиль-

ными; но въ другихъ мѣстностяхъ они зорко слѣдятъ за своими духовными дочерьми, слишкомъ склонными къ грѣху. Во время пребыванія Бюхнера въ Гило, осторожность и недовѣріе миссіонеровъ въ этомъ направленіи доходили до такой степени, что они приставляли на ночь полисменовъ къ отелю, гдѣ онъ остановился съ своими спутниками. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ вліяніе „Mikoneries", какъ называютъ здѣсь миссіонеровъ, вообще проявилось только въ томъ, что канаки справляютъ свои оргіи тайно въ пещерахъ, въ чащѣ лѣсовъ или подъ прикрытіемъ ночи. Подобно тому, какъ въ ихъ языкѣ нѣтъ словъ для выраженія благодарности, такъ нѣтъ у нихъ и подходящихъ терминовъ для обозначенія цѣломудрія. Даже теперь принявъ христіанство, островитяне, обмѣниваются между собою молодыми женами, что въ прежнія времена было въ общемъ употребленіи, какъ заповѣдь гостепріимства, такъ что даже считалось обидой, если кто не пользовался этимъ. Тотъ-же обычай примѣняется въ широкихъ размѣрахъ во время празднествъ. Островитянки, вышедшія замужъ за европейцевъ, ничуть не лучше своихъ остальныхъ соотечественницъ; но только хитрѣе и осторожнѣе въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Климатическія условія, господствующая безнравственность, дурные примѣры и самый образъ жизни пробуждаютъ похоть въ сердцѣ ребенка и способствуютъ необыкновенно раннему проявленію полового влеченія. Четырнадцатилѣтнія дѣвочки могутъ даже по закону выходить замужъ. Роды здѣсь, повидимому, очень легіе, по крайней мѣрѣ, судя по тому, что Анна Брассей разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая сопровождала ее при проѣздкѣ въ Килауеа: „Она смѣялась и болтала съ своей спутницей, хотя, повидимому, чувствовала себя не совсѣмъ хорошо; но когда мы остановились, чтобы пообѣдать, произошло появленіе на свѣтъ маленькаго гражданина. По окончаніи обѣда, я пошла провѣдать женщину и ребенка и нашла мать въ сидячемъ положеніи, веселой и довольной; казалось, она смотрѣла на совершившееся событіе, какъ на побочное незначительное происшествіе" (Segelfahrt um die Welt, S. 236). Дѣтоубійство до прибытія миссіонеровъ господствовало въ такой-же сильной степени на островахъ Гавайи, какъ и на другихъ полинезійскихъ островахъ. Христіанское ученіе въ этомъ отношеніи мало принесло пользы. Правда, дѣтей больше не убиваютъ послѣ рожденія; но вмѣсто этого, не дожидаясь родовъ, производятъ искусственное вытравливаніе плода. Сладострастные танцы, въ родѣ „hula-hula", скандальныя пѣсни и разсказы все еще служатъ основаніемъ первоначальнаго женскаго воспитанія, хотя въ очень измѣненномъ видѣ и подъ прикрытіемъ тайны, чтобы избавиться отъ непріятныхъ выговоровъ со стороны блѣднолицыхъ людей.

Д-ръ Бюхнеръ случайно присутствовалъ при „hula-hula" и описываетъ слѣдующимъ образомъ этотъ танецъ, который все болѣе и болѣе становится

рѣдкимъ: „Hula-hula извѣстенъ, какъ самый сладострастный изъ всѣхъ полинезійскихъ танцевъ, и то, что мнѣ удалось видѣть, хотя и было смягчено обычною сдержанностью, которая всегда соблюдается въ присутствіи иностранцевъ, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ оправдывало установившуюся репутацію. Началось съ того, что танцовщицы и музыканты, скрестивъ ноги, усѣлись въ два ряда на землю; затѣмъ они попеременно принялись пѣть самымъ пронзительнымъ образомъ, двигали туловищемъ и размахивали руками, то медленно и торжественно, то быстро и порывисто, побрякивая маленькими грушеобразными тыквами, наполненными камешками, что производило невообразимый шумъ. Мелодія, постоянно повторяемая черезъ каждыя двѣ строфы, была гораздо сложнѣе, нежели маорійскій танецъ „haka“ или „meke-meke“ островитянъ Фиджи. На двухъ танцовщицахъ было своеобразное украшеніе, принятое для „hula-hula“ и состоящее изъ толстаго пучка темныхъ перьевъ на лодыжкахъ ногъ, къ которому были прикрѣплены собачьи зубы. Вмѣсто обычнаго длиннаго и широкаго „талара“ на нихъ былъ одѣтъ родъ корсета и приподнятая съ боковъ юбка, привязанная къ тальѣ. Въ былыя времена костюмъ танцовщицъ состоялъ изъ цвѣточныхъ вѣнковъ на волосахъ и груди, пучковъ перьевъ на лодыжкахъ ногъ и коротенькой юбочки, которая поднималась при пляскѣ, что, повидимому, составляло ея единственное назначеніе. Въ настоящее время при „hulahula“ костюмъ обыкновенно доходитъ до такого приличія, что танцовщицы даже надѣваютъ шаровары. Но въ дружескихъ кружкахъ все еще въ ходу первобытная простота. Немного погодя, обѣ танцовщицы вскочили на ноги и продолжали выдѣлывать, не сходя съ мѣста, тѣ-же дикія тѣлодвиженія, съ тѣмъ же шумомъ и дикими криками, сопровождая ихъ въ высшей степени неприличнымъ поворачиваньемъ таза. Ихъ пляска становилась все быстрѣе и неистовѣе; вѣнки полетѣли клочками на землю; между тѣмъ какъ темнокожіе зрители, стоявшіе за нашими стульями, пришли въ возбужденное состояніе, восторженно хлопали въ ладоши и выражали свое сочувствіе тѣмъ, что начали дѣлать такія-же движенія бедрами, насколько позволяло тѣсное пространство, наполненное толпой. Пляска все время продолжалась въ томъ же духѣ, съ многократными остановками; все разнообразіе заключалось въ словахъ пѣнія, которое было совершенно непонятно для насъ. Былъ одинъ моментъ, когда музыканты, которые до этого оставались въ сидячемъ положеніи, бросились на четвереньки, и въ этомъ видѣ своими ужимками и тѣлодвиженіями представили полное подобіе звѣрей“ (Reise durch den Stillen Ozean, S. 354—355).

Въ королевствѣ Гавайи мы имѣемъ достаточно случаевъ для изученія метисовъ всѣхъ степеней и комбинацій изъ трехъ расъ, имѣющихъ здѣсь наибольшее число представителей, а именно: канаковъ, китайцевъ и бѣлыхъ. Человѣческій родъ до сихъ поръ былъ изолированъ, въ видѣ столькихъ отдѣльныхъ племенъ, что почти стали сомнѣваться въ его единствѣ. „Въ настоящее время, по мѣткому замѣчанію д-ра Бюхнера, мы живемъ въ переходномъ періоды изъ процесса дифференцированія къ новому объединенію. Международныя сношенія постоянно простираются все дальше и дальше. Всюду, гдѣ появляется европеецъ, онъ производитъ смѣшеніе племенъ, скрещивается съ темной кровью или порабощаетъ ее, и, быть можетъ, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ будетъ существовать на землѣ одна только раса.“ Я не считаю возможнымъ согласиться съ послѣднимъ взглядомъ, въ его широкомъ значеніи; но во всякомъ случаѣ, не подлежитъ

сомнѣнію, что на островахъ Гавайи этому процессу смѣшенія расъ не мало способствуетъ наплывъ китайскаго элемента. Въ 1872 году число живущихъ здѣсь китайцевъ едва доходило до 2000 ч.; но съ тѣхъ поръ ихъ переселеніе чрезвычайно увеличилось, особенно вслѣдствіе непріязни, которую они возбудили противъ себя въ Калифорніи, такъ что въ 1879 общее число ихъ по меньшей мѣрѣ достигло 10,000, т. е. пятой части всего населенія. Бóльшая часть ихъ нанимается въ работники на сахарныхъ плантаціяхъ (Allg. Zeit. vom 6 März 1879). При этомъ, они также занимаются башмачнымъ ремесломъ, мелочной торговлей и содержатъ грязныя народныя столовыя. Но, къ сожалѣнію, между ними едва-ли насчивается 300 китайскихъ женщинъ, и можно себѣ легко представить всѣ послѣдствія такой несоразмѣрности. Большинство китайцевъ женаты на островитянкахъ, такъ что даже въ этомъ отношеніи ихъ вліяніе на народъ, гдѣ численность мужскаго населенія превосходитъ женское на 15,000 душъ, оказывается въ высшей степени вреднымъ. Этимъ объясняется рѣзкое различіе взглядовъ на пользу, приносимую китайскими переселенцами. По мнѣнію нѣкоторыхъ, одни китайцы могутъ замѣнить обреченное на гибель мѣстное населеніе, тѣмъ болѣе, что разница между ними и канаками не такъ велика, какъ между послѣдними и бѣлыми работниками (нѣмцами и ирландцами), которыхъ жизненныя потребности гораздо больше. Въ подтвержденіе этого взгляда приводятъ ту истину, что, хотя китайскія колоніи не всегда состоятъ изъ желательныхъ элементовъ, но съ этимъ нужно мириться, такъ какъ нѣтъ ничего совершеннаго на землѣ. Но, съ другой стороны, Францискъ Биргамъ приписываетъ обѣднѣніе мѣстнаго правительства возрастающему переселенію китайцевъ, которое теперь совершается очень торжественно, черезъ особаго торговаго агента и китайское коммиссіонерское общество, ежемѣсячно доставляющее на пароходѣ переселенцевъ изъ Шангая и Кантона на Гавайи. Въ числѣ причинъ обѣднѣнія, Биргамъ указываетъ на тотъ фактъ, что туземецъ все еще продолжаетъ питаться продуктами плантаціи, между тѣмъ, какъ китаецъ продаетъ свой трудъ за наличныя деньги, отправляемыя имъ въ Китай, или покупаетъ свой „tschautschau" у китайскихъ торговцевъ. Бюхнеръ также высказываетъ опасеніе, что наплывъ этой дѣятельной, но уродливой расы, „съ ея отвратительными пороками, которая не соблюдаетъ чести съ европейцами и считаетъ все дозволительнымъ относительно ихъ", рано или поздно поглотитъ красивую и благородную туземную расу. Въ Гонолулу существуетъ уже большой китайскій театръ, два храма „Dschoss" и церковь, построенная для обращенныхъ въ христіанство китайцевъ. Въ послѣднее время (въ августѣ 1880) китайскій вопросъ послужилъ поводомъ къ серьозному разногласію между королемъ, приверженцемъ сыновъ Небесной имперіи, и правительствомъ, которое возстало противъ вторженія „азіат-

ской чумы" въ страну (см. Allg. Zeit. vom 12 Oktober 1880). Поэтому правительство, въ виду увеличенія вымирающаго туземнаго населенія, рѣшило пригласить переселенцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, съ Жильбертовыхъ островов, Маршальской и Каролинской группъ и съ острова Ротума, а также колонистовъ съ острова Мадейра, такъ что будущее населеніе Гавайи со временемъ представитъ собой странную помѣсь племенъ.

Между бѣлымъ населеніемъ господствуетъ американскій типъ. Товары большею частью американскіе и привозятся преимущественно изъ Калифорніи. Что же касается культуры, то она та-же, что и въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь носять такое же тонкое бѣлоснѣжное бѣлье и тотъ-же покрой платья, какъ у янки. „Cocktail" (напитокъ изъ коньяку или водки съ сахаромъ и небольшимъ количествомъ воды), „Sherry Cobbler" (питье, приготовляемое изъ хереса, сахару, лимона и кусочковъ льду) и тому подобные американскіе модные напитки „Fancy Drinks" играютъ такую же роль на островахъ Гавайи, какъ въ Санъ-Франциско или въ Нью Іоркѣ. Повсемѣстно сказывается американское вліяніе; и оффиціально принятая монетная система опять-таки американская. Крайне либеральная конституція, очевидно, образовалась подъ вліяніемъ американской. Хотя эта конституція монархическая, но права короля почти тѣ-же, что у президента республики. Законодательное собраніе созывается черезъ каждые два года. Оно состоитъ изъ 19 пожизненныхъ членовъ Верхней палаты, назначаемыхъ королемъ, которые называются здѣсь „nobles"; къ числу ихъ принадлежатъ ex officio четыре кабинетъ-министра (Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ) и 28 депутатовъ, выбранныхъ общей подачей голосовъ. Изъ нихъ, острова Оагу (съ столицей), Гавайи и Мани посылаютъ отъ себя по восьми депутатовъ, о. Кауаи—четыре,—всего 47 членовъ, совмѣстно засѣдающихъ въ собраніи. Теперь между ними только трое бѣлыхъ, всѣ остальные—туземцы или метисы. Военная сила королевства Гавайи крайне скромная по числу; помимо довольно значительнаго корпуса полицейскихъ, она состоитъ только изъ хора музыкантовъ и нѣсколькихъ десятковъ дворцовой стражи. Полицейскіе носятъ синіе мундиры, а послѣдніе—свѣтлоголубыя гусарскія куртки съ бѣлыми шнурами; при этомъ у тѣхъ и другихъ бѣлые штаны и кепи. Эти оба разряда солдатъ цѣлые дни прогуливаются по улицамъ, и, такъ какъ они встрѣчаются на каждомъ шагу, то можно составить себѣ преувеличенное понятіе объ ихъ численности. Равнымъ образомъ, и въ другихъ отношеніяхъ канаки, повидимому, не хотятъ отставать отъ европейскихъ странъ. 21 февраля 1878 года проведена была здѣсь первая телеграфная линія, между Гаику и Ваилуку, на островѣ Мауи, хотя всего, разумѣется, только на разстояніи 19,5 км.; въ то-же время на Гавайи производилась постройка желѣзной дороги. Вслѣдъ

затѣмъ оптическій телеграфъ въ Даймондъ-Гедѣ, извѣщавшій сигналами о прибытіи кораблей въ гонолулу, замѣненъ телефономъ, а 4 января 1879 года заложенъ фундаментъ масонскаго храма, между тѣмъ, какъ уже съ 1875 года образовалось ученое общество „Естественной Исторіи и Микроскопическихъ изслѣдованій", подъ предсѣдательствомъ самого короля. Изъ этого можно видѣть, какіе быстрые успѣхи сдѣлала здѣсь цивилизація; но, къ сожалѣнію, всѣ эти усовершенствованія, которыя должны были принести такую пользу мѣстному населенію, только способствуютъ его гибели.

Бѣлые въ Южномъ океанѣ.

Въ послѣдніе десять лѣтъ острова Океаніи пріобрѣли важное торговое значеніе, и на большинствѣ изъ нихъ живутъ теперь европейцы, которые дѣятельно занялись эксплоатаціей этого тропическаго рая. Хотя здѣшніе товары преимущественно идутъ въ Германію и пять шестыхъ торговли въ рукахъ нѣмцевъ, но послѣдніе не особенно многочисленны на Южномъ океанѣ. Нѣмецкія фирмы охотнѣе выбираютъ себѣ агентовъ между англичанами, которые болѣе освоились съ колоніальными условіями, нежели всѣ другіе европейцы. Въ торговлѣ съ Южнымъ океаномъ, какъ доказалъ баронъ Шлейницъ, первую роль играютъ кокосовые орѣхи; и дѣйствительно, какъ только завязались при посредствѣ нѣмцевъ торговыя сношенія Австраліи съ островами, начался обмѣнъ туземнаго кокосоваго масла на европейскіе товары. Но при этомъ происходила большая потеря матеріала. Масло просачивалось изъ деревянныхъ бочекъ, и выжиманіе кокосовыхъ орѣховъ производилось туземцами далеко не раціональнымъ способомъ. Такимъ образомъ, торговля на Южномъ океанѣ пошла несравненно успѣшнѣе, когда гамбургскій домъ Годеффруа вмѣсто масла сталъ вымѣнивать у туземцевъ рѣзанныя зерна кокосоваго орѣха, такъ наз. „kopra", которые, при сравнительной дешевизнѣ перевоза, несравненно искуснѣе выжимались въ Германіи, а остатокъ ихъ, въ видѣ масляныхъ лепешекъ, доставлялъ превосходный кормъ для скота. Когда достигнутъ былъ этотъ результатъ, то нашли выгоднымъ завести свои собственныя плантаціи, которыми завѣдывали бы болѣе раціональнымъ образомъ. Помимо кокосоваго орѣха, важными предметами торговли были: жемчужныя раковины, черепаха, трепангъ, и сандальное дерево. Всѣ эти предметы сбывались тѣми изъ туземцевъ, которые рѣшались взять на себя незначительный трудъ собрать ихъ, потому что природа добровольно и въ изобиліи доставляла желающимъ всѣ эти сокровища. Въ тѣ времена еще можно было произвести крайне выгодный обмѣнъ и пріобрѣсти за ножъ или бу-

мажникъ различные продукты Южнаго океана, стоимостью въ нѣсколько долларовъ. Впослѣдствіи, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы завести собственныя плантаціи на Южномъ океанѣ и съ этой цѣлью были пріобрѣтены земли, явилась необходимость воспользоваться рабочей силой туземцевъ. Но этого было трудно достигнуть, потому что не было никакой возможности уговорить туземцевъ къ работѣ на принадлежащихъ имъ островахъ. Торговый домъ Годеффруа и на этотъ разъ разрѣшилъ рабочій вопросъ, нанявъ по контракту туземцевъ съ другихъ острововъ, и, по окончаніи положеннаго срока, свезъ ихъ обратно на родину съ полученнымъ заработкомъ. Вслѣдъ затѣмъ, помимо добыванія вышеупомянутыхъ продуктовъ, рѣшено было приступить къ воздѣлыванію хлопка, кофе, масла, табака, ванили и пр. Такимъ образомъ, рядомъ съ первобытной мѣновой торговлей „kopra", которая, впрочемъ, почти исключительно ограничивается низменными островами, производится торговля продуктами мѣстныхъ европейскихъ плантацій, центромъ которой служитъ Апіа на островахъ Самоа.

Что-же касается найма по контракту работниковъ на островахъ, то нельзя отрицать, что это часто служитъ поводомъ къ злоупотребленіямъ, которыя составляютъ темное пятно въ исторіи европейцевъ на Южномъ океанѣ. Одно изъ новѣйшихъ описаній ихъ отношеній къ туземцамъ, несмотря на разныя недомолвки, заставляетъ догадываться о сущности дѣла. „Рожь, пшеница и другія европейскія хлѣбныя растенія", говорится въ этомъ описаніи, „не разводятся на островахъ Самоа, а нѣмецкій земледѣлецъ не имѣетъ никакого желанія приняться за обработку плантацій, даже помимо того, что туземные рабочіе стоятъ гораздо дешевле. Высылаютъ корабли, которые, отчасти съ помощью убѣжденія, а частью посредствомъ насилія, привозятъ отъ 50—100 рабочихъ съ Соломоновыхъ и другихъ острововъ. Съ ними заключаютъ условіе и, какъ бы ни были лѣнивы эти люди у себя дома, но они поневолѣ работаютъ на чужбинѣ, чтобы, по прошествіи двухъ лѣтъ (по крайней мѣрѣ такъ говорится въ условіи), ихъ доставили обратно на родину. Эти люди спятъ ночью на рогожѣ, питаются рисомъ и только черезъ каждыя двѣ недѣли получаютъ по куску говядины. Ихъ заработокъ самый ничтожный и почти весь расходуется на церковь, покупку какой нибудь одежды, молитвенника и т. п." (Zoller, Rund um die Erde, Bd. I, S. 106). Въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ, возвеличенныхъ европейскою печатью, можно вполнѣ видѣть бѣдствія, порождаемыя этой новѣйшей торговлей людьми, которая нерѣдко сопровождается насильственными похищеніями. Она систематически производится десятки лѣтъ, не только на островахъ Самоа, но повсемѣстно, гдѣ только существуютъ плантаціи, а равно и въ Австраліи.

Желающіе заняться этой торговлей снаряжаютъ судно въ Сиднеѣ или Брисбанѣ, накупаютъ массу бездѣлушекъ для соблазна дикарей и, кромѣ того,

обыкновенно берутъ съ собой нѣсколькихъ островитянъ, съ которыми обходятся какъ можно лучше, чтобы они служили въ видѣ приманки. Судно отправляется къ какому нибудь острову, гдѣ предполагаютъ добыть людей, и, по прибытіи на мѣсто назначенія, немедленно входятъ въ сношенія съ туземцами. При этомъ, для приманки, прибѣгаютъ къ помощи островитянъ, привезенныхъ на суднѣ. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы соблазнить туземцевъ разсказами о видѣнныхъ чудесахъ и дружескомъ обращеніи съ ними европейцевъ Дикарямъ раздаютъ бусы и тому подобныя вещи, вслѣдствіи чего у нѣкоторыхъ является желаніе самимъ испытать счастье въ тѣхъ удивительныхъ мѣстахъ, о которыхъ ихъ соотечественники разсказывали такія соблазнительныя вещи. Количество желающихъ добровольно сѣсть на корабль никогда не бываетъ значительно, и, если окажется невозможнымъ набрать достаточное число людей вышеуказаннымъ способомъ, то прибѣгаютъ къ самымъ непозволительнымъ средствамъ. Туземцевъ заманиваютъ на бортъ подарками и приглашеніемъ заняться мѣновой торговлей и, заручившись мужчинами, высаживаютъ женщинъ и дѣтей въ челноки, а корабль пускается въ путь къ другому острову, гдѣ повторяется та же процедура, пока не наберется достаточное количество людей.

Если кто въ Австраліи хочетъ нанять себѣ въ работники островитянина тотъ долженъ заплатить отъ восьми до девяти фунтовъ стерлинговъ, что, по сдѣланному разсчету, почти равняется стоимости его проѣзда съ острова. Кромѣ того, хозяинъ обязанъ снабдить работника извѣстнымъ количествомъ одежды, въ сущности очень незначительнымъ, а также съѣстными запасами и платить ему еженедѣльно по два шиллинга втеченіи двухъ лѣтъ, послѣ чего онъ долженъ на свой счетъ отправить его обратно на родину. Само собою разумѣется, что крайне трудно собрать точныя свѣдѣнія о способѣ, какимъ добываютъ работниковъ съ острововъ, потому что тѣ, которые извлекаютъ выгоды изъ этой торговли, врядъ ли станутъ распространяться о ней. Тѣмъ не менѣе, въ колоніяхъ всѣмъ извѣстенъ фактъ, что торговцы употребляютъ всевозможныя средства, чтобы заманить островитянъ на свои корабли и удержать ихъ. Одни французы (которые всего человѣколюбивѣе относятся къ низшимъ расамъ) съ самаго начала запретили вывозъ туземцевъ съ острововъ, находящихся подъ ихъ покровительствомъ. Что же касается обращенія, которое ожидаетъ островитянина южнаго океана по его прибытіи на мѣсто назначенія, то, по свидѣтельству очевидца, оно болѣе или менѣе дурное едва ли не во всѣхъ колоніяхъ. Въ сущности, положеніе негра въ Америкѣ было во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ островитянина южнаго океана въ Австраліи. Негръ въ Америкѣ стоилъ гораздо дороже, и поэтому хозяинъ, ради собственной выгоды, порядочно обращался съ нимъ, потому что, благодаря этому, онъ имѣлъ больше шансовъ долѣе пользоваться его услугами и получать отъ него работу высшаго качества. Между тѣмъ, чернокожаго южнаго океана можно нанять только на два года, и поэтому, естественно, хозяинъ задается единственною цѣлью—выжать изъ него возможно большее количество работы въ этотъ промежутокъ времени. Въ случаѣ, если работникъ умретъ до окончанія положеннаго срока, то это будетъ только сбереженіемъ труда и денегъ, которые потребовались бы для отсылки его на родину. Вдобавокъ, заработокъ выплачивается только послѣ двухъ лѣтъ службы, и остается въ распоряженіи хозяина, въ случаѣ смерти работника (Ausland, 1870, S. 47—48).

Въ 1872 году австралійское правительство до извѣстной степени положило предѣлъ насильственному похищенію людей Kidnapping Act, въ формѣ контрактовъ между работниками и нанимателями.

Джонъ Моресби, капитанъ корабля „Basilisk“, близко познакомился съ этимъ дѣломъ во время своего крейсированія въ Тихомъ океанѣ и многократныхъ посѣщеній мѣстъ ловли жемчуга, и приводитъ множество примѣровъ самой возмутительной жестокости (въ его книгѣ: Discoveries and surveys in New Guinea and the d'Entrecasteaux islands). Такъ, напримѣръ, эти продавцы человѣческихъ душъ, совершивъ однажды походъ на острова Митчелль, уменьшили населеніе, состоящее изъ 450 туземцевъ, до 50—60 душъ дѣтей и стариковъ обоего пола. На другомъ островѣ не осталось ни одного жителя, и, повидимому, нерѣдко случалось, что европейцы убивали беззащитныхъ туземцевъ, чтобы подкупить вождей, богатство и могущество которыхъ измѣрялось количествомъ имѣющихся у нихъ череповъ; увеличивъ такимъ образомъ коллекціи, ихъ располагали къ торговлѣ сандальнымъ деревомъ и рабами. Моресби встрѣтилъ корабль „Пери“, на которомъ изъ восьмидесяти туземцевъ Соломоновыхъ острововъ, нанятыхъ по рабочимъ контрактамъ, только тридцать остались въ живыхъ. Они убили своихъ бѣлокожихъ похитителей, и затѣмъ, въ продолженіи пяти недѣль, блуждали по морю, наполненному коралловыми рифами, испытывая всѣ мученія голода. Не менѣе любопытенъ разсказъ Моресби о ловлѣ жемчуга въ Торресовомъ проливѣ. Большинство употребляемыхъ для этой цѣли водолазовъ было нанято на короткій срокъ и за хорошую плату; но это служило только прикрытіемъ для похищенія людей. Ихъ содержали какъ рабовъ; пища состояла изъ небольшихъ порцій риса или муки низшаго сорта, такъ что щепотка табаку составляла единственную усладу ихъ жизни. Къ счастью, этотъ способъ похищенія людей вышелъ изъ употребленія, и нынѣшняя система найма работниковъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ человѣколюбія и справедливости. Моресби встрѣчалъ на Гебридскихъ островахъ туземцевъ, которые уже нанимались въ работники въ Квинслендѣ и настолько остались довольны обращеніемъ съ ними, что намѣревались заключить новые контракты. Само собою разумѣется, что главная задача этихъ рабочихъ контрактовъ заключается въ томъ, чтобы условія были ясно формулированы и чтобы, съ одной стороны, туземцы сознательно относились къ нимъ, а съ другой, хозяева добросовѣстно исполняли ихъ.

Немногимъ извѣстенъ тотъ фактъ, что европейскіе матросы водворились на различныхъ островахъ Тихаго океана. Они большею частью живутъ у значительныхъ или мелкихъ вождей, подъ непосредственной защитой ихъ, и считаются какъ-бы принадлежащими къ племени. Если вожди взялись охранять европейцевъ, то они вообще исполняютъ съ

величайшею точностью принятое на себя обязательство. Если-же случается обратное, то можно смѣло предположить, что въ этомъ виноваты бѣлые; они или не умѣютъ обращаться съ туземцами, или не исполнили данныя ими обѣщанія. Большинство европейцевъ, разсѣянныхъ по островамъ, состоитъ изъ дезертировъ съ китоловныхъ судовъ, или матросовъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; между ними также не малое число сосланныхъ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ поселеній. Возмутившійся экипажъ корабля „Bounty“ высадился, въ 1790 г., на Питкаирнѣ, самомъ южномъ изъ островов Помоту, вмѣстѣ съ своими женами, съ островов Таити, и основалъ небольшую своеобразную колонію, существующую до настоящаго времени (См. Ausland, 1850, S. 32, и Chambers Journal, 1875, S. 730). 8 сентября 1878 года, эту колонію посѣтилъ англійскій адмиралъ Дегорсей на флагманскомъ суднѣ „Chah“. По его словамъ, теперешнее населеніе состоитъ изъ 16 мужчинъ, 19 женщинъ, 25 мальчиковъ и 30 дѣвушекъ, всего 90 душъ. Ежегодно 1-го января выбираютъ они главу колоніи; но при этомъ признаютъ верховное владычество англійской королевы. Всѣ они умѣютъ читать и писать, но говорятъ на одномъ англійскомъ языкѣ; деньги здѣсь вовсе не въ употребленіи (Allg. Zeit. vom 1 Januar, 1879). Замѣчательно, что и другіе матросы, разсѣянные по южному океану, считаютъ деньги совершенно лишними и даже отказываются отъ нихъ. Но, съ другой стороны, табакъ настолько распространился между туземцами, что вполнѣ замѣняетъ деньги (Ausland 1870, S. 641 до 642).

Почти во всей Океаніи, даже между меланезійцами, которые не разъ съѣдали миссіонеровъ, — бѣлые люди всегда могутъ разсчитывать на самый дружескій пріемъ со стороны туземцевъ, если сами серьезно пожелаютъ того и не сдѣлаютъ какихъ либо грубыхъ промаховъ. Моресби положительно утверждаетъ это. Онъ задаетъ себѣ вопросъ, почему онъ былъ такъ хорошо принятъ въ этой части свѣта, пользующейся такой дурной репутаціей, и даетъ такой отвѣтъ: „Подобный фактъ самъ по себѣ бросаетъ крайне неблагопріятный свѣтъ на обычное обращеніе бѣлыхъ людей съ туземцами. Одинъ изъ острововъ, насколько мнѣ извѣстно, никогда не былъ посѣщаемъ европейцами; поэтому у туземцевъ не было никакого предубѣжденія противъ бѣлыхъ; способъ, какимъ они приняли насъ, и ихъ поведеніе, вполнѣ соотвѣтствовали нашему собственному обращенію съ ними. Изъ этого можно вывести заключеніе, что убійство добродушнаго епископа на о. Нукупа было вызвано прежними злодѣяніями европейцевъ при вышеупомянутомъ похищеніи людей“. Затѣмъ Моресби даетъ совѣтъ,

какъ слѣдуетъ обращаться съ туземцами: „ихъ можно всегда подкупить ласковыми взглядами, спокойнымъ, довѣрчивымъ обращеніемъ, кроткимъ тономъ голоса, и привлечь ихъ вниманіе разумной выставкой вещей яркихъ цвѣтовъ. Необходимо также вооружиться терпѣніемъ и не выказывать ни поспѣшности, ни боязни. Вообще, островитяне южнаго океана настоящія дѣти, и съ ними нужно обращаться какъ съ дѣтьми". Но при этомъ—добавимъ мы,—не слѣдуетъ забывать, что иногда бываютъ очень злыя дѣти.

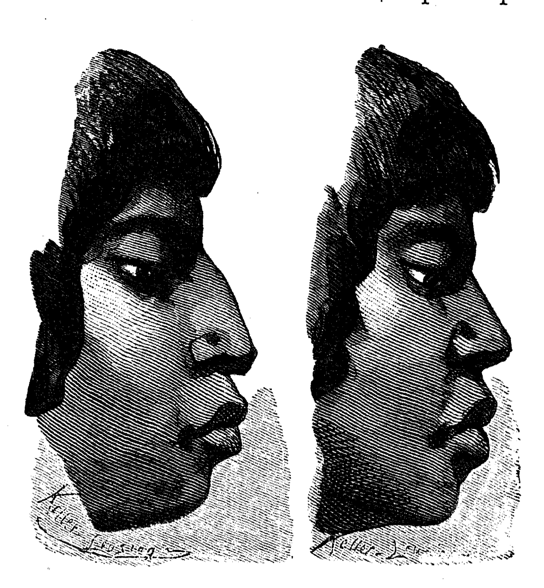
АМЕРИКАНСКІЕ НАРОДЫ.

Общій обзоръ.

Слѣдующіе выпуски нашей книги посвящены народамъ Америки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вступаемъ въ область этнологическихъ догадокъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ. Когда выяснилось, что Америка вовсе не часть восточной Азіи, какъ предполагали первые мореплаватели и завоеватели вновь открытыхъ земель, а составляетъ, сама по себѣ, отдѣльную часть свѣта и „Новый Свѣтъ“, въ полномъ значеніи этого слова,—тотчасъ-же былъ поднятъ вопросъ: какимъ образомъ населилась Америка, на которую нѣтъ ни малѣйшаго намека въ европейскомъ Священномъ Писаніи? Благочестивые люди тогдашней вѣрующей эпохи искали происхожденіе человѣческаго рода въ раю и по близости библейскаго востока. Съ подобнымъ воззрѣніемъ трудно было совмѣстить присутствіе людей на почвѣ Новаго Свѣта, такъ неожиданно возникшаго изъ волнъ океана. Въ тѣ времена еще не было извѣ-

стно, что норманны пятью столѣтіями ранѣе фактически открыли Новый Свѣтъ и, вступивъ на его почву, поселились здѣсь на незначительномъ пространствѣ, гдѣ исчезли безслѣдно. Благодаря этому, честь заселенія Америки приписывали различнымъ народамъ нашего полушарія: скиѳамъ, финикіянамъ, карѳагенянамъ, евреямъ, монголамъ, индусамъ и малайцамъ. Чтобы найдти точку опоры для этого взгляда, тщательно старались уловить малѣйшее сходство въ нравахъ, обычаяхъ, культурѣ, языкѣ и тѣлосложеніи между американскими и неамериканскими народами. Согласно духу времени, всего охотнѣе приводили сравненія изъ религіознаго міра. Найдены были общія черты между мексиканскимъ и египетскимъ культами, преимущественно въ фигурахъ божества, затѣмъ между буддизмомъ и религіей американскихъ культурныхъ государствъ, а также между христіанствомъ и прежнимъ культомъ Мексики или Перу. Но всего чаще и съ особеннымъ стараніемъ отыскивали аналогію между іудействомъ и индѣйскими религіями, въ подтвержденіе того взгляда, что американскій материкъ былъ заселенъ десятью плѣнными колѣнами Израиля, уведенными въ Самарію. Въ семнадцатомъ столѣтіи, Монтезини, вернувшись изъ своего путешествія въ Южную Америку, сообщилъ знаменитому раввину Манассію Бенъ Израилю, будто-бы въ провинціи Квифъ онъ встрѣтилъ одного проводника индѣйца и узналъ отъ него, что онъ еврей и что въ Кордильерахъ живетъ множество такихъ индѣйскихъ евреевъ, которые происходятъ отъ племени Рувима, признаютъ Авраама, Исаака и Іакова и поклоняются богу „Adonai" (J. J. von Tschudi, Die Kechua-Sprache. Wien. 1853 Bd. I, S. 3—4). Но само собою разумѣется, что всѣ старанія отыскать этихъ индѣйскихъ евреевъ оказались напрасными. Равнымъ образомъ, въ Юкатанѣ и Мексикѣ испанцы вообразили, что имѣютъ дѣло съ затерянными колѣнами Израиля. Дѣйствительно, носъ мексиканскихъ индѣйцевъ очень часто носитъ отпечатокъ еврейскаго типа, а при тогдашнемъ незнаніи этнологіи, наружность этихъ серьезныхъ, молчаливыхъ людей, съ коричневымъ цвѣтомъ лица, блестящими глазами и орлинымъ носомъ, могла естественно навести на такого рода предположеніе. Другіе изслѣдователи, а именно англійскіе, думали найдти потомковъ десяти колѣнъ Израилевыхъ въ краснокожихъ Сѣверной Америки. Хотя перечисленныя нами теоріи были всѣми признаны при ихъ возникновеніи, и въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія за нихъ ухватились съ новымъ рвеніемъ, причемъ въ защиту ихъ приводили многочисленныя аналогіи, тѣмъ не менѣе, изслѣдованія въ этомъ направленіи не дали никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, загадка, которую представляетъ собой населеніе Америки, нисколько не подвинулась къ разрѣшенію, и даже поднятъ былъ вопросъ, не допустить ли возможности существованія библейскаго рая въ Америкѣ.

Новѣйшей этнологіи, построенной на строгомъ естественно-научномъ основаніи, предстоятъ тѣ-же задачи. Она точно также твердо придерживается теоріи единичнаго центра творчества человѣческаго рода и должна взвѣсить всѣ шансы, чтобы рѣшить вопросъ, не слѣдуетъ ли дѣйствительно перенести его въ Америку. Нашлось не мало ученыхъ, которые старались защитить этотъ взглядъ съ помощью научныхъ данныхъ. Но теперь едва ли найдется хоть одинъ естествоиспытатель, который сталъ бы отстаивать его. Пешель въ свое время посвятилъ подробное изслѣдованіе „мѣсту нахожденія рая" (Lage des Paradieses), какъ онъ назвалъ неизвѣстный центръ творчества, изъ уваженія къ нашимъ первымъ, юношескимъ убѣжденіямъ, навѣяннымъ христіанскимъ воспитаніемъ (Ausland, 1867, S. 1105—1113). Окончательные выводы Пешеля, вошедшіе въ новѣйшее изданіе его „Этнологіи", убѣждаютъ насъ, что „Австралія, Южная и даже Сѣверная Америка не были подходящимъ мѣстомъ для колыбели человѣческаго рода и что мы должны искать ее въ Старомъ Свѣтѣ" (Völkerkunde. 5 Aufl. *) S. 40). Такимъ образомъ, Новый Свѣтъ долженъ былъ получить своихъ обитателей изъ Стараго. Разумѣется, Пешель не считаетъ этихъ переселенцевъ способными совершать большія морскія путешествія и предполагаетъ, что самое большее, если они переѣзжали Берингово море, потому что въ сѣверныхъ частяхъ Великаго океана Азія и Америка такъ соприкасаются другъ съ другомъ, что въ Беринговомъ проливѣ, съ азіатской стороны, можно разглядѣть американскій берегъ. Въ виду этого, дикія азіатскія орды,



Южно-американскіе индѣйцы.

Типъ съ большимъ носомъ. Типъ съ тупымъ носомъ.

*) При дальнѣйшемъ изложеніи, мы будемъ пользоваться этимъ изданіемъ „Völkerkunde" Пешеля, исправленнымъ проф. Кирхгофомъ. Всѣ слѣдующія ссылки на это сочиненіе, если не приведены особыя указанія, будутъ постоянно относиться къ пятому изданію.

дойдя до Берингова пролива, могли перебраться на противоположный материкъ, не задаваясь мыслью о смѣломъ путешествіи съ цѣлью открытій. Переходъ этотъ изъ Азіи въ Америку кажется Пешелю тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что здѣсь американскій берегъ, сравнительно съ азіатскимъ, обладаетъ болѣе заманчивымъ мягкимъ климатомъ и, соотвѣтственно съ этимъ, отличается бо̀льшимъ богатствомъ растительности. Наконецъ, можно смѣло утверждать, что, если американскій туземецъ представляетъ сходство съ какой либо человѣческой расой, то онъ ближе подходитъ къ азіатскимъ монголамъ, нежели ко всякому другому народу. Вирховъ не раздѣляетъ этого взгляда, хотя и онъ считаетъ вѣроятнымъ, что Америка населилась извнѣ. „Если бы— замѣчаетъ онъ,—мнѣ пришлось отвѣчать на вопросъ, откуда заселилась эта часть свѣта, то я, конечно, могу высказать извѣстныя догадки, но, въ виду указаннаго мною разнообразія формъ, я пока не считаю себя въ правѣ сказать опредѣленно, гдѣ находятся эти точки соприкосновенія“.

Едва ли стоитъ упоминать, что эпоха перваго переселенія ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ историческому времени и что она гораздо древнѣе его, тѣмъ болѣ, что въ Америкѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, находятъ слѣды доисторическаго человѣка. Въ новѣйшихъ золотоносныхъ пластахъ Калифорніи очень часто находили домашнюю утварь, совмѣстно съ костями мостодонтовъ, слоновъ, тапировъ, бизоновъ и лошадей. Джеффри Виманъ, самый осторожный и добросовѣстный изъ всѣхъ американскихъ археологовъ, и проф. Маршъ, извѣстнѣйшій геологъ, или собственно палеонтологъ нынѣшняго времени, находятъ весьма вѣроятнымъ, что появленіе человѣка въ Сѣверной Америкѣ, какъ доказываютъ калифорнскія находки, относится къ пліоцену, и слѣдовательно, къ третичному періоду (American Naturalist, 1877, S. 689). Хотя Вирховъ и выразилъ мнѣніе, что „до сихъ поръ мы не имѣемъ никакого повода предполагать существованіе третичнаго человѣка въ Америкѣ“ (Verhdl. der Berl. Ges. f. Antrop., 1877, S. 154), но эти слова доказываютъ только недостаточность его свѣдѣній относительно этого вопроса. Извѣстный путешественникъ и ботаникъ, Отто Кунце, на основаніи географическаго распредѣленія растеній, приходитъ къ выводу, что Новый Свѣтъ уже былъ заселенъ изъ Азіи въ до-ледниковую эпоху. Хотя Америкѣ собственно не свойственъ ни одинъ изъ видовъ семейства музовыхъ (scitamineae), но, тѣмъ не менѣе, уже въ 1492 году по Р. X. здѣсь повсемѣстно разводился бананъ (Musa paradisiaca). Это растеніе, при культурѣ, постоянно приноситъ безсѣмянные плоды и размножается побѣгами, и мы видимъ, что американскій бананъ издавна былъ безсѣмяннымъ растеніемъ, что само по себѣ обусловливается долговременной культурой. Но, такъ какъ это безсѣмянное растеніе не можетъ быть переносимо черезъ болѣе умѣренные пояса, то можно

сдѣлать только одинъ выводъ, что это произошло въ такое время, когда въ полярныхъ странахъ былъ тропическій жаръ, и что бананы были перенесены странствующими азіатскими народами черезъ тогдашнія тропическія Сѣверную Азію и Америку (Ausland, 1878, S. 197—198). Само собою разумѣется, что эта остроумная комбинація еще не можетъ служить прямымъ доказательствомъ существованія до-ледниковаго человѣка. Но фактъ доказывается, самымъ несомнѣннымъ образомъ, находками каменныхъ орудій, которыя были сдѣланы д-ромъ Чарльсомъ Е. Абботтомъ въ ледниковыхъ отложеніяхъ Делаварской долины, близь Трентона въ Нью Джерсеѣ. По свидѣтельству покойнаго англійскаго естествоиспытателя, д-ра Томаса Бельта, тщательно изучившаго обширное распространеніе ледниковъ въ Сѣрерной Америкѣ, различныя находки Абботта были прямо добыты имъ изъ песчанаго пласта подъ ледниковымъ валуномъ. При тѣхъ-же самыхъ условіяхъ были найдены каменныя орудія, на которыя случайно напалъ Уоллэсъ въ песчаныхъ пластахъ близь Ричмонда. Со времени образованія этихъ пластовъ, на почвѣ Новаго Свѣта уже не видѣли больше мамонта, гигантскихъ тихоходовъ, какъ, напр., мегалоникса, мегатеріума и милодона, а равно и лошади (пока она опять не была введена въ новѣйшее время), исполинскаго бобра и льва, такъ какъ ихъ остатки не встрѣчаются въ позднѣйшихъ отложеніяхъ. Такимъ образомъ, появленіе человѣка въ Америкѣ слѣдуетъ отнести къ до-ледниковой эпохѣ, и почти навѣрно можно сказать, что къ этому же времени принадлежатъ находки гг. Абботта и Уоллэса на восточномъ берегу Соединенныхъ Штатовъ (Quarterly Journal of Science, 1878, S. 58—74), а равно и наконечники стрѣлъ и копій изъ Орегона, изслѣдованные профессоромъ Копе (American Naturalist, 1878, S. 125).

Почти къ тѣмъ-же выводамъ пришелъ и Авг. Р. Гроте. Если сопоставить его гипотезы относительно способа, какимъ могло произойдти первоначальное заселеніе Америки, то получатся слѣдующія положенія, которыя мы изложимъ по пунктамъ:

1) Что въ третичную эпоху люди распространились изъ экваторіальныхъ странъ на восточное полушаріе, а именно въ Сѣверную Азію, и затѣмъ съ сѣвера перешли въ Америку.

2) Что, если не ранѣе, то во всякомъ случаѣ въ пліоценовомъ періодѣ люди разселились вдоль горныхъ странъ, по западной сторонѣ Сѣверной и Южной Америки.

3) Что ледниковая эпоха произвела физическую перемѣну въ людяхъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ; тогда какъ, съ другой стороны, надвиганіе льда прервало всякую дальнѣйшую связь между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, пока она опять не возобновилась въ сравнительно недавнее время.

4) Что, наконецъ, отрѣзанное такимъ образомъ отъ всякихъ сно-

шеній, населеніе Новаго Свѣта неизмѣнно слѣдовало за колоссальными ледниками ледниковой эпохи, какъ при ихъ опусканіи, такъ и при ихъ отступаніи на почвѣ сѣверо-американскаго материка, и что эскимосы—послѣдніе уцѣлѣвшіе представители этой расы.

Еще въ 1875 году, Гроте въ докладѣ, читанномъ имъ въ обществѣ „American Association, выразилъ мнѣніе, что на горныхъ возвышенностяхъ умѣренныхъ поясовъ Сѣверной Америки, несомнѣнно, до сихъ поръ встрѣчались бы населенія арктическихъ людей, если бы эти высоты представляли вполнѣ подходящія условія для ихъ существованія, какъ это было относительно извѣстныхъ видовъ растеній и животныхъ. Въ заключеніе, упомянутый ученый замѣтилъ, что „на эскимосовъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на уцѣлѣвшихъ представителей расы американскаго ледниковаго періода“. Вскорѣ послѣ того, совершенно независимо отъ Гроте, I. Абботтъ, на основаніи палеоисторическихъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ Нью-Джерсеѣ, пришелъ къ заключенію, что первыя человѣческія существа, жившія вдоль берега Делавара, могли принадлежать къ тому-же народу, остатки котораго мы видимъ въ нынѣшнихъ жителяхъ арктической Америки (American Naturalist, 1877, S. 221—226).

Приведенные здѣсь взгляды въ большей или меньшей степени имѣютъ характеръ гипотезъ, и я упомянулъ о нихъ только потому, что они не лишены научнаго основанія и знакомятъ насъ съ новѣйшими воззрѣніями на старый спорный вопросъ. Но эти воззрѣнія далеко не раздѣляются всѣми этнологами. Пешель признаетъ возможнымъ, что первыя переселенія произошли въ такое время, когда, вмѣсто Берингова пролива, былъ еще перешеекъ, что, равнымъ образомъ, переноситъ насъ въ третичную эпоху. Но онъ еще охотнѣе склоняется къ предположенію, что, во времена перехода азіатскихъ ордъ въ Америку, Беринговъ проливъ имѣлъ уже свой теперешній видъ (Völkerkunde, S. 403) и старается доказать, что нагіе первобытные народы могли освоиться съ тогдашней суровой природой. Въ сущности, мы не имѣемъ никакой необходимости въ объясненіи Гроте, что ледниковый періодъ произвелъ перемѣну въ физической природѣ человѣка и что это сдѣлало его способнымъ выносить холодъ, такъ какъ китайцы и тюркскія племена представляютъ собой примѣръ, что одна и та же раса можетъ приспособиться къ самымъ противоположнымъ климатамъ. Что же касается того, имѣютъ ли разнообразные слѣды ископаемыхъ людей въ Америкѣ какое-либо соотношеніе съ эскимосами, какъ предполагаютъ Гроте и Абботтъ, или съ какими-либо иными изъ нынѣшнихъ жителей этой части свѣта, то на это опредѣленно нельзя дать ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Пешель, на основаніи лингвистическихъ данныхъ, допускаетъ подобную связь относительно эскимосовъ въ самомъ крайнемъ случаѣ, и даже считаетъ весьма вѣроятнымъ, что они позднѣе переселились въ Новый Свѣтъ, точно

такъ же, какъ чукчи, живущіе по обѣимъ берегамъ Берингова пролива, которые послѣдовали за ними еще въ болѣе позднее время (Ausland, 1867, S. 1112).

Предположеніе американскихъ археологовъ, что человѣкъ еще въ до-ледниковую эпоху не могъ выносить теплаго сѣвернаго климата и завладѣлъ западнымъ полушаріемъ, заставляетъ насъ признать существованіе туземныхъ американскихъ культуръ. Отто Кунце, въ подтвержденіе этого взгляда, дѣлаетъ замѣчаніе, что, въ противномъ случаѣ, индѣйцы не ходили бы нагіе, потому что народъ, который привыкъ къ одеждѣ, больше не отвыкаетъ отъ нея. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны предположить, что первыя кочевыя орды переселенцевъ находились въ крайне дикомъ состояніи. Помимо грубыхъ зачатковъ языка,—единственное изобрѣтеніе, которое они принесли съ собой, могло быть искусство въ стрѣльбѣ изъ лука, потому что имъ было необходимо имѣть какое нибудь оружіе для охоты; иначе они врядъ ли были бы въ состояніи прокормить себя, проходя такія огромныя пространства. Позднѣе, во времена завоеваній и даже въ настоящее время, мы встрѣчаемъ въ различныхъ частяхъ Америки высшую степень образованности и формы общежитія, которыя выработались здѣсь совершенно самостоятельно, что признаетъ большинство этнографовъ и прежде всего Пешель. Многіе ученые, не признавая способностей такъ называемыхъ краснокожихъ людей, были глубоко поражены высокимъ развитіемъ культуры, особенно въ древней Мексикѣ и въ государствѣ перуанскихъ инковъ, и придумали такое объясненіе, что „лучшіе зачатки нравственности были перенесены изъ Стараго Свѣта въ Новый на крыльяхъ случая. „Такимъ образомъ, роль просвѣтителей приписывали египтянамъ изъ платоновской Атлантиды или тѣмъ, которые совершили морское путешествіе вокругъ Африки при фараонѣ Нехао, а также карфагенянамъ, прибывшимъ въ Бразилію изъ своей колоніи на берегу нынѣшняго Марокко. Другіе предполагали, что норманны проникли въ центральную Америку во время своихъ путешествій для открытія „страны вина“ (Виргиніи) и даже находили тождество между „Votan'омъ“, сказочнымъ героемъ и идоломъ кіапанековъ, и древнимъ сѣвернымъ Воданомъ (Одиномъ). Наконецъ, одни утверждали, будто малайскіе полинезійцы были занесены волнами черезъ Южный океанъ и высадились на западномъ берегу Америка, между тѣмъ какъ другіе льстили себя надеждой, будто бы имъ удалось открыть въ китайскихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ упоминается о западной странѣ, по имени Фузангъ, описаніе различныхъ частей Америки.

Всѣ эти случайныя предположенія были настолько шатки, что имъ никто не придавалъ серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отрицать возможности того факта, что мореплаватели Стараго Свѣта были выброшены бурей на американскій берегъ, по-

тому что намъ извѣстны подобные примѣры. Но, съ другой стороны, было бы безуміемъ предполагать, что одно или нѣсколько лицъ могли занести культуру своего отечества въ дальнія части свѣта. Сравнивая европейцевъ съ австралійцами, мы считаемъ себя полубогами передъ полуживотными. Каждый изъ насъ воображаетъ, что, если бы онъ былъ заброшенъ въ среду подобныхъ дикарей, то сдѣлалъ бы ихъ соучастниками нашей благословенной цивилизаціи, и что осчастливленные имъ люди стали бы со временемъ почитать его, какъ своего благодѣтеля и избавителя. Отсюда легко прійдти къ убѣжденію, что разсказъ о „бородатомъ человѣкѣ“ сохранится между ними, какъ религіозное преданіе, и они будутъ ожидать, что съ его возвращеніемъ для нихъ наступитъ новый, счастливый вѣкъ. Подобно этому, ацтеки ждутъ обновленія и улучшенія своего положенія отъ второго пришествія Quetzalcoatls'а. Между тѣмъ, мы можемъ составить себѣ самое точное понятіе о томъ, что дѣйствительно происходитъ въ подобномъ случаѣ, изъ примѣра Джемса Морилля, матроса, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, который прожилъ семнадцать лѣтъ между астралійскими племенами. По прошествіи этихъ семнадцати лѣтъ, въ жизни туземцевъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія, тогда какъ Морилль, подобно имъ, питался ракообразными животными, спалъ, какъ они, въ жалкой хижинѣ изъ древесныхъ вѣтвей, перессталъ носить платье, почти забылъ свой родной языкъ и превратился изъ полубога въ дикаго австралійца (Peschel, Völkerkunde, S. 440—441). Такимъ образомъ, если мы не можемъ доказать существованія продолжительныхъ сношеній съ культурными народами и переселенія людей большими массами, то напрасно будемъ изощрять наши мыслительныя способности, отыскивая творцовъ и сподвижниковъ американской цивилизаціи. Скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Александра Гумбольдта, что американцы представляютъ собою потомковъ расы, которая съ давнихъ поръ была отдѣлена отъ остального человѣческаго рода, и въ теченіи столѣтій избрала себѣ своеобразный путь въ развитіи духовныхъ силъ, а равно и въ своемъ стремленіи къ цивилизаціи (Vues des Cordillères et monumens des peuples indigènes de l'Amérique. Paris, 1816. Vol. I, p. 240).

Такимъ образомъ, американская культура образовалась совершенно самостоятельно и благодаря только собственнымъ силамъ; но, что еще важнѣе, цивилизація сѣвернаго и южнаго материка развилась внѣ всякаго взаимодѣйствія и соприкосновенія съ другими народами, потому что мексиканцы точно такъ же не имѣли никакого понятія о государствѣ инковъ, какъ и перуанцы о великолѣпіи страны теноктитовъ или паленквесовъ. Такъ какъ наша книга преимущественно посвящена изученію человѣка настоящаго времени, то мы не считаемъ нужнымъ вносить въ нее описаніе древнихъ или совершенно исчезнувшихъ народовъ, и будемъ упоминать о нихъ только въ той

мѣрѣ, насколько это будетъ необходимо для общаго пониманія. Направляясь отъ сѣвера къ югу, мы встрѣчаемъ первые слѣды жизни первобытныхъ американскихъ народовъ въ бассейнѣ Мисиссипи и его могущественныхъ притоковъ, гдѣ въ загадочныхъ земляныхъ укрѣпленіяхъ, такъ наз. „Mounds“ (валы), было найдено множество остатковъ, свидѣтельствующихъ о довольно значительномъ матеріальномъ благосостояніи. До сихъ поръ неизвѣстно, кто были эти „moundbuilders“, какъ ихъ называютъ ученые, или строители вышеупомянутыхъ укрѣпленій. Въ настоящее время въ Америкѣ утвердилось мнѣніе, что „moundbuilders“ непосредственные прародители нынѣшнихъ индѣйскихъ племенъ, и мы считаемъ подобное предположеніе весьма вѣроятнымъ, хотя это не подтверждается никакими прямыми доказательствами (См. общій обзоръ у John D. Baldwin, Ancient America, or notes on american orchaeology. Newyork, 1872, p. 13—75; срав. также Bär u Hellwald, der vorgeschichtliche Mensch. Leipzig, 1874, S. 459—471; затѣмъ Hubert Howe Bancroft, The native races of the pacific states of North America. Leipzig, 1875. Vol. IV p. 744—790). Достойно замѣчанія, что черепа эскимоса и „moundbilder'a“ представляютъ общія характерныя черты, что, по мнѣнію д-ра Бессельса, дѣлавшаго наблюденія надъ весьма богатымъ матеріаломъ, во многихъ случаяхъ оказывается неоспоримымъ (Archiv für Anthrop., Bd. VIII, S. 121).

„Между первобытными сѣверными народами,—говоритъ Пешель, слова котораго я привожу буквально,—болѣе всѣхъ выдаются толтеки. Ихъ языкъ „nahuatl“ былъ тотъ же самый, которымъ говорили ацтеки при дворѣ императора Монтезумы II. Чистый діалектъ „nahualt“ господствовалъ только въ озерной области гористой части Мексики. Но, какъ показываютъ названія ацтекскихъ мѣстностей, этотъ языкъ былъ чрезвычайно далеко распространенъ, въ видѣ отдѣльныхъ оазисовъ. Они простираются по близости Южнаго океана, черезъ Гватемалу; слѣды ихъ видны въ старыхъ развалинахъ храмовъ мексиканскаго стиля, въ Гондурасѣ, и доходятъ къ югу до озера Никарагуа. Но они совершенно прекращаются въ Костарикѣ. На сѣверѣ языкъ „nahuatl“ распространенъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нынѣшней Мексиканской республики, за исключеніемъ, впрочемъ, Коахвилы. Затѣмъ онъ снова встрѣчается въ Техасѣ и исчезаетъ окончательно подъ 37° с. ш., хотя, несмотря на это, отдѣльныя названія попадаются еще подъ 50 параллелью. Замѣтимъ кстати, что далеко вглубь страны, подъ 35° с. ш., близь нынѣшняго Цуни, въ Новой Мексикѣ, Чибола и ближе къ сѣверу, слѣдуетъ искать Тукаіянъ, или „страну семи общинъ“, открытую монахомъ Фра-Марко изъ Ниццы и которую вскорѣ послѣ того, а именно въ 1540 году, посѣтилъ и описалъ испанецъ Франчиско Васкуэцъ де-Коронадо. Онъ видѣлъ тамъ небольшія мѣстечки съ каменными двухъ и трехъэтажными домами, построенными

на подобіе крѣпостей, безъ входа, на вышки которыхъ нужно было взбираться по деревяннымъ приставнымъ лѣстницамъ съ перекладинами. Жители воздѣлывали маисъ и бобы, разводили индѣйскихъ пѣтуховъ, одѣвались въ ткань, сдѣланную изъ волоконъ иного растенія, нежели хлопчатникъ, и носили совершенно такой-же головной уборъ, какъ ацтеки въ Мексикѣ (см. Colorados Bericht, bei Romusio III, S. 302). Тотъ же способъ постройки сохранился до настоящаго времени у такъ называемыхъ индѣйцевъ пуэбло и былъ описанъ Мёлгаузеномъ, который снялъ съ него рисунки (Reise nach der Sudsee, S. 215 ff.). Языкъ индѣйцевъ пуэбло не имѣетъ ни близкой, ни отдаленной связи съ языкомъ „nahuatl“. Южнѣе встрѣчаются такія-же постройки, а именно такъ называемыя „casas grandes“, по близости Гилы и Чигуагуа, о жителяхъ которыхъ было такъ много писано, хотя мы не имѣемъ о нихъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ, мы видимъ, что культурные народы жили на сѣверѣ нынѣшней Мексики, до 35 параллели“.

„Помимо этого, сравненіе языковъ привело такого знатока, какъ Бушманъ, къ открытію сродства „nahuatl'я“ съ такъ называемой сонорійской группой языковъ, а равно и къ тому, что ацтекскія слова, хотя и не такъ часто, какъ въ Сонорѣ, но встрѣчаются въ языкѣ команчей и шошоновъ, или змѣиныхъ индѣйцевъ. Изъ нихъ послѣдніе нѣкогда жили у Бизоновой рѣки, на востокъ отъ Скалистыхъ горъ, но въ новѣйшее время были загнаны въ Скалистыя горы и за предѣлы ихъ своими врагами, индѣйцами, которые извѣстны подъ прозвищемъ „черные ноги“. Если общность или сродство языковъ собственно еще не даетъ намъ права выводить заключеніе о кровной близости народовъ, потому что тогда пришлось бы признать прежнихъ рабовъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ за потомковъ англо-саксовъ, то, тѣмъ не менѣе, можно считать несомнѣннымъ, что два народа, сродные по языку, должны были жить нѣкоторое время въ одной и той-же мѣстности или по сосѣдству другъ съ другомъ. Эта общность языковъ допускаетъ предположеніе, что нагуатлаки нѣкогда могли походить на „краснокожихъ охотниковъ“, сродныхъ по языку съ шошонами, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, шошоны, прійдя въ соприкосновеніе съ нагуатлаками на югѣ, двинулись на сѣверъ; или-же нагуатлаки, до своего переселенія въ Мексику, жили первоначально на сѣверѣ, по сосѣдству съ шошонами. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ и то обстоятельство, что мы достовѣрно знаемъ о нѣкоторыхъ нагуатлакскихъ племенахъ, что они переселились съ сѣвера. Когда пало могущество прежняго государства толтековъ, въ Мексику постоянно врывались орды варваровъ, начиная съ XI до XIV вѣка, по христіанскому лѣтосчисленію. Въ числѣ ихъ были нагуатлакскіе тласкалтеки и нагуатлакскіе ацтеки. Тѣ и другіе приходили съ сѣвера (т. е. не съ сѣвера американскаго материка, но изъ бли-

жайшаго сосѣдства), а именно изъ сѣверной части нынѣшней Мексики, что само по себѣ служитъ доказательствомъ, что ихъ переселеніе совершилось съ сѣвера на югъ. При своемъ первомъ вступленіи въ Мексику, они были, повидимому, совершенно дикимъ народомъ, сравнительно съ образованными ацтеками. Изъ этого мы вправѣ вывести заключеніе, что эти нагуатлаки не принесли съ собой высшей цивилизаціи изъ своего сѣвернаго отечества и что она достигла у нихъ окончательнаго развитія на югѣ, хотя въ эпоху вторженія они могли находиться на той-же степени культуры, какъ жители casas grandes у Гилы или живущіе въ городахъ индѣйцы изъ Чибола, въ въ 1540 году.

„Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ опредѣлить въ точности, гдѣ первоначально поселились толтеки: въ нынѣшней ли Мексикѣ, Гватемалѣ, Гондурасѣ, или въ Никарагуа. Впрочемъ, до сихъ поръ никто изъ ученыхъ серьезно не считалъ Никарагуа мѣстомъ первоначальнаго поселенія, такъ какъ тамошнія названія ацтекскихъ мѣстностей, вѣроятно, принадлежатъ къ позднѣйшей колонизаціи, что можетъ быть также отнесено и къ Гондурасу. Въ Гватемалѣ, гдѣ, повидимому, находился одинъ изъ древнѣйшихъ центровъ первоначальнаго населенія, мы находимъ, рядомъ съ ацтекскими названіями мѣстностей и отдѣльныхъ пунктовъ господства ацтекскаго языка, другой культурный народъ, квиче, который, въ свою очередь, сроденъ по языку съ своими сосѣдями, майя, живущими на полуостровѣ Юкатанѣ. Въ смыслѣ развитія общежитія, юкатаки и квичé, во времена открытія Америки, стояли почти на той же высотѣ, какъ и мексиканцы. Квичé и майя могли самостоятельно достигнуть болѣе высокой степени культуры, когда вошли въ соприкосновеніе съ культурой толтековъ, хотя та блистательная культура, которая приписывается имъ, отчасти рефлективная и выработана толтеками. Это подтверждается не только ходячими преданіями, которые заимствованы ими отъ мексиканцевъ, но и введеніемъ ацтекскаго календаря. Тѣмъ не менѣе, соприкосновеніе съ такими образованными народами, какъ квичé и майя, должно было, во всякомъ случаѣ, оказать благотворное дѣйствіе на нагуатлаковъ, пришедшихъ съ сѣвера. Но если при этомъ мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что ацтекскія названія совершенно отсутствуютъ на Юкатанѣ, то можемъ съ извѣстною увѣренностью вывести изъ этого заключеніе, что народы майя, въ культурномъ развитіи, были почти тождественны съ нагуатлаками, потому что поселенія преимущественно учреждаются между народами, стоящими на низшей степени цивилизаціи.

Въ Южной Америкѣ всѣ культурные народы живутъ или на плоскихъ возвышенностяхъ Кордильерской цѣпи, или на побережьи Тихаго океана. Такимъ образомъ, въ горной странѣ Богота, на правомъ берегу Магдалиновой рѣки, образовалось государство Муска, или, вѣрнѣе,

Чибча. Далѣе къ югу, по хребту плоской возвышенности, жили народы, говорившіе на сродныхъ языкахъ, а именно такъ называемыя племена кетчуа (Quichua) въ Квито и Перу, а также колла, вокругъ озера Титикака, которые въ настоящее время болѣе извѣстны подъ именемъ аймаровъ, хотя это названіе приписываютъ имъ ошибочно. Въ былыя времена аймаровъ считали самымъ древнимъ культурнымъ народомъ и думали, что ихъ языкъ былъ такъ называемымъ придворнымъ языкомъ императоровъ въ Перу; а храмъ солнца у озера Титикака признавался за одно изъ самыхъ первыхъ сооруженій культурныхъ племенъ Южной Америки. Но теперь мы должны отыскивать центръ первоначальнаго поселенія въ Куцко. Жители Квито, или такъ называемые каро, говорившіе, точно также, на діалектѣ кетчуа, вѣроятно, поднялись вверхъ по рѣкѣ Эсмеральдѣ и овладѣли плоской возвышенностью. Они изготовляли художественныя издѣлія изъ литого золота, а также бронзовыя орудія, и подобно перувіанцамъ наблюдали повороты солнца съ высокихъ столбовъ, видимыхъ издалека. Совершенно отличными отъ народовъ кетчуа являются племена юнка, обитавшія по берегамъ рѣкъ, на склонѣ Андъ, которые, сообразно условіямъ мѣстности, раздѣлились на отдѣльныя государства. Они оставили послѣ себя безчисленные остатки зодчества обширныхъ размѣровъ и сравнительно высокаго художественнаго достоинства; при этомъ они довели до значительнаго совершенства орошеніе страны. Не подлежитъ сомнѣнію, что инкаперуанцы многому научились отъ нихъ и, въ свою очередь, многое передали имъ“ (Peschel, Völkerkunde, S. 437—439). Равнымъ образомъ, область лучшихъ условій жизни не кончилась у Ріо Мауле въ Чили, бывшей пограничной рѣкой господства инковъ. Кетчуанскія названія высшихъ числительныхъ именъ распространились даже до южныхъ патагонцевъ (D'Orbigny, l'Homme americ., p. 218). Арауканцы, которые никогда не были покорены ни инками, ни европейцами, и сродные съ ними патагонцы далеко превосходятъ въ нравахъ и обычаяхъ охотничьи племена бразильскихъ лѣсовъ.

Извѣстно, что время доисторическаго существованія человѣка раздѣлено на періоды и что, сообразно съ этимъ, составилось мнѣніе, по которому всѣ самобытные народы въ своемъ послѣдовательномъ развитіи перешли отъ первобытнаго каменнаго вѣка въ металлическій, затѣмъ въ бронзовый, и даже, быть можетъ, пройдя мѣдный вѣкъ, достигли желѣзнаго. Но въ послѣдніе годы, въ Германіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо стали оспаривать это дѣленіе; выдающіеся изслѣдователи особенно считаютъ сомнительнымъ существованіе бронзоваго вѣка, предшествовавшаго желѣзному. При этомъ, мы видимъ въ Америкѣ весьма странное явленіе. При открытіи этой части свѣта, насколько намъ извѣстно, желѣзо нигдѣ не употреблялось туземцами, и до сихъ поръ не найдено слѣда обработки желѣза, ни одного же-

лѣзнаго инструмента, или народа, который до прибытія европейцевъ пользовался бы желѣзомъ, и пока мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, что какой-либо изъ многочисленныхъ американскихъ народовъ самопроизвольно вступилъ въ желѣзный вѣкъ. Во времена завоеваній, американская культура, помимо золота и серебра, представила только бронзу, найденную въ Перу и Мексикѣ, которая, по странному совпаденію, отчасти весьма похожа составомъ на европейскую античную бронзу. Рядомъ съ этимъ, встрѣчаются большія выработки мѣди въ такихъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки, гдѣ психологическое развитіе туземныхъ народовъ находится на крайне низкой степени, и, наконецъ, въ многочисленныхъ областяхъ Америки мы видимъ людей каменнаго вѣка, которые даже не пользуются мѣдью. Послѣдніе до сихъ поръ существуютъ въ Южной Америкѣ, и не только въ обширныхъ пространствахъ Бразиліи, но въ Чили и Патагоніи. При этомъ не нужно упускать изъ вида, что въ одно и то же время въ извѣстной части великаго материка существовали народы каменнаго вѣка, въ другой части—такіе, которые обрабатывали мѣдь, хотя только съ помощью молотка, тогда какъ другіе лили мѣдь; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчались даже народы, употреблявшіе бронзу. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не было исключительно ни каменнаго, ни бронзоваго вѣка, но что оба эти періода существовали одновременно, какъ это было и въ Старомъ Свѣтѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ археологіи почти нѣтъ никакихъ точекъ опоры для американской доисторической хронологіи. Если во время открытія Америки камень, мѣдь и бронза существовали другъ около друга, то результаты раскопокъ не даютъ намъ права считать болѣе древнимъ черепъ, найденный около каменныхъ орудій, нежели тотъ, который встрѣчается совмѣстно съ бронзовыми произведеніями искусства, такъ какъ въ дѣйствительности можетъ быть совершенно наоборотъ.

Отсюда мы перейдемъ въ область физической антропологіи Америки, которая представляетъ для насъ не меньшую загадку, какъ и доисторическая эпоха. Разумѣется, здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ первобытнымъ населеніемъ, представителями котораго въ настоящее время являются такъ называемые индѣйцы, или краснокожая раса. Школа этнографовъ, которая, подобно нѣмцу Теод. Ванцу, защищаетъ автохтонизмъ (туземное происхожденіе) американцевъ, можетъ считаться окончательно побѣжденной съ тѣхъ поръ, какъ, подъ вліяніемъ Дарвиновыхъ идей, стали вновь отыскивать происхожденіе американскихъ первобытныхъ народовъ въ Азіи. Но при этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, находятся ли они въ нѣкоторомъ сродствѣ съ азіатскими племенами, или же образуютъ собой отдѣльную расу. Пиккерингъ и Пешель отстаиваютъ первое мнѣніе. „Напрасно—говоритъ Пешель—даже тѣ писатели, которые считаютъ американцевъ

особой расой, стали бы отыскивать въ нихъ отличительныхъ признаковъ, общихъ всѣмъ имъ, и которые бы отдѣляли ихъ отъ азіатскихъ монголовъ“ (Völkerkunde, 4 Aufl. S. 431). Въ этомъ случаѣ Пешель прямо противорѣчитъ Фридриху Миллеру, который, съ антропологической точки зрѣнія, признаетъ американцевъ изолированной расой, между тѣмъ какъ Притчардъ держится того мнѣнія, что разница между ними и остальнымъ человѣчествомъ не настолько очевидна и рѣзко выражена, какъ предполагаетъ большинство“ (Natural history of man. Bd. II, p. 494). Наконецъ, еще Александръ Гумбольдтъ замѣтилъ, что среди человѣческаго рода нѣтъ другихъ расъ, болѣе похожихъ между собой, какъ американцы, монголы, манджуры и малайцы. Но, во всякомъ случаѣ, мы находимъ вполнѣ справедливымъ отзывъ Вирхова, что, если кто возьметъ на себя трудъ собрать отчасти весьма разбросанную литературу о физической антропологіи американцевъ, тотъ въ самомъ непродолжительномъ времени очутится въ большомъ затрудненіи и не будетъ знать, какого мнѣнія онъ долженъ держаться относительно первобытнаго американскаго населенія (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1877, S. 147).

Вообще, до послѣдняго времени наиболѣе значительные авторы придерживались того мнѣнія, что отъ границъ Гренландіи до Огненной Земли существовала единая раса, но только съ извѣстными разновидностями и племенными особенностями. Фридрихъ Миллеръ, признавая расовое единство американцевъ, говоритъ, что „Америка, за исключеніемъ той сѣверной части, которая занята иннуитами (эскимосами), принадлежащими къ гиперборейской расѣ, населена только одной разновидностью и что послѣдняя, по своимъ тѣлеснымъ свойствамъ и умственнымъ способностямъ, не представляетъ никакого близкаго сродства съ какой либо изъ расъ, живущихъ въ Старомъ Свѣтѣ“ (Allg. Ethnogr., S. 246). То же утверждаетъ и I. Г. Вудъ, хотя онъ вообще плохой критикъ (The Natural history of man. London. 1870. II Bd., p. 640), между тѣмъ, какъ Пешель положительно утверждаетъ, что всѣ туземцы Америки образуютъ одно племя, принадлежащее къ монгольской расѣ (Völkerkunde. S. 420). Но при этомъ всѣ согласны въ томъ, что, съ одной стороны, здѣсь встрѣчаются сходныя черты съ неамериканскими народами, а съ другой—народы Америки представляютъ даже между собой весьма существенныя различія въ физическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ. Послѣднее, по мнѣнію ученыхъ, достаточно объясняется тѣмъ фактомъ, что географическое распространеніе американской расы произошло только въ ширину и что она издавна отдѣлилась отъ континентальныхъ расъ. Въ новѣйшее время Вирховъ возсталъ противъ этого взгляда, ссылаясь на обособленія расы, которыя отчасти получили болѣе прочную основу съ тѣхъ поръ, какъ оказалось возможнымъ производить точныя изысканія надъ строеніемъ американскихъ скелетовъ. Что же касается

Индѣйцы-Короадо въ Бразиліи.

остальныхъ физическихъ признаковъ, то цвѣтъ кожи, между прочимъ, доходитъ до такого разнообразія, что въ сущности трудно опредѣлить, какой именно оттѣнокъ нужно считать краснымъ. Американскій материкъ представляетъ фактически всевозможные цвѣта кожи, начиная отъ черновато-коричневаго до совершенно свѣтлаго, почти равнаго по бѣлизнѣ европейскому; недостаетъ только черной негритянской окраски кожи. Между тѣмъ, съ давняго времени, а именно послѣ обширныхъ изслѣдованій д-ра С. Георга Мортона, составилось мнѣніе, что здѣсь сходство остеологическихъ формъ весьма значительно, и что въ дѣйствительности американскіе черепа вездѣ тождественны. Къ этому нужно еще прибавить вошедшую во многія учебники фразу Донъ-Антоніо Де-Уллоа, который заявилъ въ своихъ Noticias Americanas, вышедшихъ въ Мадридѣ, въ 1792 году, что „если кто видѣлъ хотя бы одного индѣйца, тотъ можетъ сказать, что видѣлъ всѣхъ ихъ". Аббатъ Молина еще въ 1810 году подсмѣивался надъ этимъ изреченіемъ, а ученый французскій естествоиспытатель и путешественникъ, Альсидъ Дессалинь д'Орбиньи, объявилъ торжественно, что перуанецъ настолько же отличается отъ патагонца и послѣдній отъ гварани, насколько грекъ разнится отъ эѳіопа или монгола (L'homme américain [de l'Amérique méridionale], consideré sous ses rapports physiologiques et moraux. Paris, 1839, Vol. I, p. 123). Такимъ образомъ, защитники до сихъ поръ признаваемаго расоваго единства американцевъ постоянно высказывали противорѣчивыя мнѣнія. Еще въ 1846 году нѣмецъ Ав. Цейне, на основаніи тщательнаго изученія череповъ берлинской коллекціи, признаетъ три главныхъ типа для западнаго полушарія, тогда какъ Пикерингъ, естествоиспытатель, сопровождавшій большую United States exploring expedition, видитъ въ американцахъ двѣ расы: монгольскую и малайскую. Вирховъ, на основаніи новыхъ, но еще далеко не оконченныхъ изслѣдованій, не рѣшается дѣлать подобныхъ классификацій, и только заявляетъ, что онъ считаетъ невозможнымъ приписать одной расѣ многіе изслѣдованные имъ американскіе черепа, по крайней мѣрѣ при соблюденіи метода, по которому мы обыкновенно разсматриваемъ физическіе признаки народовъ.

При этомъ, берлинскій ученый, въ виду имѣющагося матеріала, находитъ, что рѣдко выраженныя длинноголовыя формы встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ раіонахъ Америки. Къ такимъ опредѣленнымъ доликефаламъ принадлежатъ не только эскимосы или иннуиты (которыхъ новѣйшіе этнографы, Миллеръ и Пешель, признаютъ отдѣльной расой, отъ такъ называемыхъ индѣйцевъ), но и черепа, вырытые изъ древняго патагонскаго кладбища, затѣмъ тапулосы, ботокуды и, наконецъ, перувіанцы и чибча. Старые патагонскіе черепа указываютъ на чрезвычайное развитіе жевательнаго аппарата; и это впечатлѣніе усиливается въ высшей степени необыкновенной величи-

ной plana temporalia, которыя превосходятъ всѣ извѣстные до сихъ поръ размѣры. Онѣ не только превышаютъ вездѣ tubera parietalia, но иногда настолько сближены между собой, что представляютъ сходство съ антропологическими обезьянами. Въ этомъ, быть можетъ, всего ближе подходятъ къ нимъ эскимосы, съ которыми сродны патагонскіе черепа, по остроконечной формѣ norma occipitalis и сильному развитію челюстей (Verhdl. d. Berl. Gesel. f. Anthrop. 1874, S. 57). Мы имѣемъ, кромѣ того, необыкновенно короткоголовые черепа изъ Америки, какъ, напр., „moundbuilders“ въ Соединенныхъ Штатахъ (что, разумѣется, составляетъ противорѣчіе съ мнимымъ сходствомъ, находимымъ Бесселемъ между черепомъ moundbuilder'а и такими крайними доликефалами, какъ эскимосы), и экземпляры изъ sambaguis'а, т. е. бразильскихъ раковинныхъ накопленій (кухонные остатки, аналогичные кьёкинмедингамъ Даніи), гдѣ были найдены черепа карибовъ, арауканов и пампеосъ, или индѣйцевъ пампасовъ. Въ области брахикефаліи „moundbuilders“ на сѣверѣ и люди раковинныхъ накопленій sambaguis, на югѣ, насколько извѣстно, являются сравнительно старѣйшими представителями человѣческаго рода въ Америкѣ. Область брахикефаліи, постоянно возрастая въ своемъ протяженіи, занимаетъ въ настоящее время бо́льшую часть Южной Америки и, что всего замѣчательнѣе, съ извѣстной постепенностью, такъ что черепа мало по малу принимаютъ необыкновенную нѣжность формъ и чрезвычайно незначительную емкость, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ по виду напоминаютъ дѣтскіе черепа. Такимъ образомъ, они могутъ быть названы микрокефалами, сравнительно съ черепами ботокудовъ или людей sambaguis'овъ. Емкость черепа пампео, измѣреннаго Вирховымъ, доходила всего до 1110 куб. сант., что почти служитъ признакомъ микрокефаліи. Если мы, вдобавокъ, обратимъ вниманіе на необыкновенную форму верхняго края челюсти, то это почти напомнитъ намъ кретинизмъ (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1874, S. 63). Первую переходную форму представляетъ мезокефальный черепъ изъ Кальдера въ Чили, который собственно отличается необыкновенно сильно развитыми и прогнатичными, почти негритянскими зубами. Арауканскіе черепа, ясно выраженные брахикефалами, также можно считать переходной формой отъ индѣйцевъ пампасовъ къ извѣстнымъ племенамъ западнаго побережья (A. a. O., S. 260). Къ арауканской формѣ причисляется и караибская. Что же касается указателя высоты, то въ Америкѣ нигдѣ не найдено абсолютно низкихъ хамакефальныхъ череповъ въ строгомъ значеніи этого слова. Ботокуды и патагонцы-гипсодоликефалы и наиболѣе ясно выраженные брахикефалами принадлежатъ къ гипсобрахикефаламъ. П. Брока̀ провелъ рѣзкую границу между узконосыми (лепторринами) эскимосами и всѣми прочими американцами, которыхъ онъ признаетъ мезорринами. Но Вирховъ находитъ, что ботокуды и многія племена

равнымъ образомъ должны быть причислены къ лепторринамъ, между тѣмъ какъ черепа изъ Патагоніи, Арауканіи и Боготы, платиррины, а черепъ изъ Кальдерна близко подходитъ къ послѣднимъ. Поэтому Вирховъ, съ точки зрѣнія антропологической классификаціи, говоритъ, что здѣсь нѣтъ никакого сходства въ антропологическихъ признакахъ и никакого единства расы. По его мнѣнію, мы не можемъ сдѣлать худшаго обобщенія, какъ признавъ расовое единство первоначальнаго населенія Америки, и онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы это предположеніе не принималось въ разсчетъ при только что начатыхъ изслѣдованіяхъ. Вѣроятно, „краснокожая раса" также никогда не представляла единства и не обязана своимъ происхожденіемъ Америкѣ (Ver. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1877, S. 147—155).

Мы ни въ какомъ случаѣ не считаемъ невозможнымъ, что втеченіи столѣтій на американской почвѣ произошли многочисленныя измѣненія типа. Вирховъ, имѣя въ виду значительное разнообразіе, какое замѣчается въ Америкѣ, считаетъ себя въ правѣ задать вопросъ, не могли ли новыя племена примѣшаться къ старымъ путемъ переселенія, и не представляютъ ли американскіе черепа всевозможныя смѣшанныя формы. При этомъ онъ выражаетъ удивленіе, что въ Америкѣ и въ другихъ мѣстахъ такъ мало было обращено вниманія на весьма важныя изслѣдованія Пиккеринга относительно физическаго сходства нѣкоторыхъ западныхъ американскихъ племенъ съ канаками и, слѣдовательно, съ малайскими полинезійцами, или собственно гавайцами. Сюда слѣдуетъ отнести и другое не менѣе важное обстоятельство. Многіе черепа изъ перуанскихъ могилъ инковъ отличаются особой костью на затылкѣ (os epactale или os interparitale), которая обыкновенно называется „костью инковъ" (os incae). Всѣ ученые оспаривали ея значеніе въ смыслѣ отличительнаго признака расы, но Вирховъ доказалъ, что эта кость встрѣчается сравнительно часто, но не постоянно, далѣе, что въ цѣломъ свѣтѣ, насколько извѣстно, не существуетъ пока другого народа, кромѣ инковъ, которому бы въ такой-же степени была присуща эта особенность. Она имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что вопросъ идетъ о такъ называемой эпактальной кости, образующей верхнюю часть затылочной чешуи, которая обыкновенно не существуетъ у людей, такъ какъ шовъ между верхней и нижней частью чешуи (Sutura transversa occipitis) совершенно заростаетъ задолго до рожденія. Тотъ фактъ, что эпактальная кость, кромѣ староперувіанскихъ череповъ, нигдѣ не встрѣчается такъ часто, какъ у индокитайскихъ и филиппинскихъ череповъ, вполнѣ согласуется съ баснословнымъ преданіемъ о высадкѣ первыхъ владѣтелей изъ рода инковъ на западномъ берегу, хотя это могло случиться въ такое время, когда страна была уже давно населена. Тѣмъ не менѣе, говоритъ Вирховъ, нужно еще много данныхъ, чтобы подобныя со-

отношенія получили научное основаніе, и ничто не можетъ помѣшать этому въ такой степени, какъ преждевременное обобщеніе.

Если мы вздумаемъ обратиться за справками къ нашимъ лучшимъ этнографическимъ учебникамъ, то придемъ къ самому безотрадному выводу при ближайшемъ знакомствѣ съ чрезвычайно разнородными и отнюдь несовмѣстимыми классификаціями. Правда, преобладающее большинство ихъ держится того взгляда, что индѣйцы, которыхъ совершенно некстати называютъ главной составной частью американскаго населенія, образуютъ единую большую расу, что Фридрихъ Рацель считаетъ даже „непреложной истиной, добытой новѣйшей этнологіей". (Ratzel, Die Vereinigten Staaten von Nordamerika. München 1880, Bd. II. S. 108). Но въ сущности, помимо этого пункта, этнологи совершенно расходятся между собой. Прежде всего мы укажемъ на заслуженнаго Герланда, который, подобно Г. В. Далю, хочетъ причислить иннуитовъ (эскимосовъ) къ индѣйцамъ. Правда, что между эскимосами и сосѣдними индѣйскими племенами существуютъ многочисленныя переходныя формы, такъ что напр. тлинкиты могутъ быть отнесены, согласно Пешелю, къ народамъ Берингова пролива, а по Миллеру—къ индѣйцамъ. Что касается остальныхъ вопросовъ, то большинство классификаторовъ отнеслось къ нимъ довольно легко, и въ виду почти неоспоримаго, по ихъ мнѣнію, единства расы не придаетъ большаго значенія болѣе точному раздѣленію отдѣльныхъ членовъ. Даже Пешель въ своемъ мастерскомъ произведеніи „Volkerkunde" не признаетъ другаго дѣленія американскаго первобытнаго населенія, кромѣ охотничьихъ племенъ въ Южной Америкѣ. Между тѣмъ культурные народы Сѣверной Америки и ихъ соплеменники составляютъ, по его мнѣнію, особую группу. Слѣдовательно здѣсь проведено только культурное, а не этнологическое дѣленіе. Того-же правила держится Ваицъ въ новѣйшее время, хотя и въ болѣе ограниченной области, затѣмъ далеко не научный Банкрофтъ;—при этомъ оба выставляютъ противоположность между американскими культурными и первобытными народами и раздѣляютъ послѣднихъ на географическія группы. Болѣе серьезную попытку классификаціи на этнологическомъ основаніи сдѣлалъ собственно одинъ Фр. Миллеръ, съ которымъ можно сопоставить только Герланда и то до извѣстной степени. Послѣдній дѣлитъ американцевъ, включая и эскимосовъ, на 17 племенъ, тогда какъ Миллеръ, совмѣстно съ старыми культурными народами, насчитываетъ у индѣйцевъ 28 племенъ или, вѣрнѣе, группъ, потому что многихъ изъ нихъ добросовѣстный вѣнскій ученый обозначаетъ только географическими собирательными именами. По этому дѣленію число отдѣльно стоящихъ, пока еще изолированныхъ народностей, оказывается довольно значительнымъ. Герландъ находитъ такъ много общаго въ нравахъ и тѣлосложеніи жителей отъ мыса Баррова до мыса Горна, что считаетъ себя вынужденнымъ признать единство

населенія этихъ обширныхъ странъ. Но я позволю себѣ возразить на это, что между индѣйцами такъ же мало сходства въ тѣлосложеніи, т. е. въ строеніи скелета, черепѣ, цвѣтѣ кожи, формѣ волосъ, ростѣ и въ другихъ физическихъ признакахъ, а равно въ языкѣ и нравахъ, какъ между азіатскими народами отъ Восточнаго мыса до крайней оконечности Анатолійскаго полуострова. Въ сущности индѣйцы Сѣверной Америки, по весьма вѣрному замѣчанію Г. Сейса, „физіологически и лингвистически не менѣе различны между собой, какъ жители Европы, и называть ихъ общимъ собирательнымъ именемъ такой же грубый и не научный пріемъ, какъ тотъ, котораго держались греки и римляне, считавшіе всѣ другіе народы варварами“ (Nature, Vol. XVIII, p. 166). Равнымъ образомъ Альбертъ С. Гатшетъ указываетъ на то, что „Америка населена многими существенно различными расами, хотя языки всѣхъ ихъ, за исключеніемъ народовъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ, одинаковы по своему строенію“. (Gatschet, swölf Sprachen aus dem Südosten Nordamerikas. Weimar, 1876 S. 2). Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что наши знанія относительно отдѣльныхъ частей туземнаго населенія Америки еще слишкомъ недостаточны для построенія антропологическаго вопроса о расовомъ единствѣ. Мы, разумѣется, не станемъ оспаривать возможность того и другаго, но считаемъ слишкомъ преждевременнымъ утверждать вѣроятное какъ нѣчто достовѣрное, тѣмъ болѣе, что это былъ бы ненаучный пріемъ, потому что наука не признаетъ никакихъ догматовъ. Что же касается этнологической системы Миллера, то она имѣетъ то преимущество, что совершенно изъята отъ окончательнаго рѣшенія антропологическаго момента, и несомнѣнно лучшая изъ всѣхъ существующихъ системъ, несмотря на пробѣлы, въ которыхъ честно сознается самъ авторъ. Труды старѣйшихъ ученыхъ, какъ Бальби, Притчарда, Перти, Вуда,—не говоря уже о Луи Фигье, которымъ столько пользовались, — не могутъ быть приняты во вниманіе. Между тѣмъ группировка Миллера, гдѣ она представляетъ результатъ лингвистическихъ изслѣдованій, вѣроятно останется неприкосновенной.

Въ виду всего вышесказаннаго я не стану останавливаться на общей характеристикѣ Америки, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Я упомяну только объ одномъ обычаѣ, такъ какъ онъ сильно распространенъ здѣсь, съ которымъ мы познакомились на островахъ Таити, а именно, объ искусственномъ уродованіи черепа. Послѣднее производится надъ новорожденными и продолжается до извѣстнаго возраста. Эта сколіопедія, какъ называетъ Александръ Экеръ короткоголовость или уродованіе черепа, состоитъ въ сплющеніи лба и затылочной кости, а также боковыхъ частей головы. Брока различаетъ два главныхъ типа уродованій черепа; а именно, когда черепной сводъ противоестественно сдавленъ сверху (Deformation couchée—лежачіе черепа), или ему придана ненормальная удлинен-

ная форма (Deformation relevée—выпрямленные черепа). Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ указалъ Вирховъ, происходитъ нерѣдко существенное измѣненіе, когда на мѣстѣ швовъ и даже родничковъ происходитъ преждевременно мѣстное срощеніе костяныхъ краевъ или такъ называемые „синостозы". Впослѣдствіи мнѣ опять прійдется говорить о способѣ, какимъ образуются искусственно изуродованные макрокефальные черепа, когда я буду упоминаетъ о существованіи этого обычая у отдѣльныхъ народовъ; (См. Joseph von Lenhossek, Die künstlichen Schädelverbildungen im allgemeinen und zwei künstlich verbildeten makrokephalen Schädel aus Ungarn. Budapest. 1878 S. 21—47); но мы должны теперь же отвѣтить на два общихъ представляющихся здѣсь вопроса. Почтенный и всѣми признанный изслѣдователь Л. А. Госсъ высказалъ мнѣніе (въ своемъ сочиненіи: Essai sur les déformations artificielles du crâne. Paris. 1855), что если подобныя уродованія практикуются равномѣрно въ многихъ поколѣніяхъ и надъ большимъ числомъ индивидовъ обоего пола, то подъ вліяніемъ наслѣдственности и другихъ причинъ, они имѣютъ наклонность сдѣлаться болѣе или менѣе постоянными. Но тѣмъ не менѣе мы не знаемъ ни одного вполнѣ достовѣрнаго примѣра подобной наслѣдственности искусственнаго измѣненія черепа. Гдѣ ненормальная форма черепа упорно встрѣчается среди населеній, тамъ сохраняется и обычай, вліяющій на подобное измѣненіе. Тотъ же Госсъ утверждаетъ далѣе, что сплющеніе лобной кости вредно отзывается на умственныхъ способностяхъ и способствуетъ развитію сильныхъ страстей и инстинктивныхъ склонностей; что плосколобые народы болѣе дики, воинственны и менѣе способны къ цивилизаціи, между тѣмъ какъ народы съ сплющеннымъ затылкомъ лучше одарены въ умственномъ отношеніи и болѣе склонны къ культурѣ. Вирховъ также увѣренъ, что искусственное уродованіе черепа можетъ имѣть вредное вліяніе на мозгъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не всѣ способы уродованія оказываютъ это вліяніе. (Verhdlg. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, S. 74—79). Изслѣдованія Эккера надъ черепами плоскоголовыхъ индѣйцевъ прямо показываютъ, что емкость черепной полости нисколько не уменьшается и поэтому слѣдуетъ предполагать, что объемъ мозга въ общемъ не измѣняется существенно отъ уродованія костей черепа. (Archiv. f. Anthrop., Bd. IX, S. 75).

Подобно физическимъ признакамъ, языки Америки не представляютъ никакихъ данныхъ для удовлетворительной классификаціи. Равнымъ образомъ, сравненіе языковъ вовсе не подтверждаетъ предполагаемаго происхожденія американцевъ изъ Азіи. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ сравненія языковъ полученъ съ достовѣрностью тотъ результатъ, что ни одинъ изъ языковъ Стараго Свѣта настолько не сходится въ лексикологическомъ и грамматическомъ отношеніи съ какимъ-либо изъ американскихъ діалектовъ, чтобы можно было

заключить о связи между ними. Также неудачны оказались попытки свести безчисленныя американскія нарѣчія къ одному или немногимъ отраслямъ. Американскія народности Сѣвернаго и Южнаго материка, по общему характеру ихъ языковъ, образуютъ замкнутую группу, отъ которой весьма значительно отличаются только эскимосы. Д-ръ Б. Шмидтъ Бартонъ, еще въ 1798 году, старался обратить вниманіе ученыхъ на однообразіе американскихъ діалектовъ (New views of the origin of the tribes and nations of America. Philadelphia, 1798, p. LXXV), а равно и знаменитый подражатель „Mithridates“ Аделунга („Untersuchung über Amerikas Bevölkerung aus dem alten Kontinente“. Leipzig, 1810), Александръ Гумбольдъ подтверждаетъ существованіе этого явленія. „Въ Америкѣ, говоритъ онъ, начиная отъ земли эскимосовъ до Ориноко и отъ знойныхъ береговъ этой рѣки до льдовъ Магелланова пролива, отрасли языковъ совершенно различныя по своимъ корнямъ и имѣютъ, такъ сказать, одинаковую физіономію. Не только образованные языки инковъ, аймаровъ, гварани, кора и мексиканскій, но и совершенно первобытные языки представляютъ поразительное сходство въ своемъ грамматическомъ строеніи. Языки, которыхъ корни имѣютъ такъ же мало сходства, какъ славянскій и языкъ басковъ, настолько-же похожи между собой по внутреннему механизму рѣчи, какъ санскритскій, персидскій, греческій и германскій языки“ (Reise in die Aequinoktialgegenden des neuen Kontinents. In deutscher Bearbeitung von Hermann Hauff. Stuttgart, 1859, Bd. II, S. 29—30). Этотъ фактъ, по мнѣнію Фр. Миллера, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что первобытное туземное населеніе Америки, соразмѣрно съ величиной материка и сравнительно съ другими частями свѣта, необыкновенно малочисленно. Въ настоящее время оно не составляетъ сполна двѣнадцати милліоновъ и даже въ былыя времена никогда не превышало 80—90 милліоновъ головъ. Въ виду такого малолюднаго населенія, число языковъ, а также и народовъ оказывается чрезвычайно значительнымъ, потому что одни насчитываютъ ихъ нѣсколько сотъ, а другіе—до 2,000. Это раздробленіе достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ Южной Америкѣ; но въ то время, какъ языки сѣвернаго материка могутъ быть сведены къ одному или нѣсколькимъ главнымъ діалектамъ, въ Гвіанѣ и Колумбіи господствуетъ безконечное разнообразіе языковъ на маленькомъ пространствѣ и при незначительномъ населеніи. Гумбольдтъ насчиталъ болѣе 200 языковъ у населенія въ 60—80,000 индивидовъ. Если мы не хотимъ принять предположенія Миллера, что американцы съ самаго начала дифференцировались на большее число народовъ, то всего естественнѣе искать причину этого раздробленія въ своеобразномъ положеніи страны, которымъ обусловливается образъ жизни американцевъ. Это раздробленіе доходитъ до такой степени, что часто сосѣднія племена не въ состояніи понимать другъ друга. Съ

другой стороны подобному дифференцированію могло способствовать своеобразное строеніе американскихъ языковъ и отсутствіе письменности. Самобытный характеръ всѣхъ этихъ языковъ выражается въ томъ, что посредствомъ сложенія слоговъ составляются новыя слова. При этомъ, сложеніе не ограничивается образованіемъ сложныхъ словъ, но распространяется такъ же на большинство грамматическихъ формъ. В. Гумбольдтъ назвалъ эти языки составными или агглютинированными, въ противоположность языкамъ, имѣющимъ флексіи; а ученый американскій лингвистъ Дю-Понсо называетъ ихъ полисинтетическими. Они весьма различны въ развитіи и богатствѣ словъ, сообразно степени культуры племенъ, говорящихъ на нихъ, но даже при значительномъ запасѣ словъ всегда сохраняютъ характеръ составныхъ языковъ. Какъ бы ни былъ выработанъ индѣйскій діалектъ, онъ никогда не теряетъ своего отпечатка, а постоянная агглютинизація лишаетъ его всякой гибкости и дѣлаетъ неудобнымъ къ употребленію. Онъ не способенъ выразить тонкія отвлеченныя идеи, и какъ бы онъ ни былъ богатъ выраженіями, но ему недостаетъ гибкости и ясности. Однако при этомъ индѣецъ можетъ выразить самую запутанную мысль однимъ словомъ. Такъ, напримѣръ, на языкѣ племени чероки можно сказать: „wi-ni-taw-ti-ge-gi-na-li-skaw-lung-ta-naw-ne-le-ti-se-tsi“, что означаетъ въ переводѣ: „къ этому времени они покончатъ съ изъявленіями (милости) ко мнѣ и тебѣ“. Не менѣе своеобразная особенность американскихъ языковъ заключается въ томъ, что существительныя и прилагательныя мѣстоименія, употребляемыя въ видѣ подлежащаго и дополненія, замѣчательнымъ образомъ соединяются съ глаголомъ. Они входятъ въ его составъ, отчасти посредствомъ склоняемыхъ слоговъ и частію посредствомъ мѣстоименныхъ суффиксовъ, вслѣдствіе чего образуются новыя спряженія, названныя въ испанско-американскихъ грамматикахъ „transiciones“. Эти мѣстоимѣнія, которыя мы можемъ назвать какъ бы органическими соединительными членами американскихъ діалектовъ, подвержены многимъ измѣненіямъ и существуютъ во всѣхъ здѣшнихъ языкахъ. Иногда мы видимъ шесть переходныхъ формъ, а именно:

отъ 1 лица къ 2 и 3
„ 2 „ „ 1 „ 3
„ 3 „ „ 1 „ 2

иногда четыре, а въ нѣкоторыхъ языкахъ только двѣ. Однѣ часто встрѣчаются даже въ томъ случаѣ, когда имя существительное употреблено въ видѣ ясно выраженнаго дополненія, а въ другихъ языкахъ только тогда, когда дополненіемъ бываетъ личное мѣстоименіе. Кромѣ того, въ большинствѣ американскихъ языковъ бываютъ два рода мѣстоименій, а именно существительныя и прилагательныя; и у многихъ діалектовъ личныя и притяжательныя мѣстоименія имѣютъ

Вожди озаговъ и ассинебоиновъ.
(Желтая рѣка, Миссури).

двойное множественное число опредѣленное и неопредѣленное (Tschudi, Ketschuasprache, Bd. 1„ S. 9—12).

Во многихъ американскихъ языкахъ имена и глаголы не отличаются другъ отъ друга; съ грамматической точки зрѣнія здѣсь признается только одно имя существительное, которое соотвѣтствуетъ нашимъ отглагольнымъ именамъ въ тѣхъ случаяхъ, если оно соединено съ притяжательными суффиксами. Предложеніе не основано, подобно европейскимъ языкамъ, на отношеніи подлежащаго и сказуемаго, а только на отношеніи дополненія къ различнымъ частямъ предложенія. Форма рѣчи зависитъ не отъ глагола, а отъ имени существительнаго (въ смыслѣ принадлежности). Эта форма рѣчи, возникшая вслѣдствіи односторонняго міровоззрѣнія, должна была, въ свою очередь, отразиться своеобразнымъ образомъ на развитіи мышленія. Не только наши взгляды и понятія, но весь нашъ строй и образъ мыслей долженъ казаться индѣйцу въ высшей степени чуждымъ и своеобразнымъ. Онъ по природѣ человѣкъ иначе сложившійся и иначе одаренный, нежели европеецъ, что выражается также и въ формѣ языка. Но такъ какъ языки тѣсно связаны съ мышленіемъ, то отдѣльныя формы языка служатъ вѣрными признаками извѣстнаго интеллектуальнаго направленія. Мы можемъ смѣло сказать объ индѣйцѣ, что его умственное развитіе не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ. Онъ думаетъ, чувствуетъ, соображаетъ и разсуждаетъ иначе, нежели мы; въ глубинѣ его души таится нѣчто, совершенно чуждое намъ. Его склонности, мысли, чувства и понятія имѣютъ своеобразное направленіе. При его самобытности мы не можемъ измѣрять его нашимъ масштабомъ, потому что онъ не подходитъ къ нему.

Очевидно, американскіе народы въ интеллектуальномъ отношеніи находились при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, которыя мѣшали имъ выйти изъ извѣстнаго періода языка и что этотъ періодъ, повидимому, пережили и другіе языки. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ выводу, что анализъ чуждъ уму природнаго жителя Новаго Свѣта. Такимъ образомъ, индѣйцы, не сдѣлавъ никакихъ попытокъ освободить свои мысли изъ первоначальнаго запутаннаго состоянія, пошли еще дальше въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, наши европейскіе языки вовсе не годятся для изображенія мыслей краснокожаго человѣка, и онъ не знаетъ, какъ пользоваться ими. Въ виду этого испанскіе миссіонеры въ Южной Америкѣ,—принимая во вниманіе, что при крайней лексикологической сбивчивости американскихъ діалектовъ составъ предложенія во всѣхъ ихъ остается своеобразнымъ и одинаковымъ,—предпочли проповѣдывать Евангеліе, отчасти на перувіанскомъ языкѣ кечуа и частью на бразильскомъ языкѣ тупи или гварани. Это оказалось тѣмъ удобнѣе, что индѣйцы

легко осваиваются съ духомъ этихъ языковъ, тогда какъ испанскій и португальскій недоступны ихъ пониманію.

Въ настоящее время, въ Америкѣ, помимо туземныхъ племенъ живутъ потомки европейскихъ поселенцевъ, которые на почвѣ Новаго Свѣта образовали самостоятельныя націи. Что же касается послѣднихъ, то они принадлежатъ къ германской и романской семьѣ языковъ и народовъ. Германскіе народы овладѣли холоднымъ сѣверомъ; романскіе—болѣе теплыми южными странами. Романскія государства простираются отъ Ріо-Браво-дель-Норте до Патагоніи, и всѣ, не исключая Португальской Бразиліи, испанскаго происхожденія. Португальцы, испанцы и англо-саксонцы сходны между собою въ томъ, что съ теченіемъ времени, рано или поздно (у англо-саксонцевъ очень скоро), въ нихъ происходитъ физическое превращеніе, которое удаляетъ ихъ отъ европейскихъ прародителей и способствуетъ созданію новыхъ народныхъ типовъ по наружному виду, образу мыслей и нравамъ. Даже родной языкъ въ этомъ случаѣ подвергается извѣстному измѣненію: португальскій языкъ въ Бразиліи, испанскій въ остальной Америкѣ замѣтно отличаются отъ испанскаго и португальскаго, которымъ говорятъ въ Европѣ; но еще бо̀льшая разница существуетъ между англійскимъ языкомъ янки и великобританскимъ говоромъ. Переселенцы нерѣдко въ первомъ же поколѣніи почти утрачиваютъ свой національный типъ, приспособляясь къ новой почвѣ; и даже помимо половаго смѣшенія приближаются постепенно, но неоспоримо къ туземному типу.

Въ настоящемъ трудѣ, я поставилъ себѣ задачей описать съ возможной точностью существующіе народы. Древнія культурныя націи давно сошли со сцены и не могутъ составить предмета отдѣльнаго описанія; но мы будемъ упоминать о нихъ, гдѣ это окажется необходимымъ, подобно тому, какъ при описаніи нынѣшнихъ итальянцевъ и грековъ неизбѣжны ссылки на культуру древнихъ римлянъ и эллиновъ. Прошлая жизнь человѣческаго рода составляетъ предметъ исторіи. Въ виду этого мы прежде всего займемся подробнымъ описаніемъ нынѣшнихъ первобытныхъ народовъ.

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

Эскимосы или инуиты.

Общій обзоръ.

Древніе предполагали, что крайній сѣверъ земнаго шара обитаемъ миѳическимъ народомъ гипербореями, и даже болѣе склонное къ критикѣ новѣйшее время пользуется этимъ названіемъ для общаго обозначенія полярныхъ народовъ. Фр. Миллеръ называетъ гипербореями или арктическими людьми „рядъ народовъ, живущихъ на сѣверо-востокѣ Азіи, сѣверо-западѣ и сѣверѣ Америки, которые антропологически представляютъ уклоненіе отъ горныхъ жителей Азіи съ одной стороны и индѣйцами съ другой, а равно и въ этнологическомъ отношеніи не имѣютъ ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими“. (Allg. Ethnographie, S. 220). Къ этой арктической или гиперборейской расѣ упомянутый ученый причисляетъ слѣдующіе народы: А. въ Азіи: 1) юкагиры; 2) чукчи съ коряками и камчадалами (Itelmen); 3) аины (курильцы); 4) Енисейскіе остяки съ коттами; В. въ Америкѣ (включая и Гренландію): 5) инуитскія племена или эскимосы и 6) алеуты. Неизвѣстно, представляютъ ли всѣ эти народы типъ единичной расы, какъ предполагаетъ Миллеръ, или они принадлежатъ къ нѣсколькимъ расамъ, потому что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній мы не можемъ съ полною увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Мы должны пока ограничиться тѣмъ, что, сообразно географическому дѣленію нашей книги, будемъ разсматривать и описывать американскія вѣтви вышеупомянутыхъ народовъ, какъ отдѣльную группу, а объ ихъ азіатскихъ родичахъ поговоримъ впослѣдствіи, въ отдѣлѣ, посвященномъ описанію Азіи.

До сихъ поръ, насколько путешественникамъ удавалось проникнуть къ полюсу, они вездѣ находили слѣды жителей, и эти люди „крайняго сѣвера“ были эскимосы, съ которыми еще познакомились норманны при ихъ заселеніи Гренландіи и признали въ нихъ племенныхъ родичей людей, живущихъ по берегамъ Лабрадора. Они прозвали ихъ „Skrälingjar“, т. е. карликами; и если эскимосы, согласно показаніямъ миссіонеровъ, примѣняютъ къ себѣ названіе „karalit“, то это вовсе не туземное слово, а только передѣланное, сообразно звуковымъ законамъ ихъ языка, названіе „Skräling“. Имя „эскимосъ“ собственно заимствовано отъ абнаки, индѣйцевъ — наскопи и другихъ семействъ племени Альгонкинъ, примѣнявшихъ это названіе къ

эскимосамъ Лабрадора и которое въ переводѣ означаетъ „людей, пожирающихъ сырое мясо“. Слово „Esquimantsic“, вошедшее въ этнологическіе учебники и настольныя книги, по мнѣнію д-ра Эмиля Бесселя, вѣроятно искаженное. (Die amerikanische Nordpolexpedition. Leipzig 1879, S. 350). Сами эскимосы называютъ себя инуитами, т. е. „людьми“ (множ. отъ inuk, человѣкъ). Вопросъ о происхожденіи этихъ полярныхъ жителей долго занималъ ученыхъ, хотя они не пришли ни къ какому удовлетворительному результату. Но тѣмъ не менѣе большинство признаетъ азіатское происхожденіе инуитовъ. Того-же взгляда держится аббатъ Петито, прожившій много лѣтъ среди эскимосовъ Сѣверной Америки, и который можетъ быть признанъ однимъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ по этому вопросу, между тѣмъ какъ проф. Герландъ, В. Г. Даль и д-ръ Гендрикъ Ринкъ, безспорно первые авторитеты въ дѣлѣ изученія Гренландіи, отстаиваютъ американское происхожденіе эскимосовъ. (L'habitant primitif des Esquimaux въ Compte-rendu du Congrès international des Américanistes. Seconde session. Luxemburg, 1878, Vol. II, p. 327—341). Во времена посѣщенія Америки норманнами, слѣдовательно около 1000 лѣтъ по Р. Х., эскимосы жили сравнительно южнѣе на берегу Атлантическаго океана, а въ началѣ прошлаго столѣтія они встрѣчались иногда и на Нью-Фаундлендѣ. Въ Гренландію они переселились только въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія. По ихъ теперешнему распространенію на нихъ можно смотрѣть какъ на расу, окружающую полярный поясъ, потому что они населяютъ всю арктическую Америку, оба берега Дэвисова пролива и Баффинова залива, а равно и Гренландію. Американскіе наблюдатели новѣйшаго времени старались не разъ довести свои изысканія до сѣверо-восточной оконечности Азіи, и мы имѣемъ превосходный трудъ Джеффрисъ Уаймэна, которому удалось изслѣдовать пять череповъ чукчи. Онъ приходитъ къ заключенію, что чукчи, тунгусы и эскимосы болѣе схожи между собой, нежели какое либо изъ этихъ племенъ походитъ на сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Другіе ученые продолжали изслѣдованія въ томъ-же направленіи. Впрочемъ Шамиссо, Отто Коцебу и еще ранѣе Г. Стеллеръ высказались за близкое сродство, если не тождество жителей обоихъ береговъ, и всѣми признано за фактъ, что языкъ азіатскихъ намолло сроденъ съ эскимосскимъ. Между тѣмъ Вирховъ изъ сравнительнаго изученія череповъ всѣхъ этихъ народовъ вывелъ заключеніе, что сродство ихъ съ эскимосами чрезвычайно сомнительное. (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Ethnolog. 1873, S. 197). Но и онъ впослѣдствіи долженъ былъ признать, что у эскимосовъ Гренландіи и Лабрадора наблюдается съ другой стороны рядъ особенностей, которыя въ высшей степени показываютъ ихъ близость съ нѣкоторыми азіатскими народностями, а именно принадлежащими къ монгольской расѣ. Форма ихъ лица монгольская; но черепной ящикъ

представляетъ значительное уклоненіе, такъ что мы въ правѣ выразиться объ эскимосахъ, что лицевая часть черепа у нихъ монгольская, а мозговая или задняя—своеобразная и особенная. Д-ръ Ринкъ дѣлитъ собственно эскимосовъ на слѣдующіе разряды: 1) восточные гренландцы, живущіе въ восточной части страны до мыса Фаруэлль; они весьма малочисленны и почти совершенно неизвѣстны; 2) западные гренландцы, населяющіе округъ датскихъ поселеній, отъ мыса Фаруэлля до 74° с. ш., и между остальными эскимосами всего лучше и тщательнѣе изучены; самъ Ринкъ прожилъ между ними шестнадцать зимъ и двадцать два лѣта; 3) сѣверные гренландцы, настоящіе гипербореи, живущіе на сѣверо-западномъ берегу Гренландіи (до Мельвильскаго мыса), который сэръ Джонъ Россъ называетъ „арктической горной страной" (arctic highlanders), хотя Бессель справедливо возстаетъ противъ этого названія; 4) эскимосы Лабрадора по ту сторону Дэвисова пролива; 5) эскимосы средняго раіона, населяющіе береговую полосу и острова отъ Баффинова до Гудзонова залива и Бартеровскихъ острововъ, близь рѣки Мэкензи; эта вѣтвь всего болѣе распространена; снѣжная пустыня, составляющая ея отечество, занимаетъ пространство до 14,000 килом. въ длину и 5000 килом. въ ширину; 6) эскимосы на западномъ и юго-западномъ берегу Аляски. Фр. Миллеръ причисляетъ къ нимъ рядъ племенъ, живущихъ вдоль берега, отъ горы св. Ильи до бухты Коцебу, у которыхъ почти всѣ имена имѣютъ характерное окончаніе „miut". Благодаря помѣси съ сосѣдними индѣйцами они всего больше отличаются отъ своихъ соплеменниковъ; 7) и наконецъ азіатскіе эскимосы, которые не войдутъ въ составъ нашего описанія; хотя въ нихъ менѣе помѣси, чѣмъ въ западно-американскихъ, но они не представляютъ такого чистаго племени, какъ ихъ остальные родичи. Всѣ эти группы раздѣлены Скалистыми горами на два большихъ отдѣла, которые говорятъ на различныхъ діалектахъ одного языка. Разница между двумя идіомами довольно значительная, такъ что индивиды этихъ двухъ отдѣловъ, безъ предварительнаго долгаго общенія, съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Даже у племенъ одной группы встрѣчаются небольшія отклоненія въ отдѣльныхъ словахъ; языкъ у всѣхъ этихъ племенъ вообще одинаковъ и при крайне незначительномъ запасѣ словъ богатъ гласными буквами.

Образованіе словъ въ инуитскомъ языкѣ происходитъ всегда съ помощью суффиксовъ и въ этомъ представляетъ сходство съ языкомъ урало-алтайской группы; но ему недостаетъ звуковой гармоніи, которая составляетъ отличительный признакъ послѣдней. Хотя эскимосскій языкъ въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть причисленъ ни къ какому другому, но тѣмъ не менѣе, по словамъ Пешеля, было бы грубой ошибкой придавать ему значеніе самостоятельности. Подобно урало-алтайскимъ діалектамъ онъ пользуется только суффиксами для точ-

наго опредѣленія мысли, но въ то же время можетъ полисинтетическимъ способомъ выразить однимъ словомъ многочленное предложеніе. Гренландецъ составляетъ одно слово для выраженія слѣдующей мысли: „Онъ говоритъ, что ты также хочешь скоро уйти, чтобы купить себѣ красивый ножъ“. Вслѣдствіе этого Пешель предполагаетъ, что инуитскій языкъ составляетъ переходную форму между урало-алтайскимъ и американскимъ типомъ языка. (Völkerkunde, S. 419, 434).

ВОСТОЧНЫЕ ИНУИТЫ.

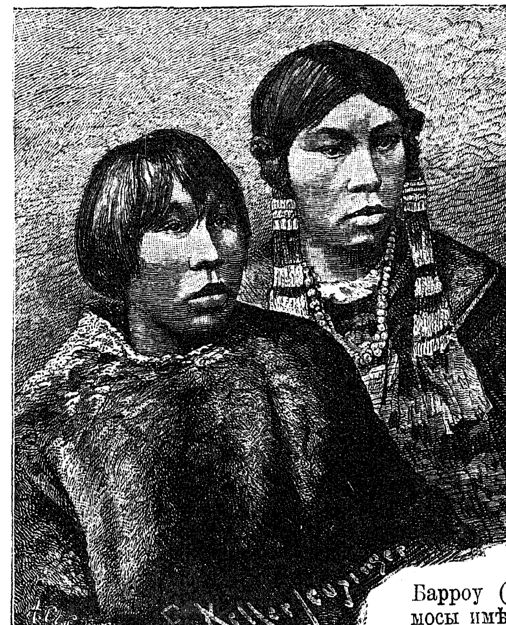
Физическій типъ и характеръ.

„Вообще замѣчено, что къ полюсу какъ люди и животные, такъ и растенія уменьшаются въ размѣрахъ, хотя лось, бѣлый медвѣдь и сѣверный олень представляютъ разительное исключеніе. Это явленіе приписываютъ тяжелому холодному воздуху и туманамъ“. Въ этихъ короткихъ словахъ почтенный гернгутеръ Давидъ Кранцъ передаетъ сущность своего описанія „наружности и образа жизни гренландцевъ“ (въ своей „Historie von Grönland“ Barby und Leipzig, 1795, Bd. I. S. 177). Дѣйствительно гренландцы и инуиты долго слыли за самыхъ маленькихъ людей на землѣ. Въ настоящее время мы можемъ только сказать съ Топинаромъ, что ростъ чистаго эскимоса вообще ниже средняго. (Rev. d'Anthrop. 1876, S. 62).

Что-же касается гренландцевъ, которые изъ всѣхъ отраслей восточной семьи инуитовъ наиболѣе извѣстны, то мы не можемъ сказать съ полною увѣренностью, что они представляютъ собою наиболѣе чистый эскимосскій типъ, потому что на западѣ происходили случайныя скрещиванія съ датскими поселенцами, что должно было подѣйствовать на него облагораживающимъ образомъ. Нетронутый типъ сохранился только въ восточной Гренландіи, скудное населеніе которой почти не входило въ сношенія съ чужестранцами, вслѣдствіе чего осталось совершенно неизвѣстнымъ. Но во всякомъ случаѣ, судя по извѣстіямъ, собраннымъ въ настоящее время, гренландцы оказываются самыми малорослыми изъ всѣхъ эскимосовъ. Несмотря на незначительную величину тѣла, насъ все-таки поражаетъ та особенность, что высота вертлюга (trochanter) отъ земли несоразмѣрно мала. Изъ этого слѣдуетъ, что длина тѣла преимущественно занята туловищемъ и ноги сравнительно необыкновенно коротки. Шесть эскимосовъ, которыхъ показывали въ 1878 году въ парижскомъ Jardin d'acclimatisation, въ среднемъ выводѣ достигали только 1,46 м. вышины (Nature, Vol. XVIII, p. 18). Вирховъ видѣлъ ихъ послѣ того въ Берлинѣ и по сдѣланнымъ имъ измѣреніямъ четыре взрослыхъ индивида имѣли среднимъ числомъ 1,52 м. У другой группы эскимосовъ, состоящей изъ восьми

человѣкъ, родомъ изъ Лабрадора, которые посѣтили Берлинъ въ 1880 году, ростъ мужчинъ, по измѣреніямъ Вирхова, доходилъ до 1,596 м., женщинъ до 1,486 м.—въ общемъ 1,552 м. (Verhdl. d. Berl. Gesel. f. Ethnol. 1880, S. 263). Однако, Бессель видѣлъ въ сѣверной Гренландіи нѣсколько индивидовъ, родныхъ братьевъ, которыхъ ростъ почти доходилъ до 1,83. По мѣрѣ приближенія отъ Гренландіи къ западу, ростъ эскимосовъ все болѣе увеличивается, что слѣдуетъ приписать скрещиванію съ сосѣдними индѣйцами, живущими къ югу. Топинаръ (Rev. d'Anthrop. 1880, p. 61), на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ путешественниками, выводитъ слѣдующія числовыя данныя:

		Ростъ.	Сред. чис.
		м. — м.	м.
Гогардъ-Зундъ	19 мужчинъ	1,676—1,498	1,585
	27 женщинъ	1,574—1,397	1,529
Островъ Саведжъ	мужчинъ	1,727—1,651	1,676
	женщинъ		1,549
Полуост. Мельвиль	20 мужчинъ	1,778—1,498	1,663
	20 женщинъ	1,536—1,441	1,536
Рѣка Клайдъ	4 мужчинъ	1,676—1,460	1,657
	4 женщины	1,498—1,473	1,485
Заливъ Бootія	мужчинъ	1,778—1,619	1,689
	женщинъ	1,663—1,460	1,552
Западные эскимосы		1,752	1,703



Эскимосскіе типы: мужчина и женщина.

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что средняя величина роста колеблется около 1,60 м. такъ что гренландцевъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать карликами и „огульная замѣтка“ Давида Кранца не вполнѣ примѣнима къ нимъ. Что-же касается всего остальнаго, то его описаніе гренландцевъ почти согласуется съ тѣмъ, что сообщаетъ объ эскимосахъ Гудзонова залива Генри Эллисъ, спутникъ Вильяма Мура въ его арктической экспедиціи 1746 — 1747 года. „По этимъ источникамъ“, говорится въ нѣмецкомъ изданіи Собранія путешествій и открытій Джона Барроу (Leipzig, Bd. II, S. 494), „эскимосы имѣютъ бороды, которыхъ нѣтъ у другихъ индѣйцевъ. Вслѣдствіе этого почти утвердилось мнѣніе, что они составляютъ одинъ народъ съ гренландцами. Они средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и весьма склонны къ отучнѣнію. У нихъ большая голова, круглое гладкое лицо черноватаго цвѣта.

При этомъ у нихъ черные, маленькіе блестящіе глаза, широкіе носы, толстые губы, черные рѣдкіе волосы, широкія плечи и соразмѣрные члены тѣла, хотя ноги черезчуръ коротки".

Всѣ инуиты принадлежатъ къ ясно выраженнымъ долихокефаламъ, т. е. ихъ черепъ великъ и имѣетъ длинную, узкую, почти пирамидальную форму. Хотя почтенный Бэрнардъ Дэвисъ счелъ нужнымъ раздѣлить эскимосовъ на три расы, сообразно болѣе или менѣе ясно выраженной пирамидальной формѣ ихъ череповъ, но оказалось, что инуитскіе черепа изъ Смитъ-Зунда, изслѣдованные Бесселемъ, совмѣщали въ себѣ всѣ три формы, принятыя Девисомъ для характеристики типовъ (Arch. f. Anthrop., Bd. VIII, S. 115). Вирховъ, съ своей стороны, нашелъ, что черепа восточной и западной Гренландіи схожи между собой: тѣ-же длинные, умѣренно высокіе, узкіе черепа съ расширенной нижней частью, пятиугольной (ogival) Norma occipitalis и сильнымъ развитіемъ лицевыхъ костей (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Ethnol. 1877, S. 149). Брока исчисляетъ ширину гренландскаго черепа въ 71,71; Бессель изъ 100 измѣреній—71,37; а для указателя высоты 76,91 (Arch. f. Anthrop., Bd. VIII, S. 120). Между тѣмъ средній указатель ширины у гренландцевъ, посѣтившихъ Европу, доходилъ до 75,6, а у эскимосовъ Лабрадора (5 индивидовъ) 74,1. Но лабрадорскіе черепа коллекціи Блуменбаха наравнѣ съ тѣми, которые были измѣрены Джеффрисъ Ваймэномъ и однимъ черепомъ, вырытымъ изъ могилы въ Гебронѣ, оказались почти одинаковыми съ измѣреніями Брока и Бесселя, такъ какъ ихъ указатель ширины среднимъ числомъ доходитъ только до 71,6, а указатель высоты 74,6; но тѣмъ не менѣе эти размѣры достаточно велики, чтобы форма черепа могла быть названа гипси доликефальной. Вирховъ первоначально приписывалъ головамъ гренландцевъ главные признаки лептоскафокефаліи съ прогнатизмомъ и колоссальнымъ развитіемъ лицевыхъ костей (Arch. f. Anthrop., Bd. IV, S. 75) и даже позднѣе держался того мнѣнія, что въ этой формѣ заключается то, что называется американской физіономіей: широкое продолговатое лицо, сравнительно большой и длинный носъ, рѣзко отличающійся отъ носовъ Стараго Свѣта, съуженный кверху лобъ и не менѣе массивное развитіе нижней и верхней челюсти (Verhdl. d. Berl. Gesell. f. Ethnol. 1878, S. 149). Затѣмъ великій берлинскій ученый, познакомившись съ живыми эскимосами, еще болѣе утвердился въ мнѣніи, что форма ихъ череповъ сжата съ боковъ и выступаетъ кверху крышеобразно, такъ что сагиттальная область возвышается на подобіе небольшаго гребня (crista), между тѣмъ какъ жевательные мускулы вполнѣ покрываютъ боковыя части черепа. Сообразно съ этимъ, зубная полость чрезвычайно развита, а именно нижняя челюсть настолько выпукла наружу, что лицевой разрѣзъ головы образуетъ родъ конуса, основаніе котораго находится внизу. На живыхъ субъектахъ это впечатлѣніе особенно усиливается округлостью щекъ и толщиной выступающихъ впередъ губъ (A. a. O. 1878, S. 187). Слѣдовательно, здѣсь идетъ дѣло не объ американской физіономіи, а о монгольскомъ типѣ лица, къ которому всего ближе подходятъ эскимосы. Это почти та-же ширина лица, которая главнымъ образомъ происходитъ отъ выпуклости скулъ и нижнечелюстнаго угла. Придатки жевательныхъ мускуловъ по бокамъ черепа сильно развиты и, что особенно характерно, едва-ли найдется другая раса, у которой эти придатки (lineae semicirculares temporum), лежащіе обыкновенно у насъ на три пальца надъ ухомъ, были-бы такъ высоко подняты; подобно человѣкообразнымъ обезьянамъ, эти придатки у нихъ почти доходятъ до средины черепа. Равнымъ образомъ форма рта съ большими и сравнительно толстыми губами, а именно нижней (и особенно у женщинъ), въ высшей степени напоминаетъ рты антропоидовъ, какъ, напримѣръ, шимпанзе. Онъ болѣе выдается впередъ, нежели этого требуетъ расположеніе зубовъ и челюстныхъ отростковъ. Собственно прогнатизмъ выраженъ здѣсь очень слабо. Вообще нижняя часть лица съуживается книзу;

подбородокъ въ большинствѣ случаевъ узкій. Монгольскій типъ особенно выступаетъ въ устройствѣ глазничной области. Глаза совершенно темные и впалые; разрѣзъ вѣкъ узкій и короткій, такъ что глазное яблоко съ своей коричневой радужной оболочкой въ большинствѣ случаевъ кажется очень малымъ. При этомъ собственно нижняя вѣка опущена, между тѣмъ какъ верхняя приподнята и кажется длиннѣе вслѣдствіе густыхъ, высоко приподнятыхъ бровей. Внутренній уголъ глаза прикрытъ особой складкой въ видѣ полумѣсяца, которая у иныхъ образуетъ какъ-бы родъ третьей вѣки, а у людей нашей расы считается болѣзненнымъ явленіемъ (Epicanthis). Затѣмъ глаза чрезвычайно удалены другъ отъ друга, что составляетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ особенностей эскимосскаго лица. Разстояніе между внутренними углами глазъ достигаетъ среднимъ числомъ 36,0 мм., длина разрѣза вѣкъ 59,7 мм. Все это указываетъ на своеобразное развитіе глазничныхъ впадинъ, которое связано съ измѣненнымъ положеніемъ скулъ, выступающихъ впередъ и немного искривленныхъ. Такимъ образомъ вся глазничная область отъ щелеобразнаго устройства глазъ является совершенно такой-же, какъ у монголовъ. Уши вообще велики и длинны; у большинства ушная мочка, приросшая или, по крайней мѣрѣ, очень мало отдѣляется отъ кожи щекъ. Строеніе носа довольно разнообразное. По исчисленіямъ Брока́, который опредѣляетъ носовой указатель эскимосовъ въ 42,33 (Rev. d'Anthrop. 1872, p. 35), они находятся на самой низкой степени лепторриніи, т. е. изъ всего человѣческаго рода отличаются наиболѣе узкими носами; между тѣмъ Вирховъ находитъ, что у гренландцевъ плоскіе носы имѣютъ указатель въ 59,2—75,2 и даже 76, вслѣдствіе чего они могутъ быть прямо причислены къ категоріи платирриновъ или плосконосыхъ. Онъ исчислилъ носовой указатель лабрадорскихъ эскимосовъ у пяти индивидовъ въ 65,6, такъ что и они равнымъ образомъ принадлежатъ къ широконосымъ. Само собою разумѣется, что эти измѣренія были сдѣланы надъ живыми людьми; и нѣмецкій ученый не берется рѣшить, какія цифры получились бы соразмѣрно съ этимъ на обнаженномъ черепѣ. У могильныхъ череповъ Геброна носовой указатель достигаетъ только 43,5 и слѣдовательно близко подходитъ къ исчисленіямъ Брока̀. По свидѣтельству этого ученаго, средняя емкость черепа доходитъ до 1492,83 куб. сант., что приближаетъ эскимосовъ къ китайцамъ и монголамъ (Rev. d'Anthrop. 1873, p. 502). Между тѣмъ, Бессель нашелъ, что емкость у 90 череповъ доходила только до 1378 куб. сант. Наконецъ, въ недавнее время Худзинскій изслѣдовалъ мозгъ трехъ эскимосовъ, умершихъ въ Парижѣ и нашелъ, что при незначительныхъ размѣрахъ переднихъ долей затылочная и височно-клиновидная достигли необыкновеннаго развитія (Revue Scientifique de la France et de l'étranger, 9 juillet 1881, p. 56).

По цвѣту кожи инуиты представляютъ собой настолько темнокожую расу, что они могутъ быть поставлены на ряду съ племенами, живущими непосредственно около экватора. По описанію Кранца, кожа на тѣлѣ темносѣрая; лицо темно-коричневое съ красноватымъ оттѣнкомъ; но дѣти родятся бѣлокожими и только мало по малу, вслѣдствіе климата, животной пищи и нечистоплотности получаютъ вышеупомянутую окраску. Между тѣмъ Вирховъ находитъ, что у нихъ цвѣтъ кожи темно-красный, переходящій въ коричневый, который равномѣрно распространенъ по всему тѣлу. Толстыя полныя щеки у дѣтей ярко-красныя; у взрослыхъ красноватыя, равно и губы, вслѣдствіе чего лица ихъ кажутся болѣе свѣжими, нежели вообще у цвѣтныхъ людей. Десны, въ особенности на нижней челюсти, очень сильно пигментированы, блѣдно-синія, и иногда даже съ пятнами. Кожа вообще чрезвычайно нѣжная, мягкая на ощупь, тонкая и при этомъ такая-же гладкая, какъ кожа африканцевъ. Цвѣтъ волосъ постоянно черный. Волоса на головѣ у взрослыхъ людей длинные, очень толстые и блестящіе; они никогда не бываютъ курчавые или волнистые, но совершенно прямые. Бакенбарды почти отсутствуютъ; но

усы и борода очень густые, хотя послѣдняя ограничивается однимъ подбородкомъ. На остальномъ тѣлѣ почти нѣтъ волосъ. Темный цвѣтъ кожи, абсолютно черные волоса, жесткіе и толстые, какъ лошадиная грива, наконецъ, темные глаза, хотя и не черные, но всегда темно-коричневые,—все это представляетъ рядъ признаковъ, параллельныхъ съ племенами монгольской расы (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Ethnol. 1880, S. 256—222).

Между нынѣшними жителями Годгавна, самаго важнаго поселенія въ Гренландіи, очень мало чистокровныхъ эскимосовъ; они большею частью представляютъ помѣсь, что послужило имъ въ пользу, такъ какъ между ними встрѣчаются очень красивые субъекты съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, хотя съ своеобразными чертами лица эскимосской расы. Они небольшаго роста, но изящно сложены; особенно у женщинъ и дѣвушекъ такія маленькія и изящныя руки и ноги, что въ этомъ отношеніи многія европейскія женщины позавидовали-бы имъ. Ремесленники датчане, работающіе по найму въ Гренландіи, очень часто женятся на эскимосскихъ дѣвушкахъ. Дѣти отъ подобныхъ браковъ рѣдко выучиваются датскому языку, но остаются эскимосами и перенимаютъ ихъ нравы и обычаи.

Что-же касается характера инуитовъ, то мы, не опасаясь противорѣчій, можемъ сослаться на двухъ вышеупомянутыхъ ученыхъ: Кранца и Эллиса. Все, что они сообщаютъ о сангвинико-флегматическомъ темпераментѣ эскимосовъ, вполнѣ подходитъ къ нынѣшнимъ гренландцамъ. Эллисъ говоритъ о нихъ, что „они веселаго и живаго нрава, между тѣмъ въ дѣйствительности оказываются очень хитрыми, плутоватыми и льстивыми и только думаютъ о томъ, какъ-бы похитить какую нибудь мелочь у чужестранцевъ“. Но Ринкъ замѣчаетъ по этому поводу, что воровство почти неизвѣстно у нихъ; и можно цѣлыми годами путешествовать по Гренландіи съ открытыми чемоданами, не испытавъ ни малѣйшей пропажи. Равнымъ образомъ онъ считаетъ неосновательными обвиненія въ корыстолюбіи, скупости неуслужливости и неблагодарности. Одно несомнѣнно, что здѣсь первую роль играетъ минутное наслажденіе. Гренландцы добродушны и привѣтливы, какъ между собой, такъ и въ сношеніяхъ съ иностранцами. Примѣры противорѣчія слова съ дѣломъ настолько рѣдки, что они почти неизвѣстны. Это объясняется главнымъ образомъ ихъ флегматичностью; но при этомъ не подлежитъ сомнѣнію, что у нихъ много такта въ смыслѣ приличій и силы воли, чтобы подавить свои чувства или скрыть ихъ. (Anton von Etzel, Grönland geographisch und statistisch beschrieben. Stuttgart—1880, S. 339—342).

Само собою разумѣется, что не всѣ гренландцы одинаковы и что между ними, какъ у всѣхъ другихъ націй, встрѣчаются люди холерическаго темперамента, а равно и меланхолики. Они вообще не отличаются особенною живостью, а тѣмъ болѣе веселостью или сластолюбіемъ; но они воспріимчивы, привѣтливы и общительны, мало заботятся о будущемъ и накопленіи богатства, хотя не особенно охотно помогаютъ неимущимъ. Помимо своеобразнаго высокомѣрія, которое нельзя отрицать въ нихъ, у гренландцевъ много такъ называемой „мужицкой гордости“; они считаютъ себя выше европейцевъ, или kablunät (какъ они величаютъ ихъ на своемъ языкѣ), и втайнѣ насмѣхаются надъ ними. Хотя гренландцы должны признать надъ собой преимущество

бѣлокожихъ людей относительно ума и искусства въ работѣ, но они не въ состояніи оцѣнить этого. Съ другой стороны, самомнѣнію туземцевъ много способствуетъ ихъ неподражаемая ловкость въ ловлѣ тюленей, которая питаетъ ихъ и доставляетъ все необходимое. При этомъ они дѣйствительно далеко не такъ глупы и тупоумны, какъ вообще привыкли смотрѣть на дикарей, потому что въ сферѣ своей дѣятельности они довольно остроумны. Но, съ другой стороны, они вовсе не такъ образованы и развиты въ умственномъ отношеніи, какъ нѣкоторые описываютъ ихъ. Мыслительныя способности направлены у нихъ на дѣла, относящіяся къ ихъ существованію; и все, что не имѣетъ съ этимъ непосредственной связи, вовсе не интересуетъ ихъ. Такимъ образомъ, они скорѣе могутъ быть названы простодушными, чѣмъ глупыми людьми; и имъ вообще нельзя отказать въ умѣ, хотя они неспособны къ отвлеченному мышленію. Гренландцы только однихъ себя считаютъ нравственными или благонравными людьми, потому что многіе неприличные поступки, которые они слишкомъ часто видѣли у европейцевъ, составляютъ между ними рѣдкость или вовсе не встрѣчаются. Поэтому, когда они видятъ иностранца, ведущаго скромную уединенную жизнь, то они говорятъ: „онъ почти такой-же благонравный, какъ мы"; или: „онъ становится человѣкомъ, т. е. гренландцемъ". Они вообще терпѣливы и стараются избѣжать близкой встрѣчи съ непріятелемъ, но если дорога настолько узка, что бѣгство оказывается невозможнымъ, то они приходятъ въ отчаяніе и готовы броситься куда угодно, хотя-бы въ огонь или воду. Они не лѣнивы и всегда чѣмъ-нибудь заняты, но крайне непостоянны, легко берутся за дѣло и бросаютъ его, если встрѣтятъ непредвидѣнныя затрудненія. Лѣтомъ гренландцы спятъ пять или шесть часовъ, а зимой восемь. Но послѣ усиленной работы и безсонной ночи они спятъ цѣлый день. По утрамъ они обыкновенно задумчивы и недовольны и въ мрачномъ молчаніи поглядываютъ на море и погоду, такъ какъ имъ предстоитъ дневной трудъ, сопряженный съ опасностями. Но если у нихъ нѣтъ работы или они благополучно возвратятся домой съ ловли, то бываютъ очень веселы и разговорчивы. Они настолько умѣютъ скрывать свои ощущенія, что по наружному виду ихъ можно принять за стоиковъ. Въ несчастіи они чрезвычайно хладнокровны; гнѣвъ ихъ очень трудно возбудить; а, съ другой стороны, они умѣютъ подавить свое неудовольствіе; и въ этомъ случаѣ становятся нѣмы, какъ рыбы, угрюмы и воспользуются первой возможностью, чтобы отомстить врагу" (Cranz. Historie von Grönland, Bd. I, S. 180—182).

Умственныя способности эскимосовъ вообще плохо развиты, хотя въ этомъ отношеніи между ними замѣтны существенныя различія. Они легко схватываютъ чужую мысль, такъ что недостатокъ интеллигенціи скорѣе происходитъ отъ невѣжества, нежели отъ тупоумія. Хотя не разъ писали, что они могутъ считать только по пальцамъ, т. е. до десяти (и они обыкновенно рѣдко употребляютъ цифры выше 5—10), но д-ръ Сэтерлэндъ, жившій у эскимосовъ Гогардъ-зунда въ 1846 году, считаетъ это извѣстіе невѣрнымъ, потому что знакомый ему эскимосъ сосчиталъ при немъ безъ труда и не прибѣгая къ пальцамъ до 30, и другіе его соплеменники, повидимому, также были знакомы съ этими цифрами. (Ausland, 1854, S. 216). Тѣмъ не менѣе въ новѣйшее время Г. В. Ключакъ, одинъ изъ участниковъ экспедиціи Шватка 1878—1880 года, утверждаетъ, что числа, по крайней мѣрѣ у американскихъ инуитовъ, составляютъ слабѣйшую сторону ихъ раз-

витія. Ихъ понятія о абсолютныхъ числахъ не простираются далѣе двадцати. Все, что выше цифры 20, выражается съ помощью пальцевъ или словомъ „amischuadly", т. е. „много". (Glutschak, Als Eskimo unter den Eskimo. Wien 1881, S. 85—86). Д-ръ Раэ сообщаетъ объ эскимосахъ у залива Репульсъ, что нѣкоторые изъ нихъ бѣгло говорили на французскомъ и англійскомъ языкѣ, помимо различныхъ индѣйскихъ діалектовъ, на которыхъ они объяснялись совершенно свободно. (A. a. O. 1858, S. 168). Они такъ хорошо знакомы съ окружающимъ ихъ моремъ и берегами, что могли бы начертить болѣе вѣрную и точную карту, нежели европейцы. Ключакъ придаетъ особенное значеніе ихъ наблюдательности и видитъ въ этомъ доказательство ихъ умственныхъ силъ, превосходящихъ всякое ожиданіе. Вирховъ вполнѣ согласенъ съ этимъ взглядомъ. Ихъ умъ несомнѣнно склоненъ къ развитію, и даже самые дикіе эскимосы представили многочисленные образцы своихъ высокохудожественныхъ произведеній. Миссіонеры гернгутеры хвалятъ ихъ пѣніе и находятъ, что они дѣйствительно обладаютъ музыкальными дарованіями. Нѣкоторые эскимосы, въ присутствіи д-ра Бесселя, вырѣзывали изъ дерева вполнѣ характерныя фигуры животныхъ и людей. Съ помощью жалкихъ орудій имъ удавалось изобразить типичныя особенности эскимосской физіономіи, а равно и европейскаго типа. Многихъ звѣрей можно было узнать съ перваго взгляда. (Bessels. Amerik. Nordpol-Exped., S. 370—371). Аббатъ Петито представилъ намъ нѣсколько рисунковъ, сдѣланныхъ эскимосами чиглитами на рѣкѣ Мэккензи, которые вполнѣ подтверждаютъ вышеприведенное извѣстіе. Что касается умственныхъ произведеній, требующихъ бо́льшаго вниманія и сообразительности, то они во всякомъ случаѣ не особенно способны къ нимъ. Но они обладаютъ оригинальной поэзіей, пѣснями, состоящими изъ короткихъ отрывковъ въ перемежку съ длинными припѣвами, въ которыхъ сокращены слова, и языкъ при всей своей поэтичности едва понятенъ. Строфы приспособлены такимъ способомъ, что при повтореніяхъ приходится дополнять смыслъ съ помощью догадокъ, такъ что эти пѣсни исключительно разсчитаны для устнаго изложенія и для извѣстныхъ слушателей. Равнымъ образомъ туземцы пишутъ статьи на туземномъ языкѣ въ Journal von Grönland. Наконецъ одинъ эскимосъ, имя котораго тѣсно связано съ исторіей новѣйшихъ полярныхъ экспедицій, написалъ свое жизнеописаніе, которое по справедливости удостоилось перевода на европейскій культурный языкъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ права считать слишкомъ низкими умственныя способности этихъ полярныхъ людей. (Hellwald) Im ewigen Eis. Geschichte der Nordpolfahrten von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Stuttgart 1881, S. 246). Того-же взгляда держится Адольфъ Эрикъ Норденшельдъ, который особенно распространяется о чувствѣ собственнаго достоинства эскимосовъ и въ подтвержденіе этого приводитъ характеристическій при-

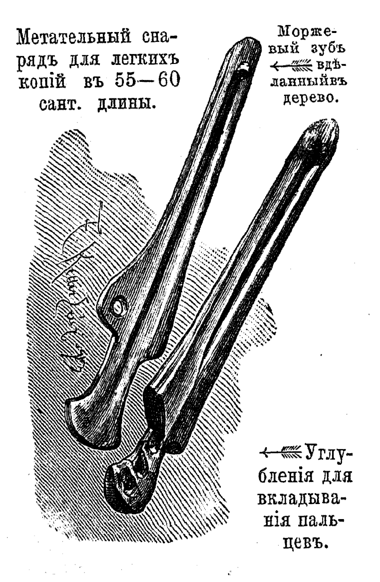
мѣръ. (Die Umseglung Asiens und Europas auf der Vega 1878—1880. Leipzig, 1881, S. 81).

Матеріальныя условія жизни.

Инуиты раздѣляются на многія мелкія племена, которыхъ мы не можемъ считать кочевыми, такъ какъ, благодаря традиціоннымъ постановленіямъ, они связаны съ извѣстными округами и могутъ пе иначе переступать ихъ границы, какъ съ согласія своихъ сосѣдей. Они мѣняютъ свое мѣстожительство только въ предѣлахъ своихъ собственныхъ владѣній съ цѣлью охоты и сообразно различнымъ временамъ года, что даетъ имъ возможность пользоваться разнообразнымъ животнымъ богатствомъ страны. Это главнымъ образомъ относится къ эскимосамъ, живущимъ вдали отъ моря. Береговые жители, какъ напр. въ Гренландіи или у Гудзонова залива преимущественно рыболовы, но при этомъ также въ значительной мѣрѣ питаются добычей съ охоты. Главной пищей служатъ для нихъ морскія животныя, особенно тюлень (Phoca groenlandica, Mull.), который играетъ первую роль въ жизни эскимосовъ; затѣмъ дельфины, убиваемые въ большомъ количествѣ и безъ особеннаго труда. Мясо этихъ животныхъ отчасти высушиваютъ на зиму; но обыкновенно его ѣдятъ сырымъ, хотя Кранцъ отвергаетъ это относительно гренландцевъ. (Historie von Grönland, Bd. I, S. 189). По извѣстіямъ Бесселя, жители Итаса, поселенія на сѣверномъ берегу Фулькефіорда, ѣдятъ мясо какъ въ сыромъ, такъ и въ жаренномъ видѣ, хотя безъ малѣйшей примѣси соли. Что же касается американскихъ инуитовъ, то нужно считать несомнѣннымъ фактомъ, что они ѣдятъ сырое мясо, такъ какъ благодаря этому они получили прозвище эскимосовъ, отъ своихъ сосѣдей индѣйцевъ. Растительная пища можетъ считаться лакомствомъ, которымъ туземцы наслаждаются изрѣдка.

Мясо сѣвернаго оленя особенно цѣнится у эскимосовъ, какъ лакомое блюдо; и здѣсь первую роль играетъ „Nerukak" (т. е. съѣдомое по преимуществу), а именно желудокъ оленя съ его содержимымъ. Туземцы обыкновенно приправляютъ его ворванью и ягодами, и не иначе угощаются имъ, какъ въ обществѣ своихъ лучшихъ друзей. Еслибы эскимосы были умѣреннѣе и предусмотрительнѣе, то они могли бы круглый годъ жить въ свое удовольствіе, потому что для этого было-бы вполнѣ достаточно того количества мяса, какое доставляетъ имъ охота. Но какъ только является изобиліе въ пищѣ, они тотчасъ превращаются въ дикарей по своей безумной самонадѣянности. Имъ не приходитъ въ голову дѣлать какіе-либо запасы; они только набиваютъ себѣ по возможности желудки и раздаютъ остальное, хотя впослѣдствіи имъ приходится черезъ это терпѣть нужду и горе. Вдобавокъ, нельзя не удивляться тому количеству пищи, какое можетъ поглотить желудокъ эскимоса. Охотникъ, который возвращается проголодавшись домой, можетъ безнаказанно съѣсть отъ 4—5 килл. мяса. По свидѣтельству Бесселя, онъ находитъ это вполнѣ естественнымъ. „Лѣвой рукой онъ беретъ огромный кусокъ мяса, набиваетъ

имъ ротъ, насколько окажется возможнымъ, а остатки срѣзаетъ ножомъ у самыхъ губъ. Затѣмъ усердно жуетъ обѣими челюстями съ неимовѣрнымъ шумомъ“ (Die amerikanische Nordpolexpedition, S. 364). Но эту прожорливость слѣдуетъ, повидимому, приписать климату. Такъ, напримѣръ, американскій полярный путешественникъ Чарльсъ Фрэнсисъ Голль, который прожилъ пять лѣтъ между американскими инуитами у залива Репульсъ, Фьюри и пролива Гекла и раздѣлялъ ихъ образъ жизни,—съѣдалъ, между прочимъ, 7,5 килл. сырого мяса въ день и выпивалъ 2½ пинта, т. е. 1,41 литра рыбьяго жира, и при этомъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ! То же сообщаетъ Г. В. Ключакъ, прожившій два года между американскими эскимосами. По его словамъ, сырое мясо составляетъ здѣсь главную пищу и то количество его, которое человѣкъ поглощаетъ въ день безъ вреда для здоровья, составляетъ полное противорѣчіе съ существующими понятіями объ умѣренности. При этомъ Ключакъ особенно хвалитъ сало — это единственное лакомство эскимоса; „я долженъ сознаться“—добавляетъ онъ,—что мы также до извѣстной степени находили въ немъ нѣчто пикантное“. (Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimo, S. 129). Кранцъ равнымъ образомъ утверждаетъ, что гренландцы не пьютъ рыбьяго жира и что чистая вода составляетъ ихъ любимый напитокъ (Historie von Grönland, Bd. I, S. 191), хотя не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ соплеменники съ удовольствіемъ пьютъ рыбій жиръ, въ чемъ убѣждаетъ насъ примѣръ Ч. Ф. Голля. Послѣдній замѣчаетъ, что пища, состоящая изъ сырого мяса и ворвани, превосходно предохраняетъ отъ холода. Въ Гренландіи запрещенъ ввозъ спиртныхъ напитковъ. Однако, несмотря на это, эскимосы хорошо знакомы съ грогомъ и водкой и знаютъ имъ цѣну, какъ утерждаетъ Алоизъ Беккеръ, лейтенантъ австрійскаго линейнаго корабля, получившій дозволеніе сопровождать англійскую яхту „Pandora“ въ ея полярной экспедиціи (Die arktische Reise der englischen Jacht Pandora im Jahre 1876 unter Kommando des Kapitän Sir Allen Young. Pola 1878. S. 15). По всѣмъ вѣроятіямъ, эскимосы познакомились съ этимъ культурнымъ продуктомъ, благодаря китоловамъ. Они также страстные почитатели табаку, который они частью курятъ, но преимущественно нюхаютъ, такъ что нѣкоторые скорѣе готовы отдать послѣднее имущество и терпѣть нужду съ женой и дѣтьми, нежели отказаться отъ нюхательнаго табаку.



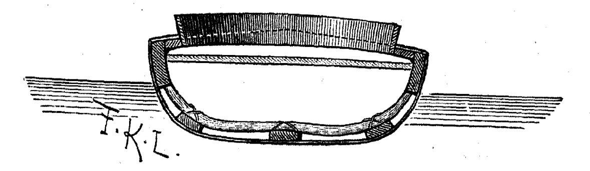
Метательный снарядъ для легкихъ копій въ 55—60 сант. длины.

Эскимосы лишены возможности заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ, и поэтому охота служитъ для нихъ главнымъ средствомъ пропитанія. Зимніе мѣсяцы особенно благопріятны для ловли тюленей, моржей и рогозубовъ; а лѣтомъ эскимосы получаютъ большую прибыль отъ рыбной ловли, которая доставляетъ имъ превосходную семгу и треску. Медвѣди и настоящіе гренландскіе киты встрѣчаются чрезвычайно рѣдко въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ лѣсная охота даетъ зайцевъ, лисицъ и бѣлыхъ куропатокъ. Сѣверо-американскіе

инуиты, живущіе внутри страны, охотятся за мускусными быками, бѣлыми медвѣдями и преимущественно за сѣвернымъ оленемъ, который также служитъ для нихъ однимъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія. Сѣверный олень попадается въ Гренландіи только въ дикомъ состояніи, а не въ ручномъ, какъ въ Лапландіи. Собака составляетъ здѣсь единственное домашнее животное, она служитъ также для перевозки тяжестей и даже употребляется въ пищу въ голодное время. Охота производится или на морѣ въ туземныхъ лодкахъ или на льду; въ послѣднемъ случаѣ сопутствуютъ собаки, запряженныя въ сани.

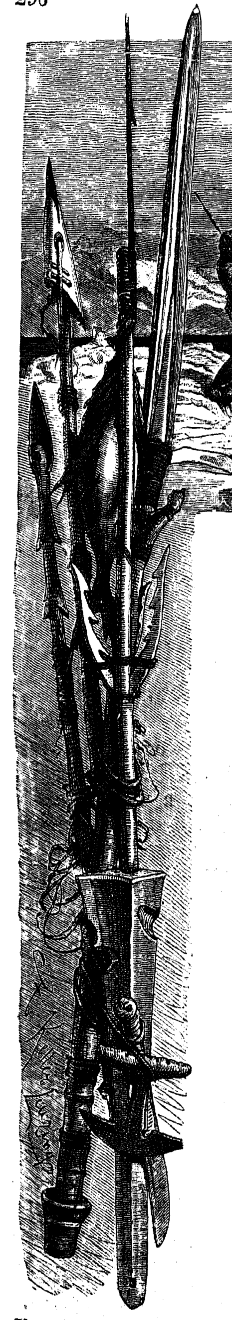
Каякъ (лодка) эскимосовъ.

Лодки эскимосовъ называются „Kajak" (или „krajak", по отзыву Петито; при этомъ р выговаривается какъ гортанная буква), а также „Umiak". Каяки предназначаются для одного гребца съ двойнымъ весломъ; и не подлежитъ сомнѣнію, что между лодками всѣхъ существующихъ націй, они самыя легкія и красивыя, хотя требуютъ большаго искусства чтобы управлять ими. Каякъ



Каякъ въ поперечномъ разрѣзѣ.

представляетъ собою лодку отъ 5—6 м. длины и около ½ м. ширины; остовъ его дѣлается изъ легкаго дерева, скрѣпленнаго деревянными гвоздями и ремнями изъ тюленьей кожи. Затѣмъ каякъ тщательно зашиваютъ въ тюленьи шкуры и только на палубѣ оставляется небольшое отверстіе для гребца. Это отверстіе окружено деревяннымъ бортомъ, къ которому пришнуровываютъ кожаную куртку эскимоса, чѣмъ заполняется пространство между тѣломъ и люкомъ и становится почти непроницаемымъ для воды. Куртка эскимоса снабжена капишономъ и завязывается подъ мышками, такъ что вода проходитъ черезъ нее въ небольшомъ количествѣ, и лодочникъ съ лодкой какъ-бы



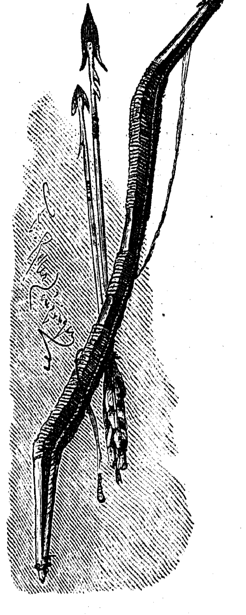
Копья изъ моржеваго зуба, гарпуны, метательный снарядъ и ножъ эскимоса.

прирастаютъ другъ къ другу. До чего доходитъ ловкость эскимосовъ въ греблѣ и управленіи этими маленькими челноками, можно видѣть изъ того, что они выѣзжаютъ иногда въ море для рыбной ловли за 15—20 миль; и между прочимъ для фокуса за мелкую серебряную монету опрокидываются вмѣстѣ съ лодкой внизъ головой; затѣмъ опять приподнимаются съ помощію весла и, осклабясь, получаютъ въ награду серебряную монету, глотокъ рому и трубку табаку. Маленькое двойное весло („Pantik“) расширено въ ладонь на обоихъ концахъ и обыкновенно выложено по краямъ костью.

Оружіе эскимосовъ состоитъ изъ копья, пики съ бакеномъ и ручкой, употребляемой въ видѣ метательнаго оружія (которымъ однако никогда не пользуются эскимосы Ита), затѣмъ метательнаго копья для убиванія птицъ и стрѣлъ и лука изъ сосноваго дерева. Наконечники этого оружія нѣкогда дѣлались изъ камня и костей; но теперь ихъ изготовляютъ изъ мѣди и желѣза. Эскимосы, собираясь на охоту, вооружаются двумя гарпунами; гренландцы-же берутъ съ собою, кромѣ того, ружье. Гарпуны („Erneinek“) для охоты за болѣе крупными животными (какъ напр. тюленями и моржами) сдѣланы въ высшей степени цѣлесообразно. Онъ состоитъ изъ четырехъ частей: a) рукоятки ясеневаго дерева отъ 1½ до 2 м. длины; b) въ верхній конецъ рукоятки вложена пластинка изъ моржеваго зуба; c) къ послѣдней прикрѣпленъ кожаными ремнями коническій кусокъ моржеваго зуба, и d) на этотъ конусъ надѣтъ острый наконечникъ гарпуна. Отъ наконечника протянутъ моржевый ремень около 10 м. длины; къ другому концу его привязана тюленья шкура, надутая воздухомъ и положенная въ каикъ, позади гребца. Гарпунъ бросаютъ съ помощію своеобразной метательной доски („Norsak“), а именно небольшаго трехъугольнаго деревяннаго ободка. Метательныя доски помимо Австраліи и Полинезіи (гдѣ мы уже имѣли случай познакомиться съ ними), встрѣчаются еще у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ, какъ напр., у древнихъ мексиканцевъ, такъ что было бы некстати причислять эскимосовъ за употребленіе этого оружія къ низшимъ расамъ другихъ частей свѣта. Эскимосы не накладываютъ, подобно австралійцамъ, наконечника копья или гарпуна на ровную поверхность метательной доски, но вдѣваютъ косой гвоздеобразный выступъ рукоятки въ отверстіе узкой доски, выдолбленной въ длину, что при накладываніи руки служитъ точкой

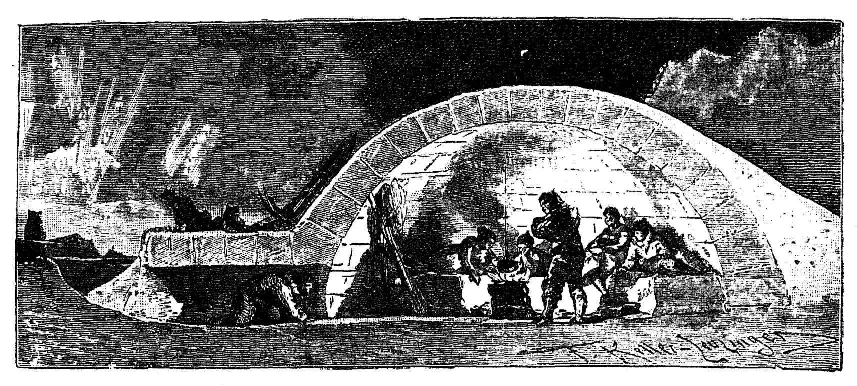
опоры для средней части рукоятки. При мѣтко направленномъ ударѣ остріе гарпуна вонзается въ тѣло животнаго, между тѣмъ какъ рукоятка отскакиваетъ, всплываетъ на поверхность воды и вытаскивается гребцомъ. Но, такъ какъ остріе гарпуна привязано кожаными ремнями къ надутой тюленьей шкурѣ, лежащей въ лодкѣ, то этотъ своеобразный бакенъ удерживаетъ животное и мѣшаетъ его движеніямъ. Когда раненое животное ослабѣетъ отъ потери крови, то его притягиваютъ къ лодкѣ и окончательно убиваютъ. Такъ называемый „Nuguit“ или гарпунъ меньшихъ размѣровъ употребляется противъ раненыхъ птицъ и рыбъ. Онъ состоитъ изъ тонкой рукоятки около метра длины, на верхнемъ концѣ которой налаженъ обыкновенный гвоздь; затѣмъ въ небольшомъ разстояніи отъ него придѣланы три небольшихъ тюленьихъ ребра, обращенныхъ остріемъ вверхъ, такъ что если копье не попадаетъ въ цѣль, то добыча защемляется между рукояткой и однимъ изъ трехъ реберъ.

Что касается огнестрѣльнаго оружія, то нынѣшніе гренландцы употребляютъ простые штуцеры съ пулевымъ зарядомъ, между тѣмъ какъ эскимосы большею частью сами вырѣзываютъ ложа ружей, привозимыхъ изъ Европы въ необдѣланномъ видѣ. Они вообще умѣютъ обращаться съ ружьями и на близкомъ разстояніи ловкіе стрѣлки. Но такъ какъ они притомъ постоянно употребляютъ пули, то изъ боязни потратить даромъ порохъ и свинецъ неохотно рискуютъ выстрѣлами на далекомъ разстояніи. Для оружія отведено опредѣленное мѣсто въ каякѣ или собственно на декѣ: направо и налѣво отъ гребца положены гарпуны на подставкахъ; посреди на кругломъ деревянномъ станкѣ навиты веревки; сзади въ чехлѣ изъ тюленьей кожи лежитъ ружье и надутая воздухомъ тюленья шкура. (A. von Becker, Arktische Reise der Pandora, S. 16—17).


Лукъ и стрѣлы эскимоса. Лукъ скрѣпляется плотнымъ шнуркомъ, привязаннымъ съ наружной стороны.

„Umiak“ или „Omnjak“, означаетъ въ буквальномъ переводѣ „лодку женщинъ“. Этимъ именемъ называютъ шлюпку большихъ размѣровъ; она также, какъ и каякъ, дѣлается изъ тонкихъ деревянныхъ дощечекъ съ обшивкой изъ тюленьихъ шкуръ и настолько велика, что можетъ вмѣстить отъ 20—25 человѣкъ. Названіе „женской лодки“ объясняется тѣмъ, что бо́льшею частью женщины управляетъ ею; изъ нихъ четыре исполняютъ роль гребцовъ, а пятая правитъ сзади весломъ. Править „umiak’омъ считается постыднымъ для мужчинъ; и они принимаются за это только въ случаѣ крайней необходимости“, какъ замѣчаетъ Кранцъ, который въ своемъ сочиненіи „Исторія Гренландіи“, подробно описываетъ эти лодки. (Historie von Grönland, Bd. I, S. 197—199).

Для сухопутнаго сообщенія у эскимосовъ съ давнихъ временъ употреблялись сани, въ которыхъ они запрягали собакъ, хотя ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ остальной Америкѣ. Что же касается простыхъ техническихъ работъ, вызванныхъ потребностями ихъ національной жизни, то эскимосы придерживаются извѣстныхъ формъ, которыя очевидно принадлежатъ весьма отдаленному времени. Вся техника ограничена матеріаломъ, который доставляетъ природа страны: и нельзя не удивляться, до какого совершенства они довели обработку костей морскихъ животныхъ, какъ напр., тюленей, моржей и китовъ, тѣмъ болѣе, что они изготовляютъ изъ нихъ всевозможныя вещи



Продольный разрѣзъ „Iglu“ (зимней хижины).

не только для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, но и для украшенія. Вдобавокъ этого рода работы представляютъ самое поразительное соотношеніе съ культурой европейскаго каменнаго періода, а именно: древнихъ пещерныхъ обитателей Южной Европы по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ эта культура проявляется въ троглодитовыхъ остаткахъ южно-французскихъ и сѣверо-испанскихъ пещеръ.

Утварь эскимоса: заступъ изъ моржеваго зуба (около мыса Барроу). Мѣдные и желѣзные ножи изъ Викторіа-зунда и пролива принца Уэльскаго. Костяные ножи у Гудзонова пролива.

Жилища инуитовъ бываютъ двоякаго рода: лѣтомъ шалаши, зимой хижины или такъ называемыя „Iglu“ (въ Америкѣ „Igolo“). Шалаши почти одинаковы у всѣхъ племенъ: на четырехъ жердяхъ развѣшивается двойной рядъ тюленьихъ шкуръ; приэтомъ всякій шалашъ у входа имѣетъ наибольшую высоту, а на задней сторонѣ почти прикасается къ землѣ. Нижніе края шкуръ покрывающихъ шалашъ закладываютъ каменьями и затыкаютъ мохомъ; входъ закрытъ занавѣсью изъ сшитыхъ тюленьихъ кишокъ, которая, защищая отъ вѣтра, въ то же время достаточно пропускаетъ свѣтъ. Инуиты переселяются въ хижины въ октябрѣ и снова покидаютъ ихъ въ мартѣ, апрѣлѣ или маѣ, смотря потому, раньше или позже стаетъ снѣгъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ можетъ размокнуть крытая дерномъ крыша. „Iglu“ бываютъ различной формы, то въ видѣ продолговатаго четырехъугольника или полушара, то круглыя или похожія на улей. Изобрѣтеніе свода, очевидно, было сдѣлано вполнѣ самостоятельно

и приноситъ тѣмъ болѣе чести эскимосамъ, что ни одинъ изъ культурныхъ народовъ Мексики не додумался до этого. Эскимосскія хижины на крайнемъ сѣверѣ дѣлаются изъ снѣга; но въ другихъ мѣстностяхъ онѣ строятся бо̀льшею частью изъ камня, земли и деревянныхъ балокъ. Только инуиты средняго раіона (въ Америкѣ до Скалистыхъ горъ) строятъ хижины изъ ледяныхъ глыбъ, а на западѣ изъ досокъ. Но вообще всѣ эти жилища сдѣланы по одному плану.

Гренландка.

Узкій туннель въ 1 м. высоты и $2^1/_2$—$3^1/_4$ м. длины образуетъ входъ. Въ этотъ туннель приходится вползать на четверенкахъ, и посѣтитель долженъ считать особеннымъ благополучіемъ, если на полдорогѣ на него не нападутъ съ обѣихъ сторонъ собаки; ему тогда ничего не остается дѣлать, какъ громко взывать о помощи, пока находящіеся въ хижинѣ или хозяинъ дома не успокоитъ разъяренныхъ животныхъ. Наконецъ вы ощупью находите дверь и вползаете въ хижину. Она обыкновенно круглая и имѣетъ въ діаметрѣ около $3^1/_2$—$4^1/_2$ м.; вокругъ стѣны устроена широкая скамья, на которой семья въ сообществѣ съ щенятами лежитъ, сидитъ, спитъ и ѣстъ. Но такъ какъ нѣтъ почти никакой вентиляціи и для освѣщенія горитъ тюленій жиръ, а сверхъ того, мужчины и женщины курятъ датскій табакъ изъ короткихъ глиняныхъ трубокъ, то можно себѣ легко представить, какая тяжелая атмосфера царитъ въ хижинахъ. Температура рѣдко бываетъ выше точки замерзанія, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Бесселя, когда вы входите сюда, то жаръ кажется удушающимъ. Такимъ образомъ эскимосская хижина въ своемъ первобытномъ видѣ далеко не представляетъ завиднаго жилища, хотя обстановка Iglu бываетъ различная, смотря по степени благосостоянія хозяина, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ съ древней эскимосской простотой совмѣщаютъ до извѣстной степени европейскій комфортъ. Беккеръ видѣлъ въ домѣ лоцмана „Петра" зеркало и картины и между прочимъ изображеніе морскаго сраженія при Гельголандѣ, хотя разумѣется самой грубой работы. Впрочемъ наиболѣе

Утварь, оружіе и одежда жителей полярнаго пояса. „Iglu“ (хижина) эскимоса.

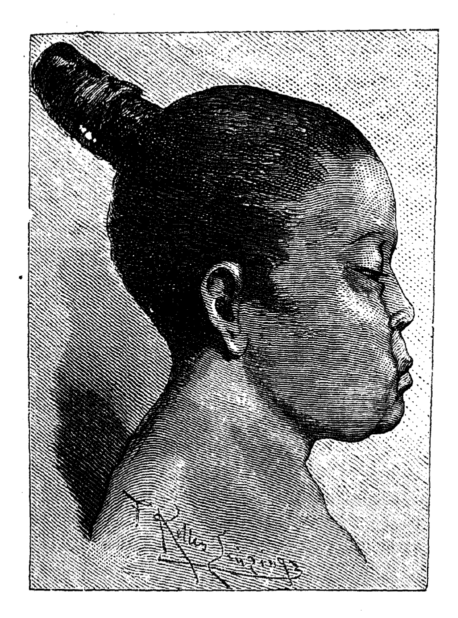
важной хозяйственной утварью все-таки остается каменная лампа или плошка съ ворванью, такъ какъ она распространяетъ свѣтъ и теплоту. Надъ нею обыкновенно виситъ желѣзный котелокъ на ремнѣ изъ невыдѣланной кожи. Среди немногихъ орудій первое мѣсто занимаютъ ножи изъ кости, желѣза и мѣди. Форма ихъ видна на вышеприведенномъ рисункѣ, гдѣ изображены различные экземпляры ножей, а также заступъ изъ моржеваго зуба. Американскіе эскимосы во время странствованія устраиваютъ при каждомъ ночлегѣ новую хижину изъ снѣга и льда; и она отличается только меньшими размѣрами отъ тѣхъ, которыя предназначены для болѣе продолжительнаго жилья. Подобная хижина, по описанію Ключака, представляетъ куполообразный сводъ изъ снѣжныхъ пластовъ въ 1 м. длины, 50—75 сант. ширины и 15 сант. толщины, которые складываются рядами такимъ образомъ, что образуютъ непрерывную спиральную линію. Эскимосъ, упражняясь съ юныхъ лѣтъ въ постройкѣ этого первобытнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени цѣлесообразнаго жилища, придаетъ ему чрезвычайно красивую форму, чему способствуетъ и верхній удачно положенный горизонтальный пластъ. Когда хижина окончена, устраиваютъ платформу для постелей, а на сторонѣ, обращенной къ югу, продѣлываютъ отверстіе для входа въ 60 сант. вы-

соты и такой-же ширины. Затѣмъ предоставляютъ женщинамъ внутреннее убранство жилища, между тѣмъ какъ мужчины устраиваютъ передъ входомъ небольшой навѣсъ, который служитъ убѣжищемъ для собакъ во время бури. Кромѣ того у самой хижины ставятъ родъ амбара, гдѣ хранятся мясные запасы. (Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimo, S. 45—46).

Что-же касается одежды, то это слово впервые получаетъ свое настоящее значеніе въ нашемъ описаніи первобытныхъ народовъ, такъ что мы можемъ сказать безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, что она совершенно одинакова у всѣхъ эскимосскихъ племенъ, относительно покроя и матеріала. Въ Гренландіи и въ Америкѣ одежда инуитовъ шьется изъ тюленьяго и оленьяго мѣха, а также шкуръ морскихъ птицъ. Въ настоящее время въ южной Гренландіи вошли въ употребленіе шерстяныя и бумажныя ткани, пріобрѣтаемыя у европейцевъ. Обыкновенно эскимосы носятъ разомъ двѣ одежды; изъ нихъ одна снабжена капюшономъ, который накидываютъ на голову при холодной и сырой погодѣ. Во время плаванія въ открытомъ морѣ они надѣваютъ кромѣ того черную гладкую тюленью шкуру, а также нерѣдко подъ нею рубаху изъ тюленьихъ кишокъ, непромокаемую въ водѣ. Приэтомъ оба пола носятъ штаны.

Эллисъ описываетъ слѣдующимъ образомъ одежду американскихъ эскимосовъ: „У каждаго платья виситъ капишонъ, какъ у монашеской рясы. Спереди оно закрыто на груди, на подобіе рубахи, почти доходитъ до половины ляшекъ. Штаны спереди и сзади закрытые; ихъ стягиваютъ на шнуркѣ, какъ мѣшокъ съ деньгами, и завязываютъ вокругъ тальи. При этомъ эскимосы обыкновенно носятъ разомъ нѣсколько паръ сапоговъ и носковъ, чтобы защитить ноги отъ холода и сырости. Одежда мужчинъ и женщинъ ничѣмъ не отличается одна отъ другой, кромѣ того, что узкій конецъ задней полы у женской куртки доходитъ до пятокъ. Равнымъ образомъ капюшоны на плечахъ у женщинъ гораздо больше и шире, потому что онѣ имѣютъ обыкновеніе носить въ нихъ своихъ дѣтей". Считаю не лишнимъ добавить здѣсь то, что говоритъ объ этой модѣ Кранцъ, такъ какъ его слова вполнѣ подтверждаютъ описаніе Эллиса. „Матери и женщины, ухаживающія за дѣтьми, надѣваютъ на себя „Amaut", т. е. шубу, настолько широкую на спинѣ, что въ ней носятъ ребенка, который совершенно голый и вообще не знакомъ ни съ пеленками, ни съ люлькой. Изъ предосторожности, чтобы онъ не выпалъ изъ шубы, послѣднюю крѣпко подвязываютъ вокругъ тальи кушакомъ, который застегивается спереди пряжкой или пуговицей". (Historie von Grönland, Bd. I, S. 184). Сапоги у женщинъ, по словамъ Эллиса, также дѣлаются шире, нежели у мужчинъ, и большею частью подшиты китовыми усами, такъ что, если имъ нужно снять ребенка съ рукъ, то они всовываютъ его въ одинъ изъ сапоговъ, пока не представится возможность вновь посадить его на спину". Эллисъ хвалитъ тщательность шитья эскимосской одежды": Они шьютъ иглой изъ моржевой кости, и употребляютъ вмѣсто нитокъ расщепленныя сухія жилы различныхъ животныхъ. Имъ также нельзя отказать въ извѣстномъ вкусѣ; они обшиваютъ свое платье полосками всевозможныхъ пестрыхъ кожъ, сплетенныхъ на подобіе косы или сложенныхъ складками, что не только составляетъ красивое украшеніе, но и соединенное съ удобствомъ. „То-же мнѣніе высказываетъ Алоизъ Беккеръ относительно новѣйшей одежды гренландцевъ, которую онъ имѣлъ случай видѣть въ Годгавнѣ". Это уже не первобытный, но все еще оригинальный нарядъ изъ тюленьихъ шкуръ, почти того-же покроя и только усовер-

шенствованный иноземной культурой. Мужчины большею частью носятъ штаны изъ тюленьихъ шкуръ, которые доходятъ до половины икръ, сапоги изъ такихъ-же шкуръ и коленкоровую куртку, потому что мѣховая слишкомъ тепла для лѣта. Женщины и дѣвушки носятъ короткiе узкiе штаны изъ тюленьихъ шкуръ, доходящiе до колѣнъ, высокiе сапоги изъ выдѣланной тюленьей шкуры, обыкновенно красной или зеленой, и куртку изъ красной же или зеленой бумажной матерiи, съ капишономъ, отороченнымъ мѣхомъ. Эскимосскiя женщины или зачесываютъ свои волосы на макушку головы, сообразно нацiональной модѣ, и связываютъ въ пучекъ обвитый пестрой лентой, около 4 дюймовъ длины, или же заплетаютъ ихъ по европейски въ косы. По цвѣту ленты можно отличить замужнихъ женщинъ отъ дѣвушекъ: послѣднiя носятъ въ волосахъ красныя ленты, а женщины—зеленыя. Одежды женщинъ и дѣвушекъ богаче



Гренландка, снятая въ профиль.

чѣмъ у мужчинъ, и украшены каймой изъ различныхъ шкуръ, красными лентами, вышивками изъ бусъ и т. п. такъ что нарядъ красавицы въ воскресный день очень мило и эффектенъ". Но приэтомъ почтенный Беккеръ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ непрiятныхъ подробностяхъ, о которыхъ Кранцъ говоритъ безъ стѣсненiя: „ихъ будничная одежда пропитана жиромъ и переполнена насѣкомыми, которыхъ они уничтожаютъ своеобразнымъ способомъ, раскусывая ихъ зубами. „Крайняя нечистоплотность эскимосовъ проявляется и во всемъ остальномъ (см. Ausland 1834, S. 1252), такъ какъ нельзя придавать большаго значенiя тому обстоятельству, что они содержатъ въ большой чистотѣ свои новыя и парадныя платья. По свидѣтельству Бесселя, даже на крайнемъ сѣверѣ взрослые снимаютъ съ себя дома всю одежду, за исключенiемъ короткихъ штановъ, а дѣти нерѣдко ходятъ совершенно нагiя.

У гренландцевъ также считается величайшимъ украшеніемъ татуировка подбородка, щекъ, рукъ и ногъ. Кожу прошиваютъ на этихъ частяхъ тѣла ниткой, начерненной копотью, вслѣдствіе чего образуются черныя точки и кожа получаетъ такой видъ, какъ борода, покрытая послѣ бритья черными волосками. Мать производитъ эту болѣзненную операцію надъ дочерью во время ея дѣтства изъ боязни, что она не выйдетъ замужъ. Это, по моему мнѣнію, служитъ прямымъ доказательствомъ, что на татуировку нужно прежде всего смотрѣть какъ на простое украшеніе тѣла, которое не имѣетъ ничего общаго съ религіозными или соціальными мотивами. Въ пользу этого говоритъ и то обстоятельство, что татуировка увеличивается и уменьшается смотря по степени наготы. Такъ, напримѣръ, у южныхъ почти нагихъ островитянъ она распространена по всему тѣлу, между тѣмъ какъ у совершенно одѣтыхъ эскимосовъ она ограничивается немногими частями тѣла, и это большею частью тѣ мѣста, которыя остаются непокрытыми. Въ Америкѣ татуировка, повидимому, употребляется только у женщинъ и для отличія отъ мужчинъ, которые съ этою-же цѣлью стригутъ себѣ волосы различными способами.

Инуиты въ культурномъ отношеніи занимаютъ весьма видное мѣсто между жителями арктическаго пояса. Норденшёльдъ, котораго можно считать вполнѣ компетентнымъ судьей въ данномъ вопросѣ, говоритъ слѣдующее: „Изъ полярныхъ народовъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться, выше всѣхъ стоятъ скандинавскіе лапландцы, а затѣмъ эскимосы въ датской Гренландіи. Оба эти народа христіане и помимо грамоты научились многимъ приспособленіямъ изъ области земледѣлія, торговли и новѣйшей промышленности, какъ напр. производству бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, орудій изъ желѣза и чугуна, огнестрѣльнаго оружія, а также употребленію кофе, сахара, хлѣба и т. п. Хотя они все еще охотники и кочевники, но ихъ нельзя болѣе назвать дикарями; и образованный европеецъ, проживъ среди нихъ болѣе или менѣе продолжительное время, чувствуетъ къ нимъ извѣстнаго рода пристрастіе за ихъ образъ жизни и понятія. Почти на одинаковой степени образованія съ этими инуитами можно поставить эскимосовъ сѣверо-западной Америки, такъ какъ американскіе китоловы, повидимому, оказали крайне благодѣтельное вліяніе на ихъ первобытную дикость нравовъ. Я знаю ихъ по племенамъ, живущимъ въ Портъ-Кларенсѣ. Эти эскимосы до сихъ поръ язычники, но, благодаря далекимъ путешествіямъ, многіе изъ нихъ не только привозятъ съ Сандвичевыхъ острововъ кокосовые орѣхи и пальмовыя рогожи, но проникаются духомъ предпріимчивости жителей Южнаго океана и заимствуютъ ихъ обычаи“. (Nordenskiöld's Umseglung Asiens und Europas, S. 80—81).

Общественныя отношенія и религіозныя понятія.

Въ отношеніяхъ обоего пола, по крайней мѣрѣ, по наружному виду, соблюдается величайшее цѣломудріе; дѣйствительно вы рѣдко услышите у эскимосовъ, чтобы соблазнили дѣвушку или что у незамужней женщины родился ребенокъ; послѣднее случается только съ молодыми вдовами и отвергнутыми женами, которыя ведутъ себя несравненно свободнѣе. Громкія жалобы на безнравственность доходятъ до насъ и изъ снѣжнаго пространства земли, занятаго эскимосами, но мы впервые узнаемъ, къ нашему удивленію, что принципъ „sauvez les apparences" въ большомъ ходу у полярныхъ людей и что они даже строже соблюдаютъ его, нежели другіе болѣе культурные народы.

Холостые мужчины и дѣвушки повидимому не имѣютъ между собой особенно близкихъ отношеній; и вообще большая рѣдкость, чтобы дѣвушка предалась позорному ремеслу, но зато, по словамъ Кранца, женатые люди, какъ мужъ, такъ и жена, нарушаютъ супружескую вѣрность гдѣ только возможно и безъ всякаго стѣсненія. Тотъ-же наблюдатель утверждаетъ, что любовь у нихъ скорѣе удовлетвореніе скотской потребности, нежели то благородное чувство, которое обыкновенно называютъ этимъ именемъ. По свидѣтельству Ричарда Кинда, эскимосы дружелюбно обходятся со своими женами, и юные супруги усердно трутъ другъ о друга свои носы, что служитъ лучшимъ выраженіемъ привязанности. Многоженство дозволено некрещенному эскимосу, но тѣмъ не менѣе у него рѣдко бываетъ двѣ, а еще рѣже три или четыре жены, такъ какъ въ Гренландіи это считается неприличнымъ. Съ другой стороны во многихъ мѣстностяхъ существуетъ поліандрія и можно часто встрѣтить женъ, имѣющихъ двухъ мужей, что разумѣется также нельзя признать вполнѣ приличнымъ. Бываютъ случаи, гдѣ обручаютъ дѣтей въ раннемъ возрастѣ. Притомъ не бываетъ свадебной церемоніи или какого либо другаго торжества. Мужъ и жена сходятся и живутъ вмѣстѣ въ собственномъ „Iglu". Иногда они поселяются въ видѣ опыта на правахъ товарищества; но вообще бракъ не считается ненарушимымъ, такъ что мужъ можетъ всегда отвергнуть жену, особенно, если она не имѣетъ дѣтей. Притомъ, говоритъ Кранцъ, не считается нужнымъ соблюдать какія либо церемоніи. „Онъ холодно обращается съ женой и на нѣсколько дней уѣзжаетъ изъ дому. Тогда она тотчасъ догадывается въ чемъ дѣло, укладываетъ свои платья и переселяется къ друзьямъ; но на зло ему ведетъ безупречный образъ жизни, чтобы сдѣлать ему непріятное и испортить его репутацію". Въ иныхъ случаяхъ жена доброльно обращается въ бѣгство.

Женщины рождаютъ легко, безъ посторонней помощи; но онѣ не особенно плодовиты, или, вѣрнѣе сказать, тяготятся большимъ количествомъ дѣтей, хотя, съ другой стороны, считается постыднымъ вовсе не имѣть ихъ, особенно сыновей, которые могутъ современемъ быть опорой старости. Обыкновенно у женщины бываетъ отъ трехъ до четырехъ дѣтей, самое большее шесть; и она среднимъ числомъ рожаетъ черезъ каждые два или три года. Близнецы составляютъ рѣдкость, особенно мертворожденные или уроды. Эскимоски насмѣхаются надъ плодовитостью женщинъ у другихъ націй и сравниваютъ ихъ съ своими собаками. Во время родовъ за матерью ухаживаетъ одна или нѣсколько женщинъ; даже мужъ не смѣетъ присутствовать при этомъ. Первые

Индійцы Моросъ.
Съ фотографіи, снятой въ Манаосѣ подъ наблюденіемъ г-на Лейцингера.

роды происходятъ въ обыкновенномъ „Iglu", для слѣдующихъ родильница должна перейти въ „Iglu", спеціально построенный для этой цѣли. Хотя мальчиковъ вообще предпочитаютъ, но съ ними обходятся такъ же, какъ и съ дѣвочками; и послѣ рожденія каждаго ребенка устраиваютъ празднество и дѣлаются поздравительные визиты. Тѣмъ не менѣе, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ зачастую убиваютъ грудныхъ дѣтей. Мать уноситъ ребенка въ уединенное мѣсто и бросаетъ его на произволъ голодной смерти и холода или же убиваетъ его посредствомъ удушенія (Bessels, Amerik. Nordpol. Exped., S. 364—365). Вскорѣ послѣ рожденія ребенка мать сжимаетъ ему голову обѣими ладонями въ томъ предположеніи, что она до извѣстной степени ускоряетъ этимъ сростаніе черепныхъ швовъ. Вся процедура длится не болѣе десяти минутъ и послѣ этого уже болѣе не повторяется. Что-же касается пирамидальной формы инуитскаго черепа, которую Пешель, ссылаясь на авторитетъ Галля, приписываетъ искусственному уродованію посредствомъ тѣсной кожанной шапки (Völkerkunde, 5 Aufl. Bearbeitet von Alfred. Kirchhof. Leipzig, 1881. S. 65), то Бессель прямо объясняетъ эту форму черепа вышеописанной процедурой (Arch. f. Anthrop., Bd.. VIII, S. 119). Дѣтей кормятъ грудью до трехъ или четырехъ лѣтняго возраста, и родители относятся къ нимъ съ самой искренней любовью (Ausland, 1834, S. 1247). Хотя дѣти ростутъ безъ всякаго присмотра, но въ эскимосахъ нѣтъ той грубости и необузданности, которая такъ часто проявляется у другихъ народовъ. Обыкновенно молодые относятся съ примѣрною почтительностью къ старикамъ. Какъ только мальчикъ въ состояніи бѣгать, отецъ учитъ его владѣть оружіемъ и веслами. На пятнадцатомъ году онъ уже принимаетъ дѣятельное участіе въ ловлѣ тюленей; на двадцатомъ долженъ самъ себѣ изготовить оружіе и лодку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для него наступаетъ пора женитьбы. Дѣвушка съ четырнадцатилѣтняго возраста также помогаетъ матери во всѣхъ домашнихъ работахъ, и когда она пріобрѣтетъ надлежащую опытность въ хозяйствѣ, ее выдаютъ замужъ. Молодая чета живетъ у родителей мужа до самой ихъ смерти: свекровь ведетъ хозяйство, невѣстки помогаютъ ей наравнѣ съ работницами. Такимъ образомъ хозяйство и рожденіе дѣтей составляютъ главную задачу эскимосской женщины. Ея жизнь съ двадцатилѣтняго возраста до могилы представляетъ непрерывную цѣпь опасеній, бѣдствій, горя, труда и рабства. На ней лежатъ не только всѣ хозяйственныя дѣла, какъ закалываніе скота, варка кушанья, выдѣлываніе кожъ, изготовленіе платья, обуви и сапоговъ, но и постройка хижинъ и шалашей. Мужчина, съ своей стороны, обязанъ доставить для этого необходимый матеріалъ. Свѣженіе дичи, добываемой на охотѣ, также считается женскимъ дѣломъ, и мужчинѣ было-бы постыдно вытащить тюленя изъ воды на берегъ. Женщина въ старости должна принять на себя роль колдуньи и нерѣдко охотно исполняетъ ее, такъ какъ это приноситъ ей извѣстную выгоду. Но обыкновенно кончается тѣмъ, что при малѣйшемъ подозрѣніи въ такъ называемой порчѣ ее побиваютъ каменьями, бросаютъ въ воду, убиваютъ или рѣжутъ на куски. Въ случаѣ, если она избѣгнетъ этой участи, то все-таки рано или поздно становится въ тягость себѣ и другимъ, и тогда изъ состраданія или, вѣрнѣе, изъ скупости ее погребаютъ живую или же заставляютъ броситься въ море. Само собою разумѣется, что у гренландскихъ эскимосовъ, принявшихъ христіанство, эти нравы замѣнились болѣе мягкими и человѣчными.

Инуиты, промышляя исключительно охотой и рыбной ловлей имѣютъ очень слабое понятіе о собственности и еще меньше о торговлѣ. Исключая личнаго самаго необходимаго имущества въ видѣ платья, оружія и утвари, все считается у нихъ общимъ достояніемъ;

образъ жизни абсолютно коммунистическій, какъ въ Гренландіи, такъ и въ Америкѣ, и поэтому при заключеніи браковъ приданое не имѣетъ серіознаго значенія. Семья, развѣтвляясь на нѣсколько семействъ вслѣдствіе браковъ дѣтей, продолжаетъ жить въ томъ-же домѣ, т. е. въ одной комнатѣ. Когда помѣщеніе оказывается недостаточнымъ, то нѣкоторые изъ этихъ семействъ переходятъ въ новое жилище, и если оно слишкомъ велико по экономическимъ понятіямъ эскимосовъ, то сюда переселяются еще другія семьи,—изъ нихъ каждой отводятъ отдѣльное мѣсто на широкой скамьѣ, и она сама обязана освѣщать его. Такимъ образомъ обитатели „Iglu“ нерѣдко дѣлятся на членовъ семьи и домочадцевъ. Послѣдніе принимаются въ домъ только съ общаго согласія. Достойно замѣчанія, что ни одна изъ этихъ маленькихъ общинъ не имѣетъ главы и всѣ пользуются въ ней одинаковыми правами. Всякій разъ, когда поймаютъ тюленя, каждый изъ членовъ общины получаетъ свою долю мяса и ворвани для освѣщенія, такъ что даже самый бѣдный изъ эскимосовъ получаетъ все необходимое для жизни. Каждый имѣетъ право охотиться и ловить рыбу въ предѣлахъ земли, занятой общиной, и пользуется пловучимъ лѣсомъ, выброшеннымъ на берегъ, на сколько можетъ унести на себѣ и если на бревнѣ наложенъ камень въ знакъ собственности. Если раненый тюлень оторвался и ушелъ въ море вмѣстѣ съ гарпуномъ, а затѣмъ вновь пойманъ, то онъ считается собственностью перваго охотника въ томъ случаѣ, когда его мѣшокъ изъ тюленьей кожи находится еще при гарпунѣ. Птица или тюлень, раненые двумя охотниками, принадлежатъ обоимъ. Киты, моржи и бѣлые медвѣди составляютъ общее достояніе, такъ какъ ихъ большею частью убиваютъ соединенными силами многихъ людей. Въ ловлѣ тюленя принимаютъ участіе всѣ обитатели той или другой хижины, но не всей мѣстности. Но ни въ чемъ коммунизмъ эскимосовъ не выступаетъ въ такой сильной степени, какъ относительно домашней утвари и орудій. Если кто возьметъ взаймы оружіе или орудіе и потеряетъ или испортитъ вещь, то онъ не обязанъ вознаградить хозяина за убытокъ, потому что тотъ, который въ состояніи дать что либо взаймы, имѣетъ болѣе того, что ему необходимо, а всякій избытокъ составляетъ общее достояніе. Такъ, напримѣръ, кто имѣетъ три лодки долженъ предоставить одну изъ нихъ въ распоряженіе своихъ домочадцевъ. Съ этимъ правомъ отдѣльныхъ лицъ пользоваться общимъ имуществомъ связано обязательство для каждаго работать по мѣрѣ силъ; и если онъ только способенъ къ физическому труду, то онъ долженъ до старости охотиться за тюленями и китами. Кто уклоняется отъ этой обязанности и не пріучаетъ къ труду своихъ подростающихъ дѣтей, тотъ возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе всѣхъ членовъ общины, какъ ближайшихъ, такъ и болѣе отдаленныхъ. (Helwald, Im evigen Eis, S. 230—231). Равнымъ образомъ у американ-

скихъ эскимосовъ весь наличный запасъ провіанта и утвари въ поселеніи безусловно считается общимъ достояніемъ. Пока въ лагерѣ есть хотя одинъ кусокъ мяса, онъ считается общею собственностью, и при дѣлежѣ каждаго надѣляютъ имъ, особенно бездѣтныхъ вдовъ и больныхъ.

Эскимосы замѣчательно миролюбивы. У нихъ почти никогда не бываетъ ссоръ даже между домашними, и на инуитскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ бранныхъ словъ. Разгнѣванный эскимосъ философски выражаетъ свое неудовольствіе молчаніемъ. Вслѣдствіе этого эскимосскіе суды не существуютъ даже въ датскихъ округахъ Гренландіи. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ священники производятъ судъ черезъ посредство выборныхъ. Преступники въ полномъ значеніи этого слова составляютъ рѣдкость; ихъ обличаютъ во время общественныхъ празднествъ и игръ, которыя происходятъ въ извѣстную пору года; при этомъ обвиненіе противъ преступниковъ поется въ стихахъ. Обвиняемый защищается тѣмъ же способомъ; знаки одобренія или неудовольствія толпы замѣняютъ приговоръ. Подсудимый осуждается на изгнаніе, или же собраніе приходитъ къ рѣшенію, что онъ можетъ еще быть терпимъ въ обществѣ. Американскіе эскимосы, повидимому, не такъ миролюбивы, какъ гренландцы; у нихъ часто встрѣчаются случаи вражды, начало которой нужно искать въ прошлыхъ поколѣніяхъ и которая поддерживается вслѣдствіи повсемѣстно существующаго принципа кровавой мести. Въ какой строгости соблюдается этотъ принципъ можно видѣть изъ разсказа Ключака, который приводитъ одинъ случай, когда эскимосъ среди суровой зимы отправился пѣшкомъ за 650 м., чтобы исполнить долгъ кровавой мести надъ убійцей своего дяди.

Эскимосы приписываютъ болѣзни вліянію злыхъ духовъ и вѣдьмъ и лечатъ ихъ съ помощью колдовства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно при наружныхъ заболѣваніяхъ употребляютъ примитивныя средства. Умирающаго наряжаютъ въ лучшее платье и сгибаютъ ему колѣни. Если кто-нибудь умретъ въ домѣ, то выносятъ всю утварь и въ продолженіи часа выражаютъ свое сожалѣніе о покойникѣ полнѣйшимъ молчаніемъ и тишиной. Подъ вечеръ тѣло выносятъ черезъ окно „Iglu“ или изъ внутренней стороны шалаша и хоронятъ на какомъ нибудь возвышеніи. Могилу выкладываютъ мохомъ и шкурами и покрываютъ шкурой, дерномъ и каменьями. Съ трупомъ мужчины зарываютъ его челнокъ, оружіе и инструменты; съ женщиной кладутъ ножъ и ея швейный приборъ; съ ребенкомъ—собачью голову, чтобы душа собаки указала малолѣтнему ребенку путь въ загробный міръ. Вмѣстѣ съ матерью почти всегда зарываютъ живьемъ ея груднаго ребенка (Fr. Müller, Allg. Ethnographie, S. 240—241). Все это происходитъ совершенно иначе у американскихъ инуитовъ. Во время предсмертной агоніи мужъ становится чужимъ для жены, мать для ребенка, ребенокъ для родителей; со смертью кончается родство;

близость смерти исключаетъ всякую любовь къ ближнему и чувство состраданія. Эскимосъ, умирающій естественной смертью, осужденъ на полное одиночество. Всѣ домочадцы забираютъ свои пожитки изъ хижины, гдѣ лежитъ умирающій, и ищутъ себѣ другаго помѣщенія для ночлега; хижину запираютъ на замокъ и оставляютъ больнаго въ полномъ одиночествѣ. (Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimo, S. 207). По свидѣтельству д-ра Раэ, у залива Рипёльсъ господствуетъ обычай уничтожать все имущество по случаю смерти близкаго родственника или друга.

Гренландскіе инуиты, по крайней мѣрѣ въ датскихъ округахъ, всѣ обращены въ протестантство; и многіе христіанскіе пастыри ежегодно объѣзжаютъ отдѣльныя колоніи, для назиданія своей паствы. Но тѣмъ не менѣе, эскимосы имѣютъ довольно смутное понятіе о загробной жизни, и вообще ихъ христіанскія вѣрованія во многомъ проникнуты старымъ язычествомъ, которому все еще преданы восточные гренландцы и американскіе инуиты. Само собою разумѣется, что эти старыя религіозныя воззрѣнія, съ которыми подробно знакомятъ насъ труды д-ра Г. Ринка (Eskimoiske Eventyr og Sagn. Kjobenhavn 1866) и почтеннаго аббата Морильо (Mythologie et Légendes des Esquimaux du Groenland. Paris 1875), могутъ быть названы вполнѣ первобытными.

Эскимосы вѣрятъ, что не одни только люди, но и низшіе разряды животныхъ имѣютъ душу. Равнымъ образомъ, они вѣруютъ въ высшія сверхъестественныя силы, которыя управляютъ міромъ и владѣютъ имъ. Это своего рода видоизмѣненный пантеизмъ. Согласно преданіямъ эскимосовъ, весь міръ заселенъ демонами, но всѣ они находятся подъ властью высшаго существа, по имени „Tornârsuk“, воплощеннаго и безполаго божества, которое принуждаетъ демоновъ приносить пользу, несмотря на ихъ злобную и склонную ко злу натуру, и мѣшаетъ имъ вредить людямъ. Представляя собой источникъ мудрости и знанія, онъ даетъ человѣку возможность бороться со зломъ и достигать добра. Если къ нему обращаются съ молитвою, то онъ отвѣчаетъ лично или черезъ посредство духа; но чтобы вполнѣ познать его, нужно достигнуть той степени совершенства, которая возвышаетъ простаго смертнаго до званія жреца или Angâkok (въ Америкѣ „Ankut“). Могущество этихъ „angâkok“, которыхъ Пешель считаетъ совершенно тождественными съ шаманами сѣверной Азіи, чрезвычайно велико. Они были законодателями и судьями, имѣли исключительное право голоса въ религіозныхъ вопросахъ, и въ то-же время считались врачами и колдунами, по крайней мѣрѣ одни занимались чародѣйствомъ, а въ Америкѣ они до сихъ поръ исполняютъ роль врачей и предсказателей. Если здѣсь вообще существуетъ авторитетное лицо, слово котораго имѣетъ значеніе приговора, то это „ankut“. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти люди сами вѣрятъ въ свою чародѣйскую силу, и когда на нихъ нисходитъ наитіе духа, то они приходятъ отчасти искусственно и частью невольно въ состояніе экстаза, которое можно считать какъ-бы кризисомъ послѣ сильнаго внутренняго волненія. Вирховъ наблюдалъ подобный кризисъ у одной эскимосской женщины, который выразился въ формѣ физическихъ судорогъ (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Ethnol. 1880, S. 271—172). Но обратимся опять къ высшему существу „Fornârsuk“. Мѣстопребываніемъ ему служитъ преисподняя, находящаяся въ области, отдѣленной отъ земли и моря огромными столбами, которые поддерживаютъ ее. Въ преисподнюю можно проникнуть черезъ морскую глубину

и земныя пропасти и ущелья. Верхній міръ находится на другой сторонѣ и, составляя продолженіе нашей земли, также содержитъ горы, долины, озера и, однимъ словомъ, отличается тѣми-же характерными особенностями. Въ верхній міръ можно подняться черезъ подъемъ изъ центра океана. Души всѣхъ умершихъ поступаютъ въ одинъ изъ этихъ міровъ по назначенію „Fornârsuk'a". Преисподняя лучше верхняго міра, теплѣе и богаче съѣстными запасами; души праведниковъ утопаютъ здѣсь послѣ смерти въ избыткѣ тюленьяго мяса и ворвани; но счастливцы, предназначенные для этого блаженства, могутъ достигнуть его только послѣ испытанія, которое заключается въ томъ, что впродолженіи пяти дней ихъ волокутъ по зубчатымъ скаламъ. Души въ верхнемъ мірѣ живутъ въ палаткахъ у замерзшихъ озеръ и терпятъ голодъ и холода. Они проводятъ время въ игрѣ „Irmus"; при этомъ шарами служатъ моржевыя головы и вслѣдствіе этого почему-то происходитъ сѣверное сіяніе. Звѣздное небо состоитъ изъ плотнаго вещества; опорой служитъ ему одна изъ высокихъ горъ верхняго міра (см. подробности миѳологіи инуитовъ въ моей книгѣ: Im ewigen Eis, S. 239—244). Въ религіи американскихъ эскимосовъ мы также встрѣчаемъ понятіе объ единомъ божествѣ, которое не изображается въ идолахъ. Кромѣ того, у нихъ существуетъ представленіе о будущей жизни въ видѣ вѣчнаго лѣта, а равно и вѣрованіе въ хорошія и дурныя мѣста. Къ этимъ основнымъ понятіямъ нужно еще причислить культъ, состоящій изъ суевѣрныхъ представленій, который отражается нетолько на отношеніяхъ племенъ между собой, но и на общественной жизни каждаго изъ нихъ, что можно замѣтить и въ семейныхъ отношеніяхъ, не исключая мельчайшихъ подробностей.

ЗАПАДНЫЕ ЭСКИМОСЫ.

Западная группа инуитскихъ народовъ несравненно менѣе извѣстна, нежели ихъ восточные соплеменники. Къ ней причисляются народы, живущіе на западѣ Скалистыхъ горъ, по сѣверному берегу Ледовитаго моря до Берингова пролива и вдоль Великаго океана на юго-западномъ берегу Аляски до горы св. Ильи. Эта отрасль инуитовъ распадается на цѣлый рядъ племенъ, имѣющихъ особыя названія, изъ которыхъ многія настолько употребительны, что общеизвѣстное прозвище „эскимосы" не совсѣмъ примѣнимо къ нимъ, тѣмъ болѣе, что для образованныхъ людей оно весьма слабо выражаетъ этнологическую связь всѣхъ этихъ племенъ и ихъ рѣзкое отличіе отъ сосѣднихъ индѣйцевъ. Въ Аляскѣ инуиты равнымъ образомъ занимаютъ только береговую полосу, между тѣмъ, какъ внутри страны бродятъ орды индѣйцевъ.

Важнѣйшія инуитскія племена разселены отъ сѣвера къ югу въ слѣдующемъ порядкѣ: чиглиты (един. Tschiglerk) на сѣверѣ Ледовитаго моря, между мысомъ Батёрстъ и рѣкой Кольвиль; кавіагміуты (Anlygmiut) на полуостровѣ Кавіакѣ и островѣ Ашіакѣ; малеміуты (Maleigmiut) у Нортонъ-Зунда; самый восточный пунктъ ихъ разселенія Аттенміутъ, самый западный—небольшая рѣчка, впадающая въ заливъ Спафаравіевъ, у пролива Коцебу; уна-

лигміуты (Unaleet, неправильно называемые аціагміуты), къ которымъ причисляютъ чнагміутовъ и паштолигміутовъ на берегу Берингова пролива отъ Паштолика до Шактолика; экогміуты, живущіе въ дельтѣ Юкона отъ Кипніука до Паштолика, къ которымъ принадлежатъ квихлуагміуты и квихпагміуты; магеміуты (Magagmiut) отъ мыса Румянцова до устья Юкона; агулміуты отъ мыса Румянцова до мыса Авинова и на островѣ Нунивокѣ; кускогміуты (Kuskokwigmiut) по обоимъ берегамъ залива Кускоквимъ и далѣе вверхъ по рѣкѣ того-же имени; мушагагміуты (Keyataigmiut) при устьѣ рѣки Нушагакъ и вдоль берега до мыса Невенгама; аглегміуты (Oglemiut) у сѣвернаго берега полуострова Аляски до крайняго конца Бристольскаго залива и вдоль его сѣверной границы до мыса Этолина; конъяги (кодъяки, кадъяки или каніагміуты) на островѣ Кадъякѣ и на значительной части полуострова Аляски отъ озера Ильямна до 159° з. долг.; чугачи (Tchugatschigmiut) по берегамъ и на островахъ залива Чугачъ, равно и на юго-западѣ полуострова Кенаи, и, наконецъ, океогміуты на островахъ Берингова залива.

Вѣроятно читатели обратили вниманіе, что большая часть приведенныхъ здѣсь названій имѣетъ окончаніе miu-t. Послѣднее, по объясненію Миллера, есть ничто иное, какъ множественное число прилагательной формы, составленной посредствомъ суффикса „miu", который показываетъ, что въ мѣстности, обозначенной кореннымъ существительнымъ словомъ, живетъ тотъ или другой народъ. Слѣдовательно, „t" не входитъ въ составъ такихъ словъ, какъ аглеміуты или малеміуты, а служитъ только обозначеніемъ множественнаго числа.

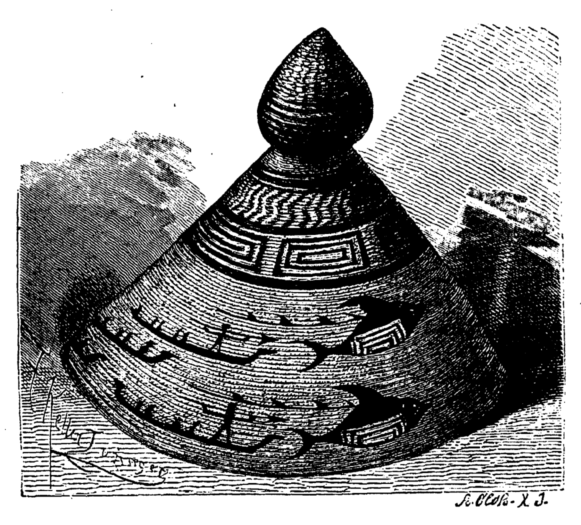
Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти народы составляютъ одно племя съ восточными эскимосами, американскими кочевниками Ледовитаго океана и гренландцами. Хотя Бэрнардъ Девисъ,—какъ я упоминалъ выше,—держится того мнѣнія, что эскимосы по ихъ тѣлеснымъ свойствамъ должны быть раздѣлены на три большія и совершенно различныя племени, но почтенный знатокъ сѣверной археологіи, Кондратъ Мауреръ, доказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что инуиты разселились по сѣверной Гренландіи только въ срединѣ четырнадцатаго столѣтія. Еще понынѣ у эскимосовъ на гренландскомъ берегу Смитзунда слышится та же однозвучная пѣсня, которую поютъ эскимосы у Берингова залива, не смотря на то, что эти два народа не имѣютъ между собой никакихъ сношеній. Инуитскіе черепа, привезенные Альфонсомъ Пинаромъ изъ Сѣверной Америки, схожи во всѣхъ частностяхъ съ гренландскими. Что-же касается малеміутовъ, языкъ которыхъ чрезвычайно близокъ съ гренландскимъ, то по свидѣтельству Фр. Вимпера они представляютъ полнѣйшее сходство съ восточными эскимосами и только отличаются отъ нихъ болѣе статнымъ тѣлосложеніемъ. Ростъ инуитовъ, какъ сказано выше, увеличивается по мѣрѣ приближенія къ западу, что вѣроятно слѣдуетъ приписать скрещиванію съ сосѣдними индѣйцами. Коньяги самые высокіе изъ всѣхъ западныхъ эскимосовъ, и Пинаръ приводитъ несомнѣнные факты, доказывающіе ихъ смѣшеніе съ колошами, т. е. индѣйцами тлинкитами. (Rev. d'Anthrop. 1873, S. 674). Картина, составленная Петито о физическомъ и нравственномъ состояніи племени чиглитовъ, численность котораго доходитъ до 2000 душъ (A. a. O.

1876, S 506—507), вполнѣ тождественна съ тѣмъ, что разсказываютъ объ инуитахъ всѣ другіе путешественники, съ тою разницею, что чиглиты равнымъ образомъ выше средняго роста. У малеміутовъ мужчины въ 1, 83 м. роста не составляютъ рѣдкости. Большой трудъ Губерта Гоуэ Банкрофта (The native races of the pacific states of North America. Leipzig 1875 5 Bde) не болѣе какъ компиляція; и его описаніе западныхъ инуитовъ (Bd. I, S. 35—87) заслуживаетъ вниманія только въ томъ отношеніи, что авторъ воспользовался всѣми существующими источниками объ этихъ племенахъ и что здѣсь равнымъ образомъ выступаетъ сродство западныхъ эскимосовъ съ восточными. Мы встрѣчаемъ на западѣ тотъ-же образъ жизни и способъ постройки хижинъ; ту-же почти исключительно мясную пищу и такую-же одежду.

Костяное орудіе для вытесыванія каменныхъ ножей.

Что касается домашней утвари, то инуиты у Берингова пролива пользуются большими преимуществами передъ своими соплеменниками, такъ какъ, благодаря морскимъ теченіямъ, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи значительное количество плавучаго лѣса, обломковъ кораблей и разбитыхъ судовъ. На ихъ берегъ выбрасываются волнами многочисленные предметы, не исключая и желѣзныхъ, которые почти не встрѣчаются въ Гренландіи или въ весьма ничтожномъ количествѣ. Такимъ образомъ, жители у Берингова пролива поставлены въ нѣсколько лучшія условія; у нихъ вообще болѣе матеріала, который они могутъ обработывать. Несмотря на это, они преимущественно занимаются обработкой камней, и хотя они научились выдѣлывать желѣзо, но при этомъ они попрежнему обрабатываютъ камни. Между орудіями, которыми производится эта обработка, есть одно исключительно употребляемое для небольшихъ зарубокъ, замѣтныхъ и на острыхъ краяхъ этого пилообразнаго инструмента. Замѣчательно, что инуиты не разбиваютъ камней, но обрабатываютъ ихъ своеобразнымъ способомъ, откалывая по частямъ, посредствомъ сильнаго нажиманія съ боку деревяннымъ орудіемъ или тупымъ ударомъ по кремню (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Ethnol. 1873, S. 167—168). Еще Кукъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что лодки, оружіе и рыболовные наряды туземцевъ Принцъ-Вилльямъ-зунда и ихъ сосѣдей очень сходны съ гренландскими, а равно и другихъ восточныхъ инуитовъ. Только конъяги и чугачи употребляютъ лукъ и стрѣлы; туземцы у пролива Принцъ Вилльямъ но-

сятъ искусно сдѣланные деревянныя латы въ дюймъ толщиною и наряжаются въ шкуры звѣрей, за которыми охотятся. Въ остальномъ западные инуиты выказываютъ тѣ-же способности и техническую ловкость, какъ и гренландцы. Благодаря русской экспедиціи на кораблѣ „Сенявинъ", мы имѣемъ снимки съ изображеній сѣверныхъ оленей и, между прочимъ, ловли моржей гарпунами, вырѣзанной на моржевомъ зубѣ туземцами пролива Коцебу, а равно и статуэтки изъ того-же матеріала, изображающія бѣлаго медвѣдя. Повидимому, можно принять за выдающійся внѣшній признакъ западнаго инуита обычай прокалыванія верхней губы, распространенный отъ Нортонъ-зунда до р. Мэккензи. Въ проколотую губу вдѣваютъ небольшую костяную палочку или кусочекъ слоновой кости, раковины, камня или дерева, что современемъ способствуетъ увеличенію отверстія и крайне некрасивому оттягиванію губы. Туземцы пролива Принцъ Виллььяма прокалываютъ нижнюю губу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а у рѣки Мэккензи и носовой хрящъ. Этотъ



Шляпа, сплетенная изъ расколотыхъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ изъ Нутка-зунда, съ изображеніемъ китовой ловли.

обычай указываетъ на довольно низкую степень цивилизаціи, чѣмъ можно объяснить и всѣ другія различія между востокомъ и западомъ обширной инуитской области.

Въ нравственномъ отношеніи мы не можемъ сказать ничего новаго объ инуитахъ, такъ какъ встрѣчаемъ здѣсь тѣ-же добродѣтели и пороки, что у другихъ народовъ. Поліандрія распространена повсемѣстно; и противоестественные пороки господствуютъ еще въ большей степени въ Кадъякѣ, нежели въ Уналашкѣ (у алеутовъ). Многіе увѣряли г-на Лангсдорфа, что супружеское общеніе между ближайшими родственниками по крови нисколько не запрещается и что подобныя отношенія существуютъ не только между братьями и сестрами, но между родителями и дѣтьми. Одинъ туземецъ, котораго Лангсдорфъ разспрашивалъ по этому поводу, отвѣтилъ, не стѣсняясь, что его со-

отечественники слѣдуютъ только примѣру морской выдры и тюленя. (Langsdorff. Reise um die Welt. Bd. II, S. 89). Новѣйшіе наблюдатели утверждаютъ равнымъ образомъ, что западные инуиты живутъ въ полномъ кровосмѣшеніи и предаются крайнему распутству. Подобно всѣмъ полярнымъ народамъ, эскимосы рано пріобрѣтаютъ способность къ половой жизни и въ очень юномъ возрастѣ вступаютъ въ бракъ, если только ихъ половыя сношенія могутъ быть названы этимъ именемъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ никакого физіологическаго объясненія, почему по мѣрѣ приближенія къ экватору и сѣверному полярному полюсу періодъ зрѣлости наступаетъ быстрѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ.

Конъяги, подъ именемъ которыхъ англійскіе этнологи обозначаютъ всѣхъ эскимосовъ Сѣверной Америки, не болѣе какъ номинальные христіане и кромѣ крестнаго знаменія едва-ли имѣютъ какое либо понятіе о православной религіи. Этимъ только можно объяснить, почему русскіе, владѣя ими много лѣтъ, напрасно старались искоренить ихъ старые нравы, и они упорно придерживались прежней вѣры въ добрыхъ и злыхъ духовъ, которые одни пользуются у нихъ почитаніемъ. Въ честь послѣднихъ они устраивали въ большихъ, построенныхъ для этой цѣли хижинахъ религіозныя празднества, изъ которыхъ были исключены бѣдняки и дѣвушки, между тѣмъ какъ женщины порознь могли быть введены въ собраніе жрецами. Въ Кускоквимѣ и Юконѣ эти празднества состояли въ драматическихъ играхъ съ замаскированіемъ.

Въ новѣйшее время мы ближе познакомились съ малеміутами и кавіагміутами. Между ними происходятъ частыя скрещиванія, и поэтому Вимперъ считаетъ ихъ однимъ и тѣмъ-же народомъ. Въ сущности, ихъ нравы, привычки и обычаи совершенно одинаковы; но они говорятъ на различныхъ діалектахъ и живутъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Верхняя одежда малеміута состоитъ изъ „Park'a“ или шубы, сшитой на подобіе рубашки, съ длинными рукавами и капюшономъ. Панталоны, носки и сапоги также сдѣланы изъ мѣха, и при этомъ одежда нерѣдко оторочена мѣхомъ Gulo luscus. Малеміуты живутъ въ подземныхъ ямахъ, въ которыя приходится вползать на колѣняхъ, черезъ узкій проходъ, въ родѣ небольшаго туннеля. Одна только крыша возвышается надъ землей и снабжена посрединѣ отверстіемъ для выхода дыма. Около каждой такой хижины поставлены подмостки изъ жердей, на которыхъ красуется небольшой домикъ или клѣтка, куда взамѣнъ лѣстницы поднимаются по древесному стволу съ зарубками и гдѣ хранятся всѣ запасы. Кромѣ семейныхъ жилищъ малеміуты устраиваютъ болѣе просторныя помѣщенія для собраній и танцевъ. Послѣдніе бываютъ только зимой и состоятъ изъ пантомимныхъ представленій, въ которыхъ подражаютъ движеніямъ птицъ и четвероногихъ звѣрей. Эти „бальныя залы“ тускло освѣщаются плошками, наполненными ворванью. Передъ открытіемъ бала молодые люди дѣлаютъ свой туалетъ, т. е. моютъ верхнюю часть тѣла неудобоназываемою жидкостью; затѣмъ женщины приносятъ съѣстные запасы, такъ какъ каждая семья обязана внести свою долю на пикникъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Праздникъ начинается пиршествомъ, послѣ чего слѣдуютъ танцы. Русскій лейтенантъ Загоскинъ случайно присутствовалъ на своеобразномъ праздникѣ малеміутовъ, а именно: „погру-

женіи пузырей въ море“, который происходитъ на берегу Нортонъ-зунда 1-го января. На фасадѣ „Kaschim“, т. е. зимняго дома, вѣшаютъ на ремняхъ изъ моржевой и тюленьей кожи до сотни пузырей, которые берутся только отъ животныхъ, убитыхъ стрѣлами. Эти пузыри разрисованы всевозможными фантастическими фигурами; передъ ними съ одной стороны повѣшены вырѣзанныя изъ дерева: сова съ человѣческой головой и чайка, а съ другой—двѣ бѣлыя куропатки. Ко всѣмъ четыремъ птицамъ протянуты нитки, прикрѣпленныя къ поперечнымъ балкамъ, такъ что благодаря этому несложному механизму сова бьетъ крыльями и поворачиваетъ голову; чайка, ударяя клювомъ о полъ, какъ будто ловитъ рыбу; куропатки подбѣгаютъ другъ къ другу точно съ намѣреніемъ поцѣловаться. На другой сторонѣ „kaschim'a“, передъ ямой, замѣняющей очагъ, стоитъ столбъ въ 2 м. высоты, обвязанный сухой травой. Цѣлый день проходитъ въ танцахъ. На мужчинахъ надѣто подобіе легкихъ „торбасъ“, т. е. городскихъ сапогъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ камчадалы; на женщинахъ панталоны изъ оленьихъ шкуръ и узорчатая шуба, украшенная стеклянными бусами и кольцами. По окончаніи пляски одинъ изъ танцоровъ срываетъ пучокъ травы съ столба, зажигаетъ его и, обкуривъ пузыри и птицъ, отставляетъ въ сторону столбъ. Малеміуты устраиваютъ это празднество въ честь своего морскаго бога „Iugiak“. Что-же касается значенія отдѣльныхъ обычаевъ, то они не могутъ дать никакого объясненія, кромѣ того, что „такъ принято у нихъ“ (Globus, Bd. XVIII. S, 114—115).

АЛЕУТЫ.

Вторую группу гипербореевъ составляютъ жители пустынной и безлѣсной цѣпи острововъ, которая простирается широкой дугой отъ полуострова Аляски къ Камчаткѣ и отдѣляетъ Великій океанъ отъ арктическаго Берингова моря. По примѣру русскихъ мы обозначимъ эту группу полярныхъ людей—**алеутами**, равно и вулканическіе острова, служащіе для нихъ мѣстомъ жительства, назовемъ **алеутскими**, хотя это названіе, вѣроятно, произошло отъ искаженнаго слова „Ilua“, которое на языкѣ чукчи означаетъ „островъ“ и совершенно неизвѣстно туземцамъ. Послѣдніе также обозначаютъ туземцевъ различныхъ острововъ разными именами; такъ, напримѣръ, они называютъ жителей Уналашки „Kagataya Koung“, т. е. восточными людьми, а жителей Андреяновскихъ острововъ „Namigun“ или западнымя людьми. Показанія относительно численности этихъ эскимосовъ колеблются между 4,000 и 10,000, такъ какъ границы ихъ распространенія не могутъ быть опредѣлены въ точности. Ме́ньшая цифра, вѣроятно, обнимаетъ однихъ только жителей Алеутскихъ острововъ; послѣдняя цифра будетъ вѣрна въ томъ случаѣ, если причислить сюда жителей полуострова Аляски и береговъ Бристольскаго залива. Судя по имѣющимся извѣстіямъ алеуты по внѣшнему виду настолько схожи съ живущими по сосѣдству съ ними западными инуитами, что многіе наблюдатели не отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Такъ, напр., Лангсдорфъ,

посѣтившій алеутскую Уналашку и конъягскій Кадъякъ, находитъ большое сходство между жителями обоихъ острововъ и, при этомъ, упуская изъ виду, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ народнымъ племенамъ, прямо называетъ островитянъ кадъяка алеутами. Съ другой стороны, сосѣдніе чугачи, которыхъ русскіе ложно называютъ алеутами, введенные въ заблужденіе этимъ прозвищемъ, сами стали примѣнять его къ себѣ. Замѣтимъ кстати, что едва-ли было-бы возможно смѣшивать такимъ образомъ обѣ расы, если-бы между ними не существовало поразительнаго сходства въ физическомъ, психическомъ и культурномъ отношеніи. По мнѣнію Пешеля, алеуты принадлежатъ къ монгольскому племени и представляютъ связь съ эскимосами только благодаря извѣстному количеству общихъ словъ, которыя могли быть заимствованы ими. (Peschel, Völkerkunde, S. 399). Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что до сихъ поръ не найдено сходства алеутскаго языка ни съ однимъ изъ существующихъ; хотя основательное описаніе, посвященное Фр. Миллеромъ этому языку, не подтверждаетъ показанія, даннаго Пешелемъ со словъ Литке, что алеуты пользуются для образованія словъ приставками, которыя совершенно отсутствуютъ въ инуитскомъ языкѣ (A. a. O). Великій вѣнскій лингвистъ описываетъ слѣдующимъ образомъ общій характеръ этого идіома: „По внѣшнему типу и богатому развитію формъ алеутскій языкъ напоминаетъ тюрко-татарскіе идіомы и языки уральской отрасли, хотя ему чуждо созвучіе гласныхъ, свойственное этимъ языкамъ. Процесъ образованія словъ тѣсно связанъ съ образованіемъ суффиксовъ. Агглютинація составляетъ преобладающій принципъ языка, равно и сравнительно богатое развитіе именъ существительныхъ и глаголовъ. Отсутствіе опредѣленнаго падежа для подлежащаго и дополненія замѣтно даетъ себя чувствовать. Но съ другой стороны опредѣленія и сказуемыя фонетически отличаются другъ отъ друга. Въ алеутскомъ идіомѣ особенно важную роль играетъ глаголъ, который во многихъ отношеніяхъ можетъ выдержать сравненіе съ этой частью рѣчи въ богатомъ и развитомъ тюркскомъ языкѣ". (Fried. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd. II, Abth. I, S. 146). Но такъ какъ по новѣйшимъ изысканіямъ эскимосы равнымъ образомъ очень похожи на монголовъ, по внѣшнему виду, то несходство обоихъ идіомовъ, бо́льшею частью одинаково чуждыхъ европейскому наблюдателю, было слишкомъ недостаточно, чтобы заставить его сразу обратить вниманіе на этнологическое различіе. Къ тому-же алеуты распадаются на два племени: атка и атха, которыя первоначально водворились на западѣ, затѣмъ въ Уналашкѣ въ восточной части островной цѣпи и въ значительной степени смѣшались между собой, благодаря переселеніямъ. Алеуты также много заимствовали отъ русскихъ, и, вѣроятно, этимъ сношеніямъ нужно приписать то обстоятельство, что они болѣе образованы и интеллигентны, чѣмъ эскимосы, съ которыми они вообще

схожи по физическому типу. Нынѣшніе алеуты едва-ли представляютъ собой чистую расу.

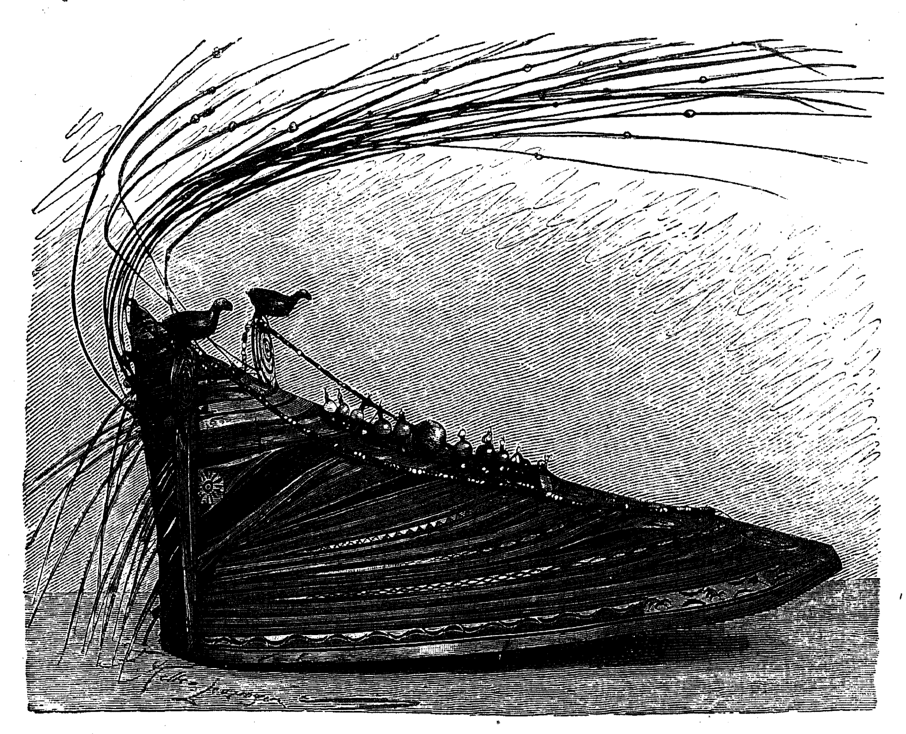
Мы располагаемъ весьма скуднымъ матеріаломъ для антропологическаго описанія алеутовъ и можемъ только сказать, что они вообще средняго или скорѣе низкаго роста и пропорціональнаго тѣлосложенія. Только ноги у нихъ большей частью кривыя, по крайней мѣрѣ у мужчинъ, что придаетъ имъ неровную, утиную походку. Алеуты имѣютъ широкія плечи; они очень сильны и, несмотря на тяжелую работу, отличаются маленькими и красивыми оконечностями рукъ и ногъ. Цвѣтъ кожи у нихъ темно-желтый или коричневый, и даже при скрещиваніи съ европейцами остается такимъ до третьяго поколѣнія. Глаза черные и замѣтнымъ образомъ косо лежащіе, скулы выдающіяся, волоса черные, прямые, но не жесткіе; растительность бороды скудная, такъ что по всѣмъ этимъ признакамъ и широкому лицу алеуты напоминаютъ монголовъ. Голени у нихъ замѣтно выгнутыя; подошвы ногъ коротки, какъ сами по себѣ, такъ и относительно ихъ ширины. Черепъ, судя по существующимъ описаніямъ, плоскій сзади, сплюснутый съ боковъ и нѣсколько пирамидальной формы. До послѣдняго времени не было сдѣлано ни одного измѣренія алеутскаго черепа; оно было впервые предпринято д-ромъ Э. Бессельсомъ надъ 15-ю черепами, открытыми Даллемъ въ пещерѣ одного пока еще безъимяннаго острова, въ бухтѣ Назанъ, чистота расы которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Найденное одновременно съ этимъ каменное оружіе и замѣчательныя рѣзныя издѣлія доказываютъ глубокую древность этихъ череповъ, такъ что собственно по нимъ мы не можемъ составить себѣ понятіе о нынѣшнемъ алеутскомъ черепѣ. Всѣ эти черепа принадлежатъ взрослымъ людямъ, но нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія пола. Средній указатель ширины достигаетъ у нихъ 86,5 (78 minimum, 90,7 maximum); средній указатель высоты—73,3 (66,5 minimum, 78,7 maximum) и средняя емкость—1453 к. сант. (1235 minimum, 1580 maximum) (Arch. f. Anthrop. Bd. VIII, S. 121).

Одежда, жилище и пища алеутовъ до извѣстной степени заимствованы отъ русскихъ, отъ которыхъ они приняли и православную вѣру. Хотя алеуты при ихъ склонности къ европейской цивилизаціи давно были обращены въ христіанство, но оно ограничивалось соблюденіемъ внѣшнихъ обрядовъ и только благодаря неустанному рвенію алеутскаго апостола Иннокентія Веньяминова къ нимъ не только занесены были первые зачатки ученія о христіанской нравственности, но и заведены школы. Многіе изъ болѣе пожилыхъ людей бѣгло говорятъ по-русски и читаютъ русскія книги; въ новѣйшее время, т. е. съ присоединенія русской Америки къ Соединеннымъ Штатамъ, они начинаютъ знакомиться съ англійскимъ языкомъ, хотя съ другой стороны удаленіе Иннокентія, повидимому, отразилось крайне неблагопріятно на ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Равнымъ образомъ и во всемъ остальномъ положеніе туземцевъ значительно ухудшилось отъ перемѣны господства. Изъ нихъ 5,000 человѣкъ почти исключительно существовали ловлей морскихъ выдръ котиковъ. (Enhydris lutra). Съ того времени, какъ страна принадлежитъ сѣверо-американцамъ, которые вообще не отличатся гуманностью, у охотниковъ заведено огнестрѣльное оружіе, такъ что можно сказать заранѣе, что въ нѣсколько лѣтъ морскія выдры будутъ здѣсь окончательно истреблены. Вмѣстѣ

съ тѣмъ 5,000 чел. лишатся промысла и поставлены будутъ въ безвыходное положеніе.

Алеуты, сообразно физическимъ условіямъ страны, по прежнему занимаются, главнымъ образомъ, рыбной ловлей и охотой за морскими животными, а именно китами, выдрами, морскими медвѣдями (Otaris ursina L.), моржами и тюленями (Phoca vitulina). Послѣдніе имѣютъ настолько важное значеніе въ жизни алеута, что едва ли онъ могъ бы существовать безъ тюленей. Изъ ихъ кожи онъ изготовляетъ себѣ одежду, ковры, ремни, башмаки и пр.; даже челнокъ, на которомъ онъ ежедневно выѣзжаетъ въ море, состоитъ изъ деревяннаго остова, обтянутаго шкурами этого животнаго. Мясо съѣдается, а жиръ или ворвань употребляется въ пищу, а также для топлива и освѣщенія. Пищепроводное горло идетъ на выдѣлку непромокаемыхъ сапоговъ и штановъ; изъ пузыреобразнаго желудка изготовляютъ сосуды для храненія всякаго рода жидкостей. Изъ внутренностей шьютъ одежду для дождливой погоды и, кромѣ того, ихъ употребляютъ взамѣнъ оконныхъ стеколъ, чтобы дневной свѣтъ могъ проникать въ хижины. Щетина тюленьей бороды играетъ здѣсь ту же роль, какъ страусовыя перья въ Европѣ, и служитъ для украшеній и головныхъ уборовъ, такъ что, по словамъ Лангсдорфа, у котораго я заимствую вышеприведенныя подробности, едва ли можно назвать какую-либо отдѣльную часть тѣла этого животнаго, изъ которой туземцы не извлекали бы извѣстной пользы (Reise um die Welt, Bd. II, S. 46). Въ этомъ случаѣ ясно высказывается поразительное сходство алеутовъ съ гренландцами, для которыхъ тюлень составляетъ такой же важный источникъ существованія, какъ сѣверный олень для европейскихъ лапландцевъ и даже эскимосовъ внутренней Америки Алеуты настолько же способны къ мореплаванію, какъ и эскимосы, и едва ли не превосходятъ ихъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что каждый изъ этихъ „морскихъ казаковъ", какъ ихъ удачно прозвалъ Иннокентій, только тогда начинаетъ жить, когда очутится среди волнъ, на кожаномъ челнокѣ собственнаго издѣлія, такъ что поразительная ловкость, съ какою онъ управляетъ имъ, есть ничто иное, какъ врожденная способность. Въ былыя времена чуть-ли не каждый взрослый алеутъ могъ представить многочисленные образчики величайшей ловкости въ управленіи „байдарками" (какъ называютъ эти суда), равно и въ метаніи стрѣлъ; но уже въ 1827 году это искусство сдѣлалось въ Уналашкѣ достояніемъ немногихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ баронъ Китлицъ, спутникъ Литке въ его кругосвѣтномъ плаваніи 1826—1829 гг. „Тѣмъ не менѣе алеуты Уналашки, равно и прочихъ такъ называемыхъ Лисьихъ острововъ все еще могутъ похвалиться искусствомъ въ морскомъ дѣлѣ, а также изяществомъ и цѣлесообразностью своихъ байдарокъ. Они смотрятъ съ презрѣніемъ на подобныя-же, но болѣе неуклюжія суда западныхъ алеутовъ, которые и по языку отличаются отъ жителей Лисьихъ острововъ. Одиночныя байдарки Уналашки превосходятъ всѣ остальныя легкостью и быстротой и встрѣчаются несравненно чаще, нежели двухвесельныя, между тѣмъ какъ лодки съ тремя люками (т. е. для троихъ гребцовъ) преимущественно вошли въ употребленіе съ прибытіемъ русскихъ. Алеутъ, отправляясь въ море, обыкновенно несетъ на спинѣ свою одиночную байдарку въ видѣ колчана; и она въ сущности до извѣстной степени имѣетъ для него это значеніе, потому что различное метательное оружіе, которое онъ думаетъ употребить въ дѣло, прикрѣплено къ палубѣ особенными петлями. Сидя въ люкѣ, онъ можетъ безъ труда вынуть стрѣлу и нанести ею вѣрный и сильный ударъ съ помощью тщательно сдѣланной метательной доски, которая также заложена въ одну изъ петель" (Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem Russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka. Gotha 1858, Bd. I, S. 293—294). Эти обтянутыя шкурами одиночныя лодки (съ однимъ люкомъ), по сло-

вамъ Эрмана, вѣсятъ всего 30 килограммовъ, и даже вмѣстѣ съ гребцомъ (тяжесть котораго приблизительно доходитъ до 70 килогр.), такъ неглубоко сидятъ въ водѣ, что въ поперечномъ разрѣзѣ площадь сопротивленія представляетъ только 0,056 кв. м. Въ главныхъ чертахъ они похожи на „каяки" эскимосовъ. Кромѣ этихъ легкихъ байдарокъ, есть еще такъ называемыя „байдары" или семейныя суда, построенныя тѣмъ-же способомъ и изъ того-же матеріала, только не съ однимъ, а съ нѣсколькими люками для сидѣнія. Они играютъ здѣсь такую-же роль, какъ „umiak'и" у эскимосовъ, и ими преимущественно пользуются женщины. Взрослые мужчины считаютъ для себя постыднымъ сѣсть въ байдару. Помимо этого мы встрѣчаемъ еще одну черту, которая связываетъ алеутовъ съ эскимосами или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть принята за доказательство нѣкотораго сродства. Между алеутскими об-



Головной уборъ алеутовъ Уналашки, сдѣланный изъ березовой коры, выкрашенной зеленой, черной и красной краской.

щинами существуетъ родъ охотничьяго договора. Метательныя копья снабжены наконечникомъ изъ трахита или обсидіана и охотничьимъ знакомъ той или другой общины. Если волны прибьютъ къ берегу убитаго моржа, то по знаку на копьѣ узнаютъ, какой общинѣ принадлежалъ охотникъ; его тотчасъ извѣщаютъ объ этомъ и добыча дѣлится съ нимъ.

Одежда алеутовъ опять-таки представляетъ большое сходство съ эскимосской. Это длинное платье съ рукавами на подобіе рубашки, сшитое изъ шкурокъ морскихъ птицъ или тюленьяго мѣха; сверхъ этой одежды надѣвается еще вторая, сдѣланная изъ кишокъ морскихъ животныхъ съ капюшономъ, ко-

торый накидываютъ на голову. Болѣе достаточные люди носятъ теперь галстухи, жилеты, панталоны, и ихъ жены наряжаются по праздникамъ въ русскую одежду. Равнымъ образомъ исчезъ крайне своеобразный головной уборъ, напоминавшій по формѣ длинный загнутый зонтикъ для глазъ въ родѣ тѣхъ, какіе иногда употребляются для больныхъ и который, подобно всѣмъ другимъ принадлежностямъ національной одежды, мало по малу замѣнился русскимъ нарядомъ.

Алеуты живутъ деревнями отъ 20—30 дворовъ, которые всегда построены на возвышеніи у самаго моря и защищены отъ сѣвернаго вѣтра. Хижины для жилья во всякомъ случаѣ отличаются въ довольно значительной степени отъ эскимосскихъ, но схожи съ ними въ томъ отношеніи, что на половину выстроены подъ землей. Онѣ большею частью состоятъ изъ дерна, скрѣпленнаго нѣсколькими балками пловучаго лѣса и такъ глубоко врыты въ землю, что маленькія окна находятся непосредственно надъ уровнемъ почвы. Нагроможденныя на нихъ дерновыя крыши роскошно поросли всевозможными травами; но это придаетъ строеніямъ скорѣе видъ могилъ, нежели человѣческихъ жилищъ. Характеръ этихъ хижинъ сохранился до настоящаго времени въ неизмѣнномъ видѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Пинаръ, который въ 1871 году посѣтилъ алеутовъ и на островѣ Акунѣ даже входилъ въ одно изъ подобныхъ жилищъ. По его описанію, оно было раздѣлено, какъ всегда, на двѣ комнаты. Изъ нихъ первая съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма служила кухней и была пропитана невообразимой грязью; вторая комната,—гдѣ вдоль стѣнъ, по инуитскому обычаю, были придѣланы неуклюжія деревянныя скамьи для спанья и сидѣнья,—также была сомнительной чистоты (Bulletin, de la Societé de géographie. Paris, 1873, Bd. II, S. 564). Въ данномъ случаѣ описаніе Пинара противорѣчитъ словамъ г-на Китлица, который прославляетъ необыкновенную опрятность алеутскихъ хижинъ. (Denkwürdigkeiten einer Reise nach Russisch Amerika, Bd. I, S. 275). Дополненіемъ къ убранству комнаты служитъ столъ на четырехъ ножкахъ и нѣсколько чашекъ и фаянсовыхъ кружекъ, купленныхъ у американцевъ. При этомъ во всякой алеутской деревнѣ существуетъ небольшая деревянная церковь или часовня православнаго вѣроисповѣданія, гдѣ каждую недѣлю отправляется богослуженіе.

Считаемъ нелишнимъ упомянуть здѣсь, что В. Г. Даль лѣтомъ 1872 года занимался раскопками въ Уналашкѣ и открылъ много старыхъ алеутскихъ хижинъ. Въ одной изъ нихъ были найдены три превосходно сохранившихся скелета, лежавшихъ въ особомъ покоѣ, совершенно такого-же устройства, какъ у нынѣшнихъ алеутовъ. Кромѣ того при раскопкахъ попадались различные предметы, какъ, напримѣръ, лампы съ ворванью, каменные ножи, костяныя ложки, наконечники стрѣлъ, пуговицы и т. п. Даль, подвигаясь постепенно впередъ, открылъ семь старыхъ деревень съ многочисленными муміями. (См. объ этомъ: W. H. Dall. On the remains of the later prehistoric man obtained from caves in the Catherina archipelago, Alaska Territory and especially from the caves of the aleutian islands. Washington 1874). Самая любопытная находка была сдѣлана имъ на скелетѣ одной женщины, а именно на ней оказались два украшенія для губъ почти одинаковой формы съ тѣми, какія до сихъ поръ встрѣчаются у сосѣднихъ эскимосовъ и колошовъ. Въ настоящее время туземцы болѣе не прокалываютъ себѣ губъ и не вдѣваютъ въ нихъ костяныхъ и деревянныхъ украшеній, хотя этотъ обычай былъ наблюдаемъ русскими путешественниками, какъ напримѣръ: Холодиловымъ, Пушкаревымъ, Коровинымъ и Глотовымъ (Les nouvelles découvertes des Russes entre l'Asie et l'Amérique. Ouvrage traduit de l'anglais de M. Coxe. Paris 1781, p. 42, 59, 93, 104, 138, 155), Лангсдорфъ встрѣчалъ его въ началѣ нынѣшняго столѣтія (Reise um die Welt, Bd. II, S. 54—55); татуировка женщинъ въ его время была уже большою рѣдкостью. Равнымъ образомъ заслуживаютъ вниманія найденныя Да-

лемъ и теперь уже вышедшія изъ употребленія деревянныя маски иногда значительной величины, которыя окрашены въ различныя цвѣта и убраны перьями, пучками волосъ и оленьей шерстью. Эти маски совершенно аналогичны тѣмъ, какія встрѣчаются въ Южномъ океанѣ.

Что касается характера алеутовъ, то, судя по описанію Лангсдорфа, они вообще добродушны, услужливы и покорны, но вспыльчивы и безразсудны въ гнѣвѣ, способны на жестокость и равнодушны ко всѣмъ опасностямъ, не исключая смерти. Извѣстное упорство идетъ у нихъ рука объ руку съ умственной ограниченностью. Одинъ русскій путешественникъ особенно лестно отзывается объ ихъ свойствахъ. Алеуты, по его словамъ, храбрый и честный народъ. Воровство неизвѣстно у нихъ и они не только сами не держатъ ничего подъ замкомъ, но и чужая собственность здѣсь въ полной безопасности. У нихъ никогда не бываетъ убійствъ. Алеутъ стоикъ по природѣ и самыя ужасныя мученія не вызываютъ у него крика боли или жалобы. Онъ обладаетъ въ высшей степени чувствомъ благородной гордости, такъ что не только слово, но и взглядъ могутъ оскорбить его. Онъ положительно не выноситъ несправедливости и въ этомъ случаѣ даже рѣшается на самоубійство, къ которому, замѣтимъ кстати, прибѣгаютъ и сосѣдніе индѣйцы, какъ самому вѣрному средству спасенія. Алеутъ непоколебимо вѣренъ своему слову и никогда не унижается до лжи даже въ томъ случаѣ, если она можетъ спасти его отъ смерти. Страхъ неизвѣстенъ ему, и онъ считаетъ неприличнымъ выразить свое удивленіе; nil admirari составляетъ правило его жизни. Ничто не можетъ обрадовать его, испугать или произвести глубокое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ чувства; въ его груди бьется горячее сердце, преданное женѣ и дѣтямъ. Онъ любитъ своихъ дѣтей и родныхъ, а относительно родителей доходитъ въ этомъ чувствѣ до самоотверженія. Ко всѣмъ этимъ добродѣтелямъ русскій ученый могъ-бы причислить и гостепріимство. Но само собою разумѣется, что мы не можемъ ограничиться представленной здѣсь картиной и должны указать темныя стороны алеутской народности. Хотя съ введеніемъ христіанства положеніе дѣлъ значительно улучшилось и распространенная здѣсь поліандрія почти совершенно исчезла, но слишкомъ раннія супружества при распущенности нравовъ не отличаются цѣломудріемъ, и многіе противоестественные пороки, издавна существующіе въ народѣ, еще не могли быть искоренены. Я считаю лишнимъ распространяться здѣсь о прежнемъ состояніи нравственности, какъ ее описываетъ Лангсдорфъ (Reise um die Welt, Bd. II, S. 63), и даже Вайцъ на основаніи болѣе старыхъ извѣстій. (Anthropologie der Naturvölker, Bd. III, S. 314). Въ настоящее время прежнія условія исчезли безслѣдно, какъ можно заключить изъ того, что новѣйшіе путешественники, какъ, напримѣръ, Вимперъ, Даль и Пинаръ совершенно умалчиваютъ объ этомъ пунктѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ хри-

стіанство перестало быть номинальнымъ у алеутовъ и получило болѣе серьезное значеніе, исчезли, разумѣется, и старыя соціальныя отношенія въ видѣ жестокаго обращенія съ рабами, полигаміи и прежнихъ погребальныхъ обычаевъ. Равнымъ образомъ положены извѣстные предѣлы разврату, который былъ одной изъ главныхъ причинъ быстраго уменьшенія населенія. Но, съ другой стороны, вошла въ употребленіе водка, которая до этого была неизвѣстна здѣсь, и наравнѣ съ болѣе безвреднымъ, но издавна распространеннымъ нюхательнымъ табакомъ сдѣлалась такой преобладающей страстью у алеутовъ, что они нерѣдко за штофъ водки готовы отдать свое послѣднее имущество.

Хотя въ умственномъ отношеніи алеуты не отличаются быстротой соображенія, но они высказываютъ большое рвеніе къ чтенію и письму и въ непродолжительный срокъ привыкаютъ ко всякому ремеслу. Въ настоящее время можно встрѣтить между ними столяровъ, каменьщиковъ, портныхъ, слесарей, башмачниковъ и даже художниковъ не лишенныхъ таланта. Благодаря вѣрности глаза, они очень искусны въ ручныхъ работахъ, особенно въ рѣзьбѣ и шитьѣ. Рѣзьба на деревѣ и моржевомъ зубѣ была нѣкогда самымъ обычнымъ и любимымъ занятіемъ мужскаго алеутскаго населенія, такъ что въ 1815 году А. Шамиссо пріобрѣлъ богатую коллекцію вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ всѣхъ водящихся здѣсь разновидностей китовъ, которыя впослѣдствіи были описаны имъ и изданы вмѣстѣ съ рисунками. Кромѣ того Хорисъ, съ помощью Китлица, одного изъ спутниковъ Литке на кораблѣ Сенявинѣ, срисовалъ алеутскую діадему, на которой были вырѣзаны превосходныя изображенія гладкоперыхъ китовъ. Хотя способности алеутовъ преимущественно направлены на практическую дѣятельность, но у нихъ много преданій и легендъ; и газета „Alaska Herald“ напечатала не мало любопытныхъ мелодій и пѣсенъ, не лишенныхъ поэтическаго достоинства. Въ нихъ преимущественно воспѣвается жизнь на морѣ; но есть цѣлый циклъ любовныхъ пѣсенъ, которыя, разумѣется, носятъ на себѣ большею частью извѣстный отпечатокъ цинизма и первобытнаго взгляда на любовь. Въ виду этого тѣмъ болѣе поражаетъ насъ глубокое чувство, проглядывающее въ слѣдующей пѣснѣ, смыслъ которой я постараюсь передать въ буквальномъ переводѣ:

„Не могу я прожить дня безъ тебя,
„Твое дыханіе даетъ мнѣ жизнь,
„Когда я танцую съ тобой;
„Я желалъ-бы упиться твоимъ дыханіемъ,
„Не могу я жить безъ тебя...

Въ числѣ различныхъ алеутскихъ преданій есть одно о всемірномъ потопѣ, который былъ ниспосланъ на ихъ предковъ въ видѣ наказанія за нечестивую жизнь.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ ИНДІЙЦЫ.

Общій обзоръ.

Злополучное названіе „индійцы“, обозначающее темнокожихъ туземцевъ Новаго Свѣта перешло къ намъ отъ эпохи совершенно незнакомой съ этнологіей и не мало способствовало распространенію и утвержденію господствовавшаго взгляда на расовое единство этихъ народовъ. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ ними, тѣмъ кажется намъ невѣроятнѣе, чтобы всѣ „краснокожіе“ люди (къ которымъ также неправильно примѣняютъ и это прозвище) были одинаковаго происхожденія, если только не вздумаемъ отнести это сродство къ самому отдаленному прошлому. Совмѣстно съ общими чертами, которымъ, по моему мнѣнію, напрасно придаютъ такое важное значеніе, такъ какъ многія изъ нихъ встрѣчаются у народовъ другихъ частей свѣта, представляется цѣлый рядъ отличій относящихся къ физическимъ признакамъ, характеру и нравамъ и доказывающихъ различное происхожденіе. Въ виду этого задача нынѣшней этнологіи должна главнымъ образомъ заключаться въ томъ, чтобы прослѣдить эти отличія, тщательно отмѣтить ихъ и затѣмъ уже сопоставить сходные признаки, такъ какъ черезъ это пріобрѣтается почва для основательной классификаціи отдѣльныхъ племенъ. Въ настоящее время, несмотря на недостаточность нашихъ свѣдѣній, мы можемъ различить этимъ способомъ даже среди индійцевъ Сѣверной Америки нѣсколько значительныхъ группъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ высокой степени самостоятельности. Мексику я причисляю къ Центральной Америкѣ, гдѣ, какъ и въ южной половинѣ материка, живутъ люди имѣющіе также мало общаго съ туземцами прерій бассейна Миссисипи (не говоря уже объ обитателяхъ сѣверной озерной области или Аллегана), какъ турки съ европейцами. Хотя никому не прійдетъ въ голову причислять къ европейцамъ живущихъ въ Европѣ турокъ, но тѣмъ не менѣе такое неопредѣленное названіе, какъ „индійцы“ со всей массой связанныхъ съ нимъ ошибокъ и ложныхъ заключеній обнимаетъ собой почти всѣ туземныя племена Сѣверной, Средней и Южной Америки. Къ сожалѣнію, мы не только не имѣемъ подъ рукой другихъ названій, которыя могли-бы замѣнить это сбивчивое прозвище, но даже по необходимости будемъ придерживаться его въ дальнѣйшемъ изложеніи, и только сочли нужнымъ предупредить объ этомъ заранѣе нашихъ читателей.

Если мы обратимъ вниманіе на важнѣйшіе физіологическіе признаки, то увидимъ (по крайней мѣрѣ, насколько можно прослѣдить ихъ), что

всѣ сѣверо-американскіе индійцы отличаются большимъ ростомъ. Но при этомъ оказывается, что восточные народы въ данномъ случаѣ нѣсколько уступаютъ западнымъ; и высшій ростъ болѣе 1,70 м., который можно взять за норму для сѣверо-западныхъ американцевъ, преимущественно свойственъ болѣе сѣвернымъ племенамъ, какъ: альгонквины и ирокезы. Равнымъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь явленіе, которое, по свидѣтельству Топинара, повторяется и въ Южной Америкѣ, а именно: между туземцами сообразно величинѣ роста существуютъ два совершенно различныхъ типа: одно очень высокое племя и другое ростомъ ниже средняго. Такъ, напр. крики, ростъ которыхъ достигаетъ только 1,651 м., представляютъ поразительный контрастъ съ ирокезами (1,735 м.) и потоватоми (1,727 м.). (Rev. d'Anthrop. 1876, S. 76). Краніологія индійцевъ очень мало изслѣдована, и въ настоящее время очень трудно составить вѣрную картину относительныхъ размѣровъ череповъ у отдѣльныхъ племенъ. Хотя нѣтъ недостатка въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ надъ американскими черепами, особенно изъ Соединенныхъ Штатовъ, но они главнымъ образомъ добыты изъ доисторическихъ кургановъ „mounds" и изъ старыхъ могилъ, о происхожденіи которыхъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго.

Въ послѣднее десятилѣтіе курганы или „mounds", служили предметомъ ревностныхъ изслѣдованій; при этомъ оказалось, что многіе изъ нихъ принадлежатъ не слишкомъ отдаленному времени. Это предположеніе подтверждается хорошимъ состояніемъ скелетовъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ данныя, относящіяся къ быту этихъ исчезнувшихъ людей, напоминаютъ привычки, наблюдаемыя у нынѣшнихъ индійцевъ. Но въ то же время исторія и преданіе совершенно умалчиваютъ о различныхъ земляныхъ сооруженіяхъ, между тѣмъ какъ изслѣдованіе ихъ показываетъ, насколько мы должны быть осторожны въ нашихъ заключеніяхъ. Въ Америкѣ повторяется то же явленіе, что и въ европейскихъ „tumuli", гдѣ на основаніи значительныхъ наблюдаемыхъ въ нихъ отличій можно вывести заключеніе, что они были воздвигнуты въ различные періоды времени и даже быть можетъ разными народами. Въ смыслѣ выводовъ, относящихся къ настоящему времени, практическое значеніе имѣютъ разумѣется только находки изъ земляныхъ сооруженій сравнительно недавняго происхожденія. Карлъ Рау, оказавшій такія важныя услуги изученію древней Америки, наравнѣ съ д-ромъ Э. Шмитомъ въ Эссенѣ, однимъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ американской археологіи, высказываетъ мнѣніе, что „mounds" не представляютъ самостоятельной группы явленій этого рода; и по всѣмъ вѣроятіямъ были воздвигнуты непосредственными предками нынѣшнихъ индійцевъ, нравы которыхъ быстро измѣнились подъ вліяніемъ европейцевъ. Между тѣмъ Джонъ Т. Шортъ, авторъ лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ книгъ о сѣверо-американскихъ древностяхъ, держится противоположнаго взгляда, а именно, что „moundbuilders" или строители кургановъ не были предками нынѣшнихъ индійцевъ, но представляли собой совершенно особый народъ. (Short, The North Americans of Antiquity. New-York 1880. 2. Aufl. S. 27) Подобно многимъ своимъ предшественникамъ, онъ видитъ въ этомъ народѣ сродство съ племенемъ Нагуа, которое распространилось въ Средней Америкѣ, хотя и было пришлымъ въ ней. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи „mounds" ни въ какомъ случаѣ нельзя считать рѣшеннымъ.

Тѣмъ не менѣе для полноты описанія я сообщу здѣсь въ короткихъ словахъ результаты остеологическихъ находокъ, сдѣланныхъ въ „mounds", которые исключительно встрѣчаются въ бассейнѣ Мисиссипи, а именно въ сѣверной его части, потому что въ штатахъ, лежащихъ по берегу залива, они составляютъ такую-же рѣдкость, какъ и на востокѣ Аллегана. Но даже и на этомъ ограниченномъ пространствѣ замѣчается величайшее разнообразіе въ найденныхъ до сихъ поръ черепахъ. Генри Джильманъ вырылъ изъ одного кургана въ Дакота восемь череповъ; изъ нихъ три были вполнѣ короткоголовые; одинъ даже приближался къ предѣлу крайней брахикефаліи и его указатель ширины доходилъ до 94. Между тѣмъ какъ остальные пять череповъ наоборотъ подходили подъ размѣры долихокефаліи, понижаясь отъ 77,7 до 68,1. Само собою разумѣется, что, въ виду такихъ рѣзкихъ противоположностей, было-бы крайне затруднительно вывести средній размѣръ этихъ череповъ. Тотъ же изслѣдователь добылъ изъ одного землянаго укрѣпленія около р. Висконсина шесть череповъ, которые были отчасти брахикефалы и частью мезокефалы. По вычисленіямъ Д-ра Р. І. Фаркъгэрсона средній указатель ширины у девяти череповъ вырытыхъ изъ Альбани доходилъ до 76,8; у одинадцати изъ Рокъ Ривера—77,1; у четырехъ изъ Генри Каунти—74,3; у одного черепа изъ Давенпорта указатель достигалъ 75,2. Послѣдній найденъ въ Айовѣ; другіе изъ Иллинойса. Фаркъгэрсонъ, причисливъ ко всѣмъ этимъ еще четыре измѣренныхъ имъ черепа, вывелъ средній указатель всѣхъ 29 череповъ 75,5. Въ долинѣ Огайо брахикефальный типъ является преобладающимъ: указатель его 90,7. Тѣмъ не менѣе проф. Джонсъ упорно отстаиваетъ расовое единство народовъ, соорудившихъ „mounds" на всемъ протяженіи бассейна Мисиссипи. Что-же касается емкости этихъ череповъ, то мы встрѣчаемъ тѣ-же крайности. По исчисленіямъ Мортона и Айткенъ Мейгса она достигаетъ среднимъ числомъ у нынѣшнихъ индѣйцевъ 1376 куб. сант. съ minimum въ 1137 куб. сант. Генри Джильманъ вырылъ въ большомъ курганѣ на Красной рѣкѣ черепъ, емкость котораго достигала только 918 куб. сант. и который вообще по общимъ признакамъ представлялъ поразительное сходство съ шимпанзе. Подобный этому черепъ низшей организаціи былъ найденъ генераломъ Томасомъ въ курганѣ Дакота. Черепъ, добытый А. І. Конантомъ въ одномъ „mound" на юго-востокѣ Миссури, чрезвычайно похожъ на такъ называемые Неандертальскіе черепа. Между тѣмъ средняя емкость вышеупомянутыхъ 25 череповъ Фаркъгэрсона доходитъ до 1188, а емкость 24 череповъ С. С. Лайонса изъ кургана въ Кентукки до 1313 куб. сант., такъ что она во всякомъ случаѣ ниже средней емкости у нынѣшнихъ индійцевъ сѣверной Америки; и только одинъ древній черепъ изъ Тенесси въ 1687 куб. сант. далеко превосходитъ ихъ. Черепа „moundbuilders" отличаются также отъ новѣйшихъ индійскихъ мéньшимъ вѣсомъ и мéньшей величиной, а равно и часто встрѣчаемой „костью Инка". Гигантскій ростъ большинства скелетовъ, къ которымъ принадлежатъ эти ископаемые черепа, свидѣтельствуетъ противъ какого либо сродства ихъ съ перувіанцами. Д-ръ Джонсъ находилъ скелеты въ 1,83 и даже въ одномъ случаѣ въ 2,13 м. длины. Но съ другой стороны сплющенный затылокъ, значительный поперечникъ ширины, скошенный лобъ, сильное развитіе костей и полное тожество вертикальнаго поперечника череповъ изъ „mounds" бассейна Мисиссипи съ черепами древнихъ мексиканцевъ побудило Джона Т. Шорта признать близкое сродство между этими двумя народами (Short, The North americans of Anliquity, S. 174).

Замѣчательно, что многіе ископаемые черепа, особенно Мичигана, имѣютъ замѣтное для простаго глаза круглое просверленное отверстіе отъ 10—15 мм. діаметра на затылкѣ, а также на черепѣ и стрѣловидномъ швѣ, возбуждавшее живой интересъ ученыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это просверливаніе было произведено послѣ смерти индивида, какъ въ черепахъ, най-

денныхъ Джильманомъ въ Мичиганѣ, такъ и въ тѣхъ, которые были недавно вырыты почтеннымъ Стефэномъ Бауерсомъ въ Санта Барбара въ Калифорніи. (The American Naturalist 1879, S. 327). Долгое время причина этой трапенаціи оставалась неразъясненной. Но аббатъ Птито сообщилъ въ послѣднее время, что, по разсказамъ индійцевъ, крики, черноногіе, дакоты, ассинибойны и другіе народы прерій, у которыхъ господствовалъ обычай скальпированія, производили его ножемъ особеннаго устройства. При этомъ одновременно съ кожей они вырѣзывали однимъ ударомъ небольшіе круглые кусочки черепа и обнажали мозгъ, не повреждая его. На основаніи этого извѣстія можно думать, что трепанація, встрѣчаемая на американскихъ черепахъ, представляетъ слѣды глубокаго скальпированія. (Globus, Bd. XI, S. 96). Такимъ образомъ мы должны признать справедливость мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые не находили никакой аналогіи между этими отверстіями и тѣми, какія по всѣмъ даннымъ были выскоблены каменными ножами на доисторическихъ европейскихъ черепахъ, равно и на черепахъ такъ называемаго неолитическаго періода и бронзоваго вѣка. Брока̀ предполагаетъ, что послѣднія производились отчасти изъ религіозныхъ и частью изъ терапевтическихъ цѣлей. (Rev. d'Anthrop. 1877, S. 1—42, 193—225). Впрочемъ доисторическій человѣкъ Стараго Свѣта по одинаковому распространенію платицнеміи представляетъ сходство съ американцами древнихъ кургановъ. Девять берцовыхъ костей изъ „mound'a" у Красной рѣки и р. Детруа въ Мичиганѣ доходили только до 0,486 указателя ширины; пять берцовыхъ костей изъ р. Сентъ-Клера—до 0,548; четыре кости изъ острова Чамберса—до 0,588, между тѣмъ какъ по Бёску средній указатель ширины нормальныхъ берцовыхъ костей англійскихъ раскопокъ достигаетъ 0,727. Джильманъ встрѣчалъ поразительно часто у ископаемыхъ „humeri" прободеніе стѣнки между fossa anterior и posterior (надъ локтевымъ суставомъ); такъ напримѣръ: онъ наблюдалъ это явленіе у 50 процентовъ „humeri", найденныхъ въ Мичиганѣ, между тѣмъ какъ кости предплечья изъ другихъ „mounds" представляютъ только 31 проц. (Arch. f. Anthrop. Bd. XIII, S. 499). Въ заключеніе проф. Джонсъ приписываетъ извѣстныя сомнительныя утолщенія, наблюдаемыя на костяхъ старыхъ могильныхъ насыпей въ Тенесси, всеобщему распространенію сифилиса.

Изслѣдованія надъ черепами „moundbuilders" (строителей древнихъ кургановъ) привели насъ по крайней мѣрѣ къ тому результату, что ихъ легко отличить отъ череповъ нынѣшнихъ индійцевъ. Что касается послѣднихъ, то мы, разумѣется, весьма мало знаемъ о нихъ; но и эти скудныя свѣдѣнія въ значительной степени теряютъ свое значеніе вслѣдствіе того обстоятельства, что при изученіи американскихъ череповъ мы встрѣчаемъ совершенно иныя условія, нежели тѣ, какія представляетъ масса череповъ изъ другихъ мѣстъ. Нерѣдко американскіе черепа носятъ на себѣ слѣды искусственнаго уродованія; поэтому форма ихъ зависитъ отъ разныхъ случайностей и капризовъ моды. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ своего рода фальсификаціей и, по справедливому замѣчанію Топинара, не можемъ разсчитывать на успѣхи краніологіи, пока американскіе ученые не проведутъ строгаго разграниченія между уродованными и нормальными черепами, такъ какъ первые въ высшей степени затрудняютъ измѣренія послѣднихъ, и вслѣдствіе этого получаются крайне сбивчивые результаты. (Rev. d'Anthrop. 1880, S. 157).

Но во всякомъ случаѣ въ настоящее время мы можемъ считать окончательно опровергнутымъ ученіе Мортона объ единствѣ формы индійскаго брахикефальнаго типа череповъ, потому что имѣемъ достаточно примѣровъ доказаннаго длинноголовія между индійцами Сѣверной Америки, не смотря на преобладаніе мезокефаліи и брахикефаліи. По вычисленіямъ Велькера, указатель ширины черепа у сѣверо-американскихъ индійцевъ доходитъ до 77; у мексиканцевъ до 76 и сѣверозападныхъ американцевъ до 80; у племени „flatheads" (плоскоголовыхъ) до 100, между тѣмъ какъ указатель высоты этихъ-же группъ доходитъ до 75, 78, 76 и 87. „Широкія скуловыя дуги монголоидныхъ встрѣчаются и у индійцевъ въ видѣ постояннаго признака, равно и низкіе лбы, но выступающіе нерѣдко орлиные носы составляютъ рѣзкую противоположность съ короткими приплюснутыми носами азіатскихъ монголовъ. Образованіе челюстей рѣдко достигаетъ прогнатизма низшаго негритянскаго черепа, но рѣдко доходитъ до степени ортогнатизма кавказцевъ" (Ratzel, Die Vereinigten Staaten, Bd. II S. 111). Въ смыслѣ мускульной силы нынѣшній индіецъ вообще уступаетъ европейцу. Глаза нѣсколько раскосые скорѣе могутъ быть названы маленькими, нежели большими, и отличаются мутнымъ бѣлкомъ. Мясистость проявляется около рта и носа, особенно во вздутыхъ губахъ. Уши немного оттопырены. Мягкая на ощупь кожа на всемъ тѣлѣ очень мало или вовсе не покрыта волосами; борода почти всегда чрезвычайно рѣдкая и едва замѣтная.

Ученые обыкновенно придавали слишкомъ много значенія однообразному цвѣту кожи индійскихъ племенъ. Въ дѣйствительности это однообразіе вовсе не такъ велико. Настоящіе „краснокожіе" встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ. Извѣстный путешественникъ Ричардъ Бёртонъ находитъ совершенно неумѣстнымъ выраженіе „красная кожа", потому что еслибы смыть надлежащимъ образомъ и съ помощью мыла густой слой краски, жира и грязи съ кожи американскаго туземца, то получился бы не мѣдно красный цвѣтъ, а безчисленное множество оттѣнковъ свѣтлокоричневаго, оливковаго и темнокоричневаго цвѣта. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже между индійцами прерій можно встрѣтить такое-же количество оттѣнковъ коричневой кожи, какъ въ Европѣ бѣлой.

Во всякомъ случаѣ, мы не должны упускать изъ виду, что нынѣшніе индійцы представляютъ собой чрезвычайно смѣшанную расу. Побѣжденные автохтоны осуждены здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, на расовое вымираніе; всюду побѣдители попираютъ тѣла враждебныхъ имъ людей и вытѣсняютъ скудные остатки туземнаго народа въ отдаленныя мѣстности страны. Собственно въ штатахъ Новой Англіи едва ли можно теперь увидѣть краснокожаго; и даже во всей совокупности земель на востокѣ отъ Мисиссипи бывшіе властелины страны составляютъ большую рѣдкость. Нѣкоторые остатки ихъ со-

хранились еще въ штатахъ: Мэнѣ, Нью-Іоркѣ, Георгіи, Тенесси и Флориды. Весьма возможно, какъ это особенно утверждаютъ въ послѣднее время, что число индійцевъ въ пору покоренія страны бѣлыми людьми было не такъ значительно, какъ предполагали прежде; но тѣмъ не менѣе никто не станетъ отрицать того факта, что они почти исчезли изъ огромныхъ пространствъ земли, нѣкогда принадлежавшихъ имъ. Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь возвышаются блистательнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ европейская образованность въ обширномъ значеніи этого слова пустила свои корни, тамъ не далѣе какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ жили многочисленныя племена альгонквиновъ, отъ которыхъ едва уцѣлѣли жалкіе остатки. Во время продолжительныхъ войнъ, приведшихъ къ уничтоженію индійцевъ и водворенію англосаксонцевъ, не разъ наступали промежутки, когда прекращались военныя дѣйствія, и, несмотря на племенную ненависть и смертельную вражду, бывали сближенія съ темнокожими красавицами, такъ какъ ярость побѣдителей была почти исключительно обращена на противниковъ мужскаго пола. Въ настоящее время едва ли можно опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ происходило скрещиваніе, но повидимому оно во всякомъ случаѣ было несравненно значительнѣе, нежели это обыкновенно думаютъ. Сверхъ того кражей дѣтей и особенно дѣвушекъ издавна промышляли всѣ западныя индійскія племена, какъ между собой, такъ и у нѣмецкихъ, англійскихъ, испанскихъ и др. переселенцевъ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣлые люди, одичавъ отъ долголѣтней бродячей жизни въ американскихъ лѣсахъ, добровольно вступали въ индійскія племенныя общины. Все это и еще болѣе прочные семейные союзы вслѣдствіе совмѣстной жизни лѣсныхъ бродягъ, рудокоповъ, переселенцевъ и пр. съ индійскими „squaws“ способствовали въ значительной мѣрѣ обогащенію индійскихъ племенъ продуктами скрещиванія, которые должны становиться все разнообразнѣе по внѣшнему виду. (Ratzel, Die Verein. Staat., Bd. II s. 110—111).

Мы можемъ утверждать это тѣмъ съ бóльшею увѣренностью,—говоритъ Птито, — что этого рода факты еще происходятъ на нашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ въ сосѣднихъ англійскихъ владѣніяхъ, гдѣ индійцы сравнительно еще многочисленнѣе нежели въ Соединенныхъ Штатахъ. Птито живетъ въ настоящее время въ качествѣ миссіонера у Англингскаго озера, гдѣ уже осталось очень мало чистокровныхъ индійцевъ. Они почти всѣ смѣшанной крови и въ послѣднее время съ весьма значительной примѣсью европейской крови. Приэтомъ они остаются настоящими „дикарями“. Благодаря происхожденію отъ французовъ, франко-канадцевъ и англо-саксонцевъ, между индійцами встрѣчаются субъекты съ каштано-коричневыми, даже бѣлокурыми волосами и съ румянцемъ на щекахъ. У нихъ большіе, лежащіе прямо глаза и съ прямымъ взглядомъ. Орлиные носы, правильныя черты лица, открытые лбы не составляютъ рѣдкости между чиппеуейями, криками и ассинебойнами далекаго запада, особенно между послѣдними. Они сами признаютъ себя продуктами скрещиванія; и крикъ, носящій какое-нибудь трудно выговариваемое и напыщенное

индійское имя, въ то же время называется Дюмонъ; между тѣмъ какъ его товарищъ носитъ фамилію Фавье или Ролена. Между ними встрѣчаются и такіе, которые извѣстны подъ фамиліей Роунъ или Макъ-Леодъ. Но всѣ они индійцы (Globus, Bd. XL, S. 96).

Отъ могущественнаго племени гуроновъ уцѣлѣла небольшая шайка, въ которой, быть можетъ, не найдется ни одного настоящаго индійца: по крови, языку и нравамъ они болѣе чѣмъ на половину французы. Равнымъ образомъ канадскіе охотники, проникнувъ на сѣверъ въ область Красной рѣки, вступали въ сношенія съ индійскими женщинами. Отпрыски этихъ большею частью случайныхъ браковъ образовали собою могучее поколѣніе охотниковъ и полукочевыхъ земледѣльцевъ, которое скоро составило преобладающую часть населенія и въ началѣ нынѣшняго столѣтія получило прозвище „Bois brulés„ за свой желтовато-коричневый цвѣтъ кожи. Впрочемъ здѣсь мы находимъ метисовъ не только отъ браковъ французскихъ канадцевъ съ индійскими женщинами, но и отъ отцовъ шотландцевъ и англо-американцевъ. Метисы уже въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній вступаютъ между собой въ браки и фактически положили начало новой націи. По свидѣтельству Г. Кларбаха, они выказываютъ большія способности при правильномъ воспитаніи. Въ молодости они легко и быстро усвоиваютъ знанія; но впослѣдствіи развитіе ихъ весьма незначительно. Между ними встрѣчаются адвокаты, доктора и духовныя лица. Но такъ какъ скрещиваніе происходитъ въ продолженіи полстолѣтія и вновь прибывшіе европейцы охотнѣе женятся на женщинахъ смѣшанной крови, чѣмъ на чистыхъ индіянкахъ, то въ метисахъ преобладаетъ бѣлая кровь; и въ сущности во многихъ изъ нихъ едва можно замѣтить примѣсь индійской крови. Почти всегда, даже при первомъ скрещиваніи „Halfbleed“ (метисъ) очень красивъ, особенно отъ отца француза и вполнѣ соотвѣтствуетъ европейскому вкусу. Но метисы отцвѣтаютъ необыкновенно быстро; и къ тридцати годамъ красота ихъ проходитъ безслѣдно. Женщины становятся некрасивыми и обрюзглыми, и индійскій типъ проявляется во всей силѣ. (Globus, Bd. XVII, S. 376).

Въ продолженіи многихъ лѣтъ постоянное и быстрое вымираніе индійцевъ считалось неоспоримымъ фактомъ. Пресса, филантропы и государственные люди, подъ вліяніемъ общаго сентиментальнаго настроенія, серьезно толковали о томъ: какими средствами остановить ихъ полное исчезновеніе. Между тѣмъ въ новѣйшее время нѣкоторые ученые заявили совершенно неожиданно, что уже десятки лѣтъ число индійцевъ постоянно возрастаетъ. Эта истина, впервые превозглашенная полковникомъ Гаррикомъ Маллери, была принята безъ малѣйшей критики; и Ф. Гольстъ, считая ее непреложной, воспользовался ею для своихъ изслѣдованій. (Allg. Zeit. vom. 1 Sept. 1879). Профессоръ Герландъ, подробно взвѣсивъ данныя, относящіяся къ этому важному вопросу (Globus, Bd. XXXV и XXXVI) пришелъ къ положительному выводу, что такъ долго существовавшая, но устарѣлая теорія, обрѣкавшая индійцевъ на неизбѣжную гибель, должна подвергнуться коренному измѣненію. Герландъ полагаетъ, что въ былыя времена сильно преувеличивали число индійцевъ и насчитываетъ ихъ въ 1860 году до 730,000 душъ, хотя самъ добавляетъ, что эта цифра быть можетъ слишкомъ низка. Во всякомъ случаѣ многія причины побуждаютъ насъ думать, что число индійцевъ въ

Сѣверной Америкѣ не особенно значительно; но съ своей стороны, я раздѣляю мнѣніе Ратцеля, который считаетъ этотъ вопросъ неразрѣшимымъ (Ratzel, Die Verein. Staat., Bd. II, S. 141), и нахожу, что вычисленія Герланда, по своей неопредѣленности, не могутъ служить для окончательныхъ выводовъ. По его приблизительному разсчету, число нынѣшнихъ индійцевъ согласно цензу 1870 года, доходитъ до 313,712, такъ что въ послѣднія два столѣтія они вымерли больше чѣмъ на половину, сравнительно съ прежнимъ итогомъ. (Globus, Bd. XXXV, S. 238). Между тѣмъ, если даже мы допустимъ чрезвычайную малочисленность сѣверо-американскаго населенія, то оно останется такимъ и въ томъ случаѣ, когда на огромномъ пространствѣ вмѣсто 730,000 головъ оказался милліонъ или даже болѣе этого. Но тогда убыль въ тотъ-же промежутокъ времени простиралась-бы не на половину, а на двѣ трети населенія, что составляетъ существенную разницу въ смыслѣ быстроты вымиранія.

Равнымъ образомъ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній относительно численности нынѣшнихъ индійцевъ, такъ какъ нѣтъ никакой возможности составить вѣрную перепись всѣхъ индійцевъ. Отчасти даже наиболѣе точныя свѣдѣнія основаны на приблизительныхъ вычисленіяхъ, чѣмъ и можно объяснить разногласіе въ слѣдующихъ цифрахъ. Согласно цензу 1870 года число индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Аляскѣ доходило до 383,712, по другимъ чрезвычайно подробнымъ вычисленіямъ численность ихъ въ томъ же году не превышала 378,577 душъ. (Ausland 1870, S. 876). Въ 1876 число ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ за исключеніемъ Аляски простиралось сообразно оффиціальнымъ свѣдѣніямъ до 316,000. Эта общая цифра на основаніи того-же источника распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на 100,000 цивилизованныхъ приходится 135,000 полуцивилизованныхъ и 81,000 дикихъ. Къ цивилизованнымъ причисляютъ осѣдлыхъ индійцевъ, живущихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ; полуцивилизованными считаются тѣ, которые спокойно остаются въ предѣлахъ отведенныхъ имъ округовъ, но настолько бѣдны средствами пропитанія, что для поддержанія своего существованія вынуждены принимать помощь отъ правительства; дикими признаются тѣ племена, которыя зимою заставляютъ одѣвать и кормить себя, а лѣтомъ отъ нихъ во всякое время можно ожидать возстанія. Вышеприведенная цифра, можетъ быть нѣсколько преувеличена, но ни въ какомъ случаѣ не уменьшена, такъ какъ можно ожидать, что племена, пользующіяся поддержкой отъ правительства въ видѣ съѣстныхъ запасовъ, ради выгоды покажутъ бо́льшее число головъ, чѣмъ то, какое есть въ дѣйствительности, и намѣренно умолчатъ о смертныхъ случаяхъ. По донесенію комиссара, завѣдующаго „индійскими дѣлами", общая цифра индійцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ за 1875—76 (слѣдовательно въ тотъ-же промежутокъ времени) доходитъ до 266,151, а живущихъ среди нихъ метисовъ до 40,639. Сообразно полученнымъ извѣстіямъ о цензѣ 1880 года число индійцевъ, которые не принадлежатъ ни къ какимъ племеннымъ общинамъ и находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ правительства доходитъ до 170,838 душъ (Ausland 1881, S. 660). Но къ сожалѣнію мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній изъ этой цифры, такъ какъ она не представляетъ собой общей суммы.

Хотя данныя, относящіяся къ численности населенія, въ высшей степени сомнительны, но все таки чрезвычайно поразительна та пра-

вильность, съ какой по вычисленіямъ самыхъ разнообразныхъ наблюдателей цифра населенія въ каждомъ отдѣльномъ племени постепенно понижается, по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. При дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь по возможности привести въ подтвержденіе этого всѣ имѣющіяся вычисленія при описаніи каждаго отдѣльнаго племени. Неужели мы и въ самомъ дѣлѣ должны будемъ признать, что всѣ вышеуказанныя наблюденія, производимыя послѣдовательно въ продолженіи двухъ столѣтій, привели насъ къ заключеніямъ, которыя совершенно противорѣчатъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Даже Герландъ не отрицаетъ того факта, что число индійцевъ уменьшилось сравнительно съ прежнимъ; и мы равнымъ образомъ признаемъ, что индійцы очень склонны къ болѣзнямъ, которыя способствуютъ ихъ преждевременному вымиранію и уменьшенію производительной силы. Въ сущности мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ остатками отжившаго человѣчества, потомками великаго поколѣнія, которые въ настоящее время имѣютъ очень мало общаго съ краснокожими Куперовыхъ романовъ, и представляютъ интересъ для этнолога не столько въ смыслѣ нравовъ и учрежденій, почти утратившихъ свою оригинальность, сколько по своему отношенію къ поработившей ихъ высшей цивилизаціи блѣднолицыхъ людей. Маллери указываетъ на различные примѣры возрастанія отдѣльныхъ индійскихъ племенъ; и мы не можемъ оспаривать это, пока подобное возрастаніе не будетъ подтверждено точными исчисленіями. Но Герландъ приводитъ очень мало характерныхъ случаевъ, въ родѣ тѣхъ, съ которыми читатель познакомится въ позднѣйшихъ отдѣлахъ нашей книги, такъ что врядъ-ли было-бы возможно дѣлать на основаніи ихъ какія либо широкія обобщенія. Но для насъ по крайней мѣрѣ выясняется тотъ фактъ, что не всѣ индійцы находятся въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ относительно даннаго пункта, что опять таки не говоритъ въ пользу ихъ расоваго единства. Такъ называемые „цивилизованные“ индійцы оказываются всего устойчивѣе и замѣтно преуспѣваютъ въ смыслѣ культуры и увеличенія численности, вслѣдствіи чего Герландъ приходитъ къ заключенію, что цивилизація ни въ какомъ случаѣ не гибельна для краснокожаго человѣка, и что онъ, напротивъ, можетъ быть спасенъ только возможно быстрымъ принятіемъ цивилизаціи (Globus, Bd. XXXV, S. 235). Онъ совершенно справедливо доказываетъ, что до сихъ поръ не цивилизація производила опустошенія между индійцами, а варварство бѣлыхъ, которое повсемѣстно и во всѣ времена неразлучно съ цивилизаціей и составляетъ характерный признакъ людей служащихъ піонерами нашей цивилизаціи. Но быстрое принятіе цивилизаціи кажется намъ немыслимымъ внѣ соприкосновенія съ варварствомъ бѣлыхъ. Что-же касается степени культуры, то она въ дѣйствительности очень разнообразна. Весьма немногіе изъ туземцевъ могутъ сравниться по образованію съ европейцами.

Слѣдующій отзывъ проф. В. Кребса о „полуцивилизованныхъ“ индійцахъ Небраска можетъ быть примѣненъ къ большинству индійскаго племени: „Не подлежитъ сомнѣнію, что на многихъ изъ этихъ индійцевъ замѣтны слѣды прогресса и слѣдовательно перехода изъ первобытнаго состоянія въ болѣе культурный; но путь, пройденный въ этомъ направленіи, напоминаетъ первыя попытки человѣка, предпринявшаго кругосвѣтное плаваніе. Хотя у нѣкоторыхъ племенъ удалось ввести земледѣліе и школы, но это сдѣлалось не вслѣдствіе требованія съ ихъ стороны, а было насильно навязано имъ, такъ что достигнутые до сихъ поръ результаты крайне незначительны и не имѣютъ ничего общаго съ культурой“. (Globus, Bd. XVII, S. 238). Несравненно въ худшихъ условіяхъ находятся такъ называемые индійцы прерій и дикія воинственныя племена, у которыхъ врядъ ли можно предполагать приращеніе численности. Всѣ имѣющіеся на лицо факты и цифры приводятъ насъ къ тому выводу, что вымираніе происходитъ въ томъ случаѣ, когда индійцы не достигли той степени цивилизаціи, чтобы быть въ состояніи самимъ позаботиться объ обезпеченіи своего существованія. Отсюда слѣдуетъ, что индійцы, менѣе склонные къ цивилизаціи, осуждены на довольно быстрое вымираніе; и только тѣ изъ нихъ могутъ постепенно размножаться, которые получаютъ пособіе отъ правительства и научились земледѣлію, ремесламъ и искусству жить по человѣчески. Но для расы, по справедливому замѣчанію Фр. Ратцеля, конечный результатъ остается все тотъ-же, потому что извѣстная культурная полировка составляетъ прямой результатъ болѣе тѣснаго соприкосновенія съ европейцами и неизбѣжнаго при этомъ скрещиванія. Наибольшее число метисовъ встрѣчается у тѣхъ племенъ, которыя имѣли болѣе близкія сношенія съ бѣлыми. Даже дикіе индійцы теряютъ свою самобытность вслѣдствіе помѣси съ европейской кровью; и скрещиванія бываютъ у нихъ чаще, нежели обыкновенно думаютъ. На этомъ основаніи я раздѣляю мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые отвергаютъ ученіе о вымираніи индійцевъ; но изъ этого ни въ какомъ случаѣ нельзя выводить заключенія объ увеличеніи ихъ численности и будущаго благоденствія: скорѣе можно допустить здѣсь вмѣстѣ съ проф. Д. Вильсономъ изъ Торонто грандіозный процессъ ассимиляціи.

Подобно тому какъ изъ помѣси негровъ и бѣлыхъ образовалась далеко не безплодная раса мулатовъ, то же происходило и происходитъ при скрещиваніи европейцевъ съ индійцами; приэтомъ смѣшеніе поддерживается европейцами мужчинами и безостановочно идетъ впередъ: на востокѣ съ преобладаніемъ бѣлыхъ, а на западѣ—индійцевъ. Въ Аляскѣ процессъ совершился окончательно; въ Соединенныхъ Штатахъ онъ несомнѣнно произойдетъ такимъ образомъ, что индійцы будутъ совсѣмъ поглощены преобладающей массой бѣлыхъ. Вымираніе вовсе не составляетъ природнаго свойства чистокровныхъ индійцевъ; но они должны исчезнуть въ силу существующихъ условій. Въ семействахъ бѣлыхъ людей течетъ индійская кровь, и слѣды ея широко-рас-

пространились во всѣхъ классахъ американскаго общества. Въ настоящее время было бы даже затруднительно найти настоящаго индійца, и метисы, которые являются представителями прежнихъ владѣльцевъ страны, одарены, по свидѣтельству Вильсона, превосходными способностями, и въ то же время постепенно привыкаютъ къ прочной осѣдлости и къ цивилизованному образу жизни.

„Этимъ объясняется отчасти кажущееся вымираніе индійцевъ и повидимому незначительное число метисовъ, которые почти всегда совмѣщаютъ въ себѣ племенныя особенности обѣихъ расъ и въ дѣйствительности образуютъ наибольшую половину населенія". Въ этихъ короткихъ словахъ проф. Герландъ резюмируетъ взгляды Вильсона и добавляетъ съ своей стороны, что „выводы, которые нѣкоторые ученые (какъ недавно Ратцель) хотѣли построить на мнимой малочисленности индійцевъ, не выдерживаютъ критики „(Behms Geographisches Jahrbuch, Bd. VIII S. 451). Между тѣмъ Ратцель положительно правъ съ своей точки зрѣнія, что индійцы, вѣроятно, совсѣмъ исчезнутъ съ лица земли, отчасти вслѣдствіе вымиранія и частью отъ скрещиванія съ бѣлыми. Въ этомъ заключается его окончательный выводъ. Но въ сущности совершенно безразлично, какимъ способомъ гибнутъ индійцы, такъ что споръ объ ихъ „вымираніи" или „исчезновеніи подъ гнетомъ цивилизаціи", представляетъ собою не болѣе какъ пустое препирательство.

Во всякомъ случаѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ ожидаетъ въ будущемъ та-же гибель, какая постигла многіе историческіе народы, какъ напр. римлянъ, кельтовъ, готовъ и т. п. Они также „не вымерли" и равнымъ образомъ составили важный элементъ въ процессѣ возникновенія новыхъ народностей, надѣливъ новыхъ этнологическихъ индивидовъ многими своими психическими и даже физическими свойствами, но сами погибли безвозвратно и исчезли на вѣчныя времена. Только такою представляемъ мы себѣ судьбу болѣе счастливыхъ народовъ среди сѣверо-американскихъ индійцевъ.

Мы почти всегда встрѣчаемъ крайности въ описаніяхъ индивидуальнаго характера индійцевъ. Филантропы изображаютъ обитателей американскихъ пустынь въ видѣ наивныхъ дѣтей природы съ самыми благородными стремленіями, всѣ недостатки которыхъ заимствованы отъ соприкосновенія съ бѣлыми; тогда какъ колонистъ, живущій на границѣ ихъ владѣній, находясь въ постоянномъ опасеніи за свою собственность и жизнь, смотритъ на нихъ, какъ на тунеядцевъ, неисправимыхъ разбойниковъ и убійцъ. Истина, вѣроятно, заключается въ срединѣ между этими двумя крайностями, какъ полагаетъ Максъ ф. Тильманъ, который въ значительной мѣрѣ приписываетъ различіе взглядовъ тому обстоятельту, что описывались различныя народности.

Если бы кто сталъ говорить объ индійцахъ на основаніи опыта, вынесеннаго имъ изъ сношеній съ апахами и команчами, или составилъ себѣ мнѣніе подъ впечатлѣніямъ, произведеннымъ на него чероками, тотъ естественно прійдетъ къ весьма противорѣчимымъ выводамъ относительно краснокожихъ. Даже признавая расовое единство индійцевъ, мы должны допустить, что отдѣльные представители этой расы находятся въ настоящее время на весьма различной степени цивилизаціи, такъ что широкія обобщенія въ данномъ слу-

чаѣ необходимо должны вести къ ошибкамъ. Слѣдовательно, на основаніи наблюденій надъ отдѣльными племенами нельзя рѣшить важнаго вопроса: способенъ ли индіецъ къ образованію. Степень культуры у отдѣльныхъ индійскихъ племенъ также весьма различна. То же можно сказать объ ихъ характерѣ и умственныхъ способностяхъ. Что-же касается того афоризма, будто-бы индійцы выказываютъ болѣе сильное стремленіе къ нравственному идеалу, нежели бѣлые, то это положеніе не выдерживаетъ критики. Отношеніе индійцевъ къ этикѣ то же, что у другихъ народовъ; между ними есть и хорошіе и дурные люди. Извѣстные пороки, какъ жестокость и лѣнь, которые развились у нихъ вслѣдствіе жизни, которую ихъ предки вели въ продолженіи столѣтій, являются уже въ смягченной формѣ у болѣе цивилизованныхъ индійцевъ. Ложь и вѣроломство также издавна существовали у нихъ на практикѣ. Собственно индійскій патріотизмъ вполнѣ чуждъ краснокожему человѣку; онъ интересуется только дѣлами собственнаго племени и союзы многихъ племенъ противъ ненавистныхъ блѣднолицыхъ людей рѣдко бывали продолжительны. Впрочемъ перечисленные нами недостатки вовсе не составляютъ отличительнаго расоваго признака индійцевъ и свойственны большинству первобытныхъ народовъ. Ратцель замѣчаетъ по этому поводу: „сѣверо-американскіе индійцы по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ отношеніямъ представляютъ собою такія разнородныя племена, что мы только въ томъ случаѣ можемъ описать ихъ общія физическія свойства, если ограничимся поверхностнымъ обзоромъ, хотя и тутъ мы едва-ли будемъ въ состояніи указать на какія либо другія свойства кромѣ тѣхъ, которые одинаково присущи всѣмъ первобытнымъ народамъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ“. (Ratzel, Die Verein. Staaten, Bd. II, S. 113). Но такъ какъ мы не считаемъ удобнымъ довольствоваться поверхностными свѣдѣніями, то по необходимости должны отложить на нѣкоторое время обзоръ характера и душевныхъ свойствъ индійскихъ народовъ, пока не дойдемъ до описанія отдѣльныхъ этнологическихъ группъ. Теперь мы упомянемъ только объ одной общей выдающейся чертѣ индійцевъ, а именно, объ ихъ необычайномъ умѣніи владѣть собой, хотя Тильманъ въ значительной мѣрѣ приписываетъ этотъ стоицизмъ умственному тупоумію.

Равнымъ образомъ въ культурномъ отношеніи мы не можемъ назвать никакого признака, который составлялъ бы исключительную особенность всѣхъ индійцевъ, хотя въ крайне презрительномъ обращеніи съ женскимъ поломъ они даже превосходятъ всѣ другіе первобытные народы. Нигдѣ женщина не унижена въ такой степени, какъ здѣсь, до положенія вьючнаго животнаго; и, разумѣется, на ряду съ полнѣйшимъ униженіемъ ея человѣческаго достоинства идетъ рука объ руку самое жестокое обращеніе. Но этотъ оттѣнокъ въ обычаяхъ, свойственныхъ большинству дикихъ народовъ, не можетъ еще служить основаніемъ для расоваго отличія. Что-же касается культуры индійскихъ племенъ, то мы встрѣчаемъ у нихъ большое разнообразіе въ вѣрованіяхъ, міровоззрѣніи и нравахъ. Если этого рода отличія считаются недостаточными для группировки индійскихъ народностей, то они во всякомъ случаѣ достаточно рѣзки, чтобы оградить насъ отъ обобщеній.

Югъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывается прогрессивнѣе сѣвера. Вмѣсто „wigwam'a, индійской хижины (съ которой такъ близко познакомили насъ романы Фенимора Купера) воиновъ, украшенныхъ перьями, исполняющихъ

„буйволовые“ танцы, приниженной „squaw“ и хитрыхъ знахарей, обладающихъ искусствомъ умилостивить великаго духа, „Manitu“, мы встрѣчаемъ здѣсь племена наѣздниковъ, разбойничьихъ апаховъ и команчей по сосѣдству съ своеобразными „cliffdwellers“, живущими въ скалистыхъ пещерахъ. Не менѣе поразительна разница въ умственномъ и физическомъ отношеніи. Индійцы на склонахъ Аллеганскихъ горъ имѣютъ совершенно другой складъ лица, чѣмъ обитатели прерій и Скалистыхъ горъ. Стройный станъ, возвышенный лобъ и орлиный носъ могиканъ и делаваровъ составляютъ рѣдкость по ту сторону р. Миссури. Ута и чейенны,—которые до сихъ поръ живутъ въ преріяхъ, нападаютъ на поѣзда желѣзныхъ дорогъ, и почтовыя кареты, скальпируютъ путешественниковъ, поджигаютъ форты, — представляютъ собой дикарей самого низкаго разбора. По наружности они далеко уступаютъ другимъ индійскимъ племенамъ; имѣютъ плоское лицо и глаза съ мутной склеротикой. Въ нравственномъ, а равно и въ физическомъ отношеніи они стоятъ несравненно ниже индѣйцевъ, описанныхъ въ романахъ Купера. Они лѣнивы, сладострастны, мстительны, склонны къ воровству и лжи. Обыкновенно у нихъ нельзя подмѣтить никакихъ признаковъ стыда или угрызеній совѣсти. Они не задумываясь нарушаютъ всякій договоръ, поджигаютъ пріязненную имъ деревню и хладнокровно убиваютъ своихъ плѣнниковъ. За бутылку водки они готовы продать жену и дѣтей и предоставить своихъ „squaws“ заѣзжему гостю. Племена, живущія у Тихаго океана, равнымъ образомъ стоятъ на болѣе низкой степени развитія, нежели восточные индійцы, альгонквины и ирокезы. Здѣсь мы вступаемъ въ область прибрежныхъ кочевниковъ, которые пользуются славой неустрашимыхъ мореплавателей; у нихъ приплюснутые черепа и деревянныя украшенія въ губахъ. Къ особенностямъ, доказывающимъ ихъ своеобразное развитіе, слѣдуетъ отнести превосходную рѣзьбу, покрывающую ихъ лодки, замѣчательныя деревянныя маски и театральныя представленія. Далѣе на югъ въ Калифорніи живутъ туземцы, которые въ умственномъ и физическомъ отношеніи стоятъ на такой низкой степени культуры, что мы должны совершенно отрѣшиться отъ нашихъ обычныхъ взглядовъ на „индійцевъ“. Жалкія землянки въ долинѣ Сакраменто также не похожи на индійскіе wigwam'ы у большихъ озеръ, какъ юрокъ или майду не похожъ по своему тѣлосложенію на представителя племени криковъ или одшибуе. Всѣ эти различія, по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ достаточны, чтобы отстранить съ культурной точки зрѣнія всякую мысль объ единствѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ, какъ мы увидимъ ниже, та неравномѣрность, съ какой европейская цивилизація была принята отдѣльными племенами.

Но такъ какъ всѣ эти индійцы, насколько намъ извѣстно изъ исторіи, были въ большей или меньшей степени кочующими народами, то чрезвычайно трудно, а во многихъ случаяхъ совершенно невозможно, отыскать ихъ первоначальное мѣстожительство. Дѣленіе, принятое Стефеномъ Д. Питомъ для племенъ между Мисиссипи и Огайо, которое представляетъ плодъ тщательнаго изученія географическаго распредѣленія индійскихъ племенъ около 1787 года (The american antiquarian, Bd. I S. 85—98) имѣетъ только временное значеніе. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ имена перечисленныхъ имъ индійскихъ племенъ исчезаютъ въ географическихъ картахъ и случайно появляются въ другихъ мѣстностяхъ. Самъ Питъ указываетъ на три важныя перемѣны мѣста жительства ирокезовъ, хотя этотъ воинственный народъ собственно не принадлежалъ къ числу настоя-

щихъ кочевниковъ. Съ другой стороны даже наиболѣе осѣдлыя племена нерѣдко удалялись отъ своего мѣста жительства на 1600—2000 км. чтобы сдѣлать нападеніе на непріятеля или сразиться съ нимъ. Такъ, напр., вышеупомянутые ирокезы, жившіе на мѣстѣ нынѣшняго штата Нью-Іорка, нерѣдко распространяли свои набѣги до Миссисипи. Въ 1680 году около 600 чел. воиновъ ирокезскаго племени сенека произвели нападеніе на область Иллинойса; между тѣмъ, какъ путешественникъ Карверъ сообщаетъ, что болѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, индійцы Уиннебаго (въ нынѣшнемъ Висконсинѣ) предпринимали иногда набѣги до южнаго берега, занятаго испанцами (Новой Мексики) и при этомъ проводили въ дорогѣ цѣлые мѣсяцы. (Arch. f. Anthrop., Bd. V S. 1—2). Въ сущности кочующіе народы являются въ исторіи какъ-бы для того, чтобы вновь исчезнуть. Исходная точка ихъ временнаго господства покрыта мракомъ неизвѣстности, и мы не можемъ составить себѣ о немъ иного представленія, кромѣ неясной мимолетной картины. Исторія предаетъ ее забвенію, а сами племена исчезаютъ безслѣдно. Такъ, напр., великая альгонквинская раса почти стерта съ лица земли. Орды ихъ уже не существуютъ болѣе; языкъ забытъ; во всей обширной области, нѣкогда занимаемой ими, не уцѣлѣло ни одного жилища и въ настоящее время даже трудно опредѣлить мѣста ихъ прежнихъ деревень. Скудные остатки этихъ нѣкогда значительныхъ народовъ насильственно выселяются правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ на опредѣленные участки земли, наз. „Reservations“, которые иногда находятся на большомъ разстояніи отъ ихъ первоначальной родины; это, разумѣется, еще больше увеличиваетъ трудность географическаго опредѣленія отдѣльныхъ племенъ. Но такъ какъ моя задача заключается въ томъ, чтобы написать естественную исторію племенъ и народовъ, а не „исторію“ нынѣшнихъ краснокожихъ, то подобное опредѣленіе кажется мнѣ совершенно лишнимъ, равно и всякія разсужденія о вымершихъ племенахъ. Этнологія Америки настолько сбивчива, что мы считаемъ вполнѣ цѣлесообразнымъ очистить ее отъ ненужнаго баласта. Что-же касается описанія отдѣльныхъ племенъ, то помимо нѣкоторыхъ отступленій я буду придерживаться въ главныхъ чертахъ классификаціи Фридриха Миллера, которую я признаю за лучшую при нынѣшнемъ состояніи нашихъ лингвистическихъ свѣдѣній, хотя самъ авторъ находитъ, что мы еще долго не будемъ въ состояніи произнести послѣдняго слова.

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЕ НАРОДЫ.

Ближайшими сосѣдями инуитовъ или эскимосовъ на крайнемъ сѣверо-западѣ Америки являются кенаи „kenai" или „kinai", которые на свемъ языкѣ называютъ себя „Thnaina" т. е. „людьми". Общее число ихъ простирается до 25,000 душъ (Globus, Bd. XX, S. 143); они дѣлятся на различныя племена, мѣсто жительства которыхъ мало извѣстно, такъ что наши свѣдѣнія объ этомъ народѣ довольно ограничены. Они занимаютъ внутренность Аляски, распространены на югѣ у пролива Кука и въ его окрестностяхъ, а также вдоль морскаго берега, и достигаютъ до верховьевъ долины Атны или Мѣдной рѣки и Юкона.

Къ племени „кенаи" причисляются кенаи-тена, живущіе у пролива Кука; каюко-тана или коюконъ и ингелетъ или ингаликъ (какъ ихъ называютъ русскіе),—по обоимъ берегамъ нижняго Юкона, въ долинѣ верхняго Кускоквима и въ мѣстности между этими обѣими рѣками; уна-котана—у Юкона до Коюкука; коюкукготана—у рѣки Коюкука; и ах-тена или атна—у верховьевъ рѣки того-же имени. Племена, живущія внутри страны между истоками Кускоквима до сѣверныхъ притоковъ Мѣдной рѣки, называются галцанами или колчанами, что приблизительно означаетъ „чужеземецъ" на языкѣ атновъ, отъ которыхъ повидимому заимствовано это слово. Съ другой стороны русскіе могли дать имъ прозвище „колчанъ" или „колчанниковъ" вслѣдствіе употребленія ими колчановъ. Къ племени „кенаи" принадлежатъ еще угалахміутъ или угаленцы, которые проводятъ зиму у бухты, противъ острова Кадьяка, а на лѣто перекочевываютъ къ устьямъ Мѣдной рѣки. По мнѣнію Фр. Миллера, нѣкоторые ученые совершенно неправильно причисляютъ ихъ къ колошамъ. Языкъ ихъ, хотя и заключаетъ въ себѣ примѣсь составныхъ частей колошскаго нарѣчія, но имѣетъ самостоятельное значеніе среди языковъ „кенаи".

Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о тѣлосложеніи кенаи и еще менѣе какихъ либо измѣреній. Фр. Уимперъ довольно близко познакомился съ нѣкоторыми племенами и въ особенности съ ингаликами и коюконами; но относительно ихъ ближайшей характеристики онъ ограничивается сообщеніемъ, что эти племена по языку не имѣютъ ничего общаго съ сосѣдними малеміутами и только въ діалектахъ отличаются другъ отъ друга. Банкрофтъ ничего не находитъ сказать о нихъ кромѣ того, что это „прекрасная мужественная раса", хотя, по его собственнымъ словамъ, онъ воспользовался матеріаломъ „всѣхъ европейскихъ библіотекъ" для своего большаго сочиненія. (Native races ofthe pacific States, Bd. I p. 132). Коюконы, описанные Уимперомъ, несомнѣнно тождественные съ каюкотанами, похожи по его словамъ на ингаликовъ, которыхъ онъ называетъ ингелетами; только лица у нихъ болѣе дикія и суровыя. Генералъ Гал-

Перувіанскій индіецъ изъ Гуарохіери.

лекъ изображаетъ кенаевъ воинственнымъ, гордымъ и неустрашимымъ народомъ; и хотя, по его словамъ, они готовы отомстить за всякую нанесенную обиду, но вообще относились дружелюбно къ русскимъ, а равно и впослѣдствіи къ американцамъ. Между тѣмъ Вимперъ называетъ индійцевъ, живущихъ у верховьевъ Юкона, необузданными дикарями и добавляетъ, что они доставили не мало хлопотъ русскимъ. Въ дѣйствительности имъ не слѣдуетъ особенно довѣрять; и даже по близости Нулато, гдѣ русско-американская компанія имѣла значительную факторію, совершено было не мало убійствъ. Колчановъ обвиняли даже въ людоѣдствѣ, хотя безъ всякаго основанія. Изъ ихъ сосѣдей наиболѣе свирѣпыми считаются коюконы. Женщины ихъ довольно красивы въ молодости; тѣ изъ нихъ, которыя живутъ по близости фортовъ, легко перенимаютъ европейскіе

Подземное жилище ингаликовъ у Юкона.

обычаи и чувствуютъ особенное пристрастіе къ банямъ. Онѣ большею частью веселы и безпечны, какъ дѣти; но при этомъ заботливыя матери вообще хорошо и даже нѣжно обходятся съ дѣтьми. Впрочемъ дѣтство продолжается здѣсь не долго. Мальчикъ въ десять лѣтъ умѣетъ владѣть оружіемъ, а пятнадцатилѣтняя дѣвушка выходитъ замужъ или же употребляетъ всѣ усилія, чтобы найти себѣ мужа. Коюконы, какъ всѣ кенаи, кочующіе рыбаки и охотники. Они проводятъ большую часть года, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, и проходятъ такимъ образомъ огромныя пространства.

О жизни этихъ людей мы имѣемъ также весьма мало свѣдѣній. Жилища ингаликовъ подземныя, подобно эскимосскимъ, но способъ постройки нѣсколько иной. Вы прежде всего входите въ деревянную хижину, откуда спускаетесь внизъ по отвѣсной шахтѣ; затѣмъ вы должны пройти черезъ низкій туннель, пока достигнете жилья, т. е. большой ямы, надъ которой возвышается

сводообразная крыша, съ отверстіемъ посрединѣ, для выхода дыма. Въ оттепель этотъ туннель представляетъ собою стокъ всякихъ нечистотъ. Ночью, когда погаснетъ огонь на очагѣ, выгребаютъ обугленныя головни и выбрасываютъ черезъ отверстіе въ крышѣ, которое плотно закрываютъ шкурами. Входъ также тщательно завѣшивается мѣховыми занавѣсями, такъ что хижина мало по малу наполняется дымомъ и углекислымъ газомъ отъ горячей золы. Къ этому примѣшивается зловоніе отъ скученныхъ въ тѣснотѣ грязныхъ людей, болѣе или менѣе гнилой рыбы, старой кожанной одежды и щенятъ Употребленіе носовыхъ платковъ считается необходимымъ, но при этомъ коюконы добросовѣстно избѣгаютъ воды и мыла. Одежда, по которой тотчасъ можно узнать ихъ, рѣзко отличается отъ эскимосской и вообще довольно страннаго покроя. Верхнее платье съ двумя хвостами (спереди и сзади), что производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто они носятъ одновременно два фрака, изъ которыхъ одинъ одѣтъ обыкновеннымъ способомъ, а другой прикрываетъ животъ и завязывается на спинѣ. Одежда женщинъ не имѣетъ этихъ добавленій, напоминающихъ хвосты ласточекъ, или по крайней мѣрѣ они не такъ замѣтны. Но взамѣнъ этого прекрасный полъ щеголяетъ раковинами „haiaqua“ (ископаемая раковина изъ рода dentalium), которыя они втыкаютъ, по примѣру инуитовъ, въ носовую перегородку, такъ что концы ея висятъ по обѣимъ сторонамъ рта. Далѣе вверхъ по рѣкѣ Юкону это украшеніе составляетъ исключительную принадлежность мужчинъ. Весною коюконы, подобно своимъ сосѣдямъ, носятъ для защиты глазъ отъ снѣга и солнечнаго свѣта очки, сдѣланные не изъ стекла, но изъ овальныхъ кусочковъ дерева съ продольнымъ щелеобразнымъ отверстіемъ, которые навязываютъ на лицо какъ маску, съ помощью шнурка. Равнымъ образомъ у нихъ въ общемъ употребленіи лыжи, сдѣланныя изъ березовыхъ дощечекъ около 1,30 м. длины; спереди, онѣ широкія, закругленной формы и загнутыя кверху; сзади кончаются остріемъ. Ноги вдѣваются въ кожанныя петли, придѣланныя къ срединѣ лыжъ; затѣмъ весь секретъ ихъ употребленія заключается въ томъ, чтобы совершенно забыть, что онѣ на ногахъ.

Кенаи отчасти добываютъ себѣ пропитаніе охотой (изъ нихъ особенно коюконы отличаются большимъ искусствомъ въ ловлѣ сѣверныхъ оленей), и частью—рыбной ловлей. Послѣдней главнымъ образомъ занимаются племена, живущія на морскомъ берегу, а также обитатели Юкона, которые добываютъ богатую добычу изъ прорубей, дѣлаемыхъ во льду. Какъ только наступаетъ морозъ, они вбиваютъ на извѣстномъ разстояніи столбы, достигающія дна рѣки, и затѣмъ привязываютъ къ каждому изъ нихъ корзины изъ ивовыхъ прутьевъ, имѣющія форму бочекъ, которыя однажды въ сутки вытаскиваются изъ прорубей и обыкновенно бываютъ наполнены рыбой. Во времена Вимпера кенаи, жившіе вдали отъ берега, еще не пили водки; но всѣ они выказывали особенное пристрастіе къ табаку. У ингаликовъ мужчины и женщины курятъ и нюхаютъ табакъ, хотя женщины позволяютъ себѣ это удовольствіе только въ извѣстныхъ случаяхъ. Вообще индійцы эти отличаются веселымъ характеромъ и любовью къ пѣнію; холмы и долины рѣкъ оглашаются ихъ пѣснями.

Извѣстный русскій филологъ Шифнеръ сообщилъ нѣкоторыя подробности объ ихъ духовной жизни. Природа, по ихъ понятіямъ, населена многочисленными духами; въ морѣ живутъ особыя существа, похожія на бѣлокурыхъ ундинъ; въ горахъ горные духи, „Tgilitenai“, изъ которыхъ главный называется „Kluesch“, и повидимому играетъ здѣсь роль первой важности, такъ какъ всѣ событія охотничьей жизни тѣсно связаны съ нимъ. Кенаи, отправляясь на охоту въ горы, дѣлаютъ ему жертвоприношенія. Въ горахъ каждый шагъ, движеніе и чуть ли не каждое слово охотника подчинены въ угоду „Kluesch“ извѣстнымъ правиламъ, которыя издавна установлены обычаемъ. Здѣсь кенаи становятся крайне молчаливыми и не поютъ другихъ пѣсенъ кромѣ „горной“.

Властелинъ горъ не любитъ, чтобы въ его владѣніяхъ говорили обыкновеннымъ языкомъ; и поэтому для многихъ предметовъ придуманы другія названія, нежели тѣ, какія употребляются въ повседневной жизни. Сообразно религіознымъ представленіямъ кенаевъ, человѣкъ послѣ смерти распадается на три части. Духъ („Biitsch“) улетаетъ въ воздушное пространство; тѣло остается на землѣ; тѣнь („Biik“) уходитъ въ преисподнюю и водворяется среди подобныхъ ей тѣней въ подземномъ мірѣ „Tuexna“. Само собою разумѣется, что при подобномъ міровоззрѣніи племенъ кенаи весьма важную роль играютъ доктора-чародѣи или знахари, которые совмѣщаютъ въ своемъ лицѣ обязанности жреца и медика. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть на готовѣ запасъ пѣсенъ и не можетъ пользоваться тѣми, которыя поются его товарищами по ремеслу. Кудесникъ, призванный на помощь, наряжается въ свой парадный костюмъ, краситъ лицо, обвѣшиваетъ себя горностаями и, надѣвъ маску, кружится около огня. Всѣ присутствующіе повторяютъ хоромъ его слова. Окончивъ одну пѣсню, онъ повторяетъ ее, затѣмъ поетъ вторую и третью, смотря по степени важности даннаго случая Въ пѣсняхъ онъ сообщаетъ о своихъ видѣніяхъ и сношеніяхъ съ подвластными ему духами (Globus, Bd. XVI, S. 87). Этихъ мнимыхъ врачей призываютъ къ больнымъ и мертвецамъ. Первымъ онъ обязанъ возвратить здоровье съ помощью извѣстныхъ пріемовъ, которые Вимперъ имѣлъ однажды возможность наблюдать въ Ньюикаргутѣ. Группа индійцевъ окружала паціента; посреди комнаты тлѣлъ слабый огонь. Тихое хоровое пѣніе сопровождало крайне сложныя манипуляціи знахаря, изъ которыхъ иныя были довольно неприличнаго свойства. Наконецъ злой духъ былъ повидимому изгнанъ изъ больнаго, благодаря его усиліямъ; онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу, и кинулъ въ огонь, а вслѣдъ затѣмъ въ ужасѣ бросился бѣжать отъ него. Наконецъ ему удалось овладѣть злымъ духомъ, но съ такими стонами и жестикуляціей, что изъ его рта выступила пѣна, какъ у эскимосскаго „angakok'a“, (колдуна). При этомъ онъ незамѣтно перешелъ въ речитатативъ, который вполнѣ гармонировалъ съ хоромъ. Мало по малу представленіе приняло болѣе веселый характеръ; хоръ сдѣлался громче и оживленнѣе, вѣроятно въ томъ предположеніи, что злой духъ оставилъ больнаго. Въ заключеніе волшебникъ медленно удалился со сцены. Въ случаѣ смерти больнаго опять-таки обращаются къ знахарю, чтобы онъ провелъ мертвеца по назначенному ему пути, чтобы онъ не попалъ на дорогу собакъ. Тѣни собакъ живутъ отдѣльно въ подземномъ мірѣ вмѣстѣ съ тѣнями злыхъ, т. е. негостепріимныхъ людей

Табачныя трубки, чубуки сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, сдѣланныя изъ камня и обожженной глины.

скрягъ и воровъ. Иногда и добрый человѣкъ послѣ смерти попадаетъ въ общество собакъ; но отъ этого его можетъ оградить колдунъ, указавъ ему настоящую дорогу.

Пешель опять-таки находитъ сходство между колдунами и знахарями у кенаи и другихъ американскихъ индійцевъ съ шаманами азіатскаго сѣвера (Völkerkunde, S. 262). Съ этимъ мнѣніемъ согласны Росковъ и сэръ Джонъ Лёббокъ, такъ какъ въ сущности шаманъ представляетъ собой колдуна, который, по понятіямъ дикарей, находится въ сношеніяхъ съ сверхъестественными силами. Вѣра въ колдовство неразрывно связана съ вѣрованіемъ въ злыхъ духовъ и существуетъ у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія; и поэтому чародѣйство, въ смыслѣ искусства, настолько распространено, что его можно считать повсемѣстнымъ явленіемъ. По справедливому замѣчанію Пфлейдерера, молитва даже въ болѣе развитыхъ религіяхъ въ сознаніи необразованныхъ людей мало чѣмъ отличается отъ колдовства, такъ какъ она равнымъ образомъ представляетъ попытку понудить сверхъестественную силу къ удовлетворенію чувственныхъ эгоистическихъ желаній человѣка. Колдовство также имѣетъ цѣлью отстранить зло, грозящее дикарю или уже постигшее его. Вся разница заключается въ томъ, что первобытный человѣкъ не только старается склонить высшія силы къ исполненію его желаній, но и принудить ихъ къ этому. Близкое сходство, существующее между колдовствомъ и молитвой необразованнаго человѣка, подтверждается фактически тѣмъ обстоятельствомъ, что въ низшихъ религіяхъ молитва и колдовство неразрывно связаны между собой и переходятъ одна въ другую. Такимъ образомъ врядъ ли кто станетъ оспаривать мнѣніе Кастрена, что шаманство представляетъ собою протестъ противъ слѣпаго деспотизма силъ природы надъ человѣческимъ умомъ.

Къ народамъ кенаи примыкаетъ къ югу рядъ индійскихъ племенъ, живущихъ вдоль побережья Великаго океана и до самой Калифорніи, которыя болѣе или менѣе распространились вглубь страны, и до сихъ поръ почти не поддаются никакимъ попыткамъ болѣе точной классификаціи, такъ что общія черты сходства между ними были наблюдаемы только въ единичныхъ случаяхъ. Мы перечислимъ эти племена сообразно ихъ географическому распредѣленію въ слѣдующемъ порядкѣ:

Якутаты, небольшой народъ, живущій на морскомъ побережьи, между горами Фэруизеръ и св. Ильи, который по языку причисленъ Бушменомъ къ западнымъ эскимосамъ. Но Фр. Миллеру удалось доказать, что ихъ діалектъ несомнѣнно американскій и что они сами представляютъ тѣсное сродство съ своими ближайшими сосѣдями, а именно довольно значительной семьей.

Колюшей или Колошей, описанныхъ въ недавнее время Альф. Пинаромъ (Notes sur les Koloches. Paris 1873). Они владѣютъ всей

береговой полосой отъ горы св. Ильи до рѣки Колумбіи, слѣдовательно отъ 60 до 45° с. ш. Принадлежащія къ нимъ племена называютъ себя „тхлинкитами“, т. е. людьми, или же „Thlinkit Antakuan“ т. е. людьми изъ разныхъ мѣстъ. Ихъ прозвище заимствовано не изъ алеутскаго языка, какъ утверждали до сихъ поръ, а дано было русскими вслѣдствіе обычая прокалыванія губъ, господствующаго и у этихъ индѣйцевъ. Названіе колюшей или колошей могло произойти отъ одного изъ русскихъ словъ: колокъ, колючка, колюшка, колоть. Общее число тхлинкитовъ, по вычисленіямъ Веньяминова, едва доходило въ 1840 году до 25,000 душъ; съ тѣхъ поръ число это значительно уменьшилось и въ 1875 по американскимъ источникамъ представляло съ небольшимъ около 12,000. (American Cyclopedia New-York 1875, Bd. X, S. 40). Но мы считаемъ весьма возможнымъ, что здѣсь вопросъ идетъ только объ обитателяхъ Аляски, потому что въ 1871 году, по вычисленіямъ генерала Галлека, общее число индѣйцевъ въ этой мѣстности все еще доходило до 25,000. Они называютъ себя по мѣсту своихъ зимнихъ стоянокъ; но эти прозвища съ трудомъ выговариваются европейцами, какъ напр. „Шиткхакхоанъ“, „Чишлкхаткхкхоанъ“, т. е. житель Ситхи, изъ Чизлката.

Эта значительная отрасль индійцевъ распадается на два главныхъ племени, а именно: стикинкоанъ и ситхинкоанъ, изъ которыхъ первая кочуетъ въ низовьяхъ рѣки Стикинъ, а вторая — у залива Ситхи, близъ Новоархангельска и на сосѣднихъ островахъ. Генералъ Галлекъ насчитываетъ еще до пятнадцати подраздѣленій индѣйскаго племени колошей. По другому извѣстію, они распадаются на два главныхъ племени: вороново и волчье. У нихъ существуетъ преданіе о двухъ богахъ, которые въ началѣ бытія создали добро для людей и были ихъ прародителями (см. о миѳологіи колошей, въ Ausland 1834 S. 1437 — 1438). Вороново племя производитъ себя отъ „El'ich“ или „Jeschl“; волчье—отъ „Khanukh“. Каждое племя дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ колѣнъ или родовъ, которые носятъ имена различныхъ животныхъ, и въ свою очередь распадаются на семьи, съ особыми названіями. Каждый родъ имѣетъ свой особый знакъ отличія, т. е. украшаетъ себя шкурой, когтями, хвостомъ или головой звѣря, имя котораго онъ носитъ. Шабельскій, посѣтившій колошей въ 1821—1825 гг., встрѣчалъ среди ихъ племена, носившія названія: волковъ, вороновъ, медвѣдей и орловъ. Эмблема племени была изображена на хижинѣ вождя, на лодкахъ, утвари, одѣялахъ, щитахъ, рукояткахъ оружія. Въ торжественныхъ случаяхъ, напр. танцахъ, поминкахъ, церемоніяхъ сжиганія и погребенія мертвецовъ нѣкоторые являются даже переодѣтыми въ звѣрей.

Извѣстно, что многія человѣческія племена, живущія на земномъ шарѣ, приравниваютъ себя къ какому нибудь растенію, вещи или звѣрю, преимущественно къ послѣднему, называютъ себя его именемъ, и даже производятъ отъ него свое миѳическое родословное дерево. У весьма значительнаго числа сѣверо-американскихъ индійцевъ, подобно колошамъ, имя такого эмблематическаго животнаго служитъ для обозначенія различныхъ клановъ, *) на которые дѣлится племя.

*) „Кланъ“, кельтское слово, означающее собственно семью; въ былыя времена его употребляли въ гористой части Шотландіи, а также на Оркадскихъ и Шетланд-

Имя или символъ животнаго, присвоенный кланомъ, называется у альконквиновъ „dodaim“; но это слово болѣе извѣстно въ формѣ „totem“, которая сдѣлалась общеупотребительнымъ выраженіемъ для обозначенія подобныхъ прозвищъ, между тѣмъ какъ обыкновеніе различать племена этимъ способомъ получило названіе „тотемизма“. Происхожденіе его относится къ области миѳологіи; но связанныя съ нимъ соціальныя подраздѣленія играютъ весьма важную роль въ правѣ и обычаяхъ народовъ, стоящихъ на извѣстныхъ ступеняхъ культуры. „Тотемизмъ“ имѣетъ настолько религіозное значеніе, насколько животныя, служащія эмблемами различныхъ клановъ, представляютъ собой предметы народнаго почитанія, и признаются богами покровителями, какъ это бываетъ во многихъ случаяхъ. Хотя Карлъ Андрэ утверждалъ въ свое время (Nordamerika in geographischen und geschichtlichen Umrissen mit besonderer Berücksichtigung der Eingeborenen und der indianischen Alterthümer. Braunschweig 1851, S. 265), что „тотемизмъ“ чисто американскаго происхожденія и не встрѣчается въ Азіи и что это служитъ доказательствомъ безусловной самобытности краснокожаго человѣка; но это мнѣніе абсолютно не выдерживаетъ критики, такъ какъ Сэръ Джонъ Лёббокъ указываетъ на явленія „тотемизма“ не только у якутовъ и другихъ азіатовъ, но у бечуановъ Южной Африки, и предполагаетъ, что онъ даже существуетъ у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ. (The origin of civilisation and the primitive condition of man. London 1870. S. 171—174). Эти факты, по мнѣнію ученаго Эдв. Б. Тейлора, свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи этого принципа у народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія (Die Anfänge der Kultur. Deutsch von J. W. Spengel und Fr. Porke. Leipzig 1873, Bd. II, 236); между тѣмъ какъ Макъ Леманнъ дѣлаетъ попытку объяснить въ значительной мѣрѣ общераспространенный культъ животныхъ „тотемизмомъ“, господствовавшимъ въ человѣческомъ обществѣ на извѣстной ступени его развитія.

Колоши средняго роста, отличаются проворствомъ и ловкостью въ движеніяхъ; у нихъ черные, торчащіе вверхъ, прямые волосы; цвѣтъ кожи немного темнѣе, нежели у европейцевъ; лицо бóльшею частью раскрашено черной краской и киноварью. Колоши произвели непріятное впечатлѣніе на нѣмецкаго путешественника Ф. Г. Киттлица, который находитъ ихъ крайне безобразными. Женщины и болѣе знатные мужчины „Tajon“ уродуютъ себя тѣмъ, что втыкаютъ деревянный колокъ въ прорѣзанную и отъ природы толстую и вздутую нижнюю губу. Они считаютъ себя тѣмъ красивѣе, чѣмъ больше отвиснетъ у нихъ губа. Впрочемъ этотъ обычай давно вышелъ изъ употребленія благодаря вліянію русскихъ; и только одна знать упорно придерживалась его. (Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen America, Bd. I, S. 194—195). Форма лица колоша представляетъ значительное уклоненіе сравни-

скихъ островахъ для указанія ленной связи между землевладѣльцемъ и его подданными. Въ этнологіи этотъ терминъ употребляется въ общемъ смыслѣ, т. е. безъ обозначенія географическихъ границъ, и служитъ для выраженія родовыхъ отношеній, вытекающихъ изъ извѣстныхъ соціальныхъ условій, созданныхъ обычаемъ.

тельно съ остальными индійцами; брови узкія и темныя, скулы выдаются впередъ, глаза больше нормальной величины, черные, очень живые и даже красивые; черты лица вообще пріятныя. Женщины носятъ свои густые черные волосы съ проборомъ; мужчины связываютъ ихъ иногда пучкомъ, а въ торжественныхъ случаяхъ украшаютъ ихъ разнообразнымъ способомъ. Обыкновенно оба пола ничѣмъ не покрываютъ себѣ голову; и только изрѣдка можно увидѣть ихъ въ плетенной шляпѣ, напоминающей по формѣ китайскую. Будничная одежда мужчинъ, отъ которыхъ мода требуетъ прокалыванія ноздрей, состоитъ изъ широкой бѣлой шерстяной попоны, покрывающей все тѣло, подъ которой они носятъ еще передникъ изъ толстаго полотна. Одежда женщинъ большею частью сшита изъ русскаго полотна или парусины, и заключается изъ длинной рубашки и прикрѣпленнаго къ ней плаща, но при этомъ почти всегда въ лохмотьяхъ, что, повидимому, нисколько не поражаетъ привычный глазъ туземцевъ. Матери обыкновенно носятъ своихъ меньшихъ дѣтей на спинѣ, даже при собираніи ягодъ, которыя совмѣстно съ мясомъ оленей, овецъ, нѣкоторыхъ птицъ и преимущественно рыбой, составляютъ главную пищу колошей. Крѣпко обвитый ребенокъ въ этомъ случаѣ привязанъ къ деревянной подставкѣ, устроенной въ формѣ корзины, которую надѣваютъ на спину или же вѣшаютъ временно на вѣтви деревьевъ. Равнымъ образомъ можно совершенно неожиданно увидѣть въ травѣ груднаго ребенка, въ то время какъ мать занята по близости какимъ нибудь дѣломъ. Что касается мужчинъ, то они обыкновенно ведутъ созерцательный образъ жизни, бродятъ взадъ и впередъ безъ дѣла, повидимому погруженные въ глубокую думу, или же сидятъ скорчившись и отдыхаютъ отъ бездѣлья, неизмѣнно укутанные въ свои длинныя шерстяныя одѣяла. Колоши всегда носятъ на себѣ тщательно скрытый кинжалъ съ двумя клинками и рукояткой по срединѣ, который имѣетъ видъ складнаго ножа, открытаго на обѣ стороны. Клинки эти чрезвычайно острые и спрятаны въ ножнахъ. Колоши еще до прибытія европейцевъ были знакомы съ употребленіемъ металловъ, а именно мѣди, отличаются такимъ искусствомъ въ изготовленіи мечей, какъ карлики въ нѣмецкихъ сказкахъ, а также выдѣлываютъ чрезвычайно красивыя шпаги. Съ тѣхъ поръ какъ американцы стали снабжать ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, старинный лукъ и стрѣлы предоставлены дѣтямъ въ видѣ забавы. На войнѣ и въ стычкахъ, которыя происходятъ довольно часто, благодаря обычаю кровавой мести, колоши носятъ деревянные панцыри и подобіе шлемовъ съ своеобразными забралами, въ видѣ сверхъестественныхъ уродливыхъ масокъ, расписанныхъ яркими красками. Въ подобныхъ случаяхъ даже приносятъ въ жертву людей, а именно „kalgis“ (рабовъ), съ которыми въ обыкновенное время обходятся патріархально какъ съ дѣтьми. Старые русскіе источники сообщаютъ, что колоши жестоко обращались съ своими плѣнниками, особенно европейцами, и медленно замучивали ихъ работами, превышавшими человѣческія силы, отъ которыхъ они гибли мучительной смертью.

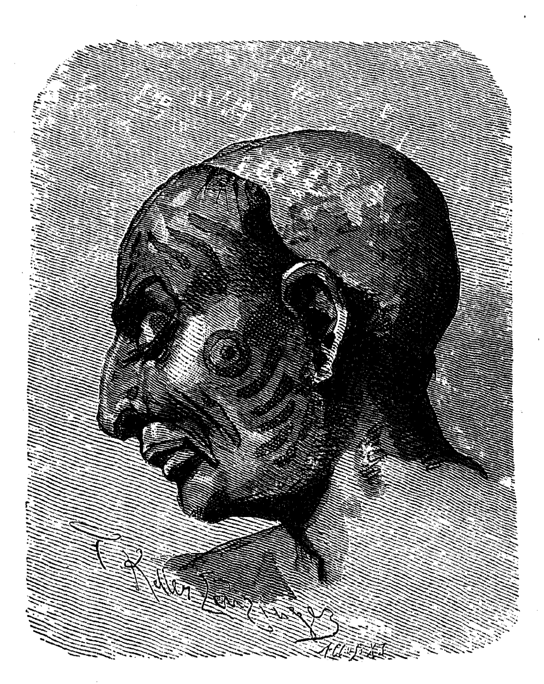
Они сами систематически закаляютъ себя противъ боли и холода. Мальчики зачастую дѣлаютъ себѣ разрѣзы острой раковиной во всю длину руки и хвастаютъ своимъ геройскимъ подвигомъ, не выказывая при этомъ ни малѣйшаго признака страданія. Они не надѣваютъ обуви даже при 20° Ц., а также изъ горячей бани входятъ въ море, гдѣ остаются около получаса; не рѣдко случается, что колошъ, освѣжившись такимъ образомъ, добровольно бьетъ себя до крови. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что подобное самобичеваніе и стремленіе пріучить себя къ стоической выносливости при сильныхъ физическихъ страданіяхъ составляетъ отличительную черту всѣхъ индійцевъ.

Эти прибрежные кочевники только зимой ведутъ осѣдлый образъ жизни; лѣтомъ они переходятъ съ мѣста на мѣсто и собираютъ запасы для суроваго времени года. Жилища ихъ напоминаютъ карточные домики, и хотя сдѣланы

изъ досокъ, но построены наскоро, и въ случаѣ надобности ихъ также быстро разрушаютъ и складываютъ на лодки. Они имѣютъ форму продолговатыхъ бараковъ, съ двумя шпицами на крышѣ и небольшой дверью, завѣшанной мѣхами или шерстянными одѣялами. Колоши вообще отличаются замѣчательнымъ искусствомъ въ мореплаваніи. Лодки ихъ приспособлены для одного или двухъ гребцовъ и только съ прибытіемъ русскихъ вошли въ употребленіе трехъвесельныя, во всемъ остальномъ онѣ похожи на челноки сосѣднихъ алеутовъ и инуитовъ. Во время бурной погоды на морѣ гребецъ защищенъ отъ напора воды фартукомъ, который застегивается пряжкой вокругъ его пояса и доходитъ до краевъ люка. Суда приводятся въ движеніе двойными веслами, въ управленіи которыхъ туземцы выказываютъ необыкновенную ловкость. Всѣ колоши искусны въ ручныхъ работахъ; они не только превосходные кузнецы, но даже женщины изготовляютъ красивыя корзины, плетеныя вещи, и муравленную глиняную посуду. Сверхъ того колоши производятъ тщательныя рѣзныя работы. Живопись и скульптура, конечно, находятся у нихъ на низкой степени развитія; но фигуры и семейныя картины, нарисованныя на одѣялахъ, въ которыя они до сихъ поръ наряжаются въ торжественныхъ случаяхъ, а равно и представленные Вимперомъ рисунки ящиковъ, украшенныхъ рѣзьбой и живописью, для храненія пепла сжигаемыхъ мертвецовъ, — служатъ нагляднымъ доказательствомъ ихъ искусства и трудолюбія. Сверхъ того колоши изготовляютъ изъ темнаго глинистаго сланца чаши, всевозможные предметы роскоши и курительные трубки въ видѣ различныхъ фигуръ. Въ искусномъ производствѣ послѣднихъ они далеко превосходятъ всѣ другіе сѣверо-американскіе народы.

Колоши дѣлятся по своему общественному положенію на два класса. Дворянское достоинство переходитъ по наслѣдству въ извѣстныхъ семьяхъ, которыя стоятъ особнякомъ отъ простаго народа и пользуются уваженіемъ, сообразно своему богатству, т. е. количеству рабовъ, бывшихъ первоначально военнопленными. Никто не имѣетъ права жениться на женщинѣ изъ одного рода съ нимъ. Многоженство распространено между богатыми и знатными, такъ какъ благодаря получаемымъ при этомъ подаркамъ можно увеличить состояніе и вдобавокъ сдѣлаться сильнымъ и вліятельнымъ лицомъ при большомъ родствѣ. Браки заключаются съ помощью сватовъ; во время свадьбы бываютъ танцы и пѣніе, но безъ всякой религіозной церемоніи; и только мѣсяцъ спустя начинается собственно супружеская жизнь. Мужъ можетъ всегда отправить жену обратно къ ея родителямъ, а въ случаѣ невѣрности убить ее вмѣстѣ съ любовникомъ, не подвергаясь за это мести. Если счастливый соперникъ приходится племянникомъ мужу, то этотъ не имѣетъ права убить его, но можетъ заставить соблазнителя взять къ себѣ въ домъ — невѣрную жену. Впрочемъ здѣсь, какъ у коньяговъ, допускается, чтобы женщина, кромѣ мужа, имѣла, какъ бы узаконеннаго любовника „чичисбея“. Племянникъ обязанъ жениться на вдовѣ своего дяди, несмотря ни на какое различіе лѣтъ. Во всѣхъ случаяхъ, даже въ спорахъ о наслѣдствѣ, родству по матери отдается предпочтеніе передъ отцовскимъ. Дѣти остаются всегда при матери и считаются принадлежащими къ ея племени. Съ женщинами обращаются жестоко, такъ какъ на нихъ лежитъ вся работа. При наступленіи родовъ ее оставляютъ на произволъ судьбы, и въ продолженіи цѣлаго мѣсяца она считается нечистой; послѣ чего она вмѣстѣ съ ребенкомъ совершаетъ омовеніе, наряжается въ лучшее платье и приглашаетъ всѣхъ родныхъ на пирушку, при которой ребенку даютъ имя. Его кормятъ грудью до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ ходить; затѣмъ его ежедневно купаютъ въ морѣ, даже зимой. Дѣвушку при наступленіи зрѣлости запирали прежде на цѣлый годъ въ темную хижину, а теперь только на полгода или даже на три мѣсяца. Почтеніе дѣтей къ родителямъ считается святой обязанностью у колошей, которые вообще относятся

съ самой нѣжной заботливостью къ старикамъ и немощнымъ. Убитаго врага скальпируютъ, и кожа снятая съ его головы составляетъ трофей, который служитъ украшеніемъ ноги во время празднествъ. Обычай, „скальпированія", т. е. кругообразное надрѣзываніе кожи на головѣ и сдираніе ея у раненнаго или убитаго непріятеля, распространенъ у большинства сѣверо-американскихъ индійцевъ. Ссоры между различными семьями кончаются поединкомъ на кинжалахъ, который сопровождается пѣніемъ присутствующихъ. Мертвыхъ сжигаютъ, и передъ этимъ несутъ ихъ на костеръ при вопляхъ и плачѣ друзей и родныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ путешественникъ наблюдалъ всю эту церемонію въ Ситхѣ и подробно описалъ ее. (Amer. Naturalist 1877,



Голова скальпированнаго индійца.

p. 372—374). Рабовъ больше не сжигаютъ, какъ прежде, съ умершимъ господиномъ. Родственники въ знакъ траура въ продолженіи года коротко стригутъ себѣ волосы и вымазываютъ лицо глянцовитой черной краской. У колошей нѣтъ жреческаго сословія, а только извѣстнаго рода прорицатели, которыхъ, по свидѣтельству Киттлица, называютъ такъ же, какъ и въ Сибири, „шаманами". Они не занимаются леченіемъ болѣзней; медицина практикуется старухами, которыя знакомы съ употребленіемъ всевозможныхъ лекарствъ. Шамановъ спрашиваютъ только въ тѣхъ случаяхъ, если хотятъ узнать: выздоровѣетъ ли больной или долженъ ожидать смерти. Тѣла этихъ прорицателей не сжигаютъ, какъ другихъ покойниковъ, а кладутъ въ гробъ и ставятъ на столбахъ. Въ настоящее время большинство колошей обращено въ христіанство миссіонерами, пріѣзжавшими сюда изъ Камчатки.

Въ послѣднее время мы получили болѣе подробныя свѣдѣнія о южной отрасли колошей, а именно индійцевъ „гайдагъ“, преимущественно живущихъ въ архипелагѣ Королевы Шарлотты, которые представляютъ собой одну изъ наиболѣе обособленныхъ народностей на сѣверо-западномъ берегу Америки. Къ сожалѣнію, число ихъ быстро уменьшается. Такъ напр., по вычисленіямъ Джона Уорка, общая цифра ихъ, включая 1735 душъ сильнаго племени „кайгани“, доходила въ 1836—1841 году до 8,428 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время она не превышаетъ 1,700—2,000 человѣкъ, судя, по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству геолога Георга Даусона, который въ своемъ донесеніи объ архипелагѣ К. Шарлотты (Report on the Queen Charlotte Islands. Montreal 1880) подробно описываетъ индійцевъ „гайдагъ“. Число „кайгани“, по вычисленіямъ В. Г. Далля, доходитъ теперь всего до 300 чел.

Причина такого быстраго уменьшенія населенія заключается главнымъ образомъ въ болѣзняхъ и порокахъ, которые распространились между туземцами со времени ихъ соприкосновенія съ бѣлыми людьми. Пьянство сдѣлалось всеобщимъ, и деморализація достигла крайнихъ предѣловъ. Плохая водка, почти безусловно смертельная оспа и привитая европейцами деморализація женщинъ, которыя освоились съ проституціей въ Викторіи и другихъ приморскихъ мѣстахъ, — все это способствуетъ быстрому вымиранію этихъ храбрыхъ и сильныхъ воиновъ. Будущее должно рѣшить: не приближаются ли они къ тому критическому моменту, когда численность ихъ должна остаться неизмѣнною или даже увеличиться, какъ утверждаетъ Даусонъ. По свидѣтельству Роберта Броуна, посѣтившаго индійцевъ „гайдагъ“ весною 1866 года, а затѣмъ Даусона, видѣвшаго ихъ въ новѣйшее время, они представляютъ собой въ физическомъ отношеніи самое красивое изъ туземныхъ племенъ Сѣверной Америки и почти едва уступаютъ въ этомъ отношеніи такъ называемымъ „лѣснымъ“ индійцамъ. Оба вышеупомянутые ученые описываютъ ихъ наружность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ (см. Proceedings of the R. geograph. Soc. 1869, p. 387, затѣмъ Petermanns Geogr. Mith. 1870. S. 294 и 1881, S. 344). Средняя величина ихъ роста достигаетъ 1,75 м., а на сѣверѣ даже до 1,828. Тѣло свое они содержатъ опрятно, хотя ихъ четырехъугольныя или продолговатыя жилища такъ же грязны, какъ и у другихъ индійскихъ племенъ. Относительно одежды они придерживаются модъ, перенятыхъ у бѣлыхъ, насколько позволяютъ матеріальныя средства, хотя нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ туземцевъ почти исключительно носятъ „nakhin“, а именно одѣяло, сплетенное изъ тонкихъ полосокъ кедровой коры и затканное такимъ способомъ крашенной шерстью горной козы (бѣлой, желтой, черной и коричневой), что рисунокъ имѣетъ прямое отношеніе съ „totem“ или эмблемой, принятой племенемъ. Стоимость такого одѣяла доходитъ до 120 марокъ. Его надѣваютъ преимущественно для танцевъ, совмѣстно съ своеобразнымъ головнымъ уборомъ, состоящимъ изъ небольшой деревянной маски, украшенной перламутромъ. Въ остальномъ индѣйцы „гайдагъ“ замѣтно отстаютъ отъ прежнихъ обычаевъ. Раскрашиваніе кожи встрѣчаются довольно часто, но ограничивается большею частью однимъ лицомъ; многихъ дѣтей уже не татуируютъ больше; кусочки дерева въ губахъ можно видѣть только у пожилыхъ людей, а проколотыя ноздри оставлены безъ всякихъ украшеній. Гайдаги довольно плохіе охотники и не имѣютъ иного оружія, кромѣ каменнаго, но превосходно управляютъ своими челноками. Между тѣмъ горный инженеръ Пуль, проживщій

у нихъ отъ 1862 до 1864 года (Queen Charlotte Islands; a Narrative of discovery and adventure. London 1872), убѣдился къ своему удивленію, что они не умѣютъ плавать и впервые научились у него этому искусству. Вообще гайдаги выказываютъ замѣчательныя способности ко всякого рода постройкамъ, рѣзьбѣ и другимъ ручнымъ работамъ. Они живутъ въ „постоянныхъ" деревняхъ, которыя построены прочнѣе и съ большимъ стараніемъ, нежели у другихъ индійскихъ племенъ, и особенно отличаются тѣмъ, что всѣ онѣ украшены многочисленными рѣзными столбами. Послѣдніе даютъ наглядное понятіе о своеобразномъ направленіи искусства у гайдаговъ. Одни изъ нихъ, называемые „kekhen" стоятъ передъ каждымъ жилищемъ; въ постаментѣ ихъ сдѣлано овальное отверстіе, которое служитъ входомъ въ домъ; другіе столбы „khat" воздвигнуты въ память умершихъ. (См. подробности: Peterm. Geogr. Mitth. 1881, S. 345). Сооруженіе этихъ изящныхъ столбовъ требуетъ много времени и труда и возможно только, какъ и постройка домовъ, при совмѣстныхъ усиліяхъ извѣстнаго числа людей. При этомъ у сѣверо-американскихъ индійцевъ большую роль играетъ распространенный между ними обычай „Potlatsch" или „раздачи имущества какимъ нибудь единичнымъ лицомъ". Такъ, напримѣръ, если кто изъ туземцевъ намѣревается построить домъ или воздвигнуть столбъ, то онъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ дѣлитъ свое имущество, состоящее изъ одѣялъ или денегъ, между друзьями и важнѣйшими представителями племени. Доля каждаго систематически установлена, такъ, что каждый членъ племени знаетъ заранѣе, сколько онъ получитъ одѣялъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ работа должна быть выполнена, розданное имущество возвращается владѣльцу съ процентами: если кто получилъ четыре одѣяла, то онъ взамѣнъ отдаетъ шесть и т. п. Это считается своего рода почетомъ. По окончаніи работы хозяинъ по мѣрѣ возможности угощаетъ своихъ соплеменниковъ; причемъ танцы и игры служатъ вознагражденіемъ за трудъ; затѣмъ снова происходитъ дѣлежъ одѣялъ. Этотъ обычай примѣняется и въ другихъ подходящихъ случаяхъ, такъ какъ чѣмъ щедрѣе и чаще частное лицо раздаетъ этимъ способомъ свое имущество, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ оно значенія въ глазахъ своихъ соплеменниковъ. Въ остальномъ у нихъ, напротивъ того, господствуютъ самыя строгія понятія относительно собственности. Чуть ли не каждая семья владѣетъ извѣстнымъ пространствомъ рѣки, гдѣ она ловитъ рыбу; и эта собственность наблюдается самымъ тщательнымъ образомъ, несмотря на крайне запутанные законы о наслѣдствѣ и передачѣ имущества. Обладаніе извѣстнымъ количествомъ одѣялъ считается богатствомъ и составляетъ цѣль всѣхъ стремленій туземца. Въ настоящее время одѣяла замѣняютъ здѣсь деньги, какъ бобровыя шкуры внутри Британской Колумбіи и въ сѣверо-западной территоріи. Вывозимые изъ Чильката „мѣдяки" (coppers) или мѣдныя пластинки своеобразной формы въ 45—60 сант. имѣютъ только мѣновую цѣнность въ торговлѣ. Индійцы гайдагъ распадаются на семь племенъ или союзовъ, которые въ нравахъ почти не отличаются другъ отъ друга, и говорятъ на совершенно сродныхъ діалектахъ одного и того-же языка; но въ то же время діалектъ гайдаговъ при сравненіи представляетъ очень мало сходства съ говоромъ другихъ прибрежныхъ народовъ. (Proc. R. geogr. Soc. 1869 p. 389 и Peterm. Geogr. Mitth. 1881, S. 343).

Подъ одной параллелью съ вышеописанными племенами живутъ на материкѣ внизъ до Сѣверной Лососевой рѣки близкіе родичи гайдаговъ „чимсіаны" (Chimmesyans или Chimseyans), которые обнимаютъ собой индійцевъ: „себасса", „ниселоуэсъ" и „нассъ" и представляютъ тѣсную связь съ сѣверной отраслью, а именно съ индійцами „такулли", принадлежащими дикому атапаскскому народу. Языкъ

„чимсіановъ“ звученъ и выразителенъ. У нихъ также господствуетъ обычай носить въ губахъ деревянныя украшенія и сооружать красивые столбы передъ своими жилищами, хотя, разумѣется, многіе изъ прежнихъ обычаевъ исчезли безслѣдно, благодаря вліянію миссіонеровъ. Далѣе къ югу, а равно и въ сѣверной части большаго острова Ванкувера, въ заливѣ Нутка живутъ индійцы „гайлтза“. По свидѣтельству В. Колкугауна Гранта, перваго колониста острова, на самомъ о. Ванкуверѣ живутъ 26 индійскихъ племенъ, общее число которыхъ доходитъ до 17,000 чел. (Journal of the R. geogr. Soc. 1857, p. 293); изъ нихъ половина занимаетъ западный берегъ. Между тѣмъ Эйлмеръ,—показанія котораго относятся приблизительно къ тому-же времени, но ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ того значенія, какъ данныя, сообщаемыя Грантомъ,—насчитываетъ всего 7,000 челов. Въ былыя времена ихъ нерѣдко называли индійцами „уакашъ“. Въ этнологическомъ отношеніи они могутъ быть раздѣлены, сообразно четыремъ господствующимъ языкамъ, на четыре группы, которыя Фр. Миллеръ называетъ народами „нутка“, совмѣстно съ родственными имъ племенами на материкѣ. Эти четыре діалекта совершенно различны относительно фонетики, словообразованія и способа выраженія, такъ что большинство племенъ одной группы вовсе не въ состояніи понимать другую или съ большимъ трудомъ. Что-же касается до того мнѣнія, будто бы не найдено никакого сродства между ними и другими языками материка, то это невѣрно, потому что существуетъ несомнѣнная связь между языкомъ „куаколль“ (Quakwolth) сѣверной группы о. Ванкувера и „балла голла“ (Bella hoola или Bella coola) на материкѣ къ востоку отъ архипелага К. Шарлотты. Затѣмъ діалектъ „коуитхинъ“ *) восточныхъ индійцевъ Ванкувера встрѣчается на материкѣ къ сѣверу отъ р. Фразеръ, въ Британской Колумбіи. Двѣ другія группы составляютъ племена: „клалламъ“ (или „чаллумъ“) на югѣ и „макагъ“ (или „клатсетъ“) въ западной части острова. Г. Малькольмъ Спротъ обозначаетъ послѣднихъ нарицательнымъ именемъ „агтовъ“ (въ своей книгѣ: Scenes and studies of savage life. London 1868), вѣроятно вслѣдствіе окончанія „aht“, прилагаемаго къ именамъ большинства племенъ (Nittinaht, klayoquaht, Ahusaht и т. д). Мы имѣемъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія относительно этихъ агтовъ, которые повидимому не представляютъ существенной разницы отъ остальныхъ индійцевъ Ванкувера.

Хотя Спротъ и находитъ, что агты вообще имѣютъ болѣе пріятную наружность, нежели другіе дикари, но судя по рисункамъ Вимпера, они все еще достаточно безобразны. Ихъ ростъ увеличивается по мѣрѣ приближенія отъ юга къ сѣверу съ 1,60 м. до 1,778 м. Они хорошо сложены, и физическое

*) Во всѣхъ idiомахъ Ванкувера ch выговаривается какъ нѣмецкое ch въ словѣ doch. Затѣмъ ни въ одномъ изъ сѣверо-западныхъ американскихъ языковъ не существуетъ буквы р.

уродство составляетъ у нихъ рѣдкость. Между тѣмъ Грантъ въ своемъ подробномъ описаніи этнологіи Ванкувера (Journ. of the R. geogr. Soc. 1857 p. 293—310), говоритъ, что у нихъ некрасивыя и худощавыя ноги, что онъ приписываетъ ихъ обычаю сидѣть скорчившись въ лодкахъ. Цвѣтъ кожи туземцевъ темно-коричневый; физіономія ихъ представляетъ общій типъ краснокожихъ: длинный носъ, выступающія скулы, большой ротъ, продолговатая форма глазъ, правильные, но тупые зубы. Лобъ очень низкій и приплюснутый вслѣдствіе того, что здѣсь къ черепу новорожденнаго привязываютъ кусокъ древесной коры, чтобы придать неокрѣпшимъ костямъ форму головы, принятую въ странѣ. Впрочемъ несмотря на уродованіе черепа, у взрослыхъ туземцевъ нѣтъ недостатка въ хитрости. Въ настоящее время сплющиваніе головы совершенно вышло изъ употребленія. Татуировка никогда не была въ обычаѣ. Женщины, хотя большею частью отличаются вздернутыми носами, но иногда не лишены нѣкоторой привлекательности, а въ умственномъ отношеніи во всякомъ случаѣ превосходятъ мужчинъ. Послѣдніе совершенно безъ бороды, и только у залива Нутка встрѣчаются нѣкоторые субъекты съ усами и бородой, что вѣроятно происходитъ отъ примѣси испанской крови. Волосы на головѣ жесткіе, прямые, черные или темные. Туземцы никогда не стригутъ волосъ и носятъ ихъ въ видѣ безпорядочнаго пучка, который они украшаютъ вѣнкомъ изъ зелени, что придаетъ имъ мнимое сходство съ римскими героями или какимъ нибудь божествомъ древняго міра. Вѣнокъ не имѣетъ здѣсь значенія гражданскаго и миѳологическаго символа и надѣвается съ цѣлью защиты отъ мухъ и москитовъ. Нѣкоторые индійцы носятъ шляпу или головной уборъ, сдѣланный изъ коры кедроваго дерева на подобіе гриба. Женщины тщательно причесываютъ свои волосы, и у нихъ даже есть особыя коробочки, въ которыя прячутъ свой гребень и небольшое зеркало. Онѣ вообще болѣе женственны нежели индіянки въ другихъ мѣстностяхъ; рѣдко можно встрѣтить которую либо изъ нихъ безъ колецъ, браслетовъ, бусъ или мѣдныхъ обручей на ногахъ; иногда даже носы ихъ украшены осколкомъ блестящей раковины или кусочкомъ мѣди, представляющимъ подобіе подковы. Мужчины выказываютъ своего рода презрѣніе къ украшеніямъ и всякимъ бездѣлушкамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ одѣяла были привезены къ нимъ, они носятъ ихъ въ видѣ одежды; женщины сверхъ того надѣваютъ еще нѣчто похожее на рубашку.

Кирка, топоръ и кинжалъ съ каменнымъ клинкомъ; ножъ съ желѣзнымъ клинкомъ и рѣзной рукояткой въ видѣ головы коршуна съ береговъ залива Нутка.

Агты обладаютъ необыкновенной силой въ рукахъ и быстротой ногъ. Чтоже касается ихъ способности къ ручнымъ работамъ, то всѣ племена славятся плетеніемъ корзинъ и необычайною ловкостью въ управленіи своихъ челноковъ, размѣры которыхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ морскаго искусства. Они съ быстротою птицы несутся по морю подъ ударами веселъ, едва прикасаясь воды. Тѣмъ не менѣе Спротъ видѣлъ, какъ во время одной гонки длинныхъ туземныхъ

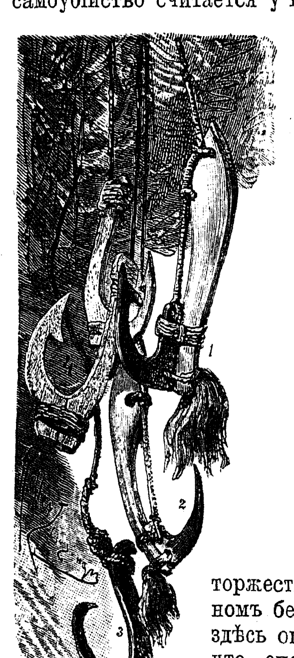
лодокъ на морѣ, побѣда осталась за бѣлымъ морякомъ. Хотя туземныя суда могутъ поднять тяжесть тридцати человѣкъ, но стѣнки ихъ также легки и тонкі, какъ орѣховая скорлупа. Это все однодеревки, выдолбленныя изъ кедроваго ствола. Индійцы срубаютъ ихъ, не имѣя другого орудія кромѣ долота, сдѣланнаго изъ роговъ сѣверо-американскаго оленя („wapiti“, Cervus canadensis, Briss), которое они вырѣзаютъ и обтачиваютъ своими каменными ножами. Ихъ лагерная жизнь въ высшей степени любопытна и интересна. Они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто вслѣдъ за лососемъ, который служитъ для нихъ главнымъ средствомъ пропитанія и ловится ими различными способами, какъ видно изъ подробнаго описанія г. Богга. (Memoirs of the Anthrop. Soc. of London, Bd. III. 1870, S. 260—265). Достойно замѣчанія, что употребляемыя при этомъ удильные удочки изъ согнутаго на огнѣ твердаго дерева и острія костей представляютъ поразительное сходство съ тѣми, которыя служатъ для тойже цѣли въ Южномъ океанѣ. На прилагаемомъ рисункѣ сопоставлены въ видѣ сравненія рыболовные снаряды туземцевъ у залива Нутка съ тѣми, какіе приняты на островахъ Тонга и Гавайи. Агты, преслѣдуя лосося, располагаются для лѣтняго жилья на нѣкоторомъ разстояніи отъ морскаго берега, къ которому они опять возвращаются на зиму, въ концѣ октября, съ запасомъ сушеной рыбы. Когда заготовка провіанта окончена на всѣхъ пунктахъ, лагерь снимается съ мѣста, предоставляя кучи гніющихъ остатковъ рыбы въ добычу птицамъ. Дома въ мѣстахъ стоянокъ отличаются большими размѣрами и прочно построены изъ кедроваго дерева, но, по вѣрному замѣчанію Гранта, они служатъ вмѣстилищемъ зловонія и нищеты. Окружающій ихъ частоколъ снабженъ отверстіями въ 1 метръ высоты, для вползанія и вылѣзанія живущихъ въ домѣ. Въ бревенчатыхъ хижинахъ „клайоквагтовъ“, самаго многочисленнаго и могущественнаго изъ племенъ о. Ванкувера, полъ дѣлается изъ утоптанной земли и со временемъ становится настолько твердымъ и гладкимъ, что на немъ готовятъ кушанье. Постелями служатъ подставки изъ гибкихъ жердей, покрытыхъ рогожками, въ изголовьи которыхъ вмѣсто подушки поставленъ деревянный чурбанъ, выдолбленный по срединѣ. Вышеупомянутый морякъ Эйлмеръ только однажды рѣшился заглянуть въ подобную хижину, которая вдобавокъ была тогда необитаема, но тотчасъ же съ ужасомъ отскочилъ назадъ. Изъ этого можно заключить, какая атмосфера должна быть въ этихъ жилищахъ зимою, когда въ нихъ сушатъ рыбу и они переполнены народомъ. Тѣмъ не менѣе Спротъ, который описываетъ агтовъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, утверждаетъ, будто бы они въ своихъ привычкахъ менѣе неопрятны, нежели многіе цивилизованные народы, ежедневно моются самымъ тщательнымъ образомъ, а женщины, окончивъ дневную работу, причесываютъ себѣ волосы, какъ и наши европейскія служанки, только несрав-

Рыболовные снаряды у залива Нутка: 1) согнутый на огнѣ крючокъ изъ твердаго дерева съ костянымъ наконечникомъ; 2) каменный наконечникъ, костяной крючокъ, отчасти залитый смолой, веревки для забрасыванія крючковъ; 3) небольшія деревянныя удочки съ костяными крючками.

ненно старательнѣе. Агты, подобно монголамъ, ѣдятъ очень много, но такъ же, какъ и они, могутъ долгое время воздерживаться отъ всякой пищи. Послѣдняя состоитъ изъ разнаго рода рыбъ, утокъ, гусей, красной дичи, а въ новѣйшее время и картофеля; но при этомъ агты вовсе не употребляютъ соли, къ которой чувствуютъ сильное отвращеніе. Хотя Спротъ увѣряетъ, что они ничего не пьютъ, кромѣ воды, и я не могу утверждать противнаго за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, но въ виду ихъ страсти къ мѣновой торговлѣ, можно предположить, что доброжелательные люди также усердно снабжаютъ ихъ водкой, какъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое и здѣсь замѣнило стрѣлы изъ рыбьихъ костей и лукъ изъ чернаго дерева.

Агты остались при прежнихъ постановленіяхъ общей племенной собственности;. но у нихъ существуютъ самыя строгія понятія о табели о рангахъ и связанныхъ съ ними преимуществахъ, а равно и выработанный этикетъ относительно пріема гостей и посѣтителей. Зимою, особенно во время ловли китовъ, у нихъ происходятъ большія празднества. Молчаніе во время ѣды считается признакомъ вѣжливости; однако, несмотря на это, пиры нерѣдко кончаются гомеровскимъ способомъ, а именно пѣніемъ бардовъ, воспѣвающихъ великія дѣянія, совершенныя на войнѣ и охотѣ. Женщины не присутствуютъ на этихъ пиршествахъ, хотя повидимому съ ними не дурно обходятся. Ихъ продаютъ мужьямъ по достиженіи зрѣлости; и такъ какъ полигамія здѣсь во всей силѣ, то богатые вожди имѣютъ иногда отъ 8 — 10 женъ; но бѣднякъ съ трудомъ пріобрѣтаетъ одну, потому что, за жену приходится платить десять шерстянныхъ одѣялъ или огнестрѣльное оружіе. За дочерей начальниковъ сверхъ того вносятъ выкупъ, такъ какъ званію придаютъ здѣсь значеніе первой важности и слѣдовательно каста строго оберегается. Равнымъ образомъ понятіе о кровномъ родствѣ, его обязанностяхъ и отвѣтственности настолько развито у туземцевъ, что составляетъ существенную часть ихъ крайне простаго общественнаго механизма. Браки вообще не плодовиты, потому, что рѣдко можно встрѣтить больше троихъ дѣтей. Причина этого заключается не въ организмѣ здѣшнихъ женщинъ, а въ томъ, что умноженіе семьи предупреждается искусственными средствами. Къ дѣтямъ своимъ агты относятся съ величайшей любовью и никогда не бьютъ ихъ; но по снисходительному выраженію Спрота, презираютъ „больныхъ и стариковъ". Грантъ объясняетъ, какимъ способомъ проявляется это „презрѣніе". Старыхъ немощныхъ людей задушаютъ собственныя дѣти съ разрѣшенія знахаря. Понятія туземцевъ о нравѣ ограничиваются местью: кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ. Тѣмъ не менѣе родственники убитаго охотно мирятся на выкупѣ, состоящемъ изъ шерстянныхъ одѣялъ. Агты даже, по свидѣтельству Спрота, хладнокровны, мстительны, злопамятны и кровожадны. Хотя между ними постоянно происходятъ стычки, но они не обладаютъ мужествомъ въ дракѣ и ведутъ себя коварно и трусливо на войнѣ. Роб. Браунъ хвалитъ только одно племя „квастина" за кротость и уступчивость, и замѣчаетъ, что въ его время оно было еще мало испорчено пороками цивилизаціи. (Peterm. Geogr. Mitth. 1869, S. 94). Затѣмъ у всѣхъ племенъ Ванкувера распространено рабство во всей силѣ, потому, что военноплѣнныхъ обращаютъ въ рабовъ или обезглавливаютъ. Послѣднее случается довольно часто, такъ какъ отсѣченіе головы принадлежитъ къ любимымъ развлеченіямъ туземцевъ. У нихъ существуетъ своеобразный обычай, что вожди въ торжественныхъ случаяхъ, желая почтить своихъ приближенныхъ, вмѣсто объятій, кусаютъ ихъ въ плечо. Нерѣдко отъ такого выраженія милости начальника остается глубокій шрамъ, который выставляется на показъ съ чувствомъ величайшей гордости. (Paul Kane, Wanderings of an artist among the Indians of North America. London 1859 p. 212). Что касается остальныхъ удовольствій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, то они состоятъ въ плаваніи и безвредныхъ состязаніяхъ въ силѣ. У жителей Ванкувера также су-

ществуетъ туземная музыка, своеобразный военный танецъ и родъ драматическаго представленія въ видѣ характернаго танца „Nuk“. Главными увеселеніями служитъ игра и конская скачка. Лошадь съ хорошимъ бѣгомъ цѣнится такъ высоко у агтовъ, что они готовы отдать за нее послѣднее имущество; что-же касается игры, то она превратилась у нихъ въ такой порокъ, что нерѣдко бываютъ случаи самоубійства вслѣдствіе большихъ проигрышей. Вообще самоубійство считается у туземцевъ самымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія. Они вѣрятъ въ духовъ, привидѣнія, предзнаменованія и въ колдовство, и стараются плюнуть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ присутствіе врага, потому что приписываютъ особенную чародѣйственную силу выплюнутой слюнѣ. Такимъ образомъ они почти всегда намѣренно плюютъ на свои плащи, чтобы оградить себя отъ опасныхъ чаръ. (A. a. O., S. 216). Мѣсто погребенія почти всегда находится по близости деревни. Мертвецовъ своихъ они кладутъ въ сидячемъ положеніи въ грубо сдѣланные гроба, которые покрываютъ каменьями; передъ могилами для прокормленія безсмертной души въ продолженіи нѣсколькихъ дней жгутъ мясо лѣсной дичи и лососину. Этотъ обычай служитъ единственнымъ доказательствомъ ихъ вѣры въ загробное существованіе. При этомъ агты придаютъ огромное значеніе заклинаніямъ своихъ „tamannoas“ или знахарей, составляющихъ замкнутую таинственную касту, доступъ въ которую сопряженъ съ большими церемоніями и стоитъ очень дорого. Фентону Эйлмеру посчастливилось присутствовать въ качествѣ зрителя при такомъ торжественномъ посвященіи у вальдецъ-инлетовъ на восточномъ берегу о. Ванкувера. Я считаю нелишнимъ привести здѣсь описаніе этого важнаго событія; но замѣчу кстати, что оно далеко не вездѣ происходитъ одинаковымъ способомъ, потому что Боггъ при подобномъ-же торжествѣ у Агузагта наблюдалъ совершенно иные обычаи. (Mem. of the anthrop. Soc. of London, Bd. III p. 265). Въ случаѣ, описанномъ Эйлмеромъ, посвящаемый въ званіе „tamannoas“ былъ предварительно запертъ на трое сутокъ въ уединенную хижину „безъ пищи, воды и свѣта. Когда явился вождь въ сопровожденіи старѣйшихъ знахарей, то народъ, окружавшій хижину, разступился. Среди гробоваго молчанія вождь подошелъ къ входу и сдѣлалъ знакъ, чтобы жрецы подняли съ двери поперечную балку и вошли въ хижину. Всѣ присутствующіе устремились вслѣдъ за ними; внутри хижины раздался невѣроятный крикъ; знахари стремглавъ выбѣжали изъ дверей; при этомъ рвали свои волосы и наносили себѣ раны острыми раковинами. Двое изъ нихъ вынесли однако изъ хижины неподвижное и повидимому мертвое тѣло виновника торжества къ ближайшему пруду, положили его на землю, терли и били самымъ немилосерднымъ образомъ. Но тутъ мнимый мертвецъ неожиданно вскочилъ на ноги, прорвался сквозь толпу своихъ мучителей и скрылся въ чащѣ лѣса, который находился на разстояніи сотни шаговъ. Часъ спустя онъ снова появился „вымазанный дегтемъ и покрытый перьями“ (вмѣсто жира и пуха, предписаннаго обычаемъ), вошелъ въ хижину и вынесъ оттуда различныя украшенія и хозяйственную утварь, ко-



Удильные крючки съ острововъ Южнаго океана: 1, 2 и 3 сдѣланы изъ перламутра и черепахи; 4-й крючокъ съ О. Гавайи сдѣланъ изъ кости.

торыя роздалъ въ видѣ подарковъ присутствующимъ представителямъ племени. Тѣ, въ свою очередь, поднесли ему раскрашенное одѣяло, головной уборъ съ перьями и большую трещотку въ видѣ знака его новаго знахарскаго достоинства. Радостное событіе было кромѣ того отпраздновано театральнымъ представленіемъ въ хижинѣ вождя, гдѣ уборная актеровъ была отдѣлена отъ сцены занавѣсью изъ одѣялъ; зрители размѣстились на рогожахъ. Вождь выполнялъ самыя главныя роли. Сначала онъ появился среди воя всевозможныхъ звѣрей, одѣтый въ шкуру пантеры, затѣмъ — медвѣдя и наконецъ, въ видѣ восходящаго солнца. Послѣднее драматическое представленіе удалось ему только благодаря хорошо придуманной маскѣ и торчащимъ волосамъ, которымъ придана была форма лучей для изображенія солнечныхъ лучей. Затѣмъ выступили другіе актеры, представлявшіе сюжеты изъ обыденной человѣческой жизни, какъ напр. супружескую ревность, любовныя сцены, а также борьбу вождя съ волкомъ. (Aylmer, A cruise in the Pacific, Bd. II, p. 133 до 136). Изъ этого описанія видно, что сравнительно со всѣми другими краснокожими Сѣверной Америки плоскоголовые, жители Ванкувера сдѣлали наибольшіе успѣхи въ театральномъ искусствѣ, исключая впрочемъ древнихъ мексиканцевъ. По свидѣтельству Георга Кэтлина, маски употребляются и у народовъ Нутка, которые носятъ деревянныя украшенія въ губахъ, а именно у индѣйцевъ „Пайя", или „Нага" въ Британской Колумбіи и на материкѣ у залива К. Шарлотты. Послѣдніе не только дѣлаютъ челноки красивой формы, покрытые рѣзьбой и расписанные пестрыми красками, но украшаютъ свои трубки, ложки посуду, дубины и глиняные горшки всевозможными замысловатыми и изящно выполненными фигурами людей, животныхъ, лодокъ и т. п. Маски ихъ вырѣзаны изъ дерева и снабжены внутри протянутымъ поперегъ ремнемъ, который они придерживаютъ зубами, когда маска надѣта на лицо. При этомъ дикари, носящіе украшеніе въ проколотыхъ губахъ, имѣютъ еще то преимущество передъ цивилизованными народами, что при надѣваніи маски образуется передъ лицомъ пустое пространство, что совершенно измѣняетъ голосъ замаскированнаго субъекта. Подобныя маски встрѣчаются и на о. Ванкуверѣ, а равно у агтовъ, по свидѣтельству Уимпера. Они достигаютъ 60 сант. величины и

Раскрашенныя деревянныя маски (человѣческаго лица, головы чайки и тюленя и два короткихъ меча, вырѣзанныхъ изъ кости съ залива Нутка.

сдѣланы очень остроумно; нѣкоторыя изъ нихъ снабжены веревочками, съ помощью которыхъ придаютъ подвижность искусственнымъ глазамъ и клюву масокъ, изображающихъ птицъ (Whymper, Travel and adventure in the territory of Alaska, London, 1868, p. 54). По наблюденіямъ Спикса и Мартіуса, а въ новѣйшее время Бэтса, маски кромѣ того встрѣчаются у одного племени на Амазонской рѣкѣ, а именно, у „текуна". Въ Каскадовыхъ горахъ наконечники стрѣлъ изготовляются такимъ способомъ, что куски обсидіана кладутъ на шерстяное упругое одѣяло и отъ нихъ откалываютъ углы остріемъ ножа до тѣхъ поръ, пока не получится желаемая форма. Для добыванія огня накладываютъ кусокъ твердаго дерева на мягкое и придаютъ ему руками вращательное движеніе. (G. Crook im Ann. Rep. of the Smithsonian Institution 1871, p. 420).

ТУЗЕМЦЫ БРИТАНСКОЙ КОЛУМБІИ И ОРЕГОНА.

До сихъ поръ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о многочисленныхъ языкахъ и народахъ, встрѣчаемыхъ внутри Британской Колумбіи и далѣе къ югу отъ рѣки Фразеръ у Пёгетзунда. Здѣсь вездѣ распространенъ „тотемизмъ"; лица одного и того же „тотемъ" (эмблемы принятой семьей или племенемъ) не могутъ вступать между собой въ бракъ. Ребенокъ принимаетъ „тотемъ" семьи своей матери, а не отца. Р. К. Майнъ, прожившій четыре года въ этой мѣстности, сообщаетъ нѣкоторыя подробности о нравахъ туземцевъ. Подобно тому, какъ въ Японіи опозоренный человѣкъ распарываетъ себѣ животъ, такъ болѣе разсудительный индіецъ, довольствуется лишь тѣмъ, что рветъ свои шерстяныя одѣяла; если-же это оказывается недостаточнымъ, чтобы смыть позоръ, онъ приноситъ въ жертву своего раба. Людоѣдство составляетъ суевѣрный религіозный обычай; но оно примѣняется одними знахарями, къ которымъ племя вообще относится съ боязнью, удивленіемъ и даже извѣстнаго рода отвращеніемъ.

Благодаря изслѣдованіямъ Георга Джиббса (см. United States Geographical and geological Survey of the extreme North-West, By W. H. Dall Tribes of Western Washington and Nord. Western Oregon. By George Gibbs. Washington 1877), мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія о туземцахъ нынѣшней территоріи Вашингтона и штата Орегона. Эти народы занимаютъ область, которая простирается на сѣверъ отъ горы Броунъ и Пика Хукеръ, къ югу до рѣки Сакраменто въ Калифорніи, а на востокѣ до верховьевъ Миссури. Всѣ вышеописанные индійцы сѣверо-западнаго берега и прилежащихъ острововъ къ югу отъ горы св. Ильи до о. Ванкувера, чрезвычайно схожи между собой по наружному виду, но представляютъ разительную противоположность съ южной группой народовъ Орегона. Островитяне Ванкувера

образуютъ собой до извѣстной степени переходное племя между обѣими группами. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу раса становится все красивѣе и больше ростомъ. Такъ напр. индійцы, живущіе по рѣкѣ Колумбіи выше водопадовъ и отсюда до Скалистыхъ горъ, отличаются стройнымъ и хорошимъ тѣлосложеніемъ; между тѣмъ какъ жители Нижней Колумбіи представляютъ совершенно различный типъ. Они невысокаго роста, нерѣдко ниже средняго (едва 1,64 м.), хуже сложены, съ кривыми ногами, широкими и плоскими ступнями, обращенными внутрь лодыжами и пальцами ногъ; и при большей тучности вообще грязнѣе и лѣнивѣе своихъ сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей по ту сторону Скалистыхъ горъ. Этому рѣзкому различію наружнаго вида соотвѣтствуетъ такая-же значительная разница въ умственныхъ способностяхъ и развитіи. Такъ напр. стройныя и красивыя племена сѣверо-восточнаго берега достигли наибольшей степени культуры, тогда какъ жители Нутки, а тѣмъ болѣе народы Орегона далеко уступаютъ имъ въ энергіи и способности къ ручнымъ работамъ. Тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ замѣтить, что нравственная культура сѣверо-восточныхъ американцевъ нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ природнымъ дарованіямъ и произведеніямъ искусства. Жители сѣверо-западнаго берега принадлежатъ къ самымъ интеллигентнымъ и трудолюбивымъ народамъ Новаго Свѣта; индійцы Орегона настолько уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, насколько, въ свою очередь, превосходятъ туземцевъ Верхней Калифорніи. Что-же касается индійцевъ, живущихъ далѣе на югъ полуострова Калифорніи, то изъ всѣхъ сѣверо-американскихъ племенъ они стоятъ на самой низкой степени культуры. Въ самомъ Орегонѣ господствуетъ рѣзкая противоположность между народами Нижней Колумбіи и тѣми, которые распространены далѣе на востокъ и по близости Скалистыхъ горъ. Одни живутъ большею частью съ извѣстными удобствами, даже пользуются до нѣкоторой степени избыткомъ и ведутъ разнообразную дѣятельную торговлю; другіе поселены небольшими группами, удаленными другъ отъ друга, и съ большимъ трудомъ добываютъ себѣ средства для существованія. Этимъ различіемъ можно отчасти объяснить, почему первыхъ описываютъ лѣнивыми, неопрятными и развратными, вѣроломными и нечестными, между тѣмъ, какъ вторые, по отзыву тѣхъ-же путешественниковъ, отличаются добродушіемъ, честностью и гостепріимствомъ (Waitz, Anthrop. der Naturvölker, Bd. III, S. 319—336). Ловля рыбы и выкапываніе кореньевъ составляютъ главныя занятія всѣхъ индійцевъ Орегона и Колумбіи; буйволы не водятся здѣсь; поэтому нѣтъ и краснокожихъ охотниковъ за этимъ звѣремъ, какіе встрѣчаются въ преріяхъ на востокъ отъ Скалистыхъ горъ. Равнымъ образомъ они не имѣютъ никакого представленія о „великомъ духѣ“; и миссіонерамъ не приходилось встрѣчать у орегонскихъ индійцевъ подходящаго слова для выраженія отвлеченнаго

понятія о „Богѣ“. Въ то время, какъ во всей Британской Колумбіи до сихъ поръ распространенъ „тотемизмъ“, у народовъ Орегона вовсе не существуетъ такого дѣленія по племеннымъ эмблемамъ, а также имъ совершенно неизвѣстенъ обычай скальпированія и посвященія въ званіе воиновъ. Но при этомъ у тѣхъ и другихъ одинаково принято въ большей или меньшей степени сплющиваніе головы, употребленіе раковины „haiaqua“, въ видѣ денежнаго знака въ мѣновой торговлѣ, и латъ, сдѣланныхъ изъ лосиныхъ кожъ и тонкихъ пластинокъ твердаго дерева. Рабство и здѣсь неразрывно связано съ жизнью прибрежныхъ индійцевъ; мертвецамъ также приносятъ человѣческія жертвы, которыя считаются тѣмъ дѣйствительнѣе, если выборъ падаетъ на существо наиболѣе любимое покойникомъ. Знахари лечатъ больныхъ своими своеобразными цѣлебными средствами.

Кэнъ разсказываетъ слѣдующій случай леченія болѣзни у туземцевъ рѣки Фразеръ: услыхавъ сильный шумъ въ одной хижинѣ, онъ вошелъ въ нее и увидѣлъ сидящую старуху, которая держала на рукахъ красивую индіянку совершенно нагую. Среди хижины сидѣлъ знахарь, скрестивъ подъ собою ноги, также безъ всякой одежды; передъ нимъ на полу стояло деревянное блюдо, наполненное водой. Двѣнадцать или пятнадцать другихъ мужчинъ составляли хоръ и, увидя пришельца, отодвинулись, чтобы дать ему мѣсто. Знахарь, сидѣвшій передъ блюдомъ, повидимому изнемогая отъ сдѣланныхъ имъ усилій, всталъ съ своего мѣста, покрытый потомъ, чтобы предоставить леченіе болѣе юному товарищу. Этотъ сбросилъ съ себя одѣяло и принялся пѣть съ такими жестикуляціями, что капли пота выступили у него на всемъ тѣлѣ, между тѣмъ какъ хоръ аккомпанировалъ ему на деревянныхъ барабанахъ и пѣлъ во все горло. Благодаря такому усердію, старанія искуснаго знахаря скоро увѣнчались успѣхомъ. Онъ неожиданно бросился къ молодой женщинѣ, вцѣпился зубами въ бедра и нѣсколько разъ встряхнулъ ее, что повидимому не доставило ей особеннаго удовольствія. Затѣмъ онъ оставилъ въ покоѣ свою паціентку и воскликнувъ, что нашелъ то, что искалъ, т. е. болѣзнь или „генія“ болѣзни, торжественно выплюнулъ его изо рта въ блюдо съ водой; и тотчасъже снова вытащилъ обѣими плотно сжатыми руками. „Между тѣмъ товарищъ его наточилъ ножъ и разрѣзалъ мнимаго генія, который имѣлъ видъ кусочка хряща. Хотя операція удалась вполнѣ, но, по наблюденіямъ Кэна, она не принесла никакого облегченія молодой паціенткѣ (Kane, Wanderings of an artist, p. 225—227).

Само собою разумѣется, что было бы неумѣстнымъ перечислять здѣсь многочисленныя племена и орды, живущія въ Орегонѣ и на югѣ Британской Колумбіи. Если мы бросимъ взглядъ на подробную карту этой части Америки, то увидимъ невѣроятное количество именъ различныхъ народностей, степень сродства которыхъ другъ съ другомъ еще далеко не выяснена окончательнымъ образомъ. Даже въ самыхъ именахъ, которыя отчасти поражаютъ насъ своими звуками, напоминающими фонетику французскаго языка (вслѣдствіе того, что многіе изъ нихъ придуманы такъ наз. „voyageurs“, т. е. канадскими охотниками за пушнымъ звѣремъ) мы не только встрѣчаемъ неопредѣленность, но и полнѣйшую путаницу въ ихъ примѣненіи. Тѣмъ

не менѣе въ новѣйшее время удалось раздѣлить по крайней мѣрѣ индійцевъ Орегона на болѣе или менѣе значительныя группы; изъ нихъ только шесть имѣютъ, по моему мнѣнію, вполнѣ самостоятельный характеръ, судя по изслѣдованіямъ американца Горацію Хэль и берлинскаго лингвиста Бушмана. При настоящемъ, все еще крайне недостаточномъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ опредѣлить съ точностью, составляютъ-ли приблизительно эти шесть группъ этнологическое цѣлое, особенно въ лингвистическомъ отношеніи. Но между членами каждой отдѣльной группы несомнѣнно существуетъ этнологическая связь; и, насколько можно видѣть, до сихъ поръ ни одна изъ этихъ группъ не представляетъ ни малѣйшаго сродства съ которой либо изъ извѣстныхъ намъ значительныхъ народностей сѣверо-американскаго материка. По свидѣтельству Т. Кирхгофа, основательно изучившаго американскія пустыни, наружность индійцевъ вообще не особенно привлекательна. „Если мои читатели—говоритъ онъ,—думаютъ, что нынѣшніе индійцы представляютъ малѣйшее сходство съ прекрасными героическими личностями романовъ Купера или „Гайаваты“ Лонгфелло, то мнѣ, къ сожалѣнію, прійдется жестоко разочаровать ихъ въ подобныхъ фантазіяхъ изображеніемъ дѣйствительности. Вмѣсто гордыхъ сыновъ пустыни, съ живымъ и смѣлымъ взглядомъ, прекрасно татуированныхъ и разряженныхъ въ пантеровыя шкуры, мы встрѣчаемъ жалкія, нечесанныя и немытыя фигуры въ рубищѣ, передъ которымъ одежда итальянскаго тряпичника кажется праздичнымъ нарядомъ. Нерѣдко эти несчастныя существа буквально гибнутъ отъ грязи и насѣкомыхъ и своимъ безсмысленнымъ неподвижнымъ взглядомъ и тупыми физіономіями производятъ впечатлѣніе помѣшанныхъ. Если кто изъ почитателей Лонгфелло, вспоминая его прекрасныхъ „мин-не-га-га“, смотритъ на этихъ „squaws“, неуступающихъ въ неопрятности бѣднѣйшимъ цыганамъ, тотъ невольно пожалѣетъ о паденіи индійской расы или же прійдетъ къ заключенію, что господа Куперъ и Лонгфелло глядѣли на индійцевъ сквозь призму магически разукрашающихъ очковъ. Послѣднее, по крайнему разумѣнію автора, кажется ему весьма возможнымъ“. Th. Kirchhoff, Reisebilder und Skizzen aus Amerika. Altona 1876. Bd. II, S. 136.

Индійцы Орегона раздѣляются на слѣдующія группы:

Кутони („Kootonies“ или „Kootenays“), называемые также китунага, обнимаютъ собой собственно Кутони и Флатбоусъ (плоскіе луки) и извѣстны въ странѣ подъ именемъ скальци. Ихъ считаютъ добродушными и честными, но въ высшей степени безпечными и лѣнивыми, а слѣдовательно бѣдными, и кромѣ того совершенно неспособными къ цивилизаціи. Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы, кореньевъ, зеренъ, плодовъ и ягодъ. Они также занимаются рыбной ловлей и охотятся за лосемъ, сѣверо-американскимъ оленемъ (wapiti), горной овцой, птицами и изрѣдка за буйволами. Они живутъ между 52—48° с. ш. и двумя сѣверными рукавами Колумбіи, въ области истоковъ

Кларка, Макъ-Жильврея и р. Мери. Въ 1872 году ихъ общее число въ Монтана, Идаго, Вашингтонѣ и въ Британской Колумбіи доходило до 1,120 душъ.

Цигаили—селишъ живутъ на западѣ отъ кутани. По описанію Г. Кэтлина, они всѣ крайне некрасивы, ниже средняго роста и неуклюжи, съ расширенной передней частью головы, большимъ ртомъ, грубой жесткой кожей ярко-коричневаго или грязно-мѣднаго цвѣта, а у прибрежныхъ жителей кромѣ того—косо лежащіе глаза. Къ этой-же семьѣ принадлежатъ шушуэпы („shoushwap") или атнаги, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „атнами", причисляемыми къ отрасли „кенаевъ". Шушуэпы живутъ на востокѣ рѣки Фразеръ и у Лососевой рѣки; они представляютъ собой энергическій, трудолюбивый народъ и славятся изготовленіемъ превосходныхъ одѣялъ изъ шерсти мѣстной горной козы. Селишы наиболѣе значительный и образованный народъ изъ этой семьи; они извѣстны оффиціально подъ именемъ „flatheads", т. е. плоскоголовыхъ индійцевъ. Это названіе совершенно неумѣстное, потому что именно селиши вовсе не сплющиваютъ головъ своимъ дѣтямъ, хотя этотъ обычай распространенъ у многихъ сродныхъ имъ орегонскихъ племенъ. Равнымъ образомъ и всѣ другіе индійцы Орегона безразлично называются „плоскоголовыми". Селиши живутъ у рѣки Битеръ-Рутъ или Мери, главнѣйшаго притока рѣки Кларкъ; численность ихъ доходитъ до 600 душъ; въ 1830 года они сильно потерпѣли отъ заразительныхъ лихорадокъ. Несмотря на свой миролюбивый характеръ и склонность къ труду, они готовы защищать свою землю съ оружіемъ въ рукахъ; но до сихъ поръ имъ никогда не приходилось воевать съ бѣлыми. Они сами выразили желаніе креститься и теперь всѣ католики; ихъ прежнее бѣдственное положеніе значительно улучшилось подъ руководствомъ іезуитскихъ миссіонеровъ; они занимаются земледѣліемъ, переняли нравы и одежду бѣлыхъ и вообще замѣчательно воздержаны и честны; хорошіе воины, но тѣмъ не менѣе крайне миролюбы. Языкъ ихъ, съ которыми познакомила насъ грамматика Мангарини, необыкновенно труденъ; на немъ говорятъ различныя сосѣднія племена, съ незначительными діалектическими отступленіями.

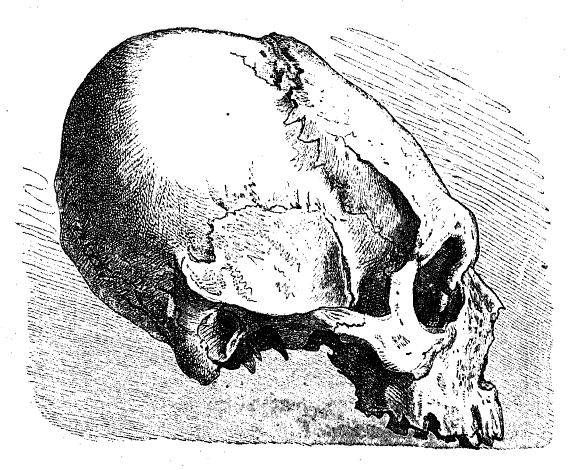
Сагаптины или nez percés (проткнутые носы) живутъ на востокъ отъ рѣки Люисъ или Снекъ (Змѣиной рѣки) и на сѣверъ отъ Лососевой рѣки въ Идаго; сами они называютъ себя нумепо, между тѣмъ какъ около Люиса и Кларка ихъ называютъ хопуннишами. Прозвище „проколотые носы" также не подходитъ къ нимъ, какъ и названіе „плоскоголовыхъ" къ селишамъ: сагаптины также не прокалываютъ себѣ носовъ. Въ былыя времена, когда они еще жили на прекрасныхъ лугахъ у рѣкъ Клиръуотеръ и Змѣиной, численность ихъ доходила до 8,000 душъ; въ 1876 году на отведенныхъ имъ четырехъ участкахъ (Reservations) ихъ было всего 2,800; но часть ихъ ведетъ еще независимую бродячую жизнь, охотится за буйволами и воюетъ съ сосѣдними дакотскими племенами. Сагаптины, судя по существующимъ описаніямъ, представляютъ собой необыкновенно красивую, сильную расу, съ темнымъ мѣдно-коричневымъ цвѣтомъ кожи. Ихъ жены крайне трудолюбивы; и если онѣ не заняты ношеніемъ воды, дровъ или другими хозяйственными работами, то вы всегда увидите ихъ за вышиваніемъ „мокассиновъ" (башмаковъ изъ невыдѣланной оленьей кожи), или шитьемъ перчатокъ и дѣтскихъ куколъ. У нихъ также въ употребленіи первобытныя паровыя бани. (Nature, Bd. XVIII, S. 633). Ихъ считаютъ дикими и упрямыми, но при этомъ честными, справедливыми и въ извѣстныхъ случаяхъ сострадательными. Они холодны и сдержаны въ обращеніи; но въ высшей степени вѣжливы и даже бываютъ иногда общительны и веселы. Хотя они вообще крайне вспыльчивы и готовы отомстить за каждую кажущуюся несправедливость, скорѣе чѣмъ за дѣйствительное оскорбленіе, но ихъ легко успокоить, такъ что они болѣе походятъ на „благородныхъ дикарей", описанныхъ въ различныхъ романахъ, нежели какое либо

изъ другихъ извѣстныхъ намъ туземныхъ племенъ Америки. (Nature, Bd. XVI, S. 335). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлана была попытка цивилизовать сагаптиновъ, открыть у нихъ школу, дать управленіе и улучшить земледѣліе. Одинъ вождь, котораго полковникъ Райтъ разспрашивалъ о нуждахъ его народа, далъ такой отвѣтъ: „Намъ необходимъ миръ, плуги и школы", хотя этотъ мудрецъ по своему идеализму вѣроятно представлялъ единичное явленіе. Въ 1857 году сагаптины обрабатывали не болѣе 20¼ ак. Въ 1859 году, съ открытіемъ залежей золота въ ихъ владѣніяхъ, спокойствіе сагаптиновъ было нарушено наплывомъ бѣлыхъ и китайцевъ, которые познакомили ихъ съ употребленіемъ водки. Въ настоящее время пьянство господствуетъ у нихъ во всей силѣ. Пресвитеріане вновь ввели у нихъ миссіонерство, построили церковь и издали на ихъ языкѣ Новый Завѣтъ, равно и многія учебныя книги. Сагаптины обрабатываютъ теперь около 730 ак. земли и имѣютъ значительное количество скота и лошадей. Изъ всѣхъ индійскихъ племенъ наиболѣе сродны съ ними валла-валла и якима. Первые (численность которыхъ доходитъ до 200 душъ), живутъ къ югу отъ Колумбіи, не далеко отъ мѣста ея сліянія съ Змѣиной рѣкой; вторые (около 400 душъ) распространены внизъ по рѣкѣ и на сѣверъ отъ Колумбіи. П. Кэнъ упоминаетъ въ своей книгѣ объ индійцахъ хуалпайсахъ, которые почти не отличаются отъ валла-валла. Достойно замѣчанія, что у этихъ краснокожихъ, какъ вообще по ту сторону Скалистыхъ горъ, вожди облечены почти монархическою властью, что вообще составляетъ аномалію между индійцами. Сюда относятся палоузе, живущіе при впаденіи рѣки того-же имени въ Змѣиную, и кликетаты на западѣ отъ индійцевъ „якима". Кликетатовъ нерѣдко причисляютъ къ племени „якима", на участкахъ котораго они живутъ близь форта Симкое. Кликетаты состоятъ изъ пяти кочующихъ ордъ; численность ихъ доходитъ до 2,000—3,000 душъ; они страстные игроки изъ-за раковинъ „haiaqua" и отличаются вообще безпокойнымъ, неуживчивымъ характеромъ.

Вайилапту и каюзе, численность которыхъ доходитъ до 750 душъ, живутъ между Колумбіей и Змѣиной рѣкой, равно и молеле или моллале, число которыхъ уже было весьма незначительно въ 1741 году.

Чинуки („chinook")—у верхней Колумбіи; они раздѣляются на „верхнихъ" чинуковъ или ватлала, живущихъ на всемъ протяженіи отъ острова Мултномага до водопадовъ Колумбіи и „нижнихъ"—живущихъ южнѣе острова. У нихъ преимущественно господствуетъ обычай „сплющиванія головы", и въ особенности у женщинъ. Такимъ образомъ названіе „плоскоголовыхъ" вполнѣ подходитъ къ нимъ, хотя обычай сплющиванія черепа, какъ упомянуто выше, ни въ какомъ случаѣ не составляетъ ихъ исключительной особенности и въ бóльшей или въ мéньшей степени распространенъ у большинства индійцевъ Нутки и Орегона. У туземцевъ Нутки новорожденному накладываютъ на лобъ повязку („Meares") подобно тому, какъ это дѣлается у клалламовъ, кловлитовъ, килламуковъ, кликетатовъ и калапуйевъ. У многихъ изъ этихъ индійскихъ племенъ сплющенъ не только лобъ, но и затылочная кость. Сагаптины и валла-валла уродуютъ себѣ лобъ тѣмъ же способомъ, но въ мéньшей степени. Чинуки и коулиты практикуютъ этотъ обычай болѣе чѣмъ какое либо изъ плоскоголовыхъ племенъ. По описанію П. Кэна, канадскаго живописца изъ Торонто, уродованіе это производится крайне простымъ способомъ: „Матери индіянки носятъ своихъ дѣтей привязанными къ доскѣ, покрытой мягкимъ мохомъ или настилкой изъ тонкихъ кедровыхъ мочалокъ; при этомъ для сплющенія головы у ребенка онѣ накладываютъ ему на лобъ подушечку и на нее кусокъ гладкой древесной коры, которая, нажимая лобъ, плотно привязывается кожаными ремнями къ обѣимъ сторонамъ доски, такъ какъ въ послѣдней для этой цѣли сдѣланы дыры; въ то же время подъ затылокъ кладутъ другую подушечку изъ травы или кедровой мочалки, чтобы под-

переть шею. Эта операція производится со дня рожденія въ продолженіи восьми или двѣнадцати мѣсяцевъ, послѣ чего голова теряетъ свой естественный видъ и становится клинообразной. Передняя часть черепа вслѣдствіе сплющенія увеличивается въ вышину и пріобрѣтаетъ въ высшей степени неестественную форму (Kane, Wanderings of an artist, p. 180), какъ видно на вышеприведенномъ рисункѣ, гдѣ изображенъ искусственно изуродованный прогнатичный гипсикефальный черепъ. Онъ снятъ съ одного субъекта изъ племени сроднаго чинукамъ. Дѣти никогда не выражаютъ крикомъ безпокойства отъ упомянутой повязки, хотя вслѣдствіе сдавливанія свода глазницъ происходитъ поднятіе глазныхъ яблокъ, выступающихъ при этомъ впередъ. Напротивъ того случалось, что дѣти начинали кричать, когда развязывали ремни; и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока имъ снова не накладывали повязки. Кэнъ предполагаетъ, что отъ давленія на черепъ дѣти приходятъ въ извѣстного рода оцѣпенѣніе и становятся нечувствительными къ боли; но затѣмъ снова ощущаютъ ее при снятіи повязки. Искусственное уродованіе че-



Искусственно сплющенный черепъ индійца изъ Орегона.

репа дѣйствуетъ соотвѣтствующимъ образомъ на положеніе мозга, но тѣмъ не менѣе не нарушаетъ его органическихъ отправленій. При этомъ оно проявляется всего сильнѣе на молодыхъ субъектахъ и съ возрастомъ въ значительной степени стушевывается и выравнивается, если этому не препятствуютъ синостозы, какъ показали изслѣдованія знаменитаго фрейбургскаго анатома Алекс. Эккера, о „сколіопедіи“ (уродованіи) черепа, предпринятыя имъ на различныхъ плоскоголовыхъ черепахъ, повидимому принадлежащихъ чинукамъ или чрезвычайно близкимъ къ нимъ племенамъ. (См. Arch. f. Anthrop. Bd. IX, S. 61 — 76). Средняя емкость шести череповъ доходила до 1,366 куб. сант.; неуродованные черепа по Филипсу представляютъ сравнительно весьма незначительную разницу съ плоскоголовыми, а именно 1,323 куб. сант., вмѣсто 1,310. Отсюда можно вывести заключеніе, что объемъ мозга не подвергается особенному измѣненію отъ уродованія черепа, какъ бы оно ни было значительно (a. a. O., S. 69). Равнымъ образомъ не замѣчено, чтобы оно отзывалось на умственныхъ способностяхъ или общемъ здоровьѣ, потому что смертность чинуковъ и другихъ плоскоголовыхъ при нормальныхъ условіяхъ та-же, что и у другихъ племенъ. Они держатъ въ рабствѣ круглоголовыхъ; и плоская

Гребная лодка, крытая пальмовыми листьями, съ притоковъ Солимоеса (Амазонской рѣки).

Съ фотографіи, снятой подъ наблюденіемъ г-на Лейцингера.

сплющенная голова составляетъ даже признакъ свободнаго человѣка, такъ что чинуки въ глубинѣ души считаютъ себя выше толстоголовыхъ европейцевъ. Сплющеніе черепа не дозволяется у дѣтей, мать которыхъ принадлежитъ къ круглоголовому племени, такъ какъ сколіопедія черепа считается исключительнымъ признакомъ свободныхъ людей. Если-же мы вздумаемъ перечислить народы, у которыхъ господствуетъ уродованіе череповъ, то приходится удивляться распространенію такого, повидимому, совершенно безсмысленнаго обычая. Мы позволяемъ себѣ по этому поводу привести слова Плосса, который находитъ, что „у культурныхъ народовъ также существуетъ своего рода искусственное уродованіе, если не головы и черепа, то груди и органовъ дыханія у женщинъ, благодаря корсетамъ. Такимъ образомъ, добавляетъ онъ, мы невольно приходимъ къ выводу, что представленіе о прекрасномъ, какъ у насъ, такъ и у менѣе цивилизованныхъ народовъ зависитъ отъ деспотизма моды и обычая“ (Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Bd. I, S. 269).

Языкъ чинуковъ настолько переполненъ звуками, не существующими ни въ какой азбукѣ, что иностранецъ не въ состояніи изучить его, а еще менѣе изобразить его письменно европейскими буквами. Вслѣдствіе этого изобрѣтенъ былъ такъ называемый чинукскій жаргонъ, родъ Lingua franca, которымъ пользуются путешествующіе купцы, а равно и различныя племена въ Орегонѣ, Вашингтонѣ, Айдаго, Монтана и на Ванкуверѣ для торговыхъ сношеній. Конструкція этого жаргона чрезвычайно проста; словарь его заключаетъ не болѣе 500 словъ, изъ которыхъ только 200 чинукскихъ; затѣмъ въ немъ до 40 французскихъ словъ, 70 англійскихъ, 40 чегалійскихъ, а остальные заимствованы изъ другихъ индійскихъ идіомовъ. Тѣмъ не менѣе изученіе подобнаго смѣшаннаго нарѣчія требуетъ извѣстной памяти, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Выраженіе: „Господь да благословитъ васъ“ переводится въ этомъ языкѣ „Clak-hoh-ah-yah“, которое произошло отъ англійскаго „Clark, how are you?“ (Какъ вы поживаете, Кларкъ?). Вѣроятно въ періодъ возникновенія правильной торговли мѣхами, который либо изъ служащихъ, присланныхъ правительствомъ, назывался Кларкомъ; краснокожіе слыша постоянно, что къ нему обращаются съ фразой: „какъ вы поживаете, Кларкъ?“ вообразили, что это всегдашнее привѣтствіе бѣлыхъ людей. Что-же касается обычаевъ этихъ индѣйцевъ, то они вообще не особенно назидательны. Примѣръ кусающихъ ихъ насѣкомыхъ повидимому внушилъ имъ убѣжденіе, что и они должны отвѣчать имъ тѣмъ же способомъ, такъ какъ, поймавъ на себѣ насѣкомое, они раскусываютъ его. Друзья взаимнымъ кусаніемъ выражаютъ свою привязанность. Мужчины зимой носятъ рубашку изъ мѣха выхухоля; лѣтомъ они ходятъ совершенно нагіе. Женщины зимой одѣваются также, какъ и мужчины; лѣтомъ же носятъ поясъ, къ которому придѣлана бахрома, доходящая до колѣнъ, или рядъ шнурковъ. Ихъ крайняя неопрятность выражается въ своеобразномъ изготовленіи одного лакомства, которое бѣлые прозвали въ насмѣшку „оливками чинуковъ“, а именно, они кладутъ въ яму по близости хижины нѣсколько пригоршней желудей, прикрываютъ тонкимъ слоемъ листьевъ и землей на 15 куб. сант. Затѣмъ каждый членъ семьи добросовѣстно справляетъ свои естественныя нужды на этомъ мѣстѣ; черезъ пять мѣсяцевъ желуди считаются готовыми къ употребленію и чинуки съ наслажденіемъ съѣдаютъ ихъ. (Kane, Wanderings of an artist, S. 187). Способъ добыванія огня у плоскоголовыхъ, какъ почти у всѣхъ жителей Новаго Свѣта, ничѣмъ не отличается отъ того, какой принятъ у австралійцевъ. Изъ прежняго оружія Кэнъ видѣлъ у чинуковъ только лукъ и стрѣлы. Лодки ихъ одно-деревки, выдолбленныя огнемъ изъ кедроваго ствола; ихъ полируютъ съ помощью каменнаго топора. Достойно замѣчанія, что многіе изъ орегонскихъ народовъ и между прочимъ чинуки въ высшей степени увлекаются азартными играми. Наиболѣе употребительная игра такъ же проста, какъ и всѣ остальныя

берутъ два кусочка дерева толщиной въ гусиное перо и въ $3^3/_4$ куб. сант. длины; изъ нихъ одинъ обвитъ проволокой. Игрокъ долженъ отгадать, въ которомъ изъ сжатыхъ кулаковъ его партнера находится тотъ или другой кусокъ дерева. Но, такъ какъ наши азартныя игры не остроумнѣе этой, то мы не должны удивляться, что чинукъ проводитъ за нею дни и ночи, пока не проиграетъ все свое состояніе и подъ конецъ жену. Правила игры допускаютъ обманъ, но если послѣдній открытъ, то наказаніе заключается только въ насмѣшкахъ. Вожди приписываютъ смерть своихъ сыновей дурному глазу и стараются оградить себя отъ этого зловреднаго вліянія человѣческой жертвой, для чего обыкновенно избирается личность, наиболѣе близкая покойнику. Впрочемъ чинуки почти совершенно вымерли въ настоящее время; въ 1873 году оставалась только небольшая шайка въ 250 душъ на участкѣ Чегалисѣ, въ Вашингтонской территоріи. Но къ югу отъ устья р. Колумбіи къ чинукской семьѣ принадлежатъ: катламаты, клэтсопы или кластопы (между рѣкой Коулицъ и Великимъ океаномъ), а также другіе менѣе значительные народы.

Калапуйа или каллапутосы, заключенные въ тѣсномъ пространствѣ между Тлатсканаи и Умпква, живутъ у рѣки Уилламета, выше водопадовъ до самого Уайлапту. Теперь они почти совершенно исчезли; въ 1866 году ихъ было еще до 1,144 душъ; 10 лѣтъ спустя ихъ оказалось всего 24 человѣка!

Яконы (Yakones), или южные килламуки, живутъ на морскомъ берегу и отдѣляютъ племена умпква отъ моря. Они рѣзко отличаются отъ собственно такъ называемыхъ килламуковъ, принадлежащихъ къ семьѣ „селишъ“, о которыхъ было упомянуто выше.

Описанныя нами группы индійской народности далеко не представляютъ собой исключительныхъ обитателей Вашингтона и Орегона, такъ какъ въ ихъ владѣніяхъ встрѣчаются отдѣльныя, совершенно чуждыя имъ племена, хотя въ настоящее время довольно малочисленныя. Они говорятъ на атапаскскихъ діалектахъ, и, въ противоположность главной массѣ „чиппевеевъ“, живущихъ къ востоку отъ Скалистыхъ горъ, ихъ можно обозначить общимъ названіемъ—

Западныхъ атапасковъ. Сюда принадлежатъ: квальгіоква (Qualquioqua или Kwalchjokwa) живущіе въ горной полосѣ территоріи Вашингтона, по сосѣдству съ чинуками, къ сѣверу отъ устья рѣки Колумбіи, а именно, между этой послѣдней и рѣкой Чегалисъ; тлатсканаи — на югѣ нижней Колумбіи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря; умпква (Umkwa)—на рѣкѣ того-же имени, не доходя до моря, число которыхъ въ 1876 году доходило всего до 175 душъ; и наконецъ гупаги (Hoopah) въ числѣ 304 индивидовъ, которыхъ можно назвать „южными атапасками“, такъ какъ занимаемая ими область лежитъ уже въ сѣверной Калифорніи, подъ 41° с. ш., немного выше того мѣста, гдѣ рѣка Сакраменто, направляясь къ югу, образуетъ большой изгибъ. Новѣйшія изслѣдованія показали, что эти атапаски гораздо болѣе распространены къ югу, нежели это предполагали до сихъ поръ. Стефенъ Поуэрсъ, которому мы обязаны первымъ вполнѣ основательнымъ трудомъ по калифорнской этнологіи (Contributions to North american Ethnology. Vol. III, Washington 1877), держится того мнѣнія, что атапаскскія племена одно за другимъ проникали въ

Калифорнію, въ качествѣ завоевателей, и что кромѣ гупаговъ къ атапаскамъ принадлежатъ индійцы шаста, модокъ и т. п. Эти народы отличаются несравненно болѣе воинственнымъ характеромъ, нежели природные калифорнцы, и занимаютъ весь бассейнъ р. Смитъ, затѣмъ верхняго Кламата до Хеппи-Кэмпа; отсюда ихъ граница простирается къ югу до Скоттберга, затѣмъ отъ истоковъ рѣки Скоттъ черезъ Шастабергъ до южной оконечности Гусинаго озера. Равнымъ образомъ, они владѣютъ на всемъ протяженіи рѣкой Тринити, Соусъ-Форкомъ, рѣками: Иль, Мэдъ и Редвудъ до самаго устья; кромѣ того вѣтвь ихъ, а именно уайлакки, простирается отъ Тринити, Соусъ-Форкъ, черезъ Костъ-Ренджъ, до Шаста. Слѣдовательно индійцы хе-наг-ги у рѣки Смитъ, тол-о-ва на берегу и татенъ вокругъ Крешчентъ-сити (всего въ числѣ 35 душъ), принадлежатъ къ гупагамъ, съ которыми они очень близки по языку и даже характеру, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей—воинственныхъ тол-о-ва. Сюда же слѣдуетъ отнести вайлакковъ, которые опять-таки распадаются на отдѣльные кланы съ особыми именами и считаются крайне тупыми и неспособными къ развитію; самое названіе „кламаты" безразлично примѣняется къ гупагамъ, шаста и модокамъ. Наконецъ, нѣкоторые народы, принадлежавшіе первоначально къ туземцамъ Калифорніи, превратились мало помалу въ атапасковъ, т. е. окончательно слились съ ними, а именно съ гупагами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ этихъ западныхъ атапаскскихъ племенъ наиболѣе заслуживаютъ вниманіе гупаги, а между ними кламаты на озерѣ и рѣкѣ того-же имени, тламатль и неправильно называемые лутуами, которые на своемъ языкѣ называютъ себя окши. На одинаковомъ діалектѣ съ ними говорятъ модоки или моадоки (по туземному выговору), называющіе себя „ок-ков-иш"'ами, что само по себѣ могло бы вполнѣ служить для опредѣленія ихъ этнологическаго положенія; но по скуднымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Пауерсомъ, языкъ ихъ представляетъ созвучіе съ идіомомъ селишей, хотя это еще не даетъ намъ права причислить ихъ къ селишамъ. Эти модоки, нѣкогда наводившіе ужасъ на своихъ сосѣдей, надѣлали не мало хлопотъ правительству Соединенныхъ Штатовъ во время кровопролитной войны 1873 года. (См. Ausland 1873, S. 487—491). По описаніямъ американцевъ, далеко не заслуживающимъ довѣрія, модоки представляютъ собой наиболѣе дикое и необузданное изъ индійскихъ племенъ Орегона и, вдобавокъ, самое многочисленное. Въ одномъ оффиціальномъ донесеніи сказано, что число воиновъ у кламатовъ и модоковъ доходило въ 1864 году до 1,400 человѣкъ. Но д-ръ Робертъ Браунъ относится весьма критически къ этой цифрѣ и полагаетъ, что въ упомянутой модокской войнѣ участвовало не болѣе 300 кламатскихъ воиновъ и 40 модоскихъ (Ocean Highways 1874, p. 101—102). Тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что они пользовались дурной славой за свое вѣроломство, хитрость и жестокость. Они большею частью являлись верхами на индійскихъ пони, были искусные стрѣлки, дѣятельные и не лишенные мужества; при этомъ всѣ были вооружены спенсеровскими винтовками, револьверами и ножами для скальпированія. Любопытно, что оружіемъ снабдило ихъ заботливое Вашингтонское правительство „для охоты за буйволами", хотя къ западу отъ Скалистыхъ горъ вовсе нѣтъ буйволовъ. Остатки побѣжденныхъ модоковъ въ

числѣ 39 мужчинъ, 53 женщинъ и 60 дѣтей,—всего около 152 субъектовъ, были выселены въ территорію Индіана, въ недалекомъ разстояніи отъ границы Миссури у Квапау. По извѣстіямъ 1877 года, мѣстныя климатическія условія оказали на нихъ въ высшей степени вредное вліяніе; но такъ какъ на отведенныхъ имъ участкахъ не было ни одного доктора, то всякая даже простая болѣзнь, какъ напримѣръ коклюшъ, становилась для нихъ смертельной. Такимъ образомъ, черезъ три года со времени ихъ переселенія осталось всего 58 человѣкъ, и слѣдовательно вымерло болѣе трети (Globus, Bd. XXXI, S. 32).

ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНАГО СКЛОНА СКАЛИСТЫХЪ ГОРЪ.

Начиная обзоръ новой группы племенъ, считаю долгомъ предупредить читателей, что выбранное для нихъ заглавіе не совсѣмъ точно, такъ какъ я не имѣю въ виду описать всѣхъ нынѣшнихъ индійцевъ, живущихъ къ востоку отъ Скалистыхъ горъ, на почвѣ Британской Сѣверной Америки и Соединенныхъ Штатовъ, но долженъ предварительно исключить тѣхъ изъ нихъ, которые занимаютъ юговосточную плоскую возвышенность. При этомъ нужно замѣтить, что Скалистыя горы сами по себѣ не составляютъ границы для этнологическаго дѣленія народовъ.

Колоссальное пространство земли между Скалистыми горами и Атлантическимъ океаномъ, эта область прерій и большихъ озеръ, орошаемая гигантской рѣкой Мисиссипи и ея притоками, представляетъ собой замкнутое цѣлое, имѣющее между собой непосредственную связь. Однообразный типъ низменности является преобладающимъ, несмотря на цѣпи Аллеганскихъ горъ на востокѣ, которыя, при своей незначительности, не могутъ нарушить общаго характера мѣстности. Это пространство земли заключаетъ въ себѣ то, что мы обыкновенно подразумѣваемъ подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя всѣмъ извѣстно, что въ политическомъ отношеніи они имѣютъ несравненно бо̀льшее территоріальное распространеніе. Равнымъ образомъ, туземныя племена этой области собственно и составляютъ такъ называемыхъ „краснокожихъ", и мы преимущественно имѣемъ ихъ въ виду, когда рѣчь идетъ объ „индійцахъ Соединенныхъ Штатовъ". Хотя подобное обобщеніе не имѣетъ въ сущности никакого этнологическаго значенія, но я все-таки соединяю всѣхъ этихъ индійцевъ въ одну группу, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время они въ бо̀льшей или меньшей степени должны подчиниться одинаковымъ условіямъ жизни. На почвѣ, нѣкогда принадлежавшей имъ, возникъ перенесенный изъ Европы новый культурный міръ англосаксовъ, которые воздвигли здѣсь на началахъ свободы горделивое государствен-

ное зданіе, гдѣ нѣтъ пристанища для краснокожаго человѣка. Годами тянулась жестокая кровавая борьба, пока у него не отняли землю; и онъ, ограбленный, подвергся общей участи побѣжденныхъ. Въ настоящее время на огромномъ пространствѣ разсѣяны различныя, но весьма малочисленные индійскія племена, которыя къ сѣверу простираютъ свои набѣги до границъ ближайшихъ эскимосскихъ владѣній. Численность отдѣльныхъ шаекъ и племенъ весьма различна, и всѣ они носятъ особыя названія; но здѣсь по крайней мѣрѣ удалось до нѣкоторой степени ввести извѣстную систему среди господствовавшаго хаоса. Всѣ эти сѣверные и восточные индійцы могутъ быть раздѣлены по языку на нѣсколько большихъ семействъ; мы разсмотримъ ихъ послѣдовательно одно за другимъ, подвигаясь съ сѣвера на югъ. Изъ нихъ всего сѣвернѣе живутъ

Атапаски, которые занимаютъ наибольшія пространства, такъ какъ они разсѣяны на длинной полосѣ земли между индійскими племенами Кенаевъ и эскимосами у сѣвернаго Ледовитаго моря. Они простираются, такимъ образомъ, отъ Юкона на западѣ по всему сѣверу британской Америки, и на востокъ до впаденія р. Чёрчиля въ Гудзоновъ заливъ. Кирби насчитываетъ ихъ до 32,000 душъ, и говоритъ, что они распадаются на многочисленныя племена. По лингвистическимъ изслѣдованіямъ Бушмана (Der athapaskische Sprachstamm, in den Abhdlgn. d. phil. hist. Klasse d. k. Akad. d. Wiss. Berlin, 1856 S. 149 — 319), мы кромѣ того должны отличать западную и южную группу атапаскской семьи, такъ какъ этотъ ученый доказалъ, что на атапаскскомъ нарѣчіи говорятъ индійскіе племена Орегона и Калифорніи, отдѣленныя отъ сѣверныхъ атапасковъ огромными пространствами земли, а также индійцы въ Новой Мексикѣ и Аризонѣ. Съ одной изъ этихъ группъ, а именно западной, мы познакомились въ предъидущей главѣ. По свидѣтельству Бушмана, племя атапасковъ въ смыслѣ народности и языка распадается на четыре отдѣла: 1) собственно атапаски или чиппевеи; 2) разсѣянные между народами Орегона и Калифорніи и слѣдовательно отдѣленные пространствомъ отъ чиппевеевъ квальхіока (kwalehjokwa) совмѣстно съ тлатсканаями, гупагами и ихъ родичами; 3) отдѣленные равнымъ образомъ отъ главнаго племени апачи, навахосъ и липанесъ, и 4) кенаи, которыхъ я, по примѣру Ф. Миллера и Пешеля, отдѣляю отъ атапасковъ, въ виду ихъ самобытности. При дальнѣйшемъ изложеніи мы обратимъ особенное вниманіе на сѣверную отрасль атапасковъ и исключительно займемся ею. (См. о нихъ подробнѣе въ Annual Report of the Board of regents of the Smithsonian Institution. Washington, 1867, S. 303—327).

Сосѣдній народъ, индійцы „кри“, называютъ главное племя атапасковъ „чиппевеями“; этому-же примѣру слѣдуетъ большинство англійскихъ писателей, что служитъ поводомъ къ весьма непріятнымъ недоразумѣніемъ, такъ

какъ чиппевеевъ смѣшиваютъ съ однимъ алгонкинскимъ племенемъ, почти схожимъ съ ними по названію, а именно чиппевами (chippeways), которыхъ, впрочемъ, еще чаще называютъ одчибвейсами. Слово „чиппевеи", правильнѣе „чипваянауоки", означаетъ „мѣховые хвосты", такъ что это прозвище могло произойдти отъ обычнаго покроя одежды кенаевъ съ висячими острыми концами сзади и спереди. По свидѣтельству новѣйшаго изслѣдователя, аббата Петито, который прожилъ двѣнадцать лѣтъ среди атапасковъ въ качествѣ миссіонера, всѣ названія, какъ, напр., атапаски, чиппевеи, монтаньяры, тиннеги и проч., совершенно произвольныя и служатъ только для обозначенія отдѣльныхъ отраслей семьи, которую онъ, по ея сѣвернымъ и южнымъ представителямъ, называетъ „Deneh-Dindschieh". Настоящее прозвище этихъ индійцевъ въ буквальномъ переводѣ означаетъ „человѣкъ" и разнится по нарѣчіямъ отдѣльныхъ племенъ, какъ: deneh, dineh, adeneh dimeh, adöneh, duaïneh, dindschieh, dindchick (Congrès international des Américanistes. Compte—rendu de la première session. Nancy 1875, Vol. II, p. 13), такъ что изъ этого множества названій трудно выбрать одну общую, одинаково пригодную форму. До сихъ поръ прозвище, придуманное Петито „Deneh-Dindschieh" не могло вытѣснить менѣе точнаго названія „атапаски", получившаго права гражданства, вслѣдствіи чего я и буду придерживаться послѣдняго. Петито, на основаніи лингвистическихъ соображеній, дѣлитъ атапасковъ на четыре группы: монтанье, монтаньяровъ индійцевъ-невольниковъ и косоглазыхъ (loucheux). Нравы и обычаи у всѣхъ совершенно одинаковые.

Атапаски по своему типу рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей эскимосовъ, но съ другой стороны, чрезвычайно похожи на остальныхъ болѣе южныхъ индійцевъ сѣверной Америки. Хотя отдѣльныя племена представляютъ между собой значительныя различія, тѣмъ не менѣе Петито (въ своей „этногр. монографіи", изданной еще до появленія въ свѣтъ его „Dictionnaire de la langue Dènè — Dindjié, dialectes montagnais ou chippewayan, peaux de lièvre et Loucheux, Paris 1876) представилъ общее описаніе атапасковъ. Къ сожалѣнію, французскій миссіонеръ не знакомъ съ антропологіей и поэтому нарисованная имъ картина не основана на измѣреніяхъ и не представляетъ положительныхъ данныхъ. Въ новѣйшее время Петито сдѣлалъ между прочимъ важное открытіе, что чиппевеи точно также искусственно уродуютъ черепа новорожденныхъ, съ тою разницей, что не сплющиваютъ ихъ по общему обычаю, а напротивъ, стараются по возможности придать имъ круглую форму. Операція производится безъ всякаго механическаго приспособленія, посредствомъ ежедневнаго сдавливанія мягкихъ костей черепа руками матери, которая заботливо старается сгладить всякую естественную выпуклость головы (Bulletin de la Soc. de géograph. de Paris 1880, Bd. XIX, p. 368). Атапасскій черепъ вѣроятно отъ природы доликефальный. Онъ достигаетъ наибольшей ширины между скуловыми костями; лобъ высокій, уходящій назадъ, коническій, сжатый у висковъ и образующій сверху округленную выпуклость. Надбровныя дуги сильно развиты и приподняты; глаза большіе, черные, блестящіе, съ „змѣеподобнымъ" выраженіемъ. Носъ въ профиль имѣетъ орлиную форму и нѣсколько приплюснутый спереди; носовая перего-

родка выдается впередъ и именно у „косоглазыхъ“ (loucheux), которые носятъ въ ней лебединую кость. Ротъ широкій, съ небольшими красивыми зубами; верхняя губа больше нижней, а именно у горныхъ жителей, лицо которыхъ напоминаетъ хищныхъ птицъ; подбородокъ острый, длинный у однихъ индивидовъ и отступающій назадъ—у другихъ. Волоса черные и жесткіе, висятъ длинными прядями надъ лбомъ и вдоль плечъ. Цвѣтъ кожи не одинаковъ у различныхъ племенъ. Самый свѣтлый оттѣнокъ никогда не достигаетъ бѣлизны европейской кожи, но всегда съ примѣсью темнаго пигмента. Тѣло у атапасковъ мускулистое. Они высокаго роста, хорошо сложены и вообще не склонны къ отучнѣнію. Горбатые, хромые и увѣчные составляютъ небывалое явленіе. До прибытія европейцевъ, здѣсь не знали другихъ болѣзней кромѣ пораженія слизистыхъ оболочекъ, офтальміи и глухоты; но косоглазіе сильно распространено и составляетъ такой-же наслѣдственный и общій недостатокъ, какъ заиканіе у „собачьихъ реберъ“... Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя Петито. Генералъ-маіору Лефруа мы обязаны болѣе или менѣе точными измѣреніями роста, которыя онъ произвелъ надъ 33 индійцами чиппеваями въ 1843 году. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ имѣли не менѣе 1,69 м., а ростъ одной женщины доходилъ до 1,73 м. высоты (Journal of the Ethnological Society 1870, S. 44—45). Между тѣмъ одинъ изъ прежнихъ путешественниковъ, Александръ Мэкензи, находитъ, что ростъ этого племени не представляетъ ничего замѣчательнаго. По его словамъ, чиппевеи большею частью худощавы, хотя достигаютъ иногда извѣстнаго дородства. Дѣти и молодыя женщины нерѣдко отличаются значительной толщиной; старухи, наоборотъ, худощавы. У нихъ темный цвѣтъ кожи и грубыя черты лица. Волосы мягкіе, не всегда черные, и въ глазахъ нѣтъ проницательности, которая придаетъ такую живость физіономіи индійцевъ. Женщины имѣютъ болѣе привѣтливый видъ, нежели мужчины (Mackensies Reisen von Montreal durch Nordwestamerika nach dem Eismeer und der Südsee. Aus dem Englischen. Hamburg 1802, S. 135). По словамъ Джона Ши, атапасковъ легко отличить отъ представителей другихъ семействъ, такъ какъ у нихъ четыреугольная массивная форма черепа, короткія руки и ноги и необыкновенно богатая растительность бороды, несвойственная остальнымъ индійцамъ. Чиппевеи носятъ крайне некрасивые бакенбарды и остроконечные пучки волосъ на подбородкѣ. Ноздри большія; лицо въ большинствѣ случаевъ производитъ отталкивающее впечатлѣніе, хотя иногда встрѣчаются красивые глаза. Мейгсъ нашелъ только одинъ атапаскскій черепъ въ богатомъ собраніи череповъ Academy of Natural Sciences въ Филадельфіи и, вдобавокъ, принадлежащій весьма отдаленному племени, такъ что изученіе его не могло привести ни къ какимъ дальнѣйшимъ выводамъ (Meigs Observations upon the cranial forms of

the american aborigines, S. 14). Даже Вирховъ, который изслѣдовалъ бо́льшее количество череповъ различныхъ народовъ, нежели любой изъ нынѣшнихъ краніологовъ, повидимому никогда не встрѣчалъ атапаскскаго черепа.

Аббатъ Петито и другіе изслѣдователи находятъ много темныхъ сторонъ въ характерѣ атапасковъ. Англійскій миссіонеръ Кирби, который преимущественно изучалъ „косоглазыхъ“, самое дикое и жестокое изъ всѣхъ атапаскскихъ племенъ, называетъ ихъ отъявленными лгунами. То же утверждаетъ Петито относительно атапасковъ вообще, и кромѣ того обвиняетъ ихъ въ жестокости къ женщинамъ, старикамъ и немощнымъ, въ излишней снисходительности къ дѣтямъ, въ трусости, лѣни и эгоизмѣ. Онъ называетъ ихъ неопрятными и негостепріимными, между тѣмъ какъ Кирби восхваляетъ „косоглазыхъ“ за радушный пріемъ, который они оказываютъ каждому, кто вздумаетъ посѣтить ихъ лагерь. Но при этомъ, по свидѣтельству того же Кирби, они кровожадны, вѣроломны, завистливы, надменны, самодовольны и только сравнительно честны, т. е. не грабятъ по близости фортовъ и не похищаютъ имущества бѣлыхъ, хотя не рѣдко крадутъ шубы у индійцевъ, живущихъ на далекомъ разстояніи отъ нихъ (Ausland 1863, S. 579). Остальные атапаски въ нравственномъ отношеніи во всякомъ случаѣ стоятъ выше своихъ сосѣдей, „косоглазыхъ“, или по крайней мѣрѣ упомянутые недостатки выражаются у нихъ не въ такой рѣзкой формѣ. Петито, перечисляя ихъ добродѣтели, ставитъ на первомъ планѣ снисходительность къ ближнему; они избѣгаютъ оскорбить кого бы то ни было дурнымъ обращеніемъ, никому не противорѣчатъ открыто и „слѣдуютъ законамъ природы“. Они вѣрно соблюдаютъ обычаи своихъ предковъ, разумно и сдержанно обходятся съ чужеземцами; вообще отличаются умѣренностью и чувствуютъ отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ; неутомимы и терпѣливо выносятъ страданія. Воровство, месть и убійства у нихъ совершенно неизвѣстны. Они откровенны съ тѣми, къ кому чувствуютъ довѣріе, и вообще въ сношеніяхъ съ людьми остаются всю жизнь такими-же простодушными, какъ дѣти. Мэкензи, въ виду трусливости чиппевеевъ, описываетъ ихъ какъ самое миролюбивое племя, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ индійцевъ Сѣверной Америки (Reisen von Montreal durch Nordamerika, S. 139). Они не отличаются большими умственными дарованіями. Ихъ способность къ счисленію весьма ограничена, такъ что въ этомъ отношеніи они склонны къ преувеличеніямъ и ошибкамъ. Они не знаютъ, сколько имъ лѣтъ, и не въ состояніи опредѣлить возраста ихъ дѣтей, когда послѣднимъ исполнится три или четыре года. Они считаютъ по пальцамъ, причемъ, когда переберутъ пальцы одной руки, продолжаютъ счетъ по другой. Лѣтосчисленіе не превышаетъ продолжительности одного года. Животные инстинкты, напротивъ того, сильно развиты; у нихъ превосходная память мѣст-

ности; зоркость глаза равняется соколиной, обонянiе необыкновенно тонкое, но вкусъ и слухъ развиты плохо. Между ними нѣтъ идiотовъ, но они часто страдаютъ галлюцинацiями, и у отдѣльныхъ субъектовъ нерѣдко проявляется необыкновенная раздражительность нервной системы, которая передается окружающимъ, съ быстротою заразы переходитъ отъ племени къ племени и побуждаетъ пораженныхъ ею субъектовъ къ самымъ безумнымъ поступкамъ.

Такъ, напримѣръ, ежегодно въ лѣтнее время всѣми овладѣваетъ эпидемическое чувство страха, обращаетъ ихъ въ трусовъ и заставляетъ трепетать передъ воображаемымъ непрiятелямъ. Петито приписываетъ этого рода аффектамъ случаи людоѣдства, которые въ былыя времена встрѣчались у атапасковъ; голодъ и боязнь смерти побуждали ихъ пожирать другъ друга. Это наблюденiе французскаго аббата въ высшей степени важно и можетъ быть оцѣненено надлежащимъ образомъ только въ связи съ подобными же явленiями у культурныхъ европейскихъ народовъ. Манiя къ дикимъ танцамъ и самобичеванiю, преслѣдованiе вѣдьмъ и вызыванiе чертей въ среднiе вѣка, равно и аналогичное имъ постукиванiе духовъ спиритизма въ новѣйшее время, несомнѣнно представляютъ собою народныя болѣзни въ родѣ характерной психической заразы. Въ виду этого, для насъ въ высшей степени любопытно познакомиться съ подобнымъ же явленiемъ у одного изъ первобытныхъ народовъ настоящаго времени. Всѣмъ извѣстно, что безумiе можетъ переходить отъ одного субъекта къ другому, вслѣдствiе психическаго зараженiя (A. Völkel in der Gäa, 1876, S. 42). Впослѣдствiи намъ прiйдется не разъ вернуться къ этому явленiю, такъ какъ мы неизбѣжно должны прiйдти къ заключенiю, что подобныя повидимому необъяснимыя психическiя болѣзни культурныхъ нацiй ни въ какомъ случаѣ не составляютъ нѣчто отдѣльное и исключительное, а скорѣе должны быть разсматриваемы какъ обще-человѣческое явленiе.

Всѣ атапаски кочевники; они преимущественно занимаются охотой и рыбной ловлей; сообразно съ этимъ сложились ихъ нравы и образъ жизни. Они питаются мясомъ оленя, лося, мускуснаго быка, горной овцы Скалистыхъ горъ, бобра и выхухоля. Куницы, зайцы и лисицы ловятся капканами; атапаски сбываютъ ихъ шкуры въ торговыхъ постахъ „компанiи Гудзонова залива“ и получаютъ въ обмѣнъ оружiе, боевые припасы, сѣти для ловли рыбы, оружiе и пр. Торговля мѣхами побуждаетъ индiйцевъ къ частому посѣщенiю постовъ компанiи; они пробираются сюда небольшими шайками, зимой на лыжахъ, а весной и лѣтомъ въ лодкахъ и на плотахъ. Племя „крысьихъ индiйцевъ“ живетъ по близости форта Юкона; это безвредные и услужливые люди, которые нерѣдко распространяютъ свои торговыя поѣздки къ эскимосскимъ племенамъ, живущимъ на морскомъ побережьи. Для этихъ путешествiй они употребляютъ сани самаго первобытнаго устройства, которыя состоятъ изъ простой доски, переднiй конецъ которой, нагрѣтый паромъ, загнутъ кверху и удерживается въ этомъ положенiи съ помощью ремней.

Жилищемъ для атапасковъ служатъ палатки изъ лосьихъ и оленьихъ шкуръ, конической или полукруглой формы, называемыя, сообразно различнымъ дiалектамъ: „nanbali“, „nivia“ или „etschiedeh“. Онѣ строятся изъ

кольевъ съ отверстіемъ на верху для выхода дыма. Внутри жилища на подставкѣ изъ вѣтвей разложены старыя одежды изъ оленьихъ, лосьихъ и бизоновыхъ шкуръ; эта подставка служитъ одновременно столомъ и постелью. Кромѣ бѣлаго или желтаго мѣховаго кителя („i" или „ig"), окаймленнаго бахромой и кусочками металловъ, атапаски носятъ еще панталоны („kla'i"), которыя богато разукрашены и пришиты къ сапогамъ. Подобные панталоны носятъ и мужчины, и женщины. Верхнее платье женщинъ очень коротко и въ изобиліи убрано бахрамой, погремушками и шерстяными тряпками. При этомъ въ одеждѣ различныхъ племенъ замѣчается нѣкоторая разница. Кирби указываетъ, какъ на существенное отличіе между одеждой мужчинъ и женщинъ у „косоглазыхъ", что верхнее кожанное платье женщинъ немного длиннѣе и спереди имѣетъ округленную, а не продолговатую форму, и богаче украшено бусами и раковинами „haiaqua". По словамъ Мэккензи, который путешествовалъ въ Сѣверной Америкѣ отъ 1789 до 1793 года и доѣхалъ до Ледовитаго океана по рѣкѣ, названной его именемъ,—у племени чиппевеевъ женская одежда рѣзко отличается отъ мужской. „Чулки у женщинъ привязаны къ ногамъ ниже колѣнъ; ихъ широкія куртки, или рубашки, висятъ до щиколки ногъ и ихъ, по желанію, подвязываютъ вокругъ тѣла поясомъ. У тѣхъ, которыя имѣютъ дѣтей, одежда очень широка у плечъ, такъ какъ онѣ носятъ дѣтей на голой спинѣ" (Mackenzies Reisen von Montreal durch Nordwestamerika, S. 137), напоминая этимъ сосѣднихъ эскимосовъ, у которыхъ существуетъ подобный же обычай. Одежда у обоего пола одиночная или двойная; зимой ее носятъ всегда наизнанку, т. е. шерстью внутрь. Но, такъ какъ, по общимъ показаніямъ, платье здѣсь никогда не мѣняютъ и носятъ до тѣхъ поръ, пока оно не развалится на тѣлѣ, то доблестнымъ индійцамъ приходится сильно страдать отъ множества насѣкомыхъ. По свидѣтельству Вимпера, племена „косоглазыхъ" у нижняго теченія Юкона одѣты беднѣе и имѣютъ болѣе жалкій видъ, нежели ихъ родичи, живущіе у верховьевъ рѣки, которые отличаются бо́льшею чистоплотностью и ведутъ лучшій образъ жизни. Татуировка въ общемъ употребленіи, но ограничивается немногими и небольшими параллельными черточками, которыя, по словамъ Мэккензи, наводятся лицами обоего пола на подбородкѣ, углахъ рта и скуловыхъ костяхъ, между тѣмъ, какъ Кирби и Петито утверждаютъ, что татуировка встрѣчается у женщинъ. Племя „монтанье", по свидѣтельству Петито, отбросило всѣ эти обычаи и старую туземную одежду; и приняло европейское платье. Индійскія племена въ Скалистыхъ горахъ сохранили всего болѣе свою первобытность, но и у нихъ выводится обычай прокалыванія носового хряща, какъ это видѣлъ Кирби у „косоглазыхъ" въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Равнымъ образомъ, у горныхъ индійцевъ весьма распространенъ обычай выбриванія макушки головы; въ былыя времена атапаски носили посреди головы проборъ, такъ что ихъ длинные волосы висѣли по сторонамъ; теперь это дѣлаютъ только старики, молодые же стригутъ ихъ по европейски. Мы также стали бы напрасно отыскивать въ долинѣ р. Мэккензи маски, употреблявшіяся прежде въ играхъ, хотя онѣ встрѣчаются еще довольно часто въ Аляскѣ и Британской Колумбіи. Лукъ и стрѣлы, которые еще во времена Мэккензи были во всеобщемъ употребленіи, равнымъ образомъ вытѣснены европейскимъ ружьемъ.

Вездѣ, гдѣ атапаскъ раскинетъ свою палатку, онъ чувствуетъ себя дома; ему нѣтъ никакого дѣла до территоріальныхъ вопросовъ, до правъ на охоту и рыбную ловлю; онъ странствуетъ, гдѣ ему вздумается,—располагается лагеремъ, гдѣ находитъ удобнымъ, ѣстъ насколько возможно, но всегда съ хорошимъ апетитомъ, и спитъ сколько душѣ угодно. Палатка, ружье, котелокъ и сани для переѣзда составляютъ все его имущество. Одни только „косоглазые" копятъ богатства и ведутъ систематически мѣновую торговлю. То и другое имѣетъ для нихъ важное значеніе. Главнымъ средствомъ обмѣна слу-

жать у нихъ раковины „haiaqua“ и стеклянныя бусы, введенныя „компаніей“. Человѣкъ, владѣющій наибольшимъ количествомъ бусъ, считается самымъ богатымъ. У нихъ также, какъ и у насъ, есть свои „милліонеры“ и абсолютные бѣдняки; между первыми встрѣчаются скряги, которые прячутъ свои сокровища, особенно стеклянныя бусы. Мы не должны удивляться тому, что находятся люди, которые считаютъ нужнымъ прятать стеклянныя бусы, потому что краснокожіе на томъ же основаніи могли бы удивляться, что у насъ нѣкогда зарывали въ землю слитки золота. Одно равносильно другому; деньги остаются деньгами, являются ли онѣ подъ видомъ бусъ, или чеканеннаго металла.

Атапаскъ отличается положительностью во всемъ, что касается его земного существованія. Поэзія совершенно чужда ему. Онъ прежде всего желаетъ жить, какъ можно удобнѣе, и это главная цѣль его жизни. Тѣмъ не менѣе, онъ не ропщетъ на мерзлую безплодную почву своей родины, холодный климатъ, длинныя зимнія ночи и на скудную пищу. Если во время дороги у него истощились съѣстные запасы, то онъ прорубаетъ ледъ въ рѣкѣ или озерѣ, гдѣ всегда богатый запасъ рыбы, ловитъ щуку или форель, вырываетъ глаза и съѣдаетъ, какъ величайшее лакомство. Если это оказывается недостаточнымъ для утоленія его голода, то онъ съѣдаетъ и мясо, сырьемъ, хотя вообще предпочитаетъ изготовленную рыбу или, по крайней мѣрѣ, высушенную на солнцѣ. Если въ его палаткѣ избытокъ съѣстныхъ запасовъ, то онъ проводитъ время въ ѣдѣ, куреньи и снѣ, хотя почти никогда не истребляетъ всей своей охотничьей добычи. Несмотря на то, что атапаски считаются самыми предусмотрительными изъ всѣхъ индійцевъ Сѣверной Америки, они часто терпятъ большую нужду, особенно зимой, при плохой охотѣ и рыбной ловлѣ. Въ этихъ случаяхъ они соскабливаютъ со скалъ одинъ видъ ягелей „Theh-tsin“ (sticta pulmonaria) и приготовляютъ изъ него питательный студень. Этимъ снадобьемъ, извѣстнымъ также подъ именемъ „tripe de roche“, пытались утолить свои голодные желудки спутники Франклина во время сухопутной экспедиціи 1821 года въ этой же области сѣверной Америки.

Хотя удовольствія этихъ индійцевъ крайне ограниченны, но они счастливы по своему. Они очень воспріимчивы къ музыкѣ; ихъ пѣсни, по отзыву Петито, не лишены извѣстной гармоніи; между тѣмъ, какъ Мэккензи находитъ, что ихъ музыка, такъ негармонична, танцы настолько неуклюжи, что они должны были бы стыдиться ихъ. Кромѣ того, атапаски стрѣляютъ въ цѣль и имѣютъ различныя игры, изъ которыхъ одна, называемая „udzi“, напоминаетъ итальянскую „morra“. Но они предпочитаютъ сонъ всѣмъ этимъ удовольствіямъ и проводятъ большую часть времени въ добываніи пищи и необходимомъ послѣ этого отдыхѣ.

Женщины такъ же равнодушно относятся къ удовольствіямъ, какъ и мужчины. Онѣ такъ же плодовиты, какъ ирландки, отличаются рабскимъ терпѣніемъ, родятъ легко безъ посторонней помощи и работаютъ до момента наступленія родовъ. Матери, по свидѣтельству Мэккензи, придерживаются довольно страннаго обычая: онѣ отрѣзаютъ кусочекъ отъ funiculus umbilicalis новорожденнаго ребенка и, украсивъ его иглами дикобраза и бусами, вѣшаютъ себѣ на шею. Считаю нелишнимъ упомянуть кстати о глубокомъ значеніи, которое связано съ этой частицей зародыша, по мнѣнію многихъ даже весьма культурныхъ народовъ, что повидимому сохранилось и до сихъ поръ у нынѣшняго сельскаго населенія въ различныхъ деревняхъ Германіи (См. Dr. Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, Bd. I, S. 40—42). Мать у атапасковъ заботится о новорожденномъ, кормитъ его до трехъ и даже четырехъ лѣтъ, и при этомъ исполняетъ свою обычную работу: смотритъ за домашнимъ хозяйствомъ, выдѣлываетъ звѣриныя шкуры, шьетъ шубы, сушитъ дичь, раздробляетъ кости, чтобы добыть изъ нихъ мозгъ, какъ это дѣлали жи-

тели доисторическихъ пещеръ средней Европы, и вдобавокъ моетъ и шьетъ безпрерывно, до послѣдней минуты своей жизни Впрочемъ мытье во всякомъ случаѣ составляетъ нововведеніе, которое слѣдуетъ приписать вліянію европейцевъ. Женщины вполнѣ покорны своимъ мужьямъ, хотя не можетъ быть и рѣчи о супружеской любви, такъ какъ имъ вообще чужды наши понятія объ этомъ чувствѣ. Въ былыя времена относительно женщинъ здѣсь господствовалъ своего рода коммунизмъ, хоть Мэккензи говоритъ, что у чиппевеевъ между мужчинами проявляются припадки ревности, и они, по ничтожному поводу, такъ сурово обходятся съ своими женами, что иногда послѣднія умираютъ отъ подобной расправы. Женщина называется „Seha", что означаетъ въ переводѣ „моя раба", а также „sehdezeh", т. е. „моя сестра", потому, что къ ней всегда обращаются за совѣтомъ, и она вообще пользуется большимъ вліяніемъ. Но рядомъ съ этимъ сказывается глубокое презрѣніе къ женскому полу. „Косоглазые" точно такъ же нагружаютъ тяжести на своихъ женъ, какъ европейскіе крестьяне на своихъ вьючныхъ животныхъ. Чѣмъ болѣе женъ у котораго либо изъ нихъ, тѣмъ большее количество можетъ онъ тащить съ собой мяса, наколоть дровъ и переносить съ мѣста на мѣсто разное имущество. Новорожденныхъ дѣвочекъ, до прибытія миссіонеровъ, нерѣдко убивали или закидывали; отецъ продавалъ взрослую дѣвушку за одѣяло, ружье, пару собакъ или же выдавалъ замужъ, не спрашивая ея согласія. Красота женщины не играетъ никакой роли въ женитьбѣ, такъ какъ всего болѣе цѣнится ея умѣлость въ работѣ, трудолюбіе и плодовитость. Случаи развода рѣдки и совершенно зависятъ отъ произвола мужа. Строго наблюдается за тѣмъ, чтобы женщина во время менструаціи жила вдали отъ остальнаго общества.

Атапаски, какъ упомянуто выше, раздѣлены на множество маленькихъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего отдѣльнаго вождя. У „косоглазыхъ", какъ и у чиппевеевъ, существуютъ извѣстныя сословія, т. е. всѣ, безъ различія племени, дѣлятся на три степени, которыя отчасти напоминаютъ высшій, средній и низшій классы цивилизованныхъ націй, и у „косоглазыхъ" носятъ названія: „tschit-sa", „noti-sa" и a-tal-sa"; первые—самые богатые, третьи—наиболѣе бѣдные. Принято, чтобы мужчина бралъ себѣ жену не изъ своего класса, а изъ двухъ другихъ; дѣти же причисляются къ сословію матери. Дѣти не наслѣдуютъ прозвища родителей, а напротивъ, мать и отецъ послѣ рожденія старшаго сына принимаютъ его имя.

По свидѣтельству Ричардсона, атапаски „съ радостью покорились кроткому игу евангелія". Онъ утверждаетъ, что католическіе французскіе миссіонеры пользуются на сѣверо-западѣ полнымъ довѣріемъ индійцевъ и что протестантамъ не легко будетъ соперничать съ ними. Петито, съ своей стороны, приводитъ, какъ фактъ несомнѣнный, что всѣ атапаски—христіане и католики; но именно, выраженіе „всѣ" и возбуждаетъ мое недовѣріе. Весьма возможно, что христіанство благодѣтельно отразилось на нравахъ атапасковъ; но, что оно только слегка коснулось ихъ, видно изъ того, что почтенный аббатъ, при всей своей ревности къ католицизму (о которой я могъ составить себѣ понятіе изъ личнаго знакомства), самъ собщаетъ разныя подробности о нынѣшней языческой религіи своихъ духовныхъ дѣтей. По его словамъ, атапаски имѣютъ понятіе о благодѣтельномъ высшемъ существѣ, которое обозначается многочисленными именами. Сюда же относится почитаніе звѣрей; кумиры животныхъ называются, смотря по діалектамъ: „Elkinsi", „Ellone" и „Allonon". Такъ, напр., „заячьи" индійцы и „косоглазые" поклоняются мускусному быку и приписываютъ его помету свойство предохранять человѣка отъ ранъ и укушеній. Атапаски Скалистыхъ горъ разсказываютъ то же о собакахъ. Кромѣ этихъ фетишей атапаски признаютъ еще злого духа, который также извѣстенъ подъ различными именами, и чувствуютъ къ нему величайшую боязнь; онъ же играетъ

главную роль въ ихъ магіи. Они вѣрятъ также въ безсмертіе души, загробную жизнь, въ высшій міръ и преисподнюю, съ которыми душа находится въ сообщеніи черезъ переселеніе душъ. Если ребенокъ родится съ двумя прорѣзавшимися зубами, то это считается признакомъ, что въ немъ пребываетъ, душа человѣка, нѣкогда жившаго на свѣтѣ. Атапаски олицетворяютъ воду огонь, вѣтеръ, рѣки, и убѣждены, что могутъ бесѣдовать съ ними съ помощью чародѣйства. Тѣмъ не менѣе, у нихъ нѣтъ собственно никакого культа и ихъ религія состояла всегда въ исполненіи различныхъ традиціонныхъ обычаевъ. Равнымъ образомъ у нихъ не существуетъ отдѣльнаго сословія жрецовъ. Всякій можетъ, по собственному желанію, сдѣлаться знахаремъ, тѣмъ болѣе, что вся его обязанность заключается въ исполненіи извѣстныхъ чародѣйскихъ пѣсенъ при звукахъ барабана и въ переодѣваніяхъ, въ родѣ тѣхъ, какія приняты у шамановъ индійскаго племени кенаевъ. Погребеніе мертвыхъ происходило тѣмъ же способомъ; но теперь похорны совершаются по европейскому обычаю.

Къ югу и отчасти на востокъ отъ атапасковъ слѣдуютъ непосредственно

Алгонкинскіе народы. Что же касается самого названія „алгонкинъ“, то оно перенесено на всю группу отъ одного племени, нынѣ уже не существующаго, которое у древнихъ писателей обозначено именемъ „algumenquini“. Группа народовъ, къ которымъ мы примѣняемъ въ настоящее время это коллективное прозвище очень богата названіями отдѣльныхъ племенъ и занимаетъ значительное пространство. Но, такъ какъ большая часть ихъ живетъ въ Британской Америкѣ, гдѣ съ индійцами обходятся несравненно человѣчнѣе, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, то мы встрѣчаемъ ихъ почти на прежнихъ историческихъ мѣстахъ жительства, по сосѣдству съ атапасками и эскимосами. Всѣ алгонкины съ давнихъ временъ вели кочевую жизнь и ведутъ ее до сихъ поръ, т. е. воздѣлываютъ небольшое количество земли и переходятъ въ своемъ районѣ съ мѣста на мѣсто, смотря по требованіямъ охоты и рыбной ловли. Занимаемый ими районъ не слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ чего-то строго опредѣленнаго, такъ какъ въ него входитъ область ирокезскихъ народовъ. Послѣдніе, по своимъ рѣзкимъ чертамъ лица, крупнымъ размѣрамъ тѣла, сильнымъ мускуламъ, представляютъ полную противоположность съ алгонкинами, которые отличаются плоскимъ образованіемъ лица, меньшимъ ростомъ и слабымъ развитіемъ оконечностей. Къ алгонкинамъ собственно и относится большая часть описаній, гдѣ говорится о краснокожихъ сѣверной Америки, между которыми они преимущественно обращали на себя вниманіе тѣмъ, что предавались людоѣдству, и даже теперь не совсѣмъ отстали отъ этой страсти. Всѣ алгонкинскія племена въ нравахъ и обычаяхъ схожи между собой и хотя они говорятъ на различныхъ діалектахъ, но ихъ языки очевидно происходятъ отъ одного первоначальнаго источника. Изъ алгонкинскихъ нарѣчій наиболѣе извѣстны: микмакское, ленни-ленапе, кри и одшибуэ; въ основаніи ихъ лежитъ прин-

ципъ такъ называемаго полисинтетизма, или система присоединенія слоговъ. Недостатокъ отличія между личными и притяжательными мѣстоименными корнями составляетъ главную особенность этихъ идіомовъ, впрочемъ общую съ другими языками Америки; Алгонкинскіе языки имѣютъ одни личные мѣстоименные корни и образуютъ только формы личныхъ мѣстоименій (Fr. Müller, Der grammatische Bau der Algonkinsprachen, ein Beitrag zur amerikanischen Linguistik, in den Sitzungsber. d. philos.-histor. Kl. d. kais. Akad. d. Wiss. 1867, Bd. LVI, S. 132).

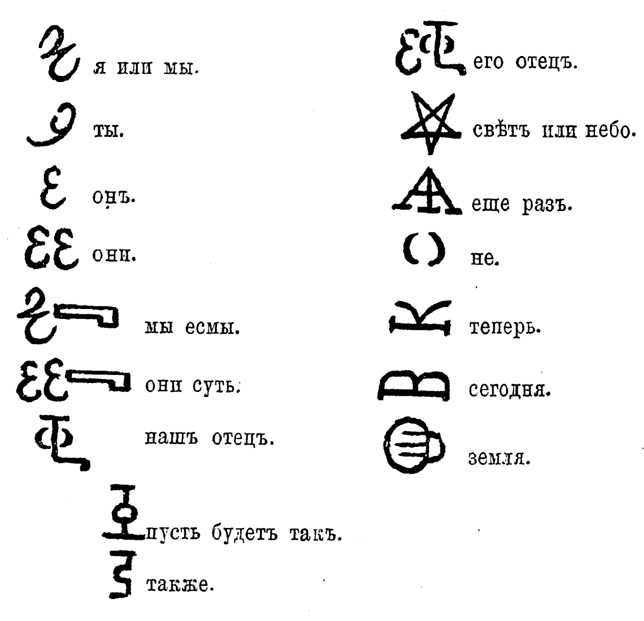
Изъ различныхъ алгонкинскихъ племенъ всего сѣвернѣе живетъ народъ кри (Crees), который равнымъ образомъ составляетъ значительную отрасль этой семьи. Ихъ область простирается съ сѣвера на югъ между озерами Атапаска и Уиннипегомъ, и между Гудзоновымъ заливомъ и Скалистыми горами на востокѣ и западѣ. Кри прозвали ихъ англичане; французскіе канадцы называютъ ихъ „книстино", „книстено" или „кристено"; они же сами величаютъ себя „naehiaok". Кромѣ того они извѣстны подъ именемъ „eyiniwok". Это воинственный народъ, который мало по малу вытѣснилъ другія племена, а именно своихъ сѣверныхъ сосѣдей, атапасковъ, такъ какъ имѣлъ надъ ними значительный перевѣсъ, благодаря знакомству съ огнестрѣльнымъ орудіемъ. Даже въ настоящее время, какъ сообщаетъ Петито, „заячьи индійцы" чувствуютъ странную боязнь къ кри, хотя тѣ отдѣлены отъ нихъ огромнымъ разстояніемъ, чуть ли не въ 1000 килом. (Bull. Soc. géogr. Paris 188^, Vol. XIX, p. 368). Кри средняго роста, хорошо сложены, мѣднаго цвѣта кожи и съ черными волосами, которые они стригутъ различными способами, между прочимъ носятъ ихъ и длинными. Мужчины и женщины одинаково выщипываютъ себѣ волосы на бородѣ и на тѣлѣ. У нихъ черные глаза съ живымъ и проницательнымъ взглядомъ; лица ихъ вообще производятъ пріятное впечатлѣніе. Изъ всѣхъ индійцевъ, они пользуются наибольшимъ расположеніемъ бѣлаго населенія и слывутъ за дѣятельныхъ, смышленныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ людей и, вдобавокъ, гостепріимныхъ и ужпвчивыхъ. Мэккензи называетъ ихъ въ высшей степени добродушными и сожалѣетъ, что ихъ природныя качества извращены деморализующимъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, такъ какъ въ нравственномъ отношеніи они сильно пострадали отъ сношеній съ цивилизованными націями. „Къ этому нужно прибавить ихъ собственные пороки, присущіе дикому состоянію, въ какомъ они находились до сихъ поръ и которые приводятъ въ ужасъ всякаго культурнаго и мыслящаго человѣка. Достаточно будетъ сказать, что кровосмѣшеніе и содомскій грѣхъ господствуютъ здѣсь во всей силѣ" (Mackenzies Reisen von Montreal durch Nordwestamerika, S. 107—108). Равнымъ образомъ, цѣломудріе не считается у нихъ добродѣтелью и вѣрность не составляетъ необходимаго условія для супружескаго счастья, такъ какъ еще недавно временный обмѣнъ женъ былъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, и долгъ гостепріимства обязывалъ хозяина предоставить особу своей жены въ пользованіе иностранцу. Въ новѣйшее время кри сдѣлали значительные успѣхи въ культурѣ и, подъ вліяніемъ англійскихъ миссіонеровъ, дѣятельно занялись въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воздѣлываніемъ почвы. Они, также по собственной инипіативѣ, выучились читать и писать по письменнымъ знакамъ, приспособленнымъ къ ихъ діалекту. Но само собою разумѣется, что изобрѣтателемъ ихъ былъ не природный кри, а весліянскій миссіонеръ Джемсъ Эвансъ (Pritchard, Natural history of man, Bd. II, p. 526—527). Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія кри сильно пострадали отъ оспы, кори и другихъ болѣзней, такъ что до

1818 года число ихъ значительно уменьшилось. Въ новѣйшей переписи общая численность ихъ показана въ 15,000 душъ. Къ кри принадлежатъ также монзони и мускегоны, затѣмъ наскапиты (индійцы „naskopis", или „nescaupi"). Послѣдніе населяютъ Нижнюю Канаду или, вѣрнѣе сказать, внутренность Лабрадора и Унгаву; они утверждаютъ, что ихъ національное прозвище означаетъ въ переводѣ „прямо стоящій"; въ пятидесятыхъ годахъ у нихъ было всего около 100 человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Они вѣрятъ въ высшее существо, управляющее міромъ, подателя всѣхъ благъ, а также въ злое начало; при этомъ знахари пользуются почти такимъ же почитаніемъ, какъ и духи. Задолго передъ тѣмъ, какъ вертящіеся столы свернули головы многихъ людей въ просвѣщенной и образованной Европѣ, лабрадорскіе знахари съумѣли сдѣлать для себя выгодное ремесло изъ тайны непроизвольныхъ мускульныхъ движеній. Одинъ изъ христіанскихъ просвѣтителей язычниковъ, а именно достопочтенный П. Арно, разсказывалъ профессору Гинду, что чародѣи у наскапитовъ запираются въ свои кожаныя палатки, проводятъ тамъ нѣсколько минутъ повидимому въ бездѣйствіи и затѣмъ приводятъ палатку въ поступательное и вращательное движеніе. Сообразно движенію и скачкамъ знахарской палатки, получаются отвѣты на вопросы, предлагаемые прорицателю (Henry Yule Hind, Explorations in the Interior of the Labrador Peninsula. London 1863, Bd. II, p. 102). Изъ различныхъ индійскихъ племенъ, съ которыми познакомился Макъ Линъ, наскапиты чувствуютъ наибольшее отвращеніе къ перемѣнѣ мѣста жительства и путешествіямъ, такъ что многіе изъ нихъ состарѣлись, не побывавъ ни разу на торговыхъ постахъ бѣлыхъ. Французы называютъ ихъ также „têtes de boule"; П. Петито предполагаетъ, что это прозвище дано имъ вслѣдствіе того, что они искусственно округляютъ головы своимъ новорожденнымъ дѣтямъ (Bull. de la Soc. géogr. Paris 1880, Vol. XIX, p. 368—369). По мнѣнію Гинда, „têtes de boule" составляютъ отдѣльное народное племя, хотя и весьма близкое къ наскапитамъ; оспа, корь и ромъ уменьшили ихъ число до тридцати семействъ (Explorations in Labrador, Bd. I, p. 169—275). Названіе „скоффи", или „эскопіи", которое иногда примѣняется къ наскапитамъ, неизвѣстно въ Канадѣ и такъ-же невѣрно, какъ прозвище „шешапутоши" (Scheshapootosh), данное негиропринамъ, племени, близко сродному съ наскопитами. Они болѣе извѣстны подъ названіемъ горныхъ индійцевъ залива св. Лаврентія (montagnais, mountaineers); но ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутыми монтанье и монтаньярами, составляющими отрасль атапасковъ. Негироприны, численность которыхъ въ Лабрадорѣ доходитъ приблизительно до 1700 человѣкъ, ведутъ бродячую жизнь; они извѣстны, какъ ревностные охотники за оленями, и всѣ усилія пріучить ихъ къ осѣдлости оказались напрасными. Тѣмъ не менѣе, католическіе миссіонеры, особенно іезуиты, живя между горными индійцами (montagnais), совмѣстно съ христіанскимъ ученіемъ, распространили у нихъ граматность и письмо, которыми они пользуются вполнѣ сознательно. Рядомъ съ этимъ и здѣсь, какъ вездѣ, гдѣ только высшая матеріальная цивилизація приходитъ въ соприкосновеніе съ дѣтьми природы, она дѣйствуетъ на нихъ, какъ смертельная зараза. Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что наша теплая, дешевая одежда благодѣтельно отразится на здоровьи и благосостояніи краснокожихъ; но и она въ значительной мѣрѣ способствуетъ ихъ гибели. Въ былыя времена они имѣли обыкновеніе натирать себя съ головы до ногъ тюленьимъ жиромъ. Благодаря этому, они менѣе ощущали холодъ и жаръ, легче выносили дождь и сырость и были болѣе обезпечены отъ мученій, причиняемыхъ имъ москитами, черными мухами и другими насѣкомыми. Но съ тѣхъ поръ, какъ они отвыкли отъ натиранія и нарядились въ европейское платье, они стали менѣе непріятны для обонятельныхъ нервовъ своихъ ближнихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе склонны къ простудѣ, эпидемическимъ заболѣ-

ваніемъ, и умираютъ такъ-же быстро, какъ мухи на морскомъ побережьи. Впрочемъ, нужно замѣтить, что общимъ именемъ горныхъ индійцевъ нерѣдко обозначаютъ всѣ алгонкинскія племена, которыя кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Лабрадора до Рупертовой земли и поддерживаютъ свое жалкое существованіе рыбной ловлей въ лѣтнюю пору, охотой во время зимы и, главнымъ образомъ, доходами отъ незначительной мѣховой торговли съ постами „общества Гудзонова залива“ (Ch. de Lamothe, Cinq mois chez les Français d'Amerique, Paris 1879, p. 111—114).

Въ Нью-Фаундлендѣ и Новомъ Брауншвейгѣ равнымъ образомъ встрѣчаются краснокожіе алгонкинской семьи, а именно различныя отрасли абенаковъ или вапанахковъ. Когда англійскій артиллерійскій офицеръ, Францисъ Дунканъ, впервые увидѣлъ краснокожаго въ окрестностяхъ Галифакса, то, по его словамъ, онъ почувствовалъ, что ему нанесли какъ бы личное оскорбленіе. Вмѣсто идеала, созданнаго его воображеніемъ подъ впечатлѣніемъ романовъ Купера, онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что скальпъ „послѣдняго изъ Моґиканъ“ не былъ убранъ орлинымъ перомъ; во-вторыхъ, его присутствіе на довольно значительномъ разстояніи крайне непріятно дѣйствовало на обоняніе; въ-третьихъ, на немъ были весьма некрасивыя, но тѣмъ не менѣе настоящія европейскія панталоны. При этомъ онъ былъ покрытъ слоемъ грязи съ цѣлью защиты отъ холода и, что всего хуже, выказывалъ въ высшей степени не романическую прожорливость и неутолимую жажду, которой не могли утолить никакіе напитки (Duncan, Our garrisons in the West, or sketches in british North America. London 1864, p. 45—46). Что же касается краснокожихъ Новой Шотландіи, то, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени, они исчезнутъ съ лица земли и ихъ остатки сдѣлаются достояніемъ антропологическихъ кабинетовъ. Они происходятъ отъ прежняго могущественнаго племени микмакъ и имѣютъ претензію принадлежать къ римско-католической церкви. Несмотря на всѣ усилія, ихъ не могли побудить заняться земледѣліемъ, скотоводствомъ или какимъ-либо ремесломъ; они были и остаются такими же первобытными охотниками и рыболовами, какъ ихъ предки. Только небольшая часть ихъ въ 500 душъ живетъ осѣдло у рѣки Рестигучъ въ Нижней Канадѣ, и, по словамъ профессора Гинда, сдѣлала довольно значительные успѣхи въ культурѣ (Explorations in Labrador, Bd. I, p. 6). Древнѣйшіе французскіе писатели называютъ ихъ сурикуа, а миссіонеры гаспезіенами, вслѣдствіе того, что Жакъ Картье въ 1534 году впервые встрѣтилъ ихъ близь Гаспе, у залива Шалёръ. Сосѣди называютъ ихъ „индійцами соленой воды“, по мѣсту ихъ жительства на морскомъ берегу. Въ настоящее время, кромѣ новой Шотландіи, они разсѣяны на сѣверѣ Новаго Брауншвейга, въ Капъ-Бретонъ, Нью-Фаундлендѣ, на островѣ принца Эдуарда и близь Гаспе. Они не могутъ радовать собой приверженцевъ индійской цивилизаціи, такъ какъ въ этомъ отношеніи ихъ успѣхи въ высшей степени медленные; многіе изъ нихъ хотя и приняли христіанство, но все еще живутъ въ своихъ первобытныхъ „вигвамахъ“ и съ трудомъ отстаютъ отъ кочевой жизни. Ново-брауншвейгскіе индійцы лѣнивы, избѣгаютъ труда, но вообще миролюбиваго характера, если у нихъ нѣтъ подъ рукою водки. Розданные имъ участки земли остаются почти безъ всякаго употребленія (Globus, Bd. XXXII, p. 76—77). Общее число ихъ доходитъ до 3,600, что почти равняется ихъ численности во времена заселенія Канады французами, 280 лѣтъ тому назадъ. Эти микмаки, прежніе поклонники солнца, были первые изъ американцевъ, которые вступили на европейскую почву, такъ какъ молодые индійцы, захваченные обманомъ и привезенные въ видѣ рѣдкости изъ Новаго Свѣта Каботомъ въ 1497 году, Оберомъ въ 1508 и Картье въ 1534, вѣроятно принадлежали этому племени. Замѣтимъ кстати, что у нихъ при этомъ были найдены іероглифическія письмена, самыя богатыя изъ всѣхъ, какія извѣстны у сѣверо-амери-

канскихъ индійцевъ. Эта письменная система, исправленная и усовершенствованная Леклеркомъ, до сихъ поръ въ употребленіи, и въ Вѣнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла даже книга, написанная такимъ способомъ. Кромѣ того, первые мореплаватели нашли у микмаковъ залива Шалёръ кресты, что послужило поводомъ для многихъ безполезныхъ преній, не только въ прежнія времена, но и въ новѣйшихъ интернаціональныхъ конгрессахъ американистовъ. Бове видитъ въ этомъ послѣдніе слѣды христіанства, распространеннаго въ Сѣверной Америкѣ первыми норманскими путешественниками между X-мъ и XIV-мъ столѣтіемъ (Annales de philosophie chrétienne. Avril 1877 p. 284). Хотя это предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго,



Письменные знаки микмаковъ, индійскаго племени, принадлежащаго къ алгонкинской семьѣ.

но, съ другой стороны, вполнѣ доказано, что крестъ представляетъ собой очень древній до христіанскій знакъ и, вдобавокъ, весьма распространенный (См. объ этомъ: Congrès international des Américanistes. Luxenburg 1877, Vol I, p. 227—235). Сродные съ микмаками индійцы пенобскоты, пассамакводди и марешиты живутъ на рѣкахъ того же имени въ штатѣ Мэнѣ. Въ настоящее время подъ этимъ названіемъ извѣстны уцѣлѣвшіе остатки племени абенаковъ или канибасовъ, которые съ береговъ Кеннебека переселились въ Канаду. Діалекты послѣднихъ трехъ племенъ настолько близки между собой, что говорящіе на нихъ легко понимаютъ другъ друга, между тѣмъ какъ въ нарѣчіи микмаковъ мы не видимъ ничего подобнаго.

Всѣ перечисленные нами народы восточнаго берега Америки къ югу до мыса Гаттераса принадлежали къ племени ленни-ленапе. „Renani" или „lenape" означаетъ на ихъ языкѣ „люди", и всѣ принадлежавшія сюда племена, которыхъ было значительное количество, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ. Они составляли союзъ пяти народовъ, делаваровъ, какъ ихъ называли англо-

американцы, къ которому принадлежали и могигане, или, собственно, муггеканевы, получившіе извѣстность въ романахъ Купера подъ именемъ могиканъ. Въ настоящее время, какъ эта, такъ и другія отрасли ленни-ленаповъ совершенно вымерли, но тѣмъ не менѣе они оставили послѣ себя многочисленныя, до сихъ поръ существующія, географическія названія, какъ: Массачузетсъ, Конектикутъ, Аллеганы, Саванны, Миссиссипи и пр., а также многія слова, перешедшія въ европейскіе языки, какъ, напр., вигвамъ, томагаукъ, pow-wow (сборище индійцевъ, неудачный миттингъ), sachem, sagamore (индійскій вождь), „сквау" (женщина), papoose (ребенокъ), wampum (раковины, нѣкогда употреблявшіяся индійцами вмѣсто денегъ), mokassin (башмакъ изъ оленьей кожи)—или такіе обороты рѣчи, какъ: „идти по военной дорогѣ", „выкурить трубку мира" и проч. Всѣ эти слова и выраженія заимствованы нами изъ языка восточныхъ алгонкиновъ (Alb. S. Gatschet, Zwölf Sprachen aus dem Südwesten Nordamerikas. Weimar 1876, S. 145). Послѣдніе остатки ленни-ленапе мало по малу добровольно удалились изъ своихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства въ индійскую территорію, на западъ отъ Миссиссипи, гдѣ они находятся и въ настоящее время, хотя, само собою разумѣется, въ весьма ограниченномъ числѣ. Въ переписи 1876 года показано 111 индійцевъ, живущихъ на отведенныхъ имъ участкахъ (reservations); но были и такіе, которые не имѣли опредѣленнаго мѣста жительства; въ 1863 году общая цифра ихъ доходила до 1074 душъ. Они, повидимому, достигли извѣстной степени цивилизаціи; обращены въ христіанство баптистами, методистами и моравскими братьями и вполнѣ переняли европейскую одежду и нравы. Хотя лѣнивые и безпечные отъ природы, они сдѣлали довольно значительные успѣхи въ земледѣліи. Нѣкоторые болѣе дѣятельные фермеры обрабатываютъ болѣе 400 акровъ земли; другіе состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ, которыя простираются до границъ Калифорніи. Въ силу закона, изданнаго послѣ 1866 года, имъ было дозволено сдѣлаться американскими гражданами, чѣмъ воспользовались многіе изъ нихъ и черезъ это перестали составлять отдѣльное племя. Различія между особыми отраслями ленни-ленапе уже давно исчезли; оффиціально признавали однихъ делаваровъ; теперь и они слились съ громадной народной амальгамой союза, гдѣ уже нѣтъ никакой возможности отыскать слѣды ихъ.

На сѣверѣ рѣки Кумберленда, впадающей въ Огейо, до Кентуки и самого Огейо, жилъ до послѣдняго времени народъ шоуни (Schawnee) или шавона, численность котораго уменьшилась теперь до 1000 душъ. Живя по сосѣдству съ ленни-ленапе, у Атлантическаго океана, въ Нью-Жерсеѣ и Пенсильваніи, они были въ числѣ первыхъ, которые должны были отступить отъ побѣдоноснаго натиска цивилизаціи, перешедшей къ нимъ съ востока, черезъ обширный океанъ. Въ настоящее время скудные остатки ихъ живутъ на двухъ участкахъ индійской территоріи и, повидимому, при сравнительно счастливыхъ условіяхъ. Они интеллигентны и очень приличны въ обращеніи. Балдуинъ Мёльгаузенъ въ 1853 году встрѣтилъ шоуни у Канадской рѣки; по его словамъ, численность ихъ доходила до 1,400 душъ и они вообще отличались особеннымъ пристрастіемъ къ охотѣ и приключеніямъ. „Все время, свободное отъ домашняго хозяйства, они проводятъ обыкновенно на охотѣ. Они отправляются вдвоемъ или втроемъ въ дальнюю область Кейовэ и непріязненныхъ имъ команчей, чтобы поохотиться за мохнатымъ бизономъ или красивой пестрой антилопой, и возвращаются домой послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, съ лошадьми, навьюченными сушенымъ мясомъ" (Möllhausen, Wanderungen durch die Prairien und Wüsten des westlichen Nord-America vom Mississippi nach den Küsten der Sudsee. 2 Aufl. Leipzig 1860, S. 45). Впрочемъ шоуни были издавна кочующимъ народомъ, и многія географическія мѣста названы ихъ именемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстное сродство существовало между ними и ихъ сѣверо-западными сосѣдями, иллинойсами,

жившими между Уабашемъ и Мисиссипи, именемъ которыхъ названъ нынѣшній штатъ союза. Они дѣлились на множество мелкихъ племенъ, какъ пеоріа, каскакіа, піанкашау (Pinkeshaws), скудные остатки которыхъ существуютъ до сихъ поръ, и были равнымъ образомъ выселены въ обычное мѣсто ссылки союза, т. е. въ индійскую территорію, на участокъ Квапау. На сѣверъ отъ піанкашаговъ живутъ кикапу (kikapoos), также переселенные въ индійскую территорію. Въ 1876 году число ихъ доходило до 621 души; между своими сосѣдями они настолько же были извѣстны храбростью, какъ и остроуміемъ. Въ подтвержденіе того, насколько они отличались послѣднимъ свойствомъ, великій путешественникъ Ричардъ Ф. Бёртонъ, которому мы обязаны многими открытіями, разсказываетъ въ числѣ другихъ анекдотовъ, что, при видѣ перваго кринолина, они воскликнули: „вотъ чудо, вигвамъ вышелъ погулять!“ (Burton, The City of the Saints and across the Rocky Mountains to California. London 1862, p. 25). Вигвамомъ, какъ извѣстно, называется индійская хижина; она бываетъ различной формы, дѣлается большей частью изъ древесной коры и обтянута шкурами. Вигвамъ кикаповъ по наружному виду походитъ на небольшой стогъ сѣна. Изъ остальныхъ индійцевъ, мы еще назовемъ міами, часть которыхъ, въ числѣ 97 человѣкъ, живетъ на участкѣ квапау, а остальные 350 бродятъ по штату Индіана. Это воинственный народъ, который имѣлъ нѣкогда самобытную, довольно значительную цивилизацію и еще въ 1670 году могъ выставить до 8,000 воиновъ на поле битвы. Съ этого времени число ихъ уменьшилось до вышеприведенной цифры, хотя баптисты употребляютъ всѣ усилія, чтобы „спасти“ ихъ. Саксы (Sawkis, saques), лисицы, или оттогами (Outtagaumie), говорящіе однимъ и тѣмъ же языкомъ, составляютъ единый народъ; они жили прежде въ области нижняго Висконсина и очевидно близкіе родичи съ индійцами кикапу, а по мѣстному преданію— имѣютъ нѣчто общее съ шоуни. Въ 1832 году эти индійцы, въ союзѣ съ уиннебэгосами, вели упорную войну (названную по имени ихъ главнаго предводителя „Black Hawk“— черный соколъ) противъ колонистовъ Иллинойса. Это обстоятельство побудило американское правительство перевести ихъ въ Висконсинъ, на ихъ нынѣшніе участки въ индійской территоріи и Небраскѣ, гдѣ изъ всѣхъ живущихъ тамъ краснокожихъ они находятся въ наихудшихъ условіяхъ (Globus, Bd. XVII, S. 238). Число ихъ, которое въ 1825 году доходило до 6,400 и въ 1853 было еще не менѣе 2,373,— съ тѣхъ поръ уменьшилось въ Небраскѣ до 88, между тѣмъ, какъ въ индійской территоріи, по оффиціальнымъ даннымъ 1876 года, ихъ насчитывалось до 750 душъ. Это сильный народъ, который неохотно перенимаетъ нравы бѣлыхъ, предпочитая оставаться на прежнихъ мѣстахъ охоты за буйволами, и живетъ день за день, не заботясь о будущемъ. Однако незначительная часть ихъ, а именно 317 душъ, во избѣжаніе постоянныхъ переселеній съ участка на участокъ, купила себѣ въ 1867 году земли въ Іовѣ и занялась ихъ обработкой. При этомъ они нанимаются на полевую работу, къ которой оказываются вполнѣ способными; такъ что при извѣстномъ трудолюбіи они могутъ сами содержать себя.

По близости большихъ озеръ живетъ и понынѣ многочисленный народъ оджибуэ или чиппевеи; но я буду избѣгать послѣдняго названія, чтобы не дать повода смѣшивать ихъ съ сѣверными чиппевеями. По спискамъ 1876 г., общее число оджибуэ доходитъ до 24,811 душъ, къ которымъ нужно причислить живущихъ во владѣніяхъ Канады, гдѣ ихъ было до 3,500 въ 1871 году. Шарль-де-Ламотъ, не указывая на источники, утверждаетъ, что общее число ихъ въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ доходитъ до 40,000, хотя, разумѣется, эта цифра преувеличена; но еще болѣе важное значеніе имѣетъ другое сообщаемое имъ свѣдѣніе, а именно, что оджибуэ ни въ какомъ случаѣ не уменьшаются въ числѣ (Cinq mois chez les Français d'Amerique, p. 181). Они высокаго роста, съ хорошо развитыми мускулами; при этомъ они отличаются

храбростью, вообще опытные охотники и любители приключеній. Они всего болѣе сосредоточены въ La Pointe; но также разсѣяны отдѣльными шайками въ штатахъ Мичиганѣ, Висконсинѣ, Миннесота и Дакота; большая часть ихъ живетъ на участкахъ; остальные не имѣютъ опредѣленнаго мѣста жительства. Католики и методисты, англикане и пресвитеріане съ давнихъ поръ учредили свои миссіи у одшибуэ; но всѣ попытки цивилизовать ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, отучить отъ воинственной и лѣсной жизни и сдѣлать соучастниками промышленности и умственнаго прогресса, оказались напрасными. Хотя одшибуэ не лишены умственныхъ дарованій, но они относятся съ презрѣніемъ къ земледѣлію и искусствамъ. Тѣмъ не менѣе, проповѣдники выше упомянутыхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій пріобрѣли среди нихъ прозелитовъ; въ рядахъ послѣднихъ явились даже два туземныхъ историка: Георгъ Копуэй и Петръ Джонсъ. Большинство, разумѣется, и до сихъ поръ пребываетъ въ язычествѣ. Канадскіе одшибуэ дѣлаютъ замѣтные успѣхи въ смыслѣ нравственности и цивилизаціи, вышли изъ прежняго состоянія нищеты и увеличиваются въ числѣ, за исключеніемъ соплеменной имъ семьи саугиновъ (Globus, Bd. XXXII, S. 76). Нравы, обычаи и легенды древнихъ одшибуэ и даже ихъ гармоничный языкъ болѣе извѣстны, нежели котораго либо изъ индійскихъ народовъ, и имѣютъ ревностныхъ распространителей въ лицѣ Скулькрафта и другихъ ученыхъ. Къ одшибуэ принадлежатъ: 1) интеллигентные поттоватоми, которыхъ немного болѣе 2,000 душъ; они живутъ у Верхняго озера, въ Мичиганѣ и Канзасѣ; но главная масса ихъ находится въ индійской территоріи (1,600 душъ); они имѣютъ школы и миссіонерскія церкви, и отчасти добываютъ себѣ средства къ существованію охотой; затѣмъ 2) Оттавы, незначительная часть которыхъ согласилась переселиться въ индійскую територію, тогда какъ главная масса, въ числѣ 4,000, осталась въ Мичиганѣ, между озерами Мичиганомъ и Гурономъ, подъ вліяніемъ католическихъ и различныхъ протестанскихъ миссій; изъ нихъ болѣе 1,000 душъ живетъ въ канадскихъ владѣніяхъ, особенно на островѣ Манитулинѣ. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ причислить миссинсиговъ, живущихъ у сѣвернаго конца озера Онтаріо, и сольтё, на сѣверо-восточномъ берегу озера Гурона. Замѣчу, кстати, что французскіе канадцы называютъ именемъ „saulteux“ или „salteux“ различныя племена этой мѣстности и между прочимъ весь народъ одшибуэ. Различаютъ „сальтё лѣсовъ“ и „сольтё болотъ“ (salteux des bois и saulteux de marais), или маскегоновъ. Первые большею частью высокаго роста, хорошо сложены, интеллигентны, ревниво отстаиваютъ свою независимость, горды и сдержаны въ обращеніи; при этомъ они кротки, гостепріимны и несравненно болѣе нравственны, нежели „сольтё болотъ“. Высшая власть находится въ рукахъ вождя, который избирается по добровольному соглашенію; его приказанія исполняются довольно точно. Сальтё до сихъ поръ съумѣли воздержаться отъ водки (Lamothe, Cinq mois chez les Français d'Amerique, p. 230—231). П. Кэнъ встрѣтилъ по близости Дождевого озера, къ сѣверо-востоку отъ Верхняго озера, шайку сольтё, составлявшихъ отрасль одшибуэ. Они слыли у краснокожихъ за „уиндиго“, т. е. людоѣдовъ, а по существующему суевѣрію, только серебрянная пуля можетъ лишить жизни уиндиго. Кэну разсказывали, какъ достовѣрный случай, что два уиндиго, отецъ и дочь, съѣли отъ голода шестерыхъ родственниковъ (Kane, Wanderings of an artist among the Indians of North America, p. 58—59). Всѣ индійцы относятся съ отвращеніемъ и боязнью къ уиндиго, такъ какъ по ихъ убѣжденію, если кто однажды отвѣдалъ человѣческаго мяса, тотъ не въ состояніи воздержаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Подобныхъ людей избѣгаютъ какъ чумы; ихъ хижины должны быть построены особнякомъ; дѣтей тщательно удаляютъ отъ ихъ сообщества. Но вообще уиндигамъ не причиняютъ никакого зла, и даже многіе относятся съ сочувствіемъ къ ихъ

заблужденію, поводомъ къ которому во всѣхъ происходившихъ до сихъ поръ случаяхъ былъ самый крайній голодъ. Что же касается до того мнѣнія, что подобные исключительные случаи не даютъ намъ права обвинять краснокожихъ въ людоѣдствѣ, то это не совсѣмъ вѣрно, потому что въ былыя времена людоѣдство было обычнымъ явленіемъ у одшибуэ, міами, поттоматоми и особенно у алгонкиновъ. У нѣкоторыхъ племенъ оно было въ общемъ употребленіи, у другихъ же, какъ, напр., у поттоматоми, составляло, наоборотъ, привиллегію избраннаго общества или братства (Andre, Verbreitung der Anthropophagie, S. 41).

Сѣверо-западную отрасль алгонкиновъ составляютъ черноногіе (Blackfeet), которые первоначально жили у форта Саскачеванъ и въ новѣйшее время передвинулись южнѣе, къ рѣкѣ Маріи, откуда они распространяютъ свои набѣги на западъ, до притоковъ верхней Колумбіи. Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, они составили союзъ изъ пяти племенъ, къ которому принадлежали и не-алгонкины и который впродолженіи извѣстнаго времени приводилъ въ трепетъ всѣхъ индійцевъ. Въ этой „конфедераціи Сикскекуанакъ“ насчитывалось до 1830 года болѣе чѣмъ 30,000 душъ; затѣмъ появилась оспа; а въ 1850 году осталось всего 1,500 жилищъ съ населеніемъ около 10,000 душъ. Въ настоящее время они составляютъ четыре отдѣльныя отрасли; въ 1870 ихъ было около 7,500 душъ въ Соединенныхъ Штатахъ и около 6000 въ Британскихъ владѣніяхъ. Черноногіе издавна славились своей воинственностью, были всегда превосходными наѣздниками, и преимущественно живутъ хищническими набѣгами. Они не хоронятъ своихъ мертвецовъ. Умершаго воина оставляютъ въ полномъ убранствѣ въ его хижинѣ, и передъ дверью въ честь покойника приносятъ въ жертву лошадь. Теперь окончательно доказано, что ихъ культъ состоитъ въ поклоненіи Natous, или солнцу. Сродство съ черноногими представляютъ воинственные кочующіе арапаху, живущіе въ гористомъ Канзасѣ, которые также извѣстны, какъ отличные наѣздники. Шошоны называютъ ихъ „собакоѣдами“, канадцы „толстобрюхими“=gros ventres; послѣ шейеновъ (Sheyennes, Chyennes), отчасти живущихъ въ индійской территоріи и частью въ Уайомингѣ, это величайшіе враги „блѣднолицыхъ“, съ тою разницею, что они заражены всѣми европейскими пороками, между тѣмъ какъ шейены сохранили первобытную простоту. Послѣдніе составляютъ красивую породу людей; они выше ростомъ, нежели всѣ остальные индійцы равнинъ, за исключеніемъ озаговъ, и богаты лошадьми, съ которыми обходятся наилучшимъ образомъ. Всѣ попытки цивилизовать ихъ оказались не особенно удачными.

Внизъ по рѣкѣ Лаврентія до озеръ Гурона, Онтаріо и Эри и отсюда въ перемежку съ алгонкинскими племенами находилась окруженная алгонкинами область

Ирокезовъ, сильной породы людей, средняя величина роста которыхъ доходитъ, по Топинару, до 1,735 м. (Revue d'Anthrop. 1876, p. 58). Измѣренія, произведенныя Гульдомъ надъ 808 субъектами, показали, что верхніе члены ихъ тѣла длиннѣе, нежели у европейцевъ, и даже мулатовъ, за исключеніемъ впрочемъ негровъ (A. a. O. 1880, S. 147). Названіе „ирокезъ“ французскаго происхожденія; они сами называютъ себя годенозауни или коношіони, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ „народъ длиннаго дома“, между тѣмъ, какъ у своихъ восточныхъ сосѣдей, ленни-ленаповъ, они извѣстны подъ именемъ менгуэ. Ихъ прозвище означало прежде не единич-

ный народъ, а союзъ народовъ (Ирокезскій союзъ), состоявшій до начала нынѣшняго столѣтія изъ пяти сродныхъ между собой и крайне воинственныхъ племенъ, которые, въ противоположность вѣчно странствующимъ алгонкинамъ, съ давнихъ поръ занимались земледѣліемъ и имѣли поселенія на подобіе городовъ.

Сюда принадлежали: 1) агмеги, или „ганеагаоно", народъ съ кремнемъ", извѣстный подъ именемъ могауковъ; 2) нундаваоно, „народъ большого холма", или сенеки; 3) гуеугвегоно, „народъ грязной земли", болѣе, извѣстный подъ именемъ каюговъ; затѣмъ 4) онундага или онондаго, „народъ холмовъ" и 5) онайотека или онеида, „гранитный народъ". Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія въ союзъ вступилъ еще шестой народъ, тускарора, живущій на югѣ рѣки Нёзъ, поэтому Ирокезскій союзъ называется также „союзомъ пяти или шести націй". Но во всякомъ случаѣ мы не должны представлять себѣ особенно многочисленными эти народы, живущіе въ постоянной борьбѣ съ ихъ сосѣдями. Каюги, напр., имѣли всего 300 воиновъ въ тѣ времена, когда съ ними познакомились французы, такъ что въ цѣломъ племени было не болѣе 1,500 душъ. Леви Морганъ, на основаніи показаній Герланда, лучшаго знатока ирокезовъ, опредѣляетъ ихъ общее число въ промежутокъ времени около 1650 года въ 20,000, а съ причисленіемъ сосѣднихъ народовъ въ штатѣ Іоркѣ — въ 25,000 душъ. Въ одномъ американскомъ источникѣ (American Cyclopedia, Bd. IX, p. 413) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что во времена наибольшаго процвѣтанія ирокезовъ число ихъ не превышало 15,000 душъ. Въ настоящее время, а именно въ 1877 году, насчитываютъ не болѣе 13,668 ирокезовъ; но, по свидѣтельству Герланда (Globus, Bd. XXXV, S. 328), у нихъ замѣчается постоянное приращеніе населенія. Они не сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ половина ихъ перешла въ Канаду, между тѣмъ какъ остальные разсѣяны по участкамъ въ Штатахъ: Нью-Іоркѣ, Висконсинѣ и въ индійской территоріи. Сравнительно весьма немногіе изъ нихъ переселены на западный берегъ Мисиссипи (часть сенековъ на участокъ Квапау въ индійской области и почти всѣ онеиды, на участокъ того же имени въ Висконсинѣ); наибольшая масса ирокезовъ находится и въ настоящее время въ штатѣ Нью-Іоркѣ на участкахъ: Каттараугa, Тонауанда, Онеида, Аллегани, Онондага и Тускарора. Эти нѣкогда прославленные воины, „въ груди которыхъ жажда къ славѣ не можетъ исчезнуть, пока въ нихъ есть искра жизни", заключены здѣсь въ тѣсномъ пространствѣ и въ настоящее время ведутъ мирное существованіе. Они давно разстались съ томагаукомъ „и никогда болѣе не вернутся къ нему. Теперь они всѣ христіане: католики, англикане, баптисты, конгрегаціоналисты и методисты, но тѣмъ не менѣе стоило большого труда пріучить ихъ къ цивилизованной жизни. Однако и это было достигнуто. Ирокезы на берегу Каттараугa представляютъ собой дѣятельный народъ, живущій земледѣліемъ; они не только имѣютъ школы, но и свою типографію и газеты. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ треть учителей, преподающихъ въ ихъ школахъ, индійцы, получившіе основательную подготовку. Кромѣ того изъ народа явилось нѣсколько выдающихся личностей, какъ, напр., пророкъ и реформаторъ язычниковъ д-ръ Уильсонъ, полковникъ Эли С. Паркеръ, который служилъ въ штабѣ Гранта и получилъ должность индійскаго комиссара, затѣмъ Тускарора Кузикъ, написавшій замѣчательную статью о древнѣйшей баснословной исторіи ирокезовъ. Успѣхи, сдѣланные этими индійцами въ смыслѣ воспитанія, умственнаго развитія благосостоянія и жизненнаго комфорта вполнѣ заслуживаютъ вниманія. У нихъ есть свое „Ирокезское Сельскохозяйственное общество" и довольно усердно посѣщаемыя собранія „Умѣренности"; равнымъ образомъ, во всѣхъ участкахъ учреждены „союзы умѣренности", и

въ этомъ отношенiи нельзя не признать замѣчательнаго прогресса, такъ какъ сами ирокезы ревностно содѣйствуютъ строгому примѣненiю законовъ противъ виноторговцевъ. Сенеки, живущiе на участкахъ Аллегани и Каттараугa, уже лѣтъ тридцать имѣютъ родъ республиканскаго правленiя, съ парламентомъ, президентомъ, главнымъ казначеемъ и секретаремъ, которые ежегодно избираются голосованiемъ: кромѣ того, въ каждомъ участкѣ есть свой мировой судъ, который рѣшаетъ споры между индiйцами и распредѣляетъ имущество умершихъ. Даже тускарора, которые нѣкогда славились, какъ воинственное племя, теперь христiане и приняли европейскую цивилизацiю. Они составляютъ сильное, трудолюбивое и промышленное земледѣльческое населенiе, относительно обработки полей, продуктовъ, построекъ и утвари, нисколько не уступаютъ своимъ бѣлымъ сосѣдямъ. Равнымъ образомъ, путешественники, хотя съ нѣкоторыми ограниченiями, отзываются съ большой похвалой объ онеидахъ и преимущественно объ индiйцахъ С. Региса, потомкахъ могавковъ, живущихъ на границѣ Канады (Globus, Bd. XXXV, S. 329).

Еще благопрiятнѣе сложились условiя канадскихъ ирокезовъ. Ихъ успѣхи на пути цивилизацiи хотя и медленнѣе, но тѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ задатковъ прочности; нравы ихъ также до извѣстной степени улучшились, а школы, съ своей стороны, повсемѣстно заботятся объ умственномъ прогрессѣ краснокожихъ. Это настолько же относится къ шести племенамъ Ирокезскаго Союза, какъ и къ онеидамъ и могавкамъ въ провинцiи Онтарiо. Шарль-де-Ламотъ говоритъ объ ирокезахъ Каугнавага, что они положительно цивилизованы, настоящiе христiане и на половину офранцужены (Lamothe, Cinq mois chez les Français d'Amerique, p. 97). Благосостоянiе ихъ и культура постоянно увеличиваются. Могауки имѣютъ свои участки у Квинтбая, гдѣ ихъ до 784 душъ; они, равнымъ образомъ, умножаются и дѣлаютъ успѣхи въ цивилизацiи (Globus, Bd. XXXII, S. 75—76).

Тѣмъ не менѣе, хотя ирокезы въ настоящее время преуспѣваютъ въ смыслѣ общаго благосостоянiя и прогресса, и даже численность ихъ увеличивается, всѣмъ извѣстно, какъ неоспоримый фактъ, что многiе изъ прежнихъ ирокезскихъ народовъ совершенно исчезли съ лица земли. Къ числу ихъ принадлежатъ аттинондаронъ, жившiе на правомъ берегу рѣки св. Лаврентiя; эрисы на югѣ озера того же имени, андасты къ сѣверу отъ нынѣшняго Питсбурга въ Пенсильванiи. Кромѣ того, къ ирокезскому племени принадлежали еще знаменитые гуроны, къ сѣверу отъ озера Онтарiо и рѣкъ Оттава и св. Лаврентiя до Монреаля; затѣмъ уайандоты на сѣверо-востокъ отъ предъидущихъ, которые первоначально жили близь устьевъ рѣки Лаврентiя. Хотя по языку сродные съ ирокезами, они вели съ ними постоянныя войны, которыя мало по малу почти уничтожили ихъ. Нѣкоторые гуроны нашли убѣжище у племенъ петунъ, нетресъ и эрисъ и слились съ ними. Судьба остальныхъ бѣглецовъ ясно указываетъ на индiйскiй обычай полнаго смѣшенiя одного племени съ другимъ. Немногiе уцѣлѣвшiе жители двухъ мѣстностей, населенныхъ гуронами, вступили въ сношенiя съ своими врагами, сенеками, и были приняты послѣдними въ ихъ племя. Другая шайка, руководимая iезуитскими миссiонерами, отправилась въ Квебекъ и впослѣдствiи была водворена въ деревнѣ La jeune Lorette, у р. С. Шарль. Потомки этихъ индiйцевъ живутъ здѣсь и до настоящаго времени; въ нихъ замѣтна сильная примѣсь европейской крови; они говорятъ на французскомъ patois и получаютъ субсидiю изъ такъ называемаго „индiйскаго фонда". По свидѣтельству проф. Данiеля Вильсона (Nature, Bd. VI, p. 264) и Шарля-де-Ламотъ (Cinq mois chez les Français d'Amerique, p. 62), первобытныя характерныя свойства гуроновъ Loretto почти окончательно стерты скрещиванiемъ, такъ что въ этнологическомъ отношенiи немыслимо называть гуронами этихъ французо-индiйскихъ метисовъ. Они представляютъ собой смѣшанный народъ, гдѣ французскiй элементъ

является все болѣе и болѣе преобладающимъ, въ силу процесса ассимиляціи, которому краснокожій человѣкъ подвергается въ несравненно большей степени, нежели настоящему вымиранію, дѣйствующему на него совершенно такимъ же способомъ. Кромѣ деревни Loretto еще извѣстны только двѣ группы гуроновъ: одна въ 76 душъ въ графствѣ Эссексъ, на югѣ канадской провинціи Онтаріо, и другая въ 247 индивидовъ, на участкѣ Квапау, въ индійской территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ составляющіе ее гуроны извѣстны подъ именемъ уайандотовъ (Globus, Bd. XXXVI, S. 144).

Западнѣе и южнѣе алгонкиновъ, на западныхъ луговыхъ равнинахъ до Скалистыхъ горъ, и на югѣ, до впаденія Арканзаса въ Мисиссипи, а къ сѣверу—до Саскачевана, живетъ одинъ изъ самыхъ большихъ и многочисленныхъ индійскихъ народовъ, а именно:

Дакоты, которые болѣе извѣстны подъ насмѣшливымъ прозвищемъ сіу (выг. sû). По другому произношенію имя сіуксы образовалось слѣдующимъ образомъ: одшибуэ называютъ дакота „надоэсси", французы же передѣлали это слово въ „nadowessier, naudowesioux, сокращенное sioux-сіуксы. „Naudowessioux" въ буквальномъ переводѣ означаетъ „горлорѣзъ"; поэтому всѣ племена прерій, обозначая пантомимой сіукса, проводятъ рукой по горлу. Имя „дакота" пишется весьма различными способами. Индійцы, принадлежащіе къ этому племени, называютъ себя очеанти-чаконъ, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ „семь совѣщательныхъ огней", соотвѣтственно семи племенамъ, которыя подобно „ирокезскому союзу входили въ составъ дакотскаго народа. Въ 1872 году число дакотовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, отчасти поселившихся на участкахъ и частью кочующихъ на свободѣ, безъ опредѣленнаго мѣста жительства, простиралось до 59,377, не считая 1000 душъ въ Британскихъ владѣніяхъ. Въ новѣйшее время, а именно въ 1876, численность ихъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ полковникомъ Альбертомъ Г. Брэкетъ, не превышала 56,000, изъ которыхъ 39,700 жили въ Дакотѣ, 10,000 въ Монтанѣ и 6,300 въ Віомингѣ. Дакоты составляютъ конфедерацію племенъ, независимыхъ другъ отъ друга. Каждое ведетъ войну по собственному усмотрѣнію и самостоятельно рѣшаетъ свои дѣла. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится постановить рѣшеніе относительно дѣла, касающагося всей націи, племена соединяются для общаго совѣщанія, и каждое изъ нихъ посылаетъ своего представителя въ лѣсъ, гдѣ, по взаимному соглашенію, назначено сборище. Если рѣшеніе имѣетъ нѣкоторую важность и считаютъ нужнымъ сохранить его какъ документъ, то на древесномъ стволѣ нарѣзаютъ ножемъ или вырубаютъ топоромъ іероглифы, относящіеся къ предмету совѣщанія, и каждое племя прикладываетъ свою печать или гербъ. До сихъ поръ храбрые воинственные дакоты принадлежатъ къ числу индійцевъ, внушающихъ наибо́льшій страхъ; они оказываются совершенно недоступными культурѣ, хотя двѣсти лѣтъ тому назадъ ихъ уже посѣщали французскіе миссіонеры и употребляли всѣ усилія, чтобы ци-

вилизовать ихъ болѣе другихъ сѣверо-западныхъ племенъ. Они представляютъ собой настоящій типъ народа прерій; и великій англійскій путешественникъ. Ричардъ Бёртонъ прямо называетъ ихъ дикарями. Хотя они поселены на участкахъ, но только немногіе изъ нихъ ведутъ осѣдлую жизнь; большинство до сихъ поръ существуетъ охотой и отчасти торговлей мѣхами. Если вѣрить ихъ преданіямъ, то они пришли на свои теперешнія мѣста жительства съ запада, слѣдовательно съ береговъ Тихаго океана; и даже нѣкоторые ученые

Вождь индійцевъ дакота.

нашли, что ихъ языкъ, повидимому, представляетъ наибольшее сходство, съ монгольскимъ, нежели который либо изъ американскихъ діалектовъ. Однако, болѣе точное изслѣдованіе и сравненіе привело къ совершенно инымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, въ языкѣ дакота многія предложенія отличаются простотой конструкціи, не свойственной другимъ американскимъ діалектамъ, какую можно только встрѣтить въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ. Но при болѣе подробномъ изслѣдованіи мы находимъ, что дакота тѣмъ не менѣе вполнѣ сохраняетъ общій характеръ американскихъ языковъ. Различіе главнымъ образомъ заключается въ томъ, что въ предложеніи отдѣльныя составныя части ихъ словъ менѣе подвержены измѣненіямъ, и вслѣдствіе этого являются болѣе самостоятельными, нежели мы видимъ это

въ другихъ американскихъ идіомахъ. Наконецъ въ дакота важную роль играютъ приставки, тогда какъ языки алтайскаго корня отличаются полнымъ отсутствіемъ ихъ (H. C. von der Gabelentz, Grammatik von der Dakotasprache. Leipzig 1852, S. 8 bis 9).

Бёртонъ, какъ упомянуто выше, раздѣляетъ индійцевъ дакота на семь главныхъ группъ, а именно:

1) Мдевакантонванъ или минова кантонгъ, извѣстные у канадцевъ подъ именемъ Gens du lac; они занимали прежде обширное пространство, отъ такъ называемой „Собачьей преріи", принадлежащей французамъ, до Петерсривера, но въ послѣднее время передвинулись далѣе на западъ. Они считаются самыми воинственными изъ всѣхъ сіуксовъ и съ незапамятныхъ временъ находятся въ смертельной враждѣ съ храбрѣйшими изъ племенъ одчибуэ: фоллесъ, авойнесъ или меномоніесъ. Въ 1850 году ихъ насчитывалось до 2,000 душъ.

2) Вагпетонванъ или вагкпатоанъ, „gens des feuilles", жившіе прежде у рѣки Миннезота, а въ настоящее время по близости Lac qui parle и Бикстонъ-ривера; ихъ насчитываютъ отъ 1,000—1,200 душъ; они воздѣлываютъ маисъ, но въ незначительномъ количествѣ.

3) Вагпекутъ или вагкпакотоанъ, называемые также „gens des feuilles tirées" или „Leaf shooters", живутъ на западъ отъ Рѣки Мöнаховъ, Каннонъ и Блу-Ерсъ-Ривера; въ 1850 году ихъ было всего не болѣе 600 душъ.

4) Сизитонванъ, сизитоанъ или сусситонги, которые прежде охотились на обширныхъ преріяхъ у Миссисипи до рѣки Равена, а въ настоящее время у озера Траверсъ и на склонѣ прерій; въ настоящее время ихъ около 2,500 душъ.

Эти четыре племени составляютъ сіуксовъ Миссисипи и Миннезота. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались осѣдлыми и мало по малу подверглись нравственной порчѣ; но большинство осталось въ дикомъ состояніи, и объ нихъ составились цѣлыя легенды у поселенцевъ сѣверныхъ Айовы и Миннезоты. Д-ръ В. Г. Гарднеръ имѣлъ случай познакомиться довольно близко съ вагкпетонванами и сизитонванами. Они находятся еще въ крайне первобытномъ состояніи. Въ настоящее время издано два или три лексикона ихъ языка, который мало чѣмъ отличается отъ діалектовъ другихъ дакотскихъ племенъ. Полигамія господствуетъ у нихъ. Въ послѣднее время незначительная часть этихъ индійцевъ приняла христіанство, которое, въ связи съ ихъ прежними религіозными представленіями, образовало своеобразную миѳологію. По своимъ дикимъ инстинктамъ, они все еще настоящіе индійцы; почти всѣ покрыты шрамами отъ добровольно произведенныхъ обжоговъ и порѣзовъ, между тѣмъ какъ въ болѣзняхъ они не выносятъ никакой боли. Техническое производство находится у нихъ въ большомъ упадкѣ, и даже гончарное искусство совершенно заброшено ими со времени ихъ знакомства съ бѣлыми. Для изготовленія пищи они роютъ въ землѣ яму, выкладываютъ ее свѣжей звѣриной шкурой, наливаютъ воды и кладутъ мясо, которое варятъ съ помощью раскаленныхъ камней. Они необычайно прожорливы, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются разборчивостью въ пищѣ. Мужчины страстные игроки; они не только проигрываютъ своихъ женъ, но и лошадей, которыми особенно дорожатъ. Вслѣдствіе дурнаго обращенія, нерѣдко бываютъ случаи самоубійства женщинъ. (Ann. Rep. of the Smithson. Institution 1870, p. 369—373).

5) Янктонванъ или янктоанъ (т. е. крайняя деревня), называемые также Уичіайэла или „первая нація". Они живутъ близь устья Бигъ-Сіуксъ-Ривера и между этой рѣкой и Миссури, до форта Лукоутъ. Въ 1851 году ихъ было около 2,400 душъ, а въ 1861 до 2,900. Теперь они живутъ въ нищетѣ, такъ какъ въ этой мѣстности вывелись буйволы.

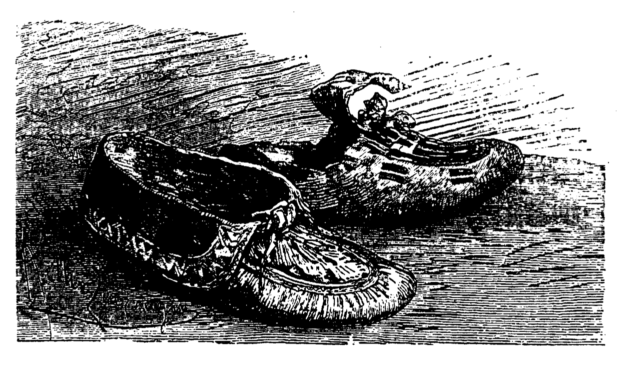
6) Янктонванна или янктоанна, живущіе между Джемсомъ и Миссури, на сѣверъ до Чортова озера; численность ихъ въ 1876 году доходила до 7,500 душъ. Они распадаются на нѣсколько племенъ и составляютъ язву дакотскихъ поселенцевъ.

7) Титонванъ или тетонъ (т. е. деревня прерій), живутъ на сѣверо-западѣ до 106 меридіана, на западъ отъ Гринвича. Они составляютъ почти половину всѣхъ сіукскихъ племенъ, ихъ насчитываютъ болѣе чѣмъ 12,000 душъ. Благодаря бракамъ, они находятся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ шейенами и арикари. Съ пауніями и „вороньими индійцами" они жили прежде во враждѣ, но теперь сошлись и съ ними и сообща дѣлаютъ нападенія на бѣлыхъ. Всѣ они превосходные наѣздники. Титонванъ также распадаются на семь подраздѣленій (R. Burton, The City of the Saints, p. 116—120).

Полковникъ Брэкетъ, возводя нѣкоторыя изъ этихъ подраздѣленій въ самостоятельныя группы, дѣлитъ дакотовъ на 12 племенъ, а именно: огалалла, (т. е. тонкія рубашки) исганго или brûlés (производители огня), янктоны, миннекую (живущіе у воды), ункпапа, янктоннай (стрѣлки изъ лука), cutheads (головорѣзы), сантисы, тетоны (острые дома), сиссетоны, варпетоны (потребители чая) и, наконецъ, оганапа (два котла). На сѣверѣ къ сіуксамъ принадлежатъ еще се-аш-га-па или „черноногіе индійцы" (названные такимъ образомъ по ихъ чернымъ мѣховымъ башмакамъ, „мокассинамъ"). Что касается наружнаго типа дакотовъ, то мужчины у нихъ немного болѣе средняго роста, съ довольно плоскимъ лбомъ и отвѣснымъ затылкомъ. Цвѣтъ кожи различный; у многихъ, особенно на частяхъ тѣла, покрытыхъ одеждой, кожа немного темнѣе, нежели у брюнетовъ европейцевъ, у другихъ же, наоборотъ темно-бронзовая или мѣдно-коричневая. Руки и ноги стройныя и красивыя; физическія увѣчья вслѣдствіе болѣзней въ высшей степени рѣдки. Женщины небольшого роста, приземисты, очень мускулисты и выносливы; рано достигаютъ зрѣлости и становятся матерями въ 13 и 14 лѣтъ. Черты лица сіуксовъ суровыя и грубыя. У нихъ большой и широкій носъ, черные глаза, высокія скуловыя кости, толстыя вздутыя губы, большія уши, жесткіе и прямые волосы; брови и борода тщательно выщипаны. Выраженіе ихъ лицъ большею частью привѣтливое; но во время сборищъ, которыя происходятъ у нихъ довольно часто, они держатъ себя съ преувеличенною важностью. Брэкетъ особенно близко познакомился съ огалалласами, живущими въ сосѣдствѣ агентства Редъ-Клаудъ, въ Небраскѣ. Въ 1876 году около этого мѣста было до 8,000 сіуксовъ. Они живутъ въ палаткообразныхъ хижинахъ, которыя большею частью крыты полотномъ или буйволовыми кожами, и стоятъ особнякомъ или цѣлыми деревнями. Хижины конической формы; стѣны подперты лучеобразными подставками изъ вѣтвей; сверху оставлено отверстіе для выхода дыма; входъ закрытъ занавѣсью. Очагъ находится посрединѣ, подъ дымовымъ отверстіемъ. Въ былыя времена главной пищей этихъ индійцевъ служило буйволовое и оленье мясо; но съ тѣхъ поръ, какъ они состоятъ подъ надзоромъ агентствъ, они питаются бычачьимъ мясомъ, маисомъ и мукой и при этомъ большіе любители табаку, кофе и сахару. Оружіе ихъ состоитъ изъ лука, стрѣлъ, пистолетовъ и превосходныхъ винтовокъ, заряжаемыхъ съ казенной части; на охотѣ они преимущественно употребляютъ лукъ и стрѣлы, а на войнѣ огнестрѣльное оружіе. Что касается одежды, то она шьется изъ буйволовыхъ шкуръ и на гладкой сторонѣ, обращенной кверху, нарисованы первобытнымъ способомъ самыя невѣроятные подвиги разныхъ героевъ. Кожаные штаны обшиваются бахрамой, а кожаное платье и голубые шерстяные платки—богатыми украшеніями изъ бусъ. Равнымъ образомъ, въ большомъ употребленіи серебрянныя украшенія—бляхи, кресты, браслеты и серьги. Выбриванье головы вышло изъ моды, дакоты носятъ длинные волосы, нерѣдко выкрашенные киноварью. У нихъ также въ ходу шляпы (цилиндры), которые они убираютъ перьями,

бусами и пестрыми лентами. Ихъ обычную обувь составляютъ мокассины, украшенные бусами и ежовыми иглами. При раскрашиванiи лица, индiйскiй денди даетъ полную волю фантазiи, и для большей красоты выводитъ на своей физiономiи самыя необыкновенныя, причудливыя фигуры. Зеркало составляетъ необходимую принадлежность дакота; онъ часто вынимаетъ его, чтобы полюбоваться своей наружностью. Дѣйствительно, индiецъ верхомъ на лошади и въ своемъ головномъ военномъ уборѣ чрезвычайно эффектенъ. Этотъ уборъ составляетъ своего рода образцовое произведенiе искусства; онъ дѣлается изъ стоячихъ орлиныхъ перьевъ и длинныхъ полосъ краснаго сукна, доходящихъ до самыхъ пятокъ. (Ann. Rep. of the Smithson. Instit. 1876, p. 467—470).

Почти всѣ дакотскiя племена состоятъ до сихъ поръ изъ первобытныхъ охотниковъ, стоящихъ на крайне низкой степени культуры: Единственное занятiе, перенятое ими у бѣлыхъ, а именно воздѣлыванiе маиса, бобовъ и тыквы еще не можетъ служить признакомъ перехода къ цивилизацiи; а къ скотоводству они не имѣютъ никакой склонности. Изъ всѣхъ сiукскихъ племенъ янктоны повидимому дѣлаютъ наибольшiе успѣхи въ полевомъ хозяйствѣ; но вопросъ крайне спорный: удастся ли дѣйствительно цивилизовать ихъ. Р. Бёр-



Мокассины сѣверо-американскаго индiйца, вышитые большею частью изъ бѣлыхъ, красныхъ и голубыхъ перьевъ.

тонъ справедливо утверждаетъ, что между дакотами и древними въ настоящее время почти вымершими индiйскими племенами существуетъ рѣзкое различiе. Послѣднiя жили въ такъ называемыхъ вигвамахъ и въ деревняхъ, только временно пускались въ странствованiя и то въ недалекомъ разстоянiи отъ дома, куда возвращались всякiй разъ по окончанiи охоты или военнаго похода, приэтомъ они только отчасти занимались земледѣлiемъ и не ѣздили на лошадяхъ. Хотя они и подвергали всевозможнымъ мученiямъ плѣннаго врага, но уважали цѣломудрiе женщинъ. Послѣдняго не соблюдаютъ дакоты и другiе индiйцы прерiй и совершаютъ невообразимыя звѣрства надъ бѣлыми женщинами. Исторiя плѣна послѣднихъ у индiйцевъ такого свойства, что мы не считаемъ удобнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей.

Лѣтомъ 1862 года дакоты подъ предводительствомъ своего вождя „Little Crow“ (малаго ворона) и совмѣстно съ толпами другихъ индiйцевъ, напали на бѣлыхъ поселенцевъ, жившихъ на сѣверозападъ отъ С. Поля, у Чортова озера или Миниваканъ, въ Миннезотѣ. Планъ набѣга былъ хорошо составленъ. Грабежи, убiйства, поджоги указывали ихъ путь; они позорили, изувѣчивали и убивали женщинъ; дѣтямъ разбивали головы, ударяя ихъ о косяки дверей; мертвецовъ прибивали гвоздями къ воротамъ и т. п. Никакое перо не въ со-

стояніи описать всѣ злодѣянія, совершенныя этими звѣроподобными дикарями. Эти „волки, рожденные отъ женщинъ“, бродяги, безчувственные разбойники, не даромъ пользуются славой превосходныхъ наѣздниковъ; но они почти не годятся для пѣшаго войска. Они не имѣютъни малѣйшаго понятія о благодарности, хотя бы имъ оказывали всевозможныя благодѣянія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Если даже дакота проживетъ долгое время у бѣлаго, будетъ кормиться на его счетъ, получать подарки и пр., то онъ все-таки кончитъ тѣмъ, что украдетъ у него платье или лошадь. Если вы дадите что-либо дакота, то можете быть увѣрены, что онъ станетъ еще что-нибудь выпрашивать у васъ. Они мастера въ кражѣ и попрошайствѣ. Съ женами они обращаются чрезвычайно дурно. Мужъ даже не сѣдлаетъ самъ своей лошади. Онъ скорѣе готовъ погибнуть и умереть съ голоду, нежели приняться за правильный трудъ. Онъ восхваляетъ щедрость, хотя самъ никогда не примѣняетъ ея на дѣлѣ и вообще отличается скупостью (Burton, The City of the Saints, p. 124 до 126). Полный контрастъ съ этимъ мнѣніемъ великаго путешественника составляетъ взглядъ Герланда, который говоритъ, что „сіуксы повсемѣстно выказываютъ способность къ цивилизованному труду“. По его примѣру, всѣ живущіе здѣсь агенты увѣряютъ, что дакотскія племена дѣлаютъ успѣхи въ культурѣ, хотя крайне медленные (Globus, Bd. XXXV, S. 351). Равнымъ образомъ, численность ихъ мало увеличивается. Съ своей стороны, я долженъ сознаться, что подобныя извѣстія кажутся мнѣ весьма сомнительными. Происшествія послѣднихъ лѣтъ, во всякомъ случаѣ, не даютъ намъ права дѣлать какія-либо утѣшительныя заключенія. Съ 1874 года сіуксы ведутъ непрерывную, болѣе или менѣе упорную, войну противъ бѣлыхъ и вовлекли въ нее другія индійскія племена, какъ, напр., шейеновъ и аррапаговъ. Выведенные изъ терпѣнія обманами и притѣсненіями правительственныхъ чиновниковъ, они оставили отведенный имъ участокъ въ Уайомингѣ въ 1874 году и разбрелись во всѣ стороны, съ цѣлью убійствъ и грабежа. Полковнику Боллоку удалось видѣть въ это время исполненный ими воинственный „танецъ скальпа“. По всѣмъ даннымъ, дакотскія племена не утратили своей первобытной дикости и въ точности придерживаются старыхъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. До сихъ поръ они ежегодно справляютъ съ большою пышностью праздникъ „Солнечной пляски“, подробно описанный въ „Army and Navy Gazette“ однимъ очевидцемъ, которому удалось присутствовать на немъ въ 1879 году. По этому описанію, сіуксы, живущіе на участкѣ близь форта Пикъ, въ Монтанѣ, справляли это торжество слѣдующимъ образомъ: „прежній лагерь былъ преобразованъ для празднества; вигвамы раскинуты на прекрасномъ, ровномъ мѣстѣ, представлявшемъ обширный четыреугольникъ, въ которомъ удобно могли помѣститься до 1000 всадниковъ. Посрединѣ былъ родъ большого павильона, такъ наз. „вигвамъ знанія“, имѣвшій около 50 м. въ діаметрѣ и наружная сторона котораго состояла изъ зеленыхъ тополевыхъ и ивовыхъ столбиковъ, тѣсно скрѣпленныхъ зелеными вѣтвями. Непосредственно за этой стѣной зелени были устроены первобытные подмостки изъ досокъ, имѣвшіе до 6 м. въ окружности, крытые буйволовыми шкурами, которые должны были одновременно служить гардеробной для актеровъ и танцоровъ и помѣщеніемъ для оркестра. Въ центрѣ находился „столбъ знанія“, около 13 м. высоты. Поперечникъ внутренняго пространства занималъ приблизительно 35 м. и надъ нимъ разстилалось ясное голубое небо Монтана. Только мужчинамъ дозволено было вступать въ этотъ кругъ, гдѣ во время 28-ми-часоваго празднества имъ былъ поданъ обѣдъ, состоящій изъ сочной собачины, большого количества буйволоваго мяса, дикой рѣпы и другихъ овощей, неизвѣстныхъ новѣйшему кулинарному искусству. На празднествѣ присутствовало до 5000 индійцевъ; но такъ какъ доступъ во внутреннее пространство былъ открытъ для однихъ воиновъ, то прекрасный полъ и юношество должны были довольствоваться

Утварь индійцевъ.
Военная сумка изъ полосъ пестрой кожи, украшенная кистями; табачный кисетъ изъ куньяго мѣха съ кистями изъ пестрыхъ бусъ; томагаукъ и скальпъ сіуксовъ; плеть съ ручкой изъ оленьяго рога.

созерцаніемъ торжества черезъ широкій входъ и отверстія въ стѣнѣ зелени. Всѣ были въ праздничныхъ одеждахъ; наряды многихъ вождей, жрецовъ и ораторовъ, которымъ предстояло говорить рѣчи во время торжества, можно было безусловно назвать великолѣпными. Когда окончены были всѣ приготовленія, на мѣстѣ, назначенномъ для сцены, выступили 50 статныхъ воиновъ, раскрашенныхъ и обнаженныхъ до пояса; они были покрыты всевозможными украшеніями и въ необыкновенно красивыхъ головныхъ уборахъ изъ перьевъ, подъ которыми развѣвались черные блестящіе волосы, доходившіе до нижняго платья, искусно драпированнаго. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ красивую дудку, на подобіе флейты, сдѣланную изъ орлиной кости, и дулъ въ нее изо всѣхъ силъ во время танцевъ; затѣмъ у каждаго былъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Выходъ этихъ героевъ былъ величественный и внушительный; публика съ восторгомъ привѣтствовала ихъ. Необычайное мужество и сила воли, съ которой они выносили физическія мученія, вполнѣ заслуживаютъ вниманія, такъ какъ во время промежутковъ между танцами они вырѣзали на спинѣ и рукáхъ у себя и товарищей отъ 50 до 200 кусковъ мяса. Танцы продолжались всю ночь при свѣтѣ громаднаго костра и при этомъ танцоры подвергали себя новымъ истязаніямъ. Такъ, напр., нѣкоторые танцовали съ двумя, тремя или даже четырьмя буйволовыми головами, которые были привязаны къ веревкамъ, продѣтымъ въ ихъ собственномъ тѣлѣ. Великанъ-индіецъ тащилъ за собой по землѣ восемь буйволовыхъ головъ, прикрѣпленныхъ къ мускуламъ его спины; другихъ привязали, по ихъ желанію, къ „столбу знанія“ такъ сильно, что веревки врѣзались въ ихъ тѣло и они еще дѣлали попытки убѣжать; чѣмъ еще болѣе увеличивали свои страданія. Многіе изъ танцоровъ, которые отказались подкрѣпить себя пищей, падали въ обморокъ отъ изнеможенія. Непрерывные дикіе возгласы, шумная музыка, речитативное пѣніе монотонныхъ пѣсенъ произвели глубокое впечатлѣніе на зрителей, которое еще болѣе усилилось, когда танцоры склонились лицами къ буйволовымъ головамъ, бормоча въ полголоса молитвы и охотничьи заклинанія. Лекарь (знахарь) съ стенаніемъ молилъ великаго духа о дарованіи богатой добычи на охотѣ, насущнаго хлѣба для женщинъ и дѣтей, равно и объ изобиліи лошадей и ниспосланіи помощи въ борьбѣ съ непріятелемъ. Далеко разносились по холмамъ

Монтана эти дикіе ночные вопли; тихо текла рѣка Попларъ и золотистое лунное сіяніе отражалось въ водѣ"... Это описаніе наглядно знакомитъ насъ съ первобытной индійской жизнью и соотвѣтствуетъ отличительнымъ чертамъ ихъ характера, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія ихъ полное равнодушіе къ жизни. Послѣднее составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ распространенію нашей цивилизаціи, придающей величайшее значеніе человѣческой жизни. Вождь Татимима, осужденный бѣлыми на смертную казнь, приказалъ передать своимъ роднымъ, чтобы они не печалились объ его смерти, что онъ старъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать на долгую жизнь и казнь немного сократитъ его дни. „Меня поддерживаетъ надежда, добавилъ онъ,—что я скоро достигну жилища великаго духа и буду наслаждаться тамъ вѣчнымъ блаженствомъ". Другой вождь, Тацу, также осужденный на смерть, услыхавъ эти слова, обратился къ своимъ друзьямъ съ такою рѣчью: „Скажите моимъ братьямъ, что мы будемъ выведены изъ этого свѣта дорогой, по которой и имъ скоро прійдется идти. Мы идемъ первые; но многіе изъ нашихъ друзей должны будутъ послѣдовать за нами. Я надѣюсь вступить въ жилище великаго духа, гдѣ буду счастливъ. Но путь далекъ и велико разстояніе. Я двигаюсь медленно и долженъ буду употребить много времени, чтобы окончить путешествіе; меня не удивитъ, если другіе, болѣе молодые и крѣпкіе люди, которые остались позади, встрѣтятся со мною на пути, прежде, чѣмъ я достигну цѣли". Эта рѣчь Тацао живо напоминаетъ одно стихотвореніе Шиллера „Nadowessische Todtenklage" Надовесскій похоронный плачъ,

Такъ начнемъ же погребальный
Хоръ среди могилъ!
Принесемте въ даръ прощальный
Все, что онъ любилъ.
Лукъ положимъ къ изголовью,
А топоръ на грудь,
Въ ноги мѣхъ съ медвѣжьей кровью,
Другу въ дальній путь.

Ножъ отточимъ, чтобъ безъ страха,
Свергнувъ вражій трупъ,
Съ головы его въ три взмаха
Могъ онъ срѣзать чубъ.
Краски огненнаго цвѣта
Бросимъ на ладонь,
Чтобъ предсталъ онъ въ безднѣ свѣта,
Красный какъ огонь.

(См. Пол. Собр. Соч. Шиллера, изд. Гербеля 1863 г., т. I).

То же происходитъ и въ наше время. По свидѣтельству полковника Брэкета, когда умираетъ сіуксъ, то вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ могилу его оружіе, платье, курительныя трубки и пр. и, кромѣ того, убиваютъ лошадь и зарываютъ вмѣстѣ съ нимъ въ землю. Печаль по умершемъ доходитъ до такой степени, что нѣкоторые, въ порывѣ отчаянія, отрѣзаютъ себѣ два сустава пальцевъ (Ann. Rep. of the Smithsonian Inst. 1876, p. 470).

Помимо перечисленныхъ нами, существуютъ еще различныя группы индійцевъ, которыя представляютъ близкое сродство съ дакота и принадлежатъ къ той же народной семьѣ, такъ что мы считаемъ нелишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, уиннбаго или уиннпегъ: они сами называютъ себя „hochungohrah". Въ настоящее время наибольшая масса ихъ поселена на одномъ изъ участковъ дакота, остальные находятся въ Висконсинѣ и ведутъ прежнюю бродячую жизнь; общее число ихъ въ 1876 году доходило до 2,300 душъ. Въ ихъ участкѣ учреждены двѣ школы, но относительно матеріальнаго благосостоянія они далеко отстали отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей, омаговъ. Ф. А. Муръ, въ іюнѣ 1868 года, живя среди уиннбаго, видѣлъ поразительный примѣръ кровавой мести, который занимаетъ видное мѣсто въ кодексѣ большинства индійскихъ племенъ (Globus, Bd. XIV, S. 158—159). Мы имѣемъ ноты напѣва индійцевъ уиннбаго, живущихъ въ Уиннбаго: текстъ вырѣзанъ на плоскомъ кускѣ дерева, но есть

и такіе, которые нарисованы на древесной корѣ (Verhdl. d. Berl. Geselsch. f. Anthrop. 1874, S. 75, и Lafel, VII). Племя Айова менѣе значительно (въ 1876 году ихъ было всего 226 головъ въ Небраскѣ); они сами себя называютъ „pahucha", т. е. „пыльные носы", а также маскутинъ или надовесси-прерій. Они одѣты по-европейски и занимаются воздѣлываніемъ почвы; дѣти ихъ съ успѣхомъ посѣщаютъ школы. Ихъ союзники, миссури или нударча, также живутъ въ Небраскѣ. По свидѣтельству профессора Вильгельма Кребса, въ Омагѣ численность обоихъ племенъ доходила въ 1825 году болѣе чѣмъ до 1100 душъ, но болѣзни и пьянство произвели между ними сильныя опустошенія; впрочемъ, въ этомъ отношеніи съ нѣкотораго времени замѣтно улучшеніе, и они начали заниматься земледѣліемъ (Globus, Bd. XVII, S. 238). Попытки пресвитеріанскихъ миссій распространить между ними образованіе увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ (Amer. Cyclop., Bd. XI, p. 674). Отъ Миссури отпало племя миссуріа и соединилось съ оту (otoes). Ихъ участки расположены на обоихъ берегахъ Бигъ-Блю-Ривера, въ Небраскѣ; въ 1876 г. численность оту доходила до 323 душъ; они придерживаются индійскихъ нравовъ, одежды и образа жизни и избѣгаютъ всякихъ сношеній съ миссіей. (A. a. O., Bd. XII, S. 732). Омаги, которыхъ въ 1876 году насчитывалось до 951 душъ, находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; они исключительно занимаются земледѣліемъ, вслѣдствіе чего въ ихъ положеніи произошло существенное и быстрое улучшеніе; у нихъ есть своя церковь и три школы. Нѣкогда безпокойные озаги (озаши), въ числѣ 3,956 человѣкъ, живутъ на участкѣ того-же имени въ индійской территоріи, и вообще дѣлаютъ очень мало успѣховъ въ культурѣ. По наружности, нравамъ, характеру и языку, всего болѣе сродны съ ними индійцы канзасъ, по имени которыхъ названъ одинъ изъ штатовъ Союза. Методисты, несмотря на всѣ старанія цивилизовать ихъ, не достигли никакихъ особенныхъ результатовъ; въ 1850 году этихъ индійцевъ было около 1,300 головъ; въ 1860—803; въ 1872—593 (A. a. O., Bd. IX, S. 746), а въ 1876—не болѣе 523 индивидовъ. Одни только куаппа, которыхъ уцѣлѣла незначительная горсть, могутъ похвалиться, что до сихъ поръ не покинули земли своихъ предковъ, такъ какъ они настоящіе туземцы нынѣшней индійской территоріи и остатки нѣкогда могущественнаго племени. Ихъ прежняя область охоты простиралась отъ Канады до Миссиссипи. Въ настоящее время они находятся въ крайней нищетѣ. Но еще большаго вниманія заслуживаютъ манданы, о которыхъ совершенно ошибочно составилось убѣжденіе, будто бы они всѣ вымерли въ 1837 году. Между тѣмъ, этотъ небольшой народъ, численность котораго, по Галлатину, никогда не превышала 1,500 душъ, существуетъ и до сихъ поръ у форта Бертольда въ Дакотѣ, хотя въ еще болѣе ограниченномъ количествѣ. Весьма возможно, что манданское племя постепенно увеличивается, какъ утверждаетъ Герландъ (Globus, Bd. XXXVI), такъ какъ, по его источникамъ, ихъ было всего 227 индивидовъ въ 1877 году, между тѣмъ какъ опись 1876 года, которой я неоднократно пользовался, указываетъ на цифру 450. Туземное названіе манданы или нумакаки означаетъ „людей", а не фазановъ и дикихъ куръ прерій, какъ думали прежде. Только часть племени называетъ себя „Siposka-Numakaki", т. е. „фазановые люди".

Цвѣтъ кожи у мандановъ свѣтлѣе, нежели у остальныхъ индійцевъ; у нѣкоторыхъ того же оттѣнка, что у японцевъ; серебристо-пепельные волосы встрѣчаются довольно часто у дѣтей, вслѣдствіе чего въ былыя времена хотѣли произвести этихъ индійцевъ отъ баснословной колоніи, которая въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ вышла изъ британскаго Валлисскаго княжества и водворилась у верхняго теченія Миссури. Но эта выдумка, конечно, не имѣетъ никакого научнаго основанія. Манданы довольно хорошо сложены; они заплетаютъ свои длинные волосы въ косы, шириною въ дюймъ, и наполняютъ пустые промежутки глиной или красной и желтой охрой. Ихъ хижины

строятся изъ дерева и имѣютъ круглую, а иногда и многоугольную форму; посрединѣ устраиваютъ погребъ. Деревянные подставки покрыты землей и крыша составляетъ любимое мѣсто сборищъ. Встрѣчаются и четыреугольныя жилища. Манданы одѣваются нетолько прилично, но даже щеголевато, и оба пола отличаются другъ отъ друга особымъ покроемъ платья. Всѣ носятъ мокассины и панталоны, украшенные ежевыми иглами; у мужчинъ въ употребленіи куртки и рубашки, у женщинъ особый родъ мѣшковъ изъ звѣриныхъ шкуръ, которые покрываютъ тѣло отъ шеи до колѣнъ и руки до локтя. Манданы покойное и миролюбивое племя; у нихъ существуютъ различныя отрасли промышленности, неизвѣстныя ихъ собратьямъ. Помимо курительныхъ трубокъ, лука и стрѣлъ, они изготовляютъ циновки и корзины изъ ивовой коры, украшенныя разноцвѣтными сложными рисунками, а также чрезвычайно прочные черные глиняные сосуды, вмѣщающіе иногда до 14 л., которые выдерживаютъ сильнѣйшій жаръ. Ихъ челноки обтянуты звѣриными шкурами. Мертвецовъ они завертываютъ въ шкуры и кладутъ на подмосткахъ, гдѣ трупы оставляются до тѣхъ поръ, пока они окончательно не истлѣютъ. Затѣмъ собираютъ черепа и выставляютъ ихъ въ видѣ круга. Манданы, подобно другимъ индійцамъ, признаютъ добраго и злого духа, и у нихъ, равнымъ образомъ, существуетъ легенда о великомъ потопѣ, отъ котораго спаслась одна человѣческая чета. Но только здѣсь встрѣчается своеобразное сказаніе о челнокѣ, голубѣ и ивовой вѣткѣ, напоминающее библейскій разсказъ, хотя, само собою разумѣется, оно совершенно независимо отъ послѣдняго. Въ 1832 году художнику Георгу Кэтлину удалось видѣть большую праздничную церемонію „O-kih-pa", которую манданы справляли въ память великаго потопа (G. Caltin, O-kee-pa, a religions ceremony and other customs of the Mandans. London, 1867). Трудно сказать съ увѣренностью, существуетъ ли она до настоящаго времени, со всѣми ея ужасными атрибутами, хотя мы встрѣчаемъ указаніе на это въ American Cyclopedia, въ отдѣлѣ, посвященномъ описанію мандановъ (Bd. XI, p. 99). Скулькрафтъ выразилъ сомнѣніе относительно правдивости показаній Кэтлина, но въ новѣйшее время Джемсъ Клиппъ, жившій съ 1822 до 1835 года между манданами, счелъ нужнымъ заступиться за Кэтлина, который вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ на „O-kih-pa" и, по его словамъ, представилъ вполнѣ вѣрную картину и описаніе этого празднества, безъ малѣйшаго преувеличенія (Ann. Rep. of the Smithsonian Instit. 1872, p. 436—438). На деревенской площади, гдѣ находится хижина знахаря, устроено было символическое изображеніе „большого челнока" (ковчега), въ видѣ круга, окруженнаго частоколомъ, какъ это видѣлъ М. Вашингтонъ въ новѣйшее время въ манданскихъ поселеніяхъ у форта Бертольда. Мужчины и женщины считаютъ это мѣсто святыней, и только люди, посвященные въ мистеріи, имѣютъ право прикасаться къ частоколу или даже смотрѣть на него. Вокругъ этого символическаго изображенія потопа, называемаго на языкѣ мандановъ „Minerokahascha" (пониженіе водъ), справлялся праздникъ „O-kih-pa". Церемонія длилась четыре дня и состояла изъ ряда празднествъ и увеселеній; первыя были продолжительнѣе и болѣе суроваго характора, вторыя отличались невоздержаніемъ и безнравственностью. Молодые люди, достигшіе возмужалости въ истекшемъ году, подвергались тяжелой эпитиміи въ видѣ воздержанія и физическихъ истязаній, которые могутъ навести ужасъ на всякаго посторонняго зрителя. Церемонія началась съ того, что два замаскированныхъ человѣка, вооруженные ножами съ острымъ зубчатымъ лезвеемъ, вонзали ихъ въ тѣло юношей, ослабѣвшихъ отъ четырехъ съ половиной дней поста и безсонницы. Удары, направленные на верхнюю часть руки, на бедра, колѣна, икры, грудь и плечи, должны были производить невыносимую боль; но операторы, не довольствуясь этимъ, втыкали въ раны палки, толщиною въ палецъ. Затѣмъ съ крыши знахарской хижины спустили ремень и, прикрѣпивъ къ палкамъ, воткнутымъ въ грудь и плечи, подняли на

воздухъ несчастныхъ, къ ногамъ и рукамъ которыхъ привязали для большей тяжести мѣшокъ, щитъ и буйволовыя головы, болтавшіяся изъ стороны въ сторону. При этомъ несчастныхъ вертѣли кругомъ, сначала медленно, потомъ все быстрѣе, пока они не потеряли сознанія и не повисли неподвижно, свѣсивъ голову и высунувъ языкъ. Эта операція продолжалась отъ 15—20 минутъ, послѣ чего ихъ опустили на землю и вынули палки изъ плечъ и груди, оставивъ остальныя. Тѣхъ изъ нихъ, которые были въ состояніи подняться на ноги, потащили къ новому палачу, который во славу Великаго Духа отрубилъ имъ пятый палецъ руки, что напоминаетъ сходный съ этимъ обычай у индійскихъ буддистовъ по ту сторону Ганга. Въ заключеніе, несчастныхъ юношей привели къ знахарской хижинѣ, гдѣ имъ пришлось выдержать „Jekinahka Napik", т. е. послѣдній бѣгъ". Ихъ потащили съ возможною быстротою вокругъ хижины, такъ что буйволовыя головы, щитъ и остальныя привязанныя къ нимъ тяжести волочились за ними по землѣ. Послѣ этого все, что было привязано къ палкамъ, оторвали съ силой, и страдальцевъ уложили на землѣ, прикрывъ ихъ ивовыми вѣтками. Нѣкоторое время спустя, они поднялись на ноги и пошли, хотя съ большимъ трудомъ, въ свой вигвамъ, гдѣ имъ перевязали раны. Лучшимъ доказательствомъ, насколько нечувствительна нервная система индійцевъ, служитъ то, что извѣстенъ только одинъ случай, когда вышеописанныя истязанія кончились смертью. Непосредственное отношеніе къ этому празднеству имѣетъ „Bellokh Napik", т. е. „большой буйволовый танецъ", точному исполненію котораго индійцы приписываютъ появленіе буйволовъ, которое можетъ доставить имъ запасъ пищи на слѣдующій годъ. Восемь мужчинъ, размалеванныхъ по праздничному и украшенныхъ буйволовыми шкурами, хвостами и рогами, исполняли этотъ танецъ четыре дня сряду передъ символическимъ изображеніемъ „большого челнока": въ первый день четыре раза, во второй—восемь разъ, въ третій—двѣнадцать, а въ четвертый—шестнадцать разъ. За „O-kih-pa", въ видѣ заключительнаго празднества, слѣдовало такъ называемое „пиршество буйволовъ", которое обыкновенно происходитъ ночью и превращается въ невообразимую оргію (см. довольно подробное описаніе „O-kih-pa" въ „Globus, Bd. XVI, S. 4—7 и 17—21).

Близкое сродство съ манданами представляютъ живущіе близь агентства Бертольдъ (въ Дакотѣ) гидатза или хатзаръ, еще болѣе извѣстные подъ именемъ мёнитари, минетари и „gros ventres" (толстобрюхихъ). Послѣднимъ прозвищемъ, какъ извѣстно, означаютъ также индійцевъ аррапагу, съ тою разницею, что этихъ называютъ „gros ventres прерій", а гидатзовъ „gros ventres Миссури". Мы ближе познакомились съ ними, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ военнаго врача М. Вашингтона (Ethnology and philology of the Hidatsa Indians. Waschington, 1877). Они выше ростомъ и лучше сложены, нежели другіе индійцы бассейна Миссури, съ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи и сравнительно съ свѣтлыми глазами и волосами. Ихъ языкъ, хотя и сродный съ діалектомъ манданов, но существенно отличается отъ него; мужчины говорятъ нѣсколько иначе, чѣмъ женщины, что наблюдается и въ другихъ индійскихъ идіомахъ. Многоженство очень распространено, и при этомъ въ обычаѣ женитьбы на вдовѣ брата. Бываютъ случаи нарушенія супружеской вѣрности, но разводы, хотя и легкіе, довольно рѣдки. Считается неприличнымъ разговаривать съ тещей, но этотъ обычай мало по малу выходитъ изъ употребленія. Гидатза очень суевѣрны; у нихъ существуетъ религіозная церемонія, называемая „Dahpike" или „Wahpike", во время которой они подвергаютъ себя совершенно такимъ же истязаніямъ, какъ и манданы. Въ нравственномъ отношеніи гидатза считаются лучшими изъ индійцевъ; они услужливы, честны и прилежны. Въ числѣ другихъ вещей, они изготовляютъ окрашенные шарики и серьги изъ толченаго стекла, которое они добываютъ отъ европейцевъ. Старики татуируютъ себѣ щеки параллельными полосами.

Къ семьѣ дакотовъ принадлежатъ еще упсарока и вороньи индійцы, называемые „crows", а также ассинибоинъ или каменные индійцы, которые прежде составляли часть янктовановъ, но потомъ отдѣлились отъ нихъ и образовали особое племя, живущее сѣвернѣе всѣхъ другихъ дакота. Многіе неправильно причисляютъ упсарока къ шошони, а Георгъ Кэтлинъ даже призналъ ихъ за „собратьевъ толтековъ и ацтековъ", что лишено всякаго основанія. Они живутъ въ долинѣ Іеллоустона, на западѣ отъ Скалистыхъ горъ, и въ Монтанѣ, въ числѣ 5,500 душъ, по сосѣдству съ чинуками, которыхъ они превосходятъ наружностью, и не сидятъ, подобно имъ, цѣлый день въ лодкахъ, занимаясь рыбной ловлей, а разъѣзжаютъ верхами въ преріяхъ и охотятся за буйволами. Они не питаются лососиной и клубнями растеній и ѣдятъ преимущественно мясо. По одеждѣ, легко смѣшать одинъ полъ съ другимъ, такъ какъ женщины коротко стригутъ себѣ волосы и одѣты въ рубашки, перепоясанныя поясомъ, между тѣмъ какъ мужчины обнажены до пояса и носятъ платье, похожее на широкую юбку, которая покрываетъ имъ ноги, и, вдобавокъ, длинные распущенные волосы, доходящіе до земли. Они отращиваютъ ихъ, такъ что, по словамъ Кэтлина, „волосы обыкновенно тянутся у нихъ по землѣ на 2—3 фута" (Catlin, Lost Rambles amongst the Indians of the Rocky Mountains and the Andes. London 1868, S. 158).

Упсарока имѣютъ своеобразное представленіе о раѣ. Души умершихъ должны взбираться по отвѣсной горѣ, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на громадную равнину, переполненную буйволами и всякой дичью. Здѣсь также расположены деревни изъ вѣчно новыхъ хижинъ. Жители этой счастливой земли носятъ платье изъ новыхъ шкуръ и привѣтливо встрѣчаютъ каждаго, кто велъ безпутную жизнь; но отталкиваютъ злодѣя, обагрившаго свои руки кровью соотечественниковъ. Женщины, совершившія дѣтоубійство, вовсе не достигаютъ вершины горы, такъ какъ онѣ недостойны не только вступить въ рай, но и видѣть его. Онѣ должны вѣчно тащить на ногахъ древесныя вѣтки и бродить около того мѣста, гдѣ ими совершено преступленіе.

Сѣверо-западные дакота собственно и носятъ названіе ассинибоиновъ, т. е. „варящихъ камни", потому, что прежде они варили мясо съ помощью раскаленныхъ камней. Они живутъ у Лебяжьей рѣки, на западъ отъ озера Уиннипегъ, а также къ сѣверу отъ Пембины и вдоль рѣкъ: Ассинибоины, Саскачеванъ и Муску, какъ въ Англійскихъ владѣніяхъ, такъ и въ территоріи Соединенныхъ Штатовъ, и распространяютъ свои набѣги до Миссури-Колумбійскихъ границъ. Въ Британской Америкѣ ихъ дѣлятъ на „ассинибоиновъ прерій", которые отличаются большимъ ростомъ, силой и склонностью къ воровству, и „лѣсныхъ ассинибоиновъ", живущихъ въ крайней нищетѣ. Число ихъ доходитъ здѣсь до 5000. Въ 1871 году количество ассинибоиновъ, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, у Редъ-Стона и Верхняго озера, доходило до 4,850 душъ, а въ 1876 ихъ было до 4,898, такъ что общая цифра населенія вѣроятно простирается до 10,000 индивидовъ.

На юго-западъ отъ дакота, у рѣкъ де-Ла-Плата и Канзаса, живетъ народъ, нѣкогда наводившій страхъ на своихъ сосѣдей, но въ настоящее время довольно малочисленный, а именно пауніи (pawnees), которыхъ канадцы прозвали „волками" (les loups), такъ какъ этотъ звѣрь имѣетъ у нихъ эмблематическое значеніе и изображенъ на ихъ щитахъ. Физическая сила пауніевъ и ихъ выносливость превосходятъ всякое вѣроятіе. Такъ, напримѣръ, Буртонъ слышалъ, что одинъ пауній, скрываясь отъ своихъ враговъ, пробѣжалъ 960 километровъ, отъ форта Кирни, и прибылъ на мѣсто одновременно съ дилижан-

сомъ. Пауніи дѣлятся на четыре племени, составляющихъ конфедерацію: скиди (630 душъ), пе-та-ха-вах-да (508 душъ), чауви (chowee, 759 душъ) и киткаха (550 душъ), живущихъ въ Небраскѣ; небольшая группа ихъ въ 360 душъ поселилась на участкѣ Вичита, въ индійской территоріи. Каждое изъ четырехъ племенъ живетъ въ особой деревнѣ, но въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что они въ совокупности составляютъ тѣсно сплоченный лагерь, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главнаго вождя. Приэтомъ, у каждаго племени три вождя и шесть воиновъ „Scouts"; первые облечены законодательной властью, вторые представляютъ собой исполнительную власть.

Эти индійцы также не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которые описаны въ романахъ Купера, такъ какъ они принадлежатъ къ отживающему племени и больше похожи на шайку нищихъ, нежели на воинственный народъ.—„Мои пріятели изъ племени пауни довольно своеобразные нищіе,—пишетъ одинъ корреспондентъ изъ Омага;—если они не разсчитываютъ получить что нибудь лучшее, то требуютъ кусокъ хлѣба, и, едва вы удовлетворили ихъ, какъ они со всевозможными жестикуляціями и криками начинаютъ выпрашивать у васъ сала, патоки, чаю или кофе. По внѣшнему виду, они напоминаютъ собой цыганъ, кочующихъ въ Венгріи и Валахіи, и хотя названіе „краснокожіе" наиболѣе романическое, но ихъ точно такъ же можно было бы назвать „желтокожими" или „голубокожими", потому что они вымазываютъ себя и этими цвѣтами, а иногда всѣми тремя одновременно. Но когда дождь порядочно обмоетъ ихъ,—другого способа мытья они, повидимому, не признаютъ,—то цвѣтъ кожи дѣлается у нихъ такой-же, какъ у цыганъ и арабовъ. Въ своемъ воинственномъ убранствѣ они имѣютъ приблизительно такой же видъ, въ какомъ ихъ обыкновенно изображаютъ на рисункахъ; но обыденный костюмъ пауни крайне простъ. Зимой они носятъ буйволовую кожу шерстью къ тѣлу; весной и осенью шерстью вверхъ; лѣтомъ эта одежда считается лишнею и сдается въ багажъ, который женщины носятъ на спинѣ во время перехода съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ, какъ ихъ мужья расхаживаютъ почти въ такомъ же костюмѣ, какъ Адамъ послѣ грѣхопаденія, прикрывая свою наготу небольшимъ кожанымъ передникомъ. Голова у нихъ почти всегда открытая, и только на ногахъ носятъ они мокассины. Но они бываютъ въ высшей степени смѣшны въ своихъ попыткахъ перенять европейскую цивилизацію. На подобныхъ новичкахъ, имѣющихъ претензію на образованіе, нерѣдко можно увидѣть поношенный фракъ съ одной полой, жилетъ на голомъ тѣлѣ, высокую шляпу безъ малѣйшаго признака какой либо другой одежды, панталоны безъ рубашки и наоборотъ". (Ausland, 1858, S. 24). Крайне любопытную картину представляютъ также собой воины, навербованные правительствомъ изъ племени павніевъ, такъ называемые „Scouts". Эти 150 человѣкъ находятся подъ командой маіора; они носятъ отчасти военную форму, выданную правительствомъ, и частью свою національную одежду; нѣкоторые ходятъ совсѣмъ нагіе. Не менѣе разнообразно ихъ оружіе: одни вооружены ружьями и пистолетами; у другихъ мечъ или лукъ и стрѣлы. Пауни, какъ всѣ индійцы прерій, хорошіе наѣздники. Весьма часто нѣсколько семействъ живутъ вмѣстѣ въ палаткахъ, землянкахъ и хижинахъ изъ древесныхъ вѣтвей, которые бываютъ или круглыя со сводомъ, или остроконечныя съ углами, въ видѣ настоящихъ „вигвамовъ". Внутри обыкновенно свалено все движимое имущество въ величайшемъ безпорядкѣ. Пожилые мужчины проводятъ здѣсь время въ бесѣдѣ и куреніи, между тѣмъ, какъ молодые занимаются игрой на открытомъ воз-

духѣ, разъѣзжаютъ по преріямъ или бродятъ вокругъ домовъ миссіи безъ опредѣленной цѣли. Очень немногіе изъ нихъ пасутъ скотъ, а также очень рѣдко можно увидѣть ихъ работающими на фермахъ. Охота, куреніе и игра ихъ любимыя занятія. Почти вся работа падаетъ на долю женщинъ, сила которыхъ вполнѣ заслуживаетъ удивленія. Жена, или „Squaw“, должна не только вскопать поле, посѣять маисъ и собрать его, но ежедневно готовить пищу, носить воду и дрова; сверхъ того она нерѣдко нанимается въ поденьщицы, за полдоллара въ день. Мужъ покупаетъ свою „squaw“ у ея родителей и платитъ за нее, какъ за одну лошадь (пони); въ случаѣ необыкновенной красоты и, въ особенности, если она аристократическаго происхожденія, то цѣна ея равняется стоимости четырехъ и болѣе лошадей. Въ силу стараго обычая, мужъ ея безграничный господинъ и повелитель: онъ можетъ, если ему угодно, продать ее, такъ какъ она лишена всякихъ правъ. Жена обязана исполнять всѣ работы и даже отдаться другому по требованію своего повелителя, когда онъ получилъ за это извѣстную плату; но если она окажетъ кому нибудь благосклонность безъ его разрѣшенія, то онъ прорѣзываетъ ей ноздри и немилосердно колотитъ ее. Такъ было и прежде, и женщина съ давнихъ временъ доведена здѣсь до послѣдней степени униженія. Это грязное, безстыдное и дерзкое существо, и если считаютъ нужнымъ совершить какую нибудь неслыханную жестокость, то поручаютъ женщинѣ. Воинъ убиваетъ врага ударомъ дубины и скальпируетъ его, но онъ не станетъ сдирать съ него кожи, ломать суставы, вырывать ногти и глаза или подкладывать огонь подъ подошвы; между тѣмъ, какъ „squaw“ продѣлываетъ все это надъ живымъ врагомъ; она замучиваетъ его до смерти, и наслаждается, глядя на его страданія (Globus, Bd. XIV, S. 168). Одежда женщинъ состоитъ бо́льшею частью изъ шерстяныхъ одѣялъ, и только немногія изъ нихъ носятъ рубашки изъ пестрой выбойки. Дѣти преимущественно ходятъ совсѣмъ нагіе. Грудныхъ младенцевъ привязываютъ къ постели, съ которой матери и носятъ ихъ на спинѣ. Дѣти обучаются въ школѣ миссіи, гдѣ они живутъ на полномъ содержаніи. Имъ только изрѣдка позволяютъ посѣщать своихъ родителей, живущихъ по деревнямъ; въ этомъ повидимому заключается главная причина, почему пауни, такъ долго отказывались посылать своихъ „papuse“ въ школы. Впрочемъ, послѣднимъ бо́льшею частью не только не достаетъ охоты, но и способности къ ученію. Профессоръ Кребсъ писалъ еще въ 1870 году, что, несмотря на хорошихъ учителей, полученные результаты пока настолько незначительны, что не стоитъ упоминать о нихъ, такъ какъ умственныя способности индійцевъ сравнительно съ бѣлыми весьма слабы (A. a. O. Bd. XVII, S. 222). Мы не можемъ сказать въ точности: произошла ли въ этомъ отношеніи какая нибудь перемѣна за послѣднее десятилѣтіе? Пауни говорятъ особымъ нарѣчіемъ, для котораго не существуетъ письменныхъ знаковъ. Ихъ древняя религія имѣетъ большое сходство съ религіей остальныхъ индійцевъ Сѣверной Америки. Высшій богъ „Маниту“ или „великій духъ“, представляетъ собой олицетвореніе законовъ, правящихъ вселенной и воплощеніе всѣхъ силъ, которыя представляются мистическими индійцамъ. Кромѣ того, павній поклоняется безчисленнымъ божествамъ, подчиненнымъ „великому духу“, и вѣритъ въ духовъ: озеръ, рѣкъ, долинъ, горъ и лѣсовъ. Вообще онъ приписываетъ духу все непонятное для него, что внѣ его власти и чего онъ не въ состояніи уничтожить. Здѣсь также распространено вѣрованіе въ безсмертіе души.

По мнѣнію Фрид. Миллера, къ пауни въ этнологическомъ отношеніи принадлежатъ индійцы рикара (Ricarees) у рѣки Шейенны, въ самомъ центрѣ области дакотскихъ народовъ; затѣмъ гуэко (Wacoes), между Вашита и Красной Рѣкой, и вичита, въ сѣверномъ

Техасѣ, ниже Ріо Роксо. Всѣ эти группы окружены иноплеменными народами.

Восточнѣе Мисиссипи, къ сѣверу ограниченной Кумберлендомъ, съ востока и юга моремъ, живетъ племя апалахи, имя которыхъ, по недостатку болѣе подходящаго названія, усвоено Фр. Миллеромъ для обозначенія многихъ, повидимому, совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга племенъ. „Самый сѣверный изъ народовъ этой группы чироки (Cherokees), или чилаке (Chilake), живущій у Гольстонъ-Ривера,— говоритъ вышеупомянутый этнологъ,—является изолированнымъ въ ряду сѣверо-американскихъ племенъ, если только не утрачены для насъ промежуточныя звенья, соединявшія его языкъ съ нарѣчіями южныхъ индійцевъ. На юго-востокъ отъ чироковъ, у рѣки того же имени, жили катауба (Catawbas), затѣмъ севи, санти и конгари, которые по языку и нравамъ отличались нетолько отъ чироковъ, но и другъ отъ друга. Область, лежащая южнѣе Кумберленда и мѣста разселенія вышеупомянутыхъ народовъ, принадлежала чиказау (Chikasaws), совмѣстно съ чахтагъ (Choctaws), которые говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, а равно и кригкамъ (Creeks), раздѣленнымъ на два отдѣла: сѣверныхъ (Muskogih) и южныхъ (Seminole).

Элебема, жившіе у рѣки того же имени, представляли собой племя, отличное отъ чахтаговъ и кригковъ, а равно начецы у Мисиссипи (ниже нынѣшняго Виксбурга до Красной Рѣки) и жившіе на востокѣ учи (Uchees) (Allg. Ethnographie, S. 259—260).

Большинство перечисленныхъ нами народовъ окончили свое существованіе, и ихъ имена принадлежатъ исторіи. Нынѣшняя этнологія умалчиваетъ о жестокихъ и хищныхъ катауба, о севи и конгари. Равнымъ образомъ, исчезли съ лица земли алабами и нѣкогда достигшіе сравнительно высокой степени цивилизаціи начецы и учи. Теперь мы имѣемъ дѣло только съ уцѣлѣвшей, но все еще довольно многочисленной группой чироковъ, чиказаговъ, чахтаговъ и кригковъ, которые почти всѣ живутъ въ индійской территоріи. Они устроились здѣсь семейнымъ образомъ, и во всякомъ случаѣ, представляютъ собой самую образованную часть индійскаго населенія, которая сдѣлала наибольшіе успѣхи въ европейской цивилизаціи.

Во главѣ этихъ народовъ стоятъ чироки, правильнѣе чилаки. Они жили въ продолженіе столѣтій на южныхъ склонахъ и въ долинахъ Аллеганъ, въ гористыхъ частяхъ Каролины, Георгіи и Алабамы и въ наиболѣе живописной и здоровой мѣстности, на востокъ отъ Мисиссипи. Послѣ долгой и геройской борьбы они должны были покинуть землю своихъ отцовъ; только незначительная часть ихъ удержалась въ Георгіи, между тѣмъ, какъ остальные были отведены въ индійскую территорію и до сихъ поръ владѣютъ ея сѣверной частью. Отведенный имъ участокъ занимаетъ 42,000 км.; число ихъ настолько увеличилось и они сдѣлали такіе успѣхи въ интеллектуальномъ развитіи и промышленности, что въ настоящее время это самые цивилизованные изъ всѣхъ индійцевъ. Чироки усердно занимаются земледѣліемъ, имѣютъ большіе деревни,

хорошо устроенные дома, многочисленныя стада овецъ, рогатаго скота и хорошихъ лошадей. При этомъ они искусные ремесленники, завели свои пильныя мельницы, сами изготовляютъ себѣ одежду, земледѣльческія орудія и т. п.; и добываютъ изъ мѣстныхъ соленыхъ источниковъ значительное количество соли, которую продаютъ въ Новомъ Орлеанѣ вмѣстѣ съ другими сельскохозяйственными продуктами. У нихъ существуетъ писанное республиканское устройство, писанные законы и хорошо организованное правленіе. Исполнительная власть въ рукахъ вождя или губернатора, избираемаго на четыре года; законодательная—представлена главному совѣту, который состоитъ изъ сената и палаты представителей; въ первомъ засѣдаютъ по два члена; въ послѣдней—по три выборныхъ каждаго изъ ихъ восьми округовъ. При этомъ у нихъ существуетъ высшее судилище, окружной судъ и судъ присяжныхъ, такъ что ихъ судопроизводство и управленіе прямо заимствованы изъ Соединенныхъ Штатовъ. Чироки, подобно другимъ націямъ индійской территоріи, номинально обращены въ христіанство миссіонерами, которые такъ успѣшно дѣйствовали здѣсь, что чироки имѣютъ свои церкви и 30 вполнѣ удовлетворительныхъ школъ, съ 1,100 учениками. У нихъ также есть своя газета, собственная типографія, полный переводъ Библіи, альманахи, молитвенники и т. п. Еще въ 1826 году одинъ чирокъ, по имени Секвоя (Sequoyah), или Георгъ Гуэсъ, изобрѣлъ азбуку слоговъ, съ помощью которой можно легко читать и писать на чирокскомъ языкѣ. При этомъ они отчасти переняли англійскій языкъ и европейскую одежду. Они получаютъ ежегодно отъ Соединенныхъ Штатовъ извѣстную сумму за земли, уступленныя ими на востокѣ; къ нимъ также посылаютъ мастеровъ для обученія ремесламъ и различнымъ производствамъ. Чироки имѣютъ около 760,000 долларовъ въ государственныхъ бумагахъ и ежегодно получаютъ съ нихъ проценты. Восторженные почитатели подобныхъ проявленій культуры, къ которымъ можно причислить профессора Герланда, прямо говорятъ, чтъ во всемірной исторіи врядъ ли можно найдти другой примѣръ такого быстраго перехода изъ состоянія дикости къ цивилизаціи и образованію, какой представляютъ собой чироки. То, чего британцы достигли въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ, то было сдѣлано чироками въ одно столѣтіе! (Globus, Bd. XXXV, S. 349). Между тѣмъ осмотрительный этнологъ, отдавая справедливость блестящимъ результатамъ, достигнутымъ этими индійцами, долженъ избѣгать крайностей, которыя логически могутъ привести его къ тому выводу, что чироки выше всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣмъ извѣстно, что ихъ нельзя поставить на ряду съ послѣдними. Равнымъ образомъ, никто не сомнѣвается въ томъ, что нынѣшняя степень образованности чироковъ большею частью достигнута ими при дѣятельномъ участіи бѣлыхъ. Въ настоящее время почти половина ихъ метисы; но я не могу согласиться съ Герландомъ, который считаетъ ихъ продуктомъ индійской цивилизаціи вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ продуктъ примѣси бѣлой крови. Мы имѣемъ полное основаніе допустить, что метисы только тогда сдѣлались многочисленнѣе, когда чироки приняли европейскую цивилизацію, или, вѣрнѣе сказать, послѣ того, какъ сношенія съ бѣлыми стали чаще. Но я считаю совершенно неосновательнымъ существующее мнѣніе, будто бы вовсе не было метисовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда цивилизація впервые проникла къ чирокамъ. Послѣднее опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Гуэсъ, изобрѣтатель чирокскихъ письменныхъ знаковъ, род. въ 1770 году, былъ метисъ и происходилъ отъ бѣлой крови по дѣду, такъ что изъ этого можно видѣть съ какихъ давнихъ временъ началось подобное скрещиваніе. Съ другой стороны, обращеніе бѣлыхъ со всѣми первобытными народами служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что скрещиваніе не представляло собой единичнаго явленія. Пока нигдѣ не доказано, чтобы высшая или низшая степень культуры извѣстныхъ людей способствовала или мѣшала ихъ скрещиванію съ бѣлыми; мы, наоборотъ, видимъ въ

единичныхъ случаяхъ, что бѣлый человѣкъ въ этомъ отношеніи не пренебрегаетъ ни однимъ, даже наименѣе развитымъ народомъ. Въ этомъ случаѣ чѣмъ больше стушевываются границы, раздѣляющія людей другъ отъ друга, тѣмъ чаще происходятъ скрещиванія и тѣмъ сильнѣе бываетъ цивилизующее вліяніе высшей расы. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число метисовъ находится въ прямомъ соотношеніи съ высотой пріобрѣтенной культуры, но не есть ея продуктъ, а только обусловливающій ее факторъ. Не менѣе ошибочно мнѣніе Герланда, что не чироки обращаются въ свѣтлокожихъ американцевъ, а скорѣе поглощаютъ собой послѣднихъ, потому что всѣ эти 10,000 метисовъ—говоритъ онъ,—члены чирокскаго государства, говорятъ отчасти чирокскимъ языкомъ, и чироки, пользуясь ихъ трудомъ и искусствомъ въ качествѣ хозяевъ и потребителей труда, относятся къ нимъ такимъ же образомъ, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ ко всей массѣ индійскаго населенія" (Globus, Bd. XXXV, S. 350). Вся эта аргументація уже потому не вѣрна, что приведенные доводы лишены всякаго антропологическаго значенія. Метисы могутъ сколько угодно называть себя чироками, въ виду политическихъ соображеній; но антропологически они больше не индійцы и во всемъ народѣ такъ много бѣлой крови, что, по словамъ Т. Кирхгофа, теперь чироковъ почти нельзя отличить отъ бѣлыхъ; а это само по себѣ можетъ служить мѣриломъ этнологическаго критерія. Нельзя утверждать, что бѣлый обращается въ индійца, когда мы ясно видимъ, что послѣдній становится похожимъ на бѣлаго, а не онъ похожимъ на индійца. Чирокскія дѣвушки охотно выходятъ замужъ за бѣлыхъ и въ большинствѣ случаевъ скорѣе предпочитаютъ остаться въ дѣвствѣ, чѣмъ взять себѣ въ мужья чистокровнаго индійца. Такимъ образомъ, съ возрастаніемъ цивилизаціи, чироки фактически проявляютъ замѣчательную склонность къ „полному національному объединенію", или, другими словами, къ исчезновенію съ этнологической карты Сѣверной Америки. Численность чироковъ быстро падаетъ. Между тѣмъ Герландъ хочетъ во что бы то ни стало доказать, что чирокское населеніе постоянно увеличивается и принимаетъ за исходную точку вычисленіе Галлатина, по которому въ 1836 году число ихъ показано въ 15,000 душъ. Но рядомъ съ этой существуетъ другая не менѣе достовѣрная оцѣнка, по которой ихъ общая цифра въ 1838 году доходила до 27,000. Въ переписи 1860 года численность ихъ по приблизительному разсчету показана въ 22,536 душъ, а по оффиціальнымъ даннымъ 1876 года ихъ оказывается всего 17,517 душъ, изъ которыхъ 300 живутъ въ сѣверной Каролинѣ, Георгіи и Тенесси; остальные—въ индійской территоріи. Хотя Герландъ разсчитываетъ, что въ 1877 году число чироковъ въ „Union Agençy" индійской территоріи доходило до 18,672, остальныхъ до 2,200 и чтобы привести возможно бо́льшую цифру, причисляетъ къ нимъ еще 733 делаваровъ, принадлежащихъ къ совершенно чуждому племени, тѣмъ не менѣе общая цифра въ 21,605 все таки меньше итога 1860 года. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что сюда слѣдуетъ еще включить не менѣе 53,5 процентовъ метисовъ, которые антропологически представляютъ собой нѣчто совершенно отдѣльное, то сразу увидимъ, стоитъ ли придавать какое либо значеніе такъ называемому увеличенію индійскаго племени!

Почти то же положеніе вещей въ главныхъ чертахъ встрѣчаемъ мы и у остальныхъ народовъ апалахской группы, а именно у чахтагъ (Choctaws, по ихъ мѣстному произношенію chuktah) и чиказау (Chikasaws), которые въ 1837 году заключили между собой политическій союзъ. Теперь они составляютъ одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ, съ собственной азбукой и обыкновенно обозначаются общимъ именемъ „чахтаговъ". Они съ давнихъ поръ переселились въ юго-восточную часть индійской территоріи и наравнѣ съ чироками стоятъ на болѣе высокой степени цивилизаціи, нежели

которое-либо изъ южныхъ племенъ. У нихъ также существуютъ школы, гимназіи, церкви, благотворительныя заведенія, равно и писанная конституція, принятая съ 1838 года, но которая, нѣсколько лѣтъ спустя, была передѣлана до мельчайшихъ подробностей; по образцу сѣверо-американскаго государственнаго устройства. При этомъ новомъ правленіи они сдѣлали большіе успѣхи въ земледѣліи и механическихъ производствахъ, а также въ благосостояніи и интеллектуальномъ развитіи. Они держатся протестантскаго вѣроисповѣданія, отличаются трудолюбіемъ и умѣренностью, такъ что хмѣльные напитки составляютъ у нихъ небывалое явленіе. Мало по малу перенимаютъ они американскіе нравы и одежду; при этомъ всѣ говорятъ по англійски, такъ что ихъ родной языкъ, несомнѣнно, выйдетъ изъ употребленія въ недалекомъ будущемъ (См. объ этомъ: Cyrus Byington, Grammar of the Choctaw Language, edited by D. G. Brinton, Philadelphia, 1870). Въ 1861 году численность чахтаговъ, включая сюда и чиказаговъ, простиралась до 25,000 душъ, кромѣ 5000 негровъ невольниковъ. Междоусобная война уменьшила ихъ число до 17,000, изъ которыхъ 12,500 чахтаговъ. Въ силу договора 1866 г., невольники должны были быть присоединены къ чахтагамъ и чиказагамъ на одинаковыхъ съ ними правахъ, за что послѣднимъ назначено вознагражденіе въ 300,000 долларовъ. Но до 1872 года чахтаги не давали правъ гражданства вольноотпущеннымъ. Въ 1876 году число ихъ приблизительно доходило до 16,000, помимо 6000 чиказаговъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія чахтаги были самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ индійскихъ племенъ въ Соединенныхъ Штатахъ и единственнымъ въ томъ отношеніи, что оно никогда не имѣло никакихъ столкновеній съ американскимъ правительствомъ и не было имъ порабощено. Чахтаги издавна называли себя друзьями бѣлыхъ и хвалились тѣмъ, что никогда бѣлый не былъ скальпированъ человѣкомъ ихъ племени. Въ послѣднюю междоусобную войну они вели себя нѣсколько иначе; но это былъ исключительный случай. Чахтаги приняли сторону сепаратистовъ и даже теперь подъ именемъ своихъ „бѣлыхъ друзей“ они подразумѣваютъ южанъ, а не янки. Чахтаги издавна обрабатывали землю и преимущественно жили хлѣбопашествомъ; они слыли за дѣятельныхъ людей, но склонныхъ къ обману. Что касается ихъ тѣлосложенія, то они отличались широкими костями; у нихъ также было въ обычаѣ сплющивать лобъ у дѣтей мужескаго пола посредствомъ мѣшковъ съ пескомъ, вслѣдствіе чего французы называли ихъ „плоскоголовыми“ индійцами.

Народъ кригкъ (крикъ) также представляетъ сродство съ вышеупомянутыми племенами; у сѣверной отрасли его, мускогихъ, мы встрѣчаемъ ту же племенную сагу, что у чахтаговъ—свою Иліаду и Вёлуспа (См. объ этомъ: D. G. Brinton. The national legend of the Chahta-Muskokee Tribes, Morrisania, 1870). Это сродство проявляется равнымъ образомъ и въ языкѣ. Кригкскій языкъ распадается на нѣсколько діалектовъ, между которыми такъ называемый мэнъ крикъ (Main creek), или мускогихскій діалектъ, и гичитигскій наиболѣе значительные. Оба настолько различны по ударенію, окончаніямъ, перемѣнѣ гласныхъ и произношенію, что взаимно почти непонятны другъ для друга. Мэнъ крикъ весьма близокъ съ діалектомъ чиказаговъ который представляетъ собой не болѣе какъ нарѣчіе чахтагскаго языка, и разница между послѣднимъ и гичитигскимъ не болѣе той, какая существуетъ между гичитигскимъ и мэнъ-крикомъ. Языкъ семиноловъ, а именно южной отрасли криковъ, ни въ какомъ случаѣ не отличается отъ мэнъ-крика или мускогихскаго, какъ это нерѣдко утверждали, хотя совершенно ошибочно; но дѣйствительно, нѣкоторые семинолы говорятъ на гичитигскомъ діалектѣ, а другіе на миказукскомъ, который близокъ съ предъидущимъ (Brinton, Contributions to a grammar of the Muskokee Language, въ Proceedings of the Amer. philosophical Society, 1870, p. 302). По свидѣтельству Галлатина, кригки въ

его время представляли самый многочисленный союзъ дикихъ народовъ на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ. Къ этому союзу принадлежали учи и начецы. Въ послѣднее время они сдѣлали большіе успѣхи въ цивилизаціи и учредили школы для обученія своихъ дѣтей. Они совсѣмъ бросили охоту и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; у нихъ до сихъ поръ существуютъ вожди и въ этомъ отношеніи они сохранили старый бытъ болѣе другихъ племенъ. Тѣмъ не менѣе, у нихъ есть писанная конституція; они избираютъ свой совѣтъ и своихъ вождей и владѣютъ невольниками. Ихъ насчитываютъ до 14,400 душъ; въ 1861 году, они собрали свою гвардію въ 1200 человѣкъ. Семинолы (см. American Naturalist, 1877, p. 689) до сихъ поръ находятся въ полудикомъ состояніи; они никогда не имѣли рабовъ; но у нихъ было сильное скрещиваніе съ неграми, что почти не встрѣчается у другихъ племенъ; вслѣдствіе этого раса ихъ пришла еще въ большій упадокъ (Boudinot, The indian territory and its inhabitants въ Geograph. Magazine, 1874, p. 92—95).

Не подлежитъ сомнѣнію, что много преувеличеннаго въ похвалахъ, которыя обыкновенно расточаются цивилизаціи всѣхъ этихъ наиболѣе развитыхъ племенъ, живущихъ въ нынѣшней индійской территоріи: если мы разсмотримъ ближе эту цивилизацію, то найдемъ въ ней мало утѣшительнаго. Такъ называемые „метисы", происшедшіе отъ бѣлыхъ отцовъ и индіанокъ, большею частью благовоспитанные и даже нерѣдко образованные люди, и въ своемъ лицѣ представляютъ рѣшительный прогресъ индійской расы. Отпрыски вторичнаго скрещиванія съ бѣлыми интеллигентами—дѣвушки бываютъ неописанной красоты. Между тѣмъ, низшій, несмѣшанный классъ стоитъ на весьма слабой степени культуры, если только вообще они могутъ имѣть притязаніе на что либо подобное. Т. Кирхгофъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Сѣверной Америки, называетъ ихъ прирученными индійцами, въ отличіе отъ дикихъ, которые превосходятъ ихъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи. „Эти несмѣшанные индійцы низшаго класса, извѣстные у чахтаговъ подъ именемъ „тубби", не имѣютъ ничего общаго съ гордыми куперовскими героями, такъ какъ они невообразимо грязны и уродливы, какъ всѣ индійцы, слегка затронутые цивилизаціей. Они носятъ европейское платье, но не парижскаго стиля и покроя, и до страсти любятъ раскрашивать себѣ лицо яркой пунцовой краской, для чего служитъ имъ китайская киноварь. Выкрашенный такимъ образомъ индіецъ, съ цилиндромъ на головѣ, въ пестромъ жилетѣ, галстукѣ à la papillon, въ клѣтчатыхъ панталонахъ, блузѣ или фракѣ, представляетъ собой крайне жалкую фигуру. Женщины одѣты въ высшей степени небрежно: въ широкихъ, грязныхъ и нерѣдко разорванныхъ выбойчатыхъ платьяхъ, такъ что это имѣетъ видъ пародіи на нашу цивилизацію" (Globus, Bd. XVIII S. 138). Всѣ индійцы номинально исповѣдуютъ христіанскую вѣру; но само собою разумѣется, что тубби далеко не проникнуты ея духомъ. Миссіонеры, живущіе въ территоріи, по мѣткому выраженію американцевъ, „жирѣютъ на счетъ страны". Они машинально бормочатъ молитвы въ мѣстныхъ церквахъ;

цвѣтная паства повторяетъ ихъ за ними, и въ этомъ состоитъ почти все преподаванiе религiи.

Индійская территорія не управляется подобно другимъ американскимъ владѣніямъ чиновниками Союза. Каждая „нація“ имѣетъ своего выборнаго вождя (Chief) и свое законодательное собраніе (Council). Кромѣ того, многія „націи“ посылаютъ делегатовъ въ главный совѣтъ для обсужденія общихъ интересовъ. Жители индійской территоріи составляютъ въ сущности самостоятельную націю, которая находится подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Племена чувствуютъ другъ къ другу сильнѣйшій антагонизмъ, и у нихъ часто бываютъ ссоры изъ-за границъ. Бѣлымъ дозволено селиться въ индійской территоріи только при извѣстныхъ условіяхъ. Ни одинъ бѣлый не можетъ имѣть здѣсь поземельной собственности, если не былъ женатъ на „squaw“ или не находится съ нею въ брачныхъ отношеніяхъ. Многіе бѣлые устроились такимъ образомъ, и это оказалось настолько выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи, что они достигли благосостоянія въ самомъ непродолжительномъ времени. Вмѣстѣ съ съ тѣмъ, они сдѣлались согражданами индійской націи, къ которой причислены и ихъ дѣти, чѣмъ легко объясняется увеличеніе мѣстнаго населенія. Здѣсь прямо смѣшиваютъ политическій элементъ съ этническимъ (народнымъ), между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности первый усиливается въ ущербъ послѣднему. Впрочемъ, пора самобытнаго существованія этихъ племенъ должна скоро пройдти, и правительство Вашингтона не преминетъ съ теченіемъ времени обратить индійскую территорію въ штатъ, подобный всѣмъ остальнымъ, чтобы этимъ открыть свободный доступъ бѣлымъ. Въ послѣднее десятилѣтіе проведена желѣзная дорога поперегъ всей индійской территоріи, отъ Миссури и Канзаса въ Техасъ, чѣмъ почти уничтожены преграды. которыми была обусловлена замкнутость этой прекрасной полосы земли, Само собой разумѣется, что тубби противятся изо всѣхъ силъ противъ нарушенія своей изолированности, потому что предчувствіе говоритъ имъ, что, съ наплывомъ бѣлыхъ въ страну, пробьетъ ихъ послѣдній часъ. Между тѣмъ, метисы, наоборотъ, стоятъ за это, а въ Техасѣ, Арканзасѣ и Канзасѣ бѣлые требуютъ единогласно, чтобы въ территоріи имъ были даны одинаковые права съ индійской націей.

КАЛИФОРНЦЫ И ИХЪ СОСѢДИ.

Въ такъ называемой Новой Калифорніи, съ юга границa Шасти и Атапаскскимъ Гупага, съ запада Тихимъ океаномъ и рѣкою Сакраменто, составляющею ея восточную границу, внизъ до мыса Зачатія, живетъ рядъ народовъ, которые не представляютъ никакого сродства ни съ своими сѣверными, ни съ западными сосѣдями. По примѣру Фр. Миллера, мы назовемъ ихъ общимъ именемъ калифорнцевъ, совмѣстно съ жителями Старой Калифорніи, т. е. полуострова, который отъ устья рѣки Колорадо простирается къ югу. Эти народы, о которыхъ мы имѣемъ весьма мало достовѣрныхъ свѣдѣній, повидимому, не всѣ сродны между собой, такъ какъ на упомянутомъ, сравнительно незначительномъ пространствѣ они раздроблены на необычайное множество маленькихъ племенъ. Послѣднія нетолько безпрестанно враждуютъ между собой, но, что особенно замѣчательно при этомъ—рѣзко отличаются другъ отъ друга по языку. Мы только потому считаемъ себя вправѣ разсматривать ихъ какъ отдѣльную группу, что всѣ калифорнцы, по своему низкому умственному уровню, равно и по нравамъ, значительно отклоняются отъ восточныхъ, болѣе извѣстныхъ индійскихъ народовъ. „Кто приступаетъ къ изученію калифорнцевъ“ — говоритъ Стефенъ Поуерсъ, которому мы обязаны весьма почтеннымъ трудомъ объ этихъ племенахъ (Contributions to North-american Ethnology, Vol. III, Tribes of California, by Stephen Powers, Waschington, 1877),—„тотъ долженъ отрѣшиться отъ понятій, съ которыми онъ освоился при знакомствѣ съ жизнью атлантическихъ индійцевъ. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ представленіе о „Великомъ Духѣ“, потому что калифорнцы, при своемъ реализмѣ, стремятся все олицетворять. Затѣмъ слѣдуетъ представленіе „о причинахъ удачной охоты“, такъ какъ лѣнивый обитатель Калифорніи, выросшій въ благодатномъ климатѣ, не испытываетъ дикихъ радостей дакотскаго охотника, но вѣритъ въ жизнь на небѣ, полную нѣги и спокойствія. Съ другой стороны, читатель долженъ отказаться отъ многихъ вещей, которыя казались ему неразрывными съ представленіемъ объ индійцахъ, какъ, напримѣръ: мѣднокрасная кожа, смѣло очерченный орлиный носъ и великолѣпныя варварскія украшенія тѣла, а также окровавленный скальпированный черепъ, истязаніе плѣнныхъ у „мученическаго“ столба, воинственное раскрашиваніе лица красной краской, „totem“ и „kalumet“ или „трубка мира“. Калифорнцы, въ противоположность другимъ индійцамъ, смиренная низшая раса, быть можетъ, одна изъ самыхъ низшихъ, какія только существуютъ на землѣ. Въ ихъ характерѣ есть нѣчто робкое, сдер-

жанное, такъ что они съ трудомъ и только послѣ долгаго знакомства становятся довѣрчивыми и откровенными. При веселомъ, чувственномъ темпераментѣ, они не отличаются большой устойчивостью, легко отстаютъ отъ своихъ обычаевъ и поддаются чужому вліянію. Въ настоящее время общая цифра ихъ доходитъ до 15,000 душъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Калифорніи больше погибло индійцевъ, нежели во всей Сѣверной Америкѣ. Численность ихъ особенно уменьшилась въ XIX столѣтіи, при наплывѣ бѣлыхъ варваровъ, въ лицѣ золотоискателей.

Изслѣдованія Поуерса показываютъ, что не всѣ народныя племена, встрѣчаемыя на почвѣ Калифорніи, могутъ быть этнологически причислены къ калифорнцамъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ цѣлый рядъ племенъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ калифорнцами, хотя ихъ много разъ включали въ число ихъ. Вопервыхъ, сюда принадлежатъ различныя отрасли западныхъ атапасковъ, о которыхъ было говорено выше; они проникли въ Калифорнію въ качествѣ завоевателей и преимущественно водворились на сѣверѣ страны, гдѣ нѣкоторые жившіе здѣсь народы, несомнѣнно калифорнскаго происхожденія, были окончательно поглощены ими. На востокѣ живутъ калифорнскія племена до Сіеры Невады и только одно изъ нихъ, а именно вашо, простирается отъ озера Таго до горныхъ вершинъ, гдѣ живетъ шошонское племя пагъутаговъ, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи; оно также на югѣ перешло горы и распространилось по равнинѣ Калифорніи. По мнѣнію Поуерса, къ некалифорнцамъ нужно, равнымъ образомъ, причислить племя ноци, живущее у Роундъ-Гилля, къ югу отъ горы Шаста, и нынѣ исчезнувшихъ комбо. Если мы отдѣлимъ перечисленные нами народы, то останутся настоящіе калифорнцы, которые въ американскомъ первобытномъ населеніи опять таки образуютъ этнологическую единицу и могутъ быть безошибочно отдѣлены отъ своихъ сѣверныхъ, а также восточныхъ и южныхъ сосѣдей, несмотря на многія переходныя степени. Они распадаются на рядъ отдѣльныхъ семействъ, а эти, въ свою очередь, на небольшія подраздѣленія; при этомъ какъ семьи, такъ и племена различаются по языку, что показываетъ удивительное богатство послѣдняго. Всякая попытка соединить въ двѣ-три большія группы эти семьи, говорящія на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, была бы напрасною. Я не считаю нужнымъ утруждать благосклоннаго читателя легіономъ названій калифорнскихъ племенъ, и упомяну только самыхъ главныхъ изъ нихъ. Если мы направимся отъ сѣвера къ югу, то мы прежде всего встрѣтимъ юроковъ, которые не обозначаютъ себя никакимъ общимъ именемъ, а носятъ названія по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Ихъ восточными сосѣдями являются кароки, лингвистически совершенно отличные отъ нихъ, какъ по словообразованію, такъ и фонетикѣ языка, который у юроковъ необыкновенно твердъ и отличается обиліемъ гортанныхъ звуковъ, между тѣмъ какъ у кароковъ языкъ очень мягкій и благозвучный. Къ югу отъ этихъ племенъ жили чим-а-ри-ко и близко сродное съ нимъ племя чим-а-лак-ве, пять или шесть представителей котораго видѣлъ Поуерсъ. Нѣкоторую близость съ языкомъ юроковъ представляютъ діалекты семьи Виш-оскъ, жившей къ югу отъ юроковъ, около залива Гумбольдта. Южнѣе этой семьи, въ Роундъ-Валлей (круглой долинѣ), поселены юки, которые выказываютъ своеобразное физическое свойство, а именно поразительно большую голову, при мало развитомъ тѣлѣ. Сѣверные юки распадаются на многія племена; болѣе южные носятъ названіе аш-о-чи-ми, или ваппо, какъ ихъ зовутъ испанцы. Юки и ихъ атапаскскіе сосѣди, вайлакки, считаются особенно тупоумными и стоящими на низкой степени развитія. Эти два племени вообще имѣютъ очень мало друзей, вслѣдствіе чего между

ними обоими происходятъ частые браки, образовавшіе смѣшанное населеніе, извѣстное подъ именемъ юки-вайлакковъ. Впрочемъ, оба племени вполнѣ подходятъ другъ къ другу: вайлакки съ ихъ разбойническими, воинственными наклонностями и юки, которыхъ Поуерсъ называетъ дикой, угрюмой, склонной къ воровству, мстительной и во всѣхъ отношеніяхъ дурной, хотя и храброй расой. У Русской Рѣки, съ центральнымъ пунктомъ въ Потеръ-Валлей, живутъ помо, большая семья, раздробленная на безчисленныя племена и роды, самостоятельные въ лингвистическомъ отношеніи. Вся эта семья сѣверныхъ племенъ показываетъ, насколько самобытно развитіе нѣкоторыхъ сторонъ словаря въ отдѣльныхъ діалектахъ, такъ какъ во многихъ словахъ оказывается полное различіе корней. Если мы обратимся къ болѣе восточнымъ народамъ Сѣверной Калифорніи, то мы встрѣчаемъ въ долинѣ Сакраменто, на западъ отъ рѣки того же имени, большую семью вин-тунъ. Поуерсъ обозначаетъ этимъ именемъ рядъ отдѣльныхъ племенъ, составляющихъ одну группу въ лингвистическомъ отношеніи; но при этомъ онъ дѣлитъ ихъ по языку и мѣсту жительства на два отдѣла: на сѣверныхъ, или вин-тунъ въ тѣсномъ смыслѣ и южныхъ и средняго и нижняго Сакраменто, названныхъ имъ пат-винъ. Собственно называемые вин-тунъ живутъ у верхняго Сакраменто и верхней рѣки Тринити; вліяніе ихъ далеко чувствуется, такъ какъ, благодаря переходамъ съ мѣста на мѣсто, они распространены во всей Калифорніи. Ихъ первобытнымъ мѣстопребываніемъ, изъ котораго они разошлись въ разныя стороны, былъ Коттонвудъ-Крикъ. Патвины, равнымъ образомъ, распадаются на безчисленныя племена, живущія совершенно независимо другъ около друга, безъ малѣйшей связи и даже иногда во враждебныхъ отношеніяхъ между собой, но тѣмъ не менѣе у нихъ общіе нравы и общій языкъ, который, при незначительныхъ діалектическихъ различіяхъ, понятенъ для каждаго индійца этой мѣстности. Языкъ патвиновъ распространенъ по всей юго-западной равнинѣ Сакраменто, отъ Яцинто до Суисунъ-бая у Нью-порта, и простирается отъ рѣки до Костъ-Ренджа и на востокъ за Сакраменто. Народы вин-тунъ въ настоящее время смѣшались съ атапаскскими гупагами, а также съ племенами Питъ-Ривера, извѣстными подъ именемъ пу-и-зу или пу-шушъ, языкъ которыхъ необыкновенно грубъ и труденъ. Изъ нихъ племя эс-та-ке-вачъ самое жалкое изъ всѣхъ живущихъ въ Калифорніи. На югъ отъ этихъ индійцевъ Питъ-Ривера и къ востоку отъ семьи вин-тунъ мы встрѣчаемъ племя май-ду или май-дегъ, которыхъ почти нельзя отличить отъ ихъ близкихъ родичей ни-чинамовъ, живущихъ между рѣками Медвѣжьей и Консумнесъ. Уклоненія въ нравахъ у обоихъ народовъ,—между которыми особенно заслуживаетъ вниманія большой ежегодный танецъ въ честь мертвыхъ у племени май-ду,—представляютъ такой же постепенный переходъ отъ сѣвера къ югу, какой мы видимъ въ языкѣ, нарѣчія котораго мало по малу измѣняются въ томъ же направленіи. Между сѣверомъ и югомъ нельзя провести опредѣленной границы. Подвигаясь постепенно къ югу, мы встрѣчаемъ сложную массу народовъ, названныхъ у Поуерса му-т-сунъ, которые распространены отъ Сіеры-Невады до берега, и отъ земель, лежащихъ на сѣверо-западѣ залива Санъ-Пабло и рѣки Консумнесъ далѣе къ югу, за бухту Монтерей и Фресно. Болѣе точныя изслѣдованія указываютъ намъ, что мы должны раздѣлить многочисленныя племена этой семьи на три или четыре большія группы, границы распредѣленія которыхъ довольно ясно обозначены: 1) восточныя племена ми-вокъ; 2) юго-западныя племена мутсунъ, отъ рѣки св. Іоахима до залива Франциска; 3) сѣверо-западныя племена оламентке, отъ залива Франциска до рѣки Росъ или Русской и 4) сѣверное племя талатуи. Внутри страны у озера Туларе и въ широкой полосѣ земли,—которая тянется отъ этого озера, южнѣе рѣки Кёрнъ и параллельно съ нею, на югъ отъ форта Тейона,—живутъ іокутъ. Пагъ-утаги въ своемъ поступательномъ движеніи загнали іокутовъ въ ихъ настоящее мѣсто

жительства, гдѣ мы находимъ ихъ раздѣленными на множество племенъ. Для насъ не лишено значенія, что мы находимъ здѣсь довольно тѣсную связь и даже родъ политическаго союза между отдѣльными племенами. Въ каждой, даже самой замкнутой мѣстности, хотя бы въ ней было множество самостоятельныхъ племенъ, вожди ихъ все-таки находятся въ зависимости отъ вождя главнаго племени. Они даютъ ему отчетъ о положеніи дѣлъ въ своихъ деревняхъ на собраніи, повторяемомъ изъ году въ годъ, и онъ глава племени (званіе котораго наслѣдственное), даетъ совѣты и предостереженія и назначаетъ наказаніе по своему усмотрѣнію. Кромѣ іокутовъ существуютъ еще два центра въ смыслѣ языка и народности, а именно: племена около миссіи св. Антоніо и племена у св. Варвары, которыя несоединимы въ лингвистическомъ отношеніи. Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что границы, отдѣляющія племена другъ отъ друга, которыя и прежде отличались крайнею неопредѣленностью, окончательно уничтожены въ настоящее время. Часть индійцевъ совсѣмъ истреблена, а ихъ остатки или скучены на отдѣльныхъ участкахъ, или же разбросаны въ безпорядкѣ, вслѣдствіе бродячей жизни. Въ старыхъ первоначальныхъ мѣстахъ жительства встрѣчаются весьма немногіе изъ прежнихъ обитателей (Petermanns, Geogr. Mitth. 1879, S. 241—256).

Калифорнцы обладаютъ тѣми же физическими свойствами, какъ ихъ сѣверные и восточные сосѣди, но у нихъ болѣе темный цвѣтъ кожи, который на полуостровѣ Калифорніи почти подходитъ къ черному. Наружность ихъ также показываетъ, что это низшая раса. Лицо у нихъ плоское и некрасивое, глаза большіе съ дикимъ выраженіемъ, губы очень толстыя, волосы длинные, жесткіе, черные и въ большинствѣ случаевъ остриженные; кожа такъ же холодна на ощупь, какъ у лягушки. Тѣмъ не менѣе, Поуерсъ находитъ, что они въ физическомъ отношеніи превосходятъ китайцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые тогда находились въ Калифорніи. Но и между калифорнцами существуютъ довольно замѣтныя различія. Жители низменностей далеко уступаютъ въ красотѣ и силѣ горнымъ жителямъ. Особенно поразительны по своему изяществу оконечности рукъ и ногъ у обоихъ половъ; но само собой разумѣется, что это относится только къ молодымъ субъектамъ, потому что къ старости, при суровой жизни, руки даже у женщинъ становятся грубыми и некрасивыми. Старые піонеры еще помнятъ атлетическія фигуры нѣсколькихъ калифорнцевъ, вѣсъ которыхъ доходилъ до 125 килогр. Но тѣмъ поразительнѣе уменьшеніе объема ихъ тѣла въ старости. Поуерсъ видѣлъ старика, который вѣсилъ не болѣе 25 килогр., другіе немногимъ превосходили его въ этомъ отношеніи, такъ что врядъ ли на свѣтѣ существуетъ другая раса, которая достигала бы такой необычайной тучности въ молодости и до такой степени была худа подъ старость. Подобно многимъ другимъ народамъ, калифорнцы отличаются специфическимъ запахомъ; послѣдній, вѣроятно, происходитъ отъ испареній кожи, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству Поуерса, запахъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ дыханіемъ, особенно у тѣхъ, которые сохранили прежній образъ жизни; зубы ихъ ослѣпительной бѣлизны; тѣло у нихъ въ высшей степени грязно, а ихъ

конусообразные вигвамы кишатъ блохами и другими насѣкомыми. Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что они большіе любители купанія, проводятъ цѣлые часы въ водѣ, и даже теперь, когда большинство ихъ носитъ одежду, купаются каждое утро, то мы должны прійдти къ выводу, что купанье и мытье двѣ разныя вещи. Еще недалеко то время, когда свободные индійцы ходили почти нагіе. Главной одеждой служилъ для нихъ плащъ изъ кроликовыхъ шкуръ, при этомъ они носили своеобразный головной уборъ изъ перьевъ дикой утки. Въ послѣднее время цивилизація надѣла на нихъ европейское платье, и вмѣстѣ съ тѣмъ наградила ихъ всевозможными болѣзнями, както: простуды, кашель, злокачественная жаба, чахотка, отъ которыхъ они гибнутъ тысячами. Хотя Герландъ и выражаетъ мнѣніе, что цивилизація нетолько не способствуетъ вымиранію индійцевъ, но есть **единственный и вполнѣ вѣрный способъ** поднять ихъ общій уровень и предохранить отъ гибели, тѣмъ не менѣе мы не знаемъ, насколько соединимы вышеупомянутые результаты съ требованіями цивилизація относительно одежды. Калифорнцы обыкновенно раскрашиваютъ свое тѣло киноварью, охрой, древеснымъ углемъ или глиной.

Пищей для нихъ служитъ лососина и родъ хлѣба изъ желудей, которые они толкутъ въ ступкахъ, а затѣмъ пекутъ въ первобытной печи. Кромѣ того, они ѣдятъ одно кушанье, изготовляемое изъ красныхъ ягодъ манканиловаго дерева (hippomane mancenilla), и даже не пренебрегаютъ маленькими звѣрьками, въ родѣ полевыхъ мышей. Обжорство не принадлежитъ къ числу ихъ пороковъ, а равно и пьянство, потому что они не изготовляютъ никакого напитка, кромѣ манканиловаго вина (сидра) безъ броженія и въ небольшомъ количествѣ, и пьютъ его только въ извѣстную пору года. Они также весьма умѣренно употребляютъ табакъ. Большая часть ихъ пищи варится, а затѣмъ они ѣдятъ ее въ холодномъ видѣ. Если житель Калифорніи сохранилъ свое здоровье, то онъ доживаетъ до глубокой старости. Болѣзни быстро подкашиваютъ его. Больше вреда нежели пользы приносятъ „tamascal", или калифорнскія паровыя бани, коническіе земляные холмы, выложенные внутри балками и съ небольшой входной дверью. Подобныя бани можно встрѣтить даже въ самыхъ бѣдныхъ общинахъ. Мужчины, женщины и дѣти собираются въ „tamascal" совершенно нагіе, запираютъ за собой дверь и проводятъ здѣсь, сидя у огня, невѣроятное количество часовъ, затѣмъ всѣ бросаются въ холодную воду ближайшей рѣки.

Калифорнцы вообще не воинственная раса. Бѣдность ихъ оружія достаточно показываетъ это. Щитъ вовсе не существуетъ у нихъ, и весь арсеналъ состоитъ изъ лука, стрѣлъ, крайне первобытныхъ пикъ, пращи, камней и дубинъ. Лукъ сдѣланъ очень красиво изъ твердаго упругаго дерева и съ крѣпкой тетивой изъ дикаго льна. Деревянныя

стрѣлы снабжены наконечниками изъ обсидіана, а на нижнемъ концѣ украшены перьями. На охотѣ калифорнцы употребляютъ маленькія стрѣлы, а на войнѣ большія, длиной въ метръ, и носятъ ихъ въ колчанѣ изъ медвѣжьей или лисьей шкуры. Между живущими здѣсь народами па-ка-мал-ли, безспорно, самые воинственные; но вообще горные индійцы, которые не разъ разбивали испанцевъ, превосходятъ въ храбрости жителей низменностей. Они никогда не мучили своихъ плѣнниковъ и не брали въ плѣнъ женщинъ, а тотчасъ же убивали ихъ. Калифорнцы такъ же мало выказываютъ склонности къ охотѣ, какъ и къ войнѣ; ихъ охотничьи снаряды весьма немногочисленны, но они отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ въ изобрѣтеніи силковъ и западней. Они миролюбивы, домовиты, чрезвычайно любятъ общественные танцы; полигамія менѣе распространена у нихъ, нежели у другихъ индійцевъ, и жены ихъ никогда не были унижены до положенія рабынь. Обыкновенно мужъ самъ строитъ хижину, ходитъ на охоту и рыбную ловлю и снабжаетъ семью съѣстными припасами и топливомъ. Здѣсь не учатъ мальчика пробивать стрѣлой тѣло матери, какъ у ирокезовъ и апачей, хотя мужъ, не задумываясь, убиваетъ въ гнѣвѣ жену или тещу. Между мужчинами также существуетъ родъ тайнаго союза, который устраиваетъ самыя невообразимыя оргіи, съ цѣлью принудить женщину къ послушанію. Калифорнцы незнакомы съ обычаемъ варварскаго и кроваваго посвященія юноши, какъ у атлантическихъ индійцевъ, но они добровольно подвергаютъ себя страшнымъ истязаніямъ, которыя, однако, бо̀льшею частью состоятъ въ постѣ и встрѣчаются преимущественно у сѣверныхъ племенъ. Ихъ тѣлесная сила проявляется въ танцахъ, которымъ они предаются съ такою же страстью, какъ африканцы, тѣмъ болѣе, что кромѣ этого и игры они не признаютъ никакихъ удовольствій. Пьяная пирушка ни въ какомъ случаѣ не составляетъ конечной цѣли ихъ праздниковъ, какъ мы это видимъ у другихъ народовъ, и если они приносятъ съ собой наибольшее количество съѣстныхъ запасовъ, то для того только, чтобы остаться какъ можно долѣе вмѣстѣ и провести время въ танцахъ.

По своему характеру, калифорнцы необычайно скрытны, хитры, себялюбивы, склонны къ интригѣ и отличаются полнымъ отсутствіемъ нравственной силы и отваги. Они веселаго темперамента, но крайне невоспріимчивы ко всякому нравственному возбужденію. Дѣти ихъ никогда не ссорятся между собой и если вступаютъ въ борьбу, то только для того, чтобы испробовать свою тѣлесную силу; побѣжденные остаются въ такомъ же радостномъ настроеніи, какъ и побѣдители. То же можно сказать и о взрослыхъ. Калифорнецъ въ состояніи просидѣть двадцать часовъ за игрой, проигрывая вещь за вещью изъ своего имущества, до послѣдней рубахи, которую онъ отдаетъ съ такимъ же веселымъ смѣхомъ, съ какимъ принимаетъ ее объиграв-

шій его. Потерявъ, такимъ образомъ, все свое состояніе, онъ ложится спать совсѣмъ голый или въ рубашкѣ, занятой у пріятеля, и минутъ черезъ пять засыпаетъ сномъ праведника. Намъ, европейцамъ, непонятно, какъ можно живо интересоваться какимъ-нибудь дѣломъ и быть совершенно равнодушнымъ къ полученнымъ результатамъ. Но къ этой чертѣ характера туземцевъ нужно еще прибавить полнѣйшее отсутствіе всякой фантазіи, такъ какъ калифорнцы прозаики до мозга костей. Это доказываютъ ихъ личныя и географическія имена, которыя большей частью или вовсе лишены смысла или имѣютъ самое пошлое значеніе. Вся ихъ литература заключается въ небольшомъ запасѣ басень, гдѣ выведены звѣри съ извѣстнымъ юморомъ, въ которомъ у нихъ вообще нѣтъ недостатка. Такъ, напримѣръ, одинъ старый туземецъ сдѣлалъ чрезвычайно мѣткое замѣчаніе: „индіецъ разложитъ маленькій костеръ и сядетъ у самаго огня; бѣлый человѣкъ разведетъ большой огонь и сядетъ подальше отъ него". Всѣ калифорнцы завзятые воры, гдѣ они только могутъ безнаказанно украсть что-нибудь; сѣверныя племена особенно отличаются алчностью и не сдѣлаютъ ни одного шага, не получивъ за это предварительно извѣстнаго вознагражденія. Что же касается обвиненія въ неблагодарности, то Поуерсъ защищаетъ ихъ и говоритъ, что въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они вовсе не отличаются этимъ порокомъ. Но при этомъ онъ вовсе не отвергаетъ, что имъ, какъ и всѣмъ дикарямъ, присущи такіе недостатки, какъ вѣроломство, жажда мести, непримиримая ненависть и т. п. Онъ разсказываетъ, какъ одна женщина, изъ племени Ничинамъ, пробила черепъ своей сестрѣ продолговатымъ камнемъ, между тѣмъ, какъ мужъ убійцы спокойно смотрѣлъ на это. Кромѣ того, племянница убитой, вслѣдствіе разныхъ причинъ, лишилась такимъ же способомъ матери, родного и двоюроднаго брата, которые были всѣ хладнокровно убиты среди своего собственнаго племени; и это случилось во времена „первобытной невинности", т. е. до прибытія американцевъ въ страну. Равнымъ образомъ, Поуерсъ признаетъ, что калифорнцы грубо развратны, но въ ихъ языкѣ, насколько онъ могъ изучить, нѣтъ словъ для утонченнаго распутства, котораго, повидимому, дѣйствительно не существуетъ у нихъ. Въ сношеніяхъ между холостыми мужчинами и дѣвушками господствуетъ полнѣйшая свобода, которая считается настолько естественной, что съ нею не связано никакого дурного представленія, такъ что молодыя дѣвушки поражаютъ своей невинностью и скромнымъ обращеніемъ. Между тѣмъ, эта свобода отношеній ввела въ заблужденіе многихъ наблюдателей. Чтобы составить себѣ о ней надлежащее понятіе, стоитъ только обратить вниманіе на тотъ строгій присмотръ, подъ какимъ находятся здѣсь замужнія женщины. Если увидятъ которую либо изъ нихъ гуляющею въ лѣсу съ постороннимъ мужчиной, то она подвергается весьма чувствительному

наказанію со стороны мужа, а въ случаѣ повторенія, онъ безъ церемоніи убиваетъ ее. Братъ и сестра тщательно избѣгаютъ совмѣстной жизни безъ постороннихъ лицъ; мачиха не можетъ жить одна у пасынка. По понятіямъ индійцевъ, „случай къ грѣху равносиленъ совершенію грѣха". Но за этимъ боязливымъ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій нерѣдко кроется глубокая безнравственность и проглядываетъ въ ежедневныхъ разговорахъ, которые ведутся въ присутствіи женщинъ и дѣтей. Поуерсъ вообще считаетъ чудомъ, если дѣти калифорнцевъ выростаютъ съ какимъ-либо представленіемъ о добродѣтели. Тѣмъ не менѣе, они рѣже претерпѣваютъ умственное и физическое крушеніе, чѣмъ отпрыски цивилизованныхъ расъ, потому что, когда наступаетъ для нихъ пора возмужалости, они понимаютъ ея значеніе и болѣе подготовлены къ ней. Браки обыкновенно заключаются въ возрастѣ отъ 12—14 лѣтъ. Со времени вторженія американцевъ въ страну, калифорнцы нерѣдко торгуютъ своими женами съ цѣлью наживы и, такимъ образомъ, побуждаютъ ихъ къ поступкамъ, за которыя въ прежнія годы онѣ были бы безусловно наказаны смертью. Дѣтоубійство въ большомъ ходу, но весьма сомнительно, чтобы оно служило признакомъ избытка населенія, какъ это хочетъ доказать Поуерсъ.

За исключеніемъ немногихъ сѣверныхъ племенъ, калифорнцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о высшемъ существѣ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поуерсъ положительно утверждаетъ это, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности, которую онъ беретъ на себя въ данномъ случаѣ. Хотя почти всѣ калифорнцы говорятъ о великомъ или „старомъ человѣкѣ, живущемъ на небѣ", но это не болѣе, какъ безсознательное выраженіе, очевидно чуждаго происхожденія, перенятое вслѣдствіе сношенія съ бѣлыми. Если вы начнете разспрашивать ихъ о происхожденіи міра, человѣка, огня и т. д., то баснословный „старикъ, живущій на небѣ", исчезаетъ и на сцену выступаетъ „coyote" (волкъ прерій), который все сдѣлалъ и все создалъ, по ихъ мнѣнію. Калифорнцы, не задумываясь, даютъ при случаѣ новыя названія новымъ предметамъ; поэтому, мы не должны удивляться, если находимъ туземное названіе для выраженія понятія „Богъ", которое фактически не существуетъ у нихъ. Они вѣрятъ въ многочисленныхъ злыхъ духовъ; изъ нихъ одни имѣютъ человѣческій образъ, другіе живутъ въ птицахъ и другихъ звѣряхъ и преимущественно пребываютъ въ лѣсахъ, на холмахъ, а иногда въ благодатной западной странѣ. Между этими духами, имена которыхъ туземцы упорно скрываютъ передъ европейцами, есть высшіе и низшіе, болѣе могущественные и слабѣйшіе; человѣкъ долженъ стараться заслужить ихъ милость, или, вѣрнѣе сказать, отклонить ихъ гнѣвъ. Истинной помощи ждетъ отъ нихъ туземецъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и, если ему удалось достигнуть, что они не вмѣ-

шиваются въ его дѣла, то онъ довольствуется этимъ. Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы приходимъ къ выводу, что природа единственный Богъ у калифорнцевъ, а „coyote“ подчиненный ему духъ. Особенно поражаетъ равнодушіе къ смерти, которое господствуетъ между большинствомъ индійцевъ, живущихъ на берегу Калифорніи. Дѣти съ величайшимъ спокойствіемъ разсказываютъ о смерти отца и, повидимому, не испытываютъ ни малѣйшаго озлобленія противъ безпощадной судьбы.

Индійцы старой Калифорніи, если это возможно, стоятъ на еще болѣе низкой степени образованности. Въ физическомъ отношеніи они схожи съ народами Сѣверной Америки, но во всемъ остальномъ не имѣютъ съ ними ничего общаго. У нихъ нѣтъ никакого понятія о строительномъ искусствѣ, земледѣліи и ремеслахъ, примѣнимыхъ къ повседневной жизни. По словамъ Клавигеро, на всемъ полуостровѣ не найдено никакого слѣда домовъ или даже простыхъ хижинъ, глиняной посуды, металлическаго снаряда или какой-либо ткани. Что касается языка этихъ людей, то самыми значительными діалектами считаются три, а именно перику, монкви и кочими (cochimi). Къ перику принадлежитъ племя кора, на самомъ югѣ полуострова, а къ монкви причисляются живущіе на сѣверѣ гваикури или ваикура и учити (uchitis). Кочими первоначально поселились у залива Лорето, а затѣмъ уже перешли на крайній сѣверъ; ихъ языкъ, богатый гортанными звуками и чрезвычайно трудный, распространенъ до самой средины полуострова и отличается отъ всѣхъ остальныхъ нижнекалифорнскихъ нарѣчій.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ калифорнцами мы встрѣчаемъ рядъ народностей, которыя занимаютъ собой юго-западъ Соединенныхъ Штатовъ, до самой границы Мексики. Ихъ идіомы чрезвычайно важны для насъ, такъ какъ они уясняютъ съ разныхъ сторонъ духъ и конструкцію американскихъ языковъ. Народы, говорящіе на этихъ идіомахъ, отчасти ведутъ кочевую и разбойническую жизнь, и только съ недавняго времени стали привыкать къ земледѣлію, между тѣмъ какъ извѣстная часть ихъ жила осѣдлой жизнью, съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ имѣются историческія свѣдѣнія. Индивидуальныя различія въ смыслѣ умственныхъ способностей и выраженія лица проявляются здѣсь въ такой же сильной степени, какъ у бѣлыхъ. Въ то время, какъ одни довольно порядочно объясняются на многихъ индійскихъ языкахъ, на англійскомъ или испанскомъ, другіе, несмотря на все свое желаніе, ограничиваются знаніемъ родного языка. У многихъ лицо выражаетъ грубыя и низкія страсти, между тѣмъ какъ у нѣкоторыхъ оно настолько же интеллигентно, какъ у бѣлыхъ образованнаго класса; у иныхъ племенъ виденъ рѣзкій отпечатокъ монгольскаго типа, другіе же напоминаютъ кавказскій типъ. Подчасъ такія же значительныя различія встрѣчаются у одного и того же

племени. Равнымъ образомъ, замѣтно варьируется цвѣтъ кожи отъ грязнокоричневаго до желтокраснаго; также достойно замѣчанія, что настоящіе альбиносы не составляютъ рѣдкости между индійцами Пуэбло.

Что касается религіи, то здѣсь весьма распространено поклоненіе солнцу. Нѣкоторыя племена вѣрятъ въ добраго и злого духа, и только немногіе обращены въ христіанство. Наиболѣе распространенныя изъ американскихъ миссіонерскихъ обществъ имѣютъ своихъ миссіонеровъ въ Китаѣ и Японіи, Турціи и Египтѣ; но въ собственной землѣ они робко отступаютъ отъ своей задачи. Индійцы противопоставляютъ такую апатію всѣмъ попыткамъ обратить ихъ въ христіанство, что миссіонеръ скоро теряетъ всякую энергію и уходитъ отъ нихъ. Испанскіе іезуты прошлаго столѣтія преимущественно внушили индійцамъ отвращеніе къ новой вѣрѣ; многіе отреклись отъ принятаго ими христіанства и вернулись къ своему прежнему культу солнца. У нѣкоторыхъ племенъ южной Калифорніи іезуиты насильственно вывели изъ употребленія обычай сжиганія мертвыхъ; у другихъ онъ существуетъ и до сихъ поръ (Sechster und siebenter Jahresbericht der geogr. Geselsch. in München. 1877, S. 162—163).

Изъ юго-восточныхъ племенъ наиболѣе значительная группа распространена среди калифорнцевъ и на западѣ, въ перемежку съ мексиканскими народами, а именно:

народы юма. Главный изъ нихъ, собственно юма, живетъ около рѣкъ: нижней Колорадо и Гилы; тѣсную связь съ нимъ представляютъ кокомарикопо (maricopa) и кокопа, отрасль предыдущихъ. Послѣдніе два живутъ на югѣ и сѣверѣ отъ юма, какъ бы окружая ихъ. Всѣ эти народы обрабатываютъ землю, воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, рожь и дыни, засѣвая свои заливныя поля весной, какъ только они освободились отъ воды. Сродные съ вышеназванными племенами могаве живутъ немного ниже того мѣста, гдѣ рѣка Колорадо поворачиваетъ къ югу.

Балдуинъ Мёлгаузенъ наглядно описываетъ свою встрѣчу съ индійцами могаве въ пустынѣ Колорадо, изъ которыхъ одни были совсѣмъ голые, другіе едва покрыты одеждой. „Геркулесовскія фигуры мужчинъ, начиная отъ длинныхъ волосъ и кончая большимъ пальцемъ ноги, были ярко расписаны бѣлой, желтой, голубой или красной краской, смотря по тому, вымазали ли они себя извѣстью или цвѣтной глиной. Ясные какъ алмазы глаза блестѣли, какъ огненные уголья на окрашенномъ лицѣ, а на макушкѣ головы у большинства стояли торчмя перья коршуновъ, дятловъ и лебедей, вслѣдствіе чего ихъ рослые фигуры казались еще выше. У нѣкоторыхъ единственной одеждой служилъ мѣховой плащъ, сплетенный изъ полосокъ заячьей и крысьей шкуры и накинутый на плечи; но одинъ туземецъ, повидимому, затмилъ все общество своимъ несложнымъ нарядомъ, о которомъ онъ былъ, повидимому, довольно высокаго мнѣнія. Весь костюмъ его состоялъ изъ жилета, который, вѣроятно, былъ выброшенъ по негодности, или путемъ обмѣна дошелъ до этихъ дикарей и служилъ теперь дополненіемъ къ наряду, состоящему до этого въ пестрѣйшей

окраскѣ тѣла. На женщинахъ была одѣта своеобразная юбка, передняя часть которой, у болѣе достаточныхъ, состояла изъ шерстяныхъ шнурковъ вмѣсто мочалокъ изъ древесной коры. Онѣ несли на головахъ глинянные кувшины, мѣшки изъ рогожъ и непромокаемыя корзины, наполненныя продуктами ихъ труда и жатвы полей. По прибытіи въ лагерь, женщины встали рядами на колѣни и поставили передъ собой корзины, между тѣмъ какъ мужчины разсѣялись по лагерю, приглашая нашихъ людей къ покупкѣ; затѣмъ, когда состоялся торгъ, они внимательно слѣдили за нимъ (Möllhausen, Wanderungen durch die Prairien und Wusten des westlichen Nordamerika, S. 386—387). При этомъ, съ свойственнымъ имъ веселіемъ, они боролись, поддразнивали другъ друга, даже мужчины обнимались и нѣжничали между собой, но черезъ минуту выкидывали другъ надъ другомъ довольно грубыя шутки, которыя принимались самымъ добродушнымъ образомъ. Мёлгаузенъ имѣлъ случай видѣть у могаве совершенно своеобразную игру. Два туземца встали рядомъ, держа кверху палки въ 5 метр. длины; въ рукѣ одного изъ нихъ было веревочное кольцо, сдѣланное изъ тонкихъ мочалокъ, около 10 сант. въ поперечникѣ. Опустивъ палки, оба бросились одновременно впередъ; при этомъ державшій кольцо пустилъ его такимъ образомъ, чтобы оно катилось передъ обоими; затѣмъ они разомъ кинули палки: одну налѣво, другую направо отъ катившагося кольца, и этимъ задержали его бѣгъ. Съ той же быстротой движеній они опять схватили палки и кольцо и пустились бѣжать, повторяя ту же процедуру по той же дорогѣ, но въ обратномъ направленіи. Такъ бѣгали они взадъ и впередъ по этому пространству въ 16—17 метр. длины, катали кольцо, бросали палки, пока ихъ неутомимыя ноги не протоптали гладкой тропинки на рыхлой луговой почвѣ.

Пища могаве преимущественно состоитъ изъ жареныхъ лепешекъ, сдѣланныхъ изъ маисовой и пшеничной муки, которую они добываютъ, растирая зерно между двумя камнями. Жилища ихъ не скучены въ видѣ деревень, а разсѣяны на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Хижины ихъ большею частью расположены на склонахъ небольшихъ холмовъ, отчасти вырытыхъ наподобіе пещеръ, которыя собственно и составляютъ жилище. Передъ входомъ, на равной высотѣ съ холмомъ или земляной насыпью, устроена широкая крыша на крѣпкихъ столбахъ, образующая родъ корридора. Здѣсь стоятъ большіе глиняные сосуды, въ которыхъ хранятся запасы муки и зерна и, кромѣ того, лежитъ домашняя утварь для ежедневнаго употребленія, а именно: красиво сплетенныя непромокаемыя корзины, посуда и чаши изъ выдолбленныхъ тыквъ. По близости каждаго жилья возвышаются небольшія зданія, магазины, наполненные стручками одного бобоваго растенія, „mezquit". Хотя эти сѣмена обыкновенно не употребляются въ пищу индійцами могаве, но, тѣмъ не менѣе, хранятся въ магазинахъ изъ году въ годъ съ тою цѣлью, чтобы предохранить жителей отъ нужды въ случаѣ плохой жатвы или полнаго неурожая. Въ этомъ выражается заботливость могаве относительно будущности, чего до сихъ поръ не замѣчено ни у одного изъ индійскихъ племенъ, живущихъ на западѣ отъ Скалистыхъ горъ (Möllhausen, a. a. O. S. 391—395).

Цвѣтъ кожи могаве свѣтло-коричневый съ грязноватымъ оттѣнкомъ; черты ихъ лицъ настолько же разнообразны въ смыслѣ индивидуальныхъ особенностей, какъ и лица бѣлыхъ. Ихъ передніе зубы, благодаря раскусыванію сухихъ маисовыхъ зеренъ, настолько стерты, что на половину короче зубовъ европейца. У мужчинъ отъ природы густая борода, но они искусно соскабливаютъ волосы съ подбородка, обжигаютъ или вырываютъ изъ кожи посредствомъ камней, такъ что постоянно являются „гладко выбритыми". Въ 1875 г. Уиллеровская экспедиція нашла у могаве въ большомъ количествѣ различныя принадлежности европейскаго костюма, даже у обоихъ половъ. Мужчины и

женщины заплетаютъ волосы въ косы и курятъ. Полигамія, конечно, не запрещена здѣсь, но рѣдко практикуется на дѣлѣ, и въ семейной жизни господствуетъ извѣстная нравственность. У могаве, подобно многимъ индійцамъ, существуетъ преданіе о великомъ потопѣ; они очень суевѣрны и почитаютъ добраго и злого духа. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ племени могаве, оставшіеся въ живыхъ совершаютъ продолжительныя омовенія въ теченіи сорока дней и убиваютъ коня, чтобы душа покойника могла ѣздить верхомъ на небѣ, „okiambora". У нихъ также существуетъ понятіе объ адѣ, „arikromé"; но всѣ попытки обратить ихъ въ христіанство оказались напрасными. Они сжигаютъ тѣла своихъ мертвецовъ. Д-ръ Оскаръ Лёвъ, одинъ изъ спутниковъ лейтенанта Уиллера, спросилъ туземцевъ, почему они не хоронятъ своихъ покойниковъ,—и получилъ такой отвѣтъ: „отъ мертвыхъ скверный запахъ!" Могаве имѣютъ своихъ мужей медицины или знахарей, которыхъ они, впрочемъ, немилосердно убиваютъ, если эти трижды ошибутся въ своихъ предсказаніяхъ.

Всѣ языки племенъ юма богаты гласными и благозвучны; такъ, напримѣръ, могавскій можетъ быть безусловно названъ богатымъ, звучнымъ и многосложнымъ; при этомъ, несмотря на нѣкоторыя уклоненія, между всѣми этими языками существуетъ общая связь. Но само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о сродствѣ идіомовъ юма съ языкомъ алеутскихъ и эскимосскихъ племенъ, которое хотѣлъ отыскать Вильгельмъ Герцогъ (см. Zeitschrift f. Ethnol. Berlin 1878, S. 449—459). Такимъ же неосновательнымъ представляется намъ взглядъ Альфонса Пинара, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ могаве и считаетъ ихъ, наравнѣ съ юма, кокопа и гвалапаисъ, сродными съ племенемъ гіакви въ штатѣ Сонора, которое положительно принадлежитъ къ мексиканской группѣ народовъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что кромѣ вышеупомянутыхъ народовъ къ семьѣ юма относятся: гвалапаисъ или валлпаисъ на юго-востокѣ озера Туле, у восточнаго склона Черной горы и въ горахъ Кербатъ и Акварій; отъ этихъ отдѣлились коснино, или козино, число которыхъ едва доходитъ до 100 душъ. Затѣмъ мы должны причислить сюда кутганесъ, или кучанъ, и кучанъ (у послѣднихъ двухъ народовъ ростъ мужчинъ ниже 1,83 м. составляетъ рѣдкость), а также ябипаисъ, или ямпаисъ, и тонто, съ отвратительнымъ коварнымъ выраженіемъ лица, которые живутъ въ горахъ какъ волки. Тонто, или гогунъ, по типу напоминаютъ монголовъ; они чуждаются людского общества, лукавы и хитры. Это самое восточное изъ всѣхъ народовъ юма; ихъ діалектъ ближе къ языку могаве, нежели кучановъ. По сосѣдству съ ними живутъ нійора, между рѣками Гила (Chila) и Яквефила, и раздѣляютъ область апачей отъ владѣній навайосовъ. Послѣднія два племени принадлежатъ къ южнымъ атапаскамъ, такъ какъ подобно многимъ сосѣднимъ съ ними племенамъ они говорятъ на нарѣчіи, сродномъ съ тинне или сѣверными атапасскими языками.

Изъ этихъ южныхъ атапасковъ,—которыхъ также можно обозначить общимъ именемъ апачей,—самые важные, по мнѣнію Альберта С. Гачета, слѣ-

дующія племена: мескалеросъ у Ріо Пекосъ, т. е. тѣ апачи, которые изготовляютъ напитки изъ сока одного вида алоэ, или магуай, извѣстные подъ именемъ „mescal“; затѣмъ ланеросъ, т. е. апачи прерій между Ріо Пекосъ и Ріо Гранде, а также на востокъ отъ мескалеросовъ, гдѣ они ведутъ кочевую жизнь; хикариллась, на востокѣ отъ Ріо Гранде; тараконесъ, ошибочно называемые фараонесами (вѣроятно отрасль хикарилласовъ), между Ріо Гранде и Ріо Пекосъ; навахо (nawacho) самая сѣверная и наиболѣе многочисленная отрасль апачей, издавна поселившаяся въ сѣверной Мексикѣ и Аризонѣ; чиригваи (chiriguais) въ юговосточной части Аризоны; индійцы кочисъ (cochise) представляютъ собой подраздѣленіе послѣднихъ; пиналеньосы, или пиналапачи у Сіерра Пиналя, между 33 и 34° с. ш.; койотеросъ и гилапачи на востокъ отъ пиланесовъ въ области истоковъ Ріо Гила. Гиленосъ считались прежде самыми храбрыми изъ апачскихъ воиновъ; мимбреносъ, на востокѣ отъ послѣднихъ, въ Сіерра де лосъ Мимбресъ; набѣги ихъ простираются до юго-восточнаго угла Новой Мексики; мѣдно-рудные апачи дѣлаютъ набѣги по обѣ стороны Ріо Гранде и на западъ до области пиналеносовъ; липанъ или ипанде самое южное изъ атапаскскихъ племенъ; могущественная фигура ихъ вождя изображена на одномъ изъ слѣдующихъ рисунковъ. (A. C. Gatschet, Zwölf Sprachen aus dem Sudwesten Nordamerikas, S. 63—64).

Подобно дакотамъ на сѣверѣ, апачи (apaches) на юго-западѣ Соединенныхъ Штатовъ представляютъ собой самое многочисленное и въ то же время наиболѣе безпокойное изъ всѣхъ индійскихъ племенъ. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Оскаръ Лёвъ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей этой области,—что не высшее умственное развитіе побуждаетъ охотника сдѣлаться пастухомъ, а пастуха обращаетъ въ земледѣльца, такъ какъ я имѣлъ случай окончательно убѣдиться въ этомъ при моихъ сношеніяхъ съ индійцами; здѣсь несравненно сильнѣе дѣйствуетъ сумма принудительныхъ обстоятельствъ, въ видѣ уменьшенія дичи для охоты, увеличенія народонаселенія, а также топографическія, геологическія и климатическія условія и т. п. Если у народовъ, живущихъ охотой, въ общемъ нѣтъ недостатка въ сообразительности, то у нихъ все-таки нѣтъ сознанія, что при земледѣліи можно вести болѣе спокойную жизнь и они, разумѣется, не чувствуютъ въ ней никакой потребности“ (Sechster und siebenter Jahresbericht der geograph. Gesellsch. in München, 1877, S. 161). Такъ напримѣръ, апачи и навайосъ, несмотря на частыя сношенія съ болѣе развитыми племенами, все-таки оставались охотниками и разбойниками до послѣдняго времени и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ удалось поработить послѣднія наѣздническія племена и поселить ихъ на участкахъ. Лучшіе и болѣе разсудительные изъ нихъ начинаютъ заниматься земледѣліемъ, между тѣмъ какъ лѣнивые наслаждаются dolce far niente, такъ какъ правительство пока кормитъ ихъ.

Апачи крѣпкаго, мускулистаго сложенія, особенно въ груди и плечахъ; ноги у нихъ менѣе хорошо развиты; икры тонкія, ступня менѣе плоска, чѣмъ у негровъ; на небольшомъ разстояніи они выказываютъ невѣроятную быстроту бѣга. Ростъ мужчинъ доходитъ до 1,67 м.; женщины немного ниже. Тѣмъ не менѣе Банкрофтъ находитъ ихъ тощими и дурно развитыми въ физическомъ

отношеніи, выраженіе лицъ некрасивымъ и отталкивающимъ. Волоса у обоихъ половъ одинаковой длины и доходятъ до плечъ; и при этомъ большею частью матоваго чернаго цвѣта. Черепъ сравнительно съ другими индійцами приближается до извѣстной степени къ монгольскому типу, въ особенности въ расположеніи глазъ. Скуловыя кости сильно выступаютъ впередъ; ротъ широкій и съ тонкими губами. Темнокаріе глаза не имѣютъ той мертвенности, какъ у сѣверныхъ индійцевъ, но стеклянно блестящіе, какъ у койотовъ. Организмъ апачей отличается замѣчательною выносливостью относительно голода, жажды, перемѣнъ температуры и пораненій. Не доктора лечатъ ихъ, а сама природа. Старыя женщины, которыя у дикихъ племенъ обыкновенно занимаютъ почетное положеніе въ качествѣ предсказательницъ, жрицъ и знахарокъ, не играютъ здѣсь никакой роли. О. Шмицъ, который прожилъ довольно долго между апачами, говоритъ, что онъ никогда не слыхалъ у нихъ о цѣлительныхъ травахъ, а также о больныхъ, по крайней мѣрѣ насколько ему было извѣстно. Кожа апачей желтая, иногда краснокоричневая, но никогда не имѣетъ баснословнаго мѣднаго оттѣнка, а скорѣе производитъ впечатлѣніе сильнаго солнечнаго загара. На тѣлѣ нѣтъ вовсе волосъ кромѣ головы; но подошвообразная толщина кожи повидимому вполнѣ замѣняетъ платье и служитъ защитой отъ вліянія температуры и другихъ физическихъ вліяній. Послѣ перехода черезъ низкій кустарникъ колючихъ кактусовъ мулы бываютъ нерѣдко покрыты кровью, но этого никогда не случается съ полунагими апачами. Одежда была прежде почти неизвѣстна у нихъ, но теперь она главнымъ образомъ изготовляется изъ грубой бумажной матеріи. Многіе носятъ только панталоны и кожаные мокассины на ногахъ; но у нихъ также входятъ въ употребленіе шерстяныя одѣяла и соломенныя шляпы. Несмотря на палящее солнце, они прежде ходили съ открытой головой, но теперь, взамѣнъ шляпы, изготовляютъ себѣ удобную и вездѣ доступную покрышку головы посредствомъ намазыванія волосъ клейкой глиной. Женщины носятъ короткую юбку и распущенные волосы, и только тѣ обстригаютъ ихъ, которыя въ траурѣ по убитомъ мужѣ. Маленькія дѣти ходятъ совсѣмъ нагія. Если становится слишкомъ холодно, то туземецъ отыскиваетъ углубленіе въ землѣ, или же строитъ изъ земли, камней и листьевъ родъ котла, въ 1 м. въ поперечникѣ и въ 0,50 мет. глубины; скорчившись садится въ него совсѣмъ голый, большей частью въ одиночку, и встаетъ только на другой день, когда солнце опять согрѣло его окоченѣвшіе члены. Если у кого подъ рукой случится одѣяло или шкура, тотъ, конечно, накидываетъ ихъ на себя; но это не составляетъ для нихъ существенной необходимости. Они выказываютъ особенное отвращеніе противъ всего, что походитъ на домъ, и прячутся отъ дождя подъ деревьями и скалами; но какъ только выглянетъ солнце, они опять стремятся въ открытое поле. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству А. Морино, у нихъ существуютъ хижины изъ легкихъ вѣтвей и кустарника и селенія въ 2000—3000 душъ. Они тщательно расписываютъ себѣ лицо красными и голубыми линіями; но это не составляетъ общаго обычая, между тѣмъ, какъ раковины перламутровыхъ улитокъ и грубая рѣзьба изъ дерева составляютъ любимое украшеніе обоихъ половъ. Татуировка здѣсь не въ употребленіи, равно и обезображеніе лица съ цѣлью воткнуть въ него какія либо украшенія. Женщины носятъ иногда шкуры, натертыя мозгами и расписанныя разнообразными черточками.

Пища апачей состоитъ изъ желудей, земляныхъ орѣховъ, тыквъ, мескитовыхъ бобовъ, всякой дичи, не исключая крысъ, мышей и змѣй; а также изъ негодныхъ для ѣзды краденныхъ лошадей и ословъ. Мясо и плоды отчасти употребляются въ сыромъ видѣ, частью ихъ жарятъ на вертелѣ; къ свиньямъ они чувствуютъ отвращеніе и не ѣдятъ ихъ. Сами они обладаютъ особеннымъ, присущимъ имъ запахомъ. Лукъ и стрѣлы составляютъ ихъ единственное оружіе и домашнюю утварь. Наконечники стрѣлъ дѣлаются большею частью изъ

твердаго дерева, или изъ кусковъ обсидіана, желѣза, или мѣди, которые они часто находятъ у себя въ видѣ самородковъ. Кетлинъ говоритъ, что онъ самъ встрѣчалъ около рѣки Гилы слѣды апачей, принадлежащихъ къ началу каменнаго вѣка, которые употребляли кремни и обсидіанъ для изготовленія своего оружія и утвари, а именно наконечниковъ стрѣлъ. Шмицъ говоритъ, что сравнительно съ другими индійцами нынѣшніе апачи не отличаются особеннымъ искусствомъ въ стрѣльбѣ. Этотъ отзывъ противорѣчитъ мнѣнію Георга Кетлина, который восхваляетъ мѣткость выстрѣловъ туземцевъ на одномъ праздникѣ стрѣлковъ, устроенномъ въ его честь. Но они никогда не пользуются метательными копьями; пращи также неизвѣстны у нихъ. Лукъ и стрѣлы составляютъ ихъ единственную личную собственность, изъ чего можно заключить о дальнѣйшихъ формахъ ихъ общежитія. Иногда они бродятъ въ одиночку, или небольшими шайками въ 10 человѣкъ, безъ всякаго вождя. Только необходимость крупныхъ разбойничьихъ набѣговъ съ цѣлью „добыть лошадей и ословъ“ побуждаетъ ихъ собираться многочисленными толпами, подъ властью вождя. Предводитель шайки носитъ родъ шлема изъ звѣриной кожи, украшенный перомъ. Большинство воиновъ конные; у нихъ замѣчательно выносливые пони; они ѣздятъ или на испанскомъ мундштукѣ, или съ простой веревкой, вмѣсто узды. Женщины обыкновенно возятъ съ собой на лошадяхъ корзины съ съѣстными припасами. При подобномъ переходѣ съ мѣста на мѣсто, пока не съѣдена добыча и длится вліяніе вождя, онъ пользуется временными преимуществами въ видѣ личной собственности. Ему главнымъ образомъ предоставлено право имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстное количество дѣвушекъ. Тѣ изъ нихъ, которыя выбраны вождемъ, носятъ въ волосахъ кусокъ звѣриной шкуры; и тогда онѣ становятся неприкосновенными для другихъ мужчинъ. Если вождь выбираетъ одну изъ нихъ себѣ въ жены, то надъ ея головой ломаютъ пучокъ стрѣлъ. Кромѣ этихъ преимуществъ, предоставленныхъ одному вождю, существуетъ болѣе или менѣе продолжительное сожительство обоихъ половъ внѣ брака. Дѣти остаются при матери, пока они не въ состояніи самостоятельно собирать плоды, изловить крысу или мышь, послѣ чего они теряются въ массѣ племени. Мать бо́льшею частью кормитъ ихъ грудью до трехлѣтняго возраста. Размноженіе населенія происходитъ въ слабой степени; женщины бо́льшею частью рожаютъ послѣ трехлѣтняго промежутка и очень рано становятся безплодными. Вообще довольно трудно опредѣлить возрастъ апачей, потому что они сами не имѣютъ точнаго представленія о годѣ, а тѣмъ болѣе о лѣтосчисленіи, хотя имъ извѣстно, что бѣлый человѣкъ дошелъ до такого искусства, что знаетъ сколько разъ онъ видѣлъ, какъ „выростаетъ новая трава“. Какъ больные, такъ и родильницы совершенно обходятся безъ медицинской помощи. Иногда другія женщины помогаютъ родильницѣ; но въ большинствѣ случаевъ она сама производитъ операцію отдѣленія пуповины, разбивая ее между тупыми камнями; а вмѣсто перваго омовенія, она посыпаетъ новорожденнаго сухимъ пескомъ.

Если кто умираетъ, то его относятъ куда нибудь въ сторону, когда пережившіе его остаются на прежнемъ мѣстѣ; но въ случаѣ перекочевки, умирающаго бросаютъ на произволъ судьбы; рѣдко можно услышать здѣсь причитаніе по мертвымъ; взамѣнъ этого раздается вой „coyote“ (волка прерій), исполняющаго роль общаго могильщика. Когда умираетъ жена вождя, или онъ самъ, то въ виду его прежняго положенія (допускающаго личную собственность) и превосходства надъ другими, допускается церемонія погребенія. Въ этомъ случаѣ покойника завертываютъ въ шкуры и погребаютъ на склонѣ горы съ солнечной стороны; затѣмъ воздвигаютъ на этомъ мѣстѣ продолговатый холмъ изъ земли или камней. У апачей, какъ у многихъ другихъ индійцевъ, не существуетъ понятія, что покойникъ живетъ послѣ смерти и что

гдѣ нибудь можетъ быть лучше, чѣмъ на землѣ, а равно и представленія о „Великомъ Духѣ“. Празднованіе полнолунія составляетъ единственный случай, гдѣ у нихъ устраивается нѣчто похожее на общественное торжество; вдобавокъ оно происходитъ не регулярно и не во время самого полнолунія, а по фантазіи большинства, когда мѣсяцъ достигнетъ достаточной величины. Тогда раскладываютъ огни, и въ тыквенныхъ чашахъ приготовляется охмѣляющій напитокъ изъ кактуснаго сока, доведеннаго до состоянія броженія, Каждый принимаетъ удобное для него положеніе, большею частью лежачее, а съ восходомъ мѣсяца поднимается общій вой, въ подражаніе реву различныхъ звѣрей. Начинаютъ обыкновенно съ звуковъ, похожихъ на плачъ маленькихъ дѣтей, который долженъ означать крикъ „coyote“, обнюхивающаго добычу; звуки мало по малу усиливаются и переходятъ въ глухое завыванье шакаловъ; затѣмъ слышится хриплый голосъ гіены; онъ становится все громче и громче и сливается въ общемъ шумѣ. Эхо доноситъ до мѣсяца какъ бы топотъ отдаленнаго стада волковъ (coyote), между тѣмъ какъ двуногіе и четвероногіе звѣри стараются превзойти другъ друга въ дикихъ вопляхъ. Но вдругъ наступаетъ тишина, и вмѣсто неистоваго воя кровожадныхъ звѣрей раздается протяжный глупо равнодушный ослиный крикъ, который вызываетъ общій смѣхъ, или вѣрнѣе, звонкое рычаніе, послѣ чего продолжается прежній оглушительный концертъ, и такъ всю ночь, до заката мѣсяца. Кромѣ того, апачи любятъ карточную игру и куреніе.

Какъ уже было замѣчено выше, апачи не имѣютъ никакихъ домашнихъ животныхъ и не думаютъ о разведеніи ихъ; они обыкновенно крадутъ какое нибудь животное и, спасаясь отъ преслѣдованій, замучиваютъ его въ одинъ день и съѣдаютъ, а затѣмъ ищутъ новой добычи. То, что съ нашей точки зрѣнія кажется намъ доказательствомъ жестокости и разврата, дѣлается ими въ самомъ обыкновенномъ состояніи духа, съ тою разницею, что здѣсь нѣтъ ничего преднамѣреннаго и все составляетъ естественное послѣдствіе извѣстныхъ условій. Апачи не убиваютъ звѣрей, а разрываютъ ихъ живьемъ; но въ данномъ случаѣ ихъ настолько же можно обвинить въ жестокости, какъ и нашихъ поваровъ, сдирающихъ кожу съ живыхъ угрей. При этомъ апачи не скальпируютъ своихъ враговъ. Несмотря на то, что между туземцами встрѣчаются очень сильные субъекты, — у нихъ значительное число хилыхъ и калекъ. Когда здоровые предпринимаютъ разбойничій набѣгъ, то эти остаются позади, какъ инвалидная команда, и, сознавая свою безпомощность, собираются большими толпами. Если добыча оказывается недостачною, и воины возвращаются голодные, то инвалиды большею частью обращаются въ бѣгство. Если же они почему либо остаются и съѣстные запасы начинаютъ истощаться, то они не получаютъ своей доли и должны голодать, или же ихъ спокойно убиваютъ. Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ они ищутъ спасенія у другихъ племенъ; въ прежнія времена убѣжищемъ для нихъ служили испанскіе посты, гдѣ они водворялись послѣ мнимаго обращенія въ христіанство и жили въ качествѣ ручныхъ апачей, чтобы послѣ смерти достигнуть вѣчнаго блаженства. Но въ случаѣ выздоровленія, они обыкновенно возвращались къ прежнему образу жизни. Существованіе всѣхъ этихъ колоній было весьма непродолжительно.

Апачи совсѣмъ не обладаютъ личнымъ мужествомъ; они не иначе нападаютъ на звѣря, какъ изъ засады. Даже въ случаѣ неизбѣжной гибели, они не способны на стоическую смерть или защиту слабѣйшаго, такъ какъ по своей натурѣ всего ближе подходятъ къ волкамъ. Апачи вообще говорятъ мало, и больше объясняются жестами, чѣмъ звуками. Они никогда не здороваются при встрѣчѣ, а только обоюдно осматриваютъ другъ друга на разстояніи десяти шаговъ, а затѣмъ уже сходятся ближе съ лукомъ за спиною; равнымъ образомъ у нихъ не существуетъ никакихъ прощальныхъ словъ или привѣтствій. Въ разговорѣ больше употребляются цѣлыя предложенія, чѣмъ отдѣль-

ныя слова. Апачи говорятъ рѣзко и отрывисто, такъ что ухо только постепенно можетъ уловить ударенія въ словахъ. Языкъ отличается бѣдностью словъ и выраженій; этимъ только можно объяснить массу повтореній, множество жестовъ, употребляемыхъ въ разговорѣ, а также тяжеловатость и неопредѣленность рѣчи. Особенно поразительны отдѣльные звуки, которые произносятся одновременно съ помощью языка и гортани и, вдобавокъ, съ нечеловѣческимъ напряженіемъ легкихъ, такъ какъ они убѣждены, что ихъ черезъ это скорѣе поймутъ. Всѣ звуки преимущественно гортанные, вслѣдствіе чего громкая рѣчь почти невозможна; есть и одинъ шипящій звукъ, похожій на тотъ, который встрѣчается у индійцевъ Орегона, около рѣки Верхней Колумбіи. Вспомогательный глаголъ „быть" не существуетъ въ языкѣ апачей и замѣняется личными мѣстоименіями, помимо которыхъ нѣтъ никакихъ другихъ мѣстоименій, и даже третье лицо множественнаго числа замѣняется словомъ „прочіе". Всякіе лишніе разговоры, даже между женщинами, считаются не только неприличными и неумѣстными, но и подозрительными, потому что напоминаютъ болтовню мексиканцевъ, ихъ смертельныхъ враговъ. Бродячія орды апачей, стоящихъ на самой низкой степени развитія, занимаютъ территорію, величина которой равняется Германіи. Численность ихъ доходитъ до 14,280 душъ (Ausland, 1871, S. 348—350).

Новахосы представляютъ собой безусловно самое сильное племя, живущее къ западу отъ Скалистыхъ горъ и на юго-западѣ Соединенныхъ Штатовъ. По языку и нравамъ, они нѣсколько отличаются отъ апачей; но все еще пользуются репутаціей храбрыхъ воиновъ, хотя большинство въ теченіи многихъ лѣтъ ведетъ мирный образъ жизни. Они почти единственные индійцы въ Новой Мексикѣ, которые держатъ большія стада овецъ и перекочевываютъ съ ними съ мѣста на мѣсто; въ настоящее время значительная часть новахосовъ сдѣлалась осѣдлою. Они умѣютъ прясть шерсть и ткутъ изъ нея пестрыя и очень толстыя одѣяла превосходнѣйшаго качества. Въ остальномъ, а равно и въ одеждѣ, они очень мало отличаются отъ своихъ соплеменниковъ; только подчасъ послѣдніе одѣты хуже ихъ, или даже ходятъ совсѣмъ нагіе. Новахосы заботливо изготовляютъ свою обувь изъ оленьей кожи, и обращаютъ особенное вниманіе на то, чтобы крѣпкія подошвы у большого пальца ноги кончались широкимъ носкомъ, поднятымъ кверху, такъ какъ иначе они едва ли могли-бъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, вслѣдствіе колючихъ кактусовъ и другихъ растеній, покрытыхъ острыми шипами, которыми изобилуетъ ихъ родина. На головѣ они носятъ шлемообразную кожаную шапку, обыкновенно украшенную пучкомъ короткихъ блестящихъ перьевъ индійскаго пѣтуха, а равно и нѣсколькими перьями грифа и орла. Совмѣстно съ лукомъ и стрѣлами, они носять очень длинныя пики и въ совершенствѣ владѣютъ ими, такъ что съ этимъ оружіемъ и на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, они представляютъ собой далеко не безопасныхъ противниковъ (Möllhausen, Wanderung durch die Prairien und Wüsten des westlichen Nordamerika, S. 228). Въ 1874 году число осѣдлыхъ новахосовъ простиралось до 9068, а бродячихъ до 2000. Апачи называютъ ихъ „Yútah-kah"; они же сами подобно другимъ атапаскскимъ племенамъ величаютъ себя „tenuai", т. е. „людьми". У нихъ въ большомъ ходу раскрашиваніе кожи.

По словамъ Мёлгаузена, индійцы, живущіе на западѣ Скалистыхъ горъ, не имѣютъ и тѣни того рыцарства, которое характеризуетъ восточныя племена. Даже по наружности, они гораздо менѣе привлекательны, нежели послѣдніе, и между ними рѣдко встрѣчаются красивые, хорошо сложенные субъекты. Пища ихъ почти исключительно

состоитъ изъ мяса, лошадей и муловъ, добываемыхъ изъ мексиканскихъ поселеній.

Къ югу отъ рѣкъ Колорадо и Арканзаса и ниже, до самой Мексики, живутъ народы, состоящіе внѣ всякой связи съ тѣми, которыхъ мы разсматривали выше, а равно и съ сосѣдней, довольно значительной мексиканской семьей. Къ нимъ принадлежитъ извѣстное число первобытныхъ племенъ въ Аризонѣ и Новой Мексикѣ, которыя, въ

Индійцы пуэбло.

противоположность шайкамъ, кочующимъ въ сосѣднихъ пустынныхъ низменностяхъ, издавна вели осѣдлую жизнь, кормились скотоводствомъ и земледѣліемъ и строили себѣ прочные каменные дома. Какъ ихъ селенія, такъ и сами жители получили свое названіе отъ испанскаго слова „pueblos“ (т. е. деревни, мѣстечки). Сюда же относятся племена: пима, марикопа и папаго у рѣки Гилы и къ югу отъ нея. Собственно такъ называемые индійцы пуэбло живутъ въ сѣверо-

восточной Мексикѣ, у верхняго Ріо Гранде дель Норте и у его притоковъ; съ запада и юга съ ними граничатъ навахо, апачи и ябипайсъ, между тѣмъ какъ съ востока ихъ окружаютъ мексиканскіе команчи. Происхожденіе индійцевъ пуэбло покрыто мракомъ неизвѣстности. Равнымъ образомъ, до сихъ поръ не найдено никакой прямой этнологической связи между ними и ацтеками, толтеками или „moundbuilders“ въ Огайо и долинѣ Миссисипи, несмотря на множество громадныхъ развалинъ въ Новой Мексикѣ, несмотря на остатки скульптуры на гранитѣ и введенныя въ каждомъ „пуэбло“ (мѣстечкѣ) паровыя бани, „estufas“, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ залами собранія.

Едва ли возможно найдти болѣе миролюбивое племя, какъ индійцы пуэбло, которыхъ въ 1874 году, въ Новой Мексикѣ было до 9,500 человѣкъ. Они привѣтливы и услужливы относительно иностранца, гдѣ бы его ни встрѣтили; а также съ величайшимъ гостепріимствомъ принимаютъ всякаго, кто посѣщаетъ ихъ города и жилища. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мексиканцами, они многое заимствовали отъ нихъ въ нравахъ и одеждѣ; при этомъ значительная часть населенія хорошо владѣетъ испанскимъ языкомъ. Трудолюбіе и неутомимая дѣятельность—ихъ главныя качества. Они занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ, и по временамъ предпринимаютъ путешествія къ самымъ дикимъ степнымъ индійцамъ, чтобы при посредствѣ мѣновой торговли добыть отъ нихъ мѣха и кожи. По словамъ Мёльгаузена, пуэблосы красивые, хорошо сложенные люди, и, не смотря на индійскій типъ, въ ихъ лицахъ есть какая-то особенная привлекательность. Банкрофтъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „индійцы пуэбло и моквіи, говоритъ онъ,—небольшаго роста; мужчины рѣдко бываютъ выше 1,52 м.; оконечности рукъ и ногъ у нихъ небольшія; черты лица выразительныя и рѣзкія; глаза ясные и оживленные, и они вообще производятъ пріятное впечатлѣніе своей наружностью и обращеніемъ. У нихъ темные, мягкіе и тонкіе волосы; цвѣтъ кожи свѣтло-коричневый. Ростъ женщинъ рѣдко превышаетъ 1,22 м.; онѣ отличаются дородствомъ, ихъ полныя миловидныя личики выражаютъ умъ; походка у нихъ легкая и граціозная. Между ними встрѣчаются альбиноски, съ чрезвычайно бѣлымъ цвѣтомъ лица, бѣлокурыми волосами, голубыми или красноватыми глазами“ (Bancroft, Native Races, Bd. I, p. 529—530). Мужчины и женщины носятъ длинные волосы и стригутъ ихъ только надъ самыми бровями; кромѣ того мужчины свертываютъ свои волосы на макушкѣ головы въ короткую толстую косу и перевязываютъ ее красной лентой. Нѣкоторые носятъ кожанныя охотничьи куртки свѣтло-коричневаго цвѣта, большею частью богато вышитыя и украшенныя бахромой, которыя вполнѣ гармонируютъ съ цвѣтными панталонами, доходящими до колѣнъ, по мексиканской модѣ; послѣдніе большею частью снабжены желтыми и

бѣлыми пуговицами. Нарядъ другихъ состоитъ изъ выбойчатой рубашки и полосатаго одѣяла, накинутаго на плечи. Женщины привязываютъ къ бедрамъ темную юбку, почти доходящую до ногъ; верхнюю часть туловища онѣ прикрываютъ легкимъ одѣяломъ, которое то накидываютъ на голову, то живописно опускаютъ на плечи или бедра. Оба пола носятъ мокассины, которые нерѣдко красиво вышиты и разукрашены (Möllhausen, a. a. O., S. 143; 215).

Оскаръ Лёвъ дѣлитъ индійцевъ пуэбло на слѣдующія группы: 1) тано; 2) тао, поселенія которыхъ находятся къ востоку отъ Ріо Гранде; это самое сѣверное изъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь племенъ; 3) тегуа, говорящіе на трехъ схожихъ между собой діалектахъ; 4) хémесы (Chémes), въ долинѣ рѣки Хемесъ; они называютъ себя также „валлатоа“; 5) кересы (kéres); 6) акома; 7) суньи (sunji), миролюбивые, привѣтливые люди, деревни которыхъ построены въ видѣ террасъ, отъ 3—7 ярусовъ, расположенныхъ другъ надъ другомъ. Верхній ярусъ всегда меньше предъидущаго, такъ что каждое жилище снабжено дворомъ или галлереей; улицы между домами узкія и нерѣдко крытыя, вслѣдствіе выступовъ, образуемыхъ верхними ярусами. (См. Amer. Naturalist 1877, p. 736); 8) мокви, къ сѣверу отъ Колорадо Чиквито въ Аризонѣ (Amer. Naturalist 1877, p. 468, 591, 736 и 1878, p. 310, 456). Мокви вообще мало извѣстны; съ тѣхъ поръ какъ они были открыты испанцами, весьма немногіе изъ путешественниковъ посѣтили ихъ. По существующимъ свѣдѣніямъ численность ихъ доходитъ до 2500 человѣкъ. По мѣсту жительства, они раздѣлены на шесть деревень, расположенныхъ на четырехъ „mesas“, т. е. на остаткахъ разрушеннаго изверженіемъ плато, состоящаго изъ песчанника; послѣдніе двѣ деревни отдалены другъ отъ друга на 11—13 км. Деревни занимаютъ всю ширину утеса, такъ что передъ нѣкоторыми домами видишь отвѣсную пропасть въ 100 м. глубины; въ другихъ мѣстахъ, пройдя двѣ трети высоты, вы встрѣчаете естественныя терасы, на которыхъ устроены овчарни. На самомъ краю утеса беззаботно играютъ дѣти, или же, скорчившись, лежатъ подъ козами и сосутъ молоко, между тѣмъ какъ матери совершенно спокойно смотрятъ на это. Дома построены рядами; они большею частью двухъ-этажные, а нѣкоторые четырехъ-этажные. Вся постройка террасообразная; въ верхніе этажи поднимаются посредствомъ лѣстницъ. Матеріаломъ служатъ не „adobes“ (кирпичи, высушенные на солнцѣ), употребляемые въ Новой Мексикѣ, а камни, крѣпко связанные цементомъ изъ глины съ пескомъ. Каждый этажъ имѣетъ немного болѣе 2-хъ метровъ высоты и раздѣленъ на нѣсколько комнатъ, снабженныхъ каменками. Окна замѣнены небольшими отверстіями въ стѣнѣ, которыя закрываются замазкой въ зимнее время. При сильныхъ зимнихъ холодахъ пуэблосы живутъ въ углубленіяхъ скалы, имѣющихъ видъ погребовъ. Выраженіе ихъ лицъ скорѣе напоминаетъ европейскій, чѣмъ монгольскій типъ; зубы у нихъ блестящей бѣлизны; всѣ носятъ одежду. Весьма немногіе раскрашиваютъ себѣ тѣло. Женщины носятъ юбки и мантильи. Г-нъ Лёвъ видѣлъ на дочеряхъ губернатора головной уборъ à la Pompadour. Изъ домашнихъ животныхъ они держатъ: собакъ, куръ, овецъ, козъ иословъ. Рогатый скотъ и свиньи имъ неизвѣстны. Оселъ преимущественно употребляется у нихъ для перевозки дерева на большомъ разстояніи. Огонь въ каменкахъ главнымъ образомъ поддерживается хорошо высушеннымъ овечьимъ пометомъ (O. Low in Peterm. Geogr. Mitth. 1874, S. 408). Языкъ мокви представляетъ большое сродство съ шошонскими нарѣчіями утаховъ, команчей и т. п. и долженъ считаться діалектомъ шошонскихъ языковъ, такъ что мокви въ лингвистическомъ отношеніи принадлежатъ къ семьѣ мексиканскихъ народовъ.

Въ 1874 году, г. Джексонъ впервые нашелъ въ югозападной территоріи Колорадо массу остатковъ древнихъ построекъ, но не могъ прослѣдить ихъ на болѣе значительномъ пространствѣ, вслѣдствіе чего Гольмесъ подробно изслѣдовалъ ихъ въ сосѣднихъ территоріяхъ: Аризонѣ и Утахѣ (Amer. Naturalist 1878, S. 526, 606). Гольмесъ дѣлитъ слѣдующимъ образомъ найденныя имъ постройки.

1) Древнія поселенія въ низменностяхъ на рѣчныхъ террасахъ и по близости воды, заложенныя на плодоносной землѣ; при этомъ не обращено никакого вниманія на безопасность жителей и не принято никакихъ предосторожностей съ цѣлью защиты. Постройки большею частью сооружены изъ земли, галекъ и кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ (adobes), которые и до сихъ поръ часто употребляются въ Мексикѣ и Перу. Подобныя постройки въ видѣ холмовъ и насыпей, расположенныхъ группами, находятся у Ріо Ла-Платы, одного изъ притоковъ Ріо Санъ Хуана, въ недалекомъ разстояніи отъ границы Новой Мексики, на низкой терасѣ, не болѣе 8 м. надъ рѣкой. Онѣ состоятъ изъ остатковъ крестообразныхъ и прямоугольныхъ насыпей, которыя возвышаются на 1—2 м. надъ поверхностью терасы. Наконечникъ стрѣлы, отколотые куски обсидіана и яшмы, а также черепки горшковъ служатъ единственными доказательствами, что здѣсь нѣкогда жилъ человѣкъ. 2) Пещерныя постройки вблизи обработанной земли расположены по отвѣсной крутизнѣ, въ углубленіяхъ мѣловыхъ слоевъ. Эти пещерныя жилища, самыя замѣчательныя во всей области Колорадо, снаружи покрыты насыпями, въ которыхъ оставленъ только узкій проходъ и небольшое окно на одной сторонѣ. Такого рода постройка находится, напримѣръ, около Ріо Санъ Хуана, на 56 км. ниже устья Ла-Платы. Углубленія находятся на вертикальной крутизнѣ въ 10—14 м. высоты; всѣ они расположены на одномъ уровнѣ; на верхней поверхности ясно можно различить остатки двухъ круглыхъ башенъ; каменная насыпь одной изъ нихъ имѣла 48 сант., другой—68. Послѣдняя имѣла въ поперечникѣ 44 м. и была съ двумя каменными стѣнами. 3) Собственно такъ называемыя укрѣпленія или рифовые дома большею частью находятся на самой высотѣ утесистыхъ стѣнъ, въ едва доступныхъ разсѣлинахъ скалъ, или-же въ пустыхъ пространствахъ, первоначально размытыхъ водой, а затѣмъ расширенныхъ человѣческой рукой. Наибольшій интересъ представляютъ жители утесистыхъ рифовъ у Ріо Манкоса (Cliff-dwellers, см. объ этомъ въ Nature 1878, Bd. I, p. 409 и Kosmos, Bd. VI, S. 40—54, затѣмъ Short, The Northamericans of Antiquity, p. 293—310). Въ стѣнѣ изъ песчанника и глинистыхъ сланцевъ и лежащей надъ рѣкой на высотѣ 250 футовъ, между двухъ пластовъ глинистыхъ сланцевъ, раздѣленныхъ громадною залежью изъ массивнаго песчанника, находятся пещеры, въ которыхъ найдены вышеупомянутыя замѣчательныя постройки. Верхняя ниша расположена приблизительно на 33 м. ниже верхняго края, надъ нею возвышаются крышеобразно другіе пласты. Эта ниша имѣетъ въ длину около 30 м. и не болѣе 3 м. глубины; мѣстами она закрыта стѣной въ 3—4 м. высоты. Внутри находятся три комнаты; въ первой былъ очагъ, такъ какъ на стѣнахъ видны слѣды дыма; во второй найдены остатки костей; въ третьей—хлѣбныя зерна. Нижняя пещера имѣетъ всего около 20 м. длины и около 5 м. въ самомъ глубокомъ мѣстѣ; она содержитъ самую значительную постройку, отдѣленную каменной оградой, которая даже и теперь имѣетъ болѣе 4 м. высоты и снабжена 17-ю небольшими окнообразными отверстіями. Здѣсь находятся 4 комнаты, между тѣмъ какъ дальше устроено круглое пространство, которое соединялось съ другими помѣщеніями только узкимъ трубообразнымъ ходомъ (58 сант. высоты и 80 сант. длины), такъ что доступъ въ это святилище былъ крайне затруднителенъ. Между обѣими пещерами не было другого сообщенія, кромѣ вырубленныхъ въ скалѣ ступеней.

Въ Аризонѣ и Утахѣ (см. Americ. Naturalist 1880, p. 681), по краямъ долины Ріо Санъ Жуанъ, находится цѣлый рядъ подобныхъ построекъ и между ними настоящій „пещерный городъ“ по близости устья Ріо Шеллей, который расположенъ въ отвѣсныхъ скалахъ, высотою 70—146 м. Прочно сооруженная часть этого пещернаго поселенія имѣетъ въ длину 180 м., хотя глубина пещеръ, надъ которыми далеко выступаетъ впередъ мощная масса горныхъ породъ, нигдѣ не превышаетъ 10—13 м. На этомъ тѣсномъ пространствѣ скучено не менѣе 75 покоевъ, обнесенныхъ стѣнами, и только одинъ изъ нихъ имѣетъ круглую форму; Джексонъ называетъ эту комнату „estufa“, въ отличіе отъ другихъ. Весь этотъ полуразрушенный городъ лежитъ болѣе чѣмъ на 20 м. надъ долиной. Обнесенныя стѣнами постройки носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе новаго времени и, по мнѣнію Голмеса, сооружены позднѣе, чѣмъ дома въ низменностяхъ и пещерныя жилища, отъ которыхъ онѣ преимущественно отличаются своей прочностью.

Что касается формы построекъ, то въ нихъ главнымъ образомъ преобладаетъ кругъ и параллелограмъ; при этомъ видна извѣстная степень архитектоническаго пониманія. Гдѣ дозволяли условія почвы, четвероугольники образуютъ вполнѣ правильные квадраты, между тѣмъ какъ другіе постройки являются въ видѣ совершенно круглыхъ башенъ (нерѣдко болѣе, чѣмъ въ 12 м. въ поперечникѣ), обнесенныхъ двойною или тройною земляною насыпью. Башни эти сооружены изъ тесанныхъ камней, которые съ внѣшней стороны ровно пригнаны другъ возлѣ друга и связаны цементомъ. Пространство между насыпями раздѣлено простѣнками на множество конурокъ.

Равнымъ образомъ въ высшей степени любопытны остатки людей, находимыхъ при изслѣдованіяхъ. Такъ, напримѣръ, найдено множество кладбищъ но въ вырытыхъ могилахъ ничего не оказалось кромѣ небольшаго количества древеснаго угля и раскрашенныхъ горшечныхъ черепковъ. Могилы обыкновенно расположены на невысокихъ холмахъ и обозначены плитами изъ песчаника, которыя сложены въ видѣ четыреугольниковъ, а также круговъ и параллелограмовъ (слѣдовательно подобно тому, какъ мы видимъ это на европейскихъ дольменахъ и курганахъ). Найдены были также три скелета, которые, разумѣется, представляютъ для насъ величайшій интересъ, такъ какъ они могутъ привести насъ къ разрѣшенію вопроса: какимъ народомъ были сооружены эти замѣчательныя постройки. Одинъ изъ скелетовъ найденъ въ своеобразномъ скорченномъ положеніи, которое служитъ характернымъ признакомъ племени кечуа въ Южной Америкѣ; другіе два открыты въ Новой Мексикѣ, среди развалинъ близь Абиквина. Всѣ три черепа въ высшей степени брахикефальные; въ первомъ замѣтна нѣкоторая склонность къ скошенности челюстей (прогнатизму). Не лишено интереса сравненіе, сдѣланное между черепами: абиквинскимъ, индійскимъ (изъ Гватемалы) и пахакамакскимъ (перувіанскимъ), изъ котораго слѣдуетъ, что абиквинскій черепъ превосходитъ два остальныхъ въ высотѣ и короткоголовіи. Намъ кажется несомнѣннымъ, что онъ былъ искусственно доведенъ до этой поразительной формы и что, если вышеупомянутый скелетъ дѣйствительно принадлежалъ представителю вымершаго народа, то послѣдній также имѣлъ привычку затягивать головы своимъ дѣтямъ. Повидимому, нѣтъ никакого основанія приписывать сооруженіе этихъ разнообразныхъ построекъ разнымъ племенамъ или относить ихъ къ эпохамъ, раздѣленнымъ большими промежутками, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ племенемъ, исторія котораго также темна для насъ, какъ прежняя исторія американскаго населенія до времени ея открытія. Но до сихъ поръ мы не можемъ дать никакого отвѣта на такія вопросы, какъ напримѣръ: откуда явилось сравнительно многочисленное населеніе этихъ мѣстъ, куда оно дѣвалось, покинувъ эти развалины, и не должны ли мы считать индійцевъ пуэбло единственными остатками ихъ. Равнымъ образомъ, не-

возможно составить себѣ ясное понятіе о степени культуры обитателей этихъ развалинъ. Отсутствіе внѣшнихъ украшеній, которыя, между прочимъ, могли быть уничтожены рукой времени, а равно и простота построекъ могутъ легко заставить насъ прійдти къ ложнымъ выводамъ относительно нравовъ строителей. Послѣдніе, напримѣръ, могли находиться подъ давленіемъ исключительныхъ или печальныхъ условій, въ видѣ добровольной или вынужденной эмиграціи, притѣсненія отъ враговъ и т. п., такъ что черезъ это могло быть задержано развитіе ихъ художественныхъ способностей. Если же мы, вдобавокъ, обратимъ вниманіе на тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать при основаніи этихъ построекъ, и разсмотримъ планы мѣстности, въ особенности отдѣльныхъ деревень, то должны признать, какъ бы намъ это ни казалось страннымъ, что строители стояли на довольно значительной степени культуры. Самая идея соединить на такомъ тѣсномъ пространствѣ жилища столькихъ людей и создать по внѣшности нѣчто похожее на устройство нашихъ казармъ бросаетъ уже извѣстный свѣтъ на ихъ соціальныя отношенія. Какъ видно изъ произведенныхъ работъ, о которыхъ было говорено выше, мы имѣемъ дѣло съ весьма поверхностными изысканіями. До сихъ поръ не могли быть предприняты правильныя раскопки ни самихъ развалинъ, ни въ окрестностяхъ ихъ, такъ что мы можемъ представить здѣсь только весьма немногіе образчики художественныхъ произведеній ихъ обитателей.· Изъ нихъ, разумѣется, всего болѣе заслуживаютъ вниманія многочисленные іероглифы, которые частью награвированы на камняхъ двойными линіями, а отчасти каменный матеріалъ высѣченъ между окружающими линіями, такъ что каждая фигура является углубленною. Этимъ способомъ изображены люди и различнаго рода животныя; между прочимъ особенно поражаетъ большая, высѣченная на скалѣ процессія людей, птицъ и множества фантастическихъ животныхъ. Кромѣ каменныхъ топоровъ и наконечниковъ стрѣлъ, найдены орнаменты и глиняные сосуды, бо̀льшею частью въ черепкахъ, между ними нѣкоторые покрыты твердою глазурью. Въ характерѣ ихъ замѣтно общее сродство съ подобными же произведеніями изъ Мексики, Центральной Америки и Перу, и въ особенности съ производствомъ индійцевъ пуэбло, а именно мокви. На этомъ фактѣ, а равно и на томъ, что деревни мокви-пуэбло устроены по способу старыхъ построекъ, основано предположеніе Гольмеса, что индійцы пуэбло потомки народа, о существованіи котораго свидѣтельствуютъ вышеописанныя развалины.

Вполнѣ изолированными являются тонкавы (tonkaways или toncahuas), въ сѣверномъ и сѣверозападномъ Техасѣ, нѣкогда могущественное племя, численность котораго въ настоящее время очень уменьшилась. Подобное же изолированное положеніе относительно другъ друга и своихъ сосѣдей занимаютъ еще племена, живущія ниже устья Колорадо вдоль Калифорнскаго залива, а именно аксуа, тепока, гуаима и сери; затѣмъ гурабы, тобозо, габиланы, наса и пелоны, разсѣянные по изогнутой линіи между Куліаканомъ, Чигуагуа и Ріо Гранде-дель-Норте. То же можно сказать и о племени кіоуэй, на западѣ отъ индійцевъ пауни и къ сѣверу отъ Длиннаго Пика, въ области истоковъ сѣверной Платты. Они извѣстны въ степяхъ, какъ самые вѣроломные изъ индійцевъ, и вообще трудно представить себѣ болѣе отчаянныхъ разбойниковъ, какъ эти кочевники. По своей наружности, нравамъ и обычаямъ, индійцы кіовай весьма мало отличаются отъ команчей, которые не только ихъ ближайшіе сосѣди, но вмѣстѣ съ ними дѣлаютъ набѣги на однѣ и тѣ-же области.

Тѣмъ не менѣе, нельзя найдти ни малѣйшаго сродства между языкамъ этихъ двухъ народовъ. Они могутъ объясняться другъ съ другоми только при посредствѣ переводчиковъ; или же прибѣгаютъ къ діалекту нѣкогда могущественныхъ индійцевъ каддо (cadodaquious), племени, живущаго на югѣ Техаса, у Красной рѣки, а также къ общему языку, употребляемому въ преріяхъ. Языкъ каддо настолько понятенъ для обоихъ племенъ, что можетъ вполнѣ служить для ихъ взаимныхъ сношеній. Что же касается такъ называемаго „языка прерій", то онъ почти исключительно состоитъ изъ знаковъ, но настолько понятныхъ, что онъ доступенъ всѣмъ степнымъ индійцамъ, которые при посредствѣ его могутъ сноситься другъ съ другомъ.

Замѣтимъ кстати, что у всѣхъ индійцевъ Сѣверной Америки для выраженія извѣстныхъ понятій принята искуственная система знаковъ, съ помощью которой племена, наиболѣе отдаленныя по языку, могутъ понимать другъ друга. Языкъ знаковъ достигаетъ наибольшаго развитія, когда въ близкомъ сосѣдствѣ живутъ различныя племена, и быстро вымираетъ, какъ только входитъ въ употребленіе lingua franca. Онъ былъ мало развитъ у ирокезовъ, альгонкиновъ и т. п., потому что эти народы, при своей многочисленности, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и говорили на языкахъ отчасти понятныхъ для каждаго изъ нихъ. Пр. Максъ фонъ Нёйвидъ, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ имъ надъ шейенами, манданами, черноногими и др. съ 1832—1834 гг., описалъ цѣлый рядъ подобныхъ знаковъ. Въ новѣйшее время подполковникъ Гаррикъ Моллери посвятилъ имъ особое изслѣдованіе (въ своей Introduction to the study of Sign Language among the North American Indians as illustrating the gesture speech of mankind. Washington 1880). Онъ совершенно правильно замѣчаетъ, что пониманіе этого языка знаковъ имѣетъ извѣстное значеніе для разбора древнихъ индійскихъ іероглифовъ.

МЕКСИКАНСКІЕ НАРОДЫ.

Помимо индійскихъ племенъ, упомянутыхъ въ предъидущей главѣ, большое народное племя занимаетъ обширную полосу земли, которая тянется отъ Соломоновой рѣки до Мексики. Къ этому племени принадлежатъ потомки воинственнаго ацтекскаго народа на плоской возвышенности Анахуакъ. Народы эти, въ противоположность другимъ племенамъ, несомнѣнно, представляютъ между собой извѣстное единство, какъ показываетъ тщательное изученіе ихъ языковъ. Мы обязаны Эдуарду Бушману, если сдѣлано это открытіе, которое составляетъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній новѣйшей филологіи. Подобно тому какъ на сѣверѣ племена юма и многіе изъ ихъ сосѣдей, которые пока еще не подведены ни подъ какую классификацію, могутъ быть причислены по языку къ этой семьѣ, такъ и на югѣ, въ самой

Мексикѣ, живутъ многочисленные народы, не имѣющіе связи ни съ ацтеками, ни между собой, но которые, во всякомъ случаѣ, самые древніе владѣльцы земли въ этой мѣстности, такъ что на нихъ большею частью смотрятъ, какъ на „первобытныхъ мексиканскихъ обитателей“. Что касается меня лично, то, въ виду географическихъ условій, я причисляю ихъ вмѣстѣ съ племенами настоящихъ мексиканцевъ къ обширному кругу мексиканскихъ народовъ.

Оставивъ въ сторонѣ вышеупомянутые первобытные народы, мы встрѣчаемъ среди настоящихъ мексиканцевъ двѣ группы, а именно: такъ называемая Бушманомъ сонорская семья языковъ, раздѣленная на пять отдѣловъ, а затѣмъ ацтеко-толтекская, которая находится съ предъидущей въ отдаленномъ сродствѣ. Сѣверныя отрасли сонорской семьи языковъ распространены далеко за границы Мексики и въ области Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ въ составъ ихъ входятъ бонаки, или панашты, и шошоны, живущіе въ Орегонѣ и Айдаго, по близости Змѣиной рѣки.

Шошоны или змѣиные индійцы, численность которыхъ доходитъ до 1,600 душъ, загнаны черноногими въ свои нынѣшнія мѣста жительства. До этого они жили на востокѣ Скалистыхъ горъ. Различаютъ два подраздѣленія этого племени, которыя говорятъ на различныхъ діалектахъ одного и того-же языка, собственно такъ называемые змѣиные или восточные индійцы; и западные или вихинаштъ. Судя по существующимъ описаніямъ, шошоны честнѣе и добродушнѣе большинства другихъ индійцевъ; они имѣютъ наслѣдственныхъ вождей и живутъ въ довольно значительныхъ деревняхъ, состоящихъ изъ красивыхъ деревянныхъ домовъ. Охота, рыбная ловля и торговля мѣхами составляютъ ихъ главное занятіе; оружіемъ служатъ дубины, лукъ и стрѣлы и въ особенности каменные кинжалообразные ножи; одежда заключается въ звѣриныхъ шкурахъ. Бонаки или Понашты простираются между обѣими отраслями шошоновъ, съ запада на востокъ, у верховьевъ змѣиной рѣки.

Бушманъ причисляетъ шошоновъ и бонаковъ къ пятому отдѣлу сонорской семьи языковъ, а равно и утаховъ, живущихъ глубже на югъ, у большаго Соленаго озера, пахъ утахъ — выше изгиба рѣки Колорадо, вышеупомянутыхъ мокви и команчей (comanches), къ которымъ принадлежатъ также индійцы ямпарика, на востокѣ большаго Соленаго озера, между тѣмъ какъ команчи распространены отъ области истоковъ Колорадо, Ріо Гранде-дель-Норте и Арканзаса на сѣверѣ, до истоковъ Ріо Нуэцесъ на югѣ.

По свидѣтельству Мёльгаузена, пахъ-утахъ (payutes, piedes, payuches или peiuti) несчастные дикари, которые отчасти промышляютъ разбойничествомъ и ведутъ жалкую жизнь, питаясь сѣменами, кореньями и пресмыкающимися. Они крѣпкаго тѣлосложенія и, убѣгая отъ непріятелей, дѣлаютъ ловкіе прыжки черезъ каменья и кустарники, попадающіеся на дорогѣ. Глаза ихъ, несмотря на отвратительную окраску кожи, имѣютъ привѣтливое, почти открытое выраженіе, чему способствуетъ вѣчно счастливое настроеніе духа, въ которомъ повидимому находятся эти дѣти природы. (Möllhausen, Wanderungen durch die Prairien, S. 382).

Команчи представляютъ собой одинъ изъ самыхъ значительныхъ индійскихъ народовъ сѣверной Америки, какъ по численности, такъ и по величинѣ занимаемой ими территоріи. Они также извѣстны подъ именемъ іетановъ, теутановъ, тетановъ; пахни и озаги называютъ ихъ падука; они-же сами величаютъ себя „na-uni", т. е. „первоживущіе". Въ лѣтніе мѣсяцы эти воинственные дикіе индійцы, ведущіе кочевую жизнь, доходятъ до Санта Фé. Они проходятъ черезъ мексиканскіе штаты Чигуагуа, Коагуила и Нуево Леонъ и даже встрѣчаются близъ Дуранго, такъ что область ихъ простирается на 1,350 км. отъ сѣвера къ югу и на 1000 км. отъ запада къ востоку. Число ихъ

Шошонскій вождь.

въ былыя времена доходило до 10—12000; и между ними 2000—2500 воиновъ. Въ 1872 году ихъ насчитывалось всего 3—4500 душъ. Во всякомъ случаѣ это все еще самая многочисленная индійская нація въ Техасѣ. Клёденъ характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: единственное богатство ихъ составляютъ большіе табуны лошадей и муловъ, которыхъ они пріобрѣтаютъ, какъ и рогатый скотъ, посредствомъ кражи; войны ихъ бòльшею частью ничто иное, какъ разбойничьи набѣги, для которыхъ собираются шайки, состоящія изъ 6—30 человѣкъ молодежи. Нерѣдко они проводятъ цѣлые мѣсяцы въ дорогѣ, прежде чѣмъ приблизятся къ какому нибудь селенію, и зачастую возвращаются къ своему вигваму только послѣ двухлѣтняго отсутствія, такъ какъ иногда проходитъ много времени, прежде чѣмъ ихъ разбойничье предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, а каждый считаетъ постыднымъ вернуться домой съ пустыми

руками. Они скальпируютъ взятыхъ въ плѣнъ мужчинъ и безчестятъ женщинъ, а затѣмъ забираютъ послѣднихъ съ собой и воспитываютъ ихъ дѣтей, какъ своихъ собственныхъ. Огнестрѣльное оружіе получается изъ Техаса; но его употребляютъ только вожди и тѣ, которые въ состояніи заплатить за него. Остальные мастерски владѣютъ пиками и лукомъ, и, если нападаютъ на деревни, то убиваютъ всѣхъ жителей и спокойно уводятъ скотъ. Они постоянно дерутся конные, потому что съ ранняго дѣтства до глубокой старости почти не сходятъ съ сѣдла. Фигура команча, лишенная всякой граціи во время ходьбы, принимаетъ совершенно иной видъ, когда онъ сидитъ на лошади. У каждаго воина есть особый боевой конь, при выборѣ котораго болѣе всѣхъ другихъ качествъ обращается вниманіе на быстроту бѣга. Это его лучшій другъ, самое драгоцѣнное имущество и предметъ заботливаго ухода со стороны женщинъ. Званіе вождя не наслѣдственное. Команчи живутъ между собой въ величайшемъ согласіи, но у нихъ не существуетъ никакой общественной организаціи, и поэтому всякіе договоры съ ними не имѣютъ никакого значенія. У нихъ нѣтъ никакого понятія о частной собственности; земля принадлежитъ всѣмъ, и даже охотникъ, убившій звѣря, можетъ присвоить себѣ только шкуру, а мясо дѣлится между всѣмъ племенемъ. Ихъ религіозныя понятія крайне ограничены; у нихъ не существуетъ никакого богослуженія и они не вѣрятъ въ злого духа, подобно большинству индійцевъ. Но у нихъ есть представленіе о загробной жизни, гдѣ они надѣются найдти мѣста для охоты, богатыя буйволами и дичью. Огонь имѣетъ значеніе священнаго символа; и поэтому тѣло воина сжигается вмѣстѣ съ его любимой лошадью и охотничьими снарядами. Они громко причитаютъ надъ мертвыми и въ продолженіи долгаго времени. Узы родства строго соблюдаются; но бракъ длится по желанію, равно и многоженство зависитъ отъ личнаго вкуса. Женщинъ наказываютъ смертью за нарушеніе супружеской вѣрности; или-же отрѣзываютъ имъ носъ. Отцы продаютъ своихъ незамужнихъ дочерей за оружіе, коней и боевыя принадлежности. Жены находятся въ подчиненномъ положеніи, и съ ними очень грубо обходятся; на женщинѣ лежитъ вся домашняя работа. Команчи никогда не обрабатываютъ земли, и существуютъ охотой; лѣтомъ они кормятся буйволами, а зимой бо̀льшею частью перекочевываютъ въ Бользонъ де Мапими въ Мексикѣ, мягкій климатъ котораго легко выносятъ ихъ стада. Отсюда предпринимаютъ они свои разбойничьи набѣги на Мексику. Команчи носятъ штаны и буйволовую кожу, накинутую на плечи; обувью служатъ мокассины или легины. Кушакъ, богато унизанный бусами, составляетъ любимую принадлежность ихъ наряда. На голову, шею, грудь и руки они навѣшиваютъ различныя украшенія отчасти серебряныя, которыя пріобрѣтаютъ у моксиканцевъ. Равнымъ образомъ они охотно вымазываютъ себѣ лицо и тѣло красной, голубой и желтой красками. Ихъ головной уборъ постоянно украшенъ бусами и краснымъ сукномъ, а подчасъ множествомъ перьевъ, конскимъ волосомъ и коровьими хвостами. Браслеты ихъ всегда мѣдные; носовыя украшенія состоятъ изъ раковинъ, костей или серебряныхъ колецъ, нанизанныхъ бусъ и т. п. Они также украшаютъ гривы и хвосты лошадей полосками краснаго сукна. Воины кромѣ копья, лука и стрѣлъ носятъ еще щитъ изъ буйволовой кожи. Команчи считаютъ по десяти пальцамъ, слѣдовательно по десятичной системѣ; они дѣлятъ годъ на 18 мѣсяцевъ (по 20 дней каждый), согласно дѣленію принятому въ древнемъ мексиканскомъ календарѣ. Ихъ астрономическія свѣдѣнія ограничиваются знакомствомъ съ полярной звѣздой, которая служитъ имъ путеводительницей въ походахъ. Вся нація дѣлится на три отдѣльныхъ племени: сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ команчей; каждое изъ этихъ племенъ, въ свою очередь, распадается на шайки, которыя подъ предводительствомъ почетныхъ воиновъ, мужей медицины или мелкихъ вождей разъѣзжаютъ по обширнымъ преріямъ во всѣхъ направленіяхъ. Всѣ эти племена говорятъ однимъ языкомъ, и только у

нѣкоторыхъ изъ нихъ существуютъ особые, легко различимые между собой діалекты. („Отче нашъ на команчскомъ языкѣ“, см. въ American Naturalist 1879 p. 790). Команчи бо̀льшею частью крѣпкаго тѣлосложенія и большого роста; цвѣтъ кожи у нихъ менѣе теменъ, чѣмъ у остальныхъ индійцевъ Соединенныхъ Штатовъ; кромѣ того они отличаются сформированнымъ черепомъ и болѣе интеллигентнымъ выраженіемъ лица; но у нихъ нѣтъ ни малѣйшей цивилизаціи. Они живутъ въ отдѣльныхъ деревняхъ, подъ конусообразными палатками изъ буйволовой кожи, въ которыхъ сдѣлана труба для выхода дыма. Ихъ главное удовольствіе танцы, сопровождаемые рѣзкимъ пѣніемъ и бара-

Индіянка изъ племени уте.

баннымъ боемъ, и затѣмъ игра, въ особенности бросаніе въ цѣль, причемъ мишенью служитъ кусокъ окрашеннаго дерева съ нарѣзками (Ausland 1858, S. 431).

На южномъ берегу Новой Калифорніи, немного сѣвернѣе мыса Зачатія, до Санъ-Діего дель-Рей на югѣ, и по сосѣдству съ туземцами Калифорніи—на сѣверѣ, а на югѣ и востокѣ съ народами юма, живутъ многія племена, сродныя по языку, которыя, совмѣстно съ вышеупомянутыми, принадлежатъ къ одной семьѣ. Такъ, въ направ-

леніи отъ сѣвера къ югу отъ р. С. Габріэль живутъ индійцы кисхъ; затѣмъ кахуилло, между истоками рѣкъ С. Анны и С. Габріэли; нетела въ С. Хуанъ-Капистрано; кетчи—въ С. Луи Рей; и химехуеве—у нижней Колорадо между народами юма. Языки этихъ племенъ причислены Бушманомъ къ четвертому отдѣлу сонорской семьи языковъ.

У рѣки Гилы и ея южныхъ притоковъ живетъ народъ пима, къ которому можетъ быть отнесено болѣе западное племя папаго. Языкъ пима, или невоме, сродный съ тепегуанскимъ, образуетъ, по Бушману, третій отдѣлъ сонорской семьи языковъ.

Индійцы пима, нѣкогда жившіе въ округѣ Алтарѣ, на сѣверо-западѣ отъ Соноры, подчинились господству испанцевъ и переняли отъ нихъ христіанскую вѣру. Тѣ же, которые хотѣли сохранить свою независимость, перешли на сѣверъ, въ область, называемую нынѣ Пимерія-альта, гдѣ они приняли прозвище „папаго", между тѣмъ какъ ихъ племенные братья, съ которыми они ведутъ ожесточенную борьбу, живутъ въ Пимерія-баха (Guillemin-Tarayre, Rapport sur l'exploration minéralogique des régions mexicaines въ Archives de la Commission scientifique du Mexique. Paris. Bd. III, p. 433). Число ихъ приблизительно доходитъ до 15,000; они добродушны, миролюбивы, на половину цивилизованы и живутъ въ перемежку съ бѣлыми, а еще больше съ индійцами опата (Pimentel, Cuadro descriptivo y comparativo de las lenguas indigenas de Mexico. Mexico 1865, Bd. II, S. 91). Тѣмъ не менѣе они всегда защищали себя, какъ мужественные воины, и имъ удавалось отразить нападенія апачей. Насколько извѣстно ихъ прошлое, они съ давнихъ поръ занимались земледѣліемъ, что указываетъ на извѣстное сродство съ индійцами пуэбло. Въ противоположность съ бѣлыми, они неизмѣнно дружелюбно относятся другъ къ другу, не ссорятся за наслѣдство; родственникамъ чужда всякая зависть; алчные адвокаты не безпокоятъ умирающаго. Индіецъ пима умираетъ спокойно и сбрасываетъ съ себя земную оболочку безъ какихъ-либо мірскихъ заботъ, потому что онъ увѣренъ, что все будетъ устроено наилучшимъ образомъ послѣ его погребенія. Имущество покойника честно и справедливо распредѣляется между цѣлымъ племенемъ. Если онъ при жизни былъ облеченъ званіемъ вождя и владѣлъ полями, запасами зерноваго хлѣба и скотомъ, то его смерть составляетъ радостное событіе для цѣлой общины. Всѣ жители деревни приглашаются на похороны и на могилѣ, въ которую усадили покойника въ скорченномъ положеніи, устраивается большой пиръ. Женщины плачутъ, мужчины издаютъ дикіе вопли и вымазываютъ себя дегтемъ въ знакъ траура. Затѣмъ пригоняютъ скотъ, принадлежавшій покойнику, тотчасъ же убиваютъ его, и каждый изъ присутствующихъ, какъ бы онъ ни былъ отягощенъ горемъ, спѣшитъ нагрузить свою жену возможно большимъ количествомъ мяса. Нѣсколько дней послѣ этого всѣ пируютъ на славу. Имущество покойника становится общимъ достояніемъ, даже вдова его, такъ что дѣлаютъ кличъ и предлагаютъ ее тому, кто пожелалъ бы взять ее себѣ въ жены. Если она сильная женщина, можетъ много работать и, вдобавокъ, бездѣтна, то она обыкновенно находитъ въ нѣсколько дней утѣшителя въ лицѣ второго мужа, хотя обычай дозволяетъ ей оплакивать покойника столько времени, сколько считается нужнымъ для утоленія условнаго горя. Но такъ какъ не совсѣмъ удобно имѣть жену съ лицомъ, вымазаннымъ дегтемъ по случаю траура, то молодому супругу не запрещается запачкать также себѣ лицо дегтемъ, что, разумѣется, еще больше способствуетъ задушевности заключеннаго союза (I. Ross Browne, Reisen und Abentheuer im Apachenlande, Jena 1871. S. 22—93).

Вдова и дѣти умершаго, благодаря вышеупомянутымъ коммунистическимъ обычаямъ, остаются въ полнѣйшей нищетѣ, такъ что женщины смѣло совершаютъ дѣтоубійство, какъ передъ родами, такъ и послѣ нихъ, и это не считается преступленіемъ. Искусство производить преждевременные роды очень усердно практикуется старыми женщинами и большею частью безъ дурныхъ послѣдствій для здоровья матери. Супружескіе союзы заключаются безъ всякихъ церемоній и ихъ не считаютъ обязательными. Женщины часто покидаютъ своихъ мужей, и тѣ, въ свою очередь, бросаютъ ихъ. Хотя бываютъ примѣры неизмѣнной вѣрности, но многія женщины не стѣсняются предлагать себя другимъ мужчинамъ, что едва ли пріятно ихъ мужьямъ, между тѣмъ какъ племя относится къ этому весьма снисходительно. Только самыя негодныя изъ этихъ „squaws" вступаютъ въ сожительство съ бѣлыми, но число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе распространяется сифилисъ. Скромность совершенно неизвѣстна обоимъ поламъ; въ присутствіи дѣтей различнаго возраста ведутся самые неприличные разговоры, и у многихъ въ высшей степени непристойныя прозвища. Во время родовъ и мѣсячныхъ очищеній женщины живутъ въ особыхъ хижинахъ, почти недоступныхъ для мужчинъ и ѣдятъ на отдѣльной посудѣ. (Индійцы пима вѣрятъ въ высшее существо „въ земного пророка", въ злого духа и загробную жизнь, но у нихъ нѣтъ ничего похожаго на богослуженіе, ни идоловъ, ни образовъ, ни жрецовъ, а только одни знахари („та-ке"), которые обладаютъ тайной находить вѣдьмъ и дѣлать ихъ безвредными, такъ какъ послѣднимь приписываютъ всѣ болѣзни, смертные случаи и всякое несчастіе, какое случается съ людьми (F. E. Grossmann, The Pima Indians in Arizona въ Smithson Reports 1871, p. 407—419).)

Другую группу, а по Бушману, второй отдѣлъ сонорской семьи, образуютъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще пять племенъ, живущихъ далѣе къ югу, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Эта группа состоитъ изъ племени **опата** и его западныхъ сосѣдей: **еудеве**, **якви** или **гіакви**, **майо** и **тубаръ**. Численность опатовъ, называемыхъ также **онавами**, доходитъ до 35,000; миссіонеры отчасти цивилизовали ихъ, и между ними встрѣчается значительное количество мексиканскихъ метисовъ. Они занимаются земледѣліемъ и распространены на полосѣ земли у верхнихъ притоковъ Ріо Якви до Текорипа. Апачи ихъ заклятые враги и они всегда мужественно отбивались отъ нихъ. Опаты бронзоваго цвѣта, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія, но небольшого роста; всего поразительнѣе ихъ проворство и выносливость, такъ какъ, по свидѣтельству очевидцевъ, они могутъ пройдти въ сутки 260—330 км. Равнымъ образомъ, путешественники отзываются съ похвалой объ ихъ нравственныхъ свойствахъ (Pimentel, Cuadro descriptivo, Vol. I, p. 407). Въ настоящее время всѣ опаты христіане. Относительно нравовъ и характера близкое сродство съ ними представляютъ **еудеве**, живущіе въ городахъ Дуранго и Чихуахуа, идіомъ которыхъ **хеве** или **дохема**, одинъ изъ опатскихъ діалектовъ, въ настоящее время, повидимому, исчезъ безслѣдно. Самый значительный народъ этой группы **якви** или **хіакви** (Annales des voyages, 1830, p. 30) въ средней и верхней долинѣ рѣки Яквки, гдѣ они занимаются земледѣліемъ. Они не особенно довольны вторженіемъ бѣлыхъ, хотя всѣ усердные

христіане, кротки по природѣ и трудолюбивы. Нерѣдко они сами эмигрируютъ и являются въ качествѣ наемныхъ работниковъ „peones“ на фермахъ, „гаціендахъ“, носильщиковъ въ городахъ, рудокоповъ на серебряныхъ пріискахъ или водолазовъ за жемчужными раковинами въ Калифорнскомъ морскомъ заливѣ; но при этомъ они ежегодно являются въ гости на родину, гдѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, на свои сбереженія основываютъ новыя небольшія фермы, „ranchos“, и увеличиваютъ свои стада овецъ и рогатаго скота. Въ прежнія времена якви были извѣстны, какъ суровый и воинственный народъ; іезуитамъ принадлежитъ честь обращенія ихъ на путь цивилизаціи. Теперь въ каждой деревнѣ есть особый губернаторъ и начальникъ милиціи, которому подчинены всѣ мужчины, способные носить оружіе, между тѣмъ какъ исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ alcade mayor, большею частью бѣлаго. Оружіемъ все еще служатъ лукъ и стрѣлы. Языкъ ихъ мягкій и благозвучный. Индійцы майо менѣе трудолюбивы, интеллигентны и воинственны, хотя они часто были во враждѣ съ якви, несмотря на общее происхожденіе обоихъ племенъ (Guillemin-Tarayre, a. a. O., S. 431—432).

На восточномъ берегу Калифорнскаго залива, въ сѣверномъ Синалоа, живутъ индійцы кахита, а въ южномъ—кора, которые составляютъ одно племя съ тархумаро, на югѣ отъ Чихуахуа и на сѣверъ отъ Дуранго, а равно и съ тепехуана, живущими въ Дуранго и Гвадалахарѣ (Бушмана, первый отдѣлъ сонорской семьи языковъ).

Весьма немногое можно сказать объ индійцахъ кахита и кора; несравненно бо̀льшій интересъ представляютъ тархумара, численность которыхъ, по изслѣдованіямъ Пиментеля, доходитъ до 25—30,000, а по Гюильмену Тарейре до 40,000. Въ былыя времена они составляли совмѣстно съ якви и майо многочисленный союзъ народовъ. Теперь тархумара, большею частью ошибочно называемые тарахумара, раздѣляются на двѣ семьи, живущія въ горной странѣ, на юго-западъ отъ Чихуахуа и по окраинамъ долинъ: Якви, Майо и Ріо Фуэртэ. Они также исключительно занимаются земледѣліемъ и такого тихаго и мирнаго характера, что за ними давно признаны права гражданства и имъ оставлена ихъ автономія и внутренняя организація. Послѣдняя совершенно тождественна съ организаціей якви. Каждый тархумара долженъ быть солдатомъ, т. е. имѣть лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами, и платить ежегодную подать въ видѣ двадцати стрѣлъ. Женскій полъ значительно превышаетъ численностью мужской; но тѣмъ не менѣе у нихъ всегда была моногамія. Браки заключаются съ соблюденіемъ мѣстныхъ обычаевъ и нерѣдко благословляются священникомъ. Родители юноши приглашаютъ избранную имъ невѣсту въ ихъ хижину, гдѣ она водворяется съ своимъ отцомъ по домашнему, такъ что молодой человѣкъ имѣетъ полную возможность изучить характеръ своей будущей жены. Если опытъ приводитъ къ удовлетворительнымъ результатамъ, то онъ сватается къ дѣвушкѣ и родители жениха и невѣсты строятъ новую хижину молодой парѣ. Тархумара средняго роста, съ мѣдно-коричневымъ цвѣтомъ кожи и черными, иногда длинными, жесткими и курчавыми волосами; при этомъ они худощавы и тщедушны, чему способствуютъ непомѣрныя пробѣгаемыя ими разстоянія. Горные жители вообще сильнѣе, и большею частью безбородые; волосы они дѣлятъ на двѣ косы, а иногда носятъ

одну. Одеждой служитъ простой кусокъ ткани съ прорѣзанной дырой, въ которую продѣваютъ голову; концы, висящіе спереди и сзади, связываютъ между ногами. Женщины носятъ особую ткань изъ овечьей шерсти, которой плотно обертываютъ бедра; она достигаетъ щиколки ногъ, верхняя часть туловища обнажена. Соломенныя шляпы и сандаліи дополняютъ этотъ несложный нарядъ. Дома строятся изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ („adobes") или выструганныхъ досокъ; крыша дѣлается изъ листьевъ „palmilla" или изъ сосновыхъ вѣтвей. Главной пищей служитъ маисъ въ видѣ „tortillas", тонкихъ жареныхъ лепешекъ, употребляемыхъ во всей Мексикѣ, а затѣмъ „frijoles", бобы, приготовленные въ жиру или съ „chile", краснымъ перцемъ. Лучшимъ напиткомъ считается у нихъ пріятный на вкусъ „tesquino", отваръ маисоваго солода, разбавленный водой и доведенный до состоянія броженія. Кромѣ того, они добываютъ сахаръ изъ агавы „maguay", а также изготовляютъ изъ сока этого растенія родъ „mescal". Тархумара всѣ католики, но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ лощинахъ Сіерры Мадре въ сущности остались тѣмъ, чѣмъ были прежде, и твердо придерживаются древнихъ суевѣрій. Во время жатвы даже наиболѣе усердные христіане справляютъ праздникъ, связанный съ старыми традиціями, при которомъ они исполняютъ на полѣ прежній танецъ, но стараются, чтобы священникъ не увидѣлъ ихъ за этимъ „titibura". Для сбереженія маиса они строятъ изъ деревянныхъ столбовъ особые амбары, „troja", большею частью конической формы. Они тщательно избѣгаютъ помѣси съ бѣлыми, хотя вообще живутъ съ ними въ величайшемъ мирѣ.

Въ настоящее время уцѣлѣло весьма незначительное число индійцевъ тепехуана; они живутъ среди горъ Сіерра Мадре, между Дуранго и Мацатланомъ. Гюильменъ Тарейре посѣтилъ ихъ мѣсто жительства и нашелъ ихъ нагими и крайне робкими; въ особенности поразили они его своимъ матово-желтымъ цвѣтомъ лица, выдающимися скулами и величиной черепа и лица. Всѣ эти признаки напомнили ему извѣстный азіатскій типъ; а равно и ихъ языкъ, въ которомъ онъ хочетъ найти сродство съ урало-алтайскими нарѣчіями. Тепехуана средняго роста; у нихъ густые волосы и болѣе тонкіе, нежели у ихъ сосѣдей. Они всѣ католики; воздѣлываютъ маисъ, занимаются немного скотоводствомъ и умѣютъ изготовлять древесный уголь. (Guillemin — Tarayre, a. a. O. p. 437—446).

Ацтеко-толтеки самое значительное племя среди всего мексиканскаго круга народовъ. Ихъ первоначальная родина была на сѣверѣ, и они переселились съ сѣверо-запада въ свою позднѣйшую родину, гдѣ настолько развились, что достигли историческаго значенія. Къ принятію этой гипотезы побуждаетъ насъ преданіе, существующее у послѣдней отрасли этой семьи ацтековъ, въ которомъ упоминается о переселеніи черезъ „большую воду", а подъ этимъ можно только подразумѣвать Калифорнскій заливъ.

Изъ соплеменниковъ ацтеко-толтекскаго племени первыми переселенцами были толтеки, такъ какъ, задолго до процвѣтанія толтекской культуры въ Мексикѣ, мы уже находимъ ихъ въ южныхъ областяхъ Гватемала и Юкатанѣ. Отсюда, если вѣрить туземному преданію, перенесенъ былъ зародышъ толтекской культуры въ Мексику и получилъ здѣсь дальнѣйшее развитіе, такъ что переселеніе толтековъ въ Мексику нужно считать обратнымъ передвиженіемъ съ юга на сѣверъ. При этомъ толтеки встрѣтили на своемъ пути племена,

называемые у насъ „первобытными мексиканскими народами", и подчинили ихъ своему господству. Въ преданіи они обозначены неопредѣленнымъ прозвищемъ чичимековъ (Chichimeke), т. е. варваровъ. Когда толтекское государство пережило время своего процвѣтанія, то оно, повидимому, было охвачено, какъ и всѣ другія государства, при подобныхъ условіяхъ, неизбѣжнымъ внутреннимъ разложеніемъ, вслѣдствіе чего и сдѣлалось добычей возмутившихся народовъ чичимековъ, которые опустошили его и раздѣлили между собой. Но толтеки не уступили поле битвы, а только временно удалились и вскорѣ привели съ собой вооруженную помощь въ лицѣ своихъ соплеменниковъ, народовъ нахуатль, а именно воинственныхъ ацтековъ. Этому сначала незначительному народу, благодаря его строгой, безусловно соблюдаемой организаціи, удалось не только завоевать земли толтековъ, но и основать родъ всемірнаго владычества, которому былъ положенъ жалкій конецъ непредвидѣннымъ появленіемъ испанцевъ. Тѣмъ не менѣе, и особенно въ позднѣйшее время, нельзя отдѣлять толтековъ отъ ацтековъ, такъ какъ, повидимому, оба народа говорили или однимъ, или только діалектически различнымъ языкомъ. Подобное дѣленіе на толтековъ и ацтековъ возможно до извѣстной степени только у болѣе древнихъ народовъ, какъ, напримѣръ: кульхуа, акольхуа, ольмекъ, чикаланкъ, тепанекъ, которыхъ прямо называютъ толтеками; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, что кохуикскъ, тлапанекъ и квитлатекъ въ Мексикѣ должны быть причислены къ ацтекскому племени. То же можно сказать о мацапиле на востоко-юго-востокъ отъ Гвадалаяра, о тласкальтекъ и чіапанекъ, древнемъ населеніи южно-мексиканскаго штата Чіапаса. Весьма вѣроятно, что послѣдніе также ничто иное, какъ толтекскій народъ, который, при своемъ дальнѣйшемъ распространеніи на югъ, черезъ Гватемалу и Никарагуа, снова всплываетъ подъ именемъ пипиль (F. Müller, Allgem. Ethnogr. S. 267—268). Мы назовемъ всѣ вышеупомянутыя племена общимъ именемъ ацтековъ, или народовъ нагуатль, такъ какъ въ настоящее время между ними существуютъ весьма небольшія, едва уловимыя различія.

Мексиканскіе индійцы небольшого роста и коренастые; женщины отличаются полнотой и округленными формами. Кожа у нихъ мягкая и нѣжная какъ бархатъ; мускулы и жилы незамѣтны, благодаря плотности клѣтчатки. Только у молодыхъ женщинъ бываютъ иногда красныя щеки, отсвѣчивающія на солнцѣ, какъ раскаленная мѣдь. Волосы у нихъ черные, нерѣдко блестящіе, густые и гладкіе, а у миролюбивыхъ индійцевъ (indios mansos), которые рѣдко обрѣзаютъ ихъ, они висятъ съ головы длинными прядями, почти прикрывая лобъ, что придаетъ лицу глупое и сонное выраженіе. Лобъ низокъ и выдается впередъ; затылокъ сильно развитъ и немного сдавленъ кверху. Лицо образуетъ красивый, довольно правильный овалъ, особенно удлинен-

ный у такъ называемыхъ дикихъ индійцевъ (indios bravos), быть можетъ вслѣдствіе того, что они тщательно зачесываютъ волосы со лба къ темени или даже совсѣмъ выбриваютъ ихъ. Скуловыя кости довольно широки и выступаютъ впередъ; глаза большіе, темные и съ меланхолическимъ выраженіемъ; иногда они расположены горизонтально, а подъ часъ съ косолежащими глазницами. Бѣлокъ глазъ съ желтоватой окраской, что придаетъ имъ своеобразное дикое выраженіе, особенно подъ вліяніемъ страсти. Носъ слегка загнутый, съ широкими ноздрями и нерѣдко сплющенный; ротъ обыкновенно большой, но красивой формы, съ полными, но не выпяченными губами и съ ослѣпительно бѣлыми, прекрасными по формѣ и крайне прочными зубами. Подбородокъ круглый и полный; у мужчинъ покрытъ рѣдкой бородой, которая также скудно ростетъ, какъ и усы. Шея короткая, затылокъ широкій и сильно развитъ; грудной ящикъ выступаетъ впередъ, грудь у женщинъ имѣетъ не шарообразную, а почти коническую форму. Оба пола снабжены крѣпкими костями и весьма развитыми мускулами, что даетъ имъ возможность дѣлать большіе переходы. Они ходятъ очень охотно, но не иначе, какъ нагруженные; имъ нужна ноша, чтобы ходьба доставляла имъ удовольствіе. Сарторіусъ увѣряетъ, что ему извѣстны примѣры, гдѣ почтальоны тащили съ собой тяжелый камень, который бы напоминалъ имъ, что они идутъ по дѣлу. У нихъ крѣпкія бедра; ноги вообще мускулистѣе и сильнѣе рукъ. Оконечности рукъ и ногъ маленькія; у женщинъ большею частью округленной формы и въ высшей степени изящныя; но женщины подъ старость становятся безобразно тучными. Новорожденныя дѣти имѣютъ болѣе свѣтлую кожу, чѣмъ взрослые, но она не бываетъ совсѣмъ бѣлая, а всегда желтоватая, и какъ бы слегка покрытая копотью. Подошвы и ладони, съ рожденія до конца жизни, свѣтлѣе остального тѣла. Часто можно встрѣтить красивыхъ дѣтей, съ большими задумчивыми глазами и длинными рѣсницами; но они рано утрачиваютъ свою красоту, и черты ихъ лицъ становятся рѣзкими и принимаютъ тупое выраженіе. Замѣчательно, что дѣти индійцевъ родятся съ густыми волосами и черепъ никогда не лысѣетъ; равнымъ образомъ, у нихъ рѣдко бываютъ сѣдые волосы. Всякія накожныя поврежденія и глубокія раны заживаютъ съ невѣроятной быстротой и никогда не сопровождаются лихорадкой. При этомъ даже самыя ужасныя раны никогда не вызываютъ въ тѣлѣ мѣстной онѣмѣлости. Здѣшніе индійцы вообще не особенно подвержены заболѣваніямъ; но трудно переносятъ болѣзни и быстро умираютъ отъ нихъ (K. Sartorius, Mexiko. Darmstadt, 1859, S. 96—97 und Carlos de Gagern, Charakteristik der indianischen Bevölkerung Mexikos, in den Mittheil. d. k. k. geohraph. Gesellsch. zu Wien. S. 54—55).

Характеръ мексиканскихъ indios mansos, т. е. „ручныхъ“ индійцевъ, какъ ихъ весьма удачно назвали испанцы въ отличіе отъ не-

зависимыхъ индійцевъ (потому что здѣсь вся цивилизація въ сущности сводится къ прирученію первобытныхъ людей), настолько своеобразенъ, что мы считаемъ не лишнимъ подробно описать его. Этотъ серіозный, задумчивый и молчаливый коричневый человѣкъ любитъ придавать таинственность самымъ обыкновеннымъ своимъ дѣйствіямъ; въ его окаменѣлыхъ чертахъ никогда не проявляется страсть; но тѣмъ не менѣе онъ бываетъ иногда весьма опасенъ. Начальственныя лица, и особенно духовныя, могутъ легко руководить имъ, такъ какъ онъ обыкновенно отличается умѣренностью, благоразуміемъ и вообще довольно понятливъ; но при этомъ онъ безпеченъ, лишенъ всякой фантазіи, лѣнивъ, упрямъ, недовѣрчивъ и суевѣренъ. Католицизмъ для него не болѣе какъ ширма, подъ которой онъ скрываетъ древнія языческія вѣрованія; его прежніе боги побѣждены; но не умерли. Пышность католическаго богослуженія нравится ему; но при этомъ онъ соблюдаетъ празднества своего стараго культа.

Въ древней религіи предковъ нынѣшнихъ ацтековъ искупленіе грѣховъ посредствомъ крови также играетъ главную роль; и въ этомъ она представляетъ аналогію съ христіанствомъ. Вмѣсто человѣческихъ жертвъ, приносимымъ на алтаряхъ, индіецъ теперь поклоняется богу, распятому на крестѣ. Кровь, на „teokalli“ древняго жреца „huitzolopochtli“ для него тоже, что кровь, пролитая на Голгоѳѣ. Церковные праздники представляютъ для него желанный поводъ выйдти изъ обыденной колеи. Онъ украшаетъ цвѣтами свое полунагое тѣло; надѣваетъ на лицо невообразимыя маски, напивается, приходитъ въ возбужденное состояніе и пляшетъ передъ святыми изображеніями. Въ церкви онъ ведетъ себя какъ бѣсноватый и цѣлый день веселится, пускаетъ ракеты, кричитъ хриплымъ голосомъ; а съ наступленіемъ вечера и въ продолженіи ночи оба пола предаются самому дикому разгулу. Такимъ образомъ во время церковныхъ праздниковъ происходитъ то-же, что и при „mitotes“ древнихъ ацтековъ. Индіецъ пропитанъ суевѣріемъ до мозга костей. Онъ вѣритъ вѣдьмамъ, „naualli“, и въ насылаемыя ими болѣзни, противъ которыхъ нужно дѣйствовать заклинаніями, а также въ дурной глазъ, въ дурной вѣтеръ („checatl“), въ водяныхъ духовъ и русалокъ.

Индіецъ въ юношескомъ возрастѣ кажется намъ старообразнымъ; но за то онъ до глубокой старости сохраняетъ въ себѣ нѣчто юношеское. Въ дѣтствѣ лицо его поражаетъ своимъ серіознымъ и задумчивымъ выраженіемъ; радость носитъ у него грустный оттѣнокъ; горе имѣетъ мрачный и молчаливый характеръ. У него нѣтъ гордой осанки другихъ племенъ; онъ ходитъ сгорбившись и большею частью съ опущенными глазами. Сильный отъ природы, онъ все-таки не имѣетъ мускульной крѣпости негра; если его заставятъ работать, то онъ выказываетъ большую выносливость; но вообще относится къ труду скорѣе пассивно, чѣмъ активно; не жалуясь, выноситъ страданія, и не боится смерти, такъ какъ жизнь доставляетъ ему слишкомъ мало наслажденія. Всему, что ни случается съ нимъ, онъ противопоставляетъ лѣнь и полнѣйшую апатію. Хотя онъ, повидимому,

неизмѣнно кротокъ и покоренъ въ своемъ обращеніи съ бѣлымъ, но умѣетъ искусно притворяться, чтобы отомстить за нанесенную ему обиду при первомъ удобномъ случаѣ. Въ сношеніяхъ съ своими соплеменниками онъ соблюдаетъ преувеличенную и церемонную вѣжливость; но за то рѣдко или никогда не чувствуетъ истинной привязанности, по крайней мѣрѣ къ бѣлому. При полномъ отсутствіи изобрѣтательности, онъ обладаетъ замѣчательнымъ даромъ подражанія и неистощимымъ терпѣніемъ; поэтому онъ производитъ превосходныя ручныя работы, которыя можно исполнить при сидячей жизни и вниманіи, доходящемъ до самыхъ мелкихъ подробностей.

Во всѣхъ подобныхъ вещахъ мексиканскіе индійцы выказываютъ необыкновенное искусство, которое повидимому унаслѣдовано ими, какъ традиція старыхъ временъ. Все, за что ни возьмутся они въ этой области, удается имъ. Такъ, напримѣръ, производимая ими глиняная посуда настолько тонка, легка и такой изящной формы, что не только можетъ выдержать сравненіе съ нашей, но даже чуть-ли еще не красивѣе, потому что индійцы не безобразятъ ее различными нелѣпыми украшеніями. Въ стѣнной живописи они положительно не уступаютъ намъ, а ихъ фрески (въ „Пулькеріяхъ“) доказываютъ вкусъ и фантазію. Въ серебряныхъ филиграновыхъ работахъ они достигли такого же совершенства, какъ и заслужившіе мировую извѣстность суданезы, съ тою разницей, что форма является у нихъ еще болѣе законченною. Кромѣ того оба пола очень искусны въ вышивкѣ и въ вязаніи тамбуромъ. Между прочимъ у нихъ есть связанные тамбуромъ нитяные рукава къ дѣтскимъ рубашкамъ, которые также хороши, какъ брюссельскіе кружева. Ихъ вышивки золотомъ и серебромъ, настолько-же прекрасны по рисунку, какъ и безукоризненны по исполненію. Но все это отступаетъ на задній планъ передъ ихъ талантомъ къ пластическимъ изображеніямъ. Вещи изъ обожженной глины, воску и шелку настолько красивы, что нужно ихъ видѣть, чтобы составить о нихъ понятіе. Индійцы заимствуютъ свои образцы изъ жизни, природы и скуства и въ совершенствѣ воспроизводятъ ихъ. Художественные снимки изъ обожженной глины, сравнительно съ оригиналами почти микроскопической величины, но настолько анатомически вѣрны и похожи, какъ со стороны формы, такъ и красокъ, что вполнѣ заслуживаютъ удивленія. Равнымъ образомъ неподражаемо хороши ихъ изображенія боя быковъ; всадники, быки, пикадоры и матадоры такъ натуральны и представлены въ такихъ гибкихъ, красивыхъ позахъ, что лучшіе европейскіе художники не могли-бы произвести ничего лучшаго. Не менѣе удачны фигуры народныхъ типовъ, солдаты, рыночные торговцы, метисы и креолы, изображенные изъ той-же глины, равно и домашнія животныя, въ особенности птицы. Когда стоишь вблизи этой прекрасной коллекціи миніатюрныхъ статуэтокъ, среди которыхъ лошадь вмѣстѣ съ всадникомъ едва достигаетъ 4 сант. высоты,—хотя при этомъ безошибочно воспроизведены всѣ подробности, начиная ото „sombrero“ (шляпы съ широкими полями) до шпоръ, то невольно приходитъ въ голову, что видишь передъ собой сказочный сонъ, въ которомъ крошечныя фигуры карликовъ внезапно были обращены въ камни и прикованы къ одному мѣсту. Настолько-же хороши въ художественномъ отношеніи болѣе крупныя вещи изъ воску и тряпья. Онѣ большею частью изображаютъ фигуры народныхъ типовъ, въ 30 сант. вышины, и продаются весьма дешево. Всего труднѣе представить себѣ, какъ сдѣланы фигуры изъ тряпья. На лицахъ и рукахъ не видно ни одного шва; онѣ такъ хороши по формѣ и колориту, настолько вѣрно передано тѣлосложеніе и индійскій типъ лица, въ чертахъ котораго нѣтъ ничего стереотипнаго, что го-

ловы нашихъ куколъ изъ воска, фарфора и папки, а равно и несчастныя попытки изобразить руки и ноги, должны казаться крайне жалкими индійскимъ художникамъ. Восковыя фигуры вылѣплены здѣсь по частямъ отъ руки, а затѣмъ ихъ соединяютъ. Всѣ эти фигуры одѣты чрезвычайно вѣрно съ дѣйствительностью; если индіецъ изобразитъ прокаженнаго, то вы увидите на послѣднемъ лохмотья, сквозь которыя видно обнаженное тѣло. Глиняные кувшины водоносовъ, веревки и ноша носильщиковъ, корзины корзинщика, перо общественнаго писаря изображены въ миніатюрѣ, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими фигурами людей. Также достойны удивленія по превосходству красокъ и вѣрности съ природой изображенія мексиканскихъ породъ птицъ, сотканныя изъ пестраго шелку и прикрѣпленныя къ проволокѣ съ искуственными листьями. Такъ, напримѣръ, можно видѣть превосходно сдѣланныхъ филиновъ, попугаевъ, колпиковъ, фламинго и т. п. Работы изъ перьевъ (вышивки или вѣрнѣе мозаика изъ перьевъ колибри и изображенія птицъ въ миніатюрѣ на игорныхъ картахъ) до сихъ поръ бываютъ иногда очень удачныя; но при покупкѣ ихъ нужно имѣть своего рода счастье. Это arto plumaria было доведено до высшей степени совершенства у древнихъ ацтековъ. Взаключеніе считаемъ нелишнимъ добавить, что ни одинъ народъ на свѣтѣ (не исключая даже голландцевъ), не моетъ и не гладитъ лучше мексиканскихъ индійцевъ, хотя они вообще очень скоро портятъ бѣлье, такъ какъ бьютъ его каменьями во время стирки.

Несмотря на всѣ свои достоинства и великое прошлое, индійцы тѣмъ не менѣе играютъ роль паріевъ въ Мексикѣ и вдобавокъ вымирающихъ паріевъ. Если соприкосновеніе съ ними не имѣетъ того оскверняющаго дѣйствія, какъ сношенія съ низшей индійской кастой, то все-таки на нихъ смотрятъ свысока происходящіе отъ нихъ метисы и свѣтлокожіе креолы. Тѣ и другіе считаютъ позоромъ имѣть индійскую кровь въ жилахъ; и какъ нѣкогда въ Пруссіи человѣкомъ считался только тотъ, кто имѣлъ по крайней мѣрѣ баронскій титулъ, такъ и здѣсь, всѣ, кто ниже креола, не люди, а прокаженные, не принадлежащіе къ „gente - decente“ (признанной аристократіи) Мексики. Однако, несмотря на это, индійцы пользуются одинаковыми гражданскими правами съ креолами; и изъ ихъ среды вышли такіе выдающіеся люди, какъ Гидальго, Морелосъ, Хуарецъ. Ихъ интеллигенція рано достигла извѣстнаго пункта развитія; затѣмъ наступаетъ застой. Индіецъ часто говоритъ о себѣ: No somos gente de razon,— „Мы—люди, лишенные разума“. Тѣмъ не менѣе индійскую интеллигенцію ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать низменной; но она имѣетъ своеобразный характеръ. Индіецъ отличается наблюдательностью и легко угадываетъ мысли своего собесѣдника. Онъ не жалѣетъ объ упадкѣ своей культуры и игнорируетъ улучшенія, которыя вводятъ или навязываютъ ему бѣлые; онъ не желаетъ ничѣмъ быть обязаннымъ имъ и хочетъ сохранить за собой право проклинать ихъ за массу безчисленныхъ и невыразимыхъ гнусностей, которыя онъ долженъ былъ вынести отъ нихъ. Онъ хочетъ остаться индійцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова и сохранить свою непримиримую ненависть къ бѣлымъ. Онъ уклоняется отъ цивилизаціи, откуда бы она ни явилась къ нему, потому что въ его гла-

захъ она связана съ насиліемъ и гнетомъ. Бѣлый—его врагъ; онъ не довѣряетъ ему и избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ ненавистнымъ бѣлымъ, который похитилъ „его" страну. Индіецъ такъ же мало способенъ къ гостепріимству, какъ египетскій феллахъ. При своей несомнѣнной склонности къ одиночеству, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ его нельзя назвать общительнымъ,—индіецъ довольствуется малымъ, и черезъ это представляетъ собой пассивное препятствіе къ тому, что мы называемъ прогрессомъ. (C. von Gagern in Globus, Bd. IX S. 71—74).

Коричневый человѣкъ отличается простотой внѣшности и въ одеждѣ упорно соблюдаетъ обычаи своихъ предковъ. Мужчины носятъ короткіе бѣлые пан-

Генералъ Томасъ Мейя, чистокровный индіецъ.

талоны до колѣнъ изъ оленьей кожи или изъ грубой бумажной матеріи; верхнюю часть его тѣла покрываетъ родъ куртки или короткаго кителя, безъ воротника, перепоясанный вокругъ таліи; употребленіе рубахи или жилета ему неизвѣстно. Ноги его обуты въ сандаліи; на головѣ маленькая шляпа, сдѣланная изъ соломы или изъ грубаго чернаго войлока; многія племена ходятъ съ обнаженной головой. Башмаки и сапоги у настоящихъ индійцевъ считаются вреднымъ нововведеніемъ, а верховая ѣзда—высокомѣріемъ, достойнымъ кары. Днемъ, для защиты отъ холода и дождя, служитъ грубый шерстяной коверъ съ одноцвѣтными полосами, такъ называемый „serape", по рединѣ котораго продѣлана дыра, чтобы просовывать голову; ночью это его единственное одѣяло. Костюмъ женщинъ состоитъ изъ мѣшка или куска матеріи, который привязывается вокругъ таліи кушакомъ и доходитъ до ногъ; верхняя часть тѣла покрыта широкой накидкой, „huipile", съ отверстіями для головы и рукъ, но безъ рукавовъ. Эта принадлежность одежды большею частью дѣлается изъ шерстя-

ной матеріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ украшена вычурной пестрой вышивкой. Болѣе достаточныя носятъ въ праздничные дни бѣлое вышитое верхнее платье, а у нѣкоторыхъ племенъ всѣ дѣвушки одѣты въ бѣломъ. Густыя косы волосъ, переплетенныя пестрой лентой и убранныя ихъ любимыми бѣлыми цвѣтами, „blumeria", висятъ по плечамъ или обвиты вокругъ головы. Большія серьги и широкія ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ дополняютъ туалетъ, подъ которымъ нѣжныя формы тѣла кажутся вылитыми изъ бронзы. Онѣ никогда не носятъ башмаковъ или шляпъ и развѣ только при сильномъ солнцѣ надѣваютъ на голову сложенный платокъ; обыкновеннымъ головнымъ уборомъ служитъ маленькій вѣнокъ, перевязанный широкой лентой. Кромѣ того у обоихъ половъ на коричневой шеѣ виситъ, на подобіе зубочистки, твердый шипъ одного вида кактуса.

Образъ жизни индійцевъ крайне простъ. Въ Тіерра Каліенте они живутъ въ простыхъ тростниковыхъ хижинахъ, съ двухскатной кровлей, окруженныхъ небольшимъ садомъ или полями, въ которыхъ родится и умираетъ поколѣніе за поколѣніемъ. Веревка изъ волоконъ агавы, протянутая внутри хижины, представляетъ для нихъ комодъ и платяной шкафъ; глиняная рѣшетка, подъ которую подкладываютъ древесный уголь—ихъ очагъ; постелью служитъ гамакъ, сплетенный изъ мочалокъ, или бамбуковая скамья покрытая мѣхомъ; столъ и стулъ замѣняетъ соломенная рогожа. Хижины эти, разумѣется, совершенно безопасны отъ воровъ; поэтому дверь только прикрыта бамбуковыми палками, которыми ночью закладываютъ входъ для защиты отъ звѣрей. Въ Тіерра Темплада хижины состоятъ изъ земли или досокъ и крыты листьями агавы; а въ Тіерра Фріа они дѣлаются изъ камня или изъ какого-либо другого матеріала, который можетъ служить защитой отъ холода и непогоды.

Индіецъ совершенно доволенъ своей хижиной и не мечтаетъ о лучшемъ жилищѣ. Пища заключается въ продуктахъ его полей (маиса, употребляемаго вмѣсто хлѣба, бобовъ, банановъ, испанскаго перца и т. п.); мясо онъ ѣстъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удастся поймать муравьѣда, ежа, игуану, пару лягушекъ или тритона. Но вообще его пища почти исключительно растительная и состоитъ изъ сырыхъ плодовъ; преимущественно-же изъ маиса, изъ котораго изготовляются его любимыя „tortillas". Индійцы не превращаютъ маиса въ муку, какъ дѣлаютъ другіе люди, но варятъ его съ прибавкой извести, чтобы сдѣлать его мягкимъ и бѣлымъ. Когда зерно достигло желаемой степени мягкости, то его кладутъ на гладкій, плоскій, покатый камень и мнутъ валькомъ, на подобіе нашей скалки, до тѣхъ поръ, пока образуется клейкая, плотная, однообразная каша. Но чтобы привести маисъ въ этотъ видъ и изготовить его въ достаточномъ количествѣ для семьи, нужна часовая усиленная работа. Когда масса окончательно готова, то изъ нея дѣлаютъ небольшія тонкія лепешки, величиною въ ладонь, и пекутъ ихъ на раскаленной глиняной доскѣ. Эти безвкусныя лепешки, безъ соли и жира, жесткія и вязкія какъ кожа, и есть знаменитыя „tortillas"; онѣ считаются весьма вредными, благодаря извести, которая содержится въ нихъ. Если кто хочетъ обѣдать у индійца, то не долженъ требовать ножа, вилки и ложки, такъ какъ эта роскошь неизвѣстна имъ; каждый беретъ въ обѣ руки по „tortilla", той, которая въ правой рукѣ загребаютъ ѣду, а другой придерживаютъ куски. При извѣстномъ навыкѣ, дѣло идетъ довольно успѣшно; можно опорожнить тарелку, не запачкавъ пальцевъ; съ каждымъ глоткомъ откусываютъ небольшой кусокъ „tortilla"; замѣняющей ложку. У жителей плоской возвышенности обыкновеннымъ питьемъ во время ѣды и послѣ служитъ „pulque", т. е. доведенный до броженія сокъ „maguey" (agave americana). Кромѣ того они варятъ и другіе такіе же напитки и пьютъ ихъ по возвращеніи съ работы. Прибрежные жители употребляютъ пальмовое вино или „tuba" и затѣмъ „tepatsche" или „castile", изготовляемое изъ невареннаго сока сахарнаго тростника съ ананасами или

бананами, въ которое кладутъ корни одного мимознаго растенiя, что придаетъ этому напитку горьковатый вкусъ. Въ горахъ кромѣ вышеупомянутаго „pulque“, употребляютъ еще „colonche“ или доведенный до броженiя сокъ tuna (плодъ одного вида кактуса); а также „chicha“, „sentetscho“ и „chilote“; изъ нихъ послѣднiй варится изъ маиса и ячменя и слѣдовательно представляетъ своего рода индiйское пиво. Всѣ эти напитки содержатъ много алкоголя и дѣйствуютъ опьяняющимъ образомъ. Само собою разумѣется, что при этомъ индiецъ чувствуетъ сильное пристрастiе къ европейскимъ спиртнымъ напиткамъ, и что стоитъ показать ему бутылку рому, чтобы заставить его сдѣлать все, что вамъ угодно. Тѣмъ не менѣе съ нимъ никогда не бываетъ delirium tremens, даже въ томъ случаѣ (что составлаетъ одно изъ самыхъ обыденныхъ явленiй), если онъ завзятый пьяница и проводитъ половину своей жизни въ наркотизованномъ состоянiи (Sartorius, Mexico, S. 114—118). Изъ домашнихъ животныхъ индiецъ держитъ обыкновенно осла, рѣже мула или лошадь, затѣмъ свиней и куръ, среди которыхъ выростаютъ его дѣти. На обязанности жены не только лежитъ домашнее хозяйство (не совсѣмъ легкое, если мы примемъ во вниманiе вышеописанный способъ изготовленiя „tortillas“), но она должна еще по возможности работать въ полѣ и ухаживать за маленькими дѣтьми. Послѣднихъ она носитъ очень искусно, привязавъ ихъ къ спинѣ, и справляетъ при этомъ всю домашнюю работу. Люлька состоитъ обыкновенно изъ ящика или корзины, привѣшенной къ потолку хижины. Само собою разумѣется, что мы не поставимъ въ вину здѣшней женщинѣ, если она, съ горя отъ лѣни, равнодушiя и пьянства мужа и своей тяжелой работы, выпьетъ подчасъ лишнiй стаканъ „pulque“ и позволитъ себѣ маленькую вольность въ смыслѣ супружеской вѣрности. Всѣ индiйцы любители музыки, танцевъ и цвѣтовъ. Ихъ мелодiи серьозныя и грустныя, какъ ихъ глаза и самая жизнь; а танцы лишены всякой грацiи, какъ у ирландцевъ.

Большинство индiйцевъ земледѣльцы и садоводы. Въ горахъ и на побережьѣ они разводятъ свои небольшiя плантацiи безъ помощи плуга. Они воздѣлываютъ маисъ и сажаютъ по краямъ поля черные бобы (Frijoles), тыквы, испанскiй перецъ (chile) и томаты. Многiе изъ индiйцевъ, живущихъ на плоской возвышенности, предпочитаютъ наниматься у крупныхъ землевладѣльцевъ въ качествѣ поденщиковъ, такъ какъ они въ этомъ случаѣ получаютъ готовое помѣщенiе, опредѣленное количество маиса по числу членовъ ихъ семьи и поденную плату за каждаго работающаго члена семьи. Кромѣ того они имѣютъ то преимущество, что не должны ничего вносить въ общественную кассу на содержанiе церкви, такъ что они повидимому поставлены въ несравненно лучшiя условiя, чѣмъ жители деревень; но на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ мы видимъ совсѣмъ обратное явленiе. „Quadrillas“ (поденщики) на гацiендахъ (большихъ фермахъ) фактически представляютъ собой родъ glebae adscripti, не вслѣдствiи какого либо обязательства, а по доброй волѣ. Большинство живетъ въ положенiи такъ называемыхъ peones.

Если читатель пожелаетъ узнать, что такое peones, то мы отвѣтимъ ему, что нѣтъ ничего проще этого. Бѣдный индiецъ задолжаетъ владѣльцу земли нѣсколько пiастровъ и не въ состоянiи заплатить ихъ; тогда его кредиторъ и приговоръ котораго-нибудь изъ мѣстныхъ судей объявляютъ его „peon“, т. е. работникомъ (буквально пѣшеходъ), или, другими словами, его держатъ

съ этого момента съ тою цѣлью, чтобы онъ отработалъ долгъ, который не въ состояніи уплатить деньгами. Теперь онъ душой и тѣломъ принадлежитъ своему господину. Только разъ въ году ему предоставлено нѣсколько свободныхъ дней съ тѣмъ, что, если онъ не доволенъ своимъ господиномъ, то можетъ пріискать себѣ другого повелителя, который взялъ бы на себя его долгъ. Но эта милость, въ большинствѣ случаевъ, совершенно фиктивная; разстоянія между отдѣльными гаціендами настолько велики, что „peon'у" даже не можетъ прійдти въ голову воспользоваться своимъ правомъ. Вдобавокъ, господа неохотно принимаютъ въ услуженіе субъектовъ, недовольныхъ своей судьбой, которая при всѣхъ обстоятельствахъ остается одна и та же. Наконецъ „peon" знаетъ, что, если онъ отправится отыскивать себѣ другого господина, то его прежній повелитель, къ которому онъ по всѣмъ шансамъ вѣроятія долженъ будетъ опять вернуться, станетъ обходиться съ нимъ хуже прежняго. Весь секретъ, чтобы удержать этихъ дешевыхъ работниковъ, заключается въ томъ, чтобы долгъ индійца никогда не былъ окончательно погашенъ, даже въ томъ случаѣ, если ему не даютъ впередъ денегъ и не связываютъ новыми обязательствами, что очень легко сдѣлать при его безпечности. Если ему вздумается пріобрѣсти кусочекъ ленты съ цѣлью поднести его кому-нибудь въ подарокъ, то этого достаточно для него, чтобы сдѣлать новый долгъ въ нѣсколько піастровъ. Ему въ голову не приходитъ, что двѣ-три недѣли усердной работы, при его мексиканской воздержанности (о которой даже трудно составить себѣ точное понятіе), совершенно освободили бы его отъ такого незначительнаго долга. Многіе „peones" родятся въ этомъ положеніи, потому что, если „peon" умираетъ, не погасивъ своего долга, то кредиторъ заявляетъ права на его потомство; дѣти заступаютъ мѣсто отца. Если индіецъ, сдѣлавшись „peon'омъ", остается имъ всю жизнь, то причина заключается въ индійскомъ національномъ характерѣ. Средства удержать его въ этомъ положеніи крайне просты. Если онъ высказываетъ стремленіе къ свободѣ, то землевладѣлецъ устраиваетъ у tendajo гаціенды выставку предметовъ, имѣющихъ непреодолимую прелесть для молодого человѣка: башмаки, ленты, пояса, нѣсколько пестрыхъ бездѣлушекъ, особенно бросающихся въ глаза женщинамъ и дѣтямъ, противъ просьбъ которыхъ индіецъ не въ состояніи устоять. Если же зрѣлище это не оказываетъ никакого дѣйствія, то черезъ недѣлю или двѣ дѣлаютъ вторичную выставку, и тогда „peon" навѣрняка попадаетъ въ ловушку. Но въ большинствѣ случаевъ землевладѣлецъ не имѣетъ никакой надобности прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ. Обыкновенное мѣсячное жалованье „peon'a" (отъ четырехъ до пяти піастровъ) настолько незначительно, что онъ не можетъ существовать имъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится содержать жену и восемь или девять человѣкъ дѣтей. Къ этому присоединяется еще слѣдующее ухищреніе со стороны господина. „Peon'y", какъ несостоятельному должнику, обыкновенно не выплачиваютъ жалованья, а записываютъ въ счетъ пріобрѣтаемыхъ имъ вещей. Такимъ образомъ, онъ не можетъ ничего купить, но долженъ брать маисъ и другіе съѣстные запасы изъ рукъ землевладѣльца и, разумѣется, по цѣнамъ, назначеннымъ по его произволу. Восемнадцатилѣтній юноша, задолжавшій господину нѣсколько піастровъ, долженъ работать за нихъ до шестидесятилѣтняго возраста изо-дня въ день, не исключая воскресенья. При этомъ онъ едва поддерживаетъ свою жизнь нѣсколькими „tortillas" и покрываетъ наготу лохмотьями какой-нибудь бумажной ткани и, умирая, все-таки остается долженъ господину такую сумму, какую ему угодно было записать въ книгѣ. Таково положеніе несчастнаго „peon'a"! (см. подробное описаніе положенія peones, со всѣми его ужасными соціальными послѣдствіями, въ любопытной книгѣ: Mexique. Quatre lettres au Maréchal Bazaine. Bruxelles, 1868, p. 23—31). К. Сарторіусъ, разумѣется, утверждаетъ, что эти условія ни въ какомъ случаѣ не приносятъ выгоды землевладѣльцу и, что, напротивъ, они

въ высшей степени тягостны для него и постоянно связаны съ убыткомъ. При недостаткѣ рукъ, онъ принужденъ производить работы этимъ способомъ; въ книгахъ значится большой капиталъ, не приносящій никакихъ процентовъ, и въ то же время нельзя отослать лишнихъ людей, такъ какъ въ этомъ случаѣ записанный за ними долгъ долженъ считаться окончательно потеряннымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе „peon'a" не есть невольничество, а добровольная служба въ силу договора и добровольно принятое обязательство. Но равнымъ образомъ вѣрно и то, что это явленіе, встрѣчаемое во всей испанской Америкѣ, хотя въ сущности представляетъ добровольно принятое обязательство, но тѣмъ не менѣе связано съ насиліемъ; для него не существуетъ никакихъ писанныхъ законовъ и по жестокости оно нисколько не лучше невольничества.

Агглутинація, характерная для большинства американскихъ языковъ, проявляется въ высшей степени и въ языкѣ ацтековъ нахуатль. (Смотри объ этомъ: B. Biondelli, Sull'antica lingua azteca o nahuatl, Milano 1860, который ошибочно производитъ ацтековъ отъ арійскаго племени; и Grammaire de la langue nahuatl ou mexicaine, composée en 1547, par le franciscain André de Olmos et publiée avec notes, éclaircissements etc., par Rémi Siméon. Paris, 1875).

Собственно такъ называемая „инкорпорація" или вставка добавочныхъ слоговъ въ слова и связанный съ этимъ избытокъ повидимому ненужныхъ относительныхъ частицъ, могутъ быть объяснены слѣдующими примѣрами: фраза „я простилъ моему сыну его прегрѣшенія" переводится на языкѣ нахуатль: oniktlatlacolpopolhuia in nopilstin. Послѣднія два слова означаютъ „моему сыну". Въ первомъ словѣ o служитъ признакомъ прошедшаго времени; ni означаетъ „я"; tlatlacol сокращенное изъ tlatlacolli = „грѣхи, прегрѣшенія", но безъ обозначенія множественнаго числа, такъ какъ отвлеченныя понятія, если они выражены прямо безъ олицетворенія, не употребляются во множественномъ числѣ. Popolhuia означаетъ „прощеніе", а буква k въ концѣ второго слога показываетъ, что дѣйствіе глагола относится къ одному лицу и при этомъ единственнаго числа. Многія изъ составныхъ частей этихъ словъ, при нашемъ аналитическомъ взглядѣ на значеніе языка, кажутся намъ совершенно лишними, такъ какъ только затрудняютъ и запутываютъ смыслъ фразы. Такъ, если ацтекъ видитъ домъ, то оборотъ его фразы будетъ нѣсколько иной нежели нашъ: „я это вижу домъ". Равнымъ образомъ ацтекъ неспособенъ къ отвлеченному мышленію. Когда онъ считаетъ круглые предметы, то онъ прибавляетъ къ числительнымъ именамъ другое окончаніе, нежели при счетѣ предметовъ, разложенныхъ въ длину, и опять-таки у него есть особыя окончанія, если предметы сложены другъ на другѣ или разнятся между собой по формѣ. Въ языкѣ „нахуатль" и, преимущественно въ Южной Америкѣ, мы встрѣчаемъ еще то поразительное явленіе, что женщины во многихъ случаяхъ употребляютъ совершенно различныя выраженія, чѣмъ мужчины. Такъ, отецъ называетъ сына tepiltsin, telelputeh, а мать зоветъ его noconeuh. Само собою разумѣется, что и у насъ женщины употребляютъ нерѣдко другія выраженія, нежели мужчины, потому что вообще говорятъ болѣе приличнымъ и изысканнымъ языкомъ; но здѣсь это случается даже тогда, когда дѣло идетъ о предметахъ и понятіяхъ, касающихся повседневной жизни. Образованіе множественнаго числа именъ существительныхъ бываетъ весьма различно, смотря по тому, говорятъ ли объ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ; послѣдніе даже вовсе не имѣютъ множественнаго числа, такъ что въ языкѣ „нахуатль" приходится прибѣгать къ помощи нарѣчій: мало, много и т. п.

Но за то значеніе каждаго имени существительнаго можетъ быть измѣнено съ помощью слѣдующихъ четырехъ окончаній:—pol, заключаетъ въ себѣ понятіе о чемъ-либо преувеличенномъ или избыткѣ;—ton,—tontli означаетъ презрѣніе;—tzin,—tzintli—глубокое уваженіе; окончаніе pil служитъ для образованія уменьшительныхъ и ласкательныхъ именъ. Въ мѣстоименіяхъ нужно въ точности отличать: 1) мѣстоименія, употребляемыя отдѣльно, въ видѣ подлежащаго, которыя нерѣдко произносятся съ удареніемъ, какъ né, nehua, nehuatl (я); 2) мѣстоименія, стоящія при глаголѣ, въ качествѣ подлежащаго, ni-chihua (я дѣлаю); и 3) мѣстоименія, служащія дополненіемъ, которыя тотчасъ же слѣдуютъ за мѣстоименнымъ подлежащимъ, какъ, напр., ni-mitz-machtia — я учу тебя или въ буквальномъ переводѣ „я тебя учу". Притяжательное мѣстоименіе большею частью ставится передъ существительнымъ, къ которому относится: calli означаетъ „домъ" и обыкновенно говорятъ мой, твой и т. д. домъ; nocal, mocal, ical, tocal, amocal, incal. Глаголъ также имѣетъ свои особенности: изъявительное наклоненіе имѣетъ пять временъ; въ несложныхъ дѣйствительныхъ глаголахъ между личнымъ мѣстоимѣніемъ и корнемъ вставляется слогъ te, когда дѣйствіе относится къ одному лицу, tla, когда говорятъ о чемъ-нибудь неодушевленномъ или звѣрѣ; tetla употребляется, когда въ точности не указано дополненіе, относящееся къ глаголу. Такъ, напр., tehuiteki означаетъ „я наказалъ человѣка"; tlahuiteki—„я наказалъ животное"; tetlapopolhuia—„я простилъ", безъ указанія кого или что. Въ языкѣ „нахуатль" инкорпорируются (вставляются) нерѣдко имена, но съ отбрасываніемъ существительныхъ окончаній—tl,—tli,—li, in и т. д., какъ, напр., въ глаголѣ nicakchihua—„я башмачничаю", вставлены слова: ni=я, cactli=башмакъ и chihua=дѣлаю.

Равнымъ образомъ въ языкѣ „нахуатль" преобладаетъ особенная склонность къ образованію причастій съ помощью приставокъ и суффиксовъ. Такъ ацтеки образуютъ изъ

pohua, считать: nitlapohuatiuh, я желаю пойдти считать.
„ „ nitlapohuani, я, (есмь) привыкнувъ считать.
„ „ onitlapohuaco, я, (есмь) окончившій счетъ.

Къ этому нужно еще прибавить систему такъ называемыхъ transiciones т. е. вставокъ и приставокъ, въ видѣ мѣстоименныхъ дополненій. Въ дѣйствительныхъ глаголахъ они встрѣчаются во всѣхъ временахъ и видахъ и нерѣдко въ значительной степени увеличиваютъ слово, которое уже безъ того достигло достаточной длины и заключаетъ въ себѣ цѣлое предложеніе. Эти мѣстоименія большею частью ставятся передъ словомъ; но если встрѣчается мѣстоименіе, какъ подлежащее, то между этимъ послѣднимъ и корнемъ глагола. Такъ, напримѣръ, фраза „вы учите ее" выражается словомъ: ankinmachtia; слогъ kin есть мѣстоименное дополненіе. Этимъ же способомъ образуются страдательныя и возвратныя формы; при этомъ бываютъ всевозможныя чрезвычайно многочисленныя комбинаціи. Страдательный глаголъ образуется или посредствомъ приставляемаго къ нему слога lo, напр. nipohualo, „я буду принятъ въ разсчетъ", или съ помощью transiciones: „я буду любимъ"; nechtlazotla (они) меня любятъ, вы будете любимы: amech-tlazotla (они) васъ любятъ (Gatchet, Zwölf Sprachen aus dem Südwesten Nordamerikas, S. 9—19; ср. также Pimentel, Cuadro descriptivo y comparativo de las lenguas indigenas de Mexico, Bd. I p. 153—220).

Народы нахуатль считаютъ съ трудомъ; они не знаютъ десятичной системы и ихъ метода счисленія построена на пяти. Они считаютъ слѣдующимъ образомъ:

1 se	6 tschikuase	11 matlactlionse	16 katschullionse
2 ome	7 tschikome	12 matlactliomome	17 katschulliomome

3 yei	8 tchikuyei	13 matlactliomyei	18 katschulliomyei
4 naui	9 tchikunaui	14 matlactlionnaui	19 katchullionnaui
5 makuilli	10 motlactli	15 katschulli	20 sempoalli,

sempoallionse, sempoallinome и т. д. до 29, и тогда отсчитываютъ 30: sempoallioni matlactli, т. е. двадцать и десять. Затѣмъ продолжаютъ считать до 20+19 и доходятъ до сорока: ompoalli или 2×20. Числа втораго разряда образуютъ большія группы, 60=3×20 yeipoalli, 100=5×20 macuipoalli, 20=10×20 matlacpoalli. Такимъ образомъ мы видимъ, что основныя числа отъ 1—4 повторяются въ каждомъ ряду, а послѣ пяти цифръ слѣдуютъ четыре особыхъ наименованій. Число двадцать представляетъ для мексиканскаго индійца очень крупную цифру, въ родѣ тысячи, что показываютъ нѣкоторыя слова, какъ, напримѣръ, sempoaschuschil — многолистный символическій цвѣтокъ, sempoaltepetl—гора со многими вершинами. Если индіецъ долженъ сосчитать что либо въ умѣ, то онъ дѣлаетъ это по своему способу счисленія, и не скоро можетъ свести итогъ по десятичной системѣ, особенно когда число свыше 20. Поэтому, въ своихъ ариѳметическихъ упражненіяхъ онъ часто прибѣгаетъ къ механическимъ вспомогательнымъ средствамъ, какъ, наприм., маисовыя зерна или бобы (Sartorius, Mexico, S. 116).

Въ настоящее время языкъ нахуатль распространенъ въ мексиканскихъ штатахъ: Мексикѣ, Пуэбла, Вера-Круцъ, Оахака, Ялиско, Гверреро, Колима, Санъ-Луисъ, Табаско, Михоаканъ, Синалоа, Закатекасъ, Техуантепекъ, Тлаксќла и Дуранго, а также внѣ области республики, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сосѣднихъ свободныхъ штатовъ Гватемала и Никарагуа. Часть этой этнологической семьи жила на большихъ островахъ озера Никарагуа и переселилась впослѣдствіи на узкій перешеекъ, отдѣляющій это озеро отъ океана, и вѣроятно заняла также полосу земли, лежащую дальше къ югу, до залива Никойа. Несравненно болѣе значительная часть великой нахуатльской семьи живетъ и до сихъ поръ между Никарагуа и Гватемала, преимущественно въ нынѣшнемъ штатѣ Санъ-Сальвадоръ, гдѣ она сохранила свой древній языкъ и много изъ своихъ старыхъ обычаевъ и нравовъ. Это и есть пипилы древнихъ писателей у такъ называемаго Бальзамнаго берега. Э. Георгъ Скуайеръ, имѣвшій случай изучить ихъ на мѣстѣ, убѣдился, что ихъ языкъ, несмотря на нѣкоторыя діалектическія уклоненія, почти тождественъ съ „нахуатлемъ". Въ физическомъ отношеніи равнымъ образомъ существуютъ весьма незначительныя различія. Лицо у этихъ индійцевъ угловатое и съ болѣе суровымъ выраженіемъ, нежели у другихъ племенъ въ Гватемала и Никарагуа. Тѣлосложеніе ихъ также менѣе симметрично; цвѣтъ кожи очень темный; они вообще молчаливы и менѣе интеллигентны; женщины ниже ростомъ нежели у другихъ индійскихъ племенъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы красивыми; а подъ старость онѣ становятся крайне безобразными. (Squier, Die Staaten von Centralamerika. In deutscher Bearbeitung heraufgegeben von Karl Andree, Leipzig 1865 S. 203—204).

Среди большихъ племенъ нахуатльской семьи и въ перемѣшку съ ними встрѣчаемъ мы въ Мексикѣ многочисленныя группы мекси-

канскихъ народовъ. Къ нимъ принадлежатъ тотонакъ, къ югу отъ Пануко до Халапы и ниже у восточнаго мексиканскаго берега. Они доставляютъ куръ и всевозможные тропическіе плоды на рынокъ города Кордоба, куда являются въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ съ черными косами, фантастически обвитыми вокругъ головы, въ которыхъ вплетены небесно голубыя, красныя и желтыя ленты, и со своими поразительно красивыми, вѣчно улыбающимися дѣтьми. Изъ этихъ народовъ несомнѣнно представляютъ наибольшій интересъ отоми или хіахіу. Они считаются самымъ древнимъ народомъ въ Мексикѣ, который жилъ здѣсь до появленія толтековъ и съ незапамятныхъ временъ владѣлъ горными странами Анахуака и Михоакана до Халиско и Тлаксскалы. Въ настоящее время они населяютъ весь штатъ Михоаканъ, часть Сіерра Мадре и, преимущественно, всю эту сторону долины со всѣми группами горъ, до полпути, отъ Санъ-Хуанъ Лоціаносъ къ Цакапоакстла, и далѣе къ сѣверу, отъ Хуамантла до Цакатлана. Они встрѣчаются также на плато Пуэбла, и особенно въ области Амозокъ и Акахете, въ Зонголика, и даже въ Оризаба и Акацинго, куда они обыкновенно являются на рынокъ для продажи плодовъ. Во времена Кортеца отоми были повидимому распространены до сѣвернаго штата Тамаулипасъ.

Цвѣтъ кожи полудикихъ отоми (имя которыхъ означаетъ „бродячіе“) синевато коричневый; голова ихъ обыкновенно настолько велика, что мало или вовсе не выдѣляется отъ плечъ, что придаетъ имъ крайне забавный видъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ Сіерры они очень высокаго роста и сильные, но тѣ субъекты, которые встрѣчаются въ Оризаба, малы ростомъ, некрасивы, худощавы и выказываютъ полный упадокъ расы. Болѣе южныя группы этого народа, а именно около Цакапоакстла, дошли до совершенно дикаго состоянія, между тѣмъ какъ въ Михоаканѣ, другомъ мѣстѣ жительства ихъ племени, сохранились еще нѣкоторые слѣды прежней культуры. Но всѣ они въ высшей степени неопрятны, несмотря на крайнюю простоту національной одежды, состоящей изъ небольшой пальмовой шляпы и шерстяного коричневаго одѣяла съ дырой посрединѣ, для просовыванія головы, которое привязывается къ тѣлу поясомъ. Если при этомъ у кого либо изъ нихъ есть рубаха или панталоны, то онъ носитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они держатся на тѣлѣ и не обратятся въ совершенныя лохмотья. Ихъ жилыя хижины построены изъ камня, но по виду очень похожи на небольшія европейскія овчарни. Что же касается средствъ къ существованію, то отоми добываютъ ихъ самыми разнообразными способами. Въ Цакатланѣ они промышляютъ древеснымъ углемъ; на западѣ Хуастека они торгуютъ сассапарелью; въ Акацинго индіанки племени отоми приносятъ на рынокъ для продажи кислые яблоки и деревянистыя груши. Они рѣдко занимаются земледѣліемъ, а чаще разбоями и воровствомъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые живутъ на фермахъ (гаціендахъ), идутъ на работу только въ томъ случаѣ, если ихъ принудятъ къ этому ударами кнута, а въ свободное время промышляютъ уличнымъ разбоемъ и кражей со взломомъ. Однако, несмотря на эти несомнѣнно дурныя свойства національнаго характера, вслѣдствіе которыхъ имя ихъ сдѣлалось бранной кличкой между индійцами,—мы должны сказать въ похвалу отоми, что, въ противоположность съ мексиканскими индійцами, они хорошо обращаются съ дѣтьми,

Индійскіе типы съ улицъ Мексико.

достаточно кормятъ ихъ и вообще хорошіе семьяне. Каждый въ отдѣльности работаетъ для дома, а не только для одного себя, какъ у сосѣднихъ племенъ.

Крайне забавной кажется намъ утонченная вѣжливость, которая господствуетъ въ этомъ народѣ. Такъ, напримѣръ, грязный „отоми", едва прикрывающій свою наготу жалкими остатками панталонъ и своей „serape", спрашиваетъ на рынкѣ босоногую индійскую торговку, одѣтую въ лохмотья: „какъ вы почивали, дона Луиза? здоровы ли ваши дѣти и что подѣлываетъ вашъ супругъ? Довольны ли вы своими курами?" Босоногая донна Луиза обстоятельно отвѣчаетъ на каждый изъ сдѣланныхъ вопросовъ; оба съ церемоннымъ низкимъ поклономъ протягиваютъ другъ другу кончики пальцевъ, и тогда уже наступаетъ ея очередь обратиться къ дону Мигуэлю съ соотвѣтственными вопросами. Только по окончаніи этой процедуры онъ считаетъ приличнымъ спросить донну Луизу о цѣнѣ товаровъ, выставленныхъ ею на продажу. Если покупатель или торговецъ люди болѣе достаточные и на нихъ кожанные штаны или куртка, то они обращаются другъ къ другу, не только съ титуломъ senõr и don, но прямо пускаютъ въ ходъ эпитетъ caballero.

Отоми представляютъ особый интересъ для этнолога вслѣдствіе спора, который возникъ по поводу ихъ языка, одного изъ наиболѣе распространенныхъ въ Мексикѣ. Эммануэль Нахера, принимая во вниманіе конструкцію языка отоми, въ которомъ много твердыхъ звуковъ, отождествляетъ его съ изолированными односложными языками, такъ что на основаніи этого взгляда его можно было бы считать однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ исключеній среди агглютинирующихъ idiомовъ Америки (Naxera, Disertacion sobre la lenguà othomi. Mexiko 1845). Хотя этотъ взглядъ весьма распространенъ между учеными; но Бушманъ находитъ его совершенно ошибочнымъ. (См. Zeitschrift der Gesellsch. f; Erdk. zu Berlin, Bd. I S 403—498), Одно несомнѣнно, что „hia-hiu" или „nhian-hiu", какъ отоми называютъ свой языкъ, отличается обиліемъ твердыхъ и глухихъ звуковъ, трудно выговаривается и непріятенъ для слуха. (Guillemin-Farayre въ Arch. de la Comm. sicent. de Mexique, Vol. III p. 453). Буквы f и l совершенно отсутствуютъ. По мнѣнію Гумезиндо Мендоза языкъ отоми можетъ служить образчикомъ того, какъ произошли слова въ первоначальныхъ языкахъ, и примѣромъ образованія idiомовъ у первобытныхъ расъ. (Boletin de la sociedad de geografia y estadistica, 1872); при этомъ особенно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ языкѣ отоми есть особыя слова для выраженія отвлеченныхъ понятій. Отрасль его составляетъ языкъ мацахуи, на которомъ говорятъ мацатеки на сѣверо западѣ Мексики.

Къ мексиканскимъ первобытнымъ народамъ принадлежитъ тараски, туземное населеніе штата Михоакана, языкъ которыхъ отличается благозвучіемъ и обиліемъ гласныхъ, такъ что въ этомъ отношеніи весьма немногіе индійскіе idiомы превосходятъ его. (Pimentel, Cuadro descriptivo, Vol. I p. p. 260—316). По Фр. Миллеру, сюда-же вѣроятно нужно причислить такъ называемые „чичимекскіе" народы, живущіе къ сѣверу отъ отоми, а именно: гвичола, кацканъ, гва-

чичиль (guachichil), гвамаре, меко, паме и т. д. Далѣе, къ югу, живутъ также значительныя отрасли древняго населенія, которыя, подобно большинству мексиканскихъ индійцевъ, болѣе или менѣе подверглись испанскому вліянію. Изъ этихъ народовъ самый важный— миштеки, въ области Миштека, на западъ отъ Акатлана, у Ріо Наска до Тututепека, у Великаго океана; они занимаютъ также части штатовъ: Пуэбла, Оацака и Гверреро.

Изъ всѣхъ мексиканскихъ индійцевъ миштеки всего больше стали походить на испанцевъ, мужчины и женщины говорятъ очень бѣгло по испански, хотя съ крайне своеобразнымъ удареніемъ на r, такъ что по этому ихъ тотчасъ же можно узнать изъ тысячи человѣкъ. Ихъ собственный языкъ, — самымъ важнымъ діалектомъ котораго нужно считать тепускуланскій — на западѣ смѣшанъ съ ацтекскимъ, а на востокѣ съ запотекскимъ, и это смѣшеніе не ограничивается однимъ языкомъ. Нѣкто Антоніо Пасколи, собственноручныя записки котораго лежатъ передъ нами, утверждаетъ, что солдаты, прибывшіе изъ голландскихъ колоній въ Мексику, во времена имперіи, хотя „не знали ни одного слова по испански, но могли объясняться съ миштеками съ помощью малайскаго языка". Далѣе онъ сообщаетъ, что, по увѣреніямъ одного голландскаго офицера, одежда и типъ лица туземцевъ тѣ же, что у малайцевъ, только языкъ очень похожъ на яванскій; при этомъ Пасколи добавляетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ люди, „говорившіе на миштекскомъ и малайскомъ языкахъ, понимали другъ друга". Что касается меня лично, то я напрасно справлялся по всевозможнымъ источникамъ, чтобы отыскать подтвержденіе этого страннаго извѣстія. По внѣшности, миштеки особенно отличаются плоскимъ лицомъ, похожимъ на тарелку, и большой головой, что уже менѣе замѣтно въ Тепуцколула и въ безводной Сіерра де ла Пина. Около ихъ рта есть своеобразная линія, придающая страдальческое выраженіе ихъ лицамъ. Подобно ацтекамъ, они всѣ имѣютъ небольшія оконечности рукъ и ногъ; при этомъ замѣчательно, что лѣвая нога у нихъ постоянно вывернута внутрь. Цвѣтъ ихъ кожи на востокѣ свѣтло-коричневый, на западѣ темнѣе, а у тегуантепековъ почти черновато-синій. Объ ихъ характерѣ существуютъ не совсѣмъ лестные отзывы. Хотя они самые трудолюбивые земледѣльцы въ этихъ мѣстахъ, и обрабатываютъ поля плугомъ, но тѣмъ не менѣе считаются злыми и тупоголовыми. Ихъ дѣти не рѣзвятся на открытомъ воздухѣ, въ полѣ или лѣсу, какъ у другихъ индійцевъ, а цѣлый день торчатъ въ углу отцовской хижины, съ своими круглыми какъ мѣсяцъ, но вѣчно плаксивыми, лицами. Мать бьетъ ихъ не тогда, когда они заслуживаютъ этого, а по волѣ фантазіи, чтобы видѣть, какъ они будутъ выбиваться изъ ея рукъ и услышать ихъ ревъ, и она только тогда чувствуетъ себя довольной, когда толпа дѣтей разбѣгается во всѣ стороны съ отчаяннымъ воплемъ. Когда Пасколи, жившій въ ихъ хижинахъ по цѣлымъ недѣлямъ, дѣлалъ имъ замѣчанія по поводу этого, то жены миштековъ отвѣчали ему, что „онѣ ради этого выходили замужъ, и что дѣти не умираютъ отъ побоевъ, а иначе они не доставляютъ никакого удовольствія и ихъ все-таки нужно кормить".

На сѣверовостокѣ отъ Ооаха живутъ чинантеки (chinantecas), а къ югу отъ линіи, протянутой отъ Оахака къ Тегуантепеку, находится большое племя запотековъ, самый многочисленный и любопытный народъ изъ всѣхъ живущихъ на перешейкѣ, но о которомъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Развалины запотекскихъ построекъ близь Митла и Тегуантепека, а равно и потомки запоте-

ковъ, которые до сихъ поръ остались на своихъ старыхъ мѣстахъ жительства, служатъ доказательствомъ, что этотъ народъ нѣкогда достигъ сравнительно высокой степени культуры.

Профессоръ Рацель хвалитъ пеструю одежду женщинъ въ Тегуантепекѣ. „Кромѣ голубаго всевозможныхъ оттѣнковъ они носятъ преимущественно розоватокрасный и свѣтлозеленый цвѣта; ихъ одежда состоитъ изъ платка, привязаннаго къ таліи и почти доходящаго до земли, и куртки изъ легкой матеріи, съ короткими рукавами и съ низкимъ вырѣзомъ, не покрывающей бедра. На головѣ онѣ носятъ „мантилью“ изъ бѣлой прозрачной матеріи, тщательно сложенной въ складки, которая окаймляетъ лицо въ видѣ широкихъ брыжей и низко опускается по спинѣ и плечамъ. Здѣсь, какъ и на всемъ перешейкѣ, можно чаще встрѣтить красивыя лица и красивое тѣлосложеніе, чѣмъ гдѣ-либо въ Мексикѣ, и такъ какъ они отъ природы имѣютъ легкую и изящную походку и обладаютъ искусствомъ носить граціозно тяжести на головѣ, на одномъ плечѣ или на поднятой вверхъ ладони руки, то рыночная жизнь въ Тегуантепекѣ представляетъ крайне привлекательную картину“ (F. Ratzel, Aus Mexico. Reiseskizzen aus den Jahren 1874 и 1875. Breslau, 1878, S. 222—223). Тегуантепекскіе запотеки вообще отличаются высокимъ ростомъ и красивой наружностью; у нихъ отчасти свѣтлые волосы и цвѣтъ кожи. Черные блестящіе глаза, длинныя рѣсницы, прекрасно очерченныя брови и роскошные, нерѣдко доходящіе до земли волосы, вмѣстѣ съ правильными красивыми чертами лица придаютъ особенную привлекательность женской части населенія. У запотековъ необыкновенно развито зрѣніе; при этомъ они пользуются сильнымъ тѣлосложеніемъ, несмотря на пьянство, которое составляетъ у нихъ преобладающій порокъ. Крайне благозвучный языкъ запотековъ по фонетикѣ похожъ на итальянскій; здѣсь то-же богатство гласныхъ, слогъ gi, окончанія ini, oni и т. п. но въ діалектахъ онъ представляетъ большія мѣстныя различія. Самымъ чистымъ запотекскимъ языкомъ всегда считался запотеко дель Вале „долины“ Оахака. Наибольшія уклоненія существуютъ въ языкѣ запотековъ на перешейкѣ, которые далѣе всѣхъ живутъ отъ центра, и вслѣдствіе различныхъ расовыхъ скрещиваній существенно утратили свой національный характеръ („О запотекскомъ языкѣ“ см. Pimentel, Cuadro descriptivo, vol. I, p. 319—360). По словамъ Пасколи, сапотеки говорятъ однимъ языкомъ съ тотонаками, только съ незначительными діалектическими различіями; но мы считаемъ это мнѣніе неосновательнымъ. Запотеки и тотонаки два различныхъ народа, говорящіе на разныхъ идіомахъ. Тотъ-же наблюдатель хвалитъ ихъ подвижность и умъ; пятилѣтній мальчикъ почти такъ же разсудителенъ, какъ взрослый, что придаетъ ему нѣчто старчески разумное. Мужчины носятъ тонкія, снѣжнобѣлыя рубахи изъ бумажной ткани, красиво вышитыя на груди, кожаный поясъ, затѣмъ „machete“ (короткій ножъ, употребляемый даже для обработки полей) на лѣвомъ плечѣ и просторныя панталоны, обшитыя внизу кружевами и широкимъ позументомъ, которыя они большею частью засучиваютъ. Шляпы свои они покупаютъ готовыми и надѣваютъ ихъ только въ торжественныхъ случаяхъ и въ городѣ, а въ обыкновенное время ходятъ съ непокрытой головой, въ противоположность другимъ мексиканскимъ индійцамъ, которые очень чувствительны къ солнечнымъ лучамъ. Женщины сами изготовляютъ себѣ одежду изъ хлопка, посаженнаго и воздѣланнаго ихъ мужьями. Ихъ ткацкіе станки очень своеобразны; онѣ работаютъ на нихъ сидя на землѣ и дѣйствуя одновременно руками и ногами. Въ прохладной Сіерра запотеки носятъ болѣе плотныя матеріи. Они искусные, но не страстные охотники. На ряду съ хлопкомъ они воздѣлываютъ рисъ, табакъ, бананы и сахарный тростникъ, а въ горахъ добываютъ каменную соль, которую доставляютъ въ Оахака. Для крошки сахарнаго тростника служитъ мельница, сдѣланная изъ пасленоваго дерева, твер-

даго какъ мраморъ, которая состоитъ изъ трехъ цилиндровъ съ зубцами и приводится въ движеніе руками людей или мулами. Пища запотековъ главнымъ образомъ состоитъ изъ маиса приготовленнаго въ видѣ „tortillas“; но они также ѣдятъ мясо, жареное на угольяхъ или вареное въ испанскомъ перечномъ сокѣ. Любимые конфекты „bemoll“ изготовляются изъ маиса и тропическихъ плодовъ. Коричневая патока, добываемая ими изъ сахарнаго тростника, идетъ въ продажу; но они также изготовляютъ изъ нея и ананаса очень вкусный напитокъ; равнымъ образомъ недуренъ лимонадъ изъ риса, сахара и корня „zarzamora“; кромѣ того они дѣлаютъ изъ патоки крѣпкій и очень прозрачный ромъ „michique“.

Женитьба сопряжена у запотековъ съ извѣстными затрудненіями. Сватающійся женихъ долженъ не только заручиться согласіемъ невѣсты и ея родителей, но и всѣхъ живущихъ съ нею сестеръ. Онъ долженъ подарить невѣстѣ красивыя и драгоцѣнныя вещи; затѣмъ обязанъ снабжать говядиной всю ея семью въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ или даже года, а передъ свадьбой заплатить будущей тещѣ 80—200 pesos duros. Если невѣста по прошествіи нѣкотораго времени или черезъ годъ возвращаетъ жениху его подарки, то доставленное имъ мясо и деньги потеряны; свадьба разстраивается и отвергнутый искатель руки съ горя убиваетъ отца дѣвушки. Бразды домашняго правленія въ рукахъ жены. Супружеская вѣрность никогда не бываетъ нарушена; но вдовы пользуются всѣми привиллегіями полной эмансипаціи. Если дѣвушка вступитъ съ кѣмъ-нибудь въ сожительство до брака и у ней родится ребенокъ, то родители обоихъ виновныхъ выгоняютъ ихъ изъ своего дома и они должны идти въ услуженіе къ чужимъ людямъ. Если въ продолженіе трехъ лѣтъ не случится новаго несчастья, то родные большею частью даютъ имъ средства для обзаведенія небольшого хозяйства. Запотеки въ высшей степени спокойнаго темперамента; очень дружелюбно относятся къ чужеземцамъ; но презираютъ и ненавидятъ мексиканцевъ, особенно хищныхъ отоми, которымъ не оказываютъ ни малѣйшаго гостепріимства и даже при случаѣ убиваютъ ихъ. Ихъ безусловная честность, доведенная до педантизма, вошла въ пословицу; у нихъ никогда не бываетъ ни воровства, ни разбоевъ. Но при этомъ они крайне недовѣрчиво относятся къ людямъ, которыхъ не знаютъ, и даже среди своего племени отецъ и сынъ ведутъ отдѣльныя хозяйства, какъ только мальчикъ въ состояніи самъ добыть себѣ дровъ изъ лѣсу. Во время жатвы доля каждаго въ точности вычислена и опредѣлена и, если у кого не хватитъ маиса до срока, тотъ остается безъ ѣды; даже сигару они даютъ другъ другу, не иначе какъ заимообразно. Мужчины рѣдко живутъ долѣе 65-лѣтняго возраста; но женщины 100—110 лѣтъ не составляютъ рѣдкости, и Паскали самъ видѣлъ старуху, которая прошла пѣшкомъ болѣе 30 км., чтобы явиться на судъ въ качествѣ свидѣтельницы, гдѣ она совершенно бодро дала свои показанія. Только бѣлые какъ известь волосы свидѣтельствовали объ ея преклонныхъ лѣтахъ.

Послѣднюю и самую южную группу мексиканскихъ первобытныхъ народовъ составляютъ цокве и михе (михесъ), живущіе на границѣ Чіапаса и Табаско. Оба племени лингвистически находятся между собой въ близкомъ сродствѣ, какъ доказалъ Германъ Берендтъ, сравнивъ языкъ цокве въ Табаско съ пополука въ Вера-Круцѣ, изъ которыхъ послѣдній не болѣе какъ діалектъ михе, или извращенный михе. Замѣтимъ кстати, что названіе „пополука“ встрѣчается въ различныхъ мѣстностяхъ Мексики и Центральной Америки для обозначенія разныхъ племенъ и языковъ, но всегда по сосѣдству съ язы-

комъ „нагуатль“. Сравненіе числительныхъ именъ цокве и михе приводитъ къ весьма вѣроятной догадкѣ, что оба принадлежатъ къ одному разряду языковъ, гдѣ, какъ и въ „нагуатлѣ“, строго проведена вигезимальная система съ дѣленіемъ по пяткамъ (пятидвадцатичная система). Оба языка цокве и михе прежде всего образуютъ отдѣльное семейство, отношеніе котораго къ другимъ группамъ языковъ только тогда можетъ быть опредѣлено, когда будутъ больше извѣстны остальные идіомы страны. Индійцы цокве и михе горные народы, которые преимущественно живутъ въ болѣе высокихъ частяхъ центральныхъ горъ. Цокве распространены на границѣ штатовъ Табаско и Чіапаса и занимаютъ значительную часть послѣдняго штата и нѣсколько деревень въ равнинѣ Табаско и по окраинамъ береговыхъ лагунъ Тегуантепека въ штатѣ Оахака. Народъ михе живетъ на западѣ того же горнаго кряжа въ Оахака. Деревни, лежащія ближе къ горной массѣ, пересѣкающей перешеекъ, находятся въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ бѣлыми, метисами и запотеками, особенно въ городахъ Тегуантепекѣ и Юхитанѣ, нежели съ своими соплеменниками. Вслѣдствіе этого здѣсь менѣе чистой крови и жители болѣе приближаются къ нравамъ и образу жизни остального населенія (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1873, S. 147—148). Статные михе отличаются силой, смѣлостью и дѣятельностью; носятъ бороды; но имѣютъ отталкивающія черты лица. Цокве очень похожи на нихъ; лица ихъ настолько же прогнатичны и некрасивы; но они повидимому обладаютъ еще большей физической силой. Михе, нѣкогда самый могущественный народъ южной Мексики, выдѣляются по мужеству, трудолюбію и благосостоянію изъ массы болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ народныхъ остатковъ, которые укрываются на перешейкѣ. Они занимаются разведеніемъ муловъ, рогатаго скота и лошадей, и даже пріобрѣли извѣстность въ этомъ отношеніи. Рацель сообщаетъ о своеобразномъ обычаѣ, существующемъ въ одной изъ деревень михе, а именно, каждый годъ который-либо изъ юношей посвящаетъ себя Дѣвѣ Маріи, носитъ ея образъ въ процессіяхъ, прислуживаетъ во время торжественныхъ обѣденъ, и при этомъ избавленъ отъ всякихъ деревенскихъ повинностей. Но въ продолженіе всего этого года онъ не долженъ имѣть никакихъ сношеній ни съ одной женщиной или дѣвушкой; если онъ нарушитъ обѣтъ, то долженъ умереть въ непродолжительномъ времени. Этотъ обычай, быть можетъ, не болѣе какъ остатокъ древнихъ запотекскихъ нравовъ, по которымъ всѣ жрецы были оскоплены. Такимъ образомъ, мы видимъ, что собственно на перешейкѣ сохранились многіе языческіе обычаи (Ratzel, Aus Mexiko, S. 203.

Въ заключеніе этой главы, считаю необходимымъ упомянуть еще о своеобразныхъ Jndios pintos, живущихъ въ окрестностяхъ Акапулко у Тихаго Океана, а также въ штатѣ Пуэбла, гдѣ онъ граничитъ съ

Гуерреро. Здѣсь, на ограниченномъ пространствѣ, въ горахъ, живетъ незначительная толпа ихъ въ 8,000 душъ. Свое прозвище „пятнистыхъ" индійцевъ они получили вслѣдствіе того, что ихъ коричнево голубоватая кожа дѣйствительно испещрена неправильными бѣлыми пятнами. Эти пятна, на которыхъ кожа какъ бы покрыта струпьями, происходятъ не отъ болѣзни, такъ какъ дѣти родятся съ ними. Пасколи посѣтилъ деревню этихъ pintos, состоящую изъ маленькихъ каменныхъ домовъ, похожихъ на свиные хлѣвы; и къ своему удивленію увидѣлъ выходившихъ оттуда пѣгихъ мужчихъ, женщинъ и дѣтей, которые всѣ по возможности избѣгали близости съ бѣлыми. Во времена имперіи, Діего Альваресъ, по произванію „Южная Пантера", былъ изъ числа этихъ „пятнистыхъ" индійцевъ.

ЖИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

Во времена открытія Америки, въ мексиканскомъ штатѣ Тамаулипасъ, испанцы нашли у рѣки Пàнуко, вливающейся въ море, близъ Тампико, цѣлую колонію или отрасль большой народной семьи, которая подъ именемъ майа, цендаль, качикуэль, квичé, занимала полуостровъ Юкатанъ, а равно и весь Чіапасъ и Гватемалу. Это были такъ называемые гуастеки; происхожденіе ихъ намъ совершенно неизвѣстно; но тѣмъ не менѣе они говорятъ языкомъ, который достаточно ясно показываетъ, что они должны быть причислены къ народамъ Центральной Америки. (Объ ихъ языкѣ см. Pimentel Cuadro descriptivo Bd. I, p. 3—34 и Marcello Alejandre; Noticia de lengua huasteca въ Boletin de la Sociedad de geografia y estadistica de la republica mexicana 1870, p. 738—790). Главный народъ этого племени майа; въ настоящее время они всѣ католики и земледѣльцы; живутъ въ сѣверномъ Юкатанѣ, гдѣ встрѣчаются многочисленныя и грандіозныя развалины городовъ, съ храмами, дворцами и статуями, которыя своимъ великолѣпіемъ превосходятъ все, что было найдено въ этомъ родѣ въ Америкѣ. Развалины эти служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ высокой степени цивилизаціи, какой достигли майа еще до открытія Америки Колумбомъ, потому что они несомнѣнно занимали эту полосу земли задолго до вторженія толтеко-ацтекскихъ народовъ. Такимъ образомъ, мы находимъ почти невѣроятнымъ, чтобы майа были толтекскаго происхожденія, какъ хочетъ доказать это почтенный изслѣдователь древностей Юкатана, донъ Кресценсіо Карилло (Estudio historico sobre la raza indigena de Yucatan. Verakruz 1865, p. 10), хотя повидимому толтеки положили начало цивилизаціи

во всѣхъ частяхъ Центральной Америки и способствовали ея дальнѣйшему развитію.

Подобно всей Центральной Америкѣ, Юкатанъ, кажется, былъ также мѣстомъ переселенія многочисленныхъ народовъ; въ болѣе раннюю эпоху здѣсь, вѣроятно, были краснокожіе, которые, безъ всякаго политическаго дѣленія, жили семьями въ видѣ отдѣльныхъ группъ и питались охотой и рыбной ловлей. Затѣмъ, согласно преданію, неожиданно явилась съ запада толпа чужеземцевъ подъ предводительствомъ Цамна, которому приписываютъ изобрѣтеніе графическихъ искусствъ; онъ также считается основателемъ цивилизаціи, существующей на полуостровѣ. Во время его прибытія въ эти страны, тутъ господствовалъ языкъ „майа"; именемъ майа (т. е. безводная земля) называлась не только данная мѣстность, но и ея обитатели. Въ сосѣднихъ земляхъ, какъ, напр., въ Чіапасѣ, преимущественно употреблялся языкъ цендаль, на которомъ и теперь говорятъ жители. Одинъ изъ этихъ языковъ несомнѣнно происходитъ отъ другого, подобно большинству центрально-американскихъ нарѣчій, которыя вообще представляютъ большое сходство съ „майа". Тѣмъ не менѣе послѣдній считается древнѣйшимъ идіомомъ этихъ странъ; около него группируются языки квичé, цутугиль, качиквель, покоманъ, лакандонъ, маме и т. п., которые были распространены въ нынѣшнихъ земляхъ Гватемала, Табаско, Чіапасъ и, вѣроятно, въ Соконуско и небольшой части Гондураса (Squier, Monograph of the author who have written on the languages of Central-America. London 1861, p. IX). Старшинство „майа" убѣждаетъ насъ въ глубокой древности народовъ, говорившихъ этимъ языкомъ. Дѣйствительно Юкатанъ былъ, повидимому, древнѣйшимъ пунктомъ американской культуры, и эпоха, въ которую Цамна положилъ основаніе новой цивилизаціи среди туземныхъ расъ Юкатана, несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности. Цамна пользуется славой могучаго богатыря, который происходитъ отъ боговъ и творитъ чудеса, подобно мексиканскому Квецалькогуатлю; онъ считался у народовъ „майа" подателемъ плодородія, и его символъ встрѣчается на всѣхъ развалинахъ, разсѣянныхъ въ странѣ. Послѣ смерти Цамна, на его могилѣ воздвигнута была колоссальная пирамидальная постройка и вокругъ нея основанъ Ицамаль, древнѣйшій изъ городовъ Юкатана. Подобное же преданіе приписываетъ основаніе города Майапана таинственной личности Кукулькану, имя котораго не болѣе какъ переведенное на языкъ майа названіе мексиканскаго Квецалькогуатля. Послѣ смерти Кукулькана, высшее сословіе народа избрало короля изъ рода Кокомъ. Хотя достовѣрно неизвѣстно, но мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что эта династія распространила свое могущество на весь полуостровъ. Во времена ея господства явились, въ качествѣ проповѣдниковъ новаго ученія, три брата Ица; они водворились въ городѣ Чихенѣ и захватили правленіе въ свои руки; но опять скоро потеряли его. Государство Майапанъ наслаждалось глубокимъ спокойствіемъ, когда наступилъ періодъ общаго переселенія, который потрясъ до корня американскую государственную жизнь. Въ пятомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія, толтекское племя Тутулъ-Хіу, проникнувъ далѣе другихъ въ глубь страны, приблизилось къ границамъ Майапана; но только двѣсти лѣтъ спустя, а именно 700—761 г. по Р. Х., мы находимъ въ Бакгалалѣ толтекскихъ князей, облеченныхъ королевскою властью, которые, послѣ низверженія Ица, перенесли свою резиденцію въ Чиченъ (Brasseur de Bourbourg, Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique centrale. Paris, 1857, Vol. II, liv. V, chap. I; затѣмъ того же автора: Essai historique sur le Yucatan въ Arch. de la Commscient, du Mexique. Vol. II, p. 18—64). Въ Юкатанѣ, странѣ, съ тропическимъ климатомъ, известковой почвой и немногими незначительными системами рѣкъ, уже со времени основанія города Ицамаля процвѣтала богатая культура, и нигдѣ мы

не находимъ болѣе важныхъ и многочисленныхъ доказательствъ ея существованія, какъ именно здѣсь. Старый свѣтъ можетъ представить весьма немногіе остатки древней жизни, которые, по великолѣпію, разнообразію и богатству, превосходили бы развалины Чиченъ-Ица, Уцмаля, Тигбо Текаца, Майапана и многихъ другихъ мѣстъ. Число разрушенныхъ древнеамериканскихъ городовъ, найденныхъ въ этой малоизвѣстной и едва посѣщаемой странѣ, доходитъ до 54. Всѣ они были зарыты въ землѣ, пока Стефенсъ не открылъ ихъ изъ праха столѣтій (Incidents of travel in Yucatan. New-York 1843, 2 Bde). Catherwood (Views of ancient monuments in Central-America, Chiapas and Yucatan with explanatory text. London 1844) и Norman (Rambles in Yucatan. Philadelphia 1849). Видъ міра развалинъ Чиченъ-Ица производитъ потрясающее впечатлѣніе; здѣсь все какъ будто замерло по мановенію духа разрушенія; все тихо и безмолвно. Ни одинъ изъ народовъ, создавшихъ это грандіозное великолѣпіе, не дожилъ до настоящаго времени; нынѣшніе обитатели страны, юкатанскіе индійцы, мрачные и молчаливые, съ гордой осанкой, полной сознанія собственнаго достоинства, какъ-бы оплакиваютъ до сихъ поръ похищенную у нихъ свободу и свое утраченное величіе. Развалины Чичена расположены на равнинѣ, занимающей пространство въ нѣсколько миль, которая отдалена отъ берега болѣе чѣмъ на 150 км. и находится внѣ всякаго водяного сообщенія. Здѣсь мы не находимъ такъ называемой „правильности“ нашихъ городовъ, и поэтому нѣтъ проложенныхъ дорогъ или улицъ; въ недалекомъ разстояніи отъ бывшаго храма и немного южнѣе его возвышается пирамида. Подобно тому какъ въ Римѣ и Перу цѣломудренныя весталки поддерживали вѣчный огонь въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ дворцовъ; бывшій большой циркъ, по мнѣнію французскаго изслѣдователя Шарнея, служилъ помѣщеніемъ для общественнаго учрежденія, похожаго на гимназію, гдѣ происходили физическія упражненія.

Блестящіе остатки прежней культуры всего болѣе сохранились въ Уцмалѣ, основанной, по мнѣнію ученыхъ, около 870—894 г. по Р. Х. Тутъ также воздвигнута колоссальная пирамидная постройка. Въ сѣверо-западной части страны тянется цѣлый рядъ развалинъ отъ города до города, а на востокѣ еще во времена испанскихъ открытій стояли великолѣпныя зданія на заброшенномъ островѣ Козумалѣ, гдѣ было много священныхъ мѣстъ, къ которымъ стекались толпы народа для поклоненія. Дороги, приблизительно на метръ, поднятыя надъ почвой, какъ въ Мексикѣ и Перу, и вымощенныя камнями съ вязкимъ цементомъ, проложены по всему острову, а равно и на Юкатанскомъ материкѣ.

На площадкѣ пирамидъ обыкновенно возвышаются храмы, къ которымъ вели высокія ступени. Грубая каменная постройка состояла изъ неотесанныхъ камней, связанныхъ цементомъ, секретъ изготовленія котораго принадлежалъ первымъ жителямъ Юкатана. Такая же цементная штукатурка покрывала стѣны; на ней нерѣдко была декоративная живопись и барельефы. „Sacellum“, или маленькая капелла, стоявшая на вершинѣ пирамидъ, была сооружена изъ широкихъ каменныхъ плитъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ вырѣзаны гіератическія письмена. Дворцы, жилища жрецовъ и дѣвъ, посвященныхъ богу солнца, большею частью находились по близости храма и были построены на такихъ же пирамидальныхъ коническихъ фундаментахъ; они состояли изъ множества одноэтажныхъ строеній и были раздѣлены на кельи, въ которыя свѣтъ проникалъ только изъ дверей. При первомъ взглядѣ на юкатанскіе памятники можно видѣть то особенное предпочтеніе, какое оказывалъ этотъ народъ къ формѣ правильнаго четыреугольника; круглыя сооруженія, какъ, напр., могила въ Майапанѣ, составляютъ рѣдкость. Четыреугольникъ встрѣчается даже въ малѣйшихъ деталяхъ; двери были четыреугольныя, кровли плоскія, такъ что все зданіе имѣло четыреугольный видъ; сводъ, а равно и окна,

повидимому, были неизвѣстны въ Сѣверной Америкѣ. Даже въ орнаментаціи отдано предпочтеніе четыреугольнымъ формамъ, которыя соблюдены не только въ фризахъ, но и корнизѣ; и даже богатые по фигурамъ іероглифы окаймлены четыреугольными рамками.

Что касается остальныхъ условій культуры Юкатана, то наши свѣдѣнія въ высшей степени ограничены. Кромѣ множества построекъ, которыя въ своемъ однообразномъ великолѣпіи разсѣяны по всему острову, мы не имѣемъ никакихъ источниковъ, изъ которыхъ мы могли бы составить себѣ понятіе объ умственной жизни этого творческаго народа. Наши знанія ограничиваются скудными данными объ его культурѣ, календарѣ и письменныхъ знакахъ. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народомъ, античная образованность котораго требуетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Къ народу майа принадлежатъ, какъ сказано выше, цендалы въ Чіапасѣ, языкъ которыхъ не болѣе какъ діалектъ майа. Изъ ихъ остальныхъ родичей мы назовемъ качиквель (Cakchiquel); ихъ идіомъ составляетъ собственно такъ называемый „гватемальтекскій" языкъ, потому что на немъ гововили въ государствѣ, столицей котораго былъ Текпанъ-Кваугтемала. Этотъ народъ равнымъ образомъ достигъ высокой степени развитія въ искусствѣ, какъ показываютъ многочисленныя развалины, разбросанныя въ лѣсахъ, и, между прочимъ, знаменитыя постройки Паленкве. Сюда-же принадлежатъ, какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, индійцы квиче или цутугиль въ Гватемалѣ, покончи и чорти (chorti), которыхъ языки одного происхожденія съ майа; затѣмъ лакандоны, ниже озера Петенъ, вмѣстѣ съ живущими на юго-востокѣ мопанами и чоль (chol). Всѣ эти индійцы, сравнительно со своимъ прежнимъ величіемъ, находятся въ жалкомъ состояніи упадка; хотя они христіане и большинство владѣетъ испанскимъ языкомъ, но въ настоящее время ихъ вообще можно назвать только на половину или очень мало цивилизованными, а по наружному виду едва-ли можно найдти что либо безобразнѣе этихъ коричневыхъ людей.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ короткихъ, невообразимо грязныхъ, панталонъ, рубахи и обыкновенной соломенной шляпы. Многіе вовсе не имѣютъ рубахъ, и у нихъ грудь, спина, руки и ноги совершенно обнажены. Они носятъ тяжести на широкой тесьмѣ, наложенной на лобъ. Въ этомъ видѣ они или шагаютъ по городу гусинымъ шагомъ, или бѣгутъ рысью, всегда партіями отъ шести до двѣнадцати человѣкъ, съ женами и дѣтьми. Нерѣдко нагруженный этимъ способомъ индіецъ гонитъ передъ собой двухъ или трехъ навьюченныхъ муловъ. Индіецъ въ состояніи нести на себѣ половину ноши мула, и при этомъ на значительныхъ разстояніяхъ.

Женщины носятъ тяжести на головѣ. Ихъ одежда, а равно и дѣвушекъ, состоитъ изъ куска пестрой и грубой шерстяной матеріи, обвитой вокругъ бедеръ и доходящей до колѣнъ, которая привязывается къ таліи шарфомъ, сверхъ рубашки. Дѣти до десятилѣтняго возраста, особенно внутри страны, ходятъ совершенно нагіе. Нельзя не удивляться при видѣ тѣхъ тяжестей, какія индіецъ несетъ на плечахъ. На короткомъ разстояніи онъ часто тащитъ ношу болѣе чѣмъ въ три центнера, а если тяжесть не превышаетъ двухъ центнеровъ, то безостановочно бѣжитъ съ нею въ столицу, несмотря на далекое разстояніе. Но при этомъ руки индійца поразительно безсильны. Онъ

чувствуетъ непреодолимое отвращеніе къ одеждѣ, всякой трудной или, вѣрнѣе сказать, усидчивой работѣ, а также къ употребленію мыла. Лицо его, несмотря на чрезвычайно развитыя скулы, имѣетъ своего рода привлекательность, благодаря темнымъ кроткимъ глазамъ, съ робкимъ и смиреннымъ выраженіемъ. Но это благопріятное впечатлѣніе нарушается косматыми волосами, которые висятъ со лба грязными черными прядями; у женщинъ они большею частью заплетены въ косы (H. Polakowsky, im Ausland 1876, S. 606). Многіе индійцы изготовляютъ изъ желѣзистой глины сосуды, кувшины для воды и т. п., и странствуютъ съ ними по странѣ, сбывая свой товаръ за безцѣнокъ. Иногда они проходятъ такимъ образомъ значительныя пространства и даже посѣщаютъ Санъ Мигуэль и Санъ Сальвадоръ. Эти пористые глиняные сосуды особенно хороши для воды, которая, благодаря просачиванію, остается постоянно холодной и свѣжей.

Полоса земли отъ Гондураса до Даріенскаго залива, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нагуатльскихъ народовъ, занята племенами, которыя не представляютъ никакой связи съ предъидущими. Между собой они также повидимому не имѣютъ особенно близкаго сродства, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже удалось соединить въ отдѣльныя группы, а при дальнѣйшемъ изученіи возможно будетъ сдѣлать это и относительно другихъ племенъ.

Эти нецивилизованныя племена, начиная отъ Гондураса и Никарагуа, живутъ на атлантическихъ склонахъ центральныхъ горъ до береговыхъ равнинъ; на востокѣ граница ихъ доходитъ до Москито, на западѣ и юго-западѣ—до Чорти и Чонталя. Древнѣйшія, а равно и болѣе новые авторы обозначаютъ ихъ безчисленнымъ количествомъ именъ, хотя о многихъ изъ нихъ мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній, кромѣ названій. Въ отчетахъ о миссіонерскихъ экспедиціяхъ семнадцатаго и восемьнадцатаго вѣка мы встрѣчаемъ названія ксикакве и пойа, которыя случайно или преднамѣренно употребляются въ собирательномъ смыслѣ, для обозначенія туземныхъ народовъ. Мы не имѣемъ никакихъ лингвистическихъ данныхъ, относящихся къ этому времени; но тѣмъ не менѣе упоминается о языкѣ ленка, которымъ говорили ксикакве или сосѣднія съ ними племена. Въ новѣйшее время эти страны, начиная съ восточнаго берега, были изслѣдованы европейскими путешественниками, которымъ мы обязаны нѣсколькими новыми названіями индійскихъ племенъ. Въ Гондурасѣ живутъ слившіеся между собой ксикакве и пойа во многихъ большихъ деревняхъ департаментовъ Іоро и Оланхо; также пойа у рѣкъ Тинто и Патука; далѣе секо у Тинто и тоака близъ Патука. Въ Никарагуа распространены племена: пантасмо, коко, ванки (Wankees) у Кокосовой рѣки, твака у рѣки того-же имени, тумбла близъ Тоонгла, пойа (или bulbul), сова, монтецана, сива у Ріо Гранде, вульва (или „uluas", также „micos"), карча (carcha) и сиквіа у притоковъ рѣки Бльюфильдъ, и рама (или „melchoro") и кукра у рѣкъ тѣхъ-же названій. Нѣмецкій лингвистъ, д-ръ Берендтъ, причисляетъ сюда-же индійцевъ парраста, въ горахъ Ловигвиска, и субирана — въ

окресностяхъ Камоапа; оба эти народа разсѣяны въ департаментѣ Чонталесъ и до сихъ поръ ни кѣмъ не описаны. Многія изъ этихъ названій прежнія; другія имѣютъ только мѣстное значеніе. Въ новѣйшее время жители Никарагуа прозвали ихъ караибами. Названіе это повидимому заимствовано отъ караибовъ Санъ Винцента, привезенныхъ англичанами въ Гондурасъ въ 1796 году, и нѣтъ никакого основанія отождествлять здѣшнія племена съ караибами Малыхъ Антильскихъ острововъ и Южной Америки и съ коровичи или коробичи, которыхъ испанцы 350 лѣтъ передъ тѣмъ нашли въ единственномъ пунктѣ южно-океаническаго берега нынѣшней Костарики. Послѣдніе говорили особымъ языкомъ; позднѣйшія извѣстія вовсе не упоминаютъ о нихъ. Белль и Джонъ Коллинсонъ называютъ также караибовъ Гондураса сму (smoos). Что же касается языковъ вышеназванныхъ племенъ, которыхъ Берендтъ, по недостатку болѣе подходящаго собирательнаго имени, называетъ индійцами паленкве, то по существующимъ небольшимъ словарямъ извѣстно только два изъ нихъ, къ тому же весьма поверхностно, а именно „ксикакве“ въ Гондурасѣ и языкъ „вульва“ въ Никарагуа; между ними нѣтъ никакого сродства.

Во времена открытія Америки эти индійцы, въ смыслѣ образованности, стояли далеко ниже квиче, качиквель, майа и нагуатль, занимавшихъ плоскія возвышенности Гватемалы, Санъ Сальвадора и западную часть Костарики. Но въ то же время, по своему умственному развитію, они въ значительной степени опередили бродячія племена рыболововъ на обширномъ побережьи Караибскаго моря, которое теперь извѣстно подъ именемъ Москитскаго берега. Племена ксикакве и пайа отчасти приняли католическую вѣру и живутъ въ мирномъ сосѣдствѣ и въ наилучшихъ отношеніяхъ съ бѣлыми. Кромѣ этихъ племенъ есть еще много другихъ, которыя живутъ въ горахъ и большею частью придерживаются прежняго образа жизни. Но и они живутъ въ мирѣ съ испанцами и относятся къ нимъ совершенно дружелюбно. Такимъ образомъ, мы не должны представлять себѣ индійца Гондураса похожимъ на его сѣвернаго собрата; онъ не отягощенъ пестрыми перьями и скальпированными черепами, и большею частью ничто иное, какъ миролюбивый крестьянинъ. Тоака или тавка и секо вѣроятно принадлежатъ къ пайа, которые, по описанію Юнга, имѣютъ длинные падающіе по плечамъ волосы, очень широкое лицо и маленькіе глаза съ своеобразнымъ выраженіемъ печали и понятливости, располагающимъ въ ихъ пользу. Они также могутъ носить на себѣ поразительно тяжелыя ноши; вообще отличаются вѣрностью и честностью; но при этомъ имѣютъ большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ. Они приносятъ для продажи на рынокъ сассапарель, какао, индійскій перецъ, хлѣбъ, птицу и взамѣнъ этого пріобрѣтаютъ желѣзные котлы, ножи, порохъ, дробь, бусы и т. п. Они кроткаго и добродушнаго характера, трудолюбивы и искусны въ изготовленіи „kinkura“, родъ очень красиваго сукна изъ дикаго хлопчатника. Хотя они преданы самымъ грубымъ суевѣріямъ и такъ же часто какъ прежде справляютъ свои языческія празднества, но ихъ прежняя дикость исчезла. Теперь это самая смирная и миролюбивая порода людей, которые въ своихъ немногихъ промыслахъ проявляютъ замѣчательную смѣтливость и остроуміе, въ чемъ они нерѣдко превосходятъ европейцевъ, привыкшихъ работать съ помощью машинъ. Рядомъ съ этими встрѣчаются другіе „пайа“,

которые по умственному развитію стоятъ гораздо ниже ихъ, такъ какъ по волѣ фантазіи переходятъ съ мѣста на мѣсто, разводятъ плантаціи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возвращаются къ нимъ для сбора плодовъ. Деревни ихъ состоятъ изъ единственнаго обширнаго дома яйцевидной формы, гдѣ всѣ жители живутъ вмѣстѣ, вполнѣ патріархальнымъ способомъ, другъ возлѣ друга, въ отдѣльныхъ чистыхъ комнатахъ. Родильницы на время родовъ переходятъ въ особую хижину, построенную на подобіе бесѣдки; но черезъ нѣсколько дней опять возвращаются въ домъ и принимаются за свои разнообразныя обязанности, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ изготовленіе мѣстнаго напитка съ своеобразнымъ кислымъ вкусомъ („ulung") и хлѣба изъ кореньевъ кассады. Индійцы секо по характеру почти не отличаются отъ пайа. Тоака особенно заслуживаютъ вниманія за свое трудолюбіе и добросердечіе; они вообще представляютъ собой болѣе красивую породу людей' чѣмъ пайа и секо; говорятъ они всегда медленно и спокойно, и имѣютъ кроткій, меланхолическій видъ. Буква s слышна у нихъ чуть ли не въ каждомъ словѣ. Ихъ искусство въ изготовленіи челноковъ „dorys" и „pitpan" заслуживаетъ общее одобреніе. Наиболѣе значительное мѣсто жительства ихъ находится по близости главнаго источника рѣки Патука; они также пользуются репутаціей вѣрныхъ и честныхъ людей. Они отличные стрѣлки изъ лука, убиваютъ на лету птицъ и оказываются способными ко всему, что требуетъ догадливости и выдержки (Ausland, 1871, S. 477—478).

Что же касается второй группы языковъ, вульва или улуа (выговаривается ульва, не улуа; чѣмъ объясняется англійское правописаніе woolwa), то, по изслѣдованію д-ра Берендта, на нихъ говоритъ большинство вышеназванныхъ племенъ; и эта группа во всякомъ случаѣ состоитъ изъ близко сродныхъ между собою языковъ. Карча и сиквіа, живущіе у рѣкъ того же имени, также говорятъ языкомъ вульва. Купцы, торгующіе каучукомъ, которымъ приходится много странствовать по здѣшнему берегу, утверждаютъ, что кукра, тумбла и мико (вульва) безъ труда понимаютъ другъ друга. Равнымъ образомъ, языкъ рама, одного изъ красивѣйшихъ племенъ, по словамъ Джона Коллинсона (Memoirs of the Anthrop. Soc. of London, Bd. III, p. 150), на столько же тождественнъ съ улуа, а также діалектъ индійцевъ бульбуль или пойа изъ Олама. По наблюденіямъ Берендта, одинъ субьектъ въ Олама, принадлежащій къ этому племени, могъ понимать индійца буль-буль; а главный инженеръ Максъ фонъ-Зонненштернъ, который объѣхалъ Кокосовую рѣку въ 1869 году, замѣтилъ, что немногіе индійцы (коко), живущіе ниже Самбоса въ Юлунгѣ, говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и пантасма. Въ небольшомъ словарѣ твака встрѣчается до 35 словъ, равнозначущія которымъ можно найдти въ языкѣ вульва; изъ нихъ одни совершенно тождественны, другіе болѣе или менѣе схожи. Наконецъ, словари индійцевъ параста и субирана, составленные Берендтомъ, показываютъ тождественность ихъ языковъ съ вульва. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ эти племена, соотвѣтственно прежнимъ указаніямъ, могутъ быть соединены въ лингвистическомъ отношеніи въ два языка или двѣ группы языковъ, и что къ племенамъ Никарагуа

должны быть причислены пойа говорящіе на различныхъ діалектахъ языка вульва.

Ванки вѣроятно тѣ же самбосъ или москито; покрайней мѣрѣ, новѣйшіе путешественники не упоминаютъ ни о какихъ другихъ племенахъ у нижняго теченія Кокосовой рѣки. Относительно языка племенъ сова, монтецана и сива нужно ожидать болѣе точныхъ изслѣдованій, а также собрать новыя данныя, чтобы убѣдиться, что пойа и твака Никарагуа тождественны по языку и происхожденію съ индійцами пайа и тоака въ Гондурасѣ.

Къ группѣ идіомовъ улуа или вульва принадлежатъ жители Москитскаго берега, называемаго теперь Британскимъ Гондурасомъ, которые, по изслѣдованіямъ Бедфорда Пима, представляютъ собой помѣсь слившихся и еще сливающихся между собой племенъ, какъ напримѣръ собственно москито, затѣмъ вульва, рама и сму, издавна поселившихся здѣсь, и, наконецъ, такъ называемыхъ караибовъ, болѣе позднихъ переселенцевъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже. Въ этой амальгамѣ племенъ нѣтъ также недостатка въ сильной примѣси негритянской крови.

Отличительнымъ признакомъ всѣхъ этихъ береговыхъ жителей служитъ заостренный, тонкій и маленькій носъ; между тѣмъ какъ у жителей внутреннихъ странъ этотъ органъ выступаетъ гораздо сильнѣе. Кромѣ того, всѣ они средняго роста, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, длинными жесткими черными волосами, съ красивыми глазами и тонкими губами. Между вульва нерѣдко можно встрѣтить необыкновенное развитіе верхней половины туловища и рукъ, тогда какъ нижнія части тѣла короткія и хилыя, что несомнѣнно происходитъ отъ ихъ постояннаго пребыванія въ лодкахъ. Пимъ много разъ и съ восторженной похвалой отзывается объ ихъ благонравіи и честности (Dottings on the roadside in Panama, Nicaragua and Mosquito by Bedford Pim and Berthold Seemann. London 1869 p. 241 — 242); онъ считаетъ особеннымъ счастьемъ, что ему удалось опровергнуть часто повторяемую этнографическую ошибку старыхъ испанцевъ, которые обвинили въ людоѣдствѣ цѣлый рядъ народностей, живущихъ у Караибскаго залива. Самъ Пимъ однажды испугался не на шутку, когда его пріятельница индіанка принесла ему на завтракъ вареное, еще совершенно неразложившееся дитя, завернутое въ банановый листъ. Но кожа была совсѣмъ бѣлая а не коричневая, какъ у дѣтей индѣйцевъ, и такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что это была маленькая обезьяна, то Пимъ не счелъ нужнымъ отказаться отъ предлагаемаго кушанья и съѣлъ его съ большимъ апетитомъ. Менѣе вкуснымъ показался ему вскипяченный горячій напитокъ изъ какао, безъ молока и сахара, но сильно приправленный испанскимъ перцемъ, прямо сорваннымъ съ дерева, такъ что одной ложки этого напитка достаточно, чтобы обжечь страшнѣйшимъ образомъ ротъ и глотку европейца. Но во всякомъ случаѣ этотъ родъ „шоколада“ былъ совершенно новый и неслыханный въ поваренномъ искусствѣ. Въ заключеніе британскій морякъ отзывается съ большой похвалой о челнокахъ туземцевъ и искусствѣ послѣднихъ въ мореплаваніи. Лодки выдолблены изъ легкаго лимоннаго или прочнаго краснаго дерева; ими управляютъ только съ помощью руля изъ какого нибудь легкаго дерева; но онѣ постоянно находятся подъ давленіемъ несоразмѣрно тяжелаго паруса, который даже изъ предосторожности не привязываютъ, а держатъ въ рукахъ. При погребеніи у нихъ

соблюдается своеобразный и, насколько намъ извѣстно, единственный въ своемъ родѣ обычай, а именно: отъ дома покойника до его могилы протягиваютъ, въ возможно прямомъ направленіи, бумажный шнурокъ, такъ что рвы и насыпи, вода и болото не составляютъ въ этомъ случаѣ препятствія. Вульва постоянно погребаютъ своихъ покойниковъ на морскомъ берегу, а надъ могилой строятъ большой навѣсъ изъ плетеной соломы, на подобіе индѣйскихъ хижинъ, и заботливо поддерживаютъ его въ цѣлости, хотя имя покойника никогда не произносится, такъ какъ это считается въ высшей степени неприличнымъ. Индійцы москито сожигаютъ все, что осталось послѣ покойника, и срубаютъ всѣ его фруктовыя деревья. Въ знакъ траура, вдова или вдовы (потому что здѣсь допускается многоженство) стригутъ свои длинные волосы. Вульва не имѣютъ ни деревень, ни отдѣльныхъ вождей, но живутъ разсѣянными группами отъ 2—3 хижинъ. Послѣднія строятся безъ стѣнъ, со всѣхъ сторонъ открыты и, благодаря плетеной крышѣ, имѣютъ очень привлекательный видъ; внутри онѣ украшены нижними челюстями мускусной свиньи и дикой собаки, а также выбѣленными скелетами большихъ рыбъ. Иногда устроены подмостки изъ расколотаго бамбука для храненія маиса. Лукъ и стрѣлы составляютъ единственное оружіе собственнаго производства и обыкновенно воткнуты въ плетенный потолокъ. Въ хижинѣ большею частью живутъ два или три семейства; изъ нихъ каждое имѣетъ свой очагъ, гдѣ варитъ собственные бананы и у котораго обыкновенно собираются женщины для болтовни въ самыхъ легкихъ туалетахъ. Роды бываютъ въ высшей степени рѣдко; но тѣмъ не менѣе родильница, при наступленіи ихъ, должна переселиться въ хижину, построенную въ отдаленномъ лѣсу, гдѣ женщины поочереди приносятъ ей пищу и ухаживаютъ за нею. Сплющиваніе черепа у новорожденныхъ въ большомъ употребленіи у всѣхъ племенъ на Москитскомъ берегу; но уродованіе мало замѣтно, такъ какъ прикрыто массой волосъ. У вульва юноши подвергаются, при наступленіи періода зрѣлости, тяжелымъ испытаніямъ, изъ которыхъ одно заключается въ томъ, что ихъ очень сильно бьютъ въ спину локтями по мѣстному способу (G. H. Wickham въ Proceed, of. the R. geograph. Soc. of. London 1869, p. 58). Эти индійцы выносятъ голодъ, всякія неудобства и сильную усталость съ примѣрнымъ терпѣніемъ, если нанялись у чужестранца и тотъ кротко обходится съ ними.

Теперь мы обратимся къ племенамъ Никарагуа, которыя живутъ по сосѣдству съ предъидущими: здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ чоротеговъ (chorotegas), самыхъ первобытныхъ обитателей Никарагуа, говорившихъ инымъ языкомъ, нежели мексиканцы. Въ составъ ихъ входятъ четыре племени, а именно: чолутеки (choluteka) у залива Фонсека, награнданы къ юго-западу отъ предъидущихъ; диріаны на сѣверо-западѣ отъ Никарагуа, и оротина у Никойскаго залива. Относительно чоротеговъ долгое время существовали самыя противорѣчивыя показанія, пока д-ръ Берендтъ не выяснилъ вопроса. Чоротеги составляютъ связующее звѣно между ацтекской цивилизаціей въ государствѣ Анагуакъ и индійскими народностями Южной Америки. „Чоротегасъ", живущіе во времена испанскихъ завоеваній въ трехъ пунктахъ (Никойа и Гванакаста, въ округѣ Мазейа, и Чолутека), и есть собственно мангве, упоминаемые Палаціо и Торквемадо. Они занимаютъ теперь только двѣнадцать деревень въ окрестностяхъ озеръ Мазайа и Апойо (округъ, ими же прозванный „La Manguesa), и носятъ до сихъ поръ свое старое названіе, которое, по

мнѣнію Берендта, вѣроятно происходитъ отъ слова „mánkeme"—господинъ. Языкъ ихъ почти вымеръ. Берендту удалось всего слышать два раза, какъ разговаривали на немъ, и вдобавокъ старики; онъ запомнилъ слова и обороты рѣчи и записалъ ихъ въ видѣ матеріала для словаря, который ясно показываетъ близкое сродство этого языка съ діалектомъ мексиканскихъ чіапанековъ. Берендтъ не допускаетъ, чтобы это была группа чоротегскихъ языковъ, такъ какъ подобное предположеніе не оправдывается ни старыми извѣстіями, ни дошедшими до насъ остатками, которые прямо указываютъ на существованіе единственника чоротегскаго языка; попытка возстановить языкъ „оротина" можетъ быть объяснена только недоразуменіемъ.

Чонталы (chontales), первобытные жители сѣвернаго берега озера Никарагуа и внутренней гористой части республики, представляютъ собой нѣчто отдѣльное отъ черотеговъ. Эта нація, которую древнѣйшіе писатели и Альцедо еще въ концѣ прошлаго столѣтія обозначаютъ подъ именемъ чонталесъ де Матагальпа, была вновь найдена Берендтомъ въ одномъ индійскомъ племени. Послѣднее живетъ въ большей части деревень Сеговіи и Матагальпа, и если заключать о происхожденіи языка по названію мѣстности, то въ прежнія времена оно было весьма распространено въ округѣ Чонталесъ. Бѣлые, а равно и сами индійцы, называютъ это племя и его языкъ „пополука". Численность его простирается отъ 10,000 до 12,000. Берендтъ составилъ словарь языка этого племени, въ которомъ встрѣчается незначительное число словъ, принадлежащихъ сосѣднимъ языкамъ; но тѣмъ не менѣе, это не даетъ права дѣлать заключенія о сродствѣ его съ другими языками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лингвическомъ отношеніи нѣтъ никакого основанія признавать существованіе группы чонтальскихъ племенъ или чонтальскихъ языковъ, такъ какъ даже древніе писатели при описаніи туземцевъ Никарагуа упоминаютъ только объ одномъ чонтальскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ, различные языки Мексики и Центральной Америки, извѣстные подъ названіями „чонталь" или „пополука", не имѣютъ между собой ничего общаго, кромѣ того, что ихъ нельзя причислять къ „нагуатлю". (Korresp. Bl. d. deutschen Ges. f. Anthrop. 1874 S. 70—71). Индійцы гватузо, живущіе на границѣ Костарика и внутри этой республики, сдѣлались болѣе извѣстны въ новѣйшее время, благодаря частымъ наѣздамъ изъ Никарагуа въ область такъ называемыхъ „uleros" (торгующіе каучукомъ). Берендтъ со словъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, принадлежащаго къ этому племени, записалъ довольно значительное число фразъ на ихъ языкѣ, которыми положительно опровергается существующая гипотеза, что гватуза ничто иное, какъ индійцы нагуатль, вытѣсненные изъ своего первоначальнаго мѣста жительства. Тѣ гватузо, которыхъ наблюдалъ Берендтъ, имѣли поразительно бѣлый цвѣтъ кожи и по своему тѣлосложенію болѣе походили на

метисовъ, чѣмъ на чистокровныхъ индійцевъ. Волосы у нихъ блестящіе и черные, а не бѣлокурые, какъ гласитъ преданіе, которое производитъ названіе ихъ племени отъ красновато-желтаго мѣха гватуза (Dasyprocta sp.).

Что касается народовъ, живущихъ въ Костарикѣ, Панама и Даріенѣ, то кромѣ случайныхъ замѣтокъ мы знаемъ только одни имена ихъ, и поэтому намъ трудно опредѣлить ихъ этнологическое положеніе. Такъ, напримѣръ, путешественники упоминаютъ о народѣ чангвенъ (changuenes), у залива Чирикви (выгов. Чирики), терраба на юго-западѣ отъ нихъ и борука на юго-востокѣ. Тѣмъ не менѣе д-ръ Берендтъ, оказавшій столько услугъ изученію этнологіи Центральной Америки, приходитъ къ заключенію, что языки и діалекты этой области могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, которыя, насколько можно видѣть изъ скуднаго наличнаго матеріала, не имѣютъ между собой ни малѣйшаго сродства.

Одну изъ этихъ группъ образуютъ идіомы чоло (cholo) и чоко. На нихъ говорятъ туземцы въ одномъ изъ департаментовъ Колумбіи, Чоко, между Ріо Атрато и Тихимъ Океаномъ, а также, по словамъ д-ра Эдуарда Эйллена, въ нѣкоторыхъ деревняхъ на восточномъ берегу Ріо Чукунакве (выгов. Чукунака), притока Ріо Туйра, вливающагося въ заливъ С. Мигуэль (Даріенъ дель Суръ).

Другая группа занимаетъ перешеекъ, отъ истоковъ Ріо Туйра и распространена на всемъ Даріенѣ до Панама. Испанскіе завоеватели застали эту область раздѣленною на небольшія независимыя владѣнія, въ которыхъ повсемѣстно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, а именно идіомъ куева. Одинъ изъ діалектовъ послѣдняго въ территоріи Чаме, къ западу отъ Панама, назывался коиба и считался болѣе изысканнымъ, чѣмъ куева. Далѣе къ западу испанцы встрѣтили безчисленное число языковъ; чуть-ли не въ каждой деревнѣ былъ особый идіомъ. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія чиру, эскорія и т. п., а къ югу отъ лагунъ Чирикви (гдѣ за послѣднія десятилѣтія найдены многочисленные золотые идолы), языкъ индійцевъ долегатъ, которые до сихъ поръ выказываютъ замѣчательное искусство въ обработкѣ металловъ. Существуетъ предположеніе, что названіе куева не болѣе, какъ извращенное слово коиба, и на языкѣ куева означаетъ „длинный путь“.

Народъ куева во времена открытія Америки стоялъ на довольно высокой степени культуры. Мы имѣемъ извѣстія объ его нравахъ, жилищахъ, украшеніяхъ одежды и военныхъ обычаяхъ; наконецъ, Овіедо и Андагойа записали около дюжины словъ на ихъ языкѣ. Повидимому, до сихъ поръ существуютъ нѣкоторые остатки этого племени; они разсѣяны въ видѣ отдѣльныхъ группъ у Атлантическаго побережья и по берегамъ рѣкъ, и живутъ болѣе или менѣе независимо отъ правительства Колумбіи. Различныя экспедиціи, посылаемыя

Вождь Шейеновъ.

на Даріенскій перешеекъ, вслѣдствіе проектированнаго прорытія междуокеаническаго канала, собрали довольно значительное число словарей различныхъ племенъ и мѣстностей, сравненіе которыхъ показываетъ крайне близкое сродство всѣхъ этихъ діалектовъ. Д-ръ Берендтъ обозначаетъ ихъ общимъ именемъ „даріенскаго языка" и приходитъ къ заключенію, что, если нельзя вполнѣ доказать тождество древняго языка „куева" съ новѣйшимъ „даріеномъ", то оно въ высшей степени правдоподобно (The American historical Record and Repertory of notes and Queries. Philadelphia, 1874, Nr. 26 S. 54—59).

Французъ Люсьенъ де Пюи тщательно изучилъ Даріенскій перешеекъ (Lucien de Puydt, Account of scientific Exploration in the isthmus of Darien in the years 1861 and 1865 въ Journ. R. geograph. Soc. 1868, Bd. XXXIX, p. 69—110) и познакомилъ со многими живущими здѣсь племенами. Туземцы, жившіе на высокомъ побережьи Тихаго океана, во времена Бальбоа переселились отсюда въ другія мѣстности. Остатки чукунаковъ (чукунаквовъ) съ 1861 года подвинулись далѣе къ сѣверу; мандингезы водворились у берега, не доходя Каледонскаго залива; между тѣмъ какъ племена куна заняли побережье залива Ураба. Прибрежные жители Тихаго океана всѣ метисы и говорятъ только по испански. Ихъ жилища крайне неопрятны и отличаются скудной обстановкой, хотя при своихъ вечернихъ танцовальныхъ собраніяхъ и въ праздники они очень наряжаются и выставляютъ на показъ всякія мишурныя украшенія. У нихъ въ употребленіи огнестрѣльное оружіе и ножи; но никто не умѣетъ владѣть лукомъ и стрѣлами. Они принадлежатъ номинально къ католической церкви, и только по имени мѣстечко Явизо составляетъ особый приходъ. Совсѣмъ иныя условія господствуютъ на атлантическомъ склонѣ, по другую сторону Кордилльеровъ. Здѣсь лежитъ область караибовъ-куна или „конфедераціи индійцевъ Санъ Бласъ", которая освобождена Соединенными штатами Колумбіи отъ всякихъ податей. Нѣкоторыя изъ мѣстечекъ въ этой области совершенно независимы; между тѣмъ какъ шесть общинъ признаютъ неограниченную власть „кацика" или „Gran Capitan'a". Л. де Пюи оцѣниваетъ ихъ силу отъ 400—500 неустрашимыхъ воиновъ, которые у себя дома, а именно въ лѣсу, представляютъ далеко не безопасныхъ противниковъ. Хотя они держатъ сообща огнестрѣльное оружіе и владѣютъ имъ съ большимъ искусствомъ, но рѣдко употребляютъ его на охотѣ, вслѣдствіе дороговизны пороха и свинца. Поэтому они больше пользуются лукомъ и стрѣлами и даже примѣняютъ ихъ къ рыбной ловлѣ, но безъ яда. Кромѣ того, они вооружены ножами, похожими на сабли, и копьями съ кремневыми и желѣзными клинками. Ихъ селенія расположены на удачно выбранныхъ мѣстахъ высокаго берега рѣки. Дома довольно просторные и даже красивые; они до малѣйшихъ мелочей тщательно построены изъ бамбука; каменный полъ на 1 м. и болѣе приподнятъ надъ землей для защиты отъ сырости. Для балокъ употреблены твердые, тщательно обтесанные стволы въ 25—30 сант. въ окружности; внутренность дома настолько обширна, что можетъ вмѣстить до 50—60 и даже 80 гамаковъ; при этомъ здѣсь господствуетъ величайшая чистота. Караибы-куна средняго роста, сильнаго тѣлосложенія, широкоплечіе, но съ стройной таліей. Руки и ноги красивой формы; ноги очень небольшія. Оба пола имѣютъ длинные волосы, и только замужнія женщины обстригаютъ ихъ. Они носятъ или распущенные волосы, или же завязываютъ ихъ на макушкѣ головы. Борода совсѣмъ не ростетъ у мужчинъ. Караибы-куна обязаны сравнительно хорошимъ состояніемъ своего здоровья строгому воздержанію отъ всякихъ охмѣляющихъ напитковъ, кромѣ безвредной „чиха"

(выг. „чича“), которая изготовляется изъ разжеванныхъ и выплюнутыхъ зеренъ маиса, доведенныхъ до броженія. Воровство совершенно неизвѣстно у нихъ. Но при этомъ караибы-куна крайне осторожны и недовѣрчивы и не допускаютъ въ свою среду ни бѣлаго, ни чернокожаго человѣка иного племени, ни мулата. Язычество сохранилось у нихъ во всей цѣлости; они покланяются грубо сдѣланнымъ идоламъ, а равно нѣкоторыя деревья считаются у нихъ святыней. Они также признаютъ высшее существо, отъ котораго исходитъ все благое и прекрасное на землѣ. Мужчины обыкновенно носятъ только короткіе панталоны по колѣна и подчасъ легкій балахонъ или рубаху европейскаго покроя, а также родъ пояса, обвязанный вокругъ головы, который они называютъ „противоядіемъ“, потому что при укушеніи змѣи забинтовываютъ имъ поврежденный членъ, чтобы остановить кровотеченіе, пока достигнутъ ближайшей деревни, гдѣ употребляются другія цѣлебныя средства и большею частью съ успѣхомъ. Женщины носятъ рубашки съ короткими рукавами, доходящія до колѣнъ; на шеѣ у нихъ надѣты цѣпи изъ звѣриныхъ зубовъ; ноздри ихъ украшены золотыми и серебряными кольцами, которыя зачастую настолько велики, что покрываютъ подбородокъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ красивыя лица, но всѣ хорошо сложены. Въ торжественныхъ случаяхъ они окрашиваютъ себѣ лицо „чики“ (Bixa orellana), и проводятъ поперечную черту черезъ носъ отъ одной скулы къ другой; отъ этой черты идутъ перпендикулярно другія полосы книзу. Поперечные полосы составляютъ отличительный признакъ караибовъ-куна; при этомъ положеніе и число другихъ полосъ измѣняется, смотря по мѣстности. Многоженство дозволено, но на дѣлѣ практикуется въ очень умѣренной степени. (Ausland 1869, S 786—787).

ЮЖНО-АМЕРИКАНСКІЕ ИНДІЙЦЫ.

Внѣшній обзоръ.

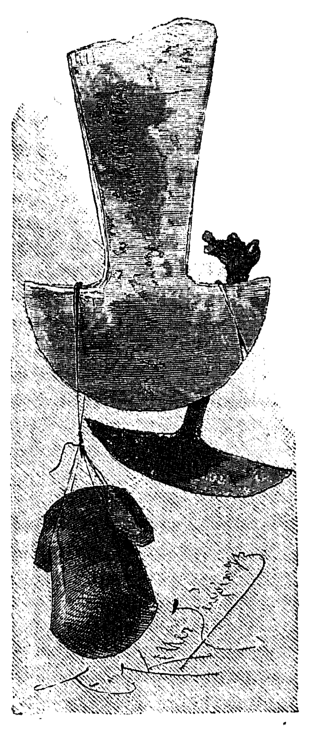
Предъидущее описаніе американскихъ народовъ должно было выяснить нашимъ читателямъ ту поразительную разницу въ характерѣ и культурныхъ формахъ, какая существуетъ между краснокожими американскаго сѣвера и коричневыми людьми Центральной Америки. Начиная съ племенъ юма и индійцевъ пуэбло на сѣверѣ Мексики, мы вступаемъ, такъ сказать, въ новый міръ, въ основѣ котораго лежитъ болѣе или менѣе усиленное занятіе земледѣліемъ и мирными ремеслами. Indio manso испанской Америки въ культурномъ отношеніи совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ indio bravo; между тѣмъ какъ послѣдній, въ свою очередь, рѣзко отличается по наружности и свойствамъ характера отъ мѣднокрасныхъ кочевниковъ сѣверныхъ прерій.

Принимая во вниманіе географическое распредѣленіе сѣверо-американскихъ племенъ, я не хотѣлъ касаться распространенной тео-

ріи ихъ общаго происхожденія; но обзоръ отдѣльныхъ племенъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ невольно приводитъ насъ къ выводу, что предполагаемое расовое единство индійцевъ построено на очень шаткомъ основаніи. Равнымъ образомъ, изученіе индійцевъ Мексики и Центральной Америки можетъ только еще больше утвердить насъ въ этомъ взглядѣ. Жители Южной Америки, которыми мы займемся теперь, представляютъ полнѣйшую и очевидную противоположность съ индійцами Сѣверной Америки. Это должны признать даже самые ревностные защитники расоваго единства, по крайней мѣрѣ въ той степени, насколько въ Южной Америкѣ отступаетъ на задній планъ охотничья и рыболовная жизнь и проявляется отчасти абсолютное отсутствіе культуры, рядомъ съ зачатками высшей культуры, благодаря болѣе значительному развитію земледѣлія. Съ другой стороны, южные американцы видимо представляютъ собой несравненно большее разнообразіе, нежели многія группы сѣверной половины материка, какъ, напримѣръ, племена на востокѣ скалистыхъ горъ и на сѣверо-западномъ берегу, такъ что, по выраженію Фр. Миллера, о нихъ еще труднѣе составить общую картину, нежели о сѣверныхъ американцахъ. (Müller, Allg. Ethnographie, S. 294).

„Что касается южнаго материка,—говоритъ Пешель,—то мы можемъ искать высшую цивилизацію только на однихъ Андахъ. Мѣстность была извѣстна ацтекамъ до озера Никарагуа; не далѣе этого простирался ихъ языкъ и проникали отдѣльныя группы переселенцевъ, говорившихъ на языкѣ „нагуатль". Но въ Южной Америкѣ на андскихъ кордильерахъ развилось могущественное государство перувіанскихъ инковъ съ своей своеобразной культурой, которое во всякомъ случаѣ не было единственнымъ культурнымъ государствомъ южнаго материка. Еще до эпохи завоеваній, благодаря перувіанцамъ, должна была проникнуть высшая цивилизація въ Квито, такъ какъ предпослѣдній инка женился на принцессѣ павшаго царственнаго дома Квито и употребилъ всѣ усилія, чтобы его сыну, Атагуальпа (впослѣдствіи плѣннику Пизарро), который, по тамошнимъ законамъ „сыновей солнца", никогда не могъ быть признанъ наслѣдникомъ, досталась сѣверная часть государства, а именно Квито. Хотя Квито былъ завоеванъ ранѣе другихъ земель, но тѣмъ не менѣе незаконному инка удалось изгнать изъ Куско своего своднаго брата, настоящаго „сына солнца". На плоскихъ возвышенностяхъ Богота и Тунья, равнымъ образомъ, возникли благоустроенныя государства, которыя, благодаря сосѣдству Квито, заимствовали отъ него многія вспомогательныя средства культуры. На основаніи вышесказаннаго, можно считать несомнѣннымъ, что образованность туземцевъ Квито и связанныя съ нею матеріальныя преимущества, не могли особенно отличаться отъ условій перувіанской культуры. Позднѣйшій быстрый ростъ государства инковъ изъ незначительныхъ задат-

ковъ, въ продолженіи какихъ нибудь пяти или даже, быть можетъ, трехъ столѣтій, по свидѣтельству Сквайера, долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ. (Bull. de la Soc. de Geogr. 1868, Vol, I. p, 5—28). Зародышъ перувіанскаго государства развился собственно на Пуно или обнаженной плоской возвышенности, отъ 10 до 16,000 ф. высоты, между двойной или тройной цѣпью андовъ. Между западнымъ склономъ этихъ горъ и Тихимъ океаномъ тянется узкая береговая полоса, на которой почти никогда или въ высшей степени рѣдко выпадаютъ дожди, и почва не болѣе шести мѣсяцевъ увлажена туманами. Такимъ образомъ, земледѣліе и разведеніе хлопка становится возможнымъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговыя рѣки стекаютъ съ андовъ въ Южный океанъ. Но эти рѣки слѣдуютъ одна за другой на значительныхъ разстояніяхъ, а въ промежуткахъ между ними господствуетъ полнѣйшая пустыня. Этимъ объясняется, почему отдѣльныя племена, жившія вдоль рѣкъ, остались такъ долго разобщенными и независимыми другъ отъ друга; и какъ только на плоской возвышенности возникло первое сильное государство, то оно покорило одну за другой эти слабыя и разъединенныя народности, которыя, такимъ образомъ, увеличивали собой могущество государства, основаннаго на плоской возвышенности. Но на югѣ, гдѣ кончалась безводная береговая полоса, господство инковъ достигло крайняго предѣла своего распространенія. Равнымъ образомъ, оно не могло проникнуть черезъ лѣсной поясь внутрь страны, на восточный склонъ андовъ, къ низменностямъ Амазонской рѣки, гдѣ до сихъ поръ бродятъ суровыя охотничьи племена въ своей ненарушимой дикости.



Бронзовый ножъ и каменный топоръ южныхъ перувіанцевъ.

„Южно-американскимъ народамъ—говоритъ Пешель (Vlökerkunde S. 445—446)—мы обязаны разведеніемъ трехъ важныхъ естественныхъ продуктовъ Перувіанской плоской возвышенности, а именно, разныхъ видовъ ламы, картофеля и проса. Инка Гарсилазо, который такъ подробно описалъ состояніе культуры древняго Перу, упоминаетъ не разъ, что здѣсь господствовалъ крайній недостатокъ въ мясной пищѣ. Только въ особенныхъ случаяхъ, когда инки устраивали въ большихъ размѣрахъ облаву на звѣрей, подвластный народъ

пользовался мясомъ ламы, быть можетъ, потому, что иначе оно могло испортиться. Въ остальные праздники, въ видѣ лакомства, служило небольшое млекопитающее (вѣроятно кроликъ, по описанію Гарсилазо), котораго они вскармливали самымъ заботливымъ образомъ. Это животное также было давно вывезено въ Испанію, но здѣсь, вслѣдствіе безвкуснаго мяса, не сочли нужнымъ разводить его. На вышеупомянутой береговой полосѣ, лишенной дождей, пища жителей преимущественно состояла изъ добычы, доставляемой рыбной ловлей. На этомъ основаніи мы приходимъ къ выводу, что не слабѣйшіе обитатели, тѣснимые болѣе сильными племенами, искали спасенія на плоскихъ возвышенностяхъ Перу и Квито, а скорѣе наиболѣе храбрые и неустрашимые люди первые поднялись на кордильерскую цѣпь для охоты и прирученія ламъ. Но такъ какъ маисъ поспѣваетъ здѣсь въ немногихъ защищенныхъ мѣстахъ, то они ни въ какомъ случаѣ не могли бы выбрать для своего мѣста жительства эти прохладныя равнины и построить массивные храмы солнцу на островахъ озера Титикака, еслибы на высотахъ не произросталъ картофель и просо. При этомъ мы осмѣливаемся утверждать, что бразильскія охотничьи племена перешли въ горныя страны Перу не съ Атлантической стороны, а наоборотъ, поднялись на нихъ съ береговой полосы Тихаго океана. Къ этому заключенію побуждаетъ насъ между прочимъ и то обстоятельство, что у жителей андовъ, до самой Огненной земли, мы находимъ своеобразное оружіе, которое не было изобрѣтено ни однимъ охотничьимъ племенемъ, живущимъ въ лѣсу, но преимущественно встрѣчается у пастуховъ, а именно: пращъ съ его видоизмѣненіями, „лассо" и „бола", т. е. веревка, съ приклѣпленными къ концу ея однимъ или нѣсколькими ядрами. По свидѣтельству Чуди (Südamerika, Bd. IV S. 287) гаухо (выг. гаучо), метисъ съ преобладаніемъ индійской крови, живущій въ американскихъ пампасахъ, относится съ пренебреженіемъ къ огнестрѣльному оружію, такъ какъ метательная петля въ его рукѣ представляетъ болѣе надежное средство защиты. Говоря это, я разумѣется не думаю утверждать, чтобы лукъ и стрѣлы вовсе не были въ употребленіи въ перувіанскомъ царствѣ инковъ, тѣмъ болѣе, что между подданными „дѣтей солнца" было извѣстное число дикихъ охотничьихъ племенъ. Во всякомъ случаѣ, помимо пики, употребляемой всѣми земледѣльческими племенами, національнымъ перувіанскимъ оружіемъ нужно считить пращъ, который представляетъ собой исключительно степное оружіе.

„Если мы сравнимъ общественное развитіе охотничьихъ народовъ на сѣверномъ и южномъ материкѣ, то увидимъ замѣтное улучшеніе въ обѣихъ областяхъ по мѣрѣ приближенія къ Мексиканскому и Караибскому заливамъ, или другими словами: въ Южной Америкѣ всего цивилизованнѣе сѣверные народы, а въ Сѣверной Америкѣ, тѣ изъ

нихъ, которые живутъ ближе къ югу. Самые дикіе племена Южной Америки, какъ ботокуды, короадо, пури, ленгуа, распространены въ Южной Бразиліи; между тѣмъ какъ на Амазонской рѣкѣ, по свидѣтельству Спикса и Марціуса, туземцы сдѣлали значительные успѣхи въ смыслѣ улучшенія своего общественнаго положенія. Такъ, напримѣръ, еслибы мы могли вполнѣ довѣрять извѣстіямъ первыхъ мореплавателей, то верхнее теченіе большой рѣки было окаймлено многолюдными селеніями, въ которыхъ были храмы съ идолами, двигавшимися на колесахъ. Позднѣйшіе посѣтители этихъ мѣстъ не видали ничего подобнаго, и еслибы даже въ самомъ дѣлѣ существовали подобныя селенія, то мы считаемъ вполнѣ возможнымъ, что они принадлежали племенамъ, которыя были изгнаны изъ культурнаго государства инковъ. Къ сѣверу отъ Амазонской рѣки живутъ кроткіе арауаки, у которыхъ женщина занимаетъ почетное положеніе, а жрецы изучаютъ исторію племени, въ назиданіе юношества. По сосѣдству съ ними и ниже названнаго залива распространены караибы, которые орошали поля съ помощью искусственныхъ водопроводовъ, отдѣляли свои плантаціи веревками, свитыми изъ хлопка, и имѣли рынки, гдѣ соль замѣняла деньги. Такимъ образомъ, мы видимъ, что внѣшнія условія жизни человѣческихъ обществъ постоянно улучшаются по направленію отъ юга къ сѣверу. Въ сѣверной половинѣ Америки, какъ упомянуто выше, мы видимъ обратное явленіе.

„Превосходство цивилизаціи охотничьихъ племенъ сѣвернаго материка сравнительно съ южными сказывается всего сильнѣе въ ихъ общественной организаціи. На сѣверѣ, благодаря сравненію языковъ, этнографамъ удалось соединить племена въ народы и опредѣлить ихъ мѣста жительства. Въ Бразиліи, Гвіанѣ и Венецуэлѣ, подобная задача не можетъ быть рѣшена въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что здѣсь, вообще, мы встрѣчаемъ не народы, а шайки, и нужно создать новыя названія, чтобы обозначить въ видѣ группъ отдѣльныя орды, сродныя между собой по языку. Даже широкое распространеніе діалекта тупи, или такъ называемаго общаго бразильскаго языка (lingoa geral) можетъ быть объяснено только тѣмъ, что тупи или гварани, выйдя отдѣльными толпами изъ своего первоначальнаго отечества (все еще довольно сомнительнаго), разбрелись по всей Бразиліи. Скопленіе сродныхъ по языку племенъ встрѣчается развѣ только въ Гвіанѣ и Венецуэлѣ, у караибовъ и арауаковъ. Наиболѣе дикія племена въ области Гудзонова залива все-таки стоятъ неизмѣримо выше ботокудовъ Бразиліи, которые изъ всѣхъ народовъ Новаго Свѣта остались на самой низкой степени образованности. Въ Южной Америкѣ (разумѣется за исключеніемъ народовъ, живущихъ въ кордильерахъ), болѣе или менѣе абсолютная нагота того или другого пола, а иногда и обоихъ половъ, составляетъ общее правило; между тѣмъ какъ въ Сѣверной Америкѣ она не болѣе какъ

исключеніе. У охотничьихъ племенъ Южной Америки не найдено никакихъ слѣдовъ горнаго искусства, и равнымъ образомъ, на востокъ отъ андовъ, нѣтъ ни малѣйшихъ архитектурныхъ остатковъ.

„Хотя часто ставятъ въ упрекъ американцамъ, что они пренебрегали скотоводствомъ, но это не совсѣмъ точно, потому что, строго говоря, у нихъ было только полное отсутствіе молочнаго хозяйства. Помимо того, что культурные народы на перувіанской плоской возвышенности, а далѣе къ югу араукане разводили ламъ и пакосовъ (видъ ламы), и пользовались ими какъ вьючными животными, доставляющими шерсть, мы можемъ перечислить множество примѣровъ прирученія животныхъ. При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ южно-американскія орды опередили сѣверныя охотничьи племена. Марціусъ сообщаетъ въ своей этнографіи, (Bd. I S. 672), что въ языкѣ тупи, или въ lingoa geral Бразиліи, существуетъ особое выраженіе для обозначенія прирученія животныхъ, имѣющее такой смыслъ, что послѣднія „должны быть выведены изъ дикаго состоянія". Большинство бразильскихъ туземцевъ выказываетъ пристрастіе къ животнымъ; они умѣютъ приручить къ себѣ обезьянъ и попугаевъ и, вскармливая рыбами зеленыхъ попугаевъ, производятъ у нихъ красныя и желтыя перья, такъ что здѣшнія хижины нерѣдко походятъ на звѣринцы. Тѣмъ не менѣе скотоводство только тогда получаетъ высшее значеніе въ культурно-историческомъ смыслѣ, когда человѣкъ сознательно пользуется имъ для своего пропитанія и перестаетъ жить готовыми дарами природы. На Амазонской рѣкѣ охота за черепахами могла бы доставить прибрежнымъ жителямъ обильную пищу въ продолженіи всего года, если бы ловля не была ограничена сухимъ временемъ, когда эти животныя выходятъ на землю. Вслѣдствіе этого, каждая семья по близости своего жилища имѣетъ прудъ, чтобы сохранить извѣстное количество живыхъ черепахъ на дождливое время года. (Henry Walter Bates, The naturalist on the Amazons. London 1864 г. p. 321). Ореллана, открывшій Амазонскую рѣку, уже засталъ у туземцевъ этотъ обычай, который можетъ служить свидѣтельствомъ ихъ домовитости. Кромѣ того, многія бразильскія племена, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, разводятъ особую породу куръ (craz) ради ихъ вкуснаго мяса. Испанскіе мореплаватели видѣли у племени Куріанасъ, на Венецуэльскомъ берегу, домашнихъ животныхъ, повидимому кроликовъ, гусей и голубей. На Антильскихъ островахъ, въ видѣ домашняго животнаго, водилась нѣмая собака, а на Гаити — морская свинка. Мускусныя свиньи и тапиры очень легко свыкаются съ близостью людей; ихъ можно и теперь встрѣтить ручными у бразильцевъ; но они не плодятся въ неволѣ. (Darwin, Das Variieren der Thiere und Pflanzen im Zustande der Domestikation. Stuttgart 1878. Bd. II, S. 145).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ духовномъ отношеніи между обитателями двухъ материковъ есть много общихъ, фамильныхъ чертъ; но тѣмъ не менѣе имъ нельзя придавать слишкомъ большого значенія въ смыслѣ расоваго единства индійцевъ, такъ какъ нѣкоторыя черты встрѣчаются и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, магическую погремушку можно видѣть въ рукахъ шамановъ сѣвернаго и южнаго материка; затѣмъ жрецы и знахари, несмотря на различныя названія, все-таки, по своему ремеслу, принадлежатъ къ цеху шамановъ сѣверной Азіи. Кэтлинъ неожиданно встрѣтилъ у племени тлинкитовъ, на берегахъ британской Колумбіи, тѣ-же своеобразныя маскированныя игры, на которыхъ присутствовали Спиксъ и Марціусъ, а также Бэтсъ, на Амазанской рѣкѣ. Не только въ Бразиліи многіе индійцы уродуютъ себя кусками дерева, продѣтыми въ распоротыя губы или щеки, но и на сѣверѣ, въ прежней русской Америкѣ, существуетъ, какъ извѣстно, тотъ-же обычай. Равнымъ образомъ, Ливингстонъ видѣлъ у негровъ на озерѣ Ніасса куски дерева, продернутые въ губахъ, а Гергардъ Рольфъ — у рабовъ музго на островахъ Кука. Смѣшеніе половъ самаго отвратительнаго свойства, связанное съ переодѣваніемъ мужчинъ въ женское платье, по свидѣтельству Марціуса, существовало у бразильскихъ гуайакуру; (Ethnogr., Bd. I S. 74); то же наблюденіе сдѣлали испанскіе мореплаватели надъ народностями Даріенскаго перешейка, а Кабеца де-Вака—надъ нѣкоторыми племенами въ Луизіанѣ и Техасѣ. При этомъ считаемъ нелишнимъ добавить, что, по словамъ Фердинанда Врангеля, греческіе пороки были также распространены у чукчей сѣверной Азіи. Къ особенностямъ индійцевъ принадлежатъ обязательныя прозвища, съ которыми народы обращаются другъ къ другу; такъ, напр., делавары, въ силу договоровъ съ сосѣдями, присвоили себѣ титулъ „дѣдовъ“; а ирокезы поставили въ условіе побѣжденнымъ гуронамъ, что на будущее время они будутъ называться „младшими братьями“ (Waitz, Anthropologie der Naturvölker, Bd. III, S. 22). Въ Бразиліи встрѣчаемъ мы тѣ-же обычаи, такъ какъ и здѣсь отдѣльныя орды величаютъ другъ друга дѣдами или дядями и т. п. Наконецъ, въ южной Америкѣ всѣ степныя и лѣсныя племена съ крайне рѣдкими исключеніями, какъ, напр., мура на Амазонской рѣкѣ, рядомъ съ охотой и рыбной ловлей занимались земледѣліемъ. Воздѣлываемыя ими растенія были даже разнообразнѣе, нежели на сѣверѣ, такъ какъ помимо маиса у нихъ произросталъ еще корень „маніока“, который становится годнымъ къ употребленію только послѣ тщательнаго выжиманія заключающагося въ немъ ядовитаго сока. Изготовленіе маніоковой муки и тапіока (или осадка ядовитаго сока маніока), какъ въ прежнія времена, такъ и теперь доведено до совершенства у арауаковъ или „мучныхъ людей; изъ маніоковой муки изготовляются также чрезвычайно вкусныя и разнооб-

разныя печенія. Кромѣ того, мы должны упомянуть о разведеніи пальмъ туземцами. Но такъ какъ пальмы приносятъ плоды позже, нежели однолѣтнія и двухъ-лѣтнія растенія, то воздѣлываніе ихъ служитъ доказательствомъ заботливости о будущемъ и отрѣшенія отъ бродячей жизни. Кромѣ того оказалось, что пальмы guilelma speciosa въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приносятъ плоды безъ зеренъ, такъ что эти пальмы съ глубокой древности разводились людьми посредствомъ разсадки корневыхъ отпрысковъ. Если южно-американскія охотничьи племена не уступали сѣверо-американскимъ, относительно земледѣлія, и даже превосходили ихъ въ разведеніи деревьевъ и домашнихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе, они во всякомъ случаѣ далеко отстали отъ нихъ въ другихъ производствахъ" (Peschel, Völkerkunde, S. 424—436).

НАРОДЫ АНДОВЪ.

Въ виду географическихъ условій, я называю, согласно съ д'Орбиньи, этимъ общимъ именемъ жителей южно-американскихъ кордильеровъ и ихъ западнаго склона. Но такъ какъ цѣпь андовъ съ ея обширными плоскими возвышенностями не представляетъ этнографическаго народораздѣла, то мы должны причислить къ народамъ андовъ многихъ обитателей восточнаго склона. Я также присоединяю къ нимъ группу племенъ, жившихъ на востокъ отъ андовъ,—приблизительно отъ Чимборазо до Иллимани, въ областяхъ верхняго Мараньона и Мадейра, а равно и ихъ притоковъ, — за которыми Фридрихъ Миллеръ исключительно признаетъ названіе андскихъ народовъ. Д'Орбиньи, дѣлая общую характеристику этихъ народовъ, говоритъ, что у нихъ болѣе или менѣе темный оливко-зелено-коричневый цвѣтъ кожи, небольшой ростъ, низкій скошенный лобъ и горизонтально лежащіе глаза, которые никогда не бываютъ съужены къ наружному углу. Они могутъ быть раздѣлены на слѣдующія значительныя группы; кундинамарка, перувіанцы, андезины или антизаны и араукане. Самые сѣверные изъ нихъ

Кундинамарка, на плоской возвышенности Боготы. Та часть Андовъ, западную подошву которой омываетъ Ріо Магдалена, и которая, направляясь къ сѣверу, образуетъ плоскія возвышенности Боготы и Тунья, а къ югу переходитъ въ уединенную и тихую область Парамо-де-ла-сума-Пацъ,—во времена испанскихъ завоеваній была заселена народомъ чибча (chibcha). Испанцы ошибочно назвали ихъ „muyscas", что на языкѣ чибча означаетъ только

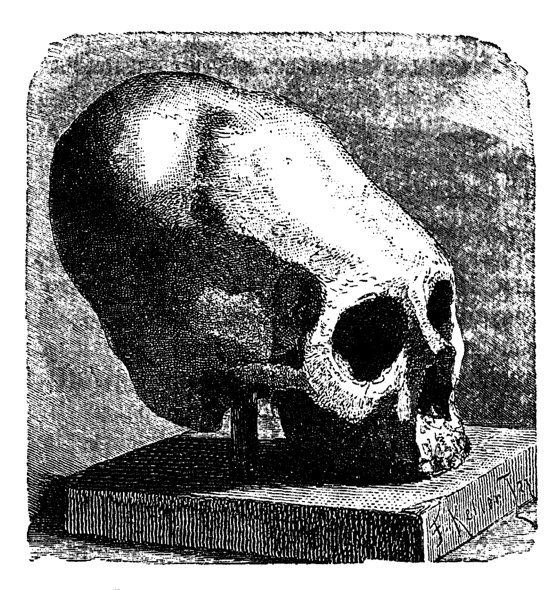
„люди“, „особа“. Эти чибча изъ всѣхъ туземныхъ племенъ были самыя могущественные, имѣли продолжительное историческое прошлое, и весьма значительную культуру, о которой свидѣтельствуютъ многочисленные археологическіе остатки. (См. Ezequiel Uricoechea, Memoria sobre las Antiguëdades neo-granadinas. Berlin. 1854). Нынѣшніе индійцы чибча уже не владѣютъ больше плавнымъ, звучнымъ и богатымъ языкомъ ихъ предковъ, такъ какъ онъ вымеръ около 1730 года, и о немъ можно составить себѣ понятіе только съ помощью двухъ нынѣ еще существующихъ идіомовъ, вѣроятно бывшихъ его діалектовъ, а именно: языка туріево, племени, живущаго къ сѣверу отъ Боготы, и языка индійцевъ итоко, живущихъ по близости знаменитыхъ смарагдовыхъ рудъ музо. (Смотри: Uricoechea, Gramatica vocabulario, catecismo i confesionario de la lengua Chibcha segun antiguos manustritos anonimos e ineditos, aumentados i correjidos. Paris. 1871). Вся нація чибча, какъ уроженцы Боготы, такъ и живущіе вокругъ подвластныя племена, сохранили до сихъ поръ отличительные физическіе признаки своихъ праотцевъ, такъ что мы можемъ съ увѣренностью остановиться на томъ выводѣ, что эта нація и въ древности не представляла собой однородной массы, но заключала въ себѣ различныя племена. У индійцевъ гватавита и тунья, къ сѣверу отъ Боготы, сохранились правильныя и нѣжныя очертанія лица древнихъ чибча, между тѣмъ какъ восточное племя каквезіо выдѣляется среди другихъ народовъ своими выступающими скулами, большимъ выдающимся ртомъ, четырехъ-угольнымъ черепомъ, который до извѣстной степени носитъ на себѣ отпечатокъ свирѣпости, свидѣтельствующей о безусловно дикомъ состояніи предковъ этого племени. Черепа, найденные д-ромъ Урикохеа, совмѣстно съ его соотечественникомъ Гуиллермо-Перейра-Гамба, равнымъ образомъ представляютъ различныя особенности въ своемъ строеніи. Два рѣзко отличные между собой типа составляютъ черепа, находимые въ Льяно-де-ла-Иглезіа, въ ла-Пикота, на берегу Ріо Тунпуэло, и тѣ, которые встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Фонтибонѣ, по близости лагунъ, въ особенности у Черрито, изъ которыхъ многіе были вырыты совмѣстно съ глиняными сосудами, желѣзными и серебряными вещами. Не подлежитъ сомнѣнію, что жители Тунхуэло одного происхожденія съ каквезіо, а древніе обитатели Фонтибона съ индійцами чибча. Поль Брока изслѣдовалъ и тщательно измѣрилъ многіе изъ этихъ череповъ и пришелъ къ заключенію, что обычай искусственнаго уродованія череповъ существовалъ также у чибча. По его наблюденіямъ, емкость нормальнаго черепа колеблется между 1295—1509 куб. сант., тогда какъ емкость искусственно уродованнаго черепа также достигаетъ 1467 куб. сант. Лицевой уголъ колеблется между 70—76°, продольный указатель широты колеблется у нормальныхъ череповъ между 73, 77 и 80, 11; у изуродованныхъ

между 82, 55 и 92, 85. (Congres international des Américanistes. Compte rendu de la première session. Bd. I p. 382). Эти измѣренія весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ противъ этнологической однородности націи чибча. Въ настоящее время всѣ здѣшнія индійцы носятъ національный колумбійскій костюмъ: соломенную шляпу, сплетенную по старинной европейской модѣ, „руана“ или „понхо“ (выг. пончо), четырехъ-угольный кусокъ сукна съ отверстіемъ по срединѣ для продѣванія головы, извѣстный въ Мексикѣ подъ названіемъ „serape“, и который встрѣчается во всей испанской Америкѣ подъ различными именами; затѣмъ короткіе панталоны и подчасъ родъ кожанныхъ сандалій или такъ называемыхъ „квимбасъ“.

Прибрежная область отъ 4° с. т. до 30° ю. ш. занята многими народами, которыхъ мы обозначимъ общимъ именемъ

перувіанцевъ, хотя мы этимъ не думаемъ доказывать ихъ общаго происхожденія. Главный изъ этихъ народовъ, такъ называемый кечуа (Quichua, Quechua), господствовалъ въ этихъ странахъ во время завоеванія послѣднихъ испанцами и основалъ обширное государство инковъ. Этотъ народъ простирается отъ сѣверной границы Экуадора черезъ всю плоскую возвышенность кордильеровъ до южной границы Перу и Боливіи. Въ составъ его вошли многія чуждыя племена, или-же были съ давнихъ поръ вдвинуты клиномъ въ его область, чѣмъ объясняется крайнее разнообразіе физіономій. Путешественники не разъ пытались отыскать въ нихъ характерныя особенности, но къ сожалѣнію описывали только отдѣльные индивиды, а не всю націю. Что касается наружности перувіанцевъ, то довольно вѣрнымъ признакомъ считается широкая, хорошо развитая грудь, длинные и черные какъ вороново крыло волосы и желтый цвѣтъ кожи, нерѣдко съ бронзоватымъ оттѣнкомъ. Нѣмецкій іезуитъ П. Кольбергъ, написавшій любопытную книгу о своихъ путешествіяхъ (Nach Ekuador. Reisebilder. Freiburg 1881. 2. Aufl.), находитъ, что венгерецъ больше отличается лицомъ и ростомъ отъ нѣмца, нежели коренные жители кордильерской плоской возвышенности отъ испанцевъ. Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ замѣтить, что чужестранца не могутъ непосредственно поразить такія подробности, какъ „болѣе или менѣе“ узкій лобъ, „менѣе“ выдающіяся скулы, „нѣсколько“ съуженный подбородокъ, „нѣсколько“ бо̀льшихъ размѣровъ уши, или „менѣе“ развитыя руки и ноги. Любой итальянецъ, грекъ или испанецъ можетъ позавидовать прекраснымъ, длиннымъ и чернымъ воло̀самъ перувіанцевъ. Это украшеніе составляетъ гордость здѣшнихъ индійцевъ и для нихъ не существуетъ бо̀льшаго позора, какъ остриженные волосы. Но при этомъ у нихъ нѣтъ бороды и они большею частью немилосердно уничтожаютъ ея скудные зачатки, какъ только они появляются на подбородкѣ или около рта, потому что считаютъ бороду „отвратительнымъ изуродованіемъ свѣт-

лой и чистой человѣческой природы“, и для уничтоженія бороды употребляютъ тайныя средства, которыя выручили изъ бѣды многихъ благородныхъ испанокъ южной Америки, хотя съ кратковременнымъ успѣхомъ. Обыкновенно перувіанецъ бываетъ средняго роста, а именно въ ближайшихъ окрестностяхъ Квито; но въ другихъ провинціяхъ, а именно въ Куэнка и Имбабура, онъ очень высокъ ростомъ и статенъ, такъ что въ этомъ отношеніи не уступаетъ европейцу, не исключая нѣмцевъ. Плечи и грудь весьма сильно развиты, что представляетъ естественное явленіе у людей, которые, быть можетъ, въ продолженіи тысячелѣтій осуждены были дышать



Искусственно изуродованный черепъ изъ староперувіанской могилы. Съ гипсоваго снимка въ Штутгартскомъ ест.-ист. музеѣ. (Оригиналъ нах. въ Боннѣ).

разрѣженнымъ воздухомъ страны, лежащей на высотѣ 2000—4000 м. надъ уровнемъ моря, и при этомъ съ тяжелой ношей дѣлали утомительные переходы по горамъ. Сравнительно съ мускулистымъ и сильно развитымъ туловищемъ, ноги у многихъ коротки и почти даже уродливо малы. Вполнѣ статные субъекты составляютъ здѣсь рѣдкое исключеніе; но также вы никогда не встрѣтите другого рода крайности, въ видѣ болѣзненно толстыхъ, медленно двигающихся шарообразныхъ фигуръ, съ едва замѣтными конечностями. Склонность къ отучнѣнію выражается у индійцевъ въ болѣе роскошной округленности членовъ тѣла, которые при этомъ сохраняютъ свои правильно математическія и эстетическія пропорціи. Горбатые, слѣпые и хромые встрѣчаются рѣдко; и вдобавокъ такого рода явленія

не составляютъ прирожденнаго недостатка, а бываютъ слѣдствіемъ какой нибудь несчастной случайности. Равнымъ образомъ, жители плоской возвышенности мало страдаютъ отъ болѣзней, несмотря на крайне суровый образъ жизни, связанный со многими лишеніями; но они изнемогаютъ отъ жаркаго климата низкихъ прибрежныхъ странъ, такъ что нечего и думать о переселеніи ихъ.

Въ настоящее время невозможно нарисовать общую вѣрную картину перувіанской народной семьи, потому что въ физическомъ отношеніи существуютъ сильныя отклоненія, особенно между береговыми индійцами (Indio costeño) и горцами или индійцами плоской возвышенности (Indio serrano). Первые представляютъ собой брахикефальную расу и были ею съ незапамятныхъ временъ, какъ видно изъ находокъ въ богатомъ доисторическомъ Анконскомъ кладбищѣ близъ Лимы; у нихъ было въ обычаѣ асиметрическое лобно-затылочное уродованіе черепа. Измѣренія 11-ти анконскихъ череповъ дали среднимъ числомъ емкость въ 1129 куб. сант., длину 161, ширину 132, высоту 119, указатель 81,9. Затѣмъ получены въ среднемъ выводѣ слѣдующія цифры

				Емкость.	Указатель ширины.	Указатель высоты.
14	Черепа	изъ	Парма	1254	94,8	83,5
16	„	„	Амакавилла. . . .	1176	96,2	86,1
7	„	„	Гранъ Чиму. . . .	1094	96,4	80,5
4	„	„	Пачакамакъ . . .	1195	92,3	80,4
5	„	„	Кахамарквилла .	1268	85,6	78,6
4	„	„	Трухилло	1236	89,0	79,3

Впрочемъ уродованія черепа были весьма различны даже среди однихъ и тѣхъ же семействъ, такъ что до извѣстной степени зависѣли отъ личнаго вкуса. Несравненно важнѣе проявленіе такъ называемой кости „инка“. При разсматриваніи черепа сзади (отъ norma occipitalis)—называютъ os incae, os epactale или interparietale большую треугольную кость, заключенную между ламбдоиднымъ швомъ, которая соотвѣтствуетъ наружному затылочному бугру и отдѣлена отъ его внутренней части эпактальнымъ швомъ, образующимъ основаніе треугольной кости. Беллами, затѣмъ Риверо и Чуди, найдя вышеописанное отклоненіе на черепахъ перувіанскихъ мумій отрицали существованіе кости „инка“ у всѣхъ другихъ народовъ и видѣли въ ней расовое отличіе перувіанцевъ. Но это ученіе сильно поколебалось, благодаря трудамъ Госсе, Анучина и Жакара, изъ которыхъ послѣднимъ двумъ удалось доказать, что os Incae встрѣчается и у другихъ расъ.

Племя, живущее на безплодной береговой полосѣ, во всякомъ случаѣ индійское, хотя теперь во многихъ мѣстахъ оно нѣсколько смѣшалось съ бѣлой расой. Основной типъ представляетъ довольно значительную разницу съ такъ называемыми индійцами плоской возвышенности; цвѣтъ кожи желтоватый; выраженіе лица и вообще вся физіономія полукитайскія. Въ настоящее время они говорятъ по испански и несравненно больше освоились съ новѣйшей цивилизаціей и вѣжливымъ обращеніемъ, нежели жители плоской возвышенности, хотя при этомъ они несравненно развратнѣе и болѣе испорчены, нежели послѣдніе.

Обитатели этой мѣстности, помимо жалкаго скотоводства, почти исключительно занимаются плетеніемъ соломенныхъ шляпъ. Отсюда вывозятъ тонкія панамскія шляпы, которыя такъ цѣнятся на Антильскихъ островахъ и въ Европѣ; онѣ получили свое названіе вслѣдствіе того, что ихъ перевозятъ черезъ Панаму; но здѣсь ихъ вовсе не дѣлаютъ. Лучшія и самыя тонкія шляпы доставляетъ Экуадоръ, а именно провинція Санта Елена, крайняя западная оконечность безплоднаго полуострова. Вышеназванное производство единственное, какое существуетъ у этого народа. Но такъ какъ туземцы вовсе не занимаются земледѣліемъ, то всѣ жизненные припасы привозятся изъ другихъ мѣстъ. Впрочемъ, эти припасы самые обыденные и преимущественно состоятъ изъ риса, юкка, нѣкоторыхъ клубневыхъ растеній и зеленыхъ, полузрѣлыхъ банановъ. Послѣдніе становятся годными къ употребленію только въ томъ случаѣ, если они изжарены въ горячей золѣ, и тогда ихъ вкусъ напоминаетъ хлѣбъ, который они повсемѣстно замѣняютъ, такъ что здѣсь за обѣдомъ приходится довольствоваться вареннымъ рисомъ и жареными бананами, а за ужиномъ опять-таки жареными бананами и вареннымъ рисомъ. Къ этому нужно присоединить „sankocho“ (выг. санкочо), родъ супа изъ кореньевъ маніоко, растенія, принадлежащаго къ молочаямъ, корень котораго ядовитъ, но въ натертомъ, выжатомъ и высушенномъ видѣ служитъ главнымъ питательнымъ средствомъ въ Южной Америкѣ.

Способъ постройки домовъ или, вѣрнѣе, хижинъ вездѣ одинаковъ въ жаркихъ мѣстностяхъ Экуадора; то же можно сказать и объ утвари, которая совершенно отсутствуетъ, такъ какъ голый полъ замѣняетъ мебель и только въ рѣдкихъ случаяхъ жесткая бычачья кожа употребляется въ видѣ постели. Трудно себѣ представить что либо болѣе жалкое и убогое, нежели домашняя обстановка этихъ людей, хотя они не требуютъ ничего лучшаго. Теплый и вѣчно ровный климатъ составляетъ главную причину ихъ беззаботности и отвращенія къ труду, между тѣмъ какъ довольство судьбой, которое считается такимъ похвальнымъ качествомъ въ цивилизованныхъ странахъ, можетъ быть названо чистой язвой теплыхъ южно-американскихъ странъ, такъ какъ здѣсь это не есть результатъ сознательнаго размышленія, а только одной лѣни. Между тѣмъ г. Кольбергъ хвалитъ туземцевъ Экуадора за ихъ вѣжливое обращеніе; они были постоянно предупредительны съ нимъ, услужливы и привѣтливы; ихъ гостепріимство превосходило все, что ему приходилось встрѣчать въ другихъ мѣстахъ. Каждая хижина представляетъ собой открытую гостинницу, гдѣ всякій можетъ свободно переночевать и провести нѣсколько дней, не заботясь о томъ, чтобы ему приготовили какую-нибудь ѣду, такъ какъ это считается обязанностью хозяевъ. Чужестранцу никогда не отказываютъ въ разрѣшеніи войти въ домъ; онъ всегда можетъ разсчитывать на ласковый пріемъ, даже въ самыхъ бѣдныхъ жилищахъ, при скудной пищѣ. Вообще гостепріимство составляетъ, повидимому, характерную черту всѣхъ южно-американцевъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, относительно путешествующихъ духовныхъ особъ. Тѣмъ не менѣе Е. Г. Скуайеръ крайне непріязненно отзывается о туземцахъ Перу; то же самое утверждаетъ другой почтенный наблюдатель, Антоніо Раймонди. По его словамъ, путешественнику стоитъ только отойдти отъ берега и подняться въ болѣе высокіе районы Сіерры, чтобы вступить въ борьбу съ языкомъ „кечуа“, потому что помимо весьма немногихъ мѣстечекъ и отдѣльныхъ хижинъ, расположенныхъ около дороги, туземцы не понимаютъ испанскаго языка. Такимъ образомъ, какъ по незнанію языка, такъ и вслѣдствіе недовѣрчиваго характера индійцевъ, путешественникъ лишенъ возможности пользоваться ихъ гостепріимствомъ и получить самое необходимое. Индійцы ничего не продаютъ и еслибы даже вы попросили у нихъ глотокъ воды, то услышали-бы отъ нихъ одинъ отвѣтъ: Manam cancho! (ничего

нѣтъ), такъ что вамъ остается только взять насильно то, что вамъ нужно (Ausland, 1870, S. 1209).

Нынѣшніе кечуа производятъ вообще грустное впечатлѣніе. Громкое имя инковъ, которое носили предки этого народа, кажется насмѣшкой въ примѣненіи къ нему, такъ какъ его столько времени топтали въ грязь, что онъ наконецъ самъ привыкъ къ этому и почти превратился въ животное. Едва прошло триста лѣтъ, какъ изъ націи, грозившей подчинить своему господству весь сѣверъ южной Америки, сдѣлалась толпа трусливыхъ рабовъ. Здѣшніе туземцы, — отупѣвшіе и повидимому лишенные всякой нравственной силы, вслѣдствіе долгаго рабства, въ продолженіи многихъ поколѣній, умѣренные отъ природы и лѣнивые, какъ большинство южныхъ народовъ, — прозябаютъ въ своихъ горахъ какъ деревья, подъ которыми они выростаютъ и старѣютъ.

Жилища ихъ состоятъ изъ маленькихъ жалкихъ хижинъ круглой формы, съ единственнымъ низкимъ и узкимъ отверстіемъ вмѣсто двери. Онѣ построены изъ неотесаннаго камня, крыты высушенной травой и не перегорожены внутри; вся семья скучена здѣсь вмѣстѣ съ свиньями, собаками, курами, ягнятами и морскими свинками. Все ихъ имущество состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ и тыквъ, небольшого количества хлопка или шерсти для пряжи женщинъ и нѣсколькихъ овечьихъ шкуръ (обыкновенно переполненныхъ насѣкомыми), которыя постланы на сырой землѣ и служатъ постелью. Многіе индійцы вовсе не ложатся спать, но сидятъ скорчившись, положивъ локти на колѣни; въ этомъ же положеніи древніе перувіанцы хоронили своихъ мертвецовъ. Нынѣшніе индійцы, живущіе въ прохладныхъ горныхъ возвышенностяхъ, никогда не раздѣваются передъ сномъ и моются очень рѣдко. Огонь горитъ у нихъ внутри хижины и наполняетъ ее дымомъ. Они мало ѣдятъ мяса и, хотя держатъ свиней и куръ, но чувствуютъ такое пристрастіе къ своимъ домашнимъ животнымъ, что не рѣшаются убивать ихъ. Въ ѣдѣ они довольно умѣренны, если сами принуждены доставлять себѣ пищу, и обыкновенно ѣдятъ два раза въ день; но когда они живутъ на плантаціяхъ, гдѣ ихъ кормитъ хозяинъ, то съѣдаютъ невѣроятное количество. Въ Перу главной ихъ пищей служитъ вареный или жареный маисъ и картофель; въ Экуадорѣ „macha“, или поджаренная ячная крупа. Тыквенныя чаши замѣняютъ тарелки, а пальцы и здоровые зубы служатъ замѣной ножей и вилокъ; къ этому нужно прибавить деревянную или оловянную ложку, которая служитъ одновременно на четырехъ особъ Въ видѣ неизбѣжнаго дессерта подаютъ здѣсь листья краснодревника (Erythroxylon coca. L), которые дѣйствуютъ какъ возбуждающее средство; ихъ высушиваютъ и жуютъ съ раковинной известью, или, вѣрнѣе сказать, кладутъ за щеку, сдѣлавъ изъ нихъ комокъ, и сосутъ, пока въ листьяхъ заключается сокъ или пока вздумается индійцу. Не каждый такой „кока“ одинаково хорошъ; лучшимъ считается тотъ, у котораго сладковатый вкусъ. Туземецъ вполнѣ наслаждается „кока“ только въ томъ случаѣ, когда къ этому присоединяется куреніе бумажной сигары, которая переходитъ изъ рукъ въ руки; при этомъ каждый затягивается ею разъ или два. Но пьянство, во всякомъ случаѣ, доставляетъ имъ наибольшее наслажденіе и всякое торжество празднуется попойкой. Любимый ихъ напитокъ „chicha“ (выг. „чича“), прохладительная настойка изъ маиса, дѣйствующая какъ слабительное; но вмѣстѣ съ тѣмъ питательная и хмѣльная, когда ее пьютъ въ избыткѣ.

Безконечное равнодушіе составляетъ характерную черту народовъ кечуа. Индіецъ кечуа безразлично относится къ счастью и несчастью, богатству и бѣдности, хорошей и худой пищѣ и доволенъ только тогда, если можетъ чѣмъ нибудь наполнить свой желудокъ и жевать кока. Богатство, почести и даже страхъ почти не дѣйствуютъ на большинство; если вы нанимаете въ работники индійца, то можете услышать отъ него такую фразу: „я не голоденъ". Онъ вообще нерадивъ и медленъ въ работѣ; при этомъ непрактиченъ и упрямъ. Въ болтливости его нельзя упрекнуть; онъ вообще говоритъ мало и ничего не скажетъ лишняго, если къ этому хотятъ принудить его силой. Онъ никогда не говоритъ „нѣтъ", а только „да". Если вы закричите ему „ты негодяй!" онъ отвѣтитъ: si, señor (да господинъ!). Кечуа врагъ всякой перемѣны; это типъ постоянства; какъ было сегодня, такъ должно быть и завтра; онъ охотно исполняетъ только то, что дѣлалъ его отецъ и прадѣдъ. Чрезвычайно своеобразенъ инстинктивный страхъ, который онъ чувствуетъ къ бѣлымъ, хотя подъ предводительствомъ бѣлаго онъ подъ часъ выказываетъ большое мужество. Но вообще довольно трудно вывести его изъ состоянія апатіи и побудить къ дѣятельности. Тѣлесныя наказанія производятъ сравнительно наибольшій эффектъ, такъ какъ вызываютъ извѣстныя страданія, которыхъ перувіанецъ особенно боится; но какъ только боль утихла, онъ забываетъ о нихъ Большую часть работы онъ предоставляетъ женѣ, и только воздѣлываетъ свое небольшое поле; но и тутъ женщины сѣютъ, полютъ и жнутъ. Все, что сверхъ того зарабатываютъ мужчины, нанимаясь въ поденьщики, пастухи или рудокопы, бо̀льшею частью тратится на водку „чича", или церковныя празднества.

Культъ народовъ кечуа представляетъ странную смѣсь римско-католическихъ церемоній съ безусловно языческими воззрѣніями. П. Фаллеръ, весьма компетентный судья въ этомъ вопросѣ, говоритъ слѣдующее: „Нельзя составить себѣ понятія о нравственности народа, по тому благочестію, какое онъ проявляетъ при всѣхъ религіозныхъ празднествахъ, тѣмъ болѣе, что съ этимъ благочестіемъ неразлучны многія человѣческія слабости. Такъ, между прочимъ во время Пасхи перувіанцы выражаютъ свою радость о воскресшемъ Спасителѣ далеко не похвальнымъ образомъ, а именно чрезмѣрнымъ употребленіемъ „чича". Прежде всего перувіанцу не достаетъ трудолюбія и поэтому здѣсь нѣтъ не только порядочныхъ дорогъ, но и хорошо обработанныхъ полей. Если нужно вспахать поле, то на работу выходятъ шесть индійцевъ (испанцы вовсе не работаютъ въ Америкѣ) съ шестью парами быковъ, запряженныхъ въ жалкое подобіе плуга. Одинъ изъ индійцевъ посвистываетъ, между тѣмъ какъ быки идутъ въ томъ направленіи, въ какомъ имъ вздумается; такимъ способомъ образуется нѣсколько полосъ, отчасти похожихъ на борозды; въ нихъ бросаютъ сѣмена—и поле засѣяно; остальное предоставляется на волю Божію. Благодаря солнечному свѣту и дождю, индіецъ собираетъ обильную жатву, необходимую для его жизни. Здѣсь никто не умѣетъ работать, а тѣмъ болѣе усиленно, но если устраивается религіозное торжество, то всѣ принимаютъ въ немъ самое живое участіе. Подобно всѣмъ невѣжественнымъ народамъ, они въ высшей степени суевѣрны и исполнены предразсудковъ относительно покойниковъ, въ особенности давно умершихъ предковъ. У перувіанцевъ существуетъ общее повѣріе, что если кто тронетъ съ мѣста прахъ древняго перувіанца, тотъ всю жизнь будетъ страдать физически. Это повѣріе настолько укоренилось здѣсь, что многіе, которые изъ алчности рыли могилы въ надеждѣ открыть скрытый кладъ, заболѣвали отъ нравственнаго упадка духа, въ короткое время теряли апетитъ и умирали отъ медленнаго разслабленія. На языкѣ кечуа существуетъ особое выраженіе, которымъ обозначаютъ такое состояніе физическаго разрушенія: „онъ сохнетъ мало по малу". Индѣйцы приписываютъ эту нравственную хилость испареніямъ отъ мертвыхъ тѣлъ или мумій древнихъ перувіанцевъ и во многихъ мѣстахъ называютъ ихъ „испаре-

ніями“ или воздухомъ мертвецовъ (vapores ó aires de los difuntos) или же „воздухомъ язычниковъ“ (aires de los gentiles). Впрочемъ идея смерти и страхъ, который ощущали люди отъ ея близости, имѣли меньше значенія у перувіанцевъ, нежели у другихъ народовъ. Смерть новорожденнаго ребенка даже считается у нихъ радостнымъ событіемъ, которое празднуютъ танцами и попойками, такъ какъ они убѣждены, что умершій ребенокъ непосредственно превращается въ ангела. Въ остальномъ индійцы имѣютъ очень смутное понятіе о христіанствѣ, и всѣ священники жалуются на ихъ равнодушіе въ религіозныхъ вопросахъ. Послѣднее сказывается между прочимъ при свадьбахъ; они не смотрятъ на вѣнчаніе, какъ на нѣчто связывающее, если оно совершено безъ надлежащей торжественности. Одно благословеніе священника въ присутствіи свидѣтелей они считаютъ недостаточнымъ и думаютъ, что въ этомъ случаѣ они имѣютъ право перемѣнить жену. У нихъ своеобразныя понятія относительно достоинствъ невѣсты; такъ, напримѣръ, они придаютъ очень мало значенія ея цѣломудрію. Если молодой кечуа хочетъ жениться на дѣвушкѣ и получилъ согласіе ея родителей, то оба обрученные вступаютъ въ сожительство другъ съ другомъ, какъ будто они были обвѣнчаны; но нерѣдко случается, что женихъ въ скоромъ времени бросаетъ дѣвушку. Если онъ доволенъ своимъ выборомъ, то вступаетъ въ бракъ. Кечуа ревнивы и жестоки въ супружествѣ, и у нихъ нерѣдко бываютъ убійства, вызванныя ревностью. Опустошительныя и часто повторяемыя оспенныя и тифозныя эпидеміи свидѣтельствуютъ о вымираніи индійцевъ. Въ числѣ главныхъ цѣлительныхъ средствъ противъ тифа употребляется полуиспорченная урина и затѣмъ слѣдующій способъ леченія: больного кладутъ возлѣ огня и покрываютъ множествомъ овчинъ; при этомъ возлѣ него ставятъ большія кружки съ „chicha“. Лихорадочный жаръ и близость огня возбуждаютъ сильнѣйшую жажду, вслѣдствіе чего больной постоянно пьетъ и на его тѣлѣ выступаетъ обильный потъ. Вскорѣ послѣ того бываетъ рѣшительный кризисъ, такъ что паціентъ или умираетъ въ два три дня, или же опасность минуетъ для него. Всѣ, которые выздоравливаютъ отъ тифа, послѣ этого пользуются долгимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости, что у перуанцевъ составляетъ обыденное явленіе. Но противъ оспы они не знаютъ никакихъ средствъ и умираютъ тысячами отъ этой ужасной болѣзни. (Ausland 1870, S. 1209—1213).

Образъ жизни горныхъ индійцевъ весьма разнообразенъ. Одни, связанные денежнымъ долгомъ, живутъ въ полусвободномъ состояніи на гаціендахъ (крупныхъ фермахъ или помѣстьяхъ) своихъ господъ, говорящихъ по испански, такъ какъ „peonie“, со всей ея ужасающей жестокостью, господствуетъ здѣсь, какъ и въ Мексикѣ. Другіе пользуются свободой и самостоятельно обрабатываютъ небольшую пашню, обнесенную рвомъ и заборомъ изъ алоэ, и разсѣяны на значительномъ пространствѣ. Наконецъ, нѣкоторые образуютъ общины, деревни и даже небольшіе города и болѣе или менѣе наслаждаются преимуществами общественной и цивилизованной жизни; они собственно представляютъ собой главный рабочій и ремесленный элементъ горной страны. Такимъ образомъ, мы не должны удивляться, если встрѣчаемъ такое разнообразіе въ наружности индійцевъ, и даже въ цвѣтѣ кожи. Послѣдняя почти бѣлая у индійцевъ, принадлежащихъ къ третьему сословію, такъ что ихъ лицо едва ли темнѣе, чѣмъ у загорѣлаго отъ солнца европейца. Между тѣмъ у многихъ индійцевъ, живущихъ на гаціендахъ, цвѣтъ кожи очень темный, съ легкимъ шоколадно-коричневымъ оттѣнкомъ. Но если мы примемъ во вниманіе унизительное состояніе, въ которомъ большею частью находятся эти несчастные, несмотря на номинальную и законную свободу, если вспомнимъ о тѣхъ лишеніяхъ, какія они испытываютъ съ самаго нѣжнаго возраста, то не можемъ удивляться тому сильному и печальному перерожденію, которое

проявляется не только въ ихъ цвѣтѣ кожи, но и въ выраженіи лицъ, никогда не осѣненныхъ высшей идеей. Это перерожденіе, благодаря невыгоднымъ условіямъ ихъ жизни, усиливается отъ поколѣнія къ поколѣнію и принимаетъ все большіе размѣры. Почти нагіе, служатъ они пастухами при стадахъ домашняго скота, подвергаясь то палящимъ лучамъ полуденнаго солнца, то невзгодамъ сильнѣйшихъ грозъ, дождю и граду, то леденящему ночному холоду, въ особенности на высокихъ мѣстахъ. Свободные индійцы представляютъ съ ними рѣзкую противоположность, а именно тѣ изъ нихъ, которые сохранили свою самостоятельность со временъ завоеванія. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ у мужчинъ и женщинъ такой бѣлый цвѣтъ кожи, и они настолько статны съ такими пріятными и интеллигентными лицами, что если бы они носили одинаковую одежду съ европейцами, то ихъ почти нельзя было бы отличить отъ послѣднихъ.

На плоскихъ возвышенностяхъ Кордильеровъ нѣтъ дикихъ индійцевъ; они встрѣчаются только на востокѣ большихъ горъ, у притоковъ Амазонской рѣки. Собственно неукротимыми дикарями осталась „хиваро“ и другія племена, которыя по тѣлосложенію и языку существенно отличаются отъ кечуа. На склонѣ восточныхъ Кордильеровъ и въ миссіяхъ Ріо-Напо, на географической широтѣ Квито, живутъ индійцы, принадлежащіе къ весьма распространенному племени кечуа, хотя эти вообще никогда не спускались съ высотъ въ болѣе теплыя страны. Къ нимъ можно было бы примѣнить названіе „полудикихъ“, такъ какъ они представляютъ собой странную смѣсь нѣкоторыхъ элементовъ цивилизаціи съ варварствомъ дикаго состоянія. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ проникли сюда эти обитатели плоской возвышенности? Всего вѣроятнѣе, что они происходятъ отъ тѣхъ храбрыхъ воиновъ, которые во время завоеванія страны испанцами предпочли удалиться на востокъ, въ негостепріимные первобытные лѣса, нежели признать надъ собой иго пришельцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ посѣщаютъ школы въ Квито. Они ходятъ совершенно нагіе, даже не носятъ пояса изъ древесной коры, который кажется имъ лишнимъ украшеніемъ. Лицо свое, а именно около глазъ, они раскрашиваютъ огненно-красными и синими полосами. На шеѣ они носятъ ожерелья изъ обезьяньихъ зубовъ, улитковыхъ скорлупъ и жесткокрылыхъ жуковъ.

Языкъ кечуа представляетъ собой одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и богатыхъ идіомовъ; въ настоящее время на немъ говорятъ около двухъ милліоновъ людей, а именно въ Перу, исключая горнаго плато, въ Кочабамба, одной изъ провинцій Боливіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Экуадора и аргентинской республики. Ни одинъ изъ болѣе развитыхъ американскихъ языковъ не можетъ сравниться съ кечуа по богатству словъ, полнотѣ формъ, тонкимъ отличіямъ въ выраженіяхъ и по способности передать точнымъ, разнообразнымъ и благозвучнымъ способомъ всякій оттѣнокъ чувствъ и сущность мысли. Тѣмъ не менѣе кечуа преимущественно гортанный языкъ и въ немъ встрѣчаются звуки, которые не могутъ быть выражены никакимъ сочетаніемъ буквъ европейской азбуки. Такого мнѣнія держится I. I. Чуди, одинъ изъ самыхъ основательныхъ знатоковъ этого идіома, написавшій о немъ превосходную и подробную грамматику, (Die Kechuasprache. Wien 1853. 2 Bde), а также Гавино Пачеко-Цегарра, для котораго кечуа родной языкъ. (Congrés internat des

Américanistes. Première session. Nancy. T. II, S. 303). Замѣтное преобладаніе гортанныхъ звуковъ, которое здѣсь какъ и вездѣ можно считать послѣдствіемъ гористаго характера страны, представляетъ много трудностей для береговыхъ жителей, привыкшихъ къ благозвучному испанскому языку, тѣмъ болѣе что они даже на собственномъ идіомѣ замѣняютъ гортанное j мягкимъ „g". Но еще труднѣе для европейца флексіи словъ и синтаксическое строеніе языка кечуа, въ которомъ нѣтъ относительныхъ и придаточныхъ предложеній, между тѣмъ, какъ причастныя формы встрѣчаются очень часто и ихъ примѣняютъ своеобразнымъ способомъ. Такъ называемые дѣйствительные глаголы, въ которыхъ дѣйствіе переходитъ съ одного лица на другое, совершенно одинаковы какъ въ кечуа, такъ и въ сосѣднихъ языкахъ: арауканскомъ и гварани. Мы укажемъ, какъ напримѣръ, на спряженіе глагола munani (я люблю), которое измѣняется, когда дополненіемъ является второе лицо, munaski (я люблю тебя), или когда дѣйствіе съ третьяго лица переходитъ на первое, munahuan (онъ любитъ меня). Древній языкъ представлялъ ту особенность, что съ помощью добавочныхъ слоговъ можно было измѣнять и разнобразить значеніе глаголовъ, что служило богатымъ источникомъ для образованія словъ. Эта особенность почти совершенно утрачена въ нынѣшнемъ языкѣ нѣкоторыхъ мѣстностей; равнымъ образомъ, едва третья часть прежняго богатаго словаря употребляется на практикѣ, между тѣмъ, какъ въ кечуа недостающія или незнакомыя слова прямо замѣняются испанскими, съ добавленіемъ окончаній, заимствованныхъ изъ языка кечуа. Тѣмъ не менѣе мѣстный языкъ весьма далекъ отъ вымиранія, такъ что въ Боливіи, по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ и въ небольшихъ городахъ, даже въ лучшихъ семьяхъ предпочитаютъ испанскому языку древній идіомъ инковъ или языкъ кечуа, не только для дѣловыхъ сношеній, но и для дружеской бесѣды. Кромѣ того, знаніе кечуа крайне необходимо при извѣстныхъ занятіяхъ и отрасляхъ промышленности, которыя находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ простымъ народомъ. Священникъ, торгующій въ лавкѣ купецъ, должностныя лица въ деревнѣ, сельскій хозяинъ, занимающійся земледѣліемъ, не могутъ обойтись безъ знанія мѣстнаго языка. (Eugen von Böck, въ Globus, Bd. XXV, S. 140—411).

„На языкѣ кечуа"—говоритъ I. I. Чуди,—„существуетъ чрезвычайно богатая литература; но она навсегда останется покрыта для насъ мракомъ неизвѣстности. Хроники перувіанской исторіи перевязаны шнурами, свитыми изъ разноцвѣтной шерсти ламы или волоконъ агавы, въ такъ называемыхъ „кипу" (узлы). Ихъ можно добывать пудами изъ мѣстъ погребенія древнихъ перувіанцевъ. Большая часть ихъ подверглась такому разрушенію отъ соли покрывающаго ихъ морского песка, что тщательно сложенная и связанная книга

распадается въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Между тѣмъ другія были покрыты такимъ толстымъ слоемъ сухой земли, непроницаемымъ для дождя, что пестрыя краски, которыя играютъ такую важную роль въ пониманіи древнихъ письменъ, остались неприкосновенными, несмотря на протекшія столѣтія". Чуди пришелъ къ „непреложному" выводу, что ключъ къ этимъ письменамъ существуетъ до настощаго времени „только у весьма незначительнаго количества индійцевъ, которые ревниво охранятъ его отъ непосвященныхъ, какъ чисто индійскую національную собственность". (Tschudi a. a. O., Bd. I, S. 24—25). Но такъ какъ іероглифы или, вѣрнѣе сказать, „живописныя письмена" мексиканцевъ, а равно „кипу" перувіанцевъ служатъ сравнительно весьма слабымъ выраженіемъ мысли, и при посредствѣ ихъ не могла быть сохранена связная рѣчь или стихотвореніе, то поэтическія произведенія этихъ народовъ удерживались съ помощью устнаго преданія. Весьма естественно, что во время сильнаго переворота всѣхъ государственныхъ и соціальныхъ отношеній, который вынесли фактически американскія культурныя государства, благодаря испанскимъ завоеваніямъ, духовные продукты этихъ нѣкогда счастливыхъ народовъ, существовавшіе только въ видѣ устнаго преданія, подверглись забвенію подъ гнетомъ новаго ига. Въ Мексикѣ это явленіе приняло несравненно большіе размѣры, нежели въ Перу. Такъ, напримѣръ, изъ поэтическихъ произведеній древнихъ мексиканцевъ до насъ дошло только небольшое количество стиховъ. Между тѣмъ въ Перу до сихъ поръ сохранились въ устахъ народа пѣсни „Harhuis", сочиненныя въ цвѣтущее время государства инковъ. Кромѣ того еще уцѣлѣла драма, которая часто исполнялась въ царствованіе послѣдняго инка и даже послѣ испанскаго завоеванія при несчастномъ инка Тупакъ-Амару, въ концѣ прошлаго столѣтія.

Эта драма въ своемъ родѣ единственное литературное произведеніе между всѣми американскими языками. „*Олланта*, или строгость отца и великодушіе короля", представляетъ крайне любопытную культурную картину, въ которой поэтическое достоинство стиховъ само по себѣ заслуживаетъ нашего вниманія. Мы встрѣчаемъ здѣсь, при наивнѣйшей формѣ выраженія мысли, такую тонкость ощущеній, которая ясно свидѣтельствуетъ о высотѣ достигнутой цивилизаціи. Мои читатели, вѣроятно, не будутъ въ претензіи, если я подробнѣе познакомлю ихъ съ содержаніемъ и формой этого замѣчательнаго стихотворенія. Мотивы драмы вполнѣ человѣческіе и личные; главная побудительная причина всего любовь. Олланта человѣкъ изъ народа, заслужившій славу въ битвахъ, котораго много разъ отличалъ Инка. Но когда онъ осмѣлился поднять глаза на его дочь, кроткую Кузи Коллуръ, король отвергъ его искательство съ глубокимъ негодованіемъ. Мужская гордость героя возмутилась противъ тиранического нарушенія счастья его жизни; онъ возстаетъ противъ короля, во главѣ восточной провинціи Антизуйю, которой онъ командовалъ въ качествѣ военачальника. Кузи исчезаетъ; ее считаютъ умершей; Олланта побѣждаетъ Риминахуи, начальника королевскихъ войскъ; его выбираютъ въ

инки Антизуйю. Между этой и слѣдующей частью драмы двѣнадцатилѣтній промежутокъ.

Има Сумакъ, одиннадцати—двѣнадцати-лѣтняя дѣвушка, горько плачетъ въ „домѣ избранныхъ“. Она не желаетъ быть причисленной къ дѣвамъ солнца Куцко, перувіанскимъ весталкамъ, а хочетъ жить полной жизнью. Ее напугалъ загадочный голосъ, который раздается ночью въ саду и томительно призываетъ смерть. Кто эта плѣнница, которая такъ жалобно стонетъ? Питусалла, привратница дома, тронутая ласковыми рѣчами дѣвушки, ведетъ ее къ мрачной темницѣ въ утесѣ. Здѣсь лежитъ Кузи Куиллуръ, изнывающая отъ горя и лишеній; она узнаетъ въ молодой посѣтительницѣ свою дочь. Между тѣмъ умираетъ старый инка, и престолъ наслѣдуетъ его младшій сынъ, Тупакъ Юпанки. Все еще Антизуйю находится подъ властью Олланта; новый инка снова посылаетъ Руминагуи, чтобы онъ покорилъ возставшую провинцію ея природному повелителю, но безъ пролитія крови. Военачальникъ исполняетъ полученный приказъ, и, выказывая лицемѣрное почтеніе и дружбу Олланту, пріобрѣтаетъ его полное довѣріе, убѣждаетъ храбраго воина въ его безопасности, и, когда этотъ напивается со своими приближенными на празд никѣ солнца, онъ нападаетъ на него съ войсками инка и уводитъ въ плѣнъ Олланта со всѣми его „анти“ въ Куцко. Но инка Юпанки исполненъ благородныхъ стремленій; онъ презираетъ измѣну и возводитъ Олланта въ званіе своего намѣстника. Весь Куцко радуется этому примиренію, между тѣмъ до слуха Инка достигаетъ дѣтскій голосъ, молящій о пощадѣ. Има Сумакъ проситъ объ освобожденіи своей матери. Братъ и сестра узнаютъ другъ друга; Олланта и Кузи Куиллуръ радуются своему вторичному соединенію. Олланта, при своемъ неуклонномъ мужествѣ, является вполнѣ популярной героической личностью, и подобно большинству популярныхъ героевъ, отъ личныхъ цѣлей переходитъ къ болѣе идеальнымъ стремленіямъ. Необыкновенно благородная и прекрасная личность инка Юпанки проникнута духомъ гуманности, которую всего меньше можно было бы предполагать въ перувіанскомъ инкѣ. Кузи Куиллуръ—образъ кроткаго и преданнаго женскаго существа; Има Сумакъ одна изъ прелестнѣйшихъ женскихъ фигуръ, какія только можно встрѣтить въ поэзіи всѣхъ странъ; не менѣе удачно изображены: Руминагуи, представитель гнусныхъ льстецевъ, и старый инка, который весь проникнутъ своимъ солнечнымъ величіемъ. Кромѣ того, въ драмѣ есть еще двѣ особенности, заслуживающія вниманія: во-первыхъ, мы встрѣчаемъ здѣсь несравненно больше драматизма, нежели въ которомъ-либо изъ произведеній внѣ-европейскихъ культурныхъ народовъ древности; во-вторыхъ, хотя любовь является главнымъ двигателемъ, но въ драмѣ нѣтъ никакихъ любовныхъ сценъ, потому что влюбленные выходятъ на сцену только въ концѣ послѣдняго дѣйствія.

Олланта переведена на нѣмецкій языкъ прекрасными метрическими стихами графомъ Альбертомъ Викенбургомъ, („Ollanta“, peruanisches Originaldrama aus der Inkazeit. Nach J. J. V. Tschudis wörtlicher Verdeutschung metrisch bearbeitet von Albrecht Graf Wickenburg. Wien 1876). Чтобы дать понятіе моимъ читателямъ объ этомъ поэтическомъ произведеніи, я приведу здѣсь трогательную жалобную пѣсню Олланта о потерѣ Коиллуръ:

Улетѣла голубка,
Взлелѣянная мною!
Хочешь найти ея слѣдъ,
Ищи на этомъ полѣ!
На ея миломъ лицѣ
Сіяетъ звѣздный свѣтъ,
Имя ей Коиллуръ!
Если хочешь ее ночью узнать,
Когда горятъ сродныя ей свѣтила,
То вспомни ея имя!

Солнца золотое сіяніе
И луннаго свѣта мерцаніе
Озаряютъ ея чело
Своимъ кроткимъ свѣтомъ,
И имя ея заключаетъ въ себѣ

Блескъ обоихъ.
Шелковисто мягкіе, темные волосы,
Сверкая, обвиваются вокругъ ея членовъ,
Ниспадаютъ въ ясномъ отблескѣ
Пара черныхъ волнистыхъ косъ.

Прелестной радугой
Изогнуты брови,
Ея кроткіе, ясные очи
Подобны двумъ солнцамъ;
Бѣги и спасайся,
Если поднимется завѣса рѣсницъ;
Изъ ихъ ночного мрака
Вѣетъ гибелью, вѣетъ смертью.
Эти чары угрожаютъ бѣдой,
Отъ которой заболѣваетъ сердце.

Ачанкараи цвѣтетъ
Въ ея лицѣ, тихо пламенѣя,
Будто въ бѣлый снѣгъ оно погружено,
Нѣжнымъ румянцемъ подернуто,
Когда выглянетъ утреннее солнце.
Изъ милыхъ устъ блестнетъ
Свѣтлый рядъ
Бѣлыхъ зубовъ и всѣ,
Едва засмѣется она веселымъ смѣхомъ,
Вторятъ ей радостнымъ хоромъ.

Чары, въ другой незамѣтныя,
Всѣ соединены здѣсь,
Въ цвѣтущей милой дѣвушкѣ!
Бѣла какъ шерсть ея грудь,
А шея снѣжной бѣлизны походитъ
На кристаллъ свѣтлаго льда.
Рука ея, мягкая и нѣжная,
Также ослѣпительно бѣла, какъ шея,
И на льда свѣтлые зубцы
Походятъ ея стройные пальцы.

Пѣсни, до сихъ поръ существующія въ устахъ народа, нерѣдко очень нѣжнаго и при этомъ большею частью эротическаго содержанія. Они богаты сравненіями, заимствованными изъ природы, и почти всегда полны чувства; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сказывается страсть, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей строфѣ:

Umaykita cymuycuchi
Chuchaykipi sipic'usak
Chuchaykipi sipic'uspa
Sonkoykipi pampacusak.

Склонивъ твою горделивую голову,
Хотѣлъ бы я повѣситься на твоихъ волосахъ,
И, умирая на твоихъ волосахъ,
Похоронить себя въ твоемъ сердцѣ.
(Globus, Bd. XXV, S. 141).

Наравнѣ съ поэзіей, музыка играла важную роль въ жизни древнихъ перувіанцевъ; у ихъ потомковъ до сихъ поръ можно встрѣтить „quena“, жалкое подобіе флейты первобытнаго устройства. Они извлекаютъ изъ нея мелодіи, преимущественно въ минорномъ тонѣ, безъ соблюденія музыкальнаго размѣра, которыя выражаютъ безнадежное томленіе или жалобу на судьбу и трогаютъ до слезъ коричневыхъ дѣтей андовъ. Эти „yaravi“, или національныя мелодіи древнихъ перувіанцевъ, большею частью исполняются индійцами на „quena“, безъ всякаго другого аккомпанемента, и дѣйствительно производятъ поражающее впечатлѣніе. На первомъ интернаціональномъ конгрессѣ американистовъ въ Нанси, мнѣ удалось слышать эти „yaravi“, исполненные на саксонскомъ рожкѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Оскара Кометанъ. Мы приведемъ одну изъ этихъ мелодій:

Ближайшіе сосѣди кечуа, аймары, занимаютъ всю плоскую возвышенность между береговыми Кордильерами на западѣ, Андами на востокѣ, до Оруро на югѣ и озера Титикака на сѣверѣ, слѣдовательно распространены на сѣверо-западѣ Боливіи и на югѣ Перу.

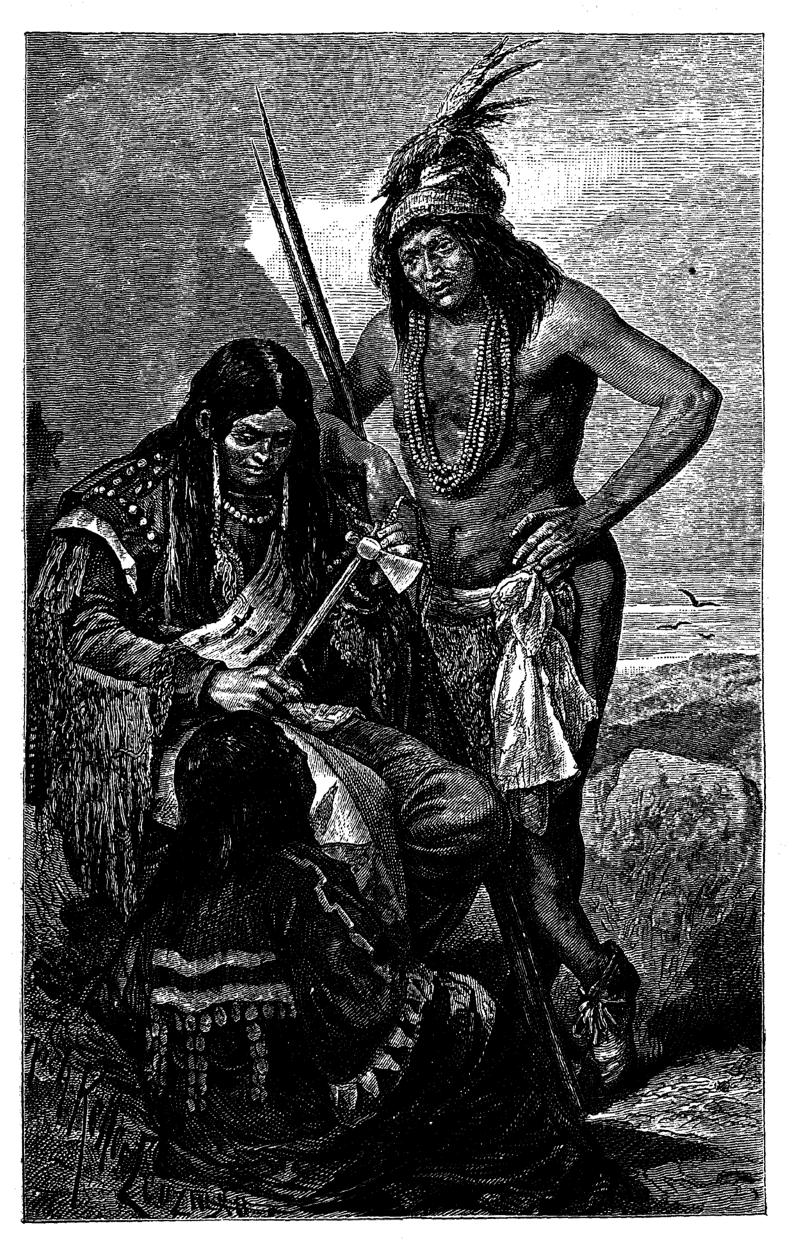
Ихъ причисляютъ къ цивилизованнымъ индійцамъ; они схожи съ кечуа и въ союзѣ съ ними составляютъ такъ называемыхъ „индійцевъ инка". Древніе испанцы несравненно правильнѣе называли ихъ индійцами колла, такъ какъ они живутъ въ Колла-суйо.

Аймары, по принужденію инковъ, платили имъ дань, но не были присоединены къ королевству и не приняли языка кечуа; они оставались изолированными и неохотно выносили свое иго, хотя были побиваемы при всякой попыткѣ къ возстанію противъ перувіанцевъ. Ихъ участь была особенно плачевна подъ владычествомъ испанцевъ, которые хуже обращались съ ними, нежели когда либо съ неграми. Въ это время число ихъ сильно уменьшилось, такъ что на каждомъ шагу можно было встрѣтить покинутыя деревни. Послѣ изгнанія испанцевъ, въ Перу и Боливіи продолжались внутреннія распри; но большинство чистокровныхъ индійцевъ не принимало въ нихъ участія; они оставались равнодушными зрителями того, что происходило вокругъ нихъ. Между тѣмъ численность ихъ снова увеличилась; они мало по малу сознали свои силы и начали расовую борьбу. Аймары въ глубинѣ души питаютъ непримиримую ненависть къ своимъ бѣлымъ притѣснителямъ. Мѣстная конституція признаетъ ихъ свободными; но при этомъ ихъ положеніе немногимъ лучше крѣпостныхъ; они платятъ ежегодную подать отъ 4—10 долларовъ съ семьи. Во главѣ общины стоитъ „алькальде" (деревенскій староста) индіецъ; они самостоятельно рѣшаютъ дѣла общины и дѣлятъ между собою земли по мѣрѣ надобности. Въ Перу отмѣненъ налогъ съ индійцевъ; но при мощеніи улицъ, постройкѣ церквей, мостовъ и т. п., они должны работать безплатно.

Общее число аймаровъ оцѣнивается въ три четверти милліона; изъ нихъ 500,000 живутъ въ Боливіи, остальные въ Перу, хотя, быть можетъ, эта цифра немного преувеличена. Аймары отличаются сильнымъ и массивнымъ тѣлосложеніемъ; ростъ ихъ, среднимъ числомъ, доходитъ до 1,59 м., рѣдко 1,62 м.; ноги у нихъ короткія и коренастыя съ очень маленькими ступнями, широкія плечи и несоразмѣрно большая грудная клѣтка, которая дѣлаетъ туземца способнымъ дышать разрѣженнымъ воздухомъ его плоской возвышенности, между тѣмъ какъ для чужестранца восхожденіе на нее связано съ большими трудностями. Аймара не страдаетъ горной болѣзнью; ниже 2440 м. надъ уровнемъ моря онъ уже не чувствуетъ себя хорошо и быстро умираетъ въ низменныхъ мѣстахъ. Давидъ Форбсъ, которому мы обязаны подробнымъ описаніемъ этого любопытнаго народа (въ „Journal of the Ethnological Soc. London 1870 S. 193—306), не встрѣчалъ ни одного дороднаго субъекта между аймарами. Въ ихъ фигурѣ особенно поражаетъ несоразмѣрная длина туловища, сравнительно съ ногами и ляшками. Лицо круглое и плоское, но профиль недуренъ; носъ большею частью орлиный; ротъ средней величины; слегка отвороченныя и полныя губы имѣютъ желтоватый или коричнево-красный цвѣтъ; зубы, если только они не испорчены жеваніемъ „кока", красивые и бѣлые; глаза черные или темнокоричневые, и при этомъ едва замѣтно скошенные внутрь. Волосы ростутъ низко на лбу и чрезвычайно густые у обоихъ половъ, большею частью чернаго или темнокоричневаго цвѣта, со-

всѣмъ прямые, но мягкіе и никогда не сѣдѣютъ. Мужчины безбородые и у нихъ на всемъ тѣлѣ нѣтъ волосъ. Кожа при малѣйшемъ уходѣ гладкая, нѣжная и какъ бы полированная; при этомъ никогда не бываетъ клейкой и холодной и безъ замѣтнаго запаха. Цвѣтъ ея коричневый, но мѣняется, смотря по мѣстности и занятіямъ; у новорожденныхъ она красноватая и только немного темнѣе, чѣмъ у бѣлаго ребенка. Впослѣдствіи кожа сильно темнѣетъ и принимаетъ коричневый оттѣнокъ, свойственный аймарамъ, что, вопреки существующему мнѣнію, вовсе не мѣшаетъ имъ краснѣть, хотя, разумѣется, краска не такъ замѣтна на ихъ щекахъ, какъ у бѣлыхъ. Выраженіе лица аймаровъ меланхолическое, но рѣшительное; характеръ у нихъ своенравный и несравненно смѣлѣе, чѣмъ у кечуа; но въ остальномъ они схожи съ послѣдними въ томъ отношеніи, что до настоящаго времени остались такими же, какъ прежде, и большею частью твердо придерживаются старыхъ взглядовъ и нравовъ, вслѣдствіе чего ихъ религія представляетъ странную смѣсь древнихъ языческихъ вѣрованій и католическихъ обрядовъ. Аймара кажется тупоумнымъ по наружному виду и нерѣдко намѣренно изображаетъ изъ себя дурака, хотя далеко не глупъ на дѣлѣ. Онъ всегда серьезенъ, молчаливъ, задумчивъ, недовѣрчивъ, подозрителенъ и въ высшей степени неповоротливъ и упрямъ; никакая пытка, ни даже смерть не могутъ заставить его выдать тайну. Многіе не безъ основанія упрекаютъ его въ лживости и коварствѣ; при этомъ онъ по природѣ лѣнивъ и грязенъ. По словамъ Чуди, аймара не вымытъ даже послѣ своего рожденія, и тѣмъ менѣе считаетъ нужнымъ мыться впослѣдствіи. Поэтому на его тѣлѣ образуется кора грязи, которая придаетъ еще болѣе темный оттѣнокъ темнокоричневому цвѣту его кожи. Главной принадлежностью его одежды служитъ распространенный въ Южной Америкѣ „poncho“; горные жители носятъ войлочную шляпу съ широкими полями и подъ нею вязанную шерстяную ермолку,—часто даже не одну,—которая покрываетъ все лицо, съ отверстіями для глазъ, носа и рта. Грубая рубашка изъ небѣленой шерсти ламы или овцы, панталоны до колѣнъ изъ такой же шерстяной матеріи, сандаліи изъ кожи ламы, такъ называемыя, „ojota“ или „usuta“, одѣтыя на босую ногу, дополняютъ туалетъ аймара. Женщины ходятъ дома съ непокрытой головой; волосы ихъ, заплетенные въ двѣ косы, висятъ во всю длину; одежда состоитъ изъ бумажной или шерстяной рубашки, сверхъ которой надѣта юбка, привязанная къ поясу; на плечахъ накинутъ кусокъ грубой рѣдкой матеріи, прикрѣпленной надъ лбомъ „pichi“ (родъ серебрянаго украшенія въ видѣ ложки). Подобныя же украшенія, и довольно большихъ размѣровъ, женщины носятъ по обѣимъ сторонамъ груди. Онѣ почти всегда ходятъ босыя, но внѣ дома надѣваютъ „montera“, т. е. черную или синюю шляпу, своеобразной формы, отороченную красной матеріей. Аймары, подобно кечуа, рѣдко чистятъ и мѣняютъ одежду, а также почти никогда не снимаютъ ея на ночь. Постель неизвѣстна у нихъ. Они спятъ на нарахъ и покрываются нѣсколькими шкурами и „ccanieri“, очень толстымъ одѣяломъ изъ шерсти ламы. (Forbes, a. a. o.).

Въ былыя времена аймаровъ считали самымъ древнимъ культурнымъ народомъ Южной Америки и приписывали имъ сооруженіе храма солнца на озерѣ Титикака; но Клеменсъ Робертъ Маркгальмъ окончательно опровергъ этотъ взглядъ. (Journal of the R. geograph. Soc. London. 1871. S. 327—336). Аймары принадлежатъ къ племени кечуа; они, по всѣмъ вѣроятіямъ, жили первоначально въ верхней долинѣ Абанкаи и еще до царствованія инка Капакъ-Юпанкви были переселены въ область Колла, гдѣ усвоили мѣстный языкъ. Іезуиты



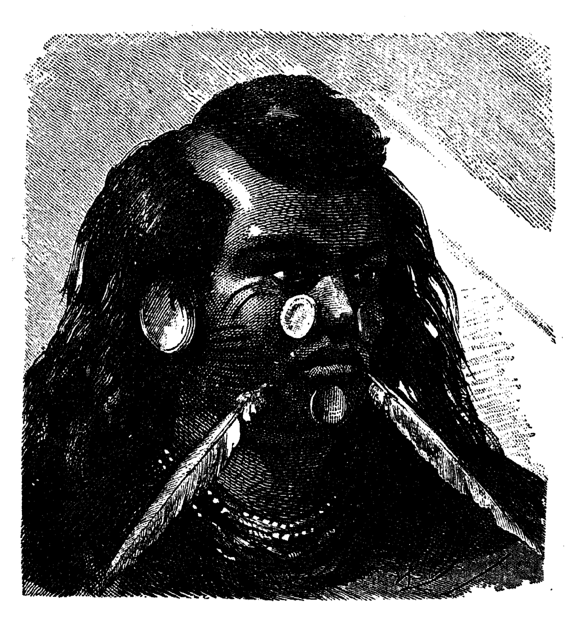
Индійцы па-утагъ.

перенесли названіе аймаровъ на индійцевъ колла, и вслѣдствіе этого назвали языкъ колла „языкомъ аймаровъ“. Онъ сохранился въ цѣлости до настоящаго времени, сроденъ съ кечуа, но несравненно грубѣе послѣдняго. Многія слова тождественны на обоихъ идіомахъ; равнымъ образомъ, существуетъ большое сходство въ ихъ грамматическомъ строеніи. Оба образуютъ свои сложныя слова по одинаковымъ законамъ; имѣютъ тѣ-же нормы агглутинаціи для склоненій и спряженій; оба производятъ одинаковымъ образомъ однѣ части рѣчи изъ другихъ съ тою разницей, что языкъ аймара стоитъ на низшей степени развитія. (Tschudi, Kechuasprache, Bd. I, S. 18). Изъ различныхъ діалектовъ аймара, на которыхъ говорятъ: канчи, касна, коллагва, каранка, чарка, паказа и лупака, два послѣдніе наиболѣе развитые.

По сосѣдству съ аймарами и кечуа мы встрѣчаемъ рядъ племенъ, которыя не представляютъ съ ними этнологической связи, а также вѣроятно и между собой. Такъ, напримѣръ, мы можемъ назвать барбакоа и искуанди, на сѣверо-западѣ, и квиллацинга, на юго-востокъ отъ Пасто; пуруайе, къ югу отъ Чимборазо; гуанка (huancas) и яуйо на широтѣ Лимы; первые внутри страны, вторые преимущественно на берегу; атакама, живущіе на побережьи, къ югу отъ Арика до Атакама; а на югъ отъ нихъ чанго (chango), ллипи и другія племена. Собственно не существуетъ разграничивающей черты, которая отдѣляла бы эти племена, а равно и множество другихъ болѣе мелкихъ племенъ Перу, (перечисленныхъ у Чуди и Маркгама), отъ народовъ, которыхъ мы обозначимъ однимъ общимъ именемъ, хотя оно ни въ какомъ случаѣ не указываетъ на ихъ этнологическую связь, а только на географическую. Мы назовемъ ихъ:

Андезинами или антизанами. По Фридриху Миллеру, къ нимъ принадлежатъ кофаны въ Экуадорѣ, на востокъ отъ Чимборазо и на нижнихъ склонахъ Каямби; они нѣкогда мужественно сражались противъ испанцевъ и убили многихъ миссіонеровъ; но теперь число ихъ значительно уменьшилось и они сдѣлались менѣе дикими. Хуамбойа равнымъ образомъ живутъ къ востоку отъ Чимборазо, Йивары, извѣстные своею воинственностью, распространены на западѣ средняго Пастаца; и вѣроятно, благодаря примѣси испанской крови, отличаются такъ называемымъ кавказскимъ типомъ лица и имѣютъ бороду. Напо или квихо, на половину обращенные въ христіанство, живутъ у могущественной рѣки Напо, по сосѣдству съ миролюбивыми цапоро. Индійцы ямко, у нижняго Чамбира, съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, заходятъ въ своихъ странствованіяхъ за Мараньонъ до Сараяку; пакаморо и югуарцонго при изгибѣ Мараньона съ сѣвера на востокъ; Кочикина (cochiquina) у нижняго Явари, майоруна или барбудо у средняго Ука-

яли, близъ Кампо и Кошибо; изъ всѣхъ индійцевъ они внушаютъ наибольшій страхъ своимъ сосѣдямъ, живутъ въ лѣсахъ между Тапиче и Мараньономъ и подобно йиварамъ отличаются бородой; родиной имъ служитъ мѣстность у Ріо Майо (притока Гуаллага), какъ указываетъ ихъ прозвище майоруна, потому что руна на языкѣ кечуа означаетъ „человѣкъ". Пано жили прежде въ области Лалагуна, близъ устья Гуаллага, но теперь обращены въ христіанство и занимаютъ деревни у верхняго Укаяли, гдѣ составляютъ почти половину населенія. Ихъ языкъ „пано", главный идіомъ въ Укаяли; къ нимъ нужно причислить еще слѣдующія семь племенъ: 1) дикіе кашибо или казиро, которыхъ считаютъ людо-



Индіецъ изъ племени майоруна.

ѣдами; 2) карапучо (carapuchos); 3) каллизека (callisecos) или индійцы, прозванные „летучими мышами", распространены отъ Пахитеа до Аквитеа; 4) конибо; 5) шипибо; 6) шатебо (индійцы, прозванные электрическими угрями, обезьянами и хищными птицами) и 7) племена, названныя миссіонерами маніото, майна; они исключительно береговые жители, переходятъ съ мѣста на мѣсто и распространены отъ Пахитеа до устья Укаяли. Внутри лѣсовъ, покрывающихъ правый берегъ, отъ Сипагуа до Тамайо, живутъ амагуака и шакайа. Къ нимъ примыкаетъ съ сѣвера отъ Тамайо до Кашибойа сильное воинственное племя ремо, которое отличается отъ остальныхъ индійцевъ обычаемъ татуировки. Внѣ этой группы

племенъ, говорящихъ языкомъ „пано“, стоятъ кампа, кампо или анти на восточномъ склонѣ перувіанскихъ Кордильеровъ, въ области истока Ріо Бенни и его притоковъ. Чонтаквиро (chontaquiros), или пиру, въ настоящее время живутъ почти исключительно на берегу Укаяли, выше Пахитеа. Мохо въ боливіанской провинціи Мохосъ; совмѣстно съ небольшими племенами: бауре, итонама, пакагуара и т. д. чикито (chiquito), жители боливіанской провинціи того-же имени съ племенами саравека, инима, отуке, замука и т. д.

Американскій ученый Джемсъ Ортонъ довольно подробно изучилъ индійскія племена, занимающія область между Квито и Амазонской рѣкой или „Provincia del Oriente“ (какъ она называется на оффиціальномъ языкѣ республики Экуадоръ), и посвятилъ имъ особое описаніе (Orton, The Andes and the Amazon; or across the continent of South America. London, 1870). Напо по типу приближаются къ кечуа; ихъ лицевой уголъ доходитъ до 70; одинъ изъ измѣренныхъ череповъ представлялъ емкость въ 1282,78 сант. Эти индійцы находятся подъ вѣдомствомъ мѣстнаго начальства, которое хотя и назначается въ Квито, но имъ непосредственно управляетъ духовенство. Туземцы, принявшіе христіанство, имѣютъ всего одну жену; браки обыкновенно заключаются на 16 или 17 году. Пищей служатъ преимущественно коренья юкка, которые ѣдятъ то жареные или растертые въ муку, то въ видѣ „чича“, т. е. жеванные и доведенные до состоянія броженія. Кромѣ того туземцы ѣдятъ мясо обезьянъ, морскихъ коровъ (manati) и мексиканскихъ свиней (pekkari). Одежда мужчинъ состоитъ изъ набедреннаго платка; женщины носятъ только короткую юбку; но въ праздники панталоны и „poncho“ считаются неизбѣжной принадлежностью туалета. Вся тяжесть дневной работы лежитъ на женщинѣ; мужчины слегка занимаются охотой и послѣ этого долго отдыхаютъ въ своихъ гамакахъ. Если мужъ становится въ тягость своей женѣ, то она подноситъ ему напитокъ floripondio, а именно настой изъ datura sanguinea. Когда цѣль достигнута и отравленный впадаетъ въ состояніе кретинизма, жена вторично выходитъ замужъ. Мужество не составляетъ отличительной добродѣтели напо, и поэтому ихъ любимымъ оружіемъ служатъ стрѣлы, намазанныя ядомъ. То же можно сказать и о цапаро, которыхъ лица, какъ у многихъ индійцевъ Южной Америки, представляютъ поразительное сходство съ китайцами. Языкъ ихъ крайне простъ, но богатъ носовыми и гортанными звуками. У нихъ всего три числительныхъ имени; остальныя цифры они обозначаютъ съ помощью пальцевъ и доходятъ до десяти; но дальше этого ихъ искусство не простирается. (Orton a. a. O., p. 165—170).

Изъ всѣхъ индійцевъ Provincia del Oriente самый многочисленный народъ йиваро; область ихъ лежитъ между рѣками Чинчипе и Пастаца; они распадаются на множество племенъ: морона, пауте, цамора, гвалаквиза, упано, пиндо, пастаца, агапико, ачуале, катапасса, конамби, чирапа, сантіаго, логроньо и т. п., которые всѣ говорятъ чистымъ, благозвучнымъ языкомъ йиваро. Они мускулисты и отличаются живостью; у нихъ маленькіе черные, выразительные глаза, смѣло очерченный лобъ, орлиный носъ, тонкія губы и ослѣпительно бѣлые зубы. Многіе имѣютъ довольно свѣтлый цвѣтъ кожи и, какъ упомянуто выше, небольшую бороду. Йивары употребляютъ на войнѣ щиты и копья съ трехъ-угольнымъ отравленнымъ клинкомъ. На вершинахъ горъ разставлены барабаны и караульные, которые во всякое время могутъ собрать вооруженныхъ людей посредствомъ услов-

*

ленныхъ сигналовъ, слышныхъ на далекомъ разстояніи. На войнѣ побѣдители отрѣзаютъ голову побѣжденнымъ, а затѣмъ изготовляютъ изъ нея своеобразный препаратъ. Они варятъ головы своихъ непріятелей, снимаютъ съ нихъ кожу и сушатъ въ дыму, такъ что изъ нихъ образуется родъ маски. (E. Hamy, Nouveaux renseignements sur les indiens Iivaros въ Rev. d'Anthrop. 1873 p. 392). По другимъ свѣдѣніямъ, они вытягиваютъ черепъ съ его содержимымъ изъ кожи, въ которую вкладываютъ раскаленный камень, такъ что она высыхаетъ и съеживается, но сохраняетъ форму лица. Когда эти препараты окончательно изготовлены, бьютъ въ „tunduli", т. е. въ военный барабанъ и сзываютъ такимъ образомъ народъ къ большому торжеству, которое должно быть отпраздновано, прежде чѣмъ пройдетъ девять дней послѣ послѣдней битвы. Эти трофеи, или „чанча", при посредствѣ знахаря, такъ называемаго „капито" (kapito), получаютъ значеніе идоловъ или талисмановъ во время празднества; но если они впослѣдствіи не совершатъ ожидаемыхъ отъ нихъ чудесъ, то ихъ выбрасываютъ въ лѣсъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ одно изъ племенъ йиваро, а именно тумба или тамбо. Впрочемъ, не всѣ головы убитыхъ непріятелей обращаютъ въ идоловъ, а только самыхъ храбрыхъ удостоиваютъ такой чести. При этомъ йивары вынимаютъ сердце убитаго и мозгъ изъ его черепа и съѣдаютъ ихъ. Это общій обычай у тумба, менде, пастаца, юрумбайни, тутамагоза, чигуавида, ахмиле, гванбинима, гвамбиза, гуамбейа и у другихъ племенъ, затѣмъ у морона, только съ тою разницей, что послѣдніе людоѣды въ полномъ значеніи этого слова. (Globus, Bd. XIX S. 318). У йиваровъ гвалаквиза особенно торжественно празднуется посвященіе трехъ или четырехъ-лѣтняго ребенка въ искусство куренія. Въ этомъ случаѣ вся семья бываетъ въ сборѣ; глава даже говоритъ рѣчь и, восхваляя добродѣтели и дѣянія предковъ ребенка, выражаетъ надежду, что послѣдній пойдетъ по стопамъ ихъ. Затѣмъ ребенку подаютъ зажженную трубку; онъ затягивается ею два или три раза и съ этого момента начинаетъ курить. Трубка обходитъ всѣхъ присутствующихъ; послѣ этого подаютъ „chicha" и начинается попойка. У йиваровъ, живущихъ близь Пинтука, существуетъ также довольно своеобразный обычай, а именно, чуть ли не каждое утро они производятъ у себя искусственную рвоту; для этого употребляютъ перо, которымъ щекочутъ небо до тѣхъ поръ, пока не получится желаемое дѣйствіе. Этотъ обычай можетъ быть объясненъ тѣмъ, что у туземцевъ существуетъ убѣжденіе, что пища, которая пробыла ночь въ желудкѣ и не переварена имъ, нездорова для тѣла и должна быть удалена. Йивары имѣютъ обыкновеніе мѣнять женъ; у нихъ также встрѣчается обычай, спорадически распространенный по всей землѣ, а именно, когда родитъ жена, то мужъ ложится въ постель родильницы (здѣсь въ гамакъ) и его кормятъ лакомыми кушаньями. Этотъ обычай извѣстенъ подъ названіемъ „couvade" или „мужскихъ родовъ". Йиваро этимъ способомъ подкрѣпляетъ себя для усиленныхъ обязанностей, которыя налагаетъ на него рожденіе новаго ребенка. А. Симсонъ сообщаетъ, что это обыкновеніе соблюдается даже въ нѣкоторыхъ „цивилизованныхъ" мѣстностяхъ на Амазонской рѣкѣ и даже перенято бѣлыми. (Globus, Bd. XXXVIII, S 160). Въ настоящее время нѣкоторыя племена находятся въ сношеніяхъ съ мѣстностями, населенными экуадорцами; другіе даже переселились за Кордильеры и встрѣчаются иногда въ городахъ горной полосы.

До сихъ поръ весьма мало извѣстные кампо (chuncho, anti, pillkopata), едва ли не самое многочисленное племя въ восточномъ Перу; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и, между прочимъ, Поль Маркуа, они сродны съ расой инка и даже происходятъ отъ нея. Ихъ считаютъ людоѣдами, что Джемсъ Ортонъ считаетъ вполнѣ возможнымъ. Еще въ прошломъ столѣтіи они были болѣе распространены нежели теперь. Десять или двѣнадцать племенъ этого

народа: маска, пангоа, менеаро, анапати и пилькосми на югѣ, сатипо, копири и темиристи на сѣверѣ, кобари и пизіатари на востокѣ, жили въ мирныхъ сношеніяхъ между собой; и восточный склонъ горной возвышенности составлялъ их западную границу. Въ настоящее время девять изъ этихъ племенъ вымерли или соединились въ единое племя антисъ-кампасъ-и-маскасъ, которое остается сплоченнымъ, чтобы имѣть больше силы для борьбы съ непріятелемъ. Кампо, нѣкогда извѣстные своей воинственностью, какъ бы переродились до нѣкоторой степени и далеко не такъ храбры и жестоки, какъ ихъ предки, которые на западѣ находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ кечуа и чоло и отличаются мрачнымъ и угнетеннымъ видомъ. Кампо средняго роста и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень высокаго; такъ, напримѣръ, одинъ субъектъ доходилъ до 1,67 метр. высоты; они пропорціонально сложены, статны, съ изящными, округленными формами; мускулы ихъ покрыты жиромъ. Раймонди обратилъ особенное вниманіе на строеніе черепа этихъ индійцевъ, сравнилъ его съ черепами древнихъ перувіанцевъ, вырытыхъ изъ „гуака" или могилъ на берегу, и нашелъ между ними большое сходство; а именно, у тѣхъ и другихъ замѣтно болѣе сильное развитіе задней части мозга нежели передней. Голова кампо долихокефальная. У него выдающіяся скулы; носъ подходитъ къ римскому типу, хотя слегка вздернутъ и съ толстой носовой перегородкой; глаза живые, выразительные, полуоткрытые и немного косо лежащіе. У женщинъ бѣлые зубы; у мужчинъ, наоборотъ, темные, потому что они постоянно жуютъ кору одного вида бигоніи. У мужчинъ небольшая борода или она вовсе не ростетъ. Волосы черные, цвѣтъ лица красноватый или оливковый; у дѣтей почти бѣлый; мужчины и женщины носятъ длинные волосы и спереди настолько подстригаютъ ихъ, чтобы они не закрывали глазъ; но вообще волосы стригутъ только въ случаѣ смерти близкаго родственника. Серебро прикрѣпляется въ видѣ украшенія къ носовому хрящу. Кромѣ того они носятъ ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, зерна различныхъ растеній, блестящія шкурки птицъ и т. п. въ видѣ кистей. Одежда кампо состоитъ изъ широкаго платья, сдѣланнаго, на подобіе мѣшка, изъ бумажной матеріи „tsangarintschi"; женщины очень красиво ткутъ ее; иногда на ней полосы красноватаго цвѣта. Она доходитъ до щиколки ногъ; нерѣдко къ ней придѣланъ родъ чепца изъ той же матеріи. Кромѣ того куда бы ни пошелъ кампо, онъ постоянно носитъ съ собой „chaqui" (выг. чаки) большой бумажный мѣшокъ, закинутый на спину, въ которомъ заключается все его земное имущество и который украшенъ красивыми цвѣтными перьями птицъ. Въ этомъ мѣшкѣ находятся гребни изъ шиповъ пальмы „chonta", платокъ изъ „куку", зеркало, кусокъ проволоки, немного воску, щипцы для вырыванія волосъ, сдѣланные изъ створокъ раковины, табакерка для нюхательнаго табаку, т. е. спиральная раковина одного вида большихъ улитокъ съ пробкой, сдѣланной изъ хлопчатой бумаги; затѣмъ ножи, ножницы, желѣзные удильные крючки и разные желѣзные сосуды. Наконецъ, въ видѣ неизмѣнной принадлежности туалета, въ мѣшкѣ всегда положена бамбуковая баночка съ „анаттовымъ тѣстомъ", которымъ они время отъ времени мажутъ себѣ лицо, вслѣдствіе чего рѣдко можно увидѣть его естественный цвѣтъ, такъ какъ постоянное раскрашиванье кожи различными сортами румянъ придаетъ лицу постоянную красноватую окраску. Жилища туземцевъ невелики и состоятъ собственно изъ одной соломенной крыши въ 4,5—5,5 м. длины и 3,6 м. ширины, и затѣмъ столбовъ, вбитыхъ въ землю. Подъ этой крышей устроена спальня—коническая хижина, сплетенная изъ пальмовыхъ листьевъ, которая, по наружному виду, напоминаетъ курятникъ. Неопрятность доведена въ ней до послѣдней степени, при запахѣ, невыносимомъ для европейскаго обонянія, такъ какъ тутъ живутъ вмѣстѣ люди, собаки, куры, обезьяны, мексиканскія свиньи и попугаи. Очагъ устроенъ то посреди хижины, то по близости одной

изъ стѣнъ. Въ этомъ тѣсномъ, почти герметически закрытомъ пространствѣ спятъ пять или шесть человѣкъ, почти другъ на другѣ, чтобы спастись, какъ они говорятъ, отъ укушенія летучихъ мышей. Во время свѣтлыхъ ночей, если кампо находятся по близости рѣки, они покидаютъ хижины и спятъ на открытомъ воздухѣ около огня; при этомъ они ложатся на землю и завертываютъ ноги въ свои мѣшки. „Сколько разъ мнѣ не приходилось заходить въ хижину кампо"—говоритъ Раймонди,—„хозяинъ дома тотчасъ же дѣлаетъ знакъ своей женѣ, чтобы она принесла гостю ананасъ или вареный юкка. Пища ихъ главнымъ образомъ состоитъ изъ юкка (корня manihot utilissima), также рыбъ или звѣрей, добытыхъ на охотѣ, какъ: мускусная свинья или обезьяны разныхъ сортовъ. Языкъ ихъ пріятенъ для слуха, такъ какъ переполненъ гласными, и почти всѣ слова кончаются на і, у или о. Они говорятъ тихимъ голосомъ, съ пѣвучей интонаціей, въ которой слышится какъбы мольба. По временамъ говоръ ихъ принимаетъ совсѣмъ иной характеръ; голосъ, при этомъ, переходитъ въ фистулу, въ особенности, если они давно не видѣлись другъ съ другомъ. Мужчины преимущественно занимаются охотой и рыбной ловлей; дома проводятъ время въ праздности и пьютъ „chicha". Ихъ оружіе состоитъ изъ дубинъ, лука и стрѣлъ. Чтобы облегчить себѣ ловлю рыбы, они отравляютъ ближайшіе пруды и бухты menispermum cacculus. Ихъ глиняные сосуды неуклюжей формы, но окрашены и муравлены. Они дѣлаютъ ложки и ковши изъ обезьяньихъ череповъ, а для растиранія маніоки служитъ имъ языкъ maios osteoglossum. Они изготовляютъ себѣ сосуды изъ плодовъ crescentia cujete, на подобіе тыквенныхъ чашъ, лакируютъ ихъ и разрисовываютъ красной краской. У нихъ нѣтъ и слѣда общественнаго устройства; глава избирается только въ военное время. Дѣвушки достигаютъ зрѣлости въ двѣнадцать лѣтъ и выходятъ замужъ за перваго попавшагося мужчину ихъ племени, который сдѣлалъ подарокъ ея родителямъ, и затѣмъ должны исполнять всю работу въ домѣ. Женщина родитъ одна, въ уединенной хижинѣ, въ лѣсу, совершаетъ омовеніе и тогда только возвращается съ ребенкомъ домой, къ мужу, который, въ это время занимался бесѣдой съ друзьями и пилъ „chicha". Ребенокъ ростетъ безъ всякаго присмотра; только на пятомъ году учится плавать и стрѣлять изъ лука; въ это время онъ уже считаетъ до пяти, а по Раймунду, только до четырехъ. Если кампо хотятъ выразить болѣе крупныя цифры, то они поднимаютъ вверхъ руки, ноги и куски камней. Многоженство составляетъ рѣдкость и встрѣчается только у однихъ вождей. Что касается религіи, то у нихъ никто не видѣлъ ни идоловъ, ни религіозныхъ церемоній. Знахари приписываютъ себѣ сверхъестественныя силы и пользуются ограниченностью своихъ соплеменниковъ. Если кампо ѣдятъ юкка или пизангъ и если къ коркѣ прилипнетъ нѣсколько муравьевъ, то это считается предзнаменованіемъ болѣзни. Они не заботятся о своихъ покойникахъ; къ трупу привязываютъ камень и бросаютъ въ рѣку; затѣмъ разрушаютъ хижину умершаго, ломаютъ лукъ, стрѣлы, всю его посуду, бросаютъ по вѣтру пепелъ очага, однимъ словомъ, уничтожаютъ все его имущество, а самое мѣсто, гдѣ его постигла смерть, считаютъ нечистымъ. Если отецъ и мать достигнутъ преклонныхъ лѣтъ, то дѣти очень дурно обходятся съ ними. Годъ дѣлится по фазисамъ луны; время года опредѣляютъ цвѣтомъ деревьевъ. Кампо между собой гостепріимны, но не имѣютъ ни танцевъ, ни праздниковъ, пѣніе ихъ однообразно и печально; флейта и барабанъ ихъ единственные музыкальные инструменты. Въ обращеніи кампо нѣтъ того подобострастія, которымъ отличаются кечуа; они мужественны и во время разговора прямо смотрятъ въ лице своего собесѣдника.

Ближайшіе сосѣди кампо чонтакиры или шонтаквиры, шонквиры, также называемые пиру, которые, по мнѣнію Поль Маркуа, одного происхожденія съ кампо. Правда, оба народа сходны по типу, а равно въ одеждѣ

и многихъ обычаяхъ; но языкъ совершенно различенъ. Прежніе миссіонеры не разъ имѣли случай убѣдиться въ воинственномъ характерѣ, мужествѣ и дикости чонтакировъ. Въ настоящее время это первые воры на рудникахъ и полны причудъ, такъ что съ ними нельзя имѣть никакого дѣла. Они строптивы, не выносятъ никакого стѣсненія; въ ихъ обращеніи есть нѣчто величественное и высокомѣрное; при этомъ шутливы, склонны къ болтовнѣ, такъ что они составляютъ полную противоположность съ кроткими задумчивыми анти и молчаливыми, сдержанными кечуа горъ. Но чонтакуры сильнѣе послѣднихъ, ниже ростомъ и несравненно подвижнѣе; у нихъ короткая шея, широкія плечи и сильно развитые мускулы. Въ искусствѣ управлять весломъ они превосходятъ любыхъ лодочниковъ въ цѣломъ свѣтѣ. Ихъ жилища расположены по близости рѣки, на виду у всѣхъ, потому что чонтакуры не боятся другихъ индійскихъ племенъ. Ихъ большія, просторныя хижины производятъ пріятное впечатлѣніе; онѣ совершенно открыты на востокъ и западъ но на сѣверъ и югъ крыша опускается немного выше мужского роста; вся постройка на столбахъ и отличается необыкновенной легкостью. Для крыши употребляютъ пальмовыя листья. Обыкновенно, по близости хижины, воздѣлываютъ кусокъ земли и сажаютъ бананы, сахарный тростникъ. хлопчатникъ, табакъ и биксовое дерево; но вообще подобныя плантаціи занимаютъ небольшое пространство и плохо поддерживаются. На поперечныхъ балкахъ внутри хижины висятъ большія и маленькія корзины, сосуды съ маисомъ, земляные орѣхи, горькія тыквы, копченое мясо, преимущественно мексиканской свиньи, которая пользуется здѣсь особеннымъ предпочтеніемъ. Къ этому нужно прибавить различныя вещи, тканыя женщинами: висячіе карманы, мѣшки, капишоны, придѣланные къ одеждѣ, для защиты отъ солнечныхъ лучей; затѣмъ пучки невыдѣланнаго хлопчатника, лукъ, стрѣлы, вилы, дубины, украшенія изъ перьевъ, ожерелья, браслеты, барабаны, флейты и т. п. Одежда женщинъ состоитъ изъ куска бумажной матеріи, которую они сами ткутъ и окрашиваютъ въ коричневую краску. Этотъ передникъ идетъ отъ пояса до половины ноги. Предметами украшенія главнымъ образомъ служатъ стеклянныя бусы, которыя носятъ въ видѣ ожерелья и браслетовъ; въ перувіанскихъ и бразильскихъ мѣстечкахъ туземцы пріобрѣтаютъ ихъ въ обмѣнъ за воскъ, ворвань и ламантинъ или черепашій жиръ. Настоящія щеголихи навѣшиваютъ еще на себя пару серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыя доходятъ до половины живота. Женщины очень некрасивы; ростъ ихъ доходитъ большею частью до 1275 мм. высоты. Волосы жесткіе, прямые, черные, съ желтоватымъ оттѣнкомъ и подстрижены надъ глазами по прямой линіи; кожа толстая и грубая. Послѣ рожденія funiculus umbilicalis обрѣзываютъ настолько неискусно, что у многихъ пупокъ выростаетъ величиною съ кулакъ. Лицо круглое, лобъ узкій, скулы сильно выдаются впередъ, глаза маленькіе, косо лежащіе, съ узкимъ разрѣзомъ; бѣлокъ съ желтоватымъ налетомъ; брови и рѣсницы нерѣдко выщипаны. Носъ или очень плоскій, или сильно выступающій; ротъ большой, губы толстыя, зубы короткіе и ослѣпительно бѣлые. Цвѣтъ лица сепіи, смѣшанной съ желтой охрой; щеки и углы глазъ нерѣдко окрашены генипой въ черную краску, а равно руки и оконечности ногъ до щиколки. Мужчины красятъ себѣ кожу въ темно-коричневый цвѣтъ, такъ какъ они прибавляютъ къ генипѣ извѣстное количество биксы. Во всѣхъ ручныхъ производствахъ чонтакуры несравненно искуснѣе индійцевъ кампо. Они живутъ особнякомъ, такъ что рѣдко можно встрѣтить болѣе двухъ или трехъ семействъ въ одномъ мѣстѣ. Прежде у нихъ были деревни, состоящіе изъ шести или семи хижинъ; но онѣ давно исчезли. Вожди избираются только во время войны; мертвецовъ здѣсь также бросаютъ въ воду. Многоженство дозволено; моногамія составляетъ исключеніе; но рѣдко бываетъ больше четырехъ женъ. Изъ нихъ старшія присматриваютъ за младшими и

должны исполнять самыя тяжелыя работы, между тѣмъ какъ послѣднія только занимаются пряжей и тканьемъ. Религіозныя понятія грубы и не представляютъ между собой никакой внутренней связи. Многіе чонтакиры обращены въ христіанство и даже выказываютъ дружбу миссіонерамъ, хотя остаются такими же плутами, какъ и прежде.

Между народами „пано“ наибольшій интересъ представляютъ дикіе конибо, у рѣки Юруа, отъ Сарайаэнъ до верхняго Пуруса, но, по свидѣтельству Поля Маркуа, число ихъ не превышаетъ 600—700 душъ и они замѣтно вымираютъ. Ростъ конибо доходитъ отъ 1,5 м. до 1,6 м.; они неуклюжаго тѣлосложенія, съ широкимъ груднымъ ящикомъ и круглымъ лицемъ, которое отличается добродушнымъ и почти наивнымъ выраженіемъ. Глаза, косо лежащіе, съ желтоватымъ бѣлкомъ, между тѣмъ какъ зрачокъ табачнаго цвѣта, носъ короткій и расширенный; губы толстыя; зубы желтоватаго цвѣта, но хорошо расположены; десны черныя, такъ какъ туземцы красятъ ихъ травой „янамуку“ (peperomia tinctorioides). Цвѣтъ кожи очень темный, но смѣшаннаго и неопредѣленнаго оттѣнка. Кожа жестка на ощупь; волосы у конибо черные, прямые и густые; но у нихъ почти нѣтъ бороды. Женщины небольшого роста, но не имѣютъ такихъ тонкихъ ногъ и толстыхъ животовъ, какъ у большинства южныхъ племенъ; онѣ ходятъ почти нагія и только привязываютъ къ бедрамъ узкій передникъ изъ коричневой матеріи. Мужчины, въ видѣ одежды, носятъ коричневый мѣшокъ („tari“) изъ бумажной матеріи, разукрашенный всевозможными фигурами. Оба пола красятъ себѣ лицо (биксой) въ красный цвѣтъ, а остальныя части тѣла въ черный (генипой). Мужчины несравненно болѣе пристрастны къ нарядамъ, нежели женщины и проводятъ цѣлые часы въ выдергиваніи волосъ и раскрашиваніи тѣла или самодовольно смотрятся въ небольшое зеркало, особенно въ праздничные дни, когда они увѣшиваютъ себя бѣлыми и черными бусами „chaquiros“. Женщины носятъ ожерелья и привѣшиваютъ къ нимъ кусокъ серебра, мѣдную монету или кость отъ пальца обезьяны ревуна (simia Belzebuth). Нѣкоторые ежегодно ходятъ въ ближайшую миссію для закупки топоровъ, ножей и бусъ и взамѣнъ этого сбываютъ черепашій жиръ и воскъ. Въ миссіяхъ они также впервые познакомились съ употребленіемъ шляпъ и теперь изготовляютъ ихъ изъ стеблей пальмовыхъ листьевъ. Женщины исполняютъ всѣ работы: онѣ воздѣлываютъ землю, сѣютъ, жнутъ, разводятъ плантаціи, носятъ дрова и воду, приготовляютъ ѣду и питье, ткутъ, собираютъ медъ и воскъ, дѣлаютъ глиняную посуду, обжигаютъ ее и раскрашиваютъ красивыми узорами. Кромѣ того женщины должны изготовлять вещи, употребляемыя туземцами при экскурсіяхъ, какъ, напримѣръ: „pischa“, или дорожный мѣшокъ, различныя туалетныя принадлежности и, между прочимъ, „tsannu“, или инструментъ для выдергиванія волосъ, сдѣланный изъ двухъ острыхъ раковинъ, затѣмъ „chicaputa“, т. е. табакерка и т. п. Табакъ считается цѣлительнымъ средствомъ; но его только нюхаютъ. Оружіемъ служатъ стрѣлы изъ цвѣточной оси „gyneria saccharoides“, лукъ и дубина изъ дерева пальмы „oreodoxa“. Конибо преимущественно питается черепахой, которая играетъ важную роль въ его жизни и домашнемъ бытѣ. Онъ усердно преслѣдуетъ ее и затѣмъ спѣшитъ сбыть товаръ на рынкѣ. Что касается жизненныхъ припасовъ, то онъ никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ и идетъ на охоту только тогда, когда къ этому его побуждаетъ голодъ. Среди изобилія даровъ роскошнѣйшей природы онъ подчасъ едва имѣетъ самое необходимое для жизни, но и въ этомъ случаѣ остается неизмѣнно гостепріимнымъ. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ ѣстъ гадовъ и насѣкомыхъ; даже комары, напившіеся кровью, составляютъ для него лакомство. Многіе конибо получаютъ въ миссіи нѣкоторое понятіе о земледѣліи и разводятъ небольшія плантаціи въ лѣсу. Плугомъ служитъ плечевая кость моржа, прикрѣпленная къ рукояткѣ. Конибо отличаются рѣд-

кимъ умѣніемъ приручать къ себѣ животныхъ. При свадьбахъ не бываетъ никакихъ особенныхъ церемоній. Отецъ совершенно равнодушно принимаетъ извѣстіе о рожденіи дочери, и оно даже настолько непріятно ему, что онъ плюетъ въ сѣтку, покрывающую его отъ москитовъ; но если родится мальчикъ, то онъ отъ радости ударяетъ лукомъ въ землю и ласково разговариваетъ съ женой. Когда женщина, послѣ рожденія дѣвочки, возвращается къ мужу съ рѣки, гдѣ она мылась съ ребенкомъ, то она входитъ въ домъ съ опущенной головой и настолько смущена, что не въ состояніи произнести ни одного слова. Въ былыя времена дѣтямъ сплющивали головы; этотъ обычай вышелъ изъ употребленія не болѣе какъ столѣтіе тому назадъ. Когда дѣвушка достигаетъ зрѣлости, то устраивается большой праздникъ „tschebianabiqui“, на которомъ женщинамъ дозволено, въ видѣ исключенія, танцовать съ мужчинами. При этомъ играютъ на новыхъ флейтахъ съ пятью отверстіями и бьютъ въ барабанъ („kutukutu“), сдѣланный изъ выдолбленной тыквы, наполненной камушками. Молодыя дѣвушки должны напиться до-пьяна, затѣмъ старухи въ продолженіе сутокъ кружатъ ихъ въ танцѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упадутъ замертво на землю. У конибо есть представленіе о высшемъ существѣ, создавшемъ небо и землю, котораго они называютъ то „отцомъ“, то „huchi“, т. е. „дѣдомъ“. Этотъ духъ имѣетъ человѣческій образъ, наполняетъ собой міровое пространство, остается невидимымъ и всѣмъ управляетъ съ высоты звѣздъ. Ему не воздаютъ никакихъ почестей и поминаютъ его только при землетрясеніи. Тогда конибо выбѣгаютъ изъ своихъ хижинъ, танцуютъ, скачутъ и громко призываютъ высшаго духа, напоминая о своемъ существованіи. Злой духъ „юрима“ живетъ внутри земли; отъ него происходитъ все зло, и онъ внушаетъ такой страхъ, что конибо неохотно произносятъ его имя. Но волшебники, исполняющіе вмѣстѣ съ тѣмъ роль медиковъ, находятся съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и знаютъ средства отъ укушенія змѣй и насѣкомыхъ, а также талисманы и любовные напитки (послѣдніе изготовляются изъ мяса и глазъ delphinus amazoniensis). Къ этимъ „yubues“, или медикамъ, имѣющимъ сношеніе съ нечистой силой, обращаются за совѣтомъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Они ничего не дѣлаютъ безплатно, но подчасъ ихъ бьютъ немилосердно, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они ручаются за выздоровленіе и больной все-таки умираетъ. Конибо, послѣ смерти, переселяется на небо, гдѣ происходитъ постоянная война. Покойника завертываютъ въ „tari“; въ правую руку вкладываютъ ему лукъ и стрѣлы; лицо раскрашиваютъ красной и черной красками и прикладываютъ къ нему сосудъ для питья, сдѣланный изъ тыквы. Затѣмъ трупъ обвязываютъ моржевой шкурой, такъ что онъ походитъ на кароту табаку. Женщины въ этихъ случаяхъ пляшутъ и поютъ жалобныя пѣсни, а при закатѣ солнца мертвеца кладутъ въ большой глиняный сосудъ, который зарываютъ въ землю. Конибо непримиримые враги своихъ сосѣдей: качибо, ремо и амагуака; но теперь эти племена не ведутъ болѣе другъ противъ друга такой истребительной войны, какъ въ былыя времена. Ихъ прежняя дикость отчасти исчезла, но они все-таки не достигли цивилизаціи. Джемсъ Ортонъ хотя и называетъ ихъ земледѣльческимъ народомъ, но говоритъ, что они преданы людоѣдству. Въ ихъ языкѣ только два числительныхъ—1 и 2; остальныя заимствованы у „кечуа“; въ настоящее время конибо считаютъ до тысячи и болѣе.

Въ Кампосахъ, или восточныхъ провинціяхъ Боливіи, выше водопадовъ Мадейры, живутъ мохо, въ пятнадцати правильно заложенныхъ селеніяхъ, основанныхъ іезуитами, которые предназначали ихъ для своихъ миссій. По словамъ Франца Келлеръ Лейцингера, который часто имѣлъ сношенія съ мохо, число ихъ доходитъ до 30,000. Это чистокровные индійцы, большею частью прекраснаго и сильнаго тѣлосложенія; но они находятся въ заброшенномъ

и угнетенномъ состояніи, которое въ высшей степени тягостно дѣйствуетъ на нихъ и лишаетъ всякой энергіи. Въ время господства іезуитовъ (почти единственныхъ миссіонеровъ, имѣющихъ понятіе объ этнологіи), мохо пользовались разумнымъ управленіемъ, но со времени изгнанія почтенныхъ патеровъ семь племенъ мохо, по свидѣтельству Франца-Келлеръ Лейцингера (см. его книгу Vom Amazonas und Madeira. Stuttgart 1874), подверглись дурному обращенію и грабительству со стороны боливійцевъ, или, вѣрнѣе, ихъ правительства, и теперь поставлены въ крайне неблагопріятныя условія. Одичалыя стада рогатаго скота почти совершенно истреблены для шкуръ; растительныя богатства оставлены въ полномъ пренебреженіи; никто не заботится о развитіи ремеселъ, хотя мохо отличаются необыкновеннымъ искусствомъ въ производствѣ всевозможныхъ тканей и плетеныхъ вещей; при этомъ ихъ обманываютъ самымъ безсовѣстнымъ способомъ. Однако, несмотря на такое состояніе, до котораго дошли мохо, религіозный фанатизмъ остался у нихъ во всей своей силѣ. Различныя племена мохо распредѣлены въ прежнихъ миссіяхъ такимъ образомъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, маропа, бауре, итонама и мохо занимаютъ двѣ, три и четыре миссіи, между тѣмъ какъ племена: каничана, каюаба и мобима заняли каждое по одной миссіи. Въ долинѣ Амазонской рѣки именемъ мохо обозначаютъ всѣхъ индійцевъ, живущихъ въ боливійскихъ миссіяхъ. Каюабы близъ Маморе считаются самыми смѣлыми и искусными лодочниками и необыкновенно выносливыми гребцами. Каничаны, которые не далѣе, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, были людоѣдами, имѣютъ скрытный и угрюмый характеръ.

Къ индійцамъ мохо могутъ быть отнесены чикито, которые теперь находятся въ полудикомъ состояніи и кочуютъ въ обширной боливійской провинціи, названной ихъ именемъ. По свидѣтельству Шарльвуа и другихъ путешественниковъ, они были нѣкогда интеллигентны, независимы, храбры, воинственны, отличались силой и искусствомъ въ стрѣльбѣ. Они занимали холмы и плоскія возвышенности, жили семьями и хотя питались охотой и рыбной ловлей, но пользовались многими приспособленіями цивилизованной жизни. Значительная часть чикито была обращена въ христіанство іезуитами; подъ руководствомъ этихъ миссіонеровъ они сдѣлали большіе успѣхи въ промышленности, обработывали поля, устраивали мануфактуры и вели выгодную торговлю съ сосѣдними испанскими колоніями. По наблюденію д'Орбиньи и другихъ, въ ихъ населенныхъ мѣстечкахъ даже было больше благоустройства, нежели у самихъ испанцевъ. Такимъ образомъ, чикито, послѣ обращенія въ христіанство, сдѣлались черезъ пятьдесятъ лѣтъ вполнѣ цивилизованнымъ народомъ; миссіонеры выработали ихъ языкъ, чтобы сдѣлать его общедоступнымъ и при посредствѣ его поддерживать сношенія съ туземными племенами этой части Южной Америки. Но съ изгнаніемъ іезуитовъ чикито, лишенные заботливаго попеченія патеровъ, мало по малу вернулись къ варварскому состоянію своихъ предковъ. Къ началу нынѣшняго столѣтія, 34 года спустя послѣ изгнанія іезуитовъ, болѣе чѣмъ двѣ трети прежняго населенія исчезли изъ Чикито, такъ что въ настоящее время число этихъ индійцевъ не превышаетъ 25,000 душъ.

Въ Чили, начиная отъ 30° ю. ш. и далѣе къ югу, жили и живутъ до сихъ поръ многія племена, которыя образуютъ четвертую, и самую южную группу андскихъ народовъ. Мы обозначимъ ихъ общимъ именемъ

Арауканов ъ. Это названіе, подобно большинству именъ, принятыхъ въ американской этнологіи, отличается крайнею неопредѣлен-

ностью, такъ что арауканами называютъ то совершенно отдѣльное племя, то цѣлую группу племенъ. Одни причисляютъ ихъ къ „хиленской (чилійской) семьѣ; другіе,—мнѣніе которыхъ мы вполнѣ раздѣляемъ,—разсматриваютъ ихъ, какъ отрасль андскихъ народовъ; наконецъ, третьи и, кажется, совершенно ошибочно, находятъ въ нихъ сродство съ индійцами пампасовъ. Равнымъ образомъ, мы не видимъ ничего опредѣленнаго въ принятыхъ подраздѣленіяхъ. По свидѣтельству Фр. Миллера, испанцы называли арауканов насмѣшливымъ прозвищемъ „аука“ (т. е. бунтовщикъ, разбойникъ); между тѣмъ, какъ они сами величаютъ себя „молуче“—воины, или „алапуче“—дѣти страны. Названіе „арауканы“ неправильное, и было введено испанцами; но теперь его нельзя измѣнить, такъ какъ оно вошло въ общее употребленіе. Народы, обозначаемые именемъ арауканов, первоначально занимали пространство отъ Коквимбо, подъ 30° ю. ш., до архипелага Чоносъ, подъ 50° ю. ш., и слѣдовательно, отъ одного океана до другого. Въ настоящее время они все еще живутъ по обѣимъ сторонамъ Кордильеровъ, въ Чили, отъ перувіанской границы до Магелланова пролива, но весьма мало распространены въ восточныхъ равнинахъ и нигдѣ не достигаютъ Атлантическаго океана. Они представляютъ три отдѣльныхъ племени: пикунчи, пегуенчи и гуилличи. Слово „че“ (tsche) во всѣхъ арауканскихъ нарѣчіяхъ означаетъ „человѣкъ“; „пику“ значитъ „востокъ“; „пегуен“—„сосна“; „гуилли“—„югъ“. Слѣдовательно пикунчи означаетъ „жители востока“, пегуенчи—„сосновые люди“, тѣмъ болѣе, что занимаемая ими земля на восточной сторонѣ Андовъ покрыта сосновыми лѣсами; а гуилличи означаетъ „людей“ или „жителей юга“. Мы видимъ, что здѣсь названія племенъ соотвѣтствуютъ положенію страны, въ которой они живутъ; поэтому намъ не должно казаться страннымъ, что кромѣ этихъ трехъ встрѣчаются еще другія подраздѣленія, какъ, напримѣръ, морачи или „люди запада“, мапучи и т. п. Нѣкоторые причисляютъ къ арауканамъ пуельчей, хотя, по Фридриху Миллеру, они составляютъ особую группу. Карлъ Андре и Перти различаютъ собственно арауканов въ странѣ Арауко, чоно—на югѣ Вальдивіи и пегуенчей, живущихъ въ горахъ. Что же касается остальныхъ племенъ, кочующихъ въ пампасахъ, на востокѣ отъ Андовъ, то вышеупомянутые ученые обозначаютъ ихъ общимъ именемъ аука; эти раздѣляются, въ свою очередь, на ранквелесъ, которые живутъ въ пампасахъ и нерѣдко предпринимаютъ далекіе походы на востокъ, и чиленосъ, близь истоковъ Ріо Негро до Суль. Общее число арауканов доходитъ до 30,000 душъ; оно еще больше уменьшается отъ болѣзней, нежели отъ пьянства, хотя нынѣшніе араукане независимые собственники на своей почвѣ, имѣютъ достаточное количество земли и скота, не платятъ никакихъ податей, и хотя обязаны нести дорожную повинность, но она не

затруднительна для нихъ. Арауканы храбрый и воинственный народъ, который до извѣстной степени воспользовался преимуществами инко-перувіанской цивилизаціи, хотя собственно только западные арауканы въ Чили сдѣлались осѣдлыми и съ давняго времени, подъ вліяніемъ перувіанцевъ, стали заниматься земледѣліемъ. При этомъ арауканы первые изъ американскихъ народовъ, которые, вслѣдствіе счастливой случайности, имѣли достаточный запасъ хорошихъ лошадей, издавна привыкли къ верховой ѣзды и даже образовали отрядъ кавалеріи. Задолго до прибытія испанцевъ, арауканское правленіе представляло поразительное сходство съ военной аристократіей стараго свѣта, хотя все то, что сообщали путешественники о высокой степени ихъ культуры, оказалось не болѣе, какъ пустой фантазіей. Арауканы только въ томъ отношеніи могутъ быть названы болѣе цивилизованными, нежели ихъ сосѣди, что занимаются земледѣліемъ, строятъ прочные дома и, по крайней мѣрѣ, сдѣлали попытку ввести у себя извѣстную форму правленія. Во всемъ остальномъ это жестокіе, хищные и злые дикари, а ихъ восточные родичи до сихъ поръ дѣлаютъ набѣги на европейскія селенія, похищаютъ скотъ, дѣтей и женщинъ и убиваютъ мужчинъ. (Verh. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1875, S. 59). При этомъ даже у болѣе цивилизованныхъ племенъ на западѣ, лица туземцевъ большею частью носятъ на себѣ отпечатокъ безусловной дикости.

По свидѣтельству Делапорта, западные арауканы невелики ростомъ и приземисты; кожа у нихъ темнокоричневая, черты лица грубые, глаза небольшіе, носъ широкій и приплюснутый, скулы выдающіяся, губы толстыя, лобъ очень низкій, вся фигура плоская и округленная. Эдмондъ Руель Смитъ находитъ, что между ними всего красивѣе люди, принадлежащіе къ племени коліико. Они большею частью средняго роста, съ сильно развитой грудью, коренасты и подъ старость очень склонны къ отучненію. Бедра и ноги мясистыя; но оконечность очень короткая и помимо ширины отличается необыкновенно высокимъ подъемомъ. Эта своеобразная форма ноги, благодаря постоянному скрещиванію, втрѣчается такъ часто въ Чили у людей низшаго класса, что въ Сантъ-Яго почти всѣ башмаки изготовляются по этому образцу, и европейцу трудно найдти себѣ подходящую обувь. Кожа араукановъ также отличается особенными свойствами; лобъ узкій и низкій; задняя часть головы, наоборотъ, очень широкая и образуетъ почти прямую линію съ сильно развитымъ затылкомъ. Вирховъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ череповъ, считаетъ араукановъ переходнымъ типомъ между индійцами пампасовъ и нѣкоторыми племенами западнаго берега. Бэрнардъ Девисъ находитъ, что указатель длины ихъ череповъ доходитъ до 80, указатель высоты также до 80, такъ что ихъ можно причислить къ гипсибрахикефаламъ. Измѣренія Вирхова совершенно различны относительно высоты, и хотя полученныя имъ цифры не превышаютъ 73,3 и 77,6, но во всякомъ случаѣ также служатъ доказательствомъ, что это брахикефальная раса. Еще поразительнѣе разница въ величинѣ черепа. Девисъ находитъ, что средняя емкость черепа достигаетъ приблизительно 1,574 куб. сант., между тѣмъ какъ по измѣреніямъ Вирхова черепъ одного взрослаго индивида имѣетъ всего 1,020 куб. сант. Хотя едва ли въ какой другой странѣ встрѣчаются такъ часто маленькіе и даже микроке-

фальные черепа какъ въ Южной и Средней Америкѣ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться по своимъ размѣрамъ съ этимъ крошечнымъ арауканскимъ черепомъ. Верхняя челюсть послѣдняго достигаетъ значительной степени прогнатизма, вслѣдствіе сильной скошенности зубныхъ отростковъ (Verh. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1874 S. 259—261). Женщины въ общихъ чертахъ похожи на мужчинъ, но еще съ болѣе рѣзко выраженными особенностями; онѣ малы ростомъ и, сравнительно съ очень длиннымъ туловищемъ, обладаютъ короткими ногами; а въ безобразіи превосходятъ ихъ развѣ только ихъ собственныя грудныя дѣти. Что касается болѣзней, то чесотка настолько распространена между ними, что сдѣлалась національнымъ зломъ и едва ли можетъ быть совершенно искоренена. Задолго до того времени, когда узнали въ Европѣ, что чесотка происходитъ отъ одного вида клеща, индійцы мапучи умѣли вынимать иголкой изъ кожи этихъ чужеядныхъ насѣкомыхъ. Равнымъ образомъ, купанье составляетъ для нихъ общую потребность.

Арауканскій вождь.

Арауканецъ низшаго класса завертываетъ себя до колѣнъ „каламако“ или „чирипа“ (chilipa), коричневой полосатой матеріей, имъ самимъ изготовленной изъ шерсти своихъ стадъ, и которая также плотно обвиваетъ его тѣло, какъ пеленальникъ. Плечи его покрыты ярко окрашенной суконной мантіей, или „пончо“; ноги голыя или же обуты въ башмаки изъ овечьей шкуры. Большія шпоры составляютъ необходимую принадлежность туалета, даже безъ обуви; у богатыхъ онѣ сдѣланы изъ серебра; при этомъ въ точности соблюдаются извѣстныя формы, такъ какъ относительно шпоръ также существуетъ своего рода мода. Голова обвязана широкой веревкой или полоской толстаго холста; тѣло разрисовано красной и голубой краской; волосы развиваются по вѣтру, когда арауканецъ ѣдетъ галопомъ по равнинѣ на своемъ конѣ. Нарядъ вождей чрезвычайно разнообразенъ: они носятъ старыя шляпы стрѣлковъ, старомодныя шапки, офицерскіе кивера, даже старые фраки съ жетлыми пу-

говицами, бѣлыя блузы, куртки всякаго покроя, „пончо“ и всего чаще большіе куски желтаго сукна, наброшенные на плечи; многіе носятъ панталоны, а также высокіе штиблеты. Лицо, равнымъ образомъ, раскрашивается въ красный и голубой цвѣта. Иногда полоса проведена отъ рта или носа къ вискамъ; или же лобъ, окружность глазъ, брови и скулы представляютъ смѣсь всевозможныхъ оттѣнковъ тѣхъ красокъ, какія были употреблены въ данномъ случаѣ. Нѣкоторые изъ туземцовъ имѣютъ жалкій видъ, другіе производятъ крайне непріятное впечатлѣніе. Многіе выщипываютъ себѣ брови такимъ способомъ, что отъ нихъ остается только тонкая правильная линія; при этомъ они также выдергиваютъ то небольшое количество волосъ, которое у нихъ ростетъ на бородѣ. Тѣмъ не менѣе иные носятъ небольшіе усы, что служитъ признакомъ скрещиванія расъ; волосы на усахъ грубые, рѣдкіе и окрашены подъ цвѣтъ кожи. Дамы преимущественно украшаютъ себя разноцвѣтными бусами и мѣдными наперстками. У щеголихъ голова покрыта сѣткой изъ разноцвѣтныхъ бусъ, которая на затылкѣ раздѣлена на двѣ части; суставы рукъ и ногъ выше щиколотки украшены нитками бусъ; ногти разрисованы краснымъ, а равно и сильно выдающіяся скулы покрыты густымъ слоемъ красной краски. Болѣе достаточныя женщины стараются придать прелесть своимъ отвратительнымъ физіономіямъ съ помощью серебряныхъ вещей. Одежда ихъ такъ же какъ и у мужчинъ состоитъ главнымъ образомъ изъ „каламако“ или „чирипа“. Но такъ какъ этотъ нарядъ стягиваетъ ноги до колѣнъ, то женщины и мужчины не могутъ свободно двигаться, хотя это не мѣшаетъ послѣднимъ быть превосходными наѣздниками. (Ausland, 1855, S. 904—905). Съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ они къ верховой ѣздѣ и очень дорожатъ хорошей конской сбруей. Они также занимаются торгомъ лошадей и ведутъ это дѣло вполнѣ честно. Они мастерски владѣютъ лассо (арканомъ) и своими длинными копьями. Не только племена, но даже семьи постоянно враждуютъ другъ съ другомъ. Въ семьѣ мужъ „господинъ и владыка“ дома. Онъ только ѣстъ, спитъ, ѣздитъ верхомъ, и кромѣ этого почти ничего не дѣлаетъ. Вся тяжелая работа исполняется женщинами, начиная отъ воздѣлыванія поля и приготовленія пищи, до обязанности сѣдлать и разсѣдлывать лошадей. Здѣсь господствуетъ полигамія; вожди имѣютъ множество наложницъ изъ женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ. Хотя дѣвушекъ не выводятъ на рынокъ для продажи, но онѣ стѣснены относительно выбора при выходѣ замужъ и стоятъ довольно дорого своимъ мужьямъ, которые стараются вознаградить себя за это работой своихъ женъ. Бракъ не считается неразрывнымъ, такъ что мужъ можетъ отослать обратно свою жену къ ея отцу. Вдовѣ предоставлено право распоряжаться своей судьбой. Невѣрность женъ наказываютъ смертью; но если незамужняя дѣвушка окажется виновной въ проступкѣ, несогласномъ съ нравственностью, то на это смотрятъ снисходительно.

Жилища арауканов построены изъ тростника и представляютъ правильный четырехъ-угольникъ около 10 м. длины и 5 м. ширины. Въ нихъ нѣтъ другихъ отверстій кромѣ отдушины въ крышѣ для выхода дыма и небольшой двери. Пищей служитъ мясо, вареное или жареное, и такъ сильно приправленное перцомъ, что оно даже принимаетъ цвѣтъ послѣдняго. Любимый напитокъ арауканов „мудои“ (mudoi) родъ ликера, доведеннаго до броженія, очень пріятнаго вкуса, который приготовляется такимъ же способомъ, какъ „чича“ въ Южной Америкѣ. Арауканы очень любятъ табакъ и такъ сильно затягиваются имъ, что совершенно пьянѣютъ и въ судорогахъ падаютъ на землю. Впрочемъ у нихъ есть свои медики „machis“, которые съ успѣхомъ употребляютъ рвотное, нарывные пластыри и потогонныя средства; при этомъ они порядочные хирурги. Общественныя удовольствія состоятъ изъ игры въ мячъ и пѣнія круговыхъ пѣсенъ съ аккомпанементомъ рожка, ихъ любимаго музыкальнаго инструмента. Аракуаны живутъ въ различныхъ округахъ отдѣль-

ными племенами и находятся подъ начальствомъ наслѣдственныхъ вождей, „апульмене", облеченныхъ патріархальною властью, которые извѣстны въ Чили подъ названіемъ „кациковъ". Они независимы другъ отъ друга, но сообща выбираютъ главнаго начальника для всей провинціи, называемаго „токи" (toki). Всѣ эти начальники составляютъ „совѣтъ мира", въ вѣдѣніи котораго находится общее управленіе страны; во главѣ его стоитъ „великій токи", или президентъ; послѣдній заботится объ общемъ благѣ и созываетъ собранія вождей. Во время войны военный совѣтъ замѣняетъ „совѣтъ мира"; выбираютъ новаго токи, облеченнаго неограниченною властью, кромѣ права лишать жизни. Арауканы не имѣютъ законовъ, хотя строго придерживаются старыхъ обычаевъ и преданій. У нихъ существуетъ во всей силѣ кровавая месть; воры обязаны возвратить стоимость украденнаго и сверхъ того заплатить штрафъ. Арауканы не имѣютъ ни жрецовъ, ни храмовъ, ни идоловъ, но вѣрятъ въ добраго и злаго духа. Первый изъ нихъ „великій токи" вселенной; ему подчинены младшіе духи, на которыхъ возложены особенныя обязанности; такъ, напр., есть отдѣльный богъ войны, благодѣтельный богъ и т. п.; „гвекубу" („гвалиху" у ранквелесовъ) считается злымъ богомъ. Боги ничего не требуютъ отъ людей; поэтому арауканы рѣдко дѣлаютъ имъ жертвоприношенія. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ они приносятъ въ жертву людей; но для этого служатъ военноплѣнные. Душа не умираетъ и послѣ смерти человѣка переселяется въ страну по другую сторону Андовъ. (Globus, Bd. V, S. 378—380).

Арауканы, живущіе на востокъ отъ Андовъ, благодаря другимъ условіямъ жизни, представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ вышеприведеннаго описанія. Пикунчи, сравнительно съ другими, стоятъ на самой низкой степени развитія; они отличаются болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, живутъ въ ущельяхъ Кордильеровъ, грабятъ путешественниковъ и управляются мелкими вождями. Они безусловно повинуются своимъ кацикамъ, что особенно замѣтно у ченуа, которыхъ также называютъ манцанеросами. Власть кацика неограниченная; его слово законъ; по его мановенію каждый подданный, даже живущій вдали отъ него, покидаетъ родину, жену, дѣтей и является къ нему на конѣ, въ полномъ вооруженіи. Эти полуцивилизованные арауканы (кромѣ физической силы), во всемъ превосходятъ своихъ южныхъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что осѣдлая жизнь среди плодоносной области даетъ имъ большое преимущество надъ кочующими патагонцами. Они занимаются воздѣлываніемъ полезныхъ растеній и умѣютъ изготовлять родъ сидра необыкновенной крѣпости, а также охмѣляющій напитокъ „pulco" (считаемъ нелишнимъ указать кстати на сходство этого названія съ названіемъ мексиканскаго хмѣльнаго напитка „pulque"). Языкъ арауканов мягче, мелодичнѣе и словарь его богаче нежели гортанный тегуельчскій языкъ ихъ южныхъ сосѣдей. Мустерсъ, которому мы обязаны весьма добросовѣстными изслѣдованіями, находитъ въ немъ сродство съ нарѣчіемъ „пампа". Одежда арауканов очень красивая и опрятная; они никогда не пропускаютъ утренняго купанья. Къ сожалѣнію, Мустерсъ не могъ ничего узнать объ ихъ религіозныхъ обычаяхъ; его увѣряли, что они поклоняются солнцу; при этомъ у нихъ нѣтъ и слѣда какихъ либо идоловъ. Церемоніи въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., при рожденіи ребенка и т. п. почти тѣ же, что у тегуельчей, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Когда они принимаются за ѣду, то всякій разъ съ величайшею добросовѣстностью бросаютъ предварительно на землю небольшой кусокъ хлѣба или мяса и произносятъ шопотомъ заклинанія, чтобы умилостивить злого бога „гвалиху", такъ какъ вообще они суевѣрнѣе остальныхъ индійцевъ. Они имѣютъ нѣкоторое понятіе о драгоцѣнныхъ камняхъ и повидимому приписываютъ имъ извѣстную чудодѣйственную силу. У нихъ существуетъ своеобразный обычай, по которому женихъ, не спрашивая согласія невѣсты, вноситъ ея родителямъ

условленную плату въ видѣ выкупа; затѣмъ насильно уводитъ дѣвушку въ кустарную чащу, откуда возвращается съ нею черезъ два дня, и они начинаютъ жить какъ мужъ и жена. При этомъ дозволено многоженство. Самые значительные изъ восточныхъ арауканов ранкелесы; они живутъ подъ 35—36½° ю. ш. и 64—66° з. д. отъ Гр. Въ былыя времена ихъ было до 10,000 душъ; но въ настоящее время число ихъ весьма уменьшилось, вслѣдствіе большой экспедиціи 1870 года, предпринятой аргентинцами противъ этихъ индійцевъ, при которой всѣ пойманные мужчины и пожилыя женщины были истреблены, а дѣвушки, мальчики и юноши уведены въ пожизненное рабство. Ранкелесы кочующій народъ; поэтому они не имѣютъ постоянныхъ домовъ, а только палатки, называемыя „тольдо". Въ каждой палаткѣ живетъ семья, которая, вслѣдствіе многоженства, нерѣдко состоитъ изъ двадцати душъ. Плѣнные, захваченные ими во время хищническихъ набѣговъ на бѣлыхъ людей, составляютъ неизбѣжный элементъ въ каждой „тольдо". Они должны исполнять почти всю работу; поэтому здѣсь положеніе женщинъ вообще довольно сносное. Одежда ранкелесовъ самая первобытная: лѣтомъ они ходятъ совершенно нагіе и только опоясываютъ себѣ бедра узкимъ кускомъ матеріи; зимой они одѣваются почти такъ же, какъ ихъ западные соплеменники. Подобно послѣднимъ они придерживаются сложнаго церемоніала въ жизни и, принимая гостей, особенно чужестранцевъ, соблюдаютъ строжайшій этикетъ, что составляетъ не малую тягость для послѣднихъ (Verhandel der Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1881, S. 173—178).

КАРИБЫ, ИХЪ РОДИЧИ И СОСѢДИ.

Въ предъидущемъ отдѣлѣ мы представили нашимъ читателямъ общій обзоръ народовъ, живущихъ вдоль Андовъ и преимущественно на западныхъ ихъ склонахъ. Теперь мы приступимъ къ описанію племенъ, занимающихъ огромное пространство на востокѣ южно-американскаго материка. Эти все еще многочисленныя племена Южной Америки ведутъ бродячую жизнь въ первобытныхъ лѣсахъ и саваннахъ и существенно отличаются другъ отъ друга по своимъ нравамъ и обычаямъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ хотя отчасти раздѣлить ихъ на опредѣленныя группы, которыя должны были первоначально находиться между собой въ болѣе тѣсномъ сродствѣ. При этомъ, разумѣется, весьма многія племена все еще составляютъ загадку для этнологовъ. Изъ племенъ, живущихъ на сѣверномъ берегу южной Америки, особенно обращаютъ на себя вниманіе чужестранца:

Карибы и ихъ родичи, живущіе въ такъ называемой Гвіанѣ. Эта полоса земли, отдѣленная отъ материка двумя величайшими рѣками тропической Америки—Амазонской и Ориноко—простирается вдоль Атлантическаго океана подъ 2—8° с. ш. и 52—62° с. д. отъ Гринв.

мер. и раздѣлена на французскую, голландскую и британскую Гвіану, юго-восточная часть которой причислена къ Бразиліи, а сѣверо-восточная къ Венецуэлѣ. Въ былыя времена не считали нужнымъ стѣсняться относительно географическихъ именъ. Испанцы безразлично называли карибами всѣ племена, преданныя людоѣдству; затѣмъ это названіе было передѣлано въ караибы, хотя „carib" заимствовано

Вѣнецъ изъ перьевъ, дубины, сосудъ, двойная кружка, передникъ гвіанскихъ индійцевъ.

изъ языка тупи, отъ слова cari-apiaba, т. е. „люди кари", а на lingoa geral—caryba означаетъ „богатырь". Carib есть болѣе древняя и чистая форма слова caraïbe; позднѣйшаго тенденціознаго извращенія этого имени, которое, по мнѣнію Гумбольдта, должно совершенно исчезнуть изъ языка этнологіи. До прибытія европейцевъ разбойничьи

племена карибовъ (caribisi, galibi, karina, kalina, kalinago) господствовало въ качествѣ завоевателей на небольшихъ вестъ-индскихъ островахъ и въ сѣверной части Южной Америки вдоль Амазонской рѣки до Ріо-Негро. Въ то время какъ жившіе на островахъ карибы почти совершенно вымерли и удержались только на Малыхъ Антильскихъ островахъ, Доминика и С. Винцентѣ, мы все еще встрѣчаемъ многочисленныя и сильныя карибскія племена на материкѣ Южной Америки. Въ Британской Колумбіи, а равно на берегу, у рѣки Померуна, затѣмъ у нижняго Массаруни и Куюни и далѣе, у Корентина и внутри страны, близъ Рупунуни и Квитару,—гдѣ преимущественно сосредоточены селенія карибовъ, — число ихъ во всякомъ случаѣ доходитъ до 600—700 душъ. Напротивъ того, по свидѣтельству Карла Фердинанда Аппуна, который провелъ много лѣтъ въ тропической Южной Америкѣ и составилъ подробное описаніе своихъ наблюденій, карибское населеніе въ Венецуэлѣ, особенно у рѣки Ориноко и въ провинціи Барцелонѣ, несомнѣнно простирается до нѣсколькихъ тысячъ. (См. Appun, Unter den Tropen. Wanderungen durch Venezuela, am Orinoko, durch Britisch Guyana und am Amazonenstrom in den Jahren 1849—1868. Jena 1871. 2 B-de). Ихъ можно прослѣдить до Урабы на сѣверо-западѣ и до Оранжеваго мыса на юго-востокѣ; наконецъ карибы встрѣчаются и въ Гондурасѣ, только съ сильной примѣсью негритянской крови. Ихъ значительное распространеніе во внутреннихъ частяхъ Южной Америки приводитъ къ весьма вѣроятной догадкѣ, что мы должны отыскивать здѣсь первоначальную родину этого народа. Карлъ Мартіусъ хотѣлъ было причислить ихъ къ бразильскимъ ордамъ „тупи“, но изъ сравненія языковъ оказалось, что вымершіе на островахъ карибы, по своему языку, находились въ тѣсномъ сродствѣ съ гвіанскими галиби и что всѣ эти племена лингвистически принадлежатъ къ группѣ гукскихъ ордъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что карибы не перешли на материкъ съ Антильскихъ островов, какъ предполагали прежде многіе ученые, а наоборотъ, выйдя изъ южно-американскаго материка, завоевали острова и, вдобавокъ, незадолго до открытія Америки европейцами. Карибы неожиданно напали на беззащитныхъ жителей, истребили мужчинъ и увели въ плѣнъ женщинъ, а самыхъ красивыхъ взяли себѣ въ жены, вслѣдствіе чего образовался особый языкъ у мужчинъ и женщинъ, какъ на островахъ, такъ и повсемѣстно въ области карибской группы народовъ. Женщины продолжали говорить на своемъ родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что мужчины не удостоили разговаривать съ ними. Однако изъ этого не слѣдуетъ выводить заключенія, что дѣйствительно образовались совмѣстно два совершенно различныхъ языка. Ученый лингвистъ Люсьенъ Адамъ изъ Нанси доказалъ, что разница главнымъ образомъ заклю-

чается въ томъ, что женщины употребляли на карибскомъ языкѣ только часть словаря и извѣстныя грамматическія формы, которыя онѣ не могли примѣнять въ разговорѣ съ мужчинами, тогда какъ эти, въ свою очередь, бесѣдуя другъ съ другомъ, никогда не пользовались нѣкоторыми словами. Но при этомъ значительная часть словъ и грамматическихъ формъ были и до сихъ поръ остаются одинаковыми въ языкѣ обоихъ половъ. Фактически вышеупомянутая двойственность языка приблизительно ограничивается 400 словами (изъ 2—3000), такъ что для обозначенія одного и того-же предмета существуютъ нерѣдко два имени, при двойной серіи мѣстоименныхъ суффиксовъ и двойномъ отрицательномъ глаголѣ. (Lucien Adam, Du parler des hommes et du parler des femmes dans la langue caraibe. Paris 1879, p. 2.) „Карина, какъ называютъ себя карибы, живущіе на островахъ, каллинаго", на языкѣ мужчинъ, и „каллипонанъ", на женскомъ языкѣ, отличаются только своимъ нарѣчіемъ отъ „галибовъ" материка. Послѣ покоренія Малыхъ Антильскихъ островов, они заняли восточную часть Порторико и распространили свои хищническіе набѣги до Гаити. Нѣкоторые изъ этихъ искателей приключеній даже положили начало самостоятельнымъ государствамъ, между тѣмъ какъ первые пришельцы овладѣли землями на восточномъ берегу. Ихъ военныя суда, или пироги, имѣютъ 13—14 м. длины и настолько широки, что могутъ вмѣстить испанскую бочку, положенную поперегъ, и до 50 человѣкъ. Они двигаются по водѣ съ помощью парусовъ изъ плотной бумажной ткани или веселъ подъ тактъ напѣваемой пѣсни. Но такъ какъ карибы пришли съ материка, гдѣ жили добычей охоты, то естественно, что и послѣ своего переселенія на Антильскіе острова они продолжали употреблять лукъ и стрѣлы.

Британскій естествоиспытатель Ф. А. Оберъ посѣтилъ острова Доминика и Винцентъ съ цѣлью изученія уцѣлѣвшихъ остатковъ карибскаго народа и описалъ ихъ въ своей книгѣ: Camps in the Caribbes; the adventures of a naturalist in the Lesser Antilles. Edinburgh 1880. Сообщаемыя имъ извѣстія представляютъ для насъ тѣмъ больший интересъ и цѣну, что это единственныя сколько нибудь подробныя извѣстія о нынѣшнихъ карибахъ. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ сдѣлалъ сравненіе между карибскими нравами и обычаями на материкѣ съ тѣми, какіе ему приходилось видѣть на островахъ, то это избавило бы его отъ многихъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что счетъ у карибскаго племени не простирается дальше двадцати; но это невѣрно, потому что на материкѣ карибамъ извѣстны болѣе крупныя цифры. Они обозначаютъ число „двадцать" словомъ „человѣкъ"; вмѣсто „двадцати пяти" они говорятъ: „человѣкъ и рука"; „тридцать" выражено у нихъ словами: „человѣкъ съ двумя руками"; „тридцать пять" обозначаютъ они еще болѣе подробнымъ способомъ: „человѣкъ съ двумя руками и одной ногой"; „сорокъ" составляетъ у нихъ „два человѣка"; вмѣсто „двадцати трехъ", говорятъ: „человѣкъ и три пальца" и т. п. Не менѣе сомнительно извѣстіе сообщаемое Оберомъ, будто бы карибы не умѣютъ изготовлять ткани изъ хлопчатой бумаги, потому что арекуны, отдаленная, но тѣмъ не менѣе сродственная отрасль карибскаго племени, которые не имѣютъ ничего общаго

съ цивилизованными народами, почти исключительно снабжаютъ выбойкой и ситцами индійцевъ, живущихъ на сѣверо-восточномъ побережьи Южной Америки. Равнымъ образомъ, невѣрно извѣстіе, что „matapie“ (своеобразный цилиндръ, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ, который служитъ для выжиманія ядовитаго сока маніоки), изобрѣтенъ карибами, и только у нихъ въ употребленіи, такъ какъ онъ встрѣчается у многихъ другихъ индійскихъ племенъ материка, никогда не имѣвшихъ сношеній съ карибами. Когда европейцы впервые посѣтили островъ С. Винцентъ, то онъ былъ во владѣніи двухъ отдѣльныхъ туземныхъ племенъ, которые говорили однимъ языкомъ, но представляли большое различіе по цвѣту кожи и образу жизни. Они получили прозвище „черныхъ“ и „желтыхъ“ карибовъ; существовавшій между ними антагонизмъ еще больше усилился, благодаря вмѣшательству бѣлыхъ, такъ что дѣло дошло до открытой вражды и разгорѣлась война съ цѣлью взаимнаго истребленія. Но въ 1796 году, когда англичане стали насильственно переселять карибовъ въ Гондурасъ, то обѣ стороны, представлявшіе собой жалкіе остатки прежняго населенія, вошли между собой въ дружескія сношенія подъ гнетомъ общаго несчастія. Тѣмъ не менѣе, скрещиваніе было не настолько велико, чтобы уничтожить первоначальное различіе въ цвѣтѣ кожи, которое замѣтно и до сихъ поръ. Нѣкоторые ученые думаютъ, что это различіе произошло тѣмъ же способомъ, какъ на Москитскомъ берегу, вслѣдствіе вліянія негритянской крови и при одинаковыхъ условіяхъ. По ихъ словамъ, въ 1675 году гвинейское невольничье судно потерпѣло кораблекрушеніе у одного изъ небольшихъ острововъ по близости С. Винцента, и отъ помѣси этихъ негровъ съ туземцами образовались черные карибы. Впослѣдствіи между этими и чистокровными карибами начались несогласія, которыя привели къ раздѣлу острова; и тогда собственно съ ними познакомились европейцы. Это объясненіе кажется намъ весьма вѣроятнымъ, потому что присутствіе негритянской крови несомнѣнно и очевидно въ черныхъ карибахъ Гондураса, гдѣ они сильно размножились послѣ ссылки и распространили свои поселенія. Они сильнѣе и коренастѣе чистокровныхъ карибовъ, а также отличаются большею живостью и впечатлительностью. Послѣдніе малы ростомъ, но крѣпкаго тѣлосложенія. Тѣ и другіе одинаково подвижны, трудолюбивы и предусмотрительны; и въ этомъ, какъ и во многихъ отношеніяхъ, они представляютъ полную противоположность съ замбосъ на Москитскомъ берегу. Они несравненно нравственнѣе въ своихъ привычкахъ, живутъ въ хорошо построенныхъ хижинахъ, опрятныхъ и удобныхъ и все еще говорятъ на своемъ первобытномъ карибскомъ языкѣ острововъ, хотя многіе изъ нихъ знакомы съ испанскимъ языкомъ и могутъ до извѣстной степени объясняться по-англійски.

Карибы Гондураса исповѣдуютъ католическую религію, но сохранили многіе изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ и суевѣрныхъ понятій. Они представляютъ собой вполнѣ полезное и трудолюбивое населеніе и пользуются особеннымъ довѣріемъ со стороны промышленниковъ, занимающихся рубкой чернаго дерева на берегу. Всѣ путешественники отзываются съ большой похвалой о карибахъ Гондураса. „Они миролюбивы, привѣтливы въ обращеніи, сметливы и дѣятельны“. При этомъ они отличаются пристрастіемъ къ нарядамъ; опоясываютъ себѣ бедра красными лентами въ подражаніе шарфамъ, носятъ высокія соломенныя шляпы, чистыя бѣлыя рубашки, юбки, длинные узкіе панталоны и имѣютъ крайне самодовольный видъ съ зонтикомъ или хлыстикомъ въ рукѣ. Карибскія женщины любятъ украшать себя разноцвѣтными бусами и нанизываютъ ихъ всевозможными способами. Онѣ являются на рынокъ для продажи продуктовъ своихъ плантацій въ каленкоровыхъ корсажахъ и пестрыхъ передникахъ; головы ихъ повязаны носовыми платками, которые большею частью небрежно опущены на затылокъ. Хотя этихъ карибовъ

нельзя назвать красивой породой людей, но они крѣпкаго и атлетическаго тѣлосложенія. Особенно заслуживаютъ вниманія различія въ ихъ цвѣтѣ кожи; у однихъ она черна какъ уголь; у другихъ желтая какъ шафранъ. Опрятность доведена у нихъ до крайней степени, и они вообще выказываютъ большія способности къ изученію языковъ; многіе изъ нихъ кромѣ карибскаго знаютъ испанскій и англійскій языки, а иные даже креоло-французскій и москитскій. Многоженство составляетъ господствующее явленіе; нѣкоторые имѣютъ отъ трехъ до четырехъ женъ; при этомъ мужъ обязанъ каждой изъ нихъ дать особый домъ и отдѣльную плантацію; если онъ подарилъ что нибудь одной изъ женъ, то долженъ сдѣлать подарки той же стоимости всѣмъ остальнымъ. Равнымъ образомъ, время его распредѣляется одинаково между всѣми женами; такъ, напримѣръ, недѣлю онъ проводитъ съ одной изъ нихъ, недѣлю съ другой и т. д. Если карибъ женится, то онъ разводитъ плантацію и строитъ домъ; затѣмъ передаетъ ихъ въ вѣдѣніе жены и проводитъ время въ праздности до слѣдующаго года, и тогда разводитъ вторую плантацію. Жена заботливо воздѣлываетъ предоставленную ей плантацію, и съ рѣдкимъ терпѣніемъ и искусствомъ разводитъ на ней въ продолженіи двѣнадцати-пятнадцати мѣсяцевъ всякаго рода полезныя растенія, какія употребляются въ странѣ. Но такъ какъ продукты плантаціи составляютъ полную собственность жены, то она оставляетъ часть запасовъ въ домѣ для мужа и своей семьи, а остальное сбываетъ на сторонѣ, чтобы имѣть возможность купить себѣ платье и другія необходимыя вещи. Передъ Рождествомъ женщины нанимаютъ нѣсколько лодокъ („creers"), нагружаютъ ихъ рисомъ, бобами, ямомъ и пизангомъ и отправляютъ въ Трухилло и Белизе съ помощью своихъ собственныхъ мужей или сосѣдей, которыхъ берутъ въ качествѣ матросовъ. Мужья сопровождаютъ женъ въ этихъ торговыхъ экспедиціяхъ; но никогда и ни при какихъ условіяхъ не носятъ на себѣ тяжестей, такъ какъ считаютъ это униженіемъ своего достоинства. Трудолюбіе и предусмотрительность составляютъ отличительныя черты карибскихъ женщинъ; поэтому онѣ стараются имѣть все необходимое, чтобы удовлетворить жизненнымъ потребностямъ, и окружаютъ себя возможнымъ комфортомъ. Мужчины рубятъ дрова, разводятъ плантаціи, занимаются охотой и рыбной ловлей; могутъ соорудить удобный домъ, хорошую лодку, изготовить парусъ и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ искусные портные; другіе хорошіе плотники. Дома карибовъ вообще превосходно построены; столбы, стропила и балки сдѣланы изъ самаго твердаго дерева; крыша крыта досками и переплетена пальмовыми листьями. Въ домахъ сдѣланы отверстія для оконъ, со ставнями, которыя тщательно закрываются вечеромъ, для защиты отъ континентальнаго вѣтра. Этому обстоятельству, а равно и тому, что карибскіе дома постоянно доступны морскому вѣтру, слѣдуетъ приписать хорошее состояніе здоровья жителей ихъ мѣстечекъ, чему, конечно, не мало способствуетъ чистоплотность карибовъ и матеріальное благосостояніе, которымъ они пользуются (Ausland, 1871, S. 501—502).

Что касается карибовъ, живущихъ на материкѣ, то мы можемъ составить себѣ о нихъ общее понятіе изъ вышеприведеннаго описанія; стоитъ только измѣнить нѣкоторыя черты или, вѣрнѣе, усилить краски. Карибы на материкѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ индійскихъ племенъ Гвіаны только тѣмъ, что цвѣтъ ихъ кожи темнѣе, формы тѣла мускулистѣе, черты лица грубыя и отталкивающія, что можно также сказать о женщинахъ и дѣвушкахъ, которыя хотя роскошно сложены, но поражаютъ наблюдателя своими некрасивыми и въ высшей степени непріятными лицами. Ихъ наружность кажется еще отврати-

ѣтельнѣе отъ непомѣрной толщины икръ, что считаютъ онѣ особенно красивымъ, такъ что даже производятъ это искусственнымъ способомъ. Съ дѣтства онѣ туго обвязываютъ себѣ ноги бумажными тесемками, въ три пальца ширины, не только подъ икрами, но и надъ икрами, которыя распухаютъ и обращаются въ безформенную массу мускуловъ, крайне уродливаго вида. Впрочемъ, это шнурованіе икръ составляетъ племенной признакъ карибовъ, встрѣчаемый также у племени тупи въ Бразиліи. Галиби, живущіе на французскомъ берегу рѣки Марони, не велики ростомъ, съ стройными членами тѣла и совершенно правильными ногами, что, при длинныхъ волосахъ и отсутствіи бороды, придаетъ имъ женственный видъ.

Помимо вышеупомянутыхъ галиби, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ племенъ, представляющихъ сродство съ карибами, а именно чараготто къ югу отъ Каракаса; куманаготто на югъ отъ Пириту и Кумана; паріаготто у залива Паріа; аринаготто южнѣе Ориноко, у рѣкъ Каура и Карони; піаноготто у истоковъ Корентина; затѣмъ гвайкари и таманаки у верхняго Ориноко, выше притоковъ Кухиверо; квириквире на южномъ берегу Маракаибскаго залива; макуши съ ихъ племенными собратіями арекуна въ области истоковъ Ріо-Бранко; акаваи у верхняго Куюни, и, наконецъ, запара, энкабелладосы, инквіаваты, путумайо, ангутерены, иквито и мазаны, которые распространены между верхнимъ Путумайо и Пастаца до 79° з. д. и слѣдовательно простираются до самой границы древняго государства инковъ. Сюда же по всѣмъ вѣроятіямъ можно отнести араваковъ въ Венецуэлѣ, преимущественно въ дельтѣ Ориноко, и гварауно или варрау.

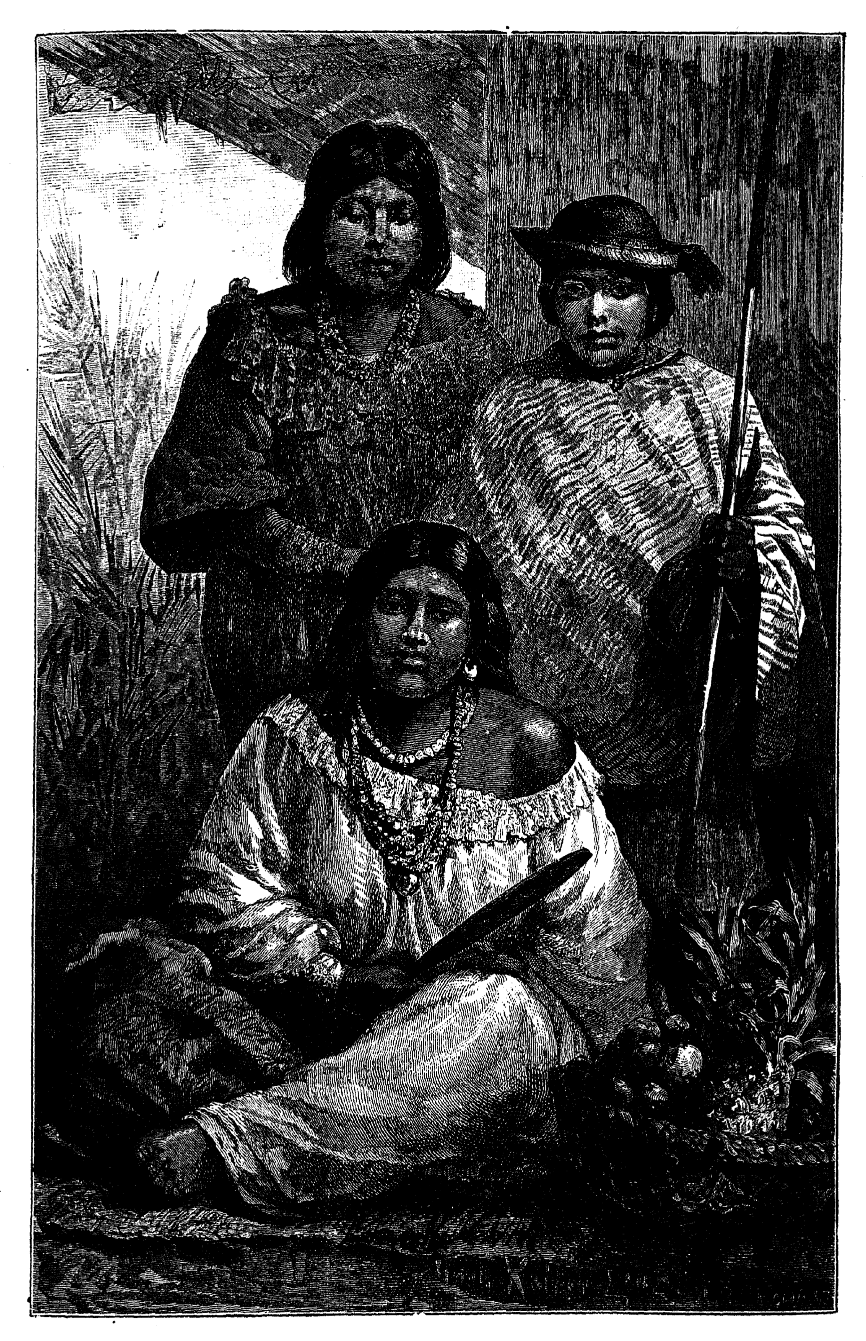
Между тѣмъ намъ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы слѣдующія племена, причисляемыя Фр. Миллеромъ къ карибамъ, дѣйствительно принадлежали къ нимъ, такъ какъ на нихъ нужно смотрѣть, какъ на изолированныхъ первобытныхъ жителей занимаемой ими области. Къ такимъ племенамъ относятся: тайрона, гоахиро, вышеупомянутые каквезіо, живущіе у Маракаибскаго залива и на полуостровѣ Гоахиро, отомаки—въ области истоковъ Апуре, яруро—близь впаденія Апуре въ Ориноко, салива—въ области нынѣшняго Сантафе-де-Богота, майпуре и кабре—въ области истоковъ Ориноко, вапишіана, атораи и тарума—въ области истоковъ Эссеквибо и его притоковъ, паравильгана—у нижняго Ріо-Бранко, и другія мелкія племена.

Изъ перечисленныхъ нами племенъ, араваки, или аруака, „arwaka", какъ ихъ зовутъ въ Венецуэлѣ (луккуну, т. е. люди, какъ они сами себя величаютъ, между тѣмъ какъ названіе аруакъ, т. е. „питающійся мукой", дано имъ сосѣдями), сдѣлали наибольшіе успѣхи въ промышленности и охотнѣе другихъ индійцевъ этой мѣстности принимаютъ христіанство. То же можно сказать о миролюбивыхъ и

смирныхъ гварауно или варрау, которые живутъ на морскомъ берегу или близь устьевъ рѣкъ, такъ что ихъ большею частью незначительныя селенія едва простираются свыше 150 килом. въ глубь материка. Что касается акаваи (ваккаваи и ваика, какъ ихъ называютъ въ Венецуэлѣ), то только маленькая часть ихъ живетъ на берегу, а именно у рѣки Померуно, между тѣмъ какъ болѣе значительныя селенія находятся у верхняго Демерара, Массаруни и Потаро (лѣваго притока Эссеквибо), и въ общей сложности представляютъ населеніе въ нѣсколько тысячъ душъ. Всѣ эти индійскія племена, такъ же какъ и карибы, живутъ въ первобытныхъ лѣсахъ, которые покрываютъ собой огромное пространство вдоль и поперегъ бассейновъ упомянутыхъ рѣкъ. Но при этомъ араваки и карибы живутъ скорѣе на берегу, нежели внутри страны, такъ что настоящими обитателями первобытныхъ лѣсовъ являются акаваи, которыхъ К. Ф. Аппунъ положительно считаетъ отраслью карибскаго племени. Остальныя перечисленныя нами племена живутъ отчасти на открытыхъ равнинахъ саваннъ, отчасти въ бѣдныхъ лѣсами горныхъ странахъ. Они отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и физической силой, ловкостью и гибкостью членовъ, а также имѣютъ болѣе здоровый, веселый и воинственный видъ, нежели ихъ соплеменники, которые живутъ въ сырыхъ и нездоровыхъ первобытныхъ лѣсахъ, кажутся чахлыми и болѣзненными и выказываютъ крайнюю апатію и склонность къ лѣни. Макуши самые могущественные и красивые изъ индійцевъ, живущихъ въ равнинахъ, распространены въ необъятныхъ пространствахъ саваннъ, отъ нижняго Рупунуни до Такуту и Ріо-Бранко (Parine River), а равно и въ долинахъ горъ Пакараима и Кануки, между тѣмъ какъ арекуна занимаютъ плоскія возвышенности у горъ Рорайма и саванны отъ истоковъ Карони до устья Котинга. Гористая область истоковъ Массаруни занята племенемъ сереконгъ; по сосѣдству съ ними, въ саваннахъ, у верхняго Рупунуни, а равно и въ области верхняго Такуту, живутъ вапишіаны. Затѣмъ въ саваннахъ, у верхняго же Рапунуни, отъ горъ Сирири до горы Ватутикаба, встрѣчаются немногіе остатки нѣкогда могущественнаго племени атораи, равно и крайне разрозненные тарума, которые разсѣяны въ саваннахъ у Квитару, Куювини до горъ Каравайменъ. Самая южная часть Гвіаны, или область истоковъ Эссеквибо съ Серра Акараи, занята племенемъ вояваи; у ея сѣверной границы уцѣлѣли немногіе представители вымирающаго племени маопитіанъ („лягушечные" индійцы отъ „mao"—лягушка и „pitian"—народъ, племя). Въ юго-восточномъ углу Гвинеи, въ области истоковъ Корентина, живутъ многія малоизвѣстныя мелкія племена, между которыми атлетическіе и стройные піаноготто всего болѣе схожи съ маопитіанами по образу жизни и нравамъ; индійцы зурумата составляютъ отрасль піаноготто. Далѣе къ востоку живутъ кокоипитіаны, а въ самой южной

части Гвіаны орокоянны или индійцы „попугаи“; на берегахъ Кагпу людоѣды чикіаны, составляющіе предметъ ужаса для своихъ миролюбивыхъ сосѣдей; у истоковъ Ванаму встрѣчаются дріо, племя, сродное съ піанаготтами, которое очень походитъ на послѣднихъ по сложенію и татуируетъ себѣ все тѣло, подобно островитянамъ Южнаго океана. Ближе къ юго-востоку живутъ не менѣе страшные для своихъ сосѣдей майпуречіана, или „тапирные индійцы“, которые употребляютъ черепа убитыхъ непріятелей въ видѣ сосудовъ для питья. Къ юго-западу лежитъ область тунаяна (водяныхъ индійцевъ), а еще далѣе къ западу караваяновъ и барокото.

Что касается наружности и тѣлосложенія этихъ различныхъ индійскихъ племенъ, то мы вообще должны сдѣлать о нихъ похвальный отзывъ. Араваки представляютъ собой красивую и сильную породу людей, особенно молодыя дѣвушки, которыя славятся въ Джоржъ-Тоунѣ, столицѣ Британской Гвинеи, пропорціональностью формъ, полнотой силъ и округленностью членовъ тѣла, античными очертаніями лица и большими черными глазами. Акаваи крѣпкаго тѣлосложенія, приземисты; цвѣтъ ихъ кожи болѣе темнокрасный нежели у араваковъ и варрау; они довольно стройны, хотя съ укороченными ногами и руками, и отличаются необыкновенною ловкостью движеній. Все это, въ связи съ благородными и правильными чертами лица, придаетъ имъ необыкновенную привлекательность, такъ что мужчины относительно красоты занимаютъ первое мѣсто между гвіанскими индійцами. Равнымъ образомъ, молодыя дѣвушки этого племени, по увѣренію Аппуна, отличаются благородными и изящными формами тѣла, нерѣдко достигающими дѣйствительно совершенства; у многихъ изъ нихъ настоящій греческій профиль, который кажется еще красивѣе отъ длинныхъ черныхъ волосъ, ниспадающихъ въ видѣ покрывала вдоль коричневыхъ полныхъ плечъ. На ряду съ араваками и акава и макуши принадлежатъ къ самымъ красивымъ племенамъ Гвіаны; цвѣтъ ихъ кожи свѣтлѣе, чѣмъ у береговыхъ жителей. Фигура ихъ стройная и пропорціональная; черты лица очень пріятныя и даже красивыя, чему много способствуетъ изящная форма большею частью римскаго носа. Арекуна болѣе крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія, сравнительно съ акаваи и макуши, цвѣтъ ихъ кожи свѣтлѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ племенъ, что главнымъ образомъ происходитъ отъ болѣе прохладнаго климата занимаемой ими области. Дѣвушки племени арекуна отличаются въ физическомъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ индіанокъ; Аппунъ съ восхищеніемъ говоритъ о благородныхъ очертаніяхъ ихъ римскаго носа; также не малымъ дополненіемъ ихъ красоты служитъ маленькій ротъ съ прелестнѣйшими слегка вздернутыми губами, огненные черные глаза и черные какъ вороново крыло волосы; при этомъ онѣ наравнѣ со всѣми индіянками имѣютъ крошечныя руки и ноги. Индійцы вапишіана красивые и стройные люди, съ благородными и правильными чертами лица и большими, преимущественно греческими носами. Женщины не уступаютъ мужчинамъ въ красотѣ лица и тѣлосложенія, но отличаются отъ нихъ болѣе нѣжными и округленными формами; вдобавокъ, онѣ имѣютъ такіе длинные и густые волосы, что въ этомъ отношеніи съ ними не можетъ сравниться ни одно изъ сосѣднихъ племенъ. Сереконги по наружному виду подходятъ къ макуши и арекуна, между тѣмъ какъ немногіе уцѣлѣвшіе атораи, хотя сильнаго и крѣпкаго тѣлосложенія, но съ менѣе правильными чертами лица и по типу подходятъ къ мулатамъ, хотя между молодыми дѣвушками встрѣчаются очень красивыя и съ привлекательными физіономіями. Женщины таруна, на оборотъ, отличаются безобразіемъ и невообразимою



Индійцы гоагиро.

грязью. Во всемъ остальномъ, кромѣ маленькой головы, эти индійцы похожи на большинство своихъ соплеменниковъ; то же можно сказать о маопитіанахъ, съ тою разницей, что послѣдніе худѣе и костлявѣе; голова ихъ сплюснута съ боковъ, а выраженіе лица очень оживленное, вслѣдствіе блестящихъ глазъ.

Вообще существуетъ очень мало уклоненій между всѣми индійцами разсматриваемой нами группы какъ въ характерѣ, нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, такъ и относительно проявленій соціальной жизни, такъ что Аппунъ, проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, могъ составить общую картину ихъ характера, образа жизни и нравовъ, которая одинаково примѣнима ко всѣмъ имъ (Ausland 1871 и 1872 см. рядъ статей по этому предмету).

Что касается ребячества, которое бо́льшею частью приписываютъ характеру индійцевъ, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи у карибовъ и ихъ сосѣдей. У нихъ главнымъ образомъ господствуетъ извѣстная склонность къ лѣни сравнительно съ европейцами и индійцами Сѣверной Америки; вся ихъ дѣятельность происходитъ не отъ внутренной потребности къ какому-либо занятію, а вынуждена только нуждою и необходимостью. Гвіанскій индіецъ молчаливъ въ присутствіи иностранца, такъ какъ гордость составляетъ его національное свойство; онъ умѣетъ подавить внѣшнее выраженіе чувствъ при постороннихъ, тогда какъ среди равныхъ онъ проявляетъ всю живость характера. Индіянки, женщины и дѣвушки, также чрезвычайно робки и серьёзны при чужестранцахъ, но когда онѣ между собой, особенно послѣднія, то становятся очень веселыми и рѣзвыми. Въ числѣ добродѣтелей у названныхъ нами племенъ первое мѣсто занимаетъ честность; воровство совершенно незнакомо большинству ихъ; макуши обвиняютъ въ этомъ порокѣ однихъ только вапишіановъ и, повидимому, не безъ основанія. Тѣмъ не менѣе характеръ индійцевъ, на ряду съ хорошими качествами, представляетъ много темныхъ сторонъ. Индіецъ настолько же флегматиченъ въ любви, насколько страстенъ въ ненависти, хотя онъ можетъ очень долго скрывать это чувство отъ окружающихъ. Чтобы отомстить врагу, онъ перелѣзаетъ горы, пробирается по непроходимымъ лѣсамъ, охотно переноситъ голодъ, жажду и другія трудности, которыя встрѣчаются ему; но никогда не забываетъ нанесенной ему обиды, и даже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ часъ возмездія кажется ему не слишкомъ позднимъ.

Если индіецъ считаетъ себя оскорбленнымъ въ своей чести или въ лицѣ своей жены, то имъ овладѣваетъ безграничная жажда мести, которая мучитъ его, доводитъ до безумія и можетъ утихнуть только тогда, когда онъ найдетъ себѣ удовлетвореніе въ смерти обидчика или даже въ истребленіи всей его семьи. Вслѣдствіе этого кровавая месть свирѣпствуетъ сдѣсь въ самой ужасной формѣ. При этомъ кровный мститель „канаима“ не выступаетъ открыто въ бой, но нападаетъ на свою жертву изъ-за угла, гдѣ онъ всего больше можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Для исполненія своихъ мрачныхъ цѣ-

лей, онъ всего охотнѣе прибѣгаетъ къ многочисленнымъ извѣстнымъ ему ядамъ. Изъ послѣднихъ особенно ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ „маши“, который изготовляется изъ клубней Arum venenatum Woelfers. Это-же растеніе употребляютъ для отравленія негритянскіе колдуны „obiah“ въ Суринамѣ (гдѣ оно носитъ названіе „tonkin“), а также въ Британской Гвіанѣ. Индійцы (въ особенности сереконги и акаваи, которые преимущественно изготовляютъ этотъ ужасный ядъ и продаютъ его другимъ индійскимъ племенамъ) рѣжутъ клубни упомянутаго растенія на тонкіе ломти, сушатъ на солнцѣ, затѣмъ толкутъ очень тщательно въ мельчайшій порошокъ, похожій видомъ на мышьякъ. Клубни настолько ядовиты, что всякое прикосновеніе къ нимъ опасно и производитъ сильное жженіе и злокачественную накожную сыпь. Если индіецъ для удовлетворенія чувства мести выступаетъ въ качествѣ „канаима,“ то онъ преслѣдуетъ свою жертву какъ змѣя, которая, незамѣтно извиваясь подъ травой, не спускаетъ глазъ съ добычи, пока не настигнетъ ее спящей. Онъ тихо подкрадывается къ беззаботному врагу, насыпаетъ ему на губы небольшое количество ядовитаго порошка или подъ носъ, чтобы спящій вдохнулъ его. Сильное жженіе внутренностей, изнурительная лихорадка, страшная, ничѣмъ неутомимая жажда, служатъ несомнѣнными симптомами отравленія, такъ что у несчастнаго является ужасная увѣренность, что дни и даже часы его сочтены. Черезъ четыре недѣли больной превращается въ скелетъ и умираетъ въ страшнѣйшихъ мученіяхъ. Если канаиму не удастся удовлетворить своей мести этимъ путемъ, то онъ измѣняетъ образъ дѣйствій и, чтобы утишить чувство, терзающее его душу днемъ и ночью, старается достигнуть цѣли съ помощью лицемѣрной дружбы. Но если этотъ способъ также оказывается неудачнымъ, и онъ не можетъ усыпить недовѣріе своего врага, то канаима внезапно исчезаетъ изъ деревни, такъ что никто не знаетъ его мѣстопребыванія. Безъ устали и покоя рыскаетъ онъ по лѣсамъ, долинамъ и горамъ, побуждаемый горячей жаждой мести, которая все сильнѣе и сильнѣе разгорается въ его груди, и возвращается домой только тогда, когда убьетъ свою жертву или ранитъ ее ядовитой стрѣлой. Иногда онъ подкарауливаетъ ее впродолженіи полугода и болѣе, и въ это время избѣгаетъ всякой встрѣчи съ другими индійцами; ночлегомъ ему служитъ дерево въ лѣсу или пещера въ горѣ; плоды—его единственная пища. Съ того момента, какъ онъ оставляетъ деревню, соплеменники считаютъ его свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, какъ и жертву, которую онъ преслѣдуетъ. Канаима, порвавъ такимъ образомъ всѣ связи съ семьей и своими племенными родичами, становится предметомъ ужаса для окружающей мѣстности, отверженцемъ, жизнь котораго ежеминутно подвергается опасности, потому что каждый индіецъ, при встрѣчѣ съ нимъ, считаетъ долгомъ убить его. Вначалѣ онъ еще дѣлаетъ попытки справиться съ своимъ чувствомъ и, по внѣшности, ничѣмъ не выказываетъ своего губительнаго намѣренія, но теперь онъ выступаетъ открыто. Его тѣло раскрашено своеобразнымъ образомъ и покрыто звѣриной шкурой. Если онъ встрѣтитъ своего врага съ глазу на глазъ и чувствуетъ превосходство своей силы, то вступаетъ съ нимъ въ борьбу, ранитъ его отравленной стрѣлой, прокалываетъ ему языкъ зубами самой ядовитой змѣи, или же сбиваетъ съ ногъ дубиной раздробляетъ черепъ и кости рукъ и ногъ.

Чувство благодарности незнакомо гвіанскому индійцу; онъ принимаетъ всякій подарокъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; и повидимому въ короткое время забываетъ о томъ, что было сдѣлано для него; между тѣмъ какъ, съ своей стороны, онъ не отдастъ ни малѣйшей бездѣлицы, не потребовавъ на нее какого нибудь товара въ обмѣнъ. Другой порокъ его заключается въ склонности ко лжи и преувеличенію. Къ дурнымъ чертамъ его характера нужно также отнести безсердечное отношеніе къ больнымъ и страждущимъ, которое проявляется не только по отношенію къ соплеменникамъ, но къ ро-

дителямъ и близкимъ родственникамъ. Между тѣмъ съ полоумными индійцы обходятся съ какой-то почтительной робостью, такъ какъ у нихъ существуетъ убѣжденіе, что эти несчастные находятся въ тѣсной связи съ добрымъ духомъ, вслѣдствіе чего ихъ словамъ и дѣйствіямъ приписываютъ божественный смыслъ. Кромѣ того индіецъ тщеславенъ, гордъ и честолюбивъ; разумѣется, эти страсти ограничены небольшимъ кругомъ доступныхъ ему идей; и если бы для него открылось болѣе обширное поле дѣйствій, то и здѣсь выразилось бы его честолюбіе. Гвіанскій индіецъ по своему характеру далеко не такъ лицемѣренъ и коваренъ, какъ сѣвероамериканскіе индійцы, хотя эти недостатки встрѣчаются также у береговыхъ племенъ и акаваевъ.

Вообще цивилизованные береговые индійцы, бо̀льшая часть которыхъ обращена въ христіанство, существенно разнятся по своему характеру отъ племенъ, живущихъ внутри материка, такъ какъ вмѣстѣ съ цивилизаціей они переняли въ обширныхъ размѣрахъ и пороки цивилизованныхъ народовъ. То же можно сказать и объ индійцахъ внутри страны, которые жили прежде на берегу или находились въ продолжительныхъ сношеніяхъ съ цивилизованными людьми. Такимъ образомъ, европеецъ, путешествующій внутри страны, можетъ принять за правило не довѣрять индійцамъ, говорящимъ немного по-англійски. Между тѣмъ индійцы, не имѣвшіе никогда сношеній съ цивилизованными націями или только короткое время, отличаются самымъ приличнымъ поведеніемъ, особенно женщины, и если онѣ позволяютъ себѣ что̀-либо лишнее, то только при большихъ попойкахъ, когда находятся въ состояніи опьяненія.

Индійцы между собой обходятся въ высшей степени вѣжливо и скромно; молодые относятся къ старшимъ съ большимъ уваженіемъ; у нихъ никогда не бываетъ ссоръ, когда они въ трезвомъ состояніи и очень рѣдко подъ вліяніемъ хмѣльныхъ напитковъ. Дѣти и близкіе родственники, говоря объ отцѣ и матери, вмѣсто онъ и она употребляютъ мѣстоимѣнія множественнаго числа, напр.: ихъ нѣтъ здѣсь; они пошли на охоту и т. п.

Индіецъ отличается замѣчательною памятью и чрезвычайно легко усвоиваетъ нарѣчія другихъ индійскихъ племенъ, но языки европейскихъ націй труднѣе даются ему. Не менѣе воспріимчивы его умственныя способности; онъ можетъ воспроизвести все, что̀ доступно его зрѣнію, не теряетъ разсудка до самой смерти, но его душевныя силы не превышаютъ того, что̀ могутъ воспринять его внѣшнія чувства.

Часть береговыхъ индійцевъ, какъ было говорено выше, обращена въ христіанство; они ходятъ одѣтые по требованію миссіонеровъ: мужчины въ рубашкахъ и короткихъ штанахъ; женщины въ выбойчатомъ платьѣ или юбкѣ, привязанной къ одному плечу. Но какъ только они находятся между собой, то съ величайшимъ удовольствіемъ сбрасываютъ съ себя всю одежду и остаются въ небольшомъ передникѣ, сообразно туземной модѣ. Послѣдній большей частью сдѣланъ изъ бусъ или шерстяной бахромы и почти всегда отличается изяществомъ и вкусомъ: у племени макуши, на немъ даже выведены пестрые узоры à la grecque; и здѣсь дѣвушки придаютъ особенное значеніе этой единственной и весьма несложной принадлежности своего туалета. Одежда карибскихъ женщинъ, такъ называемый „Salempor“ представляетъ подобіе панталонъ, употребляемыхъ при морскихъ купаньяхъ; она сдѣлана изъ голубой бумажной матеріи и плотно прилегаетъ къ тѣлу отъ пояса до половины ляшекъ. Мужчины и женщины ограничиваются этимъ костюмомъ, такъ что ходятъ почти нагіе; но тѣмъ бо-

лѣе заботятся они объ украшеніи тѣла, а затѣмъ волосъ. Мужчины коротко обстригаютъ ихъ, какъ, напримѣръ, араваки; между тѣмъ какъ женщины свертываютъ свои длинные, черные блестящіе волосы на макушкѣ головы въ видѣ гнѣзда или спускаютъ ихъ красивыми косами, какъ, напримѣръ, карибскія женщины, которыя при этомъ коротко подстригаютъ ихъ надо лбомъ. Этотъ обычай существуетъ также у акаваевъ обоихъ половъ, тогда какъ сереконги, маопитіаны и пинаготты связываютъ свои волосы въ длинный пучекъ, который у маопитіановъ заключенъ въ длинную трубку, отъ 25—30 сант., обвѣшанную множествомъ нитокъ и пестрѣйшихъ перьевъ. „Крабовое масло" добываемое изъ сѣмянъ Carapa guianensis Aubl., преимущественно употребляется ими въ видѣ помады и способствуетъ быстрому росту и шелковистости волосъ, что давно признано прекраснымъ поломъ въ цивилизованныхъ мѣстностяхъ Гвіаны. Кромѣ того, индійцы по общепринятому обычаю пользуются „крабовымъ масломъ" для втиранія и раскрашиванія тѣла; и въ этихъ случаяхъ примѣшиваютъ къ нему пунцовую краску „руку" (bixa Orellana Lin.), „караверу" и черный сокъ „каруто" или „лана" (genipa Caruto). Одни араваки составляютъ исключеніе, такъ какъ не красятъ тѣла и только слегка татуируютъ себѣ лицо синими полосками. Оба пола носятъ въ ушахъ обыкновенныя серьги и прокалываютъ въ нижней губѣ небольшое отверстіе, въ которомъ карибы и макуши носятъ булавки, обращенныя остріемъ къ наружной сторонѣ. У галибовъ женщины съ помощью этихъ булавокъ вынимаютъ клещей изъ ногъ своихъ мужей. Равнымъ образомъ, мужчины большею частью прокалываютъ себѣ ноздри и носятъ въ нихъ всевозможныя украшенія. Одежда ихъ самая жалкая; недостатокъ ея восполняется ожерельями и браслетами, которые украшаютъ руки и ноги ниже колѣнъ и дѣлаются изъ стеклянныхъ бусъ, наперстковъ и т. п. Аппунъ встрѣчалъ у болѣе отдаленныхъ племенъ, близъ Рораима, такъ называемыя рубашки „марима", о которыхъ упоминаетъ Ал. Гумбольдтъ; онѣ изготовляются изъ внутреннихъ слоевъ коры дерева, извѣстнаго у индійцевъ подъ названіемъ „турури". Когда дерево срублено, то стволъ его раскалываютъ на куски въ нѣсколько футовъ длины; затѣмъ удаляютъ верхній слой коры и колотятъ по дереву до тѣхъ поръ, пока отдѣлится нижній слой, который цѣликомъ стягиваютъ со ствола. Лыко, снятое съ утолщеннаго конца ствола, употребляютъ на станъ рубашки, а съ болѣе тонкаго конца — на рукава, которые пришиваются къ стану; кромѣ этихъ нѣтъ никакихъ другихъ швовъ. Рубашки „марима" носятъ и безъ рукавовъ, такъ какъ для рукъ въ нихъ прорѣзаны двѣ дыры, а въ верхнее отверстіе мѣшка, сдѣланнаго изъ грубой ткани, похожей на рогожу, продѣваютъ голову. Впрочемъ индійцы,—которые вообще не любятъ никакой одежды и довольствуются небольшимъ передникомъ,—очень рѣдко носятъ рубашки „марима"; и надѣваютъ ихъ только при иностранцахъ, чтобы похвастать передъ ними своею изобрѣтательностью или возбудить въ нихъ желаніе предложить свои товары въ обмѣнъ рубашекъ.

Всѣ индійцы саваннъ даже для небольшихъ экскурсій носятъ сандаліи изъ широкихъ нижнихъ стеблей mauritia flexuosa для предохраненія ногъ отъ острыхъ кремней, которыми покрыты тропинки саваннъ, а также противъ колючихъ пней paepalanthus capillaceus. Эта обувь легка и эластична, но совершенно изнашивается въ нѣсколько дней, что, впрочемъ, не представляетъ особеннаго неудобства для туземцевъ, такъ какъ у первой попавшейся mauritia въ какія нибудь десять минутъ они могутъ изготовить себѣ новыя сандаліи. Ихъ привязываютъ къ ногамъ шнурками, скрученными изъ кожицы молодого листа той же пальмы, такъ что небольшой пучокъ листьевъ mauritia даетъ индійцу весь необходимый матеріалъ для изготовленія его обуви. Между прочимъ туземцы дѣлаютъ себѣ также сандаліи изъ толстой кожи американскаго тапира „майпури", и эта обувь, разумѣется, несравненно прочнѣе.

Жилища карибовъ и араваковъ большею частью четырехъ-угольныя и нерѣдко состоятъ изъ высокой пальмовой крыши, устроенной на столбахъ и доходящей до земли. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ хижинъ обнесены стѣнами, сдѣланными изъ глины и пальмовыхъ листьевъ, и имѣютъ верхній этажъ, на который ведетъ первобытная лѣстница; пальмовая полукруглая крыша своеобразно вырѣзана на подобіе дуги. Хижины акаваевъ построены почти тѣмъ же способомъ; но въ ихъ поселеніяхъ, болѣе близкихъ къ раіону саваннъ, между прочимъ встрѣчается та же форма жилищъ, какъ у макуши и вапишіана. Хижины макуши рѣзко отличаются отъ индійскихъ жилищъ на морскомъ берегу и въ первобытныхъ лѣсахъ. Онѣ большею частью круглыя; носятъ общее названіе „tukuschipang“ и состоятъ изъ глиняной стѣны въ 2,5 м. высоты и такой же высокой круглой крыши, красиво изогнутой, которая кончается длиннымъ остріемъ, между тѣмъ какъ нижніе края крыши далеко выдаются впередъ, что̀ придаетъ всей хижинѣ сходство съ китайскимъ домикомъ. Небольшой входъ составляетъ единственное отверстіе, существующее въ хижинѣ, въ которой господствуетъ полнѣйшій мракъ, такъ какъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поддерживается огонь въ жилищахъ. Кромѣ того, макуши имѣютъ еще другія хижины: a) въ видѣ колоколовъ, но безъ глиняныхъ стѣнъ, которыя сдѣланы очень прочно и красиво изъ пальмовыхъ листьевъ; затѣмъ b) четырехъ-угольныя хижины съ глиняными стѣнами и пальмовыми крышами; c) такъ называемыя „parakapang“, и, наконецъ, d) болѣе обширныя „tapui“, состоящія изъ пальмовой крыши, доходящей до земли и устроенной на прочныхъ столбахъ. Въ каждомъ поселеніи индійцевъ макуши можно встрѣтить большую хижину „tapui“, которая служитъ для пріема гостей и путешественниковъ; равнымъ образомъ, по близости многихъ большихъ хижинъ, построены „tapui“ небольшихъ размѣровъ, имѣющія почти то же самое назначеніе, что и наши садовыя бесѣдки: туземцы проводятъ въ нихъ большую часть дня за какой нибудь работой или лежатъ въ гамакахъ. Во всѣхъ этихъ жилищахъ господствуетъ величайшая опрятность, которую макуши, араваки и карибы соблюдаютъ также относительно своего тѣла, въ чемъ они отличаются отъ индійцевъ варрау и вапишіа, такъ какъ послѣдніе далеко не такъ чистоплотны, особенно въ жилищахъ. При удовлетвореніи естественныхъ нуждъ, мужчины и женщины выказываютъ крайнюю стыдливость, тщательно избѣгаютъ присутствія другихъ людей и, подобно кошкамъ, засыпаютъ свое испражненіе землей.

Большею частью нѣсколько семействъ живутъ въ одной и той же хижинѣ, хотя и въ этомъ случаѣ она состоитъ изъ весьма немногихъ комнатъ и перегородокъ. Койки, прикрѣпленныя къ балкамъ, нѣсколько камней, замѣняющихъ очагъ, глиняные сосуды различной формы и величины, необходимыя приспособленія для изготовленія хлѣба, кассавы, оружіе, рыболовные и охотничьи снаряды — представляютъ собой всю домашнюю утварь и богатство индійской семьи. Къ этому нужно еще причислить зеркало, гребень, ружье и топоръ—высшая роскошь, которую позволяетъ себѣ индіецъ. Собственность каждой отдѣльной семьи считается священной и никто изъ жителей хижины не смѣетъ присвоить ее себѣ, хотя каждый изъ нихъ съ величайшею готовностью предлагаетъ свои вещи въ пользованіе гостей и чужестранцевъ.

Ихъ сосуды носятъ на себѣ классическій отпечатокъ и представляютъ большое сходство съ этрусскими вазами. Женщины лѣпятъ ихъ отъ руки, употребляя на это глину, находимую на берегу лѣсныхъ ручьевъ; затѣмъ онѣ сушатъ на солнцѣ произведенія своего искусства, покрываютъ лакомъ (который изготовляется изъ копоти старыхъ кухонныхъ горшковъ и клейкаго растительнаго сока одного вида „юкка“) и, собравъ въ одно мѣсто сдѣланные этимъ свособомъ горшки и сосуды, разводятъ вокругъ нихъ огонь и остужаютъ мало по малу. Глиняные сосуды у карибовъ также изготовляются жен-

щинами и составляютъ главнѣйшій предметъ ихъ мѣновой торговли. Карибскіе сосуды отличаются тѣмъ, что живопись на нихъ помимо прямыхъ представляетъ также кривыя и изогнутыя линіи, между тѣмъ какъ у всѣхъ другихъ индійскихъ племенъ она состоитъ изъ сопоставленія однихъ прямыхъ линій. Карибы изготовляютъ между прочимъ сосуды, которые вмѣщаютъ отъ 20—30 галлоновъ жидкости и вслѣдствіе своей хрупкости крѣпко обвязываются лыкомъ.

Оружіе индійцевъ состоитъ изъ длиннаго лука, различныхъ сортовъ стрѣлъ, дубины, употребляемой на войнѣ, которая у каждаго племени отличается особой формой. Индійцы, живущіе внутри материка, кромѣ того имѣютъ еще родъ самострѣла или духовую трубу въ 3,5—5 м. длины и болѣе этого и стрѣляютъ изъ нея отравленными стрѣлами. Изготовленіемъ этого оружія здѣшній индіецъ заслужилъ славу хорошаго техника. Онъ заботливо выбираетъ прямой стволъ тростниковой пальмы и годами просушиваетъ его въ дыму своей хижины; затѣмъ разрѣзаетъ на двѣ продольныя половины, выжигаетъ мягкую сердцевину и полируетъ внутреннюю поверхность рѣчной раковиной или звѣринымъ зубомъ. Послѣ этого онъ снова тщательно склеиваетъ обѣ половины ствола, обвязываетъ мочалкой въ видѣ плотной спирали и залѣпляетъ чернымъ воскомъ лѣсной пчелы. Въ трубы вкладывается палка изъ легкаго дерева около 30 сант. длины и такая же тонкая, какъ вязальная игла. Верхній конецъ заостренъ и вымазанъ урари, между тѣмъ какъ нижній обмотанъ хлопчатой бумагой, иногда покрытой тонкимъ слоемъ сыроватой глины, такъ что онъ совершенно плотно прилегаетъ къ краямъ трубы, чѣмъ увеличивается мѣткость выстрѣла. Нужна сильная рука, чтобы поднять подобную трубу, и весьма сильныя легкія, чтобы выдуть изъ нея снарядъ, который пролетаетъ иногда разстояніе около 250 шаговъ; поэтому мальчики съ десятилѣтняго возраста учатся владѣть этимъ оружіемъ, хотя, разумѣется, болѣе легкимъ и короткимъ, чѣмъ у взрослыхъ. Подобная труба со снарядомъ, намазаннымъ урари, вполнѣ замѣняетъ ружье на охотѣ. Если оно не бьетъ на далекомъ разстояніи, то съ другой стороны не производитъ шума при выстрѣлѣ и не спугиваетъ дичи. Самыя употребительныя лодки „korial" или „kuriara"; онѣ дѣлаются изъ гигантскаго ствола первобытнаго дерева, выдолбленнаго съ помощью топора и отчасти выжженнаго огнемъ; затѣмъ челноки или „buckshells" съ широкимъ носомъ и кормой и „pakasse" или „woodskin", лодка, изготовленная изъ коры „Copaifera pubiflora", которая отличается необыкновенною легкостью.

Индіецъ проводитъ большую часть дня въ праздности, что̀ объясняется простотой его жизни и ограниченными потребностями, которыя легко удовлетворяются, такъ какъ природа въ изобиліи даетъ ему все необходимое. Утромъ, когда еще глава семьи лѣниво дремлетъ, качаясь въ своемъ гамакѣ, женщины уже давно встали; онѣ успѣли выкупаться въ ближайшей рѣкѣ и готовятъ завтракъ, въ составъ котораго входитъ каша изъ арорута, хлѣбъ, испеченный изъ кассавы, копченое или вареное мясо и рыба. Наконецъ, просыпается мужъ, спѣшитъ къ рѣкѣ, чтобы принять утреннюю ванну, и возвращается въ хижину завтракать. Утоливъ голодъ, онъ снова ложится въ койку, спитъ или, не переставая въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, наигрываетъ на простой тростниковой флейтѣ одну и ту же мелодію, состоящую изъ нѣсколькихъ тактовъ. Онъ также иногда проводитъ время въ томъ, что вырываетъ скудные волосы,

ростущіе на бородѣ—одно изъ его любимыхъ занятій, которое, тѣмъ не менѣе, вызываетъ у него иногда страшнѣйшія гримасы. „Paiwari“ (хмѣльный напитокъ) и висячая койка всего дороже для индійца; лежа въ своемъ гамакѣ, онъ бесѣдуетъ съ домашними и сосѣдями, дразнитъ, въ видѣ забавы, охотничьихъ собакъ, и, если у него есть зеркало, то любуется своей красотой.

Если же оказывается недостатокъ въ мясѣ или рыбѣ, то мужчины тотчасъ же послѣ завтрака спѣшатъ на охоту или рыбную ловлю съ лукомъ, стрѣлами, „духовой трубой“ или рыболовными снарядами; за ними въ видѣ аріергарда слѣдуютъ женщины съ дѣтьми и домашними животными: собаками, обезьянами и попугаями и т. п. Глава дома обыкновенно шествуетъ впереди всѣхъ до лѣсу, гдѣ дорога раздѣляется на нѣсколько тропинокъ.

Индіецъ ѣстъ мало въ одинъ пріемъ, но ѣстъ нѣсколько разъ въ день: въ 6 и 10 часовъ утра, въ полдень и въ 3 часа; онъ ѣстъ въ послѣдній разъ при закатѣ солнца. Ранній завтракъ и ужинъ подаются въ наибольшемъ изобиліи, такъ какъ глава дома долженъ довольствоваться ими въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ проводитъ день на охотѣ, на рыбной ловлѣ или въ дорогѣ. Дичина варится вмѣстѣ съ шкурой въ крови убитаго животнаго съ сильной приправой корня „kapsikum“. Въ хорошую погоду индійцы ѣдятъ передъ хижиной, на открытомъ воздухѣ; женщины — всегда отдѣльно отъ мужчинъ и должны довольствоваться остатками отъ ихъ стола; но онѣ вознаграждаютъ себя тѣмъ, что при изготовленіи кушанья тайкомъ откладываютъ для себя часть пищи. Сервировка стола крайне простая: женщины приносятъ кушанье и ставятъ прямо на землю, равно и плетеную тарелку („sumpa“) съ хлѣбомъ; затѣмъ мужчины садятся на корточкахъ около дымящагося горшка, макаютъ въ него куски хлѣба и достаютъ мясо руками. Но такъ какъ для этой операціи вполнѣ достаточно пяти пальцевъ, то вилки считаются лишнимъ предметомъ роскоши. Дичь и рыба составляютъ ихъ главную пищу; при этомъ они также охотно ѣдятъ крысъ, обезьянъ, алигаторовъ, лягушекъ, червей, гусеницъ, муравьевъ, термитовъ, жуковъ и всевозможныя личинки. Они ловятъ рыбу съ помощью удочекъ или убиваютъ стрѣлами и легкими копьями и дѣлаютъ это съ величайшею ловкостью. Рыбная ловля играетъ главную роль въ жизни берегового индійца, такъ какъ онъ почти исключительно кормится ею, хотя племена живущія внутри материка, также охотно ѣдятъ рыбу и ловятъ ее въ большомъ количествѣ.

Коренья кассады, кассавы или мандіока (manihot utilissima Pohl) имѣютъ такое же важное значеніе для индійцевъ и большинства жителей Южной Америки, какъ для насъ зерновой хлѣбъ, и служатъ имъ ежедневной пищей. Здѣшніе индійцы неусыпно заботятся о разведеніи кассавы; съ этой цѣлью они ежегодно срубаютъ въ сухое время года небольшой участокъ лѣса, выборъ котораго зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія. Срубленныя деревья лежатъ нетронутыя нѣсколько мѣсяцевъ, пока не высохнетъ листва и ростущій подъ ними кустарникъ, послѣ чего ихъ сжигаютъ самымъ тщательнымъ образомъ до наступленія дождей. Питательныя части мандіоки заключаются не въ сѣменахъ и не въ листьяхъ, которые время отъ времени, хотя весьма рѣдко, употребляются въ пищу, а въ кореньяхъ. Послѣдніе въ сыромъ видѣ крайне ядовиты, благодаря соку, заключающему синельную кислоту, такъ что приходится ихъ тереть на теркѣ, чтобы сдѣлать ихъ съѣдобными. Терка у индійцевъ не металлическая и состоитъ изъ деревянной доски, въ которую вставлены осколки кристалловъ, острые камни, зубы звѣрей, а именно „коати“. Масса, протертая этимъ первобытнымъ инструментомъ, складывается въ плетеные мѣшки, и изъ нея выжимаютъ ядовитый сокъ съ помощью большихъ

камней или тяжести человѣческаго тѣла. Сокъ собираютъ въ особые сосуды, а выжимки складываютъ на глиняную сковородку и сушатъ въ круглой печкѣ, такъ какъ это единственный способъ сдѣлать ихъ безвредными. Доброкачественность муки зависитъ отъ болѣе или менѣе продолжительной просушки; если она недостаточно высушена, то очень скоро начинаетъ киснуть. Если хотятъ сохранить ее на болѣе долгое время въ видѣ провіанта на случай войны, то корни до протиранія мочатъ въ водѣ, пока не произойдетъ слабое броженіе, и тогда шелуха легко отдѣляется отъ мякоти. Затѣмъ ее приготовляютъ вышеописаннымъ способомъ съ той разницей, что передъ просушкой отдѣляютъ волокна отъ болѣе жесткихъ кусковъ корня. Такая мука сохраняется въ корзинахъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, если только она предохранена отъ сырости, которая способствуетъ броженію. Индійцы изготовляютъ изъ нея пять сортовъ лепешекъ. Желтоватый ядовитый сокъ, выжатый изъ корней также употребляется съ пользою. Черезъ извѣстный промежутокъ времени изъ него образуется мучной осадокъ, называемый „ѣуруосса" отъ туземнаго слова „ѣу" сокъ и „ру" нога, откуда это названіе подонковъ ядовитаго сока перешло въ языкъ торговцевъ и было передѣлано ими въ „manioka". Если эта осѣвшая мука промыта въ водѣ, то она становится вполнѣ годной къ употребленію и вмѣстѣ съ другими приправами составляетъ превосходный суррогатъ при изготовленіи различныхъ кушаньевъ. Араваки называютъ ее „aru", или „haru", а лучшіе сорта „aru-aru", что въ буквальномъ переводѣ означаетъ „мука отъ муки". Это названіе было усвоено англичанами и передѣлано ими въ „arrowroot", корень стрѣльной травы, что повело къ странному недоразумѣнію, которое упорно держится до сихъ поръ.

Кромѣ того индійцы приготовляютъ изъ хлѣба кассавы нѣсколько сортовъ хмѣльныхъ напитковъ; изъ нихъ „paiwari" пользуется особеннымъ предпочтеніемъ у индійцевъ Гвіаны, которые еще не вошли въ непосредственныя и правильныя сношенія съ европейцами. Нѣкоторые хмѣльные напитки перешли къ индійцамъ отъ ихъ праотцовъ и составляютъ наслѣдіе первобытныхъ временъ, такъ какъ еще до открытія Америки они существовали у всѣхъ туземныхъ племенъ, которые изготовляли ихъ изъ хлѣба кассавы, пальмовыхъ плодовъ, маиса и сладкаго картофеля. Хлѣбъ для „paiwari" дѣлается изъ болѣе крутого тѣста и его пекутъ долѣе обыкновеннаго, такъ что верхняя корка почти совершенно обуглена. Затѣмъ его разламываютъ, складываютъ куски въ большой сосудъ и заливаютъ кипяткомъ, чтобы они размякли. Когда масса достаточно охладится, женщины мѣшаютъ ее руками и жуютъ, пока она не превратится въ настоящую кашу, затѣмъ выплевываютъ ее въ длинное корыто, сдѣланное на подобіе лодки изъ выдолбленнаго древеснаго ствола, которое можетъ вмѣстить отъ 100 до 120 галлоновъ воды. Такая же процедура примѣняется, какъ извѣстно, къ изготовленію хмѣльнаго напитка „kawa" на Южномъ океанѣ и считается индійцами необходимою, чтобы произвести броженіе и придать охмѣляющія свойства напитку. Пережеванную массу заливаютъ теплой водой, тщательно перемѣшиваютъ; затѣмъ покрываютъ корыто и оставляютъ въ этомъ видѣ дня на два или на три, пока не произойдетъ броженіе; послѣ этого напитокъ считается готовымъ. „Paiwari" походитъ вкусомъ на кислое пиво и представляетъ чрезвычайно прохладительный и питательный напитокъ желтоватокоричневаго цвѣта, въ которомъ плаваютъ кусочки жеванной кассавы. Когда его пьютъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ здѣшніе индійцы, то онъ дѣйствуетъ охмѣляющимъ образомъ, такъ что здѣсь каждая пирушка кончается пьянствомъ. Кромѣ „paiwari" употребляется еще „paiwa", и затѣмъ „kassiri", который изготовляется изъ маиса, толченаго въ деревянной ступѣ и свареннаго въ кашу, а также сладкаго картофеля, и при этомъ обыкновенно выбираютъ красную разновидность, при-

дающую напитку красивый красный цвѣтъ. Для ежедневнаго питья служитъ родъ „paiwari“, который женщины изготовляютъ каждое утро изъ жеваннаго хлѣба кассавы и воды; но такъ какъ этотъ напитокъ не доведенъ до броженія и выпивается въ тотъ же день, то не имѣетъ вовсе охмѣляющихъ свойствъ. Но онъ также какъ и настоящій „paiwari“ способствуетъ отучнѣнію, потому что хлѣбъ кассавы вообще крайне питателенъ, несмотря на то, что въ составъ его не входятъ крахмальныя вещества, заключающіяся въ корнѣ. „Paiwari“ послѣ хлѣба кассавы составляетъ предметъ первой необходимости для индійца; онъ охотнѣе будетъ голодать нѣсколько дней, нежели откажется отъ своей ежедневной порціи, хотя бы въ гомеопатической дозѣ, сравнительно съ тѣмъ, что выпивается имъ въ праздники. „Paiwari“, изготовляемый въ большихъ корытахъ изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, быстро исчезаетъ во время пирушекъ, которыя происходятъ почти еженедѣльно въ каждомъ поселеніи. Кромѣ того они устраиваютъ разъ въ мѣсяцъ, при всякомъ полнолуніи, большую попойку, которая происходитъ поочередно, то въ одномъ то въ другомъ изъ близь лежащихъ поселеній. Этотъ праздникъ главнымъ образомъ заключается въ полномъ опьяненіи всѣхъ участвующихъ, а затѣмъ въ необузданной пляскѣ, сопровождаемой ужасающимъ шумомъ, и кончается только тогда, когда выпитъ весь запасъ „paiwari“, приготовленный въ „праздничныхъ хижинахъ, хотя въ каждой изъ нихъ въ этомъ случаѣ бываетъ не менѣе трехъ корытъ.

Индійцы чувствуютъ положительную страсть къ обществу и развлеченію и нерѣдко предаются играмъ и другимъ удовольствіямъ, какъ только солнце начинаетъ склоняться къ горизонту и спадаетъ дневной жаръ. Молодые люди и мальчики становятся въ кружокъ, бросаютъ кверху мячики изъ каучука или вылущенные початки маиса; каждый изъ участниковъ игры старается предупредить паденіе мячика и снова подбрасываетъ его въ высоту ладонью, такъ что онъ постоянно летаетъ въ воздухѣ. Если кто промахнется и дастъ мячику упасть на землю, то общій насмѣшливый хохотъ толпы служитъ наказаніемъ за подобную неловкость. Послѣ заката солнца начинаются танцы; все оживаетъ и веселится. Въ такъ называемомъ „танцѣ обезьянъ“ они такъ мастерски подражаютъ ужимкамъ и скачкамъ обезьянъ, что кажется дѣйствительно видишь передъ собой стадо этихъ животныхъ. Въ „тигровомъ танцѣ“ во главѣ выступившей колонны становится самый сильный и рослый юноша, между тѣмъ какъ двое его товарищей изображаютъ тигровъ и, подражая въ пляскѣ ловкимъ движеніямъ этого хищнаго животнаго, хватаютъ по очереди танцующихъ и отводятъ въ назначенное мѣсто. Танецъ продолжается до тѣхъ поръ, пока тигры не переловятъ всѣхъ танцоровъ, и тогда присутствующіе громко привѣтствуютъ побѣдителей радостными криками. Старики, вспоминая прошлое, съ улыбкой слѣдятъ за ловкими и быстрыми движеніями молодежи, между тѣмъ какъ представительницы прекраснаго пола, не принимая участія въ играхъ и танцахъ, критикуютъ неловкихъ и расточаютъ должную похвалу искуснымъ танцорамъ. Передъ началомъ всякихъ общественныхъ игръ и танцевъ, а также въ концѣ ихъ, раздается общій оглушительный крикъ, похожій на собачій лай, которымъ отгоняютъ злыхъ духовъ отъ мѣста, на которомъ происходитъ празднество.

Мужчины занимаются только охотой, рыболовствомъ, изготовленіемъ оружія и лодокъ и считаютъ всякое другое занятіе унизительнымъ для своего достоинства. Индіецъ, вернувшись съ охоты или окончивъ свои дѣла, ложится въ гамакъ и, качаясь цѣлыми часами, равнодушно смотритъ на труды и хлопоты женщинъ, которыя справляютъ всю работу въ домѣ и на полѣ, дѣлаютъ глиняные сосу-

ды, плетутъ корзины циновки и няньчатся со своими маленькими дѣтьми.

Женщины здѣсь не болѣе какъ рабыни мужчинъ; на нихъ не только лежитъ все домашнее хозяйство, но и тяжелыя полевыя работы, такъ что, при своемъ замѣчательномъ трудолюбіи, онѣ заняты съ утра до поздняго вечера. Даже ночью женщина не избавлена отъ своей рабской службы: она должна поддерживать небольшой огонь подъ койками, чтобы отогнать москитовъ и сохранить теплоту въ хижинѣ отъ заката солнца до наступленія слѣдующаго дня. Такимъ образомъ, на долю женщины падаетъ вся полевая работа, разсадка касавы, банановъ, ямса и другихъ растеній, а также сборъ плодовъ, изготовленіе хлѣба и напитковъ, снабженіе водой и топливомъ, которое не только нужно для варки кушанья, но и ночью, для поддержанія огня подъ койками. При этомъ онѣ должны еще присматривать за дѣтьми и заниматься пряжей хлопка на циновки.

Униженное положеніе, въ какомъ находится женщина у этихъ индійцевъ, а равно и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ объясняется полнымъ отсутствіемъ того, что мы привыкли ошибочно называть сознаніемъ человѣческаго достоинства, такъ какъ это неболѣе, какъ продуктъ нашей утонченной цивилизаціи. Чувство страстной любви къ женщинѣ является у человѣка, только при извѣстной культурѣ. Аппунъ прямо говоритъ о гвіанскихъ индійцахъ, что, такъ какъ имъ недоступно лучшее и нѣжнѣйшее изъ чувствъ, то всѣ ощущенія этого рода у нихъ слабы и холодны, и имъ извѣстна только физическая любовь. Никогда даже между неженатыми нельзя замѣтить ни малѣйшей ласки и, если молодой человѣкъ разговариваетъ съ женщиной, то развѣ для того, чтобы отдать ей какое-нибудь приказаніе. О поцѣлуяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это высшее проявленіе нѣжности далеко не вездѣ принято и, само собою разумѣется, немыслимо у тѣхъ народовъ, которые прокалываютъ себѣ губы и вдѣваютъ въ нихъ кусочки дерева и тому подобныя вещи, какъ это дѣлаютъ между прочимъ и здѣшніе индійцы. Только съ пробужденіемъ страстной любви къ женщинѣ возможно и мыслимо стремленіе къ одноженству, и наоборотъ, гдѣ нѣтъ этого чувства, вездѣ полигамія или даже полиандрія представляютъ собой самыя естественныя явленія. Если послѣднія въ большинствѣ случаевъ не всегда встрѣчаются на практикѣ, какъ, напримѣръ, у гвіанскихъ индійцевъ, гдѣ полигамія составляетъ исключеніе, то подобное, добровольно налагаемое на себя лишеніе не есть результатъ высшаго нравственнаго побужденія единственныхъ личностей, но происходитъ отъ совершенно матеріальныхъ причинъ. Основой общественнаго строя является все-таки полигамическая, а не моногамическая семья.

Индiанки рѣдко имѣютъ болѣе трехъ или четырехъ дѣтей. Хотя онѣ рано достигаютъ зрѣлости, но очень скоро отцвѣтаютъ, чтò объясняется непомѣрной крайне утомительной работой, полнымъ невниманiемъ къ своему здоровью послѣ родовъ, долгимъ кормленiемъ дѣтей, а также слабой степенью потребности въ физической любви, чтò составляетъ общее свойство индiанокъ. У нихъ никогда не бываетъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, или по крайней мѣрѣ это случается въ высшей степени рѣдко. Если ребенокъ явится на свѣтъ съ какимъ нибудь прирожденнымъ уродствомъ, то его немедленно убиваютъ; поэтому здѣсь встрѣчаются только рослые, хорошо сложенные субъекты. Какъ только родится ребенокъ, всѣ родные по очереди дуютъ на него; затѣмъ черезъ нѣсколько дней бабушка или дѣдушка даютъ ему какое нибудь обычное имя. Если ни одного изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, то эта обязанность лежитъ на отцѣ, который кромѣ того въ раннемъ дѣтствѣ прокалываетъ своему ребенку ушныя мочки, нижнюю губу и ноздри. Матери высказываютъ обезьянью нѣжность къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ и кормятъ ихъ грудью до тѣхъ поръ, пока заблагоразсудится послѣднимъ. Если въ это время родится новый членъ семьи, то кормленiе предоставляется бабушкѣ, такъ что нерѣдко можно видѣть дѣтей, стоящихъ одновременно около матери и бабушки и занятыхъ сосанiемъ груди. Въ виду этого обстоятельства женщины постоянно заботятся о сохраненiи своего молока, и кромѣ дѣтей вскармливаютъ грудью молодыхъ обезьянъ и другихъ млекопитающихъ, какъ, напримѣръ, сумчатыхъ, лаба, агути, капибара, а также ланей и мелкую породу дикихъ свиней (пеккари), такъ что эти звѣри и преимущественно обезьяны настолько привязываются къ своимъ прiемнымъ матерямъ, что слѣдуютъ за ними шагъ за шагомъ. Кромѣ того индiанки приручаютъ разныхъ птицъ вынимаютъ ихъ птенцами изъ гнѣздъ и съ величайшею заботливостью вскармливаютъ червями, какъ, напримѣръ: попугаевъ, перцеѣдовъ, пуши, маруди, ганаква, трупiяловъ, трубачей и т. п., которые равнымъ образомъ выказываютъ имъ величайшую привязанность.

Пока ребенокъ не въ состоянiи бѣгать, онъ составляетъ нѣчто нераздѣльное съ матерью, которая всюду таскаетъ его съ собой на спинѣ или на рукахъ. Впослѣдствiи, когда онъ становится самостоятельнымъ и играетъ съ сверстниками, то даже по достиженiи шестилѣтняго возраста все еще время отъ времени возвращается на нѣсколько минутъ къ матери, чтобы сосать грудь. Однако, несмотря на самую нѣжную любовь, мать никогда не цѣлуетъ своего ребенка и не обращается къ нему съ тѣми ласкательными именами, которыя постоянно на устахъ матерей у цивилизованныхъ націй. Равнымъ образомъ, несмотря на очевидную любовь отца къ дѣтямъ, онъ спокойно продаетъ ихъ бездѣтной четѣ, не обращая вниманiя на горькiя материнскiя слезы своей жены. Торгъ совершается въ присутствiи дѣтей: мальчика или дѣвочки, о которыхъ идетъ рѣчь; они стоятъ около отца съ невозмутимымъ лицемъ и безпрекословно слѣдуютъ за своими новыми родителями.

Мальчики и дѣвочки съ ранняго дѣтства выказываютъ необычайную ловкость во всѣхъ тѣлесныхъ упражненiяхъ, плаваньи, лазаньи и т. п., такъ что Аппуну случалось видѣть дѣвочекъ четырехъ, пяти лѣтъ, которыя безъ труда влѣзали на высочайшiя деревья. Мальчикъ при первомъ пробужденiи сознанiя хватаетъ лукъ и стрѣлы, изготовленныя для него отцомъ или старшимъ братомъ; въ его блестящихъ глазахъ выражается величайшая гордость, если направленная имъ стрѣла попадаетъ въ цѣль и ему удается убить маленькую ящерицу, саранчу и т. п. Затѣмъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, благодаря лазанью по деревьямъ, безпрерывной бродячей жизни въ лѣсахъ, онъ становится уже настолько сильнымъ и ловкимъ, что сопровождаетъ отца на охоту и рыбную ловлю. Дѣвочки едва-ли еще не въ болѣе младенческомъ возрастѣ начинаютъ помогать матери въ домашней работѣ, принимаютъ уча-

стіе въ печеніи хлѣба, въ изготовленіи „paiwari“, ходятъ съ нею на поле за съѣстными запасами и приносятъ въ хижины такіе грузы кореньевъ кассавы, отъ которыхъ изнемогла бы дѣвочка въ Европѣ, вдвое старше ея. Воспитаніе мальчика ограничивается тѣмъ, что его обучаютъ искусству плаванья, охотѣ и рыбной ловлѣ, между тѣмъ, какъ дѣвочка, подъ руководствомъ матери, учится хозяйству и домоводству. Всякія наказанія, а равно и тѣлесныя, не существуютъ для индійца, потому, что, по его мнѣнію, только одни животныя нуждаются въ ударахъ. Какъ только мальчикъ достигаетъ возмужалости, мать перестаетъ заботиться о немъ, и онъ становится для нея постороннимъ человѣкомъ.

При первомъ признакѣ, что дѣвочка изъ ребенка переходитъ въ зрѣлый возрастъ, ее считаютъ нечистой впродолженіи этого періода и отстраняютъ отъ всякихъ сношеній съ обитателями хижины. Она не можетъ спать на прежнемъ мѣстѣ; ея гамакъ снимаютъ и вѣшаютъ подъ самой крышей, гдѣ несчастная едва не задыхается отъ дыма, который по возможности еще болѣе стараются увеличить. Въ первое время она не смѣетъ оставлять свою койку впродолженіи дня; а послѣ заката солнца она должна сойти внизъ и просидѣть всю ночь у разведеннаго ею огня, такъ какъ въ противномъ случаѣ у ней можетъ явится на шеѣ множество нарывовъ, зобъ и т. п. Пока продолжаются очевидные симптомы ея перехода въ дѣвическій возрастъ, она осуждена на строжайшій постъ и только по прекращеніи ихъ ей позволяютъ сойти съ высоты и поселиться за небольшой перегородкой, которая устраивается съ этой цѣлью въ самомъ темномъ углу хижины. Утромъ она варитъ для себя кашу изъ муки кассавы въ отдѣльномъ горшкѣ и на особомъ огнѣ; это ея единственная пища въ продолженіи всего періода ея отчужденія отъ людей.

Наконецъ черезъ десять дней является „piai“, совмѣщающій въ своей особѣ жреца и волшебника, и снимаетъ чары съ дѣвушки и со всего, до чего она прикасалась; при этомъ онъ дуетъ на нее и на вещи болѣе цѣнныя и и бормочетъ заклинанія. Чаши и горшки, которые она употребляла для питья и ѣды, разбиваютъ и закапываютъ черепки въ землю. Затѣмъ дѣвушка подвергается непріятному испытанію, а именно послѣ купанья она должна встать ночью на стулъ или камень и мать сѣчетъ ее до крови тонкой розгой, между тѣмъ какъ она не смѣетъ вскрикнуть отъ боли, чтобы не разбудить домашнихъ, такъ какъ это можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для ея будущаго счастья. Черезъ мѣсяцъ она должна вынести вторичное бичеванье, но уже въ послѣдній разъ. Послѣ этого дѣвушка считается чистой и можетъ опять занять свое мѣсто среди обитателей хижины. Если она обѣщана кому нибудь въ супруги, то женихъ является на слѣдующій день въ хижину и уводитъ ее къ себѣ на домъ, что не случается ни у одного индійскаго племени де наступленія зрѣлости молодой дѣвушки.

Мальчики также не легко достигаютъ чести занять мѣсто среди мужчинъ; они должны предварительно подвергнуться многимъ испытаніямъ, чтобы доказать свою силу и мужское достоинство. Испытаніе большею частью заключается въ тяжелыхъ ранахъ на груди и рукахъ, наносимыхъ клыками дикаго кабана или острыми клювами тукановъ. Если мальчикъ выноситъ ихъ не поморщившись и не выражаетъ боли никакимъ наружнымъ признакомъ, то онъ съ этого времени можетъ быть причисленъ къ мужчинамъ. Но если у него не хватаетъ силы воли, чтобы подавить выраженіе своихъ страданій, то онъ остается въ прежнемъ положеніи, пока позднѣйшія испытанія не докажутъ, что его сила воли настолько увеличилась, чтобы вынести ихъ. У макушки и вапишіана мальчики и дѣвочки, выйдя изъ дѣтскаго возраста, кромѣ того, подвергаются крайне мучительной операціи, которая большею частію совершается передъ началомъ одной изъ самыхъ значительныхъ праздничныхъ попоекъ. Жрецъ („piai“) имѣетъ для этой цѣли четыреугольный инстру-

ментъ, сплетенный на подобіе сѣтки изъ тонко нарѣзанныхъ стеблей calathea и имѣющій въ поперечникѣ около 30 сант., въ узкія петли котораго насаживаютъ 60—80 большихъ муравьевъ такимъ способомъ, что ихъ головы, вооруженныя длинными жалами находятся на одной сторонѣ петли, а тѣло на другой. Мальчики первые подвергаются операціи; ихъ подводятъ поочереди къ „piai“. Этотъ держитъ во рту „paiwari“ и трижды вспрыскиваетъ имъ муравьевъ, чтобы еще больше раздражить освирѣпѣвшихъ животныхъ; затѣмъ прижимаетъ инструментъ къ обнаженному тѣлу мальчика той стороной, въ которую обращены головы муравьевъ, и держитъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока насѣкомые не присосутся къ кожѣ несчастной жертвы. Подобная операція въ высшей степени мучительна при значительномъ количествѣ большихъ муравьевъ, такъ какъ даже укушеніе одного изъ нихъ производитъ опухоль и сильнѣйшую боль. Тѣмъ не менѣе мучитель безжалостно прикладываетъ свой инструментъ къ груди, рукамъ, нижней части живота, спинѣ, задней части бедеръ и икрамъ беззащитнаго мальчика, который при этомъ не смѣетъ сдѣлать ни одной гримасы или выразить страданіе малѣйшимъ стономъ.

Эта операція еще мучительнѣе для дѣвушекъ, Онѣ также должны спокойно выносить укушеніе разъяренныхъ насѣкомыхъ, на груди и другихъ частяхъ тѣла; по свидѣтельству Аппуна „piai“ приложилъ не менѣе 22 разъ орудіе пытки къ тѣлу одной дѣвушки. Малѣйшій стонъ, болѣзненное искаженіе лица лишаетъ несчастную жертву возможности пользоваться обществомъ старшихъ; и въ добавокъ, при дальнѣйшихъ праздничныхъ попойкахъ ее подвергаютъ всякій разъ той-же операціи до тѣхъ поръ, пока она мужественно вынесетъ ее, не выказавъ ни малѣйшихъ признаковъ боли.

Періодъ зрѣлости, какъ упомянуто выше, наступаетъ очень рано, такъ что между ними можно встрѣтить женщинъ, которыя, едва достигнувъ тринадцатилѣтняго возраста, имѣютъ уже двоихъ дѣтей. Браки никогда не освящаются религіозными церемоніями; они большею частью заключаются въ самой ранней молодости по желанію родителей, и въ этомъ случаѣ молодой человѣкъ обязанъ служить родителямъ своей невѣсты, пока она не достигнетъ зрѣлости. Подобное обрученіе не обязательно; обѣ стороны могутъ во всякое время отказаться отъ него, если невѣста находится еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Женихъ дѣлаетъ невѣстѣ всевозможные подарки, въ видѣ бусъ, дичи, убитой на охотѣ и т. п., но какъ только онъ женится на ней, то уводитъ въ свою хижину, и она съ этихъ поръ во всемъ подчинена его волѣ. Послѣ рожденія ребенка, которое считаютъ такой обыкновенной вещью, что мать на слѣдующій же день принимается за свою обычную домашнюю работу, справляютъ такъ называемыя „мужскіе роды или „kouvade“,—обычай, господствующій у всѣхъ индійцевъ тропической Южной Америки. Въ это время мужчина въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не долженъ отходить далеко отъ хижины, не можетъ охотиться, стрѣлять изъ ружья, рубить деревья и т. п. Онъ проводитъ большую часть дня лежа въ гамакѣ, что онъ дѣлаетъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Аппунъ высказываетъ предположеніе, что этотъ обычай былъ изобрѣтенъ женщинами съ тою цѣлью; чтобы мужья въ это время не слишкомъ отягощали ихъ работой; но почтенный изслѣдователь совершенно упускаетъ изъ виду широкое распространеніе обычая „мужскихъ родовъ“, различныя формы, въ какихъ онъ проявляется и его связь съ господствующимъ общественнымъ строемъ.

Племенное сродство у индійцевъ считается не по отцу, а по матери; ребенокъ, мать котораго принадлежитъ къ племени макуши, а отецъ къ вапишіана, причисляется къ племени макуши. Дядя съ отцовской стороны не имѣетъ права жениться на своей племянницѣ,

такъ какъ послѣ брата и сестры это считается самой близкой степенью сродства; дядю, такъ-же какъ и отца, называютъ „рара“. Но при этомъ каждый можетъ жениться на дочери сестры, женѣ умершаго брата или на мачихѣ, послѣ смерти отца. Соотвѣтственно съ этими понятіями о племенномъ родствѣ, установлены и права наслѣдства. Сыновья дочери вождя должны наслѣдовать званіе дѣда, а не его собственные сыновья, хотя въ дѣйствительности такой порядокъ наслѣдства ни въ какомъ случаѣ не соблюдается, такъ какъ послѣ смерти вождя, всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силу и способность къ этому званію, можетъ выступить въ качествѣ претендента, не оскорбляя семьи прежняго властителя и не возбуждая желанія мести съ ея стороны.

Дубины, корзинки, украшеніе изъ перьевъ, колчаны и „марака“ гвіанскихъ индійцевъ.

Поселенія членовъ одного племени состоятъ большею частью изъ 6—10 хижинъ, подъ предводительствомъ общаго вождя, власть котораго признается въ полномъ объемѣ только въ случаѣ борьбы съ другими племенами. Власть и вліяніе основаны здѣсь не только на званіи и положеніи, но преимущественно опредѣляются степенью физической силы и предпріимчивости. Послѣ начальника главнымъ лицомъ въ каждой деревнѣ является „piai“ (piatsang, piache), который совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ волшебника и знахаря. Индійцы варрау относятся къ своимъ „piai“ съ особеннымъ уваженіемъ и страхомъ, такъ какъ они убѣждены, что ихъ чародѣи и знахари могущественнѣе, чѣмъ у другихъ индійскихъ племенъ. Изъ всѣхъ смертныхъ одному „piai“, или чародѣю, дана власть противодѣйствовать гибельному вліянію злыхъ духовъ, съ помощью его таинственнаго искусства. Въ каждомъ поселеніи можно встрѣтить подобнаго чародѣя, посвященнаго во всѣ тайны демоническаго міра, съ которымъ онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, умѣетъ подчинить его своей волѣ и заставлять рабски повиноваться своимъ заклинаніямъ. Такимъ образомъ, „piai“ является одновременно жрецомъ, знахаремъ и чародѣемъ

и представляетъ собой могущественнаго человѣка, внушающаго общій страхъ, такъ какъ въ его власти отдать человѣка на произволъ подвластныхъ ему духовъ или защитить отъ ихъ вліянія.

„Piai" принадлежитъ къ числу немногихъ словъ, употребляемыхъ почти всѣми гвіанскими племенами, изъ чего можно вывести заключеніе, что это званіе возникло въ одномъ племени и мало по малу было принято остальными. Между „piai" нѣтъ людей, которые достигли бы болѣе высокой степени образованія или болѣе глубокихъ медицинскихъ познаній; вся ихъ наука состоитъ изъ дикихъ грубыхъ заклинаній, плеванія, притираній, нажиманія и обкуриванья больной части тѣла, бормотанья непонятныхъ словъ, въ готовности привести себя въ родъ дикаго экстаза, вслѣдствіе употребленія наркотическаго порошка, и въ особенности въ искусствѣ чревовѣщанія. Если они имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ ботаникѣ, въ томъ смыслѣ, что называютъ всѣ растенія своеобразными именами и знакомы съ ихъ преобладающими свойствами, то это знаніе повидимому ни въ какомъ случаѣ не увеличивается сообразно съ требованіями времени, а представляетъ собой мертвый капиталъ, передаваемый отъ поколѣнія къ поколѣнію. Если „piai" не имѣетъ собственныхъ дѣтей, то выбираетъ самаго смышленаго и лукаваго изъ деревенскихъ мальчиковъ, уводитъ его въ отдаленную часть лѣса и постепенно знакомитъ съ техникой его будущаго званія, пока онъ окончательно не постигнетъ ее въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Исчезнувшій изъ общества субъектъ возвращается къ своимъ соплеменникамъ въ качествѣ ученаго врача, скорѣе похожаго на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка. Въ присутствіи постороннихъ, наваръ изъ табачныхъ листьевъ составляетъ его единственное питье; небольшой ломоть хлѣба кассаде—его пищу. Въ періодъ ученія онъ не долженъ имѣть никакихъ сношеній съ европейцами, такъ какъ черезъ это навсегда теряетъ вліяніе на демоническій міръ. По окончаніи ученія онъ получаетъ отъ своего учителя мистическую волшебную погремушку („maraka"), передъ могуществомъ которой преклоняется каждый злой духъ; затѣмъ родители и родные молодого человѣка подносятъ учителю болѣе или менѣе значительные подарки. „Piai" не носитъ никакихъ отличительныхъ признаковъ своего достоинства; его можно узнать только по мрачному угрюмому виду, одинокому замкнутому образу жизни и строгому аскетизму. При всякихъ сборищахъ имъ предоставлено первое мѣсто, и они обыкновенно распоряжаются танцами, не выпуская изъ рукъ своихъ „maraka". Ихъ волѣ подчинена вся деревня, и они повидимому пользуются наибольшимъ вліяніемъ у прекраснаго пола, вслѣдствіе чего ихъ жены всегда самыя красивыя, что однако не мѣшаетъ имъ обращать вниманіе и на остальныхъ. Хотя „piai" умѣютъ окружить себя таинственностью и представляютъ непроницаемую загадку для своихъ соплеменниковъ, но они все-таки робѣютъ передъ европейцами, въ особенности передъ миссіонерами, быть можетъ, вслѣдствіе сознанія, что тѣ понимаютъ ихъ двухсмысленную роль. Поэтому, если чужестранецъ, войдя въ поселеніе, спроситъ о „piai", то неизмѣнно услышитъ одинъ отвѣтъ, что такого человѣка вовсе не существуетъ", вслѣдствіе чего онъ только случайно можетъ познакомиться съ этой личностью, внушающей суевѣрный страхъ своимъ соплеменникамъ.

Что касается религіозныхъ убѣжденій, то всѣ гвіанскія племена въ высшей степени суевѣрны и въ этомъ отношеніи походятъ другъ на друга. Творецъ вселенной и людей, по ихъ понятіямъ, безконечно высокое существо, дѣятельность котораго настолько поглощена управленіемъ и сохраненіемъ порядка въ мірѣ, что онъ не можетъ

спеціально заботиться объ отдѣльныхъ личностяхъ. Кротость и благоволеніе къ созданнымъ имъ тварямъ составляютъ отличительныя свойства этого высшаго существа; поэтому всякое пагубное вліяніе, которое нарушаетъ счастье людей, какъ, напримѣръ, болѣзнь, смерть, голодъ и другія невзгоды жизни,—не могутъ быть приписаны ему и должны имѣть иной источникъ, чѣмъ объясняется рѣзкое различіе, существующее между добромъ и зломъ. Такимъ источникомъ всякаго горя и зла на землѣ служитъ скопище низкихъ существъ, единственное утѣшеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы насылать несчастіе, распрю, ненависть и болѣзни на родъ людской. Такъ какъ добро само по себѣ единственное и, хотя проявляется подъ различными формами, но совмѣщено въ чувствѣ общаго довольства, то существуетъ одинъ добрый духъ, первобытный источникъ бытія и всякаго благополучія. Зло, въ противоположность добру, весьма разнообразно въ своихъ проявленіяхъ и, нарушая спокойствіе людей, постоянно представляется разобщеннымъ и единичнымъ и поэтому не можетъ истекать изъ одной силы, но должно быть вызвано дѣйствіемъ различныхъ силъ злыхъ духовъ. Эти, враждебныя людямъ существа, виновники всѣхъ болѣзней и несчастій, или злобные духи, которые наслаждаются мученіями смертныхъ, извѣстны у индійцевъ варрау и арауаковъ подъ именемъ „явагу", у арекуновъ—„гори", у макушей—„гори-учъ"; между тѣмъ какъ добрый духъ у варрау носитъ названіе „кваризабаротисъ", у арауаковъ—„курурумании", у карибовъ—„тамузикабіе", у атораи—„віимири", у макушей, арекуна и акаваи—„макунаима" или „тамаози".

Въ демонологіи индійцевъ акаваи, макушей, арекуна, вапишіана и араваковъ „канаима" играетъ совершенно своеобразную роль. Онъ является не только олицетвореніемъ мстительности, но вообще источникомъ и причиной всякаго зла; но при этомъ не представляетъ собой опредѣленной демонической личности; это какъ бы своего рода Протей безъ установленной формы, о которомъ никто не имѣетъ точнаго понятія. Слово „kanaima" имѣетъ многостороннее значеніе; но у всѣхъ индійцевъ преимущественно означаетъ враждебное людямъ существо, наводящее страхъ, которое подобно вампиру бродитъ ночью около своей жертвы, чтобы напасть на нее съ помощью хитрости и убить самымъ жестокимъ способомъ. Поэтому словомъ „kanaima", означаютъ всякій ядъ, кромѣ „urari", а также субъекта, оскорбленнаго въ своихъ правахъ, который намѣренъ выполнить долгъ кровавой мести. Индійцы макуши не могли объяснить Аппуну, кто и что такое „kanaima", но приписывали всякій смертный случай его винѣ и вліянію. Изъ всѣхъ существующихъ сбивчивыхъ объясненій можно вывести одно заключеніе, что обманчивый призракъ „kanaima" представляетъ непосредственное слѣдствіе самаго способа, какимъ индіецъ удовлетворяетъ свою месть, такъ какъ онъ никогда не появляется на глаза человѣка, оскорбившаго его, но нападаетъ на него изъ засады и старается удовлетворить свою месть съ помощью коварства. Этотъ призракъ безъ устали преслѣдуетъ каждаго индійца въ дорогѣ, при всякомъ дѣлѣ и составляетъ для него тяжелый гнетъ; каждый вечеръ запираетъ онъ отъ него свою хижину; ему мерещится его приближеніе при всякомъ необычайномъ ночномъ шумѣ (См. Ausland 1869 S. 303—304).

Равнымъ образомъ вездѣ распространена вѣра въ безсмертіе души, въ загробную жизнь, полную ненарушимаго блаженства и вѣчнаго наслажденія; но при этомъ нѣтъ никакого различія между злыми и добрыми людьми, такъ какъ послѣ смерти ихъ ожидаетъ одинаковая участь.

Покойника большею частью завертываютъ въ его гамакъ и хоронятъ въ сидячемъ положеніи вмѣстѣ съ имуществомъ и оружіемъ, а также кладутъ возлѣ него хлѣбъ, плоды и сушеную рыбу. Погребеніе у всѣхъ племенъ сопровождается извѣстными церемоніями, и равнымъ образомъ повсемѣстно налагается трауръ на нѣкоторое время.

Гоахиро или гваиро во многихъ отношеніяхъ занимаютъ исключительное положеніе среди описанныхъ здѣсь племенъ; они живутъ на полуостровѣ того же имени, на сѣверозападномъ берегу Венецуэлы, отъ западнаго берега Маракаибскаго залива до Ріо-де-ла-Гаха въ Колумбіи, подъ 11—12° с. ш. Это индійское племя, окруженное со всѣхъ сторонъ такъ называемыми цивилизованными народами, тѣмъ неменѣе съумѣло сохранить свою самостоятельность и прославиться своей жестокостью. Во многихъ отношеніяхъ оно можетъ быть поставлено на ряду съ апачами и команчами Новой Мексики, араукáми и пегуенчами Чили, гвайакурами и гварани близь Параны. По свидѣтельству Тетенса, гоахиро большею частью рослые люди, около 1,80 м., съ каштано-коричневымъ цвѣтомъ лица и черными прямыми волосами. Они славятся своей долговѣчностью и, повидимому, доживаютъ до глубокой старости. Въ то время какъ остальныя береговыя племена приняли испанскій языкъ, гоахиро и въ этомъ отношеніи остались независимыми и сохранили свой природный языкъ (См. E. Uricoechea, gramatica, catecismo i vocabulario de la lengua goajira por Rafael Caledon. Paris 1878). Гоахиро отъявленные враги всякаго другого народа, никого не впускаютъ въ свою землю и живутъ въ постоянныхъ распряхъ съ своими сосѣдями, особенно съ венецуэльцами. Исключая жестокости, они походятъ на вышеупомянутыхъ гвіанскихъ индійцевъ въ томъ отношеніи, что также, какъ и они, превосходные наѣздники и имѣютъ отличныхъ лошадей, между тѣмъ какъ остальныя индійскія племена Южной Америки не имѣютъ никакого понятія о верховой ѣздѣ и многимъ изъ нихъ лошади совершенно неизвѣстны. Они держатъ многочисленныя стада рогатаго скота, такъ что мясо и рыба, которая водится въ невѣроятномъ количествѣ въ Маракаибскомъ заливѣ, составляютъ ихъ главную пищу. Они мало занимаются земледѣліемъ, чему способствуетъ и ихъ безплодная песчаная страна. Чтобы ѣсть хлѣбъ и пить свой любимый напитокъ „кассири", они воздѣлываютъ кассаву, сладкій картофель, небольшое количество маиса и бананы, но такъ какъ этого едва хватаетъ на ихъ насущныя потребности, то имъ приходится дополнять недостатокъ растительной пищи путемъ мѣны съ венецуэльцами.

БРАЗИЛЬСКІЯ ПЛЕМЕНА.

Внутри Бразиліи, а именно въ области, которая заключена между двухъ рѣкъ, Амазонской и Парагваемъ, и простирается на сѣверо-западъ до 4° с. ш. и 54° з. д., также живутъ индійцы, и хотя ихъ насчитываютъ около полутора милліона душъ, но число ихъ до сихъ поръ не опредѣлено въ точности. Они дѣлятся здѣсь, какъ и въ остальной Америкѣ, по степени своей образованности, на осѣдлыхъ, такъ называемыхъ indios ladinos или mansos, или независимыхъ, дикихъ индійцевъ, indios selvajes. „Ручные" индійцы, неимѣющіе особеннаго значенія по своей малочисленности, преимущественно встрѣчаются на мѣстахъ прежнихъ миссій, гдѣ вскорѣ послѣ открытія Америки поселились миссіонеры разныхъ духовныхъ орденовъ, поставивъ себѣ задачей обращеніе дикихъ въ христіанскую вѣру. Осѣдлые индійцы, вслѣдствіе многократнаго скрещиванія съ другими расами, утратили свой національный характеръ; они встрѣчаются у нижней Амазонской рѣки, гдѣ образуютъ массу всего населенія. Вообще нужно замѣтить, что здѣсь индійскіе метисы и ихъ потомки въ различныхъ степеняхъ представляютъ повсемѣстно значительную часть низшаго класса и являются въ качествѣ рыбаковъ, охотниковъ, поденщиковъ на плантаціяхъ, домашней прислуги, подмастерьевъ, солдатъ, работниковъ въ общественныхъ мастерскихъ и всего чаще матросовъ на судахъ, такъ какъ при ихъ участіи ведется вся внутренняя торговля.

Такъ называемые indios mansos или da costa въ береговой полосѣ между Багіа и Ріо-де-Жанейро представляютъ собой чистую несмѣшанную расу, которая едва ли гдѣ встрѣчается въ значительномъ числѣ. Ихъ нѣкогда многолюдныя „aldeas" (деревни, поселенія, собственно лагерныя стоянки, бивуаки) или исчезли съ лица земли, или покинуты, или же преобразованы въ мѣстечки съ смѣшаннымъ португальскимъ населеніемъ. Войны португальцевъ съ голландцами и французами и преимущественно злоупотребленія, какія позволяли себѣ іезуиты относительно покровительствуемыхъ ими индійцевъ, понуждая ихъ къ насильственной рабской работѣ, были главной причиной ассимилированія прежнихъ владѣльцевъ береговой страны съ новѣйшими завоевателями. Долгое время въ Бразиліи бездѣйствовали законы, изданные въ пользу индійцевъ, и здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо краснокожими пользовались какъ рабами. Чуть ли не во всѣхъ частяхъ Южной Америки за туземцами формально охотились и затѣмъ продавали ихъ на рынкахъ. Католическое духовенство первое подняло голосъ противъ такого образа дѣйствій и вскорѣ послѣ того фактически выступило на защиту туземцевъ. Если въ настоящее время почти во всей южной Америкѣ индіецъ, достигшій извѣстной степени культуры, находится въ рукахъ клерикаловъ, не смотря на то, что ихъ поведеніе далеко не безупречно по нашимъ понятіямъ, то это явленіе представляетъ неизбѣж-

ное слѣдствіе той снисходительности, съ какой духовенство относилось къ краснокожимъ съ самаго начала до нынѣшняго дня. Мы не можемъ упускать изъ виду, что въ романской Америкѣ до сихъ поръ священники—единственные друзья и покровители индійца, между тѣмъ какъ свѣтскія власти, при всякомъ удобномъ случаѣ, позволяли себѣ эксплуатировать и угнетать его и не считали нужнымъ мѣшать истребленію туземнаго населенія. Тѣмъ не менѣе свѣтскія власти были совершенно правы съ своей точки зрѣнія, такъ какъ весьма возможно, а во многихъ случаяхъ несомнѣнно, что варварское истребленіе туземцевъ болѣе способствуетъ распространенію цивилизаціи, нежели гуманная заботливость объ ихъ сохраненіи. Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы считали не лишнимъ объяснить здѣсь своеобразное явленіе, которое неоспоримо существуетъ въ культурной жизни романскаго населенія Америки.

Намъ сообщаютъ далеко неутѣшительныя свѣдѣнія о положеніи осѣдлыхъ индійцевъ въ Южной Америкѣ. Всѣ эти обращенные въ христіанство бразильскіе индійцы сдѣлали очень мало успѣховъ въ цивилизаціи, такъ какъ они ведутъ замкнутую жизнь и избѣгаютъ всякаго соприкосновенія съ образованными расами. Вообще нужно замѣтить, что первобытные народы по какому то необъяснимому, но вѣрному инстинкту предугадываютъ, что сближеніе съ бѣлыми ведетъ къ гибели и вымиранію ихъ племени. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что indios mansos и помимо этого вымрутъ и исчезнутъ съ лица земли, потому что въ своемъ настоящемъ положеніи они представляютъ собой абсолютно пассивный элементъ населенія, значеніе котораго все болѣе и болѣе уменьшается среди общей массы. Что касается меня лично, то я отношусь весьма скептически къ способности бразильскихъ индійцевъ принять когда либо европейскую цивилизацію, несмотря на аргументы, приводимые почтеннымъ Вольдемаромъ Шульцомъ (Natur-und Kulturstudien im Neuen Kontinent und seine Bewohner, Dresden 1868), и мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы попытки миссіонеровъ цивилизовать индійцевъ принесли какую нибудь практическую пользу, хотя многіе упорно поддерживаютъ подобныя ожиданія, но они вызываютъ невольную улыбку у этнографа, который знаетъ всю неосуществимость ихъ. Если до сихъ поръ, обращенные въ христіанство индійцы сдѣлали такъ мало успѣховъ въ культурѣ, то въ этомъ нельзя прямо обвинять миссіонерскую дѣятельность, такъ какъ, по естественному ходу вещей, первобытные народы, стоящіе на низшихъ ступеняхъ образованности, вообще развиваются крайне медленно. Я допускаю, что единичныя племена могутъ достигнуть высшей степени культуры, но, на основаніи этнологическихъ данныхъ, считаю абсолютно невозможнымъ, чтобы подобный прогрессъ совершился въ извѣстный заранѣе опредѣленный срокъ. Если дѣйствительно желаютъ поднять уровнь индійской культуры, то необходимо вооружиться терпѣніемъ и допустить большіе промежутки времени въ размѣрѣ цѣлыхъ столѣтій. Но еще вопросъ, уцѣлѣетъ-ли которое нибудь изъ индійскихъ племенъ до этого времени. По мнѣнію Келлеръ Леузингера, который прожилъ много лѣтъ между бразильскими туземцами и хорошо познакомился съ ихъ общественнымъ положеніемъ, здѣсь также, на первомъ планѣ, борьба за существованіе, но эта борьба имѣетъ теперь иной характеръ или „по крайней мѣрѣ не ведется исключительно огнемъ и мечемъ съ прямой цѣлью истребленія, какъ во времена завоеванія. Въ настоящее время на сцену выступили болѣе гуманные принципы; ни одного атагуальпа не подвергнутъ медленной пыткѣ и мучительной смерти ex officcio ради презрѣннаго золота; жизнь туземца получила извѣстную цѣну, а въ Бразиліи, вслѣдствіе недостатка энергіи съ обѣихъ сторонъ, даже немыслимы тѣ ужасы, какіе совершались въ послѣднюю сѣверо-американскую войну. Тѣмъ не менѣе краснокожіе гибнутъ безвозвратно, такъ какъ у нихъ отняли лѣсъ, родину, старый образъ жизни, всякую дѣятельность, нравственные принципы, боговъ, которымъ они покланялись; и такимъ образомъ лишили ихъ

*

возможности существованія. Едва-ли нужны заразительныя болѣзни и водка, эти какъ будто спеціально созданные для нихъ дары нашей цивилизаціи, чтобы нанести имъ послѣдній ударъ. Острое орудіе которымъ бѣлый поселенецъ повергаетъ великановъ первобытныхъ лѣсовъ, быстро пересѣкаетъ нить ихъ жизни. Краснокожій рано или поздно долженъ погибнуть въ борьбѣ съ болѣе богато одаренной бѣлой расой подобныхъ ему людей" (Allg. Zeitung vom 28 Marz 1877). Теперь, какъ извѣстно, вошло въ моду отвергать гибельное вліяніе европейской цивилизаціи на многіе первобытные народы,; нѣкоторые даже видятъ въ быстромъ принятіи европейской культуры единственное средство спасенія, какъ будто это можетъ совершиться по мановенію руки. Между тѣмъ мы почти ежегодно получаемъ извѣстія о вымираніи того или другого племени. Само собой разумѣется, что не всѣ народы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ относительно нашей цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, индіецъ Средней Америки и Андской плоской возвышенности выказываетъ такую силу противодѣйствія, что въ данной борьбѣ даже одерживаетъ верхъ надъ европейской культурой. Но, съ другой стороны, краснокожій Сѣверной Америки, житель бразильскихъ лѣсовъ и обратившійся въ наѣздника индіецъ пампасовъ осуждены на неизбѣжную гибель.

Собственно дикіе индійцы Бразиліи, до сихъ поръ сохранившіе полную независимость, распадаются на огромное количество различныхъ народностей, племенъ и ордъ, которыхъ насчитываютъ не менѣе 250. Я, разумѣется, буду говорить здѣсь только о самыхъ значительныхъ изъ нихъ. Хотя они вообще мало отличаются другъ отъ друга по наружному виду, но представляютъ большое разнообразіе по языку, нравамъ и обычаямъ. Болѣе или менѣе общими признаками всѣхъ ихъ можно считать: короткую, приземистую фигуру, широкое лицо съ плоскимъ скошеннымъ лбомъ, нѣсколько косо лежащіе и выпуклые глаза, выступающія впередъ скулы, приплюснутый носъ и сильно развитую нижнюю челюсть. Тѣмъ не менѣе нужно быть крайне осторожнымъ въ опредѣленіи главныхъ господствующихъ чертъ въ строеніи тѣла и лица у отдѣльныхъ ордъ и племенъ. Языкъ вообще бѣденъ и въ высшей степени простъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ никакой грамматической выработки (O Canstatt Brasilien. Land und Leute. Berlin 1877. S. 77). До сихъ поръ ни одному изслѣдователю не удалось найдти связь между сотнями различныхъ діалектовъ, хотя и были сдѣланы попытки сгруппировать бразильскихъ индійцевъ на нѣсколько классовъ, по сходству и сродству языковъ. Такъ, напримѣръ, для насъ совершенно чужды и непонятны физическія и нравственныя свойства двухъ, рѣзко отличныхъ между собой группъ индійской семьи, главными представителями и прототипами которыхъ Келлеръ Леузингеръ считаетъ съ одной стороны, тупи-гварани, а съ другой—короадо южныхъ провинцій. Тѣмъ не менѣе, Карлъ Марціусъ,—который представляетъ собой авторитетъ во всемъ, что касается бразильскихъ индійцевъ,—сравнивая здѣшніе языки на лексикологическомъ основаніи, приходитъ къ заключенію, что они могутъ быть раздѣлены на группы, такъ какъ многія весьма важныя четры сходства встрѣчаются въ

сродныхъ діалектахъ, и говорящія на нихъ племена болѣе или менѣе легко понимаютъ другъ друга. При отсутствіи другихъ средствъ для этнографической классификаціи среди господствующаго хаоса, такія составныя части болѣе крупныхъ единицъ могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльный народъ или племя, тѣмъ болѣе, что на исторической почвѣ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ ихъ общемъ происхожденіи. Въ виду подобныхъ изслѣдованій, Марціусъ (Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Americas, zumal Bràsiliens. Leipzig 1877,—2 Bde) различаетъ въ Бразиліи восемь этнологическихъ или лингвистическихъ группъ, а именно: тупи, гесъ (выг. schehs) или кранъ, гаятака, крены или гверены, гуки или коко, парехи или паречи, гваикуру или ленгоасы и наконецъ вышеупомянутые аруаки или арауаки. Представители двухъ послѣднихъ племенъ малочисленны въ Бразиліи; наибольшая масса ихъ находится внѣ предѣловъ этого государства.

Сообразно ихъ географическому распредѣленію, мы прежде всего разсмотримъ группу племенъ, живущихъ всего далѣе къ сѣверу, около самой Амазонской рѣки и къ сѣверу отъ нея до Ориноко, которые, вѣроятно, представляютъ собой соплеменниковъ вышеописанныхъ гвіанскихъ индійцевъ. Эти племена, въ свою очередь, находятся въ лингвистическомъ сродствѣ съ многочисленными ордами, встрѣчаемыми въ Амазонской долинѣ до западной границы Бразиліи и на югъ отъ нея далеко вглубь страны до Мохоса и даже, быть можетъ, до Парагвая. Эти сродныя орды не имѣютъ общаго названія, хотя Марціусъ величаетъ ихъ именемъ гуковъ или коко. Къ тому же разряду онъ причисляетъ всѣ племена, которыя называютъ дядю словомъ: гукъ, гукку, кукъ или коко. Дядя вообще пользуется особеннымъ уваженіемъ въ южно-американской семьѣ, но у народовъ гукъ подъ этимъ именемъ не слѣдуетъ понимать брата отца или матери, который во многихъ странахъ Азіи и Африки, при свободныхъ половыхъ отношеніяхъ, потому и внушаетъ къ себѣ уваженіе, что онъ единственный мужской родственникъ, котораго знаютъ дѣти, что собственно и послужило поводомъ къ непотизму. Между тѣмъ у гукскихъ народовъ непотизмъ не играетъ никакой роли и уваженіе къ брату отца основано на томъ, что онъ, подобно тому, какъ это дѣлается у евреевъ, обязанъ жениться на вдовѣ брата, что также считается семейной обязанностью у тупи. По сравнительной таблицѣ языковъ, составленной Марціусомъ, къ гукамъ принадлежатъ многія племена, причисленныя нами къ гвіанскимъ индійцамъ и которыхъ мы признаемъ родичами караибовъ, какъ, напримѣръ: арекуна, макуши, таманаки и паравильгана. Но такъ какъ сами караибы лингвистически должны быть причислены къ гукамъ, то насъ не должно поражать это двоякое сопоставленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ таблицѣ Марціуса мы встрѣчаемъ майоруновъ и мохо,

упомянутыхъ нами при описаніи андскихъ народовъ, къ которымъ причисляютъ ихъ другіе авторитеты. Одно несомнѣнно, что собственно у Амазонской рѣки существуетъ невѣроятное смѣшеніе всевозможныхъ народныхъ элементовъ, которое повело къ вавилонскому столпотворенію языковъ по всей Бразиліи, такъ что группированіе ихъ сообразно происхожденію и сродству представляетъ неразрѣшимую задачу. На этомъ основаніи я считаю невозможнымъ представить такую общую характеристику этой группы народовъ или языковъ, которая подходила бы ко всѣмъ индійцамъ, причисляемымъ къ племени гукъ, тѣмъ болѣе, что они рѣзко разнятся между собой по тѣлосложенію, образу жизни и нравамъ.

Индіянка племени текуна.

Мы назовемъ здѣсь наиболѣе извѣстныя племена семьи гукъ, а именно: кайрири или кирири, отдѣльныя шайки которыхъ носятъ названіе сабохя, пиментейрасъ и др. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ только остатки прежней народности; они отчасти находятся въ полуцивилизованномъ состояніи и частью въ видѣ отдѣльныхъ шаекъ въ 3000 душъ, независимыхъ отъ бразильскаго правительства, ведутъ бродячую жизнь въ горахъ провинціи Пернамбуко безъ опредѣленнаго мѣста жительства.

Араику живутъ у Токантина и средняго теченія Амазонской рѣки; затѣмъ мы упомянемъ манао, называющихъ себя „ore manàos“ что въ буквальномъ переводѣ означаетъ „мы именуемые манао“ и отчасти напоминаетъ обычную подпись испанскихъ королей и королевъ: Yo la reyna— я королева. Эти манао вѣроятно удержатся долѣе другихъ племенъ, благодаря плодовитости своихъ женъ, такъ какъ у нихъ нерѣдко можно встрѣтить 25-тилѣтнихъ женщинъ, имѣющихъ не менѣе десяти живыхъ дѣтей. Поэтическое сказаніе о золотомъ господинѣ (el Dorado), который смываетъ съ себя золотую пыль въ озерѣ, настолько связано съ манао, что даже золотое озеро прозвано Манао.

У нихъ также существуетъ сага о чудовищѣ съ вывороченными ногами и объ уничтоженіи земли огромнымъ пожаромъ. Племена уирина, баре и каріай распространены у Ріо Негро; кунамаре близь Юруа; мараута (марагуа, марауасу, марубо) у Ютаги; что-же касается шамикоко живущихъ на правомъ берегу Парагвая въ Гранъ Чако, то все еще не опредѣлено въ точности: могутъ ли они быть причислены къ гукамъ. Изъ болѣе извѣстныхъ амазонскихъ племенъ особенно заслуживаютъ вниманія текуна и пассе; они должны быть причислены къ гукамъ, хотя въ настоящее время въ нихъ замѣтна сильная помѣсь другихъ народностей. Текуна (tycuna, tucunes), которые по языку представляютъ также нѣкоторое сродство съ племенемъ гесъ и находятся сравнительно въ менѣе дикомъ состояніи живутъ у западной границы Бразиліи и за предѣлами ея до Пастаца. У нихъ равнымъ образомъ встрѣчаются личныя маски, съ которыми мы имѣли случай познакомиться при описаніи сѣверо-запада Сѣверной Америки; онѣ сплетены изъ тростника, обтянуты циновкой и раскрашены. Два наиболѣе рѣдкихъ экземпляра такихъ масокъ изображены на одномъ изъ слѣдующихъ рисунковъ, а также по другому рисунку читатель можетъ наглядно познакомиться съ представительницей прекраснаго пола изъ племени текуна. Это племя преимущественно славится изготовленіемъ яда для стрѣлъ, называемаго „урари“ или „кураре“, который текуны сбываютъ другимъ племенамъ при мѣновой торговлѣ. Поселенцы смотрятъ на нихъ какъ на миролюбивую индійскую орду, и даже, между прочимъ принимаютъ ихъ въ услуженіе. Не менѣе пригодны и полезны пассе, живущіе у Амазонской рѣки, которые своимъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ этой мѣстности, и безусловно превосходятъ ихъ по своимъ религіознымъ и космологическимъ понятіямъ. Благодаря такимъ преимуществамъ, а также миролюбивому характеру, прилежанію и природной склонности къ цивилизаціи, это индійское племя быстро ассимилируется общей массѣ населенія. Индійцы пассе могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ вышеупомянутаго моднаго взгляда, по которому первобытные народы, должны какъ можно скорѣе принять нашу цивилизацію, чтобы спасти себя отъ гибели. Къ той же рѣчной

Мура съ озера Амана вооруженный пучкомъ метательныхъ копій.

Рисовалъ Келлеръ-Лєузингеръ съ фотографіи снятой подъ его наблюденіемъ.

области принадлежатъ уаупé, которые замѣчательны тѣмъ, что живутъ въ хижинахъ, устроенныхъ на подобіе казармъ, такъ какъ изъ всѣхъ народныхъ племенъ Южной Америки, у нихъ однихъ встрѣчается этотъ обычай существующій въ Южномъ Океанѣ у жителей Новой Гвинеи и сосѣднихъ островов. Равнымъ образомъ описанныя нами удивительныя терасообразныя постройки индійцевъ пуэбло могутъ быть причислены къ такимъ-же казармамъ по своему внутренному устройству. Такъ называемые „маллока“ или общественные дома уаупе представляютъ собой постройки въ 40 м. длины, 25 м. ширины и 10 м. высоты; въ нихъ помѣщаются шайки изъ ста человѣкъ, заключающія двѣнадцать семействъ, изъ которыхъ каждое занимаетъ отдѣльное помѣщеніе. Здѣсь также существуетъ обычай погребать мертвыхъ подъ поломъ въ самомъ домѣ, что, между прочимъ, практикуется, какъ мы увидимъ ниже, у „казарменныхъ“ жителей восточной Индіи. При этомъ считаю нелишнимъ замѣтить, что нерѣдко орды, принадлежащія къ различнымъ національностямъ, обозначаются общими именами, которыя первоначально должны служить указаніемъ ихъ одинаковаго образа жизни, а затѣмъ ошибочно примѣняются въ видѣ этнографическихъ названій. Къ числу такихъ названій могутъ быть прямо отнесены прозвища племенъ: карипуна, мура и миранга, которыя всѣ живутъ близь рѣки Мадейра и, по своей дикости, стоятъ на самой низкой степени культуры. Оба названія карипуна или jaûn-avô означаютъ въ буквальномъ переводѣ „люди воды“. Въ представителяхъ этого племени замѣтна несомнѣнная примѣсь кечуанской крови; о нихъ разсказываютъ, что они не только ѣдятъ человѣческое мясо, но даже сохраняютъ его копченымъ. Вообще—это жестокіе, склонные къ разбойничеству дикари, которые ведутъ почти земноводную жизнь и составляютъ предметъ ужаса для моряковъ и путешественниковъ. Они строятъ челноки изъ древесной коры; при этомъ до нѣкоторой степени занимаются землледѣліемъ и, помимо лука и стрѣлъ, употребляютъ родъ духовыхъ ружей, стрѣлку которыхъ намазываютъ ядомъ „урари“ собственнаго приготовленія. По свидѣтельству Келлеръ-Леузингера, посѣтившаго индійцевъ карипуна, они снисходятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до дружественныхъ отношеній съ бѣлыми. Видѣнные имъ субъекты были совершенно голые; но на шеѣ было надѣто множество бѣлыхъ стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ такими правильными рядами, что они составляли на груди родъ панцыря изъ бусъ. Голова ихъ была украшена великолѣпной діадемой изъ красножелтыхъ перьевъ тукана. Женщины носятъ небольшіе красиво сплетенные передники, убранные съ большимъ вкусомъ перьями тукана. Въ хижинахъ Леузингеръ замѣтилъ не совсѣмъ опрятные гамаки; затѣмъ красивыя корзинки изъ пальмовыхъ листьевъ и длинные тонкіе барабаны, употребляемые во время праздничныхъ танцевъ. Въ одной хижинѣ меньшихъ размѣровъ, служившей мѣстомъ собраній, было нѣсколько углубленій въ формѣ корытъ, въ которыхъ

Маски текуна (съ Амазонской рѣки) сплетенныя изъ тростника обтянутые тонкой циновкой и выкрашенныя.

Типы метистовъ изъ южной провинціи Бразиліи: местице (mameluco) и цамбо (cafuzo).

лежали небольшія каменныя плиты, прикрывавшія отверстія въ подземную пещеру, гдѣ находились могилы воиновъ, погребенныхъ въ большихъ урнахъ, (Igaçaba). Равнымъ образомъ въ былыя времена мура (indios do corso) наводили страхъ на окрестныхъ жителей своими разбойничьими набѣгами на берега Мадейра. Это нѣкогда могущественное и многочисленное племя въ концѣ прошлаго столѣтія было почти совершенно уничтожено индійцами мундруку; остатки его разсѣялись, гдѣ попало. Уцѣлѣло только нѣсколько семействъ у озеръ и притоковъ Амазонской рѣки и на ея правомъ берегу; другіе перешли на лѣвый берегъ и построили себѣ хижины около озеръ Кудахацъ и Амана. На вышеприведенномъ рисункѣ изображенъ мура или индіецъ амана. Съ этого времени мура плаваютъ по рѣкамъ небольшими флотиліями, представляя собой подобіе цыганъ среди амазонскихъ индійцевъ; всѣ остальныя племена отчасти смотрятъ на нихъ какъ на паріевъ и презираютъ ихъ. На далекомъ пространствѣ можно услышать о нихъ самые дурные отзывы; полуцивилизованные народы считаютъ ихъ вороватыми, лѣнивыми, вѣроломными и жестокими; при этомъ они чувствуютъ непреодолимое отвращеніе къ осѣдлой жизни и ко всему, что имѣетъ отношеніе къ цивилизаціи (Globus, Bd. XX s. 199). Джемсъ Ортонъ равнымъ образомъ называетъ ихъ лѣнивыми и дикими. По цвѣту кожи они темнѣе своихъ сосѣдей; у нихъ необыкновенно широкій грудной ящикъ, мускулистыя руки, короткія ноги, большой животъ, рѣдкая борода и смѣлое безпокойное выраженіе лица; они пробуравливаютъ себѣ губы и въ военное время втыкаютъ въ нихъ клыки пекари (Orton, Andes and Amazon., s. 318). Ихъ челноки сдѣланы изъ древесной коры; но кромѣ того встрѣчаются лодки „monterias", которыя они крадутъ у бѣлыхъ и метисовъ. Они превосходные пловцы и настолько искусные водолазы, что ловятъ въ водѣ черепахъ за ноги. Рыбъ убиваютъ здѣсь стрѣлами и затѣмъ жарятъ. Мура очень любятъ „kau im" т. е. сахарную водку и пристрастны къ нюхательному табаку. Ихъ флейты снабжены пятью клапанами; посредствомъ этого инструмента они создали особый музыкальный языкъ, на которомъ безъ труда объясняются другъ съ другомъ. Тонъ инструмента неизмѣнно минорный, и вообще эта музыка производитъ грустное впечатлѣніе. Многіе изъ прежнихъ обычаевъ этого народа исчезли безслѣдно; такъ напримѣръ, нѣкогда они придавали большое значеніе первому вооруженію молодыхъ воиновъ, но теперь этого не замѣтно. Мура ведутъ кочевую жизнь и поддерживаютъ свое существованіе рыбной ловлей; они не имѣютъ понятія о земледѣліи или какомъ либо другомъ полезномъ занятіи. Они раздѣлены на небольшія орды, живутъ семьями и странствуютъ у береговъ озеръ и рѣкъ для ловли рыбы и черепахъ. На мѣстахъ своихъ стоянокъ они строятъ жалкія хижины, которыя передвигаютъ, то ближе, то дальше отъ берега, смотря по уровню воды. Въ настоящее время эти дикари находятся въ состояніи полнѣйшей апатіи и поражаютъ своимъ мрачнымъ меланхолическимъ видомъ. Едва-ли у какого другого племени можно встрѣтить такое глубокое отвращеніе къ бѣлымъ людямъ. Это какая-то смѣсь ненависти, ярости и страха. Мура тщательно избѣгаетъ всякаго соприкосновнія съ бѣлыми, и въ этомъ случаѣ онъ руководствуется не одной боязнью. Это племя принадлежитъ къ числу быстро вымирающихъ народностей и, вѣроятно, исчезнетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Такой же страхъ даже между индійцами внушаютъ къ себѣ миранга, т. е. „бродяги", все еще многочисленное племя, живущее на правомъ берегу Япура, которое повидимому не знаетъ другого занятія, кромѣ войны, грабежа, убійства и погони за людьми. Они также чувствуютъ положительное отвращеніе къ земледѣлію: охотятся за птицами, змѣями и насѣкомыми, и, заставивъ сѣтями истокъ „igarape" (маленькаго озера), добываютъ этимъ способомъ рыбу. По разсказамъ туземцевъ, вѣчно голодные миранга даже не пренебрегаютъ древесной корой; всѣ остальныя племена ненавидятъ ихъ, и они счи-

таются отъявленными людоѣдами, хотя относительно этого нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ. Миранга съ величайшей охотой продастъ своего ребенка за два или три топора; мать безпрекословно отдастъ дочь за два локтя ситца, ожерелье изъ бусъ или какую нибудь мѣдную бездѣлушку. Вообще миранга представляютъ собой сильную, статную и темнокожую породу людей; они опоясываютъ себѣ бедра повязкой, которую продѣваютъ вокругъ ногъ, носятъ палочки въ проколотыхъ ноздряхъ и обтачиваютъ себѣ клыки. Мартіусъ причисляетъ ихъ къ амазонскимъ ордамъ, стоящимъ на самой низкой степени развитія; но относительно общей культуры они ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ своимъ болѣе мирнымъ сосѣдямъ, а женщины отличаются трудолюбіемъ, веселостью добродушіемъ и точнымъ исполненіемъ деспотически наложенныхъ на нихъ обязанностей. У этого племени мы даже встрѣчаемъ отдѣльную отрасль промышленности, а именно гамаки, которые распространены нетолько въ Бразиліи но и въ Вестъ-Индіи. Мужчины принимаютъ дѣятельное участіе въ изготовленіи ихъ, что̀ сопряжено для нихъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ нужно срубить каменнымъ топоромъ стволъ колючей пальмы, затѣмъ вырѣзать бамбуковымъ ножемъ цвѣтовой початокъ изъ пучка внутреннихъ листьевъ и окружающаго его кожистаго крыла. Каждая пальма въ отдѣльности доставляетъ не болѣе $^1/_4$—$^3/_4$ килог. волоконъ, между тѣмъ какъ для одного гамака требуется около $1^1/_2$—$2^1/_2$ килог. Остальная работа справляется женщинами. По сосѣдству съ миранга живутъ мезайя, которые распространены между Япури и верхней Апопари; они принадлежатъ къ омагамъ, а именно отрасли тупи, и ѣдятъ людей изъ мести.

Первые индійцы, съ которыми португальцы вступили въ сношенія при открытіи Бразиліи назывались тупинамба. Прозвище это, по мнѣнію Варнгагена, произошло изъ словъ „tupi“ и „mbà“, т. е. „воинъ или благородный человѣкъ“, между тѣмъ какъ Маріусъ производитъ его изъ словъ „tupi“ и „anàma“ (родственникъ) въ смыслѣ принадлежности къ племени тупи. Индійцы эти жили на восточномъ берегу Бразиліи и португальцы скоро освоились съ ихъ языкомъ, который оказался особенно пригоднымъ для сношеній съ другими племенами. Это обстоятельство побудило впослѣдствіи іезуитовъ заняться по возможности его обработкой, чтобы ввести въ употребленіе въ качествѣ общаго языка при сношеніяхъ съ дикарями.

Такимъ образомъ составилась lingua geral brasilica т. е. общій бразильскій языкъ, который, повидимому представляетъ діалектъ „тупи“ съ португальскимъ выговоромъ, такъ какъ въ устахъ европейцевъ онъ сдѣлался еще мягче, нежели былъ прежде. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, потому что съ помощью lingua geral явилась возможность для обмѣна мысли между разрозненными по языку племенами Бразиліи. Во всякомъ случаѣ распространенію діалекта „тупи“ способствовало то обстоятельство, что на южно-американскомъ материкѣ по эту сторону Андъ до Караибскаго залива бродили орды тупи, оставившія слѣды своего пребыванія въ географическихъ названіяхъ даже тамъ, гдѣ мы ихъ болѣе не находимъ въ настоящее время. Съ другой стороны въ пользу діалекта „тупи“ послужило его благозвучіе и легкость выговора. Онъ богатъ гласными; слоги бо̀льшею частью состоятъ изъ двухъ буквъ; въ двугласныхъ

ясно слышны обѣ гласныя, при этомъ никогда не бываетъ скопленія согласныхъ, которыя въ сложныхъ словахъ слѣдуютъ одна за другой по правиламъ нарощенія, въ виду бо̀льшей мягкости и благозвучія. Простотѣ языка благопріятствуетъ также бѣдность звуковъ. По этому поводу составилась португальская поговорка о языкѣ „тупи", что онъ sem fe, sem ley e sem rey, что можно объяснить двоякимъ способомъ, а именно: „безъ *f*, *l* и *r*" или „безъ религіозныхъ вѣрованій, безъ понятій о правѣ и монархическихъ учрежденій". Впрочемъ буква *r*, хотя не совсѣмъ отсутствуетъ, но только встрѣчается крайне рѣдко въ началѣ словъ. Шипящее португальское *s* и *z* вовсе не существуетъ и замѣнено мягкимъ *ç*. Быстрое распространеніе lingua geral или общаго языка приводитъ насъ, кромѣ того, къ такому заключенію, что несмотря на перечисленныя нами преимущества, онъ бы никогда такъ скоро не вошелъ въ употребленіе, если бы этому не способствовалъ его общій характеръ и конструкція, доступная многимъ индійскимъ ордамъ, такъ какъ „тупи" равнымъ образомъ принадлежитъ къ агглютинирующимъ языкамъ. Это служитъ между прочимъ доказательствомъ, что, несмотря на всѣ лексикографическія различія южно-американскихъ языковъ, все-таки существуетъ извѣстное единство или, такъ сказать, нравственное тождество между бразильскими туземцами, потому что иначе іезуитамъ никогда не удалось бы придать діалекту „тупи" значеніе общаго миссіонерскаго языка въ южно-американскихъ равнинахъ. Даже въ настоящее время, на ряду съ португальскимъ языкомъ,—„тупи" все еще въ общемъ употребленіи при сношеніяхъ индійцевъ съ другими расами и особенно распространенъ на западѣ; хотя, по свидѣтельству Х. Фред. Гарта, онъ діалектически различенъ отъ стараго „тупи", выработаннаго іезуитами. (Verhandl. d, Berl, gesellsch. f. Anthrop. 1873, S. 127). Равнымъ образомъ, въ населенной испанцами восточной части Южной Америки іезуитскіе миссіонеры воспользовались такимъ же способомъ индійскимъ языкомъ гварани для сношеній съ самыми разнообразными племенами туземцевъ. При этомъ выяснилось, что „гварани„ представляетъ собой весьма близкій, но въ то же время болѣе чистый діалектъ „тупи". Слѣдовательно существуетъ несомнѣнное сродство между тупи внутренней Бразиліи и гварани или гварауна близь Параны, отрасль которыхъ составляютъ вышеупомянутые индійцы варрау. Въ виду этого сродства Фр. Миллеръ признаетъ отдѣльную тупи-гваранскую группу, которая, по его мнѣнію, имѣетъ непосредственное отношеніе къ группѣ омагуа у верхней Амазонской рѣки. Одной изъ главныхъ причинъ общаго смѣшенія языковъ индійскихъ племенъ, а равно, извѣстнаго сходства ихъ діалектовъ считаютъ, между прочимъ, безпрерывныя странствованія отдѣльныхъ ордъ и связанная съ этимъ перемѣна мѣстъ жительства и сношеній

съ другими племенами. Пока мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить съ точностью, что собственно побудило ихъ къ перемѣнѣ однихъ мѣстъ жительства на другія и въ какіе промежутки времени совершались эти странствованія. Но во всякомъ случаѣ они могли имѣть вліяніе на исчезновеніе единичныхъ племенъ, упоминаемыхъ въ прежнихъ описаніяхъ путешествій.

Появленіе тупи среди другихъ южно-американскихъ народовъ преимущественно обратило на себя вниманіе ученыхъ и поэтому Марціусъ сдѣлалъ попытку точнѣе опредѣлить мѣста жительства этого племени и его странствованія. Послѣднія возбуждаютъ тѣмъ большій интересъ, что, благодаря имъ, орды тупи представляются какъ бы вездѣсущими въ тропической Америкѣ, по сю сторону Андовъ. Мы видимъ, что они по какому то необъяснимому инстинкту направились по пути къ Атлантическому океану, вслѣдствіе чего первые португальскіе мореплаватели, открывшіе Южную Америку, большею частью вступали въ сношенія съ тупи; и при этомъ, какъ сказано выше, языкъ ихъ найденъ былъ пригоднымъ для сношеній между самыми разнообразными племенами. Въ виду всего этого, мы невольно приходимъ къ заключенію, что, еслибы прибытіе европейцевъ замедлилось нѣсколькими столѣтіями, то, быть можетъ, тупи сдѣлались бы властелинами этой обширной полосы земли и распространили бы высшую цивилизацію на востокѣ Южной Америки.

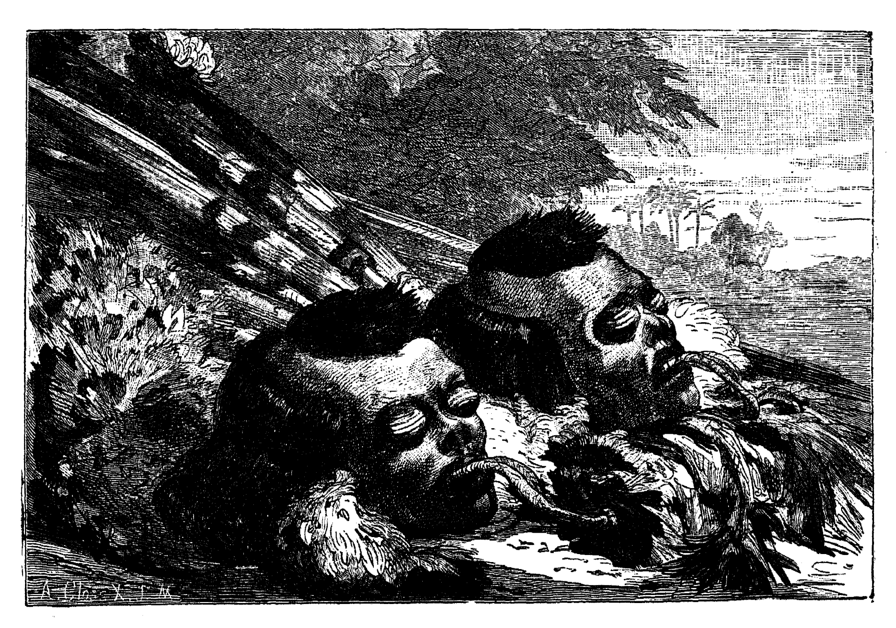
Въ настоящее время эта наиболѣе значительная семья бразильскихъ народовъ дѣлится на южныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и центральныхъ тупи, сообразно ихъ постоянному мѣсту жительства; и всѣ они, въ свою очередь, распадаются на множество болѣе мелкихъ шаекъ.

Южные тупи извѣстны подъ именемъ Гварани, т. е. „воины“, хотя это названіе было впервые введено въ употребленіе іезуитами. Въ настоящее время нельзя опредѣлить съ точностью: пришли-ли они сюда съ с. сѣверо-запада или переселеніе приняло обратное направленіе. Преобладающее большинство этой группы живетъ въ Парагваѣ и Аргентинской провинціи Корріентесѣ, гдѣ они были доведены іезуитами до высшей степени цивилизаціи, до которой едва-ли достигала когда-нибудь другая народность въ Америкѣ, и гдѣ потомки этихъ гварани болѣе или менѣе смѣшанные съ другими расами до сихъ поръ составляютъ массу населенія. По свидѣтельству Келлеръ Леузингера гварани и ихъ отрасль кайова представляютъ поразительное сходство съ жителями Огненной земли, на крайней оконечности Южной Америки. Къ ордамъ южныхъ тупи принадлежатъ: минуано у Лагуна Миримъ и Лагоа досъ-Патосъ; пато, народъ нѣкогда существованій рыболовствомъ, остатки котораго удалились внутрь страны; гвайкананы (гуангана, гунгана̀) занимающіе Кампосъ де-Ваккакахи, пинарѐ (пинарисъ) къ югу отъ истоковъ Уругвая; битуруна (питуруна) къ югу отъ Куритиба; япо или гварапу-ава въ кампосѣ того-же имени; кайова (т. е. лѣсные люди), поселившіеся между Иваги и Паранаганема, и наконецъ гварани въ Парагваѣ.

Восточные тупи, собственно тупинамба, жили преимущественно вдоль береговъ океана, отъ острова Св. Екатерины до устья Амазонской рѣки; но въ настоящее время они почти совершенно исчезли въ смыслѣ самостоятель-

ной и несмѣшанной расы. По ихъ словамъ, они пришли въ прибрежныя страны съ юга и запада. Въ юго-восточныхъ частяхъ провинцій Ріо-Жанейро и Санъ-Паоло расположилась орда тупи, которую живущіе къ сѣверу тупинамба называли тамойосъ, т. е. дѣды, а это служитъ прямымъ указаніемъ, что сѣверныя племена считали себя потомками болѣе южнаго народа.

Сѣверныхъ тупи можно прослѣдить по малочисленнымъ остаткамъ ихъ, разсѣяннымъ въ провинціи Пара, на островѣ Марахо и вдоль обоихъ береговъ Амазонской рѣки до Фуро де Тупинамбарана (т. е. не настоящей земли тупи). Они живутъ вдали отъ населенныхъ центровъ у многочисленныхъ бухтъ Океана и устьевъ рѣкъ и пользуются репутаціей искусныхъ рыболововъ, лодочниковъ и даже моряковъ. Ихъ языкъ составляетъ діалектъ Lingua geral. Въ настоящее время извѣстны только племена якунда и юндіакиу Токантина, которые несомнѣнно принадлежали къ нимъ. У нижняго Хингу



Трофеи индійцевъ мундруку: черепа убитыхъ враговъ.

и въ лѣсахъ между послѣднимъ и Токантиномъ живутъ также небольшія орды, названія которыхъ указываютъ на сродство съ тупи и съ которыми можно объясняться на языкѣ „тупи"; сюда принадлежатъ: кваруара или гвара-уара, т. е. „люди красного Ибиса" и юруна т. е. „черныя лица", что, по свидѣтельству Марціуса, составляетъ собирательное имя индійцевъ, у которыхъ на лицѣ синевато-черное татуированное пятно. Но это скорѣе служитъ доказательствомъ переселенія съ запада, такъ что сомнительно: слѣдуетъ-ли причислять къ тупи эту сильную и миролюбивую породу людей. Равнымъ образомъ на сѣверной сторонѣ Амазанской рѣки и далѣе внутри страны все еще встрѣчаются многочисленныя орды, говорящія на діалектахъ „тупи". Къ племени тупи принадлежатъ также многія индійскія орды, разсѣянныя къ востоку отъ Ріо Негро до Атлантическаго океана, въ странѣ большею частью покрытой первобытными лѣсами и вообще довольно пустынной, а именно ин-

дійцы парикви-парентины или Сетаи и др., которые нѣкогда жили у самой Амазонской рѣки и представляютъ собой сильное и широкоплечее племя. Названіе „парикви" произошло изъ слова „pora-ankys" т. е. „тѣ которые нападаютъ на людей"; парентины изъ слова „pore dentis" т. е. похитители дѣтей, между тѣмъ какъ прозвище Сетаи образовалось изъ „ceta", что означаетъ „много ихъ". Эти орды говорятъ на діалектахъ „тупи" но, даже помимо такого несомнѣннаго признака, ихъ все таки можно было причислить къ тупи, такъ какъ они также бинтуютъ себѣ ноги. Самой дурной репутаціей пользуются парентины (наз. также парентинтинами) хищныя орды, преданныя грабежу и убійствамъ, которыя преимущественно нападаютъ на берега Мадейра выше Крато. Въ ихъ области находятся лѣса наиболѣе богатые каучукомъ, хотя никто не рѣшается добывать его изъ страха къ этимъ людоѣдамъ. Подобную же роль играютъ индійцы арара. Одна изъ этихъ ордъ, а именно оямпи, говорящая языкомъ тупи, во время своего странствованія дошла до Кайенны и поселилась на берегахъ Ояпока, гдѣ съ нею познакомился французскій путешественникъ д-ръ Жюль Крево, въ 1878 году (Globus Bg. XI s 4 ff 49—53). Къ этимъ же сѣвернымъ тупи принадлежатъ несомнѣнно и омагва, называемые испанцами и португальцами кампевасъ (отъ слова cangaapevas, т. е. плоскоголовые), такъ какъ они искуственно сплющиваютъ черепа новорожденнымъ дѣтямъ, съ помощью двухъ дощечекъ, и придаютъ имъ форму митры. Это уродованіе, какъ почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не имѣетъ никакого дурнаго вліянія на умственныя способности, и омагва считаются вообще самыми смышлеными индійцами. Они первые стали изготовлять kahetschu изъ сока ficus и hevaea, т. е. вещество называемое каутчукомъ; изъ этой массы они изготовляли сандаліи, браслеты и грушеобразныя трубки; они равнымъ образомъ превосходно владѣли пращемъ, состоящимъ изъ палки съ раздвоеннымъ концомъ, въ который вдѣвали камень. Омагва, какъ отдѣльная нація, исчезли безслѣдно, подобно тупинамба въ восточной Бразиліи, и не встрѣчаются болѣе въ видѣ замкнутыхъ, самостоятельныхъ общинъ, независимыхъ отъ бѣлыхъ людей.

Центральные тупи представляютъ собою множество свободныхъ ордъ, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ между Токантиномъ и Мадейра и между 5 и 15° шир. Изъ нихъ главной группой можно считать апіака (отъ слова „apiala", т. е. человѣкъ, мужъ, лицо), которые живутъ многолюдными деревнями у Тапахоса и далѣе къ востоку, вблизи своихъ племенныхъ родичей, тапирапе. Между ними разсѣяна незначительная и мало отличная отъ нихъ орда уяпе или оропіа. Что же касается остальныхъ индійцевъ, живущихъ въ этой области, то по языку можно причислить къ „тупи:" кагагиба, митуандуэ (т. е. дѣти), абаба (мужчины), темауа́нга (родственники по женской линіи), похети, а равно и такъ называемые бороро̀ въ Гояцѣ и Матто Гроссо. Къ національности тупи вѣроятно принадлежатъ также мундруку у Тапахоса. Они отличаются атлетическимъ ростомъ, свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, сильной весьма искусной татуировкой и своеобразной смѣсью грубаго варварства при сравнительно значительномъ развитіи промышленности. Они представляютъ собой одно изъ самыхъ многочисленныхъ и воинственныхъ племенъ, у которыхъ въ большомъ ходу обезглавленіе, вслѣдствіе чего сосѣди называютъ ихъ „paiguize" (т. е. головорѣзами). Ихъ деревни состоятъ изъ большихъ крѣпкопостроенныхъ глиняныхъ хижинъ, въ которыхъ они защищаются въ случаѣ вторженія враговъ. Съ своей стороны они ведутъ войну такимъ способомъ, что стараются застать непріятеля врасплохъ и напасть на него съ помощью хитрости. Они срѣзаютъ головы убитымъ и сохраняютъ ихъ какъ побѣдныя трофеи. По сообщенію Плегера, головы эти препарируются слѣдующимъ образомъ: прежде всего вынимаютъ мозгъ черезъ отверстіе пробитое въ затылкѣ и глазныя впадины и покрываютъ всю голову слоемъ глины;

затѣмъ вѣшаютъ ее надъ огнемъ, въ который бросаютъ листья различныхъ растеній, такъ что она медленно коптится. Какъ только голова готова, ее украшаютъ пестрыми перьями, наполняютъ глазныя впадины смолой и втыкаютъ въ нихъ клыки лѣнивца. Воинъ носитъ такую побѣдную трофею у пояса на шнуркѣ, который прикрѣпляется между зубами головы" (Globus, Bd. XX, s. 199). На вышеприведенномъ рисункѣ изображены двѣ подобныя трофеи индійцевъ мундруку, снятыя съ натуры Келлеръ Леузингеромъ. Кто представитъ наибольшее число головъ, тотъ становится вождемъ. Несмотря на свою воинственность, они находятся въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ бѣлыми и обмѣниваютъ на соль, перецъ и желѣзныя издѣлія нѣкоторыя лекарственныя растенія, мѣшки сдѣланныя изъ бумажной ткани и украшенія изъ перьевъ, которыя они изготовляютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Келлеръ Леузингеръ видѣлъ въ Манаосѣ нѣсколькихъ вождей великолѣпно татуированныхъ синевато-черной краской. „Но къ сожалѣнію замѣчаетъ талантливый художникъ эта нѣсколько рѣзкая татуировка лица представляла собой единственный отличительный признакъ ихъ національности, такъ какъ остальная одежда состояла изъ цвѣтной рубахи, черныхъ панталонъ, юбки и высокаго цилиндра". Марціусъ считаетъ соплеменниками мундруковъ ихъ сосѣдей, хорошо сложенныхъ маугé, живущихъ на западномъ берегу Тапайона, гдѣ они мирно занимаются земледѣліемъ. Другія племена смѣшались съ мундруками и живутъ вмѣстѣ съ ними въ мѣстечкахъ, отчасти уже занятыхъ бразильскимъ населеніемъ.

Всѣ западные тупи живутъ въ боливійской области, частью въ перемѣшку съ вышеописанными андезинами или антизанами и вѣроятно переселились сюда въ различныя времена изъ мѣстъ жительства южныхъ тупи или гварани. Западные тупи были единственныя племена этой части Южной Америки, которыя вошли въ соприкосновеніе съ государствомъ инковъ. Одна изъ ихъ ордъ, а именно сиригвано (Xiriguano, Chiriguano) была покорена въ 1430 году послѣ Р. Х. во время владычества инка Юпанкви. Языкъ, которымъ говорятъ сиригване, даже помимо сходства нравовъ, достаточно доказываетъ ихъ племенное сродство съ гварани Парагвая. Они сами называютъ себя абасъ или абаба, т. е. мужчины или люди. Къ числу ихъ родичей принадлежатъ гварайо, жизнь которыхъ представляетъ идиллическую картину добродушнаго веселія и мирной патріархальности нравовъ, не омраченной никакими пороками, свойственными другимъ племенамъ тупи.

Различныя подраздѣленія тупи, не смотря на значительную разницу, которая въ настоящее время проявляется въ степени ихъ культуры, имѣютъ, помимо языка, много другихъ общихъ чертъ, вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право считать ихъ членами одной народной семьи. Между ними нѣтъ чисто охотничьихъ или кочующихъ ордъ, и всѣ они безъ исключенія, даже тѣ, до которыхъ вовсе не прикоснулась цивилизація, какъ напримѣръ, центральные тупи, при всей своей склонности къ скитальческой жизни, должны по необходимости заниматься воздѣлываньемъ питательныхъ и полезныхъ растеній, (мандіоки, маиса, бобовъ, банановъ, земляныхъ орѣховъ, клубневыхъ растеній и хлопка). Они выказываютъ особенную ловкость во всемъ, что касается мореплаванія, такъ что съ незапамятныхъ временъ они не только переплывали рѣки, но и моря въ своихъ челнокахъ искусно выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ. Сѣверные тупи особенно поражаютъ насъ своими способностями къ мореплаванію и не только искусные рыболовы, но и превосходные пловцы. Если такимъ образомъ тупи представляютъ собой племя, сдѣлавшее повидимому наиболѣе успѣховъ въ цивилизаціи, то мы можемъ заранѣе предположить, что они должны были достигнуть такого-же развитія въ общественномъ отношеніи, чтò и было въ дѣйствительности. Ихъ превосходство заключалось не въ изготовленіи оружія, такъ какъ оно состояло изъ длинныхъ, плоскихъ ло-

патообразныхъ алебардъ („макана“, „тамарана“, „итамарана“), сдѣланныхъ изъ краснаго дерева, продолговатыхъ выпукло-вогнутыхъ дубинъ (mori—açoba“ или „atangapêma“) изъ тяжелаго дерева черной пальмы, огромнаго лука („uira-para“) стрѣлы котораго не были намазаны ядомъ, какъ у нѣкоторыхъ амазонскихъ племенъ, но дѣйствовали такъ же смертельно какъ огнестрѣльныя ружья. Сила этого наиболѣе могущественнаго изъ всѣхъ южно-американскихъ племенъ заключалась главнымъ образомъ въ строгомъ повиновеніи военачальникамъ, военныхъ упражненіяхъ, сборѣ провіанта для будущихъ набѣговъ, въ устройствѣ многочисленныхъ мѣстечекъ и укрѣпленіи ихъ свайными сооруженіями. Тупи умѣли соединять свои силы въ случаѣ надобности и поддержать единство съ помощью дисциплины. Они не брали въ плѣнъ непріятелей, но убивали всѣхъ, не разбирая пола, и, говорятъ, съѣдали ихъ тѣла. Нѣкоторые оспариваютъ людоѣдство тупи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, но что оно было въ ходу въ прежнія времена, то мы имѣемъ въ подтвержденіе этого много неоспоримыхъ доказательствъ. Равнымъ образомъ извѣстно, что народы, преданные людоѣдству, ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ къ самымъ дикимъ и не культурнымъ; и, что напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, они даже стоятъ на болѣе высокой степени образованности, нежели ихъ сосѣди, никогда не вкушавшіе человѣческаго мяса. По этому поводу считаемъ не лишнимъ поколебать другое не менѣе распространенное убѣжденіе, а именно, что дикій или первобытный человѣкъ свободенъ отъ пороковъ связанныхъ съ половыми отношеніями. „Многіе, видя, что древніе римляне, извѣстные своей чистотой нравовъ, снизошли во времена имперіи до противоестественныхъ наслажденій, выводятъ заключеніе, что подобная перемѣна служитъ признакомъ упадка націи. Но тотъ, — кто познакомился хотя до нѣкоторой степени съ описаніями испанскихъ путешественниковъ, — знаетъ насколько можно довѣрять райской невинности, которую приписывали въ былыя времена дикарямъ новооткрытыхъ странъ. Изъ этихъ описаній видно, что у многихъ американскихъ племенъ существовали такіе утонченные пороки, которыхъ не знали сами римляне даже въ ту пору, когда Тиверій жилъ на островѣ Капри и даже византійцы во времена Ѳеодоры супруги императора Юстиніана“, (Peschel im Ausland 1867, s. 107). Тупи обыкновенно хоронятъ своихъ мертвецовъ просто въ землѣ или въ глиняныхъ сосудахъ, въ сидячемъ или скорченномъ положеніи, съ поджатыми ногами и руками скрещенными на груди или приложенными къ щекамъ; при этомъ они не дѣлаютъ надъ ними земляныхъ насыпей и не имѣютъ общаго мѣста погребенія.

Вѣроятно, не менѣе близкое родство съ тупи представляютъ шайки дикихъ индійцевъ, съ которыми до сихъ поръ не удалось завязать никакихъ сношеній, вслѣдствіе чего трудно причислить ихъ къ какой-либо таблицѣ племенъ. Они извѣстны подъ португальскимъ названіемъ „каноэйросовъ“, рѣчныхъ пиратовъ и являются большею частью въ сопровожденіи собакъ европейскаго происхожденія, представляющихъ помѣсь меделянской собаки и англійскаго дога, которыхъ иногда молодыя индіянки вскармливаютъ грудью. Эти индійцы съ давнихъ поръ составляли предметъ ужаса путешествующихъ торговцевъ; но до сихъ поръ всякія попытки вступить съ ними въ мирныя сношенія остались безуспѣшными, вслѣдствіе ихъ дикости и хищничества. Хотя дикари вообще склонны къ хитрости и коварству, но въ этомъ отношеніи они всего опаснѣе. Небольшія партіи путешественниковъ и уединенные малолюдные дома особенно

часто подвергаются нападеніямъ каноэйросовъ. Пристрастіе къ мясной пищѣ побуждаетъ ихъ къ кражѣ всякаго рода скота, между тѣмъ какъ грабежи и убійства составляютъ ихъ лозунгъ при встрѣчѣ съ бѣлыми. Они появляются и исчезаютъ съ такой быстротой, что ихъ родина и мѣстопребываніе до сихъ поръ не извѣстны въ точности. Марціусъ причисляетъ этихъ индійцевъ къ остаткамъ ордъ тупи, въ виду ихъ склонности къ мореплаванію, пиратскихъ набѣговъ и храбрости; съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласенъ и Кастельнау, который, на основаніи показаній туземцевъ Борро, равнымъ образомъ, видитъ въ нихъ отрасль тупи. Другіе ученые обозначаютъ именемъ каноэйросовъ общины, одинаковыя только по образу жизни. такъ что подъ этимъ названіемъ нерѣдко подразумѣваютъ народныя массы, состоящія изъ самыхъ разнообразныхъ ордъ и элементовъ. По мнѣнію Ваппеуса, бо́льшая часть каноэйро́совъ несомнѣнно принадлежитъ къ племени гесъ, особенно живущіе въ провинціи Гояцъ, занятой шавантами, которыхъ ошибочно отождествляютъ съ ними.

Между восточными и центральными тупи живутъ многочисленныя сродныя между собою группы народовъ, всего болѣе сосредоточенныя въ провинціи Гояцъ. Племена гесъ вѣроятно состоятъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ индійцевъ, которыхъ восточные тупи преимущественно называли tapuja (т. е. „западные“ или, сообразно позднѣйшему объясненію этого слова, „враги“); первоначально они были распространены до восточнаго берега, откуда были вытѣснены сначала ордами тупи, а впослѣдствіи португальцами. Въ былыя времена „tapuja“ изъ Матуры служили предметомъ оживленныхъ толковъ и споровъ между учеными, такъ какъ между ними будто бы дѣйствительно встрѣчались „люди съ хвостами“. Ихъ считали тогда (сто лѣтъ тому назадъ), продуктомъ скрещиванья индіянокъ „tapuja“ съ однимъ видомъ обезьянъ коата (ateles ruber), отъ которыхъ будто бы образовалось особое племя, называемое угина. Само собою разумѣется, что естествоиспытатели давно перестали отыскивать этихъ „хвостатыхъ“ людей. Достойно замѣчанія, что у индійцевъ гесъ встрѣчаются самые красивые, сильные и стройные субъекты изъ всѣхъ бразильскихъ туземцевъ; при этомъ они оказываются весьма способными и искусными въ механическихъ работахъ. Между племенами гесъ господствуетъ постоянная вражда въ противоположность другимъ сроднымъ по языку племенамъ Южной Америки, которые обыкновенно находятся другъ съ другомъ въ мирныхъ отношеніяхъ. Равнымъ образомъ до сихъ поръ не удалось пріучить ихъ къ осѣдлой жизни, такъ какъ они охотнѣе переходятъ съ мѣста на мѣсто, гоняясь за дичью. или преслѣдуя рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ. Въ случаѣ неудачи въ охотѣ или рыбной ловлѣ они довольствуются растительной пищей и особенно любятъ плоды пальмы assai, мясистыя зерна которой также служатъ имъ для изготовленія охмѣляющаго напитка. Они пре-

восходные стрѣлки и на охотѣ не употребляютъ другаго оружія кромѣ лука и стрѣлъ; даже рыбъ они убиваютъ только этимъ способомъ. Равнымъ образомъ, какъ мужчины, такъ и женщины отлично плаваютъ, но въ мореходствѣ далеко уступаютъ тупи. Ихъ челноки небольшихъ размѣровъ и они бо̀льшею частью переплываютъ рѣки на плотахъ, сдѣланныхъ изъ легкаго дерева или стеблей пальмовыхъ листьевъ, которые они искусно связываютъ льянами. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гесы составляютъ совершенную противоположность съ многими ордами тупи; такъ напримѣръ, они не ѣдятъ человѣческаго мяса и имѣютъ привычку спать на землѣ или подставкахъ („girào"), между тѣмъ какъ тупи считаютъ это постыднымъ для себя и спятъ только въ гамакахъ. Въ матеріальномъ отношеніи гесы стоятъ на самой низкой степени цивилизаціи, сравнительно съ другими бразильскими индійцами; но при этомъ отличаются чистотой семейныхъ нравовъ.

Между различными ордами гесъ, живущими въ сѣверномъ Гояцѣ встрѣчается одно племя, которое прямо называетъ себя гесъ или кранъ. Болѣе сѣверные представители этой народности обозначаютъ свои кланы прибавкой къ „гесъ" слова кранъ (выгов. крангъ), что означаетъ „вождь" или вѣрнѣе „сынъ", по примѣру арабскихъ племенъ, которые называютъ себя „сынами" (beni) главы своего племени. Поэтому краны вѣроятно представляютъ собо̀ю орды отдѣлившіяся отъ южныхъ гесовъ въ болѣе позднее время. Въ настоящее время къ этой группѣ народовъ нужно причислить бо̀льшую часть ордъ провинціи Гояцъ, не принадлежащихъ къ тупи, а именно каяпо (coyapo cuchipos) на юговостокѣ, у сѣвернаго Арагвая и его притоковъ, также у Пиквири и въ равнинѣ Паранагиба. Каяпо послѣ открытія Америки удалились далѣе вглубь страны, гдѣ они сдѣлались наѣздническимъ народомъ, что слѣдуетъ отчасти приписать прирученію дикихъ лошадей. По свидѣтельству д-ра Купфера каяпо представляютъ собой здоровое, хорошо упитанное племя; ростъ мужчинъ немного больше средняго—1, 67 м.; тѣло ихъ отличается округленными пропорціональными формами и особенно сильно выдающеюся грудью. Кожа ихъ свѣтлаго, мѣднокраснаго цвѣта, мягка на ощупь, волосы черные, взъерошенные и низко ростущіе на маленькомъ, узкомъ лбу, который имѣетъ не болѣе двухъ пальцевъ ширины до корней волосъ. Глаза ихъ съ косымъ разрѣзомъ и приподнятыми внѣшними углами, что, въ связи съ выдающимися скулами и рѣдкой бородой, придаетъ имъ сходство съ монгольскимъ типомъ. Нѣкоторые субъекты имѣютъ одичалый и тупой видъ; другіе отличаются лукавымъ или добродушнымъ выраженіемъ лица. Они красятъ себѣ тѣло и лицо въ черный и красный цвѣтъ; у нѣкоторыхъ проколота нижняя губа, такъ какъ это даетъ имъ возможность подражать рѣзкому свисту тапира. Пальцы ногъ коротки и толсты; большой палецъ короче втораго, почему ихъ красивая округленная нога имѣетъ неуклюжій видъ. Женщины также хорошо упитаны; ростъ ихъ большею частью доходитъ до 1, 52 м. высоты; въ молодости у нихъ малозамѣтныя твердыя груди, слегка заостренныя и какъ бы расходящіяся въ обѣ стороны, но у болѣе зрѣлыхъ женщинъ онѣ довольно красивы и достигаютъ извѣстной полноты. Бразильское правительство посылаетъ къ индійцамъ Каяпо особыхъ начальниковъ по своему выбору, такъ называемыхъ „капіонъ", которые пользуются весьма ограниченной властью, такъ какъ въ этомъ отношеніи кацики всегда имѣютъ надъ ними преимущество. Каяпо ничего не имѣютъ кромѣ своихъ жалкихъ глинянныхъ хижинъ, лишенныхъ вся-

кой домашней и кухонной утвари, жалкаго оружія и нѣсколькихъ циновокъ. Добываніе и обработка металловъ имъ совершенно неизвѣстны. Оружіемъ служатъ дубины и лукъ, которые большею частью дѣлаются изъ твердаго тяжелаго дерева, и затѣмъ стрѣлы изъ твердой, какъ камень, бамбуковой коры. Украшенія, (собственно у женщинъ) состоятъ изъ пестрыхъ плодовыхъ зеренъ или звѣриныхъ зубовъ, нанизанныхъ въ видѣ цѣпочекъ. Ихъ искусство ограничивается плетеніемъ циновокъ и шляпъ довольно грубой работы. Каяпо воздѣлываютъ бананы, бататы, также сахарный тростникъ и мандіоку. Изъ домашнихъ животныхъ они держатъ множество куръ и худощавыхъ собакъ. Каяпо обращены въ христіанство; и, хотя ихъ религіозныя понятія крайне слабы, но на ихъ языкѣ есть особыя слова для обозначенія бога, неба, а также злыхъ лѣсныхъ духовъ, которымъ они не приносятъ жертвъ (Zeitsch. d. Gesselsch. f. Erdk. zu Berlin. 1870, s. 244—254).

Въ былыя времена особенно славились своею жестокостью и людоѣдствомъ шаванты (chavantes или xavantes), рослое, сильное и некрасивое племя, живущее въ центрѣ провинціи Гояцъ, сѣверные представители котораго приняли христіанство. Они распространились на востокѣ до Піауги и Мараньона и преимущественно на правомъ берегу Токантина, гдѣ образуютъ собою племя шерентовъ, которое нѣкогда также дѣлилось на множество маленькихъ ордъ, но въ настоящее время почти совершенно истреблено.

Карàха или карахаки близъ Арагвая совмѣстно съ шамбіоа или шимбіоа (ximbioas) представляютъ собою отдѣльную и весьма малочисленную группу, не принадлежащую ни къ тупи, ни къ племени гесъ. Они небольшаго роста и невзрачной наружности, но въ высшей степени искусны въ изготовленіи глиняннаго издѣлій, красивыхъ украшеній изъ перьевъ и превосходныхъ гамаковъ.

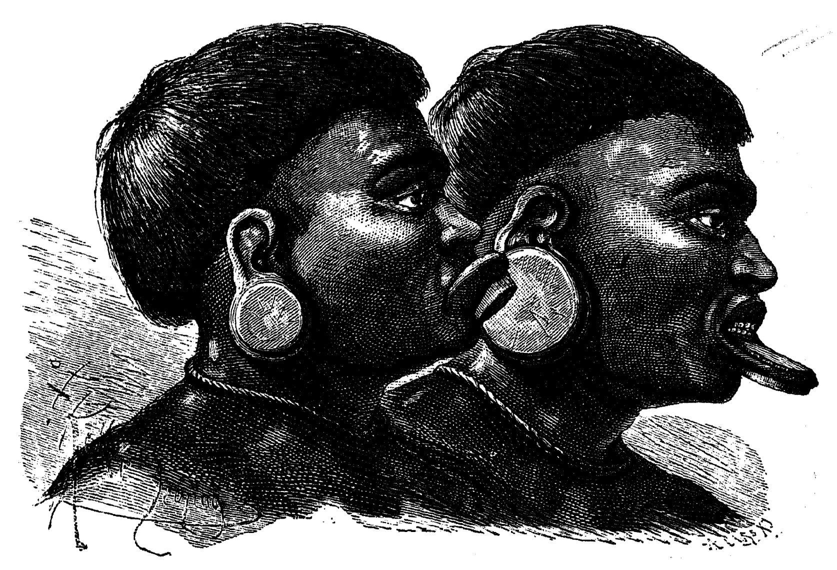
Въ южныхъ провинціяхъ встрѣчаются въ незначительномъ числѣ гоятаки, которыхъ до сихъ поръ обозначаютъ иногда общеупотребительнымъ презвищемъ бугресъ. Они стоятъ на довольно низкой степени развитія; и съ давнихъ поръ водворены въ поселеніяхъ „aldeas", гдѣ смѣшались съ тупи и утратили свой природный языкъ. Остатки этой семьи уцѣлѣли въ видѣ отдѣльныхъ ордъ, между которыми наиболѣе извѣстны коропо (cropos, carpos, coropoques) въ лѣсахъРіо да Помба. Любопытные скелеты этихъ коропо найдены въ такъ называемой вавилонской пещерѣ; но всѣ они женскіе или дѣтскіе. Скелетъ одного восьмилѣтняго ребенка былъ завязанъ въ толстую правильно сплетенную веревочную рогожу, которая представляла полное подобіе съ тѣми плетеными тканями, въ какія завернуты перувіанскія мумiи. Отсюда слѣдуетъ (что впрочемъ подтверждается и многими другими фактами), что особенности южно-американскихъ народностей не рѣзко разграничены между собой и охватываютъ несравненно бòльшую область, нежели ту, которую предполагали до сихъ поръ. Самый черепъ несомнѣнно гипсибрахикефальный, такъ какъ его указатель ширины 81,2 и указатель высоты 81,9; и въ то же время онъ представляетъ признаки крайняго прогнатизма, что обусловливается поразительной величиной рѣзцовъ. По своей формѣ онъ всего болѣе подходитъ къ черепамъ старыхъ

раковинныхъ накопленій („sambaqui") атлантическаго берега Бразиліи. Емкость его по измѣреніямъ Вирхова доходитъ до 1215 куб. сант. (Verhandl d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1875 S. 160—180).

Марціусъ въ виду племеннаго сродства различныхъ ордъ, кочующихъ между рѣками Парагиба и Ріо де Контосъ обозначаетъ ихъ общимъ именемъ креновъ или гвереновъ, такъ какъ слабѣйшія шайки обыкновенно называютъ главный народъ ботокудовъ (живущихъ въ прибрежныхъ бразильскихъ горахъ, между 15—20° с. ш. въ Минасъ Гераесъ у Мукури) кренами, кранами, гверенгами, керэнами, что на ботокудскомъ языкѣ означаетъ то же, что и „кранъ" у ордъ гесъ, а именно—„вожди".

Марціусъ называетъ ботокудовъ именемъ аймуресъ или айморесъ, впервые принятымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и которое вѣроятно заимствовано отъ тупи. По словамъ принца Максимиліана Нейвида, составившаго классическое описаніе этого племени (см. его книгу: Reise nach Brasilien in den jahren 1815 до 1817. Wien 1825 Bd. II. 64 — 73), ботокуды называютъ себя „энгерекмунгъ", что въ буквальномъ переводѣ означаетъ „мы старики дальновидные"; тоже подтверждаетъ и Чуди, который посѣтилъ ихъ въ шестидесятыхъ годахъ и долго прожилъ между ними. Названіе ботокуды происходитъ изъ португальскаго слова botoque (втулка или затычка), и вѣроятно было дано имъ вслѣдствіе того, что энгерекмунги носятъ деревянный кружокъ (въ 10 сант. діаметра) въ прорѣзанной нижней губѣ и въ разстянутыхъ ушныхъ мочкахъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка. Ботокуды имѣютъ за собой то печальное преимущество, что между бразильскими дикарями они стоятъ на самой низкой степени цивилизаціи. Однако, несмотря на слабое умственное развитіе, людоѣдство представляетъ у нихъ исключительное явленіе и встрѣчается крайне рѣдко. Они настолько славились въ былыя времена своей жестокостью и кровожадностью, что противъ нихъ предпринята была формальная война для ихъ уничтоженія; и даже съ этой цѣлью меду ними втайнѣ распространяли оспенный ядъ. Ихъ убогія жилища до послѣдняго времени состояли изъ первобытныхъ хижинъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей; но теперь въ этомъ отношеніи замѣтно нѣкоторое улучшеніе, такъ какъ, благодаря сношеніямъ съ бразильцами, у нихъ явились топоры. Равнымъ образомъ они немного тратятъ труда на земледѣліе. Пальмовая капуста, дикій медъ и коренья составляютъ ихъ главную пищу, а также изрѣдка маисъ, бобы и тыквы. Женщины завѣдуютъ несложной кухней: жарятъ дичину воткнутою на пики; коренья пекутъ въ золѣ, тыквы въ землѣ, а остальную растительную пищу варятъ въ плохо обожженныхъ горшкахъ или въ обрубкахъ исполинскаго тростника. Они совсѣмъ не носятъ одежды. Оружіемъ служатъ дубины и лукъ необыкновенной длины и прочности, которые изготовляются изъ одного вида кустарника (замѣчательнаго по своей шелковистой корѣ) и затѣмъ стрѣлъ безъ яда. Для защиты отъ поврежденій при отскакиваніи тетивы они обматываютъ лѣвую руку шнуркомъ; и въ этомъ отличаются отъ другихъ племенъ, которыя никогда не прибѣгаютъ къ подобной предосторожности. Ботокуды употребляютъ шлифованныя, но не пробуравленныя каменныя орудія; у нихъ распространена полигамія или вѣрнѣе сказать общность женъ, такъ какъ женщины переходятъ отъ однихъ къ другимъ. Поэтому супружеская вѣрность составляетъ исключеніе; и преимущественно господствуетъ ревность относительно жены выбранной въ данной моментъ и чувство это нерѣдко выражается въ самомъ варварскомъ наказаніи женщины или даже убійствѣ. Замѣчательно, что при этихъ условіяхъ браки, если можно употребить здѣсь это слово, весьма пло-

довиты; и кромѣ того на языкѣ ботокудовъ есть слово для выраженія понятія о стыдливости. Само собою разумѣется, что пѣсни, которыя они поютъ на своихъ пирушкахъ, крайне грубы. Отдѣльныя общины состоятъ изъ 10 — 60 мужчинъ способныхъ носить оружіе и ихъ семействъ. Они не имѣютъ постостоянныхъ мѣстъ жительства; опредѣляется только область охоты по уговору или нѣмому соглашенію между отдѣльными шайками. Въ случаѣ захвата чужой земли, виновныхъ наказываютъ побоями въ видѣ самой первобытной формы поединка. Каждая шайка заботится о средствахъ сообщенія въ своей области и устраиваетъ висячіе мосты изъ вьющихся растеній. Предводитель ордъ пользуется ограниченной властью; достоинство его не наслѣдственное и его вліяніе недостаточно для прекращенія раздоровъ въ общинѣ, причиной которыхъ большею частью бываютъ женщины. Наружность ботокудовъ больше всего обезображена упомянутыми кружками дерева въ губахъ, вслѣдствіе чего ротъ



Ботокуды изъ Ріо Доче.

ихъ постоянно раскрытъ и происходитъ постоянное выдѣленіе слюны, а также обстриженными въ кружокъ волосами и отвратительнымъ раскрашиваніемъ лица. Къ счастью молодое поколѣніе отвыкаетъ отъ упомянутаго дурнаго обычая, и перестаетъ носить деревяшки въ губахъ и ушахъ. Ботокуды могутъ безъ труда вынимать ихъ и опять вкладывать въ губы. Во время ѣды они обыкновенно вынимаютъ изъ губъ деревянные кружки, хотя они нисколько не мѣшаютъ процессу жеванія. Когда они дома и заняты обыденнымъ дѣломъ, то равнымъ образомъ, не считаютъ нужнымъ одѣвать на себя это украшеніе. Женщины преимущественно носятъ деревяшки въ губахъ („betos“); мужчины— въ ушахъ („betô apôc“). Преобладающій цвѣтъ кожи грязно-коричневый, иногда свѣтлѣе, иногда темнѣе. Но вообще тѣлосложеніе ботокудовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать уродливымъ, а, по свидѣтельству принца Нейвида, оно даже лучше и красивѣе, чѣмъ у остальныхъ восточныхъ бразильцевъ. I. I. Чуди считаетъ вообще ботокудовъ сильнымъ племенемъ; они средняго роста,

а нѣкоторыхъ субъектовъ можно даже назвать высокими. Такъ, напр., ростъ многихъ изъ нихъ, по измѣреніямъ Чуди, доходилъ до 1745—1770 мм. Верхняя часть туловища сильно развита и мускулиста; животъ у женщинъ бо̀льшею частью великъ и безобразенъ. У обоихъ половъ стройныя оконечности; руки и ноги почти непропорціонально малы и изящны. Волосы цвѣта вороньяго крыла, гладкіе и плотно прилегающіе къ головѣ. Ихъ нерѣдко выбриваютъ на затылкѣ и на три пальца надъ ушами заостренными обрѣзками бамбуковаго тростника. Лобъ у всѣхъ очень низкій; скулы сильно развиты и выдаются впередъ; глаза живые, всегда косо лежащіе и скорѣе маленькіе нежели большіе. Носъ то приплюснутый, какъ у калмыковъ, то прямой или слегка загнутый, но всегда съ нѣсколько расширенными крыльями. Ротъ вообще большой съ болѣе или менѣе вздутыми губами. Но при этомъ строеніе лица настолько различно, что Чуди считаетъ единственнымъ типичнымъ признакомъ косолежащіе глаза. Вирховъ дѣлалъ измѣренія ботокудскихъ череповъ въ Стокгольмскомъ музеѣ, а впослѣдствіи еще четырехъ череповъ изъ ботокудскаго племени потонъ или потѐ и вычислилъ, что ихъ средній указатель ширины доходитъ до 75, указатель высоты до 76, а поперечно-вертикальный указатель до 100. Слѣдовательно здѣсь мы видимъ долихокефальный черепъ, сравнительно увеличенный въ высоту. „Черепа эти были снабжены весьма сильными и большими мышцами, а именно, въ нихъ замѣтно чрезвычайное развитіе мускуловъ двигающихъ нижнія челюсти, а также увеличеніе поверхностей прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ, которыя далеко заходятъ за височную область. Къ этому нужно прибавить большое длинное лицо съ низкими впадинами глазъ, сравнительно узкимъ носомъ, умѣренно выпяченными рѣзцами, совершенно прямыми зубами, сильно выступающимъ трехъугольнымъ подбородкомъ и, что всего поразительнѣе, съ наклонной и крайне широкой восходящей вѣтвью нижей челюсти, которая указываетъ на сильное развитіе жевательнаго аппарата. Не менѣе развиты крыловидные отростки, которые достигаютъ необычайныхъ размѣровъ". Равнымъ образомъ весьма замѣчательно, что кость инка, которая также находится въ близкомъ соотношеніи съ жевательнымъ аппаратомъ даже у юношескихъ череповъ постоянно снабжена на заднемъ краѣ лобнаго отростка чрезвычайно развитымъ бугромъ, который Вирховъ называетъ „височнымъ бугромъ челюсти" (Tuberositas temporalis ossis malaris). При этомъ выяснилось, что даже здѣсь у народа живущаго при самыхъ простыхъ и совершенно одинаковыхъ условіяхъ встрѣчаются большія индивидуальныя различія. Емкость измѣренныхъ череповъ колеблется между 1230—1330 куб. сант. и достигаетъ 1525 куб. сант. у стокгольмскихъ бо̀токудовъ. Вирховъ обратилъ также вниманіе на особенности двухъ ботокудскихъ скелетовъ берлинскаго анатомическаго музея, у которыхъ первый поясничный позвонокъ представляетъ суставную впадину, къ которой прикрѣплено маленькое ребро. Впрочемъ извѣстны и другіе подобные случаи, какъ напр. тринадцать реберъ и съ обѣихъ сторонъ, хотя подобный примѣръ ясно выраженной звѣрообразности принадлежитъ къ числу крайне рѣдкихъ случаевъ (Verhdl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1875, s. 161 — 164). По изслѣдованіямъ д-ра Ласерда и Родригеца Пейхота, ботокуды изъ всѣхъ другихъ бразильскихъ индійцевъ наиболѣе приближаются къ первобытному населенію страны, насколько можно судить о послѣднемъ по старымъ могильнымъ находкамъ (Rev. d'Antrop. 1878, s. 157). Марціусъ съ похвалой отзывается объ ихъ характерѣ; равно и другіе путешественники называютъ ихъ привѣтливыми, храбрыми, безкорыстными, умѣренными и благодарными. Съ тѣхъ поръ какъ съ ними стали обращаться болѣе дружественнымъ способомъ, удалось нѣкоторыхъ изъ нихъ пріучить къ осѣдлой жизни и земледѣлію. Тѣмъ не менѣе Чуди считаетъ ихъ жалкими лѣнивыми дикарями, а по словамъ Пешеля они больше всего подходятъ къ первобытному состоянію. Такъ, напримѣръ, этотъ ученый считаетъ

высшимъ проявленіемъ умственнаго развитія ботокудовъ тотъ фактъ, что одна изъ ихъ ордъ наненукъ, какъ видно изъ разсказа Чуди, въ теченіи трехъ лѣтъ неизмѣнно являлась каждое 6 сентября въ одно бразильское селеніе на ежегодную пирушку, обѣщанную ей по договору; изъ чего можно заключить, что у нихъ несомнѣнно существуетъ какое-нибудь счисленіе времени (I. I. v. Tschudi, Reisen durch Südamerika. Leipzig 1866. Bd. II s. 285). Тотъ-же путешественникъ сообщаетъ объ одномъ талантливомъ ботокудскомъ мальчикѣ, который, благодаря заботливому воспитанію, могъ поступить на одинъ изъ медицинскихъ факультетовъ въ Бразиліи и даже получилъ дипломъ. Затѣмъ онъ внезапно исчезъ и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ найденъ въ одной ботокудской ордѣ въ первобытномъ состояніи дикости. Всѣ ботокуды говорятъ однимъ языкомъ, который отличается обиліемъ носовыхъ звуковъ и отсутствіемъ гортанныхъ; но діалектическія различія весьма значительны, не только между отдѣльными племенами, но и ордами одного и того-же племени; Марціусъ наблюдалъ такія различія даже въ отдѣльныхъ семействахъ. Мѣсяцъ пользуется у нихъ поклоненіемъ, какъ творецъ міра. Ботокуды повидимому обречены на неизбѣжную гибель.

По мнѣнію Марціуса къ кранамъ безусловно принадлежатъ короадо (т. е. стриженные, плѣшивые) и сродные съ ними пури, съ которыми только въ послѣднее время начинались сношенія. Нѣкоторыя изъ племенъ короадо живущія у нижняго Парагиба и къ сѣверу отъ этой рѣки доведены до извѣстной степени культуры. Оба племени вскорѣ послѣ своего распаденія сдѣлались отдѣльными народами, вслѣдствіе чего явилась разница въ языкѣ и нравахъ; а въ настоящее время короадо находятся въ такой враждѣ съ пури, что если имъ удастся добыть тѣло послѣднихъ, то они дѣлятъ его между всѣми участниками попойки „vintassa“ или „viru“ (маисовый напитокъ), и эти по очереди обгладываютъ кости.

Выступающія скуловыя дуги придаютъ ихъ лицамъ сходство съ монгольскимъ типомъ, хотя у нихъ нѣтъ косо-лежащихъ глазъ. Но повидимому и этотъ призракъ монгольской расы существуетъ у нихъ до нѣкоторой степени, судя по слѣдующему описанію одной шайки короадо, встрѣченной Оскаромъ Конштаттомъ. По его словамъ „тусклый, грязный желтосѣроватый цвѣтъ кожи, низкій лобъ, длинные синевато-черные прямые волосы, выступающія скулы, отсутствіе рѣсницъ на нижнихъ вѣкахъ, и пугливый взглядъ маленькихъ, немного косо прорѣзанныхъ глазъ придаютъ отталкивающій видъ всякому отдѣльно взятому субъекту“ (Brasilien, s. 87). Въ былыя времена короадо причислялись къ людоѣдамъ, но съ 1800 года, когда миссіонеры впервые сдѣлали попытку сблизить ихъ съ бѣлыми, часть этого племени, живущаго у нижняго Парагиба и къ сѣверу отъ этой рѣки сдѣлалась осѣдлой. Принцъ Максъ Нейвидъ посѣтилъ ихъ въ то время, когда они только что начинали отрѣшаться отъ своихъ дикихъ грубыхъ нравовъ, обычаевъ и понятій. По словамъ этого изслѣдователя они отличались оригинальностью, темнокоричневой кожей, очень рѣзкими чертами лица и черными волосами. „Ихъ дома хороши и просторны, выстроены изъ дерева и глины, съ крышами изъ пальмовыхъ листьевъ и тростника, какъ у португальцевъ. Въ нихъ висятъ сѣтчатые гамаки; въ углу поставлены лукъ и стрѣлы, прислоненные къ стѣнѣ; вся остальная весьма несложная утварь состоитъ изъ самодѣльныхъ горшковъ, блюдъ или чашъ („cuias“) изъ тыквъ и тыквеннаго дерева (Crescentia cujete, L.), корзинъ изъ пальмовыхъ листьевъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей. Одежду составляютъ бѣлыя рубахи и панталоны изъ бумажной матеріи; но воскресеньямъ они лучше одѣты; и тогда ихъ трудно отличить отъ португальцевъ бѣднѣйшаго класса, кромѣ того, что мужчины ходятъ съ непокрытой головой и босые. Женщины одѣваются щеголеватѣе, иногда носятъ вуаль и охотно наряжаются. Всѣ короадо знаютъ португальскій языкъ, но между собою обыкновенно говорятъ на своемъ природ-

номъ діалектѣ. Языки короадо и коропо очень сходны между собой, и оба племени большею частью знакомы съ языкомъ пури" (Neuvied, Reise nach Brasilen, Bd. I, s. 107 — 108). Въ домѣ всегда живетъ одна семья. Женщины рожаютъ дѣтей въ лѣсу и сами отдѣляютъ пуповину рукой или зубами. Затѣмъ „paje" (волшебникъ) окуриваетъ мать и ребенка табакомъ. Въ былыя времена короадо хоронили своихъ вождей въ длинныхъ глиняныхъ сосудахъ, называемыхъ „camucis" и въ сидячемъ положеніи и каждое утро купались передъ разсвѣтомъ; но теперь они бросили всѣ эти обычаи. Равнымъ образомъ принцъ Нейвидъ описываетъ далеко не лестнымъ образомъ индійцевъ пури, которые считаются самыми малорослыми изъ всѣхъ племенъ восточнаго берега (Reise nach Brasilien, Bd. I, 111 — 121).

Гвато или вуато представляютъ собой самое красивое изъ всѣхъ индійскихъ племенъ Бразиліи; но ихъ нельзя съ увѣренностью причислить ни къ одной группѣ южно-американскихъ народовъ и языковъ. Они встрѣчаются довольно часто во многихъ мѣстностяхъ провинціи Матто Гроссо, равно у Ріо Парагвая и по близости большихъ озеръ соединенныхъ съ этой рѣкой. По своей наружности гвато очень мало отличаются отъ кавказской расы, и мужчины имѣютъ довольно большіе бороды. Женщины никогда не стригутъ своихъ длинныхъ волосъ и носятъ ихъ распущенными по плечамъ; мужчины наоборотъ связываютъ ихъ въ пучокъ и иногда надѣваютъ соломенныя шляпы. Они ходятъ совершенно нагіе; и даже не носятъ передника, но охотно украшаютъ себя ожерельями изъ крокодиловыхъ зубовъ и другими вещами, а также втыкаютъ деревянные колышки въ нижнюю губу и маленькіе пучки перьевъ въ ушныя мочки. Гвато проводятъ большую часть жизни въ своихъ челнокахъ или „пирогахъ", въ которые они садятся съ женой и дѣтьми какъ только наступаетъ половодье и не сходятъ на землю въ продолженіи цѣлыхъ недѣль. Они живутъ отдѣльными семьями и чувствуютъ такое пристрастіе къ водѣ, что даже для постройки своихъ жилищъ преимущественно выбираютъ безплодныя низменности и болота. Весь ихъ домашній скарбъ состоитъ изъ нѣсколькихъ звѣриныхъ шкуръ добытыхъ на охотѣ, которая составляетъ ихъ любимое занятіе. Они употребляютъ на охотѣ лукъ и стрѣлы необычайной величины, которыми легко справляются при своей силѣ и ловкости; они также превосходно владѣютъ пикой въ 4 метра длины и смѣло нападаютъ съ нею на тигра. Въ хижинѣ рѣдко можно встрѣтить больше одной семьи, и въ ней никогда не бываетъ больше одного мужчины. Число женщинъ наоборотъ доходитъ иногда до двѣнадцати; и какъ только выростаетъ мальчикъ, то отдѣляется отъ семьи и устраиваетъ собственное хозяйство. Мужчины обыкновенно собираются только дважды въ году въ опредѣленное время и въ теченіи двухъ дней ведутъ переговоры о дѣлахъ своего племени; для этого обыкновенно выбираются мѣста освященныя религіознымъ культомъ. Сравнительно высокое умственное развитіе гвато представляетъ странный контрастъ съ ихъ первобытнымъ образомъ жизни. Языкъ ихъ также отличается мягкостью и благозвучіемъ,

особенно въ устахъ женщинъ, которыя не лишены нѣкоторой красоты, несмотря на свой жалкій видъ. Гвато имѣютъ болѣе развитую систему исчисленія, нежели остальные бразильскіе индійцы. Они признаютъ высшее божественное существо и вѣрятъ, что души тѣхъ, которые хорошо вели себя на землѣ, будутъ существовать и послѣ смерти, между тѣмъ какъ души злыхъ людей обречены на полное уничтоженіе. Эти своебразные жители Парагвайскихъ рѣкъ, возбуждаютъ въ насъ невольный интересъ своими кроткими нравами и дѣтскимъ любопытствомъ. Нерѣдко подплываютъ они къ европейскимъ судамъ на своихъ быстрыхъ челнокахъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, въ качествѣ лоцмановъ или гребцовъ, или же, осаждаютъ путешественниковъ различными просьбами. При этомъ, несмотря на плохое знаніе португальскаго языка, они умѣютъ выражаться не только краснорѣчиво, но и убѣдительно.

Далѣе къ сѣверу у водораздѣла между рѣками Амазонской и Лаплатой или, выражаясь точнѣе, между Мадейрой и Тапахоцомъ съ одной стороны и Парагваемъ съ другой живутъ парехи или паречисы (paricis), правильнѣе парази, т. е. люди нагорной земли, нагорныхъ странъ. Они живутъ у внутреннихъ озеръ и въ области рѣкъ развивающихся въ болота густыми зарослями тростника и непроходимыми лѣсами и обречены на земледѣліе и рыбную ловлю. Они вообще невоинственнаго характера. Тѣми же миролюбивыми свойствами и способностью къ развитію отличаются не только осѣдлые индійцы разсѣянные около водъ, но и ихъ соплеменники живущіе далѣе вглубь материка. Благодаря этому они были безъ труда порабощены бѣлыми, и настолько ассимилировались ими, что большая часть прежнихъ племенъ въ настоящее время встрѣчается только въ видѣ жалкихъ остатковъ; другіе исчезли безслѣдно.

Считаемъ не лишнимъ перечислить здѣсь немногія уцѣлѣвшія племена этого народа; собственно парехи въ сіеррѣ и кампосѣ того-же имени; гвачіѐ или гвахи встрѣчаются около Миранда въ видѣ малочисленныхъ остатковъ и замѣтно вымираютъ, что объясняется обычаемъ женщинъ избавляться отъ потомства, съ помощью искуственныхъ родовъ, кабихи или какъ они сами называютъ себя піака ведутъ отчасти кочевую жизнь, въ кампосъ досъ Парехисъ, и частью имѣютъ постоянныя мѣста жительства у верхняго Юруена, у восточныхъ отроговъ Гвапоре и вдоль южныхъ притоковъ Мадейра; мамбареби (maimbarès) отчасти встрѣчаются совмѣстно съ предъидущими, а частью распространены къ сѣверу; бакагири (baccairis, bacuris, pacuris) живутъ еще далѣе къ сѣверу у притоковъ Топахоца и у водораздѣла Ариноса и Хингу.

Если мы обратимъ вниманіе на матеріальныя и умственныя условія жизни индійцевъ, то прійдемъ къ заключенію, что ихъ орды на востокѣ Южной Америки жили преимущественно охотой, рыбной ловлей и земледѣліемъ, между тѣмъ какъ молочное хозяйство было совершенно неизвѣстно имъ. Воздѣлываніе полевыхъ продуктовъ и плодовыхъ

деревьевъ существуетъ въ Америкѣ съ незапамятныхъ временъ и, по мнѣнію ботаниковъ, продолжается нѣсколько тысячелѣтій. Благодаря уходу такъ называемыхъ „дикихъ“, одинъ видъ пальмы былъ найденъ въ видѣ культурнаго растенія во времена открытія Америки; маисъ былъ также извѣстенъ и воздѣлывался ими, хотя они употребляли его въ умѣренномъ количествѣ, потому что ихъ главной пищей служило растеніе мандіока (kassave) или manihot utilissima, различныхъ качествъ; такъ напр. орда маніосъ различаетъ до 35 сортовъ мандіоки. Равнымъ образомъ въ Южной Америкѣ нигдѣ нѣтъ недостатка въ мясной пищѣ, тѣмъ болѣе, что туземцы искусные охотники. Но для нихъ несравненно важнѣе ловля рыбъ и черепахъ, которая доставляетъ имъ пищу на болѣе продолжительное время. Индійцы ловятъ рыбу всевозможными способами; шнуркомъ, крючками, сѣтями, вершами, убиваютъ ее стрѣлами и дротикомъ, при факельномъ освѣщеніи, съ помощью приманки пахучими растеніями и наконецъ, отравленіемъ воды, вслѣдствіе чего рыба приходитъ въ состояніе полнаго оцѣпенѣнія. Южно-американскіе индійцы, особенно живущіе въ бассейнѣ Амазонской рѣки, отличаются искусствомъ въ приготовленіи ядовъ, которыми намазываютъ свои смертоносныя стрѣлы.

Различные яды употребляемые индійцами для намазыванія стрѣлъ служили предметомъ тщательнаго изслѣдованія еще во времена покоренія Америки испанцами, что продолжается и до сихъ поръ. Его изготовляютъ различными способами и между прочимъ изъ сока дерева манценило (hippomane mancenilla), который употребляютъ караибы живущіе на островахъ, а также, по свидѣтельству старыхъ испанскихъ авторовъ, нѣкоторыя племена на Венецуэльскомъ берегу и на Даріенскомъ перешейкѣ. Но эта мазь далеко не была такъ дѣйствительна какъ страшнѣйшій изъ ядовъ „кураре“ или „урари“, также „вуррара“ или „вурали“. Онъ извѣстенъ въ Европѣ чуть ли не съ 1595 года. Серъ Вальтеръ Ралей впервые привезъ въ Англію намазанныя имъ стрѣлы, добытыя изъ вновь открытой Гвіаны. Но относительно составныхъ частей этого яда долго существовали ошибочныя и противорѣчивыя показанія и многіе даже считали его змѣинымъ ядомъ. Наконецъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Эмиль Карей, разъяснилъ причину бывшихъ противорѣчій, доказавъ, что онъ не всѣми индійцами приготовляется одинаковымъ способомъ и что самая главная и всегда присущая составная часть его сокъ одной льяны принадлежащей къ семейству стрихниновыхъ. Александръ Гумбольдтъ во время своего американскаго путешествія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія присутствовалъ при изготовленіи кураре на одномъ праздникѣ (похожемъ на празднества, встрѣчаемыя въ Европѣ при сборѣ винограда), который называется festa de la juvias; но знаменитому путешественнику не позволили видѣть самый процессъ приготовленія яда. Тоже случилось съ Марціусомъ, младшимъ Шомбургкомъ и англичаниномъ Полемъ Маркой. Послѣдній, проживая нѣкоторое время у амазонскаго племени ягуа поручилъ мѣстному миссіонеру, разспросить одного ягуа о способѣ изготовленія яда. Дикарь принесъ горшокъ мази, но не пожелалъ сообщить объ ея составныхъ частяхъ, не смотря на то, что ему былъ обѣщанъ сравнительно большой подарокъ — складной ножъ. Но когда принесли блестящій столовый ножъ, то онъ не могъ устоять противъ искушенія и что-то пробормоталъ о сокѣ кустарника и вьющагося растенія, хотя далѣе этого не пожелалъ распространяться. Долго продолжались переговоры, но дикарь стоялъ на

своемъ: наконецъ, когда ему предложили три блестящихъ ножа, то эта приманка поколебала его твердость и бывшаго съ нимъ товарища. Они обѣщали принести вѣтку загадочнаго кустарника и кусокъ льяны; но когда Маркой изъявилъ желаніе видѣть цвѣты и сѣмена, то они отвѣтили, что ихъ нельзя добыть въ данное время года, затѣмъ оба индійца исчезли и вернулись только черезъ три дня съ сухой вѣткой, на которой были продолговатыя листья и плодовая кисть, похожая на виноградъ. На ней висѣли деревянистыя ягоды, покрытыя черной бархатистой кожицей, съ ярко желтымъ среднимъ слоемъ и четырьмя зернами. Кромѣ того, индійцы принесли кусокъ льяны самого невзрачнаго вида съ бѣлой корой, похожей на березовую. Затѣмъ, когда оказалось необходимымъ узнать какія-нибудь подробности о самомъ приготовленіи яда, то оба дикаря изъявили готовность заняться этимъ въ присутствіи европейцевъ, но подъ условіемъ, чтобы имъ подарили четыре рыболовныхъ крючка. Ихъ желаніе было удовлетворено, и они принялись за дѣло. Старшій изъ нихъ взялъ новый, глиняный горшокъ и наполнилъ водой, между тѣмъ какъ другой обложилъ его хворостомъ и зажегъ съ помощью муравьинаго трута. Послѣдній состоитъ изъ клейкаго, свѣтло-краснаго вещества, которымъ покрывается кустарникъ, при появленіи на немъ одного вида муравьевъ; вещество это быстро сохнетъ на воздухѣ и благодаря своей рыхлости и гибковатости легко воспламеняется. Индіецъ, не дожидаясь окончательнаго кипѣнія воды, накрошилъ въ нее маленькіе кусочки принесенной вѣтки и жидкость моментально окрасилась въ желтый, а затѣмъ ржаво-коричневый цвѣтъ. По прошествіи двухъ часовъ, дикарь вынулъ изъ жидкости листья и кусочки дерева, наскоблилъ въ нее немного вьющагося растенія и сильнѣе раздулъ огонь. Затѣмъ, онъ осторожно, снялъ густую накипь, вынулъ изъ своего мѣшка три маленькихъ пакетика и высыпалъ изъ нихъ какой-то порошокъ. По его словамъ это были растертыя рыбьи кости, ядовитыя желѣзки и зубы змѣй и высушеные муравьи. Послѣ того масса варилась еще въ продолженіи двухъ часовъ, пока не сдѣлалась также густа, какъ сиропъ. Тогда ягуа снялъ ее съ огня, положилъ на горшокъ двѣ палки, разостлалъ большой листъ и покрылъ землей. На другой день разбили горшокъ и Маркой увидѣлъ жесткій черный комокъ, который казался очень тяжелымъ. Это былъ знаменитый ядъ урари. Если нужно отравить имъ копье или стрѣлу, то массу кладутъ около огня; она становится мягкой и легко прилипаетъ къ оружію.

Д-ръ Жоберъ приказалъ приготовить при себѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ американскихъ ядовъ индійцевъ текуна и убѣдился, что въ составъ его входятъ одни только растительныя вещества. Главнѣйшіе составныя части этого препарата слѣдующія: 1) Urari uva вьющееся растеніе изъ семейства loganiaceae, быть можетъ, „strychnos castelneana; 2) „Эко“ или „пани“, магаронъ вьющагося растенія изъ семейства menispermeae, быть можетъ cocculus toniferus. Второстепенныя составныя части; 3) Особый видъ аргонника наз. таха; 4) Комàрникъ или mucuraea-ha (didelphis cancrivoria?) похожій по виду на амарантъ; 5) Три вида перца (повидимому artanthe?); 6) Мѣстное растеніе tau-ma-gere т. е, „языкъ тукана“. Индійцы при изготовленіи яда держатся слѣдующаго способа: они соскабливаютъ верхнюю тонкую кору съ наиболѣе развитыхъ вѣтвей урари и крошатъ въ нихъ мелкіе цвѣтки „эко“ такимъ образомъ, чтобы выходило 4 части стружекъ и 1 часть цвѣтковъ. Затѣмъ все это мѣсятъ рукою, кладутъ въ воронку и вымачиваютъ въ холодной водѣ, мѣняя ее разъ семь или восемь. При этомъ жидкость окрашивается въ красный цвѣтъ. Затѣмъ индійцы крошатъ въ нее кусочки вѣтвей таиа и мукура и выпариваютъ ее въ продолженіи шести часовъ, пока она не сгустѣетъ. Тогда всыпаютъ въ нее опилки различныхъ сортовъ перца; и послѣ повтореннаго кипяченія массу остужаютъ и она принимаетъ твердый воскообразный видъ. Жоберъ изслѣдовалъ въ отдѣльности всѣ элементы этого состава и

нашелъ, что урари и тайа наиболѣе ядовиты и что пани не причиняетъ такой моментальной смерти. Поэтому онъ считаетъ полезнымъ продолжать изслѣдованія дѣйствія, производимаго каждой отдѣльной составной частью этого вещества.

Настоящій ядъ во всякомъ случаѣ заключается въ одномъ растеніи, а именно въ корѣ или древесинѣ strychnos toxifera; но кромѣ этого растенія кураре служатъ еще два вида: strychnos castelneana и strichnos crevauxii, которымъ туземцы лечатъ между прочимъ отъ столбняка (Bull. soc. georaph. Paris 11. Bd. 1881 p. 20). Дѣйствіе самого яда алколоида кураринъ было бы въ двадцать разъ сильнѣе въ чистомъ видѣ, нежели мазь, изготовляемая индійцами, къ которой они примѣшиваютъ кромѣ epitheton ornans еще многія другія вещества, напр., ядъ жабъ, змѣй, паутинный ядъ и т. п. Онъ становится дѣйствительнымъ только тогда, когда входитъ въ соприкосновеніе съ кровью, а именно въ ранахъ и производитъ внезапную смерть. Но при этомъ мясо звѣрей убитыхъ отравленными стрѣлами вовсе не ядовито; и его можно ѣсть безъ всякаго вреда: равнымъ образомъ его можно также безнаказанно высосать и проглотить какъ змѣиный ядъ. Слово „urary" происходитъ изъ языка тупи и составилось изъ ur = прійти, ar = сразить, y = его или оно. Слѣдовательно urary означаетъ: „пришелъ и сразилъ его" въ смыслѣ veni, vidi, vici = гдѣ я, — тамъ и смерть. Если ядъ предохраненъ отъ сырости, и плѣсени, то долго не теряетъ своихъ свойствъ; но во всякомъ случаѣ года черезъ полтора распадается на куски, плѣснѣетъ и становится негоднымъ къ употребленію. Индійцы съ перваго взгляда узнаютъ степень свѣжести яда и какимъ племенемъ онъ приготовленъ. Прежде чѣмъ употреблять ядъ, они пробуютъ его силу надъ лягушками и ящерицами; и даже подъ часъ намѣренно выбираютъ болѣе слабые яды, если имъ нужно только ошеломить звѣря и захватить его живымъ. Смерть отъ ранъ, причиненныхъ отравленными стрѣлами крайне мучительна, потому что при этомъ происходитъ параличъ двигательныхъ нервовъ отъ периферіи къ центру, подобно отравленію отъ неумѣреннаго хлороформированія.

За исключеніемъ племенъ тупи, которые вообще не пользуются растительными ядами, всѣ бразильскіе и гвіанскіе индійцы употребляютъ кураре не только противъ враговъ, но и на охотѣ; и кромѣ стрѣлъ носятъ еще при себѣ небольшой запасъ яда въ глиняныхъ чашечкахъ или сосудахъ изъ тыквы. Благодаря этому двойному примѣненію яда на охотѣ и войнѣ, онъ играетъ такую-же роль у индійцевъ, какъ порохъ въ Европѣ и составляетъ предметъ оживленной мѣновой торговли. Индійцы Ріо Негро, Ориноко и даже Амазонской рѣки нерѣдко являются цѣлыми караванами для обмѣна урари изготовляемаго племенемъ макуши на камышевые духовые самострѣлы. Равнымъ образомъ ягуа ведутъ значительную торговлю ядомъ собственнаго изготовленія, а, по свидѣтельству д-ра Крево, племя пираоа близъ Ориноко даже присвоило себѣ монополію изготовленія кураре.

Индійцы превосходные охотники, отчасти потому что ихъ зрѣніе и слухъ изощрены постояннымъ упражненіемъ, и частью вслѣдствіе того, что они въ точности знакомы съ нравами и привычками преслѣдуемой ими дичины. Они представляютъ собою наглядное доказательство, что изъ всѣхъ плотоядныхъ животныхъ человѣкъ самый опасный звѣрь, не только по своему замысловатому оружію, но и по хитрости и коварству. Индіецъ относится безразлично къ своему собственному языку, но съ величайшимъ стараніемъ подражаетъ языку животныхъ. Онъ точно опредѣляетъ разстояніе, на которомъ нахо-

дится звѣрь, отличаетъ самку отъ самца и сообразно съ этимъ подражаетъ голосу того или другого и постененно возвышая звуки заманиваетъ звѣря и убиваетъ его. Особенно замѣчательно отношеніе индійца къ приручаемымъ животнымъ. Хижина его нерѣдко походитъ на звѣринецъ. Тутъ можно встрѣтить говорящихъ попугаевъ, перьямъ которыхъ онъ умѣетъ придать искуственную окраску, обезьянъ всѣхъ родовъ, забавляющихъ его своими проказами, собаку Стараго Свѣта, съ которой онъ совсѣмъ освоился, домашнихъ куръ, съѣдобную трясогузку и три вида птицы трубача (psophia), замѣчательныхъ по красотѣ перьевъ.

Ихъ умственныя способности находятся на весьма незначительной степени развитія; хотя они имѣли всѣ данные для болѣе высокой культуры. Въ каждомъ племени можно встрѣтить цехъ жрецовъ. „Pajé“ („Piache“, “Boite“), подобно сѣверо-американскимъ знахарямъ, могутъ быть причислены по своему ремеслу къ шаманамъ; ихъ вліяніе преимущественно объясняется тѣмъ, что они лечатъ болѣзни посредствомъ изгнанія злыхъ духовъ. „Pajé“, какъ и „piaï“—хранители историческихъ воспоминаній и миѳовъ; и по вечерамъ занимаютъ своими разсказами деревенскую молодежь. Здѣсь можно ясно видѣть зародышъ болѣе высокаго умственнаго развитія, до котораго хотя медленно, но все-таки могли бы дойти индійцы, если бы они были изъяты отъ соприкосновенія съ Старымъ Свѣтомъ. Но это были только зародыши и не болѣе этого, потому что во всей Южной Америкѣ по эту сторону Андъ мы не встрѣчаемъ ни одного памятника, который напоминалъ бы о сколько-нибудь значительномъ прошломъ, кромѣ грубыхъ изображеній, вырѣзанныхъ на скалахъ, встрѣчаемыхъ также около Ориноко, Амазонской и рѣкъ трехъ Гвіанъ. Но эти изображенія, согласно весьма достовѣрному свидѣтельству д-ра Ричарда Андрэ (Globus Bd. XXXIX, s. 247), представляютъ собою слабые и неумѣлые зачатки первобытнаго искусства.

НАРОДЫ ПАМПАСОВЪ.

Приближаясь далѣе къ югу, мы встрѣчаемъ народы, которые сообразно природѣ обитаемой ими страны, представляютъ по своему образу жизни полнѣйшій контрастъ съ бразильскими индійцами и цивилизованными „гварани“ Парагвая. Въ то время какъ тупи почти исключительно живутъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, эти обитатели степей или пампасовъ, какъ ихъ называютъ въ Южной Америкѣ, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто на лошадяхъ и питаются добычей отъ

охоты и рыбной ловли и плодами немногихъ лѣсовъ. Всѣ индійцы пампасовъ въ тѣсномъ значеніи этого слова представляли собой первоначально охотничьи племена. Но многое измѣнилось въ ихъ образѣ жизни съ того времени, какъ они вошли въ соприкосновеніе съ европейцами. Они пріобрѣли отъ послѣднихъ домашнихъ животныхъ и занялись скотоводствомъ, освоились съ лошадьми и стали наѣздниками. Между тѣмъ они болѣе, чѣмъ когда нибудь предались бродяжничеству, если можно употребить здѣсь подобное выраженіе, такъ какъ, сообразно различнымъ временамъ года, имъ приходится отыскивать пастбища для прокорма скота; равнымъ образомъ благодаря лошадямъ передвиженіе не представляетъ для нихъ прежнихъ затрудненій, и они рѣдко остаются долго на одномъ мѣстѣ. Занимаемая ими страна, за малыми исключеніями, плоская. Владѣнія ихъ простираются отъ мало-извѣстной пустыни Гранъ Чако на правомъ берегу Парагвая и его западныхъ притоковъ, приблизительно отъ 19° ю. ш. до негостепріимнаго берега Магелланова пролива. Печальная безплодная равнина на югѣ Южной Америки въ извѣстное время года служитъ мѣстопребываніемъ племенъ преимущественно добывающихъ себѣ средства пропитанія охотой, такъ какъ дичь водится только около воды и съ этою цѣлью является сюда. Далѣе къ сѣверу въ Гранъ Чако, гдѣ живутъ иныя племена, но по характеру сходныя съ народами пампасовъ, тянется сплошная равнина, значительная часть которой въ дождливое время находится подъ водой и въ эту пору становится необитаемой. Такимъ образомъ и здѣсь перекочевка племенъ обусловлена временемъ года. Ни одинъ изъ индійцевъ пампасовъ не занимается земледѣліемъ и мореходствомъ, потому что въ его странѣ при бѣдности лѣса нѣтъ достаточно матеріала для постройки судовъ. Ни одно изъ американскихъ племенъ не можетъ сравниться съ ними въ смыслѣ гордости, высокомѣрія и воинственности, и всѣ попытки испанцевъ покорить ихъ остались напрасными. До сихъ поръ они также свободны и независимы какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Ихъ также можно раздѣлить на различныя группы; между прочимъ мы назовемъ упомянутыхъ нами въ числѣ бразильскихъ индійцевъ.

Гвайкуровъ и теперь поговоримъ о нихъ подробнѣе, такъ какъ они принадлежатъ къ индійцамъ пампасовъ. Марціусъ въ своей этнологической картѣ подъ именемъ гвайкуру (uaicurus, quaycurus) соединяетъ въ одну группу племена, изъ которыхъ иные были прозваны испанцами lenguas, —„язычные индійцы“ вслѣдствіе того, что они втыкаютъ въ нижнюю губу языкообразный кусокъ дерева. Во времена первыхъ европейскихъ мореплавателей, открывшихъ Америку, гвайкуру были самымъ задорнымъ народомъ въ этой мѣстности и отличались необычайною воинственностью. Они жили на западной сторонѣ рѣки Парагвая въ Гранъ Чако, и здѣсь искали себѣ убѣжища отъ завоевателей, такъ что имъ удалось до сихъ поръ сохра-

нить свою самостоятельность. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія они жили преимущественно охотой и предпринимали разбойничьи набѣги на гварани, у которыхъ отнимали запасы маиса и плодовъ снятыхъ съ плантацій. Они относились съ презрѣніемъ къ земледѣлію и хвастались тѣмъ, что непріятель никогда не разбивалъ ихъ окончательно. Въ общественномъ отношеніи гвайкуру стоятъ выше другихъ племенъ, такъ какъ они имѣютъ наслѣдственныхъ вождей. У нихъ также замѣчается особый мужской и женскій языкъ, по крайней мѣрѣ женщины обозначаютъ нѣкоторые предметы и понятія иначе, нежели мужчины. Гвайкуру называютъ себя на своемъ языкѣ Ёэкакалотъ, потому что слово „quaykuru“ производится изъ языка тупи и означаетъ „быстроногіе“,—названіе, которымъ вообще испанцы и португальцы обозначали различныя индійскія племена пампасовъ, усвоившія употребленія одичалыхъ лошадей. Гвайкуру Парагвая до сихъ поръ поддерживаютъ сношенія съ своими племенными родичами, уцѣлѣвшими въ Гранъ Чако, и не рѣдко соединяются съ ними для разбойничьихъ набѣговъ. Нѣкоторые изъ нихъ промѣняли лукъ и стрѣлы на огнестрѣльное оружіе и покупаютъ послѣднее у бразильцевъ въ Матто-Гроссо вмѣстѣ съ необходимыми для этого боевыми запасами. Въ Бразиліи живутъ подъ различными именами многія орды, принадлежащія къ гвайкуру, какъ напримѣръ: atiadeo въ окрестностяхъ Альбукерка и Нова Коимбра, adioeo по близости Миранда, инами или энима (собственно „язычные“ индійцы) и гуана изъ Парагвая, которые отличаются болѣе кроткими нравами. Паягва или паягоа, самое сѣверное изъ гвайкурскихъ племенъ живетъ у Парагвая отъ притоковъ Таквари и далѣе на разстояніи пяти географическихъ градусовъ. Между Парагваемъ и Пилькомайо живетъ народъ гвайкуру въ тѣсномъ значеніи этого слова, а на западѣ по ту сторону Пилькомайо—мбокоби. У Ріо Вермехо встрѣчаются племена: лулэ, матагвайо, чунупи, мальбала и тоба, статная и сильная порода людей, которые еще со времени испанскихъ завоеваній были извѣстны своей храбростью, и, наконецъ, мбайа, живущіе между нижнимъ Пилькомайо и Бермейо, самое красивое изъ индійскихъ племенъ Парагвая. Ростъ мужчинъ доходитъ среднимъ числомъ до 1,77 — 1,80 м. и при этомъ вся фигура, какъ у многихъ индійцевъ Чако, за исключеніемъ головы, отличается такимъ красивымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, что могла бы служить моделью для изображенія Геркулеса. Между тѣмъ голова сравнительно съ туловищемъ немного мала; черты лица напоминаютъ индійцевъ гварани, только лицо не такъ плоско и имѣетъ болѣе овальную форму. Всѣ эти индійцы держатъ отчасти рогатый скотъ, овецъ и лошадей, но собственно придаютъ значеніе только послѣднимъ, такъ какъ лошади сдѣлались необходимыми для ихъ существованія. Они славятся какъ смѣлые наѣздники и пересѣкаютъ область Гранъ Чако по всѣмъ направленіямъ,

предпочитая случайную добычу пріобрѣтаемую охотой и грабежомъ мирному занятію скотоводствомъ и земледѣліемъ.

На югѣ между Параной и Сальвадо и далѣе до Ріо Дольче живутъ абипоны, нѣкогда занимавшіе провинцію Чако; но въ настоящее время они встрѣчаются также въ Парагваѣ, на востокъ отъ Параны, но повидимому скоро окончательно исчезнутъ съ лица земли. Эта нѣкогда могущественная нація представляетъ собой красивую и сильную породу людей съ правильными чертами лица и довольно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Абипоны храбрые воины, превосходные наѣздники, но при этомъ настолько закоснѣлые язычники, что попытки всѣхъ миссій обратить ихъ въ христіанство оказались напрасными. У нихъ существуетъ многоженство; но вообще они отличаются строгостью нравовъ. Ихъ также можно раздѣлить на три племени; naguegtgagehee, rukahee и jakonaiga.

Собственно въ пампасахъ, на полосѣ земли между Ріо Колорадо и Ріо Негро распространено племя Пуэльчей, т. е. восточныхъ (отъ слова puel — востокъ). Они живутъ по сосѣдству съ ранквелесами, причисляемыми къ аракуанамъ, но отличаются болѣе миролюбивыми нравами. Во время открытія Америки они жили у Салинаса и въ горахъ болѣе близкихъ къ берегу; у нихъ были ими же разведенныя стада рогатаго скота и овецъ, и они изготовляли „poncho“ (туземная одежда, о которой было говорено выше), плащи изъ звѣриныхъ шкуръ, плетеныя вещи, опахала изъ перьевъ и другія вещи, которыя продавали или обмѣнивали въ Буэносъ-Айресѣ или на границѣ своихъ владѣній. Слѣдовательно пространство земли между 39 — 41° ю. ш. занимаемое равниной, между Ріо Негро и Колорадо принадлежитъ имъ болѣе ста лѣтъ; они живутъ собственно на берегахъ Колорадо и поддерживаютъ дѣятельныя сношенія какъ съ испанскими американцами, такъ и патагонскими индійцами, которые называютъ ихъ йонаками. Пуэльчи встрѣчаются на далекомъ разстояніи отъ моря и на сѣверѣ до Сіерра Вентана въ видѣ небольшихъ безпокойныхъ шаекъ, которыя то сами производятъ набѣги, то отражаютъ нападенія другихъ племенъ. По образу жизни и характеру они схожи съ патагонцами, о которыхъ будетъ говорено ниже; подобно имъ живутъ на берегу, но не имѣютъ никакого понятія о лодкахъ и челнокахъ. Ихъ вожди „ганаки“ пользуются весьма незначительнымъ вліяніемъ. Пуэльчи подобно ранквелесамъ вѣрятъ въ злаго духа, „gualichu“ или „arraken“, который иногда обращается въ добраго духа, а также въ безмертіе души. Вѣроятно къ этой же народности принадлежатъ смѣлые и воинственные кверанди, жившіе во времена открытія Америки въ нынѣшнемъ Буэносъ-Айресѣ. Число пуэльчей въ настоящее время весьма незначительно; наиболѣе сѣверное племя ихъ извѣстное подъ именемъ талугетъ распространено къ западу отъ пикунчей. На западѣ и югѣ, у рѣкъ Санквель, Колорадо и Гуэйкве

Тегуэльчи въ лагерѣ.

живетъ племя диви-гетъ, а на югѣ-востокѣ чече-гетъ. Индійцы чарруа сродны съ пуэльчами; они живутъ на лѣвомъ берегу Уругвая, приблизительно на разстояніи отъ 30° до его устья; число ихъ также весьма невелико въ настоящее время.

Разсказъ Огюста Гинара объ его трехлѣтнемъ плѣнѣ въ этой мѣстности, долженъ быть отнесенъ къ этимъ индійцамъ, занимающимъ также часть сѣверной Патагоніи, а не къ тегуэльчамъ или собственно патагонцамъ, хотя свѣдѣнія сообщаемыя почтеннымъ путешественникомъ показались многимъ весьма сомнительными и можетъ быть въ дѣйствительности были не много прикрашены (Guinard, „Trois ans d'esclavage chez les Patagons". Paris 1864). Тѣмъ не менѣе его показанія относительно нравовъ здѣшнихъ индійцевъ во многомъ согласны съ тѣми свѣдѣніями, которыя были собраны о нихъ въ послѣднее время. По своему сильному тѣлосложенію они значительно превосходятъ европейцевъ. Гинаръ не разъ видѣлъ, какъ они одной рукой ловили арканомъ дикую лошадь, останавливали ее на всемъ бѣгу, не сдвигаясь съ сѣдла отъ полученнаго толчка и спокойно выжидали, пока пойманное животное отбивалось отъ нихъ лежа на землѣ. Вообще физическая организація этихъ индійцевъ несравненно совершеннѣе нашей. Сынъ пампасовъ поразительно легко выноситъ разнаго рода лишенія и трудности во время своихъ трехмѣсячныхъ путешествій, которыя онъ дѣлаетъ почти безъ отдыха галопируя на лошади день и ночь. Памперо (какъ называютъ здѣсь жителей пампасовъ), отправляясь на далекую экспедицію почти не забираютъ съ собой никакихъ запасовъ, кромѣ 20 — 30 лошадей, по числу людей составляющихъ шайку, неизбѣжные арканы (лассо), копье и „boleadoras", родъ оружія, которое служитъ имъ для охоты, какъ средство пропитанія, а также для битвы. Весьма не многіе изъ шайки, особенно склонные къ эпикурейству, для сна прикрываются кускомъ кожи, которая подъ часъ служитъ имъ сѣдломъ, и лакомятся кусками высушеннаго на солнцѣ мяса съ бычачьимъ или лошадинымъ жиромъ.

Сѣверные индійцы пампасовъ менѣе стройны, нежели южные; за малыми исключеніями ростъ ихъ не превышаетъ 1,72—1,75 м. Ихъ цвѣтъ кожи почти оливково-коричневый и темнѣе нежели у всѣхъ индійцевъ въ этой мѣстности; у нѣкоторыхъ субъектовъ — даже совсѣмъ черный. Кожа ихъ на всемъ тѣлѣ необыкновенно нѣжная и шелковистая; и становится все болѣе и болѣе блестящей подъ вліяніемъ солнца. Волосы они обыкновенно связываютъ въ узелъ на макушкѣ головы кожаннымъ ремнемъ, но во время битвы распускаютъ ихъ. такъ что пряди волосъ висятъ у нихъ на лицѣ.

Индіанки довольно красиво сложены; но походка ихъ лишена всякой граціи. Руки у нихъ малы, хорошей формы и необыкновенно узкія; ноги также не велики, но широкія. Болѣе знатныя и богатыя женщины носятъ галстукъ въ три пальца ширины, плотно облегающій шею и украшенный металлическими кружками ихъ собственнаго изготовленія. Это странное украшеніе, которое по формѣ и неуклюжести скорѣе могло быть употреблено въ видѣ ошейника для большой ньюфоундленской собаки, придаетъ серіёзному лицу индіанокъ въ высшей степени комическій оттѣнокъ. Жены индійцевъ въ пампасахъ отличаются большимъ трудолюбіемъ, преданы своимъ мужьямъ и безропотно признаютъ ихъ права надъ собой. Между тѣмъ ихъ супруги играютъ роль господъ въ семьѣ и предаются полнѣйшей праздности, кромѣ времени, которое посвящено ими охотѣ или обуздыванію лошадей. При перемѣнѣ мѣста жительства, на женщинѣ лежитъ обязанность переноски домашняго скарба. Равнымъ образомъ жены навьючиваютъ и сѣдлаютъ лошадей, какъ для своихъ повелителей, такъ и для самихъ себя; и при этомъ, отправляясь въ путешествіе, сажаютъ съ собой на лошадь отъ трехъ до четырехъ

дѣтей. Помѣстившись такимъ неудобнымъ способомъ на сѣдло, онѣ собираютъ стада и гонятъ ихъ передъ собою копьями своихъ мужей, тогда какъ мужчины, сидя на лучшихъ рысакахъ ничего не берутъ въ дорогу, кромѣ аркановъ или „boleadoras“ и забавляются на пути охотой, не обращая никакого вниманія на семью, хотя вообще любятъ своихъ дѣтей. По прибытіи на мѣсто, женщины опять развьючиваютъ лошадей и раскладываютъ палатки, въ которыхъ ихъ мужья ложатся для отдыха, между тѣмъ какъ онѣ въ это время приготовляютъ ѣду. Обыкновенно индіецъ пампасовъ, существованіе котораго почти не мыслимо безъ лошадей и верховой ѣзды, вскакиваетъ однимъ прыжкомъ на деревянное сѣдло, облегающее грудь и голову животнаго. Только самые богатые изъ нихъ, которымъ особенно посчастливилось при грабежѣ, сѣдлаютъ своихъ лошадей по способу „gaucho“. Женщины ѣздятъ верхомъ также искусно, какъ и мужчины, но только сѣдла у нихъ совсѣмъ иныя, необыковенно высокія и дѣлаются изъ 7—8 овчинъ, и сверхъ этого накладывается еще пара круглыхъ подушекъ. На эти помосты приходится влѣзать съ помощью стремени, висящаго около шеи лошади.

Изъ всѣхъ дикихъ племенъ одни индійцы пампасовъ относятся къ браку подобно цивилизованнымъ народамъ и считаютъ его серіёзнымъ актомъ и источникомъ почтенной и счастливой жизни. Бракъ заключается въ видѣ торговой сдѣлки, такъ какъ женщинъ обмѣниваютъ на различные предметы и домашній скотъ. Если индіецъ намѣренъ жениться и выбралъ для себя подходящую дѣвушку, то онъ посѣщаетъ по очереди всѣхъ друзей и родныхъ, сообщаетъ имъ о своемъ намѣреніи и старается заручиться ихъ помощью для предстоящаго дѣла. Каждый, къ которому онъ обращается въ данномъ случаѣ, говоритъ ему многорѣчивое наставленіе и въ подкрѣпленіе своихъ словъ дѣлаетъ подарокъ въ видѣ быковъ, лошадей, серебряныхъ стремянъ, шпоръ и другихъ вещей, пріобрѣтенныхъ во время разбойничьихъ набѣговъ. Если жена измѣнила мужу, то послѣдній имѣетъ право убить ее вмѣстѣ съ ея любовникомъ. Но обыкновенно скупость и алчность побуждаютъ его оставить при себѣ невѣрную жену и онъ ограничивается тѣмъ, что взыскиваетъ значительное вознагражденіе съ соблазнителя. При этомъ существуетъ обычай, что съ того момента, какъ оскорбленный супругъ получилъ надлежащее удовлетвореніе, онъ не смѣетъ сдѣлать ни малѣйшаго намека женѣ на ея проступокъ. Если бы въ данномъ случаѣ онъ сталъ дурно обращаться съ нею, то за виновную заступились бы ея родные. Послѣ уплаты требуемой пени, проступокъ считается достаточно наказаннымъ. Отецъ и мать рѣшаютъ: оставить-ли въ живыхъ новорожденнаго ребенка или нѣтъ; вслѣдствіе этого число дѣтей у южно-американскихъ индійцевъ сравнительно весьма ограничено. Если приговоръ благопріятный, т. е. рѣшено оставить младенца живымъ, то послѣдній становится предметомъ величайшей родительской заботливости. Отецъ и мать готовы обрѣчь себя на самыя тяжелыя лишенія, чтобы исполнить каждое желаніе или даже капризъ своего ребенка. Поэтому дѣтей балуютъ здѣсь до невѣроятной степени. Ночью дѣти спятъ въ койкѣ, похожей на люльку, которая обыкновенно виситъ надъ постелью родителей; утромъ, при восходѣ солнца, мать перекладываетъ его на овечью шкуру, гдѣ ему предоставляется полная свобода движеній. Едва ребенокъ, настолько окрѣпнетъ, что въ состояніи ползать на рукахъ и ногахъ, ему даютъ ножъ и другое острое оружіе, чтобы онъ могъ защищать себя отъ нападенія въ случаѣ надобности. При этомъ родители приходятъ въ восторгъ при всякомъ проявленіи разбойничьихъ наклонностей въ ребенкѣ.

Страна къ югу отъ пампасовъ до Огненной Земли занята семьей Тегуэльчей, извѣстной у насъ подъ названіемъ **патагонцевъ**

или патагоновъ. Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что послѣднее названіе совершенно неизвѣстно у самихъ индійцевъ. Испанцы прозвали ихъ патагонцами благодаря большимъ слѣдамъ ногъ, которые послѣдніе будто бы оставляли за собою; но ихъ настоящее прозвище тегуэльчи или тзонека, которымъ они почти исключительно обозначаютъ себя (особенно послѣднимъ именемъ). Между тѣмъ по свидѣтельству Фр. Миллера это только названіе ихъ языка. Судя по существующимъ этнологическимъ картамъ и извѣстіямъ путешественниковъ патагонцы дѣлятся на множество различныхъ племенъ, между тѣмъ какъ по мнѣнію вышеназваннаго вѣнскаго этнолога тегуэльчи распредѣляются на два отдѣла: леувугетъ („рѣчной народъ") у сѣвернаго и южнаго Ріо Негро и калиллегетъ („горный народъ"). Послѣдніе получили отъ молуховъ прозвище вута-гуилличе („великій южный народъ"); къ нимъ принадлежатъ кулилау-кунни, сегуаукунни (крысій народъ) и якана кунни, т. е. „пѣшій народъ", такъ какъ они не имѣютъ лошадей и принуждены ходить пѣшкомъ. Георгъ Чоуэрсъ Мустерсъ, которому мы обязаны первымъ дѣльнымъ описаніемъ тегуэльчей, основаннымъ на точныхъ наблюденіяхъ (Musters, „At home with the Patagonians; a years wandering over untrodden ground from the Straits of Magellan to the Rio Negro". London 1871) приписываетъ кажущееся раздробленіе тегуэльчей тому обстоятельству, что отдѣльныя орды часто присвоиваютъ себѣ имя своего временнаго вождя. Собственно такъ называемые тегуэльчи, за исключеніемъ (повидимому сродныхъ съ ними) „пѣшихъ" индійцевъ Огненной Земли, распадаются, по свидѣтельству Мустерса на два большихъ племени: сѣверное и южное. Они говорятъ одинаковымъ языкомъ, хотя

Каменные топоры южно-американскихъ индійцевъ.

съ нѣсколько отличнымъ акцентомъ; при этомъ южные тегуэльчи выше ростомъ и красивѣе сложены; а также извѣстны какъ болѣе искусные охотники, нежели сѣверные тегуэльчи. Послѣдніе преимущественно занимаютъ округъ между Кордильерами и моремъ, къ сѣверу отъ Ріо Негро до Чупата, и встрѣчаются въ видѣ отдѣльныхъ бродячихъ шаекъ до Ріо Санта Круцъ. Южные тегуэльчи населяютъ область къ югу отъ Ріо Санта Круцъ и ниже до Пунта Аренаса. Оба племени нерѣдко смѣшаны между собой, благодаря бракамъ, хотя при этомъ сохраняютъ принятое у нихъ дѣленіе на кланы. Между Ріо Негро и Чупатомъ встрѣчается другая отрасль, которая говоритъ на особомъ нарѣчіи и преимущественно живетъ въ Салинасѣ, къ сѣверу отъ Ріо Негро. Это такъ называемые „пампасы", давшіе тегуэльчамъ прозвище „penek", изъ чего, по мнѣнію Мустерса, образовалось извращенное слово тегуэльчи. Наконецъ мы находимъ здѣсь еще одно племя, которое отличается отъ остальныхъ языкомъ и наружностью и, повидимому, составляетъ отрасль чилійскихъ арауканов. Тегуэльчи называютъ индійцевъ этого племени „chenna"; но вообще они извѣстны подъ прозвищемъ манцанеросовъ по ихъ главному мѣсту жительства Ласъ Манцанасъ, прежней іезуитской станціи. Они болѣе осѣдлы и цивилизованы, нежели остальные тегуэльчи и, по слухамъ, содержатъ въ долинахъ Кордильеръ стада рогатаго скота и овецъ. Они также изготовляютъ изъ яблоковъ Ласъ Манцанасъ очень вкусный сидръ, хотя до сихъ поръ не доказано, научились ли они у іезуитовъ или дошли сами до этого искусства; кромѣ того у нихъ существуетъ особый хмѣльный напитокъ. Остальные тегуэльчи довольствуются ромомъ, пріобрѣтаемымъ путемъ торговли, что въ связи съ болѣзнями, особенно оспой, способствуетъ ихъ быстрому вымиранію.

Что же касается тѣлосложенія тегуэльчей, то величина ихъ роста всего больше возбуждала толковъ и споровъ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ у Мустерса вполнѣ достовѣрные данные для измѣренія этихъ индійцевъ. Онъ находитъ, что ростъ мужчинъ достигаетъ среднимъ числомъ 1,77 м., а нѣкоторыхъ субъектовъ, даже до 1,93 м. По вычисленію новѣйшаго путешественника, Франциско П. Морено, средняя цифра роста настоящихъ тегуэльчей доходитъ до 1, 855 м. Такимъ образомъ патагонцы дѣйствительно заслуживаютъ названіе народа великановъ; что-же касается ихъ ногъ, то сравнительно съ ростомъ онѣ необыкновенно малы, такъ что названіе патагонцевъ во всякомъ случаѣ не заслужено ими. Но тѣмъ замѣчательнѣе у нихъ сильное развитіе рукъ и грудной клѣтки, объемъ которой, по измѣреніямъ Франциско Морено, среднимъ числомъ доходитъ до 1,10 м. (Moreno, Viajé á la Patagonia austral, Buenos Ayres 1879 I. Bd. s. 376). Мустерсъ находитъ вообще, что ихъ тѣлосложеніе вполнѣ пропорціональное, между тѣмъ, какъ по другимъ извѣстіямъ ноги у нихъ

менѣе развиты и сильны нежели руки. Мустерсъ съ своей стороны также упоминаетъ о невѣроятной способности тегуэльчей къ ходьбѣ, чему онъ самъ былъ очевидцемъ, и ихъ выносливости, такъ какъ они легко обходятся безъ ѣды. Мышечная сила ихъ рукъ весьма значительна, такъ что они бросаютъ свои тяжелые метательные снаряды на разстояніе семидесяти локтей. Выраженіе ихъ лицъ весьма разнообразно: отъ ласковаго и веселаго, что̀ встрѣчается всего чаще, до самаго мрачнаго. При смѣхѣ они выказываютъ рядъ превосходныхъ зубовъ, всегда чистыхъ и бѣлыхъ, благодаря жеванію „маки“ (родъ древеснаго клея). Глаза у нихъ блестящіе и интеллигентные, носъ

Вождь патагонскихъ индійцевъ.

большею частію орлиный, но безъ уродливаго расширенія ноздрей, какое часто встрѣчается у дикихъ племенъ. Волосы густые; лобъ сильно скошенный; Мустерсъ считаетъ вопросъ нерѣшеннымъ: слѣдуетъ-ли ихъ причислять къ долихо—или брахикефаламъ. По свидѣтельству Морено, среднiй указатель черепа, настоящихъ тегуэльчей доходитъ до 81,56; и если черепа, найденные этимъ ученымъ въ старыхъ могилахъ на сѣверной сторонѣРіо Негро (Description des cimetières et paradéros préhistoriques de Patagonie въ Revue d'Anthrop. 1874 p. 72—90), дѣйствительно представляютъ тождество съ черепами нынѣшнихъ тегуэльчей, что̀ повидимому склоненъ признать

Вирховъ, то патогонцы вообще приближаются къ долихокефаламъ. (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Authrop. 1874, s. 63). Тѣмъ не менѣе въ главныхъ чертахъ они должны считаться брахикефальной расой, судя по крайней мѣрѣ по тремъ патагонцамъ изъ Пунта Ареназа, привезеннымъ въ Берлинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, которые представляли явные признаки короткоголовія съ указателемъ въ 87, 86, 8 и 86, 5. Эти цифры вполнѣ подходятъ къ продольному указателю ширины всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ патагонскихъ череповъ, который большею частью колеблется между 77 и 82; въ видѣ исключенія встрѣчаются съ одной стороны указатели въ 75, а съ другой— 88 и 89 и даже 89,8, но еще вопросъ: дѣйствительно-ли могутъ эти патагонскіе черепа быть отнесены къ тегуэльчамъ. Емкость череповъ колеблется между 1325 куб. сант. minimum и 1650 maximum (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1881 s. 382). Искуственное уродованіе головы существовало и у старыхъ патагонцевъ, которые во времена открытія Америки еще употребляли каменныя орудія, а именно каменные наконечники стрѣлъ и шары боласа. Этотъ же обычай, по свидѣтельству Морено, до сихъ поръ встрѣчается у тегуэльчей, которые перевязываютъ голову особой повязкой, чтобы волосы не спускались на лицо. Кромѣ того примѣняется еще другой методъ, а именно родившагося ребенка привязываютъ къ доскѣ, поставивъ двѣ дощечки по обѣимъ сторонамъ головы, чтобы она оставалась неподвижной во время верховой ѣзды; затѣмъ на голову ребенка накладываютъ широкій поясъ (который взрослые носятъ вокругъ таліи), и привязываютъ его къ доскѣ въ горизонтальномъ положеніи. Такимъ образомъ новорожденнаго берутъ на лошадь и онъ совершаетъ съ матерью длинные переѣзды (ibid. 1879, s. 200).

Очертаніе лица тегуэльчей, по словамъ Вирхова, соотвѣтствуетъ американскому типу. При сильномъ развитіи челюстныхъ костей особенно поражаетъ положеніе большею частью превосходныхъ зубовъ, которое не только можетъ быть названо ортогнатичнымъ (прямымъ), но и опистогнатическимъ (гдѣ линія загибается какъ бы кзади). Губы тонкія и красивыя; ротъ въ большинствѣ случаевъ умѣренный, что еще болѣе придаетъ тегуэльчамъ видъ благородной расы. Съ этимъ гармонируетъ и характерная форма носа, необыкновенно прямаго и хорошаго, хотя сравнительно широкаго, вслѣдствіе сильнаго растяженія носовыхъ крыльевъ. Блестящіе глаза темнокоричневаго цвѣта, кожа очень темная и скорѣе съ желтоватымъ нежели красноватымъ оттѣнкомъ; волосы такъ похожи на лошадиную гриву, что это сравненіе невольно приходитъ въ голову. Блестящіе волосы чистаго чернаго цвѣта и совершенно прямые; они ниспадаютъ гладкими толстыми нитями и чрезвычайно жестки на ощупь. У взрослыхъ волосы достигаютъ 40 сант. длины и подвязаны головной повязкой, какъ на вышеприведенномъ рисункѣ (ibid. s. 201 и 202). Они тщательно выщипываютъ скудную рас-

тительность на бородѣ и даже брови, хотя въ то же время мужчины обращаютъ большое вниманіе на свои прекрасные волосы и заставляютъ своихъ женъ ежедневно разчесывать ихъ щетками. Мустерсъ былъ особенно пораженъ наружностью Оркеке, кацика сѣверныхъ племенъ тегуэльчей, живущихъ близъ Ріо Чико. При шестифутовомъ ростѣ и совершенно пропорціональныхъ членахъ тѣла онъ былъ настолько бодръ и отличался такимъ проворствомъ движеній, что никто не принялъ бы его за шестидесятилѣтняго старика. Онъ казался такимъ закаленнымъ, что могъ бы безъ труда перенести всевозможныя лишенія; въ густыхъ черныхъ волосахъ едва пробивалась сѣдина; большіе интеллигентные глаза, орлиный носъ, тонкія твердыя губы мало соотвѣтствовали представленію, которое составилось у насъ о патагонскихъ лицахъ; уходящій назадъ лобъ придавалъ еще большую выразительность его серіёзному, задумчивому и при этомъ поразительно умному лицу.

Ростъ женщины достигаетъ среднимъ числомъ 1,67 м. высоты, а по свидѣтельству Морено только 1,602 м.; волоса рѣдко бываютъ такъ длинны и красивы какъ у мужчинъ; онѣ носятъ ихъ въ двѣ косы; дѣвушки искуственно удлиняютъ ихъ въ торжественныхъ случаяхъ, вплетая въ нихъ конскіе хвосты. Тегуэльчскія женщины очень красивы въ молодости, съ здоровыми румяными лицами, хотя онѣ не рѣдко уродуютъ ихъ окраской. Поведеніе ихъ вполнѣ скромное, хотя онѣ очень кокетливы и любятъ ухаживанье не менѣе цивилизованныхъ дамъ европейскихъ салоновъ. Тяжелая усиленная работа не имѣетъ на нихъ такого дурнаго вліянія, какъ можно было ожидать; но въ старости онѣ становятся положительно безобразны.

Жилищемъ тегуэльчей служитъ „toldo", испанское названіе, обозначающее индійскую палатку, похожую на шалаши нашихъ цыганъ; она состоитъ изъ шкуръ гуанако, вымазанныхъ жиромъ и красной охрой. Палатки эти обыкновенно раскинуты въ защищенныхъ мѣстахъ, съ выходомъ обращеннымъ на востокъ, такъ какъ сильные внезапно налетающіе вѣтры большею частью дуютъ съ запада. Внутреннее убранство „toldo" почти исключительно состоитъ изъ подушекъ старыхъ „ponchos" или „mandil", которые употребляются не только для сидѣнья и въ видѣ постели, но служатъ и сѣдлами для женщинъ При этомъ тегуэльчи соблюдаютъ величайшую опрятность въ своихъ „toldo" и всякій соръ тотчасъ же выносится женщинами. Одежда мужчинъ состоитъ изъ „chiripa", т. е. панталонъ привязанныхъ къ поясу, которыя никогда не снимаются, потому что тегуэльчи обращаютъ большое вниманіе на приличія. Кромѣ того, они носятъ теплый и просторный плащъ изъ мѣха гуанако, шерстью внутрь и раскрашенный съ наружной стороны разными красками, преимущественно красной, желтой, голубой, черной или бѣлой. Обувью служатъ высокіе сапоги выше колѣнъ изъ лошадиной шкуры или изъ мѣха пума. На головѣ они носятъ большею частью крашенную проволочную сѣтку, которая придерживаетъ ихъ густые волосы, но также охотно одѣваютъ шляпу, если имъ удастся пріобрѣсти ее. Вообще они замѣчательно выносливы; Мустерсъ нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, какъ многіе изъ нихъ, набросивъ на плечи плащи, оставляли туловище совершенно открытымъ, несмотря на холодный

вѣтеръ дувшій въ пампасахъ. Одежда женщинъ мало отличается отъ мужской; вся разница заключается въ томъ, что плащъ на груди застегивается большой серебряной брошкой или иглой, и онѣ носятъ подъ плащемъ одежду изъ каленкора или какой либо другой бумажной матеріи, которая скроена въ видѣ мѣшка и отъ плечъ спускается до тальи. Дѣти также носятъ маленькіе плащи; но въ большинствѣ случаевъ обходятся безъ нихъ и бѣгаютъ совсѣмъ нагіе. Что касается украшеній, то женщины выказываютъ особенное предпочтеніе большимъ четырехъугольнымъ серьгамъ и серебрянымъ шнурамъ, которые обматываютъ вокругъ шеи; мужчины также не пренебрегаютъ ими, и вообще оба пола при малѣйшей возможности охотно надѣваютъ на себя серебряныя украшенія. Они сами очень искусно изготовляютъ ихъ изъ долларовъ пріобрѣтаемыхъ путемъ торговли, которые они передѣлываютъ посредствомъ каменныхъ орудій (молотка и наковальни). Кремень употребляется только мужчинами для выбиванія огня. Оба пола раскрашиваютъ себѣ лицо, а при случаѣ и все тѣло красной охрой или черной землей смѣшанной съ жиромъ. Утренній туалетъ ихъ совершается очень просто: они начинаютъ съ купанья, которому всѣ предаются съ страстнымъ увлеченіемъ; при этомъ оба пола тщательно отдѣлены другъ отъ друга; послѣ купанья (большею частью совершаемаго съ восходомъ солнца) приступаютъ къ расчесыванію волосъ; жены, дочери и возлюбленныя причесываютъ мужчинъ, а также раскрашиваютъ имъ лица. Въ случаѣ траура наводятъ нѣсколько черныхъ пятенъ; во время войны эти пятна бѣлыя. Женщины красятъ лица и причесываютъ волосы другъ другу или дѣлаютъ это сами безъ посторонней помощи, если имъ удастся добыть гдѣ нибудь кусочекъ зеркала. Оба пола татуируютъ себѣ переднюю часть руки; для этого они предварительно расцарапываютъ кожу стекломъ, затѣмъ втираютъ въ нее голубую глину; но операція эта почти не производитъ никакой боли. Хотя тегуэльчи, какъ было упомянуто выше, чрезвычайно опрятны, выметаютъ всякій соръ изъ своихъ „toldo“, и если имъ попадется кусокъ мыла, то моютъ все, что имъ попадется подъ руку, но тѣмъ не менѣе они покрыты домашними насѣкомыми, которыя водятся во множествѣ въ ихъ плащахъ.

Сѣдельный приборъ, боласъ, лассо и пики патагонцевъ.

Пигафетта говоритъ въ своемъ описанiи, что патагонцы вооружены лукомъ и стрѣлами; но, по мнѣнiю Мустерса, это извѣстiе относится только къ жителямъ Огненной земли или къ индiйцамъ пампасовъ у Рiо Негро, потому что лукъ нигдѣ не встрѣчается южнѣе этой рѣки.

Главное занятiе женщинъ въ лагерѣ заключается въ изготовленiи плащей изъ шкуръ гуанако для мужчинъ, входящихъ въ составъ семьи. Тотъ, кто по несчастью не имѣетъ ни жены, ни дочери, долженъ предоставить изготовленiе мѣховаго плаща которой либо изъ дѣвушекъ, и при этомъ долженъ отдать ей за работу половину матерiала, такъ что охотникъ, во всякомъ случаѣ остается въ проигрышѣ. Такъ напримѣръ, Мустерсъ изъ 30—40 шкуръ получилъ плащъ, на который употреблена была только треть шкуръ данныхъ имъ для этой цѣли. На ряду съ наиболѣе употребительными плащами гуанако носятъ также плащи изъ мѣха лисицъ, дикихъ кошекъ и пума. Кромѣ этой нескончаемой швейной работы женщина у тегуэльчей справляетъ всю домашнюю работу, между прочимъ на ея обязанности лежитъ раскидыванiе палатки, осѣдлыванiе лошадей и, наконецъ, изготовленiе пищи. Кухонная утварь въ высшей степени проста; она состоитъ изъ вертела, подчасъ изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ котловъ, въ которыхъ они топятъ страусовый жиръ, а также иногда попадаются деревянныя дощечки и чешуя броненосца. Хотя тегуэльчскiя дамы, благодаря вышеупомянутымъ занятiямъ, имѣютъ достаточно дѣла, но онѣ тѣмъ не менѣе находятъ еще время для карточной игры, болтовни и скандальныхъ сплетенъ.

Мужчины преимущественно занимаются охотой, которая представляетъ здѣсь не удовольствiе, а промыселъ, потому что отъ производительности охоты зависитъ обилiе мѣховъ, какъ для ихъ собственнаго потребленiя, такъ и для торговли. Время отъ времени они появляются въ малочисленныхъ поселенiяхъ бѣлыхъ для обмѣна страусовыхъ перьевъ и шкуръ пума, гуанако и страусовъ на табакъ, сахаръ, боевые запасы и преимущественно ромъ, такъ какъ тегуэльчи, хотя, разумѣется, съ весьма многими исключенiями, также большею частью готовы отдать съ трудомъ добытые продукты охоты за этотъ напитокъ. Если ихъ сопровождаютъ жены, то послѣднiя зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы часть добычи была оставлена для удовлетворенiя позднѣйшихъ и болѣе нужныхъ потребностей. Тегуэльчи преимущественно охотятся за гуанако и страусомъ. Гуанако, извѣстный у индiйцевъ подъ названiемъ „Nu“, въ высшей степени полезенъ для тегуэльчей; шкурами взрослыхъ звѣрей они покрываютъ свои палатки; изъ шкуръ новорожденныхъ или молодыхъ гуанако изготовляются плащи и обувь; жилы замѣняютъ нитки, а изъ плотной кожи, покрывающей шею животнаго, вырѣзаются ремни для лассо и уздечки. Такую же неоцѣнимую пользу приноситъ патагонскiй нанду (Rhea Darvinii), называемый у тегуэльчей „mekyusch“, у испанцевъ—страусъ, потому что каждая отдѣльная часть его примѣняется съ пользою туземцами, а мясо служитъ любимымъ продуктомъ питанiя.

Тегуэльчи очень умѣренны въ пищѣ и далеко не такъ прожорливы, какъ ихъ нерѣдко описываютъ; они никогда не ѣдятъ въ опредѣленные часы дня, а только тогда, когда ихъ побуждаетъ къ этому голодъ. Но при этомъ они со страстью предаются куренью. Какъ только зажжена трубка, туземецъ ложится на землю, выпускаетъ клубы дыма на всѣ четыре стороны, бормочетъ при этомъ нѣсколько словъ молитвы, усердно затягивается табачнымъ дымомъ, послѣ чего онъ впадаетъ въ состоянiе одуренiя и отчасти безчувствiя, которое продолжается нѣсколько минутъ. Въ это время никто изъ присутствующихъ не рѣшается безпокоить его; наконецъ онъ приходитъ въ себя, выпиваетъ глотокъ воды и принимаетъ участiе въ общемъ разговорѣ. Въ случаѣ неимѣнiя табака употребляется трава, прiобрѣтенная путемъ торговли у арауканцевъ, но ее никогда не курятъ отдѣльно, а всегда съ примѣсью парагвайскаго чая. Женщины также курятъ, но большею частью съ приближенiемъ старости. Глав-

ными развлеченіями служатъ: лошадиный бѣгъ и игра въ карты и кости. Закладомъ служитъ лошадь, сѣдло, лассо или какая либо другая вещь; выигравшій посылаетъ за ними пріятеля, а въ случаѣ необходимости отправляется самъ. Долги этого рода выплачиваются немедленно и съ величайшею добросовѣстностью, хотя залоги бываютъ иногда довольно значительны. Тегуэльчи обладаютъ хорошимъ музыкальнымъ слухомъ, но ихъ пѣсни не мелодичны и состоятъ изъ повторенія безсмысленныхъ словъ. Говорятъ, что нѣкогда они воспѣвали преданія своего племени, но этотъ обычай, къ сожалѣнію, вышелъ изъ употребленія, и никто изъ нихъ не можетъ сообщить ни малѣйшихъ свѣденій о своемъ прошломъ. Дѣти большею частью подражаютъ во всемъ родителямъ. Мальчики играютъ миніатюрными боласъ и ловятъ собакъ маленькими лассо; дѣвочки устраиваютъ себѣ палатки и сидятъ въ нихъ, для этого онѣ тащатъ все, что имъ попадается подъ руку. Ребенку съ самаго ранняго возраста назначаютъ лошадь, которая считается его собственностью и никогда не требуется назадъ; дѣйствительно, дѣти обоего пола нерѣдко выучиваются прежде ѣздить верхомъ, а потомъ уже ходить. Мустерсъ не замѣтилъ, чтобы даваніе имени было сопряжено съ какою либо торжественностью; равнымъ образомъ вообще не существуетъ никакихъ фамильныхъ названій, которыя передавались бы по наслѣдству. Напротивъ того, здѣсь, повидимому, господствуетъ относительно этого полнѣйшій произволъ, такъ что большинство именъ едва ли не дается по мѣсту рожденія. Но рядомъ съ этимъ наступившая зрѣлость дѣвушки служитъ поводомъ для особаго празднества. Подобное торжество описано Мустерсомъ. Рано утромъ отецъ дѣвушки заблаговременно увѣдомилъ касика о наступленіи важнаго событія, о которомъ этотъ въ свою очередь извѣстилъ знахаря или мужа знанія, а равно и всю орду съ тою цѣлью, чтобы сдѣланы были необходимыя приготовленія для празднества посвященія. Сущность его заключалась въ томъ, что дѣвушку отвели въ особую отведенную для нея палатку, въ которую никто не имѣлъ права войти; затѣмъ убито было нѣсколько кобылъ и устроена пирушка, которая кончилась баломъ; въ послѣднемъ принимали участіе одни мужчины, между тѣмъ какъ женщины сидѣли вокругъ и представляли собою зрителей. Танцоры были украшены страусовыми перьями и двигались подъ тактъ въ высшей степени первобытной музыки, такого же барабана и не менѣе первобытной дудки, сдѣланной изъ кости гуанако съ пробуравленными на ней отверстіями. Движенія танцоровъ сначала медленныя становились все быстрѣе, пока они не дошли до изнеможенія. Въ девять часовъ вечера празднично настроенные тегуэльчи разошлись по домамъ.

Браки постоянно заключаются по взаимной привязанности, и родители никогда не принуждаютъ дѣвушку выйти замужъ за жениха, который ей не нравится, какъ бы ни былъ желателенъ этотъ союзъ. Если сватающійся заручился согласіемъ дѣвушки, то онъ посылаетъ брата или преданнаго друга къ родителямъ своей возлюбленной, чтобы предложить за нее столько-то кобылъ, лошадей и серебряныхъ украшеній. Если родители согласны на предлагаемыя условія, то женихъ при первой возможности является передъ ихъ „toldo" на лучшемъ конѣ и въ самомъ парадномъ платьѣ, чтобы передать обѣщанные дары будущему тестю и тещѣ, которые, въ свою очередь, дѣлаютъ ему подарки той же стоимости. Эти подарки считаются собственностью жены въ случаѣ расторженія брака, что̀ бываетъ очень рѣдко. Послѣ обмѣна даровъ женихъ ведетъ невѣсту въ ея новый „toldo" при радостныхъ восклицаніяхъ своихъ друзей и пѣніи женщинъ, послѣ чего гостей угощаютъ кобыльимъ мясомъ. У тегуэльчей каждый можетъ взять себѣ столько женъ, сколько онъ въ состояніи прокормить, но въ „toldo" рѣдко можно встрѣтить больше двухъ и даже одной жены. Бездѣтные супруги вмѣсто ребенка берутъ себѣ въ пріемыши собаку и дарятъ ей лошадь со всѣми принадлежностями верховой ѣзды,

все это уничтожается послѣ смерти собственника, т. е. собаки. Въ случаѣ смерти кого либо изъ тегуэльчей убиваютъ всѣхъ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ, принадлежавшихъ покойному, а его „poncho“ (одежда), украшенія, боласъ и другія вещи сносятъ въ кучу и сжигаютъ. Мертвеца зашиваютъ въ „poncho“ или плащъ и уносятъ въ каменный холмъ, гдѣ оставляютъ въ сидящемъ положеніи съ лицомъ обращеннымъ къ востоку; по этому случаю на холмъ набрасываютъ нѣсколько новыхъ камней. Имя покойнаго больше никогда не произносится и его предаютъ полнѣйшему забвенію.

Религія тегуэльчей отличается отъ вѣрованій арауканцевъ и индійцевъ пампасовъ тѣмъ, что въ ней нѣтъ и слѣда поклоненія солнцу, между тѣмъ какъ они привѣтствуютъ появленіе новаго мѣсяца особыми жестами и молитвой, слова которой не могъ разслышать Мустерсъ несмотря на всѣ свои старанія. Тегуэльчи несомнѣнно признаютъ существованіе добраго духа, хотя увѣряютъ, что онъ вовсе не заботится о людяхъ; но у нихъ нѣтъ никакихъ идоловъ или чего либо напоминающаго ихъ, а также никакихъ религіозныхъ праздненствъ. Но рядомъ съ этимъ они вѣрятъ въ существованіе многочисленныхъ злыхъ геніевъ, которые только думаютъ о томъ, чтобы сдѣлать какое нибудь зло и нанести возможный вредъ людямъ. Самый важный изъ этихъ демоновъ и, такъ сказать, глава ихъ „Гвалічу“, котораго тегуэльчи стараются умилостивить принесеніемъ въ жертвы лошадей и кобылъ, какъ только это покажется имъ необходимымъ. Такого рода дѣлами, хотя не исключительно, занимаются знахари, званіе которыхъ не наслѣдственное. Господа эти также занимаются медицинской практикой въ своемъ племени и особенно часто прибѣгаютъ къ кровопусканію; имъ знакомо также употребленіе ядовъ. Кромѣ того они необходимо должны заниматься предсказаніями ближайшихъ событій, хотя эта профессія далеко не безопасная, потому что ихъ нерѣдко наказываютъ смертью въ случаѣ ложныхъ показаній. Иногда бываетъ и такъ, что смерть котораго либо изъ тегуэльчей приписывается его соплеменниками чарамъ третьяго лица, что большею частью ведетъ къ весьма непріятнымъ послѣдствіямъ для мнимаго колдуна.

Характеръ тегуэльчей вообще можетъ быть названъ добродушнымъ. Они отличаются поразительною честностью въ сношеніяхъ съ своими соплеменниками, но безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти обкрадываютъ чужестранцевъ.

Въ подтвержденіе этого мы приведемъ здѣсь разсказъ Мустерса объ его встрѣчѣ съ манцанеросами, торговавшими водкой. Тегуэльчи были въ высшей степени довольны прибытіемъ чужеземцевъ и тотчасъ же собрались вокругъ палатки, гдѣ пришельцы расположились съ своимъ товаромъ. По этому поводу устроена была особая церемонія: въ землю воткнуты были четыре копья и на одномъ изъ нихъ повѣшено „poncho“; затѣмъ вожди обошли ихъ кругомъ и каждый слегка обрызгалъ копья и землю ромомъ изъ рога, который былъ въ его рукахъ, бормоча какое-то заклинаніе. Процедура эта повторилась два раза сряду при оглушительныхъ крикахъ и пѣніи избранной толпы старыхъ женщинъ, которыя съ своей стороны помогали этимъ способомъ изгнанію злаго духа. Послѣ этого и началась торговля. Пришельцы давали за плащъ двѣ бутылки отвратительнаго вальдивіанскаго рома, что по мнѣнію тегуэльчей было неимовѣрно дорого. Но такъ какъ купцы предоставили тегуэльчамъ купить товаръ по назначенной цѣнѣ или вовсе отказаться отъ него, то ромъ былъ довольно скоро раскупленъ и за него отдано восемнадцать новыхъ плащей, порядочное количество кобылъ и т. п. Тегуэльчи въ свою очередь воспользовались слѣдующей ночью, чтобы украсть часть отданныхъ плащей и кромѣ того обманули манцанеросовъ относительно лошадей, говоря, что не могутъ поймать

ихъ. Послѣдствіемъ этой торговой сдѣлки была сильнѣйшая драка, во время которой пришлось отнять оружіе у обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Другой разъ Мустерсъ присутствовалъ при встрѣчѣ двухъ тегуэльчскихъ ордъ и могъ наблюдать церемоніалъ привѣтствій принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ у этихъ племенъ. Обѣ партіи выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ; всѣ были въ полномъ парадномъ вооруженіи и сидѣли на лучшихъ коняхъ. Вожди объѣхали ряды своихъ воиновъ, отдавая различныя приказанія; въ отвѣтъ на это слышался громкій, далеко разносившійся возгласъ „wap, wap, wap!“ Съ обѣихъ сторонъ были высланы послы или быть можетъ заложники (для чего обыковенно выбираютъ сына или брата главнаго вождя); и пришельцы выступили колонной по три въ рядъ и объѣхали вокругъ шайки оркекесовъ, стрѣляя на воздухъ изъ ружей и револьверовъ и потрясая съ громкими криками свои мечи и боласъ. Послѣ этого выступили кацики, пожали другъ другу руки и говорили длинныя церемонныя привѣтствія, много разъ повторяемыя, потому что по требованію этикета только за третьимъ разомъ слѣдовалъ отвѣтъ „ahon“, т. е. „да“. Тутъ только завязался общій разговоръ. Мустерсъ былъ крайне удивленъ, когда увидѣлъ у краснокожихъ сыновъ пампасовъ такое точное соблюденіе этикета, которое сдѣлало бы честь любому испанскому придворному.

Тегуэльчи вообще относятся съ недовѣріемъ къ чужестрацамъ, особенно къ испанцамъ, которыхъ они называютъ „христіанами“; но тѣмъ не менѣе Мустерсъ имѣлъ очень интересный разговоръ съ однимъ тегуэльчскимъ вождемъ, какъ о самихъ индійцахъ, такъ и ихъ отношеніяхъ къ бѣлымъ. Вождь этотъ объявилъ между прочимъ, что онъ всегда стоитъ за мирныя сношенія съ людьми изъ Вальдивіи на западѣ, а равно и съ аргентинцами на востокѣ. „Господь, сказалъ онъ, далъ намъ эти холмы и равнины, чтобы мы жили въ нихъ, снабдилъ насъ гуанако, изъ шкуръ котораго мы дѣлаемъ наши „toldo“ и шьемъ плащи; онъ также далъ намъ страусовъ и броненосцевъ для питанія. Въ послѣдніе годы сношенія съ „христіанами“ пріучили насъ къ сахару, сухарямъ, мукѣ и другимъ предметамъ роскоши, которые прежде были неизвѣстны у насъ, а теперь сдѣлались почти необходимыми. Если мы начнемъ войну съ испанцами, то у насъ не будетъ рынка для сбыта мѣховъ, „poncho“, перьевъ и т. п., такъ что наша прямая выгода жить съ ними въ мирѣ; вдобавокъ здѣсь достаточно мѣста для всѣхъ насъ“. Само собою разумѣется, что тегуэльчи, какъ всѣ дикари, лгутъ немилосердно въ повседневной жизни и только въ случаѣ крайности говорятъ правду; впрочемъ они бо̀льшею частью сообразуются съ людьми, съ которыми имѣютъ дѣло; если ихъ не обманываютъ, и они не дѣлаютъ этого.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ холера произвела сильныя опустошенія между тегуэльчами (Rev. d'Anthrop. 1874, p. 751), такъ что въ настоящее время число ихъ едва доходитъ до 1400 душъ.

ЖИТЕЛИ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ.

Къ югу отъ арауканцевъ и тегуэльчей, въ архипелагѣ, на самомъ южномъ концѣ Новаго Свѣта, въ Огненной Землѣ и близъ лежащихъ мелкихъ островахъ встрѣчаются такъ называемые жители Огненной Земли или пешересы. Послѣднее прозвище было дано имъ Бугенвиллемъ и удерживалось за ними до тѣхъ поръ, пока Чарльсъ Дарвинъ и Мортонъ, а по ихъ примѣру нѣмцы не перекрестили ихъ въ жителей Огненной Земли. Эта перемѣна имени не только не принесла никакой пользы, но произвела еще большую путаницу, потому что въ то время, какъ одни путешественники нашли довольно близкое сродство между жителями Огненной Земли и патагонцами, по другимъ описаніямъ между тѣми и другими существуютъ весьма значительныя отличія. Упомянутое сродство собственно относится только къ тѣмъ племенамъ, которые живутъ на востокѣ острововъ Магелланова пролива. Тутъ повидимому патагонцы перешли въ Огненную Землю и поселились вдоль береговъ. Это населеніе отличается отъ остальнаго величиной роста и принадлежитъ къ своеобразной расѣ, которая въ противоположность континентальнымъ тегуэльчамъ называетъ себя йакана-кунни, что̀, какъ упомянуто выше, означаетъ „пѣшій народъ“ потому что у нихъ нѣтъ лошадей, какъ у ихъ собратій на материкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ нимъ должно быть отнесено описаніе швейцарца Пертюизе, который находитъ жителей Огненной Земли рослыми и статными и даже говоритъ, что у нихъ красивый типъ лица, во всякомъ случаѣ благороднѣе, нежели у патагонцевъ, и распространяется о свѣтломъ колоритѣ ихъ кожи, тогда какъ Дарвинъ утверждаетъ, что она темная и считаетъ ихъ языкъ схожимъ съ патагонскимъ, хотя и не совсѣмъ одинаковымъ. Весь западный и южный берегъ, равно и сосѣдніе острова заняты совершенно различными народностями. Между ними упоминается и то племя, которое со временъ Бугенвилля обыкновенно обозначается именемъ пешересовъ; это имя перешло въ популярную литературу, и я считаю нелишнимъ придерживаться его въ данномъ случаѣ, такъ какъ нахожу его болѣе цѣлесообразнымъ, нежели названіе „жители Огненной Земли“, которое въ этнологическомъ отношеніи лишено всякаго смысла. Кромѣ того различные путешественники упоминаютъ о многихъ другихъ племенахъ, какъ, напримѣръ: текееника на юго-востокѣ и аликулипъ на западѣ; затѣмъ Сноу Паркеръ называетъ три племени различныхъ по языку: каменетъ, кенека и караика, между тѣмъ какъ Кингъ и Фицрой сообщаютъ о племени япу, на крайнемъ югѣ, которое принадлежитъ къ индійцамъ текееника, живущимъ на

югѣ Огненной Земли, и говоритъ языкомъ непонятнымъ для западныхъ аликулипъ.

Наружность пешересовъ, число которыхъ едва доходитъ до 4000 душъ, вообще описана не особенно привлекательными красками. Путешественники сходятся въ своихъ отзывахъ, называя ихъ отвратительными существами, стоящими на самой первобытной степени культуры, если только здѣсь вообще можетъ быть рѣчь о культурѣ. Появленіе одиннадцати пешересовъ въ Европѣ въ 1881 году нѣсколько ознакомило этнологовъ съ этимъ народомъ замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и дало возможность опровергнуть не одно ложное мнѣніе, которое составилось о нихъ. Такимъ образомъ въ настоящее время съ помощью имѣющихся извѣстій мы можемъ набросить довольно вѣрную, хотя не утѣшительную картину наружности и образа жизни этихъ дикарей.

Пешересы, эти южные эскимосы, по своему росту принадлежатъ къ самой мелкой породѣ людей и во всякомъ случаѣ представляютъ поразительный контрастъ съ богатырскими фигурами тегуэльчей. Хотя они не такъ малы, какъ думали прежде, и не могутъ быть названы карликами, но все-таки по измѣреніямъ флотскихъ докторовъ Бера и Эссендорфа встрѣтившихъ пешересовъ въ Магеллановомъ проливѣ, а также судя по измѣреніямъ Вирхова предпринятымъ надъ пешересами въ Берлинѣ, средняя величина роста у мужчинъ доходитъ только до 1544 мм. Если-же мы сопоставимъ эту цифру съ средней величиной роста представителя тегуэльчскаго племени, которая по свидѣтельству Морено доходитъ до 1855 мм., то во всякомъ случаѣ пешересъ покажется намъ пигмеемъ, и я немогу согласиться съ Вирховымъ, который не хочетъ видѣть между обоими такой діаметральной противоположености, которая бы намъ давала право назвать сравнительно патагонцевъ великанами, а жителей Огненой земли карликами (Verhandl. d. Berl. Gesellch. f. Anthrop. 1881 s. 377). Женщины еще меньше, хотя ростъ одной изъ нихъ, привезенной вмѣстѣ съ другими въ Европу, доходилъ до 1612 мм. У всѣхъ плечевая часть руки слишкомъ длинна и не соотвѣтствуетъ величинѣ роста. Равнымъ образомъ въ строеніи костей замѣтна такая непропорціальность, такъ какъ верхняя часть тѣла вообще сильнѣе развита, чѣмъ нижняя и съ такими поразительно короткими нижними оконечностями, что это придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ обезьянами. Ступни ногъ довольно велики, и, судя по сдѣланнымъ измѣреніямъ, пешересы несравненно болѣе, нежели тегуэльчи заслуживаютъ прозвище „широконогихъ“ или патагонцевъ, которымъ испанцы окрестили послѣднихъ. Но вообще форма ноги у пешересовъ довольно гармонична, хотя ея нельзя назвать положительно красивой. Она не представляетъ собой ничего безобразнаго; положеніе пальцевъ обѣихъ ногъ совершенно первобытные; большой палецъ замѣтно отдѣленъ отъ второго. Что-же касается недостаточнаго развитія икръ, то пешересы въ этомъ отношеніи могутъ быть до извѣстной степени причислены къ нѣкоторымъ изъ черныхъ африканскихъ племенъ. Въ противоположность незначительному развитію бедра и малой берцовой кости встрѣчается большею частью чрезмѣрное развитіе груди, плечъ, верхнихъ конечностей и не только костей, но и мышцъ. Бюстъ женщинъ отличается полнотой, такъ что окружность груди доходитъ приблизительно до 945—1030 мм. Груди сильно развиты, но не безобразны и не особенно отвислыя, хотя и настолько, что большіе и хорошо сформированные papillae обращены книзу. Животы даже у дѣтей довольно округлены, а у взрослыхъ большею частію достигаютъ значи-

тельныхъ размѣровъ. По свидѣтельству Эссендорфера и Бера, пешересы видѣнные ими у Магелланова пролива, а именно женщины отличались тучностію. Размѣры рукъ сравнительно съ ногами слишкомъ велики; средняя длина рукъ составляетъ приблизительно 91 процентъ средней длины ногъ; кисти рукъ хорошо сформированны, хотя указательный палецъ одинаковой длины съ третьимъ пальцемъ.

Вирховъ обратилъ особенное вниманіе на образованіе головы. Согласно его изслѣдованіямъ пешересы должны быть причислены къ мезокефаламъ, но онъ не нашелъ у нихъ никакихъ слѣдовъ искуственнаго уродованія; средній указатель черепа мужчинъ доходилъ до 79. Совершенно схожіе съ этимъ результаты получены д-ромъ г. фонъ-Гельдеръ, который изслѣдовалъ черепа пешересовъ въ Штутгартѣ.

Пешересы.

Головы женщинъ немного короче. Но вообще черепа довольно велики, и если мы станемъ изъ этого выводить заключеніе о развитіи мозга, то должны приписать имъ бо́льшіе размѣры мозга, нежели можно предполагать въ нихъ на основаніи ихъ умственныхъ способностей. У трехъ пешерескихъ череповъ Гунтеровскаго музея въ Лондонѣ найдена емкость въ 1420, 1210 и 1200 куб. сант.; но Вирховъ не придаетъ этому значенія и утверждаетъ, что емкость черепа понижается иногда до 940 куб. сант. у людей, о которыхъ нельзя сказать, чтобы они не были способны къ развитію извѣстныхъ интеллектуальныхъ способностей. Женщины разумѣется стоятъ на еще болѣе низкой степени развитія, такъ что онѣ еще скорѣе могутъ навести на мысль, что мы здѣсь имѣемъ дѣло едва-ли не съ самымъ первобытнымъ изъ человѣческихъ племенъ. Лицо ихъ имѣетъ такой видъ, какъ будто голову положили между двумя досками и

раздавили; носъ такъ приплюснутъ, а скуловыя кости на столько выдвинуты впередъ, что наблюдателя прежде всего поражаетъ плоскость и ширина физіономіи, хотя полученный указатель хамэпрозопическій (chamäprosop)=83, 7. Лобъ сильно выпуклый, но довольно низкій; наружные глазничные наросты велики и покрывающая ихъ кожа утолщена; разстояніе между внутренними углами глазъ весьма значительно и доходитъ въ среднемъ выводѣ до 39 мм., слѣдовательно еще болѣе нежели у эскимосовъ. Глаза чрезвычайно блестящіе съ неизмѣннымъ темно коричневымъ зрачкомъ; выраженіе ихъ большею частію серіёзное, робкое, мрачное или печальное. Носъ чрезвычайно характеренъ по своей короткой спинкѣ, такъ что длина его весьма незначительна; ноздри всегда расширенныя; переносье глубокое, плоское или даже приплюснутое, носовая кость мало выступаетъ впередъ и слегка округлена. Форма носа большею частію довольно близко подходитъ къ монгольской. Уши невелики и красивы; мочки или совсѣмъ приросшія къ ушамъ или едва замѣтныя, какъ у эскимосовъ. Ротъ самъ по себѣ великъ и кажется еще больше благодаря полнымъ вздутымъ губамъ, которыя впрочемъ не представляютъ никакихъ признаковъ прогнатизма, такъ какъ верхняя губа въ большинствѣ случаевъ коротка и ротъ вовсе не выдается впередъ. Нижняя челюсть въ основаніи слишкомъ велика и широка, что зависитъ отъ сильнаго развитія жевательныхъ мышцъ; но спереди форма зубной дуги довольно красива. Всего характернѣе подбородокъ, который представляетъ не только округленную, но почти шарообразную выпуклость.

Цвѣтъ кожи темный, нерѣдко даже въ весьма значительной степени; при этомъ преимущественно коричневый, съ желтоватымъ отливомъ, особенно на лицѣ; подобно папуасамъ и эскимосамъ тѣ части тѣла которыя у нихъ сравнительно болѣе защищены одеждой, какъ напримѣръ грудь, оказываются гораздо темнѣе лица. Послѣднее всегда бываетъ относительно свѣтлѣе, хотя его никогда не покрываютъ, что наблюдалъ и французскій естествоиспытатель д-ръ Роша (Globus, Bd. II s. 215). Руки отъ кисти до плечъ и вся нога также всегда темнѣе окрашены нежели лицо; и только ладони и, подошвы имѣютъ болѣе свѣтлый оттѣнокъ, какъ у негровъ. Но при этомъ, несмотря на присутствіе пигмента у пешересовъ, подобно эскимосамъ, кожа можетъ принимать красноватый цвѣтъ, что объясняется извѣстною прозрачностію эпидермоидальнаго слоя. Кожа постоянно теплая и чрезвычано нѣжна и мягка на ощупь. Татуировка и раскрашиваніе кожи не въ обычаѣ. Волосы черны до послѣдней степени; на головѣ они сравнительно длинные, густые, гладкіе и прямые, ни въ какомъ случаѣ не рунообразные и на столько жесткіе, что напоминаютъ лошадиную гриву. Подъ микроскопомъ форма разрѣза ихъ оказалась болѣе или менѣе оркугленною, хотя и не совсѣмъ круглою. Голова совершенно закрыта длинными висящими волосами, которые большею частію спущены на лобъ. Оба пола одинаково причесаны; и обрѣзаютъ волосы надъ затылкомъ и глазами. У мужчинъ также очень мало волосъ на лицѣ; у болѣе пожилыхъ встрѣчаются рѣдкіе усы и бороды, но почти безъ всякихъ признаковъ бакенбардъ. Бровей почти нѣтъ, потому что ихъ выщипываютъ или соскабливаютъ. Вообще Вирховъ пришелъ къ заключенію, что пешересы въ нѣкоторыхъ чертахъ приближаются къ азіатскимъ и эскимосскимъ народамъ, но во всемъ остальномъ больше подходятъ къ американской расѣ, нежели къ которой либо изъ другихъ извѣстныхъ расъ (Verhandl. d. Berl. Gesellsch. p. Anthrop. 1881, s. 375—390).

Что-же касается соціальныхъ условій пешересовъ, то они мало извѣстны; и мы можемъ сообщить о нихъ довольно скудныя извѣстія. У нихъ нигдѣ нѣтъ постоянныхъ мѣстъ жительства, ни деревень, ни

постоянныхъ домовъ или хижинъ, такъ что они до извѣстной степени осуждены на бродячую жизнь и бо̀льшею частью проводятъ ее на водѣ, сидя въ лодкѣ въ полномъ бездѣйствіи. Только въ случаѣ крайней необходимости добыть себѣ пищу и когда буря лишаетъ ихъ возможности отправиться въ море дѣлаютъ они небольшія экскурсіи на берегу. Они никогда не предпринимаютъ никакихъ странствованій и почти не ходятъ пѣшкомъ. Пешересы единственные изъ южноамериканскихъ дикарей, которые плаваютъ по морю въ выдолбленныхъ древесныхъ стволахъ отъ экватора до мыса Горна и далѣе за рѣку Ла̀-Плату. Они постоянно поддерживаютъ огонь въ этихъ челнокахъ, вслѣдствіе чего ихъ страна и они сами получили свое названіе. Тѣмъ не менѣе 29-го іюля 1879 года д-ръ Бёръ встрѣтилъ лодку, въ которой не было огня. Пешель обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что во времена открытія Америки, начиная съ Ла-Платы до мыса Горна и отъ мыса Горна вдоль западнаго берега Южной Америки, почти до Панамскаго перешейка, не было ни одного племени, которое употребляло бы другія суда, кромѣ плотовъ. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что постройка судовъ у Магелланова пролива была изобрѣтена позднѣе, и что изобрѣтателями были жители Огненной Земли, у которыхъ своеобразное очертаніе берега должно было вызвать извѣстный образъ жизни и промысла (Peschel, Völkerkunde, s. 200 — 201).

По словамъ капитана Вилькеса у нихъ были только челноки изъ древесной коры, которые они натягивали на остовъ и сшивали; но изъ этихъ челноковъ постоянно приходилось вычерпывать воду. Впослѣдствіи у нихъ появились болѣе цѣлесообразныя суда; и ихъ способъ конопаченія даже вошелъ въ славу. Нынѣшніе челноки у пешересовъ по своему наружному виду напоминаютъ „однодеревки“, которыя до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ горныхъ озерахъ Южной Германіи. Д-ръ Эссендорфъ описываетъ одинъ челнокъ видѣнный имъ на Огненной Землѣ; онъ имѣлъ 5 м. въ длину и 1 м. ширины; и былъ изготовленъ самымъ первобытнымъ способомъ изъ шкуръ вывороченныхъ на изнанку и прикрѣпленныхъ къ двумъ палкамъ составлявшимъ борты, которые были разъединены съ внутренней стороны круглыми плотно прилегающими другъ къ другу дугами. По срединѣ челнока былъ устроенъ круглый очагъ сложенный изъ камней и моха и на немъ горѣлъ небольшой огонь (Verhandl, d. Berl, Gesellsch, f, Anthrop. 1880, s. 61).

Тѣмъ не менѣе мореходство у пешересовъ во всякомъ случаѣ находится въ зачаточномъ состояніи. Пешель заключаетъ изъ того, что оружіемъ служитъ для нихъ метательный снарядъ рѣдко встрѣчаемый у мореходныхъ племенъ, что пешересы первоначально жили на материкѣ, подобно араукманъ и патагонцамъ, и снискивали себѣ пропитаніе охотой. Впослѣдстіи они были вѣроятно изгнаны изъ занимаемаго ими округа болѣе сильными сосѣдями, и должны были рѣшиться на переселеніе въ береговую страну и на охоту за морскими животными.

Послѣ окончательнаго истребленія тюленей, которыми была такъ богата Огненная Земля, жители въ настоящее время должны довольствоваться черепокожими животными и рыбами. Вирховъ замѣчаетъ,

что пешересы насколько извѣстно самые плотоядные изъ всѣхъ существующихъ народовъ. Дѣйствительно они не ѣдятъ ничего растительнаго, кромѣ грибовъ, растущихъ у ихъ вѣчно зеленыхъ бухтъ, и питаются исключительно рыбой, птицами и небольшимъ количествомъ дичи, выслѣживаемой ими съ помощью охотничьихъ собакъ. При размноженіи послѣднихъ къ немалому удивленію Дарвина они соблюдаютъ всѣ правила принятыя для разведенія той или другой породы (Darvin, Das Variieren der Thiere und Pflanzen im Zustande der Domestikation. Stuttgart 1878, Bd. II, s. 210). Въ случаѣ недостатка въ пищѣ они скорѣе рѣшатся убить старыхъ женщинъ своего племени, нежели собакъ, потому что, старухи, какъ они сами объяснили Дарвину, „не приносятъ никакой пользы, а собаки ловятъ выдръ“ (A. a. O., s. 219). Ихъ убиваютъ посредствомъ удушенія, держа надъ дымомъ, какъ видно изъ разсказа одного маленькаго пешереса, который со смѣхомъ передразнивалъ крикъ несчастныхъ старухъ и описывалъ какія части тѣла считаются самыми вкусными (A. a. O., s. 256). Что же касается ихъ склонности къ людоѣдству вообще, о которомъ существуетъ столько разсказовъ, то, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, я считаю наилучшимъ оставить этотъ вопросъ не рѣшеннымъ. Способъ, какимъ они изготовляютъ пищу, крайне простъ. Они жарятъ все, что имъ попадается подъ руку и, преимущественно рыбъ, для чего пользуются огнемъ, который возятъ съ собой въ лодкахъ.

Мнѣ случалось не разъ наблюдать пріемы этого первобытнаго кулинарнаго искусства въ Штутгартѣ. Пешересъ, прозванный „капитаномъ“. (изъ числа одиннадцати субъектовъ привезенныхъ въ Европу), получилъ однажды въ подарокъ только что застрѣленнаго ворона; „капитанъ“, принимая подарокъ, улыбнулся до ушей отъ удовольствія. Съ свойственною ему осмотрительностію онъ принялся ощипывать птицу и передалъ ее женѣ для дальнѣйшаго изготовленія. Сначала она бросила птицу въ огонь, чтобы спалить пухъ, послѣ чего вытащила ее палкой и выпотрошила. Послѣднее было сдѣлано на соломѣ и такимъ способомъ, который ясно доказывалъ, что почтенная женщина была совершенно неопытна въ употребленіи ножа. Внутренности она бросила въ огонь; и тутъ-же рядомъ съ ними стала жарить птицу, которая черезъ нѣсколько минутъ была снята съ углей. При этомъ жена „капитана“ во время всей стряпни сидѣла на корточкахъ и колѣни ея были приподняты до подбородка. Нужно замѣтить, что это любимая поза жителей Огненной земли, когда имъ приходится сидѣть, такъ какъ они все остальное время проводятъ въ лежаніи и въ этомъ отношеніи превосходятъ самыхъ записныхъ лѣнтяевъ. Быть можетъ этому способу сидѣнія слѣдуетъ приписать крайне безобразныя, почти обезьяньи конечности ногъ видѣнныя мною у пешересовъ въ особенности у „капитана“. Птицу убиваютъ и рѣжутъ на соломѣ, которая служитъ плевальницей для жителей Огненной земли. Для одной только рѣзки табака „капитанъ“ употребляетъ доску. Чтоже касается жира и крови, которые остаются на пальцахъ при закалываніи и разрѣзываніи птицы и ѣдѣ, то все это втирается въ волоса. Способъ ихъ ѣды представляетъ нѣчто такое грубое и звѣрское, что объ нихъ можно безусловно сказать, что они пожираютъ пищу. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ мужчины первые набросились на мясо и, захватили себѣ львиную часть, отрывали большіе куски ногтями и прогла-

тывали ихъ съ нечеловѣческою алчностью. Утоливъ голодъ, они предоставили остатки женщинамъ и дѣтямъ. Во время ѣды они безпрерывно произносили своеобразные гортанные звуки, которые были абсолютно непонятны для присутствующихъ европейцевъ. Впрочемъ пешересы не стѣсняясь ѣдятъ мясо сырымъ, срываютъ зубами съ костей и пожираютъ какъ обезьяны. На родинѣ у нихъ всегда бываетъ праздникъ, если приливъ выброситъ къ нимъ на берегъ уснувшаго кита; они пожираютъ его мясо не только въ сыромъ, но и полусгнившемъ видѣ. Вышеупомянутые жители Огненной Земли, посѣтившіе Европу ѣли сальныя свѣчи, какъ величайшее лакомство. Беръ и Эссендорфъ приводятъ въ видѣ замѣчательнаго исключенія тотъ фактъ, что видѣнные ими пешересы не выказывали ни малѣйшей склонности къ спиртнымъ напиткамъ и на отрѣзъ отказывались отъ нихъ (Verhandl, d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1880, s. 63 и 1881 s. 31). Но рядомъ съ этимъ другой наблюдатель, а именно г-нъ Георгъ Шлезингеръ, былъ пораженъ ихъ пристрастіемъ къ алькогольнымъ напиткамъ, которое выказалось самымъ несомнѣннымъ образомъ (A. a. O. 1881, s. 394). Табакъ составляетъ для всѣхъ предметъ первой необходимости.

Опрятность не принадлежитъ къ числу достоинствъ пешересовъ, потому что они повидимому не имѣютъ никакого понятія о томъ, что вода годится для мытья, и тѣмъ болѣе не употребляютъ мыла, вслѣдствіи чего выдѣляютъ сильный запахъ ворвани. Не смотря на отсутствіе одежды они обладаютъ такой поразительной способностью выносить всѣ перемѣны погоды, что въ этомъ отношеніи съ ними не можетъ сравниться ни одинъ народъ на свѣтѣ, за исключеніемъ камчадаловъ. Мужчины, женщины и дѣти ходятъ совсѣмъ нагіе или же едва прикрыты жалкимъ подобіемъ одежды. Д-ръ Эссендорфъ описываетъ слѣдующимъ образомъ костюмъ видѣнныхъ имъ пешересовъ: женщины были прикрыты начиная съ пояса шкурами на изнанку; но верхняя часть туловища была совершенно нагая. Одинъ ребенокъ былъ завернутъ въ плащъ, другой совсѣмъ нагой, и повидимому вовсе не ощущалъ холода. На мужчинахъ были надѣты шубы изъ выдровыхъ мѣховъ, шерстью внутрь, въ 1,30 м. длины и 1 м. ширины, правильно сшитыя кишечными струнами. Эта шуба привѣшана шнуркомъ къ шеѣ; ее свободно сбрасываютъ съ одного плеча на другое; при этомъ все остальное тѣло совершенно голое. Кромѣ того, спереди привязанъ былъ къ поясу клиновидный кусокъ мѣха въ 50 сант. длины и въ ладонь ширины для прикрытія нижней части живота, что впрочемъ не достигало своей цѣли. Въ женщинахъ не замѣтно ни малѣйшаго проявленія чувства стыдливости; но при этомъ онѣ пользуются всякимъ случаемъ, чтобы украсить себя браслетами, кольцами и цѣпочками.

По свидѣтельству Чарльса Дарвина, — который сопровождалъ капитана Фицроя въ его кругосвѣтномъ плаваніи на кораблѣ „Beagle“ и въ 1832 году посѣтилъ Огненную Землю, — дикари, встрѣтившіе ихъ на берегу, по своему наружному виду представляли вышеописанные признаки. Роль оратора исполнялъ пожилой человѣкъ; голова его была украшена повязкой изъ бѣлыхъ перьевъ, которая частью придерживала его черные косматые волосы. Поперегъ лица проведены были двѣ полосы: одна свѣтлокрасная полоса проходила черезъ верхнюю губу отъ одного уха къ другому; другая—бѣлая какъ

мѣлъ шла параллельно первой, такъ что брови были также окрашены бѣлымъ. По словамъ Дарвина толпа эта представляла поразительное сходство съ чертями, которые являются на сцену въ нѣкоторыхъ піесахъ, напр. въ „Freischütz'ѣ“ (Darwin, Reise eines Naturforschers umdie Welt. Stuttgart 1875 s. 235). Дикари привѣтствовали своеобразнымъ способомъ высадившихся на берегъ европейцевъ. Поводомъ для дружескихъ сношеній послужили подаренные имъ полосы краснаго сукна, которые они тотчасъ-же надѣли на шею. Дружба дикарей выразилась тѣмъ, что ихъ ораторъ похлопалъ по груди каждаго изъ европейцевъ съ какимъ-то страннымъ звукомъ похожимъ на клокотаніе, которымъ въ Германіи сзываютъ цыплятъ. За этими изъявленіями дружескаго расположенія слѣдовали три удара, которые одновременно были даны въ спину и грудь.

Дарвинъ въ своемъ дневникѣ описываетъ также другія группы туземцевъ, наружность которыхъ показалась ему еще отвратительнѣе. Такъ напримѣръ, говоря, о шести туземцахъ Огненной Земли, находившихся въ челнокѣ, который долженъ былъ высадить его на берегъ близъ острова Волластона, онъ называетъ ихъ самыми жалкими существами, какихъ ему когда либо приходилось видѣть въ жизни. Въ то время какъ туземцы восточнаго берега носятъ плащи изъ шкуръ гуанако; на западномъ берегу—тюленьи мѣха, а мужчины у центральныхъ племенъ надѣваютъ на себя выдровую кожу или какое либо другое подобіе одежды (хотя большею частью слишкомъ узкой для прикрытія тѣла)—вышеупомянутые шесть дикарей были совершенно нагіе и между ними одна совсѣмъ взрослая женщина была въ костюмѣ Еввы. Вдобавокъ эти несчастные субъекты были необыкновенно малы ростомъ съ лицами вымазанными бѣлой краской, кожа у нихъ была грязная и жирная, волосы висѣли безпорядочными прядями; въ голосѣ слышны были непріятныя хриплыя ноты. „Когда видишь подобныя существа, замѣчаетъ Дарвинъ, то вѣрится съ трудомъ, чтобы они были такіе же люди, какъ мы и жители одного міра съ нами“ (A. a. O. s. 244).

Еще сильнѣе выражается о пешересахъ одинъ нѣмецъ, который два раза встрѣтилъ ихъ въ Магеллановомъ проливѣ и дѣлалъ свои наблюденія съ борта канонерской лодки „Hyäne“. Этотъ народъ, говоритъ онъ, возбуждаетъ положительный ужасъ; я не желалъ бы встрѣтиться наединѣ съ подобной шайкой. Мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть такихъ безобразныхъ, прожорливыхъ людей, чуждыхъ всякой цивилизаціи. Одежда ихъ состоитъ изъ грязнаго разорваннаго лоскутка, который они носятъ на лѣвомъ плечѣ; а нѣкоторые ходятъ совсѣмъ нагіе, какъ мужчины, такъ и женщины. Тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Магелановомъ проливѣ, были почти безъ всякой одежды; и жили по три семьи, скученныя вмѣстѣ въ небольшомъ челнокѣ, имѣвшемъ внутри видъ помойной ямы. Пища ихъ состояла изъ раковинъ и сырой рыбы; когда они подъѣзжали къ намъ на своихъ челнокахъ, то мы снабжали ихъ черствымъ хлѣбомъ и табакомъ, на который они набрасывались какъ животныя. Вообще это не люди и они никогда не сдѣлаются ими, несмотря на всѣ попытки въ этомъ направленіи“ (Schwäb. Merkur von 8. April. 1880). Другой наблюдатель говоритъ о нихъ, что „эта раса людей внушила ему невольное отвращеніе и, что онъ никогда не видѣлъ болѣе жалкихъ существъ“ (Globus, Bd. XXI, s. 376). Равнымъ образомъ Роша высказываетъ мнѣніе, что образъ жизни этихъ дикарей не многимъ стоитъ выше органгъ-утанговъ или бобровъ. Вся ихъ физіономія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа интеллигентною. Тѣмъ не менѣе, судя по личнымъ наблюденіямъ Дарвина, и въ этихъ несчастныхъ созданіяхъ видны проблески разума, хотя въ весьма слабыхъ зачаткахъ. Дарвинъ описываетъ живыми красками любопытство и испугъ шайки туземцевъ, когда однажды въ полдень онъ высадился къ нимъ на берегъ въ обществѣ 28 человѣкъ, подъ командой капитана Фицроя. „Сначала, говоритъ

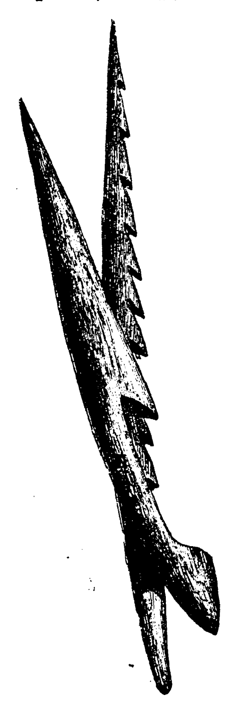
онъ, туземцы намѣревались встрѣтить насъ не особенно дружелюбно, потому что все время, пока капитанъ причаливалъ къ берегу во главѣ другихъ лодокъ, они держали наготовѣ свои метательные снаряды. Но мы вскорѣ привели ихъ въ восхищеніе незначительными подарками, какъ напримѣръ красными лентами, которыми они повязали себѣ головы. Все забавляло этихъ дикарей, такъ что не трудно было развлечь ихъ; но мы вскорѣ убѣдились, что вовсе не легко удовлетворить ихъ алчность. Старики и молодые, мужчины и дѣти не переставая повторяли одно и то-же слово, „yammerschooner", что означаетъ „дай мнѣ!" Указывая чуть ли не на каждый предметъ одинъ за другимъ, даже на пуговицы нашихъ сюртуковъ, они твердили свое любимое слово на всевозможные лады, стараясь придать ему какъ можно больше выразительности, затѣмъ стали уже повторять равнодушнымъ монотоннымъ голосомъ „yammerschooner". Наконецъ послѣ должнаго выпрашиванья каждой вещи въ отдѣльности, они прибѣгали къ обычной уловкѣ въ подобныхъ случаяхъ и, указывая на своихъ молодыхъ женъ и маленькихъ дѣтей, выражали жестами, что „если вы не хотите дать намъ это, то, по крайней мѣрѣ, подарите имъ" (Darwin, Reise eines Naturfoschers, s. 251).

Дарвинъ обращаетъ также вниманіе на необыкновенную способность жителей Огненной Земли къ подражанію тѣлодвиженій, манеръ и даже языка прибывшихъ европейцевъ. Какъ только эти кашляли или зѣвали—дикари моментально дѣлали то-же самое. Равнымъ образомъ (что подтверждаютъ и позднѣйшіе наблюдатели), они повторяли совершенно правильно каждую фразу, съ которой обращались къ нимъ европейцы и даже на нѣкоторое время запоминали испанскія, нѣмецкія и англійскія слова. Выпрашивая ножъ, они назвали его испанскимъ словомъ cuchilla. У нихъ также было совершенно ясное представленіе о мѣновой торговлѣ. Такъ, напримѣръ, Дарвинъ далъ одному туземцу большой гвоздь и хотя ничѣмъ не выразилъ своего желанія получить взамѣнъ этого какую либо другую вещь; но житель Огненной Земли тотчасъ же выбралъ двѣ рыбы и подалъ ихъ на концѣ своего копья.

Вигвамъ пешересовъ, похожій на стогъ сѣна по формѣ и величинѣ, носитъ, по словамъ д-ра Рейнанда, названіе „ajupa" (Rev. d'Anthrop. 1878, s. 324) и состоитъ изъ древесныхъ вѣтвей воткнутыхъ въ землю, бòльшею частью весьма плохо защищенныхъ съ одной стороны двойной настилкой изъ травы и камыша. Судя по описанію Дарвина, хижины вообще лучше на западномъ берегу, такъ какъ онѣ покрыты тамъ тюленьими шкурами. Ночью въ этихъ жалкихъ жилищахъ спятъ прямо на землѣ, какъ звѣри, пять или шесть голыхъ субъектовъ, едва прикрытыхъ шкурами отъ вѣтра и дождя, обычныхъ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Когда наступаетъ отливъ, зимой или лѣтомъ, днемъ или ночью, они должны встать и заняться собираніемъ раковинъ съ утесовъ. Эти жители Магеллановыхъ острововъ принадлежатъ къ числу немногихъ племенъ, которыя высѣкаютъ искры изъ гранитныхъ кремней и зажигаютъ ими трутъ, такъ какъ при сильномъ насыщеніи воздуха парами было бы затруднительно воспламе-

нить дрова инымъ способомъ. Методъ добыванія огня посредствомъ тренія кусковъ дерева, всего болѣе распространенный между низшими первобытными народами, совершенно неизвѣстенъ имъ.

Оружіе жителей Огненной Земли преимущественно состоитъ изъ лука и стрѣлъ, нѣкоторые экземпляры которыхъ были представлены въ „Берлинское Антропологическое Общество“ флотскимъ докторомъ Эссендорфомъ. Рукоятка лука состоитъ изъ очень твердаго дерева, тетива—изъ скрученныхъ тюленьихъ кишекъ. Стрѣлы сдѣланныя изъ легкаго дерева на одномъ концѣ снабжены перьями, на другомъ — тупые и съ разщепомъ, въ который всаживаютъ наконечники стрѣлъ при употребленіи. Послѣдніе состоятъ изъ зеленой стекловидной массы и очень цѣнятся туземцами, которые неохотно разстаются съ ними и мѣняютъ ихъ только на сравнительно дорогіе предметы. Первоначально наконечники стрѣлъ дѣлались изъ камня; но въ новѣйшее время туземцы изготовляютъ ихъ изъ осколковъ разбитыхъ бутылокъ. Эти наконечники въ высшей степени похожи на тѣ, которые были въ употребленіи у нашихъ праотцевъ въ до-металлическій періодъ; всѣ они снабжены небольшими, ровными зазубринами на подобіе раковинъ, а именно по краямъ и на концѣ, что придаетъ имъ отчасти пилообразный видъ. Зазубрины дѣлаются съ помощью аппарата, который врядъ-ли употребляется кѣмъ-либо для подобной цѣли. Это совсѣмъ тупая круглая костяная палочка съ небольшими поперечными надрѣзами, которую они приставляютъ къ краю стекла и затѣмъ внезапно нажимаютъ съ извѣстной силой, такъ что вслѣдствіе этого простого нажиманія отскакиваютъ небольшіе ровные куски стекла. Тонкія стрѣлы на нижнемъ концѣ украшены перьями птицъ; пешересы очень мѣтко стрѣляютъ ими. Они изготовляютъ изъ костей гарпуны и наконечники копьевъ, подобные тѣмъ, какіе изображены на прилагаемомъ рисункѣ. Съ одной стороны остріе зазубрено, но иногда оно бываетъ совсѣмъ гладкое; его прикрѣпляютъ къ длинной палкѣ въ 2 м. длины. Этимъ орудіемъ пешересы убиваютъ тюленей. Д-ръ Эссендорфъ упоминаетъ еще объ одномъ первобытномъ оружіи похожемъ на ножъ, рукоятка котораго состоитъ изъ короткой палки, къ которой прикрѣпленъ миндалевидный кусокъ зеленой стекловидной массы съ заостренными краями. Что-же касается всего остальнаго, то Эссендорфъ въ главныхъ чертахъ сходится съ Дарвиномъ въ своемъ описаніи жителей Огненной Земли, встрѣченныхъ имъ лѣтомъ 1878 г. Дарвинъ не могъ сообщить ничего положительнаго объ ихъ религіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они хоронятъ своихъ мертвецовъ въ пещерахъ, но соблюдаемая при этомъ церемонія неизвѣстна. Не подлежитъ сомнѣнію, что у нихъ, подобно всѣмъ дикарямъ, существуютъ суевѣрные обычаи, какъ видно изъ того факта, что въ каждой семьѣ и въ каждомъ племени есть свой особый чародѣй или знахарь.



Гарпунъ и костяной наконечникъ копья изъ Огненной Земли.

У жителей Огненной Земли нѣтъ собственно никакой правительственной формы, такъ какъ они всѣ анархически равноправны между собой. Привезенные въ Европу пешересы подали даже поводъ къ

сомнѣнію: существуетъ-ли у нихъ вообще семья. Одинъ изъ нихъ во всякомъ случаѣ выказывалъ извѣстнаго рода привязанность къ одной женщинѣ и ея ребенку; но эти отношенія, по видимому, возникли во время дороги. Остальные сносились между собой какъ попало, и, по свидѣтельству проводниковъ, въ отношеніяхъ обоихъ половъ господствуетъ полный коммунизмъ.

Языкъ жителей Огненной Земли, по понятіямъ европейцевъ, едва-ли можетъ быть названъ членораздѣльнымъ. Капитанъ Кукъ сравнивалъ его съ шумомъ, который производитъ человѣкъ при полосканіи горла; но Дарвинъ замѣчаетъ по этому поводу, что врядъ-ли европеецъ въ состояніи произвести звуки, въ которыхъ было бы такое скопленіе гортанныхъ и шипящихъ буквъ. Впрочемъ относительно этого вопроса существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ изслѣдователей. Д-ръ Бёръ находитъ ихъ языкъ довольно благозвучнымъ и богатымъ гласными. Одинъ пешересъ пѣлъ постоянно повторяемую строфу слѣдующаго содержанія:

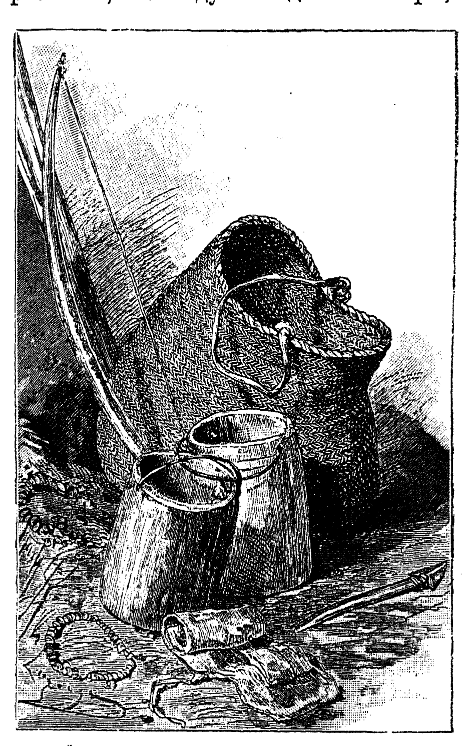
Ha wa la le le
Ha wa la le la.

(Verhand. d. Berl. Gesellsch. f. Anthrop. 1881, s. 31). Поселившійся въ Огненной Землѣ, въ Ушувіи, миссіонеръ Т. Бриджъ занялся составленіемъ словаря „yagham'a“ или языка южныхъ пешересовъ и пришелъ къ выводу, что онъ заключаетъ не менѣе 15000 простыхъ и сложныхъ словъ. Языкъ этотъ, согласно его изслѣдованіямъ, вполнѣ заслуживаетъ удивленія по своей полнотѣ и правильности (Globus, Bd. XXXIV, s. 368).

Само собою разумѣется, что первобытные сыны Огненной Земли завербованы христіанскими проповѣдниками. Мы имѣемъ возможность познакомиться съ результатами дѣятельности тамошнихъ миссіонеровъ изъ одной издаваемой ими газеты: „Въ настоящее время здѣсь 180 крещеныхъ туземцевъ; изъ нихъ 36 душъ приготовлены къ причастію; кромѣ того между ними встрѣчаются сотни, которые обращаются съ молитвой къ Богу въ случаѣ какой нибудь бѣды. Для 60 пешересовъ умѣющихъ читать и для тысячи другихъ, которые научатся чтенію въ будущемъ, напечатано и разослано евангеліе отъ Іоанна, переведенное миссіонеромъ Бриджесомъ. Въ настоящее время миссіонерскій домъ (сдѣланный изъ желѣза) уже не стоитъ одинокимъ, какъ въ былыя времена; около него выстроено сиротское заведеніе на 25 учениковъ и небольшая деревня, въ которой живетъ нѣсколько христіанскихъ семействъ. Послѣднія не довольствовались больше своими жалкими жилищами, похожими на стога сѣна, которые изображены на одномъ рисункѣ въ 1872 году. Благодаря Бога, добавляетъ газета, теперь уже нечего опасаться вымиранія небольшаго народа „yagham'a“.—Тѣмъ не менѣе нельзя поручиться, что

всѣ эти культурныя улучшенія не будутъ способствовать сильному вымиранію упомянутаго племени.

Въ настоящее время, какъ только въ Европѣ появятся экземпляры малоизвѣстныхъ разновидностей людей, часть представителей нашего ученаго міра тотчасъ-же выказываетъ стремленіе придать имъ возможно высшую культуру. Они употребляютъ всѣ усилія, чтобы доказать, что эти дикари далеко не стоятъ на такой низкой степени развитія, какъ думали до сихъ поръ, такъ какъ у нихъ нѣтъ такихъ физическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы признать какую либо связь съ царствомъ животныхъ, и что наконецъ ихъ культурное состояніе стоитъ гораздо выше того, которое мы вообще приписываемъ „первобытнымъ людямъ". Пешересы также не избѣгли этой участи. Въ настоящее время ихъ наружность уже не кажется такой безобразной; и профессоръ Бишофъ, подвергнувъ самому тщательному изслѣдованію тѣлесныя и душевныя свойства пешересовъ, привезенныхъ въ Европу въ 1881 году, пришелъ къ выводу, что эти дикари, несмотря на низкую степень культуры, вполнѣ способны къ высшему умственному развитію. Я уже упоминалъ выше, что пешересы имѣютъ право похвалиться двумя изобрѣтеніями, которыя могутъ быть только результатомъ человѣческаго мышленія, а именно постройкой челнока и способомъ добыванія огня, и если подъ именемъ „первобытныхъ людей" мы должны подразумѣвать индивидовъ не имѣющихъ членораздѣльнаго языка и слѣдовательно незаслуживающихъ названія людей, то разумѣется жители Огненной Земли давно вышли изъ такого первобытнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе врядъ-ли можно отрицать, что пешересы остановились на той крайне низкой степени развитія, которая была господствующей въ Европѣ въ до-металлическій періодъ. Выражаясь словами Оскара Фрааса, они представляютъ собой какъ-бы живой остатокъ этого первобытнаго



Утварь пешересовъ.

состоянія культуры, въ пользу чего говоритъ наружный видъ и устройство употребляемыхъ ими орудій, а также необыкновенное сходство ихъ съ орудіями найденными въ Германіи. По мѣткому выраженію Авеля Говелака, „пешересъ тотъ-же примитивный человѣкъ, который за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ странствовалъ по западной Европѣ, австраліецъ, ботокудъ или андаманъ или веддахъ на островѣ Цейлонѣ". Пешересъ ведетъ ту-же бродячую полуголодную жизнь, вооруженъ такими-же орудіями, сдѣланнымм изъ отбитыхъ имъ кремней; у него то-же самое жилище, тѣ-же привычки и нравы. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что прежде нежели эти остальныя дѣти природы достигнутъ степени культуры, обезпечивающей, по нашимъ понятіямъ, ихъ дальнѣйшее существованіе, они будутъ уничтожены навязанной имъ культурой. Дѣйствительно изъ одиннадцати привезенныхъ субъектовъ, шестеро умерло въ короткое время, такъ что только двое мужчинъ одна женщина и двое дѣтей были отвезены на родину. Что-же касается до того, какіе зародыши всосанной ими цивилизаціи они должны были перенести въ свое отечество, если они вообще доѣхали до него живыми, то мы можемъ себѣ представить это изъ слѣдующаго поразительнаго примѣра. Недавно посѣтившіе Германію пешересы были не первые изъ своихъ соотечественниковъ, которые вошли въ соприкосновеніе съ европейской культурой. Военный корабль „Beagle", на которомъ находился Дарвинъ, привезъ обратно въ Огненную Землю троихъ пешересовъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были доставлены капитаномъ Фицроемъ въ Англію, гдѣ они получили воспитаніе и содержались на счетъ англійскаго правительства. Одинъ изъ этихъ пешересовъ, крещеный подъ именемъ Джемми Буттона былъ общимъ любимцемъ въ кружкахъ знатнаго лондонскаго общества; онъ постоянно носилъ перчатки и чищенные сапоги во все время своего пребыванія въ Европѣ и даже говорилъ по англійски. Но по возвращеніи на родину, когда онъ соединился съ своими родными, то вскорѣ опять превратился въ прежняго, нагаго, неумытаго и косматаго обитателя Огненной Земли. Если пешересы будутъ предоставлены самимъ себѣ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы число ихъ стало уменьшаться, потому что по всѣмъ даннымъ они наслаждаются своего рода счастьемъ, и настолько довольны судьбой, чтобы дорожить жизнью. Природа вполнѣ приспособила пешереса къ климату и естественнымъ произведеніямъ его жалкаго отечества (Darvin. Reise einec Naturforschers, s. 248).

ЧУЖДЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Здѣсь считаю нелишнимъ предупредить моихъ читателей, что мы кончили наше странствованіе между разнообразными туземными племенами Новаго Свѣта. Мы познакомились съ людьми у негостепріимнаго берега Ледовитаго моря, въ долинахъ и равнинахъ обширной нагорной цѣпи, которая тянется вдоль всей Америки, съ обитателями обширной плоскости прерій, льяносовъ и пампасовъ, подъ палящимъ тропическимъ небомъ и въ сырой атмосферѣ Магелланова пролива, окруженнаго глетчерами. Но тѣмъ не менѣе мы еще не разсмотрѣли всѣхъ жителей западнаго полушарія, которое уже нѣсколько столѣтій переполняется пришельцами съ другихъ странъ свѣта: европейцами, африканцами и въ послѣднее время азіатами. Отъ первыхъ двухъ произошли многочисленные метисы, поэтому я не считаю возможнымъ окончить этнологическій обзоръ Америки, не разсмотрѣвъ эти элементы, хотя они не принадлежатъ къ почвѣ Новаго Свѣта. Однихъ только азіатовъ я пройду молчаніемъ, такъ какъ они слишкомъ недавно поселились въ Америкѣ, чтобы проявить признаки нѣкотораго перерожденія; и, вдобавокъ, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ соотечественниковъ въ Небесной Имперіи, съ которыми мы достаточно познакомимся впослѣдствіи. Между тѣмъ европейцы, которые переѣхавъ океанъ ворвались въ страну съ цѣлью завоеваній и негры привезенные въ Америку въ качествѣ рабовъ, а равно ихъ потомство представляютъ для насъ величайшій интересъ. Но такъ какъ въ культурномъ отношеніи европейская кровь имѣетъ наибольшую важность, то я прежде всего займусь бѣлыми людьми и ихъ потомками. Что касается бѣлаго населенія, то необходимо провести строгое различіе между англо-саксами или выражаясь точнѣе между представителями значительной германской народной отрасли, которыя преимущественно овладѣли сѣверной частью Сѣверной Америки и составляютъ основу населенія обширной республики Соединенныхъ Штатовъ, и потомками романской народной семьи: испанцами, португальцами и французами. Послѣдніе, какъ извѣстно почти исключительно распространены въ Центральной и Южной Америкѣ и весьма мало на востокѣ Сѣверной Америки. Въ послѣдней области по численности особенно силенъ наплывъ кельтской крови, но само собою разумѣется, что здѣсь не могутъ быть проведены вполнѣ точныя границы, и мы должны ограничиться дѣленіемъ на двѣ большія группы: романскую на югѣ и германскую, съ примѣсью романскаго и кельтскаго элемента, на сѣверѣ.

БѢЛЫЕ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Ни въ одной части свѣта бѣлые и ихъ потомки не размножились въ такой степени, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, по переписи 1880 года, насчитываютъ до 50.152,595 жителей, между которыми туземное индійское населеніе, постоянно уменьшающееся въ числѣ, составляетъ незначительную часть въ 300,000 душъ. Такимъ образомъ Соединенные Штаты представляютъ своего рода единственное явленіе, и въ цѣломъ заслуживаютъ самого тщательнаго изученія. Кромѣ того мы видимъ здѣсь замѣчательный примѣръ націи, которая еще не составляетъ отдѣльной народности, но переживаетъ этническій процессъ необходимый для ея будущаго самостоятельнаго существованія.

Если при этомъ мы возьмемъ въ разсчетъ различіе времени и географическихъ условій, то придемъ къ выводу, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ по своимъ добродѣтелямъ и ошибкамъ и всѣмъ тѣмъ что въ немъ есть прекраснаго, высокого и добраго, а также отталкивающаго, пошлаго, дурнаго, можетъ до извѣстной степени служить для насъ наглядной картиной того состоянія, въ которомъ должны были нѣкогда находиться культурные европейскіе народы. Послѣдніе подобно сѣверо-американцамъ также произошли бо́льшей частью изъ помѣси этнически различныхъ элементовъ, подчасъ довольно разнородныхъ, и равнымъ образомъ въ своемъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи могутъ быть названы продуктомъ принудительныхъ историческихъ факторовъ. Въ виду этого, даже помимо другихъ причинъ, мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь краткій обзоръ возникновенія и роста Соединенныхъ Штатовъ.

Какъ извѣстно, первыми поселенцами были англичане, слѣдовательно англо-саксы, которыхъ Лордъ Делаваръ изображаетъ далеко не привлекательными красками; въ числѣ ихъ были осужденные на вѣчную ссылку злодѣи и преступники, заслужившіе смертную казнь. Но этому факту не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія, какъ видно изъ хода цивилизаціи въ Австраліи, которая также вначалѣ представляла собой колонію преступниковъ. Вслѣдъ за первыми переселенцами отдѣльными береговыми полосами Сѣверной Америки овладѣли голландцы или нидерландцы и шведы, т. е. скандинавы. Первые положили основаніе поселенію Новой Нидерландіи съ главнымъ городомъ Нью-Амстердамомъ, позднѣйшимъ Нью-Іоркомъ; вторые смѣнили голландцевъ въ Нью-Джерсеѣ и основали въ Делаварѣ колонію Новую Швецію, существовавшую всего семнадцать лѣтъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи англичане завладѣли всѣми нидерландскими землями и придали имъ своеобраз-

ный отпечатокъ своей національности. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ въ Нью-Іоркѣ живутъ потомки голландцевъ, положившихъ основаніе городу, и эти сравнительно немногочисленныя семейства отличаются извѣстнымъ аристократическимъ пошибомъ. Большинство колонистовъ внесло религіозный и политическій гнетъ въ отечество сѣверо-американскихъ поселеній. Религіозные мечтатели, въ особенности пуритане основали (1621—1638 г.) сѣверную колонію Нью-Гемпширъ, Массачусетсъ и Родъ-Эйландъ, которые въ 1643 году составили союзъ подъ именемъ Новой Англіи; въ 1628 году лордъ Бальтиморъ основалъ для своихъ католическихъ единовѣрцевъ колонію Мерилендъ, а въ 1681 году прибылъ квакеръ Уильямъ Пэннъ со многими изъ своихъ приверженцевъ и положилъ основаніе Пенсильваніи съ городомъ Филадельфіей. Къ этому еще нужно причислить преслѣдуемыхъ католиковъ, особенно ирландцевъ и нѣмецкихъ протестантовъ изъ Пфальца, что также составляло немаловажную амальгаму народовъ. Такимъ образомъ во время образованія Союза смѣшеніе англо-американцевъ съ чуждыми элементами было сравнительно весьма значительно и во всякомъ случаѣ не такъ мало, какъ опять хотѣли увѣрить насъ въ послѣднее время (J. Schönhof, Deutsche Urtheile über Amerika. Berlin 1881, s. 9).

Какъ и вездѣ, европейскіе пришельцы въ лицѣ колонизаторовъ Сѣверной Америки тотчасъ-же вступили въ борьбу съ туземнымъ населеніемъ. Вражда съ индійцами возникла изъ одинаковыхъ причинъ и привела къ одинаковымъ результатамъ. Бѣлые захватили большею частью съ помощью насилія охотничьи участки краснокожихъ, которые защищали себя въ навязанной имъ борьбѣ всѣми способами, какіе только были въ ихъ распоряженіи. Эти жестокія и кровавыя войны должны были неизбѣжно повліять задерживающимъ образомъ на развитіе бѣлыхъ побѣдителей. Подобно тому, какъ за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, борьба германцевъ съ первобытными владѣльцами завоеванной ими страны оставила послѣ себя слѣды найденные новѣйшей наукой въ формѣ череповъ и тѣлосложеніи нынѣшнихъ германцевъ и несравненно болѣе значительные, нежели можно было предполагать, — такъ и въ теперешнихъ сѣверо - американцахъ замѣтны несомнѣнные признаки этническаго перерожденія, въ которомъ индійская кровь играетъ не малую, хотя не признанную роль. Не подлежитъ сомнѣнію, что было бы весьма грубой ошибкой считать сѣвероамериканцевъ помѣсью индійцевъ съ бѣлыми; но тѣмъ не менѣе въ ихъ жилахъ конечно течетъ не одна капля индійской крови, несмотря на недовѣріе, съ какимъ отнеслось большинство публики къ этому факту, обнаруженному многими учеными и, преимущественно, Даніэлемъ Вильсономъ. Г. Шёнгофъ замѣчаетъ между прочимъ, что 300,000 индійцевъ, которые оттѣснены къ самымъ крайнимъ границамъ территоріи занимаемой бѣлыми и живутъ на собственныхъ участкахъ не

представляютъ ни какой опасности для 45 милліоннаго кавказскаго населенія въ смыслѣ расоваго скрещенія. Никто не споритъ противъ этого; но вопросъ не въ томъ, что дѣлается теперь, а въ совершившемся фактѣ. Было время, когда индійцевъ было не 300,000, а несравненно больше, даже больше, чѣмъ вдвое; кавказцевъ было не 45 милліоновъ какъ теперь, а гораздо меньше, такъ что они едва-ли превосходили численностью индійцевъ; и въ это время индійцы не были оттѣснены къ границамъ и не жили вдали отъ бѣлыхъ на собственныхъ участкахъ, а находились въ непосредственной близости съ ними. Въ это именно время, а не теперь, положено было начало перемѣнѣ типа, который въ силу закона наслѣдственности утвердился въ такъ называемыхъ „янки“ Новой Англіи.

Извѣстный фактъ, что индійскій типъ иногда проявляется съ особенной силой даже у такихъ индивидумовъ, въ которыхъ несомнѣнно преобладаніе европейской крови, заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ не ограничивается одними метисами, но замѣтенъ повсемѣстно въ Сѣверной Америкѣ. Всѣ ученые сходятся въ мнѣніи, что сѣверо-американецъ по своему внѣшнему виду вообще рѣзко отличается отъ своихъ кельто-германскихъ собратій въ Европѣ и все болѣе и болѣе приближается къ индійскому типу. Д-ръ Рудольфъ Шлейденъ, уроженецъ одного изъ мелкихъ германскихъ государствъ, сдѣлалъ попытку опровергнуть это мнѣніе съ помощью альбома фотографическихъ карточекъ, собранныхъ имъ въ продолженіи его долголѣтняго пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ (Deutsche Rundschau, Bd. VIII, s. 304). Равнымъ образомъ Шёнгофъ считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы подобное перерожденіе, независимо отъ скрещиванія могло совершаться съ германцами въ Сѣверной Америкѣ, а именно „съ народомъ, едва успѣвшимъ найти себѣ почву для родины, который до сихъ поръ ведетъ скитальческую жизнь, отыскивая постоянно новыя мѣста для поселенія, гдѣ общій строй жизни ничѣмъ не отличается отъ существованія его соотечественниковъ въ Европѣ, и постоянно подновляется наплывомъ новаго европейскаго элемента“ (Deutsche Urtheile über Amerika, s. 7). Тѣмъ не менѣе Герландъ совершенно правъ, утверждая, что перемѣна окружающихъ условій дѣйствуетъ на людей макроскопически и микроскопически и, что послѣднее имѣетъ особенно важное значеніе. Вліяніе внѣшней обстановки особенно сильно въ болѣе раннія историческія эпохи, такъ какъ вообще организмъ цѣлыхъ народовъ воспріимчивѣе въ юности, нежели впослѣдствіи. Равнымъ образомъ сюда слѣдуетъ отнести пищу, безусловно представляющую продуктъ географическихъ условій, которая имѣетъ особенно сильное и безусловное значеніе. Вообще климатъ и пища дѣйствуютъ всего сильнѣе, что мы видимъ и на животныхъ, какъ самыхъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ, которыя подвергаются поразительнымъ видоизмѣненіямъ вслѣдствіе перемѣны пищи и воздуха. Вліяніе бываетъ или первичное, о которомъ мы говорили выше, или второстепенное; изъ этихъ въ свою очередь развиваются другія дѣйствующія причины: такъ, напримѣръ, хорошая обильная пища ведетъ къ избытку силъ; прямымъ слѣдствіемъ избытка силъ бываетъ высшая культура, умственное и нравственное развитіе. Если бы мы стали отрицать этого рода вліянія въ смыслѣ основной причины разновидностей людей и признавали ихъ только въ духовной жизни, то должны были бы неизбѣжно прійти къ выводу, что человѣческая природа вообще или, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи настолько непоколебима, что совсѣмъ изъята отъ всякихъ вліяній извнѣ, или что они могутъ дѣйствовать только индивидуально, а не вообще (Behms Geogr. Iahr-

buch, Bd. 17, s. 343). Впрочемъ въ этнологіи давно извѣстно, что человѣкъ повсемѣстно приспособляется къ почвѣ. Но такъ какъ повидимому этотъ фактъ почему-то мало или совсѣмъ неизвѣстенъ публикѣ, то мы считаемъ нелишнимъ указать на весьма замѣчательный примѣръ, приводимый Николаемъ Ханыковымъ, однимъ изъ самыхъ великихъ новѣйшихъ этнологовъ, слова котораго имѣютъ для насъ совсѣмъ иное значеніе, нежели какой-либо фотографическій альбомъ. Извѣстно, что на Кавказѣ живутъ люди, которые, по свидѣтельству Густава Радде (не менѣе важнаго авторитета въ этихъ вопросахъ), могутъ быть безусловно названы самыми красивыми жителями земнаго шара. Въ 1816 году нѣсколько сотъ виртембергскихъ семействъ пріѣхали въ Закавказье и поселились недалеко отъ Тифлиса въ Елизаветпольскомъ округѣ. Первые колонисты, говоритъ Ханыковъ, были крайне безобразны съ широкими четырехъ-угольными лицами, бѣлокурыми или рыжими волосами и съ голубыми глазами. Въ слѣдующемъ поколѣніи замѣтно было нѣкоторое улучшеніе типа; черные глаза и темные волосы не составляли рѣдкости; а третье поколѣніе уже настолько измѣнилось, что утратило всѣ признаки своего виртембергскаго происхожденія; черные глаза и темные волосы стали общимъ правиломъ; лица сдѣлались болѣе продолговатыми и хотя ростъ остался прежнимъ, но вся фигура получила гибкость и статность. Въ виду соблюденія цѣломудрія между женщинами, нѣмецкіе колонисты на Кавказѣ женятся только на нѣмкахъ, и такъ строго придерживаются этого правила, что Ханыкову неизвѣстенъ ни одинъ случай, гдѣ бы вюртенбергецъ взялъ себѣ въ жены грузинку, такъ что перемѣна расовыхъ признаковъ можетъ быть приписана только вліянію мѣстныхъ условій (Nikolaus von Chanykow, Mémoire sur l'éthnographie de la Perse. Paris 1866, s. 14 и 15). Оскаръ Пешель, сообщивъ этотъ любопытный поучительный фактъ въ одномъ изъ номеровъ „Ausland", добавляетъ съ своей стороны, что онъ считаетъ взглядъ г. Ханыкова совершенно правильнымъ, тѣмъ болѣе, что подтвержденіемъ приведеннаго имъ случая можетъ служить примѣръ англо-саксонцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, которые въ непродолжительномъ времени принимаютъ новый американскій типъ („Ausland", 1867 s. 462).

Одинъ изъ новѣйшихъ туристовъ между прочимъ задаетъ вопросъ: „Обратилъ-ли кто вниманіе на тотъ фактъ, что американскій типъ замѣтно начинаетъ приближаться къ индійскому? Это наблюденіе можетъ показаться страннымъ; но оно тѣмъ не менѣе неоспоримо" (Paul Toutain. Un Français en Amerique. Paris, 1876, s. 106). Такимъ образомъ вопреки всѣмъ фотографическимъ коллекціямъ типъ янки настолько сильно выраженъ, что бросается въ глаза мыслящему наблюдателю. Впрочемъ Чарльзъ Дарвинъ уже обратилъ вниманіе на этотъ фактъ и изслѣдовалъ его съ возможною добросовѣстностью". Всѣми признано, пишетъ этотъ великій ученый, что наружность европейскихъ переселенцевъ въ Соединеныхъ Штатахъ подвергается незначительной, но весьма быстрой перемѣнѣ. Тѣло и конечности удлиняются въ слѣдующемъ поколѣніи. Въ подтвержденіе этого Кол. Бернисъ сообщилъ мнѣ, что во время послѣдней войны въ Соединенныхъ Штатахъ всѣми было замѣчено, насколько смѣшны казались нѣмецкіе полки, когда ихъ нарядили въ платье купленное для нихъ на американскихъ рынкахъ, которое все оказалось для нихъ слишкомъ длиннымъ. Мы имѣемъ также множество доказательствъ въ пользу того, что въ Южныхъ Штатахъ домашніе рабы не далѣе какъ въ третьемъ поколѣніи по своей наружности рѣзко отличаются отъ рабовъ занимающихся полевыми работами" (Darwin, Abstammung des Menchen. Stuttgart, 1875, Bd. I s. 275). По словамъ А. де Катрфажа англо-саксонскій американецъ или янки послѣ втораго поколѣнія уже представляетъ признаки индійскаго типа, которые становятся все опредѣленнѣе. Желѣзы доходятъ до minimum'а своего нормальнаго развитія; кожа становится совершенно сухою; теплота колорита, румянецъ

щекъ исчезаетъ и замѣняется у мужчинъ глинистымъ цвѣтомъ лица, а у женщинъ тусклою блѣдностью. Голова дѣлается меньше, круглѣе и даже нѣсколько заостренною; замѣтно бо́льшее развитіе скулъ и жевательныхъ мышцъ; височныя впадины становятся глубже, челюсть массивнѣе; глаза лежатъ въ глубокихъ, сильно сближенныхъ впадинахъ. Зрачекъ темнѣетъ, взглядъ становится суровымъ и пронизывающимъ. Кости удлиняются, преимущественно у верхнихъ конечностей, такъ что во Франціи и Англіи въ виду этого изготовляютъ особенныя перчатки, съ необыкновенно длинными пальцами. Внутренняя полость этихъ костей съуживается; ногти большею частью острые и очень скоро ростутъ. Тазъ женщинъ походитъ на мужской. Америка, добавляетъ Катрфажъ, измѣнивъ такимъ способомъ англосаксонскій типъ, образовала изъ англійской расы новую, которую можно назвать расой янки. Карлъ Фохтъ, какъ мнѣ кажется, совершенно справедливо оспариваетъ фактъ уменьшенія головы. Хотя онъ допускаетъ, что изъ амальгамы народовъ въ Соединенныхъ Штатахъ могъ явиться новый типъ образованія головы, но находитъ добытые факты слишкомъ недостаточными, чтобы признать ихъ знаменательными и до извѣстной степени постоянными (Karl Vogt, Vorlesungen über den Menschen, Giessen 1863, Bd. II s. 237). Осмотрительный Герландъ, на основаніи обширныхъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ надъ индійцами, приходитъ къ выводу, что „американскія народности (янки вслѣдствіе развитія на американской почвѣ) по характеру и тѣлосложенію представляютъ извѣстныя черты сходства съ индійцами, которыя замѣтно усиливаются у янки, между тѣмъ какъ у самихъ индійцевъ, наоборотъ, съ принятіемъ цивилизаціи эти черты теряютъ свою рѣзкость и мало по малу сглаживаются“ (Globus, Bd. XXXVI, s. 378). Изъ этого слѣдуетъ, что обѣ расы все болѣе и болѣе приближаются другъ къ другу. Физическіе моменты этническаго перерожденія, на сколько мы вообще знакомы съ ними, изложены довольно подробно въ „Антропологіи первобытныхъ народовъ“ Вайца (Bd. 1, s. 57—59). Прибавимъ къ этому, что женщины въ пятомъ и шестомъ поколѣніи становятся все блѣднѣе, худощавѣе и эфирнѣе и все менѣе способными къ выполненію своего высшаго назначенія, а именно къ рожденію здоровыхъ дѣтей и вскармливанію ихъ грудью (John White. Sketches from Amerika. London 1870. s. 122).

Врядъ-ли можно ожидать, чтобы бѣлые въ Сѣверной Америкѣ черезъ нѣсколько столѣтій или вообще когда нибудь приняли окончательно туземный типъ; но тѣмъ не менѣе, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ, мы считаемъ весьма вѣроятнымъ образованіе однородной расы, которая совмѣстить въ себѣ многія характерныя черты бѣлыхъ людей, а равно и несомнѣнныя черты своихъ краснокожихъ предковъ. Наконецъ мы не видимъ причины, почему сѣверо-американцамъ было бы навсегда отказано сдѣлаться тѣмъ-же, что и другія націи, а именно „народомъ съ опредѣленнымъ типомъ“. У каждаго народа, какъ извѣстно, есть свой собственный типъ, большею частью настолько ясно выраженный, что его нельзя смѣшать ни съ какой другой національностью. Рѣдко кто ошибается настолько, чтобы принять нѣмца за француза, или шведа и англичанина за испанца или итальянца. Что-же касается янки (о нихъ собственно идетъ рѣчь), то по всѣмъ даннымъ у нихъ долженъ выработаться особенный типъ, и такъ какъ послѣдній образуется подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ живетъ народъ, то не удивительно, что типъ янки приближается къ типу туземныхъ племенъ, а именно индійцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что конечнымъ результатомъ этническаго процесса въ Сѣверной Америкѣ будетъ однородная раса съ преобладаніемъ европейской крови съ типомъ, близкимъ къ индійскому.

Само собою разумѣется, что этотъ результатъ получится въ далекомъ будущемъ, потому что въ настоящее время населеніе Соеди-

ненныхъ Штатовъ представляетъ „смѣшеніе языковъ", которые еще долго не прійдутъ въ равновѣніе. Англо-саксонцы, основатели сѣвероамериканскихъ поселеній, сами были народомъ смѣшаннымъ, происходившимъ отъ кельтовъ, саксовъ, норманновъ и датчанъ. Потомки этой смѣшанной толпы, не принадлежащей ни къ какой отдѣльной расѣ, скрещивались столько разъ съ французами, германцами, голландцами, ирландцами, индійцами, а на сѣверѣ, въ Лабладорѣ, даже съ эскимосами, что въ свою очередь не могли составить расы и образовали только этнологическій хаосъ, который постоянно поддерживался наплывомъ новыхъ поселенцевъ. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время нельзя отрицать существованіе опредѣленныхъ типовъ. Характерный типъ янки извѣстенъ каждому и всѣ путешественники упоминаютъ о немъ; но это не общій типъ и онъ свойственъ однимъ обитателямъ Новой Англіи, что впрочемъ вполнѣ естественно при необыкновенномъ протяженіи страны. Вслѣдствіе этого между нынѣшними американцами господствуетъ большое разнообразіе внѣшнихъ признаковъ. Максъ Эйтъ замѣтилъ, во время своей поѣздки на югъ, рѣзкую и постоянную перемѣну въ наружности мѣстнаго населенія. Худыя лица янки становились все уже и желтѣе. Какъ бы вырѣзанная изъ дерева борода янки покрывающая подбородокъ, съ выбритой верхней губой, постепенно замѣнялась усами. Носы стали прямѣе. Новый, болѣе близкій къ французскому типъ, мало по малу, сдѣлался преобладающимъ надъ типомъ янки, прежде чѣмъ упомянутый путешественникъ достигъ Нью-Орлеана. Внѣшніе признаки и менѣе уловимыя различія, существующія между англичанами, французами, нѣмцами и т. д., едва-ли могутъ быть названы болѣе опредѣленными, нежели тѣ различія, какія замѣчаются между туземцами Мена и Южной Каролины или туземцами Огайо, Иллинойса и Кентукки. Всѣ они граждане Соединенныхъ Штатовъ, но каждый изъ нихъ самъ по себѣ американецъ съ извѣстными особенностями. Такимъ образомъ мы видимъ, что, несмотря на постоянный наплывъ европейской крови, сѣвероамериканцы слѣдуютъ неудержимому естественному процессу, такъ называемому „закону эмиграціи" Морица Вагнера, и оторванные отъ своей первоначальной родины образуютъ породу людей умственно и физически отличную отъ своихъ предковъ. То же наблюдается и надъ неграми переселенными въ Соединенные Штаты. Считаю не лишнимъ добавить, что это приспособленіе къ почвѣ происходитъ не только въ Америкѣ, но и вездѣ, гдѣ живутъ европейцы въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній. Еще недавно Гуго Целлеръ поднялъ вопросъ объ ухудшеніи англійской крови въ Австраліи. Трудъ работника хуже нежели въ Англіи; дѣти обучаемыя въ школахъ интеллигентны, но съ возрастомъ теряютъ охоту къ ученію. Каждая пересадка народа на новую почву есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ назадъ въ его развитіи (Hugo Zöller. Rund um die Erde, Bd. I, s. 242); поэтому цивилизація

Мексиканскіе фермеры.

въ колоніяхъ всегда ниже, нежели въ первоначальномъ отечествѣ. Физическое перерожденіе само по себѣ составляетъ общій законъ природы, который былъ-бы нарушенъ если бы упомянутое явленіе не повторилось у сѣверо-американцевъ. Хотя первые мореплаватели открывшіе Америку не нашли нигдѣ полнаго тождества съ тѣмъ, что имъ было знакомо въ Старомъ Свѣтѣ, но странные американскіе звѣри и растенія представляли общее сходство съ европейскими, какъ, напримѣръ, обезьяны и аллигаторы, хотя нѣсколько отличные отъ обезьянъ и крокодиловъ Стараго Свѣта. Вмѣсто львовъ и тигровъ здѣсь были пума и ягуары; вмѣсто буйволовъ и быковъ—бизонъ прерій и сѣверный мускусный быкъ; верблюда замѣняли лама и альпака, свинью—тапиръ, бураго медвѣдя—сѣрый, обыкновеннаго европейскаго оленя—канадскій сѣверный олень и т. д. Подобно тому, какъ фауна вообще сходная съ европейской приняла своеобразный характеръ на американской почвѣ, такъ и человѣческій родъ неизмѣнно приспособляется къ послѣдней. Человѣкъ въ Америкѣ, помимо своей воли, становится американцемъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, физіономія янки имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, равно и ихъ обращеніе, которое представляетъ нѣчто торопливое и лихорадочное, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ серіозной разсудительности своихъ соплеменниковъ въ Англіи (Transactions of the anthropological Society. London 1863, s. VIII. См. M. Rauch, Die Einheit des Menschengeschlechts, Augsburg 1873, s. 195 — 197). Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ нервозность американцевъ дошла до такихъ размѣровъ, что доктора должны ли бы серіозно подумать о томъ, чтобы принять противъ этого энергическія мѣры. По мнѣнію д-ра Георга М. Бёрда въ Нью-Іоркѣ къ симптомамъ этой усиливающейся нервной воспріимчивости нужно отнести невральгіи, сильную головную боль, худое пищевареніе, изнурительную лихорадку и на первомъ планѣ неврастенію или нервное истощеніе въ различныхъ формахъ (Beard, American Nervousness: its philosophy and treatment in The monthly journal of Science 1879, p. 598 — 610). Если же эти болѣзненныя явленія должны быть отнесены къ послѣдствіямъ культурнаго явленія въ Соединенныхъ Штатахъ, то языкъ во всякомъ случаѣ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ совершающагося этническаго перерожденія въ умственномъ отношеніи. Англійскій языкъ по ту сторону океана, несмотря на стремленіе образованныхъ людей очистить его отъ посторонней примѣси, выродился въ особенный діалектъ, въ которомъ замѣтны слѣды даже исчезающихъ индійскихъ идіомовъ; этотъ діалектъ все болѣе и болѣе переходитъ въ письменный языкъ, въ чемъ можно убѣдиться при чтеніи большихъ американскихъ газетъ (См. объ этомъ въ „Chambres Journal“ Nr. 613, отъ 25 сентября 1875 г., стр. 609). Въ одной изъ нихъ, а именно въ „American Ciclopedia“, Аппletона перечень наиболѣе употребительныхъ „американизмовъ“ занимаетъ три печатныхъ столбца. Мы могли бы безъ труда увеличить этотъ перечень, припомнивъ множество другихъ подобныхъ выраженій. Извѣстно, что тоже происходитъ съ испанскимъ и португальскимъ языками.

Аналогичныя этому явленія наблюдаются и въ физическомъ отношеніи. Населеніе Соединенныхъ Штатовъ состоитъ изъ всѣхъ европейскихъ націй, и всѣ эти народы олицетворены здѣсь съ своими нравами и обычаями. Тѣмъ не менѣе, если мы изучаемъ отдѣльныя области, то находимъ въ ихъ населеніи своеобразныя черты, отличающія ихъ другъ отъ друга. Жители Новой Англіи

разнятся какъ по физическому, такъ и по психическому типу отъ жителей юга и запада. До сихъ поръ можно встрѣтить характерныя черты первыхъ поселенцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Бостонъ до сихъ поръ рѣзко отличается отъ Нью-Орлеана, Филадельфіи и Нью-Іорка. Первые поселенцы въ тринадцати первоначальныхъ Штатахъ были бóльшею частью люди, которые перенесли много испытаній. Они явились сюда съ наилучшими намѣреніями, опредѣленными убѣжденіями и съ твердой рѣшимостью сдѣлать все возможное, вынести всякія лишенія, чтобы пріобрѣсти себѣ и своему потомству родину, въ которой бы они могли жить свободно по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, хотя это нисколько не мѣшало имъ въ свою очередь угнетать и мучить людей другихъ вѣроисповѣданій. Этотъ духъ не совсѣмъ исчезъ и до сихъ поръ; американскій характеръ проявляется въ наибольшей чистотѣ въ сѣверовосточныхъ штатахъ. Никто не станетъ отрицать, что французы на юго-западѣ внесли совсѣмъ другой духъ, который до сихъ поръ замѣтенъ въ жизни мѣстнаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Нью-Орлеанѣ, можно видѣть полное господство французскаго легкомыслія, а въ Бостонѣ — пуританской строгости.

Хотя единичныя національности ни въ какомъ случаѣ не остались безъ вліянія и каждая изъ нихъ содѣйствовала до извѣстной степени всему тому, что мы до сихъ поръ видимъ въ Америкѣ, но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ одинаково исчезаютъ въ этой грандіозной помѣси всевозможныхъ націй. Поэтому характеръ американцевъ не можетъ быть названъ чисто англійскимъ, какимъ мы находимъ его въ Англіи, такъ какъ, вслѣдствіе столкновенія съ другими національностями и совершенно различныхъ условій, онъ претерпѣлъ столько же перемѣнъ, какъ и ихъ наружность. Такимъ образомъ, благодаря тому, что онъ принялъ многое чуждое ему и сохранилъ многія свойственныя ему черты, изъ него образовался американскій національный характеръ, который въ нѣкоторомъ отношеніи похожъ на англійскій, но не англійскій, а собственно „американскій“. Въ виду этого мы не можемъ сказать, что не существуетъ „американскаго національнаго характера“. Сѣверо-американцы, по справедливому замѣчанію І. А. Рейденбаха, отличаются даже чрезвычайно ясно выраженнымъ самобытнымъ характеромъ. Если вы путешествуете или живете въ Америкѣ, то встрѣчаете нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, ирландцевъ и другихъ, но вы не находите Германіи, Франціи, Италіи или Ирландіи ни даже Англіи. Всѣ эти представители разныхъ національностей отличаются извѣстными особенностями, которыхъ не имѣли на своей первоначальной родинѣ; и во всемъ сказывается американскій характеръ, чему отчасти способствуетъ совокупность мѣстныхъ условій, занятій и климатъ. Человѣкъ приспособляется къ чуждой для него почвѣ, какъ въ психическомъ такъ и физическомъ отношеніи. Въ противномъ случаѣ сѣверо-американцы, представляя собою незаконнорожденную націю, состоящую изъ всевозможныхъ національностей, могли бы принять или сохранить нѣкоторыя черты нѣмецкаго характера, т. е. того этническаго элемента, который играетъ такую важную численную роль при образованіи этой новой народности, тѣмъ болѣе, что сѣверо-американцы, подобно англосаксамъ, ссылаются на свое нѣмецко-англійское происхожденіе. Въ дѣйствительности мы не видимъ этого. У сѣверо-американцевъ нѣтъ той веселости, какую мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ; они равнодушнѣе относятся къ удовольствіямъ, вообще не любятъ музыки; и нужны особыя возбуждающія средства, какъ, напримѣръ: спиртные напитки, блистательная рѣчь оратора или потрясающая пьеса на сценѣ, чтобы вывести ихъ изъ свойственнаго имъ стоицизма. Веселое настроеніе духа не составляетъ ихъ прирожденнаго качества, а не болѣе какъ продуктъ внѣшняго или внутренняго возбужденія. Но Максъ Эйтъ во всякомъ случаѣ доходитъ до крайности, признавая не болѣе какъ процессомъ ассимиляціи общее „американизированіе“ всѣхъ пришлыхъ племенъ. „Сѣверъ и югъ, востокъ и западъ этой колоссальной страны, говоритъ онъ, отли-

чаются другъ отъ друга легкими оттѣнками; и только кое-гдѣ едва замѣтно нарушается однообразіе мертвенной поверхности людскаго моря, несмотря на бури и теченія, которыя съ неразумной и роковой силой вторгаются въ жизнь челотѣчества. Мы видимъ здѣсь одно изъ поразительнѣйшихъ міровыхъ явленій: самыя пестрыя окраски характеровъ всевозможныхъ націй земнаго шара, брошенныя въ этотъ колоссальный котелъ, черезъ нѣсколько лѣтъ принимаютъ общій желтовато-сѣрый колоритъ. Всякій признакъ самобытности или индивидуальности исчезаетъ, и первая непреложная характеристика настоящаго янки — это отсутствіе какихъ бы-то ни было отличительныхъ чертъ. Всѣ помыслы и дѣла его направлены къ извѣстной цѣли. Душа и тѣло человѣка представляютъ здѣсь машину для пріобрѣтенія маиса, желѣзнодорожныхъ акцій и денегъ. Каждый имѣетъ одну и ту же цѣль и достигаетъ ее одинаковыми средствами. Если кое-гдѣ проявляются признаки существованія другого міра мысли, то всѣ они принадлежатъ пришлому населенію; и если даже эти слабые зародыши пускаютъ корни на влажной почвѣ, то черезъ нѣсколько недѣль теряютъ свой образъ и становятся неузнаваемы отъ сѣрой пыли американской жизни". Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что картина эта нарисована слишкомъ мрачными красками, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ ней много правды.

Не менѣе знаменателенъ фактъ, сообщаемый Bureau of Education въ его отчетѣ о Vital Statistics Америки, что число рожденій уменьшается съ каждымъ годомъ не только въ одномъ, но во всѣхъ штатахъ. Убыль населенія составляетъ постоянное и общее явленіе; то же замѣчается въ Арканзасѣ, Алабамѣ, Массачусетсѣ, Конектикутѣ, Мичиганѣ и Индіанѣ, равно и въ Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ. Во всякомъ случаѣ избытокъ рожденій значительнѣе у переселенцевъ, но все-таки меньше, нежели въ любой изъ европейскихъ странъ, не исключая Франціи, въ самыя тяжелыя для нея времена. Конечный результатъ этого можно легко предвидѣть. Если прекратится наплывъ европейской крови, то бѣлые должны исчезнуть въ Сѣверной Америкѣ. Мы видимъ на англо-саксахъ то же явленіе, которое представляютъ креолы въ Средней и Южный Америкѣ. У насъ достаточно доказательствъ расоваго перерожденія у бѣлыхъ американцевъ, потому что умственныя способности не могутъ служить замѣной исчезающихъ физическихъ силъ. Безпристрастные наблюдатели, какъ напримѣръ, Джонъ Уайтъ, утверждаютъ, что англо-саксонская порода людей подвергается измѣненію въ Америкѣ, т. е. слабѣетъ не только въ физическомъ, но въ заключеніе и въ нравственномъ отношеніи (Смотри über die physische Entartung in Amerika: Ausland 1851, s. 673 ff., 678 ff. und Globus Bd. XXVII, s. 334). Равнымъ образомъ другой изслѣдователь пишетъ, что природный американецъ идетъ регрессивно въ умственномъ отношеніи и, что такой-же упадокъ замѣчается относительно его здоровья, силы и плодовитости, а именно въ туземномъ населеніи ново-англійскихъ штатовъ. Послѣднія, изданныя въ Бостонѣ извѣстія о населеніи Массачусетса сообщаютъ, что потомки первыхъ переселенцевъ быстро приближаются къ вымиранію. Изъ этихъ данныхъ мы узнаемъ, что въ 87 округахъ, средняя цифра рожденій англо-американцевъ доходила только до $1^2/_3$ на каждую семью и, что треть этого числа умирала до пяти лѣтъ, такъ что едва одинъ ребенокъ въ семьѣ достигалъ зрѣлаго возраста. Въ другихъ сѣверныхъ штатахъ статистическія данныя приводятъ къ болѣе благопріятному выводу; но такъ какъ и здѣсь среднее число смертныхъ случаевъ въ англо-американскихъ семействахъ на 2 процента превышаетъ цифру рожденій, то черезъ 50 лѣтъ должны вымереть послѣдніе потомки пуританъ. Что-же касается причины подобной убыли туземнаго населенія (которая уже продолжается 75 лѣтъ), то ее объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наиболѣе сильные люди выселились, между тѣмъ какъ слабѣйшіе остались на мѣстѣ. Равнымъ образомъ это явленіе объясняютъ кли-

матомъ, который будто бы сдѣлался суровѣе прежняго, хотя онъ полезенъ новымъ поселенцамъ; и они умножаются и процвѣтаютъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что главная причина заключается собственно въ пуританскомъ духѣ ханжества, которое прививается дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ, изощряетъ память и разсудокъ въ ущербъ сердцу и духъ на счетъ тѣла, превращаетъ дѣвушекъ въ изнѣженныхъ модныхъ куколъ и препятствуетъ правильному развитію мальчиковъ. Къ этому нужно присоединить то отвращеніе, которое чувствуютъ здѣшнія женщины (это относится почти ко всѣмъ американкамъ) къ трудной обязанности воспитанія дѣтей и веденію собственнаго хозяйства, что способствуетъ развитію трактирной жизни и побуждаетъ мужчинъ всецѣло увлекаться дѣлами. Само собою разумѣется, что при такомъ ненормальномъ образѣ жизни оба пола очень мало обращаютъ вниманія на состояніе своего здоровья и считаютъ моціонъ на свѣжемъ воздухѣ совершенно лишнимъ („Allgem. Zeitung vom 26 April 1874, Nr 116). Гепвортъ Диксонъ также приходитъ къ весьма любопытнымъ заключеніямъ относительно упомянутаго явленія, и видитъ главную причину его въ крайне безобразномъ отношеніи обоихъ половъ (Dixon White Conquest. London 1876. Bd. II, s. 303). Между тѣмъ наиболѣе существенными признаками процвѣтанія расы нужно считать ея физическую силу и преобладаніе цифры рожденій надъ смертностью.

Но во всякомъ случаѣ ущербъ, которому можетъ подвергнуться туземный народный элементъ съ избыткомъ уравновѣшивается наплывомъ европейской крови, которую ежегодно приносятъ въ сѣверную Америку массы переселенцевъ, между которыми важную роль играютъ нѣмцы и ихъ германскіе родичи, какъ напр. галландцы, фламанцы, швейцарцы, нѣмцы (живущіе въ Россіи), датчане, скандинавы и наконецъ ирландцы. Съ 1815 года болѣе четырехъ милльоновъ нѣмцевъ переселилось въ Соединенные Штаты, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время общее число живущихъ здѣсь людей нѣмецкаго происхожденія гораздо значительнѣе. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ чистокровными нѣмцами ихъ насчитываютъ теперь до $11^{1}/_{2}$ милліоновъ; слѣдовательно они составляютъ болѣе чѣмъ пятую часть всего населенія. Нѣмцы преимущественно вносятъ европейскій элементъ въ Америку и германизируютъ ее. Нѣмецкая колонизація распространила здѣсь нѣмецкіе нравы, привычки и взгляды, которые оказываютъ соотвѣтственное вліяніе въ большихъ городахъ и на всемъ сѣверо-западѣ страны. Но, принимая во вниманіе, что нѣмецкій темпераментъ представляетъ собой противоположность англо-американскому, мы можемъ считать это вліяніе абсолютно полезнымъ. Оно проявляется главнымъ образомъ въ бо̀льшемъ количествѣ часовъ проводимыхъ на чистомъ воздухѣ, въ развитіи вкуса къ искусству и природѣ, въ замѣнѣ спиртныхъ напитковъ легкими винами и пивомъ. Кромѣ того умѣренность и спокойный характеръ нѣмцевъ, въ смыслѣ примѣра, дѣйствуютъ крайне благодѣтельно на раздражительныхъ американцевъ при ихъ вѣчно возбужденномъ состояніи и склонности къ излишествамъ. Нѣмцы распространены во всѣхъ штатахъ Союза, хотя разумѣется въ крайне неравномѣрномъ количествѣ. Ихъ главныя поселенія находятся въ Пенсильваніи, по обѣимъ сто-

ронамъ Огайо и Цинцинати, вдоль Мичигана, на западномъ берегу Миссисипи и Миссури и наконецъ въ Висконсинѣ. Равнымъ образомъ въ Миннесотѣ, Небраскѣ и Айовѣ встрѣчаются уже многочисленные нѣмецкіе переселенцы. Въ Калифорніи (исключая Аннагейма) едва ли можно встрѣтить одно поселеніе, которое заслуживаетъ названія нѣмецкаго, потому что во всѣхъ здѣшнихъ общинахъ нѣтъ никакихъ признаковъ нѣмецкаго характера. Тѣмъ не менѣе въ различныхъ мѣстностяхъ мы видимъ зачатки нѣмецкихъ колоній, хотя нѣмецкіе переселенцы преимущественно направляются въ тѣ пункты, гдѣ живутъ ихъ соотечественники, такъ что въ Санъ-Франциско нѣмецкое населеніе доходитъ по меньшей мѣрѣ до 40,000 душъ. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ отношеніи западная часть Орегона и Вашингтонской территоріи даже теперь занимаетъ видную роль. Въ Арканзасѣ нѣмецкій элементъ также становится все болѣе и болѣе преобладающимъ, и можно заранѣе сказать, что недалеко то время, когда нѣмцы окончательно завладѣютъ долиной Арканзаса. Но они вообще избѣгаютъ южныхъ штатовъ, такъ что за исключеніомъ Техаса (гдѣ живетъ около 100,000 нѣмцевъ) общее число ихъ до сихъ поръ настолько незначительно въ „хлопчатобумажныхъ“ штатахъ, какъ напр. Георгіи, Миссисипи, Алабамѣ и Южной Каролинѣ, что почти не стоитъ упоминать о нихъ. Въ послѣднемъ штатѣ болѣе чѣмъ половина нѣмецкихъ переселенцевъ состоитъ изъ евреевъ или семитовъ, какъ ихъ называютъ этнологи, вслѣдствіе чего южное сельское населеніе по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ стало считать каждаго нѣмца евреемъ. Съ другой стороны статистически доказанный фактъ, что въ штатѣ Георгіи, въ городахъ: Атланта, Маконъ, Августа, въ Колумбѣ и даже до извѣстной степени въ Саваннѣ представителями нѣмецкаго элемента являются евреи. Въ Алабамѣ это процентное отношеніе еще значительнѣе. Во всякомъ случаѣ достойно замѣчанія, что въ то время какъ въ другихъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки еврейскій элементъ поглощается обще-нѣмецкимъ, мы видимъ на югѣ совершенно обратное явленіе. Здѣсь нѣмцы настолько отождествились съ евреями, что даже во многихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ спеціальному еврейскому жаргону. На ряду съ этимъ менѣе образованные евреи плохо владѣя нѣмецкимъ языкомъ смотрятъ на послѣдній, какъ на побочное средство, и почти исключительно говорятъ на англійскомъ, какъ только освоятся съ нимъ до нѣкоторой степени; и даже любятъ передѣлывать свои нѣмецкія фамиліи на англійскій ладъ. Въ виду всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣмецкій языкъ все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ, такъ что врядъ ли можно разсчитывать на его дальнѣйшее развитіе. Между тѣмъ на сѣверѣ мы видимъ совсѣмъ иное положеніе вещей, особенно съ 1870 года, такъ какъ съ этого времени болѣе чѣмъ когда либо нѣмцы принуждены были отстаивать свою націо-

нальность и вести сильную борьбу въ школахъ изъ-за нѣмецкаго языка съ туземнымъ элементомъ, соревнованіе котораго было возбуждено преобладаніемъ нѣмецкаго элемента. Однако несмотря на все это и довольно значительную періодическую прессу у сѣверныхъ нѣмцевъ между прочимъ можно замѣтить несомнѣнную склонность къ отреченію отъ своей національности въ пользу англійской. Нѣмцы точно также не могутъ избѣгнуть вліянія американской почвы и воздуха, которому подчиняются всѣ европейцы, и докторъ Шюцъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что нѣмцы въ Пенсильваніи настолько же отличаются отъ своихъ европейскихъ соотечественниковъ, какъ янки отъ англичанъ. То же можно сказать и относительно нѣмецкаго языка, который въ силу неизмѣннаго естественнаго закона подвергается сильному перерожденію даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Пенсильванія, гдѣ люди неуклонно придерживаются родного языка, такъ что послѣдній становится почти непонятнымъ для ихъ соплеменниковъ, живущихъ на европейскемъ материкѣ. Этому же процессу подвергся такъ называемый пенсильвано-нѣмецкій языкъ.

Вторымъ наиболѣе важнымъ элементомъ переселенія въ Сѣверную Америку является кельто-католическій или ирландскій, въ составъ котораго входятъ болѣе двухъ милліоновъ душъ. Ирландцы преимущественно селятся въ приатлантическихъ областяхъ, и образуютъ собою въ большихъ городахъ массу фабричныхъ рабочихъ и прислуги; но сельскія занятія вообще не въ ихъ вкусѣ. Такимъ образомъ въ одномъ Нью-Іоркѣ больше ирландцевъ нежели въ Дублинѣ, такъ какъ они составляютъ здѣсь болѣе трети населенія. Однако несмотря на то, что они по своей численности имѣютъ большинство голосовъ на выборахъ и имъ всегда принадлежитъ рѣшеніе вопроса; но тѣмъ не менѣе нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ ирландцы не находятся въ такомъ пренебреженіи какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что ихъ происхожденіе само-по-себѣ служитъ для нихъ главнѣйшимъ препятствіемъ для устройства болѣе или менѣе видной карьеры. Ирландцы формально низведены до состоянія низшей касты, которой предоставлены самыя непроизводительныя и наиболѣе пренебрегаемыя занятія, хотя послѣднія составляютъ для нихъ какъ бы ихъ наслѣдственное преимущество. Но всего печальнѣе то обстоятельство, что ирландцы лишены всякой возможности выйдти изъ этого положенія, такъ какъ американцы вообще считаютъ „pat" (сокращенное имя св. Патрикія патрона ирландцевъ, которымъ американцы обозначаютъ послѣднихъ) простоватыми, между тѣмъ какъ въ Великобританіи ирландца упрекаютъ въ хитрости и подобная кличка никому не можетъ прійдти въ голову. Одно несомнѣнно, что всѣ ирландцы въ Соединенныхъ Штатахъ довольно необразованы и грубы и доставляютъ значительный контингентъ для міра преступниковъ. Въ Канадѣ къ нимъ относятся несравненно лучше и мѣстные жители далеко не презираютъ ихъ въ

такой степени, какъ американцы Союза. Послѣдніе ставятъ имъ въ упрекъ ихъ постоянное пьянство, хотя они сами ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить примѣромъ воздержанія. Но съ другой стороны всѣми признано, что ирландскія женщины представляютъ собой образцы добродѣтели и цѣломудрія и въ этомъ отношеніи превосходятъ англичанокъ, шотландокъ, нѣмокъ и американокъ. Но какъ бы хорошо не жилось ирландцу въ Соединенныхъ Штатахъ онъ постоянно томится тоской по родинѣ. Равнымъ образомъ ирландцы всего больше страдаютъ отъ континентальнаго климата, потому что вмѣсто умѣренной и влажной температуры ихъ острова они должны выносить суровую зиму и знойное лѣто американскаго материка. Но въ физическомъ отношеніи они представляютъ собой самую красивую породу людей во всей Америкѣ, такъ какъ климатъ, хотя и тяжело отзывается на нихъ, но тѣмъ не менѣе какимъ-то необъяснимымъ образомъ до сихъ поръ не могъ обратить ихъ въ мумій. Природные жители Соединенныхъ Штатовъ утверждаютъ, что ирландцы очень медленно американизируются, а именно не раньше какъ черезъ три поколѣнія (John White, Sketches from America, s. 351—373).

Въ сѣверной области, по сосѣдству съ Соединенными Штатами, а именно въ Канадѣ, и вообще въ западной части Британской Америки, мы встрѣчаемъ еще одну группу бѣлыхъ людей, которая заслуживаетъ наше вниманіе. Это французы, которые не только представляютъ сплошное населеніе Нижней Канады, нынѣшней провинціи Квебека, но до сихъ поръ сохранили существенныя особенности своей національности.

По обѣимъ берегамъ рѣки св. Лаврентія, которая по красотѣ и величію превосходитъ всѣ рѣки Америки, и въ особенности въ графствахъ, расположенныхъ по нижнему теченію, мы встрѣчаемъ чисто французское населеніе почти безъ всякой посторонней помѣси. Ежегодно рядомъ съ старыми, возникаютъ новые французскіе приходы и къ югу распространяется франко-канадскій элементъ въ округахъ смежныхъ съ Новымъ Брауншвейгомъ и Мэйномъ; между тѣмъ какъ на сѣверѣ, въ обширной территоріи долины верхняго Сагэнэя и вокругъ озера Сенъ-Жана двадцать лѣтъ тому назадъ поселилось болѣе пятнадцати тысячъ французскихъ канадцевъ, Всюду, глазамъ представляются „уютныя“ жилища, потому что каждый изъ канадскихъ „habitants“ (названіе, которымъ обозначаютъ здѣсь французское осѣдлое населеніе) строитъ себѣ домъ посреди своего участка земли, не обращая вниманія на разстояніе, отдѣляющее его отъ сосѣдей. Мѣстами между домами виднѣются церковныя башни, крытыя бѣлой жестью; число ихъ указываетъ на количество отдѣльныхъ общинъ, на которыя дѣлится вереница красивыхъ домовъ. Эти переселенцы разставшись съ родиной не отреклись отъ своей національности и, напротивъ того, выказали самое упорное сопротивленіе англійскому влія-

нію. Благодаря этой устойчивости и, въ особенности, замѣчательной плодовитости франко-канадскихъ семействъ, которая далеко превосходитъ плодовитость британскихъ переселенцевъ, и, несмотря на усиливающійся наплывъ чуждой эмиграціи, французскій элементъ не только удержался, но и распространился въ странѣ, естественную столицу которой представляетъ Квебекъ.

Иностранца особенно поражаетъ въ Квебекѣ то обстоятельство, что онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу вывѣски лавокъ и ремесленныхъ заведеній подъ одними и тѣми же французскими фамиліями хозяевъ: Дюгасы, Тюркотты, Жинграссы и нѣкоторые другіе повидимому захватили въ свои руки всю торговлю и всѣ дѣла во французскихъ кварталахъ города; но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями этотъ странный фактъ объясняется довольно просто. Во время стапятидесятилѣтняго французскаго господства въ Канаду едва пріѣхало болѣе десяти тысячъ переселенцевъ изъ ихъ первоначальной родины; изъ этого незначительнаго числа произошелъ милліонъ шестьсотъ тысячъ французскихъ канадцевъ прямой линіи, живущихъ въ настоящее время въ британской Америкѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Понятно, что съ увеличеніемъ числа индивидовъ не уменьшилось число фамильныхъ названій, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ деревняхъ при населеніи отъ пятисотъ до шестисотъ душъ едва можно встрѣтить двѣнадцать или пятнадцать различныхъ фамилій.

Французскій канадецъ любитъ роскошь болѣе чѣмъ бы слѣдовало по его экономическимъ условіямъ. Въ воскресенье онъ запрягаетъ своего рысака въ изящный рессорный экипажъ и въ перегонку съ сосѣдомъ ѣдетъ въ свою приходскую церковь. Красивые экипажи и лошади, дорогія шубы и изящные туалеты для молодыхъ дочерей составляютъ предметъ завѣтныхъ желаній канадца; и къ сожалѣнію самый мелкій сельскій хозяинъ не хочетъ отстать въ этомъ отношеніи отъ зажиточнаго „habitant", что не рѣдко приводитъ его къ быстрому раззоренію. Онъ входитъ въ долги, долженъ ликвидировать свое имущество и въ заключеніе переселяется въ Соединенные Штаты, чтобы снискать себѣ средства къ пропитанію въ качествѣ фабричнаго рабочаго. У французовъ Канады до сихъ поръ удержался въ общихъ чертахъ не только языкъ, но и взгляды и образъ жизни старой Франціи, гибель которой была подготовлена великимъ политическимъ и соціальнымъ переворотомъ конца прошлаго столѣтія. Однимъ словомъ мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ-же порядки, какъ въ Бретани и Нормандіи, тотъ же духъ и характеръ населенія, какими мы представляемъ себѣ ихъ въ этихъ провинціяхъ, особенно въ былыя времена, такъ какъ отсюда вылился главный потокъ французской эмиграціи къ берегамъ рѣки Св. Лаврентія.

Во Франціи образованные и не образованные классы общества различаются между прочимъ французскимъ выговоромъ; въ Канадѣ по-

слѣдній совершенно одинаковъ, какъ у самаго ученаго горожанина, такъ и у мелкаго сельскаго хозяина или работника. По этому было бы ошибочно предполагать, что въ Канадѣ господствуетъ нормандскій или бретонскій діалектъ, такъ какъ языкъ канадца несравненно правильнѣе, нежели тотъ, которымъ говоритъ поселянинъ французскихъ провинцій, изъ которыхъ. нѣкогда переселились предки нынѣшняго французскаго населенія на берегахъ рѣки Св. Лаврентія. Но тѣмъ не менѣе канадскій французскій языкъ и обороты рѣчи тѣ самые, которые были въ употребленіи во Франціи въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Въ новѣйшее время, по крайней мѣрѣ въ повседневной прессѣ все болѣе и болѣе замѣчается примѣсь англійскихъ и французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, которые окончательно пріобрѣтаютъ права гражданства въ обыденномъ языкѣ, хотя въ соціальномъ и литературномъ отношеніи французы и англичане остаются чуждыми другъ другу.

Равнымъ образомъ мы можемъ причислить къ канадо-французскому элементу метисовъ, живущихъ на западѣ французскихъ владѣній, а именно потомковъ отважныхъ лѣсныхъ обитателей и такъ называемыхъ „voyageurs“, которые присоединились къ индійцамъ и подобно имъ вели бродячую жизнь. Наконецъ въ англійской верхней Канадѣ, въ провинціи Онтаріо, встрѣчаются многія французскія поселенія и общины, которыя упорно придерживаются обычаевъ и нравовъ своей первоначальной родины; и даже на дальнемъ западѣ у Красной рѣки въ двухъ не большихъ цвѣтущихъ городахъ: Винипегѣ и Св. Бонифація существуетъ хотя и не чистокровное, но вполнѣ образованное французское общество.

Такъ называемые акадійцы въ Новомъ Брауншвейгѣ, Новой Шотландіи, на островахъ принца Эдварда и у Бретонскаго мыса, число которыхъ доходитъ 80 — 100.000 также представляютъ собой потомковъ первыхъ французскихъ переселенцевъ. Они равнымъ образомъ сохранили языкъ и нравы своей первоначальной родины, занимаются отчасти земледѣліемъ и лѣсными порубками, служатъ гребцами у лодочниковъ, охотятся за пушными звѣрями и съ этого цѣлью проходятъ большія пространства. Въ послѣдніе годы многіе изъ нихъ переселились въ Канаду и Соединенные Штаты. Акадійцы держатся въ сторонѣ отъ своихъ сосѣдей и до сихъ поръ носятъ живописную одежду нормандскихъ деревень. Мужчины ведутъ простую трудолюбивую жизнь; и только благодаря ихъ прилежанію и трудолюбію новошотландскія овощи вошли въ такую славу. Женщины у акадійцевъ замѣчательно добродѣтельны и отличаются величайшимъ спокойствіемъ въ манерахъ и обращеніи; онѣ никогда не проявляютъ ни малѣйшаго стремленія къ кокетству, не исключая тѣхъ изъ нихъ, которыя одарены черными лучистыми глазами и очаровательными смуглыми лицами. Но у всѣхъ замѣтенъ оттѣнокъ грусти; а акадійцы вообще производятъ впечатлѣніе несчастныхъ угнетенныхъ людей.

РОМАНСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Какъ извѣстно, вся Центральная и Южная Америка занята народами романскаго происхожденія и находится во владѣніи испанцевъ и португальцевъ. Первые представляютъ собой господствующую расу на Антильскихъ островахъ и во всѣхъ свободныхъ штатахъ Центральной и Южной Америки, между тѣмъ какъ португальцы живутъ почти исключительно въ Бразиліи, въ которой они ввели монархическій образъ правленія. Что же касается не романскаго элемента въ Центральной и Южной Америкѣ, то онъ не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія. Англичане и голландцы живутъ на Антиллахъ и въ Гвіанѣ, а скандинавы—на нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ Антильскихъ островахъ. Потомки этихъ чистокровныхъ бѣлыхъ, преимущественно романскаго корня, родившіеся на американской почвѣ, называются креолами, такъ что примѣненіе этого названія для обозначенія помѣси европейцевъ съ туземцами, положительно невѣрно, хотя не рѣдко употребляется въ этомъ смыслѣ. Дѣйствительно чистокровные потомки негровъ, привезенныхъ въ Америку также называются креолами, потому что испанцы первоначально обозначали словомъ criollo потомковъ всякой не туземной расы. Такимъ образомъ существуютъ бѣлые и черные креолы. Между тѣмъ вошло въ привычку подъ именемъ креоловъ подразумѣвать почти исключительно однихъ бѣлыхъ американскихъ туземцевъ; и только въ одной Бразиліи этотъ терминъ примѣняется къ родившимся въ странѣ неграмъ. Бѣлые креолы, не смотря на свое чистокровное европейское происхожденіе, настолько же отличаются въ физическомъ и умственномъ отношеніи отъ своихъ соплеменниковъ, родившихся въ Европѣ, какъ янки отъ англичанъ. Мужчины бо̀льшею чатью средняго роста, хорошо сложены, но худощавы, съ черными волосами, темными блестящими глазами и отличаются роскошной растительностью бороды. Женщины чрезвычайно изящнаго и красиваго тѣлосложенія, съ великолѣпными синевато-черными волосами, темными въ высшей степени страстными глазами, блестящими бѣлыми зубами, бѣлымъ, слегка окрашеннымъ цвѣтомъ лица, маленькими руками и ногами и граціозной легкой походкой. Онѣ живаго и веселаго характера, отличаются искренностью; но очень быстро отцвѣтаютъ и подъ старость становятся бо̀льшею частью безобразными. При этомъ креолы обладаютъ многими прекрасными качествами старыхъ кастильцевъ: благородствомъ, великодушіемъ, щедростью, но также и ихъ недостатками: надменностью, обидчивостью, мстительностью и страстностью, доходящей до крайней степени. Гостепріимство ихъ не имѣетъ границъ; и нужно быть на сто-

рожѣ, чтобы не похвалить чего-нибудь въ ихъ домѣ слишкомъ усердно, потому что въ этомъ случаѣ они заставятъ васъ принять въ подарокъ понравившуюся вамъ вещь. Они хорошіе отцы и внимательные, заботливые мужья. На ряду съ такими несомнѣнными качествами, какъ: чувство собственнаго достоинства, храбрость, вѣжливость, умъ, ловкость, трезвость и умѣренность, они отличаются: суевѣріемъ, ханжествомъ, невѣжествомъ, чувственностью, отсутствіемъ энергіи, изнѣженностью, лѣнью, ревностью, себялюбіемъ и жадностью. Лѣнь составляетъ также преобладающее свойство португальскихъ креоловъ, въ Бразиліи, которые въ послѣднее время большею частью называютъ себя „бразиліерасами" (brasilieros). Въ отличіе отъ негровъ и различныхъ скрещенныхъ расъ ихъ обозначаютъ также именемъ „бѣлыхъ", хотя это названіе не совсѣмъ подходитъ къ нимъ, при ихъ смугломъ загорѣломъ цвѣтѣ лица, который составляетъ наслѣдственное свойство и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Наружность португальскихъ креоловъ соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Они отличаются быстрымъ соображеніемъ, вспыльчивостью и воспріимчивымъ умомъ, склонны къ внезапнымъ порывамъ гнѣва и въ этихъ случаяхъ крайне подвижны, хотя обыкновенно ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать раздражительными. Между всѣми креолами и ихъ сопленниками, вновь прибывшими изъ Европы, существуетъ все болѣе и болѣе усиливающаяся вражда, которая не рѣдко доходитъ до открытыхъ ссоръ. Эта антипатія составляетъ неоспоримый фактъ и объясняется отчасти тѣмъ гнетомъ, который во времена колонизаціи страны, креолы должны были вынести отъ европейскаго владычества. Слѣды этого гнета замѣтны до настоящаго времени въ особенныхъ прозвищахъ. которыми креолы обозначаютъ своихъ европейскихъ соплеменниковъ. Такъ, напримѣръ, родившіеся въ Европѣ испанцы, въ испанской Вестъ-Индіи извѣстны подъ названіемъ chapetones, въ Мексикѣ — gachupynos (отъ ацтекскаго слова gatzopin т. е. всадникъ, буквально получеловѣкъ, полулошадь). Что-же касается европейскихъ португальцевъ, то они называются въ Бразиліи portuguezes legitimos или filhos do reino въ противоположность туземнымъ бразильцамъ filho da terra.

Бѣлые креолы представляютъ собою во всей Америкѣ интеллигенцію страны и образуютъ фактически высшій классъ населенія. Крупные землевладѣльцы, купцы, владѣльцы рудниковъ, фабриканты, чиновники, высшее духовенство, доктора и адвокаты всѣ принадлежатъ къ этому классу. Вообще креола легко наэлектризовать, но тѣмъ не менѣе не смотря на свою страстную натуру онъ не теряетъ самообладанія и можетъ справиться съ своими впечатлѣніями. Коварство чуждо его характеру; и месть съ помощью наемныхъ бандитовъ совершенно неизвѣстна здѣсь. Даже самый необразованный изъ креоловъ инстинктивно приличенъ въ своемъ обращеніи, учтивъ и простодушенъ, хотя въ то-же время честолюбивъ и тщеславенъ, рѣдко обладаетъ солидными знаніями, такъ что безъ труда можно замѣтить пробѣлы въ его образованіи. Легкомысліе и жажда наслажденій составляютъ характерныя черты креоловъ. Но тѣмъ не менѣе пьяницы встрѣчаются между ними крайне рѣдко, равно и гастрономія

не играетъ у нихъ такой роли, какъ у сѣверныхъ жителей; но онъ любитъ сладости и всякія лакомства. Празднества и удовольствія, любовь и игра всего больше занимаютъ его и онъ предается имъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Всеобщая склонность къ азартнымъ играмъ составляетъ язву, которая разрушаетъ счастье и благосостояніе многихъ семействъ. Въ городахъ и деревняхъ существуютъ игорные дома, куда стекается все мужское населеніе для игры въ „monte“ (родъ ландскнехта). При каждомъ празднествѣ игра тотчасъ же выступаетъ на первый планъ, не считая закладовъ и пари, которые составляютъ неизбѣжное явленіе при всякомъ пѣтушьемъ боѣ, конскомъ бѣгѣ и даже игрѣ на билліардѣ къ кофейняхъ. Страсть, съ которой креолъ предается, равносильна тому хладнокровію, съ какимъ онъ относится къ проигрышу. Эта злополучная страсть разрушаетъ не только матеріальное, но и нравственное благосостояніе семьи. Въ то время, какъ мужъ проводитъ ночи за зеленымъ столомъ, проституція вкрадывается въ его домъ; и вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ изчезаетъ спокойствіе и счастіе домашняго очага. У креола на равнѣ съ игрой господствуетъ склонность къ женщинамъ. Онъ не признаетъ сентиментальной любви и стремится къ чувственному удовлетворенію страсти, не обращая вниманія ни на какія преграды и затрудненія. Если на его любовь отвѣчаютъ взаимностью, то ему нуженъ только случай, чтобы насладиться ею. Отвага, хитрость или подкупъ должны довести его до желанной цѣли, и усилія его рѣдко остаются безплодными. Поэтому, ни одна мать не считаетъ свою дочь въ безопасности, если послѣдняя не на ея глазахъ, и сопровождаетъ ее въ церковь и въ общество, зная по опыту, какъ она сама въ молодости усыпляла бдительность Аргуса. Креолы не отличаются никакой національной одеждой, и почти всѣ они носятъ европейское платье. Только за городомъ и дома у нихъ въ употребленіи круглая куртка, на которую при выходѣ на улицу, они накидываютъ испанскій суконный плащъ обшитый бархатной каймой. Та же круглая, короткая куртка служитъ имъ и для верховой ѣзды. Женщины больше мужчинъ слѣдуютъ предписаніямъ парижскихъ модныхъ журналовъ; и только утромъ идя въ церковь придерживаются своего туземнаго утренняго наряда, состоящаго изъ чернаго платья и накидки, красиво убранной кружевами, которая прикрѣплена къ косѣ и опускается по плечамъ; обувью служатъ шелковые чулки съ башмаками; въ рукахъ у нихъ вѣеръ, который постоянно въ движеніи; и онѣ не рѣдко пользуются имъ, чтобы подать тотъ или другой любовный сигналъ черезъ улицу. Но дома онѣ отличаются крайне небрежнымъ туалетомъ и даже не носятъ чулокъ. Дѣвушки и женщины охотно курятъ легкія папиросы. Богатый креолъ любитъ роскошь, держитъ великолѣпные экипажи, красивыхъ верховыхъ лошадей; много прислуги, но не имѣетъ ни какого понятія о комфортѣ; и вообще его домашняя жизнь существенно отлична отъ нашей, а по отношенію женскаго пола—носитъ отчасти восточный характеръ. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты въ ней производятъ крайне пріятное впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, уваженіе дѣтей къ родителямъ и кроткое обращеніе господъ съ прислугой; послѣдняя составляетъ какъ бы часть семьи.

МЕТИСЫ ИЛИ ЦВѢТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Люди романскаго происхожденія и ихъ американскіе потомки, бѣлые креолы, издавна отличаются отъ представителей германскаго племени относительно своего обращенія съ туземцами и пришлымъ чернокожимъ элементомъ. Германецъ держится гордо по отношенію къ индійцу и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ господинъ и повелитель и только въ видѣ исключенія снисходитъ до извѣстныхъ уступокъ. Съ его водвореніемъ начинается господство цивилизаціи, хотя въ ущербъ существованію туземцевъ. Нѣмецъ болѣе кротокъ и справедливъ въ своихъ поступкахъ, нежели его родичь великобританецъ; онъ ссорится съ индійцами только въ крайней необходимости; и обходится съ ними по крайней мѣрѣ по внѣшности какъ съ равными; но нѣмцы вообще женятся чрезвычайно рѣдко на индіянкахъ. Совсѣмъ иное видимъ мы у романскаго населенія: оно легко смѣшивается съ индійцами перенимаетъ ихъ обычаи и языкъ; и даже французы въ Канадѣ чувствуютъ себя также счастливо въ объятіяхъ „squaw“ какъ и бѣлой женщины. Французъ добровольно селится среди индійцевъ, примѣняется къ ихъ дикой жизни; не строитъ даже себѣ прочнаго блокгауза и довольствуется жилищемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ столбовъ, покрытыхъ древесной корой. Подобная хижина представляетъ нѣчто среднее между индійскимъ вигвамомъ и нѣмецкимъ блокгаузомъ. Тѣмъ не менѣе, хотя люди романскаго происхожденія живутъ среди туземцевъ, ведутъ съ ними торговлю, вмѣстѣ съ ними защищаютъ общій фортъ, но не въ состояніи подчинить себѣ дикаря. Вслѣдствіе своей невоздержности они породили многочисленные типы метисовъ, которые, вступая между собою въ бракъ, образовали новые разновидности. Наиболѣе рельефные типы метисовъ слѣдующіе:

Родители:	Дѣти:
Бѣлый и негритянка	Мулаты.
„ „ индіянка	Местице.
Индіецъ и негритянка	Чино (chino).
Бѣлый и мулатка	Квартероны.
„ „ местице	Креолы, которые отличаются отъ бѣлыхъ только болѣе блѣднымъ цвѣтомъ кожи съ легкимъ коричневымъ оттѣнкомъ.
Бѣлый и чина	Бѣлокожіе чина.
„ „ квартеронка	Квинтероны.
„ „ квинтеронка	Бѣлые.

Негръ и мулатка	Цамбо-негры.
„ „ местице	Темные мулаты.
„ „ чина	Цамбо-чина.
„ „ цамба	Цамба-негры, почти черные.
„ „ квартеронка или квинтеронка	Темноватые мулаты.
Индіецъ и мулатка	Темнокожіе чина.
„ „ местице	Свѣтлокожіе местице нерѣдко очень красивые.
„ „ чина	Чино-чоло (cholo).
„ „ цамба	Свѣтлокожіе цамбо.
„ „ квартеронка или квинтеронка	Свѣтлокоричневые местице.
Мулатъ и цамба	Цамбо, некрасивая раса.
„ „ местице	Свѣтлокожіе чино.
„ „ чина	Темноватые чино.

Кромѣ приведенныхъ здѣсь скрещиваній существуютъ еще безчисленные типы метисовъ, которые не имѣютъ особенныхъ названій, такъ какъ по цвѣту кожи весьма мало отличаются отъ вышеприведенныхъ. Всѣхъ ихъ совмѣстно съ индійцами и неграми обозначаютъ общимъ названіемъ „цвѣтныхъ людей“ gente de color. Наилучшимъ мѣриломъ для опредѣленія ихъ разновидностей служатъ волосы женщинъ, которые несравненно менѣе обманчивы, нежели цвѣтъ кожи, потому что послѣдній нерѣдко представляетъ рѣзкое противорѣчіе съ происхожденіемъ. Такъ, напримѣръ, встрѣчаются мулатки съ ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ лица и съ такими правильными чертами лица, что ихъ можно поставить наравнѣ съ самыми красивыми европейскими женщинами; но руннообразные волосы, длина которыхъ не больше пальца, служатъ безошибочнымъ свидѣтельствомъ ихъ происхожденія. Можно считать общимъ правиломъ, что дѣти считаются метисами и ихъ обозначаютъ однимъ и тѣмъ именемъ если отецъ или мать „цвѣтные“; такъ, напримѣръ, дѣти негра и бѣлой женщины называются мулатами, равно и при обратномъ отношеніи родителей. Если метисъ женится на женщинѣ съ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, нежели онъ самъ, и дѣти черезъ это еще больше удаляются отъ бѣлой расы, то это считаютъ un paso atras (т. е. шагъ назадъ),—(I. I. v. Tchudi, Peru. Reiseskizzen. Bd. I, S. 161—163). Во всей Америкѣ глубокая пропасть раздѣляетъ людей различнаго цвѣта кожи бѣлыхъ и цвѣтныхъ. Эта рознь уже замѣтна въ южныхъ штатахъ Сѣвероамериканскаго Союза и всего сильнѣе въ романской Америкѣ гдѣ такъ называемая sangre azul „лазуревая кровь“ составляетъ безусловное преимущество и съ нею не можетъ быть поставленъ на ряду никакой другой цвѣтъ кожи.

Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ въ Гаваннѣ былъ крайне удивленъ, видя такъ мало коричневыхъ физіономій въ проѣзжавшихъ экипажахъ; но туземцы объяснили ему, что въ Аламеда цвѣтнымъ людямъ, какъ бы они ни были богаты и уважаемы, не дозволено не только ѣздить въ экипажахъ, но и верхомъ. Одна красивая, знатная и богатая дама, не совсѣмъ бѣлаго происхожденія рѣшилась однажды нарушить это правило: чёрезъ нѣсколько секундъ она очутилась совсѣмъ одна въ Аламеда; бѣлыя дамы обратились въ бѣгство при ея появленіи, какъ отъ зачумленной; а мужчины въ свою очередь должны были послѣдовать примѣру негодующихъ дамъ. Впрочемъ послѣдніе нѣсколько терпимѣе въ этомъ отношеніи и смотрятъ сквозь пальцы, если какой нибудь „цвѣтной" щеголь, кожа котораго не особенно темна, вздумаетъ прокатиться на лошади по аллеѣ отведенной для верховой ѣзды. Въ Кубѣ разъединеніе и взаимное отвращеніе расъ выражается еще рельефнѣе, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь встрѣчаются самые разнообразные субъекты: бѣлые, а также такіе которые считаются ими или выдаютъ себя за бѣлыхъ (но при первой ссорѣ ихъ приводятъ въ надлежащіе границы браннымъ словомъ „мулатъ"), затѣмъ квартероны, мулаты, грифесы (помѣсь мулатовъ и негровъ) и наконецъ негры. Испанцы и креолы, особенно послѣдніе относятся съ пренебреженіемъ къ „цвѣтнымъ" людямъ, которые въ свою очередь платятъ имъ такимъ же презрѣніемъ, мстятъ, гдѣ могутъ и ищутъ развлеченій въ собственномъ обществѣ. Мулатовъ охотно отпускаютъ изъ страны, если они имѣютъ желаніе выселиться; но при этомъ на ихъ паспортахъ дѣлаютъ отмѣтку, что имъ запрещается возвращеніе на родину „por ser de color",—потому что они цвѣтные (Hipolyte Piron, Cuba. Paris 1876 s. 12).

Наиболѣе выдающіеся изъ этихъ типовъ метисовъ: местице, мулаты и цамбо. Говорятъ, что они вообще совмѣщаютъ въ себѣ только пороки, а не хорошіе свойства родителей. Такъ, напримѣръ, Диксонъ описываетъ съ неподдѣльнымъ драматизмомъ злополучную смѣшанную расу, которая произошла отъ скрещиванья испанцевъ съ индійцами. У послѣднихъ съ незапамятныхъ временъ существовалъ обычай продавать своихъ „squaws", завоеватели Америки быстро освоились съ этимъ обычаемъ, но съ тою разницею, что они обыкновенно предпочитали похищеніе покупкѣ.

. . . „Эти пришельцы были всѣ бѣлолицые и сильнаго тѣлосложенія; индіянки дружелюбно отнеслись къ нимъ; и благодаря нравственной распущенности, господствовавшей въ индійскихъ лагеряхъ, произошла новая раса. Скрещиваніе бѣлой и красной крови произвело метисовъ; между ними встрѣчаются иногда женщины необычайной красоты. Весьма немногіе субъекты изъ этой расы умѣютъ читать и писать; и едва ли одинъ изъ десяти можетъ похвалиться законнымъ происхожденіемъ, потому что бѣлые въ большинствѣ случаевъ не удо-

станваютъ жениться на „squaws". Суевѣріе отуманиваетъ немногіе проблески мысли, которые являются въ ихъ головѣ. Сознаніе, что они не бѣлые и не краснокожіе и что имъ нѣтъ мѣста среди индійцевъ, приводитъ ихъ къ тому результату, что они глубоко презираютъ племя, къ которому принадлежитъ ихъ мать; и настолько же ненавидятъ соплеменниковъ отца. Въ нихъ совмѣщаются пороки обѣихъ враждебныхъ расъ; гордость и жестокость отца испанца съ лѣнью и распущенностью индіянки матери. Но мы не должны безусловно вѣрить этому взгляду, потому что новѣйшіе наблюдатели выражаютъ весьма сильныя сомнѣнія относительно его правильности. Одно вполнѣ достовѣрно, что метисы не вездѣ отличаются одинаковыми свойствами. Такъ, напримѣръ, местице и чоло, которыхъ нерѣдко считаютъ какими-то выродками, обладаютъ многими хорошими качествами, какъ бѣлыхъ людей, такъ и индійцевъ. Они кротки, сострадательны, воспріимчивы; на нихъ можно положиться въ крайности если нужна немедленная помощь; но они непостоянны и не отличаются храбростью. Цвѣтъ кожи у метисовъ свѣтлокоричневый, нерѣдко почти черный; волосы гладкіе, длинные и очень густые; у мужчинъ крайне скудная борода, рѣзкія черты лица и сильное тѣлосложеніе. Такъ характеризуетъ Чуди метисовъ Перу; между тѣмъ какъ Фридрихъ Рацель въ своей корреспонденціи изъ Мексики пишетъ, что лица местице представляютъ помѣсь европейскихъ и индійскихъ чертъ и бо̀льшей частью несравненно безобразнѣе, нежели у чистокровныхъ индійцевъ, гдѣ въ грубыхъ и жесткихъ чертахъ лица по крайней мѣрѣ существуетъ извѣстная гармонія (Ratzel, Aus Mexiko, s. 284). Тотъ же изслѣдователь сообщаетъ намъ, что съ начала нынѣшняго столѣтія число метисовъ увеличилось почти въ четыре раза, такъ что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ местице составитъ преобладающій элементъ населенія; а вліяніе бѣлыхъ будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Мексиканскія образованныя женщины давно отреклись отъ своего предубѣжденія не только противъ индійцевъ, но и мулатовъ; и въ лучшихъ кружкахъ общества встрѣчаются браки, гдѣ бѣлыя женщины живутъ самымъ миролюбивымъ образомъ съ мужьями индійцами и даже мулатами (А. и О. s. 314 — 315). Подобный же процессъ совершается и въ другихъ частяхъ испанской Америки, такъ что здѣсь будущность страны въ рукахъ местице.

Совершенно иное представляютъ собою мулаты, которые разумѣется встрѣчаются только въ округахъ, гдѣ въ бо̀льшемъ количествѣ живутъ негры, такъ что ихъ было очень много въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ; и до сихъ поръ число ихъ весьма значительно въ Бразиліи; но въ Перу и другихъ республикахъ они не особенно многочисленны. Мулаты довольно слабаго тѣлосложенія; но въ умственномъ отношеніи превосходятъ всѣхъ метисовъ, негровъ и индійцевъ. Они выказываютъ большое искусство во всѣхъ механиче-

скихъ работахъ, крайне понятливы и обладаютъ замѣчательнымъ даромъ подражанія. При этомъ они воспріимчивы къ каждому внѣшнему впечатлѣнію, и всѣ чувства ихъ легко переходятъ въ страсть. Вслѣдствіе постояннаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ, они не заботятся о будущемъ и постоянно поглощены мимолетнымъ интересомъ настоящей минуты. Между мулатками встрѣчаются иногда замѣчательно красивыя личности, но имъ всегда недостаетъ правильнаго овала лица, который составляетъ неизбѣжное условіе классической красоты. Въ Бразиліи мулатовъ считаютъ коварными и мстительными и имъ приписываютъ крайне распущенные нравы. Они вообще тщеславны и по возможности одѣваются по послѣдней модѣ; женщины любятъ яркіе цвѣта и увѣшиваютъ себя драгоцѣнностями и дорогими каменьями.

Цамбо и чино принадлежатъ къ низшему классу цвѣтнаго населенія. Первые—сильные люди, атлетическаго тѣлосложенія съ чернымъ цвѣтомъ лица, переходящимъ въ оливкокоричневый. Носъ менѣе приплюснутъ, нежели у негровъ; но губы такія же отвороченныя; глаза маленькіе и проницательные, волосы немного длиннѣе, чѣмъ у негровъ, но завитые въ большіе локоны. У мужчинъ весьма скудная борода. Цамбо—интеллигентные и отважные люди; но имъ вообще недостаетъ хорошихъ качествъ негровъ, и они не знаютъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые имъ предписываетъ ихъ звѣрская натура. Всѣ пороки достигаютъ у нихъ въ высшей степени развитія, и они съ величайшимъ хладнокровіемъ совершаютъ самыя жестокія преступленія. Вѣроломство и коварство повидимому прирождены имъ; но на ряду съ этимъ, благодаря тонкому слуху у нихъ большія способности къ музыкѣ. Чино немногимъ лучше ихъ въ нравственномъ отношеніи; но по тѣлосложенію они стоятъ ниже цамбо, такъ какъ малы ростомъ и довольно худощавы. Черты лица некрасивы: носъ и ротъ негритянскіе, а лобъ, щеки и глаза индійцевъ. Волосы черные, жесткіе, слегка курчавые, какъ у мулатовъ. Чино вообще коварны, злобны, фальшивы и кровожадны. Они никогда не забываютъ нанесеннаго оскорбленія и до тѣхъ поръ замышляютъ месть, пока не представится благопріятный, хотя и отдаленный случай для ея удовлетворенія. Они весьма опасные враги.

Что же касается болѣе свѣтлокожихъ метисовъ, въ особенности квартероновъ и квинтероновъ, то о нихъ вообще можно сказать весьма немногое. Въ физическомъ и умственномъ отношеніи они очень схожи съ бѣлыми креолами, къ которымъ они всегда и причисляютъ себя. (Tschudi, Peru, Bd. I s. 168—169). Изъ этихъ метисовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія гаухо или гаучо (по мѣстному выговору), распространенные въ области Ла-Платы, которые вѣроятно представляютъ собою продуктъ скрещиванья первыхъ испанскихъ авантюристовъ и пиратовъ съ индіянками. Съ названіемъ гаучо (отъ араукан-

скаго „gatchu", въ буквальномъ переводѣ товарищъ), которое такъ часто употребляется въ Южной Америкѣ, связано много различныхъ понятій. Первоначально въ этомъ словѣ выражалось презрѣніе и оно означало человѣка дурной нравственности и сомнительной репутаціи. Въ настоящее время называютъ гаучо всякаго человѣка родившагося и выросшаго вдали отъ города, чуждаго въ тѣсномъ смыслѣ культурѣ и цивилизаціи, который ведетъ вполнѣ свободную жизнь, какъ настоящее дитя природы. Невѣроятныя пространства отдѣляютъ подчасъ отъ школы и церкви одинокія жилища мѣстнаго населенія разсѣяннаго по всей поверхности принадлежащей ему земли. Такимъ образомъ подростающее молодое поколѣніе, пользуясь полнѣйшей свободой, предоставлено самому себѣ и безпрепятственному развитію своихъ природныхъ способностей. Послѣднимъ обстоятельствомъ главнымъ образомъ объясняется существованіе различныхъ разновидностей гаучо и ихъ измѣнчивое положеніе въ обществѣ. Гаучо свободный и необузданный сынъ величественной, но тѣмъ не менѣе южной природы, совершаетъ невѣроятные подвиги въ смыслѣ физической силы и ловкости; онъ относится съ уваженіемъ и слушаетъ только тѣхъ людей, которые обладаютъ такими же качествами, какъ онъ самъ или даже превосходятъ его въ этомъ отношеніи. Сообразно своимъ прирожденнымъ свойствамъ, онъ является хорошимъ или дурнымъ человѣкомъ, крайне дѣятельнымъ или лѣнивымъ. Онъ живетъ или въ низкой хижинѣ, не имѣя другой собственности кромѣ краденой лошади, или же во дворцѣ и занимаетъ видное положеніе въ обществѣ, благодаря своему богатству и доказанному мужеству. Всѣмъ извѣстны худшіе типы этого рода—Артигасъ Факунда Квирога, Рамирецъ въ Энтре Ріосъ, Станиславъ Лопесъ въ Санта-Фé и Урквиза, которые совмѣщали въ себѣ самые низкіе инстинкты: жестокость, коварство, притворство, грубую мстительность, величайшую кровожадность и алчность. Почти полстолѣтія эти злодѣи превращали цвѣтущія провинціи Ла-Платы въ арену дерзкихъ пороковъ и кровавыхъ жестокостей. Къ счастью этого рода гаучо не встрѣчаются въ настоящее время.

Нынѣшній гаучо все еще представляетъ рѣзкую разницу съ жителями городовъ и нерѣдко находится съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ, представляя собой такимъ образомъ готовый горючій матеріалъ въ частыхъ междоусобныхъ войнахъ. Тѣмъ не менѣе онъ уже занимается въ довольно значительной степени скотоводствомъ и, благодаря торговымъ сношеніямъ, свыкается съ регулированной дѣятельностью. Такъ, напримѣръ онъ навьючиваетъ на спины своихъ муловъ и лошадей соединенныхъ въ болѣе или менѣе значительныя tropillas (гурты, стада), наиболѣе употребительный товаръ, какъ: англійское пиво, испанскія вина, можжевеловое вино, табакъ, парагвайскій чай (Uerba Maté), который нерѣдко служитъ здѣсь замѣной

китайскаго, и снабжаетъ этими продуктами самые отдаленные и уединенные пункты.

Что-же касается его остальной дѣятельности и образа жизни, то гаучо прежде всего природный наѣздникъ. Онъ чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ въ тѣ минуты, когда гонится за разбѣжавшимся во всѣ стороны дикимъ стадомъ, размахивая высоко поднятой рукой, въ которой держитъ лассо, сплетенное изъ тонкихъ ремней, и выжидаетъ только удобнаго случая, чтобы бросить свое смертоносное „bola“ (ядро прикрѣпленное къ концу лассо). Арканъ или лассо постоянно прикрѣпленъ къ его „cincha“ (подпругѣ), и гаучо такъ сильно и мѣтко владѣетъ имъ, что ни одно животное, даже мощный тигръ не въ состояніи выдержать съ нимъ борьбу. Не рѣдко на разстояніи тридцати метровъ онъ забрасываетъ петлю на шею лошади, которая несется самымъ дикимъ галопомъ, и несмотря на сильное сотрясеніе остается неподвижнымъ на спинѣ своего вѣрнаго pangaré (коня). Къ наиболѣе замѣчательнымъ субъектамъ принадлежатъ такъ называемые „Vaqueanos“ и „Rastreadores“ (искатели тропинокъ и слѣдовъ), объ искусствѣ и дѣятельности которыхъ мы имѣемъ крайне неопредѣленное понятіе. Такъ, напримѣръ, во главѣ всякаго военнаго похода всегда находится проводникъ, „vaqueano“ состоящій на службѣ правительства, который сообразно своимъ умственнымъ способностямъ, свѣтскому обращенію, прежнимъ заслугамъ или въ виду другихъ соображеній получаетъ чинъ офицера или даже капитана національной гвардіи. Не рѣдко ему приходится отъѣхать впередъ на полмили или на цѣлую испанскую милю, а иногда и болѣе для осмотра волнистой почвы пампасовъ, которые тянутся у нижней Параны и къ югу Буэносъ-Айреса, отчасти пустынными котловинами и частью въ видѣ соленыхъ болотъ или обнаженныхъ соленыхъ степей. Небольшія встрѣчаемыя въ нихъ возвышенія, такъ называемыя „medanos“ служатъ для него въ нѣкоторыхъ случаяхъ путеводною нитью. Когда онъ такимъ образомъ убѣдится въ правильности выбранной имъ дороги онъ сходитъ съ лошади и, послѣ кратковременнаго отдыха, отмѣчаетъ направленіе, по которому должно слѣдовать войско. Съ этою цѣлью онъ втыкаетъ въ землю большіе куски тросника съ желѣзными наконечниками, употребляемые въ видѣ копьевъ по примѣру индійцевъ, которые снабжены на верхнемъ концѣ метлами и виднѣются издали. Этого рода проводники обладаютъ поразительнымъ искусствомъ оріентироваться среди безконечнаго зеленаго моря пампасовъ, такъ что легкость, съ которою они освоиваются съ мѣстностью, является какъ-бы инстинктивнымъ даромъ природы. Многіе изъ нихъ находятъ дорогу при туманной погодѣ и даже ночью, безъ компаса, не имѣя никакого понятія объ этомъ инструментѣ (Ausland 1870, s. 95 4.). Въ тѣсной связи съ этимъ даромъ оріентированія въ незнакомой мѣстности, у гаучо проявляется другая, не менѣе рѣдкая способность—отыскиватѣ едва замѣтные слѣды. Весьма любопытный фактъ, что опытный глазъ гаучо, даже по прошествіи значительнаго времени, не только различаетъ безъ труда слѣды предметовъ, оставившихъ болѣе или менѣе глубокій отпечатокъ въ почвѣ; но зачастую этимъ дѣтямъ природы удается опредѣлить звѣря, побывавшаго на мѣстѣ, покрытомъ роскошною растительностью. Но еще болѣе невѣроятныя вещи продѣлываютъ „rastreadores“ или спеціальные искатели слѣдовъ. „Rastreador“—серіозный, осмотрительный человѣкъ, показанія котораго въ судахъ низшей инстанціи считаются несомнѣнными доказательствами. Сознаніе, что онъ свѣдущій человѣкъ, придаетъ его чувству собственнаго достоинства извѣстную сдержанность и таинственность. Всѣ относятся къ нему съ уваженіемъ: бѣдный, потому что онъ боится оскорбить человѣка, который можетъ повредить ему дурнымъ отзывомъ или обвиненіемъ; землевладѣлецъ вслѣдствіе того значенія, которое могутъ имѣть его показанія на судѣ. Такъ, напримѣръ, если ночью совершена кража, и виновникъ неиз-

вѣстенъ, то пострадавшія лица стараются немедленно отыскать слѣды ногъ вора, и если таковые найдены, то покрываютъ ихъ чѣмъ нибудь чтобы вѣтеръ не развѣялъ ихъ. Затѣмъ приглашаютъ „rastreador'a“, который идетъ по слѣду время отъ времени поглядывая на землю, какъ будто бы его глаза ясно видятъ слѣды ногъ невидимые для другихъ. Онъ выслѣживаетъ ихъ вдоль улицъ, идетъ черезъ сады, входитъ въ дома и, указывая на человѣка, котораго онъ находитъ здѣсь, хладнокровно объявляетъ: „вотъ онъ!“ Преступленіе доказано, и преступникъ большею частью сознается въ своей винѣ, „потому что показанія „rastreador'a“ въ его глазахъ, даже больше чѣмъ судей, имѣютъ значеніе несомнѣннаго доказательства, которое было бы нелѣпо и неприлично оспаривать. Поэтому обвиненный складываетъ оружіе передъ свидѣтелемъ, на котораго смотритъ, какъ на обличителя, ниспосланнаго самимъ Богомъ.

Во время „yerras“, когда владѣльцы отдѣльныхъ фермъ выжигаютъ свое тавро на скотѣ родившемся въ продолженіи послѣдняго года, эта процедура обыкновенно сопровождается многодневнымъ праздникомъ. На послѣдній со всѣхъ сторонъ собираются гаучо, нерѣдко въ сопровожденіи своихъ женъ, которыя, несмотря на коричневый и даже подчасъ черноватый цвѣтъ лица, не лишены миловидности и граціи. Въ этихъ случаяхъ необычайная ловкость гаучо проявляется во всемъ блескѣ. На огромныхъ кострахъ, разведенныхъ передъ фермами, жарятся колоссальные куски мяса, разставлены безчисленные котлы съ водой для приготовленія maté; и въ то же время на огнѣ раскаливается желѣзо для клейменія скота. Въ то время, какъ собравшееся общество закуриваетъ папиросы и бутылка съ можжевеловымъ виномъ переходитъ изъ рукъ въ руки, слуги сгоняютъ къ одному мѣсту скотъ, разсѣянный по обширной равнинѣ, который какъ бы предчувствуя грозящую ему бѣду приходитъ въ неистовство и разбѣгается въ разныя стороны. Гаучо безъ страха ѣздитъ верхомъ среди разъяреннаго стада и кидаетъ лассо; пойманное животное падаетъ на землю; и въ ту же минуту къ задней ногѣ его прикладываютъ раскаленное желѣзо, пока съ шипѣніемъ не выступитъ кровь. Обыкновенно за этимъ сельскимъ, но дикимъ занятіемъ слѣдуетъ скачка и танцы; въ антрактахъ выступаетъ гаучо въ качествѣ народнаго пѣвца. Тѣ, которымъ приходилось слышать подобнаго трубадура среди необъятныхъ пампасовъ, подъ южнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, должны были неизбѣжно ощутить совмѣстно съ красотой величественной природы, поэзію присущую дикарю нерѣдко покрытому лохмотьями, когда онъ аккомпанируетъ своему самобытному пѣнію мягкими гармоничными звуками гитары. Это такъ называемый „pallador“ (импровизаторъ), и пѣніе составляетъ неизбѣжное условіе его существованія. Многія изъ его пѣсенъ перешли въ народъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ трогательной простотой изображена красота возлюбленной; въ другихъ отражается гибельное пламя страсти или жажда мести. Подобно окружающей его природѣ, то кроткой и безпамятежной, то дикой и бурной, гаучо добродушенъ и безобиденъ, пока ничто не возбуждаетъ его дремлющихъ страстей; но онъ становится непримиримымъ врагомъ того человѣка, который задѣнетъ его необузданную гордость, и всякое оскорбившее его слово или взглядъ большею частью побуждаетъ къ скорой и кровавой мести.

Дикая любовь къ свободѣ и высокомѣріе составляютъ два качества, которыя страннымъ образомъ совмѣщаются въ характерѣ гаучо и придаютъ нѣкоторую вѣроятность предположенію, что жители пампасовъ близь Ла-Платы произошли отъ первобытнаго скрещиванья первыхъ поселившихся здѣсь испанцевъ съ индіянками.

Но такъ какъ съ этимъ явленіемъ связано своеобразное политическое понятіе, то выродившійся сынъ „кампоса“ легко доходитъ до

разбойничества и становится бичемъ страны. Вслѣдствіе этого мѣстное общество въ извѣстномъ смыслѣ смотритъ вообще на гаучо, какъ на своего рода паріевъ, такъ что нерѣдко достаточно ложнаго обвиненія областнаго коммисара или вообще вліятельнаго лица, чтобы его схватили какъ бродягу, завербовали въ солдаты и отвезли за сотни миль отъ родины. Если нѣсколько лѣтъ спустя ему удается иногда вернуться къ своимъ, то онъ приноситъ съ собой вмѣстѣ съ раздраженіемъ противъ общества, жажду мести, которая кладетъ особый отпечатокъ на бѣднаго гаучо, сына величественной дѣвственной природы, и дѣлаетъ его опаснымъ орудіемъ революціонныхъ движеній или беззаконнаго произвола (Ausland, 1877, s. 250—251).

НЕГРЫ.

Чернокожіе африканцы почти повсемѣстно были привезены въ Америку въ качесвѣ рабовъ, хотя въ весьма неравномѣрномъ количествѣ. Въ штатахъ Центральной Америки ихъ весьма немного, а также около Тихаго Океана въ южно-американскихъ республикахъ, такъ что сравнительно они всего больше распространены въ Перу. Но въ южныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго Союза и въ Бразиліи они дѣйствительно встрѣчаются въ громадномъ числѣ; на Антиллахъ также очень много чернокожихъ, а республика Гаити безъ всякаго преувеличенія заслуживаетъ названіе негритянскаго государства. Въ настоящее время негры свободны во всей Америкѣ, исключая Бразиліи, гдѣ они до сихъ поръ бо̀льшею частью живутъ въ рабствѣ. Въ обѣихъ странахъ негровъ систематически размножали, такъ что въ Америкѣ много родившихся здѣсь чернокожихъ, которые также какъ и бѣлые отличаются отъ своихъ первоначальныхъ соплеменниковъ. Въ слѣдующемъ томѣ настоящаго сочиненія я представлю читателямъ подробное описаніе африканскихъ негровъ; поэтому считаю лишнимъ вдаваться въ описаніе черной расы и упомяну здѣсь только о тѣхъ чертахъ, которыя собственно свойственны американскимъ неграмъ.

Вообще негръ неповоротливое и неинтеллигентное существо, склонное къ всевозможнымъ порокамъ. Онъ прославился пьянствомъ, страстью къ игрѣ и лѣнью; къ этому нужно прибавить колоссальное невѣжество, нежеланіе пріобрѣсти какія бы то ни было свѣдѣнія, сильный религіозный фанатизмъ, нелѣпое и смѣшное тщеславіе, которое возбуждаетъ въ немъ стремленіе не только подражать своему

сопернику бѣлому, но и превзойти его. Онъ живетъ и умираетъ какъ ребенокъ и не заботится о наступающемъ днѣ, потому что, по его словамъ, Богъ, сотворивъ чернаго и бѣлаго человѣка, позаботится о томъ, чтобы онъ не погибъ отъ холода, голода и нужды. Въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ, онъ питается кореньями, травами и листьями; а въ холодную погоду за отсутствіемъ платья солнце и огонь согрѣваютъ его. Если его постигнутъ болѣзни и крайняя нужда, то онъ покорно переноситъ свою несчастную судьбу и встрѣчаетъ смерть съ индифферентизмомъ индійца приговореннаго къ сожженію—онъ умираетъ, не переставая бормотать свои молитвы. Гепвортъ Диксонъ утверждаетъ, что чернокожіе, которыхъ кровь также часто смѣшана съ индійскою, подвержены быстрому вымиранію, и предсказываетъ, что они исчезнутъ изъ Америки наравнѣ съ краснокожими. Негритянская безпечность въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ хотя косвеннымъ, но тѣмъ не менѣе гибельнымъ образомъ, между тѣмъ какъ постоянно усиливающееся дѣтоубійство препятствуетъ ихъ размноженію. Но мы считаемъ предсказаніе англійскаго путешественника ошибочнымъ, потому что перепись чернокожаго населенія въ 1880 году превышала цензъ 1870 года на 1.697,000 или на 35 процентовъ (Rev. d'Antrop. 1881, s. 567), если только можно вѣрить этимъ цифрамъ, которыя вообще довольно сомнительны въ американскихъ вычисленіяхъ. Диксонъ высказываетъ, въ видѣ предположенія, что негритянки одержимы инстинктомъ дѣтоубійства, который проявляется въ тѣ моменты, когда онѣ теряютъ нравственное самообладаніе и вновь возвращаются къ состоянію дикости. „Одинъ негръ жившій на свободѣ въ Южной Каролинѣ долженъ былъ содержать и кормить своего ребенка, что̀ было для него равносильно лишенію нѣсколькихъ долларовъ, которые онъ могъ употребить на пьянство. Говорятъ что дѣтоубійство настолько же распространено у негровъ, какъ у китайцевъ и татаръ". Подобный отзывъ въ устахъ „culled gemm'a", какъ называетъ себя негръ, не долженъ казаться страннымъ тому, кто знако̀мъ съ нравами африканцевъ. Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на положеніе дѣлъ въ негритянскихъ земляхъ Африки. Прежнее рабство чернокожихъ настолько возмущало насъ, что мы упускали изъ виду глубокое нравственное и умственное различіе между неграми и бѣлой расой. Антропологія признаетъ какъ положительный фактъ, который мы не можемъ игнорировать, что мозгъ негра менѣе развитъ, нежели у европейца. Такого рода факты должны приниматься въ разсчетъ. Всѣ негры по своему умственному развитію стоятъ наравнѣ съ 13 и 14-ти-лѣтними мальчиками въ Европѣ. До этого возраста они быстро развиваются, затѣмъ наступаетъ внезапное притупленіе способностей. Эти наблюденія подтверждаются тѣми, какія были сдѣланы въ странахъ, гдѣ негры пользуются полнѣйшей свободой. Такъ, напримѣръ въ Гаити имъ предоставлено распоряжаться собой съ во-

семнадцати лѣтъ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ въ Либеріи, они играютъ печальную карриkатурную роль среди цивилизованныхъ народовъ. Фактически черный африканецъ, находясь на свободѣ, все болѣе и болѣе погружается въ варварство и африканизируется тѣмъ легче, равно и его приближенные, какъ это доказываетъ преобладаніе „вудизма“ на Антиллахъ и даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Свободные негры все болѣе и болѣе отстаютъ отъ навязаннаго имъ въ свое время христіанства и возвращаются къ язычеству, проникнутому крайней степенью фанатизма (См. Ausland 1870, s. 968 и Piron. Cuba, s. 46—52). Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ вышесказаннаго могутъ служить вполнѣ одичалые „бушнеры“ или Марроны въ Гвіанѣ (См. A. Kappler, Holländisch—Guyana. Erlebnisse und Erfahrungen während eines 43 jährigen Aufenthalts in der Kolonie Surinam. Stuttgart 1881 s. 78—84).

Но само собою разумѣется, что на ряду съ этимъ нѣтъ недостатка въ единичныхъ примѣрахъ богато одаренныхъ личностей. Многіе негры засѣдаютъ въ палатѣ депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ и даже одинъ изъ нихъ въ сенатѣ, а въ 1873 году при закладкѣ госпиталя въ Санъ-Луи негромъ произнесена была нѣмецкая рѣчь, которая была встрѣчена громкими и единодушными изъявленіями восторга со стороны многочисленныхъ участниковъ торжества. Этотъ негръ выросъ и воспитался въ нѣмецкой семьѣ; и одинаково бѣгло говоритъ по-нѣмецки и англійски. Кромѣ того благодаря сношеніямъ съ нѣмцами онъ освоился съ различными нѣмецкими нарѣчіями и, по отзывамъ людей знавшихъ его, совершенно свободно владѣетъ нижне-нѣмецкимъ и даже швабскимъ нарѣчіемъ. Тѣмъ не менѣе дѣло далеко не легкое поднять „цвѣтнаго“ человѣка и прежняго раба на одинаковый соціальный уровень съ образованнымъ бѣлымъ. Не говоря уже о положительномъ нежеланіи большинства бѣлыхъ всѣхъ классовъ сравнять съ собой негра, сами чернокожіе затрудняютъ въ этомъ отношеніи своихъ сторонниковъ, которые изо всѣхъ силъ стараются открыть имъ доступъ къ высшимъ должностямъ. До сихъ поръ всего три „цвѣтныхъ“ кадета были приняты въ Военную Академію „Westpointer“. Первый оказался не состоятельнымъ на экзаменахъ; второй попалъ подъ слѣдствіе и проявилъ себя далеко не въ благовидномъ свѣтѣ; третій дѣйствительно получилъ чинъ лейтенанта и былъ опредѣленъ въ такъ называемый „цвѣтной“ полкъ. Впослѣдствіи его прикомандировали въ фортъ Девисъ въ Техасѣ, гдѣ онъ служилъ въ качествѣ провіантъ-мейстера и черезъ его руки проходили значительныя суммы денегъ. Но въ послѣднее время надъ нимъ назначенъ военный судъ, такъ какъ онъ обвиняется въ утайкѣ 2.300 долларовъ казенныхъ денегъ („Allgemeine Zeitung“ von 19 September 1881).

Нѣсколько иную картину представляютъ собой негры въ Бразиліи, гдѣ, по свидѣтельству Чуди, число ихъ (разумѣется совмѣстно съ ме-

тисами) доходитъ приблизительно до $2^1/_2$ милліоновъ душъ, что составитъ около трети всего населенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что численность ихъ уменьшилась не только сравнительно, но и абсолютно съ того времени какъ прекратился свободный ввозъ рабовъ, что объясняется отчасти эмансипаціей и частью сильнымъ преобладаніемъ мужскаго населенія, такъ что смертность не уравновѣшивается количествомъ рожденій. По общимъ отзывамъ у негровъ больше родится дѣтей женскаго пола, нежели мужского, и если послѣдній до сихъ поръ оказывался преобладающимъ, то причина этого заключалась въ торговлѣ невольниками, при которой въ страну было привезено болѣе значительное число мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Воспитаніе дѣтей, которое всегда лежитъ на хозяйкѣ дома, представляетъ далеко не легкую задачу; многимъ едва удается поднять четвертую часть ихъ, хотя разумѣется это происходитъ не отъ недостатка заботливости, потому что здѣсь ребенокъ — наростающій капиталъ.

Самымъ критическимъ временемъ оказывается всегда переходъ отъ материнскаго молока, къ обыкновенной пищѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ негритянскія дѣти чувствительнѣе, нежели потомки другихъ расъ. Хотя негры распространены во всей странѣ, но они преимущественно скучены въ провинціяхъ, гдѣ воздѣлываніе сахара составляетъ или вѣрнѣе составляло (въ настоящее время оно въ упадкѣ) главную отрасль промышленности, какъ, напримѣръ, въ Бахіа и Пернамбуко. Во многихъ округахъ этихъ провинцій они образуютъ собою абсолютное большинство населенія, и это тѣмъ болѣе должно приниматься въ разсчетъ, что ихъ вообще нужно считать самой сильной изъ всѣхъ расъ. Это относится собственно къ негритянскому населенію провинціи Бахіа, состоящему большею частью изъ такъ называемыхъ минасъ-негровъ, которые привезены сюда изъ португальскихъ факторій Ангола. Они представляютъ собой чрезвычайно сильную и красивую расу людей обоего пола, которые въ нравахъ, языкѣ и умственныхъ способностяхъ, безусловно сохранили африканскій характеръ и сами по себѣ могутъ считаться какъ-бы отдѣльной націей. Это обстоятельство должно неизбѣжно оказать извѣстнаго рода вліяніе для будущности, особенно послѣ отмѣны рабства.

Что касается образа жизни чернокожихъ, то мы узнаемъ отъ Чуди, что формальные браки между неграми составляютъ рѣдкость. Въ былые времена рабовладѣльцы заботились о томъ, чтобы супружества ихъ рабовъ были освящены церковью. Но теперь они совершенно отстали отъ этого обычая, потому что негръ не хочетъ быть связаннымъ на всю жизнь; и такъ какъ католическіе церковные браки неразрывны, то они вели къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ и нравственной распущенности. Такимъ образомъ неграмъ была предоставлена свобода жить подобно „стадамъ скота въ пампасахъ“; по отзыву опытныхъ рабовладѣльцевъ, этимъ путемъ естественнаго подбора получается

самое сильное и здоровое потомство. Это отвращеніе къ законному супружеству проявляется также большею частью у роскошныхъ и сладострастныхъ мулатокъ; онѣ очень рѣдко выходятъ замужъ, такъ какъ первобытный видъ брака, болѣе подходитъ къ ихъ склонностямъ и даетъ имъ возможность мѣнять мужей безъ стѣсненія. Ихъ распущенной жизни способствуетъ и то обстоятельство, что онѣ очень часто остаются безплодными, что̀ составляетъ довольно обычное явленіе при проституціи.

Одежда рабовъ очень проста и заключается въ штанахъ изъ легкой матеріи, цвѣтной рубашки, ситцевой куртки и соломенной шляпы, для прикрытія головы. Женщины носятъ рубашки ослѣпительной бѣлизны, пеструю юбку; и при этомъ набрасываютъ на плечи платокъ, сложенный красивыми и живописными складками. Живущія на свободѣ негритянки, кромѣ того, повязываютъ голову кускомъ сукна, въ видѣ тюрбана, а свободные мужчины носятъ башкаки. Рабы не имѣютъ права носить обувь; поэтому первое, что пріобрѣтаетъ вольноотпущенный рабъ — это башмаки. Нарядившись въ башмаки, онъ проникается высокомѣріемъ и считаетъ постыднымъ для себя заниматься работами, которыя онъ исполнялъ прежде, въ качествѣ раба. По законамъ страны, отпущеніе на волю рабовъ не представляетъ ни какихъ затрудненій, и вольноотпущенному предоставлена полная возможность избрать любую карьеру, такъ какъ темнокожимъ открыты всѣ пути для достиженія высшихъ должностей и почета. Отпущеніе на волю рабовъ составляетъ здѣсь, по видимому, довольно обычное явленіе, потому что по свидѣтельству Клёдена, число свободныхъ цвѣтныхъ въ странѣ доходитъ до 1.121.000. Не подлежитъ сомнѣнію, что это число могло быть еще значительнѣе, въ виду того, что многимъ неграмъ, такъ называемымъ „negros de ganho“ не стоило бы большаго труда скопить умѣренную сумму, требуемую для выкупа на волю; но они обыкновенно предпочитаютъ пропить или проиграть свой заработокъ.

Самое ужасное явленіе представляетъ собою такъ называемое „capoeiragem“ свободныхъ негровъ, рабовъ и мулатовъ, которое есть ничто иное, какъ союзъ убійцъ, крайне своеобразнаго рода. Они рыскаютъ по улицамъ, какъ помѣшанные, чтобы удовлетворить свою неудержимую кровожадность, и убиваютъ всякаго, кто случайно попадется имъ на пути: „цвѣтного или бѣлаго, бразильца или чужестранца. Если пало нѣсколько жертвъ, то „capoeiros“ безслѣдно исчезаютъ; нерѣдко случается, что подобный убійца, нѣсколько минутъ спустя послѣ совершеннаго имъ злодѣянія, прислуживаетъ своему господину съ самымъ невиннымъ лицомъ, какъ будто онъ цѣлый день не выходилъ изъ дому. По мнѣнію Чуди „capoeiragem“ перенесено изъ Африки въ Бразилію нѣкоторыми негритянскими племенами; оно также напоминаетъ намъ во многихъ отношеніяхъ „бѣгъ амоковъ“, встрѣчае-

мый у малайцевъ въ Остъ-Индскомъ Архипелагѣ. Вообще здѣсь случается довольно часто, что рабы, безъ особеннаго повода, убиваютъ господъ; но въ то же время нужно замѣтить, что число рабовъ убитыхъ господами, ни въ какомъ случаѣ не меньше. Иногда негры, работающіе на плантаціи, прибѣгаютъ къ своеобразной мести противъ своего господина, которая состоитъ въ огульномъ самоубійствѣ. Такъ, напримѣръ, рабы которой либо фаценды, сговорившись между собой, отравляютъ себя съ величайшимъ стоицизмомъ. Г. Чуди сообщаетъ, что у одного плантатора, извѣстнаго своимъ кроткимъ обращеніемъ, негры чуть-ли не ежедневно умирали дюжинами отъ самоотравленія.